

1891 годъ.

Сентябрь.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ,
МУЗЫКАЛЬНЫЙ

и

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„АРТИСТЪ.“

(Годъ 3).

№ 15.-17

МОСКВА.

Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко, Пименов. ул., соб. д.
1891.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
I. САМЪ У СЕБЯ ПОДЪ СТРАЖЕЙ, ком. въ 3-хъ д. Д. Педро Кальдерона де ла Барна перев. С. А. Юрьева. Дѣйствіе 1.	1
II. НЕ ТО . . . повѣсть Д. Н. Мамина (Сибиряка)	9
III. 225 ЛѢТЪ ПАРИЖСКАГО САЛОНА И ПОСЛѢДНІЙ САЛОНЪ ВЪ 1891 г. (съ рисунками) ст. Глаголя	21
IV. ЛИЦЕДѢИ, театральные очерки П. М. Свободина	32
V. ЛЕРМОНТОВЪ, КАКЪ ДРАМАТУРГЪ. ст. И. И. Иванова.	42
VI. ПРОТОТИПЫ ФОЛЬСТАФА, ст. проф. Н. И. Стороженна.	48
VII. ТЕХНИКА ДРАМЫ, Г. Фрейтага перев. В. М. Спасской	58
VIII. БРАВЫЙ ФРИЦЪ. Разсказъ А. С. Кушнерева	67
IX. ШЕКСПИРЪ НА СЦЕНѢ МЮНХЕНСКАГО ТЕАТРА Ст. Э. Э. Матернъ (Съ рисунками).	82
X. IMPROMPTU, для ф.-п. А. С. Аренскаго.	87
XI. СУМЕРКИ. Романсъ для пѣнія и ф.-п. Дарстона.	90
XII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. (Мысль и софистика. Промежуточная литература. Первые шаги пов. г. Станюковича. Артистка, ром. г-жи М. Крестовской. Мимочка на водилъ, очеркъ М. В. Брагъ единственнаго сына. Сказка дѣйствительности Вас. И. Немировича-Данченко. Въ отъѣздъ. Разск. П. Д. Боборыкина. Учитель жизни. Пов. г. Каролина. Грусть. Ст. г. К. Ни литературныхъ хмбахъ. Пов. Вл. И. Немировича-Данченко. The modern Novelists of Russia by Turner. Декамеронъ. Бокаччо. Гете и его время. Лекціи А. Шахова). И. И. Иванова.	93
XIII. БИБЛЮГРАФІЯ. (Ж. Можень и В. Менъ: Скрипка, альта, відомончель, контрбасъ и гитара. А. М. Додоновъ. Руководство къ правильной постановкѣ голоса. В. П. Гуторъ. Въ ожиданіи реформы мысли о задачахъ музыкальнаго образованія. Периодическая печать о театрѣ и искусствѣ вообще. Алфавитный списокъ драматическимъ сочиненіямъ, безусловно разрѣшеннымъ къ представленію съ 1 апрѣля по 1 августа 1891 г. Новыя пьесы: Баба, др. кн. Голыцына. Бабье царство к. г. Бентовина. Безумный бракъ, др.—Будущая знаменитость, ш. в. Шустова. Бѣби к. Н. Северина. Вертепъ природы к. г. Карбева. Вытурилъ ш. гт. Грессеръ и Чиркова. Докторъ Козъ. Заслуженный урокъ. Иванъ да Марья. Комнатка со всеми удобствами. Ку-ку. Къ чему? Ложный путь. Любительскій спектакль. Мачиха съ западня. Мотылекъ. Передъ спектаклемъ. По памятной книжкѣ. Послъ ужина горчица. Суди его Богъ! Таинственный убійца).	113
XIV. СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. (Элеонора Дузе ст. И. И. Иванова.—Драматическіе курсы при Москов. Театр. Училищѣ. Ст. Т.—Картинная выставка лѣтняго сезона 1891 г. Ст. Глаголя.—М. К. Заньковецкая. Ст. В. Е. Ермилова. Театръ г. Корша. Открытіе сезона. „Тяжелые дни“. Ст. Р. С. Т. По вопросу о новомъ уставѣ Академіи Художествъ. Ст. Глаголя. Французская оперная группа въ саду „Эрмитажъ“, ст. С. Н. Кругликова).	122
XV. ХРОНИКА (Москва.—Петербургъ.—Провинціальная хроника.—Корреспонденціи изъ Дерпта, Каменца - Подольска, Кіева, Луцка, Нижняго-Новгорода, Одессы, Радина, Ростова на Дону и Тифлиса. Радичевскій музей.—Артистическая поѣздка г-жи Савиной.—Заграничная хроника. Корреспонденція изъ Парижа)	148

ПРИЛОЖЕНІЯ:

XVI. ДОКТОРЪ ШТОКМАНЪ. Др. въ 5 д. Г. ИБСЕНА, перев. Н. Мировичъ.	1
XVII. ЖИЗНЬ ИЛИМОВА. Др. въ 5 д. В. С. Лихачова.	68
Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. (Драмы). . . (стр. 17—18).	
XVIII. ГРУППА ГГ. АРТИСТОВЪ МОСКОВСКАГО МА- ЛАГО ТЕАТРА. (фототипія съ природы).	}
XIX. НАЕМЪ ПРИСЛУГИ, картина В. Е. Мановскаго (передвижн. выст. 1891 г.).	
XX. ДОЖДЬ, картина И. И. Шишкина (передвижн. выст.).	
XXI. СТРАННИКЪ, картина академика И. Пелевина (академич. выст. 1891 г.). Фото- типія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К ^о .	фототипія гг. Шереръ Набольць и К ^о въ Москвѣ.
XII. А. П. ЛЕНСКІЙ ВЪ РОЛИ ФОЛЬСТАФА рисун. А. П. Ленскаго. Автоти- пія г. Демчинскаго, въ С.-Петербургѣ. Виньетки и заставки работы Баше въ Парижѣ и П. О. Яблонскаго въ С.-Петербургѣ.	

Дозволено цензурой. Москва, сентябрь 1891 года.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ,
МУЗЫКАЛЬНЫЙ и ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
„АРТИСТЪ.“

(Годъ 3).

№ 15.

1891 годъ.

Сентябрь.

МОСКВА.

Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименов. ул., соб. д.

1891.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
I. САМЪ У СЕБЯ ПОДЪ СТРАЖЕЙ, ком. въ 3-хъ д. Д. Педро Кальдерона де ла Барна перев. С. А. Юрѣва. Дѣйствіе 1.	1 ✓
II. НЕ ТО . . . повѣсть Д. Н. Мамина (Сибиряка).	9
III. 225 ЛѢТЪ ПАРИЖСКАГО САЛОНА И ПОСЛѢДНІЙ САЛОНЪ ВЪ 1891 г. (съ рисунками) ст. Глаголя	21
IV. ЛИЦЕДѢИ, театральные очерки П. М. Свободина	32
V. ЛЕРМОНТОВЪ, КАКЪ ДРАМАТУРГЪ, ст. И. И. Иванова.	42 ✓
VI. ПРОТОТИПЫ ФОЛЬСТАФА, ст. проф. Н. И. Стороженна.	48 ✓
VII. ТЕХНИКА ДРАМЫ, Г. Фрейтага перев. В. М. Спасской	58
VIII. БРАВЫЙ ФРИЦЪ. Разсказъ А. С. Кушнерева	67
IX. ШЕКСПИРЪ НА СЦЕНѢ МЮНХЕНСКАГО ТЕАТРА Ст. Э. Э. Матернъ (Съ рисунками).	82
X. IMPROMPTU, для ф. п. А. С. Аренскаго.	87
XI. СУМЕРКИ. Романъ для пѣнія и ф. п. Дарстона.	90
XII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. (Мысль и софистика. <i>Промежуточная</i> литература. <i>Первые шаги</i> пов. г. Станюковича. <i>Артистка</i> , ром. г-жи М. Крестовской. <i>Мимочка на водахъ</i> , очеркъ М. В. Братъ <i>единственнаго сына</i> . Сказка дѣйствительности Вас. И. Немировича-Данченко. <i>Въ отъѣздъ</i> . Разск. П. Д. Боборыкина. <i>Учитель жизни</i> . Пов. г. Каролина. <i>Грусти</i> . Ст. г. К. <i>На литературныхъ хмѣлахъ</i> . Пов. Вл. И. Немировича-Данченко. The modern Novelists of Russia by Turner. <i>Декамеронъ</i> . Бокаччо. <i>Гете и его время</i> . Лекціи А. Шахова). И. И. Иванова.	93
XIII. БИБЛИОГРАФІЯ. (Ж. Можень и В. Мень: <i>Скрипка, альтъ, віолончель, контрбасъ и гитара</i> . А. М. Додоновъ. <i>Руководство къ правильной постановкѣ голоса</i> . В. П. Гуторъ. <i>Въ ожиданіи реформы мысли о задачахъ музыкальнаго образованія</i> . Периодическая печать о театрѣ и искусствѣ вообще. Алфавитный списокъ драматическимъ сочиненіямъ, безусловно разрѣшеннымъ къ представленію съ 1 апрѣля по 1 августа 1891 г. Новыя пьесы: <i>Баба</i> , др. кн. Голицына (<i>Бабе царство</i> к. г. Бентовина. <i>Безумный бракъ</i> , др., — <i>Будущая знаменитость</i> , ш. г. Шустрова. <i>Баби</i> к. Н. Северина. <i>Вертепъ юродивыхъ</i> к. г. Карѣва. <i>Вытурилъ</i> ш. гг. Грессеръ и Чирикова. <i>Докторъ Кохъ</i> . <i>Заслуженный урокъ</i> . <i>Иванъ да Марья</i> . <i>Комнатка со всеми удобствами</i> . <i>Ку-ку</i> . <i>Къ чему? Ложный путь</i> . <i>Любительскій спектакль</i> . <i>Мачиха въ западнѣ</i> . <i>Мотылекъ</i> . <i>Передъ спектаклемъ</i> . <i>По памятной книжкѣ</i> . <i>Послѣ ужина юрчица</i> . <i>Суди его Богъ! Таинственный убійца</i>).	113
XIV. СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. (Элеонора Дузе ст. И. И. Иванова. — Драматическіе курсы при Москов. Театр. Училищѣ. Ст. Т. — Картинныя выставки лѣтняго сезона 1891 г. Ст. Глаголя. — М. К. Запывковская. Ст. В. Е. Ермилова. Театръ г. Корша. Открытіе сезона. <i>Тяжелые дни</i> . Ст. Р. С. Т. По вопросу о новомъ уставѣ Академіи Художествъ. Ст. Глаголя. Французская оперная труппа въ саду „Эрмитажъ“, ст. С. Н. Кругликова).	122
XV. ХРОНИКА (Москва. — Петербургъ. — Провинціальная хроника. — Корреспонденціи изъ Дерпта, Каменца - Подольска, Кіева, Луцка, Нижняго-Новгорода, Одессы, Радина, Ростова на Дону и Тифлиса. Радищевскій музей. — Артистическая поѣздка г-жи Савиной. — Заграничная хроника. Корреспонденція изъ Парижа).	148

ПРИЛОЖЕНІЯ:

XVI. ДОКТОРЪ ШТОКМАНЪ. Др. въ 5 д. Г. ИБСЕНА, перев. Н. Миревичъ.	1 ✓
XVII. ЖИЗНЬ ИЛИМОВА. Др. въ 5 д. В. С. Лихачова.	68 ✓
Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. (Драмы). . . (стр. 17—18).	
XVIII. ГРУППА ГГ. АРТИСТОВЪ МОСКОВСКАГО МАЛАГО ТЕАТРА. (фототипія съ натуры).	}
XIX. НАЕМЪ ПРИСЛУГИ, картина В. Е. Мановскаго (передвижн. выст. 1891 г.).	
XX. ДОЖДЬ, картина И. И. Шишкина (передвижн. выст.).	
XXI. СТРАННИКЪ, картина академика И. Пелевина (академич. выст. 1891 г.). Фототипія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К ^о	}
XXII. А. П. ЛЕНСКІЙ ВЪ РОЛИ ФОЛЬСТАФА рисун. А. П. Ленскаго. Автотипія г. Демчинскаго, въ С.-Петербургѣ.	
Виньетки и заставки работы Баше въ Парижѣ и П. О. Яблонскаго въ С.-Петербургѣ.	

Доводено цензурою. Москва, сентябрь 1891 года.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на сезонъ 189¹/₂ года

на театральнй, музыкальнй и художественнй журналъ

„АРТИСТЪ“

(годъ 3-й).

Журналъ выходитъ по той же программѣ и при томъ же составѣ
сотрудниковъ.

Подписная цѣна за годъ (7 книгъ) 9 руб., съ доставкой и пересылкой 10 рублей.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 руб., послѣ полученія каждой
изъ первыхъ 2 книжекъ по 2 р. и послѣ 3-й—остальныя деньги.

Отдѣльные №№. по 2 руб.

Подписка на 1891 годъ продолжается—

новые подписчики на 1891 г. получаютъ всѣ №№ вышедшіе съ января 1891 года.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полныя комплекты журнала
за 1890 годъ (№№ 5—11) продаются въ редакціи по 9 р. за экзем., съ
пересылкою по 11 руб 20 к., съ наложеннымъ платежемъ—11 р. 40 к.
По такой же цѣнѣ продаются и полныя комплекты журнала за сезонъ
189⁰/₁ г. (№№ 8—14).

За распродажей всѣхъ экземпляровъ № 4, продажа полныхъ комплектовъ
1-го сезона 18⁸⁹/₉₀ года (№№ 1—7) прекращена. Лица желающіе приобрѣсти 1-й се-
зонъ 18⁸⁹/₉₀, безъ № 4 (остальныя шесть №№ 1—3 и 5—7) платятъ 7 р. 75 к.,
съ пересылкой 10 р., съ наложеннымъ платежемъ 10 р. 20 к.

Лица, желающія приобрѣсти 10 книгъ, вышедшихъ въ 1890 и 1891 гг.
(№№ 5—14) платятъ 13 руб., съ пересылкой 16 руб., съ наложеннымъ платежомъ
16 руб. 40 коп.; желающіе же приобрѣсти экз. всѣхъ существующихъ въ продажѣ
книгъ журнала (13 книгъ №№ 1—3 и 5—14) платятъ 16 руб. 75 коп., съ пере-
сылкою 21 руб., съ наложеннымъ пл тежомъ 21 руб. 50 коп.

Подписка принимается и отдѣльные номера продаются въ конторѣ редакціи
(Москва, Будринская Садовая, д. Вартельсъ), въ отдѣленіяхъ конторы: въ кн.
магазинахъ „Новаго Времени“ въ С Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ и Харьковѣ и въ
конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи) и кромѣ того въ книжной лавкѣ
московскаго Большаго театра и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ, музыкальныхъ и
эстампныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ; въ Кіевѣ у г. Оглобина; въ
Казани у г. Дубровина; въ Костромѣ у г. Бекенева; въ Варшавѣ у г. Карбасникова;
въ Орлѣ и Курскѣ у г. Кашвина. Иногородніе благоволятъ обращаться исключи-
тельно въ контору редакціи.

„Театральная Библиотека“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПРОГРАММА.

1) Драматическія произведенія (трагедіи, драмы, комедіи и водевилы), одобренныя драматическою цензурою для представленія безусловно; 2) монологи, сцены и стихотворенія, одобренные драматическою цензурою къ публичнымъ чтеніямъ; 3) критика и библиографія; 4) практическія указанія режиссерамъ.

Въ каждой книгѣ помѣщается отъ 4 до 8 актовъ драматическихъ произведеній.

Отдѣльные номера—1 руб.

Цѣна за томъ (4 книжки) — 3 рубля.

Выписывающіе изъ редакціи (Москва, Кудрино, Садовая, домъ Бартельсъ), за пересылку не платятъ.

Подписная цѣна на журналъ „Театральная Библиотека“.

	На 12 мѣс.	На 8 мѣс.	На 4 мѣсца
Безъ доставки	3 руб.	2 руб.	1 руб. 50 коп.
Съ доставкой	4 „	3 „	2 „ — „

Подписка принимается ТОЛЬКО отъ подписчиковъ на журналъ „Артистъ“ и только на тѣ же сроки, на какіе они состоятъ подписчиками на журналъ „Артистъ“.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

Книга первая. (Май 1891 г.)

- „Въ мутной водѣ“, шутка въ 1 д. Н. С. Семенова.
- „Геніальная женщина“, шутка въ 1 д. А. Р. Г.
- „Подвижной лагерный сборъ“, карт. въ 1 д. Н. П. Неймана.
- „Послѣднее сокровище“ др. этюдъ въ 2 д. В. М. Михеева.
- „Три встрѣчи“, монологъ въ стихахъ М. И. Лаврова.

Книга вторая. (Іюнь 1891 г.)

- „Ахъ мужчины, мужчины!“ ком.-фарсъ въ 4 д., перед. изъ ком. Залеваго Н. А. Тихановымъ.
- „Осень“, ком. въ 3 д. В. М. Михеева.

Книга третья. (Іюль 1891 г.)

- „Автора въ театрѣ нѣтъ“, шутка въ 1 д. И. А. Щеголова.
- „Долгъ чести“, драма въ 1 д. П. Гейзе, перев. Э. Э. Матернъ.
- „Жить надобно“, шутка въ 1 д. В. В. Билибина.
- „Опасные люди“, драма въ 4 д. К. В. Назаревой.
- „Сюжетъ заимствованъ“, фарсъ въ 1 д. Н. В. Каменскаго и В. С. Пичинскаго.

Книга четвертая. (Августъ 1891 г.)

- „Камень при распутъи“, комедія въ 3 д. князя Н. П. Урусова.
- „Отставка“, шутка въ 1 дѣйствіи.
- „Обухъ“ („Ни съ того, ни съ сего“) („Nowy dziennik“), комедія въ 3 д. Балудцаго. Передѣлка для русской сцены Е. М. Б.-аго.
- „Вамъ такія сцены не знакомы?“ Сценка въ 1 д. соч. Н. А. Дрейфуса, перев. Н. А. Тиханова.

Вышла 5-я книжка (Сентябрь 1891 г.)

Содержаніе. „Душа—потемки“, житейскія сцены въ 3 д. М. П. Садовскаго. — „Исторія“, ком. въ 1 д. Пальмерона перев. А. Н. Плещеева. — „Нѣ въ добрый часъ“, ш. въ 1 д. И. Л. Щеголова. — „Мельхіоръ“, ком. въ 1 д. С. Меллеръ, перев. Н. Г. — „Похищеніе Сильфиды“, ком. въ 1 д. В. Холостова. — „Незадачный денекъ“, ш. въ 1 д. Н. В. Каменскаго.

Издатель О. А. Куманинъ.

Отвѣтственный редакторъ И. И. Петровъ.

Handwritten text, possibly a signature or name, enclosed in a rectangular box.

Самъ у себя подъ стражей.

Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

Донъ Педро Кальдерона дель Барка,

приспособленная къ сценѣ

С. А. Юрьевымъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Король Неаполитанскій.

Маргарита, дочь Неаполитанскаго короля, наслѣдница престола.

Король Сицилійскій.

Фредерикъ, братъ Сицилійскаго короля и наслѣдникъ престола.

Елена, владѣтельница дама, родственница Неаполитанскаго короля.

Серафима, служанка Маргериты.

Роберто, слуга Фредерика.

Енрике,

Лионель, } слуги Елены.

Генераль.

Капуцинъ.

Бенито, крестьянинъ.

Антонія, крестьянка.

1 } солдаты.

2 }

1 } крестьяне.

2 }

Солдаты, музыканты, крестьяне.

Дѣйствіе происходитъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА 1-я.

Лѣсъ, скалы. Голоса за сценой.

1-й голосъ. Боже мой! Какой ужасъ!

2-й голосъ. Милосердный Боже, помилуй!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Фредерикъ и Роберто.

Роберто. Сеньоръ, вы жестоко ушиблись.

Фредерикъ. Жаль, что не до смерти! Жестокая судьба на бѣду пощадила меня.

Роберто. Не ропщите, сеньоръ! Да сохранить васъ Господь отъ всѣхъ бѣдъ и напастей. Пока живъ человѣкъ, онъ все еще не

можетъ не надѣяться, что онъ рано или поздно, а восторжествуетъ надъ враждебною судьбой.

Фредерикъ. Нѣтъ, Роберто, смерть — мое единственное спасеніе, она только можетъ положить конецъ моимъ страданьямъ. Зачѣмъ на этомъ роковомъ турнирѣ убитъ не я, а гордый мой соперникъ Педро де Сфорце, я бы не былъ бѣглецомъ, не скрывался бы, какъ злодѣй, въ лѣсу. Не раздавила-же меня лошадь, скатаясь съ этой скалы! И нужно было кому-то чуду спасти меня... Ты дивишься моимъ словамъ? Да, ты вдумайся хорошенько въ мое положеніе! Во-первыхъ, я навсегда лишился Маргериты, этой прелестной, очарователь-

ной Маргариты, этого небеснаго цвѣтка, этой земной звѣзды! Во-вторыхъ, я безъ лошади, безъ пищи скитаюсь въ лѣсу, словно дикій звѣрь. Навѣрно послана за нами погоня и меня ежеминутно можетъ выдать мое золотое вооруженіе. Страшно подойти къ человѣческому жилищу, меня могутъ узнать и предать врагамъ. Что тогда? Весь гнѣвъ короля обрушится на меня. На мнѣ онъ выместитъ и смерть племянника, и долгую вражду къ нему моего брата. Она, эта проклятая вражда принудила меня такъ тайнственно явиться ко двору здѣшняго короля и биться на этомъ несчастномъ турнирѣ, скрывъ и санъ мой и имя! Эта вражда не дозволила мнѣ пировать открыто на праздникѣ. Что я говорю: на праздникѣ?! Это не праздникъ, а страшная трагедія, которую начались мои страданія.

Роберто. Сообразивъ все, я ясно вижу, синьоръ, ваше положеніе, и, не ошибаясь нисколько, вторично утверждаю, что оно во сто разъ лучше смерти. Есть возможность выдти изъ затрудненія.

Фредерикъ. А какимъ образомъ?

Роберто. Вотъ какимъ: никто насъ не знаетъ, никто васъ не видалъ въ Неаполѣ. Снимите съ себя всѣ рыцарскія доспѣхи, сложите ихъ гдѣ-нибудь тутъ въ лѣсу подъ деревьями, прикройте ихъ хорошою вѣтвями и листьями, такъ, чтобы ихъ не могли замѣтить и ступайте въ ближайшую деревню. Тамъ скажите, что васъ совсѣмъ ограбили разбойники, которыхъ такъ много здѣсь, скажите, что они сняли съ васъ почти всю одежду. Такимъ образомъ вы возбудите сожалѣніе къ себѣ въ простодушныхъ крестьянахъ; они еще пожалуй васъ полюбятъ и вы такимъ образомъ ускользнете отъ всякихъ преслѣдованій. Я же, увѣрившись, что вы въ безопасности, отправлюсь ко двору. Тамъ вывѣдаю все, что касается предмета вашей любви, все, что дорого вашему сердцу, и соберу ваши драгоценныя вещи, которыя не будутъ лишними теперь для насъ.

Фредерикъ. Участь моя была бы въ десять разъ хуже, когда бы не было у меня такого друга, какъ ты. Ты для меня великое утѣшеніе!... Сдѣлаю все, что ты совѣтуешь: оставлю все вооруженіе здѣсь въ лѣсу. Не только простодушные крестьяне, но и сами скалы почувствуютъ ко мнѣ состраданіе, когда увидятъ меня въ рубищѣ. Горе и тоска о Маргаритѣ неудержимо вырываютъ изъ груди моей вопли—и мнѣ не нужно будетъ ихъ удерживать. Всѣ будутъ думать, что я плачу о погибшемъ богатствѣ, и стоны мои не выдадутъ моей тайны.

Роберто. Отойдите-же туда, тамъ васъ не замѣтятъ, а здѣсь вы на виду. Солнце ужъ начинаетъ золотить своими лучами вершины горъ.

Фредерикъ. А ты, мой другъ, какъ пой-

дешь во дворецъ, скажи принцессѣ Маргаритѣ, что я самъ себя презираю, самъ себя почитаю ничтожнымъ, пустымъ, легкомысленнымъ человѣкомъ, недостойнымъ ея за то, что не умеръ, потерявъ надежду назвать ее своею.

Фредерикъ и Робертъ уходятъ.

СЦЕНА 2-я.

Другое мѣсто въ лѣсу.

Входятъ Елена, Енрике и Лионель (въ въ дорожной одеждѣ).

Елена. Пока лошади отдыхаютъ и освѣжаются водами этихъ прозрачныхъ источниковъ, ты, Лионель, спѣши въ Бельфлоръ и тамъ расскажи о моемъ несчастіи, всѣмъ объяви, что мы желаемъ поселиться среди этихъ горъ. *(Лионель уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ-же, кромѣ Лионеля.

Елена *(продолжаетъ).* Дай Богъ, чтобы здѣшніе крестьяне не заставили меня сожалѣть о томъ, что я рѣшилась удалиться сюда.

Енрике. Я не былъ въ Неаполѣ во время этихъ несчастныхъ праздниковъ, а потому, съ вашего позволенія, синьора, беру смѣлость просить васъ: расскажите мнѣ о вашемъ несчастіи. Ничто такъ не облегчаетъ страданій, какъ рассказъ о нихъ тому, чье сердце готово раздѣлить печаль.

Елена. Если такъ, слушайте, Енрике. Смерть несчастнаго принца Генриха, наслѣдника этого королевства, была возвѣщена всей Италиі. Общая печаль, краснорѣчивый отвѣтъ на такую вѣсть, была предтечей другому горю, столь-же великому. Неаполитанскій король, лишившись сына и сообразивъ, что и самъ онъ близокъ къ смерти, рѣшился доставить Маргаритѣ, единственной своей наслѣдницѣ, супруга, который былъ бы ея достоинъ. Съ этой цѣлю онъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ итальянскихъ принцевъ. Всѣ спѣшили на это приглашеніе, никто не замедлил явиться, и всѣ были поражены красотою принцессы. Сильнѣе всѣхъ ощутилъ на себѣ чарующую силу ея красоты мой братъ Педро Сфорце и вы знаете его пламенную храбрость; онъ тотчасъ разослалъ кличъ по всей Европѣ, вызывая всѣхъ рыцарей христіанства на турниръ, на которомъ онъ обѣщался доказать своимъ рыцарскимъ копьемъ, что во всемъ мірѣ нѣтъ принцессы, которая могла бы сравняться красотою съ Маргаритой, и наравнѣ съ нею была бы достойна любви. Женщины должны извинить такое гордое мнѣніе влюбленнаго рыцаря о своей красавицѣ; каждый изъ нихъ долженъ такъ думать о дамѣ своего сердца. На этотъ вызовъ стеклись самые знаменитые, самые доблестные рыцари, самые храбрые и могучіе принцы со всей Евро-

ны, и въ ожиданіи турнира, каждый день съ утра и до ночи были маскарады, игры, пиры и сарао. Однажды ночью, или лучше вечеромъ, когда уже всѣ сѣли за столъ и музыка загремѣла, вдругъ входитъ въ залу блестящій рыцарь, всѣ удивлены! Глаза всѣхъ не отрываются отъ него, «кто это, кто?» слышится со всѣхъ сторонъ. Лицо его было закрыто до глазъ. Такъ остался онъ до конца пира. Когда встали изъ-за стола, онъ попросилъ Маргариту пройти съ нимъ и подаль ей руку. Она согласилась и послѣ небольшой прогулки онъ привелъ ее опять на то же мѣсто, откуда взялъ, потому, когда она выразила ему обычную благодарность, онъ всталъ за ея кресломъ. Тогда выступилъ мой братъ, желая занять мѣсто неизвѣстнаго никому рыцаря, а тотъ, не открывая своего лица и положивъ руку на мечъ, сказалъ: «кромя меня никто не достоинъ мѣста, которое я теперь занимаю и никто его не займетъ». Братъ мой хотѣлъ отвѣчать, но герцогъ и вельможи встали между врагами и неизвѣстный медленно удалился, не открывая своего лица, такъ что никто и до сихъ поръ не могъ проникнуть тайны и догадаться кто онъ? Наконецъ день турнира насталъ и на главную площадь стеклось такое множество народа, какого кажется не видалъ и Римъ въ своемъ Колизеѣ. На правой сторонѣ площади была воздвигнута палатка, покрытая парчой. Изъ палатки показался мой братъ на конѣ. Онъ сидѣлъ на немъ такъ твердо, такъ ловко, что казалось онъ и конь составляли одно существо. Много знаменитыхъ рыцарей съ дознами любви на щитахъ и шлемахъ являлись на аренѣ. Много было переломлено копій! Наконецъ выступилъ таинственный рыцарь. Взоры всѣхъ обратились на него, онъ пригласилъ моего брата, до сихъ поръ побѣдителя, переломить съ нимъ копье. Братъ разувѣтается съ восторгомъ принялъ такой вызовъ, противники встали другъ противъ друга. Ихъ лошади сторожили уши и ждали звука трубъ, какъ бы знакомаго и понятнаго для ихъ языка, скребли отъ нетерпѣнія копытами, точно они пылали тою же ревностію и ненавистію другъ къ другу, какъ и ихъ всадники — соперники въ любви. И вотъ они мчатся другъ на друга, сшибаются, сливаются въ какое-то безформенное цѣлое, въ которомъ не отличишь одного всадника отъ другаго. Черезъ минуту они опять на прежнихъ мѣстахъ, и на аренѣ между ними раздробленные и разметанныя части ихъ изломанныхъ копій. Брату и его сопернику подали новое оружіе для новой схватки. Въ ту жъ минуту, въ одно мгновеніе кипящіе нетерпѣніемъ кони, не ожидая, чтобъ отворили барьеръ, перемахнули черезъ него, и всадники сшиблись. Я не буду рассказывать этой битвы. Скажу только, что не прошло одной секунды, и уже забрало шлема мо-

его брата было разломано ударомъ копья, которое разможило ему голову и лицо, и онъ мгновенно упалъ съ лошади и своею горячею кровью обливалъ песокъ, на которомъ лежалъ. Тогда зрители раздѣлились на двѣ партіи, одна кричала: «мищеніе злодѣю», другая защищала его, а онъ ловко скрылся. Куда онъ бѣжалъ? Гдѣ теперь? Никто не знаетъ! Чтобъ избѣжать моего неумолимаго гнѣва, моею безпощадной нести, онъ долженъ скрыться въ преисподнюю. Въ отчаяніи я тотчасъ рѣшилась бѣжать отъ того двора, гдѣ совершилось такое ужасное преступленіе, и вотъ я въ Бельфлорѣ. Не знаю успокоится-ли здѣсь мое сердце.

Еврике. Какое горестное происшествіе! Оно становится еще печальнѣе когда подумаешь, что не знаемъ гдѣ злодѣй.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ-же и Лионель *входитъ*.

Лионель. Бельфорскіе крестьяне, узнавъ о печальномъ событіи, которое привело васъ сюда, желаютъ доказать вашей свѣтлости свою преданность и повергнуть къ стопамъ вашимъ ихъ глубокое сочувствіе къ вашему горю.

Елена. Вотъ они идутъ. Отойдите на минуту, я желаю немного успокоиться, такъ взволновалъ меня печальный мой рассказъ. (*Елена, Еврике и Лионель уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Бенито, Антонія и нѣсколько крестьянъ *входятъ*.

Антонія. Да, Бенито голубчикъ, ты побогаче, поученѣ, половчѣе и поумнѣе всѣхъ, ты лучше всѣхъ увѣришь графиню, что мы очень жалѣемъ ее! Ты скажи, что мы давно ее ждали, что мы тосковали по ней, какъ по родной нашей матушкѣ.

Бенито. Это я-то долженъ сказать, что тосковалъ по ней, какъ по родной матушкѣ?.. Ну, ну, пожалуй махну.

Мапуцинъ. Скажи, что она прекрасна, какъ Венера и Діана, что ея братъ, вознеся рогъ своей гордыни превыше небесъ, палъ какъ свѣтлый фэтонъ.

Бенито. Изволь скажу.

Мапуцинъ. Скажи, что его убійца есть второй Иліагабалъ, второй Сарданапалъ.

Бенито. Скажу, изволь скажу, все, что хотите, скажу.

Антонія. Скажи, что мы молимъ небо о томъ, чтобы графиня прожила также долго какъ... какъ...

Мапуцинъ. Какъ Маусанлъ.

Бенито. Это вотъ хорошо! Скажу!

Антонія. Скажи, что общинный совѣтъ не выслалъ ей на встрѣчу музыкантовъ, не приготовилъ пира, потому что, дескать, знаетъ какъ нехорошо веселиться, когда графиня въ горѣ.

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Входятъ Елена, Енрике и Лионель.

Бенито (*Еленѣ*). Графиня! вы такъ хороши и... (*Откашливается.*) такъ... (*Старается сказать красиво.*) вкусны, что даже синьора Венера (*Старается припомнить.*) и.. Анна предъ вами—поломойки. Очень хорошо, что вы здѣсь теперь въ Вельфлорѣ, очень хорошо, что вы оставили Неаполитанскія празднества, коли вамъ тамъ напакостили, .. съ чѣмъ мы васъ и поздравляемъ,—мы въ восхищеніи!.. Пусть Богъ смилуется надъ вашимъ братомъ, а ему это очень нужно, потому что... (*Старается припомнить.*) его рогъ поднялся и онъ умеръ какъ... (*Остонамливается.*) какъ... (*Ему подсказываютъ: Фэтонъ.*) А?.. Фанфаронъ... но надо быть справедливымъ ко всѣмъ: убійца его былъ настоящимъ.. настоящимъ... (*Подсказываютъ: Ийаабаль.*) настоящимъ Ильчапало и (*Подсказываютъ: Сарданпалъ*) А?.. Сардана... (*подсказываютъ: палъ.*) А?.. Что упалъ!.. Ну да, чтобы тамъ не было!.. Дай Богъ вамъ графиня жить весело, добрътъ и толстѣтъ и столько лѣтъ, сколько жилъ, какъ бишь его? (*Подсказываютъ: Маусиль.*) А? Ма... а? (*Подсказываютъ: саль.*) Запялъ! (*Кланяется и отходитъ, потомъ опять подходитъ.*) Пойдите, графиня! Вотъ проклятая память, совсѣмъ было забылъ, общинный совѣтъ не даетъ вамъ ни музыкантовъ, ни обѣда... потому что вы горюете.

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Фредерикъ и Роберто входятъ.

Фредерикъ. Добрые люди и вы благородная дама, роскошная роза среди этихъ полевыхъ растений, будьте сострадательны ко мнѣ; душа моя изнемогаетъ отъ множества великихъ бѣдъ, и купецъ, теперь нищій, а былъ такъ богатъ, что одинъ изъ моихъ брилліантовъ стоилъ всѣхъ сокровищъ величайшаго изъ королей. Я прибылъ на Неаполитанскія празднества, думая что въ этомъ собраніи знаменитѣйшихъ принцевъ и рыцарей скорѣе сбуду мои товары. Желаніе мое исполнилось, я продалъ все за двойную цѣну. А теперь скажу: лучше бы мнѣ не приходило въ Неаполь и не получать барышей. Я думалъ, что я возвращусь на родину съ огромнымъ богатствомъ и великою честью. На свѣтѣ вѣдъ такъ ведется, добудь огромное богатство, а великая честь придетъ сама собою. Въ нашъ вѣкъ богатство и честь—одно и тоже. Но надежда моя была мимолетна, какъ и краса того цвѣтка, съ которыми я сравнилъ сейчасъ вашу красоту, синьора; въ минуту когда онъ торжествуетъ, гордясь своей роскошной красой, налетаетъ южный, знойный вѣтеръ, сушитъ его и онъ

никнетъ своею увядшею головкою. Да, графиня, я уже ликовалъ, воображая себя на родинѣ, забывая, что судьба любитъ смѣяться надъ всѣми расчетами людскими. Ахъ зачѣмъ мы дѣлаемъ предположенія, обдумываемъ, рассчитываемъ, когда судьба за насъ и думаетъ и рассчитываетъ и неожиданно неспровергаетъ все что мы устроимъ, когда вся наша жизнь во власти звѣздъ небесныхъ. Я шелъ этимъ дѣломъ и вдругъ предо мною толпа разбойниковъ. Я хотѣлъ защищаться, но два пистолетныя дула уперлись въ мою грудь. Тогда я какъ христианинъ, который понимаетъ, что добровольно отдать жизнь злодѣямъ значитъ совершить преступное самоубійство, я отдалъ имъ всѣ мои деньги. Этого было мало негодяимъ; они вообразили, что я спряталъ гдѣ нибудь въ моемъ платьѣ еще много денегъ, и сорвали съ меня всю одежду и оставили полунагимъ. Вотъ уже три дня питаюсь я среди этихъ скалъ травой и дикими плодами, наконецъ случай меня привелъ къ вамъ, синьора, и я хочу теперь испытать на себѣ правду ли говорить, что послѣ горя настаетъ радость, послѣ паденія—слава, послѣ усталости—покой; хочу узнать живеть-ли въ людяхъ состраданіе? Можно-ли страдальцу ожидать отъ нихъ утѣшенія?

Елена. Я сочувствую вашему горю, оно соединилось съ моимъ собственнымъ горемъ и сердце мое переполнилось ими и не можетъ вмѣстить ихъ обонхъ. Они вырвались изъ него и ему стало легче! Вашъ рассказъ наполнилъ мою душу какимъ-то утѣшеніемъ. Успокойтесь, ободритесь, вооружитесь терпѣніемъ и мужествомъ, вы въ моихъ владѣніяхъ: здѣсь вы можете поселиться и смѣяться надъ ударами судьбы. Я сама теперь пріѣхала сюда затѣмъ, чтобы оплакивать мои несчастія! Въ моихъ слезахъ вы найдете утѣшеніе себѣ, потому что не одинъ будете горевать. Я потеряла брата, брата повсюду славнаго своимъ мужествомъ, своими рыцарскими подвигами! Рука завистника убила его измѣннически. Лучшая хвала моему брату его имя!.. Это имя Педро де Сфорце.

Фредерикъ (*съ стороны*). Великій Боже, что я слышу?!

Елена. Никто до сихъ поръ не могъ узнать, кто этотъ убійца проклятый. Навѣрно какой нибудь злой духъ, исчадіе ада. Онъ исчезъ неизвестно куда!

Фредерикъ (*съ стороны*). Хорошо-же убѣжище выбралъ я для себя!

Елена. Должно быть онъ провалился сквозь землю.

Фредерикъ. Синьора! Одна и таже причина произвела два разныя дѣйствія на меня и на васъ: васъ утѣшило мое страданіе, а ваше страданіе увеличило мое. Да, кланусь Богомъ, я живо чувствую вашу печаль, такъ живо, что она слилась съ моимъ горемъ и удвоила

его... Я съ благодарностію принимаю ваше предложеніе остаться у васъ; тяжело богачу воротиться нищимъ на родину.

Бенито. Да постоитъ-же, да постоитъ-же!.. Какъ васъ? Господи въ лохмотьяхъ!.. Да долго-ли же наконецъ вамъ говорить? Не худобы вспомнить, что вѣдь я говорилъ какъ вы подошли сюда. Очень ужъ того... безцеремонно... прервать меня на самой срединѣ моей рѣчи и не давать говорить.

Елена (съ стороны). Сколько чувствъ у этого человѣка! Сколько скромности и мѣры у него во всемъ!.. по истинѣ его наружность, обращеніе мнѣ очень нравятся, и невольно влекутъ къ нему мое сердце!..

Бенито (Еленѣ). Да сохранить васъ Господь. Антонія. Бенито не съ тобой говорить.

Бенито. Ну такъ до другаго раза.

Елена (Фредерику). Кто вы такой?

Фредерикъ (съ одной стороны). Испанецъ.

Бенито (съ другой). Бенито.

Елена. Въ какомъ дѣлѣ?

Бенито. Я-то, Бенито-ли?

Фредерикъ. Да, синьора, я родился въ Барселонѣ.

Елена. Тотчасъ видно, что вы сынъ солдана. (Въ сторону.) Я не видала мужчины красивѣе его.

Бенито. Я-то сынъ солдана? Слишкомъ ужъ милостивы вы, синьора!.. Я готовъ!.. Все что вамъ угодно...

Антонія. Ты меня сведешь съ ума. Ну, да тебѣ-ли это говорить?!

Елена. Такъ вы принимаете мое предложеніе.

Фредерикъ. Синьора вы указали мнѣ такую гавань, гдѣ я забуду всѣ бури и напасти.

Елена (съ стороны). По его рѣчи можно заключить объ его высокомъ происхожденіи. Видно сейчасъ, какъ безукоризненно его происхожденіе, какимъ прекраснымъ вышелъ онъ на свѣтъ Божій!

Бенито. Да, я прекрасно вышелъ на свѣтъ Божій. Мать моя говоритъ, что много мучилась мною, я вышелъ на свѣтъ Божій часомъ впередъ.

Елена. Если не обманетъ меня надежда, если я достигну своей цѣли, если отомщу моему невѣдомому врагу, а вы знаете, что месть—величайшее наслажденіе для женщины, то даю вамъ слово, синьоръ Испанецъ, что я заставлю васъ забыть ваши несчастія.

Фредерикъ. Одной благосклонности вашей, синьора, достаточно, чтобы меня заставить все забыть.

(Вст, кромѣ Фредерика, уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ 9-е

Фредерикъ одинъ.

О, судьба! Въ какое положеніе ты меня поставила: та, которая жаждетъ моей смерти, дасть мнѣ жизнь; та, которая меня преслѣду-

етъ—покровительствуетъ мнѣ; та, которая хочетъ излить на меня весь свой гнѣвъ—меня укрываетъ!.. Хорошо!.. Я останусь! Преступникъ безопаснѣе тамъ гдѣ онъ совершилъ преступленіе: меньше поводовъ къ подоврѣнію.

СЦЕНА 3-я.

Неаполь. Зама во дворцѣ.

Неаполитанскій король, Маргарита и Серафима.

Маргарита. Оставьте меня, я хочу умереть!

Король. Подумай однако, Маргарита!..

Маргарита. Смерти, смерти я жажду, король! Одна смерть можетъ уничтожить мои страданія!

Король. Пожалуй ты и въ самомъ дѣлѣ умирешь, если все такъ будешь горевать. Надо же знать всему мѣру.

Маргарита. Пусть умру я, пусть убьетъ меня горе! Смерть уничтожитъ мои страданія.

Король. Послушай, Маргарита. Мы всѣ оплакиваемъ смерть Педро де Сфорце, мы всѣ горюемъ объ немъ, всѣ молимъ милосердное небо о мщеніи его убійцѣ, но... мы въ то же время благоразумно умѣемъ удерживать горе въ приличныхъ для насъ границахъ... Мы знаемъ себѣ цѣну, не позволяемъ горю выходить изъ повиновенія нашей воли, какъ и слѣдуетъ благовоспитаннымъ людямъ.

Маргарита. Я и вы, мы чувствуемъ различно... я знаю мое горе!

Король. Да утѣшься, милая моя!.. Попадись только злодѣи мнѣ въ руки, клянусь милосерднымъ небомъ, ты будешь удовлетворена.

Маргарита (съ стороны). Боже!.. О мое сокровище, о Фредерикъ!

Король. Ну что-жъ? Довольна-ли ты этимъ?

Маргарита. Дѣлайте что хотите—я на все согласна! Ищите злодѣя—пусть гибнетъ. (Въ сторону.) О Боже! Не допусти до этого!.. Едва могу скрыть, какъ дорога мнѣ жизнь Фредерика.

(Входятъ генералъ, начальникъ тѣлохранителей короля и Роберто.)

Генералъ. Государь, вы изволили обнаружить, что тотъ, кто укроетъ убійцу его высочества синьора де Сфорце, кто, зная гдѣ онъ, не объявитъ о томъ, будетъ казненъ какъ государственный изиѣнникъ. Въ исполненіе такого милостиваго повелѣнія вашего величества, мнѣ заявлено, что вотъ этотъ молодецъ—слуга преступника.

Король. А!.. Теперь-то мы все узнаемъ.

Роберто. Точно, сознаюсь, ваше величество, я въ услуженіи у одного рыцаря; но, какъ вѣрный слуга—его не выдамъ. Ни за что на свѣтѣ я не скажу кто онъ.

Король. Какъ не скажу?.. Самъ-то ты кто?

Роберто. Я иностранецъ и пріѣхалъ въ Неаполь только затѣмъ, чтобъ полюбоваться празднествами, которые вы изволили устроить.

Король. А я-то кто?

Роберто. Вы король Неаполитанскій.

Король. Какъ-же?.. Какъ-же ты королю-то не скажешь: кто твой господинъ? Скажите пожалуйста!.. Какъ-же королю то не сказать, когда онъ того хочетъ!.. Это... это... это не видно и не слышно... Послушайте, что-же это такое... Врешь, ты мнѣ скажешь кто твой господинъ.

Роберто. Я не знаю кто мой господинъ!

Король. Какъ не знаешь, если ты его слуга?

Роберто. Что-жъ изъ того, что я его слуга? Я вѣдь служу не его имени... Я знаю только одно, что служилъ и служу доброду и благородному рыцарю, а какъ его зовутъ, о томъ не осведомлялся, да и надобности не было!

Король. Какъ такъ!.. Вотъ что!.. Удивительное дѣло!

Роберто. Я поступилъ къ нему на службу здѣсь, а здѣсь никто его не знаетъ, и самъ онъ никому не говорилъ какъ его зовутъ.

Король. Вотъ штука-то какая!.. Скажите на милость!

Генераль. Посмотрите, ваше величество, какой онъ плутъ!—О, думаетъ обмануть васъ! Посмотрите какія драгоценныя вещи мы у него нашли. (*Показываетъ шкатулку съ бриллиантами, между которыми лежитъ письмо.*) Эти вещи не его. У кого такія богатства тотъ въ слуги не пойдетъ! Ясно, что эти бриллианты принадлежатъ его господину. Мало-извѣстному человѣку такихъ сокровищъ не до-вѣрятъ, значитъ онъ давно служитъ у своего господина и знаетъ какъ его зовутъ.

Король. Въ самомъ дѣлѣ!

Роберто. Какимъ бы славнымъ сыщикомъ вы были, генераль?

Король. Что, братъ?.. а?.. Видно отъ тебя ничего не узнаешь добромъ, отвѣдаешь, голубчикъ, и худа! Погоди, погоди, все расскажешь... Ты видно еще не знаешь, что такое король. Пойдите, пойдите, что это тамъ за бумажка... что это за письмо?.. Давайте-ка его сюда! Оно можетъ быть и повыскажетъ что-нибудь! (*Внимаетъ изъ ящика письмо.*)

Маргарита (съ стороны). Боже мой! Это должно быть его письмо!.. Я вся дрожу!.. Онъ открытъ и погибъ!

Король (Маргеритѣ). Видишь-ли ты это?

Маргарита (съ стороны). Вижу мою бѣду.

Король. Это—письмо!

Маргарита (вслухъ). Вижу. (*Въ сторону.*) Вижу мою бѣду!

Король (читаетъ). «Любезный братъ и король. Я посылаю это письмо съ Роберто для того, чтобы вы обо мнѣ не безпокоились. Я здоровъ. Я въ Неаполь, потому что хочу принять участіе въ турнирѣ, на который Педро де Сфорце созвалъ всѣхъ рыцарей и принцевъ. Ваша вражда съ Неаполитанскимъ королемъ заставляетъ меня быть на турнирѣ

«incognito. Я желаю переломить копье съ Педро де Сфорце. Лишь только кончится турниръ я буду у ногъ вашего величества. Да «сохранить Господь вашу жизнь. Фредерикъ, «наслѣдный принцъ Сициліи!» А! такъ вотъ онъ злодѣй-то самый, творецъ нашего горя!.. Мало того, что король Сициліи мнѣ врагъ, еще и братья-то его наносятъ намъ обиды, и повергаютъ насъ въ великое горе!..

Маргарита (съ стороны). Сердце, ты должно скрыть твое горе! Король не долженъ знать причины моихъ страданій. (*Вслухъ.*) Жестокій, безжалостный Фредерикъ! Твоя дерзкая рука, твоя безумная отвага убили меня! Ты, Фредерикъ, отнял у меня половину души, да наградишь тебя небо за это такой судьбой, какую тебѣ желаетъ мое сердце.

Король. Милая дочь моя, ты растрогала, сильно растрогала меня! (*Говоритъ генералу.*) Сыскать, непременно сыскать этого злодѣя. Повелѣваю огнемъ и мечемъ опустошить ту провинцію, въ которой можно только подозрѣвать, что скрывается злодѣй!

(*Король и генераль уходятъ.*)

Маргарита. Ахъ, Роберто, твоя вѣрность погубила насъ—зачѣмъ ты остался въ Неаполѣ? Зачѣмъ не истребилъ ты этого письма, подписаннаго рукою Фредерика? Развѣ ты не могъ его сжечь или разорвать?

Роберто. Я не ожидалъ, что такая бѣда случится. Я пришелъ сюда тайно, а хозяинъ гостинницы, въ которой я укрывался, обманулъ меня и донесъ, что я слуга того рыцаря, который жилъ у него во время празднествъ, не объявляя о своемъ имени, и потомъ неизвѣстно куда, скрылся. Всѣ торговые люди—шельмы. За деньги, за выгоды продадутъ своего благодѣтеля! Принцъ, написавъ это письмо, забылъ меня съ нимъ отправить.

Маргарита. Теперь всякая надежда погибла! (*Генераль входитъ.*)

Генераль (Робертъ). Король приказалъ тебя арестовать; онъ хочетъ еще кое-что развѣдать у тебя.

Маргарита. Да, не надо выпускать отсюда слугу такого принца! (*Тихо Робертъ.*) Будь покоенъ, я тебя освобожу.

Роберто (тихо Маргаритѣ). На васъ только и надежда. (*Генераль и Роберто уходятъ.*)

Серафима. Я слушаю васъ, слушаю и ничего не понимаю. Что-то очень не покойно у меня на сердцѣ. Во всемъ этомъ кроется какая-то страшная тайна.

Маргарита. На тебя я могу положиться во всемъ, я знаю, ты мнѣ вѣрна?

Серафима. Говорите, ваше высочество, я вся обратилась въ слухъ.

Маргарита. Пойдемъ подъ тѣнь вонъ тѣхъ деревьевъ. Тамъ я расскажу тебѣ печальную повѣсть моей любви. Ты все узнаешь. Если сверхъ

моего ожиданія ты не поймешь чего-нибудь въ мою разсказъ, знай, что я сама себя почти не понимаю. (*Уходятъ*).

СЦЕНА 4-я.

Дорога въ лѣсу.

Бенито и Антонія идутъ.

Антонія (*поетъ*).

Искусный въ верховой ѣздѣ
Марались отправился въ горы,
А конь въ тростниковой уздѣ,
Изъ дерева длинныя шпоры.

Каковъ скачекъ!

Каковъ ѣздокъ!

Бенито (*поетъ*).

Онъ поднялъ на дерево взглядъ,
Узрѣлъ надъ собою дѣвчину,
Откинулся тѣломъ назадъ
И бухнулся прямо въ трясину.

Каковъ скачекъ!

Каковъ ѣздокъ!

Антонія (*поетъ*).

Крехта и потѣя, тащатъ
Канатомъ его изъ трясины,
Но грузенъ, ни съ мѣста нашъ хватъ,
Все смотреть на ноги дѣвчины.

Каковъ скачекъ!

Каковъ ѣздокъ!

Бенито. Ну ужъ довольно! Пожалуйста довольно, хоть и славно поешь!... А что ты думаешь: ты такъ поешь, такъ... очень вкусно поешь. Право вкусно — такъ, что слюнки текутъ, точно вотъ слышишь какъ верещить и ворчать въ печи что-нибудь масляное на сковородѣ!

Антонія. Ты пожалуй смѣешься надо мной, а я такъ крошкѣ шутокъ скажу тебѣ. Твои пѣсни также чувствительны для моего сердца, какъ голоса теленочка и оленочка, которыхъ я сама и выкормила, также мнѣ любезны, какъ хрюканье бурой моей свинки, которую я сама выхотила. Право такъ! Ну да будетъ объ этомъ, поговоримъ о другомъ, пока еще не пришли мы домой! Знаешь объ чемъ я хотѣла съ тобой поговорить, миленькій Бенито! Когда, голубчикъ мой, придетъ тотъ день, когда ты будешь моимъ мужемъ, а я твоей женой! Знаешь, какъ только я подумаю объ этомъ, такъ тотчасъ вотъ и подступитъ мнѣ что-то подъ сердце и сдѣлается такъ странно, такъ странно... вотъ такъ и защекотить у меня. Право!

Бенито. Ну такъ значитъ и не думай объ этомъ, а когда придуть тебѣ на умъ такія пріятности, ты въ ту-же минуту и подумай, что съ этимъ днемъ придетъ и тотъ, въ который я отвалаю тебя палкой, ну и пройдетъ у тебя все. Такого дня ты не минуешь. Знаешь отчего? Нѣтъ на свѣтѣ человѣка, которому бы до смерти не надоѣло безпрестанно видѣть передъ собою одну и ту же морду и за обѣдомъ, и въ постелѣ. Будь это даже не морда, а миленькая

мордочка и то опротивѣетъ все одна-то. Ну а если кому попадется еще мордище? Что тогда-то? Скажи, голубушка Антонушка! Что тогда-то? Какъ не поколотить! А вѣдь до этого у насъ дойдетъ и скоро дойдетъ. Вѣдь мы съ тобой не въ первой молодости.

Антонія. Какъ, ты думаешь меня колотить? Ну, нѣтъ, братъ, шалишь, кто еще кого? Еще посмотришь.

Бенито. Ну ты не сердись, я побью тебя только въ первый день свадьбы, а тамъ и шабашъ.

Антонія. А зачѣмъ въ первый-то день?

Бенито. А вотъ зачѣмъ, слушай. Разъ кого-то приговорили къ плетямъ. Это, знаешь, ему небольно пришлось по вутру. Вотъ онъ и заплатилъ палачу, чтобъ тотъ полегче, знаешь, его стегалъ. Ну вотъ хорошо — палачъ взялъ деньги и къ дѣлу, да какъ стегнетъ его такъ, что кровь фонтаномъ брызнула, бѣдняжка перевернулся да и записалъ: «что-жъ, говорить, ты этакъ стегаешь, а еще деньги взялъ», а палачъ ему, «ни пики, говорить, но по этому разу ты узнаешь, что я крѣпко держу мое слово: еслибъ ты не заплатилъ, всѣ бы раза были такіе». Вотъ точно такъ и ты по битью въ первый разъ спознаешь отчего избавлю тебя на всю твою жизнь... Ну да что ты слушаешь меня! Вѣдь я все тутъ вру... ну заставляю-ли я тебя плакать, дурочка, коли ты для меня послѣ Бога первая! Ни въ жизнь не заставляю, ни за что на свѣтѣ... Посмотри-ка мнѣ въ глаза. А ты гляди. Что ты видишь? Вѣдь ты тамъ у меня въ самыхъ зрачкахъ сидишь. Такъ я скорѣе вырву тебя изъ моихъ глазъ вѣсть съ зрачками и бѣлками, чѣмъ рѣшусь наругаться надъ тобой. Безъ глазъ могу жить, а безъ твоего сердечушки жить не могу, Антонушка.

Антонія. Слушай, и ты не переимѣнишься?

Бенито. Никогда.

Антонія. А послушай: за другими гоняться не будешь?

Бенито. Еще бы! Никогда.

Антонія. А вѣдь вотъ ты сказалъ, что я тебѣ надоѣтъ!

Бенито. Ну это-то пожалуй и такъ, можетъ и надоѣтъ.

Антонія. Отчего ты такъ думаешь?

Бенито. Оттого, что будешь моей женой, значитъ моей собственностью, а свое все надоѣдаетъ. Такъ ужъ всякъ человѣкъ. У всѣхъ, Антонушка, глаза завидующіе: подавай чужое. А ты еще вотъ что подумай...

Антонія. А что?

Бенито. Да тоже... всякій день, значитъ, одно и то же лицо передъ тобой, ну и надоѣтъ. Вонъ и бабочка съ цвѣтка на цвѣтокъ перелетаетъ, переимѣнна, значитъ, нужна. Въ томъ и жизнь, понижаешь, — другое нужно лицо.

Антонія. Только-то?! Ну такъ горе не велико! Живчина съумѣетъ всякій день тебѣ разныя лица изъ себя представить. (*Уходитъ*).

Бенито (*одинъ*). А что ты думаешь? Она тоже, пожалуй, такіа штуки тебѣ изъ себя представитъ, что только держись. Развѣ изъ ихъ сестры мало такихъ, что утромъ бѣла вотъ что твое полотно, а вечеромъ красна, какъ гвоздика. А! а! Что это тамъ такое? Вонъ какъ блестятъ? Ну-ка, ну-ка посмотримъ... Эва! эва!... Либо золото, либо серебро... Эхъ, хорошо, что я забрелъ сюда!... Должно быть кладъ вышелъ изъ земли!... Тихонько, бережненько выну и... что вижу то!? Золотое платье! Знаю зовутъ это панцирь! Какъ есть весь рыцарскій приборъ. (*Вытаскиваетъ изъ подъ мистевъ полную боевую рыцарскую одежду*). Не впервые нѣтъ это видѣть. Видалъ я рыцарей и у насъ въ деревнѣ. Знаю, какъ это надѣваютъ (*надѣваетъ на себя все, что вытаскилъ, но совсѣмъ не такъ какъ слѣдуетъ*). Слыхалъ я, что выходили деньги изъ земли золотыя и серебряныя; а чтобъ золотая одежда, и эдакъ хорошо выкованная, совсѣмъ готовая, оттуда вылъзала, не слыхивалъ. Поди ты, какая любопытная штука! Вотъ кабы всѣ платья выползали оттуда (*указываетъ на землю*) и портныхъ не надо бы было. Очень бы хорошо было! Такъ и ахнуть теперь въ деревнѣ, какъ увидятъ меня въ такомъ нарядѣ!... А что будетъ съ Антоніей-то? Она вообразитъ, что я Георгій и собираюсь бить дракона! Чудно, право, будетъ увидать меня въ этаконъ золотой шапкѣ и въ этихъ латахъ!... Зависти то, зависти то не оберешься!... А вѣдь куда люблю какъ завидуютъ тебѣ. Надѣлъ эдакъ, ну и пошелъ бродить днемъ по большимъ дорогамъ, ночью по лѣсамъ, да бить встрѣчнаго да поперечнаго, ну и вышелъ рыцарь. (*Уходитъ*).

(*Входитъ генераль и солдаты*).

Генераль. Сколько дорогъ, и извилинъ, и трудностей разныхъ въ этихъ горахъ! Точно лабиринтъ какой! Здѣсь, непрежнѣно здѣсь долженъ скрываться этотъ странный человѣкъ. Судя по всѣмъ слухамъ, онъ отправился сюда. Пошли намъ, Господи, счастье доставить его въ руки короля, поймать того, кто превратилъ радость и веселье нашихъ праздниковъ въ плачь и стонъ.

1-й солдатъ. Если только онъ здѣсь, такъ не уйти ему, будетъ онъ въ нашихъ рукахъ. Гдѣ уйти, коли столько народу оцѣпило эту гору.

Генераль. Его вооруженіе такъ извѣстно, что по немъ мы его тотчасъ узнаемъ.

2-й солдатъ. Видите, синьоръ, тамъ убитую лошадь, вонъ подъ той скалой?

Генераль. Вижу. Да, это его лошадь; та самая, на которой онъ сидѣлъ, какъ бился на турнирѣ съ синьоромъ Педро де Сфорце. Если лошадь тутъ, такъ и хозяинъ не далеко.

1-й солдатъ. Не пережвнилъ ли онъ лошади здѣсь въ горахъ.

Генераль. Почему онъ зналъ, что его будутъ преслѣдовать? Чѣмъ больше думаю, тѣмъ боль-

ше убѣждаюсь, что мы поймемъ его. Честь намъ и слава будетъ, если схватимъ. Смотрите, хорошенько ищите, все осмотрите хорошенько. Ошарьте всѣ уголки, всѣ темныя мѣста. Если только приведете къ королю злодѣя, король васъ наградитъ.

1-й солдатъ. Конечно; вѣдь синьоръ Педро де Сфорце племянникъ короля.

Генераль. И притомъ красивѣйшій, умнѣйшій, благороднѣйшій, храбрѣйшій и любезнѣйшій изъ принцевъ... Оттого-то всѣ и горюютъ объ немъ... Если только убійца попадетъ въ руки короля, такъ его величество прикажетъ отрѣзать ему голову, во первыхъ за дерзкое его поведеніе во время сраженія, во вторыхъ за то, что онъ извиннически превратилъ забаву турнира въ битву на смерть.

Входитъ Бенито, одѣтый въ боевую одежду Фредерика.

Бенито. О! о! хорошо я теперь; хорошо! Чай на меня безъ смѣха и смотрѣть нельзя!.. Какіе-то прохожіе помогли одѣться. Какъ проклятыя смѣялись!.. Насилу двигаюсь... Какъ бы дотащить до деревни. Покажусь Антоніи. Вотъ не узнаетъ! (*Увидя генерала*.) Что тамъ такое? Тамъ вонъ такой-же какъ я? Только я золотой, а онъ нѣтъ.

Генераль. Это онъ!.. Стоитъ взглянуть на его вооруженіе такъ пропадаетъ всякое сомнѣніе. Это онъ.

1-й солдатъ. Онъ-то, онъ; да какъ его взять? Если будетъ защищаться, намъ его не одолѣть.

Генераль. А забылъ ты, что лошадь его убита, а теперь видишь пѣшкомъ, значитъ усталъ. А вотъ что. Заходите и хватайте его сзади, а я приставлю ему пистолеть къ горлу.

1-й солдатъ (*въ сторону*). Идемъ-же, да только тише, тише.

2-й солдатъ. Еще-бы! Если только онъ насъ услышитъ такъ намъ не схватить его хотя бы насъ было въ десятеро больше! Это, братъ, такая сила и храбрость, что Боже упаси.

1-й солдатъ. Тише, тише!

Солдаты крадутся, и заходятъ къ Бенито сзади.

Бенито. Нельзя-ли нѣтъ изъ всего этого сдѣлать себѣ золотой кафтанъ?

Солдаты схватываютъ его сзади.

1-й солдатъ. Я его схватилъ.

2-й солдатъ. Скорѣе, скорѣе!

Генераль. Сдайся или ты мертвъ.

Бенито. Ахъ! О! синьоры! волокутъ! тащатъ... За что-же?.. Что такое я сдѣлалъ?

Генераль. Не защищайся: мы должны живаго или мертваго тебя доставить къ королю.

2-й солдатъ. Держи его крѣпче.

1-й солдатъ. Изъ всѣхъ силъ держу.

Бенито. Ватюшки, несугъ, уносить, уносить!

Занавѣсъ падаетъ.

Конецъ 1-го дѣйствія.

Не то...

ПОВѢСТЬ.

I.

Прекрасная картина: дама съ кошечкой! — какимъ-то шипящимъ, выцвѣтшимъ голосомъ повторяетъ маленькій сѣденькій старичокъ, походившій на сѣдаго ежа. — Умилилась, Леонида Гавриловна...

Кстати, дама съ кошечкой читаетъ книжку съ чувствительными стихами.

„Дама съ кошечкой“ черезъ плечо прерзительно взглянула на ядовитого старичка и опять углубилась въ чтеніе лежащей на столѣ книги. Этотъ взглядъ заставилъ старичка съежиться, и онъ какъ-то по-дѣтски хихикнулъ себѣ въ кулачокъ. Они сидѣли на небольшой террасѣ, выходившей въ старыи тѣнистый садъ пузатыми колонками quasi-русскаго стиля и крутой деревянной лѣсенкой съ раскрашенными перилами. Двѣ стеариновыхъ свѣчи въ стеклянныхъ колпакахъ освѣщали только столъ, за которымъ сидѣла „дама съ кошечкой“, а дальше разсѣянный свѣтъ точно замиралъ въ мягкомъ сумракѣ лѣтней ночи, окутывавшей и садъ, и террасу, и бѣлесоватую полосу воды, проглядывавшую въ концѣ главной аллеи. Гдѣ-то нерѣшительно посвистывалъ соловей, точно музыкантъ, настраивавшій свой инструментъ для концерта. Пахло сиренью, акаціей и свѣжей травой. Съ своего кресла-качалки сердитый старичокъ-ежъ видѣлъ клочекъ неопредѣленнаго, сѣро-сине-фіолетоваго неба, съ мигавшей на немъ парой бойкихъ звѣздочекъ, а съ другой стороны, въ отворенную дверь, ярко освѣщенную столовую. Центръ его по-

ля зрѣнія занимала „дама съ кошечкой“, хотя она и сидѣла къ нему въ три четверти, какъ говорятъ фотографы.

— Въ сущности, если разобратъ серьезно, такъ вся наша жизнь... началъ опять старикъ, отчеканивая слова и хлопая сухой, сморщенной ладонью по ручкѣ кресла. — Леонида Гавриловна, вы, вѣроятно, думаете, что живете или, по крайнѣй мѣрѣ, жили, какъ изъ вѣжливости думаютъ дамы вашего возраста? Успокойтесь: это только скверная иллюзія... Живетъ вотъ котъ, который ѣстъ и спитъ до одуренія, живетъ цѣпная собака, лошадь, а всѣ мы, человѣки, только притворяемся, что живемъ. Это „насъ возвышающій обманъ“ — не больше того... Да!.. Въ сущности, вы, напримѣръ, платите вотъ за этотъ домъ, на террасѣ котораго мы сейчасъ имѣемъ удовольствіе бесѣдовать, платите по книжкамъ мяснику, въ мелочную лавочку, droguerie и каждый день ложитесь спать съ мыслью, гдѣ-бы завтра признать денегъ. Эта комедія жизни логически закончится платой за визитъ доктору, который и васъ и меня отправитъ на тотъ свѣтъ. Развѣ это жизнь, Леонида Гавриловна? Это подлогъ, дама съ кошечкой, а не жизнь, и мы родимся на бѣлый свѣтъ злостными банкротами...

— Если бы все это не повторялось вами каждый день, Ефимъ Ивановичъ, то я назвала бы вашу мысль остроумной, — грубовато отвѣтила Леонида Гавриловна, раскуривая папиросу и по-мужски закладывая ногу на ногу. — Повторяться для умнаго мужчины то-же самое, что бѣдила и румяна для перезрѣлой красавицы...

— Приасходно, дама съ кошечкой!.. прошипѣлъ Ефимъ Ивановичъ, — для пушей язвительности онъ коверкалъ слова и, находя это очень остроумнымъ, самъ первый заливался сухимъ дребезжающимъ смѣхомъ. — Приасходно, Леонида Гавриловна.. Вотъ вы и стишки чувствительные читаете кстати. Самое подходящее занятіе... Жизнь

нѣтъ, такъ будемъ ее изъ книжки вычитывать.

Леонидъ Гавриловичъ было подѣ пятьдесятъ, но для этого роковаго возраста она сохранилась замѣчательно. Если что ее портило, такъ это излишняя полнота и нѣкоторая небрежность въ костюмѣ. Впрочемъ, теперь при колеблющемся освѣщеніи она казалась гораздо моложе, и Ефимъ Ивановичъ, пристально вглядываясь въ крупныя характерныя черты ея лица, точно старался припомнить что-то такое хорошее, но не могъ и только жевалъ сухими тонкими губами. Въ своей лѣтней парѣ изъ китайскаго шелка онъ казался еще меньше, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, особенно когда горбился и подгибалъ свои короткія ножки подъ качалку. Остриженные подъ гребенку сѣдые, жесткіе волосы придавали ему какой-то колючій видъ. Странный былъ человекъ этотъ Ефимъ Ивановичъ, являвшійся почти каждый день къ Леонидѣ Гавриловнѣ, чтобы подразнить ее. Это доставляло ему какое-то обидное удовольствіе. Языкъ Ефима Ивановича жегъ, какъ крапива, а мозгъ точно былъ утыканъ булавами. Сама Леонида Гавриловна не только терпѣла его присутствіе, но даже скучала безъ него, погону что въ своемъ одиночествѣ рада была всякому живому существу. Въдъ одиночество такая страшная вещь, особенно для людей, жизнь которыхъ въ прошломъ, въ воспоминаніяхъ, переливающихся въ мозгъ, какъ китайскія тѣни на экранѣ волшебнаго фонаря. Подразниванья Ефима Ивановича даже нравились Леонидѣ Гавриловнѣ, потому что вызывали такое шемящее и ноющее чувство, которое служило острой приправой къ скучающему одиночеству. Такимъ образомъ, Ефимъ Ивановичъ являлся каждый вечеръ, усаживался въ „свою“ качалку и наблюдалъ за Леонидой Гавриловной, которая не обращала на него, повидимому, никакого вниманія и въ его присутствіи продолжала свою безымянную женскую работу: кроила, шила, вязала, ухаживала за цвѣтами, возилась съ любимымъ старымъ котомъ, который постоянно лежалъ у нея на колѣняхъ и вообще наполняла свой женскій день механизмомъ работы. Сегодняшній вечеръ походилъ на всѣ другія вечера.

— Ну-съ, что-же говоритъ вашъ разслабленный поэтикъ?—спрашивалъ Ефимъ Ивановичъ послѣ длинной паузы.—т. е., поэтъ, съ позволенія сказать...

— Это — Надсонъ, — отвѣтила коротко Леонида Гавриловна и прочла съ аффектаціей старинныхъ чтецовъ:

Тщетно въ сердцѣ, уставшемъ отъ мукъ и тревогъ,

Исцѣляющихъ звуковъ я жадно ищу:
Онъ растоптанъ и смятъ, мой душистый вѣнокъ,
Я безъ пѣсни борюсь и я безъ пѣсни грущу!..

— Ха-ха! Сладенькое чиликанье моднаго поэта?.. извиль Ефимъ Ивановичъ, заливаясь своимъ ядовитымъ смѣшкомъ.— Исцѣляющіе звуки... душистый вѣнокъ... однимъ словомъ, все на своемъ мѣстѣ, а вмѣстѣ это называется поэзіей! Ха-ха...

— А что-же по вашему?

— По моему? По моему, милая моя дама съ кошечкой, это нытье, сапоги къ смятку и вообще галиматья. Да-съ... Что-то такое худосочное, больничное и, вообще, противное здоровому человеку. Плачутъ только женщины—въ этомъ ихъ главная сила, а поэтъ долженъ возбуждать во мнѣ высокія чувства, поднимать дуэль... Что жить скверно — а знаю и безъ него. Истинная поэзія не должна знать слезъ... По моему вотъ гдѣ поэзія: законъ Мальтуса, законъ борьбы за существованіе, теорія утилитаризма, но для такихъ вещей еще не родилось поэтовъ. Ваши поэты—поэты чело-вѣческаго вырожденія и существуютъ они только для такихъ-же выродившихся чело-вѣковъ и чело-вѣчницъ. Посмотрите на лѣснаго звѣря или лѣсную птицу—каждый экземпляръ въ своемъ родѣ совершенство, какъ выразитель господствующаго типа, наиболѣе приспособившагося къ существованію при наличности данныхъ условій. Тамъ все бодро, свѣжо, красиво, и только одинъ человекъ хнычетъ, потому что онъ извратилъ всѣ основныя требованія природы и поддерживаетъ свое гнилое существованіе искусственными средствами. Вотъ гдѣ источникъ всѣхъ этихъ „исцѣляющихъ звуковъ“ и „душистыхъ вѣнковъ“... Хи-хи!..

— Не правда!.. Поэтъ говоритъ мнѣ то, что я сама пережила и перестрадала, и я люблю его именно за это. Это не вырожденіе, а откликъ живаго человека на то, чѣмъ вы болѣете и страдаете... Мнѣ доставляетъ наслажденіе перечитывать вотъ именно такія наболѣвшія строфы.

— Точь въ точь, какъ во времена карамзинской „Бѣдной Лизы“... Сантиментализмъ! Хе-хе...

— Такъ можетъ разсуждать только такой узкій эгоистъ, какъ вы... Да!.. Вы извращаете великія поученія, факты и клеветаете на самую жизнь, на чело-вѣческую природу, потому что вы еще разъ эгоистъ.

— Приасходно!.. Вамъ не нравятся мои слова? Всякая трезвая мысль для васъ является личнымъ оскорбленіемъ, и вы бу-

дете вѣчно *жить* въ сумеркахъ собственной нездоровой фантазіи.

Это уже взбѣсило Леониду Гавриловну, такъ что она швырнула книгу и прогнала кота. Ефимъ Ивановичъ продолжалъ ехидно улыбаться, счастливый вызваннымъ эффектомъ.

— А вы, вы что такое представляете своей особой?— уже съ азартой накинулась на него Леонида Гавриловна.— Вы— дрянной человѣкъ и, если хотите знать, я искренно презираю васъ. Да!.. Вѣдь я жила, любила, дѣлала, можетъ быть, ошибки, страдала и радовалась и дала жизнь другимъ... За каждой женщиной остается будущее, купленное муками материнства, а вотъ вы... Гдѣ тѣ женщины, которыхъ вы любили? Что я говорю: *любили*... Развѣ могли вы когда-нибудь хотя приблизительно почувствовать смыслъ этого святаго слова? Ваша любовь—это легкія интрижки и еще болѣе легкіе цвѣты удовольствій, о которыхъ вамъ самимъ стыдно сейчасъ вспоминать. Да... Я удивляюсь только одному, какъ вамъ не стыдно смотрите прямо въ глаза мнѣ, матери семейства? Въ жизни природы вы были карманнымъ ворихшкой, таскавшимъ чужіе носовые платки—вотъ ваша любовь, ваша жизнь, вашъ эгоизмъ, и вотъ почему вы никогда не поймете настоящей поэзіи и вотъ почему я глубоко презираю васъ, несчастный!

— Это называется изъ пупки по воробью, Леонида Гавриловна...

Взбѣшенная этимъ разговоромъ Леонида Гавриловна, съ выступившими на лицѣ красными пятнами и горѣвшими глазами, хотѣла сказать кавалеру еще какую-то крупную дерзость и уже раскрыла ротъ, какъ въ этотъ критическій моментъ, точно у нея въ самомъ ухѣ, дрогнулъ и замеръ почтовый колокольчикъ. Дорожный тяжелый экипажъ съ грохотомъ подкатился къ крыльцу, и въ отвѣтъ по всему дому захлопали двери, точно влетѣла какаля-то фантастическая птица-вѣщунья съ деревянными крыльями. Раздались молодые легкіе шаги, мелькнули двѣ тѣни и на террасу ворвались молодой человѣкъ и молодая дѣвушка.

— Мапочка..., милая!..

— Нина... Вадя!..

Ефимъ Ивановичъ поднялся съ кресла и отвернулся лицомъ въ садъ, чтобы не видѣть этой нѣжной сцены встрѣчи. Онъ даже фукнулъ носомъ, какъ старый котъ, на котораго брызнули холодной водой. Поздоровавшись съ молодыми людьми довольно сухо, онъ отыскалъ свою соломенную шляпу и какъ-то неловко началъ прощаться.

— Ефимъ Ивановичъ, куда вы бѣжите?— заговорила дѣвушка, ухвативъ его за рукавъ.— Неужели мы съ Вадей такъ напугали васъ...

— Нѣтъ, мнѣ, барышня Ниночка, пора домой... Не въ пору гость хуже татина. Адью, monsieur et mesdames...

Круто повернувшись на каблучкахъ, Ефимъ Ивановичъ маленькими шажками спустился съ террасы въ садъ и по широкой центральной аллеѣ направился въ сгустившуюся молочную мглу весенней душистой ночи. «Барышня Ниночка» удивленными глазами проводила убѣгавшаго друга дома, а потомъ вопросительно посмотрѣла на мать, почему она, мама, не сказала ни одного слова, чтобы удержать старика? Леонида Гавриловна чутьемъ поняла охватившее дочь чувство молодой хорошей жалости и сухо отвѣтила на ея нѣмой вопросъ:

— Пусть его уходитъ...

— Мапочка, и тебѣ его не жаль?

— Нисколько: это—эгоистъ.

А „эгоистъ“ быстро шагалъ по аллеѣ, размахивая своей камышевой палкой и повторялъ вслухъ съ особеннымъ ожесточеніемъ: — Пріасходно!.. Красныя дѣтки пріѣхали... А мы не желаемъ быть лишними, чортъ возьми!

Онъ не чувствовалъ охватывавшей его душистой весенней мглы, не слышалъ громкихъ соловьиныхъ поцѣлуевъ, которыми отдавалъ старый садъ, не видѣлъ взвѣшенной въ воздухъ серебристой пыли луннаго свѣта и быстро шагалъ впередъ, точно хотѣлъ скрыться отъ самого себя, только бы не слышать и не чувствовать этой глупой радости, которая гналась за нимъ молодымъ смѣхомъ и радостными молодыми голосами.

— Мама, милая, дорогая!.. повторяла Нина въ сотый разъ, обнимая мать и покрывая поцѣлуями ея лице, шею и руки.— Какъ я соскучилась о тебѣ, родная...

— Нина, ты меня задушишь... — какимъ-то упавшимъ голосомъ отвѣчала Леонида Гавриловна, слабо защищаясь.— А ты что же, Вадимъ?

— Я?... Я ничего, мама...

— Ты, кажется и не поздоровался со мной?

— Ахъ, мама, какія ты вещи говоришь: я знаю свои обязанности и проявилъ сыновнія чувства довольно ярко... Наконецъ, одна Нина тебя задушить.

Этотъ сухо-ироническій отвѣтъ подѣйствовалъ на Леониду Гавриловну неприятно,—она, какъ большинство матерей, любила сына больше, чѣмъ дочь, и теперь была немного обижена.

— Впрочемъ, я забыла, что ты уже со-
всѣмъ большой мужчина...—отвѣтила она
съ плохо скрываемымъ раздраженіемъ. —
А всѣ большіе мужчины... Ну, однимъ сло-
вомъ, объ этомъ въ другой разъ.

II.

Изъ сада Ефимъ Иванычъ вышелъ пря-
мо въ переулокъ, узкій и кривой, какіе
сохраняются только по глухимъ провин-
циальнымъ городкамъ. До его холостой квар-
тиры было около версты, что по провинціаль-
ной ариеметикѣ составляло очень большое
разстояніе.

— Красныя дѣтки пріѣхали...—повто-
рялъ старикъ вслухъ, размахивая палкой,
точно расчищалъ передъ собой дорогу отъ
обступившихъ ее призраковъ.—Семейная
радость... хи, хи!...

Уѣздный городокъ Смольскъ, стоявшій
на сплавной хлѣбной рѣкѣ Смолкѣ, давно
уже спалъ, и только кой-гдѣ мелькали еще
запоздалые огоньки—въ домѣ у соборнаго
протопопа, въ аптекѣ, у адвоката Биряе-
ва, у купца Егорова. Ефимъ Иванычъ ты-
сячу разъ проходилъ по этой дорогѣ и от-
лично зналъ каждый камушекъ, каждый
переулокъ, каждый заборъ. Онъ отъ души
всегда ненавидѣлъ свое родное захолустье,
а судьба точно въ насмѣшку устроила такъ,
что Ефиму Иванычу въ этомъ вороньемъ
гнѣздѣ привелось жить все время, и вѣ-
роятно, придется кончить здѣсь-же и дни
живота. Эта мысль убивала его, и старикъ
впадалъ иногда даже въ трагическое на-
строеніе.

— Помилуйте, развѣ это не трагедія:
цѣлую жизнь прожить въ какомъ-то лягу-
шатникѣ?—возмущался онъ.—Да... И не
видѣть ничего—рѣшительно ничего. Меж-
ду тѣмъ, гдѣ-то люди живутъ настоящей
жизнью, гдѣ-то постоянно свѣтитъ солн-
це—а, да что тутъ говорить. Эта настоя-
щая трагедія, когда свѣтъ сходитъ кли-
номъ воть именно въ такой муръѣ. Про-
жить двадцать лѣтъ на одной улицѣ и тутъ
же умереть...

Этотъ ропотъ имѣлъ основанія, какъ уви-
димъ ниже. Сейчасъ Ефиму Иванычу осо-
бенно грустно было возвращаться подъ свою
смоковницу, и онъ даже остановился на
углу одной улицы, раздумывая, гдѣ-бы про-
вести остатокъ вечера. Просто взять и
зайти въ первый попавшійся домъ „на ого-
некъ“, благо онъ зналъ всѣхъ въ Смоль-
скѣ и его всѣ знали. А то зайти въ трак-
тиръ, гдѣ поютъ арфистки... Последняя
мысль просто устыдила Ефима Иваныча
своимъ безобразіемъ, и онъ какой-то ви-

новатой походкой побрѣлъ къ своему пе-
пелищу. Низенькій деревянный домикъ въ
три окна глядѣлъ на улицу съ такимъ доб-
душіемъ. Ефимъ Иванычъ медленно подо-
шелъ по деревянному тротуару къ своей
калиткѣ и началъ стучаться,—цѣлыхъ де-
сять лѣтъ Ефимъ Иванычъ собирался за-
вести звонокъ, да такъ и не могъ собраться.

— Умерли вы, что-ли?—закричалъ онъ,—
когда на дворѣ послышалось шлепанье бо-
сыхъ ногъ.

Калитку отворилъ заспанный кучеръ
Федька, глупый малый, котораго Ефимъ
Иванычъ собирался прогнать съ глазъ до-
лой ровно десять лѣтъ, какъ и устоять зво-
нокъ. Обругавъ вѣрнаго раба, Ефимъ Ива-
нычъ вошелъ на крыльцо, нащупывая по-
ручню лѣстницы, знакомую стѣну и обитую
зеленой клеенкой дверь. Онъ долго не могъ
попасть ключемъ въ замокъ и еще разъ об-
ругался. Въ передней было темно, и это
ничтожное обстоятельство возмущало Ефи-
ма Иваныча каждый разъ. Ну, что стоило
купить стѣнную лампочку и заставить
Федьку зажигать ее каждый вечеръ? Подъ
столомъ въ передней послышалось нерѣ-
шительная возня и удары хвостомъ по де-
ревянному полу—это зажирѣвшій старый
сеттеръ Трезоръ выражалъ дружескія чув-
ства. Прежде онъ прыгалъ на грудь, ска-
калъ по мебели, а теперь состарился, ог-
лохъ, поглупѣлъ и едва шевелился.

— Неужели и я такой-же буду?—въ ужа-
сѣ подумалъ старикъ, чиркая спичкой.

Квартира Ефима Иваныча состояла изъ
трехъ комнатъ—гостиная, кабинетъ и
спальня. Изъ передней вторая дверь вела
въ кухню, гдѣ обитала Федька съ кухар-
кой Лукерьей. Обстановка комнатъ была
самая простая, на провинціальный ладъ,
за исключеніемъ кабинета, гдѣ шелъ рядъ
шкафовъ съ книгами, полки съ книгами,
столы и стулья, заваленные книгами. Ста-
ринный большой письменный столъ состав-
лялъ главный центръ всей этой обстанов-
ки, его душу—двадцать лѣтъ Ефимъ Ива-
нычъ проработалъ за нимъ и свылся на-
столько, что не могъ даже себя предста-
вить безъ своего письменнаго стола. На
полу сложены были кипы газетъ, папки съ
разными бумагами и картоны съ вырѣзка-
ми изъ газетъ, объявленіями и всевозмож-
ными брошюрами.

По обычаю, на отдѣльномъ столикѣ въ
гостиной Лукерья приготовила холодный
ужинъ, но Ефимъ Иванычъ не прикоснул-
ся къ нему, а машинально прошелъ къ сво-
ему столу и сѣлъ въ рабочее кресло. На
столѣ предъ его носомъ лежала начатая
вчера статья оземскомъ хозяйствѣ въ Смоль-

скомъ уѣздѣ, — она теперь почему то неприятно подѣйствовала на Ефима Ивановича, и онъ сердито сунулъ нѣсколько написанныхъ листовъ въ ближайшую папку, гдѣ хранились недоконченныя статьи.

— Къ чему? — вслухъ спросилъ самого себя Ефимъ Ивановичъ и расмѣялся своимъ сухимъ смѣхомъ. — А вѣдь Леонида Гавриловна сказала правду: гдѣ тѣ женщины, которыхъ я любилъ?

Ему, по ассоціаціи идей, припомнилась знаменитая фраза изъ „Фру-фру“: „нѣтъ женщины“... Да, ея не было, и мертвымъ холодомъ вѣяло отъ этихъ стѣнъ и отъ всей это печатной и писаной бумаги, представлявшихъ собой фикцію жизни. Въ сущности, ко всѣмъ *бабамъ* Ефимъ Ивановичъ относился съ легкимъ оттѣнкомъ холостяго презрѣнія, но въ тяжелыя минуты своей холостой хандры онъ сознавалъ, чего ему не доставало для полноты жизни и начиналъ злиться, какъ было и сейчасъ. Всюто жизнь онъ положилъ вотъ на эту писаную бумагу...

Кое-какъ раздѣвшись, Ефимъ Ивановичъ улегся на диванѣ въ кабинетѣ и началъ дремать съ открытыми глазами. Иногда достаточно ничтожнаго факта, чтобы вызвать цѣлую вереницу непрошенныхъ видѣній, какъ было и сейчасъ. Пріѣздъ „красныхъ дѣтокъ“, нарушившій обычный вечеръ, вызвалъ это тяжелое душевное настроеніе Ефима Ивановича. Чужая радость отозвалась въ душѣ старика глухой, застарѣлой болью.

Онъ лежалъ и видѣлъ себя молодымъ, совсѣмъ молодымъ, когда еще слушалъ лекціи въ Казанскомъ университетѣ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Хорошее было время, кругомъ хорошіе люди и самого себя Ефимъ Чакушинъ чувствовалъ тоже хорошимъ человѣкомъ. Такое уже было общественное настроеніе, когда хотѣлось вѣрить всему хорошему. Сынъ бѣднаго уѣзднаго врача Ефимъ Чакушинъ мечталъ о мировыхъ вопросахъ, о правдѣ жизни и лютой борьбѣ съ господствующимъ зломъ. Тогда о себѣ, о своемъ счастьѣ, о своемъ положеніи мало заботились, потому что интересы жизни лежали внѣ отдѣльной личности. Чакушинъ былъ уже на послѣднемъ курсѣ юридическаго факультета, когда по одной студенческой исторіи долженъ былъ оставить *alma mater*. Это былъ первый житейскій ударъ, слѣдствія котораго распространились на всю послѣдующую жизнь. Что такое дипломъ — пустая формальность, не больше, и не всѣмъ же жить на бѣломъ свѣтѣ съ университетскими дипломами. Чакушинъ попробовалъ служить тамъ и сямъ, но вездѣ его преслѣдовали неудачи, и онъ

кончилъ тѣмъ, что вернулся въ родной городъ, гдѣ и поселился. Движеніе изъ столицъ и университетскихъ центровъ по радіусамъ разошлось тогда по провинціи, и въ сферу его дѣйствія попалъ между прочимъ Смольскъ, гдѣ открывалось земство, устраивались школы и т. д.

Странная и какая-то роковая эта тяга къ себѣ, домой, въ родныя мѣста, какъ проявленіе чего-то такого, что стоитъ выше насъ и что владѣетъ нами. Съ мыслью о родинѣ всегда связано представленіе, что именно тамъ хорошо, тамъ тепло и уютно, а все остальное не хорошо уже тѣмъ, что оно чужое. Именно съ этими чувствами Чакушинъ вѣвжалъ въ Смольскъ, гдѣ у него никого и родныхъ не оставалось. Въ самомъ дѣлѣ, послужить родинѣ, приложить здѣсь свои силы и знанія — что можетъ быть лучше, чище и выше? Отъ отца оставался тотъ самый домишко, въ которомъ Чакушинъ жилъ и сейчасъ, и въ немъ онъ пережилъ и свое хорошее время, какъ теперь короталъ старческое лихолѣтіе. Господи, чѣмъ онъ только не былъ, гдѣ не служилъ и за что не брался! И такъ до старости, до сѣдыхъ волосъ, до старческаго брюзжанья и злости, а когда то и Ефимъ Ивановичъ чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, былъ душой компаніи, весельчакомъ и балагуромъ. Послѣдовательно онъ служилъ въ земствѣ, инспекторомъ народныхъ училищъ, предсѣдателемъ мѣстнаго статистическаго комитета, агентомъ страхового общества, членомъ городской управы, мировымъ судьей — вездѣ его любили, вездѣ онъ быстро дѣлался своимъ человѣкомъ и вездѣ долженъ былъ бросать службу по какой-нибудь исторіи, которую самъ создавалъ и которая въ концѣ концовъ обрушивалась всей тяжестью на его же голову. Все время онъ слѣдилъ за литературой и запоемъ читалъ газеты, посылая время отъ времени въ разныя изданія свои корреспонденціи, замѣтки и маленькія статьи. За недосугами онъ не могъ создать ничего капитальнаго, а несъ на себѣ развѣдочную мелкую службу для текущей прессы и постепенно сдѣлался мѣстнымъ корреспондентомъ, обличителемъ и горюномъ, какъ его называли въ насмѣшку близкіе люди. Во всякомъ случаѣ, это былъ интересный типъ, созданный послѣдними тремя десятилѣтіями и неизвѣстный раньше. Теперь Чакушинъ былъ только корреспондентомъ и больше ничего, а поэтому вмѣсто „горюна“ его враги называли его уже прямо «бѣльмомъ».

— А что же, это для меня самое подходящее названіе! — соглашался Ефимъ

Иванычъ.—Такъ до смерти и останусь «бѣльмомъ»...

Но все это была внѣшняя сторона, та скорлупа, подъ которой остается человѣкъ для себя, со своими личными чувствами, горемъ и радостями.

По прїѣздѣ въ Смольскъ, Ефимъ Иванычъ на первомъ же кажется выходѣ въ свѣтъ, въ кружокъ своихъ близкихъ единомышленниковъ, познакомился съ Леонидой Гавриловной, тогда еще молоденькой дѣвушкой, извѣстной въ кружкѣ подъ именемъ „цвѣтущей Лѣнушки“. Это была милая русская дѣвушка изъ мелкой чиновничьей семьи, такая простая, искренняя и вообще хорошая — такъ и назвалъ ее Ефимъ Иванычъ въ первую же встрѣчу. Его поразило въ цвѣтущей Лѣнушкѣ необыкновенная чистота русскаго типа — эти большіе сѣрые глаза, бѣлый большой лобъ, овалъ лица, тяжелая русая коса и немного лѣнивыя движенія. Но и здѣсь Ефима Иваныча постигла жестокая неудача: сердце Лѣнушки уже принадлежало другому счастливцу. Ефимъ Иванычъ приходилъ въ отчаяніе, рвалъ на себѣ волосы и даже хотѣлъ застрѣлиться. Лѣнушка вышла за военнаго врача Горбылева, который оказался большимъ негодеемъ — пьянствовалъ, развратничалъ, а главное совѣмъ не раздѣлялъ хорошихъ увлеченій жены и даже смѣялся надъ ними. Результатомъ этого супружества явились дѣти — сынъ Вадимъ и дочь Нина, и затѣмъ супруги, послѣ пятилѣтняго супружества, разошлись. Все это происходило на глазахъ Ефима Иваныча, и онъ вдвойнѣ болѣлъ и за свою несложившуюся жизнь, и за свою первую любовь.

Ахъ, какъ страдалъ Ефимъ Иванычъ, страдалъ издали, какъ многіе хорошіе люди, которые стѣсняются даже высказать свое участіе. Леонида Гавриловна въ это время занималась въ народной школѣ и оставалась все такой-же ясной и свѣтлой — всю любовь, всѣ непріятныя чувства и женскую вѣжность она перенесла теперь на своихъ дѣтей, воспитаніемъ которыхъ занималась запоемъ. Ефимъ Иванычъ часто бывалъ у ней, принималъ довольно живое участіе въ судьбѣ дѣтей и выжидалъ терпѣливо случая, когда уляжется горе цвѣтущей Лѣнушки. Но его и на этотъ разъ предупредили — выискался такой человѣкъ, который сразу завладѣлъ еще неостывшимъ сердцемъ соломенной вдовушки. Это былъ земскій статистикъ, прїѣхавшій въ Смольскъ изъ столицы. Лѣнушка съ нимъ и уѣхала изъ Смольска, а черезъ пять лѣтъ вернулась — второй опытъ супружества оказался

неудачнѣе перваго, такъ что она даже пробовала отравляться. На сценѣ опять появился все тотъ-же Ефимъ Иванычъ, но это былъ уже озлобленный и тяжелый человѣкъ, который слишкомъ много пережилъ, чтобы шутить и улыбаться по прежнему. Разъ, въ откровенную минуту онъ признался Леонидѣ Гавриловнѣ:

— Эхъ, Леонида Гавриловна, если бы вы тогда...

— Что тогда?..

— Однимъ словомъ, я рассчитывалъ, что вдвоемъ мы прожили-бы недурно.

Леонида Гавриловна съ удивленіемъ посмотрѣла на него и только покачала головой.

— Все къ лучшему, Ефимъ Иванычъ, — замѣтила она. — Вотъ мы теперь остаемся съ вами друзьями, а тогда еще неизвѣстно... У васъ, по крайней мѣрѣ, теперь нѣтъ тяжелыхъ воспоминаній и позднихъ сожалѣній. А какъ я ненавижу самое себя иногда, если бы вы только знали...

Ефимъ Иванычъ грустно поникъ головой! Леонида Гавриловна разсуждала съ чисто-женскимъ эгоизмомъ и заднимъ числомъ дула на чужую горячую волю. Драматизмъ положенія для Ефима Иваныча усложнялся дѣтьми, которыя говорили ему о пережитыхъ радостяхъ не имъ, а другимъ, о неиспытанномъ счастьѣ и волненіяхъ. Онъ и любилъ ихъ, какъ дѣтей Лѣнушки, и точно ненавидѣлъ, какъ представителей фамиліи Горбылева. Это двойное чувство оскорбляло его и доставляло новыя мученія. Въ заключеніи, Лѣнушка на его глазахъ состарилась... Да, этотъ роковой процессъ совершался на его глазахъ и разрушалъ каждый день одну иллюзію за другой. А впереди больше не оставалось *ничего* — это было ужасное слово, которое давило, какъ могильная плита.

Ежедневныя посѣщенія Леониды Гавриловны давали исходъ наболѣвшему чувству. Ефимъ Иванычъ подъ видомъ своихъ сарказмовъ и ядовитыхъ выходокъ пряталъ многое, о чемъ Леонида Гавриловна можетъ быть и не догадывалась. Появленіе „красныхъ дѣтокъ“ являлась только лишней каплей этихъ тяжелыхъ испытаній, напоминало о далекомъ прошломъ, его несбывшихся надеждахъ и непережитыхъ радостяхъ.

— Прїасходно... шепталъ старикъ, лежа у себя на диванѣ. — Что-же, я никому не желаю мѣшать и никому не мѣшалъ!

III.

Въ первую минуту, когда Леонида Гавриловна увидѣла дѣтей, ее охватилъ страхъ,

тот инстинктивный страх, когда человек не рѣшается признаться самому себѣ, что онъ боится. Шумная радость перваго свиданія хотя на время избавляла ее отъ страшнаго призрака, который все больше и больше отдѣлялъ ее отъ дѣтей, по мѣрѣ ихъ роста. Сейчасъ она старалась быть счастлива счастьемъ насѣдки. Сынъ Вадимъ сильно похудѣлъ, но вмѣстѣ и возмужалъ, — юношеская полнота исчезла, вмѣстѣ съ молодымъ пушкомъ усовъ и бороды. Теперь это былъ почти настоящій мужчина, съ настоящими усами и настоящей бородой. Онъ держалъ себя тоже, какъ большой человекъ, т. е. больше молчалъ, предоставляя Нинѣ проявлять нѣжныя родственныя чувства. Вадимъ лицомъ напоминалъ мать и для мужчины былъ почти красавецъ. За то Нина выросла дурнушкой и, какъ показалось матери, еще больше подурнѣла за этотъ годъ, потому что сильно пополнила, — она отъ матери унаслѣдовала только цвѣтущее здоровье. Все время, пока пили чай, Нина щебетала, какъ птица, которую выпустили полетать въ комнату, пока чистятъ кѣтку.

— А я не ждала васъ такъ рано, — говорила Леонида Гавриловна, съ тайной материнской грустью поглядывая на дурнушку-дочь.

— А мы нынче равьше кончили, мама... т. е. кончила я съ своей консерваторіей, — отвѣчала Нина. — А Вадимъ отложилъ свои экзамены до осени. У нихъ тамъ что-то опять вышло въ Петровской Академіи...

— Ничего не вышло: это ты придумываешь, — сумрачно отвѣтилъ Вадимъ, закуривая новую папиросу.

— Ну, объ этомъ мы еще успѣемъ поговорить, — тактично замѣтила Леонида Гавриловна, поднимая брови.

Ниночка принялась рассказывать, какъ они ѣхали: сначала по желѣзной дорогѣ, въ третьемъ классѣ, а потомъ на пароходѣ, во второмъ. На пароходѣ вмѣстѣ съ ними ѣхалъ Сережа Бизлевъ, — онъ бросилъ университетъ и теперь сотрудничаетъ въ какомъ-то уличномъ листкѣ.

— Мама, у Сережи талантъ... ей Богу! — наивно увѣряла Нина. — Ему платятъ большія деньги за его статьи... очень большія деньги!.. Онъ такимъ франтомъ ѣдетъ, особенно по сравненію съ Вадимомъ...

— Набитый дуракъ, — процѣдилъ сквозь зубы Вадимъ. — И газета дрянная, и статьи Сережи сплошная глупость. Просто куврякается передъ публикой за мѣдный пятакъ...

— Вотъ и врешь! — спорила Нина; лицо у нея вдругъ покрылось красными пятнами. — Дуракамъ такихъ денегъ не платятъ,

а Сережа зарабатываетъ, мама, что-то около пяти тысячъ...

— Не можетъ быть! — изумилась Леонида Гавриловна и вопросительно посмотрѣла на сына. — Пять тысячъ...

— Да, что-то около этого, — небрежно отвѣтилъ Вадимъ на нѣмой вопросъ.

— Да, да... И все такой-же скромный, — продолжала Нина. — Потомъ на пароходѣ мы познакомились съ однимъ купчикомъ, мама... Знаешь, торговца хлѣбомъ Егорова, — его сынъ. И представь себѣ, онъ совсѣмъ не глупый, хотя и безъ всякаго образованія... да, совсѣмъ порядочный...

— Прибавь, что онъ ухаживалъ за тобой, — замѣтилъ Вадимъ съ покровительственной улыбкой. — Конечно, отъ скуки...

Нина совсѣмъ покраснѣла, встрѣтивъ любящій материнскій взглядъ, — вѣдь за ней никто и никогда не ухаживалъ, какъ за другими дѣвушками.

— Зовутъ его Сосипатромъ Ефимычемъ, мама, — продолжала Нина послѣ паузы. — Такое смѣшное имя... А онъ простой, этотъ Сосипатръ Ефимычъ и все рассказываетъ про свою торговлю, какъ они живутъ у себя дома, какъ обманываютъ крестьянъ, покупателей, другъ друга.

— Ничего и смѣшнаго нѣтъ: кулачье гнѣздо, — авторитетно замѣтилъ Вадимъ и прибавилъ: этотъ Егоровъ просто саврасъ и купеческій оболтусъ...

— Нѣтъ, въ немъ есть что-то такое — спорила Нина. — Мама, милая, вотъ интересно будетъ посмотреть, какъ встрѣтятся Сережа и Ефимъ Ивановичъ... ха-ха!.. Оба писатели... А Сережа ужасно походить на своего отца и такой-же застѣнчивый, а пишетъ бойко и остроумно.

И за ужиномъ Нина рассказывала все время про Сережу и молодого купчика, и сама первая смѣялась, когда успѣвала сказать какое-нибудь смѣшное словечко. Леонида Гавриловна слушала ее съ вниманіемъ, — право совсѣмъ славная эта „барышня Ниночка“. Ей даже захотѣлось поцѣловать дурнушку-дочь, но она стѣснялась сына, серьезнаго не по лѣтамъ, да и *телячьи нѣжности* въ ихъ семьѣ какъ-то были не приняты.

— Ну, дѣти, на сегодня достаточно: идите спать, — проговорила она своимъ обычнымъ материнскимъ тономъ, какъ говорила имъ маленькимъ, и сконфузилась. — Утро вечера мудренѣе...

Вадимъ и Нина переглянулись и улыбнулись: мать принимаетъ ихъ за маленькихъ.

— Зачѣмъ ты, мама, отпустила Ефима Ивановича? — говорила Нина на прощаньи, по-

тягиваясь и зѣвая.—Онъ такой славный, и я соскучилась объ немъ...

— Скверный згонистъ,—сурово отвѣтила Леонида Гавриловна.

Леонида Гавриловна провела не менѣе тревожную ночь, чѣмъ Ефимъ Ивановичъ.

Неожиданный прїездъ дѣтей взволновалъ ее и поднялъ цѣлую тучу полузабытыхъ воспоминаній. Она лежала въ своей постели до бѣлаго свѣта съ открытыми глазами, еще разъ переживая свое прошлое. Ей было душно, и она распахнула окно спальни, выходящее въ садъ. Соловей пѣлъ всю ночь и такъ сильно пахло сиренью, что у Леониды Гавриловны закружилась голова. Она такъ и задремала у окна, почему-то думая о Сережѣ Бизяевѣ и молодомъ купчикѣ Егоровѣ, о которыхъ рассказывала Нина. Свои мысли точно задернуло дымомъ.

Пробужденіе Леониды Гавриловны тоже было необычное: ее кто-то обнялъ, крѣпко и горячо обнялъ, и чье-то горячее лицо прижалось къ ея лицу. Она даже вскрикнула съ просонья.

— Мама, миленькая, это я...

— Ахъ, Нина, какъ ты меня напугала!..

— Миленькая, мамочка, я вышла въ садъ прогуляться—я нынче рано встаю, и вдругъ вижу тебя въ окнѣ. Мнѣ такъ захотѣлось обнять тебя, крѣпко—крѣпко обнять... Вотъ такъ!

Сильныя руки такъ крѣпко обхватили шею Леониды Гавриловны, и она начала смѣшно барахтаться, напрасно стараясь вырваться изъ объятій Нины.

— Сумасшедшая, ты меня задушишь!..

— Ахъ, мама, какъ я тебя люблю, еслибы ты знала... Мама ты пока умоешься, а потомъ я принесу тебѣ чаю. Понимаешь, какая трогательная картина: мать, пьющая чай съ дочерью. Нѣтъ, это какъ-то не складно выходить: „чай съ дочерью“. Лучше такъ: дочь, пьющая чай съ матерью... Опять глупо! Просто: въ гостяхъ у матери. Мамочка, миленькая, не сердись на мою болтовню: мнѣ ужасно весело и потомъ я такъ соскучилась о тебѣ.

Леонида Гавриловна не привыкла, чтобы дѣти ухаживали за ней, и поэтому чувствовала себя точно виноватой предъ кѣмъ то. Въ самомъ дѣлѣ, она больше любила Вадима, а дочь ей напоминала перваго мужа, да и сама по себѣ Нина была такая некрасивая. Можетъ быть это было простое физическое отвращеніе, которое иногда появляется въ семьяхъ въ самыхъ ужасныхъ формахъ. Все это Леонида Гавриловна передумала, пока умывалась, и ей припоминались разные мелкіе случаи изъ дѣтской жизни, когда она была несправед-

лива къ Ниночкѣ, а, вѣдь, дѣти чувствуютъ такую несправедливость съ болѣзненной яркостью. Ребенокъ тянется къ любящей рукѣ, какъ растеніе къ свѣту. И вотъ теперь точно въ наказаніе эта нелюбимая Нина ласкается къ матери, говоритъ ласковыя слова, а блатовень сынъ и вниманія не обращаетъ. Эта горькая мысль отравила пробужденіе Леониды Гавриловны.

— А вотъ и чай,—громко заявила Нина, появляясь съ подносомъ въ дверяхъ.—Тебѣ, мама, какихъ сливокъ: вареныхъ или сырыхъ?

— Не лучше-ли въ столовой, Нина?..

— Нѣтъ, здѣсь, потому что здѣсь намъ никто не помѣшаетъ, моя милая, моя родная. А тамъ можетъ Вадимъ придти—онъ рано встаетъ, какъ и я, или Ефимъ Ивановичъ. Какъ онъ смѣшно вчера убѣгалъ, мама?

— Съ чего ты взяла, что Ефимъ Ивановичъ придетъ рано утромъ?

— Да такъ, языкъ сболтнулъ... Я его даже во снѣ видѣла: такой старый—старый и такой жалкій. Если старыя дѣвы смѣшны, то старыя холостяки просто жалки. А что же ты сухарей не берешь, мама? Можетъ быть ты любишь тѣ маленькія кругленькія булочки, которыя лежатъ въ корзинкѣ въ буфетѣ? Ну, не буду, не буду больше приставать!..

За первой-же чашкой чая Нина успѣла повторить матери все то, о чемъ рассказывала вчера вечеромъ. Леонида Гавриловна любила въ дочери задумчивое настроеніе, которое скрадывало ея некрасивость, и намѣренно дѣлала паузы, наблюдая ее. Въ ея душѣ поднималось такое радостное и вмѣстѣ горькое чувство.

— Мамочка, мнѣ кажется... нерѣшительно заговорила Нина:— мнѣ кажется, что ты иногда жалешь меня. Да? Я это чувствую и мнѣ дѣлается такъ тяжело—тяжело... Я видѣла у тебя Надсона, у него есть прекрасное стихотвореніе:

Бѣдный ребенокъ,—она некрасива!..

То-то и въ школѣ, и дома она

Такъ не смѣла, такъ всегда молчала!..

Ахъ, красота,—это страшная сила!

— Не всѣмъ же быть красавицами, Нина...

— Нѣтъ, мама, это просто несправедливо! Да... И знаешь, какой со мной случай былъ нынче дорѣгой. Я уже тебѣ рассказывала про Егорова. Онъ, представь себѣ, много читалъ, хотя и безъ всякаго порядка. Хорошо. Я и спрашиваю его (хотѣла испитать), читалъ-ли онъ тотъ извѣстный романъ, который въ ваше время, мама, произвелъ такую сенсацію. И представь себѣ, мама, онъ читалъ... Я и спрашиваю его:

„а какъ вамъ нравится Вѣра Павловна?“ Онъ засмѣялся—понялъ, что я его экзаменую — и говоритъ: „вамъ правду сказать?“— „Конечно, правду“. Онъ посмотрѣлъ на меня такъ умненько и говоритъ: „Весьма читалъ я вашу Вѣру Павловну и по своей глупости не понималъ“. — „Чего не поняли?“— „А вотъ этого самаго: ежели, сказать къ примѣру, эту-бы самую Вѣру Павловну воспой обезобразило (такъ, мама, и говорить: „воспой“), такъ чтобы тогда было? Всѣ ихніе разговоры около красоты держатся, а нѣтъ этой самой красоты — нѣтъ и умныхъ разговоровъ“. Знаешь, мама, я даже растерялась и не знаю, что ему сказать, а онъ умненько такъ смотритъ на меня и опять улыбается. Не договорилъ, однимъ словомъ...

— По-своему, по-купечески онъ правъ, Нина. У нихъ все по-своему...

Нина замолчала и старалась не смотрѣть на мать. Она тоже чего-то не договаривала.

— Мама, онъ не только по-купечески правъ, а правъ вообще,—тихо заговорила Нина съ подавленнымъ вздохомъ.— Счастье существуетъ только для хорошенькихъ женщинъ... Никакой умъ, никакой талантъ не сдѣлаетъ дурнушки счастливой,— это тоже вѣрно, что тамъ не говори. Если даже такая дурнушка выходитъ замужъ, то ее преслѣдуетъ печать безобразія въ собственныхъ дѣтяхъ. Это ужасно, мама!... Мнѣ теперь опротивѣла музыка, которой я раньше такъ увлекалась, потому что она тоже говоритъ только о счастьѣ и красотѣ. Это несправедливо, мама, т.-е. несправедлива природа, которая однимъ даетъ все, а другимъ ничего. А люди еще усиливаютъ эту несправедливость...

Замѣтивъ, что ея слова производятъ на мать неприятное впечатлѣніе, Нина сразу перемѣнила тонъ и даже весело засмѣялась.

— Какая ты странная, Нина!—удивлялась Леонида Гавриловна.—Никакъ я тебя не пойму...

— Да и понимать нечего, милосенькая мамулечка!.. Плевать мнѣ и на красоту, и на красавицъ. Изживемъ вѣкъ не хуже другихъ. . Знаешь, что я тебѣ скажу, мама?.. Вѣдь это мы, цивилизованные люди, не умѣемъ жить, а посмотри на мужиковъ — тамъ цѣнятся не красивая кукла, а женщина работница, мать здоровыхъ дѣтей. Вотъ я и пойду въ деревню замужъ... Меня и то одинъ мужикъ на желѣзной дорогѣ похвалялъ: „Вотъ такъ дѣвка, говорить, хоть сейчасъ на ней воду вози!“ Это онъ на счетъ моего здоровья... А пом-

нишь, мама, у Некрасова: „Что ни дѣвка, то малина!“ Вотъ это настоящая, здоровая поэзія здороваго рабочаго человѣка... Тутъ и жизнь, и смѣсль, и здоровое счастье.

IV.

Чакушинъ просидѣлъ дома безвыходно цѣлыхъ два дня. Онъ все время ужасно злился, что должны были чувствовать и кучеръ Ѳедька, и кухарка Лукерья, и собака Трезоръ. Особенно тяжело ему было по вечерамъ,—его такъ и тянуло къ Леонидѣ Гавриловнѣ, но какая-то непонятная гордость удерживала дома. Что онъ пойдеть дѣлать туда? Старикъ шипѣлъ, злился и строчилъ одну корреспонденцію за другой, причемъ всѣмъ сестрамъ досталось по серьгамъ—и земству, и городскому управленію, и торговой депутаціи, и санитарному комитету, и мѣстной газетѣ „Смольскій Листокъ“. Правда, на третій день Чакушинъ получилъ коротенькую записочку отъ Леониды Гавриловны („Куда вы пропали, сумашедшій человѣкъ? Если желаете осчастливить насъ своимъ посѣщеніемъ, то мы будемъ готовиться къ торжественному приему“ и т. д.), но отвѣтомъ не удостоился.

— Что прикажете отвѣтить господамъ?—спрашивала горничная, —принесшая записку.

— Скажи: пріасходно.

Эта записка взбѣсила старика окончательно, такъ что онъ даже плюнулъ въ слѣдъ горничной. Въ самомъ дѣлѣ, за кого его принимаютъ? Поманили пальчикомъ, Ефимъ Иванычъ и побѣжалъ пѣтушкомъ... Въ озлобленія старикъ даже внулъ ногой ни въ чемъ нешовиннаго Трезора, а когда вошла Лукерья спрашивать „на щетъ обѣду“, онъ неистово затопалъ на нее ногами и выгналъ вонъ. Собственно прислуга ни въ грошъ не ставила своего барина, и Лукерья помирала со смѣху, когда вернулась въ кухню.

— Какъ индѣйскій пѣтухъ кинулся на меня!—разсказывала она.—Ножками топочеть, ручки кулачками сдѣлать, головка тресется. Напугалъ до смерти. Ха-ха...

Лукерья и Ѳедька долго помирала со смѣху, а баринъ шагаль у себя по кабинету, какъ часовой и все ворчалъ что-то себѣ подъ носъ. Къ обѣду онъ едва при-тронулся, а вечеромъ велѣлъ подать стаканъ чаю прямо въ кабинетъ. Работа, какъ извѣстно, лучшее утѣшеніе во всѣхъ житейскихъ горестяхъ, и Ефимъ Иванычъ писалъ безъ усталы, до того, что правая рука отекала. Онъ дѣлалъ легкія передышки, откидываясь на спинку кресла и за-

крывая глаза. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ стукъ въ окно заставилъ его вздрогнуть. Когда онъ взглянулъ, то увидѣлъ въ окнѣ одинъ шелковый дамскій зонтикъ.

— Ефимъ Иванычъ...

Это была Нина, улыбающаяся, свѣжая и почти красивая.

— Я за вами, Ефимъ Иванычъ: одѣвайтесь сейчасъ и идите къ намъ. На, что это похоже: убѣжали тогда и носу не показываюте... Я это принимаю лично на свой счетъ...

— Работа, барышня Ниночка... старческіе недуги... вообще, свинство.

— Хорошо, одѣвайтесь, а я васъ за воротами подожду.

Ефимъ Иванычъ взмолился и едва выговорилъ себѣ право придти черезъ часъ, ссылаясь на спѣшное окончаніе какой-то важной работы. Врять онъ не умѣлъ, и Нина это чувствовала по тону его голоса, по неловко бѣгавшимъ взглядамъ и каждому движенію.

— Хорошо... — коротко согласилась она. — Если вы измѣните слову, данному женщинѣ, то...

— ... то пошлите мнѣ шелковый шнурокъ, и я повѣшусь на немъ, какъ дѣлають всѣ порядочные люди въ Турціи.

— Черезъ часъ,—слышите?...

Когда-то Ефимъ Иванычъ занимался съ маленькой Ниной—училъ ее читать и писать, а поэтому сохранилъ къ ней болѣе теплыя чувства, чѣмъ къ Вадиму. Сама Леонида Гавриловна не умѣла учить своихъ собственныхъ дѣтей и ужасно горячилась.

Черезъ часъ Чакушинъ подходилъ къ дому Леонида Гавриловны, — для сокращенія пути онъ пользовался садовой калиткой, никогда не запиравшейся. Еще издали онъ слышалъ громкій говоръ молодыхъ голосовъ и какой-то неестественный смѣхъ Нины. Завидѣвъ его, она бѣгомъ отправилась къ нему на встрѣчу, какъ дѣлала это маленькой дѣвочкой.

— У васъ гости? — хмуро спрашивалъ Чакушинъ, останавливаясь.

— Сережа Визяевъ, потомъ Егоровъ...

— Это еще что за фруктъ?

— А сынъ извѣстнаго купца Егорова. Мы съ нимъ на пароходѣ познакомились... Очень интересный молодой человекъ.

— Аврасъ?

— Вѣроятно, есть и это...

Леонида Гавриловна встрѣтила Ефима Иваныча довольно сухо, такъ что послѣдній мысленно покался, зачѣмъ согласился на любезное приглашеніе Нины. Онъ какимъ-то ежомъ посмотрѣлъ на притих-

шую молодую публику и, сдѣлавъ общій поклонъ, проговорилъ официальнымъ тономъ:

— Имѣю честь представиться: Ефимъ Чакушинъ.

— Что это какой у васъ сегодня видъ: точно вы муху проглотили? — язвительно замѣтила Леонида Гавриловна.

— Позвольте представиться, потому какъ много наслышаны про васъ, Ефимъ Иванычъ... — заговорилъ бѣлобрысый молодой человекъ, во время прерывающаго ядовитую реплику Чакушина. — Меня зовутъ: Сосипатръ Ефимычъ Егоровъ. Какъ-то не приходилось встрѣчаться раньше...

Къ Чакушину протянулась пухлая бѣлая рука, украшенная кольцами, и онъ брезгливо протянулъ свою руку.

— Страннаго въ этомъ ничего нѣтъ, — отвѣтилъ онъ, саркастически разглядывая „субъекта“: — въ трактирахъ я не бываю, по ярмаркамъ не ѣзжу, хлѣба не скупаю...

— Однимъ словомъ, разныхъ приходовъ, — весело подхватилъ Егоровъ, стараясь не замѣчать неприятнаго тона. — А что касаемо трактировъ, такъ это точно-съ, есть такой грѣхъ... При нашей дикости это первое дѣло въ трактирѣ, особенно ежели тамъ приспособлены армянки. Такое ужъ колесо заведено, Ефимъ Иванычъ: у васъ свое удовольствіе, а у насъ свое.

Средняго роста, коренастый и плотный, молодой купчикъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ купчиковъ ни наружностью, ни манерами. Что то такое рыхлое и приторное было въ этомъ полномъ лицѣ, особенно когда оно улыбалось съ галантерейной слащавостью. Одѣтъ онъ былъ вполне прилично, безъ излишней пестроты, какъ одѣваются богатые провинціалы. Вообще, приличный молодой человекъ, какъ Ефимъ Иванычъ не оглядывалъ его. Сережа Визяевъ походилъ на мальчика, такой розовый, съ удивительно бѣлой кожей на шеѣ и на рукахъ. Онъ сидѣлъ за Вадимомъ и какъ-то поддѣтски выглядывалъ на Ефима Иваныча, котораго почему-то боялся съ дѣтства. Сейчасъ ему было какъ-то совѣстно и за свою лѣтнюю пару изъ шелка, и за выхваленныя руки, и за свой румянецъ, и за ту развязность, съ какой Егоровъ рекомендовался Ефиму Иванычу. Свое личное впечатлѣніе онъ провѣрялъ по лицу Нины, которая улыбалась ему одними глазами.

— Что же, пріасходно! — неожиданно проговорилъ Ефимъ Иванычъ, прерывая Егорова.

— Т.-е. въ какихъ же это смыслахъ превосходно? — спрашивалъ купчикъ, ни мало не смутившись.

— А то, что прежде купцы могли только обманывать да безобразничать, а вот вы купецъ съ разговоромъ... Меня это радуетъ.

Егоровъ засмѣялся и, прищурившись, обвелъ публику своими безцвѣтными глазами.

— Очень ядовито-съ для перваго знакомства, — проговорилъ онъ совершенно другимъ тономъ. — По нашему это называется: оптомъ дешевле. Обругали все купеческое сословіе за разъ, и достаточно... А промежду прочимъ-съ, Ефимъ Иванычъ, могу вамъ сказать, что вы даже весьма его мало понимаете, т.-е. нашу-то купеческую-то червоту. Что тамъ говорить про обманъ да безобразіе—это цѣточки... Вы вотъ всю жистъ книжки читали да газету писали, гдѣ же вамъ все знать, значить то самое, что ни въ какой книгѣ не пропечатано. И даже весьма не знаете, могу васъ увѣрить-съ...

— Сосипатръ Ефимычъ, бросьте вы свой купеческій жаргонъ,—обратилась къ нему Нина:—и говорите по-человѣчески... Вѣдь это вы нарочно поддразниваете Ефима Иваныча и напускаете на себя.

— Что же, можно и по другому,—както просто согласился Егоровъ и, придвинувшись къ Чакушину, заговорилъ:—Мнѣ давно хотѣлось познакомиться съ вами, Ефимъ Иванычъ, а вы меня хотѣли поставить сразу въ неловкое положеніе. Но это пустяки...

— А что же не пустяки, по вашему?—въ свою очередь другимъ тономъ спрашивалъ Ефимъ Иванычъ, внимательно вглядываясь въ страннаго купеческаго «савраса».

— А не пустяки то, что мы готовы сдѣлать несправедливость каждую минуту и несколько намъ не совѣстно...

— Ого!—изумился Чакушинъ.

Всѣ смотрѣли теперь на Егорова съ невольнымъ страхомъ, что онъ скажетъ испытанному спорщику. Вадимъ и Сережа переглянулись, сдерживая улыбку.

— Вотъ вы о купечествѣ заговорили, Ефимъ Иванычъ, а сами видѣли его только издали,—продолжалъ Егоровъ спокойно и увѣренно. — Вы знаете, кто живетъ сейчасъ на Руся? Купецъ... Не смѣшивайте старыхъ кушцовъ и нынѣшнихъ, а затѣмъ купцы тѣ же люди, какъ и всѣ другіе, слѣдовательно, между нами есть и хорошіе, и дурные, и средніе. Да... У насъ, вѣдь, только три сословія: мужикъ, купецъ да баринъ. Мужикъ въ темнотѣ своей остается всю жизнь, баринъ ищетъ благороднаго да легкаго хлѣба, а живетъ одинъ купецъ. Вѣдь у него ни земли, ни ученаго диплома, ни выгодной службы — живи

своей собственной смѣлкой. Вотъ онъ и живетъ... Посмотрите-ка, какъ онъ работаетъ, какъ рискуетъ, какъ изворачивается, приспособляется, вылетаетъ въ трубу и опять на ноги. Никто такъ не знаетъ Россіи, какъ купецъ, и нѣтъ такого уголка, котораго бы онъ не обнюхалъ и не обшарилъ. Денегъ у него мало, пути сообщенія его губятъ, плохой кредитъ, медленные обороты капитала, волокита разная, а вѣдь онъ выворачивается... И чугушка гремитъ, и пароходъ по рѣкѣ съ баржей бѣжитъ, и фабрика дымитъ, и храмъ Божій красуется, и мало-ли еще чего дѣлается купеческой рукой. А вы вотъ этого и не видите, Ефимъ Иванычъ, а только одинъ обманъ да безобразіе. А господа, настоящіе господа, позвольте васъ спросить, не обманываютъ и не безобразничаютъ?... Еще похуже купцовъ, только вся разница въ томъ, что купецъ все дѣлаетъ въ свою голову, на свои собственные деньги, а господа и безобразничаютъ на чужія...

— Bravo! — крикнула первой Леонида Гавриловна и ее поддержала молодежь дружнымъ смѣхомъ.

— А что же, вѣдь дѣйствительно того... вы совершенно правы!—неожиданно проговорилъ Чакушинъ и, протягивая руку Егорову, прибавилъ:—очень и очень радъ познакомиться, г. Егоровъ.

Нина горѣвшими глазами смотрѣла на мать, провѣряя по выраженію ея лица общее настроеніе: странный купчикъ сдѣлался сразу своимъ въ этой компаніи. Онъ выросъ такъ же неожиданно, какъ молодой зубъ. Всѣ сразу оживились, заговорили и почувствовали себя легче, точно вотъ этотъ новый челоуѣкъ снялъ какую-то невѣдомую тяжесть. Молчалъ одинъ Сережа и внимательно слушалъ, его розовое лицо дѣлалось умнымъ именно въ такіе моменты, какъ у Нины въ минуты раздумья. Чакушинъ совсѣмъ разошелся и, хлопая Егорова по плечу, повторялъ:

— Приасходно: сила, паровая машина, черноземъ... такъ, ваше степенство?

— Именно, паровая машина, — соглашался Егоровъ, улыбаясь: — она бываетъ несправедлива только тогда, когда плохо работаетъ, а сама по себѣ она машина и больше ничего. А другое, напримѣръ, воздушный шаръ: взлетитъ онъ высоко, а толку отъ этого на расколотый грошъ: никому ни тепло, ни холодно.

— Ха ха!—заливался Чакушинъ.— Это вы по нашему адресу, ваше степенство?... Не дурно сказано...

— Ужъ это какъ вамъ угодно, Ефимъ Иванычъ.

Хорошее общее настроеніе все-таки было нарушено неожиданной выходкой Ефима Иваныча противъ Сережи, — онъ безъ всякаго повода напалъ на него, какъ на сотрудника уличной газеты.

— Въ наше время молодежь думала о другихъ въ ваши года, молодой человекъ. Да-съ... Чистоту свою блюла, идеалы создавала, о нескверномъ житіи думала, а вы что?... Вотъ я гроши получаю, хотя въ тысячу разъ больше вашего знаю, а душу свою ни за какія тысячи не продамъ. Да-съ... Мнѣ жаль васъ, жаль живаго и по своему способнаго человекъ.

Леонида Гавриловна, противъ обыкновенія, почти все время молчала, занятая своими собственными мыслями. Все, что происходило сейчасъ, служило выраженіемъ чего-то недосказаннаго, что можно было чувствовать только между строкъ. И Ефимъ Иванычъ, и Сережа, и Егоровъ сошлись здѣсь не даромъ. Ее это и радовало, и пугало, и въ то же время она старалась не выдать себя, чувствуя наблюдавшій ее взглядъ дочери.

Д. Маминъ Сибирякъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

225 лѣтъ Парижскаго салона и послѣдній салонъ 1891 г.

„Béni soit à jamais la memoire de celui, qui, en instituant cette exposition ...rendit la nation plus instruite et plus difficile en ce genre“.

Didrot.

I.

Въ текущемъ году исполнилось 225 лѣтъ съ того момента, когда 9-го апрѣля 1667 года Парижская Академія Художествъ впервые явилась передъ публикою съ картинами своихъ профессоровъ и officiers de l'Académie. За это время салонъ приобрѣлъ такое значеніе для искусства всего образованнаго міра, что бѣглый взглядъ на его исторію будетъ весьма не безынтереснымъ.

Когда въ 1648 г. кардиналъ Мазарини учредилъ Академію Художествъ, то однимъ изъ статутровъ ея было устройство публичной выставки картинъ академикомъ и ихъ ученикомъ. Но статутъ такъ и оставался статутомъ, даже не смотря на то, что Людовикъ XIV пять лѣтъ спустя снова напоминалъ Академіи объ выставкѣ. — Нужно было энергическое вѣдательство того же Кольбера, которому обязана своимъ развитіемъ и вся промышленность современной Франціи и декретомъ 1666 года открытіе выставки было наконецъ утверждено, какъ прямая обязанность Академіи. Выставка должна была открываться каждыя два года на Святой недѣлѣ и носила замкнутый характеръ. На нее принимались только картины академикомъ и ихъ ученикомъ; объ иностранцахъ и вообще постороннихъ Академіи лицахъ даже не упоминалось.

9 апрѣля 1667 г. выставка была торжественно открыта и имѣла очень странный видъ. Картины были выставлены на открытоиъ воздухѣ, и просто развѣшены по глухой стѣнѣ на дворѣ Пале Рояля, въ которомъ поитѣщалась тогда и сама Академія *). Къ сожалѣнію каталога этой выставки не сохранилось и даже

неизвѣстно былъ ли онъ составленъ, такъ что содержаніе выставки остается неизвѣстнымъ. Точно также нѣтъ свѣдѣній и о составѣ слѣдующихъ выставокъ 1669 и 1671 годовъ и только отъ выставки 1673 года сохранился каталогъ, въ которомъ мы видимъ между прочимъ «Побѣды Александра», Лебрѣна и «Взятіе городовъ Лилля и Доля» Ванъ-деръ-Мейлена. Въ теченіе слѣдующихъ четырехъ лѣтъ Академія кое-какъ устраиваетъ еще два салона, но затѣмъ, истощивъ свою кассу, снова прекращаетъ на 16 лѣтъ всякія выставки, пока въ 1699 году Мансаръ, протекторъ Академіи, не беретъ выставку подъ свое покровительство и не испрашиваетъ для нея новаго помѣщенія въ большой галлерей Луврскаго дворца. — Дворъ снова очень внимательно отнесся къ выставкѣ, для украшенія онъ снабдилъ ее своими коврами, гобеленами и мебелью и выставка получила особенно торжественный видъ. «У самаго входа налѣво, читаетъ мы въ ея описаніи, подъ громаднымъ балдахиномъ изъ зеленого бархата съ золотой и серебряной бахромой, на коврѣ висѣли два портрета Его Величества и Его Высочества, исполненные Пуарсономъ. Затѣмъ по обѣ стороны галлерей шли великолѣпные гобелены съ дѣяніями Апостоловъ по рисункамъ Рафаеля и на ихъ фонѣ произведенія скульптуры» и т. д. въ томъ же родѣ. Однако и эта роскошь немногу способствовала долговѣчности выставокъ и послѣдней выставки 1704 г. ихъ не было въ теченіе цѣлыхъ 21 года ни одной. Только въ 1725 году снова видимъ мы выставку картинъ въ Salon Carré Луврскаго Музея, отъ котораго она и получила свое теперешнее названіе Салона, и съ этого времени уже не встрѣчаемъ такихъ продолжительныхъ промежутковъ между выставками. Скоро въ Салонѣ появляется жюри, онъ от-

*) Морсонъ. „Peinture en France“.

крываетъ двери всему художественному міру и мало-по-малу принимаетъ свою теперешнюю физиономію. Публика скоро привыкаетъ къ этой выставкѣ и она дѣлается на нѣсколько недѣль настоящимъ point d'attraction всего Парижа. Открывая свои двери всѣмъ и каждому безъ различія сословія и костюма, Салонъ принимаетъ скоро весьма демократическій характеръ и становится однимъ изъ громкихъ проповѣдниковъ: *egalité* и *fraternité*.

Вотъ какъ описываютъ Салонъ конца прошлаго вѣка современные мемуары.

«Широкая лѣстница Салона биткомъ набита толпою. Съ трудомъ проталкиваетесь вы ко входу и, задыхаясь, попадаете наконецъ въ настоящее пекло. Васъ душитъ пыль, которая столбомъ стоитъ надъ толпою и атмосфера, зараженная всякими вредными испареніями. Духота такая, что вотъ вотъ разразится гроза или начнется что-нибудь въ родѣ чумы. Вы оглохли отъ гула, который несется со всѣхъ сторонъ точно на морѣ во время прилива. И при этомъ какое сѣшеніе языковъ, какая сѣсь общественныхъ положеній, половъ и возрастовъ!!! Однимъ словомъ, для англичанина поистинѣ угѣшительное зрѣлище. Это едва ли не единственное во всей Франціи мѣсто, гдѣ онъ можетъ совершать во всей красѣ свою пресловутую свободу. Тутъ оборванный савояръ толкаетъ заслуженнаго воина, тамъ потная пуасардка, отъ которой несетъ водкой, заставляетъ заткнуть носъ благоухающую нарядную даму, здѣсь острякъ покатывается со сѣбу надъ рѣзкими и дѣльными замѣчаніями увальня художника, тамъ молодежь учить своихъ учителей»

Понятно, что такой характеръ Салона сильно радовалъ сторонниковъ зарождавшейся революціи и сильно возмущалъ приверженцевъ отживающихъ началъ.

Въ области живописи Салонъ времени революціи является громкимъ проповѣдникомъ ложно-классическаго направленія съ знаменитымъ Давидомъ во главѣ. На мѣстѣ прежнихъ подражателей Ватто и Буше съ его пасторальями и группами амуровъ, въ Салонѣ красуется «Велизарій», «Клятва Гораціевъ», «Смерть Сократа» и «Le segment de jeu de raime» Давида, портреты Марата и Дантона, республиканецъ, поддерживающій единство и равенство, Буазо и цѣлое море полотень съ разными патріотическими сюжетами, а среди толпы, которая также жадно слѣдитъ сюда, какъ и на площади гильотины, самъ Давидъ съ цѣлой свитой поклонниковъ въ голубой курткѣ и голубыхъ высокихъ сапогахъ съ плащомъ на плечѣ, въ шляпѣ съ перьями, съ двумя пистолетами за широкимъ поясомъ и большой саблей черезъ плечо...

Воспареніе Наполеона и воинственный духъ первой Имперіи скоро отражаются и на содержаніи Салона и къ 1808 году мы видимъ его

уже наводненнымъ батальными сюжетами, въ которыхъ тонуть «Аттала» Давида и кое-какія произведенія его подражателей. На первомъ мѣстѣ «Императоръ, берущій ключи Вѣны» Жироде, «Аустерлицъ» Жерара, «Императоръ въ Карлсбурѣ» Герена, «Вѣлауское сраженіе» Гроса, множество другихъ битвъ и масса конныхъ и пѣшихъ портретовъ Бонапарта. Характеръ этихъ произведеній хорошо знакомъ всѣмъ, посѣщавшимъ картинную галерею Лувра. Вездѣ на первомъ планѣ Наполеонъ или его главнокомандующіе въ гордыхъ позахъ покорителей міра, вдали французскія войска, избивающія непріятеля, а у ногъ и вокругъ императора и генераловъ умирающіе солдаты, восторженно цѣлующіе руки и одежду своихъ вождей.—Наполеонъ принималъ значеніе такихъ произведеній для публики и всячески поощрялъ художниковъ, прибрѣтая ихъ произведенія въ подарокъ галереямъ и выѣстъ съ тѣмъ торжественно даруя художникамъ ордена Почетнаго Легіона.—Послѣдующая монархія также мало измѣнила характеръ Салона и этотъ періодъ его исторіи ознаменовался только грандіознымъ скандаломъ по поводу трехцвѣтныхъ кокардъ.

Продолжая увлекаться побѣдоноснымъ движеніемъ войскъ революціи и первой Имперіи, художники продолжали наводнять Салонъ батальными картинами, съ арміей трехцвѣтной кокарды.—Легитимисты усмотрѣли въ этомъ страшное преступленіе и потребовали отъ художниковъ замѣны на всѣхъ картинахъ трехцвѣтной кокарды—бѣлой. Конечно художники отвѣтили дружнымъ протестомъ и болѣе двухсотъ полотень были взяты изъ Салона.

Впрочемъ послѣдніе годы этой монархіи уже отмѣчены появленіемъ въ салонѣ произведеній совершенно иного духа, поднимавшихъ новое знамя романтизма. Еще въ 1819 году является Ингрессъ съ своей «Одалиской», а въ 1822 г. Делакруа съ своимъ «Дантомъ». Борьба классиковъ и проповѣдниковъ новаго начала разгорается все болѣе и болѣе и въ эпоху Іюльской революціи достигаетъ своего апогея. Довольно упомянуть такіа имена царившихъ въ Салонѣ того времени художниковъ, какъ Делакруа, Поль Деларошъ, Ингрессъ, Ари Шеферъ, Руссо, Каро и Добиньи, чтобы представить физиономію тогдашняго Салона. — Ожесточенная принципиальная борьба привела жюри Салона къ концу 40-хъ годовъ къ такой партійной исключительности, что во время Февральской революціи вызвала въ художникахъ громкій взрывъ негодованья. Бурная манифестація художниковъ, которые, съ развернутыми знаменами въ рукахъ, огромной толпой явились къ Отель де Виллю, вынудила временное правительство устранить Академическое жюри, и мы видимъ Салонъ 1848 г. лишеннымъ жюри и свободнымъ отъ всякой цензуры.

Результаты этого были однако не особенно утѣшительными и уже въ слѣдующемъ году учреждается снова жюри, сначала избираемое самими художниками, а затѣмъ, по иѣрѣ развитія реакціи, принимающее постепенно прежній оффиціозный характеръ. Въ 1852 году мы видимъ его уже на половину составленнымъ по назначенію свыше, а въ 1855 г. уже исключительно академическимъ и только въ 1880 году съ переходомъ Салона изъ рукъ Академіи во власть новаго «Общества Художниковъ» жюри становится совершенно независимымъ и чисто избирательнымъ. Съ 1848 года во избѣжаніе постоянного передвиженія картинъ въ галереѣ Луврскаго музея Салонъ на всегда покидаетъ свой Salon carré и скитается по различнымъ галлерейхъ до 1855 года, когда въ его владѣніе былъ предоставленъ наконецъ теперешній Palais des Champs Elysées.

Изъ исторіи прошлагодняго Салона мы знаемъ, что и переходъ его въ руки Общества Художниковъ и полное устраненіе отъ него правительства не гарантировали его отъ развитія партійнаго духа и пристрастнаго избранія жюри. Поводомъ къ расколу въ Обществѣ Художниковъ и образованія новаго Салона Марсова Поля послужило обстоятельство, немнѣющее особой важности, но причина его лежала гораздо глубже. Несмотря на переходъ Салона въ руки Общества Художниковъ, старый академическій духъ пустилъ въ немъ глубокіе корни и жюри съ глухимъ недовольствомъ встрѣчало всякія попытки молодежи вырваться изъ старыхъ рамокъ условности и прокладывать свои новыя дороги въ искусствѣ. Все, что принято теперь называть именемъ *модернизма*, плохо уживалось съ сухостью академическихъ формъ и нужна была только искра, чтобы взаимное недовольство обоихъ направлений сказалося громко и повело къ полнѣйшему расколу.

Но прежде чѣмъ перейти къ обзору обонѣхъ Салонныхъ нынѣшняго года—нѣсколько словъ о томъ отношеніи, которое они встрѣчаютъ въ парижской публикѣ. Если мы будемъ судить по нашимъ картиннымъ выставкамъ, то мы не сможемъ составить себѣ даже приблизительнонаго понятія о томъ интересѣ, который возбуждаетъ Салонъ въ Парижѣ. — Интересъ этотъ такъ великъ, что масса публики добивается чести видѣть Салонъ даже до его открытія въ день такъ называемаго Vernissage т. е. покрыванія лакомъ и вообще окончательной отдѣлки и установки картинъ.

Уже десять лѣтъ тому назадъ число этихъ счастливецевъ доходило до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, и теперь Салонъ въ день Vernisag'a представляетъ зрѣлище не менѣе интересное чѣмъ даже въ первый день открытія. Сравните эти десятки тысячъ посѣтителей за одинъ

день наканунѣ открытія Салона съ тѣми же двумя, тремя десятками тысячъ, которыя, и то не каждый годъ, перебиваютъ на нашихъ русскихъ выставкахъ за цѣлый мѣсяцъ ихъ открытія, и разница будетъ очень наглядна.

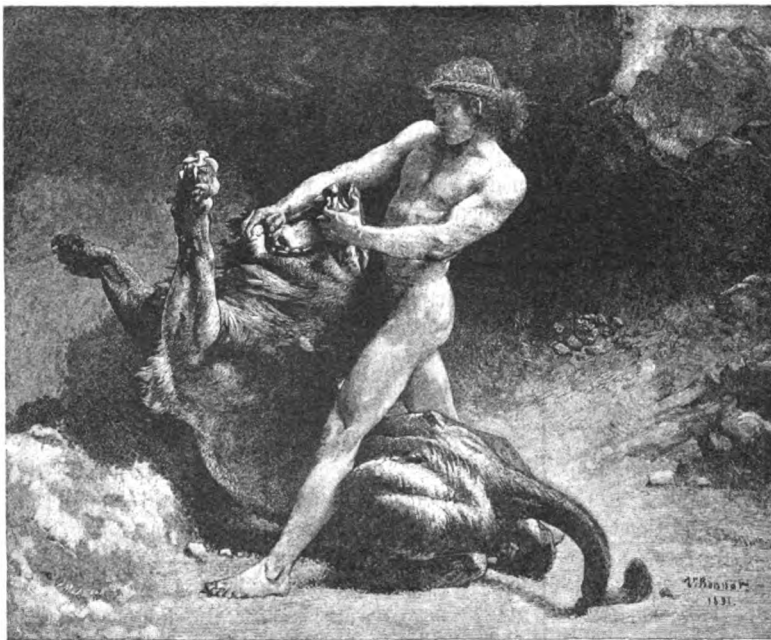
II.

Салонъ Елисейскихъ Полей.

Старый Салонъ справедливо прозвали Салономъ Бугро въ противоположность Салону Марсоваго поля или Салону Мейссонье. — Второе названіе дано изъ уваженія къ настоящему художнику, бывшему предсѣдателемъ новаго общества и не характерно для новаго салона, но первое крайне удачно—Бугро прекрасно характеризуетъ духъ стараго Салона, его принципы, достоинства и недостатки. — Бугро большой любимецъ публики, его сюжеты не затрогиваютъ ничьихъ страстей, фигуры его прекрасно нарисованы и старательно написаны, картины его красивы, вы съ удовольствіемъ повѣсите ихъ въ своей гостиной и будете на нихъ любоваться, но ихъ красота — не натуральная красота. Это именно красота картины, а не жизни, красота граціозныхъ линий и мутноватыхъ гармоничныхъ красокъ, но не блескъ живой наготы, не живыя линіи и не живыя формы. Смотря на его амуровъ, Мадоннъ и Магдалинъ никто не заподозритъ въ нихъ реальныя существа и виѣсть съ тѣмъ все полно граціи, изящества и большаго мастерства.

Въ нынѣшнемъ Салонѣ Бугро выставилъ двѣ картины: «Промокшіи Амуръ» и «Первыя драгоцѣнности». — На первой хорошенькій анемичный мальчикъ ежится отъ холода и скромно прикрываетъ свою наготу крыломъ, на второй сентиментальная сцена: классическій юноша подаетъ такой же дѣвицѣ вѣточку вишенъ и та дѣлаетъ себѣ изъ нихъ серги. Все очень красиво и мило, но мокрый амуръ — вовсе даже и не мокрый, а пропитанъ мастерской среди четырехъ стѣнъ написанный современный мальчикъ съ придѣланнымъ на фонѣ условнымъ пейзажемъ и небомъ, а древнегреческіе юноша и дѣва — тѣ же самые переодѣтые натурщики, которые столько разъ фигурировали, то подъ названіемъ вакханокъ, то подъ видомъ нимфъ и тритоновъ и т. п. То же самое видите вы и у другихъ корифеевъ Салона. Вотъ передъ вами Бонна съ своимъ Самсономъ. На темномъ фонѣ какой-то пещеры яркоосвѣщенный юноша съ большимъ изяществомъ и легкостью разрываетъ пасть не менѣе изящно изгибающагося маленькаго льва. Передъ вами другая кисть, другое и гораздо большее мастерство и все-таки передъ вами не натура, а картина. Смотря на нее, вы все время чувствуете, что художникъ увлекался пластичностью этого освѣщеннаго тѣла на темномъ фо-

нѣ; въ поговѣ за лѣпкой этой фигуры онъ даже не гнался особенно за тонами нагого тѣла и дѣйствительно достигъ замѣчательнаго совершенства. Фигура положительно выдвигается изъ картины, но въ результатѣ вы восхищаетесь

Бонна. „Самсон“.

мастерствомъ и все-таки не забываетесь ни на одно мгновение, и вамъ не кажется ни минуты, что передъ вами, жившій за двадцать столѣтій до васъ, герой библейскаго преданья или по крайней мѣрѣ современный атлетъ, борящійся съ страшнымъ звѣремъ. — Тоже впечатлѣніе производить на васъ и Геннеръ, повторившій эффектъ блага обнаженнаго тѣла рядомъ съ темной фигурой, придавъ имъ обликъ снятаго съ креста Спасителя и Магдалины, и Лефевръ съ «Нимфой охотницей» — хорошенькая обнаженная фигурка стоитъ подлѣ убитой лани и смотритъ въ пространство опираясь на копые. Опять все очень красиво, хорошо нарисовано и написано, но и не думайте искать живаго согрѣтаго бѣгомъ тѣла, слѣдовъ увлеченья охотой и сильныхъ, дышащихъ жизнью формъ. Передъ вами хорошенькая натурщица, бѣленькая и такая чистенькая, какъ будто она сейчасъ изъ душистой, прохладной ванны, и такая жиденькая, что она навѣрно не пробѣжитъ даже полуверсты и не поймаетъ не только лани, но даже убѣжавшаго изъ хлѣва теленка. Если бы художникъ виѣсто копыя укрѣпилъ руку нимфы на раму зеркала и у ногъ ея положилъ виѣсто лани, медвѣжью шкуру, то вышло бы не менѣе удачное «послѣ купанья» и т. п. Впрочемъ не Бугро и не Лефевръ составляютъ point d'attraction настоящей выставки и публи-

ка толпится не передъ ними. Всеобщее вниманіе возбуждаютъ два большія полотна Жанъ Поля Лорана и молодого еще художника Рошгросса. Ж. П. Лоранъ оставилъ на время въ покоѣ своихъ инквизиторовъ и по заказу го-

рода написалъ громадное четырехсаженное полотно изъ временъ начала Французской революціи. Полотно должно служить заключительнымъ звеномъ къ цѣлому ряду картинъ для украшенія Парижской ратуши и изображаетъ Байльи, вручающаго трехцвѣтную кокарду королю Людовику XVI-му. Сцена происходитъ 17-го іюля 1789 года и относится къ той эпохѣ, когда послѣ взятія Бастиліи, король принужденъ былъ оставить Версаль и вѣрнуться Национальному Собранію. Байльи встрѣтилъ его у воротъ Парижа и вручилъ ему ключи Генриха IV-го. Безъ свиты и копвоя съ нѣсколькими приближен-

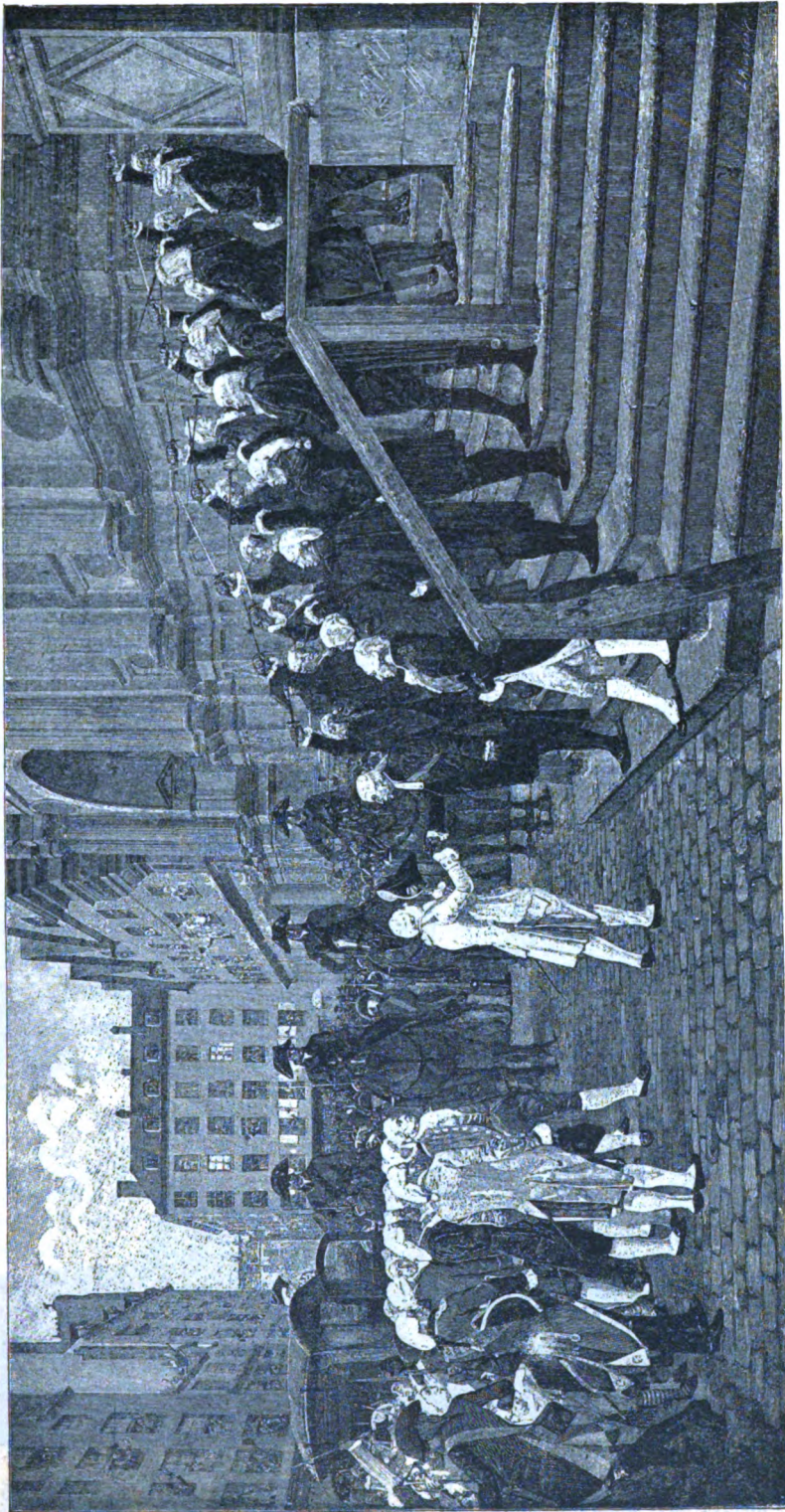
ными король прибылъ къ ратушѣ и здѣсь принялъ отъ Байльи трехцвѣтную кокарду, которую парижане съ самаго начала революціи приняли за свой отличительный знакъ. Король взомелъ на лѣстницу и окружавшіе граждане, обнаживъ свои шпаги, скрестили ихъ надъ головой короля въ знакъ того, что они принимаютъ его подъ свою охрану. Отсюда и названіе картины «Стальной сводъ» (Voute d'acier). Моментъ, какъ видитъ читатель, довольно знаменательный. Отжившее монархическое начало поколеблено. Самъ представитель его вынужденъ идти на уступки и у дверей ратуши, гордо поднявшее голову, третье сословіе беретъ подъ свою охрану уступившаго ему короля. Ни представители tiers états, ни король съ его приближенными не могли остаться спокойными и сцена дѣйствительно должна имѣть очень знаменательный видъ. Самъ Байльи говорить въ своихъ мемуарахъ: «Лязгъ оружія, шумъ голосовъ и даже самые радостные крики народа подъ сводами ратуши, все это носило какой-то злобвѣщій характеръ и я бы не удивился, если бы въ это время сердце короля сжалось отъ страха...»

Художникъ, тщательно изучилъ всѣ источники, нарисовалъ до точности вѣрно портреты короля и Байльи, старательно написалъ всю картину и во всякомъ случаѣ далъ крупную

и серьезную вещь, но главнаго въ ней все-таки нѣтъ и впечатлѣнія особеннаго картина непроизводитъ. —

Какъ въ большой части своихъ сценъ инквизиціи Ж. П. Лоранъ не заставляетъ сжиматься сердце зрителя, такъ и въ этой картинѣ не чувствуется всей торжественности и значенія изображеннаго момента. На лицахъ дѣйствующихъ лицъ такъ мало выраженія, что вы не увлекаетесь ими и не волнуетесь видѣть съ ними. Если бы не характерная и очень похожая фигура Людовика XVI, то въ первый моментъ вы бы могли принять всю сцену за простое возвращеніе короля изъ путешествія въ Парижъ или за пріемъ его въ какомъ нибудь городѣ. — Въ результатѣ тоже впечатлѣніе картины, а не дѣйствительности, которымъ вѣдетъ отъ большой части произведеній Салона. Тѣмъ же недостаткомъ страдаетъ и картина Рошгросса «Гибель Вавилона», хотя въ ней уже гораздо больше силы и таланта. Вообще ее можно считать наиболѣе выдающеюся вещь въ Салонѣ. Картина почти такихъ же

дѣянъ и Персовъ проникло въ заснувшій послѣ почныхъ оргій Вавилонъ и уже ворвалось во

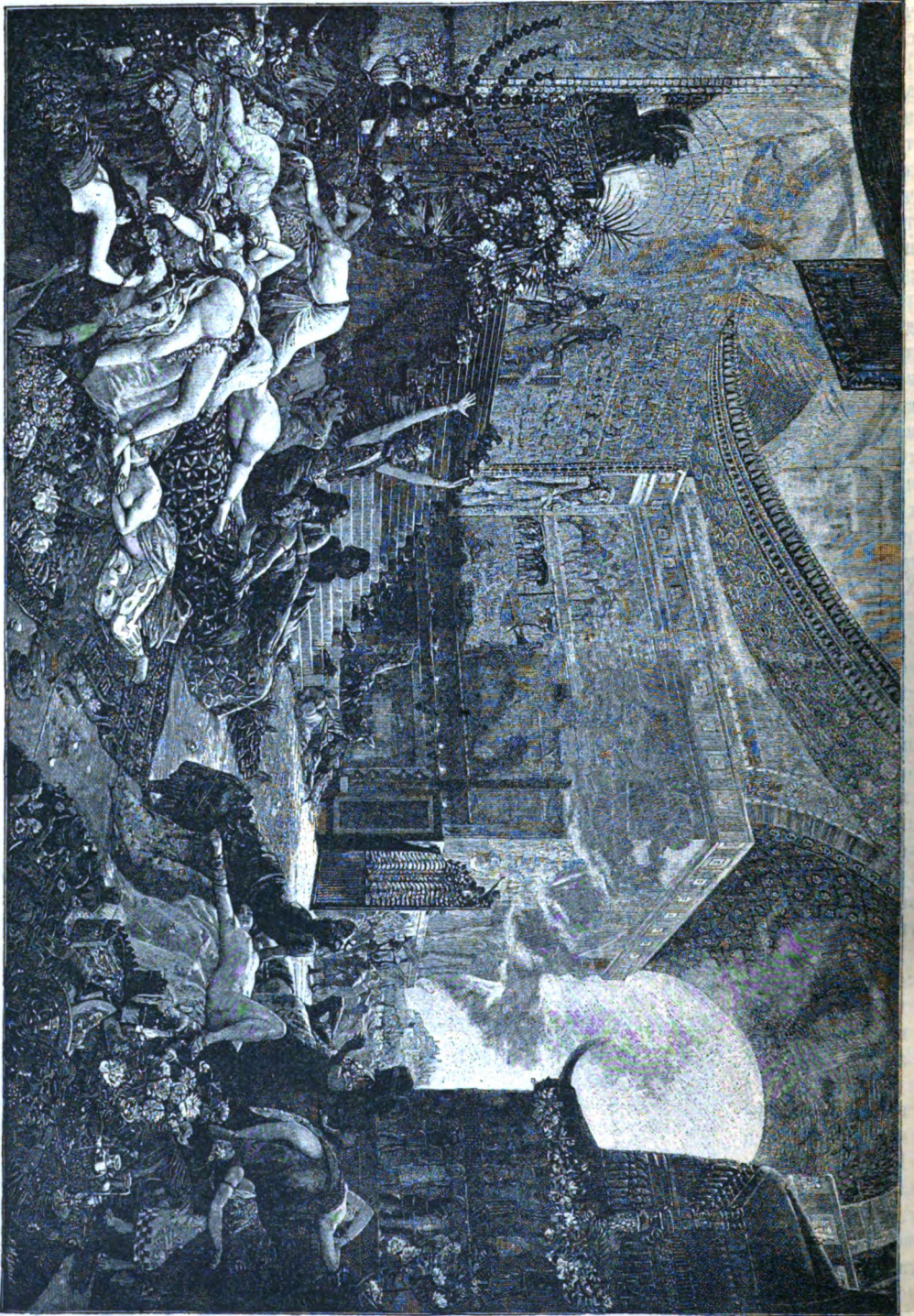
Ж. П. Лоранъ. „Стальной сводъ“, (Voute d'acier).

громадныхъ размѣровъ какъ «Voute d'acier» и изображаетъ тотъ моментъ, когда войско Ми-

дворецъ Валтасара. Передъ вами внутренность дворца. Утренняя заря врывается въ

просвѣтъ большаго вѣрота и свѣтъ ея борется съ отблескомъ догорающихъ свѣтильниковъ и факеловъ. Повсюду слѣды ужасаю-

во подножье громадной статуи Навуходоносора—память прежняго величія; а налѣво въ глубинѣ лѣстница въ чертоги Валтасара.— Врагъ ужь

Романосъ. „Паденіе Вавилона“.

щей оргіи. Обнаженныя женщины въ безстыдныхъ позахъ въ повалку спятъ съ пьяными вельможами и жрецами, между ними груды пѣвцовъ и сосудовъ съ разлитымъ виномъ. Напра-

близко, часть ихъ уже вбѣгаетъ въ вѣрота съ оружіемъ въ рукахъ... Кое-кто проснулся отъ шума и отъ ужаса не вѣритъ своимъ глазамъ. Въ одномъ мѣстѣ женская фигура, въ ужасѣ

судорожно подымавшая къверху руки, а на верху лѣстницы застывшая отъ ужаса фигура Валтасара, выбѣжавшаго на шумъ, и громадный призракъ ангела смерти, вздымающійся надъ нимъ съ косою. Картина стояла художнику долгихъ трудовъ, потребовала массы археологическихъ изысканій и доказала въ немъ весьма крупный талантъ. Ни одна изъ прошлыхъ картинъ его («Наказаніе Навуходоносора», «Саломея», «Гибель Трои», «Жакерія» и пр.) не завоевала ему такой славы. Но видѣть съ тѣмъ какъ ни хороша картина, она все-таки выразительна только какъ картина. Передъ вами точно роскошная сценическая постановка этого историческаго момента, а не дѣйствительность, и васъ

по такъ же, какъ и всадники мало походятъ на полчища Атиллы. Въ общемъ снова картина, красивая, но не дающая впечатлѣнія дѣйствительности. Картина Мишленъ съ такимъ же древне-баталическимъ сюжетомъ «Битва Амазонокъ» гораздо лучше и богаче движеніемъ. Что касается батальнаго жанра вообще, то онъ съ каждымъ годомъ обращаетъ на себя все меньше и меньше вниманія въ Салонѣ. Впечатлѣнія послѣдней войны стали забываться и въ картинахъ уже замѣчается извѣстная дѣланность и придуманность сюжета. Арманъ Дюма-рескъ выставилъ совершенно игрушечный «Эс-кортъ», сопровождающій какого-то генерала. Гранжанъ изобразилъ трагическую сцену раз-

Мишленъ. „Битва амазонокъ“.

ни на минуту не охватываетъ ужасъ въ ожиданіи страшнаго побоища, которое должно наступить черезъ нѣсколько мгновеній. Тотъ же самый упрекъ, но еще въ большей степени приходится сдѣлать и Шалову, взявшему подобный же моментъ гибели Сарданапала, саможигающагося на костръ. Шека, молодой художникъ, обратившій на себя вниманіе въ прошлогоднемъ Салонѣ своимъ «Бѣгомъ римскихъ колесницъ», далъ картину почти съ такимъ же движеніемъ лошадей, несущихъ шайку гунновъ послѣ грабежа какого-то города. Въ картинѣ есть движеніе, но позы скачущихъ лошадей крайне условны, лошади плохо нарисованы и совсѣмъ не похожи на дикихъ степняковъ, точ-

стрѣла шпіона, но придавъ всѣмъ лицамъ и фигурамъ такое выраженіе, какъ будто все дѣло происходитъ только примѣрно, а не въ дѣйствительности. Шартъ написалъ убитаго трубача, театрално падающаго съ лошади и простирающаго руки къ небесамъ, гдѣ носится призракъ его семьи, оплакивающей сына и т. д. Впрочемъ старые баталисты, живущіе еще воспоминаніями 71-го года, дали все-таки нѣсколько очень недурныхъ вещей. Берно Белькуръ выставилъ «Тревогу», съ выбѣгающими изъ дома на пустую улицу солдатами, а Бутинъ далъ не лишнюю впечатлѣнія сцену разстрѣла двухъ франтиреровъ («Неизвѣстные герои»).—Точно также Блохъ далъ нѣсколько мутноватую по

краскамъ, но очень живую сценку разрушенія франтирерами желѣзно-дорожнаго пути въ самый моментъ приближенія поѣзда.

Молодой художникъ Рурфе также обратилъ на себя вниманіе батальной картиной «Конецъ

скатывались вверху ногами въ пропасть, дава и калѣча сѣдоковъ.—Почти треть всей бригады осталась въ пропасти». Картина полна движенія и очень выразительна. Цѣлое море кнрасирь несется вихремъ на зрителя и на са-

Ж. Бретонъ. „Крестный ходъ въ Бретани“.

эпопеи». — Картина изображаетъ гибель бригады Дюбуа въ тотъ моментъ битвы при Ватерлоо, который такъ ярко описанъ Викторомъ Гюго: «Ихъ было три тысячи пятьсотъ человекъ...

можь первомъ планѣ низвергается въ пропасть. — Повы кое-гдѣ театральныя, но здѣсь это даже идетъ къ сюжету, придавая ему болѣе грандіозный видъ и напоминая самый слогъ Гюго.

Мушкати. „Любимая пѣсня“.

Это были гиганты на могучихъ, колоссальныхъ коняхъ... Они неслись какъ вихрь, неслись прямо къ отвѣсному обрыву... Вторая шеренга столкнула въ него первую, третья вторую; лошади вздымались на дыбы, опрокидывались и

Въ области обыкновеннаго жанра первое мѣсто принадлежитъ безспорно Жюль-Бретону, который оставилъ на сей разъ своихъ любимыхъ «Жнищъ», «Прачекъ» и т. п. и далъ большую, сложную картину крестнаго хода въ

Кергоръ въ Бретани. Картина носитъ на себѣ слѣды старательной работы и обдуманности и даетъ нѣсколько прекрасно схваченныхъ типовъ бретонскихъ крестьянъ. Въ общемъ отъ картины вѣетъ духомъ католицизма и впечатлѣніемъ темной, полной предрасудковъ деревенской толпы, благодаря чему картина—одна изъ наиболѣе интересныхъ въ Салонѣ.

Жофруа далъ довольно типичную картинку «Ночной пріютъ» съ типами подовковъ парижской жизни, Дантанъ повторилъ въ новомъ видѣ свою прелестную «Mouillage sur palette», красующуюся на московской Французской выставкѣ и написалъ «Реставрацію». Тотъ же знакомый публикѣ старичекъ въ той же мастерской съ воздушнѣмъ, полнымъ гипсовой пылью, занятъ реставраціей статуи, а служившая ему моделью дѣвушка спускается съ цѣдестала, на которомъ позировала. Въ простой непринужденной позѣ натурщицы, которая невольнымъ жестомъ руки совершенно открыла свою наготу, чувствуется такая скромность, такое невниманіе къ самой своей наготѣ, что вы невольно проникаетесь этой дѣловой атмосферой мастерской и забываете о прелестномъ юномъ тѣлѣ, которое стоитъ передъ вами. Къ числу наиболѣе интересныхъ жанровъ относится и полотно Мункачи, повторившаго одинъ изъ прежнихъ мотивовъ. Въ картинѣ молодой венгерецъ заслушался «Любимой пѣсни» и задумался подъ музыку странствующаго оркестра. Къ области жанра надо отнести и «Моряка-охотника» Ренуфа, очень выразительнаго и оригинально взятаго. Старый «морской волкъ» съ ружьемъ наготовѣ притаился въ камышахъ, и стебли пересѣкаютъ его всего и всю картину цѣлымъ рядомъ параллельныхъ вертикальныхъ свѣтлыхъ полосокъ. Въ области портрета экспонируютъ Бенжаменъ Констанъ, Бонна, Ж. П. Лоранъ и др., но чего либо особенно выдающагося нѣтъ.—Отдѣлъ излюбленной французами nuditée довольно богатъ числомъ, но по качеству также не представляетъ ничего выдающагося. Лами выставилъ «Цвѣтущую весну» въ духѣ своихъ обыкновенныхъ мотивовъ, и затѣмъ Генверъ, Бенверъ, Делакруа и масса другихъ съ болѣе или менѣе удачными этюдами голыхъ фигуръ подъ самыми разнообразными названіями: «купанья», «туалета», «размышленья» и т. п. Къ области nuditées надо отнести и картину Меньяна «Спальная сирены», повторяющую тотъ же мотивъ морскаго дна, что и въ «Рожденіи Жемчужины», но гораздо менѣе интересную, благодаря тому что фигура играетъ второстепенную роль.

Пейзажъ представленъ въ Салонѣ массою полотно, изъ которыхъ останавливаютъ на себѣ вниманіе вещи Гарпиньи, «Вечеръ» Танзи, «Бруклинскій мостъ» Ренуфа, ментонскіе виды Ланзейра, интересный по краскамъ «Маякъ въ Этрета» Пуатевена и т. п. Къ пейзажамъ же на-

до отнести и превосходное небольшое полотно Жерома, давашаго снова льва въ пустынѣ, только на сей разъ вѣсто знойнаго полдня передъ вами раннее утро; первые лучи солнца золотятъ холмы пустыни, а на первомъ планѣ царь пустыни, странно изогнувшись, высматриваетъ изъ-за камня добычу.

III.

Салонъ Марсова поля.

По общему приговору Салонъ «модернистовъ» отличается своимъ преобладаніемъ свѣтлаго, радостнаго колорита. Увлеченіе новизной и поиски новыхъ путей въ искусствѣ неизбѣжно должны были повести ко многимъ крайностямъ и потому здѣсь встрѣчаются подчасъ очень странныя вещи: то увлеченіе плэнэризмомъ доводитъ до совершенно мучнистаго, болѣзненнаго, блѣсватаго колорита, то являются картины точно написанныя одной сажой съ бѣлилами, то страшно зеленныя, то фіолетовыя, но въ общемъ далеко нельзя сдѣлать новому Салону упрека и въ немъ есть такіе жизненные, свѣжія вещи, до какихъ далеко академикамъ Елисейскихъ полей.—

Наиболѣе характернымъ представителемъ новаго Салона надо считать сравнительно еще молодаго художника А. П. Ролля. Картины его давно обращали на себя вниманіе въ Салонѣ. Въ своихъ вещахъ онъ ищетъ болѣе всего передачи природы и общаго ея впечатлѣнія. Сюжетъ обыкновенно совсѣмъ его не занимаетъ. Стоитъ только припомнить одну изъ его картинъ на французской выставкѣ въ Москвѣ, чтобы понять характеръ его письма. Полураздѣтая женщина сидитъ на стулѣ въ саду спиной къ зрителю и яркимъ пятномъ вырисовывается на темномъ фонѣ зелени. Картина очень большая, женщина почти въ полную величину природы и вѣстѣ съ тѣмъ смысла, сюжета въ картинѣ никакого. Все вниманіе сосредоточено на передачѣ природы заинтересовавшей художника своимъ пятномъ. Такихъ картинъ у Ролля было много, много было и совершенно неудачныхъ вещей, но были вещи и полныя воздуха и очень правдивыя. Даже въ своихъ портретахъ Ролль увлекается не столько сходствомъ въ деталяхъ, сколько общими выраженіемъ, при этомъ онъ любитъ писать портреты на открытѣмъ воздухѣ и, благодаря этому, они приобрѣтаютъ совершенно особый свѣжій видъ, рѣзко отличающій ихъ отъ работъ Бонна, Лефевра и др. При этомъ Ролль очень странно компануетъ свои портреты и болѣею частью беретъ одни бюсты или верхнюю часть фигуры до колѣнъ.

Въ нынѣшнемъ году онъ выставилъ шесть портретовъ и одинъ этюдъ nuditée. Нѣкоторые портреты очень удачны по выраженію и свѣдло могутъ считаться столько же портретами, сколько и картинами. Мы приводимъ снимокъ

съ его портрета неизвестной дамы съ сыномъ, какъ наиболѣе характерный въ настоящемъ Саловѣ. Другой очень оригинальный художникъ съ странными черноватыми колоритами, Болдини, также далъ весьма выразительный портретъ мальчика. Портреты же выставилъ в Ка-

если бы не главная фигура Христа. Художникъ почему то остановился передъ мыслью воспроизвести такого Богочеловѣка, какимъ былъ бы Онъ, явившись теперь на землю и принявъ видъ современнаго челоѣка. — Художникъ изобразилъ Его въ библейскомъ одѣяннн

и даже окружилъ Его лице сіяніемъ и тѣмъ самымъ придалъ своей картинѣ удивительно нелѣпный видъ. Впрочемъ фигура Христа неудовлетворительна даже и съ точки зрѣнія библейскаго изображенія и лицо Его не даетъ впечатлѣнія ни святости, ни духовной высоты. Фигура Христа не удалась и другому художнику Эдельфельду, написавшему «Христа и грѣшницу» по финляндской легендѣ. Духъ нашего времени даетъ слишкомъ мало почвы для созданія картинъ такого рода и современному

Роль Портреть.

ролюсь Дюранъ. Другой крупный представитель модернизма Пюви де Шаваннъ продолжаетъ свою декоративную живопись и выставилъ три аллегорическихъ панно, предназначенныя для украшения Hôtel de vill'а и Руанскаго музея: «Лѣто», «Гончарное искусство» и «Керамика». Новаго въ нихъ ничего нѣтъ. Тѣ же прямыя линіи и прямые углы, тѣ же фигуры въ духѣ античныхъ изображеній и тотъ же блѣсоватый тонъ, но на сей разъ повтореніе уже производитъ скучное впечатлѣніе и отдаетъ какъ кой то преднамѣренной вычурной погоней за простотой и наивностью.

Затѣмъ обращаетъ на себя общее вниманіе очень странная картина Боро: «Марія Магдалина на трапезѣ у фарисея». На картинѣ современная богатая комната и у сервированнаго стола мужская компанія характернаго современнаго буржуазнаго типа. Тутъ же раздѣлила съ ними столъ и современная Марія Магдалина въ нарядномъ кисейномъ туалетѣ. Она поражена словами сидящаго тутъ же Богочеловѣка и, конвульсивно рыдая, бросилась къ Его ногамъ, произведя всеобщій переполохъ. Все это очень хорошо выражено въ картинѣ, она очень оригинальна по замыслу и производила бы сильное впечатлѣніе,

художнику далеко до того глубокаго благоговѣйнаго отношенія къ лику Христа, при которомъ возможно созданіе сколько-нибудь сноснаго изображенія. Наше время — время жанра въ живописи, и здѣсь современный художникъ чувствуетъ себя болѣе дома. Такъ Даньянъ Бувре далъ незамысловатую, но выразительную сценку новобранцевъ, марширующихъ подъ звуки барабана Лермитъ и Рафаелли дали также нѣсколько вещей въ духѣ своихъ обыкновенныхъ сценъ изъ жизни французскихъ крестьянъ и рабочихъ, хотя и уступающихъ ихъ прежнимъ вещамъ, но хорошо написанныхъ и характерныхъ. Затѣмъ идетъ цѣлый рядъ такихъ же сценъ, Сена, Делаша, Сошона и др. Очень выразительна сцена скромныхъ похоронъ бѣдняка Луны и такой же рядъ сценъ буржуазной жизни, подчасъ не лишены интереса и очень хорошо написанныхъ, но не оставляющихъ особаго впечатлѣнія. Между ними останавливаетъ васъ только картинка Фраппа, «Бракъ по любви», очень интересная потому, какъ художникъ трактовалъ этотъ избитый сюжетъ. На картинѣ двуспальная кровать и на ней сладко спящая нѣжная пара. Онъ — красивый брюнетъ съ покойнымъ счастливымъ лицомъ обнимаетъ свою подругу, она — граціозная кошечка, прильнувшая къ его

плечу съ выраженіемъ блаженства. Не смотря на опасность сюжета, картинка крайне скромна и отъ нея вѣетъ такой радостью тихаго счастья, что вы долго потомъ возвращаетесь къ ней въ своемъ воспоминаніи.

Nudité также фигурируетъ и въ этомъ салонѣ, но гораздо въ меньшемъ количествѣ и среди нея есть очень удачные этюды.—

Среди пейзажей фигурируютъ Ивилль съ своей сѣрвовой дышкой далей, Ж. Руссо, Медагъ съ своими маринами и много другихъ.

Скульптура обонхъ салоновъ также очень мно-

гочисленна (болѣе 800 вещей). Есть много очень удачныхъ вещей, но особенной новизны въ замыслѣ чего-либо или исполненіи не замѣчается.

Нашъ г. Антокольскій, благодаря недоразумѣніямъ съ жюри, взялъ всѣ свои вещи изъ Салона и отсутствуетъ. Изъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ въ Салонѣ видимъ только очень подходящаго по письму къ французамъ К. Е. Маковскаго, выставившаго двѣ картины— «Вакханалія» и «Сборъ невѣсты къ вѣнцу». Послѣдняя была раньше уже выставлена въ Россіи.

Е. Перро. „Амуръ“. (Салонъ 1891 г.).

Лицеѣи.

(Театральные очерки.)

VI.

Въ Нижній-Новгородѣ.

«Невозможно иначе въ жизни,—гнусавилъ Семень Степанычъ, укладывая въ корзиночку свертки съ икрой, пирогами, «генераловской» колбасой и прочей снѣдью. — «Я, батюшка, постоянно съ собственнымъ буфетомъ ѣзжу по Россіи, сколько лѣтъ въ жизни, на станціяхъ ничего не покупаю: и дешевле, и, понимаете, животь не заболитъ. Капочка, Валя! Посмотрите, положены-ли на извозчика вещи-то. Петя, который часть-то?—суетялся Семень Степанычъ. — Ну, ѣдьте, ѣдьте, пора». Онъ поцѣловалъ и перекрестилъ дочерей, поцѣловался и съ Петей, въ десятый разъ повторивъ ему распоряженія о приготовленіи къ отъѣзду. Капочка и Валя должны были выѣхать изъ Москвы черезъ недѣлю послѣ нашего отъѣзда, вмѣстѣ съ Петей: у нихъ еще не все было готово «по костюмной части», объяснялъ Семень Степанычъ, да и по дому кой-какія распоряженія надобились. Всѣ мы вышли за ворота. Молчаливая Марья Луповна тоже выглядывала изъ калитки. Танцоровъ и съ нею поцѣловался, наскоро прошептавъ ей какія-то распоряженія. — «Ну, ѣдьте, ѣдьте, садитесь». Мы усѣлись и поѣхали.

Долго тянулись мы съ Танцоровымъ до Нижегородскаго вокзала.

Утомленный, едва ввалившись въ вагонъ, я сталъ-было укладываться спать. Танцоровъ остановилъ меня.

— Подождите, потомните съ полчаса, первую станцію проѣдемъ, тамъ въ первый классъ перейдемъ,—и просторнѣе, и покойнѣе.

— Какъ въ первый? Тамъ, вѣдь, дороже, у насъ билетъ втораго класса, приплачивать придется?

— Никогда въ жизни не приплачиваю и постоянно въ первомъ ѣзжу.

— Да какже это?—спросилъ я въ недоумѣніи.

Отворилась дверца вагона, вошелъ кондукторъ и началъ провѣрять билеты пассажировъ. Танцоровъ сдѣлалъ мнѣ пресмѣшную гримасу, лукаво подмигнулъ и щелкнулъ языкомъ, мотнувъ головой на бокъ, какъ-бы спрашивая: а вотъ, угадай, какъ?

— Давайте-же сюда билетъ-то. Вотъ и весь разговоръ въ жизни.

Когда очередь провѣрки билетовъ дошла до насъ, кондукторъ и Танцоровъ какъ-то переглянулись, что-то шепнули другъ-другу, въ рукахъ кондуктора зашуршала бумажка, послѣ чего оба они, еще разъ продѣлавши какую-то мимику, кивнули другъ другу и кондукторъ вышелъ изъ вагона.

— Поняли?—лукаво спросилъ меня Танцоровъ.

— Понялъ,—отвѣтилъ я, сконфуженно улыбаясь. — Да ловко-ли это, Семень Степанычъ, я боюсь, какъ-бы...

— Да полноте вы, молодой человекъ, ужъ я вамъ говорю, со мной ничего въ жизни не бойтесь. Ужъ я, батюшка, такой коваль въ жизни по всѣмъ этимъ желѣзнымъ дорогамъ, парходамъ, вездѣ въ жизни...

И въ самомъ дѣлѣ, проѣхавши первую станцію, кондукторъ перетащилъ наши вещи въ первый классъ, гдѣ мы преудобно разлеглись на широкихъ диванахъ.

— Ну, вотъ, видите, какъ чудесно устроились,—сказалъ Семень Степанычъ и, вытащивъ изъ кармана свой огромный бумажникъ, сталъ разбираться въ кучѣ бумагъ, записокъ и писемъ.

— Фу, ты, чтобъ тебя!—воскликнулъ онъ,

вдругъ. — Вѣдь, вотъ вѣчно что-нибудь да забудешь въ жизни! Экая досада, право!

— А что?

— Да надо было деньги дорожныя актеру одному дома оставить, онъ завтра зайти долженъ. Придется телеграмму Петѣ посылать. Экая досада!

— А кому это? — полюбобытствовалъ я.

— Кочубей-Онѣгинъ, съ комической аффектаціей произнесъ Танцоровъ.

— Какая громкая фамилія, — сказалъ я.

— Да это онъ по сценѣ только, а настоящая-то фамилія его Савельевъ.

— И хорошій актеръ? — спросилъ я.

— Откровенно я вамъ скажу, что актершка въ жизни, надо прямо говорить — дрянъ, а человѣкъ антрепренеру полезный: куда бы ни пріѣхалъ, недѣли не пройдетъ, — со всѣмъ городомъ перезнакомится, со всѣми другъ-приятель. И губернаторъ его знаетъ, и съ аптекаремъ, понимаете, печки и лавочки въ жизни, и въ острогѣ со зрителемъ другъ...

— Ну, ужъ и въ острогѣ! — засмѣялся я.

— А что вы думаете? Ей-Богу, именно, я вамъ говорю, въ острогѣ. Да вотъ, у насъ пьеса идетъ, можете, знаете: «Жертва за жертву», такъ тамъ, вѣдь, въ послѣднемъ дѣйствіи, кандалы и арестантскіе халаты нужны; ну, случись, антрепренеръ въ новый городъ пріѣдетъ, — дѣло еще вновь, — безъ такого человѣка ни за что не доставешь костюмовъ этихъ самыхъ, ей-Богу, никакой режизиторъ такъ живо не устроитъ, ужъ способность такая. Да чего! Въ третьемъ годѣ, на Пасхѣ, въ Уральскѣ мы ѣздили; такъ, знаете, на легкѣ, репертуарчикъ легенькій, — человѣкъ семь насъ было, — ну, костюмовъ, знаете, декораций много везти не стоитъ: на лошадахъ, вѣдь, все; такъ въ «Гамлетѣ» тронъ мы изъ вольтеровскаго кресла устранивали; думали-думали: чѣмъ-бы замаскировать. А онъ и говоритъ: парчей-бы побогаче. Я говорю: гдѣ-жь ее взять, парчуто? Парча-то вся дома. «Хотите, говорить, покровъ достану? Я, говорить, вчера у попа чай пилъ». И досталъ. Очень мило вышло изъ публики... Ей-Богу, что вы смѣетесь?

Со мной, просто, сдѣлались судороги отъ хохота.

Танцоровъ видимо любилъ посмѣшить разсказами. Я и до знакомства съ нимъ слыхалъ о его необыкновенной способности морить со смѣху разсказами и анекдотами.

— Смѣйтесь, батенька, смѣйтесь! Вотъ, послужите въ провинціи-то, въ жизни, увидите, что иначе обойдтись невозможно. Вѣдь, небось, первое-то и пятнадцатое число жалованье подай. А у меня еще, слава тебѣ Господи, въ жизни задержки не бывало, — кого хотите по Россіи въ жизни спросите.

Лицо Танцорова сдѣлалось уморительно серьезно.

— А отчего-съ? — продолжалъ онъ. — Оттого, что я, батюшка, антрепренерское дѣло вотъ какъ знаю въ жизни. У меня, съ позволенія сказать, всякая тряпочка въ дѣло идетъ, всякая мразь въ жизни съ пользой общему дѣлу приложена будетъ. Вотъ увидите, пріѣдемъ, какой у меня тамъ сюжетъ сидитъ, актеръ тоже, Булавкинъ фамилія ему; ничего не разберешь, что говорить, ей-Богу, во рту у него точно гвозди обойные... А изъ хорошей фамиліи: отецъ часовщикъ въ Москвѣ, магазинъ свой. Вотъ пріѣдемъ, такъ попробуйте, спросите его, гдѣ онъ живетъ въ Москвѣ.

— А что? Гдѣ же?

— Да ничего. Просто на Кисловкѣ живетъ.

— Ну, такъ что-же?

— А ни за что въ жизни не выговорить. На Бифловкѣ, говорить, и шабашъ. Имени своего ни за что выговорить не можетъ: Фтаннфлавъ Фтепанычъ, — и конечно дѣло! А вотъ, держу, вѣдь, третій годъ служить и ни за что въ жизни не разстанусь.

— Какъ же вы его держите, если онъ косноязыченъ?

— Музыку безподобно знаетъ и всѣхъ звѣрей въ жизни такъ передразниваетъ, просто удивительно; ноты переписываетъ, по собачьи лааетъ, пѣтухомъ поетъ, хрюкаетъ, соловьемъ свищетъ, — случается, въ пьесахъ, вотъ въ «Воспитанницѣ» или въ «Цырюльникѣ на Пескахъ»; вѣтеръ за кулисами дѣлается.

— Какъ вѣтеръ?

— А такъ: надуетъ щеки, губы вытянетъ, — чистая буря въ жизни! обмануться можно, ежели изъ-за кулисъ не видно.

Я заливался смѣхомъ. Танцоровъ пуще смѣшилъ меня.

— Ну, и роли вы ему даете?

— А какъ-же? Всѣхъ иностранцевъ переигралъ: Вомерія въ «Царской невѣстѣ», Маржерета въ «Самозванцѣ». Очень подходитъ: ничего не разберешь, что бормочетъ въ жизни, а иностранецъ долженъ говорить непонятно. — Свищетъ замѣчательно. Ежели пароходъ по шестѣ, или машина, — все въ жизни! Засунетъ два пальца въ ротъ, — пронзительно!

Должно быть, я такъ заразительно хохоталъ, что, наконецъ, и Танцоровъ, глядя на меня, тоже расхохотался.

— Станція такая-то, — сказалъ вошедшій кондукторъ, — поѣздъ стоитъ пять минутъ. Мы остановились у какой-то станціи съ буфетомъ.

Танцоровъ пошелъ угощать кондуктора водкой.

Утомленный и дорогою, и хохотомъ, я сталъ укладываться спать.

Танцоровъ скоро вернулся въ вагонъ. Поѣздъ тронулся.

Мы продолжали нашъ разговоръ лежа.

— Да-съ, такъ вотъ вы и поищите такихъ людей-то. Другой антрепренеръ и плюнуть-то на него на захочеть, а я вотъ съ удовольствіемъ жалованье ему плачу. Иначе, батюшка, невозможно въ жизни.

Онъ скоро задремалъ и заснулъ.

Меня также сильно клонило ко сну.

Впечатлѣнія трехдневнаго моего путешествія туманно проносились у меня въ памяти, сплутывались и мѣшались въ беспорядкѣ. То мысленно уносился я въ Петербургъ, къ роднымъ, то вставалъ передо мной театральныи свать Барабановъ или декораторъ Петя и незнакомый еще мнѣ дирижеръ Иванъ Антонычъ „со скрыпочкой“, Капочка, Валя и безконечная болтовня Танцорова. Вдругъ вспомнилось мнѣ, что я еще долженъ буду „поблагодарить“ Барабанова за рекомендацію меня Танцорову. Это говорили мнѣ всѣ, кто имѣлъ съ нимъ дѣло. „Деньгами, или подарокъ какой-нибудь?“ придумывалъ я. „Портсигаръ, да, лучше всего портсигаръ серебряный, рублей въ... Ну, да тамъ увидимъ, еще какъ пойдетъ дѣло...“ Снова пробѣжали у меня въ памяти необыкновенныя поговорки и прибаутки Барабанова. Смѣясь про себя, я повторялъ ихъ въ умѣ, безотчетно смѣшивая его болтовню съ болтовней Танцорова. Внутренно смѣясь, засыпалъ я и думалъ, что это за курьезный человекъ, этотъ Семень Степанычъ! Уваженіе и довѣріе мое къ нему какъ-то смѣшивались съ опасеніемъ и любопытствомъ къ уморительному его поведенію. Я заснулъ.

Если засыпаешь въ вагонѣ, на ходу, подъ шумъ колесъ и тряску, то просыпаешься часто отъ отсутствія шума, къ которому привыкаетъ сонъ, т. е. тогда, когда поѣздъ останавливается. Нѣсколько разъ просыпался я и смотрѣлъ на моего спящаго сосѣда. Танцоровъ и спалъ какъ-то необыкновенно смѣшно. Огромная его лысина освѣщалась фонаремъ сверху. Во снѣ онъ продѣлывалъ уморительныя гримасы и то пощипывалъ носомъ, то прихрапывалъ какимъ-то тоненькимъ теноркомъ и бредилъ. Одинъ разъ онъ даже приподнялся съ дивана и, не раскрывая глазъ, торопливо-услужливо прогнусавилъ: „чего изволите-съ“, потомъ мгновенно свернулся калачикомъ и опять захрапѣлъ.

Проснулся я на разсвѣтѣ и замѣтилъ, что поѣздъ нашъ стоитъ. Танцорова на диванѣ не было. Оказалось, что мы стоимъ у большой станціи съ буфетомъ, въ окно котораго я разглядѣлъ два-три заспанныхъ, пьющихъ чай пассажира. Семень Степанычъ, у стойки, чѣшъ-то угощалъ кондуктора. Я снова ушелъ въ вагонъ и залегъ спать, слыша сквозь сонъ разговоръ вошедшихъ кондуктора и Танцорова.

— Какъ-же, какъ-же, говорилъ кондукторъ,

они у Смолькова въ Нижнемъ играли. Хорошій господинъ былъ. Я и Корнелія Николаича знаю. Чудило такой, что...“

Дальше я уже не слышалъ ихъ разговора.

Я снова очутился въ комнатѣ свата-Барабанова. Иванъ Григорьевичъ сидѣлъ за своимъ столомъ, весь обшитый бѣлыми галуномъ и въ большой шляпѣ факельщика. Между мной и имъ клубился какой-то ароматный дымъ, мѣшавшій намъ видѣть другъ друга. Изъ-за стѣны раздавался хоръ залихватской пѣсни. Барабановъ говорилъ, будто продолжая давно уже начатый мнѣ рассказъ: „И вдругъ-съ портсигаръ, за рекомендацію: двухсотрублеваго ангажемента, comprenez-vous, серебряный портсигаръ рублей въ двѣнадцать, а продать — такъ еле-еле la poitіe дадутъ, c'est-a dire, шесть рублей-съ... вотъ такъ гонораръ. Нѣтъ-съ, батенька, это не подойдетъ-съ, sa n'ira pas! Себѣ дороже-съ!“ Я ежился на стулѣ, судорожно сжимая серебряный портсигаръ въ карманѣ. Дымъ то сгущался, то разсѣивался. У меня кружилась голова. Веселое пѣніе за стѣной смѣнилось погребальнымъ хоромъ. Комната стала наполняться какими-то монахами или странниками; понеслось стройное, знакомое слуху пѣніе. Боже мой! да это вѣдь третій актъ „Рогибды“! Хоронять Руальда и Барабановъ распоряжается похоронами... „Ходи веселѣй, кричишь онъ монахамъ, чего носы-то повѣсили! Вотъ я васъ! Я вамъ дамъ серебряные портсигары!“

— „Заспались, батюшка, вставайте, сейчасъ Нижний!“ — проговорилъ надо мной голосъ Танцорова. Я едва очнулся отъ тяжелого сна. Яркое, солнечное утро глядѣло въ окно вагона.

Въ пассажирахъ замѣчалось движеніе, какое бываетъ, когда поѣздъ подходитъ къ мѣсту назначенія.

Я тоже сталъ приготовляться къ выходу на свободу изъ душнаго вагона.

Нижегородская ярмарка была въ самомъ разгарѣ. Но какъ ни занимателенъ былъ для меня Нижний, какъ ни разбѣгались глаза на множество новыхъ впечатлѣній, новыхъ, невиданныхъ людей, встрѣчъ и пестрыхъ картинъ ярмарки, я непрестанно вспоминалъ, что все это лишь только путь, по которому мнѣ должно идти къ дѣлу. Театръ, — вотъ что меня занимало, тотъ N-скій театръ, гдѣ я буду играть на сценѣ. Мнѣ хотѣлось учить какую-нибудь роль, пробовать голосъ для монолога, „аридумывать гримировку для роли и т. д.“

Когда я проходилъ по торговымъ рядамъ ярмарки и глядѣлъ на множество выставленныхъ товаровъ, то непремѣнно мысленно приурочивалъ каждую вещь къ театру. Если я видѣлъ вывѣшенныя въ лавчонкѣ бусы, или янтари, то воображеніе мое непремѣнно рисовало мнѣ тотъ испанскій костюмъ, въ которомъ я буду играть въ N-скѣ Донъ Сезара де Базана и ко-

торый будет обшить непременно такими бурами. Какая-нибудь желтая кожа в кожаном ряду непременно заставляла меня подумать: „вот-бы сшить испанские ботфорты из такой кожи“. Трактирные пѣвицы на эстрадѣ вызывали въ моемъ воображеніи хоръ въ опереткѣ Н-скаго театра, а множество встрѣтившихся намъ актеровъ живыми разсказами о сценѣ и своимъ компетентнымъ тономъ возбуждали во мнѣ зависть и нетерпѣніе. „Эхъ, поскорѣй-бы и мнѣ играть и разсказывать какъ они“, думалось мнѣ.

Шумный, пестрый день съ его обѣдомъ въ трактирѣ, гдѣ пѣли пѣвицы, съ колоссальнымъ количествомъ всевозможныхъ товаровъ на улицахъ, съ музыкой, каруселями, лоттерейми на каждомъ шагу и, наконецъ, „Угольно или башня голода“ вечеромъ, въ „Американскомъ“ театрѣ, переполненномъ народомъ,—все это пролетѣло передо мной разомъ, какимъ-то фейерверкомъ, оставивъ мнѣ цѣлый сундуръ впечатлѣній, отъ которыхъ я радъ былъ отрѣшиться на другой день, на палубѣ парохода, подѣ свѣжимъ, дѣтски-радостнымъ чувствомъ, охватившимъ меня при видѣ въ первый разъ широкой матушки-Волги.

VII.

N—ский театр.

Былъ чудный, тихій вечеръ, какіе бываютъ подѣ конецъ лѣта на Волгѣ. Подѣ кожухами нашего парохода мѣрно шлепали по водѣ плицы колесъ. На синемъ фонѣ звѣзднаго неба грузно вырисовывались двѣ черныя трубы, красныя искры носились въ клубящемся изъ трубъ дымѣ, а за кормой, по темному зеркалу Волги, далеко тянулся бѣлый, пѣнный слѣдъ отъ парохода.

Заложа руки за спину, капитанъ тихо прохаживался по своему мостику; черныя силуэты двухъ лоцмановъ молча вертѣли рулевое колесо, вглядываясь въ даль Волги. Все затихло на пароходѣ; только въ носовой части палубы, внизу, отрывочно дрожали и терялись въ воздухѣ тихіе звуки гармоники. Мы прошли уже послѣднюю пристань передъ N-скомъ. Танцоровъ спалъ въ каютѣ, я любовался Волгой, сидя на палубѣ. По временамъ, по знаку капитана, пароходъ шелъ медленнѣе и съ носовой части раздавался голосъ матроса съ «наметкой».

— «Семь! — выкрикивалъ онъ, — семь съ полвина-ай! Осимь!»

И мы снова шли своимъ обычнымъ ходомъ. Всѣ эти подробности, впервые въ жизни видѣнные и слышанные мной, занимали меня и глубоко врѣзались въ памяти.

Было около десяти часовъ вечера, когда

пароходъ нашъ остановился у пристани города N-ска, живописно вырисовывавшагося на горѣ, по синему фону неба и усѣяннаго вечерними огоньками. — Танцоровъ нанялъ мнѣ извозчика, на котораго я взгромоздился, въ темнотѣ, съ своимъ чемоданомъ. Антрепренеръ мой, давъ мнѣ нужныя наставленія для найма номера въ гостинницѣ, распрощался со мной до завтра.

— «Въ Курчаевскую, — гнусавилъ онъ моему извозчику, — да, смотри, скажи, чтобы хорошей номеръ барину дали, скажи, что Семень Степанычъ прислалъ».

Черезъ полчаса я уже укладывался спать въ крошечномъ номерѣ Курчаевской гостинницы и долго, долго не могъ заснуть на новомъ мѣстѣ, подѣ сырымъ пикейнымъ одѣяломъ, на жесткой подушкѣ. Разныя тревожныя мысли волновали меня въ ожиданіи завтрашняго дня.

«Вотъ, завтра утромъ, думалъ я, я пойду въ театр. Что это за театр? Что тутъ за труппа? Съ кѣмъ мнѣ придется познакомиться?» Воображеніе мое услужливо рисовало передо мной все, что будетъ завтра. Затѣмъ какое-то тоскливое чувство одиночества среди чужихъ и что-то дѣтски жалобное овладѣло моимъ настроеніемъ. Мнѣ стало какъ-то скучно-скучно и ужасно хотѣлось домой. Такъ чувствовалъ я себя въ дѣтствѣ, когда мать оставляла меня одного въ гостяхъ и долго не приходила за мной. Петербургъ и вся семья моя вставали передо мной во всѣхъ подробностяхъ воспоминаній, и я заснулъ съ тяжелымъ чувствомъ одиночества и грусти.

Часовъ въ десять утра разбудилъ меня корридорный, стуча въ дверь моего номера.

— Господинъ, а господинъ! пожалуйста внизъ. Семень Степанычъ приказали разбудить васъ. Они со Снегиревымъ въ общей залѣ чай пьютъ и васъ просить приказали.

Умывшись и одѣвшись, я подошелъ къ окну, чтобы взглянуть днемъ на городъ, въ которомъ мнѣ предстояло прожить до великаго поста. Противъ самаго окна стоялъ лабазъ съ вывѣшанными въ дверяхъ кнутами и дугами, надъ которыми была вывѣска такого содержанія: «Продажа хомутовъ, кнутовъ и прочихъ състныхъхъ припасовъ».

Рядомъ съ лабазомъ красовалась вывѣска надъ «Квасной и кислочейной» лавкой, на ней были изображены бутылки, изъ которыхъ пѣна лилась дугою въ стаканы, а подѣ ними значилось: «кислыи щи, квасы, зельцерака вода, бу—7 коп., полбу—4 коп. сереб.».—Я сошелъ внизъ, въ «общую залу», гдѣ увидалъ Танцорова, бесѣдовавшаго за чаемъ съ какимъ-то человѣкомъ. Возлѣ нихъ на полу лежалъ великолѣпный бѣлый сетеръ.

— «Вотъ позвольте васъ познакомить: Снегиревъ Петръ Ивановичъ, нашъ корнетъ-пистонъ, довѣренный мой, буфетъ и вѣшалки у меня

держитъ *). Садитесь, чайку. Сейчасъ и Иванъ Антонычъ подойдетъ, — дирижеръ нашъ, напомнилъ мнѣ Танцоровъ, — я послалъ за нимъ. — Видимо желавшій казаться джентльменомъ, Петръ Иванычъ Снегиревъ очень манерно поздоровался со мной, проговоривъ: «особенно пріятно-съ».

Я чувствовалъ себя немножко неловко съ незнакомымъ «корнетъ-пистономъ».

Танцоровъ продолжалъ свой разговоръ съ нимъ.

— Ну, а холстъ?

— Холстъ, какъ говорится, въ дѣлѣ. Бабы шиваютъ со среды; въ субботу, я думаю, ужь растянуть, да и писать можно. Только вотъ декораторская то, не знаю, освободится-ли у насъ.

— А что?

— Да вѣдь въ ней, какъ говорится, Сodomъ и Гомморъ: вся мебель изъ партера сложена, полъ-то еще не просохъ въ партерѣ.

— Экая досада! Вѣдь дни черезъ три и Петя прійдетъ, надо бы ужь «Багдадскихъ пирожниковъ» готовить. Больно затаскались старья-то декорации, подновить надо. Ну, а «Жидовка»?

— «Жидовка» расписывается, хоровыя партіи общалъ завтра принести...

— А буфетъ?

— Буфетъ, какъ вы писали, голубой выкрасили, а дамское фойе зелененькой; ничего, хорошо вышло, такъ, какъ говорится, прилично. Да вотъ, сейчасъ пойдете, посмотримъ. Въ одиннадцать у насъ оркестровая репетиція въ буфетѣ.

— Ну, ладно, ладно. Ужь вы поторопите рабочиыхъ-то, Петръ Ивановичъ.

— Да я-бы радъ-радехонекъ, Семень Степанычъ. Мнѣ самому, по буфету-то, какъ говорится, приткнуться негдѣ: товаръ пришелъ, вина, тамъ, все это, вѣдь поставить некуда.

— Ахъ, эти ремонты въ жизни, то-есть, чистая бѣда! — А! вотъ и Иванъ Антонычъ!

Вошелъ улыбающійся Иванъ Антонычъ съ черной лягавой собакой. Бѣлый сетеръ Петра Иваныча хотѣлъ-было подняться на ноги, но, вздохнувъ, опять улегся на мѣсто, такъ какъ хозяинъ сказалъ ему «кушъ!»

Въ сѣренькомъ нанковомъ пиджакѣ поверхъ ситцевой рубашки, безъ галстука, гладко причесанный, съ черненькими усиками и тупоостриженной еспаньолкой, Иванъ Антонычъ больше походилъ на парикмахера, чѣмъ на дирижера.

— Съ пріѣздомъ, — нѣсколько подобострастно проговорилъ Иванъ Антонычъ, придерживая рукою своего пса, чтобы тотъ не обезножилъ кого-нибудь изъ насъ.

*) Т.-е. снимаетъ въ аренду вѣшалки для верхняго платья театральной публики.

Съ нимъ также познакомилъ меня Семень Степанычъ, причемъ Иванъ Антонычъ, садясь, хлопнулъ по головѣ собаку, проговоривъ: «очень пріятно-съ», а протянувъ мнѣ руку, сказалъ: «кушъ» и расхохотался вмѣстѣ со всей компаніей.

Оправившись, сидя на кончикѣ стула, Иванъ Антонычъ забесѣдовалъ со мной о музыкѣ и спрашивалъ меня, «какъ у насъ все это тамъ, въ Петербургѣ». Я сказалъ ему, что привезъ съ собой оркестровыя партіи новой оперетки, которыя Иванъ Антоновичъ тотчасъ-же затребовавалъ у меня, чтобы взять съ собой въ театръ и сейчасъ-же «сыгратъся» на репетиціи.

— Вотъ и очень пріятно-съ, — говорилъ онъ, передавая партіи, — послужимте вмѣстѣ-съ.

И по наружному ихъ виду, и по обращенію съ ними антрепренера я уже успѣлъ замѣтить, что «корнетъ-пистонъ» игралъ у Танцорова роль гораздо значительнѣе дирижера. Впоследствии оно такъ и оказалось, — Петръ Иванычъ былъ воротило и староста оркестра.

— А что, Иванъ Антонычъ, не пора-ли намъ? спросилъ Снегиревъ.

— Пойдемте, пойдете, Петръ Иванычъ, я думаю, ужь ребята собрались въ театрѣ.

Музыканты откланялись намъ и отправились на репетицію, каждый придерживая своего пса за ошейникъ.

— Хорошій народъ, — сказалъ имъ вслѣдъ Семень Степанычъ. — Сколько лѣтъ въ жизни не расстаемся. Они у меня съ семьями, съ женами, сестрами, братьями, — всё тутъ. Вотъ увидите. Бузьма Гаврылычъ, старикъ-виолончелистъ, съ двумя сыновьями, на альтыхъ играютъ, два брата Шигины — Петька и Васька, Хрижковины тоже, отецъ съ сыномъ, скрипачи, — семейный оркестръ въ жизни, — засмѣялся Танцоровъ.

— Да что-же это они у васъ всё съ собаками? — спросилъ я.

— Охотники. Вѣдь это все бывшіе крѣпостные знаменитаго богача-помѣщика Чисторизова, слышали, чай?

— Нѣтъ, не слышалъ.

— Какъ-же, обжора извѣстнѣйшій былъ по всей Волгѣ въ жизни.

— Какъ обжора?

— Ей-Богу, обжора! По три миски борщу съѣдалъ передъ обѣдомъ. Да вотъ, поживете здѣсь, такъ рассказовъ о немъ не оберетесь. И теперь еще по гостиницамъ здѣшнимъ борщъ подаютъ à la Чисторизовъ. Знаменитѣйшій въ жизни вельможа былъ. Театръ свой въ помѣстьи имѣлъ, крѣпостныхъ актеровъ, оркестръ великолѣпный, душъ восемьдесятъ, ко мнѣ-то ужь это остатки попали. Симфоніи играли, ну, и охота была первая на Волгѣ. Такъ вотъ и они-то всё охотники, въ барина пошла, заядлые собачники въ жизни. Бѣда мнѣ съ ними:

Наемъ прислуги.

Картина В. Е. Маковского.

(Передвижная выставка 1891 г.)

Фотогипса Шеррера, Наболяча и К^о.

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԳՐԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆ
(ՍՍՏՆՐԱՆԻՆԻ ՅՈՒՆԻՎԵՐՍԻՏԵՏԻ ԻՆՏԵՆՍԻՎ
ԻՆՏԵՆՍԻՎ Բ. Բ. ԱՅԿՈՎԵՐՅԱՆՈՒ
ԻՆՏԵՆՍԻՎ ԻՆՏԵՆՍԻՎՆԻ

Женщина Иеремья Иеремьевича в Москве.

THE
LIBRARY
OF THE
UNITED STATES
DEPARTMENT OF THE INTERIOR
BUREAU OF LAND MANAGEMENT
WASHINGTON, D. C.

въ охотничью пору никого не соберешь, всё разбредутся. А все хороший народъ. Я съ ними вотъ ужъ лѣтъ семь въ жизни не расстаюсь. Живемъ дружно. Ну, однако, пойдите, пойдите, я вамъ театръ покажу, познакомлю съ труппой; не всё еще съѣхались-то, кой-кто еще на Нижегородской доигрываетъ, ну, да теперь стануть подъѣзжать съ каждымъ днемъ, время ужъ собираться. Тамъ и за репетиціи примемся. — Танцоровъ расплатился за чай, и мы отправились пѣшкомъ. Театръ стоялъ недалеко отъ Курчаевской гостиницы.

Дорогой Танцоровъ знакомилъ меня съ городомъ.

— Это вотъ гимназія, вонъ соборъ, а это, высокое-то зданіе, это семинарія. А вотъ, завернемъ за Малую Дворянскую, тутъ ужъ, за угломъ, сейчасъ и театръ на площади, передъ бульваромъ, у самой Овечьей Слободки; то есть, это она такъ прежде называлась, а нынче ужъ *Театральная* улица, вотъ какъ у насъ! по петербургски-съ!

Дѣйствительно, за угломъ Дворянской показалось какое-то длинное, неуклюжее, деревянное зданіе со множествомъ желѣзныхъ трубъ на крышѣ. Оно скорѣе походило на какой-нибудь заводъ, чѣмъ на театръ.

Передній фасадъ его былъ украшенъ большими бѣлыми столбами въ видѣ колоннъ, на которыхъ неряшливо висѣли разноцвѣтные ключа содранныхъ афишъ.

Съ одной стороны театра были свалены всякаго рода декорации, поверхъ которыхъ висѣла истертая, обитая краснымъ кумачемъ, трехногій «тронъ» съ высокой спинкой, какъ видно, изъ «Гамлета», а подъ навѣсомъ крыльца стоялъ грубо намалеванный на холстѣ зеленый чортъ съ огромными рогами и вырѣзанными глазами.

По площади, передъ театромъ, ходили свиньи. На подъездѣ стояло пять-шесть человекъ, вѣроятно, служащихъ въ театрѣ и какая-то старая-престарая, улыбающаяся старушка.

Покуда всё эти люди хорошо привѣтствовали своего антрепренера, на перебой поздравляя его съ прїѣздомъ, Танцоровъ уморительно весело, комически раскланивался со старушкой, которая шамкала, хохоча и закрывая ротъ рукою.

— Охъ, озарники эдакіе, право, да будетъ вамъ Семенъ Степанычъ, — шамкала старушка. Скажите лучше, ваши-то всё, Капочка, Валенька здоровы-ли мои голубушки?

— Здоровы-съ, здоровы-съ. — Вотъ, перешете ву презантьте, — обратился онъ ко мнѣ, наша энженю, первая любовница Авдотья Алексѣевна-съ!

Новый взрывъ хохота присутствующихъ опощрялъ Танцорова дурачиться дальше.

Старушка протянула мнѣ руку и любовно-

простодушно прошамкала: «ахъ, да какіе молоденькіе-то, да хорошіе-то, вотъ очень приятно, служить виѣсть будемъ! Семенъ Степанычъ у насъ антрепренеръ хороший, добрый»...

— Ну, ладно, ладно, пойдите, пойдите, — потащилъ меня за рукавъ Семенъ Степанычъ, — а то, вѣдь, она какъ разъ обольститъ васъ, еще влюбитесь пожалуй...

И мы съ нимъ очутились въ темныхъ коридорахъ театра, натыкаясь въ темнотѣ на растворенныя двери ложъ. Меня обдало сыростью и запахомъ клеевой краски.

— Кто-же эта старушка-то, Семенъ Степанычъ, — спросилъ я на ходу, — тоже актриса?

— Какъ же! Авдотья Алексѣевна Шатунова. Она лѣтъ сорокъ слишкомъ въ городѣ, такъ ужъ и переходитъ отъ антрепренера къ антрепренеру виѣсть съ театромъ, по наслѣдству.

— Да вѣдь она стара. Что жъ она можетъ дѣлать?

— Кто? Шатунова-то? Молодыхъ за поясъ заткнетъ въ жизни! А поетъ такъ, что весь хоръ держитъ, ей-Богу! Какъ завинтить въ «Еленѣ» «Всѣ мы жаждемъ любви-и!» — вотъ увидите.

Оступаясь на разные уступы, возвышенія и ступеньки, пробрались мы къ свѣту, на сцену. Посреди сцены валялся съ разинутой пастью зеленый драконъ изъ холста, нашитаго на проволочную спираль.

— Это что же такое? — спросилъ я въ недоумѣніи.

— А это я Алладина играю въ «Багдадскихъ пирожникахъ», такъ на драконѣ на этомъ на полетѣ летаю въ третьемъ актѣ. «Кррракъ!» и на верхъ! Петя у меня машинистъ необыкновенный въ жизни!

Мнѣ даже жутко сдѣлалось: вдругъ, подумалъ я, Танцоровъ и меня заставитъ летать на драконѣ, на необыкновенныхъ машинахъ Петя...

Осмотрѣвъ со сцены зрительный залъ небольшого N-скаго театра, побывавъ въ дамскихъ и мужскихъ уборныхъ со щелявыми, досчатыми дверями, мы направились куда-то, позади сцены, откуда раздавалось то какое-то робкое пѣніе, то скрипка.

— Погодите-ко, сказалъ, прислушиваясь, Танцоровъ. Я услышалъ знакомый мотивъ изъ «Прекрасной Елены».

— Ну, да! Это Иванъ Антонычъ дублерку учить.

— Какую дублерку?

— Данюшку Чулкову. У меня, батенька, въ жизни такъ приложено, чтобы остановокъ никакихъ въ репертуарѣ не было. Случись, сохрани Богъ, захвораетъ-ли передъ спектаклемъ, или просто запаприничаетъ актриса, такъ у меня сейчасъ дублерка готова. Преспособная дѣвочка. За это и держу ихъ съ матерью. Мать тоже въ хорѣ участвуетъ, маленькія ролики

играетъ. Вотъ, зайдите въ бутафорскую. Должно быть, оркестръ-то еще не весь собрался, такъ Иванъ Антонычъ на досугѣ и проходить съ ней.

Мы подошли къ бутафорской.

— Продолжайте, продолжайте, — проговорилъ онъ, — мы вамъ не мѣшаемъ.

Въ заваленной бутафорскими вещами комнатѣ сидѣлъ Иванъ Антонычъ со скрипкой. Ноты онъ прислонилъ къ старой, размалеванной, деревянной вазѣ. Передъ нимъ стояла миловидная дѣвочка лѣтъ четырнадцати, а въ углу на старомъ, готическомъ креслѣ, съ очками на носу, вязала чулокъ бѣдно одѣтая пожилая женщина. При появленіи нашемъ, она приподнялась-было съ мѣста, но Танцоровъ, наскоро поздоровавшись съ нею, снова сказалъ: «продолжайте, продолжайте, мы сейчасъ уйдемъ».

«Мы всё невинны отъ рожденья
И нашей честью дорожимъ,
Но вѣдь бывають столкновенья,
Что просто нехотя грѣшимъ»

вытягивала дѣтскимъ голосомъ Данюшка Чулкова.

Съ видомъ опытной, старой актрисы поднялась съ мѣста мамаша и, поощряемая присутствіемъ антрепренера, строго обратилась къ дочери:

— Опять не такъ! Вы, Иванъ Антоновичъ, останавливайте ее пожалуйста. Въ субботу отлично дѣлала, теперь опять забыла.

— Да онѣ немножко сконфузились, — сказалъ Иванъ Антонычъ.

— Ми-дура, право, дура. Какъ я тебя учила? И мамаша запѣла выразительно весело:

«Что просто нехотя грѣшимъ!»

— Надо подмигнуть и улыбнуться! Ну, еще разъ!

И дѣвочка снова, вся раскраснѣвшись, вытягивала свою арію.

Мы вышли изъ бутафорской.

— А это? вотъ библиотека, — показывалъ мнѣ Танцоровъ, отворяя двери какой-то конуры, въ которой стояли два шкафа съ пьесами. При этомъ двери ударились о стоявшую за ними кушетку, на которой обнаружили чьи-то ноги, сейчасъ-же спустившіяся на полъ, а за ними предсталъ и обладатель ногъ.

— Яковъ Никитичъ, что это вы? отдыхаете? — спросилъ Танцоровъ.

— Ахъ, Семень Степанычъ, съ прїѣздомъ. Да вотъ, зубъ что-то... проговорилъ старикъ Яковъ Никитичъ, при чемъ на насъ пахнулъ очень опредѣленный запахъ водки.

— Зу-убъ? — добродушно улыбаясь прогнуса-валъ Танцоровъ. — Ну, ну, ладно ужъ, лежите, лежите, — и притворилъ двери.

— Суфлеръ нашъ и бібліотекаръ, — сказалъ мнѣ Семень Степанычъ, — безнодобный былъ въ

жизни суфлеръ лѣтъ десять назадъ, Мартынову суфлировалъ, когда тотъ по провинціи ѣздилъ, да ужъ старъ становится, да и зубы-то вотъ часто побаливають, — подмигнулъ Танцоровъ.

«О, неужли, боги, васъ веселить,
Коль наша честь кувыркѣмъ полетитъ?»

раздавался подъ скрипку дѣтскій голосокъ Чулковой.

— Тц! каково? — подмигивалъ мнѣ Семень Степанычъ, — я говорю, что преспособная дѣвочка. — Ну, пойдете въ буфетъ.

Мы снова стали пробираться по темнымъ коридорамъ къ театральному буфету, откуда слышался оркестровый строй инструментовъ.

Довольно большая и свѣтлая голубая комната, съ одной стороны которой стояли стеклянные шкафы и выручка, была вся заставлена стульями и юпитрами. Человѣкъ десять музыкантовъ самаго разнообразнаго вида, — кто стоя, кто сядя, — настраивали инструменты, шумно разговаривали и хохотали.

Въ комнатѣ было едва ли не столько же собакъ, сколько и музыкантовъ. Я не могъ не обратить вниманія на разнообразіе ихъ костюмовъ: тутъ были и охотничьи пиджаки, и венгерки, были и ситцевыя рубахи, а одинъ молодой парень съ кларнетомъ въ рукахъ просто былъ въ женской куцавейкѣ и, не смотря на теплое время, въ красномъ гарусномъ шарфѣ, намотанномъ на шею. Одинъ, знакомый ужъ мнѣ, Петръ Иванычъ Снегиревъ былъ одѣтъ опрятно и чисто.

— Шшш! тише! тише, говорятъ вамъ! громко проговорилъ, увидя насъ, старикъ віолончелистъ съ совершенно лысой головою, которую рѣзко раздѣляла поцѣламъ единственная, черная прядь волосъ. При появленіи нашемъ, къ строю инструментовъ, шуму и говору присоединился общій собачій лай и крикъ музыкантовъ-охотниковъ, унимавшихъ своихъ собакъ каждый по своему: «цыцъ! молчать! кушъ! тубо! Шарька! Войка! Вотъ я-те, дьявола!» такъ и рѣзало воздухъ посреди этого страшнаго гамма. Наконецъ удалось установить тишину и уложить по мѣстамъ собакъ.

Нѣкоторыя, по приказанію старика-віолончелиста, были вытолканы за двери.

— Здравствуйте, господа, — сказалъ Танцоровъ и поздоровался за руку, за всѣхъ, съ однимъ только віолончелистомъ, добавивши почтительно: Кузьмѣ Гаврилычу!

Музыканты шумно, какъ солдаты, отвѣчали разомъ: «съ прїѣздомъ, Семень Степанычъ!»

— Что-жъ вы не сыгрываетесь? — спросилъ Танцоровъ.

— Шигиныхъ нѣтъ, да и Иванъ Антонычъ куда-то запропастился, — отвѣчалъ віолончелистъ.

— Да Иванъ Антонычъ давно здѣсь, въ бу-

таферской Чулкову учить, вамъ и не слышать за шумомъ-то.

— О? Такъ мы сейчасъ. Михайло, клички. — Покуда кликали черезъ ложу Ивана Антоныча, Танцоровъ представлялъ меня своему оркестру вообще, а Кузьмъ Гаврилычу особо.

Въ то-же время явились и Шигины, одинъ съ барабанными палками, другой съ флейтой подъ мышкой. Я успѣлъ разглядѣть, что на пюпитрахъ были разложены мои ноты и готовилась услышать N-скую, доморощенную какофоню. Но вотъ появился у передняго пюпитра Иванъ Антонычъ, постучалъ по немъ смычкомъ, сказалъ что-то флейтѣ, ткнувши концомъ смычка ей въ ноты, нагнулся къ валдгорну, мигнулъ контрбасу и взмахнулъ смычкомъ, временами и самъ подыгрывая на скрилкѣ.

Отъ начала до конца увертюры музыканты не сбѣдали ни одной ошибки и съиграли пьесу такъ, какъ будто-бы нѣтъ уже много разъ приходилось играть ее.

Я просто изумился и, по окончаніи увертюры, не могъ удержаться отъ похвалъ.

— Вы меня извините, господа, — сказалъ я, — ноя, право, не ожидалъ услышать такое стройное и музыкальное исполненіе пьесы а *live ouvert*. — Въ отвѣтъ на это Кузьма Гаврилычъ съ достоинствомъ поднялся со своего стула, переложилъ смычекъ изъ правой руки въ лѣвую и, держась за грифъ виолончеля, четко проговорилъ:

— «Не токмо, сударь, а ливверъ, а я, въ тридцать первомъ году, передъ Его Высочествомъ Константинъ Павлычемъ солу игралъ». — Онъ поправилъ свою прядь волосъ на лысинѣ и опять сбѣлъ на мѣсто.

Оркестръ и дальше проигралъ всю оперетку съ такимъ же мастерствомъ и знаніемъ дѣла.

Танцоровъ побѣждалъ хлопотать по своимъ дѣламъ, а я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе Ивана Антоныча послушать, какъ они будутъ съигрывать серьезныя вещи, въ числѣ которыхъ оказались и Верди, и Шуманъ, и Вагнеръ. Оставалось только удивляться, какъ музыканты справлялись съ ними своимъ маленькимъ оркестромъ. Я поблагодарилъ своихъ новыхъ сослуживцевъ за доставленное мнѣ удовольствие и сошелъ внизъ, къ кассѣ, гдѣ нашелъ Танцорова, окруженнаго цѣлой кучей народа. Очевидно, здѣсь были не одни только актеры, потому-что между ними я замѣтилъ двухъ интендантскихъ чиновниковъ и даже дьякона съ папирской.

— Извольте видѣть, какое у насъ веселье, — проговорилъ очутившійся возлѣ меня Снегиревъ.

— Скажите пожалуйста, — спросилъ я его, — кто-же это такіе?

— А тутъ, какъ говорится, знаете, всѣхъ по-немногу: и наши, и публика...

— А дьяконъ-то?

Петръ Иванычъ засмѣялся.

— Общій пріятель. Первый театралъ. Въ спектакли-то ему ходить нельзя, такъ онъ на репетиціи. Басъ замѣчательный. Вотъ, жаль, буфетъ-то у меня еще не открытъ, а то бы ужъ онъ давно, какъ говорится, оглашалъ-бы тутъ: «чуютъ правду!»

— Ну, а эти чиновники-то?

— Тоже публика, любители; иногда участвуютъ въ пьесахъ, какъ говорится, по любви, когда роли не расходятся, много тутъ въ городѣ такихъ, вотъ познакомитесь. Вѣдь ужъ теперь у насъ это изо дня въ день пойдетъ, толчея-то: прослышали въ городѣ, что Танцоровъ пріѣхалъ, общій любимецъ. Вѣдь онъ у насъ, какъ говорится, ковалъ такой, что у-у! умѣетъ завертѣть публику... Нельзя-съ: дѣло коммерческое. А вамъ, я вижу, порядки эти въ диковинку. Вы, нешто, не бывали въ провинціи-то?

— Нѣтъ, не бывалъ еще, въ первый разъ.

— То-то, чать, вамъ послѣ Петербурха-то диковинно. — Ишь, вѣдь, скулятъ, точно кутята! *)— замѣтилъ, смѣясь, Петръ Иванычъ, потому что въ сборищѣ, которое смѣшилъ Танцоровъ раздался какой-то особенный визгъ и смѣхъ. Покуда Танцоровъ смѣшилъ окружающую публику, словоохотливый Петръ Иванычъ знакомилъ меня съ театральными дѣлами N-ска, стараясь не ударить въ грязь лицомъ передъ петербургскимъ новичкомъ-актеромъ и излагая все самымъ изысканнымъ слогомъ, причемъ безпрестанныя его «чать» и «какъ говорится» просто мѣшали мнѣ понимать его. Рассказалъ онъ мнѣ, что Танцорова въ городѣ «на рукахъ носить», особенно когда онъ поетъ куплеты, что въ N-скѣ больше всего любятъ оперетки и «волшебныя пьесы», но что Танцоровъ, какъ самъ бывший «казенный» артистъ, все-таки, ведетъ «репертуарчикъ чистенькій». Произнося эти слова, плутоватый Петръ Иванычъ переразнилъ гнусавый голосъ Танцорова. Отъ него я узналъ, что первая актриса Платовская очень не надежна въ труппѣ, какъ интригантка, и что она не ладитъ съ первымъ любовникомъ Лампасовымъ, но что бояться этого не должно, такъ какъ Семенъ Степанычъ, въ виду ея непрочности въ труппѣ, пригласилъ уже Сигову, актрису молодую, начинающую, но «если дать ходъ, то смѣло переиграетъ Платонскую». Онъ очень хвалилъ водевильную актрису Вѣрочку Глицерину, второй годъ служащую въ N-скѣ, сказалъ, что она прехорошенькая, причемъ нерѣшительно попытался мнѣ подмигнуть. По словамъ Петра Иваныча, комиковъ въ труппѣ, кромѣ самого Танцорова, было два—Недоплатовъ и Батоговскій, но первый пьетъ, а второй

*) Визжать точно щената.

мало занимается ролями, потому что «коммерція обуяла: волосами торгуеть».

— Как волосами торгуеть? — спросилъ я удивленно.

— Да такъ-съ. Назоветь окрестныхъ дѣвокъ, да бабъ деревенскихъ и давай смущать: «на что, говоритъ, вашъ волосищи-то этакия, только на глаза лѣзутъ, дай, дескать, остригу за рублевку, — и не жарко, и при деньгахъ будешь».

— Ну и что-же?

— Ну, которыя побѣднѣй, да поглупнѣй, какъ говорится, и продають. А онъ постомъ въ Москву волосъ-то везеть, огромныя деньги наживаетъ. Вотъ коммерція-то эта его, какъ говорится, и заѣла: никогда роли не знаетъ. А не будь этого, очень-бы хорошій актеръ былъ.

— Ну, а еще кто-же служить въ труппѣ?

— Да кто-же у насъ, позвольте...

Петръ Иванычъ вынулъ бумагу изъ кармана и сталъ читать.

— Мим... женскій персоналъ... ну, вотъ еще Семипалатова-Глинская, грандъ-дамъ, очень хорошая, Бузуева Настасья Яковлевна, тоже очень хорошая старуха комическая, вотъ Сигова, про которую я говорилъ, Чулкова, Шапунова... а тутъ ужъ мелкія — Рубликова, Федорова, Семенова... А мужчины... Туровъ-Гречанскій, Сапоговъ Иванъ Игнатьичъ, ну, вотъ эти... Лампасовъ, Шубинъ-Задолгинъ, Булавкинъ, Степановъ-Красный, Тарасовъ и Протасовъ.

Но тутъ произошло какое-то замѣшательство въ веселомъ, танцоровскомъ обществѣ. Всѣ какъ-то засуетились и разбѣжались по сторонамъ. Семень Степанычъ мигомъ преобразился, застегнулся и вылетѣлъ на подвѣздъ, откуда сейчасъ показался снова, пятясь задомъ, униженно кому-то раскланываясь.

Зазвенѣли шпоры.

Въ театръ пріѣхалъ усачъ-полиціймейстеръ.

— Во первыхъ-съ, забасилъ полу-шутя, полу-серьезно полиціймейстеръ, — извольте убрать-съ вашего чорта съ подвѣзда-съ и весь этотъ хламъ и мусоръ-съ.

Онъ сдѣлалъ подъ козырекъ всѣмъ раскланывшимся съ нимъ, а на реверансы женщины отвѣчалъ рукопожатіемъ.

— Сію минуточку, Борисъ Максимычъ, сію минутку-съ все приберуть-съ, — гнусавилъ Танцоровъ. — Вѣдь только что пріѣхалъ-съ, сами знаете, даже у васъ-то еще не успѣлъ побывать-съ... Петръ Иванычъ, распорядитесь, сдѣлайте милость, сейчасъ-же все прибрать, — суетился антрепренеръ.

— Ну-съ, что-же, скоро ужъ и за работу, а? — любезно басилъ полиціймейстеръ, оглядывая всѣхъ съ улыбкой. — Открытіе? А?

— Какъ-же, какъ-же-съ, открытіе-съ. Вотъ, у меня ужъ анонсъ готовъ-съ, предварительное извѣщеніе публики-съ. Давеча не успѣлъ за-

ѣхать, попросить васъ покорнѣйше подписать-съ... тараторилъ Танцоровъ, вынимая изъ кармана бумагу.

— Ну, давайте, здѣсь подпишу.

— Что вы, что вы, помилуйте, Борисъ Максимычъ, сибю ли я беспокоить... я ужъ завтра утречкомъ самъ въ канцелярію привезу-съ..

Полиціймейстеръ, видимо, желалъ щегольнуть передъ всѣми простотой и любезностью.

— Давайте, давайте, что за церемоніи, — сказалъ онъ, взявши бумагу, — чего-нибудь противуцензурнаго только...

— Что вы, что вы, какъ это можно! Подведу-ли я васъ! Не первый годъ въ жизни дѣло дѣлаемъ... Ахъ, Господи! Да какъ-же, вѣдь у насъ тутъ ни стола, ничего...

— Никакого стола не нужно-съ, давайте перо, или...

— Перо! — закричалъ Семень Степанычъ.

— Перо! — шепотомъ прокатилось по толпѣ, — перо, перо!

— Фію минуту, нефу-фъ, Феменъ Фтепанычъ, — закричалъ кто-то и въ одно мгновеніе, съ пузырькомъ чернилъ и перомъ въ рукѣ, появился Булавкинъ, котораго я узналъ по выговору. Полиціймейстеръ подозвалъ стоявшаго въ дверяхъ городского, молча повернулъ его къ себѣ задомъ и, наклонивши нѣсколько, на его спинѣ подписалъ афишу.

— Можете получить-съ, — улыбаясь, сказалъ онъ восхищенному антрепренеру. — Ахъ, да! Вотъ что-съ, чуть-было не забылъ-съ. Я получилъ предписаніе губернатора...

Онъ взялъ подъ руку подобострастно согнувагося Танцорова и отвелъ его въ сторону.

Ко мнѣ подошелъ худощавый, пожилой человекъ, брюнетъ, высокаго роста, въ золотомъ пенснѣ.

— Лампасовъ, — сказалъ онъ мнѣ, протягивая руку и, мотнувши головой въ сторону Танцорова, проговорилъ съ выразительной гримасой: — вотъ чего не выношу я въ нашеиъ импрессарио, — это его подхалимства; чортъ знаетъ, что за хамство! Ну, чего онъ лебезить передъ этимъ бурбономъ! — Вы гдѣ остановились?

— Въ Курчаевской гостинницѣ, — отвѣчалъ я.

— Фу, кабакъ! Что вамъ за охота!

Отъ Лампасова пахло пачулей. Кончики его подбритыхъ усовъ были наощены, какъ иглы. Онъ поминутно поправлялъ пенснѣ и прищуривался.

Къ намъ подошелъ симпатичнаго вида человекъ съ окладистой, русой бородой, въ высокихъ сапогахъ и въ тонкой поддевтѣ.

— Давайте знакомиться, — сказалъ онъ, шло и непринужденно протянувъ мнѣ женски-маленькую, блѣлую руку. — Я Шубинъ.

Лампасовъ взялъ его подъ руку и, представляя мнѣ, декламационно проговорилъ:

— Студентъ, артистъ, хористъ и...
— Только не аферистъ,—добродушно перебилъ его Шубинъ.

— Ну, разумѣется, сохрани Богъ,—говорилъ Лампасовъ, дружески похлопывая по плечу Шубина.

Полиціймейстеръ направлялся къ выходу.

— Такъ пожалуйста,—говорилъ онъ,—не забудьте.

— Будьте покойны, будьте покойны, Борисъ Максимычъ,—лебезилъ Танцоровъ,—все будетъ исполнено-сь.

Любезно откланявшись, полиціймейстеръ уѣхалъ. Вся компанія вышла на крыльцо. Дамъ ужь не было.

Танцоровъ посмотрѣлъ на часы.

— Ну-съ, что-же?—спросилъ онъ, оглядывая всѣхъ.

— Извѣстно, въ трактиръ,—сказалъ кто-то изъ толпы.

Всѣ разсмѣялись.

— А вы?—обратился ко мнѣ Танцоровъ.

— Я домой,—сказалъ я.

— Такъ вѣдь это тоже въ трактиръ. Ужь пойдите лучше виѣстѣ съ нами. Ужь заодно въ жизни...

Какой-то молодой человѣкъ отдѣлился отъ компаніи, подошелъ къ Танцорову и, сдѣлавъ сладкую мину, молча глядѣлъ въ глаза антрепренеру.

— Гм... Извольте видѣть,—мимика, сказалъ Семенъ Стенанычъ.—Сколько?

— Рубля три,—сconfуженно проговорилъ молодой человѣкъ.

Деньги были выданы, и мы, всей гурьбой, отравились въ трактиръ.

II. Свободинъ.

Лермонтовъ какъ драматургъ.

ятнадцатаго минувшаго іюля исполнимо полвѣка со дня кончины великаго поэта. Годовщина эта вызвала множество всякаго рода статей о жизни и талантѣ Лермонтова. Но и теперь, какъ и раньше, когда бы ни писали о Лермонтовѣ, оставленъ былъ въ сторонѣ одинъ вопросъ, далеко не лишенный интереса. Для нашего журнала незатронутый другими вопросъ этотъ исполненъ кромѣ того особеннаго значенія. Это значеніе мы и намѣрены выяснитъ.

Драматическія произведенія Лермонтова менѣе всего читаются и почти не принимаются въ расчетъ, когда дѣло идетъ объ оцѣнкѣ таланта великаго поэта. Такое отношеніе къ драмамъ справедливо съ точки зрѣнія литературной и эстетической. Рядомъ съ поэмами и лирическими стихотвореніями поэта, драмы кажутся крайне блѣдными, ничтожными. Но вопросъ совершенно мѣняется, если мы перестанемъ искать въ драмахъ Лермонтова его чуднаго поэтическаго генія, будемъ видѣть въ нихъ только матеріалъ, разъясняющій въ высшей степени сложную и оригинальную личность поэта. Тогда драмы получаютъ особенное значеніе и, можно сказать, безъ нихъ многіе важнѣйшіе факты въ жизни поэта и весьма характерныя черты его міросозерцанія остались бы неизвѣстны. И замѣчательно, что именно драмы Лермонтова, при всей ихъ художественной несостоятельности, одинаково полны и автобіографическимъ содержаніемъ и проникнуты излюбленными мотивами творчества поэта. Относительно поэмъ и стихотвореній это положеніе далеко не имѣетъ всей силы. Стихотворенія являются отраженіемъ внѣшнихъ фактовъ въ настроеніи поэта, это жизнь, прошедшая чрезъ чувство и сознаніе поэта. Часто мы только можемъ предполагать, какой именно фактъ вызвалъ извѣстное стихотвореніе, и предположенія далеко не всегда могутъ выйти изъ области самыхъ общихъ догадокъ. Иное

дѣло въ драмахъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ изложены просто и ясно *факты* жизни поэта, это не *чувства*, вдохновлявшія его, а исторія вполне достовѣрная, и при настоящемъ положеніи біографіи поэта, для насъ единственная, безусловно цѣнная. Въ другихъ драмахъ, гдѣ нѣтъ автобіографическаго содержанія, взятънъ его—предъ нами образы любимыхъ героевъ поэта, идеи, которыми онъ жилъ всю жизнь. Мы укажемъ на тѣ и другія черты Лермонтовскихъ драмъ.

Лермонтовъ, съ первыхъ же минутъ пробужденія поэтическаго творчества, чувствовалъ страстное, неудержимое влеченіе къ драмѣ. Энергическая, въ высшей степени напряженная внутренняя жизнь ребенка и юноши стремилась воплотиться въ драматической формѣ, какъ наиболѣе жизненной, болѣе всего заключающей въ себѣ движенія и страстныхъ порывовъ. Каждая идея, возникавшая въ юномъ умѣ, невольно превращалась въ тему для драмы. Кромѣ того, дѣтскія мечты о всевозможныхъ героическихъ подвигахъ, о рыцаряхъ, о грандіозной борьбѣ, а впоследствии увлеченіе демоническимъ, *могучимъ образомъ* сами собой должны были направить творчество начинающаго и быстро развивавшагося поэта—на драму.

И все-таки у Лермонтова не было задатковъ истиннаго драматурга, такъ же какъ ихъ не было у Байрона, у Альфреда Мюссе, вообще у всѣхъ поэтовъ, проникнутыхъ *субъективизмомъ*, необычайно упорнымъ и глубокимъ сознаніемъ своей личности и своей личной жизни. Это сознаніе безусловно и нераздѣльно владѣетъ нравственнымъ міромъ многихъ богато-одаренныхъ людей. Въ личныхъ чувствахъ для нихъ нѣтъ «ни великаго, ни святаго». Это, конечно, совершенно не то, чѣмъ живутъ обыкновенные эгоисты, также ничего не признающіе въ себя. Эгоизмъ и поэтическая субъективность ничего общаго не имѣютъ между собой. Эгоистъ стремится на все наложить свою руку,

всему придать излюбленную форму: поэтъ, съ субъективнымъ направлениемъ творчества, напротивъ на все самъ отзывается, каждое явление извнѣ воспринимаетъ въ нѣдра своего духа, и упорно, часто мучительно, осмысливаетъ эти явления, объединяетъ ихъ въ одно цѣлое, центромъ котораго остается личный нравственный мѣръ. На всѣхъ образахъ, вышедшихъ въ результатъ этой работы, будутъ лежать яркій отпечатокъ личности творца, но личность эта не остается чѣмъ-то неподвижнымъ, деспотически-несприимымъ: напротивъ, внѣшнія впечатлѣнія преобразовываютъ и развиваютъ эту личность, вносятъ въ нее новые мотивы невѣдомыхъ ей доселѣ настроеній и идей. Поэтъ — субъективистъ въ сущности величайшій мученикъ своего гения. Ни на одну минуту онъ не можетъ остаться равнодушнымъ къ внѣшнему міру: подобно крайне чувствительному музыкальному инструменту, онъ невольно отзывается на всѣ звуки, прилетающіе извнѣ, какъ бы болѣзненно ни отдавались они въ глубинѣ его сердца. Такому поэту менѣе всего доступно холодное, «олимпійское» созерцаніе дѣйствительности. Внѣшній фактъ, даже чужое настроеніе неминуемо становится фактомъ его *личной* духовной жизни въ самомъ полномъ значеніи этого слова. Поэтому, творчество такого рода поэтовъ всегда выражается въ формѣ лирики, поэзіи чувства и настроенія, и гораздо рѣже въ иныхъ формахъ. Но и въ другихъ областяхъ поэтъ остается тѣмъ же лирикомъ, тѣмъ же выразителемъ исключительно личнаго нравственнаго міра. Значеніе и достоинство поэзіи здѣсь зависятъ прямо отъ развитія и глубины этого міра.

Ясно, что такіе таланты менѣе всего рождаются для драматическаго творчества. Оно требуетъ спокойнаго, объективнаго изученія чужой жизни, требуетъ усвоенія этой жизни личнымъ сознаниемъ автора, иногда даже временнаго перерожденія поэта въ создаваемый имъ образъ, своего рода самоотреченія. Все это безусловно невозможно для поэта съ крайне развитой субъективной жизнью: онъ невольно все претворяетъ въ свое я или въ *прямую противоположность этого я*, и знаетъ поэтому, въ сущности только двухъ героевъ — себя и свой контрастъ. Въ настоящемъ случаѣ намъ нѣтъ нужды разбирать психологическія основы такого поэгическаго творчества. Мы указываемъ фактъ, оправданный множественностью въ высшей степени даровитыхъ поэтовъ и въ томъ числѣ Лермонтовыхъ. Онъ написалъ нѣсколько драмъ, глубоко до конца жизни интересовався драмой: то же было и съ Байрономъ, и все-таки ихъ драмы, въ поэтическомъ отношеніи, лишь блѣдный слугуэтъ ихъ громаднаго дарованія. Оба поэта не могли отрѣшиться отъ *личной* жизни настолько, чтобы

создать рядъ иныхъ, разнородныхъ образовъ. Во всемъ и всюду чувствуется ихъ личный Saft und Kraft, а при такихъ условіяхъ, конечно, не можетъ быть воплощена настоящая драматическая жизнь, полная разнообразія и движенія дѣйствительной жизни.

Послѣ этого мы можемъ освободить себя отъ разбора эстетическихъ и психологическихъ недостатковъ въ драмахъ Лермонтова. Мы заранѣе увѣрены, что многостороннихъ, ярко очерченныхъ характеровъ мы здѣсь не найдемъ, насъ повсюду будетъ преслѣдовать единственно-интересный и въ самомъ дѣлѣ драматической герой — личное я автора. Когда дѣло идетъ о Лермонтовѣ, это я получаетъ особенное значеніе и всякая черта, которую намъ удастся прочесть въ личности великаго человѣка, будетъ для насъ несомнѣнно цѣннымъ достояніемъ.

Лермонтовъ рано познакомился съ Шиллеромъ и страстный паеосъ юношескихъ драмъ нѣмецкаго поэта вызвалъ у него врожденная симпатія къ драмѣ. Въ ученическихъ запискахъ Лермонтова постоянно встрѣчаются наброски, планы, краткія замѣтки по поводу задуманныхъ драмъ. Нѣкоторыя изъ этихъ драмъ дѣйствительно были написаны. Сюжеты для нихъ юный авторъ бралъ отовсюду, гдѣ только ему представлялась трагическая борьба и необыкновенныя страданія. Послѣдній пунктъ особенно характеренъ для Лермонтова. Сочувствіе ко всѣмъ угнетеннымъ, обдѣленнымъ судьбою и людьми — основной мотивъ нравственнаго настроенія поэта въ теченіе всей жизни. Онъ имѣлъ полное основаніе говорить про себя: *я сынъ страданья*, — и отзывчивость на чужія страданія не покинула его даже въ тѣ годы, когда людская пошлость и эгоизмъ часто вызывали у него «стихъъ, облитый горечью и злостью». Въ своемъ показаніи по дѣлу о стихахъ на смерть Пушкина, Лермонтовъ откровенно заявлялъ, что страстный порывъ негодованія противъ враговъ и клеветниковъ погибшаго поэта былъ вызванъ у него «врожденнымъ чувствомъ защищать всякаго невинно осуждаемаго».

Эти страдалцы занимаютъ мысль и воображеніе поэта съ самаго ранняго возраста. На примѣръ, сюжетъ одной трагедіи поэтъ ищетъ въ судьбѣ «дикихъ, угнетенныхъ испанцами». По пути онъ хочетъ упомянуть въ пьесѣ о томъ, какъ и на Руси въ старое время продавали людей на ярмаркахъ, какъ негровъ. Всякая несправедливость общества вызываетъ у юнаго автора горячее негодованіе. Сюжетъ другой трагедіи слѣдующій: «Молодой человѣкъ въ Россіи, который *недворянскаго происхожденія*, отвергаемъ обществомъ, любовью, унижаемъ начальниками. (Онъ былъ изъ поповичей или изъ мѣщанъ; учился въ университетѣ и вой-

жировалъ на казенный счетъ). Онъ застрѣливается».

По этимъ краткимъ замѣткамъ мы можемъ предугадать идейное содержаніе будущихъ драмъ Лермонтова. Что касается художественныхъ взглядовъ юнаго поэта на драму, они въ высшей степени характерны для его эстетическаго развитія. Во время пребыванія въ университетѣ—Лермонтову въ это время было шестнадцать лѣтъ—онъ написалъ письмо къ одной родственницѣ съ цѣлью «защитить» Шекспира. Начало этого письма достойно полного вниманія: «*Ma chère tante. Vstupaюся за честь Шекспира. Если онъ великъ, то это въ «Гамлетѣ», если онъ истинно Шекспиръ, этотъ геній необъемлемый, проникающій въ сердце человѣка, въ законы судьбы, оригинальный, то есть неподражаемый Шекспиръ—то это въ «Гамлетѣ». Начну съ того, что имѣете вы переводъ не съ Шекспира, а переводъ перековерканной пьесы Дюсиса, который, чтобы удовлетворить приторному вкусу французовъ, немудрящихъ обнять высокое, и глупымъ ихъ правиламъ, перемѣнилъ родъ трагедіи и выпустилъ множество характеристическихъ сценъ: эти переводы, къ сожалѣнію, играютъ у насъ на театрѣ». Последнее замѣчаніе сумѣютъ оцѣнить всѣ, кому извѣстно, съ какимъ трудомъ русская и даже западно-европейская публика усвоивала творчество англійскаго драматурга въ чистомъ видѣ въ подлинникѣ, а не въ переложкахъ. Далѣе поэтъ пересказываетъ на память сцену изъ «Гамлета». Въ концѣ письма оказывается, что если бы родственница поэта не затронула чести Шекспира, юный студентъ врядъ-ли удосужился бы написать ей письмо—«вѣнчусь,—говоритъ авторъ,—некогда было; ваше письмо меня воспламенило: какъ обижать Шекспира?»*

Переѣхавъ изъ деревни въ Москву для поступленія въ пансіонъ, а позже въ университетъ, Лермонтовъ, повидимому, усердно принялся посѣщать театръ. Его оцѣнка актеровъ такъ же основательна и справедлива, какъ и эстетическія сужденія о драмѣ. Въ письмѣ къ той же родственницѣ онъ восхищается игрой Мочалова и сочувственно ссылается на свидѣтельство зрителей, ставившихъ Мочалова выше Каратыгина. Между прочимъ, мы узнаемъ, что поэту пришлось видѣть на сценѣ шиллеровскихъ «Разбойниковъ». Фактъ для насъ весьма важный: онъ вполне объясняетъ сильныя отголоски шиллеровской драматической манеры, звучащей въ юношескихъ драмахъ Лермонтова.

Юношескихъ драмъ Лермонтова—четыре—«Испанцы», «*Menschen und Leidenschaften*», «Странный человѣкъ», «Два брата». Изъ нихъ особенно важны для насъ двѣ—«*Menschen und Leidenschaften*» и «Странный человѣкъ».

Первая представляетъ настоящую автобіографію, излагаетъ дѣйствительныя отношенія въ семьѣ поэта въ періодъ его ранней юности; драма «Странный человѣкъ» даетъ въ высшей степени интересную характеристику нравственнаго и общественнаго міросозерцанія почти въ тотъ же періодъ его жизни.

Всѣмъ извѣстно, что Лермонтову весьма рано пришлось пережить семейную драму. Ему не было и трехъ лѣтъ, когда онъ лишился матери. Остались бабушка и отецъ. Последний въ семьѣ своей жены считался чѣмъ-то въ родѣ недостойнаго рагвену, семья, и бабушка въ томъ числѣ, не могла помириться съ мыслью о бракѣ Арсеньевой съ какимъ-то армейскимъ офицеромъ! Послѣ смерти жены мужу и сыну пришлось жестоко поплатиться за этотъ будто бы неравный союзъ. Поэтъ въ драмѣ рассказалъ всю эту исторію. Рассказъ вложенъ въ уста дяди героя—лица вымышленнаго, но самые факты не подлежатъ сомнѣнію, измѣнены только имена дѣйствующихъ лицъ: Лермонтовъ-отецъ названъ Николаемъ Михайловичемъ Волинымъ, его сынъ—Юриемъ, бабушка поэта—Марею Ивановной Громовой, а ея братъ—Павломъ Ивановичемъ. Дѣло идетъ о важнѣйшемъ фактѣ въ біографіи поэта, повлиявшемъ на все его творчество. Мы приведемъ этотъ рассказъ.

«За мѣсяцъ передъ смертью твоей матери (еще тебѣ было три года)—говоритъ дядя героя—когда еще она сдѣлалась очень больна, то начала подозрѣвать Марю Ивановну въ коварствѣ и умолила ее предъ Богомъ дать ей обѣщаніе любить Николая Михайлыча, какъ роднаго сына; она говорила ей: «*Маменька!* онъ меня любилъ, какъ только мужъ можетъ любить свою супругу—замѣните ему меня. Я чувствую, что я умираю». Тутъ слова ея пресѣлись, она посмотрѣла на тебя; молчаливый, живой взглядъ показывалъ, что она хочетъ что-то сказать на счетъ тебя, но рѣчь снова прерывалась на устахъ покойницы... Наконецъ, она вытребовала обѣщаніе покойницы, и скоро уснула вѣчнымъ сномъ... Твоя бабушка была огорчена ужасно, такъ же какъ и отецъ твой; весь домъ былъ въ смущеніи и слезахъ. Приѣхалъ братъ старухи Павелъ Ивановичъ и многіе другіе родственники усопшей. Вотъ Павелъ Ивановичъ и повелъ твоего отца для разсѣянія погулять, и говоритъ ему, что Марья Ивановна желаетъ воспитать тебя до тѣхъ поръ, пока тебѣ нужна матушка, что она умоляетъ его всѣмъ священнымъ въ свѣтѣ сдѣлать эту жертву. Отецъ твой согласился оставить тебя у большой бабушки и, будучи въ разстроенныхъ обстоятельствахъ, уѣхалъ со мною. Вотъ какъ все это началось... Черезъ три мѣсяца Николай Михайлычъ приѣзжаетъ сюда, чтобы тебѣ видѣть—приѣзжаетъ и слышитъ отвѣты роб-

кіе, двусмысленные отъ слугъ; спрашиваемъ тебя—говорять, нѣтъ... Онъ вообразилъ, что ты умеръ, ибо какъ вообразить, что тебя увезли на то время въ другую деревню»... Подобная исторія повторялась съ каждымъ прїѣздомъ отца повидаться съ сыномъ. На эти прїѣзды бабушка смотрѣла, какъ на своего рода непріятельское нашествіе и посылала немедленно за своимъ братомъ, ища у него защиты отъ непріятеля». Въ результатѣ отецъ Михаила Юрьевича, по словамъ того же рассказа, согласился оставить сына у бабушки до 16 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы на счетъ его воспитанія «относились къ нему во всемъ»,—но «второе обѣщаніе», прибавляетъ рассказчикъ, «такъ же дурно сдержано было, какъ первое».

Борьба длилась долгое время. Поэтъ только по переѣздѣ въ Москву могъ безпрепятственно видѣться съ отцомъ. Послѣдній, какъ объяснено въ драмѣ, въ интересахъ самого сына не могъ взять его къ себѣ: онъ былъ не въ состояніи платить большія деньги за его воспитаніе. Но по истеченіи 16 лѣтъ вопросъ долженъ былъ возникнуть съ новой силой. Юношѣ тяжело было выносить эту «распрю», которая—говорится въ драмѣ—«вся на него пала». Въ драмѣ объяснено и драматическое положеніе шестнадцатилѣтняго героя: онъ долженъ былъ дѣлать выборъ между отцомъ, которому «обязанъ жизнью» и бабушкой, имѣющей полное право «укорять его въ неблагоугодности, показывать всѣ свои попеченія объ его юности, всѣ свои благодѣянія», упрекать въ томъ, что «онъ отравилъ ея старость, сжегъ огнемъ терзавій сѣдые ей волосы»... Михаилъ Юрьевичъ остался у бабушки, отцу былъ нанесенъ самый сильный ударъ, онъ вскорѣ умеръ, и поэтъ всю жизнь не могъ забыть его страданій. Лермонтовъ неоднократно повторялъ въ стихотвореніяхъ жалобы, высказанныя въ драмѣ. Онъ говорилъ:

Ужасная судьба отца и сына—
Жить розно и въ разлукѣ умереть.

Въ драмѣ юный герой упрекаетъ бабушку за то, что она хотѣла поселить въ немъ ненависть къ отцу. Позже онъ писалъ, обращаясь къ нему:

Ты простишь мнѣ! Я ль виновенъ въ томъ,
Что люди угасить въ душѣ моей хотѣли
Огонь божественный, отъ самой колыбели
Горѣвшій въ ней, оправданный Творцомъ?
Однако жь тщетны были ихъ желанья;
Мы не нашли вражды одинъ въ другомъ,
Хоть оба стали жертвою страданья!

Въ драмѣ *Странный человекъ* рисуется нравственный міръ поэта. Факты драмы не имѣютъ личнаго отношенія къ автору, но характеристика главнаго героя—Владимира Арбенина—настоящее самооткровеніе Лермонтова.

Въ предисловіи къ драмѣ находится слѣдующее признаніе автора: «общество останется

для меня собраніемъ людей безчувственныхъ, самолюбивыхъ въ высшей степени, и полныхъ зависти къ тѣмъ, въ душѣ которыхъ сохраняется хотя малѣйшая искра небеснаго огня». Драма написана во время пребыванія поэта въ университетѣ: а именно это время отмѣчено въ произведеніяхъ Лермонтова особенно презрительнымъ отношеніемъ къ *сѣтѣ*. На поэта, очевидно, крайне удручающее впечатлѣніе произвелъ этотъ *сѣтъ* съ первого же знакомства съ нимъ. Владиміръ питааетъ тѣ же чувства. «Я не сотворю для свѣта и для людей», говоритъ онъ, и этотъ мотивъ неизмѣнно звучитъ въ стихотвореніяхъ поэта этого времени. Поэтъ и его герой чувствуютъ себя совершенно одинокими. Владиміръ въ теченіе всей драмы повторяетъ въ прозѣ содержаніе слѣдующихъ стиховъ, посвященныхъ авторомъ себѣ въ то самое время, когда возникла драма:

Никто не дорожитъ мной на землѣ
И самъ себѣ я въ тягость какъ другимъ,
Тоска блуждаетъ на моемъ челѣ.
Я холоденъ и гордъ...

Для характеристики умственной жизни поэта характерна сцена его съ мужикомъ. Мы уже замѣтили о симпатіяхъ Лермонтова къ слабымъ и угнетеннымъ. Въ сценѣ характеризуются крупное право въ мрачныхъ и рѣзкихъ чертахъ. Мужикъ рассказываетъ о тиранствахъ, совершаемыхъ барыней надъ своими рабами, рассказъ производитъ на Владиміра потрясающее впечатлѣніе... Очевидно, при всей антипатіи поэта къ обществу, ему не чужды были интересы лучшихъ современныхъ людей. Лермонтовъ не принадлежалъ къ студенческимъ кружкамъ, не былъ знакомъ съ Бѣлинскимъ, но, по любопытной случайности, другъ Владиміра, вѣстѣ съ нимъ слушающій жалобы мужика, носитъ фамилію великаго критика.

Изъ строго-автобиографическихъ чертъ драмы можно указать развѣ только одну—рассказъ служанки Аннушки о дѣтствѣ Владиміра. Лермонтовъ не могъ забыть пѣсни, которую ему въ дѣтствѣ напѣвала мать: впечатлѣніе пѣсни въ послѣдствіи слилось съ самымъ дорогимъ для поэта увлеченіемъ—съ красотами Кавказа. Аннушка упоминаетъ о такихъ же впечатлѣніяхъ Владиміра въ дѣтствѣ.

Въ чертахъ Владиміра Арбенина мы читаемъ черты одного изъ любимыхъ героев Лермонтова: Владиміръ носитъ даже одинаковую фамилію съ этимъ героемъ. Всѣ герои этого типа въ сущности одно и то же лицо: Демонъ, Измаиль Бей, Арсеній, Мцыри, Печоринъ, Арбенинъ—это отраженія все того же *молчаливаго образа*, которымъ грезилъ поэтъ едва ли не съ первой минуты сознанія. Основная черта этого образа—одиночество среди людей, среди всего міра, его печальная участь быть вѣчно непонятымъ, неоцѣненнымъ, видѣть свои

идеалы неудовлетворенными, надежды—обманутыми, любовь и страсть—непризнанной, часто осмѣянной. Въ результатѣ—гнѣвъ и презрѣніе наполняютъ его душу. Поэтъ различнымъ образомъ рассказываетъ этотъ путь опустошенія сердца, беретъ его въ различные періоды, но внутренній смыслъ разсказа всегда одинъ и тотъ же. Въ началѣ идеализмъ, вѣра, любовь, въ концѣ разочарованіе, сомнѣніе, одиночество.

Замѣчательно, что эта исторія разсказана, поэтомъ въ юношеской драмѣ «Два брата» и разсказана настолько полно и сильно, что авторъ счесть возможнымъ перенести буквально этотъ разсказъ въ свое позднѣйшее произведеніе, одно изъ болѣе совершенныхъ.

Одинъ изъ братьевъ—Александръ—ведетъ съ героиней драмы Вѣрой совершенно такой же разговоръ, какой вложенъ въ уста Печорина и княжны Мари, что важнѣе всего, Александръ излагаетъ свою личную психологію въ тѣхъ же самыхъ словахъ, какъ и Печоринъ. Только конецъ этого признанія различенъ. Печоринъ до конца остается въ глазахъ княжны разочарованнымъ, во власти холоднаго отчаянія, Александръ «дѣлаетъ послѣднее усиліе», рѣшается «узнать хоть разъ, что значить быть любимымъ». Это—послѣдняя надежда, послѣднее спасеніе поблекшей жизни, и Александръ цѣною жизни будетъ держаться за него. Онъ съ роднымъ братомъ вступить въ жестокою борьбу за любимую женщину. «Что хоть разъ мнѣ принадлежало», говоритъ онъ, «то не должно радовать другаго».

Отъ этого характера и настроенія намъ весьма легко перейти къ герою лучшаго драматическаго произведенія Лермонтова, къ Арбенину въ драмѣ «Маскарадъ».

Драма существуетъ въ двухъ редакціяхъ, главная разница между редакціями въ исходѣ драмы: въ одной Арбенинъ отравляетъ жену и самъ сходитъ съ ума, въ другой только пугаетъ ее и съ презрѣніемъ покидаетъ обманщицу. Первый исходъ, повидимому, болѣе гармонируетъ съ тѣми чертами, какія мы замѣтили въ Александрѣ, но второй исходъ—несравненно достойнѣе и свидѣтельствуетъ о зрѣлости и силѣ характера. Арбенинъ, во всемъ величіи демоническаго настроенія, долженъ былъ поступить и послѣ новаго и послѣдняго разочарованія такъ же, какъ поступилъ Демонъ, когда у него отняли душу Тамары:

И проклялъ Демонъ побѣжденный
Мечты безумныя свои,
И вновь остался онъ надменный
Одинъ, какъ прежде, во вселенной,
Безъ упованья и любви!...

Процессъ духовнаго развитія Арбенина совершенно тотъ же, что и у Демона. Онъ говоритъ Нинѣ о своемъ возрожденіи въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ Демонъ Тамарѣ:

Нынѣ черствая кора
Съ моей души слетѣла—миръ прекрасный,
Моимъ глазамъ открылся не напрасно,
И я воскресъ для жизни и добра.

Арбенинъ нѣсколько разъ рассказываетъ о своей жизни, его монологи—изложеніе всѣхъ лирическихъ стихотвореній Лермонтова, и цѣльны именно тѣмъ, что въ немногихъ, замѣчательно энергическихъ выраженіяхъ концентрируютъ все, что сказано поэтомъ о развитіи своей личности, своихъ отношеній къ людямъ. Мы находимъ даже, что Арбенинъ олицетворяетъ болѣе полное и искреннее самопризнаніе поэта. У Лермонтова, въ его стихотвореніяхъ, рядомъ съ «горечью и злостью», сверкаетъ часто ослѣпительнымъ свѣтомъ любовь, рядомъ съ разочарованіемъ переливается всей прелестью лазурныхъ небесъ—неистощимый идеализмъ. *Любить необходимо мнѣ*, говоритъ поэтъ. Это признаніе, будто невольно вылетающее изъ наболѣвшей груди, превосходно выражено въ словахъ Владиміра Арбенина: «Я бы желалъ удалиться совершенно отъ людей, но привычка не позволяетъ мнѣ. Когда я одинъ, то мнѣ кажется, что никто меня не любитъ, никто не заботится обо мнѣ... и это такъ тяжело».

При всемъ разочарованіи въ людяхъ у поэта
Пустое сердце нило безъ страстей
И въ глубинѣ сердечныхъ ранъ
Жила любовь, богиня юныхъ дней!...

Поэтъ, вмѣстѣ съ своимъ героемъ повторяетъ:

Вездѣ я видѣлъ зло.

И въ то время онъ глубоко вѣровалъ въ самую утѣшительную, вѣчно ободряющую надежду, даже доказывалъ ее, ссылаясь на мудрость и благость Провидѣнія:

Когда-бъ въ покорности незнаны
Насъ жить Создатель осудилъ,
Неисполнимыя желанья,
Онъ въ нашу душу бъ не вложилъ,
Онъ не позволялъ бы стремиться
Къ тому, что не должно свершиться;
Онъ не позволилъ бы искать
Въ себѣ и въ мірѣ совершенства,
Когда намъ полнаго блаженства
Не должно вѣчно было знать.

У Арбенина также въ глубинѣ души не умирала эта вѣчно юная надежда и онъ съ былою страстью и трепетомъ счастья полюбилъ Нину. Демонъ, послѣ ряда вѣковъ злобы и холоднаго презрѣнія, любитъ Тамару, болѣе «опустошенный» изъ этихъ героев Печоринъ—и тотъ боится вновь полюбить, минути чувствуетъ приступъ давно минувшихъ сердечныхъ бурь. Развѣ можетъ быть болѣе ясное и вразумительное толкованіе того, что зовется Лермонтовскимъ *разочарованіемъ*? Оно существуетъ до тѣхъ поръ, пока нѣтъ предмета, достойнаго очарованья, любви, восторга. Онъ явится, — и ледяной покровъ сердца быстро

растаетъ, и вновь зацвѣтеть весна въ только что за минуту холодной груди.

Для прекраснаго могилы нѣтъ,
учить насъ Лермонтовъ, всю жизнь оставав-
шійся искренно, глубоковѣрующимъ идеали-
стомъ.

Арбенинъ— новое и наиболѣе реальное до-
казательство этого идеализма. Онъ, правда, тер-
питъ жестокою неудачу, долженъ покинуть лю-
бимую имъ женщину, но и въ горькія мину-
ты удара не можетъ усомниться въ томъ, что
на землѣ все-таки есть «небесный рай», хотя,
можетъ быть, и не для него. Но кто знаетъ?

Вѣдь Арбенинъ уносить въ изгнаніе образъ бла-
городной дѣвушки. Зачѣмъ ему былъ бы этотъ
образъ, если бы, послѣ всѣхъ огорченій, въ
его сердцѣ далеко, можетъ быть, безъ его вѣ-
дома, не теплилась искра надежды на новое
счастье. Эта искра можетъ загорѣться, когда
на пути изгнаннику встрѣтится не восходи-
ніе, не образъ только, а сама реальная жен-
щина, исполненная дивной красоты духовной
и тѣлесной. Все можетъ быть: вѣдь

Для прекраснаго могилы нѣтъ.

Ив. Ивановъ.

Прототипы Фольстафа.

(Посвящается Александру Николаевичу Веселовскому).

реди личностей, созданных гением Шекспира, личность Джэка Фольстафа занимает исключительное положение. Въ созданіи этого типа Шекспиръ разрѣшилъ трудную психологическую задачу, сдѣлавъ забавнымъ и даже интереснымъ для публики человѣка совершенно негоднаго въ нравственномъ отношеніи, нисколько не насилуя нашего нравственного чувства. Зритель очень хорошо знаетъ, что у толстаго Джэка нѣтъ никакихъ нравственныхъ принциповъ, что всѣ его помыслы направлены къ удовлетворенію чувственныхъ потребностей, но въ этомъ комѣ сала столько веселости, остроумія и навянаго юмора, а его эпикурейская философія такъ своеобразна и курьезна, что публика съ неослабнымъ интересомъ слѣдитъ за его похождениями, скучаетъ, когда его нѣтъ на сценѣ и съ искреннимъ участіемъ слушаетъ рассказъ Квикли объ его смерти и о томъ, какъ онъ на смертномъ одрѣ проклиналъ погубившій его хересь (Генрихъ V, Актъ II, Сц. III). Хотя типъ Фольстафа, какъ художественное цѣлое, составляетъ безспорное достояніе творческой фантазіи Шекспира, но элементы, изъ которыхъ сложился этотъ типъ, существовали задолго до Шекспира. Къ нимъ нужно отнести и эпикурейскій взглядъ на жизнь, свойственный эпохѣ Возрожденія, и условія англійской жизни въ эпоху Елизаветы, представлявшія удобную почву для развитія подобныхъ характеровъ, и, наконецъ, длинную вереницу литературныхъ типовъ, изъ которыхъ въ каждомъ можно встрѣтить ту или другую черту характера Фольстафа. Литературную основу личности Фольстафа составляетъ перенесенный изъ среднегреческой комедіи въ римскую типъ хвастливаго воина. Разработкѣ этого типа Плавтъ по-

святилъ свою знаменитую комедію *Воинъ-Хвастунъ* (*Miles Gloriosus*). Герой этой комедіи навивно воображаетъ, что онъ одинаково непобѣдимъ, какъ на полѣ чести, такъ и въ любовныхъ дѣлахъ. Эту увѣренность поддерживаетъ въ немъ его паразитъ Артотрогъ, котораго онъ за это угощаетъ вкусными обѣдами. На этой чертѣ характера Пиргополиника построена интрига комедіи. Его безъ труда увѣряютъ, что въ него безъ памяти влюблена жена его сосѣда, роль которой очень искусно разыгрываетъ навятая для этой цѣли куртизанка Акротелетія. Занятый предстоящей побѣдой, Пиргополиникъ позволяетъ своей прежней возлюбленной Филокомасіи уѣхать въ Аѳины съ своимъ женихомъ, захвативъ съ собою всѣ его подарки. Когда же онъ приходитъ на свиданіе съ своей новой возлюбленной, его избиваютъ и прогоняютъ съ позоромъ. Другую разновидность подобнаго же типа вывелъ Теренцій въ эпизодической личности воина Фразона въ своей комедіи *Евнуха*. Фразонъ—такой же безстыдный хвастунъ, какъ и его предшественникъ, но онъ не столько превозносится своей храбростью и красотой, сколько своимъ остроуміемъ: онъ съ упоеніемъ рассказываетъ, какъ сами цари искали его общества, какъ онъ однажды на пиру срѣзалъ своимъ остроуміемъ какого-то родосца и т. д. — Такимъ образомъ уже въ римской комедіи мы встрѣчаемъ двѣ разновидности типа хвастливаго воина, которыя получаютъ дальнѣйшую разработку въ новоевропейскихъ литературахъ. Вліяніе Плавтовой комедіи было весьма значительно въ эпоху Возрожденія. Начиная съ XVI в. передѣлки и подражанія *Хвастливаго Воина* часто встрѣчаются во всѣхъ литературахъ Европы *). По свидѣтельству хро-

*) Литературная исторія вліянія *Miles Gloriosus* на новоевропейскую комедію весьма обстоятельно

ники Голиншэда уже въ 1520 г. была представлена при английскомъ дворѣ одна изъ комедій Плавта. Семнадцать лѣтъ спустя вышла въ свѣтъ интермедія *Терситъ*, характеръ котораго представляетъ собой древнѣйшую въ английской литературѣ обработку типа *Хвастливаго Воина* *) Къ половинѣ XVI в. относится первая правильная английская комедія *Ральфъ Ройстеръ Дойстеръ*, написанная подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Плавтовой комедіи. Подобно своему римскому прототипу, Ральфъ влюбленъ въ самого себя; подобно ему, онъ хвастается своими военными подвигами и своими любовными побѣдами. Развязка обѣихъ комедій весьма сходна: и тамъ, и здѣсь хвастунъ дѣлается жертвой своего самовосхищенія и его прогоняютъ съ позоромъ; разница въ томъ, что въ английской комедіи дама, которой Ральфъ надѣбаетъ своей любовью, прощаетъ его и даже приглашаетъ къ себѣ на свадьбу **). Для полноты обзора слѣдуетъ упомянуть о возникшей на почвѣ изученія обѣихъ комедій личности хвастливаго воина сэра Топаса въ драмѣ Лилли *Эндиміонъ*, хотя его правильнѣе назвать карикатурой, тѣмъ комическимъ характеромъ. Въ первыхъ двухъ актахъ сэръ Топасъ идетъ по слѣдамъ своихъ предшественниковъ и разглагольствуетъ въ высокопарныхъ фразахъ о своихъ побѣдахъ на войнѣ и о своей неотразимости въ любовныхъ дѣлахъ; въ трехъ послѣднихъ, онъ, влюбившись въ старую вѣдму Дипсасъ, превращается въ плаксиваго вздыхателя, мѣняетъ мечъ и копьё на Овидія и изливается въ любовныхъ воркованіяхъ, тѣмъ болѣе несообразныхъ, что они обращены къ безобразной старухѣ. Гораздо большее значеніе въ исторіи шекспировскаго творчества имѣетъ типъ хвастливаго рыцаря Базилиско, выведенный въ пьесѣ *Солманъ и Персида*, приписываемой Киду. Высокопарныя похвальбы этого рыцаря, испещренныя классическими намеками и сравненіями, представляютъ собой одинъ изъ древнѣйшихъ образчиковъ испанскаго эффуизма и заставляютъ предчувствовать широкоувчательную рѣчь испанскаго рыцаря Донъ Армадо въ комедіи Шекспира *Потерянная Усмилъ Любви*. Знакомство Шекспира съ этой пьесой доказывается тѣмъ, что онъ заимствовалъ отсюда имя одного изъ самыхъ нахальныхъ спутниковъ Фольстафа знаменосца Пистолья (въ пьесѣ Киды онъ называется Пистонъ), но онъ этимъ не ограничился и придалъ своему Пистолью нѣкоторыя чер-

ты его стариннаго соотечественника. Такъ Шекспировскій Пистоль, подобно Пистону Киды, плутовать въ игрѣ, любить и употреблять въ своей рѣчи иностранныя выраженія, которыя по своему невѣжеству сильно перевираетъ *). Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть еще объ одной пьесѣ стариннаго до-шекспировскаго репертуара, которая оказала значительное вліяніе на постройку «Генриха IV». Я разумѣю пьесу *Славныя Побѣды Генриха V* (The Famous Victories of Henry the Fifth) неизвѣстнаго автора, гдѣ встрѣчаются личности сэра Джона Олдкэстля и его товарищей Нада и Тома, которые играютъ здѣсь по отношенію къ принцу Генриху почти ту же роль, какую играютъ Фольстафъ и его спутники въ обѣихъ частяхъ Генриха IV. Въ обществѣ этихъ забулдыгъ коротаетъ свои досуги принцъ Вэльскій, съ ними совершаетъ различныя неблаговидныя продѣлки, которыя приводятъ въ отчаяніе стараго короля. Хорошо знавшій эту пьесу, Шекспиръ могъ позаимствовать изъ нея не только оригинальный приемъ веденія разомъ двухъ параллельныхъ дѣйствій, серьезнаго и комическаго, но и самую развязку, ибо и старинная пьеса тоже оканчивается тѣмъ, что принцъ Вэльскій, вступивши на престолъ, стыдится своего прошлаго и изгоняетъ изъ своего присутствія товарищей своихъ кутежей; разница въ томъ, что слова, съ которыми въ пьесѣ Шекспира принцъ обращается къ Фольстафу, въ старинной пьесѣ отнесены къ Тому. За то по отношенію къ характерамъ Шекспиръ сохраняетъ полную самостоятельность, и если исключить принца Гарри, характеристика котораго заимствована обоими авторами изъ одного общаго источника—хроникъ Голиншэда—то можно смѣло сказать, что въ обѣихъ драмахъ нѣтъ ни одного сходнаго характера. Извѣстно, что первоначально Фольстафъ носилъ заимствованное изъ старинной пьесы имя сэра Джона Олдкэстля, но узнавши, что послѣдній былъ страстнымъ проповѣдникомъ идей Виклефа и погибъ на эшафотѣ за свои религіозныя убѣжденія, Шекспиръ счелъ своимъ долгомъ публично исправить невольную ошибку, переименовавъ Олдкэстля въ Фольстафа, и въ эпилогѣ ко второй части Генриха IV заявилъ публикѣ, что сэръ Джонъ Фольстафъ не имѣетъ ничего общаго съ мученикомъ сэромъ Джономъ Олдкэстлемъ. Самое же имя Фольстафа Шекспиръ перенесъ съ небольшимъ измѣненіемъ изъ своего Генриха

*) *Plautus. Spättere Bearbeitungen plautinischer Lustspiele. Leipzig. 1836.*

*) Содержаніе ея можно найти въ XX выпускѣ *Исторіи Всеобщей Литературы Корша и Кирпичникова*, стр. 498—499.

**) *„Предшественники Шекспира“*, Спб. 1872, стр. 75—80.

*) „Я не выхожу изъ дому безъ фальшивыхъ костей“ — говоритъ Пистонъ у Киды, а Пистоль у Шекспира такъ и сыплетъ терминами фальшивой игры (Виндзорскія Проклязницы, Актъ I, Сд. III). Въмѣсто извѣстнаго латинскаго выраженія: о Тетрора! о Могес! Пистонъ у Киды кричитъ: о Extempore! о Flores! Подобно ему Шекспировскій Пистоль смѣшиваетъ Аннибала съ каннибалами и перевираетъ французскія пословицы. (Генрихъ IV, Актъ II. Сд. IV).

VI, гдѣ встрѣчается личность сэра Джона Фольстафа, страшнаго труса, бѣжавшаго съ поля битвы, котораго Генрихъ VI назвалъ за это «поворомъ своей страны» (Генрихъ VI, Актъ IV, Сц. I).

Укоренившійся въ англійской литературѣ типъ хвастливаго война, его высокоумѣрный тонъ, трусость и самодовольство представляли весьма удобный матеріалъ для дальнѣйшей драматической обработки, которымъ не замедлил воспользоваться и Шекспиръ. У Шекспира, какъ и въ римской комедіи, мы находимъ двѣ разновидности этого типа: во-первыхъ типъ широкоштаннаго хвастуна (Донъ Армадо, Пистоль), въ созданіи котораго Шекспиръ подражалъ Киду и Лилли, и типъ хвастуна, остряка и юмориста, вышше воплощеніе котораго представляетъ собою Фольстафъ. Личность Фольстафа не вылилась у Шекспира съ разу; надъ отдѣлкой этого типа ему пришлось не мало работать. Первый довольно грубый очеркъ этого типа Шекспиръ далъ намъ въ личности Пароля, спутника и паразита Вертрама въ комедіи *Все хорошо, что хорошо окончилось*.*) При созданіи этого типа Шекспиръ прибѣгнулъ къ весьма оригинальному приему: онъ слилъ во-едино плавтоваго война-хвастуна и его паразита. Въ хвастовствѣ и трусости Пароль не уступитъ Пиргополинику, а въ искусствѣ льстить—Артотрогу; но у этого плута и нахала есть своя собственная оригинальная черта, сближающая его съ Фольстафомъ—это желаніе быть остроумнымъ. Пароль остритъ на каждомъ шагу, даже въ присутствіи короля и хотя его остроты по временамъ отзываются казармой (напр. въ сценѣ съ Еленой, Актъ I, Сц. I), но онъ ими доволенъ самъ, а главное, онъ вполне удовлетворяютъ невзыскательному вкусу Вертрама, на котораго онъ имѣетъ такое же пагубное вліяніе, какъ Фольстафъ на принца Вэльскаго. Возвратившись въ скоромъ времени къ своему излюбленному типу, Шекспиръ возвелъ его въ перлъ созданія въ личности Джэка Фольстафа. Подъ его рукой традиціонный типъ война-хвастуна превратился въ носителя веселости, генія остроумія и юмора, стоящаго въ весьма отдаленномъ родствѣ съ хвастунами Плавта и Теренція. Есть основаніе думать, что первоначально Фольстафъ былъ выведенъ, подобно Ольдкэстлю въ старинной пьесѣ, только затѣмъ, чтобъ отгнать одну сторону въ характерѣ принца Гарри, показавъ въ какомъ обществѣ онъ любилъ вращаться. Но мало-по-малу Шекспиръ до того увлекся своимъ созданіемъ, что въ угоду ему нарушилъ единство драматическаго интереса и сдѣлалъ Фольстафа какъ бы вторымъ героемъ драмы. Раз-

*) Догадка эта, высказанная еще въ тридцатыхъ годахъ Тикомъ, принята въ новѣйшее время Ульрици и Эльзе, которые видятъ въ Паролѣ—прототипъ Фольстафа.

считываемый съ психологической точки зрѣнія, характеръ Фольстафа представляетъ собой явленіе весьма сложное; поэтому опредѣлить его двумя-тремя эпитетами, назвать его циникомъ, хвастуномъ, сластолюбцемъ—значитъ опредѣлить его только на половину. Дѣйствительно, всѣ эти черты въ немъ есть, но соединеніе всѣхъ ихъ въ одномъ лицѣ сдѣлало бы послѣднее отвратительнымъ, если бы въ характерѣ Фольстафа не было другихъ чертъ, которыя въ значительной степени парализуютъ неблагоприятное впечатлѣніе, производимое первыми, и даже возбуждаютъ интересъ къ его оригинальной личности. Не нужно упускать изъ виду, что этотъ заматорѣлый въ своемъ безпутствѣ развратникъ, этотъ циническій проповѣдникъ матеріализма въ жизни—есть вмѣстѣ съ тѣмъ воплощеніе мощной веселости и несравненнаго остроумія; онъ незамѣнимый собесѣдникъ; гдѣ онъ—тамъ весело, потому что смѣхъ и остроуміе бьютъ изъ него неизсякаемымъ ключемъ. «Мозгъ этой глупо-сваленной глины, называемой человѣкомъ, не въ состояніи произвести ничего, чтобы такъ сильно располагало къ смѣху, какъ то, что выдумаю я или что выдумаютъ на мой счетъ; я не только самъ остроуменъ, но и причина остроумія другихъ». Такъ Фольстафъ характеризуетъ самого себя, и въ этой характеристикѣ заключается разгадка, почему его личность составляетъ центръ разгульной компаніи, пирующей въ Истчпской тавернѣ и почему къ нему льнутъ даже такіе высокоодаренные люди, какъ принцъ Генрихъ, когда имъ хочется уйти изъ удручливой атмосферы придворной обстановки и, давъ просторъ избытку своихъ силъ, повеселиться на распашку, отъ всей души. Встрѣча Фольстафа съ принцемъ была великимъ событіемъ въ жизни стараго гуляки. Никакой кладъ не могъ бы такъ обогатить Фольстафа, какъ сближеніе его съ наследникомъ англійскаго престола, который не только расплачивался за него въ тавернахъ, но и защищалъ его своимъ авторитетомъ отъ преслѣдованій судебной власти. Фольстафъ гордится своей дружбой съ принцемъ, высоко поднявшей его въ глазахъ его собутыльниковъ, и ревнуетъ всякаго, кто, по его мнѣнію, хочетъ замѣнить его въ сердцѣ принца. Отсюда его недоброжелательство къ Пойнсу, котораго онъ даже пытается посорить съ принцемъ, сочинивъ, будто Пойнсъ хвастался, что принцъ обшталъ жениться на его сестрѣ. Но помимо всякихъ выгодъ, Фольстафа привлекаетъ къ принцу простота его обращенія, веселость и остроуміе. Въ немъ онъ видитъ чловѣка, обладающаго острымъ чутьемъ ко всему комическому, способнаго по достоинству оцѣнить всякую остроумную выходку. «Я выдумаю на этого Шалло столько, что принцъ будетъ хототать безъ умолку въ продолженіе четырехъ судебныхъ сроковъ». (Генрихъ IV, Часть II.

Актъ V, Сц. 1). Только въ обществѣ принца Фольстафъ можетъ развернуться во всю ширь своего юмора, и потому когда они встрѣчаются другъ съ другомъ между ними тотчасъ же происходятъ состязанія въ остроуміи (Генрихъ IV, Часть I, Актъ I, Сц. 2). Иногда эти состязанія принимаютъ драматическую форму, какъ напр. въ той знаменитой сценѣ, когда Фольстафъ и принцъ при громкомъ смѣхѣ присутствующихъ разыгрываютъ сцену объясненія стараго короля съ сыномъ. Любя общество Фольстафа, отдавая полную справедливость его юмору, принцъ нисколько не заблуждался на счетъ его личности и всегда считалъ его безупрѣйшимъ человѣкомъ. — Другое дѣло Фольстафъ. При всемъ своемъ умѣ и знаніи жизни, онъ совершенно не понималъ принца Вэльскаго. Ему было невдомекъ, что кутежи и продѣлки въ обществѣ его и его товарищей составляли для принца не болѣе какъ дивертисментъ въ скучной и натянутой придворной жизни, отъ котораго онъ тотчасъ же откажется, какъ только родина предъявитъ къ нему серьезныя требованія. Фольстафъ былъ глубоко убѣжденъ, что принцъ такой же безшабашный гуляка, какъ Пойнсъ или Бардольфъ и что его царствованіе будетъ золотымъ вѣкомъ для кутиль и грабителей. Далѣе онъ былъ не менѣе убѣжденъ, что принцъ его искренно любитъ и не замедлитъ приблизить къ себѣ по воцѣствованію на престолѣ. «Я знаю—воскликаетъ онъ, узнавъ о смерти стараго короля—что молодой король боленъ отъ нетерпѣнія меня видѣть. Возьмемъ чѣхъ бы то ни было лошадей. Законы Англіи въ моемъ распоряженіи! Счастливъ, кто былъ инѣ другомъ, и горе верховному судѣ!» (Часть II, Актъ V, Сц. III). Въ этомъ то недоразумѣніи лежалъ источникъ трагической развязки для величайшаго изъ комиковъ. Услышавъ изъ устъ самого короля свой приговоръ объ изгнаніи, Фольстафъ былъ пораженъ какъ громомъ. На первыхъ порахъ онъ даже не совсѣмъ повѣрилъ слышанному и совершенно искренно увѣрялъ слѣдившаго за нимъ, какъ тѣнь, Шалло, что это со стороны короля не болѣе какъ маска, что вечеромъ за нимъ непремѣнно пришлютъ. Но когда слышанное оказалось горькой правдой, онъ впалъ въ страшное уныніе. Можетъ быть въ первый разъ въ жизни Фольстафъ испыталъ настоящее нравственное страданіе, и это страданіе надомлило его крѣпко сволоченую натуру. Приговоръ объ изгнаніи оказался смертнымъ приговоромъ для Фольстафа. Разсуждая объ его смерти, пріятели его въ одинъ голосъ говорятъ, что онъ не могъ пережить удара, нанесеннаго ему королемъ. «Король разбилъ его сердце», говоритъ, утирая слезы, Квикли. «Король сыгралъ съ нимъ скверную штуку» мрачно замѣчаетъ Нимъ. (Генрихъ V, Актъ II, Сц. I). Безупрѣйный, жившій всю жизнь въ одинъ

жизнью, Фольстафъ, умирающій отъ душевныхъ страданій—какъ это кажется на первый взглядъ неестественнымъ, а на самомъ дѣлѣ какая это смѣлая высоко-художественная черта! Это раскаяніе Эдмунда, это сонъ Ричарда III передъ послѣдней битвой! Смерть Фольстафа и его предсмертное раскаяніе показываютъ, что по взгляду Шекспира никакіе кутежи, никакія плотскія налимства не въ состояніи убить въ человѣкѣ сердца, что подавленный духъ рано или поздно вступитъ въ свои права. Обезпеченный по приказу короля во всемъ необходимомъ, Фольстафъ могъ бы по прежнему жить припѣваючи, переходя изъ одной таверны въ другую, но онъ не былъ въ силахъ перенести измѣну того, кого считалъ своимъ другомъ. Эта трогательная черта, этотъ избытокъ душеваго страданія въ значительной степени смягчаетъ неблагоприятное впечатлѣніе, которое производитъ на зрителей личность Фольстафа. Не менѣе трогательна самая смерть Фольстафа. Онъ умеръ въ той-же Истчипской тавернѣ, которая была въ продолженіе столькихъ лѣтъ мѣстомъ его подвиговъ, окруженный тѣми же людьми, которыхъ онъ потѣшалъ своими остроуміями. «Если вы рождены женщинами—воскликаетъ плачущая Квикли—идите къ сэръ Джону. Вѣднугу трясеть такая лихорадка, что жалко смотрѣть». Въ торжественную минуту смерти сознаніе стараго грѣшника просвѣтлѣло; онъ понялъ весь ужасъ своей проведенной самымъ позорнымъ образомъ жизни; онъ умолялъ Господа о прощеніи и проклиналъ женщинъ и вино, считая ихъ главными виновниками своей гибели. Смерть Фольстафа была искренно оплакана его товарищами по кутежу и безпутствамъ. Красноносый Бардольфъ и забіяка Нимъ сядятъ, повуривъ головы, а трактирный мальчикъ плачетъ навзрыдъ. Пистоль, хотя и самъ разстроенный, пытается ободрить другихъ: «бодрѣе Бардольфъ, будь веселѣе Нимъ, мужайся, мальчуганъ! Правда, Фольстафъ умеръ и всѣ мы должны плакать».

Бардольфъ. Гдѣ бы онъ ни былъ, въ аду или раю—я хочу быть съ нимъ.

Квикли. Нѣтъ, онъ не можетъ быть въ аду; онъ въ лонѣ Артура, если только человѣкъ можетъ попасть туда. (Генрихъ V, Актъ II, Сц. III).

Глубокое впечатлѣніе, произведенное смертью Фольстафа на его собутыльниковъ, приводитъ насъ къ любопытному вопросу объ отношеніяхъ его къ членамъ веселой компаніи, кутившей въ Истчипской тавернѣ и къ ея разбитной хозяйкѣ. Если намъ кажется страннымъ, что смерть такого эгоиста и плотоугодника, какимъ былъ Фольстафъ, думавшій прежде всего о своемъ чревѣ, могла возбудить въ загрубѣлыхъ сердцахъ его товарищей такое неподдѣльное горе, то это происходитъ отъ того, что, размышляя объ этомъ фактѣ, мы не можемъ отрѣшиться отъ нашей точки зрѣнія на Фольстафа, не можемъ стать

на точку зрѣнія Квикли, Бардольфа и др., которыми Фольстафъ представлялся инымъ, которые его знали съ другой стороны. Несмотря на свою полнѣйшую нравственную безпринципность, доводившую его до самыхъ возмутительныхъ поступковъ, Фольстафъ въ сущности не былъ лишень природнаго добродушія. Люди злые по природѣ, люди, для которыхъ составляетъ удовольствіе сдѣлать непріятность своему ближнему, не въ состояніи возбуждать своей личностью такого веселаго, такого добродушнаго смѣха. Потѣшаясь надъ своими товарищами, осыпая ихъ самыми оскорбительными прозвищами, Фольстафъ не щадилъ при этомъ и самого себя и позволялъ смѣяться надъ собой сколько угодно *). Гордый своимъ рыцарскимъ происхожденіемъ, онъ однако не гнушался компаніей Квикли, Бардольфа и др., кутилъ съ ними, морилъ ихъ со смѣху своими остроумными выходками, и въ трудныя минуты съ помощью принца выручалъ ихъ изъ бѣды. Ни съ кѣмъ онъ не поступалъ такъ безсовѣстно, какъ съ Квикли, которая тѣмъ не менѣе продолжаетъ слѣпо вѣрить его слову джентльмена и отдастъ ему свои послѣднія деньги. И Фольстафъ цѣнилъ эту жертву и благодарилъ за нее по своему. Добывъ на войнѣ всѣми неправдами довольно значительную сумму денегъ, онъ спѣшитъ въ Лондонъ и прокучиваетъ эти деньги въ Истчипъ, въ обществѣ Квикли и своей возлюбленной Доль Тиршитъ. Благодаря всѣмъ этимъ качествамъ, Фольстафъ былъ всегда желаннымъ гостемъ въ Истчипъ и душой собиравшейся тамъ веселой компаніи. Когда же онъ снова ушелъ на войну, Квикли и Доль искренно сожалѣли о немъ. «Вотъ съ новымъ горохомъ—говоритъ первая изъ нихъ—минетъ двадцать девять лѣтъ, какъ я знакома съ нимъ, и я не знаю человѣка честнѣе и вѣрнѣе его». (Генрихъ IV, Дѣйствіе II, конецъ послѣдней сцены). Конечно, похвала Квикли не многого стоитъ, но она показываетъ, какъ къ Фольстафу при его жизни относились тѣ люди, которые такъ искренно оплакивали его смерть.

До сихъ поръ мы обращали вниманіе на общечеловѣческія стороны въ характерѣ Фольстафа; чтобы стать по отношенію къ этому характеру на вѣрную точку зрѣнія, нужно рассмотреть его въ связи съ той общественной средой, на почвѣ которой онъ развился. Какъ культурный типъ, Фольстафъ всецѣло принадлежитъ къ средѣ вырождающагося англійскаго дворянства. Уже въ XV в. въ Англии замѣчаются признаки вырожденія того сословія, которое до сихъ поръ стояло во главѣ страны и добыло своей кровью всѣ вольности англійскаго народа. Истощенное войнами и роскошной жизнью при дворѣ, рыцарство видимо падаетъ и одновременно съ его

*) См. его разговоръ съ Бардольфомъ (Генрихъ IV, Первая часть, Актъ III, Сц. III).

паденіемъ растутъ силы и значеніе третьяго сословія, съ которымъ въ концѣ будущаго столѣтія придется считаться правительству. Вырожденіе рыцарства выражается не только въ упадкѣ рыцарской доблести, но и въ упадкѣ его матеріальнаго благосостоянія. Въ силу закона о майоратахъ младшіе сыновья въ дворянскихъ семьяхъ были осуждены на довольно печальное существованіе и силой обстоятельствъ были вынуждаемы къ поступкамъ, строго осуждаемымъ рыцарскими традиціями. Такъ какъ отъ всего наслѣдства имъ оставалось только одно имя, то они спекулировали этимъ именемъ, женились на богатыхъ купчихахъ или, подобно Фольстафу, манили женщинъ обѣщаніемъ жениться и подъ этимъ предлогомъ брали у нихъ взаимныя деньги. Изъ радостей этого обѣднѣшаго и вырождающагося дворянства вышли Фольстафъ и неразлучный спутникъ принца Пойнсъ *). Изъ пьесы видно, что Фольстафъ получилъ воспитаніе приличное чистокровному джентльмену. Сначала былъ пажемъ у герцога Норфолька, учился въ юридической коллегіи St. Clements Inn въ Лондонѣ, потомъ служилъ въ военной службѣ и т. д. Прожигать свою жизнь въ обществѣ Бардольфа, Квикли и имъ подобнымъ онъ началъ очень рано **). Пьеса застаётъ Фольстафа уже пожилымъ человѣкомъ, разбухшимъ отъ всякихъ излишествъ, страдающимъ приступами подагры, но все еще бодрымъ и юнымъ духомъ. Переходъ отъ первой молодости ко второй совершился для него такъ незамѣтно, что и подъ старость онъ продолжаетъ считать себя молодымъ человѣкомъ и выходитъ изъ себя, когда верховный судья называетъ его старикомъ (Генрихъ IV, Часть II, Актъ I, Сц. II). Гордый своимъ рыцарскимъ происхожденіемъ, онъ относится нѣсколько свысока къ своимъ товарищамъ по кутежу, которые, потѣшаясь надъ нимъ, все-таки продолжаютъ смотрѣть на него снизу вверхъ. На эту гордость Фольстафа своимъ рыцарствомъ есть мало намековъ въ пьесѣ. Прислужники въ тавернѣ Кабаней Головы восхваляютъ принца Генриха за то, что онъ не такъ гордъ какъ Фольстафъ. Пойнсъ замѣчаетъ, что Фольстафъ, когда говоритъ о себѣ, никогда не обойдется безъ прибавки слова рыцарь. Вмѣсто того, чтобы подтверждать свои обѣщанія клятвой, Фоль-

*) Самое худшее, что обо немъ могутъ сказать—говорилъ послѣдній—это то, что я младшій братъ. (Генрихъ IV, Часть II, Актъ II, Сц. II). О Фентонѣ, женихѣ Анны Педжъ, отецъ ея такъ выражается: «джентльменъ этотъ—голышъ; онъ водилъ компанію съ буйнымъ принцемъ и Пойнсомъ, онъ слишкомъ знатенъ для насъ, слишкомъ много знаетъ». (Виндзорскія Проказницы, Актъ III, Сцена II).

**) Самъ Фольстафъ говоритъ, что онъ путается съ Бардольфомъ тридцать два года (Генрихъ VI, Часть I, Актъ III, Сц. III), а Квикли увѣряетъ, что она знакома съ Фольстафомъ двадцать девять лѣтъ (Ibid. Часть II, конецъ II дѣйствія).

стафъ произносить только: «какъ дворянинъ» (As I am a gentleman), и эти слова производятъ такое магическое дѣйствіе на Квикли, что ова даетъ ему взаимн послѣдніе десять фунтовъ. Считая себя въ сравненіи съ своими товарищами высшимъ организмомъ, Фольстафъ навивно увѣренъ, что онъ дѣлаетъ честь гостиницѣ, въ которой должаетъ, и магазину, въ которомъ беретъ въ долгъ товаръ. Когда однажды купецъ отказался отпустить по его требованію штуку атласа безъ залога, дворянское достоинство Фольстафа вырастаетъ во весь ростъ и раздражается комическимъ негодованіемъ: «Да будетъ онъ проклятъ, подобно прожорливому богачу! Беспутный мерзавецъ! Иишь дѣло съ дворяниномъ и требовать обезпеченіе? Да для меня заткнуть ротъ обезпеченіемъ хуже, чѣмъ набить его мышьякомъ! Я думалъ, что онъ мнѣ, какъ истинному рыцарю (as I am a true knight), пришлетъ двадцать два аршина атласу, а онъ требуетъ обезпеченіе» и т. д. Кромя гордости своимъ происхожденіемъ, Фольстафъ унаслѣдовалъ отъ своихъ предковъ хорошія манеры и привычку жить не по средствамъ. Самъ Фольстафъ упоминаетъ о своихъ манерахъ и называетъ ихъ благороднѣйшими (most noble carriage) и всякій разъ пускаетъ ихъ въ ходъ, когда ему приходится бесѣдовать съ высокопоставленными людьми. Достаточно вспомнить, съ какимъ достоинствомъ и съ какой утонченной любезностью, онъ вступаетъ въ разговоръ съ верховнымъ судьей: «Ахъ, мой добрый лордъ! Господь да даруетъ вамъ, милордъ, долгіе дни! Я такъ радъ, милордъ, что вижу васъ, милордъ, на чистомъ воздухѣ; я слышалъ, милордъ, что вы были нездоровы» и т. п. (Генрихъ IV, Часть II, Актъ I, Сц. II). Рыцарскія традиціи сказываются въ тѣхъ способахъ, которыми Фольстафъ добываетъ деньги для своихъ кутежей. Когда займы, скрѣпленные словомъ дворянина, оказывались недостаточными, Фольстафъ не былъ особенно разборчивъ въ средствахъ для достиженія цѣли. Конечно, онъ не сочтетъ совмѣстнымъ съ дворянскимъ достоинствомъ изподтишка воровать по мелочамъ, но открытый грабежъ на большой дорогѣ онъ признаетъ дѣломъ молодецкимъ и вполне достойнымъ рыцаря. Когда принцъ Генрихъ отказывается принять участіе въ предполагаемомъ ограбленіи королевскихъ сборщиковъ, Фольстафъ приходитъ въ ярость: «Да въ тебѣ, — говоритъ онъ, — вѣтъ ни чести, ни мужества, ни товарищества, ты даже не королевской крови, если у тебя не достанетъ дуза добыть десяти шиллинговъ.»

Принцъ Генрихъ. Ну, такъ и быть; почему же хоть разъ въ жизни не подурачиться?
Фольстафъ. Вотъ это дѣло.

Грабежъ на большой дорогѣ, въ которомъ вѣстѣ съ Фольстафомъ и его товарищами уча-

ствуетъ и наслѣдникъ англійскаго престола, представляетъ собой интересный образецъ переживанія феодальныхъ правовъ, засвидѣтельствованныхъ англійскими лѣтописцами *). Хотя законъ уже и въ то время преслѣдовалъ подобныя продѣлки, но общественное мнѣніе относилось къ нимъ снисходительно, какъ къ шалостямъ молодежи, тѣмъ болѣе что принцъ всегда съ лихвой возвращалъ отнятое. Все это нужно имѣть въ виду, чтобы понять роль принца Генриха въ подвигахъ Фольстафа и его собутыльниковъ. Что до Фольстафа, то онъ поступалъ въ этомъ случаѣ какъ послѣдній моголанъ отживающаго принципа, представителя котораго въ средніе вѣка во время охоты безнаказанно топтали крестьянскія поля и грабили проѣзжавшихъ мимо ихъ замковъ купцовъ; онъ не только храбро нападалъ на безоружныхъ путниковъ, но и осыпалъ ихъ самыми оскорбительными ругательствами: «На висѣлицу васъ, толстопузыхъ негодяевъ! Ну, поварачивайтесь же, свинья туши, поварачивайтесь! Вѣдь и молодежи пожить хочется, подледы вы этакіе» и т. д.

Изучая характеръ Фольстафа, нельзя упускать изъ виду, что свойственная его природѣ жажда плотскаго веселья опирается у него на своеобразную житейскую философію, которую онъ высказываетъ при каждомъ удобномъ случаѣ съ свойственнымъ ему цинизмомъ и съ помощью которой онъ оправдываетъ въ своихъ глазахъ свои собственные поступки. Шекспиръ сдѣлалъ для Фольстафа то же, что Мольеръ для Донъ-Жуана: его безпутной жизни онъ придалъ философскую подкладку. Фольстафъ не только сенсуалистъ по своимъ инстинктамъ; онъ сенсуалистъ по своимъ воззрѣніямъ. Онъ искренно убѣжденъ, что плотское наслажденіе есть настоящая цѣль жизни, есть единственная заключающаяся въ ней реальность. Какъ личности Фольстафа нельзя понять вполне внѣ связи съ національной почвой, такъ и его проникнутое до мозга костей матеріализмомъ и просозерцаніе нельзя понять внѣ связи съ той эпохой, крайности которой оно такъ рельефно выражаетъ. Гармоническое развитіе духа и тѣла, бывшее идеаломъ древнихъ, было утрачено въ средніе вѣка подъ вліяніемъ теорій христіанскаго аскетизма. Въ силу этихъ теорій, имѣвшихъ своей главной цѣлью подчинить тѣло духу, не только наслажденіе жизнью, но даже удовлетвореніе вѣкоторыхъ законныхъ потребностей человѣческаго организма считалось дѣломъ мало достойнымъ человѣка. Эпоха Возрожденія, вызвавшая къ жизни античные идеалы, успѣшила исправить эту односторонность и снова признала законность потребностей фи-

*) Courtenay, Commentaires on the historical plays of Shakspeare, vol I, p. 83.

зической природы человѣка. Жить и наслаждаться жизнью сдѣлалось ея девизомъ. Но какъ всякая реакція она тоже ударилась въ крайность и перетянула вѣсы въ противоположную сторону: наслажденіе жизнью она поняла преимущественно съ чувственной стороны и въ лицѣ вѣкоторыхъ своихъ представителей стала считать чувственнымъ наслажденіемъ единственною цѣлью человѣческаго существованія. Эту точку зрѣнія, какъ нельзя болѣе соответствующую его чувственной натурѣ, усвоилъ себѣ Фольстафъ и довелъ свой эпикуреизмъ до самыхъ крайнихъ послѣдствій. Онъ не только считаетъ чувственнымъ наслажденіемъ единственною цѣлью человѣческой жизни, но съ свойственнымъ ему юморомъ и здравымъ смысломъ доказываетъ, что добродѣтель и всѣ высшіе мотивы человѣческихъ дѣйствій—вздоръ, что честь—пустое слово, что храбрость есть результатъ выпитаго хереса и т. д.

Усвоенная Фольстафомъ житейская философія сближаетъ его съ другимъ знаменитымъ литературнымъ типомъ эпохи Возрожденія—Панюржемъ, однимъ изъ главныхъ героевъ романа Рабле. Критика неоднократно указывала на сходство между этими двумя героями, тѣмъ болѣе понятное, что Шекспиръ, какъ доказано въ недавнее время, былъ усерднымъ читателемъ романа Рабле и не мало оттуда заимствовалъ *). На самомъ же дѣлѣ сходство это весьма незначительно. Несмотря на вѣсколько общихъ чертъ—трусость, отсутствіе нравственныхъ принциповъ, любовь къ жизни и ея удовольствіямъ и навѣянную эпохой житейскую философію—Фольстафъ и Панюржъ въ сущности принадлежатъ къ двумъ различнымъ типамъ людей. Худощавый, легкій какъ пухъ, неуловимый какъ вѣтеръ, парижскій проказникъ представляетъ даже съ физической стороны очень мало сходства съ отяжелѣвшимъ, разбухшимъ отъ всякихъ излишествъ, но неистощимымъ въ своей веселости англійскимъ рыцаремъ. При всемъ своемъ эгоизмѣ и неразборчивости въ средствахъ, Фольстафъ гораздо добродушнѣе Панюржа. Онъ не прочь сорвать взятку или ограбить человѣка на большой дорогѣ, съ тѣмъ чтобы на вырученные деньги покутить и повеселиться, но онъ едва-ли въ состояніи понять то злое удовольствіе, съ которымъ Панюржъ продѣлываетъ свои *petites diableries* безъ всякой цѣли, кромѣ желанія насладиться изумленіемъ или досадою одураченныхъ имъ жертвъ; равнымъ образомъ онъ неспособенъ изъ мести продѣлать злостную шутку со стадомъ овецъ, стоящую жизни не только овцамъ, но ихъ пастухамъ и хозяину, которыхъ Панюржъ съ демоническимъ

смѣхомъ отталкиваетъ весломъ отъ корабля, когда они хотѣли взобраться на него, доказывая имъ по всѣмъ правиламъ риторики, что лучше утонуть, чѣмъ жить въ этой долине скорби, называемой землей и обѣщая соорудить имъ великолѣпный надгробный памятникъ. Разница между Фольстафомъ и Панюржемъ, помимо національностей, темпераментовъ и характеровъ объясняется отчасти путемъ литературнымъ: Фольстафъ происходит по прямой линіи отъ безнравственнаго, но въ сущности добродушнаго воина-хвастуна римской комедіи, тогда какъ родоначальниковъ Панюржа нужно искать въ серіи народныхъ шутовъ вродѣ Марольфа, пона Амиса или Тилля Эйленшпигеля, о продѣлкахъ которыхъ, нерѣдко весьма злостныхъ и коварныхъ, намъ рассказываютъ народные книги *).

Но если въ общей концепціи характера Фольстафа Шекспиръ остался вполне самостоятельнымъ, то этого нельзя сказать относительно вѣкоторыхъ отдѣльныхъ чертъ и подробностей. Здѣсь вліяніе Рабле чувствуется подчасъ довольно сильно и на палитрѣ Шекспира оказывается не мало красокъ, заимствованныхъ у великаго французскаго сатирика. Повидимому, ничего не можетъ быть оригинальнѣе того знаменитаго панегирика хересу, который произноситъ Фольстафъ послѣ битвы въ Юрксирскомъ лѣсу. (Генрихъ IV, Часть II, Актъ IV, Сц. III). Говоря о своемъ любимомъ напитокѣ, старый гуляка одушевляется, даетъ полный просторъ своей юмористической фантазіи и въ эту минуту самъ искренно вѣритъ своимъ словамъ. Рѣчь его льется съ такой непосредственностью, такъ тѣсно связана съ его характеромъ и міросозерцаніемъ, что трудно здѣсь предположить чуждое вліяніе, а между тѣмъ едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что наиболѣе характерныя особенности рѣчи Фольстафа навѣяны однимъ мѣстомъ романа Рабле, на которомъ мы и остановимся. Получивъ отъ Пантагрюэля въ управленіе одну завоеванную провинцію, Панюржъ такъ распорядился ею, что не только въ двѣ недѣли промоталъ ея доходы, но и доходы за нѣсколько лѣтъ впередъ. Когда объ этомъ было доведено до свѣдѣнія Пантагрюэля, то послѣдній, призвавъ къ себѣ Панюржа, сдѣлалъ ему—впрочемъ въ весьма мягкой формѣ—замѣчаніе относительно нерациональности подобнаго способа управленія. Но Панюржъ и не думаетъ оправдываться; по его мнѣнію, онъ поступилъ до того рационально, что у него нужно учиться управлять страной. Поэтому вмѣсто всякаго оправданія онъ произноситъ пространный панегирикъ теоріи продажи глѣба на корню и приготовляемому изъ него напитку. По словамъ Панюржа, поступая такимъ обра-

*) См. статью Кёнига, *Über die Entlehnungen Shakespeares ins besondere aus Rabelais* въ *Shakespeare Jahrbuch*, Band IX.

*) Такъ опредѣляетъ родословную Панюржа академикъ А. Н. Веселовскій въ своей образцовой по методу работъ о Рабле. (*Вѣстн. Европы*. 1878. Мартъ).

зомъ онъ культивировалъ четыре главных добродѣтели: благоразуміе, справедливость, силу и умѣренность. Благоразуміе—ибо кто знаетъ, будетъ-ли самый миръ существовать еще три года? Справедливость—ибо что можетъ быть справедливей, какъ дать покормиться около себя веселымъ товарищамъ и юнымъ дѣвцамъ, которыя могутъ доставить не мало удовольствія хорошимъ людямъ. Силу—ибо, рубя могучія деревья, мы уподобляемся Милону Кротонскому, а истребляя дремучій лѣсъ, мы истребляемъ вмѣстѣ съ тѣмъ логовище волковъ, лисицъ, дикихъ кабановъ и убѣжище разбойниковъ, убійцъ и фальшивыхъ монетчиковъ. Наконецъ умѣренность—ибо, съѣдая свой хлѣбъ на корню, мы дѣлаемся похожи на отшельниковъ, питаемся одними злаками и освобождаемся отъ всякихъ чувственныхъ похлѣбствъ. Кромѣ того изъ зеленого хлѣба дѣлается прекрасный зеленый сокъ, легко переваривающійся въ желудкѣ. Сокъ этотъ обладаетъ многими цѣлебными свойствами: онъ веселитъ мозгъ, оживляетъ жизненную силу, радуетъ взоръ, возбуждаетъ аппетитъ, услаждаетъ вкусъ, закаляетъ сердце, приятно щекочетъ языкъ, укрѣпляетъ мускулы, умирляетъ волненіе крови, освѣжаетъ печень и т. д. (слѣдуетъ еще дюжины двѣ цѣлебныхъ свойствъ напитка, которыя мы опускаемъ).

Что можетъ быть естественнѣе того, что Шекспиръ, у котораго романъ Рабле былъ настольной книгой, былъ увлеченъ комическимъ эффектомъ этой оригинальной рѣчи и рѣшился приписать ее къ хересу? Гипотеза наша находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ фактѣ, что обѣ рѣчи построены по одному и тому же плану, держатся приблизительно одной и той же системы доказательствъ и при одинаково пародоксальномъ содержаніи одинаково искусно выдерживаютъ серьезный тонъ, что конечно еще болѣе усиливаетъ производимый ими комическій эффектъ. Подобно Панюржу, Фольстафъ впадаетъ въ комически-гиперболическій тонъ и приписываетъ хересу тѣ же невѣроятныя физиологическія и нравственныя воздѣйствія, которыя приписываются Панюржемъ водкѣ и продажѣ хлѣба на корню. «Хорошій хересъ—говоритъ онъ—имѣетъ двойное дѣйствіе: онъ бросается въ голову, разгоняетъ всѣ глупыя густыя черныя пары, которые окружаютъ мозгъ, придаетъ ему особенную живость, сметливость, изобрѣтательность, наполняетъ его помыслами летучими, пламенными, очаровательными; но мысли эти, переходя на языкъ, дѣлаются превосходными остроуміями. Второе дѣйствіе хорошаго хереса—нагрѣваніе крови, которая, осѣдая отъ охлажденія, дѣлаетъ печень блѣдной, что служитъ вѣрнымъ признакомъ трусости и слабодушія; хересъ же разогрѣваетъ ее и устремляетъ изнутри къ крайнимъ оконечностямъ. Лицо пламенѣетъ и какъ сигнальный огонь при-

зываетъ къ оружію всѣ остальные части маленькаго королевства, именуемаго человѣкомъ; тутъ всѣ жизненные простолудины, всѣ внутреннія второстепенныя силы собираются вокругъ своего генерала—сердца, которое, усилясь и раздувшись этой свитой, рѣшается на всякій отчаянный подвигъ. Такимъ образомъ и храбрость рождается хересомъ. Безъ хереса—вздоръ и самое военное искусство, потому что только онъ приводитъ его въ дѣйствіе, ибо искусство—не больше какъ куча золота, храняемая демономъ, пока хересъ не почнетъ ее и не пуститъ въ ходъ. Вотъ по этой-то самой причинѣ и принцъ Генрихъ храбръ; холодную кровь, унаслѣдованную имъ отъ отца, онъ пахалъ, оралъ, удобрялъ, какъ бесплодную землю, ревностнымъ питьемъ плодоноснаго хереса до того, что сдѣлался наконецъ пылкимъ и храбрымъ. Да еслибъ у меня было тысяча сыновей—первымъ человѣческимъ правиломъ, которому я научилъ бы ихъ, было бы отреченіе отъ всѣхъ водянистыхъ поиль и совершенная преданность хересу.*) Достаточно простаго сопоставленія обихихъ рѣчей между собой, чтобъ видѣть, что при всемъ ихъ внѣшнимъ сходствѣ и при одинаково софистической виртуозности въ художественномъ отношеніи панегирикъ хересу Фольстафа далеко оставляетъ за собой педантическія разглагольствованія Панюржа. Но помимо художественности, разница между панегириками Фольстафа и Панюржа заключается въ томъ, что первый болѣе налегаетъ на нравственное, а послѣдній на физиологическое воздѣйствіе восхваляемой вещи; впрочемъ и въ этомъ отношеніи Шекспиръ не былъ вполне оригиналенъ, ибо тому же приему гораздо раньше его слѣдовалъ Рабле въ знаменитомъ похвальномъ словѣ Панюржа въ честь долговъ, открывающемъ собою третью книгу романа. Здѣсь Панюржъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ физиологію и съ необыкновеннымъ юморомъ, мало уступающимъ юмору Фольстафа, съ восторгомъ распространяется о благотворномъ нравственномъ воздѣйствіи дѣланія долговъ**).

Намъ еще остается разсмотрѣть послѣднее видоизмѣненіе типа хвастливаго вѣина въ личности Фольстафа въ *Виндзорскихъ Проказницахъ*. По преданію, сообщаемому Деннисомъ, пьеса эта была написана Шекспиромъ по заказу королевы Елисаветы, которая до того заинтересовалась личностью Фольстафа въ Генрихѣ IV, что выразила желаніе видѣть его въ роли героя какой-нибудь любовной исторіи, причемъ съ свойственнымъ женщинамъ нетерпѣніемъ приказала, чтобъ пьеса была готова не позже какъ

*) Цитата эта, равно какъ и всѣ предыдущія, приводятся нами по переводу Кетчера.

**) Рѣчь Панюржа можно прочесть въ мастерскомъ извлеченіи въ статьѣ А. Н. Веселовскаго, къ которой и отсылаемъ любознательнаго читателя.

черезъ двѣ недѣли. Преданіе это имѣть за себя много вѣроятія. Дѣйствительно, по всему видно, что піеса написана на-скоро, что авторъ не имѣлъ времени наложить на нее послѣднюю руку. Текстъ ея перваго изданія in Quarto до того несправенъ, что имъ трудно было бы пользоваться, если бы онъ не былъ вполнѣ исправленъ по рукописамъ Шекспира въ первомъ in Folio. Поспѣшностью работы объясняется не мало противорѣчій, встрѣчающихся въ пьесѣ и дѣлающихъ положительно невозможнымъ опредѣленіе, къ какому періоду жизни Фольстафа можно приурочить ея интригу. Повидимому, приключенія Фольстафа въ Виндзорѣ всего естественнѣе отнести къ промежутку между первой и второй частью Генриха IV *)), но этому противорѣчитъ то обстоятельство, что разбитная содержательница Истчипской таверны, хваставшая, что знаетъ Фольстафа двадцать девять лѣтъ, находится еще въ услуженіи у доктора Каиуса и играетъ по отношенію къ Фольстафу довольно предательскую роль. Какъ ни желалъ Шекспиръ исполнить волю королевы, но изобразить Фольстафа дѣйствительно влюбленнымъ запрещала ему художественная совѣсть, и все что онъ могъ сдѣлать — это изобразить Фольстафа, ухаживающимъ изъ-за денегъ. Но чтобы построить на этой почвѣ комическую интригу нужно было придать Фольстафу новую черту, не встрѣчающуюся въ характерѣ прежняго Фольстафа. Несмотря на высокое мнѣніе о своемъ умѣ и происхожденіи, Фольстафъ былъ весьма невысокаго мнѣнія о своей привлекательности для особы прекраснаго пола. Онъ не вѣрилъ, чтобы даже потаскушка Доль Тиршитъ могла искренно любить такого старика, какъ онъ, и когда та покрываетъ его лысую голову поцѣлуями, Фольстафъ говорить ей съ горечью: «А вѣдь ты притворно цѣлуешь меня; вѣдь я старъ, старъ!» (Генрихъ IV, Актъ II, Сц. IV). Чтобы при такихъ обстоятельствахъ сдѣлать возможную интригу любовной комедіи Шекспиру пришлось прибѣгнуть къ помощи литературной традиціи, возвратиться къ римскому типу война хвастуна и къ герою первой англійской комедіи и, заимствовавъ у нихъ высококомическую черту самообожанія и вѣры въ свою любовную неотразимость, надѣлать этой чертой своего престарѣлаго героя. Уже съ первыхъ сценъ пьесы видно, что Фольстафъ исполненъ самаго наивнаго самообольщенія, способнаго совершенно вытѣснить его прежній здравый смыслъ. Видѣвшійся всего два-три раза съ богатыми виндзорскими гражданками мистриссъ Фордъ и мистриссъ Пэдждъ, онъ понавля

*) В пьесѣ упоминается о буйномъ принцѣ и его спутникѣ Пойнсѣ (Актъ III, сц. II), а одуряченный Фальстафъ боится чтобы объ его позорѣ не узнали бы при дворѣ и не засмѣяли бы его. (Актъ IV, сц. V).

въ самую лестную для себя сторону ихъ обыкновенную любезность, вообразилъ, что онъ объ безъ памяти влюбленъ въ него и вздумалъ построить на этомъ свое обогащеніе: «Я буду — мечтаетъ онъ вслухъ — приходорасходчикомъ обѣихъ ихъ, а онъ будутъ мои казначействами: мои восточной и западной Индіями». Прежній Фольстафъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы повѣрить, когда женщина увѣрала его въ своей любви; теперешній заранѣ увѣренъ въ побѣдѣ и истолковываетъ въ свою пользу всякій жестъ и взглядъ. «Я предполагаю — говорить онъ Пистолю — вступить въ любовную связь съ женою Форда; я замѣчаю съ ея стороны авансы, она заговариваетъ со мной, дѣлаетъ знаки рукой, бросаетъ вызывающіе взгляды. Смыслъ этой короткости легко понять; слабѣйшее изъ ея проявленій въ переводѣ на чистый англійскій языкъ значитъ: я принадлежу сэру Джону Фольстафу!». Не теряя времени, онъ пишетъ одновременно обѣимъ дамамъ тождественныя и довольно глупыя письма, какіхъ никогда не написалъ бы прежній Фольстафъ. Возмущенныя до глубины души этими письмами, къ которымъ онъ съ своей стороны не подавали никакого повода, мистриссъ Фордъ и мистриссъ Пэдждъ рѣшаются отомстить старому развратнику и прибѣгаютъ къ посредничеству Квикли, которая играетъ въ этой любовной исторіи роль весьма сходную съ той, которую играетъ паразитъ Артотрогъ у Плавта и Мерригрикъ въ первой англійской комедіи. Когда Квикли, передавъ Фольстафу письмо отъ мистриссъ Фордъ, назначающую ему свиданіе на завтра, уходитъ, Фольстафомъ овладѣваетъ припадокъ самодовольства, раздражающійся слѣдующей высококомической тирадой: «Ну, каково же мы, старый Джэкъ? Сдѣлаемъ теперь мы своимъ старымъ тѣломъ болѣе, чѣмъ когда нибудь дѣлывали. Засматриваются еще на тебя — будешь въ барышахъ и издержавъ столько денегъ. Спасибо тебѣ, доброе мое тѣло; пусть тамъ говорятъ, что ты неуклюже, — нравишься и прекрасно». Свиданіе, какъ и слѣдовало ожидать, окончилось для Фольстафа самымъ позорнымъ образомъ. Услышавъ шаги мужа, мистриссъ Фордъ убѣждаетъ Фольстафа лечь на дно корзины съ грязнымъ бѣльемъ и велитъ двумъ дюжмъ прислужникамъ снести корзину на ближайшій дугъ и вывалить все въ ней заключающееся въ грязный ровъ подлѣ самой Темзы. Второе свиданіе съ мистриссъ Фордъ окончилось еще печальнѣе. Чтобы избѣгнуть преслѣдованій ревниваго мужа Фольстафу пришлось переодѣться въ платье старухи, что не помѣшало Форду, встрѣтившись на лѣстницѣ съ мнимой старухой, сдѣлать ее нѣсколько разъ палкой по спинѣ. Но всѣ эти непріятныя сюрпризы не отрезвили стараго рыцаря, который кромѣ того оказывается человекомъ вѣрующимъ

въ таинственную силу нечетныхъ чиселъ. Вслѣдствіе этого онъ легко даетъ себя уговорить прийти на третье свиданіе, назначенное въ полночь въ Виндзорскомъ паркѣ. По уговору Фольстафъ долженъ явиться на свиданіе въ костюмѣ охотника Герна съ оленьей головой вмѣсто шляпы. Здѣсь мнимые феи и эльфы нападаютъ на него, жгутъ свѣчами, щиплютъ, пока наконецъ не появляются Пэдждъ, Фордъ и ихъ жены, которыя помирились со смѣху, видя какъ Фольстафъ корчился и катался по землѣ. Тутъ Фольстафъ понялъ, что этотъ разъ онъ одурченъ болѣе всѣхъ предыдущихъ разовъ. «Нѣтъ вамъ счастья, сэръ Джонъ—говоритъ ему торжествующая мистриссъ Фордъ—не удались всѣ ваши свиданія. Не быть вамъ моимъ любовникомъ, но моимъ оленемъ вы всегда будете». Подавленный стыдомъ и отчаяніемъ, Фольстафъ окончательно падаетъ духомъ: «Высохъ что-ли мой мозгъ на солнцѣ, что не могъ избавить меня отъ такого грубаго обмана? Мнѣ и такъ три или четыре раза приходило въ голову, что это не духи, но нечистая совѣсть и испугъ такъ отуманили меня, что я не могъ не принять ихъ наперекоръ всякому смыслу за настоящихъ духовъ. Изъ этого вы видите, что самый умъ можетъ сдѣлаться вороньимъ пугаломъ и мишенью для мальчишекъ, когда употребляется на зло.» Фольстафъ, утратившій всю свою находчивость и остроуміе и возбуждающій своею личностью скорѣе жалость, чѣмъ смѣхъ, Фольстафъ, сознающійся публично въ своей глупости и превращающійся въ моралиста—это уже не дальнѣйшее развитіе, а раз-

въ искаженіе типа. Оно можетъ служить новымъ подтвержденіемъ старой истины, что, разъ исчерпавъ извѣстный типъ, художникъ не долженъ снова возвращаться къ нему изъ опасенія, что ему придется либо повторять самого себя и тѣмъ ослаблять прежнее впечатлѣніе, либо—что еще хуже—исказать его новыми наслоеніями, способными разрушить въ концѣ его типичность и психологическую цѣльность.

Попытка выяснитъ участіе литературной традиціи въ созданіи типа Фольстафа приводитъ насъ къ вопросу объ умѣнности примѣненія подобнаго приема къ изученію художественныхъ произведеній вообще. Съ какой бы точки зрѣнія мы ни изучали художественное произведеніе всегда первой задачей литературной критики должно быть опредѣленіе его оригинальности, какъ относительно замысла, такъ и относительно встрѣчающихся въ немъ типовъ. Только тогда, когда составные элементы художественнаго произведенія выяснятся окончательно, можно будетъ приступить къ изученію художественныхъ приемовъ автора въ дѣлѣ комбинаціи этихъ элементовъ и претворенія ихъ въ художественное цѣлое. По нашему глубокому убѣжденію, критика не выйдетъ изъ сферы общихъ мѣстъ и субъективныхъ впечатлѣній пока не станемъ твердой ногой на почву сравнительно—историческаго изученія, которое одно въ состояніи дать ей надежную точку отсчета для всѣхъ дальнѣйшихъ заключеній.

Н. Стороженко.

Техника драмы.

Густава Фрейтага *).

Введение.

Что техника драмы не представляет собой ничего постоянного, неизмѣннаго, объ этомъ врядъ ли нужно упоминать. Съ того времени, какъ Аристотель изложилъ нѣкоторые высшіе законы драматическаго воздѣйствія, человѣчество подвинулось въ своемъ развитіи болѣе, чѣмъ на два тысячелѣтія; не только сильно измѣнились формы искусства, сцены и способа изображенія, но, что еще важнѣе, произошли громадныя перевороты въ умственномъ и нравственномъ содержаніи человѣка, въ отношеніи индивидуума къ его роду и къ высшимъ силамъ земной жизни, въ идеѣ свободы и представленіяхъ о сущности Божества; мы утратили одну обширную область драматическихъ сюжетовъ, но приобрѣли за то новую, еще болѣе значительную. Въстѣ съ нравственными и политическими принципами, управляющими нашей жизнью, развивались все дальше и дальше и представленія о прекрасномъ и художественно-сильномъ. Между высшими художественными воздѣйствіями греческихъ священныхъ игръ, Autos sacramentales, и драмами временъ Гёте и Иффланда существуетъ не меньшее различіе, чѣмъ между эллинскимъ амфитеатромъ, подмостками мистерій и замкнутой залой современной сцены. Можно считать несомнѣннымъ, что нѣкоторые законы драматическаго творчества сохранять навсегда свою силу, но въ общемъ, какъ жизненные потребности драмы, такъ и художественныя средства, которыми достигаются сценическія воздѣйствія, находятся въ постоянномъ процессѣ развитія. И не слѣдуетъ полагать, что техника поэзіи совершенствуется лишь благодаря твореніямъ первенствующихъ поэтовъ. Мы вправѣ сказать, безъ всякаго самовозвеличенія, что условія высшихъ художественныхъ воздѣйствій въ драмѣ и употребле-

нія техническихъ приемовъ яснѣе для насъ въ настоящее время, чѣмъ они были для Лессинга, Шиллера и Гёте.

Современный поэтъ склоненъ относиться съ пренебрежительнымъ удивленіемъ къ методу, сообразовавшемуся при построеніи явленій, при рисовкѣ характеровъ и послѣдовательномъ рядѣ сценическихъ воздѣйствій съ перешедшей по традиціи системой прочно установленныхъ техническихъ правилъ. Подобное ограниченіе мы готовы считать гибелью свободнаго художественнаго творчества. Но это величайшее заблужденіе. Наоборотъ, выработанная система отдѣльныхъ предписаній, твердое, коренящееся въ народномъ обычаѣ ограниченіе при выборѣ сюжетовъ и построеніи пьесъ были въ различныя времена самой лучшей поддержкой творческой силы. И больше того: они являются, повидимому, необходимымъ условіемъ той богатой производительности, которая поражаетъ насъ въ извѣстные періоды прошлаго, какъ нѣчто загадочное и непостижимое. Мы признаемъ до сихъ поръ, что греческая трагедія обладала подобной техникой, и что величайшіе поэты руководствовались въ своемъ творествѣ профессиональными правилами, отчасти принадлежавшими всѣмъ и каждому, отчасти же составлявшими, быть можетъ, достояніе лишь нѣкоторыхъ фамилій и кружковъ. Многія изъ этихъ правилъ были хорошо извѣстны аттической критикѣ, судившей о достоинствѣ пьесы соотвѣтственно съ тѣмъ, на должномъ-ли мѣстѣ находится перипетія, и возбуждаетъ-ли желательную мѣру сочувствія патетическая сцена. Что испанская драма плащей и шпагъ равнымъ образомъ художественно переплетала нити своей интриги на основаніи твердо установленныхъ правилъ, этого, конечно, не говоритъ намъ ни одинъ кастилецъ въ своей поэтикѣ, но многія изъ этихъ правилъ мы усматриваемъ уже въ одно-

*) Переводъ съ шестаго исправленнаго изданія (Лейпцигъ, 1890 г.).

образномъ построеніи и вѣчно повторяющихся характерахъ, и намъ было-бы не трудно воздвигнуть систему особыхъ предписаній на основаніи самихъ этихъ пьесъ.

Понятно, что эти правила и приемы не представлялись чѣмъ-то неизмѣннымъ и современникамъ, которые ими пользовались. Благодаря гению и разумному изобрѣтенію отдѣльныхъ личностей, они подвергались дальнѣйшему развитію и преобразованію до тѣхъ поръ, пока не застыли въ неподвижной формѣ, и, послѣ цѣлаго періода мертвеннаго примѣненія, погибли одновременно съ творческой силой поэтовъ.

Правда, что выработанная техника, опредѣляющая не только форму, но и многія изъ эстетическихъ воздѣйствій, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ драматической поэзіи цѣль и границы, обеспечивающія достиженіе величайшихъ результатовъ, превзойти которые рѣдко удается даже гению. Подобное ограниченіе нерѣдко считается въ позднѣйшіе вѣка препятствіемъ къ многостороннему развитію. Но именно мы, вѣрны, могли-бы съ легкимъ сердцемъ подчиниться оцѣнкѣ потомства, если-бы только въ настоящее время мы имѣли возможность разсчитывать на помощь общеобязательной техники. Ибо мы страдаемъ не узкимъ ограниченіемъ, а полной противоположностью его, чрезмѣрнымъ недостаткомъ дисциплины и формы, отсутствіемъ національнаго стиля, опредѣленной области драматическихъ сюжетовъ, всякой увѣренности приемовъ; наше творчество сдѣлалось во всѣхъ почти направленіяхъ случайнымъ и шаткимъ; даже теперь, спустя восемьдесятъ лѣтъ послѣ Шиллера, рѣдкій молодой поэтъ чувствуетъ себя на сценѣ, какъ дома.

Но если мы и вынуждены отказать отъ пользованія при нашемъ творествѣ выгодами твердой и профессиональной традиціи, которая была въ равной мѣрѣ свойственна какъ драматическому, такъ и образовательнымъ искусствамъ прежнихъ вѣковъ, то все же мы не должны пренебрегать техническими правилами древнихъ и новѣйшихъ временъ, облегчающими на нашей сценѣ достиженіе художественныхъ воздѣйствій, должны ихъ отыскивать и примѣнять съ расчетомъ. Само собою разумѣется, что не произволь отдѣльной личности и не вліяніе какого-нибудь одного великаго мыслителя или поэта можетъ предписатьъ намъ эти правила. Извлекаемые изъ благороднѣйшихъ воздѣйствій нашей сцены, они должны содержать въ себѣ лишь то, что для насъ необходимо, и служить критикѣ и творческой силѣ не какъ деспоты, а какъ честные помощники; и для этихъ правилъ точно такъ же не исключается возможность измѣненія и дальнѣйшаго развитія соотвѣтственно съ потребностями времени.

Удивительно однако, что техническія вспомогательныя правила прежнихъ временъ, по ко-

торымъ поэтъ воздвигалъ художественную постройку своей драмы, такъ рѣдко передавались позднѣйшимъ поколѣніямъ въ письменной формѣ. Двѣ тысячи двѣсти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Аристотель изложилъ для эллиновъ нѣкоторые изъ этихъ законовъ. Къ сожалѣнію, его поэтика дошла до насъ въ неполномъ видѣ; то, что сохранилось отъ нея, есть, быть можетъ, лишь извлечение, сдѣланное неумѣлыми руками; въ немъ замѣчаются пробѣлы, текстъ искаженъ, и, сверхъ всего этого, нѣкоторыя главы, повидимому, перепутаны. Несмотря, однако, на эти обстоятельства, уцѣлѣвшая поэтика является для насъ въ высшей степени цѣннымъ произведеніемъ; она даетъ возможность археологій заглянуть въ погребенный подъ развалинами прошлаго сценической міръ эллиновъ; въ нашихъ учебникахъ эстетики она и понинѣ служитъ фундаментомъ для теоріи драматическаго искусства; нѣкоторыя главы этого небольшого сочиненія поучительны и для пишущаго поэта. Ибо, помимо теоріи драматическихъ воздѣйствій, установленной для своихъ современниковъ величайшимъ мыслителемъ древности, и помимо многихъ принциповъ національной критики, примѣненныхъ къ новымъ пьесамъ образованнымъ афиняниномъ, эта поэтика содержитъ въ себѣ и нѣсколько тонкихъ приемовъ, заимствованныхъ изъ драматическихъ мастерскихъ древности, приемовъ, которыми мы можемъ воспользоваться съ большою выгодой для своей работы. Объ этомъ будетъ рѣчь впереди, насколько позволитъ практическая цѣль нашей книги.

Сто двадцать лѣтъ миновало съ тѣхъ поръ, какъ Лессингъ взялъ на себя задачу разъяснить нѣмцамъ таинственныя письмена древней поэтики. Его Гамбургская Драматургія сдѣлалась исходной точкой для національнаго возрѣнія на драматически-прекрасное. И побѣдоносная борьба, которую онъ велъ въ этомъ сочиненіи противъ тираніи французскаго вкуса, сохранить навсегда за этой книгой любовь и уваженіе вѣщцевъ. Для нашего времени всего важнѣе полемическая часть. Тамъ, гдѣ Лессингъ изъясняетъ Аристотеля, его пониманіе грековъ представляется не всегда удовлетворительнымъ для настоящей эпохи, располагающей при своихъ работахъ болѣе богатыми вспомогательными средствами; тамъ, гдѣ онъ излагаетъ настоятельными тономъ законы творчества, его сужденіе ограничено узкими взглядами на прекрасное и сильное, взглядами, отъ которыхъ онъ въ то время еще и самъ не освободился.

Лучшимъ источникомъ для пріобрѣтенія техническихъ правилъ служатъ, конечно, драмы великихъ поэтовъ, до сихъ поръ еще не утратившія своего обаянія для читателей и зрителей. Во-первыхъ—греческія трагедіи. Кто пріучить себя не останавливаться предъ особен-

ностями древней формы, тотъ увидитъ съ искреннимъ чувствомъ радости, что самый искусный трагическій поэтъ афинянь, Софокль, пользуется съ завидной увѣренностью и расчетливостью главными законами драматическаго построения. Относительно повышенія, кульминаціоннаго пункта и поворота дѣйствія—соответствующихъ второму, третьему и четвертому акту нашихъ пьесъ,—онъ остается и для насъ образцомъ, до котораго лишь рѣдко кто поднимается.

Приблизительно черезъ двѣ тысячи лѣтъ послѣ «Эдипа въ Колонѣ» была написана трагедія «Ромео и Юлія» Шекспира, — Шекспира, этой второй гениальной силы, давшей безсмертное выраженіе драматическому искусству. Онъ создалъ драму германцевъ; его отношеніе къ трагическому, его распредѣленіе дѣйствія, его способъ характеристики и изображенія душевныхъ движеній установили для интродукціи драмы и для первой половины ея до кульминаціоннаго пункта нѣсколько техническихъ законовъ, и теперь еще руководящихъ нами.

Нѣмцы пришли къ уразумѣнію его величія и значенія его работы для нихъ окольнымъ путемъ. Великіе нѣмецкіе поэты, совершенно законно являющіеся для насъ ближайшими образцами, на которыхъ мы должны развиваться, жили въ эпоху гениальныхъ экспериментовъ надъ наслѣдіемъ, оставленнымъ намъ древностью; поэтому пріобрѣтенной ими техники недостаетъ до нѣкоторой степени увѣренности и послѣдовательности сценическихъ воздѣйствій, и потому самому, что то прекрасное, которое имъ удалось найти, перешло къ намъ въ плоть и кровь, мы и обязаны отбрасывать при своей работѣ многое такое, что покоится у нихъ на незаконченномъ или шаткомъ фундаментѣ.

Причѣты, приводимые на послѣдующихъ страницахъ, взяты изъ Софокла, Шекспира, Лессинга, Гёте, Шиллера, такъ какъ намъ было желательно ограничиться причѣтами изъ общеизвѣстныхъ произведеній.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Драматическое дѣйствіе.

I.

Идея.

Въ душѣ поэта драма образуется мало-помалу изъ сырого матеріала, изъ разсказа о чемъ-нибудь случившемся. Сначала отдѣльные моменты — внутренняя борьба и рѣшеніе человѣка, богатый результатами поступокъ, столкновение двухъ характеровъ, контрастъ между героемъ и его обстановкой—выступаютъ такъ живо изъ связи съ другими событіями, что становятся поводомъ къ передѣлкѣ сюжета. Эта передѣлка

совершается такимъ образомъ, что живо воспринятый главный фактъ, понимаемый въ его плѣняющемъ, трогательномъ или потрясающемъ человѣческую душу значеніи, освобождается отъ всего случайнаго къ нему приставаго и, съ помощью нѣкоторыхъ дополнительныхъ вымысловъ, приводится въ одну общую связь причины и слѣдствія. Возникающее чрезъ это новое единство есть идея драмы. Эта идея становится центромъ, къ которому устремляется какъ-бы въ видѣ лучей дальнѣйшій свободный вымыселъ. Она проявляетъ силу, сходную съ таинственной силой кристаллизаціи; ею создается единство дѣйствія и значеніе характеровъ, а наконецъ и вся совокупность построения драмы.

Какимъ образомъ сырой матеріалъ одухотворяется до степени чистой идеи, это можно видѣть на слѣдующемъ причѣтѣ. Молодой поэтъ прошлаго столѣтія читаетъ въ газетахъ слѣдующее извѣстіе: «Штутгартъ, 11-го числа. Вчерашній день, въ квартирѣ музыканта Кривца старшая дочь его Луиза и майоръ драгунскаго герцогскаго полка Влазіусъ фонъ Бѣллеръ были найдены мертвыми на полу. Изъ составленнаго на мѣстѣ протокола и медицинскаго осмотра оказалось, что оба они умерли отъ принятаго яда. Ходятъ слухи о сердечной привязанности, которую отецъ майора, извѣстный президентъ фонъ Бѣллеръ, пытался будто-бы разрушить. Судьба молодой дѣвушки, снискавшей себѣ своей скромностью общее уваженіе, вызываетъ участіе во всѣхъ чувствительныхъ сердцахъ».

Изъ давняго этиаго отчетомъ матеріала исполнявшаяся сочувствія фантазія поэта создаетъ характеры пылкаго, страстнаго юноши и невинной, одаренной нѣжною душой дѣвушки. Живо чувствуется контрастъ между придворной атмосферой, изъ которой вышель влюбленный, и тѣснымъ кругомъ маленькой буржуазной семьи. Враждебно настроенный отецъ становится безсердечнымъ, коварнымъ придворнымъ. Является настоятельная необходимость объяснить ужасное рѣшеніе жизнерадостнаго юноши, очевидно исходящее въ этомъ случаѣ отъ него. Эту внутреннюю связь поэтъ находитъ въ живомъ намекѣ, заброшенномъ отцомъ въ душу сына, въ подозрѣніи любимой дѣвушки въ измѣнѣ. Такимъ образомъ, поэтъ дѣлаетъ разсказъ понятнымъ и себѣ, и другимъ, внося въ него внутреннюю связь при посредствѣ свободнаго вымысла. Повидимому, это лишь мелкія дополненія, но они создаютъ совершенно самостоятельную картину, производящую рядомъ съ дѣйствительнымъ прошествіемъ впечатлѣніе чего-то новаго и нѣмѣющаго приближительно слѣдующее содержаніе: въ одномъ молодомъ дворянѣ отецъ возбуждаетъ такую пламенную ревность противъ его возлюбленной, принадлежащей къ мѣщанской семьѣ, что молодой чело-

вѣкъ умерщвляетъ ядомъ и ее, и себя. Благодаря этому преобразованію, событіе изъ дѣйствительной жизни сдѣлалось драматической идеей. Съ этого момента дѣйствительное событіе уже не существенно для поэта; мѣстность, фамиліи замѣшанныхъ въ немъ лицъ отпадаютъ; теперь ему рѣшительно все равно, соответствовало-ли на самомъ дѣлѣ ходъ событий характеру и положенію умершихъ и ихъ родителей; теплое чувство и первое движеніе творческой силы придали этому происшествію общепонятное содержаніе и внутреннюю правду. Предпосылки пьесы теперь уже не случайны и не относятся къ единичному случаю; онѣ могли-бы сотни разъ повториться въ этомъ самомъ видѣ, и, при взятыхъ поэтомъ характерахъ и найденной связи, исходъ всегда остался-бы одинъ и тотъ же.

Наполнивъ такимъ образомъ своей душой данный матеріалъ, поэтъ займется иногда изъ дѣйствительнаго разсказа то, что наиболѣе подходитъ ему: титулъ отца и сына, имя невѣсты, профессію ея родителей, пожалуй, и другія подробности, которыми онъ можетъ удобно воспользоваться. И при этомъ подвигается впередъ и дальнѣйшая творческая работа: развиваются до мельчайшихъ частныхъ главныхъ характеры, а вмѣстѣ съ ними и второстепенныя фигуры: коварный пособникъ отца, другая женщина въ контрастъ возлюбленной, личности родителей. Къ этому присоединяются новые моменты дѣйствія. И всѣ эти вымыслы опредѣляются и направляются идеей.

Эта идея, первая находка поэта, безмолвная душа, которой онъ одухотворяетъ приходящій къ нему извнѣ сюжетъ, не можетъ сразу сдѣлаться для него мыслью, въ ней нѣтъ безцвѣтной ясности отвлеченнаго понятія. Наоборотъ, такая работа поэтического духа отличается именно тѣмъ, что главные части дѣйствія, сущность главныхъ характеровъ и даже до нѣкоторой степени колоритъ пьесы всплываютъ въ душѣ одновременно съ идеей, соединенные въ нераздѣльное цѣлое, и тотчасъ же начинаютъ дѣйствовать, какъ нѣчто живое, порождая во всѣхъ направленіяхъ новыя образованія. Случается, напримѣръ, что идея пьесы, которую поэтъ несомнѣнно носитъ въ своей душѣ, такъ и не достигаетъ у него словеснаго выраженія во время самаго процесса творчества, и что лишь потомъ, силою размышленія, онъ отлиываетъ свое внутреннее достояніе въ рельефную форму рѣчи и начинаетъ видѣть въ немъ основную мысль своей драмы. Возможно даже, что, какъ поэту творящему, ему легче воспринять идею по законамъ его искусства, чѣмъ выразить въ одномъ предложеніи основную мысль своего произведенія.

Но если ему неудобно, а порою даже затруднительно свести къ отвлеченной формулѣ и вы-

разить въ словахъ идею создающейся пьесы, то все же для него будетъ полезно подвергнуть уже при началѣ работы подобному охлажденію свою пылкую душу и строго-критически обсудить найденную идею по основнымъ условіямъ драмы. И для посторонняго будетъ поучительно отыскать въ готовомъ уже художественномъ произведеніи скрытую въ немъ душу и, хотя это доступно ему лишь въ весьма несовершенномъ видѣ, облечь ее въ формулу. Это даетъ возможность узнать много характеристическихъ для даннаго поэта подробностей. Возьмемъ, напримѣръ, основу «Маріи Стюартъ»: ревность, возбужденная въ королевѣ, побуждаетъ ее умертвить свою плѣвную соперницу; или же основу драмы «Коварство и Любовь»: ревность, возбужденная въ молодомъ дворянинѣ, побуждаетъ его умертвить любимую дѣвushку-мѣщанку, — хотя, такимъ образомъ, голая формула лишится всей жизненной полноты и яркости, нераздѣльной въ душѣ поэта съ идеей, но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя своеобразныя черты въ построеніи этихъ двухъ пьесъ уже явственно выступаютъ изъ нея: то, напримѣръ, что поэтъ, взявъ подобную основу, былъ поставленъ въ необходимость придумать первую часть дѣйствія, объясняющую возникновеніе ревности, что, слѣдовательно, двигающая сила въ главныхъ характерахъ начинаетъ дѣйствовать лишь съ половины пьесы, и что первые акты вплоть до кульминаціоннаго пункта заключаютъ въ себѣ преимущественно усилія второстепенныхъ фигуръ возбудить эту разрушительную дѣятельность одного изъ главныхъ характеровъ. Далѣе, онъ замѣтитъ, какъ родственны между собою въ самомъ корнѣ мотивъ и построеніе этихъ двухъ драмъ Шиллера, и какое поразительное сходство представляютъ обѣ онѣ по идеѣ и плану съ болѣе сильной пьесой — «Отелло».

Сюжетъ, преобразуемый драматической идеей, или изобрѣтается поэтомъ специально для его драмы, или является анекдотомъ изъ жизни, окружающей поэта, или представляетъ собой историческое повѣствованіе, содержаніе какого-нибудь преданія, новеллы, поэтического разсказа. Въ каждомъ изъ тѣхъ случаевъ, когда поэтъ пользуется имѣющимся уже на лицо матеріаломъ, этотъ послѣдній уже заранѣе въ большей или меньшей степени очеловѣченъ какой-либо пронизшей въ него идеей. Даже въ придуманномъ выше газетномъ извѣстіи уже можно усмотрѣть начало преобразованія. Въ послѣднемъ предложеніи: «ходятъ слухи о сердечной привязанности, которую и т. д.», репортеръ дѣлаетъ первую попытку преобразовать факты въ связанную внутреннимъ смысломъ повѣсть, объяснить несчастный случай и, придавъ характеру влюбленныхъ болѣе привлекательное содержаніе, этимъ самымъ возбудить къ нимъ болѣе теплое участіе. Этотъ процессъ

перетолкованія, благодаря которому дѣйствительныя событія получаютъ соотвѣтствующія потребностямъ души связь и содержаніе, не составляють исключительнаго преимущества поэта. Склонность и способность къ нему обнаруживаютъ свое дѣйствіе во всѣхъ людяхъ и во всѣ времена. Цѣлыя тысячелѣтія человечество истолковывало себя такимъ образомъ всю жизнь земли и неба, съ избыткомъ наполняя человѣческими идеями свои представленія о Божествѣ. Всѣ эпическія сказанія произошли путемъ подобнаго превращенія религиозныхъ, естественно-историческихъ, а иногда и историческихъ впечатлѣній въ поэтическія идеи. Даже и теперь, при господствѣ историческаго образованія, когда уваженіе къ фактической связи мировыхъ событій поднялось на значительную высоту, все еще проявляется, какъ въ самыхъ крупныхъ, такъ и въ самыхъ мелкихъ вещахъ, это стремленіе объяснять совершившіеся факты. Во всякомъ анекдотѣ, даже въ отталкивающихъ слетняхъ салонной жизни сказывается все та же дѣятельность, — преобразуется ли дѣйствительность въ силу побужденія представить въ веселыхъ и привлекательныхъ краскахъ какое-нибудь происшествіе изъ будничной жизни или же въ силу потребности рассказчика почувствовать себя увѣреннѣе и лучше въ противоположность другимъ людямъ.

Историческій матеріалъ въ свою очередь распределяется историкомъ при помощи какой-нибудь идеи, прежде еще, чѣмъ имъ овладѣетъ поэтъ. Идеи историографа, конечно, лишены поэзіи, но и онѣ дѣйствуютъ опредѣляющимъ и образующимъ способомъ на всѣ части вызываемаго ими произведенія. Кто описываетъ жизнь какого-либо отдѣльнаго человѣка или какой-нибудь періодъ прошлаго, тотъ тоже долженъ распределять хаотическую массу матеріала соотвѣтственно установленнымъ точкамъ зрѣнія, долженъ выдѣлять несущественное, выдвигать на первый планъ главное. И больше того: онъ долженъ стараться понять содержаніе человѣческой жизни или даннаго времени, стараться отыскать ихъ коренныя основныя черты и внутреннюю связь событій. Но, конечно, прежде всего обязанъ онъ найти внутреннюю связь своего сюжета со многими другими, что лежитъ за предѣлами послѣдняго и чего онъ не изображаетъ. Онъ долженъ даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ дополнять преданіе и давать толкованіе непонятному, отыскивая возможное и правдоподобное содержаніе его. Наконецъ, и при составленіи плана своего сочиненія, онъ долженъ руководиться законами творчества, имѣющими множество точекъ соприкосновенія съ законами композиціи поэта. И своимъ знаніемъ и своимъ искусствомъ онъ можетъ создать изъ сыраго матеріала возбуждающую удивленіе картину, можетъ произ-

вести на душу читателя самое захватывающее впечатлѣніе. Но онъ тѣмъ отличается отъ поэта, что добросовѣстно старается понять дѣйствительно случившееся такъ, какъ оно фактически являлось въ жизни, и что отыскиваемая имъ внутренняя связь порождается мировымъ порядкомъ, предъ которымъ мы преклоняемся, какъ предъ чѣмъ-то божественнымъ, безконечнымъ, непостижимымъ. Для историка высшей находкой представляется самая сущность факта и его значеніе для человѣческаго духа. Поэтъ же ставитъ выше всего прекрасное впечатлѣніе, производимое его собственнымъ вымысломъ; ради него онъ спокойно, какъ-бы играя, преобразуетъ дѣйствительную сущность факта. Поэтому всякое произведеніе историка, съ какой-бы полнотой ни было оно одухотворено усмотрѣнной изъ содержанія исторической идеи, все-таки остается для поэта лишь сырымъ матеріаломъ, подобно какому-либо обыденному происшествію, и самое искусное трактованіе своего предмета историкомъ пригодно для поэта лишь постольку, поскольку оно облегчаетъ ему уразумѣніе того или другаго событія. Если поэтъ, читая исторію, проникся сочувствіемъ къ личности полководца Валленштейна, если онъ живо ощутилъ въ рассказѣ извѣстную связь между дѣяніями и судьбой этого человѣка, если его тронули или потрясли какія-либо поразительныя черты изъ его дѣйствительной жизни, то, приступая къ процессу образованія, онъ прежде всего приведетъ дѣянія и гибель героя въ совершенно понятную и душу захватывающую связь и видоизмѣнитъ характеръ героя такимъ образомъ, чтобъ дѣйствіе произвело трогательное или потрясающее впечатлѣніе. То, что въ историческомъ характерѣ было, быть можетъ, лишь второстепенной причиной, становится основой его природы; мрачный, грозный предводитель шайки принимаетъ нѣкоторыя черты природнаго склада самого поэта: онъ становится великодушнымъ, мечтательно-созерцательнымъ человѣкомъ. Соотвѣтственно этому характеру преобразуется смыслъ событій, опредѣляются всѣ другіе характеры, направляются преступленія и судьба дѣйствующихъ лицъ. Благодаря такой идеализаціи возникъ Валленштейнъ Шиллера, — образъ, обаятельныя черты котораго имѣютъ весьма мало общаго съ личностью историческаго Валленштейна. Поэтъ долженъ, уразумѣется, остерегаться того, чтобъ въ его вымыслѣ не выступило какое-нибудь ошутливое для его современниковъ противорѣчіе съ исторической правдой. До какой степени стѣснены подобными соображеніями новѣйшіе поэты, будетъ выяснено впоследствии.

При этомъ отъ личности поэта будетъ зависѣть, что явится для него первымъ толчкомъ къ его поэтической дѣятельности — плѣнительныя-ли черты характера въ людяхъ, или что-либо

поразительное въ нихъ дѣйствительной судьбѣ, или, пожалуй, интересный колоритъ данной эпохи, который онъ находитъ уже въ историческомъ разсказѣ. Но съ той минуты, какъ онъ ощутилъ возбужденіе и симпатію, необходимыя ему для творчества, онъ начинаетъ дѣйствовать съ неограниченной свободой, какъ-бы строго, повидимому, онъ ни придерживался историческаго сюжета. Весь пригодный для него матеріалъ онъ превращаетъ въ драматическіе моменты *).

Но и въ томъ случаѣ, когда поэтъ избираетъ матеріалъ, уже распредѣленный въ болѣе или менѣе совершенной степени, сообразно законамъ эпическаго творчества, въ формѣ героической поэмы, саги, художественно выполненнаго разсказа, то, что оказывается законченными для какаго-либо другаго вида поэзіи, остается для него лишь матеріаломъ. И не слѣдуетъ думать,

* Уже Аристотель отнесся съ глубокимъ пониманіемъ къ этой первой находкѣ поэта, выработкѣ поэтической идеи. Если онъ противопоставляетъ поэзію исторіи, какъ нѣчто болѣе философское и значительное, по той причинѣ, что предметомъ изображенія поэзіи является общечеловѣческое, тогда какъ исторія повѣствуетъ о случайномъ и частномъ, и потому, что исторія излагаетъ что произошло, поэзія же — какъ оно могло-бы произойти, то мы, люди современности, проникнутые важностью и величіемъ историческихъ идей, хотя и отклоняемъ сравнительную оцѣнку двухъ въ корнѣ различныхъ сферъ творчества, но вмѣстѣ съ тѣмъ должны будемъ признать всю тонкость его опредѣленія понятій. Непосредственно за сими онъ разъясняетъ процессъ идеализаціи въ предложеніи, часто дававшемъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Онъ говоритъ (глава 9, 4): „Этотъ человѣчески—общій элементъ поэзіи создается такимъ образомъ, что рѣчи и поступки характеровъ являются правдоподобными и необходимыми, и этотъ общечеловѣчскій элементъ поэзіи вырабатывается изъ сырого матеріала, и она (поэзія) надбляетъ личности соответствующими именами“—*οὐ στοχάζεται ἢ ποιῶσι βούβητα ἰππιδεῖον*—все равно—пользуется-ли она именами, находящимися въ матеріалѣ, или изобрѣтаетъ новыя. Дѣло въ томъ, что еще Аристотель былъ того мнѣнія, что, приступая къ работѣ, поэту слѣдуетъ прежде всего разсмотрѣть привлекшіи его сюжетъ въ формулѣ, освобожденной отъ всего случайнаго, и онъ развиваетъ эту мысль въ другомъ мѣстѣ: (Глава 17, 6, 7). „Ифигенія и Орестъ драмы отнюдь не тѣ же, какими мы видимъ ихъ въ сказаніи. Если они сохраняютъ эти имена, то для поэта это почти случайность. Лишь тогда, когда поэтъ выдѣлитъ поступки и характеры своихъ дѣйствующихъ лицъ изъ случайнаго, дѣйствительнаго, разъ уже провѣдшаго, и на мѣсто того поставилъ имѣющее общее значеніе содержаніе, представляющее намъ правдоподобнымъ и необходимымъ, лишь тогда долженъ онъ снова воспользоваться находящимися въ сыромъ матеріалѣ окраской и тономъ, именами и побочными обстоятельствами“. (Глава 18, 7). Поэтому-то и возможно, что драмы, ваятыя изъ весьма различныхъ сферъ сюжетовъ, изображаютъ въ своей сущности одинаковое содержаніе—или, какъ мы выражаемся, одну и ту же поэтическую идею. Вотъ смыслъ приведенныхъ цитатъ.

что какое-нибудь событіе съ участвующими въ немъ лицами, уже идеализированныя столь близко родственнымъ искусствомъ, должны, въ силу этого, представлять лучшую подготовку для драмы. Наоборотъ, именно между великими созданіями эпической поэзіи, изображающей событія и героевъ въ томъ видѣ, какъ они стоятъ другъ возлѣ друга, и драматическимъ искусствомъ, представляющимъ дѣйствія и характеры въ томъ видѣ, какъ они происходятъ *черезъ посредство* другъ друга, существуетъ глубокая противоположность, которую нелегко преодолѣть поэту. Даже поэтическое возбужденіе, производимое на его душу этими законченными картинками, можетъ затруднить для него ихъ преобразование согласно жизненнымъ условіямъ его искусства. Греческая драма вела такую же упорную борьбу съ своими сюжетами, занимаваемыми изъ эпоса, какую ведутъ исторические поэты нашего времени при превращеніи историческихъ идей въ драматическія.

Художественно преобразовать сюжетъ согласно одной общей идеѣ значитъ идеализировать его. Дѣйствующія лица поэта, въ отличіе отъ ихъ дѣйствительныхъ прообразовъ, носятъ удобное техническое названіе идеаловъ.

II.

Что драматично?

Драматичны тѣ сильныя душевныя движенія, которыя могутъ окрѣпнуть до степени воли и поступка, и тѣ душевныя движенія, которыя вызываются какимъ-либо поступкомъ—слѣдовательно, внутренніе процессы, чрезъ которые проходитъ человѣкъ, начиная отъ вспышки ощущенія и кончая страстнымъ хотѣніемъ, равно какъ и впечатлѣнія, производимыя на душу собственными и чужими поступками—слѣдовательно, изліяніе силы воли изъ глубины души во внѣшній міръ и проникновеніе опредѣляющихъ вліяній изъ внѣшняго міра вглубь души—слѣдовательно, *воздѣйствіе* какаго-либо поступка и его *воздѣйствіе* на душу.

Не драматично—дѣйствіе само по себѣ и страстное движеніе само по себѣ. Не изображеніе страсти, какъ таковой, а изображеніе страсти, ведущей къ поступку, есть задача драматическаго искусства; не изображеніе событія, какъ такового, а изображеніе его воздѣйствія на человѣческую душу—есть задача драматическаго искусства. Описаніе страстныхъ душевныхъ движеній, какъ таковыхъ, есть дѣло лирики; изображеніе вызывающихъ событій есть задача эпоса.

Оба направленія, въ которыхъ обнаруживается драматическое, отнюдь не имѣютъ между собою кореннаго различія. И въ то время, когда человѣкъ напрягаетъ свои усилія, стремясь проявить во внѣ свою душу, его обстановка дѣй-

ствуетъ на его страстное движеніе поощряющимъ или задерживающимъ образомъ. И опять-таки, въ то время, когда онъ испытываетъ на себѣ воздѣйствіе сдѣланнаго, онъ не остается при одномъ воспріятіи, а получаетъ чрезъ него новыя движенія и измѣненія. Но въ дѣйствіи этихъ двухъ тѣсно между собою связанныхъ процессовъ есть все-же разница. Навысшее обяніе неизмѣнно представляетъ первый процессъ, внутренняя борьба человѣка, ведущая къ поступку. Второй требуетъ больше внѣшняго движенія, болѣе энергичнаго взаимодействія различныхъ силъ; почти все, что услуждаетъ страсть къ зрѣлищамъ, относится къ этому процессу; я все-таки, какъ ни безусловно необходимъ онъ для драмы, онъ является преимущественно удовлетвореніемъ возбужденнаго напряженія, и нетерпѣніе творящаго вслѣдъ за поэтомъ зрителя быстро скользитъ по нему, ища новаго страшнаго напряженія въ сердцѣ героя. То, что *совершается*, а не то, что возбуждаетъ изумленіе, какъ уже совершившееся, наиболѣе приковываетъ къ себѣ интересъ.

Такъ какъ драматическое искусство изображаетъ людей, или проявляющихъ во внѣ дѣятельность своей души, или охваченныхъ вліяніями извнѣ, то оно, естественно, должно пользоваться тѣми средствами, которыя могутъ сдѣлать понятными для слушателей эти процессы человѣческой природы. Эти средства — рѣчь, звукъ, жестъ. Драматическое искусство должно представлять своихъ человѣческихъ личностей говорящими, поющими, жестикулирующими. Слѣдовательно, поэзія пользуется для своего изображенія содѣйствіемъ музыки и актерскаго искусства.

Въ тѣсномъ союзѣ съ своими вспомогательными искусствами, въ энергической совмѣстной работѣ, оно посылаетъ свои образы въ души воспринимавшихъ, являющихся въ одно и то же время и слушателями, и зрителями. Впечатлѣнія, имъ производимыя, называются *сценическими воздѣйствіями*. Сценическія воздѣйствія имѣютъ весьма своеобразный характеръ, они отличаются не только отъ воздѣйствій пластическихъ искусствъ болѣе яркостью и постепеннымъ, законотѣрнымъ усиленіемъ въ определенномъ періодѣ времени, но и отъ могучихъ воздѣйствій музыки они отличаются тѣмъ, что проникаютъ одновременно при посредствѣ *двухъ* чувствъ, и что возбуждаютъ и напрягаютъ не только міръ ощущеній, но и мыслительную способность слушателя.

Уже изъ сказаннаго нами ясно, что лица, созданныя согласно потребностямъ драматическаго искусства, должны имѣть въ своей природѣ нѣчто особенное, отличающее ихъ не только отъ безконечно болѣе многообразныхъ и сложныхъ человѣческихъ образовъ, запечатлѣваемыхъ въ нашей душѣ дѣйствительной жизнью,

но и отъ поэтическихъ образовъ, приводимыхъ въ движеніе другими видами искусства, эпосомъ, романомъ или лирикой. Драматическое лицо должно представлять человѣческую природу не такъ, какъ она дѣятельно и чувствительно двигается и отражается въ своей обстановкѣ; оно должно представлять величественно и страстно волнующуюся душу, стремящуюся претвориться въ дѣло и направлять и преобразовывать природу и дѣйствія другихъ. Человѣкъ драмы долженъ появляться въ состояніи сильнаго смущенія, напряженія и внутреннего переворота; преимущественно слѣдуетъ изображать въ дѣйствіи тѣ его свойства, которыя обнаруживаются въ борьбѣ съ другими людьми, энергію чувства, давленіе силы воли, ограниченность, порождаемую страстными желаніемъ, именно тѣ свойства, которыя образуютъ характеръ и становятся понятными благодаря характеру. Не безъ основанія поэтому принято называть, на языкѣ техническомъ, дѣйствующихъ лицъ драмы прямо *характерами*.

Но характеры, выводимые поэзіей и ея вспомогательными искусствами, могутъ доказать свою внутреннюю жизнь лишь на чѣмъ-нибудь такомъ, что происходитъ, то есть какъ участники какого-либо событія, ходъ и внутренняя связь котораго уясняются слушателю драматическими процессами въ душѣ героя. Это событіе, если оно создано согласно съ требованіями искусства, называется *дѣйствіемъ* (Handlung *).

Каждый участникъ драматическаго дѣйствія имѣетъ определенное положеніе по отношенію къ цѣлому; для cadaго изъ нихъ необходима точно описанная личность, которая должна быть такъ задумана, чтобъ слушатель съ удовольствіемъ сознавалъ ея цѣлесообразность, и чтобъ актеръ могъ посредствомъ своего искусства мощно изобразить ея человѣческія и характеристическія свойства.

Душевные процессы, обозначенные нами выше подъ именемъ драматическихъ, конечно, не являются вполне очевидными на каждомъ изъ изображенныхъ лицъ, въ особенности на новѣйшей сценѣ, охотно выводимой въ качествѣ носителей своего дѣйствія болѣе или менѣе значительное число людей. Но главные лица

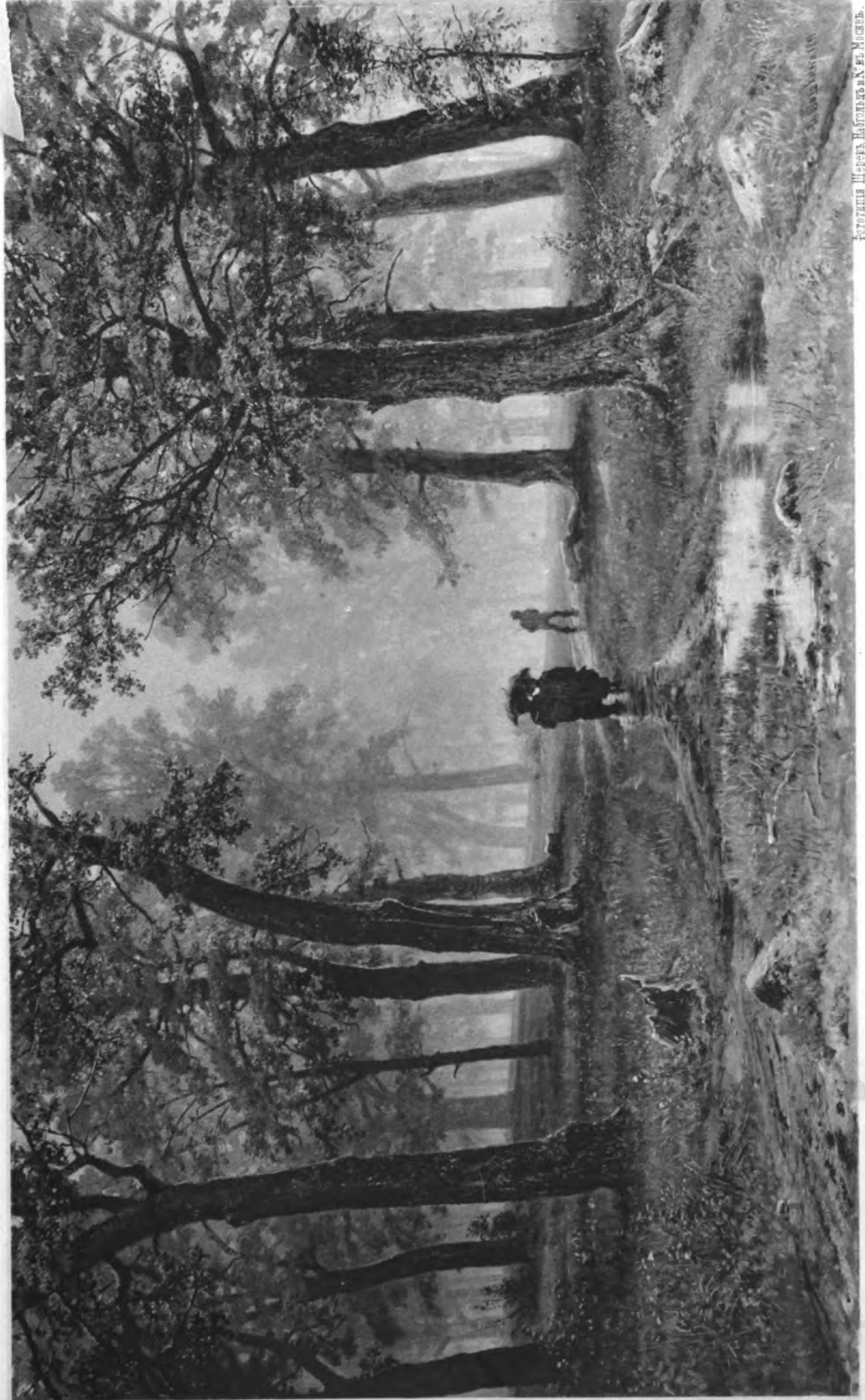
*) Немногія встрѣчающіяся здѣсь техническія выраженія должны быть приняты читателемъ безъ предубѣжденій. Значеніе многихъ изъ нихъ въ необходимомъ употребленіи уже подверглось нѣкоторымъ болѣе или менѣе тонкимъ измѣненіямъ за послѣднія сто лѣтъ. То, что называется здѣсь *дѣйствіемъ* (Handlung): уже подготовленный для драмы матеріалъ (у Аристотеля *миѳъ* (Mythos), у римлянъ *фабула*) иногда еще носитъ у Лессинга названіе *фабулы* (Fabel), тогда какъ сырой матеріалъ, Аристотелевскую *Praxis* или *Pragma*, онъ переводитъ словомъ *дѣйствіе* (Handlung). Но и Лессингъ иногда уже употребляетъ слово *дѣйствіе* (Handlung) правильнѣе, въ томъ смыслѣ, какъ оно употреблено здѣсь.

Дождь.

Картина И. И. Шишкина.

(Передвижная выставка 1891) г.

Л. Д. С. Д.
И. П. С. Д. И.
И. П. С. Д. И.

ФОТОГРАФИЯ ПЕРСКИХ ВОСТОКАРЪВЪ ВЪ МОСКВѢ.

1911

ASIAN SOCIETY

должны быть наполнены ими; лишь тогда, когда они указаннымъ способомъ, щедро и энергично проявляютъ свою природу до самыхъ тайныхъ изгибовъ души, лишь тогда можетъ драма оказать сильныя сценическія воздѣйствія. Если этотъ послѣдній драматическій элементъ не видѣнъ на главныхъ лицахъ и не овладѣваетъ настойчиво воспринимающимъ лицомъ, то драма оказывается лишенной жизни; она становится искусственной, пустой формой безъ соответствующаго содержанія; притязательное взаимодействие нѣсколькихъ соединенныхъ искусствъ дѣлаетъ вдвойнѣ тягостной эту пустоту.

Рядомъ съ главными лицами получаютъ большую или меньшую долю въ этой драматической жизни, смотря по величинѣ отвѣденнаго имъ пространства въ пьесѣ, и ихъ помощники. Даже въ самыхъ мелкихъ роляхъ эта доля не исчезаетъ совершенно, хотя бы онѣ принадлежали лицамъ, могущимъ доказать свое участіе лишь немногими словами; по отношенію къ спутнику, къ вѣстнику, по крайней мѣрѣ актерское искусство обязано изобразить наглядно, хотя бы кратко и сдержанно, при посредствѣ костюма, рѣчи, осанки, жестовъ и мѣста, указываемаго на сценѣ входящему лицу, его соответствующее пьесѣ содержаніе.

Но такъ какъ изображеніе тѣхъ душевныхъ процессовъ, которые составляютъ преимущество и потребность драмы, отнимаетъ время, а у каждаго поэта, смотря по обычаемъ его народа, ограничено количество времени для его сценическихъ воздѣйствій, то изъ этого само собою вытекаетъ, что изображенное событіе должно гораздо рѣзче выдвигать на первый планъ главныхъ лицъ, нежели это необходимо въ дѣйствительномъ происшествіи, совершающемся чрезъ совокупную дѣятельность многихъ людей.

Способность оказывать драматическія воздѣйствія посредствомъ искусства дается человеку не во всѣ периоды его существованія. Драматическая поэзія появляется поздне, чѣмъ эпосъ и лирика; ея расцвѣтъ среди того или другаго народа зависитъ, конечно, и отъ счастливаго стеченія многихъ производительныхъ силъ, но, прежде всего, отъ того обстоятельства, что въ дѣйствительной жизни членовъ одного и того же народа уже часто повторяются и ярко проявляются соответствующіе душевные процессы. А это возможно лишь тогда, когда народъ достигъ извѣстной высоты развитія, когда люди привыкли зорко наблюдать самихъ себя и другихъ *передъ* моментами какого-либо дѣйствія, когда языкъ выработалъ высокую степень гибкости и искусной діалектики, когда отдѣльный человекъ уже не скрываетъ эпическимъ гнетомъ стариннаго преданія и вѣшной силы, не скрываетъ традиционными формулами и народными обычаями, а можетъ съ большей свободой устранивать свою

собственную жизнь. Мы различаемъ два періода, въ которые драматическій элементъ появлялся среди земныхъ поколѣній. Въ первый разъ это углубленіе человѣческой души выступило въ античномъ мірѣ приблизительно за 500 лѣтъ до Р. Х., при подъемѣ юношескаго самосознанія свободныхъ эллинскихъ городскихъ общинъ, одновременно съ расцвѣтомъ торговли, публичныхъ рѣчей и участія гражданина въ государственной жизни. Во второй разъ драматическій элементъ вступилъ въ новѣйшую семью европейскихъ народовъ послѣ Реформаціи, одновременно съ тѣмъ углубленіемъ сердца и духа, которое было вызвано шестнадцатымъ столѣтіемъ, какъ у германцевъ, такъ и у романцевъ, хотя весьма различнымъ образомъ. Правда, что уже цѣлыя вѣка до наступленія этой энергичной душевной работы, какъ эллины, такъ и племена, вошедшія въ составъ переселенія народовъ, уже развили въ своей средѣ первыя начала декламации и мимическаго искусства, которыхъ искалъ драматическій элементъ. И здѣсь, и тамъ религиозныя празднества подали поводъ къ пѣснопѣніямъ въ торжественныхъ одѣвіяхъ и къ представленіямъ народныхъ масокъ. Но все-таки вступленіе драматической силы въ эти лирическія и эпическія зрѣлища совершилось оба раза изумительно быстро, почти внезапно. Оба раза, съ того момента, какъ драматическая сила начинала жить, она развивалась съ необычайной энергіей и достигала такой красоты, превзойти которую не легко было и позднѣйшимъ вѣкамъ. Непосредственно послѣ персидскихъ войнъ явились одинъ вслѣдъ за другимъ Эсхилъ, Софокль и Эврипидъ. Вскорѣ послѣ Реформаціи, въ семьѣ европейскихъ народовъ, сначала у англичанъ и испанцевъ, потомъ у французовъ, наконецъ у запоздавшихъ нѣмцевъ безпомощныя и безсильныя попытки сдѣланы высшимъ національнымъ расцвѣтомъ рѣдкаго искусства.

Но вступленіе драматическаго элемента въ древній міръ отличается тѣмъ, что драма древности возникла изъ лирическаго хороваго пѣнія, тогда какъ новѣйшая основана на эпическомъ наслажденіи, доставляемомъ изображеніемъ важныхъ происшествій. Тамъ привлекало при самомъ началѣ страстное возбужденіе чувства, здѣсь — зрѣлище какого-либо событія. Это различіе происхожденія сильно вліяло и по достиженіи драмою художественнаго развитія на форму и содержаніе ея, и какъ ни возвышенны были лучшія созданія искусства въ оба эти періода, они все-таки сохранили нѣчто, существенно отличающее ихъ.

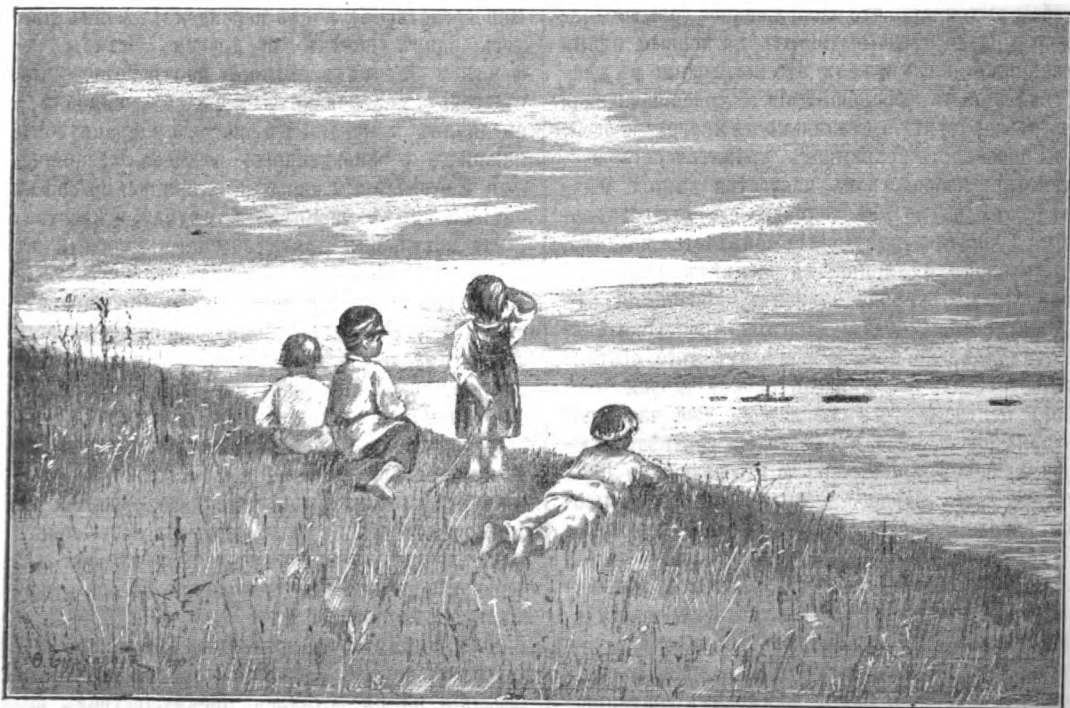
Но и тогда, когда драматическая жизнь разцвѣла въ народѣ, высшія художественныя воздѣйствія поэзіи остались преимуществомъ немногихъ; и послѣ этого времени драматическое дарованіе выпадаетъ на долю не всякаго поэта;

больше того, не всё произведёнія даже и величайшихъ поэтовъ наполнены имъ съ достаточной силой. Мы имѣемъ право заключить, что уже въ эпоху Аристотеля эти пышныя обстановочныя пьесы, которыя онъ описываетъ, съ ихъ несложнымъ дѣйствіемъ, безъ характеристическихъ стремленій главныхъ фигуръ, съ случайно вставленными хорами, ниѣли бытъ-можетъ лирической красоты, но были лишены драматическихъ. Что касается историческихъ драмъ, ежегодно появляющихся въ Германіи, то большая ихъ половина ничего почти не заключаетъ въ себѣ, кромѣ диалогизированной и изувѣченной исторіи, представляя собою развѣ только эпическій матеріалъ въ сценической формѣ, но никакъ не драматическое содержаніе. И даже нѣкоторыя произведёнія великихъ поэтовъ страдаютъ тѣмъ же недостаткомъ. Возьмемъ для примѣра лишь двѣ знаменитыя драмы. *Гекаба* Эврипида представляетъ до самаго конца лишь совершенно неудовлетворительные и незначительные переходы отъ изволнованнаго настроенія къ дѣйствію: лишь въ заключительной борьбѣ съ Полиместоромъ Гекаба выказываетъ страсть, становящуюся волей, лишь тутъ начинается драматическое напряженіе; до этихъ поръ изъ коротко очерченныхъ страдальческихъ состояній главныхъ лицъ наливался лишь лирической вопль. И опять-таки, въ шекспировскомъ *Генрихѣ V*, въ которомъ поэтъ хотѣлъ создать національную пьесу во вкусѣ старинныхъ эпическихъ привычекъ

своей сцены, съ военными картинными, битвами, мелкими эпизодами, мы не видимъ ни на главномъ характерѣ, ни на второстепенныхъ фигурахъ, чтобы ихъ дѣйствія были глубоко обоснованы подающимися драматическому изображенію мотивами. Желаніе и требованіе струятся короткими волнами; дѣйствія сами по себѣ стоятъ здѣсь на главномъ планѣ. Патриотизмъ долженъ возбуждать теплое сочувствіе къ дѣйствію; оно и проявлялось въ избыткѣ во времена Шекспира его соотечественниками. Для насъ же эта драма менѣе сценична, чѣмъ части Генриха VI. Съ другой стороны, если мы даже ограничимся для примѣра лишь нѣсколькими пьесами того же поэта: *Макбетъ* до сцены пира, весь *Кориоланъ*, *Отелло*, *Ромео и Юлія*, *Юлій Цезарь*, *Лиръ* до сцены въ шалашѣ, *Ричардъ III*, заключаютъ въ себѣ самыя могучіе драматическіе элементы, какіе когда-либо создавались германцемъ.

Но послѣ сильнаго напряженія главныхъ лицъ, особенно цѣнится и современниками, а тѣмъ болѣе потомствомъ, значеніе драмы. Тамъ, гдѣ нѣтъ этой жизни, никакое искусство изложенія и никакой благоприятный сюжетъ не сдѣлаютъ произведёнія долговѣчнымъ. Къ произведёнію же, въ которомъ есть эта драматическая жизнь, и позднѣйшіе потомки будутъ относиться съ глубокимъ уваженіемъ, охотно прощая ему его крупныя недостатки.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На „Волгѣ“ рисунокъ О. К. Бурхарта.

Бравый Фрицъ.

(РАЗСКАЗЪ).

«O, dreihundert tausend Hexen und kein Teufel! Нѣтъ, солдатъ не человѣкъ, не можетъ, не долженъ быть человѣкомъ! И если кто -нибудь думаетъ иначе... Blitz und Donnerwetter... такому я прямо въ глаза скажу, что онъ ни бѣльмеса не смыслитъ въ военномъ дѣлѣ! Да-съ! Ни бѣльмеса! Ха, ха, ха! Хотѣлъ-бы я взглянуть на такую армию! O, dreihundert... Это была-бы преннтересная армія! Нѣтъ-съ! Солдатъ—это машина, у которой и руки, и ноги должны дѣйствовать только такъ, какъ приказываетъ начальство, а не собственная голова, да-съ!

Такъ частенько говаривалъ своему лейтенанту фонъ-Корну майоръ 119-го пѣхотнаго полка, стоявшаго въ Эйшлау, Отто фонъ - Беземанъ, старый служака, испытанный офицеръ, бывавшій въ передѣлкахъ и даже оставившій свой лѣвый глазъ гдѣ-то на Кенитгеренскомъ полѣ. А если при нѣхъ бесѣдѣ присутствовали случайно и другіе офицеры, то онъ добавлялъ еще: «снѣю думать, что такого же мнѣнія и всякій прусскій офицеръ, господа?».

Прусскіе офицеры кланялись въ знакъ согласія, и майоръ сіялъ удовольствіемъ, причеиъ жесткіе, длинные усы его горделиво топорщились вверху.

О, майоръ зналъ, что онъ не ошибается, и его сердце такъ и трепетало отеческой радостью, когда, бывало, на плацу онъ училъ свой батальонъ, въ которомъ зналъ каждого въ лицо и по имени, и гдѣ всѣ солдаты были какъ на подборъ красавецъ къ красавцу: мужественные, стройные и самой высокой муштровки.

Да, можно сказать, что майоръ любилъ своихъ солдатъ, за то и солдаты его любили, а ужъ особенно одинъ изъ нихъ, нѣкто Фрицъ Розеновъ или просто «бравый Фрицъ», какъ называли его въ ротѣ. Эту кличку далъ Фрицу самъ старый майоръ. Дѣло было на учени... Солнце пекло невыносимо, всѣ измучились, и одинъ только Фрицъ сіялъ, начиная съ блестящихъ пуговицъ и кончая отчищеннымъ штыкомъ. Идя ми-

мо начальства, онъ такъ ловко отбилъ тактъ, что майоръ, взыскательный, строгій, только и умѣвшій, что шумѣть на ученьѣ, вспоминая при этомъ всѣхъ чертей на свѣтѣ, подошелъ, (самъ подошелъ!) къ Фрицу и, похлопавъ его по плечу, сказалъ: «молодецъ Фрицъ! Ты—бравый Фрицъ!.. O, dreihundert... если я не надѣну на тебя въ концѣ концовъ унтеръ-офицерскіе погоны!»

Фрицъ обомлѣлъ отъ неожиданной милости и глупо хлопалъ глазами къ особенному удовольствію и потѣхѣ гг. офицеровъ... Послѣ ученья всѣ жали Фрицу руки и поздравляли съ будущимъ производствомъ, хотя внутренно каждый ругалъ его ругательски, такъ какъ хотѣлъ-бы лучше самъ быть на его мѣстѣ. Таковы люди!

Впрочемъ, надо отдать справедливость Фрицу: онъ вполне, вполне заслуживалъ обѣщанные ему майоромъ погоны, такъ какъ солдатскія правила исполнялъ всегда настолько аккуратно и неукоснительно точно, какъ только можетъ исполнять ихъ прусскій солдатъ 119-го пѣхотнаго полка. Да вотъ, далеко за примѣромъ ходить не зачѣмъ, какое приключеніе съ нимъ недавно случилось...

Былъ у Фрица братъ Карлушка, совсѣмъ непутевый малый! Какъ ни бились съ нимъ отецъ съ матерью, ничего не могли подѣлать! Отдали было въ школу учиться,—онъ оттуда сбѣжалъ; пристроили къ герру Шульцу, у котораго была сапожная мастерская,—тоже сбѣжалъ; свезли въ сосѣдній городъ къ высокородному графу фонъ-Кнопу съ тѣмъ, чтобы, благодаря дядѣ—дворецкому графа, помѣститъ Карлушку хоть въ черные лакеи, но Карлушка объявилъ, что онъ скорѣе дастъ себя повѣсить, тѣмъ сдѣлается лакеемъ, хоть-бы у самого короля, а когда отецъ пригрозилъ ему своимъ отцовскимъ проклятіемъ за непослушаніе и непокорность, то, дѣйствительно, на другой-же день Карлушку вынули изъ петли.

Ну, совсѣмъ непутевый былъ парень и вислоколько не походилъ на добраго, благоразумнаго, порядочнаго нѣнца, а такъ смахивалъ на какую-то русскую безшабашную головушку! Подрось, — еще хуже сталъ! Завелись пріятель, положимъ, не пьянчужки, этого про нихъ нельзя сказать, но за то, бывало, соберутся въ Карлушкиной комнатѣ и за кружкой пива, окутанные съ ногъ до головы цѣлымъ облакомъ ѣдкаго табачнаго дыма, такія слова начнутъ говорить, что герръ Розеновъ, отецъ Карлушки, заткнетъ уши и убѣжитъ вонъ. Еще бы! Шутка сказать: задумали республику въ Германіи устроить, всеобщій союзъ. Зачѣмъ же именно республику?.. Опять, пожалуй, новые налоги пойдутъ, а отъ нихъ и безъ республики тошно! Молокососы этакіе: сами не знаютъ, чего хотятъ. Такъ разсуждалъ старый Розеновъ, и фрау Розеновъ, и Фрицъ, и вся семья, кромѣ Карлушки, который, по безпутству своему, продолжалъ упорствовать на своемъ мнѣніи, что все-жъ таки республика лучше!

Какъ скверно началъ Карлушка, такъ скверно и кончилъ: женился на какой-то потаскушкѣ и поступилъ въ углекопы! Впрочемъ, объ этомъ послѣ... Съ Фрицомъ Карлушка жилъ дружно и Фрицъ, хотъ и возмущался всегда до глубины души Карлушкинымъ поведеніемъ, но очень любилъ брата за его добрую открытую душу, а когда тотъ выросъ и, начитавшись разныхъ умныхъ книженокъ, вздумалъ было просвѣтить и Фрица, такъ тотъ даже сталъ его побаиваться, рѣшивъ безповоротно, что Карлушка, какой-бы онъ ни былъ, а безспорно очень умный человекъ. Былъ у нихъ, впрочемъ, одинъ пунктикъ, на которомъ братья не могли сойтись всю свою жизнь: Фрицъ нвкакъ не могъ простить Карлушкѣ его какую-то особенную ненависть ко всякой военщинѣ. И сколько не было между ними споровъ по этому поводу, — ни одинъ изъ нихъ не привелъ ни къ какому результату, такъ какъ каждый изъ братьевъ продолжалъ оставаться при своемъ мнѣніи. Напримѣръ, Карлушка тысячу разъ твердилъ брату, что война вовсе ужъ не такая хорошая вещь, какъ можетъ быть нѣкоторые думаютъ. Но такъ какъ на Фрица Карлушкины доводы имѣли дѣйствіе весьма сходное съ дѣйствіемъ гороха на стѣну, то послѣдній рѣшился даже, отчаявшись въ самомъ себѣ, прибѣгнуть къ постороннему авторитету, потому что ему страстно хотѣлось обратитъ брата на истинный, по его мнѣнію, путь. Съ этой цѣлью онъ нѣсколько разъ ѣздилъ съ нимъ въ городъ, въ кирку, гдѣ новый пасторъ, славившійся своими проповѣдями, объяснялъ прихожанамъ заповѣди Божіи.

И вотъ однажды его преподобіе съ высоты своей пастырской кафедры громко провозгласилъ: «не убій!..» Карлушка весь насторожился и толкнулъ локтемъ своего брата, по-

смотрѣвъ на него такъ многозначительно, какъ только могъ и умѣлъ, но оказалось, что онъ торжествовалъ слишкомъ рано и съ нимъ случилось въ концѣ концовъ такой казусъ, какого онъ никакъ не ожидалъ и послѣдствія котораго врядъ-ли предвидѣлъ.

Благочестивый пасторъ продолжалъ: «но убійцы бываютъ разные: можно убить своего ближняго не только дѣйствіемъ, но и словомъ, даже мыслью вашей... И горе, горе всѣмъ, преступившимъ сей гуманнѣйшій изъ законовъ Божескихъ. Муки геенны ждутъ злочестивца и позоръ, гнетущій позоръ да падетъ на его главу, ибо кто-же изъ насъ, деревенный, кромѣ Бога, смѣетъ лишить своего ближняго того величайшаго блага, — я говорю о жизни, — которое даровано человѣку самимъ Господомъ».

Слушатели были увлечены краснорѣчивой проповѣдью, рѣшительно увлечены, потому что нные дрожали отъ страха, другіе даже плакали, вспоминая свои грѣхи по части шестой заповѣди и у большинства изъ нихъ, какъ молнія, промелькнуло въ головѣ:

— О, mein Gott, mein Gott! А я еще сегодня, идя въ кирку, желалъ герру Штольцману, Кнаббе, Гиршу et tutti quanti (у каждаго былъ какой-нибудь герръ или фрау), чтобы онъ провалился сквозъ землю или, по крайней мѣрѣ, сломалъ себѣ хорошенько шею, чтобы очиститъ мнѣ свое тепленькое мѣстечко...

Что-жъ дѣлать: такова жизнь! Ужъ очень много людей развелось на свѣтѣ. Одинъ Карлушка, можетъ-быть, самый грѣшный изъ всѣхъ присутствовавшихъ, не дрожалъ, не плакалъ, продолжая ухмыляться и поглядывать на смущеннаго до глубины души Фрица.

А тотъ, несчастный, хлопалъ глазами уставившись прямо въ ротъ благочестивому проповѣднику, только и думая о томъ, къ чему это онъ вырядился въ свой новый мундиръ, на котромъ отчищенные пуговицы, какъ нарочно, блестя такъ, какъ будто онѣ золотыя, привлекала на себя постоянно взоры пастора!

Если бы не онѣ, то, по всей вѣроятности, Фрица никто бы и не замѣтилъ въ толпѣ, а то теперь онъ готовъ былъ побиться о какой угодно закладъ, что во все это время, чтобы ни говорилъ пасторъ, особенно же о мукахъ, которыя ожидаютъ убійцъ, онъ непремѣнно имѣлъ въ виду его одного, какъ завѣдомо посвятившаго всю свою жизнь военному дѣлу.

Охъ, ужъ этотъ мундиръ! Съ какииъ бы удовольствиемъ онъ помѣнялся теперь имъ съ лохмотьями перваго встрѣчнаго нищаго, ну, конечно, отъ того, что въ то время Фрицъ еще не былъ бравымъ Фрицомъ и солдатскія правила хотъ и зналъ, но не твердо.

И вдругъ все пошло по иному!

«Но, благочестивые слушатели, — разъяснялъ проповѣдникъ, — бываютъ и такіе случаи»

на многотерпимомъ жизненномъ пути, когда убійства разрѣшаются и убійцы не только не наказываютъ, но еще и награждаютъ, какъ на семь (палецъ книзу), такъ и на томъ (палецъ вверхъ) свѣтъ...»

«Да, иногда убійства разрѣшаются самими Вотомъ. (Карлушка такъ и подпрыгнулъ при этихъ словахъ.) Я говорю о войнѣ, когда человѣкъ убиваетъ себя подобнаго, защищая свою родину, свою семью, свое имущество, свое...»

Но продолженія Карлушка не слышалъ, потому что стрелглавъ выскочилъ изъ кирки, уловивъ на себя взглядъ торжества, брошенный на него Фрицомъ. Съ тѣхъ поръ онъ точно остервенился и ужъ не толковалъ, не разсуждалъ по этому вопросу, а только злился, ругался, насмѣхался надъ всѣмъ, что такъ или иначе касалось военщины, и между братьями дѣло чуть-чуть не дошло до ссоры. Одинъ только разъ, впрочемъ, Фрицу показалось будто и на его лицѣ праздникъ. Является какъ-то Карлушка и съ самой плутовской рожей объявляетъ, что ему надобно бить баклуши, тѣмъ болѣе, онъ уже женатъ (этотъ разговоръ происходилъ вскорѣ послѣ его женитьбы на Бергѣ, за которую разсерженный отецъ выгналъ его изъ родительскаго дома) и пора поэтому подумать о своемъ углѣ. Фрицъ, конечно, обрадовался, спрашиваетъ: что же онъ рѣшилъ съ собой дѣлать?

Карлушка, и глазомъ не моргнувъ, выпалилъ, что онъ хочетъ поступить въ солдаты.

— Какъ, въ солдаты?!—Фрицъ до того растерялся, что даже сразу повѣрилъ Карлушкинымъ словамъ и поэтому вытаращилъ на него свои глаза, точно передъ нимъ явилось привидѣнiе съ того свѣта. Карлушка такъ и присвучилъ со смѣху.

— Да, въ солдаты! Но только успокойся, пожалуйста, и не смотри на меня, какъ на угорленника. Та армiя, въ которой собираюсь служить я,—называется армiей труда и до нея также далеко твоему полку, Фрицъ, включая сюда даже самого маіора, какъ землѣ далеко до неба. Словомъ, онъ объявилъ, что намѣренъ сдѣлаться углекопомъ. Фрицъ плюнулъ съ досады и, не говоря ни слова, повернулся и пошелъ прочь, страшно обиженный на брата, такъ что Карлушкѣ даже жалко его сдѣлалось.

Ну, кто не знаетъ, какъ скверно живется на свѣтѣ простому углекопу! Каторжная работа! Нечего сказать: ройся, ройся, какъ кротъ, подъ землей, каждую минуту ожидая, что вотъ, вотъ тебя задавятъ обваломъ или разнесетъ въ дребезги взрывомъ! Карлушка не представлялъ исключенiя изъ этого общаго правила. Положимъ, объ обвалахъ и взрывахъ онъ думалъ очень мало: за то было много другихъ причинъ, отъ которыхъ его сердце сжималось больно,

и въ головѣ бродили невеселыя мысли, заставляя его считать часы и минуты, когда онъ можетъ окончить работу и выльзти изъ глубокой, темной шахты. Самая главная причина была та, что его Берта, которую онъ любилъ до безумiя и на которой женился, не смотритъ ни на что,—его не любила. Вытъ можетъ, ему это только такъ казалось. Но вѣдь, право, человѣку нисколько не дѣлается легче отъ того кажется ли ему, что его не любятъ, или его и на самомъ дѣлѣ не любятъ. Тоже чувствовалъ и Карлушка! Да еще какъ чувствовалъ: вѣдь весь смыслъ его жизни, все счастье, всѣ радости заключались всего только въ двухъ словахъ: дорогая Берточка!

Хорошо еще, что онъ не былъ окончательно увѣренъ въ томъ, что жена его не любитъ, или лучше сказать въ его душѣ еще теплилась надежда, что Берта просто кокетка, (за что ужъ и достаточно наказана), и только нарочно мучаетъ его своею холодною, ну... капельку, крошечку, а все таки любитъ. Конечно, потерявъ Карлушка эту надежду, онъ въ тотъ же день спустился бы въ шахту ужъ не въ бадьѣ, какъ спускался ежедневно, а прямо внизъ головой, что, какъ всѣмъ извѣстно, гораздо скорѣе и проще. И вдругъ, такой скверный день пришелъ!...

Да! Это былъ очень скверный день, не смотря на то, что еще съ утра на небѣ ярко сверкало солнышко, въ воздухѣ разливался ароматъ цвѣтущей сирени и гдѣ то высоко-высоко пѣлъ жаворонокъ... о любви, должно быть...

Впрочемъ, во всемъ былъ виноватъ самъ Карлушка!

Ну кто, спрашивается, просилъ его вернуться изъ шахты домой ранѣе обыкновеннаго? Положимъ ему не совсѣмъ здоровилось. Вотъ еще нѣжности! Углекопъ—и вдругъ нездоровилось! Вздоръ! Углеконы должны быть всегда здоровы, если хотятъ, чтобы ихъ держали на мѣстѣ и платили деньги...

Но тѣмъ не менѣе, это было такъ, и Карлушка, усталый, измученный, жаждавшій ласки, привѣта, нѣжнаго слова, шелъ медленно домой, покуривая кнастеръ. Какъ вдругъ, перешагнувъ черезъ порогъ своей комнаты, онъ наткнулся тамъ на такую сцену, которая сразу же показала ему совершенно ясно, что его Берта была вовсе не «его», а, быть можетъ очень многихъ и ужъ навѣрное принадлежала тому штейгеру, который сидѣлъ сейчасъ, обнявшись съ нею и нашептывая ей что-то такое, отъ чего все ее лицо такъ и свѣтилось радостью и весельемъ. Сердце у Карлушки дрогнуло и вдругъ затихло, замерло, какъ у испуганной робкой птички; онъ даже пошатнулся и долженъ былъ схватиться за дверной косякъ, чтобы не упасть.

— «А, такъ вотъ зачѣмъ вы, господинъ штейгеръ, изволили услатъ меня сегодня въ самую

дальнюю шахту?! Теперь все ясно, очень-очень ясно, черезчур даже ясно...»

Не успѣли эти мысли промелькнуть въ Карлушкиныя мозгахъ, какъ повеселись новыя, страшныя, дикія, безумныя и Карлушкѣ почудилось, будто надъ самымъ его ухомъ, кто-то прошепталъ: «убей же его, убей!»

И въ тотъ же мигъ все было рѣшено безповоротно и... окончено: Карлушка въ комнатѣ больше не стало, а былъ кто-то такой, въ комъ кровь клокотала ключомъ, стучала въ вискахъ, жгла яркимъ румянцемъ щеки и заставляла сердце биться такъ, какъ бьется левъ, запутавшійся въ сѣтяхъ; этотъ кто-то крикнулъ нечеловѣческимъ голосомъ, ринулся впередъ и взмахнулъ бывшимъ у него въ рукахъ стальнымъ ломомъ, отчего раздался сначала легкій трескъ, потомъ стукъ и господинъ штейгеръ покатился со стула на полъ, обливаясь кровью съ расколотымъ въ дребезги черепомъ.

Для всего этого понадобилось ровно мгновѣніе!

Затѣмъ произошло все то, что обыкновенно происходитъ въ такихъ случаяхъ: Берта, какъ всѣ Берты, страшно испугалась, расплакалась и, ползая на колѣняхъ передъ ничемъ не понимавшимъ Карлушкой, молила его о пощадѣ.

Карлушка, какъ всѣ Карлушки, увидя ползавшую Берту, ее, конечно, пощадилъ; да онъ и безъ просьбъ не тронулъ бы на ней ни одного волоса; тогда Берта перестала плакать и видя, что Карлушка усѣлся смирно въ уголъ и глядитъ на нее такъ, какъ будто-бы увидѣлъ въ первый разъ въ жизни, быстро смекнула что нужно дѣлать: выбѣжала на улицу и дала знать обо всемъ полиціи. Само собой разумѣется, что какъ ни просилъ Карлушка, чтобъ его оставили въ покоѣ, его не послушались и свезли сначала въ больницу, а потомъ дня черезъ два и въ тюрьму.

Тогда дѣло приняло совсѣмъ скверный оборотъ. Поговаривали даже о томъ, что миръ рѣшительно ничего не потеряетъ, если бы Карлушку, какъ извѣстнаго всему округу своимъ безпутствомъ, стправили на тотъ свѣтъ. А пока его посадили въ одиночную камеру, куда не проникалъ ни одинъ посторонній взоръ, ни одно человѣческое слово, и приставили къ ней солдаты.

На Фрица, который былъ добрый малый и любилъ брата, Карлушкинъ поступокъ, особенно въ первые дни, произвелъ самое удручающее впечатлѣніе. Но потомъ, когда онъ разсудилъ, что Карлушка, рано или поздно, все равно кончилъ-бы именно такъ, а не иначе, Фрицъ сталъ успокаиваться, а когда еще и старый майоръ, увидавъ какъ-то Фрица, объяснилъ ему все неприличіе Карлушкинаго поведенія, то онъ и совсѣмъ успокоился. Разъ майоръ говоритъ, значить и толковать нечего, рѣшилъ Фрицъ, по обыкновенію, никакъ не ожидая, что ему

вскорѣ придется не мало еще потолковать по этому поводу.

Пришла, наконецъ, и его очередь идти въ карауль. Когда объ этомъ доложили майору и поставили ему на видъ, что Фрицъ приходится роднымъ братомъ Карлушкѣ, то майоръ страшно разозлился и, призвавъ всѣхъ дьяволовъ на свѣтъ, отвѣтилъ съ своей обычной прямою:

— «Какого черта вы мнѣ тычете въ носъ тѣмъ, что Карлушка братъ Фрицу!? О, dreihunderttausend... Я знаю, кого я посылаю. Фрицъ солдатъ и всегда останется солдатомъ...»

А когда у Фрица спросили, хотъ и шута конечно, но не безъ подленькой задней мысли, что, дескать, онъ станетъ дѣлать, если наприхѣрь Карлушкѣ придетъ въ голову бѣжать при немъ, то бравый Фрицъ тоже отвѣтилъ, что онъ солдатъ и знаетъ свой долгъ!

Такимъ образомъ оказалось, что майоръ и Фрицъ прекрасно понимали другъ друга. Но право можно было подумать, что въ тѣхъ казармахъ, гдѣ жилъ Фрицъ и его товарищи, завелись пророки. Нужно-же было случиться такъ, что въ тотъ именно вечеръ, когда Фрицъ ушелъ въ карауль, у Карлушки еще съ утра какъ-то особенно скверно было на душѣ и ему страстно захотѣлось подышать чистымъ, вольнымъ воздухомъ. Положимъ, онъ объ этомъ давненько подумывалъ и даже принималъ ужъ кой-какія мѣры... но никогда еще не было ему такъ душно за рѣшеткой, какъ сегодня. И онъ рѣшился бѣжать, какъ только совсѣмъ стемнѣетъ. Весь день онъ проходилъ изъ угла въ уголъ по своей клѣткѣ; грудь его такъ стѣсняло, что порой казалось она разорвется на мелкіе кусочки; иногда онъ подходилъ къ рѣшеткѣ и дергалъ ее изъ стороны въ сторону, какъ изступленный, до тѣхъ поръ, пока изъ рукъ не брызгала кровь и часовой не прикрывалъ на него, чтобъ онъ сидѣлъ смирно.

Сидѣть смирно, когда въ душѣ также темно, какъ бываетъ въ глухую осеннюю почъ, и голова такъ тяжела, будто она налита свинцомъ!

Нѣтъ, онъ все взвѣсилъ, все рассчиталъ и рѣшилъ бѣжать во что бы то ни стало изъ этой отвратительной, душной камеры, гдѣ можно, прежде чѣмъ отрубятъ голову, сойти съ ума!

А что должны отрубить голову онъ зналъ навѣрное, такъ какъ ему сообщилъ объ этомъ, въ видѣ текущихъ новостей, самъ дядя Johann, его тюремный сторожъ, принесшій Карлушкѣ ежедневно положенную порцію хлѣба и кружку воды. Спасибо дядѣ Johann'у! По крайней мѣрѣ Карлушка могъ теперь сказать себѣ, что ему совершенно безразлично: умереть-ли подъ топоромъ палача, либо подъ пулей часоваго, если его бѣгство не удастся.

За то, если-бы оно удалось!...

О, тогда онъ приобрѣталъ многое, многое; конечно, здѣсь не о жизни идетъ рѣчь, а во пер-

выхъ онъ могъ увидать Бертю, во вторыхъ перекинуться съ ней словечкомъ, въ третьихъ она даже могла и приласкать его, приголубить... Вѣдь она же добрая, да и онъ нѣсколько не злопакятень! При этихъ мысляхъ у Карлушки такъ забилось сердце, такъ сладко стало на душѣ, что онъ кинулся къ окну, какъ безумный, и съ нечеловѣческимъ усиліемъ снова принялся трести рѣшетку, пока не почувствовалъ, что она стала пошатываться и вдругъ цѣлый кусокъ ея остался у него въ рукѣ. Судьба на этотъ разъ Карлушкѣ рѣшительно благопріятствовала: стоялъ новый часовой и должно быть зазѣвался, потому что ничего не замѣтилъ, а то быть-бы бѣдѣ! Но за то бѣдняга вдругъ почувствовалъ, что онъ весь мокрый отъ холоднаго пота выступившаго у него на всегъ тѣлѣ и такъ ослабѣлъ, что съ нимъ могъ-бы теперь справиться кто угодно!

Съ отчаянія Карлушка еле, еле, доплелся до кровати и зарыдалъ, какъ малый ребенокъ, горькими, неотъшными слезами, которыя такъ и капали изъ глазъ и текли по лицу, по бородѣ, по усамъ...

Впрочемъ, слезы не могли же течь безъ конца... Понемногу вернулись и силы... Тогда Карлушка крадучись подошелъ къ маленькому окошечку посмотреть, что дѣлаетъ часовой и увидалъ, что этотъ добрый малый вѣсто того, чтобы сморъзить за нимъ, прислонился къ стѣнѣ и мечтаетъ о чемъ то...

Тогда снова началась работа, благо стало темнѣть... Нѣсколько новыхъ нечеловѣческихъ усилій и рѣшетка повисла однимъ концомъ въ воздухъ, а тамъ очутилась и вся въ рукахъ Карлушки.

То-то было радости!

Онъ выглянулъ за окно. На небѣ мигали звѣздочки и выглядывалъ изъ-за тучъ мѣсяць.

Все это было очень и очень скверно, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что бѣгаютъ наиболѣе удачно въ темнотѣ, а не тогда, когда все видно, какъ на ладонкѣ. Тѣмъ не менѣе, надо было рѣшиться, и Карлушка свернулъ жгутомъ одѣяло, простыню и, привязавъ ихъ къ окну, началъ потихоньку спускаться, чуть только луна спряталась за облаками. Вотъ ужъ онъ почти весь вылезъ наружу: еще нѣсколько минутъ и онъ будетъ внизу...

Удивительно только, отчего такъ безконечно долго гянутся эти минуты!...

Вотъ тебѣ и на! Мѣсяць снова выплылъ на просторъ и облилъ бѣглеца яркими, яркими свѣтомъ. Еще мгновение... еще... и еще... и Карлушка услыхалъ окликъ часового.

На часахъ, какъ сказано было раньше, въ это время стоялъ Фрицъ... Если онъ храбрился въ казармѣ, то въ будкѣ, оставшись глазъ на глазъ съ самимъ собою, ему стало жутко... Вѣдь — гдѣ-то тамъ, за стѣной, тоится его

братъ... Какой-бы онъ ни былъ, худой-ли, хорошій-ли, но все-же это былъ его братъ, безпутный, но добрый Карлушка. Вѣдняга, бѣдняга!

Фрицъ задумался, какъ вдругъ шорохъ за будкой заставилъ его вздрогнуть и прислушаться... Еще мгновение и онъ уже видѣлъ, какъ изъ окна выдвѣзаетъ какой-то арестантъ. Еще мгновение. . и въ его мозгахъ зашевелились всѣ тѣ солдатскія правила, которыя онъ привыкъ исполнять всегда неукоснительно. Онъ сдѣлалъ окликъ. Слѣзавшій арестантъ невольно обернулся и... Фрицъ узналъ Карлушку, а Карлушка узналъ Фрица.

Тогда между ними произошелъ приблизительный такой разговоръ:

— «А, это ты, Фрицъ! Значитъ, мнѣ бояться больше нечего! погоди одну минутку и я съ удовольствіемъ пожму твою руку, потому что мы давно вѣдь не видались, съ тѣхъ самыхъ поръ... Что жъ ты молчишь?..»

И Карлушка началъ уже не спѣша, а осторожно, спускаться по стѣнѣ, цѣпляясь за карнизъ, за выступы, за все, за все, за что можно было только уцѣпиться.

Вдругъ онъ весь вздрогнулъ, услыхавъ громкое: «стой, ни съ мѣста!»

— «Какъ, это говоритъ Фрицъ?!... родной братъ!»

Карлушка рѣшительно не вѣрилъ своимъ ушамъ и, дѣйствительно, остановился, хотя, конечно, не потому, что не хотѣлъ лѣзть дальше, а просто по какому-то необъяснимому побужденію.

Фрицъ тоже замеръ на мѣстѣ, потому что рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать: всѣ правила въ головѣ какъ-то перепутались и самое нужное, главное, точно нарочно ускользало изъ памяти.

Правду надо сказать: у него былъ очень глупый видъ въ это время, такой глупый, что даже Карлушка, какъ ни скверно ему было висѣть между небомъ и землею, не могъ утерпѣть, чтобы не ухмыльнуться.

— «Э, полно, братецъ! Надѣюсь, ты не будешь же настолько глупъ, чтобы не позволить мнѣ спуститься на землю. Въ противномъ случаѣ моя голова непремѣнно покажетъ тебѣ языкъ, когда будетъ катиться съ плахи... Даю тебѣ честное слово! Неужели это такъ для тебя интересно... Что-жъ ты молчишь? Ужъ не боишься-ли, что тебя за это накажетъ твой маіоръ? Тогда бѣжимъ вѣстѣ... Конечно, Карлушка говорилъ такъ, имѣя въ виду свою собственную шкуру, но все же онъ поступилъ черезъ чуръ неосторожно, нетактично и пр., и пр., упомянувъ въ такой критическій моментъ о взаимномъ бѣгствѣ. Это съ караула-то! Совсѣмъ не слѣдовало этого дѣлать! Ужъ по одному тому, что одно упоминаніе маіорскаго

имени сразу поставило Фрица на вѣрную дорогу и главное правило пришло такъ на умъ ясно, отчетливо и трехаршинными буквами встало передъ его глазами... Фрицъ, наконецъ, понялъ, что передъ нимъ вовсе не Карлушка, его родной братъ, а просто арестантъ, котораго онъ приставленъ стеречь и который хочетъ бѣжать, слѣдовательно...

И вотъ снова раздался грозный окрикъ Фрица: «ни съ мѣста или полѣзай на верхъ!»

Карлушка, которому оставалось пролѣзть всего нѣсколько аршинъ, расхохотался надъ такимъ глупымъ предложеніемъ.

Онъ полѣзетъ на верхъ! Какже, держи карманъ шире! Для этого нужно раньше сдѣлаться ндіотомъ! Кромѣ того ясно, что Фрицъ либо шутитъ, либо не взвѣсилъ хорошенько братнины слова...

Да ужъ и Фрицъ-ли это стоитъ?.. Можетъ быть Карлушка ошибся!... Карлушка еще разъ взглянулъ внизъ: нѣтъ, это самъ бравый Фрицъ въ полной амуниці! Просто, значитъ, какое-то недоразумѣніе между ними вышло и Карлушка мысленно выругалъ самъ себя, что онъ столько времени потратилъ на разговоры, вѣсто того, чтобы слѣзть поскорѣе и поговорить съ Фрицомъ прямо на землѣ. Ну, да черезъ двѣ, много три секунды, онъ все равно ужъ тамъ будетъ...

Но онъ попалъ на землю, гораздо раньше: гранулъ выстрѣлъ и Карлушка, успѣвъ только крикнуть: ой! какъ комъ шлепнулся передъ Фрицомъ.

Когда доложили объ этомъ маіору, послѣдній торжественно закрутилъ свой усъ и важно проговорилъ: «вотъ это солдатъ, господи! О, dreihunderttausend... Я бы желалъ, чтобъ всѣ были такіе! Выдать ему пока одинъ, нѣтъ два талера въ награду!» И онъ сѣлъ сейчасъ же сочинять докладъ о происшествіи своему прямому начальству, прося о достойномъ награжденіи Фрица.

И снова всѣ поздравляли Фрица, и снова жали ему руки, говорили комплименты и... завидовали ему.

Господи! Ну, люди стали ныче! Удивительно! Что же касается до самого Фрица, то къ чести его я долженъ сказать, что ни поздравленія, ни комплименты, ни два талера не произвели на него никакого пріятнаго дѣйствія.

За то этотъ ужасный, предсмертный крикъ брата: «ой!» такъ и не выходилъ у него изъ головы; и кромѣ того онъ рѣшительно не могъ видѣть ничего краснаго и въ первое время, чтобы ни ѣлъ, ему во всемъ чудился запахъ крови. Ужасно мерзкое состояніе, тѣмъ болѣе мерзкое, что и по ночамъ не было покоя: стояло только лечь спать, какъ откуда-то передъ нимъ появлялась братнина голова, изъ кото-

рой ручьемъ текла кровь и которая, точно мальчишка, то и дѣло дразнила его, высовывая длинный, длинный языкъ.

Впрочемъ время, маіоръ, ружейные приемы и маршировка все сгладили и отъ всего приключенія только и осталось что одни смутныя воспоминанія. Фрицъ по прежнему продолжалъ оставаться бравымъ Фрицомъ и даже сдѣлался въ глазахъ начальника еще болѣе бравымъ.

Всѣ были теперь твердо убѣждены въ совершенствѣ устройства Фрицовыхъ мозговъ и каждый разсуждалъ такъ: ужъ если онъ брата не пожалѣлъ, такъ чего же еще больше требовать; ясно, что сознаніе долга въ немъ всегда будетъ торжествовать надъ всѣмъ прочимъ! Вотъ что значить дисциплина прусскаго солдата! Это нѣчто большее и сильнѣйшее, чѣмъ даже крѣпостная стѣна, которая все же можетъ въ концѣ концовъ рухнуть, если по ней начнутъ палить изъ пушекъ... А Фрицъ?!.. О, Фрицъ въ качествѣ солдата передъ всѣмъ устоитъ...

И... тѣмъ не менѣе всѣ жестоко ошиблись.... Фрицъ, самъ бравый Фрицъ не устоялъ—и передъ чѣмъ-же?... Смѣшно выговорить: передъ этой... ну какъ ее называютъ... ну... передъ любовью! Вотъ подите-же: и не велика птица, кажется, а побѣдила таки во Фрицѣ всѣ его солдатскія правила и довела до...

Но я расскажу лучше по порядку, хотъ и опять придется начать издалека.

Прежде всего, не желая отступать отъ истины, я долженъ сказать, что никто, никто до самой катастрофы не вѣрилъ, чтобы Фрицъ могъ когда нибудь и въ кого нибудь влюбиться.

И между тѣмъ этотъ самый Фрицъ, гордость маіора, слава всего 119-го пѣхотнаго полка, вдругъ, точно на смѣхъ, возьми и влюбись! Да какъ: самымъ непозволительнымъ образом!

Положимъ, онъ думалъ о своей Анхенъ только въ свободное отъ службы время, но вѣдь все-жъ таки думалъ, чего съ нимъ никогда не случилось прежде.

Ахъ, эта Анхенъ! Ну, была ли еще во всемъ городкѣ Эйшлау другая такая кокетливая, такая живая, шаловливая дѣвушка!

Какъ она смѣялась всегда надъ его прямолинейной фигурой, когда онъ, затаенный въ свой новый мундиръ, ходилъ около нея, выпятивъ грудь впередъ, точно передъ маіоромъ на парадѣ; какъ она забавлялась надъ его сіяющей каской, которую нарочно пачкала мукой, мѣломъ, какъ она...

Словомъ, она совсѣмъ вскружила голову Фрицу, и бѣдняга впервые почувствовалъ, къ ужасу маіора, что есть на свѣтѣ и другія пріятныя вещи, кромѣ отточенаго штыка, блестящей каски, ровной маршировки и пр. и пр....

Познакомился онъ съ нею мѣсяца три спустя послѣ своего приключенія.

Въ первый, второй, а можетъ быть и въ третій разъ они встрѣтились совершенно случайно, въ то время, когда Фрицъ шелъ со своей ротой на ученье, а она выходила съ корзиной, полною горячихъ булокъ, изъ своего дома, гдѣ помѣщалась ихъ пекарня... Случай вдобавокъ устроилъ такъ, что этотъ домъ выходилъ одной своей стѣной какъ разъ прямо на тотъ плацъ, гдѣ маршировалъ Фрицъ... Ничего нѣтъ мудреннаго, что въ четвертый разъ Анхенъ вышла изъ дома нарочно въ то время, когда рота должна была проходить на ученье, а въ пятый разъ ужъ самъ Фрицъ надѣлъ новый, съ иголочки, мундиръ и, сдѣлавъ порядочный крюкъ, съ умысломъ пришелъ къ Анхенъ, чтобы купить у ней на 5 фенниговъ хлѣба и сказалъ при этомъ такой удивительный комплиментъ, отъ котораго Анхенъ вся вспыхнула, не зная обижаться-ли ей на него или смѣяться. Впрочемъ, въ концѣ концовъ она рѣшилась лучше разсмѣяться, а чтобы на всякій случай не остаться въ долгу и вознаградить себя, кинула въ Фрица цѣлую пригоршню муки, перенацкавъ его съ ногъ до головы и заставивъ еще кромя этого преуморительно расчухаться. Тогда появилась на сцену фрау Эмма, маленькая толстенная старушенка, маменька Анхенъ, обвела ихъ сначала строгимъ взглядомъ, но, узнавъ въ чемъ дѣло, сейчасъ же успокоилась.

Тогда Анхенъ сочла удобнымъ представить ей Фрица, «который, помните, *mutterchen*, спасъ недавно жизнь кому-то... или нѣтъ, это не онъ... да... Что вы такое сдѣлали, герръ Фрицъ?»

Но такъ какъ герръ Фрицъ повидимому не имѣлъ ни малѣйшаго желанія сообщать о своемъ подвигѣ, что было сочтено за весьма почетную скромность, то фрау Эмма, какъ тактичная особа, сразу прекратила этотъ разговоръ, сказавъ: «Да, да! Я помню! Если это вы тотъ самый герръ Фрицъ, котораго всѣ зовутъ бравымъ Фрицомъ...»

Конечно, это былъ онъ, хотя и очень мало походилъ въ эту минуту на браваго мужчину, такъ какъ весь съезжился, смугился, потупивъ глаза, потому что чувствовалъ, какъ яркій рыжнецъ выступаетъ у него на щекахъ, несмотря на слои муки. А все отчего? Отъ сущихъ пустяковъ: ему вдругъ показалось, что въ шкафѣ съ булками, въ самомъ углу, чья-то голова показала ему языкъ. Чья-то! О, онъ прекрасно зналъ—чья! Но, понятно, все это былъ чистый вздоръ и никакой головы въ шкафѣ не было, да и быть не могло.

Само собой разумѣется, что послѣ знакомства съ Анхенъ, онъ могъ ѣсть только тотъ хлѣбъ, который пеки въ ея булочной, потому что это былъ единственный порядочный, доброкачественный, недорогой и вкусный хлѣбъ во всемъ городѣ.

Таково было мнѣніе Фрица, за которое онъ стоялъ горой и свернулъ бы шею всякому, кто

осмѣлился-бъ утверждать противное. И вотъ, однажды судьба послала ему очень тяжелое испытаніе.

Возвращаясь какъ-то изъ булочной съ кулькою подъ мышкой, онъ встрѣтился съ майоромъ, который полюбопытствовалъ, что такое несетъ Фрицъ.

Узнавъ, что въ кулкѣ лежатъ булки произведенія Анхенъ, майору захотѣлось обрадовать своего любимца, потому что онъ ужъ кое-что слышалъ, и старикъ вздумалъ попробовать одинъ изъ вандкухеновъ, которые такъ мастерски дѣлали ручки Анхенъ. Нужно было видѣть въ это время лицо браваго Фрица! Тревога ожиданія, смутныя предчувствія, сердечный трепеть, смущеніе, волненіе и всѣ солдатскія правила—все это вылилось на лицѣ Фрица въ одинъ громадный вопросительный знакъ: «похвалить или не похвалить?»

Разумѣется, майоръ похвалилъ; да развѣ могло быть иначе? Онъ настолько любилъ своего Фрица, что врядъ ли захотѣлъ бы его огорчить.

И такъ, испытаніе судьбы на этотъ разъ окончилось благополучно, даже слишкомъ благополучно, потому что майору такъ понравился вандкухенъ Анхенъ, что онъ выразилъ желаніе и самъ покупать у ней булки къ величайшей гордости и радости своего подчиненнаго.

Такимъ образомъ, у фрау Эммы появилось два новыхъ покупателя, за что Фрицу было пожаловано право являться въ гости, когда угодно, а затѣмъ, когда за майоромъ послѣдовалъ еще лейтенантъ фонъ-Корнъ, то—даже и цѣловать иногда ручку прекрасной Анхенъ. Фрицъ чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ отъ счастья, хотя самое право оказалось фиктивнымъ. Какъ ни странно это, но всегда случалось какъ-то такъ, что прелестная ручка очень и очень ловко ускользала, стоило только Фрицу выразить намѣреніе запечатлѣть на ней свой горячій поцѣлуй.

Да и вообще, если исключить этотъ непонятный эпизодъ, то Фрицъ черезъ чуръ рано порѣшилъ, что онъ счастливъ, рано, рано: совсѣмъ не слѣдовало ему такъ думать, въ чемъ онъ и самъ скоро убѣдился. Началось съ того, что чуть ли не въ первый же вечеръ, когда онъ, воспользовавшись приглашеніемъ, поѣхалъ булочную не въ качествѣ покупателя, а—гостя, онъ рѣшительно не зналъ какъ вести себя съ Анхенъ а, главное, о чемъ говорить съ ней.

Но первый вечеръ прошелъ еще сравнительно сносно за разговорами о службѣ, маршировкѣ, ружейныхъ приемахъ, барабанныхъ сигналахъ, старомъ майорѣ и другихъ болѣе или менѣе интересныхъ предметахъ.

Фрау Эмма и Анхенъ слушали очень внимательно и поддакивали, кивая головой, хотя

и не всегда впадать, потому что онъ обѣ понимали въ военномъ дѣлѣ столько же, сколько Фрицъ по части печенія булокъ, на за то онѣ знали правила учтивости, оказавшіяся въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе необходимыми, что итъ собесѣдникъ далеко не отличался красно-рѣчіемъ, сплошь и рядомъ уснащая свою рѣчь такими словечками, какъ «тово», «этово» «какъ его»...

Вотъ почему, вѣроятно, во второе его посѣщеніе и случился маленькій казусъ, нехорошій предвѣстникъ будущаго, котораго, къ несчастью, Фрицъ не замѣтилъ. Сначала все шло обычнымъ порядкомъ: онъ справился о здоровьѣ фрау Эммы и фрейлейнъ Анхенъ, пытаясь, (опять неудачно!) поцѣловать ея ручку; тѣспра-вились о томъ же у него; затѣмъ принесено было пиво для Фрица и кофе для дамъ. Всѣ чинно усѣлись вокругъ стола, смотря другъ на друга, и мучаясь мыслью о томъ, чтобы такое сказать. Анхенъ была не въ духѣ и не хотѣла начинать первая; но наконецъ, она не вытерѣла и обратилась къ Фрицу съ просьбой рассказать что-нибудь новенькое.

Фрицъ очень обрадовался этой просьбѣ.

— Что-нибудь новенькое?! Съ удовольствіемъ, фрейлейнъ! Да-съ, какъ его.... Ну и денекъ же сегодня у насъ выдался: мы до того домаршировались, знаете, что у меня вся рубашка вспотѣла, не только что я самъ!..

И онъ умилно поглядѣлъ на Анхенъ, ожидая сочувствія своему положенію.

Но, о ужасъ, дѣйствіе его словъ было совсѣмъ противоположное; виѣсто сочувствія фрейлейнъ зѣвнула ему прямо въ глаза самымъ безперемоннымъ образомъ, а за ней зазѣвала и фрау Эмма.

Конечно, Фрицъ продолжалъ рассказывать, будто бы ничего не замѣчая, но когда тоже самое стало случаться и въ третій, и въ четвертый, и во всѣ послѣдующіе дни и вечера, стоило ему только открыть свой ротъ, тогда только Фрицъ понималъ, что тутъ кроется какая-то таинственная причина, и что во всякомъ случаѣ это плохой признакъ для него, какъ для рассказчика.

Дальше-больше и мало-помалу Фрицъ сталъ замѣчать, что тѣ планы, которые онъ дѣлалъ въ своей душѣ—врядъ-ли могутъ быть приведены когда-нибудь въ исполненіе и, какъ это водится въ такихъ случаяхъ, чѣмъ больше онъ чувствовалъ, что между нимъ и дѣвушкой вырастаетъ какая-то непреступная крѣпость, тѣмъ жгучее, страстнѣе закипало въ немъ щемящее чувство, которое старшій майоръ иронически окрестилъ словомъ «любовь», сказавъ однажды Фрицу: «Гм... гм... Donnerwetter! Я слышалъ, что ты ужъ больше не бравый Фрицъ, а влюбленъ, какъ кошка... Dreihundert tausend... берегись, Фрицъ! Любовь... это... это...»

но, къ сожалѣнію, онъ не докончилъ своего опредѣленія. Почему? Очень просто, потому что самъ никогда не любилъ и не зналъ какъ опредѣлить это чувство.

Къ довершенію же бѣды, въ одинъ прекрасный день, когда Фрицъ послѣ ученья направился, по обыкновенію, къ Анхенъ, фрау Эмма (Анхенъ не было дома) объявила ему неприятную для него новость: оказалось, что лейтенанту фонъ-Корну нравились не однѣ только булки, а еще и...

Разумѣется, Фрицу не нужно было долго ломать себѣ голову, чѣе имя должно было слѣдовать за этимъ «и», какъ ни старалась заинтриговать его старая булочница...

Вѣдь не фрау-же Эммы, понятное дѣло! Слѣдовательно... Чтобы убѣдиться въ этомъ окончательно, Фрицу не пришлось дожидаться особенно долго, такъ какъ въ слѣдующее же посѣщеніе булочной онъ столкнулся тамъ носъ къ носу съ своимъ лейтенантомъ.

Признаться сказать врядъ-ли встрѣча эта была для него особенно пріятной, хотя Фрицъ и всталъ во фронтъ и отдалъ честь, какъ слѣдуетъ по положенію; за то лейтенантъ, повидимому, очень обрадовался Фрицу, потому что, поздоровавшись съ фрейлейнъ Анхенъ самымъ непринужденнымъ образомъ въ то время какъ бѣдняга Фрицъ еле-еле пробормоталъ свое привѣтствіе, лейтенантъ вдругъ вспомнилъ, что онъ забылъ дома своей портсигаръ и поэтому, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ Анхенъ, приказалъ Фрицу немедленно же *сбѣхать* за нимъ на его, лейтенанта, квартиру. Но это еще не все...

Подмигнувши какъ-то странно Анхенъ, онъ, шутя конечно, пообѣщавъ Фрицу посадить его на 3 дня подъ арестъ, если тотъ не вернется назадъ самое большее, что черезъ $\frac{1}{2}$ часа.

Очевидно, на этомъ поступкѣ лейтенанта лежала печать чего-то непонятнаго: или онъ *ничего* не зналъ объ отношеніяхъ Фрица къ Анхенъ, или зналъ *слишкомъ много* и...

Впрочемъ, зачѣмъ-же думать и говорить о людяхъ дурное, когда не знаешь объ этомъ на вѣрное!.. Но Фрицъ былъ на этотъ счетъ своего собственнаго вѣннія и, не взирая на субординацію и солдатскія правила, хотъ и мысленно, а все-же ругнулъ таки судьбу за то, что его лейтенантъ оставилъ свои папиросы дома. Увы! для него было теперь ясно, какъ Божій день, что вотъ и еще одинъ вечеръ для него потерянъ. Вѣдь не можетъ же онъ въ самомъ дѣлѣ быть въ томъ-же обществѣ, гдѣ присутствуетъ начальство! Второй вечеръ! Легко выговорить! А впрочемъ...

Да, не легко! Но чтобы сказалъ бѣдняга Фрицъ, если-бы узналъ, что такихъ вечеровъ предстоитъ впереди еще много—много.

Къ довершенію же несчастья онъ или на.

что-то надѣялся или былъ ужъ до такой степени наивенъ, что спѣшилъ изо всей мочи, шагая за портсигаромъ, и не чувствуя какой сюрпризъ готовится ему насмѣшница судьба. Наконецъ онъ вернулся, быстро прошелъ черезъ булочную и заднія комнаты, пока не остановился, увидавъ, какъ фрау Эмма разливала кофе по чашкамъ, а за ея спиной лейтенантъ фонъ-Корнъ дѣловалъ въ это время ручки у Анхенъ.

При его появленіи общество сейчасъ же приняло другія позы, но изъ всѣхъ четырехъ сконфузился только одинъ Фрицъ, услышавшій лейтенантское «спасибо», въ которомъ нисколько не нуждался, но за то пожелавшій самому себѣ лучше просидѣть цѣлый мѣсяцъ подъ арестомъ, чѣмъ принести портсигаръ и быть свидетелемъ такой сцены, какую онъ засталъ. Общее смущеніе, т. е. смущеніе Фрица продолжалось очень недолго, такъ какъ вслѣдъ за «спасибо» сейчасъ — же послышалось: «ну, а теперь можешь отправляться домой», и никто, никто, ни фрау Эмма, ни фрейлейвъ Анхенъ, ни маленькій Шницъ, котораго онъ кормилъ всегда печеньемъ, не протестовали противъ такого ужаснаго рѣшенія.

Что же оставалось дѣлать Фрицу? Уйти, конечно!

Онъ такъ и сдѣлалъ, унеся въ своей душѣ новое чувство такое-же жгучее, какъ и любовь, если еще не болѣе—ревность.

Но пройдя булочную, онъ остановился у выходной двери, точно надѣясь, что его вернуть обратно.

Напрасно! Совершенно напрасно! Никто объ этомъ и не подумалъ. Фрау Эмма была слишкомъ польщена посѣщеніемъ лейтенанта фонъ-Корнъ (фонъ—это что-нибудь да значитъ!) и, разливая кофе, уже мечтала кой о чемъ, что виѣсть съ кофейнымъ ароматомъ преприятно щекотало ея нервы; фрейлейвъ Анхенъ весело смѣялась, кокетничая съ красивымъ офицеромъ, Шницъ облизывался, проглотивъ печенье, кинутое ему лейтенантомъ, а лейтенантъ, ги!..

Какое ему можетъ быть дѣло до Фрица! Ровно никакого... и Фрицъ, оскорбленный до глубины души, тихонько отворилъ дверь и поплелся по улицѣ.

Ахъ, Анхенъ, Анхенъ! Не даромъ же она была такой кокеткой!

Передъ кѣмъ-же и показать свое искусство, какъ не передъ офицеромъ. Развѣ можетъ Фрицъ идти въ сравненіе съ нимъ. Конечно, вѣтъ!

Одному только Фрицу могло-бы придти въ голову такое сравненіе. Но Анхенъ — нѣтъ! Правда, ей одну минутку было жаль Фрица, когда онъ ушелъ не солоно хлебавши... Но зачѣмъ-же онъ ушелъ, а не остался? Вѣдь не могла-же она просить его объ этомъ при посто-

роннихъ. Это и неприлично... и мало-ли что еще могутъ подумать, а она вовсе не хотѣла, чтобы на ея репутацію легло какое-нибудь, хоть самое маленькое, пятнышко...

Ясно, что Анхенъ была незнакома съ солдатскими правилами; иначе-бы она разсудила по другому.

Такъ текло время. Все, казалось, шло попрежнему: въ булочной пеклись булки, Фрицъ ходилъ на учебы и иногда къ Анхенъ; но это «иногда» можно было скорѣе назвать рѣдкимъ, чѣмъ частымъ.

Дѣло въ томъ, что за послѣднее время лейтенантъ фонъ-Корнъ сталъ относиться къ Фрицу болѣе чѣмъ странно. Отчего случилась такая переиѣна рассказывали разное. Злые языки, напримѣръ, увѣряли, что лейтенантъ не на шутку влюбился въ Анхенъ и зналъ, что у него есть соперникъ въ лицѣ Фрица. Послѣдствіемъ этого было то, что сначала высокородный фонъ-Корнъ возмущился, потомъ расхохотался и, наконецъ, рѣшилъ быстрѣе повести атаку на сердце Анхенъ.

Къ этой гнустности (потому что вѣдь это-же гнустность взводить на человѣка небыллицы) нѣкоторые прибавляли еще худшую: будто-бы у лейтенанта гдѣ-то въ глухомъ городишкѣ Саксоніи уже есть еще одна Анхенъ, носящая и по сю пору фамилію фонъ-Корнъ...

Кто правъ, кто виноватъ,—судить не намъ, но приходится таки сказать, что дѣйствительно съ нѣкотораго времени Фрицъ сдѣлался для лейтенанта не просто Фрицомъ Розеновъ, рядовымъ его роты, а кѣмъ-то такимъ, кому онъ былъ всегда не прочь устроить желкія неприятности, потому что крупныя, при всемъ своемъ желаніи, онъ, благодаря аккуратности Фрица, сдѣлать не могъ. И за нихъ-то именно онъ наказывалъ точно нарочно ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, что оставлялъ его безъ отпуска, точно школьника, лишая возможности видѣться съ Анхенъ.

Но Фрицъ такъ привыкъ повиноваться волѣ начальства, что въ первое время даже и не сообразилъ въ чемъ дѣло, и если ему нельзя было придти самому, то писалъ Анхенъ письма, очень нѣжныя и трогательныя, что, къ слову сказать, Анхенъ очень нравилось. Она любила ихъ читать, потому что вѣдь очень пріятно прочесть про себя, что ты «богиня» или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Зачѣмъ же только нужно было давать читать ихъ лейтенанту—я не понимаю! Онъ посмотрѣлъ на переписку совершенно иначе и, взявъ у нея, не смотря ни на слезы, ни на угрозы, одно изъ прочитанныхъ имъ писемъ Фрица, онъ написалъ на немъ злую, нелѣпую насмѣшку и отослалъ письмо по почтѣ же обратно.

Фрица точно кипяткомъ обварило, когда онъ прочелъ лейтенантское сочиненіе, и вотъ тутъ-

то въ первый разъ онъ почувствовалъ, что у него внутри закопошилось что-то такое, чего прежде никогда не бывало и онъ, хоть и опять мысленно, но ужъ не судьбу, а самого фонъ-Корна послалъ теперь къ чорту.

Не прошло и двухъ дней со дня полученія Фрицъ обратно его письма къ Анхенъ какъ появились еще новости, тоже весьма неприятнаго свойства.

У Фрица былъ пріятель Морицъ Шульце, служившій деньщикомъ у лейтенанта. Сойдясъ какъ-то вмѣстѣ, онъ и расскажи Фрицу образъ жизни своего барина, который можно-бы было обозначить такъ: утромъ въ булочной, днемъ въ булочной и вечеромъ тоже въ булочной, не смотря на то, что онъ подалъ рапортъ о болѣзни и не ходитъ на ученье. Вотъ было-бы хорошо застукать его на мѣстѣ преступленія! Такъ говорилъ своему пріятелю Морицъ, никакъ не ожидая, что каждое его слово вонзается, какъ ножъ острый, въ сердце браваго Фрица!

А онъ-то все это время просидѣлъ въ казармахъ! Значитъ, все то, что говорилось объ Анхенъ и молодыхъ офицерѣ, правда, истинная правда!...

О, въ такомъ случаѣ и Фрицъ тоже долженъ дѣйствовать, если не хочетъ съѣсть грибъ и остаться на бобахъ.

Но какъ? Вотъ вопросъ!

Сколько разъ порывался онъ подойти къ своему лейтенанту и сказать ему: «господинъ лейтенантъ!... Ну, а дальше!? Дальше?! Онъ не знаетъ, что говорить дальше, потому-что привыкъ только рапортовать ему о происшествіяхъ, если случилось быть дневальнымъ или замѣнять унтеръ-офицера.

Какъ-же онъ ему посмѣетъ сказать: «господинъ лейтенантъ! Не смѣйте ходить къ Анхенъ!» Да вѣдь онъ съ нимъ и разговаривать не станетъ, а просто на просто возьметъ и посадитъ на гауптвахту; да еще маіору пожалуется, а тотъ уже и безъ того на Фрица за послѣднее время сталъ коситься. Словомъ являлось безвыходное, совсѣмъ безвыходное положеніе, результатомъ котораго было только то, что во Фрицѣ кровь бурлила такъ, какъ ей совсѣмъ не слѣдовало бурлить, да крошѣ того и надъ солдатскими правилами въ его головѣ сталъ спускаться какой-то туманъ, окутавшій ихъ мало по малу въ непроницаемую мглу.

Въ воздухѣ снова запахло приключеніемъ, которое и не приминуло, дѣйствительно, совершиться съ ужасающей быстротой.

За невозможностью переговоровъ съ лейтенантомъ, у Фрица мелькнула по истинѣ счастливая мысль, — переговорить съ самой Анхенъ. Что можетъ быть проще и лучше!? И переговорить серьезно, окончательно, безповоротно!

Фрицъ этотъ вопросъ обсудилъ со всѣхъ сто-

ронъ и уже рѣшилъ даже что именно онъ ей скажетъ при свиданіи, взвѣсилъ и ея возможные отвѣты, какъ удовлетворительные, такъ и неудовлетворительные, и если все еще продолжалъ колебаться и откладывать объясненіе, такъ только потому, что ему не хватало самыхъ пустяковъ: рѣшимости, храбрости.

Право, будь на мѣстѣ Анхенъ какая-либо неприятельская крѣпость, — дѣло уладилось-бы несомнѣнно скорѣе!

Къ счастью для людей судьба всегда устраиваетъ такъ, что въ концѣ концовъ даетъ нигъ хорошаго пинка, отъ котораго нерѣшительный человѣкъ летитъ стремглавъ къ намѣченной цѣли и, зажмури глаза, дѣлаетъ наконецъ то, о чемъ давнымъ давно думалъ и передумалъ.

Для Фрица такимъ пинкомъ было сообщеніе Морица (конечно, ошибочное, преувеличенное), будто-бы лейтенантъ хвастался въ кругу своихъ товарищей офицеровъ, что онъ ждетъ къ себѣ со дня на день прекрасную булочницу, въ качествѣ пріятной гостыи, а это, по мнѣнію Морица, въ связи съ саксонской Анхенъ, могло очень нехорошо окончиться для Анхенъ изъ Эйншлау.

Ну, разужѣтся!

Фрицъ задрожалъ, какъ осинный листъ, при этомъ извѣстіи.

— Какъ! Анхенъ, его Анхенъ придетъ къ лейтенанту!... Нѣтъ, это невозможно! Онъ долженъ спасти ее!...

Въ тотъ же вечеръ онъ былъ въ булочной, куда пришелъ страшно взволнованный и съ такими сумасшедшими глазами, что фрау Эмма даже испугалась.

Началось горячее объясненіе. Фрицъ, заклебяваясь, пугаясь, говорилъ, говорилъ, безъ конца, изливая все, что тяжелымъ гнетомъ давило его душу.

Надо было быть каменнымъ, чтобы не расчувствоваться!.. И все-же никто не расчувствовался по той простой причинѣ, что никто ничего не понималъ изъ Фрицовой рѣчи, крошѣ тысячи разъ повторяемаго имени фонъ-Корнъ, фонъ-Корнъ и фонъ-Корнъ. Съ бѣднаго случился феноменальный казусъ — отъ волненія и быстрой рѣчи онъ не доканчивалъ ни одной фразы, а проглатывалъ слова, воображая, что говоритъ ихъ вслухъ, тогда какъ онъ о нихъ только думалъ.

Наконецъ кое-что поняли! Оказалось все выдумкой и чистѣйшимъ вздоромъ; это не только высказала сама Анхенъ, но подтвердила и маменька. Тогда посыпались упреки на голову Фрица: какъ онъ смѣлъ подумать про Анхенъ что-либо такое; какъ онъ не выдарапалъ глаза этому негодному сплетнику Морицу, которому, онъ надѣются, теперь достанется отъ лейтенанта.... И пошли, и пошли! Еще немного и Фрица пожалуй вытолкали бы съ позоромъ и навсегда изъ

булочной; но онъ стоялъ такой грустный, такой приниженный, убитый, что добрыя дамы пожалѣли бѣднягу и милая крошка Анхенъ первая-же взяла его, шутя, за ухо и, потрепавъ нежною, сказала, что прощаетъ Фрицовы прегрѣшенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ого фонды въ ея глазахъ упали до нуля, такъ что все то, что онъ говорилъ ей затѣмъ о своихъ планахъ на будущее, о томъ, какъ онъ дни, и ночи мечтаетъ, называя Анхенъ своею, — все пропало даромъ. Даже не помогло соображеніе, что если соединить ея приданое съ добромъ, полученнымъ имъ отъ отца (а онъ, за смертью брата, получилъ все, все до копѣйки), то они-бы могли устроить такую булочную, какой нѣтъ и въ самомъ Берлинѣ. Да, и это не помогло, хотя при воспоминаніи о булочной у фрау Эммы, какъ у женщины практичной, лицо заблестало ласковой улыбкой, но Анхенъ, увы, какъ особа вѣтреная, осталась холодна къ предложенію Фрица...

Удивительная вещь: булочная! Да пусть она будетъ первая во всемъ свѣтѣ и то развѣ можно ее сравнить съ офицерскими эполетами! Стыдно! Впрочемъ, Фрицу это не было сказано, (на всякій случай) а ему былъ обѣщанъ рѣшительный отвѣтъ — на завтра.

И тутъ чуть было Фрицъ не испортилъ все дѣло, упомянувъ, хотя и осторожно, какъ будто вскользь, о существованіи саксонской Анхенъ.

Конечно, ему не только не повѣрили, но даже назвали сквернымъ лгунишкой и сплетникомъ, запретивъ разъ на всегда говорить что-либо подобное.... Какое онъ имѣетъ, въ самомъ дѣлѣ, право такъ думать о своемъ начальникѣ?! Онъ долженъ всегда помнить, что такое онъ, «Розеновъ», просто «Розеновъ», и «фонъ-Корнъ».

Фрицъ и самъ раньше глубоко уважалъ эту крошечную частную, которая имѣетъ такую силу и власть возвеличивать человѣка, но въ данномъ случаѣ....

Ему объявили, «что въ данномъ случаѣ его мнѣнія никто и не спрашиваетъ, такъ какъ оно ни для кого не интересно. До завтра! До завтра!»!

О люди, люди! Какъ надъ вами смѣется судьба! Завтра!

Вы такъ увѣрены, что это завтра будетъ все къ вашимъ услугамъ, а ему, какъ разъ наоборотъ, нѣтъ ни малѣйшей охоты плясать по людской дудкѣ, и оно идетъ себѣ своей неуклонной чредой, движимое впередъ высшей непостижимой силой. Такъ случилось и на этотъ разъ.

Когда Фрицъ шелъ домой и задалъ себѣ вопросъ: «ну, что?» то самъ-же себѣ сказалъ дурака.

Оказалось, что все говорилось и дѣлалось въ булочной вовсе не такъ, какъ обдумывалось тысячу разъ, а Фрицъ къ чему то сробѣлъ, сконфузился... и почти проигралъ сраженіе...

Всю ночь онъ, конечно, не уснулъ, а проворочался съ боку на бокъ. Мысли путались, сбивались; придетъ одна, только что на ней остановится, смотришь, другая набѣжала, тамъ третья, четвертая, и такъ безъ конца.

Одно только прекрасно понималъ и чувствовалъ Фрицъ, — это то, что, не смотря ни на какія субординаціи, постановленія и установленія, онъ ненавидитъ теперь до глубины души своего лейтенанта.

О, скандалъ! Любовь побѣдила солдатскія правила!

Наконецъ, настало и „завтра“. Утромъ Фрицъ всталъ съ очень тяжелой головой, разсѣянный, утомленный, что сейчасъ-же и сказалось: идя на улицу, онъ вдругъ надѣлъ каску задомъ напередъ.

Хорошо еще, что этого никто не замѣтилъ и Фрицъ во время исправилъ свою ошибку, а то была-бы потѣха!

Вѣдь никто-же изъ постороннихъ не знаетъ, что его головѣ теперь совсѣмъ не до каски, а вся она только и занята одной мыслью: какой отвѣтъ дать ему сегодня Анхенъ.

Въ урочный часъ рота двинулась къ плацу. Впереди, какъ всегда, шелъ барабанщикъ, иѣрно отбивая тактъ, за нимъ, сбоку, лейтенантъ, потомъ солдаты. Еще не успѣли выйти со двора, какъ офицеръ сдѣлалъ Фрицу замѣчаніе на счетъ ранца, заставившее того покраснѣть до корня волосъ, потому что Фрицъ дѣйствительно былъ виноватъ, но, можетъ быть, именно поэтому самому онъ и разозлился еще больше на лейтенанта и хотъ по долгу службы молчалъ, но внутри... Эге-ге-ге! Что дѣлалось у него внутри! Я бы не желалъ быть тогда на мѣстѣ лейтенанта!...

Дошли до плаца. Началось ученье. Прибѣжали мальчишки и остановились... смотреть... подошелъ кое-кто и изъ взрослыхъ... Между послѣдними Фрицъ случайно увидалъ Анхенъ и именно тогда, когда она, по его мнѣнію, переглядывалась съ офицеромъ. Впрочемъ, узнавъ Фрица, Анхенъ послала и ему такой же свѣтлый, радостный взглядъ, отъ чего вся его амуниція стала чуть-ли не вдвое легче. Экая кокетка!

Все шло обычнымъ порядкомъ, солдаты на-шировали, останавливались, дѣлали ружейные приемы также гладнокровно, какъ и всегда, такъ какъ имъ было рѣшительно безразлично: на плацу ли Анхенъ или гдѣ-нибудь за тридевять земель отъ нихъ. У одного только Фрица ёкало сердечко и онъ ждалъ недождался той минуты, когда наконецъ ученье кончится.

Роту раздѣлили на взводы и лейтенантъ (нарочно!) устроилъ такъ, чтобы каждый изъ нихъ церемоніальнымъ маршемъ прошелъ мимо Анхенъ.

Вотъ и очередь Фрица... Идутъ... Близо,

ближе, еще ближе... Наконец прошли и вдруг, къ ужасу всего взвода, Фрицъ оглянулся назадъ и кивнулъ Анхенъ головой въ видѣ привѣтствія. Это въ строю-то! Какъ вамъ покажется! Неслыханная вещь!

Да, съ самаго сотворенія міра ни одинъ прусскій солдатъ не осмѣливался еще до такой степени дерзко нарушить военные правила. Но судьба все еще продолжала баловать Фрица и, не смотря на то, что онъ сбился съ ноги, отчего очутился въ довольно глупомъ положеніи пока не поправился, этого никто не замѣтилъ. Остановились. Скомандовали: вольно!... Оправьсь!... Поднялось звяканье ружей, сморканіе, чиханіе, кашель.

Затѣмъ снова послышалось грозное: смиррно! и все притихло, точно замерло, такъ что слышно было, какъ гдѣ-то далеко-далеко на колокольнѣ часы пробили два раза. Еще какихъ-нибудь четверть часа и Фрицъ пойдетъ къ Анхенъ узнавать свою участь. Что-то она скажетъ? Судя по ея приходу на плацъ, (если откинуть перемигиванье съ лейтенантомъ), можно бы было предположить удовлетворительный отвѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ: что она здѣсь не видала? Какъ учать солдатъ?—Такъ это она видѣла ужъ тысячи разъ изъ своего окна въ булочной и приходитъ для такихъ пустяковъ на плацъ вовсе не было никакой надобности... Рѣшительно никакой!

А пришла она вотъ для чего: дать понять Фрицу, что его дорогая, безцѣнная Анхенъ на все, на все согласна.

О, какъ онъ счастливъ теперь, какъ онъ благодаренъ ей за это!

Такъ думалъ Фрицъ, продѣлывая ружейные приемы, и до такой степени вся его душа переполнилась надеждой на счастье, что онъ чуть-чуть было не выскочилъ изъ фронта и не побѣжалъ къ Анхенъ.

«Чуть-чуть» — великолѣпное слово, потому что оно все таки показываетъ, что Фрицъ не сдѣлалъ такой глупости, за то, увь, сдѣлалъ другую, нисколько не лучше.

Маіоръ былъ правъ, говоря, что «любовь это... это... что-то такое», — что, по всей вѣроятности, до добра не доводитъ! (Надо полагать, что именно эта, а не иная мысль скрывалась подъ маіорскимъ «что-то»). Но во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться, что въ строю для этой самой любви, дѣйствительно, такое-же мѣсто, какъ на примѣръ розъ въ огородѣ среди рѣдки и капусты.

Фрицу пришлось испытать на самомъ себѣ всю справедливость этого изрѣченія.

Учене уже подошло къ концу. Оставалось по заведенному порядку выполнить всего только двѣ команды «полуоборотъ направо» и «впередъ». Лейтенантъ уже началъ мечтать о вкусномъ обѣдѣ, который ждалъ его дома, уже вы-

крикнулъ первую команду, какъ вдругъ въ отвѣтъ на нее въ толпѣ послышался раскатистый хохотъ, мальчишки запрыгали, завизжали, захлопали въ ладоши и даже Анхенъ, сама Анхенъ смѣялась точно маленькая дѣвчонка.

И было отъ чего! Не успѣло въ воздухѣ прогнестись стройное, отчетливое: разъ... два!..., какъ Фрицъ очутился носомъ къ носу съ своимъ сосѣдомъ и чуть было не столкнулся съ нимъ отъ неожиданности, при чемъ оба сдѣлались красными, какъ раки, и преглуно ухмылялись, не зная, что же имъ дѣлать дальше, а главное кто виноваты въ этомъ казусѣ.

Виноватымъ оказался Фрицъ, сдѣлавшій полуоборотъ вовсе не туда, куда слѣдовало, а туда, куда влекло его сердце, т. е. въ сторону Анхенъ.

Ну понятно, что такая небрежность въ исполненіи своей службы ужъ не могла пройти даромъ.

Лейтенантъ, сизобагровый отъ злости, потрясая саблей и ругаясь хуже самого маіора, налетѣлъ на Фрица и принялся изливать передъ нимъ свои чувства.

— А, такъ вотъ каковы эти примѣрные солдаты! Вотъ кого хотѣли еще произвести въ унтеръ-офицеры, а онъ не умѣетъ отличить праваго отъ лѣваго... Въ задніе ряды тебя!.. На кухню!.. Конюшни чистить!..

И пошелъ, и пошелъ!

Фрицъ стоялъ, что называется, ни живъ, ни мертвъ.

Дрожа какъ въ лихорадкѣ, стиснувъ зубы и крѣпко уцѣпившись за ружье, онъ молчалъ и не вымолвлялъ ни одного словечка, какъ не клокотала въ немъ кровь. Да ужъ и въ головѣ было тоже хорошо, нечего сказать: стоялъ такой шумъ, точно на плацу стрѣляли неумолкаемо изъ тысячи пушекъ. Всѣ мысли, какъ трусливые зайцы, по обыкновенію, разбѣжались куда глаза глядятъ и только одна, похрабрѣе, засѣла гвоздемъ и упорно, упорно мелькала передъ его глазами: «Анхенъ здѣсь! Все видить... все слышитъ... Что же она обо мнѣ теперь подумаетъ... Ахъ, если-бы ея не было... все бы это я перенесъ... Но зачѣмъ же передъ нею онъ меня такъ позорить... Развѣ она пойдетъ теперь замужъ за такого, какъ я, обруганнаго, униженнаго...

И когда же... въ такой день!.. Хорошъ у него видъ должно быть сейчасъ... Не даромъ же Анхенъ такъ смѣялась. А если смѣялась, значитъ все потеряно, значитъ она его не любитъ, потому что (онъ знаетъ это навѣрное), случись что-нибудь такое съ Анхенъ, ужъ онъ, конечно, не сталъ-бы смѣяться, да еще пожалуй разможжилъ бы голову всякому, кто посмѣлъ бы сдѣлать это въ его присутствіи...

А Анхенъ смѣется... значитъ не любитъ... Да! А если не любитъ, то любить этого лей-

тенанта; оттого онъ теперь и старается уни-
зить его, совсѣмъ передъ немъ унижить... съ
грязью смѣшать... Нарочно, нарочно!»

Положимъ, послѣднія умозаключенія Фрица
были сдѣланы противно всѣмъ правиламъ ло-
гики, но такъ какъ онъ ее никогда не изу-
чалъ, то это ему и извинительно, тѣмъ болѣе,
что лейтенантъ дѣйствительно давалъ ему яс-
ный поводъ думать такимъ образомъ. Но и
лейтенанту можно подыскать извиненіе. По-
мишуйте, человѣкъ столько времени дождался
удобнаго случая и вдругъ—ниъ не воспользо-
ваться! И онъ воспользовался имъ вполне, сма-
хуя свои слова, выраженія и жесты... Не слѣ-
дуетъ однако подѣлать послѣднимъ словомъ
понимать что-либо превратное, вродѣ оплеухи,
напримѣръ.... О, никогда, никогда порядочный
прусскій офицеръ не позволитъ себѣ ничего по-
добнаго.

Вдругъ, ему пришла въ голову блестящая
мысль, которую онъ немедленно же и привелъ
въ исполненіе, до того сильно ею увлекся!

— Шмидгофъ!—крикнулъ онъ сосѣду Фри-
ца,—что-жъ ты стоишь, выдупивъ какъ бра-
ванъ свои глупые глаза на Розенова... Плюнь
ему въ рожу, что-бы онъ помнилъ въ другой
разъ гдѣ право, гдѣ лѣво...» Эффектъ отъ
этого приказанія вышелъ поразительный, такъ
какъ Шмидгофъ, не задумываясь ни на одну
минуту, исполнилъ въ точности приказъ лейте-
нанта.

Тогда все вдругъ пришло, стихла толпа,
Анхенъ, мальчишки, самъ лейтенантъ... Точно
вотъ сверкнула въ небѣ яркая молнія и об-
дала всѣхъ такимъ ослѣпительнымъ блескомъ,
что вся природа притаилась въ страхѣ, тре-
пеща и ожидая оглушительнаго раската грома.
Но грянулъ не громъ, а въ воздухѣ раздался
звукъ рѣзкой пощечины.

Это—Фрицъ Розеновъ вышелъ наконецъ изъ
себя и отсталъ лейтенанту за свое позорище.

Ударилъ—и всталъ какъ вкопанный, пора-
женный прежде всего самъ содѣяннымъ пре-
ступленіемъ, а затѣмъ безъ всякаго сопротив-
ленія позволилъ себя скрутить подбѣжавшимъ
солдатамъ.

Вотъ что значитъ образцовая прусская дис-
циплина!

Вѣсть о новомъ приключеніи съ Фрицомъ
облетѣла весь городъ, если и не съ быстротою
молніи, то во всякомъ случаѣ гораздо быст-
рѣе, чѣмъ послѣ исторіи съ братомъ. Оно и
понятно; не даромъ говорится, что хорошая
слава лежитъ, а дурная по дорожкѣ бѣжитъ.
Всѣ жители города были до глубины души воз-
мущены поступкомъ Фрица и точно сговоривъ
лись въ одинъ голосъ—въ тотъ-же день его
разжаловали изъ браваго въ негоднаго Фрица.
Какъ водится, сейчасъ же навели справки о

прошлой его жизни и напали тамъ на такіе фак-
ты, отъ которыхъ у добрыхъ и честныхъ бюр-
геровъ волосы становились дыбомъ, такъ какъ
они совершенно ясно показывали, до какой
сильнѣйшей степени у Фрица было развито еще
съ самаго дѣтства стремленіе къ разнымъ пре-
ступленіямъ; такъ фрау Шнебеле, старая, по-
чтенная женщина, сообщила громогласно, какъ
она собственноручно нѣсколько разъ въ жизни
выводила Фрица за ухо изъ своего сада, гдѣ
онъ занимался хорошимъ дѣломъ—воровалъ
груши и яблоки; геръ Вауманъ и геръ Клей-
серъ объявили, что, будучи друзьями дѣтства,
они всегда замѣчали въ Фрицѣ особенную на-
клонность къ кровожадности, выразившейся въ
постоянномъ науськиваніи собакъ на кошекъ,
кошекъ на крысъ и т. д.

Дойдя же до болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, припом-
нили случившееся въ Эйшлау убійство одного
богатаго старика, полное таинственности и такъ
таки до сихъ поръ неразъясненное...

Кто знаетъ: ужъ и это не Фрицова-ли была
работа?

Такъ что не прошло и дня, какъ многіе ус-
пѣли увѣрить самихъ себя и стали увѣрять въ
томъ и другихъ, что они всегда считали Фрица
за человѣка, который добромъ не кончитъ, какъ
не хитритъ, представляясь прихвѣрнымъ мальчи-
комъ.

Но мало-ли чего не говорили! Хуже всего то,
что когда вѣсть о Фрицовомъ приключеніи до-
шла до Берлина, то оттуда немедленно-же была
дана депеша приблизительно такого содер-
жанія: «судить въ 24 часа». Такъ съ Фрицомъ
и поступили. Судилъ самъ маіоръ фонъ-Безе-
манъ и хоть въ глубинѣ души не только онъ,
но и остальные судьи, жалѣли бѣднягу, тѣмъ
не менѣе должны были поступить съ нимъ по
закону и присудить къ разстрѣлу.

Къ чести маіора нужно все таки упомянуть,
что когда онъ подписывалъ этотъ приговоръ сво-
ему любимцу,—у него до такой степени дро-
жали руки, что перо дважды вываливалось на
бумагу, оставляя каждый разъ на словѣ «смерт-
ной» громадыишю кляксу.

Но при помощи пропускной бумаги кляксу
снимали, и это проклятое слово снова появля-
лось какъ ни въ чемъ не бывало, выглядывая
изъ приговора точно сама зубастая смерть. Что
касается до Фрица, то въ эти послѣдніе сут-
ки своего земнаго существованія онъ велъ себя
до-нельзя странно. Положительно можно было
сказать, что его душа переселилась на тотъ
свѣтъ гораздо раньше, чѣмъ это требовалось по
закону, такъ что судъ происходилъ собственно
ужъ надъ однимъ только тѣломъ. Вотъ отчего
и всѣ отвѣты его гг. судьямъ были крайне за-
гадочнаго, непонятнаго свойства, начиная съ
перваго, когда Фрицъ на вопросъ о своей винов-
ности отвѣтилъ глухимъ голосомъ: «да, вино-
вать... больше никогда не буду». Что хотѣлъ

онъ этииъ сказать, такъ и осталось до сихъ поръ невыясненнымъ. Даже при видѣ Анхенъ онъ почти не оживился или, по крайней мѣрѣ, очень мало. Словомъ, отнесся ко всему совершенно безучастно, точно судили вовсе не его, а тѣхъ двухъ товарищей солдатъ, которые стояли все время рядомъ съ саблями на голо.

Также безучастно выслушалъ онъ и свой смертный приговоръ. Какое ему, въ самомъ дѣлѣ, было до него дѣло! Онъ столько вынесъ, переживалъ, пережилъ впечатлѣній за одни только сутки, что ихъ, по настоящему, хватило бы для него по крайней мѣрѣ на годъ. Не мудрено, что нервы притупились и перестали функционировать въ тѣлѣ, а душа... душа, повторю, была уже далеко.

Снова пришла телеграмма изъ Берлина. Приговоръ былъ утвержденъ и разстрѣліаніе приказано было совершить на другой же день въ присутствіи всего полка.

Маіоръ, который откопалъ какія-то смягчающія вину обстоятельства и потому просилъ о снисхожденіи для Фрица, былъ неприятно удивленъ такимъ исходомъ процесса, но, конечно, объ этомъ не узналъ и не узнаетъ никто и никогда во всю маіорскую жизнь. Тѣмъ не мене онъ не могъ преодолѣть въ себѣ искушенія и пошелъ наканунѣ казни навѣстить бравяго Фрица въ его одиночествѣ. Фрицъ, никакъ не ожидавшій маіорскаго появленія, былъ очень удивленъ приходомъ начальства, весь переконфузился и тутъ между ними произошла такая сцена, которая вполне достойна быть занесенной на скрижали исторіи.

Помянувъ всѣхъ чертей и дьяволовъ на свѣтѣ, маіоръ строгимъ голосомъ сдѣлалъ сначала Фрицу строгій выговоръ за его поступокъ съ лейтенантомъ.

И странное дѣло: что значить сила привычки! При звукахъ маіорскаго голоса Фрицъ положительно сталъ оживать и, хоть это не сдѣлало его вполне бравымъ Фрицомъ, но ужъ кое-что начинало напоминать бывшее. Прежде всего, наприжѣръ, во Фрицѣ вновь вселилась твердая увѣренность въ слова своего начальника, такъ что, когда тотъ пояснилъ ему, что смертный приговоръ является для Фрица единственно возможнымъ и справедливымъ, послѣдній не только согласился съ начальствомъ, но даже добавилъ еще отъ себя, что вполне этииъ приговоромъ доволенъ, потому что, благодаря ему, всѣ солдатскія правила являются соблюденными.

— Смѣшно-бы было, если-бы за оскорбленіе офицеровъ солдатъ гладили по головкѣ вмѣсто того, чтобы разстрѣливать? Какъ вы думаете, г. маіоръ? Я думаю, что смѣшно! Это извѣстное правило и я его прекрасно знаю.

И замѣтите, все это было сказано безъ малѣйшаго озлобленія или даже чувства горечи,

а съ полнымъ сознаниемъ справедливости сказаннаго.

Теперь пришла очередь удивляться маіору. И странное дѣло! Ему вдругъ показалось, что передъ нимъ стоитъ сейчасъ вовсе не Фрицъ, бывшій рядовой его полка, а просто человекъ, состоящій изъ такой же крови и тѣла, какъ и его собственная персона. Прямымъ послѣдствіемъ такого взгляда явилось то, что въ мозгу маіора можетъ быть въ первый разъ въ жизни проглянулъ особенный взглядъ на своего подчиненнаго и онъ не только протянулъ Фрицу руку, но даже и пожалъ ее крѣпко, крѣпко, а затѣмъ, пожелавъ счастливаго пути на тотъ свѣтъ, круто повернулся и быстрыми шагами вышелъ изъ камеры.

Злые языки говорили потомъ, что у него въ это время были на глазахъ слезы! Весьма возможно, потому что маіоръ очень любилъ своего Фрица.

Часа черезъ два послѣ старика пришла Анхенъ, которой начальство сейчасъ-же дало пропускъ къ арестанту, не успѣла она заикнуться объ этомъ.

Все посѣщеніе Анхенъ состояло изъ слезъ, причитаній, криковъ, нѣжныхъ ласкъ и даже нѣсколькихъ поцѣлуевъ...

Но, увы! Фрицъ оставался ко всему этому совершенно холоденъ. Анхенъ не знала, что и подумать. Въ сущности, она была добрая дѣвушка и сразу же своимъ маленькимъ сердчишкомъ поняла, что во всемъ случившемся главнымъ то образомъ была виновата одна она и потому ей очень хотѣлось заглядеть свою вину...

Бѣдная Анхенъ, она хотѣла невозможнаго и потому ничего изъ ея стараній и не вышло. Да и совершенно напрасно она старалась. Любовь Фрица была бурнымъ, стремительнымъ шкваломъ, который пронесся, разрушилъ все въ своемъ стремительномъ бѣгѣ и затихъ.... на долго, можетъ быть, на всегда... Вѣдь это не то что дисциплина, бивавшаяся въ Фрицову голову годами, по гвоздику.

Та еще могла проснуться въ немъ при видѣ стараго маіора, а—Анхенъ!.. Нѣтъ! Вліяніе ея окончилось еще вчера, на плацѣ, вмѣстѣ съ неудачнымъ полуоборотомъ Фрица. Ну что она была теперь для него, въ самомъ дѣлѣ? Для него, безучастнаго безразличнаго, оцѣпѣнѣвшаго, почти вкусившаго сладость вѣчнаго покоя?—Ничто!

Такъ Анхенъ и ушла со слезами на глазахъ какъ и маіоръ, хотя совсѣмъ по другой причинѣ. Было еще одно лицо, направлявшее свои шаги къ Фрицовой камерѣ, но у самой двери повернувшееся обратно—это лейтенантъ фонъ-Корнъ. Ему тоже очень хотѣлось поговорить съ Фрицемъ... но, кажется, нехватило на это духу.

Свою послѣднюю ночь на нашей планетѣ Фрицъ провелъ довольно покойно, конечно, все

отъ той же одури, которая напала на него подъ вліяніемъ массы пережитыхъ впечатлѣній.

Утромъ, на томъ же плацу, гдѣ обыкновенно маршировали солдаты, теперь поставили столбъ и вырыли подъ нимъ яму. По прежнему съ барабаннымъ боемъ привели туда весь 119 пѣхотный полкъ, по прежнему набѣжали мальчишки и пришла цѣлая толпа любопытныхъ, изъ которыхъ большинство никогда еще не видало такого интереснаго зрѣлища, какъ разстрѣлъ человѣка.

Часовъ около двухъ привезли Фрица и поставили его съ завязанными глазами къ столбу. Пока читали вновь приговоръ, (для чего — никто не понималъ, потому что онъ всѣмъ ужъ давно былъ извѣстенъ), часы пробили два. Маіоръ далъ сигналъ, грохнулъ выстрѣлъ и... Фрицъ, тихо, безъ звука, повалился въ яму.

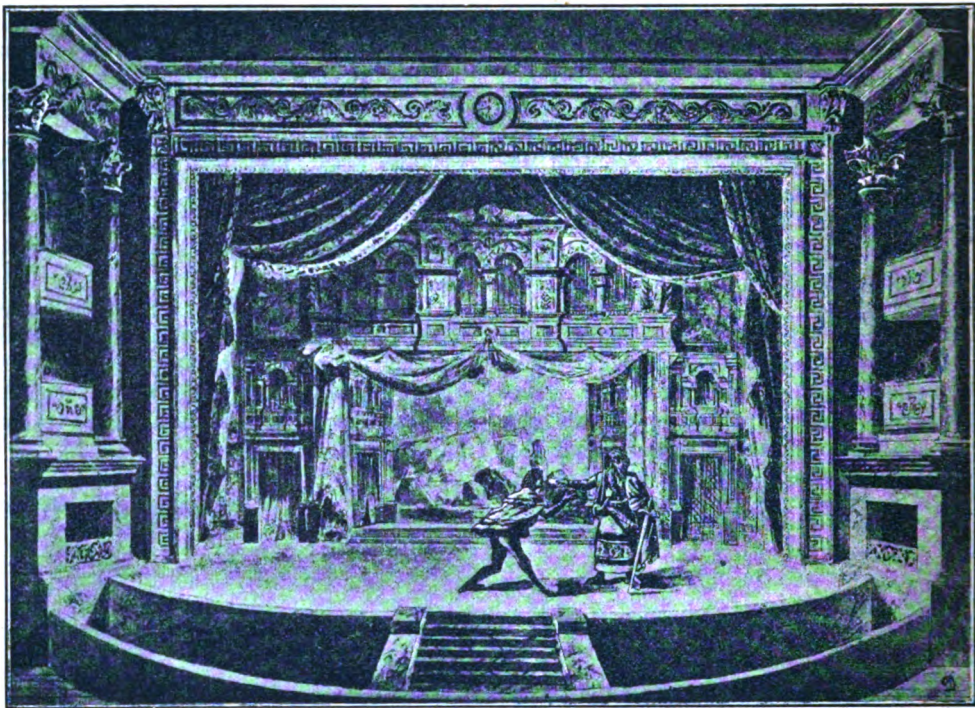
Толпа дрогнула и заколыхалась. Послышались вздохи. Кое-гдѣ плакали. Вдругъ откуда ни взялась Анхенъ и, оттолкнувъ что есть силы удерживавшаго ее солдата, подбѣжала къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ Фрицъ, заломила надъ своею головою руки, такъ что слышно было, какъ хрустнули у ней пальцы и, грохнувшись на колѣни, захохотала, какъ съумасшедшая.

Ее сейчасъ-же, безъ всякой церемоніи, оттащили и утащили.

Такъ, наконецъ, закончились приключенія браваго Фрица, давъ возможность герру Штробиндеру, самому остроумному человѣку во всемъ Эйшлау, изрѣчь новую остроуту: «да, meine Herrn, любовь безъ отвѣта это все равно, что пивная кружка безъ пива!»

Александръ Кушнеревъ.

Шекспиръ на сценѣ мюнхенскаго театра.

Читателямъ нашего журнала уже извѣстно, что въ настоящее время въ Мюнхенѣ существуетъ особая сцена, приспособленная къ постановкѣ на ней произведеній Шекспира.

Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія возникъ споръ между Гёте и Людвигомъ Тикомъ о Шекспирѣ, какъ о *драматическомъ* писателѣ, о писателѣ для *сцены* и вопросъ о томъ, какъ на современной сценѣ ставить Шекспира, какъ Шекспира на ней играть, разрѣшался каждымъ изъ нихъ особо: тутъ ихъ взгляды рѣзко расходились.

Въ очеркахъ и замѣткахъ, написанныхъ Гёте въ 1813, 1815 и 1826 годахъ и озаглавленныхъ *Shakespeare und Kein Ende*, онъ высказываетъ мысль, что Шекспира нельзя играть на современныхъ сценахъ, что къ его произведеніямъ не слѣдуетъ, невозможно предъявлять требованія «сценичности». Гёте находитъ, что «творенія Шекспира не для тѣлеснаго ока», что «Шекспиръ представляетъ то, что можно легко вообразить, что даже лучше представляется воображенію, нежели глазу». Тѣнь Гамлета, вѣдьмы въ Макбетѣ, многія «ужасающія дѣйствія» требуютъ прежде всего силы воображенія, и, по его мнѣнію, все это «въ чтеніи проходитъ легко и естественно, между тѣмъ какъ на сценѣ становится тяжелымъ, неумѣстнымъ, даже

противнымъ». Сценическія требованія, — говоритъ Гёте въ другомъ мѣстѣ, — кажутся Шекспиру ничтожными: «Мы переносимся съ нимъ съ одного мѣста на другое; воображеніе дополняетъ всѣ междудѣйствія, которыя онъ пропускаетъ, и мы даже благодарны за то, что онъ такимъ достойнымъ образомъ возбуждаетъ наши умственные силы».

Находя, что произведенія Шекспира не подчиняются внѣшнимъ требованіямъ современной сцены, онъ приходитъ къ тому заключенію, что «Шекспиръ дѣйствуетъ посредствомъ живаго слова, а оно лучше всего передается чтеніемъ вслухъ, и нѣтъ болѣе высокаго, болѣе полнаго наслажденія, какъ слушать, закрывъ глаза, не декламацию, а чтеніе вѣрнымъ и естественнымъ голосомъ произведеній Шекспира».

Исполнять его на вѣмецкихъ сценахъ «слово въ слово» Гёте прямо считаетъ «безсмысленнымъ». «Не все то, что творитъ гений, является гениальнымъ», пишетъ онъ тамъ-же, и находитъ, что превосходные и вѣрные переводы нигдѣ не имѣли успѣха и рекомендуетъ передѣлки Шрёдера.

Впрочемъ, прошли года, а съ ними измѣнился и взглядъ Гёте на Шекспира: онъ снова проникся полнымъ благоговѣніемъ къ гениальному писателю.

Въ то время, когда Гёте такъ благосклонно относился къ передѣлкамъ Шрёдера и считалъ подобныя обработки Шекспира цѣлесообразными и желательными, онъ, состоя директоромъ веймарскаго театра, самъ ставилъ на сценѣ послѣдняго трагедію «Ромео и Юлія» въ передѣланномъ видѣ. Одинъ изъ очевидцевъ этой передѣлки свидѣтельствуетъ, что она была лишь слабою тѣнью того, что написалъ Шекспиръ: цѣлые акты были перекроены, пропущены цѣлыя сцены, другія же прибавлены. Эту передѣлку сдѣлалъ, конечно, никто иной, какъ самъ Гёте, и постановка этой трагедіи была для него, какъ директора театра, однимъ изъ самыхъ горькихъ разочарованій, когда-либо имъ испытанныхъ.

Поощреніе со стороны Гёте, пользовавшагося такимъ авторитетомъ, къ передѣлкамъ Шекспира для сцены, вызвало въ то время цѣлую массу передѣльвателей, и переработка его піесъ принесла очень и очень много вреда и публикѣ, и писателямъ, и актерамъ.

Противъ столь безцеремоннаго отношенія разныхъ передѣльвателей къ Шекспиру, энергично возстали романтики, опираясь въ своихъ доводахъ на непоколебимыя, твердо сформулированныя требованія, а появившіяся, какъ разъ въ то время, прекрасный переводъ Шекспира, сдѣланный Шлегелемъ, придавъ имъ воззрѣніямъ и требованіямъ еще болѣе силы и основанія. Романтики не допускали, чтобъ въ произведеніяхъ Шекспира дѣлались какія-либо измѣненія, пропуски или дополненія, чтобъ къ нимъ примѣнялись требованія современной сцены и неуклонно доказывали, что для произведеній Шекспира должна быть совершенно особая сцена, похожая на ту, которая существовала въ дни самого Шекспира,—такая сцена, какую мы видимъ теперь въ Мюнхенѣ.

Въ своихъ *Dramaturgische Blätter* Л. Тикъ прямо высказываетъ за то, чтобъ Шекспира играли снова при той простой обстановкѣ, какая существовала въ его время. При необычайно развитіи декоративнаго искусства, декораціи, по мнѣнію Тика, перестаютъ быть *необходимой принадлежностью* піесы, *аксессуарами* при ея постановкѣ, а обращаются въ самостоятельныя произведенія искусства и тѣмъ самымъ, отвлекая на себя вниманіе зрителя, дѣлаютъ послѣдняго разсѣяннѣмъ и кало внимательнѣмъ, какъ къ самому драматическому произведенію, такъ и къ его исполнителямъ. Тѣ переиравшія картинѣ, на которыя Шекспиръ, по мнѣнію Тика, лишь указывалъ въ своихъ піесахъ, теперь исполняются фактически, происходятъ на самомъ дѣлѣ и, конечно, требуются не мало времени на то, чтобъ замѣнить лѣсную декорацію роскошной залой, при чемъ и тамъ и тутъ стараются, какъ можно ближе, добиться истинной правды и вѣрности въ изображеніи такихъ мелочей, о которыхъ самъ

Шекспиръ никогда даже и не думалъ. Вотъ почему Тикъ и говоритъ, что отношенія публики въ то время, и въ его—совершенно различны. Тикъ желаетъ видѣть произведенія Шекспира на такой сценѣ, гдѣ декорація и обстановка не умаляли бы силы и значенія Шекспировской рѣчи, не заставляли бы пропускать цѣлыя явленія, цѣлыя сцены, а, напротивъ, выдѣляли бы еще болѣе гениальность поэта, еще болѣе придавали бы силы и экспрессіи его творчеству.

Шекспиръ, говоритъ Тикъ въ тѣхъ же «Blätter», не такой писатель, котораго можно было бы позволить себѣ передѣлывать и перекраивать по своему. Все, что имъ написано, онъ хотѣлъ написать, и все должно быть сохранено при постановкѣ его на сценѣ. Если же при современныхъ условіяхъ театра этого достигнуть нельзя, то слѣдуетъ давать Шекспира безъ декораціи, на особо приспособленномъ для этого театрѣ.

Взгляда Тика придерживается и А. Шлегель. Въ своемъ сочиненіи «Vorlesungen über dramatische Kunst und Literatur» Шлегель указываетъ на то, что роскошная обстановка, декорація, освѣщеніе, музыка, превращенія, машины и костюмы—все это до того избаловало насъ, что мы ни за что не согласились бы вернуться снова къ той сценѣ, которая была при Шекспирѣ, а между тѣмъ, по мнѣнію Шлегеля, многое говорить въ пользу послѣдней. При отсутствіи роскоши въ постановкѣ, напротивъ, при полной ея простотѣ, публика становится гораздо требовательнѣе и къ самому драматическому произведенію и къ исполнителямъ.

Основываясь на представленіи шекспировскихъ піесъ, какъ онѣ давались на его сценѣ, Шлегель указываетъ на то, что въ то время воображенію, фантази самого зрителя было предоставлено дополнить, мысленно дорисовывать ту необходимую обстановку, которую поэтъ желалъ окружить изображаемое имъ передъ зрителемъ. Вслушиваясь въ то, что говорили актеры, постоянно слѣдя за ихъ игрой, увлекающійся зритель, отдавшись охватившему его впечатлѣнію, полный иллюзіи, не замѣчая совершенно мелочей обстановки, забываетъ все настоящее, мысленно и душевно переживаетъ то, что должны переживать въ то же время дѣйствующія по піесѣ лица. Если же зрители станутъ до крайности критически относиться ко всѣмъ мелочамъ сцены, подмѣчать малѣйшія несообразности ея, это будетъ свидѣтельствовать лишь о полной неспособности ихъ къ воспринятію того, о чемъ говоритъ поэтъ, о полномъ отсутствіи дара воображенія: для такого зрителя всякое представленіе теряетъ характеръ удовольствія и наслажденія.

Если мы обратимся къ новѣйшему времени, то убѣдимся, что въ Германіи стремленіе видѣть произведенія Шекспира на *особой*, болѣе подходящей для нихъ сценѣ, выражалось все сильнѣе и опредѣленнѣе.

Проф. Ульрици, въ своемъ сочиненіи «Über Schakespeare's dramatische Kunst», отзываясь неодобрительно о нашихъ постановкахъ Шекспира, вспоминаетъ представленія времени самого Шекспира, когда сцена и публика не были такъ рѣзко отдѣлены другъ отъ друга, когда было гораздо болѣе общенія между поэтомъ и актерами съ одной стороны и публикою—съ другой, съ тою пестрою толпою, для которой эти представленія служили не только забавой и развлеченіемъ, но и школою, гдѣ она многому училась, гдѣ она воспитывалась.

Въ статьѣ «Über das Englische Theaterwesen zu Schakespeare's Zeit» И. Деліусъ говоритъ, что отсутствіе такихъ декорацій на сценѣ во времена Шекспира, которыя имѣются у насъ, оказывало несомнѣнную услугу и исполнителямъ, и поэту, и публикѣ: черезъ это достигалось болѣе ясное, болѣе непосредственное и тонкое пониманіе и воспріятіе творенія поэта. Деліусъ искренно завидуетъ той публикѣ, наполнявшей театръ Шекспира, которая настолько увлеклась представленіемъ, что, смотря на 4—5 солдатъ, появляющихся на сценѣ, воображала передъ собою цѣлую битву или, глядя на нѣсколькихъ жалкихъ актеровъ, одѣтыхъ въ рваныя и мокрая платья, переживала вмѣстѣ съ ними всѣ ужасы кораблекрушенія, ихъ постигшаго.

Точно также смотреть на этотъ вопросъ и Рихардъ Вагнеръ въ своемъ «Gesammelte Schriften und Dichtungen». Уже одно то, по его словамъ, заставляетъ примѣнять иныя требованія къ постановкѣ шекспировскихъ произведеній, чѣмъ это дѣлаетъ современная сцена, что актеры во времена Шекспира играли на подмосткахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ зрителями. Вагнеръ находитъ, что само драматическое искусство стояло тогда несравненно выше, чѣмъ современное.

И такъ мы видимъ, что въ Германіи много писалось за устройство сценъ для шекспировскихъ произведеній, но до нашихъ дней все это не привело ни къ какому существенному результату. Еще въ 1817 году знаменитый въ то время архитекторъ Шинкель предложилъ совершенно коренное преобразование и переустройство сцены, но его проектъ такъ и остался проектомъ.

Извѣстный вѣмецкій шекспирологъ Рудольфъ Жене, трактуя въ своемъ сочиненіи «Die Entwicklung des Scenischen Theaters und die Bühnen - reform» о мастерски проведенныхъ взглядахъ и замѣчаніяхъ Шинкеля, изложенныхъ имъ въ статьѣ, весьма лишь недавно напечатанной въ «Bayreuther-Blätter» (1887 г.), пишетъ, что Шинкель задался мыслію упростить современную сцену и сдѣлать ее похожею на сцену въ античномъ театрѣ.

По словамъ Р. Феллнера въ его «Geschichte einer deutschen Musterbühne» въ Дюссельдорфѣ была сдѣлана Иммерманомъ попытка поставить комедію «Что вамъ угодно» на сценѣ, по-

строенной на подобіе шекспировской. Попытка эта увѣнчалась успѣхомъ и преимущества такой постановки были неоспоримы, но она не вызвала подражанія и прошла совершенно безслѣдно для другихъ сценъ.

Въ цѣломъ рядѣ статей и въ сочиненіи, о которомъ я говорилъ выше, Жене возстаетъ противъ того направленія въ драматическомъ искусствѣ, которое все болѣе и болѣе переноситъ центръ тяжести при представленіи пьесъ, отъ исполненія на самую обстановку ихъ, на декорации, костюмы и чисто внѣшніе эффекты, переходящіе теперь всякую границу. Это явленіе чрезвычайно грустно, говоритъ онъ, потому что чѣмъ сильнѣе было въ обществѣ стремленіе къ роскоши и блеску, доходившее, напримѣръ, съ половины XVII ст. до безумія, тѣмъ ниже падало драматическое искусство и напротивъ. Исходя изъ того положенія, что правду въ искусствѣ не слѣдуетъ отождествлять правдѣ въ жизни, Жене совѣтуетъ приверженцамъ роскошныхъ обстановокъ, пресловутой *исторической строгости* и не менѣе пресловутаго *реализма* въ постановкахъ, требованія которыхъ въ этомъ направленіи принимаютъ изо-дня въ день все большіе и большіе размѣры, вспомнить, что чрезмѣрное усиленіе вспомогательныхъ средствъ, аксессуаровъ и внѣшнихъ эффектовъ является далеко не соответствующимъ требованіямъ и дѣламъ драматическаго искусства, а, наоборотъ, отзывается на немъ чрезвычайно пагубно.

Ставить Шекспира при обстановкѣ, присущей современной нашей сценѣ, Жене считаетъ прямо насиліемъ надъ произведеніями великаго поэта. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, что драматическій писатель пишетъ свои драмы такъ, какъ того требуетъ существующая въ его время сцена, нѣтъ сомнѣнія, что условія и особенности послѣдней вліяютъ и на самое построеніе, на сценаріумъ драматическаго произведенія. То, что примѣнно въ этомъ смыслѣ къ трагедіямъ и комедіямъ греческихъ классиковъ, тоже приложимо и къ произведеніямъ Шекспира. Если къ этимъ взглядамъ, высказаннымъ Жене, прибавить то, что мною было ранѣе приведено, а за тѣмъ то, что сдѣлалъ въ отношеніи этого вопроса Гансъ Геррикъ своими представленіями литературскихъ хроникъ, то, что писалъ Гансъ фонъ Вольцогенъ въ своемъ сочиненіи «Die Idealisirung des Theaters», Фр. Шенъ въ своей статьѣ о народномъ театрѣ въ Вормсѣ и наконецъ постановку мистерій на театрѣ въ Оберъ-Аммергау, то получится весь тотъ матеріалъ, который руководствовалась дерекція мюнхенскаго театра, и намъ останется асна цѣль и назначеніе его сцены. Она устроена подъ непосредственнымъ наблюденіемъ теперешняго управляющаго придворнымъ мюнхенскимъ театромъ фонъ Перфалла и главнаго декоратора и машиниста К. Лаутеншлегера. Они задались цѣлью построить такую сцену, которая была бы образцомъ сцены для поста-

новки пьесъ Шекспира и указывала бы тѣ границы и предѣлы, за которые требованія обстановки не должны переходить. Декораторъ и режиссеръ на мюнхенскомъ театрѣ даютъ пьесѣ лишь ту обстановку, которая безусловно необходима для нея, ограничиваясь лишь указаніями мѣста дѣйствія, намеками на то, что должно окружать дѣйствующихъ лицъ. Во времена Шекспира пьесы шли почти совсѣмъ безъ декораций, а самъ Шекспиръ довольствовался такой скудной обстановкою, но за то онъ былъ требователенъ къ зрителямъ, онъ желалъ въ своемъ театрѣ собирать такую публику, которая, подъ впечатлѣніемъ того, что она видѣла на подмосткахъ, что слышала со сцены, въ своемъ воображеніи, въ своихъ мысляхъ развивала, дополняла бы то, что онъ поэтъ не договорилъ, не могъ изобразить передъ ней.

Подтверженіе такого отношенія Шекспира къ публикѣ Савитъ видитъ въ подлинныхъ словахъ самого поэта изъ Пролога къ Генриху V:

... Пусть вамъ дополнитъ
Чего недостаетъ *воображеніе*:
Пусть каждый человекъ у васъ въ глазахъ
Раздѣлится на сотни; *создайте*
Войска *воображеніемъ*; если рѣчь
Зайдетъ о лошадяхъ—*воображайте*
Что вы ужъ увидали, какъ онѣ
Взрываютъ грозно землю. Ваши *мысли*
Должны теперь *помочь* намъ восхвалять
Великихъ королей и вмѣстѣ съ нами
Должны вы *пересказывать* свободно
Черезъ время и пространство, сокращая
Въ ничтожный мигъ, что дѣлалось годами.

Первое представленіе на сценѣ Мюнхенскаго театра трагедіи «Король Лиръ», состоялось 1-го іюня прошлаго года. Еще въ мартѣ мѣсяцъ было извѣстно, что она пойдетъ на совершенно новой сценѣ, и пойдетъ такъ, какъ ее написалъ Шекспиръ, и какъ она до этого времени не шла въ Германіи. Собравшаяся на представленіе въ большомъ количествѣ развитая, интеллигентная публика, быстро освоилась съ новой постановкой одного изъ гениальныхъ произведеній великаго поэта, радостно и шумно привѣтствовала за это нововведеніе директора театра фонъ Перфалла. Даже такія лица, пишеть одинъ изъ присутствовавшихъ на представленіи Лира, которыя враждебно относятся ко всякимъ нововведеніямъ въ драматическомъ искусствѣ, не могли не отиѣтить и не оцѣнить одного изъ важныхъ преимуществъ новой постановки, того, именно, что послѣдняя даетъ возможность ставить трагедію Шекспира въ томъ видѣ, какъ онъ ее написалъ, не искажая, не прибѣгая къ передѣлкѣ ея, не ставя, кромѣ того, пропускъ или измѣненіе той или другой сцены, того или другаго явленія въ зависимость отъ воли и вкуса режиссера. Трагедія «Король Лиръ», въ переводѣ Тика, заключаетъ въ себѣ 24 картины (у насъ, напр., въ переводѣ Дружинина цѣлыхъ 25): какъ бы быстро ни мѣнятъ декорации, представленіе всѣхъ

картинъ Лира займетъ очень много времени, между тѣмъ, какъ на мюнхенской сценѣ четвертое дѣйствіе, въ которомъ семь картинъ, шло всего *сорокъ минутъ*. Въ эти сорокъ минутъ передъ глазами зрителя пронеслись самыя разнообразныя картины и мѣстности: и пустая степь, и дворецъ герцога Альбанскаго и французскій лагерь близъ Довера, и палатка въ лагерь, и кохната въ замкѣ Глостера, и поле близъ Довера, и снова палатка во французскомъ лагерь...

Чтобы познакомиться съ расположеніемъ и устройствомъ мюнхенской сцены, слѣдуетъ обратиться къ приложеннымъ здѣсь рисункамъ. По нимъ видно, что такъ называемая авансцена здѣсь значительно увеличена и своимъ выступомъ покрываетъ часть оркестра, такъ что разстояніе между первымъ рядомъ кресель и ею весьма небольшое. Со сцены въ партеръ ведетъ красивая широкая лѣстница, которая однако остается безъ всякаго употребленія. Передняя часть сцены, т.-е. авансцена, отдѣляется отъ сцены внутренней большой аркой съ красивымъ занавѣсомъ изъ матеріи, напоминающей гобеленъ, и раздвигающимся въ разныя стороны. Онъ раздвигается при началѣ дѣйствія и сдвигается при его окончаніи, переиѣна же картинъ происходитъ при открытой сценѣ. За этимъ занавѣсомъ расположена самая сцена: она представляетъ внутренность замка, роскошный залъ; декорация эта разъ на всегда укрѣплена и никогда не мѣняется; съ той и съ другой стороны зала находятся по два выхода на сцену, завѣшанные тяжелыми портьерами, а на самой срединѣ, противъ зрителей, опять арка и нѣсколько ступеней, ведущихъ на сравнительно неглубокую часть сцены съ постоянными, точно также, какъ на главной сценѣ, боковыми стѣнами, изображающими продолженіе того же зала, а въ нихъ съ обѣихъ сторонъ двери съ опущенными до пола драпировками. На аркѣ укрѣпленъ занавѣсъ, который, опускаясь, закрываетъ отъ зрителя всю заднюю сцену. Въ самой глубинѣ ея помѣщается та декорация, нарисованная на полотнѣ, которая необходима по пьесѣ. Мѣняются декорации или совершенно не слышно передвигаясь слѣва на право, или же онѣ спускаются сверху внизъ: чтобы сдѣлать самую переиѣну декораций совсѣмъ незамѣтною для зрителя, гасятъ на нѣсколько секундъ освѣщеніе на сценѣ, и въ моментъ наступившей темноты совершается вся переиѣна. Дѣйствіе пьесы происходитъ то на авансценѣ, то на самой сценѣ или въ глубинѣ ея. Всѣ эпизодическія картины представляются на авансценѣ, при чемъ послѣдній занавѣсъ обыкновенно опускается и такимъ образомъ, кромѣ постоянной, изображающей залъ, никакой декорации нѣтъ. Выходъ и уходъ цѣлой массы людей, переносъ дѣйствія пьесы съ авансцены на самую сцену и обратно—все это, по сло-

вамъ очевидцевъ, происходитъ необычайно быстро, искусно и съ соблюденіемъ полнѣйшей тишины, и антрактовъ между отдѣльными картинами такимъ образомъ совершенно нѣтъ.

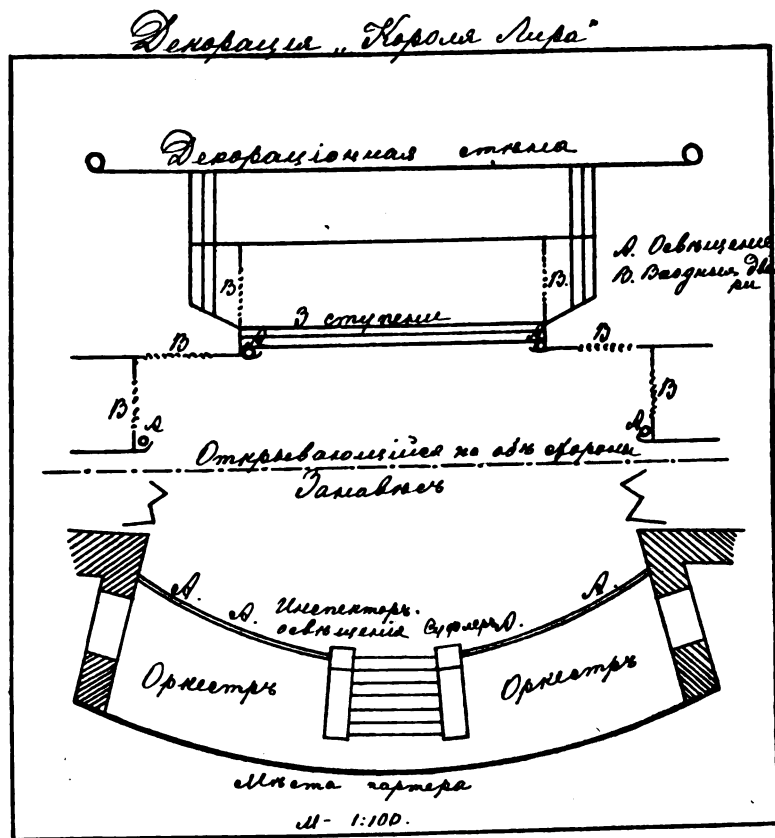
Впрочемъ, на ряду съ большими преимуществами новой постановки «Короля Лира» на мюнхенской сценѣ, признанной очевидцами первого его представлѣнія, я нашелъ въ одной изъ корреспонденцій о немъ и указанія на нѣкоторыя несовершенства. Авторъ этой корреспонденціи находитъ, что иногда, въ особенности въ 2-хъ мѣстахъ трагедіи, къ фантазій зрителя предъявлялись слишкомъ большія требованія, слишкомъ разсчитывали на его воображеніе. Одно изъ такихъ мѣстъ трагедіи — сцена, когда Лиръ находится въ пустынѣ. Задняя декорация превосходна, вдали дождь, громъ, молнія, вой бури. Лиръ появляется въ самой глубинѣ, затѣмъ выступаетъ изъ арки, проходитъ всю сцену и почти передъ самой рампой произноситъ: «Злишь вѣтеръ! Дуй, пока не лопнуть щеки! Вы, хляби водъ, стремитесь ураганомъ...» Чтобы произвести сильное впечатлѣніе на зрителя при такой постановкѣ этой сцены, требуется отъ актера большой талантъ и огромное искусство, и надо отдать полную справедливость испол-

нителямъ «Короля Лира»: они вообще мастерски справились со своею не легкою задачею. Указавъ еще на не совсѣмъ удачную mise en scène шестой картины четвертаго дѣйствія (внутренность хижины), авторъ корреспонденціи, тѣмъ не менѣе, высказываетъ надежду, что такіе, сравнительно небольшіе промахи при новой постановкѣ Шекспира на мюнхенскомъ театрѣ, легко поправимы, и находитъ, что самая сцена, своимъ устройствомъ вообще, напоминала сцену XVI вѣка.

Болѣе года прошло теперь со дня первого представлѣнія на новой мюнхенской сценѣ. Кромѣ «Короля Лира», тамъ шли уже и другія его произведенія. Большой успѣхъ, который сопровождалась постановка послѣднихъ, побудилъ дирекцію театра ставить на той же сценѣ и пьесы нѣмецкихъ классиковъ, какъ напр. Гетца фонъ-Берлихингенъ.

Интересно знать, будетъ ли и у насъ, въ Россіи, гдѣ среди лицъ, истинно любящихъ театръ, такъ много страстныхъ поклонниковъ Шекспира, сдѣлана какая-либо попытка къ такой постановкѣ его произведеній, какую дала Германіи мюнхенская сцена?

3. Матернъ.

IMPROMPTU.

Andante sostenuto.

А. АРЕНСКІЙ.

Piano.

The first system of musical notation consists of a grand staff with a treble clef on the upper staff and a bass clef on the lower staff. The key signature is three sharps (F#, C#, G#) and the time signature is common time (C). The music begins with a piano (*p*) dynamic. The right hand features a melodic line with slurs and accents, while the left hand provides a harmonic accompaniment with chords and single notes.

The second system continues the piece. The right hand has a melodic line with a mezzo-forte (*mf*) dynamic and a crescendo (*cresc.*) marking. The left hand has a bass line with a *Red.* marking and a *simile* instruction. The notation includes slurs and accents.

The third system shows a decrescendo (*dim.*) in the right hand and a pianissimo (*pp*) dynamic in the left hand. The melodic line in the right hand continues with slurs and accents.

The fourth system features a tenuto (*ten.*) marking in the right hand and a pianissimo (*pp*) dynamic in the left hand. The right hand has a melodic line with slurs and accents, while the left hand has a bass line with chords.

The fifth system concludes the piece. The right hand has a mezzo-forte (*mf*) dynamic and a decrescendo (*dim.*) marking, leading to a pianissimo (*pp*) dynamic. The left hand has a bass line with chords and a final cadence.

Allegro moderato. (♩=♩)

The first system of musical notation consists of two staves. The upper staff is in treble clef and the lower staff is in bass clef. The key signature has one sharp (F#). The tempo is marked 'Allegro moderato' with a note value of a quarter note equal to a quarter note. The music features a melodic line in the right hand with slurs and a bass line in the left hand. Dynamics include piano (p) and piano forte (p²). There are triplets in the right hand.

The second system of musical notation consists of two staves. The upper staff is in treble clef and the lower staff is in bass clef. The key signature has one sharp (F#). The music continues with a melodic line in the right hand and a bass line in the left hand. Dynamics include mezzo-forte (mf) and piano (p). The tempo is marked 'a tempo'.

The third system of musical notation consists of two staves. The upper staff is in treble clef and the lower staff is in bass clef. The key signature has one sharp (F#). The music continues with a melodic line in the right hand and a bass line in the left hand. Dynamics include piano (p).

The fourth system of musical notation consists of two staves. The upper staff is in treble clef and the lower staff is in bass clef. The key signature has one sharp (F#). The music continues with a melodic line in the right hand and a bass line in the left hand. Dynamics include piano (p) and piano forte (p²). The tempo is marked 'rit.' (ritardando).

The fifth system of musical notation consists of two staves. The upper staff is in treble clef and the lower staff is in bass clef. The key signature has one sharp (F#). The music continues with a melodic line in the right hand and a bass line in the left hand. Dynamics include piano (p) and piano forte (p²). The tempo is marked 'rit.' (ritardando).

The sixth system of musical notation consists of two staves. The upper staff is in treble clef and the lower staff is in bass clef. The key signature has two sharps (F# and C#). The tempo is marked 'Tempo I.' The music continues with a melodic line in the right hand and a bass line in the left hand. Dynamics include piano (p) and piano forte (p²). The tempo is marked 'ten.' (ritardando).

First system of musical notation. The treble clef staff begins with a dynamic marking of *mf*. The bass clef staff features a *cresc.* marking. The music consists of flowing eighth and sixteenth notes with various articulations.

Second system of musical notation. The treble clef staff has a *molto rit.* marking, and the bass clef staff has a *a tempo* marking. A *pp* dynamic marking is present in the bass clef staff. The music continues with similar rhythmic patterns.

Third system of musical notation. The treble clef staff has a *ten.* marking, and the bass clef staff has a *mf* marking. A *pp* dynamic marking is also present in the bass clef staff. The music features more complex rhythmic figures.

Fourth system of musical notation. The treble clef staff has a *p* marking, and the bass clef staff has a *ppp* marking. The music continues with a similar melodic and harmonic structure.

Fifth system of musical notation. This system continues the musical piece with consistent notation and dynamics.

Sixth system of musical notation. The treble clef staff has a *poco rall.* marking, and the bass clef staff has a *morendo* marking. The music concludes with a final cadence.

„СУМЕРКИ“
 („CRÉPUSCULE“)
 РОМАНСЪ.

Слова Р. ЖЕРАРЪ.

Переводъ Н. Н. ВИЛЬДЕ.

Музыка ДАРТОНА.

CANTO. *Tranquillo ma non troppo lento.*

Вотъ су-мерекъ блѣдныхъ мер-ца-нье... Нѣжит-ся взоръ
C'est l'heu-re des tein-tes ex-qui-ses Dont le re-gard.

PIANO. *pp legatissimo*

вмѣгнѣхъ тѣняхъ. Всѣ вѣды-мѣ сдѣла-е-ся о-чер-та-нья, И ро-во-вый блескъ
est re-po-sé Les cho-ses se font in-dé-ci-ses Et le fir-ma-ment

cresc. e animando poco a poco

вѣне-бе-сахъ. Ды-ха-нье цвѣтовъ на-пол-ня-е-тъ Весь воз-духъ ду-ши-стой вол-
est ro-sé. Mai souf-fle une fraî che haei-né-e Qui por-te des par-fums flot-

cresc. e animando poco a poco

a piena voce *allargando*

-ной... Э-то о-сень дня на-сту-па-е-тъ, Е-го вес-на придетъ съ ва-
-tans... C'est l'au-tom-ne de la jour-né-e, Dont le ma-tin est le prin-

f

dim

рей. *temps.* И въ серд-цѣ, какъ въ сумрачной да-ли, Смутный
Et l'âme, de langueur at-teinte, L'âme,

dim un poco

legato armanioso *dim*

quasi parlando e dim

трепетной мой пе-ча-ли, Рой въ дымъ вѣщающихъ грезъ; И
comme le ciel, se teinte D'un doux crépuscule li-las; Et

morendo

Tempo I. *sempre poco a poco rall.*

ти-хо, какъ день у-га-са-етъ О-новъ вроткомъ снѣ за-ми-ра-етъ, Пол-
com me le jour qui s'a-chève Et le se parfume de rê-ve. Nous

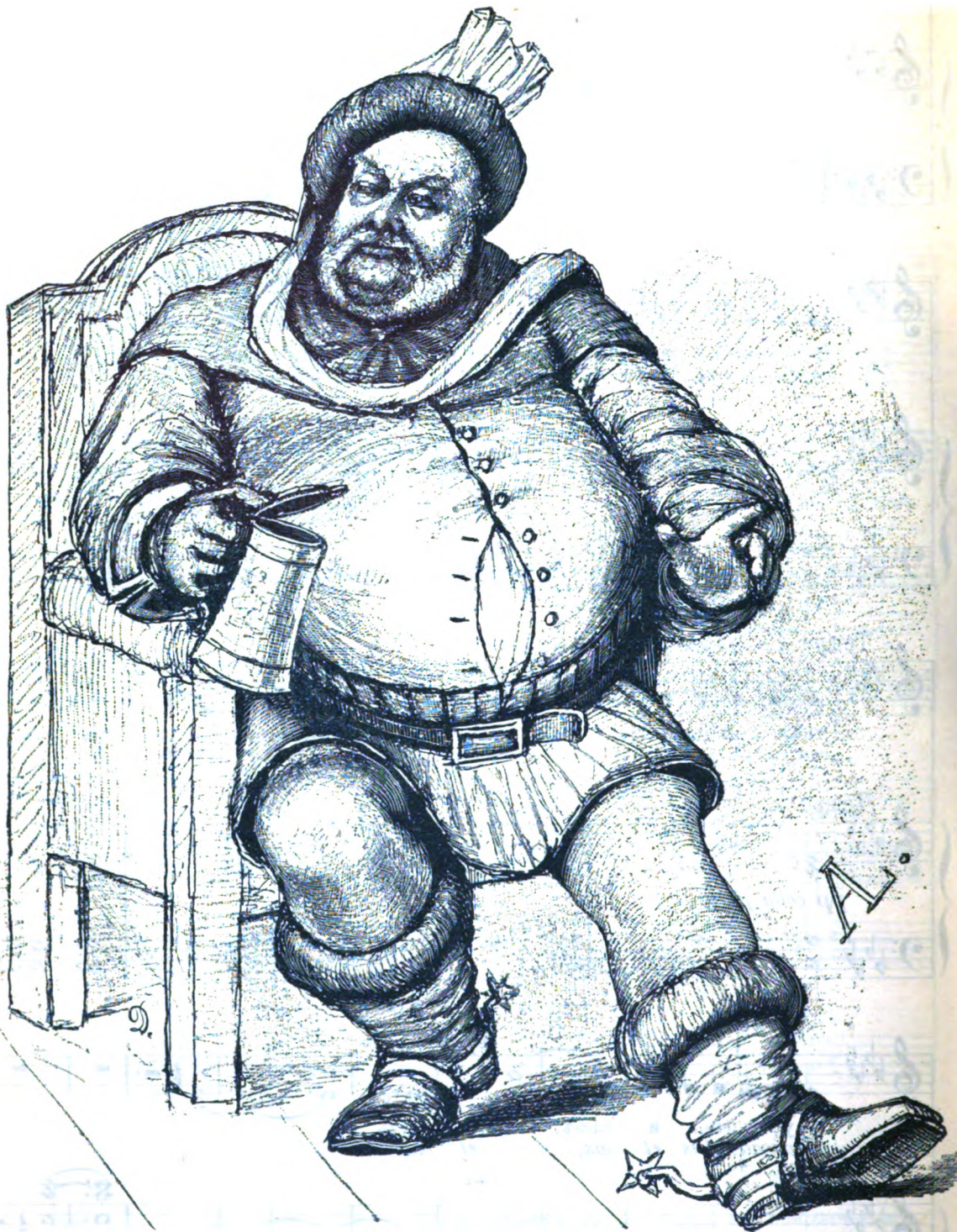
Tempo I.

pp colla parte

ppp morendo

но у-миленья и слезъ, и слезъ...
rêconsattendris et las, et las...

ppp *ppp*

А. П. Ленскій въ роли Фольстафа („Видзорскія проказниці“).

Рис. А. П. Ленскаго.

Литературное обозрѣніе.

Мысль и софистика.—*Промежуточная литература*.—*Первые шаги*, повѣсть г. Станюковича.—*Артистка*, романъ г-жи Мар. Крестовской.—*Мимочка на водахъ*, очеркъ М. В.—*Братъ единственнаго сына*, „сказка дѣйствительности“ г. Вас. Немировича-Данченка.—*Въ отъѣздъ*, рассказъ г. Боборыкина,—*Учитель жизни*, повѣсть г. Каронина.—*Грусть*, статья г. К.—*На литературныхъ амбалахъ*, повѣсть г. Влад. Немировича-Данченка.—*The modern Novelists of Russia*, by Turner.—*Декамеронъ*, Боккаччио—*Гѣте и его время*, лекціи А. Шахова.

I.

азвитіе языка — великое благодѣніе для народа и его цивилизаціи. Чѣмъ совершеннѣе и богаче языкъ, тѣмъ легче онъ поддается тончайшимъ изгибамъ мысли, выражаетъ ея всевозможные оттѣнки: въ этомъ смыслѣ исторія языка и его ростъ тоже, что исторія культуры и національнаго развитія.

Но въ нашемъ мірѣ ни одно явленіе, какъ бы оно почтенно и благодѣтельно ни было, не совершается исключительно по пути блага. Зло, темная сторона сопутствуютъ его неизмѣнно и часто до такой степени омрачаютъ великое и свѣтлое теченіе мировой культуры, что у многихъ людей возникали и до сихъ поръ продолжаютъ возникать сомнѣнія въ самой этой культурѣ, въ ея нравственномъ достоинствѣ. Требуется часто необычайно энергическая свѣтлая мысль, чтобы не поддаться разочарованію и порыву отрицанія при видѣ, какъ человечество, совершенствуя свои знанія и достигая высшихъ нравственныхъ идей, рядомъ съ этимъ преклоняется предъ самыми грубыми очевидными преданіями невѣжественной старины, громоздить одно заблужденіе на другое и вмѣстѣ съ источникомъ новыхъ наслажденій для ума и чувства открываетъ новые мотивы несчастій и ошибокъ. Въ мірѣ вѣчно повторяется одна изъ замѣчательнѣйшихъ сценъ гётевскаго *Фауста*: воскресшій къ новой жизни старецъ упивается блаженствомъ и любовью, съ его устъ

льются вдохновенныя рѣчи невѣдомаго счастья и неиспытанной страсти, — а за спиной у него, въ зловѣщемъ полумракѣ раздается холодный, презрительный хохотъ Мефистофеля. Тоже происходитъ и съ человечествомъ: едва оно, исполненное гордаго сознанія своихъ побѣдъ, хочетъ увѣнчать свои усилія восторженной хвалой, на него вдругъ начинается вѣять мертвящій духъ отрицанія и сомнѣнія и раскрываетъ ему невидимые изъяны на его блестящемъ одѣяніи. Злостному и одностороннему уму не стоитъ ни малѣйшаго труда воспользоваться этими изъянами для какихъ угодно выводовъ.

Возьмемъ одну сторону, — развитіе мысли. Въ античной Греціи оно достигло небывалаго блеска, а главное, стало популярнымъ и общедоступнымъ въ размѣрахъ для насъ едва вѣроятныхъ. Ничего не стоить рядомъ съ этимъ развитіемъ указать на процвѣтаніе софистики, и сдѣлать заключеніе, что умственный прогрессъ повиненъ во всѣхъ извращеніяхъ самыхъ основныхъ истинъ, во всѣхъ шарлатанствахъ, какими забавлялись аѳинскіе софисты по улицамъ и портикамъ. Одинаковый судъ можно произнести надъ какой угодно самой блестящей эпохой европейской цивилизаціи, — этотъ судъ и произносятся въ наши дни на нашихъ глазахъ. Рядомъ съ ослѣпительнымъ блескомъ просвѣтительнаго разума вѣчно возстаютъ пророки дикости и умственнаго ничтожества. Духъ отрицанія, повидимому, съ особенной злобой творитъ свое злокозненное дѣло тамъ, гдѣ живѣе и ярче всего цвѣтутъ надежды и растутъ положительныя силы человѣческой природы.

Мы сказали, что рядомъ съ мыслью шла и идетъ ея незаконная дочь *софистика*. Силою ума пользуются не для уясненія положительныхъ принциповъ личной и общественной жизни, а для ниспроверженія ихъ, не для побѣды ду-

ха надъ инстинктомъ, напротивъ—для узаконенія власти самыхъ разнузданныхъ влеченій, для оправданія дѣйствій свободныхъ отъ какаго-либо идейнаго руководительства. Идея эта грозная и благодѣтельная сила, очищающая всякую умственную и нравственную заразу, превращается въ чудовище, пожирающее самого себя: мысль ради отрицанія мысли, дѣятельность ума ради власти плоти, поразительныя ухищренія разума ради торжества безсмыслія, безъидейности, ради пошлости и умственной апатіи.

То же самое происходитъ и съ словомъ. Орудіе мысли—оно ея неизбѣжный спутникъ, ея одежда, ея свѣтъ. Безъ него нѣтъ идеи, нѣтъ разума. Но подобно тому, какъ софистика развивается путемъ отрицанія идеи и принципа, слово можетъ освободиться отъ мысли и жить собственной жизнью, независимо отъ умственной. На деревьяхъ часто появляются цвѣты, не приносящіе плодовъ; такіе-же пустоцвѣты съ поразительной быстротой растутъ и множатся въ человѣческой жизни: это — слова, лишенная внутренняго содержанія, не насыщающія въ себѣ крови и духа того, кто ихъ произноситъ. Въ языкѣ съ теченіемъ времени образуется масса *общихъ мѣтъ*, всѣми призванныхъ положеній, характеристикъ, простыхъ оборотовъ рѣчи, остроумныхъ, вѣрнѣе казавшихся когда-то остроумными, выраженій. Это цѣлый капиталъ, завѣщанный прежними поколѣніями, съ великимъ трудомъ создававшими тѣ истины, которыя теперь лепечутъ дѣти. И этотъ капиталъ съ теченіемъ времени все болѣе увеличивается и незамѣтно усваивается всякимъ виѣстѣ съ усвоеніемъ языка. Часто даже утрачивается внутренній смыслъ извѣстнаго выраженія, а само выраженіе продолжаетъ жить, все равно какъ живетъ иной обрядъ, значенія котораго никто не понимаетъ, надѣвается старинный костюмъ, утратившій всякій практической смыслъ. Съ такимъ исключительно *словеснымъ* достояніемъ можно прожить всю жизнь, можно говорить сколько угодно и о чемъ угодно, ни на минуту не посвятивши своей мысли, серьезнаго вниманія ни одному предмету. Вѣдь о каждомъ предметѣ, какъ-бы онъ труденъ и высокъ ни былъ, съ теченіемъ времени накапливается множество трузимовъ, точно опредѣленныхъ фразъ, часто переходящихъ въ поговорки.

Достаточно запомнить ихъ, не отдавая себѣ даже отчета въ ихъ смыслѣ, — и «пріятный», даже «поучительный» разговоръ ничего не стоитъ. Всякому приходилось присутствовать при такихъ разговорахъ, принимать въ нихъ участіе. Его могутъ вести между собой люди незнакомые, не имѣющіе никакого понятія о какихъ-бы то ни было взглядахъ и убѣжденіяхъ другъ друга. Имъ совершенно достаточно понимать *звуки*, а

мысли, одѣтыя въ эти звуки, давно уже поняты и выяснены въ опредѣленномъ направленіи, даже заключены въ извѣстныя словесныя формулы. Стоитъ только заставить языкъ выбрасывать постепенно эти формулы, какъ, напр., нажимая клавишъ рояля, издавать тотъ или иной звукъ. И такіе разговоры только посредствомъ *словъ* безъ всякаго участія мысли происходятъ ежедневно, и именно они доставляютъ людямъ особенное удовольствіе. Бесѣда идетъ объ «умныхъ» вещахъ, а между тѣмъ не приноситъ ни малѣйшаго труда бесѣдующимъ, и собесѣдники расходятся во взаимномъ удовольствіи отъ дѣльно проведеннаго времени.

Но стоить спросить у этихъ «умныхъ» людей, о чемъ они говорили цѣлыхъ пять часовъ, — и окажется, что имъ это менѣе чѣмъ кому-либо извѣстно. А вопросъ, — зачѣмъ, съ какой цѣлью они такъ много говорили и къ какому результату привела ихъ бесѣда, — приведетъ ихъ въ искреннее изумленіе. Развѣ разговаривать надо непременно съ *цѣлью*? А не съ тѣмъ, чтобы «пріятно» провести время, въ сущности убить его? Въ результатѣ пятичасовой разговоръ вышелъ просто сочетаніемъ давно всѣми слышанныхъ фразъ въ извѣстномъ порядкѣ: въ одномъ случаѣ эти фразы шли въ порядкѣ abc, въ другомъ — bac, въ третьемъ будетъ — cab. Но это несколько не расширять ни значенія самихъ фразъ, не повліяетъ и на мысль тѣхъ, кто ихъ произнесъ.

Такимъ образомъ, если *мысль*, лишенная принципа и идеи, убиваетъ идею, превращается въ софистику и умственный развратъ и ничтожество, слово, произносимое безъ участія личной умственной дѣятельности, убиваетъ самою мысль, прямо ведетъ къ тупоумію и своего рода попугайству. Это — низшая ступень упадка человѣческой природы: вступивши на этотъ путь, человѣкъ превращается въ говорящую куклу, не только обезличивается во всѣхъ отношеніяхъ, но утрачиваетъ даже способность усвоить свѣжую мысль, свободную отъ тѣхъ словесныхъ формулъ, какими онъ жилъ до сихъ поръ.

И вамъ не разъ, вѣроятно, приходилось видѣть, какъ недоумѣніе, какой-то испугъ появляется на лицѣ такихъ людей, когда они слышатъ даже не новую мысль, а просто фразу, составленную иначе, чѣмъ они привыкли говорить. Они васъ сразу не поймутъ и если вы такихъ фразъ скажете нѣсколько, они перестанутъ васъ слушать: имъ трудно даже слова комбинировать иначе, чѣмъ они привыкли всю жизнь. Поэтому, манера говорить у всѣхъ этихъ людей совершенно тождественна: одни и тѣ же обороты, остроты, излюбленныя поговорки, присказки, яносказанія. У нихъ и серьезное и смѣшное заранее предусмотрено, — и они заранее улыбаются предъ какимъ-либо выраженіемъ, все равно какъ Акакій Акакіевичъ,

переписывая бумага, заранѣе ощущалъ наслаженіе, доходя до извѣстной буквы. Въ видѣ вольнаго росчерка собесѣдники разсказываютъ «анекдотцы» и «случаи». Банальности въ перемѣшку съ «присшествиями» — посредствомъ ихъ можно разговаривать съ кѣмъ угодно и кому угодно въ вагонѣ, на большой дорогѣ, на гуляньѣ, въ гостиной. Съ дамами такіа бѣды особенно цѣнны: «присшествия» забавляютъ, а банальности кажутся часто поучительными и интересными. Самое главное — ни то, ни другое ни къ чему обѣ стороны не обязываетъ и ничего отъ нихъ не требуетъ. Недаромъ такого рода sauseries процвѣтали въ обществѣ XVII в., самое пустомъ и ничтожномъ во всѣхъ отношеніяхъ, но за то освѣщенномъ бенгальскимъ блескомъ томныхъ красавицъ. Въ sauseries не было ни смысла, ни цѣли, въ блескѣ ни теплоты, ни правды: но все было такъ «интересно» и «мило», и разноцвѣтные попугаи и не подозрѣвали иного рая. Sauserie такимъ образомъ замѣняетъ и мысль и здравый смыслъ, часто даже талантъ. Встрѣчаются настоящіе виртуозы по части этой sauserie и слынутъ въ обществѣ за людей умныхъ и знающихъ, во всякомъ случаѣ солидныхъ и почтенныхъ. Ихъ поклонникамъ и въ голову не приходитъ, что предъ ними просто пустыя мѣста, переполненныя чужимъ багажомъ, давно утратившимъ всякую цѣнность.

Такого рода таланты особенно важны для людей, попадающихъ въ скучную необходимость ожидать чего-либо, наприм. въ вагонѣ желѣзной дороги, въ пріемной. Время тянется крайне медленно, думать человѣкъ не привыкъ, да и не о чемъ ему думать: поговорить съ сосѣдомъ — единственное спасеніе. И великое счастье для обоихъ, если они другъ въ другѣ найдутъ собесѣдниковъ вышеописаннаго типа. Ничего не имѣя за душой и совершенно не зная другъ друга, они могутъ бесѣдовать безъ конца, занять весь промежутокъ скучнаго ожиданія.

Эти *промежуточные* разговоры въ наше время перешли въ литературу. Русское общество и русскіе читатели переживаютъ какъ будто періодъ ожиданія, во всякомъ случаѣ не періодъ энергической мысли и сильныхъ впечатлѣній. Они находятъ также въ состояніи «*нечего думать*» — и отъ *нечего думать* говорятъ и читаютъ. Выходитъ дѣйствительно *промежуточная литература*, лишенная глубокаго содержанія, большею частью безцѣльная и банальная. Перечитывая страницы журналовъ, живо вспоминаешь вагонный разговоръ: или пустая безгрѣшная болтовня, или «присшествия», коегдѣ пикантная приправа; это моменты, когда собесѣдники шепчутъ что-то на ухо другъ другу и расплываются въ блаженнѣйшую улыбку или многозначительно умолкаютъ на нѣсколько секундъ. Прочтешь повѣсть или романъ и

не знаешь, зачѣмъ убиваютъ на нее время читатель и авторъ. И забыть ее, перестать читать такъ же легко, какъ и вагонный разговоръ на любой станціи, на любой главѣ. Нѣтъ захватывающаго интереса, нехотя перевертываешь страницу за страницей и равнодушно закрываешь книгу.

Авторы, повидимому, нисколько не смущаются такимъ впечатлѣніемъ: они какъ будто нарочно на сотни страницъ заводятъ свою словесную машину и сыплютъ многочисленныя комбинаціи однихъ и тѣхъ же словъ, помышляя только о томъ, «на сколько позволить мѣсто». Словоохотливость поразительная и бѣдность содержанія еще болѣе удручаетъ послѣ того, какъ убѣждаешься въ полной беззаботности автора на этотъ счетъ.

Самые безукоризненные образцы этой пустопорожней литературы представляютъ новѣйшія произведенія г. Станюковича и г-жи Мар. Крестовской, напечатанныя въ первомъ полугодіи *Вѣстника Европы*. Повѣсть г. Станюковича *Первые шаги* — окончена, романъ г-жи Крестовской *Артистка* еще печатается: онъ въ четырехъ частяхъ, въ августовской книжкѣ начало третьей.

II.

Въ старину существовалъ одинъ родъ литературныхъ произведеній, къ нашему времени, повидимому, мало подходящий — *идиллія*. Человѣчество никогда не отличалось ни ангельскими незлобіемъ, ни райской невинностью, и идиллическія картины въ такомъ направленіи, врядъ ли почтеннѣе дѣтскихъ сказокъ. Но когда-то ихъ любили, можетъ быть потому, что люди были легковѣрнѣе или просто хотѣли хотя бы въ вымыслѣ найти утѣшеніе въ скорбяхъ дѣйствительности. Современный человѣкъ не такъ легко вѣритъ и не такъ легко утѣшается, и всякая сладость, чувствительная прикраса прямо кажется ему обманомъ и лицемеріемъ. Въ этомъ отношеніи современный человѣкъ заходитъ, можетъ быть, слишкомъ далеко и начинаетъ этотъ путь слишкомъ рано. Юношей съ «блѣднымъ мечтательнымъ челомъ» и «русскими кудрями» найти, пожалуй, можно, но все это теперь далеко не надежныя признаки романческаго питомца аркадскихъ полей. А если бы такіе рѣдкостные юноши и отыскились, врядъ ли кто почувствовалъ бы къ нимъ особый интересъ, и аркадскія добродѣтели рисковали бы сойти за самый прозаическій недостатокъ, въ родѣ глупости.

Г. Станюковичъ держится иного мнѣнія и сочинилъ на четыре книжки *Вѣстника Европы* повѣсть о нѣкоемъ юношѣ изъ породы Дамоновъ и Нарциссовъ.

На этотъ разъ Нарциссъ — кандидатъ университета, но изобилуетъ чувствами и дѣлами, впол-

нѣ достойными прекраснаго сына Аркадія. Удивительно даже, какъ такому герою нашлось мѣсто на страницахъ органа «съ направленіемъ»: вѣдь у насъ множество всякаго рода «иллюстрацій» и «семейныхъ» журналовъ, идеально безгрѣшныхъ и бесполезныхъ для отцовъ и дѣтей. Только конецъ повѣсти г. Станюковича нѣсколько не «семейный», это тотъ моментъ, когда автору ради пикантности захотѣлось побесѣдовать съ читателемъ на ушко. Аркадія превращается въ сцену самаго новѣйшаго альфонсизма... Но ни альфонсизмъ, ни Аркадія отъ этого не выигрываютъ и авторъ могъ, вмѣсто паденія, заставить своего героя «вспыхнуть» чуть ли не въ тысячный разъ и — идиллія была бы спасена.

Кандидатъ университета у г. Станюковича «безобразно молодъ», «черноглазъ», конечно, съ вьющимися волосами, «срумянь, здоровъ», но главная его добродѣтель въ крайней наивности и застѣячивости. Въ его разговорѣ чувствуется настоящій идиллическій запахъ, по словамъ автора, «что-то свѣжее, опяняющій запахъ весны», «что-то новое, давно неслыханное въ трезвомъ Петербургѣ», куда этотъ пастушокъ пріѣхалъ искать мѣста. И въ какомъ только университетѣ могло воспитаться такое сокровище! Въ какихъ, по-истинѣ, неземныхъ аудиторіяхъ выросла эта «простодушная откровенность, готовность открыть душу предъ людьми, которыхъ Стрететовъ (фамилія героя) видѣлъ *съ первой разъ*», Авторъ заставляетъ даже доктора-профессора съ завистью внимать аркадскому лепетанью своего героя. Профессоръ, по словамъ г. Станюковича, жалѣлъ въ это время объ утраченной имъ искренней, чистой вѣрѣ въ «идеалъ добра»... Въ этой изумительной странѣ и профессора оказываются не менѣе «наивны», чѣмъ кандидаты: во всякомъ другомъ мѣстѣ дѣтское неразуміе и восторженность никогда не смѣшиваются съ идеализмомъ; юношеская наивность не имѣетъ ничего общаго съ истиннымъ идеализмомъ, потому что она чужда *идеи* и живетъ младенческимъ инстинктомъ жизнерадостнаго теленка. Идеализмъ въ его настоящемъ, не-аркадскомъ смыслѣ, могучая сила, выносящая человѣка чистымъ и неизмѣнно убѣжденнымъ изъ самыхъ грязныхъ волнъ житейской пошлости, а идеализмъ взрослыхъ младенцевъ при первомъ случаѣ превращаетъ ихъ въ альфонсовъ.

Именно такое превращеніе совершится съ героемъ г. Станюковича, но до этого приключенія герой этотъ долженъ раскрыть все неисчерпаемое богатство своего «золотаго» сердца. Онъ влюбится и, конечно, сразу и непремѣнно такъ, какъ любили въ Аркадіи. Она теперь въ полномъ составѣ своихъ чаръ переселилась на берега Невы. Предметъ Стрететова — весьма молодая дѣвушка-докторъ, еще не кончившая курса. Авторъ съ особенной любовью много-

кратно рассказываетъ разсыроленные ощущенія своего героя — во всѣхъ его положеніяхъ относительно своего предмета: и въ ожиданіи свиданія, и при самомъ свиданіи, и послѣ свиданія. Исходный пунктъ этихъ ощущеній — обоготвореніе Риммы Михайловны, и такое, что всѣ томленья средневѣковыхъ рыцарей въ сравненіи съ нимъ кажутся развратомъ. «Если бы ему, т.-е. Стрететову, — говоритъ авторъ, предсказали, что онъ загорится когда-нибудь безумнымъ желаніемъ цѣловать руки, глаза, прильнуть къ губамъ этой самой «мадонны», онъ въ ужасѣ отвергнулъ бы это предсказаніе, какъ невозможное святотатство», «замеръ бы отъ стыда, считая себя первѣйшимъ негодяемъ въ подлунной» поясняетъ авторъ. Это ужъ нѣчто болѣе идеальное, чѣмъ даже Аркадія: такъ пастушки и ихъ подруги превосходно отличали себя отъ бесплотныхъ созданій...

Съ героемъ происходятъ всѣ тѣ же преобразования чувствъ, какія обязательны для истиннаго потомка Амадисовъ, Филаретовъ и т. п. «Непривѣтный» Петербургъ теперь ему кажется «не лишеннымъ красоты», такъ какъ въ немъ пребываетъ его принцесса, «святая дѣвушка», въ честь которой онъ хотѣлъ бы отъ всѣхъ слышать «хвалебные гимны». Вы при этомъ вспоминаете, какъ знаменитый витязь Ламанчскій былъ чувствителенъ въ подобныхъ вопросахъ... Г. Станюковичъ такую же «славную исторію» только въ несравненно болѣе блѣдныхъ краскахъ и микроскопическихъ размѣрахъ совершенно серьезно открылъ на берегахъ Невы и съ видными наслажденіемъ живописуетъ всѣ эти «трепеты», «заміранія», «взгляды» — всякаго качества и всевозможнаго значенія. Все время онъ своего университетскаго кандидата держитъ въ приговорительномъ классѣ по части здраваго смысла и самаго элементарнаго пониманія окружающихъ явленій. Повѣсть подходитъ къ концу, а съ петербургскимъ Амадисомъ происходятъ такого рода душевные казусы: «Напрасно по вечерамъ онъ присаживался за книгу, стараясь освободиться отъ думъ о Римѣ. Послѣ одной, двухъ страницъ, прочитанныхъ со вниманіемъ, среди строкъ, какъ-то нечаянно, выглядывало милое лицо, съ черными бархатными глазами, и мечты о дѣвущкѣ властно овладѣвали молодымъ человекомъ, — мечты, начинавшіяся обыкновенно идилліей о дружбѣ, объ обмѣнѣ мыслей, мечты, полныя желаній принести какую-нибудь жертву во имя этой дружбы, и совершенно неожиданно кончавшіяся такими дерзкими, захватывающими духъ картинами счастья, что юноша внезапно краснѣлъ отъ стыда негодованія и восторга, самъ удивляясь безумной дерзости подкрадывавшихся мечтаній и считая себя въ эти минуты «великимъ негодяемъ», недостойнымъ знакомства съ такой дѣвушкой.

«Что если бы она могла узнать, какія подлыя мысли приходятъ къ нему въ голову?»

«И задавая такой вопросъ, Стрепетовъ приходилъ въ большой ужасъ и рѣшилъ въ наказаніе наложить на себя эпитимію: цѣлую недѣлю не искать встрѣчи съ Риммою Михайловной.»

«Но на четвертый день онъ не выдержалъ» и т. д. Дѣйствительнымъ Амадисамъ чаще всего дамы накладывали эпитимію, а въ наше время сами Амадисы подвергаютъ себя искусамъ, и, за несвоевременностью крестовыхъ походовъ, казнять себя воздержаніемъ.

Съ цѣлю, вѣроятно, еще выше поднять рыцарскую доблесть героя, авторъ и предметомъ его любви выбралъ особенную дѣвушку. Несмотря на нескончаемый лиризмъ рыцаря и сладкоглаголивныя рѣчи автора, Римма Михайловна — идеальное воплощеніе всего прозаическаго. Она была увлечена медикомъ и по пути увлеклась медициной. Медикъ оказался слишкомъ осторожнымъ и практическимъ и постепенно отдался отъ Риммы, медицина осталась. Въ самый разгаръ любви Стрепетова Римма готовится къ экзамену, дается ей это весьма нелегко, она ночи и дни проводитъ за лекціями и, очевидно, до такой степени чувствуетъ себя подъ гнетомъ медицинской мудрости, что не находитъ силъ сказать и десяти словъ съ своими товарищами и влюбленнымъ въ нее юношей. Всѣ ея появленія на сценѣ до излишества напоминаютъ намъ ея 28 лѣтъ, неудавшуюся любовь, самоотверженное изученіе анатоміи. Она дѣйствительно умерла для увлеченія, по крайней мѣрѣ въ повѣсти энергія ея чередуется между экзаменами и хорошимъ аппетитомъ... Сказочный идеализмъ и младенческую слѣпоту Стрепетова нельзя было ярче охарактеризовать, чѣмъ заставивъ поэтическаго и пылаго юношу влюбиться въ эту дѣвушку.

Любовь должна была окончиться самымъ прозаическимъ образомъ, — и здѣсь авторъ правъ неволью, вѣроятно, не сознавая своей авторской справедливости. Стрепетовъ — слишкомъ ничтоженъ для какого-либо серьезнаго чувства. Въ заключеніе всѣхъ рыцарскихъ страданій и идиллическихъ восторговъ Стрепетова Римма Михайловна съ высоты своего двадцативосьмилѣтняго опыта и трезвости взгляда читаетъ ему жестокую нотацию «въ третьихъ лицахъ» и съ такой очевидностью доказываетъ ему, что «серьезная женщина въ лѣтахъ» не можетъ отвѣчать на страсть какого-нибудь сумасшедшаго мальчишки», что Стрепетовъ кончаетъ свой единственный романъ, боясь «оскорбить своимъ присутвіемъ это чистое, святое созданіе». Впрочемъ, для полнаго «излѣченія мальчишки» требуется письмо отъ Риммы съ просьбой къ Стрепетову — не приходить. — И тотъ не пришелъ...

Черезъ нѣсколько времени аркадскій пастушекъ, какъ мы уже говорили, превращается въ «друга» довольно «циничной» «*ma tante*». Этимъ счастьемъ онъ обязанъ своему «цѣломудрію». Въ глазахъ Риммы это былъ мальчишка, *ma tante* онъ показался однимъ изъ интереснѣйшихъ Іосифовъ Прекрасныхъ. Между ними произошелъ такой діалогъ. *Ma tante*, налюбовавшись аркадской невинностью племянника, воскликнула:

— Да вы совсѣмъ Іосифъ Прекрасный... Вы сама невинность... Вы... вы вѣрно, мой милый, совсѣмъ женщинъ не знаете?

— Совсѣмъ не знаю, — застѣнчиво прошепталъ Стрепетовъ. Это признаніе, казалось, поразило и обрадовало Валентину Марковну. И она вдругъ вся притихла, сдѣлалась серьезна и посмотрѣла на молодого человѣка долгимъ, пристальнымъ взглядомъ.

«И взявши руку сконфуженнаго родственника, она совершенно неожиданно проговорила необыкновенно тихимъ, полнымъ какой-то мистической восторженности тономъ:

— Ахъ, какъ вы меня обрадовали! Какъ неожиданно обрадовали, мой милый юноша! Цѣломудріе — такая рѣдкость среди нынѣшнихъ молодыхъ людей! Какъ видно, Богъ еще не оставилъ васъ, хоть вы и забыли Бога, и вы должны, слышите ли? — должны сдѣлаться истиннымъ христіаниномъ, должны обновиться и вѣрить и любить безъ сомнѣній. Въ васъ душа еще не испорчена. И я займусь вами... Я буду вашей духовной матерью, вашей наставницей по пути къ истинѣ».

Началось чтеніе брошюры: *ma tante*, помню любовь къ Іосифамъ, представляла еще извѣстный «лагерь» въ общественной жизни. Стрепетовъ долго не понималъ смысла просвѣщенія и духовнаго материнства. «Однажды Валентина Марковна, продолжаетъ авторъ, удивленная глупостью своего духовнаго сына, въ знакъ расположенія дала ему дружескій поцѣлуй «духовной матери». Поцѣлуй этотъ былъ, вѣроятно, не очень холодный, такъ какъ въ отвѣтъ на него застѣнчивый и скромный молодой человѣкъ, не помня себя, въ какомъ-то испугѣ покрывъ руки, лицо своей двоюродной тетушки безумными, страстными поцѣлуями.

«И она не противилась имъ»....

Но и въ новой роли юноша скоро спасовалъ. Кончилось тѣмъ, что, получивъ, по ходатайству *ma tante*, мѣсто въ провинціи, герой уѣхалъ изъ Петербурга.

Вотъ и вся исторія новѣйшаго Нарцисса. Поучительнаго, даже просто интереснаго нѣтъ въ ней ни одной страницы. И что можетъ быть поучительнаго въ приключеніяхъ какого-то желторотаго пижона? Эти приключенія могутъ быть рассказаны развѣ въ формѣ сказки про мышонка, который, «не издавши свѣта, попалъ бы-

ло въ бѣду».... Авторъ въ весьма возвышенномъ стилѣ выражается про настроеніа своего героя, побывавшаго обожателемъ «мадонны» и потомъ Альфонсомъ: «Первые его шаги въ жизни были далеко не тѣ, какіе онъ ожидалъ, и горькій скептицизмъ уже закрался въ его сердце и омрачилъ его вѣру въ себя и въ тѣ идеалы, которыми онъ вѣрилъ». Напрасныя слова и сказанныя совсѣмъ некстати. «Скептицизмъ» и «идеалы» гораздо болѣе серьезныя вещи, чѣмъ любое настроеніе какого угодно восторженнаго младенца. Не было бы рѣшительно ни малѣйшаго смысла во всѣхъ «шагахъ въ жизни», если бы они вели по долинамъ сказочной Аркадіи, совершенно какъ мечтаются нѣкоторымъ Іосифамъ Прекраснымъ. Что въ Петербургѣ и иныхъ городахъ нѣтъ этихъ долинъ, это еще не основаніе для скептицизма, все равно какъ только забавно и смѣшно отчаяніе ребенка, бѣжавшаго на гору съ цѣлью достать небо и увидѣвшаго, что оно отъ него такъ же далеко, какъ и раньше. Юноши въ родѣ Стрепотова могутъ пожалуй потребовать, чтобы на Невскомъ цѣпли розы, найдутся авторы, которые съ какою-то отеческимъ затаеннымъ восторгомъ будутъ сообщать намъ «мечты» какого-либо «Павлика»,— и, когда тотъ не найдетъ розъ, вдругъ заговорятъ о скептицизмѣ... Какъ все у современныхъ писателей стало дешево: идеалы—ничто иное какъ телячья восторги, а «горькій скептицизмъ»—мимолетная меланхолия ребенка, уставшаго отъ шалостей и капризовъ.

Съ такимъ героемъ г. Станюковичъ не могъ далеко уйти, не могъ даже написать болѣе или менѣе серьезное литературное произведеніе. По временамъ встрѣчаются жѣткія характеристики, во всѣ художественные штрихи тонуть въ какомъ-то приторномъ сиропѣ, можно сказать замываются «дѣтской кашкой», которою авторъ все время кормитъ своихъ читателей при помощи своего героя.

Артистка—романъ иного рода, но, можетъ быть, еще болѣе праздное упражненіе авторскаго досуга, чѣмъ повѣсть г. Станюковича и несомнѣнно болѣе неуцѣлое въ литературномъ отношеніи.

III.

Среди новѣйшей журнальной литературы мы не запомнимъ «сочиненія» болѣе утомительнаго, болѣе длиннаго и въ то же время болѣе безсодержательнаго, чѣмъ романъ г-жи М. Крестовской. Это въ полномъ смыслѣ *вагонный, промежуточный* разговоръ, образцовая эксплуатация человѣческаго слова, совершенно безцѣльная и безъидейная. До сихъ поръ романъ появился въ пяти книжкахъ журнала и его хватить, вѣроятно, до конца года, а содержанія въ немъ нѣтъ и на одну страницу. Требуется

поистиннѣ самоотверженное, профессиональное терпѣніе, чтобы слѣдить за словоохотливостью разболтавшагося автора, при томъ презирающаго самые элементарные законы русской грамоты. Теперь гимназисту не простятъ такой, напр., фразы: «увидѣвъ Чemezova, лицо Ольги оживилось еще больше, и съ тѣмъ быстрымъ, радостнопорывистымъ движеніемъ, которое теперь почти всегда прорывалось у нея при встрѣчахъ съ нимъ, она съ сіяющей улыбкой протянула ему руку»; для автора такого рода языкъ ничего не стоитъ: онъ—писать чисто механически *rouge sauzer un peu...* И этотъ фонтанъ положительно неисчерпаемъ и бьетъ по каждому малѣйшему поводу. И это исключительно зависитъ отъ автора, такъ какъ герой его, по всѣмъ видимостямъ, не долженъ быть болтливъ.

Герой г-жи М. Крестовской совсѣмъ не похожъ на героя г-на Станюковича. Это чиновникъ въ высшихъ, бумажный дѣлецъ, поглощенный прелестями канцеляріи до такой степени, что боится даже жениться изъ страха вкушать ихъ въ меньшемъ количествѣ. Какова внутренняя жизнь у этого «превосходительства», каковы у него идеи, убѣжденія, съ какой цѣлью и въ какомъ настроеніи онъ подписываетъ бумаги—намъ это неизвѣстно. Авторъ за то всѣми силами старается убѣдить насъ въ необычайныхъ канцелярскихъ талантахъ своего героя и говорить о нихъ въ тонѣ благоговѣнія. Чemezovu завидуютъ: его звездѣ замѣчаютъ, при его входѣ начинаютъ шептаться: все какъ слѣдуетъ въ героической обстановкѣ. И все-таки въ результатѣ *человек* нѣтъ. Не смотря на обиліе болтовни, весь романъ, какъ будто, происходитъ въ департаментѣ, если исключить объятія и любовныя исторіи героини—«артистки». Цѣлыя страницы наполнены такими діалогами:

— Ты бы, Архипычъ, затопилъ тутъ каминъ,—сказалъ Чemezovъ, принявшійся было за работу, но вдругъ почувствовавшій, что ему холодно какъ-то, и усталъ онъ, и что вообще ему сегодня будетъ работаться плохо.

— Каминъ?—удивился Архипычъ, не любившій никакого нарушенія развѣведенныхъ порядковъ.

— Ну да, каминъ.

— Да вѣдь сегодня ужъ топили его!—сказалъ онъ, притворяясь, что не понимаетъ того, что баринъ проситъ его протопить второй разъ.

— Ну что-жъ такое, и второй протопить можно; иди-ка, иди, нечего, неси дровъ,—приказалъ Чemezovъ съ легкимъ петербургскимъ чувствомъ, что старикъ, прежде чѣмъ исполнить его желаніе, навѣрное ради экономіи, будетъ мнунуть пять еще возражать, убѣждая его, что и такъ тепло».

Авторъ не раздѣляетъ нетерпѣнія своего героя и продолжаетъ усладительную сцену:

«Архипычъ сердито повернулся и ушелъ, что-то ворча, а Чезезовъ рѣшилъ, прежде чѣмъ сѣсть заниматься, сначала немного отдохнуть на большой турецкой оттоманкѣ, стоявшей какъ разъ напротивъ каминъа подь дѣтскимъ портретомъ.»

— Мнѣ что же, — сказалъ хмуро Архипычъ, возвращаясь съ маленькою охапкою дровъ, которую, боясь попортить полъ, онъ осторожно, слегка дрожащими руками, опустилъ предъ каминомъ: — мнѣ что же, вѣдь мнѣ вашихъ дровъ не жалко и каминъа протопить не трудно, а только ужъ топили сегодня, да и дровъ то и безъ того нынѣшній мѣсяцъ вонъ ужъ третья сажень пошла! По нынѣшнимъ то морозамъ все равно не натопишься, хотъ шесть разъ въ день топи! Только дрова жечь понапрасну будешь!..»

Удивительно, какъ авторъ такъ скоро поставилъ много точекъ: нисколько безбоязненно своихъ умственныхъ способностей, авторъ могъ длить разсужденія Архипыча безъ конца. Правда, онъ ихъ не разъ возобновляетъ, и всегда съ одинаковой надеждой пикогда не кончить.

Раньше чѣмъ начаться настоящему роману, въ произведеніи г-жи Крестовской долго трактуется вопросъ: жениться Чезезову или нѣтъ? Въ интересахъ продолженія разсказа вопросъ, конечно, рѣшается отрицательно и неизвѣстно даже зачѣмъ онъ занялъ цѣлыя восемь главъ. Героиня этого романческаго предисловія — m-ле Мэри — какою-то блѣднымъ силуэтомъ, на которомъ автору нельзя даже изощрять свою словоохотливость. Это единственный случай во всемъ романѣ.

Но за то настоящая героиня, артистка Леонтьева, страницей искушаетъ это невольное молчаніе и десятки страницъ посвящаются тядучему, утомительному пересказу давно всѣмъ извѣстныхъ артистическихъ добродѣтелей и пороковъ. Сама фигура артистки, по словамъ автора, необыкновенно даровитой, банальна до крайней степени.

Замыселъ автора напоминаетъ отчасти женскіе образы Жоржъ Занда, Лукрецію Флоріани въ особенности. Но у г-жи М. Крестовской нѣтъ горячности стиля, глубины чувства и богатства идей, отличающихъ французскаго автора. Вышелъ просто шаблонный снимокъ, лишенный жизненной прелести и страстнаго одушевленія оригинала.

Леонтьева, какъ и подобаетъ артисткѣ, крайне впечатлительна и, слѣдовательно, влюбчива. Нѣсколько десятковъ страницъ заняты разсказомъ объ ея увлеченіяхъ до романа съ Чезезовымъ, и всѣ эти увлеченія ни чуть не выше любой задулистой интриги, хотъ авторъ устами героини стремится идеализировать ихъ всѣми силами при помощи «взаимнаго пониманія», луны, гондолъ, такъ называемой пер-

вой любви и т. п. Интереснѣе всего, конечно, было бы «взаимное пониманіе». Но все равно какъ мы не знаемъ Чезезова — не чиновника, а просто мыслящаго человѣка, для насъ также остается неизвѣстнымъ, что понимать было у Леонтьевой. Она имѣетъ успѣхъ на сценѣ, авторъ аккуратно пишетъ рецензіи объ ея игрѣ, но какими идеями руководится Леонтьева, какъ артистка, мы не знаемъ, потому что весь разсказъ держится на шаблонной, чисто внѣшней болтовнѣ. Авторъ чувствуетъ особенное пристрастіе къ описаніямъ, почти буквально уже нѣсколько разъ представленнымъ у другихъ писателей. Напр., кто только не описывалъ «первой любви», когда «все кажется въ ровномъ ликующемъ свѣтѣ, во все вѣрятъ, на все отзываются, и все такъ ново, такъ интересно, такъ прекрасно!» Сколько разъ намъ приходилось читать объ «этихъ маленькихъ итальянскихъ театрикахъ», и южной публикѣ, живой, страстной, несдержанной и т. д. Даже актриса, поющая въ романѣ г-жи М. Крестовской Травіату, актриса — «некрасивая, высокая, черноволосая», одѣтая «смѣшно и скверно», — но великая артистка, даже эта подробность давно извѣстна изъ воспоминаній одной знаменитой артистки. Вообще, во всемъ, что касается театра, публики, спектаклей, ни одного слова, ни одной идеи не принадлежитъ автору. На всемъ лежитъ отпечатокъ поразительной бѣдности мысли и полнаго отсутствія творчества. На этихъ сотняхъ страницъ не только нельзя прочесть руководящей идеи, нельзя подмѣтить ни одной мысли, освѣщающей человѣческую душу и человѣческія отношенія, способной остановить на себѣ вниманіе. Прѣсный, совершенно нехарактерный вкусъ «романа» вполне подходилъ бы къ сѣрымъ страницамъ какой-либо «иллюстраціи»: въ журналѣ произведеніе это кажется зіяющей пропастью.

Если личная психологія автора ограничивается описаніемъ служебнаго поприща героевъ и повтореніемъ стереотипныхъ фразъ, употребляемыхъ о представителяхъ извѣстной профессіи, ясно, что никакихъ общественныхъ интересовъ въ романѣ не затрогивается. Чезезовъ ишетъ бумаги и дурно себя чувствуетъ въ компаніи актеровъ, актриса играетъ Марію Стюартъ, Катерину и даетъ шумные обѣды: этимъ и ограничивается характеристика «общественныхъ» отношеній героевъ.

IV.

Мы представили два образца *промежуточной* литературы, литературы исключительно словесной, по просту литературной болтовни. Выше мы указали, что, помимо этихъ шаблонныхъ словесныхъ комбинацій въ разговорахъ, ради пикантности, попадаются «анекдотцы» и «происшествія». Болтая нѣсколько часовъ, кто-

нибудь из собеседников вдруг расскажет что-нибудь интересное. «А вот послушайте-ка, что со мной было!» или «а на этот счет существует пренинтересный анекдот»... и т. д. То же самое повторяется и в литературѣ. Помимо авторов — искусныхъ специально по части болтливости, существуют авторы-анекдотисты или чаще тотъ же словоохотливый авторъ расскажетъ къ случаю особенное происшествіе. Оба типа произведеній различны по формѣ и характеру рассказа, но тождественны по внутреннему смыслу: они одинаково лишены психологическаго анализа, какой бы то ни было основной мысли, совершенно не повинны ни въ какой «тенденціозности», безцвѣтны, безцѣльны, ничего не доказываютъ, и ни къ чему не стремятся. О нихъ много говорить не приходится. Мы укажемъ нѣсколько образчиковъ. Они разсѣяны по всѣмъ журналамъ; возьмемъ по одному изъ cadaго.

Въ *Вѣстникѣ Европы*, въ февральской и мартовской книжкахъ, напечатанъ «очеркъ» *Мимочка на водахъ*. Авторъ скрылъ себя подъ буквами М. В.: инкогнито въ такихъ случаяхъ, дѣйствительно, удобнѣе извѣстности. Мимочка, супруга пожилаго генерала «худѣетъ, блѣднѣетъ, скучаетъ» и ѣдетъ на кавказскія воды. Что происходитъ на водахъ со скучающей генеральшей читателю, конечно, извѣстно. Происходить такъ, какъ бывало безчисленное число разъ. Для бывшихъ на водахъ подробности кажутся пикантными и интересными, хотя они въ несравненно лучше видѣ знакомы уже изъ романа Лермонтова. Само «происшествіе» старо, какъ кавказскія воды и десятки такихъ рассказовъ можно ежегодно услышать на любой минеральной группѣ. Зачѣмъ, послѣ этого, попадать ему въ литературу, да еще на страницы солиднаго журнала? Минеральный адюльтеръ полнокровной генеральши — фактъ и не литературный и не психологическій и давно утратилъ свой интересъ, даже какъ пикантный анекдотъ. Нечего и говорить, что «демонъ» Мимочки простой объектъ водянаго похождения и ни для кого, кромя легкомысленной генеральши, не интересенъ. Рядомъ съ демонизмомъ увлекательнымъ для Мимочки, у этого кавалера неисчерпаемый источникъ институтскихъ чаръ. Пастушокъ г. Станюковича можетъ смотреть на мимочкинаго демона, какъ на свой идеалъ. Благодаря глупости Мимочки, ея соблазнитель говоритъ цитатами изъ романовъ и — «стишокъ изъ Мюссе, и стишокъ изъ Фета». Все это дѣйствуетъ неотразимо. Правда, авторъ *Мимочки*, не въ примѣръ г. Станюковичу, проницаетъ надъ своими героями, но эта иронія напоминаетъ тотъ смѣхъ, который у нѣкоторыхъ людей появляется немедленно, только стоитъ показать имъ палецъ. На такомъ уровнѣ настроенія требуется, конечно, и со-

отвѣтствующій языкъ, поэтому героиня у автора «упрекала себя свою вину относительно мужа» и одновременно наносила множество оскорбленій и здравому смыслу и русской грамматики. Остальные персонажи — рамки для Мимочкиныхъ предпріятій, и на нихъ падаетъ отраженіе ея сезонныхъ удовольствій...

Другое происшествіе рассказалъ г. Вас. Немировичъ-Данченко въ *Русской Мысли*. Свой рассказъ *Братъ «единственнаго» сына* авторъ назвалъ — «изъ сказокъ дѣйствительности». Дѣйствительность здѣсь можно бы и не упоминать; это напрасная авторская претензія. Анекдотъ отзывается слишкомъ поддѣльной дѣйствительностью и фантастической правдой. Содержаніе, конечно, крайне не многосложное, но необыкновенно жестокое. Братъ «единственнаго сына» — это незаконный сынъ. Повѣсть его несчастій по истинѣ чудовищна. Презрѣніе въ своей семьѣ, побои у чужихъ, страшная обида отъ брата т.-е. «единственнаго» законнаго сына, отнимающаго у него невѣсту... Мало этого: несчастный все-таки богатѣетъ, спасаетъ своего брата отъ самоубійства, пополняя проигранными имъ казенныя деньги. Въ отвѣтъ на требованіе вернуть эти деньги, отецъ и братъ обвиняютъ его въ подлогѣ векселя, запираютъ въ тюрьму, несчастный кончаетъ сумасшествіемъ... Дѣйствительно цѣлая сказка. Авторъ, принимаясь сочинять свою «сказку», повидимому заранѣе освободился отъ границъ вѣроятнаго. Человѣка обвиняютъ въ подлогѣ, присяжные его оправдываютъ, обвинители все-таки торжествуютъ и въ отвѣтъ на намѣреніе оправданнаго взыскать свои деньги «кто-то» призвалъ его и сказалъ: «Вотъ что, любезный, будь доволенъ тѣмъ, что ты отвергъся отъ суда. Если еще ты у меня посиѣшь, я съ тобой не стану разговоры-разговаривать. Меня провести труднѣе, чѣмъ присяжныхъ». И все это потому, что несчастный былъ... *мѣщанинъ!*.. Вотъ ужъ по истинѣ пишется и дѣлается «по щучьему велѣнью и по автору прошенью».

Читая такой рассказъ, можно подумать, что для г-на Вас. Немировича-Данченко не существуетъ и такого ограниченія, какое полагается даже въ настоящихъ сказкахъ: онѣ признаютъ, что есть вещи, какихъ «ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать». Г. Вас. Немировичъ-Данченко все, что захочетъ, и въ сказкѣ — да еще въ сказкѣ *дѣйствительности* расскажетъ и перомъ опишетъ

Къ числу той же «анекдотической» литературы принадлежитъ и рассказъ г-на Боборыкина *Въ отъздѣ*, напечатанный въ январской и февральской книжкахъ *Сѣвернаго Вѣстника*. Г. Боборыкинъ, конечно, не могъ написать такого до крайности шаблоннаго и пустяковиннаго произведенія, какъ *Мимочка на водахъ* или въ серьезномъ, даже какомъ-то жесткомъ стилѣ изложить литературный *pop sense* въ родѣ

«сказки» г-на Вас. Немировича-Данченко. У г-на Боборыкина много художественных частности, обычная наблюдательность, ясность характеристики и общій интересъ разсказа. Характеръ героини даже не лишенъ оригинальности замысла.

Татьяна Казиміровна—дѣвушка, одаренная необычайно спокойнымъ, холоднымъ темпераментомъ. «Она», говоритъ авторъ, «была по натурѣ и всей своей житейской выправкѣ чрезвычайно цѣломудренна и воображеніемъ чище, чѣмъ любая изъ ея подругъ. Она любила разговоры о чувствахъ, но отвлеченные, съ анализомъ нравственныхъ вопросовъ и положеній, навѣянныхъ литературой, психическими подробностями изъ того или иного произведенія, съ отысканіемъ высшаго моральнаго идеала. Любовь, ни въ видѣ страсти, ни въ видѣ кокетства, почти не коснулась ея.» И не смотря на это она невольно привлекала къ себѣ взоры всѣхъ мужчинъ, и сама знала силу своей вѣншности. Это — равнодушная и въ силу самой природы жестокая красавица. Послѣ самоубійства одного юноши, увлеченнаго ею до безумія, она стала испытывать даже страхъ предъ мужчинами, боясь возбудить въ нихъ противъ своей воли порывъ любви или просто чувственности.

Описанный характеръ могъ бы дать поводъ къ весьма интереснымъ психологическимъ комбинаціямъ, можно бы было, напр., прослѣдить пробужденіе этого жестокаго сердца подъ вліяніемъ собственной страсти, раскрыть волшебную силу любви на этой Діанѣ: вѣдь женское сердце, будь оно чисто и цѣломудренно, рано или поздно подчиняется этой силѣ и съ тѣмъ сильнѣйшимъ порывомъ и страстью, чѣмъ дольше оно молчало и было глухо на призывъ чужаго увлеченія...

Г. Боборыкинъ вмѣсто всего этого воспользовался чисто вѣншной случайностью, крайне неприятнымъ приключеніемъ съ своей героиней. Въ поискахъ за уроками она попала къ нѣкому Гарбузу, рассчитывавшему путемъ публикаціи заручиться хорошенькой «чтицей». На этотъ разъ Гарбузъ ошибся въ расчетахъ: Татьяна Казиміровна, оказалось, совершенно не раздѣляла намѣреній своего хозяина; тогда онъ сдѣлалъ ночью прямое покушеніе на ея честь... Несчастная дѣвушка спаслась въ новую семью, содѣянную съ Гарбузомъ, но и здѣсь ей не суждено было успокоиться. Въ нее влюбился и новый хозяинъ, на этотъ разъ честной искренней любовью.

Вторая половина повѣсти гораздо выше въ литературномъ отношеніи, чѣмъ первая. Въ высшей степени характерно чувство героини къ полюбившему ее—Братцеву. Онъ не въ состояніи пробудить въ ней страсть, чувство настоящей любви, ея женское сердце, по прежнему

безжолвно и равнодушно къ его слезамъ... Но очевидная доброта и глубокая симпатія несчастнаго въ своей семьѣ человека (жена его полу-помишанная сактантка) не можетъ не тронуть *человѣческаго* чувства дѣвушки. «Леонидъ Павловичъ сдѣлался ей симпатиченъ; она не могла не сознаваться въ этомъ; но онъ привлекалъ ее не такъ сильно, чтобы она могла опираться на формальный разрывъ съ женой... И вотъ, на самомъ днѣ души, всплывала особая жалость къ себѣ: «почему Братцевъ не привлекаетъ ее сильнѣе своей личностью, почему наружность его ей не нравится, почему не находитъ она въ себѣ достаточно сильного импульса, чтобы сдѣлать то, къ чему страстно стремятся эти два существа, «обожающія» ее: и отецъ, и дочь—стать его женой и духовной матерью Наташи».—Въ результатѣ Татьяна Казимірова рѣшается покинуть и новое пристанище, готовая «идти на встрѣчу новыхъ соблазновъ и утратъ жизни».

Характеръ героини, несомнѣнно, гораздо интереснѣе и глубже, чѣмъ самый разсказъ и не въ такомъ эпизодическомъ очеркѣ слѣдовало бы явиться этому характеру. Но именно на этомъ характерѣ и сказалась большая литературная сила г. Боборыкина, чѣмъ у авторовъ выше разобранныхъ «происшествій». И этотъ одинъ характеръ, такъ сказать, перерастаетъ самое произведеніе, потому что не вкладывается въ рамки эпизода. Въ этомъ капитальный художественный недостатокъ разсказа.

Въ заключеніе мы считаемъ нужнымъ указать на едва ли не самое любопытное произведеніе въ беллетристикѣ нынѣшняго года. Мы говоримъ о повѣсти г-на Каронина—*Учитель жизни*, занявшей четыре книги *Русской Мысли*—съ января по апрѣль.

V.

Повѣсть г-на Каронина заслуживаетъ вниманія и по характеру главнаго дѣйствующаго лица и по намѣреніямъ автора. Вопросъ тѣмъ интереснѣе, что дѣло касается моднаго въ настоящее время ученія, замѣчательнаго прежде всего своей слѣпой, часто дикой враждой къ мысли, цивилизаціи и нравственной энергіи челоѣческаго духа.

Это ученье въ повѣсти воплощается въ лицѣ купеческаго сына, Чехлова. Особенно интересенъ процессъ, какимъ Чехловъ дошелъ до своего «учительства жизни».

Съ самаго ранняго дѣтства Чехлову суждена была одинокая жизнь. Одиночество развило въ мальчикѣ необыкновенное самолюбіе, наклонность считать себя выше другихъ. Прозрѣніе къ окружающимъ росло вѣстѣ съ годами. Радость жизни вѣстѣ съ людьми умерла съ самаго начала и вѣстѣ съ ней умеръ

всякій живой интерес. Когда пришло время образования, у Чехлова не оказалось интереса и къ наукѣ. Въ его сѣрдцѣ продолжалъ жить развѣдающій скептицизмъ и непримиримое презрѣнье. «Въ основаніи каждой жизни», говоритъ авторъ, «онъ неизмѣнно открывалъ пошлую глупость или совершенную бессмыслицу»... «И къ чему только ни прикасался онъ, все оказывалось пустышъ или отвратительнымъ. Были минуты, когда онъ, съ наслажденьемъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ разрабатывалъ картинну смерти...»

Въ такомъ нравственномъ періодѣ Чехловъ попалъ на «ученіе» и быстро усвоилъ его. Авторъ не объясняетъ, почему Чехловъ такъ легко и даже съ какимъ-то наслажденьемъ набросился на это ученіе. Неясно также и то впечатлѣніе, какое «истины» ученя произвели на Чехлова. Это капитальный пунктъ повѣсти, уже потому что связь всякаго нравственного ученя съ личностью — неразрывна, личность и ученіе только и могутъ быть объяснены взаимно, при помощи другъ друга. Поэтому всегда въ высшей степени важно уяснить, почему извѣстный человекъ усвоилъ именно такой нравственный взглядъ, а не иной и при этомъ читателю должно быть ясно непреодолимое тяготѣніе личности къ такой а не иной идеѣ. У г. Каронина это совершенно упущено изъ виду и авторъ самъ лишилъ насъ возможности сдѣлать весьма важные выводы относительно «учительства» Чехлова: можно думать, что авторъ случайно навазвалъ его своему герою, чтобы выразить свое личное отношеніе къ извѣстному направленію мысли. Г. Каронинъ слѣдующимъ образомъ описываетъ вліяніе «ученя» на своего героя: «Ученіе не вліялось для него въ видѣ солнечнаго луча, освѣтившаго ночь, и не сдѣлало его умственнѣе богаче; читая и обдумывая его, онъ не испытывалъ ни восторга, даваемого истиной, ни любви, доставляемой милымъ, дорогимъ предметомъ,—нѣтъ, онъ почувствовалъ въ себѣ только приливъ самоувѣренности и безстрашія передъ жизнью, которая была до сихъ поръ темна и холодна, такую она и послѣ того осталась у него, только теперь онъ запасся на всякій случай крѣпкимъ внушительнымъ оружіемъ». Весьма неясно все это разсужденіе. Зачѣмъ Чехлову какое-бы то ни было оружіе; кто все презираетъ, тому не-за-что и не съ-кѣмъ бороться. А самоувѣренности и безстрашія у такого человекъ и безъ всякаго «ученя» достаточно: «ученіе», напротивъ, только стѣсняетъ, налагаетъ часто бремя неудобноносимое, такъ какъ обязываетъ защищать извѣстныя идеи, пропагандировать ихъ. Чехловъ, по всему складу своей натуры, необыкновенно чертовой и эгоистической, по всему ходу своей жизни, обособленной и замкнутой въ себѣ,

повидимому совершенно не былъ предназначенъ ни для одной изъ ролей, вызываемыхъ «ученьемъ». Авторъ всѣхъ этихъ недоумѣній, очевидно, и не подозреваетъ.

Вскорѣ мы узнаемъ, въ чемъ состоитъ «ученіе» Чехлова, узнаемъ и его способъ пропаганды. Чехловъ ратуетъ за правду и любовь, т.-е. за то, во что онъ или не вѣритъ или не носитъ въ самомъ себѣ. Ратоборство выходитъ презрительное, надменное, оскорбительное для слушателей. На первый разъ Чехловъ обличаетъ ложь тѣхъ, кто увѣряетъ, будто они смотрятъ на прислугу, какъ на людей себѣ равныхъ. Чехлову ничего не стоитъ доказать, что это равенство совершенно призрачно, такъ какъ иначе на свѣтѣ не было бы ни господъ, ни слугъ, ни людей, пользующихся культурной жизнью, ни такихъ, которымъ доступна только жизнь кухни и лакейской. Чехловъ съ перваго же раза раскрываетъ, въ чемъ его сила: это обыкновенно отважный софистъ, прибѣгающій для подтвержденія софизмовъ къ лиризму въ библейско-пророческомъ тонѣ. На первый случай Чехловъ, незамѣтно для слушателей, смѣшалъ совершенно два различныхъ понятія: общечеловѣческое равенство и общественное. Для перваго достаточно родиться «животнымъ двуногимъ и безперымъ», для втораго требуется усвоеніе житейскаго и духовнаго уровня тѣхъ людей, съ которыми хотятъ быть равными. Что-нибудь изъ двухъ—или надо отрицать человѣческое общество или отвергать безусловное равенство, равенство только потому, что «всѣ мы дѣти одного Отца небеснаго». Эта истина превосходна въ *личныхъ* отношеніяхъ, въ вопросахъ личной гуманности и терпимости, но непримѣнима къ общественнымъ отношеніямъ, иначе человѣчеству придется снизоидти до уровня той же кухарки, за безусловное равенство съ которой ратуетъ Чехловъ.

Софизмовъ Чехлова, какъ это чаще всего бываетъ, слушатели не замѣтили, и подвиги Чехлова продолжаютъ въ томъ же направленіи: диалектика смѣняется библейской проповѣдью, хитросплетенная сѣтъ софизмовъ и недоразумѣній неизмѣнно оканчивается запальчивыми возгласами, направленными болѣе всего противъ науки. Чехловъ забылъ, что онъ слишкомъ мало учился и еще меньше зналъ, но это не мѣшаетъ ему топтать въ грязь то, о чемъ онъ даже и не слышалъ и что услышавши, можетъ быть, не понялъ бы. Но вдругъ послѣдовалъ ударъ, откуда Чехловъ менѣе всего ожидалъ. Его нанесла женщина, идеалистка въ ранней молодости, попавшая къ мужу—пошлаку и, наконецъ, совершенно ушедшая въ самое-себя послѣ потери единственнаго сына. Вотъ эта — то задумчивая, сосредоточенная Александра Яковлевна и сразила «учителя жизни».

Рядомъ искусныхъ вопросовъ она довела его

до сознанія, что Чехловъ всѣми своими силами и въ томъ числѣ своимъ ученіемъ обязанъ именно тому самому просвѣщенію, на которое онъ нападаетъ съ такой свирѣпостью. Вѣдь если бы Чехловъ остался при отцѣ торговать бревнами и послѣ его смерти продолжалъ то же самое, а главное, если бы у Чехлова не оказалось другими нажитыхъ средствъ и возможности оторваться отъ своей примитивной семьи, то, конечно, въ лицѣ его никогда бы не явился «учитель жизни». Александра Яковлевна свой ударъ довершила слѣдующими словами:

— Знаете, Денисъ Петровичъ... одному вашему единомышленнику я сказала, что онъ напоминаетъ то благодарное существо, которое, вдоволь накушавшись плодовъ прекраснаго дерева, отъ бездѣля вздумало подкапывать его корни... «Но если бы вверхъ могла поднять ты рыло, тебѣ бы видно было...», сказала я ему. Но теперь я не отказалась бы отъ удовольствія повторить это вамъ».

Замѣчаніе поразительно вѣрное и для „учителя жизни“ смертоносное. Чехлову уже не приходилось болѣе торжествовать и наслаждаться разрушительной силой своихъ софизмовъ: оставалось только влюбиться въ своего страшнаго противника,—и Чехловъ изъ „учителя жизни“ довольно легко и просто превратился въ жертву Александры Яковлевны. Это—совершенно естественно. Гдѣ нѣтъ глубокихъ, искреннихъ, а главное идейныхъ убѣжденій, воспитанныхъ личной мучительной думой, гдѣ только звучитъ жесткій голось эгоизма и тщеславія, тамъ нѣтъ настоящей нравственной силы ни въ какой проповѣди, какими бы самоувѣренными и пророческими тонами она ни звучала. И именно, такіе проповѣдники, строящіе свою пророческую роль на чужой слѣпотѣ и личной отвагѣ, теряютъ силу, превращаются въ ничто при первомъ энергическомъ отпорѣ. Нравственное ничтожество и умственное безсліе раскрываются тогда съ полной ясностью. Итакъ, авторъ здѣсь правъ: „разгромъ“ самого Чехлова долженъ былъ начаться именно съ увлеченія женщиной, съ факта, болѣе всего противорѣчащаго его „ученію“. Но насколько дѣло идетъ о самой женщинѣ, авторъ снова оставляетъ насъ въ сильномъ недоумѣніи.

Александра Яковлевна до встрѣчи съ Чехловымъ переживала минуты душевнаго упадка и малодушія. Прослушавши его проповѣди, она преобразилась. Авторъ рассказываетъ: „Оставшись одна, Александра Яковлевна растворила всѣ окна и долго сидѣла одна въ темнотѣ. И ей не хотѣлось спать. Она переживала настроеніе глубокаго счастья. Случайно сказанныя слова случайнаго гостя (т.-е. Чехлова) стали источникомъ вневпаднаго воскресенія ея мужества и увѣренности въ своей правотѣ“... „И вотъ теперь воскресло ея мужество. Радость, изум-

леніе и гордость наполнили ея подавленное сердце, давно уже не бывшее такъ быстро“... Откуда все это? Вѣдь Александра Яковлевна какъ нельзя лучше понимала пустозвонство Чехлова,—и вдругъ преобразование, мужество и восторгъ!... Къ психологическимъ открытіямъ г-на Каронина надо писать цѣлыя комментаріи, какъ къ настоящему откровенію. Выходятъ своего рода авторскіе капризы, Богъ вѣсть, отчего возникающіе и какой смыслъ имѣющіе. Можно продѣлывать всякіе душевные salti mortali съ людьми завѣдомо психопатическими, а у г-на Каронина всѣ герои въ полной памяти. Метаморфоза Александры Яковлевны—весьма неудачный психологически туманный эпизодъ, за то исторія Чехлова развивается съ безукоризненной правдой.

Ясно, что острый, развѣдающій умъ „учителя“ предъ лицомъ увлекшей его женщины окажется „не только тупымъ, но и бесполезнымъ“, и даже учительство для него утратитъ смыслъ. Начались обычныя муки влюбленнаго, пророкъ превратился въ самаго скромнаго, запуганнаго кавалера, совершенно безсильнаго, непригоднаго къ своей прежней роли. Онъ теперь безнаказанно позволяетъ поучать себя даже слабоумнымъ пошлякамъ, въ родѣ мужа Александры Яковлевны. А между тѣмъ сама Александра Яковлевна продолжаетъ безжалостно разбивать „учительство“ Чехлова. Между прочимъ она ему разъясняетъ оказавшуюся для него новою истину, что его „ученіе только для богатыхъ“.

— Да, вѣдь, только богатому и праздному легко исполнить какую угодно фантазію. Только богатый, почувствовавъ отвращеніе къ рабчикамъ, можетъ вдругъ воспылать желаніемъ кушать кашу съ постнымъ масломъ, или любовью къ лаптямъ! Всѣ ваши мысли направлены на то, чтобы помочь богатому, потерявшему отъ пресыщенія всякій вкусъ къ жизни, возобновить свои жизненные аппетиты. А бѣдному вы не имѣете права сказать, что бѣдному и убогому легко и просто выполнить ваше ученіе. Чему вы его будете учить? Чтобы онъ ѣлъ кашу, а не рябчика? Но онъ ее одну только и ѣсть. Или чтобы онъ сдѣлался въ вашемъ смыслѣ разумнымъ и совершеннымъ? Но у кого каждый день судорожная погоня за кускомъ хлѣба, тотъ не имѣетъ силъ быть чистымъ, разумнымъ, совершеннымъ. А если вы, все-таки, требуете отъ него совершенства, то какъ же вамъ не стыдно?»

Далѣе Александра Яковлевна доказываетъ Чехлову, что его ученіе состоитъ изъ заплатъ, взятыхъ со всѣхъ сторонъ, и что оно лишено объединяющей идеи.

Вскорѣ судьба убѣдительно даже Александры Яковлевны доказала до какой степени вообще были слабы идеи у Чехлова. Банкъ, гдѣ

лежалъ капиталъ Чехлова, лопнулъ, и «учителю жизни» теперь представлялся превосходный случай показать дѣйствительную практическую силу своего учительства. Въ результатѣ оказалось нѣчто совершенно обратное и въ высшей степени жалкое. Чехловъ утратилъ способность владѣть собой и вмѣстѣ съ тѣмъ вдругъ просвѣтлѣлъ: исчезли софизмы, библейскій тонъ, пророкъ превратился въ жалкаго тунеядца, незнающаго что дѣлать безъ отцовскаго достоинства. Онъ ѣдетъ на поклонъ къ братьямъ и внезапно заболѣваетъ лихорадкой. Крайне перепуганному учителю эта простая болѣзнь кажется смертельной, страшный ужасъ овладѣваетъ имъ...

Все мельче и ничтожнѣе является передъ нами этотъ малеванный «учитель жизни», недостойный даже считаться сколько-нибудь сноснымъ ученикомъ ея. Авторъ заставляетъ его, наконецъ спросить у себя: «Что же такое жизнь?»— это довольно неожиданный и слишкомъ громкій для Чехлова вопросъ. Закоренѣлый эгоистъ, ни разу въ жизни не ощутившій интереса ни къ людямъ, ни къ идеѣ, врядъ ли искренно могъ задать такой вопросъ. Слишкомъ тяжелое бремя пошлости и нравственнаго безсилія душило природу «учителя», и въ концѣ своей карьеры— сначала развратника-эгоиста, потомъ пророка-лицеѣра, онъ представляется намъ въ видѣ мертваго, совершенно поконченнаго коптителя неба, не задающаго никакихъ высокихъ вопросовъ и еще менѣе способнаго отвѣчать на нихъ.

Мы видѣли, у автора не мало весьма искусныхъ моментовъ истиннаго освѣщенія «учительства» Чехлова, смысла его идей и направленія. Нѣтъ сомнѣнй, что носителемъ этихъ идей могъ явиться такой эгоистъ и въ глубинѣ души ничтожный лицеѣръ, какимъ показанъ Чехловъ. Внутреннее сродство «ученія» и «учителя» существуетъ, и достойно сожалѣнья, что это сродство не раскрыто авторомъ въ художественной формѣ. Неясны также мотивы внезапной критики прорицаній Чехлова со стороны Александры Яковлевны. Вообще чисто-литературная и художественная сторона разсказа довольно слаба. Интересу разсказа вредитъ отсутствіе у автора способности къ яркимъ, полнымъ и въ тоже время изящнымъ изображеніямъ дѣйствительности. Приемы повѣствованія и характеристикъ грубы, они напоминаютъ живопись школы такъ называемыхъ «импрессионистовъ». Но внутреннее значеніе разсказа не подлежитъ сомнѣнью. Среди многихъ мѣткихъ мыслей аллегорія о неблагодарномъ животномъ, наѣвшемся желудей, остается едва ли не самымъ сильнымъ отвѣтомъ на софизмы современныхъ пророковъ, драпирующихся въ лохмотья исключительно ради наибольшаго эффекта своей случайной, чисто внѣшней роли. Если изъ-подъ рванаго плаща Диогена виднѣлись тщеславіе и гордость—за пророческой

той Чехловыхъ скрываются обманъ и возмутительное кривляніе, сознательно расчитанные на людскую простоту и падеость ко всему, выходящему изъ ряда обычныхъ явленій здраваго смысла. Къ сожалѣнью, маскарадъ этотъ увлекаетъ часто людей, гораздо болѣе достойныхъ, чѣмъ Чехловы и ведетъ къ гораздо болѣе печальнымъ явленіямъ, чѣмъ припадки малодушія и трусости. Поруганная мысль и разумъ истаютъ за себя разрушеніемъ всей нравственной природы челоуѣка, отчаянемъ и холодомъ смерти. Переураженному пророку все сходитъ съ рукъ: ему нечего терять и нечѣмъ платить; ему ничего не стоитъ снять ланги и лохмотья и надѣть модный костюмъ, перестать ѣсть кашу и приняться за соусы, прекратить пѣшую ходьбу и сѣсть въ вагонъ перваго класса, продолжать проповѣдь аскетизма и здѣсь же нарушать ее самымъ реальнымъ образомъ. Иное дѣло съ «малыми», соблазненными имъ, повѣрившими серьезно его капризной затѣѣ, въ проповѣди избалованной и пресыщенной фантазіи увидѣвшими откровеніе свыше.

15-го іюля нынѣшняго года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня смерти Лермонтова. Всѣ органы нашей печати, за исключеніемъ, впрочемъ, *Вѣстника Европы*, посвятили этой годовщинѣ множество статей, стихотвореній, замѣтокъ. Лермонтовъ въ теченіе всей жизни убѣждался, что онъ—вѣчная жертва всякихъ недоразумѣній, что люди постоянно склонны видѣть въ немъ совсѣмъ другаго челоуѣка, чѣмъ какой былъ въ дѣйствительности. Правда, поэтъ самъ лично способствовалъ этимъ заблужденіямъ современниковъ и часто сознательно скрывалъ отъ нихъ свой духовный міръ. Но этотъ приемъ могъ имѣть успѣхъ только при жизни поэта: послѣ его смерти всѣ могли спокойно и безпристрастно вчитываться въ его произведенія и, не смущаясь случайной маской, искать въ нихъ истиннаго смысла. Но такова уже судьба поэта: кривотолки не прекратились и послѣ его смерти. Мы говоримъ, конечно, о такихъ извращеніяхъ, которыя бросаются въ глаза съ перваго раза, кажутся непримиримыми съ самой *идеѣй Лермонтова*. Князю Васильчикову принадлежитъ единственное печатное свидѣтельство о смерти поэта и авторъ этого документа употребилъ всѣ усилія доказать естественность и законность страшной кончины Лермонтова: поэтъ, неминуемо, долженъ былъ погибнуть отъ чьей-либо руки, не Мартынова, такъ другаго. До такой степени невыносима была самая личность Лермонтова.

Прошло пятьдесятъ лѣтъ, — и вотъ появляется *критика поэзіи* Лермонтова, которая по своей «оригинальности», можетъ быть поставлена развѣ только рядомъ съ обвинительнымъ актомъ князя Васильчикова относительно муч-

ности поэта. Мы говоримъ о статьѣ *Грусть*, напечатанной въ июльской книжкѣ «Русской мысли» за подписью К.

Любопытно прежде всего общее впечатлѣніе статьи: авторъ, очевидно, крайне доволенъ своей идеей, онъ, не отрываясь, любитъ ея и гораздо болѣе заинтересованъ въ подборѣ разныхъ словечекъ, эффектно украшающихъ ее, чѣмъ серьезныхъ доказательствъ. Въ общемъ выходитъ какой-то причудливый капризъ, вродѣ затѣйливой византійской миниатюры, а не продуманная во всѣхъ подробностяхъ идейная картина. Смыслъ этой миниатюры такой: Лермонтовъ — единственный русскій поэтъ, полнѣе всего выразившій русское національное міросозерцаніе, заключающееся въ словахъ молитвы *Да будетъ воля Твоя*. А слова эти, по мнѣнію автора, выражаютъ ни болѣе, ни менѣе какъ «практическую русско-христіанскую грусть». Отсюда — заглавіе статьи, и лермонтовскій вопросъ можетъ считаться поконченнымъ, тѣмъ болѣе что авторъ ссылается на такое въ этомъ вопросѣ компетентное свидѣтельство, какъ письмо царя Алексѣя Михайловича къ одному московскому боярину, гдѣ царь по поводу семейнаго горя боярина совѣтуетъ послѣднему «прослезиться», но «въ иѣру», «чтобъ Бога напаче не прогнѣвать». Лермонтовъ, по мнѣнію автора, всю жизнь только и дѣлалъ, что по ступалъ по совѣту московскаго царя XVII вѣка...

Мысль весьма любопытная, но какъ она доказана? Прежде всего, по словамъ самого автора, выходитъ, что Лермонтову не о чемъ было лить слезы даже и по благоразумному рецепту Алексѣя Михайловича. «На какихъ развалинахъ сидѣлъ Лермонтовъ?» спрашиваетъ авторъ, — «какой разрушенный Іерусалимъ онъ оплакивалъ? Ни на какихъ и никакого», слѣдуетъ категорическій отвѣтъ. А нѣсколько ниже слѣдуетъ и поясненіе вполне, повидимому, притворныхъ и лицемѣрныхъ слезъ Лермонтова. „До конца своего недолгаго поприща“, говоритъ г. К., „не могъ онъ освободиться отъ привычки кутаться въ свою нарядную печаль, выставлять своей душевныхъ ранъ, притомъ, напускныхъ или декоративныхъ, трагически демонизировать свою личность, — словомъ, казаться лейбъ-гвардія гусарскимъ Мефистофелемъ“. Последній узоръ въ этомъ рисункѣ совершенно не кстати: Мефистофелю, какъ извѣстно, вовсе не свойственна печаль, какая бы то ни было. Этотъ „всеотрицающій духъ“ умѣлъ только насмѣхаться, и неизвѣстно, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ г. К. подиѣтилъ на его лицѣ слезы. Очевидно, Лермонтовъ, по возрѣнію автора, привыкъ играть роль съ дѣтства. И именнo *только на роль* онъ и былъ способенъ. У Лермонтова, увѣряетъ г. К., не могло быть серьезныхъ общественныхъ стремленій. „Во имя

чего возсталъ бы Лермонтовъ“, спрашиваетъ авторъ, — „противъ порядковъ, нравовъ и понятій современнаго общества, во имя какихъ правилъ и идеаловъ? Ни вокругъ себя, ни въ себѣ самомъ не находилъ онъ элементовъ, изъ которыхъ можно было бы составить такія правила и идеалы“... Авторъ видитъ въ жизни Лермонтова только „призрачныя впечатлѣнія“, навѣявшія уныніе и печаль, „мечтательныя страданія“, „изысканно-тонкія чувства“ и т. п. Находя возможнымъ призывать на помощь авторитетъ Алексѣя Михайловича, г. К. не считаетъ нужнымъ справиться съ біографіей поэта, котораго упорно обвиняетъ въ притворствѣ, безидейности, празднои мечтательности, какъ результатъ барскаго тунеядства. Именно этии тунеядствомъ объясняетъ г. К. „равную возбужденность чувства“ у Лермонтова и крайне напряженную личную жизнь. Неужели г-ну К. неизвѣстны исключительное дѣтство и юность поэта, наполненная удручающей семейной драмой?... Все это совершенно освобождало Лермонтова отъ необходимости заимствовать извнѣ трагической костюмъ и маску, Мефистофеля“ Но разъ авторъ, очевидно, рѣшилъ игнорировать факты, — тогда въ области идей онъ долженъ быть логичнымъ и притомъ идей, измышленныхъ имъ самимъ. Но и этого вѣтъ. Совершенно непонятно, какъ легкомысленный, задрапированный въ чужой костюмъ юноша могъ дойти на 27-мъ году жизни до самоотверженнаго настроенія такъ называемой „практической русско-христіанской грусти“. Вѣдь для этого слишкомъ много надо пережить не по „призрачнымъ впечатлѣніямъ“, перенести не одни „мечтательныя страданія“. Иначе и молитва *Да будетъ воля Твоя* будетъ дерзкимъ лицемѣріемъ, легкомысленнымъ лепетомъ. У того боярина, которому Алексѣй Михайловичъ совѣтовалъ „прослезиться въ иѣру“ было семейное горе, а вѣдь Лермонтову, по мнѣнію автора, въ сущности нечего было оплакивать, даже не къ чему было стремиться: никакихъ идеаловъ Лермонтовъ не зналъ.

Слѣдовательно, процессъ духовнаго развитія поэта у г. К. представленъ въ двухъ совершенно непримиримыхъ стадіяхъ и это потому, что авторъ до такой степени увлекся своимъ *капризомъ*, что предоставилъ своей мысли работать надъ Лермонтовымъ съ полнымъ своеволіемъ, какъ надъ своего рода *reau humaine*, лишенной способности чувствовать и страдать.

Но каковъ смыслъ самой идеи г-на К., той *русской грусти*, какую онъ открылъ у Лермонтова? Не смотря на цитату изъ письма Алексѣя Михайловича, мы должны признать, что грусть Лермонтова на столько же русская, на сколько и англійская, французская, нѣмецкая — какая угодно. Добролюбовъ замѣтилъ, что русскіе поэты вообще кончаютъ «грустью»; критикъ могъ это распространить вообще на всѣхъ

поэтовъ, такъ именно и поступилъ англійскій поэтъ Вотсвортъ. Г. К. совершенно напрасно пишетъ цѣлый психологическій трактатъ о скорби и грусти, специально въ русскомъ направленіи. Грусть выражалась у всякихъ поэтовъ не только одинаково, но даже въ однихъ и тѣхъ же словахъ, и никому въ голову не приходило видѣть въ этомъ настроеніи что-то специфически - національное. И эта грусть всегда имѣла именно тотъ смыслъ, какой г. К. видитъ у Лермонтова: это не восточный фатализмъ, но она также можетъ быть охарактеризована словами *Да будетъ воля Твоя*. Возвѣмъ для примѣра двухъ, совершенно различныхъ по духу писателей, разныхъ эпохъ, національностей, и которыхъ никакимъ образомъ нельзя заподозрить въ «русско-христіанской грусти». Мы говоримъ о Шекспирѣ и Вольтерѣ. И надо замѣтить, что оба они совершенно непохожи на Лермонтова. Между всѣми тремя — единственная общая черта: глубокой нравственный опытъ, широкое развитіе пониманія жизни. Г. К. говоритъ о Лермонтовѣ: «Онъ переставалъ волноваться и скорбѣть о своей «пустынной душѣ», опустошенной «бурями рока», и по-немногу населялъ ее мирными мелодіями и чувствами. Наскучивъ бурями природы и страстей, онъ начиналъ любить

Путру ясную погоду,
Подъ вечеръ тихій разговоръ.

Прежде всего, если бы г. К. внимательнѣе вчитался въ произведенія Лермонтова, онъ не могъ бы высказать о русскомъ поэтѣ только что приведенную мысль въ такой безусловной формѣ, какъ онъ это дѣлаетъ. Лермонтова *одинаково всю жизнь* восхищали и «бури» и «ясная погода». Въ одной изъ неоконченныхъ повѣстей описываются дѣтскія впечатлѣнія ея героя, Саша Арбенина, т. е. самого автора. «Шести лѣтъ», рассказывается здѣсь, «онъ заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку. Ему хотѣлось, чтобы кто-нибудь его приласкалъ, поцѣловалъ, приголубилъ». Развѣ это мечты не о *тихомъ разговорѣ*? Шестнадцать лѣтъ поэтъ любилъ рисовать идиллическія картины семейнаго или одинокаго счастья (*Элеія* 1830 года. *Небо и звезды* 1831 г. и ин. др.). Въ стихотвореніи *Желаніе* (Отворите мнѣ темницу) Лермонтовъ совершенно ясно и полно представилъ двойное влеченіе своего поэтическаго гения: то онъ хочетъ потѣшиться

въ буйномъ спорѣ
Съ дикой прихотью пучинъ,

то грезить о блаженномъ снѣ «въ мечтаньяхъ рая». Что касается «бурнаго» настроенія въ послѣднее время творчества, оно превосходно

характеризуется знаменитымъ стихотвореніемъ, написаннымъ въ самый годъ смерти поэта:

Я не хочу, чтобъ соть узнала.

Стихотвореніе оканчивается строками, съ обычной лермонтовской энергіей говорящими о «буряхъ природы и страстей»:

Укорь невѣждъ, укорь людей
Души высокой не печалить;
Пускай шумитъ волна морей—
Утесъ гранитный не повалить.
Его чело межъ облаковъ;
Онъ двухъ стихій жилецъ угрюмый,
И, кромѣ бури да громовъ,
Онъ никому не вѣрять думы...

Очевидно, что поэтомъ далеко не безусловно овладѣли мечты только о «ясной погодѣ» и «тихомъ разговорѣ». Поэтъ, можетъ-быть, и пришелъ бы къ этимъ мечтамъ, но смерть его застигла гораздо раньше. Мечты о покоѣ увлекли его, но изъ глубины «мятежнаго духа» возставали еще старинные могучіе образы, неудержимое «исканіе бури»... Г. К. увидѣлъ только одну сторону въ душевной жизни поэта, и ее истолковалъ совершенно превратно, приписавъ Лермонтову извѣстное настроеніе, какъ своего рода національное отличіе. Мы говоримъ, что это настроеніе одинаково принадлежитъ весьма многимъ поэтамъ различныхъ литературъ. Для примѣра мы взяли двухъ, менѣе всего похожихъ другъ на друга, — писателей.

Шекспиръ, авторъ страстныхъ драмъ, самъ прошедшій путь страданій Ромео, Гамлета — кончаетъ *Бурей*, мечтательною идилліей тихаго счастья семейной любви, исполненной мира и ясности. Порывы Ромео и муки Джульетты перешли теперь въ «тихий разговоръ» Фердинанда и Миранды.

Далѣе, г. К. ссылается на *резиньяцію* Лермонтова, похожую внѣшней формой на фатализмъ. И г. К. могъ наилучшую характеристику этой *резиньяціи* привести изъ стихотворенія *Валерикъ*: тамъ поэтъ даже проводитъ свое настроеніе въ связь съ «ученіемъ пророка». У Шекспира то же самое выражено въ нѣсколькихъ въ высшей степени характерныхъ словахъ Гамлета:

There's a divinity that shapes our ends,
Rough-hew them we will *).

замѣчательно, что въ первой, *молодой* редакціи *Гамлета* этихъ словъ нѣтъ: у юнаго поэта, очевидно, не было еще соответствующаго настроенія.

Вольтеръ, ничего общаго не имѣющій съ Шекспиромъ, ни по складу ума, ни по нравственному міросозерданію, и — что важнѣе всего, жив-

*) Есть божество, ведущее насъ къ цѣли;
Какой бы путь ни избирали мы...

(Въ переводѣ Кронеберга.)

шій въ наиболѣе оживленную эпоху европейской культуры и самъ внесшій въ нее главнѣйшія сѣмена оживленія, — прошелъ тотъ же путь міросозерцанія, какъ Шекспиръ. Его романъ, представляющій длинную цѣпь всевозможныхъ тревоженій, заканчивается такою моралью, вложенной въ уста одного изъ героев: *il faut cultiver notre jardin... Travaillons sans raisonner, c'est le seul moyen de rendre la vie supportable...* Это—идея Шекспировской «Бури» и Лермонтовскаго «тихаго разговора». А вотъ «резиньяція». Въ концѣ поэмы «Sur le désastre de Lisbonne» находятса слѣдующія строки:

„Un jour tout sera bien“, voilà notre espérance
 „Tout est bien aujourd'hui“, voilà l'illusion.
 Les sages me trompaient, et Dieu seul a raison.
 Humble dans mes soupirs, soumis dans ma souffrance,
 Le ne m'élève point contre la Providence.

Слѣдовательно, *крусть* и самоотверженное убѣжденіе *да будетъ воля Твоя* вовсе не достоиніе одного Лермонтова. «Entbehren sollst du» — весьма часто неизмѣнно начинало звучать съ теченіемъ времени надъ тѣми, кто вдумывался въ смыслъ человѣческаго существованія и чутко отзывался на земныя страданія. И это настроеніе — песимистическое доказательство искренности нравственной жизни, ея силы, а у Лермонтова, кромѣ того — и необычайной энергіи ея развитія. Г. К. просмотрѣлъ это значеніе *резиньяціи* вообще и для Лермонтова въ особенности и подвергъ личность поэта и его настроеніе совершенно произвольному, фантастическому толкованію.

Что касается вопроса объ идеалахъ Лермонтова и вообще идеализма поэта, г. К. могъ познакомиться съ ними на каждой страницѣ произведеній Лермонтова. Онъ ссылается на стихотвореніе *Думу*: если бы онъ отнесся къ нему внимательнѣе, чѣмъ къ своей *idée fixe*, онъ увидѣлъ бы, во имя чего Лермонтовъ могъ возстать «противъ порядковъ, нравовъ и понятій современнаго общества». Кромѣ того, отнюдь не слѣдуетъ думать, что увлеченіе Кавказомъ, неизмѣнное въ теченіе всей жизни поэта, было только эстетическимъ восторгомъ предъ Казбекомъ и Дарьяльскимъ ущельемъ. Поэтъ самъ многократно пояснял свой восторгъ, г. К. ни слова не говоритъ объ этомъ, а между тѣмъ интересно было бы знать, за что, по мнѣнію г-на К., Лермонтова не переносили въ петербургскихъ сферахъ, ненавидели въ московскихъ гостинныхъ, слѣдившихъ за благоденствіемъ отечества, смерть его привѣтствовали, какъ своего рода избавленіе?... Письмо Алексѣя Михайловича, конечно, документъ интересный, но врядъ ли «тишайшій» царь Московскій и ав-

торъ *Думы* и стиховъ *На смерть Пушкина* появили бы другъ друга...

Намъ остается отиѣтить нѣсколько произведеній беллетристическаго и критическаго содержанія, вышедшихъ отдѣльными книгами. Мы ограничимся лишь тѣми, которыя заслуживаютъ вниманія или своими достоинствами или поражаютъ неожиданными качествами до такой степени, что проникновеніе ихъ въ среду читателей можетъ считаться безусловно нежелательнымъ и прискорбнымъ фактомъ.

VI.

Въ области оригинальной беллетристики прежде всего остановимся на книгѣ, принадлежащей автору — не новичку въ литературѣ, но, по нашему мнѣнію, только въ недавно появившейся книгѣ выказавшему симпатичныя стороны своего дарованія. Мы говоримъ о повѣсти г. Влад. Немировича-Данченко — *На литературныхъ хмбахъ*. Ни одно изъ журнальныхъ произведеній нынѣшняго года не доставило намъ такого чисто-литературнаго удовольствія, какъ эта простая, но тѣмъ болѣе интересная исторія. Содержаніе ея — не сложно: дѣло идетъ о любви начинающаго писателя къ молодой женщинѣ, разведенной съ мужемъ и служащей, въ эпоху разсказываемыхъ событій, кассиршей въ одномъ изъ московскихъ магазиновъ. Довольно объемистая книга разсказываетъ сначала о знакомствѣ молодыхъ людей, потомъ объ ихъ совѣстномъ житѣи, шагъ за шагомъ рисуетъ ихъ взаимныя отношенія. Герой и героиня, и особенно послѣдняя, не отличаются никакими романтическими доблестями, люди самые обыкновенные, а между тѣмъ разсказъ положительно увлекателенъ и богатъ содержаніемъ: такъ скльно обаяніе жизненной правды и авторской искренности. У автора нѣтъ длинныхъ психологическихъ разсужденій, онъ совсѣмъ не навязываетъ читателю характеровъ и настроеній своихъ героевъ. Онъ только наблюдаетъ ихъ и передаетъ читателю ихъ слова, взгляды, дѣйствія, — и картина получается ясная, характерная и въ то же время эстетическая. Напр., слѣдующимъ образомъ авторъ описываетъ первое знакомство своихъ героевъ:

«Если бы Алмазовъ могъ въ этотъ вечеръ различить въ Кравцовой ея истинныя стремленія отъ призрачныхъ, увидѣть въ ней не то, что ему хотѣлось встрѣтить, а то, что было на самомъ дѣлѣ! Если бы часы одиночества не развили въ немъ способности къ излишней идеализаціи! Если бы одна теорія могла научить разбираться въ обиходныхъ житейскихъ столкновеніяхъ!

«Онъ былъ нетронутъ, угловатыя движенія его фигуры дышали чистотой и какой-то дѣвственностью, — она уже прожила первую молодость и хорошо знала жизнь. Все что Алма-

зовъ искренно считалъ ничтожнымъ, составляло ея интересы. Онъ съ жадностью молодой крови смотрѣлъ на ея красивый бюстъ, круглую бѣлую шею, открытыя руки въ широкихъ рукавахъ капота. Его волновала именно женщина 27 лѣтъ, какъ не могла бы взволновать дѣвушка со всей чистотой и ясностью своего взгляда. Каждую минуту онъ способенъ былъ безраздѣльно отдаться порыву. Кравцова же разсматривала его съ спокойствіемъ и расчетливостью опытнаго человѣка. Онъ искалъ въ ней исхода своихъ желаній. Если бы онъ заглянулъ въ эти минуты въ будущее, то, положи руку на сердце, сказалъ бы, что она не нужна ему потому, какъ спутникъ его повседневной жизни, въ его работахъ. Она же, напротивъ, могла безстрастно отвѣтить его порывамъ, но за это купить его одиночество».

Здѣсь каждое слово правдиво и строго выдержано въ теченіе всей повѣсти. Въ немногословныхъ, но живыхъ и искреннихъ сценахъ сказаны дальше разочарованія писателя и влюбленнаго, раскрыты эгоизмъ и нравственная тупость узко-практической, — совершенно чуждой всего идеальнаго — женщины. Борьба чувственаго влеченія и лучшихъ стремленій у юнаго писателя, постепенное торжество пошлости и материализма представлены въ мелкихъ, но замѣчательно содержательныхъ картинахъ. Иныя сцены можно не разъ перечитывать съ одинаковымъ удовольствіемъ. А между тѣмъ авторъ вовсе, по видимому, объ этомъ не заботился: ни на одну минуту онъ не позволяетъ вернуться шумному эффекту и фальшивому вымыслу въ мирную струю своего разсказа. Психологическія отступленія всегда просты и дѣлаются кстати. Мы съ самаго начала знаемъ, что не быть добра отъ этого романа порывистаго, мечтающаго юноши и опытной «разводки», всю жизнь не предполагавшей ничего въ мірѣ болѣе интереснаго и выжнаго, чѣмъ ея хозяйннъ и кавалеръ Бержэ съ своимъ универсальнымъ магазиномъ. Ей чужды и непонятны стремленія Алмазова; ее это злитъ. Авторъ нѣсколькими искусными штрихами рисуетъ возникающій разладъ:

«Елену Павловну всѣ называли умницей. Она и сама привыкла считать себя способной понять всякаго, съ кѣмъ только ей приходилось сталкиваться. Могла ли она воображать, что наивный Алмазовъ станетъ для нея когда-нибудь непонятнымъ. Она такъ ловко всегда ловила, гдѣ ея собесѣдникъ говоритъ правду, а гдѣ начинаетъ лгать. Но тутъ она цуталась и ей было скучно. Если бы ей пришло хоть разъ въ голову, что для юнаго души Алмазова не достаточно связи съ красивой женщиной, что если она хочетъ окончательно завладѣть имъ, то должна замѣнить ему и пріятеля Золотарскаго и переводчицу, идеализировавшую его дарованіе!

Понять это — такая малость! Но для этого надо было Еленѣ Павловнѣ больше любить Алмазова и не быть слишкомъ увѣренной въ своей силѣ надъ его простотой.

Эта ошибка не обойдется ей даромъ!...»

Если — не совсѣмъ даромъ, то очень дешево: у Алмазова слишкомъ большая «жадность молодой крови», и онъ въ результатѣ борьбы съ ней оказывается побѣжденнымъ. Послѣ сцены, предвѣщавшей, по видимому, окончательный разрывъ, Алмазовъ все-таки не уходитъ, поработенный властью «красиваго бюста», — и, согласно желанію своей подруги, поступаетъ на службу къ Бержэ.

Этимъ и заканчивается повѣсть. Трудно сказать, какая участь ждетъ Алмазова — до конца ли его затянетъ тина пошлости, или какая-нибудь благодѣтельная сила поможетъ ему стряхнуть съ себя удручающій кошмаръ... Авторъ сумѣлъ заинтересовать насъ своимъ героемъ и видѣтъ съ тѣмъ своимъ умѣньемъ такъ просто и искренне разсказывать житейскую быль...

Но, при всей симпатіи къ произведенію, нельзя не указать и нѣкоторыхъ тѣней, часто разрушающихъ общее впечатлѣніе. Въ видѣ эпизодическихъ лицъ въ повѣсти являются старый писатель Тростниковъ и попъ. Первый представленъ крайне симпатичнымъ идейнымъ литературнымъ дѣятелемъ и въ то же время озлобленнымъ, исполненнымъ мелочной, пошлой зависти. Даже не къ славлѣ другихъ, а просто къ заработку. Въ сердцѣ этого «народника», по видимому, не осталось ни единой искры гуманности и снисхожденія и его ожесточенная война за бутылкой пива съ предметами, достойными развлѣ дѣтскаго азарта, производитъ крайне тяжелое впечатлѣніе. Такъ пишутъ каррикатуры на личности, а не создаютъ художественные характеры.

Еще каррикатурише представленъ сельскій попъ, всѣми силами избѣгающій повѣнчать незаконнымъ образомъ Алмазова съ Кравцовой. Неужели автору казалось забавнымъ заставлять своего героя изрекать въ пространство текстъ изъ св. писанія? У автора весь комизмъ построенъ на симпатіи его героя къ этимъ текстамъ.

Наконецъ, слѣдовало бы также избѣгать совсѣмъ неидущихъ къ дѣлу комментариевъ на счетъ «разумныхъ развлеченій Москвы», — однимъ изъ которыхъ оказывается загородный ресторанъ Яръ.

Но всѣ эти points noirs — частности, въ общемъ, повторяемъ, книга заслуживаетъ быть прочитанной и автору слѣдовало бы смотрѣть на нее, какъ на исходный и руководящій моментъ своей литературной дѣятельности.

Изъ работъ историко-критическаго содержанія по русской литературѣ нельзя умолчать о книгѣ проф. Тэрнера, — на этотъ разъ по со-

вершено противоположной причинѣ, чѣмъ только что мы говорили о книгѣ г-на Вл. Нешировича-Давченка.

VII.

Тэрнеръ, какъ извѣстно, долгое время былъ лекторомъ англійскаго языка и литературы при петербургскомъ университетѣ, изучилъ русскій языкъ, познакомился съ нашей литературой. Какъ профессоръ, Тэрнеръ приобрѣлъ большую популярность среди своихъ слушателей, какъ историкъ-литературы и критикъ-литературы, положивъ, англійской—доказать свою компетентность прекрасной книгой *Наши великіе писатели* (Our great writers). Отъ его сочиненія по русской литературѣ мы имѣли основаніе ждать выдающихся достоинствъ и образцовой трезвости сужденій. Лекціи, изъ которыхъ составила книга Тэрнера—*Новые русскіе романисты* (The modern Novelists of Russia), авторъ читалъ въ Оксфордѣ. Слушатели до такой степени были увлечены лекціями, что сами просили Тэрнера издать ихъ. Слѣдовательно, идеи Тэрнера о нашей литературѣ могутъ разсчитывать на широкую популярность всюду, гдѣ читаютъ по англійски. Книгу прочтутъ и въ Россіи, благодаря популярности петербургскихъ курсовъ автора.

Ближайшее знакомство съ лекціями Тэрнера заставляетъ искренне пожалѣть о возможной популярности ихъ и удивляться тому неумѣнью, по истинѣ медвѣжьей услугѣ относительно Россіи, какія проявилъ авторъ, одушевленный, повидимому, самыми благими намереніями. Тэрнеръ стремится помочь западнымъ читателямъ—понять русскую жизнь и научить ихъ питать болѣе дружескія чувства къ Россіи, справедливѣе смотрѣть на русскій характеръ, стремленія русскаго народа. Цѣль весьма похвальная и въ исполненіи англичанина получаетъ особый интересъ. Но горе въ томъ, что это исполненіе вышло крайне неудачнымъ и способно скорѣе извратить взглядъ на Россію, чѣмъ исправить его.

Прежде всего, добросовѣстное знакомство Тэрнера съ *подлинной* русской литературой подлежитъ сомнѣнью. Онъ, повидимому, болѣею частью удовлетворяется знакомствомъ съ учебниками литературы и критическими статьями вмѣсто основательнаго изученія самихъ писателей—беллетристовъ.

По крайней мѣрѣ, сужденія Тэрнера о русскихъ писателяхъ до Гоголя сильно напоминаютъ тонъ гимназическихъ сочиненій. Говоря о Гоголѣ, авторъ дѣлаетъ грубѣйшую ошибку. Онъ удѣляетъ особенное вниманіе характеристикѣ Акакія Акакіевича и излагаетъ вымышленное содержаніе повѣсти. Но это кажется сущимъ вздоромъ сравнительно съ тѣми настоящими подвигами безсмыслицы, какія позволяютъ себѣ Тэрнеръ въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Тэрнеръ попалъ на злосчастную идею—разобраться въ давно похороненной, утомительной борьбѣ словянофильства съ западничествомъ,—и съ чисто-диллетантской смѣлостью и легкомысліемъ сталъ на сторону перваго. Всякому, сколько-нибудь знакомому съ теоріями словянофиловъ, долженъ казаться едва вѣроятнымъ такой маневръ со стороны человека, взявшего на себя трудъ возбуждать симпатіи Европы къ русскому народу. Здѣсь не мѣсто разбирать по достоинству политическіе и общественные взгляды давно сошедшихъ со сцены партій, мы только укажемъ, какъ подъ влияніемъ тѣней нашего прошлаго иностранецъ относится къ русскимъ писателямъ. Прежде всего, онъ осыпаетъ упреками Тургенева за его романы *Дымъ* и *Новь* и обвиняетъ популярнѣйшаго изъ русскихъ писателей въ оторванности отъ національной почвы. Оторванность эта и слишкомъ строгое отношеніе къ русской жизни, по мнѣнію автора, возникли у Тургенева вслѣдствіе его продолжительнаго пребыванія за границей, гдѣ будто бы писатель не могъ узнавать всего хорошаго, что совершалось въ его отечествѣ.

Истинными представителями русскаго національнаго духа Тэрнеру являются Достоевскій и гр. Толстой и прежде всего потому, что въ нихъ англійскій авторъ видитъ противниковъ русской интеллигенціи. Послѣ этого можно предугадать, какія именно черты у названныхъ писателей заслуживаютъ особеннаго вниманія Тэрнера: это будутъ наиболѣе болѣзненные фальшивыя явленія въ творествѣ такъ называемыхъ истинно-національныхъ писателей.

У Достоевскаго автора болѣе всего прельщаетъ старецъ Зосима и по поводу его Тэрнеръ пишетъ цѣлый панегирикъ монастырямъ. Авторъ открылъ, что въ древне-русской жизни монастыри были убѣжищами свободы, хранителями народныхъ правъ (авторъ не говоритъ и, вѣроятно, не умѣетъ сказать—какихъ именно). Даже теперь, по мнѣнію Тэрнера, не смотря на всѣ историческія пережѣны, все хорошее и здоровое въ русской жизни тѣсно связано съ монастыремъ. (In spite of the changes that life has undergone, and the inconsiderate attempts that have from time to time been made to give it a new shape, all that is good and sound in it always has been and still is intimately bound up with the monastery). Тэрнеръ сообщаетъ читателямъ еще болѣе удивительную новость: „Монастырь и только монастырь до настоящаго времени ведетъ народную войну противъ насилія». (It is the monastery and the monastery alone, that till now wages the people's war against violence). Даже старецъ Өерапонть (въ романѣ *Братя Карамазовы*) кажется Тэрнеру апостоломъ прогресса... Все это едва вѣроятно, а между тѣмъ выска-

зано авторомъ въ прочувствованной лирической формѣ.

Но Тэрнеръ превзошелъ самого себя, когда принялся за объясненіе ученія гр. Толстого. Авторъ совершенно оставилъ въ сторонѣ художественно-литературную дѣятельность графа и останавливается исключительно на его проповѣди. Съ чистосердечіемъ и наивностью истиннаго прозелита пересказываетъ Тэрнеръ откровенія автора «исповѣди» и прочихъ нравственно-религіозныхъ сочиненій. Забавенъ восторгъ Тэрнера предъ нападками графа на войну: рѣшиться на это, по мнѣнію англійскаго автора, въ такомъ веонномъ государствѣ, какъ Россія, цѣлый подвигъ. Знаменитую заповѣдь о непротивленіи злу Тэрнеръ считаетъ особенно въ духѣ русскаго народа. А если спросить у Тэрнера, чѣмъ вообще, помимо специальныхъ свойствъ русскаго народа, оправдывается ученіе гр. Толстого? Тэрнеръ отвѣтитъ:— тѣмъ, что нравственный законъ долженъ быть абсолютнымъ, безъ всякихъ уступокъ и приключеній. Отвѣтъ, ничего не говорящій и ни на что не отвѣчающій.

Верха наивности достигаетъ Тэрнеръ, когда оцѣниваетъ практическое осуществленіе русскими проповѣдникомъ своихъ теорій. «Мы не можемъ», говоритъ критикъ, «удержаться отъ изумленія и симпатіи къ человѣку, который осмѣлился бравировать презрѣніе *санта*, дѣйствуя согласно своему ученію, и, отказавшись отъ условій, налагаемыхъ на него общественнымъ положеніемъ, совсѣмъ превратился въ крестьянина» (*has made himself one with his peasants*) и подобно крестьянамъ ѣсть свой хлѣбъ въ потѣ лица, въ трудѣ собственныхъ рукъ». Вѣроятно, самъ гр. Толстой никакъ не ожидалъ такихъ блестящихъ отголосковъ своихъ «упражекъ».

Но, при всемъ по истинѣ прозелитическомъ восторгѣ, Тэрнеру приходится понизить тонъ относительно одного пункта въ ученіи русскаго народнаго мудреца, — относительно взглядовъ графа на женское образованіе. Въ исто внимательной и безпристрастной оцѣнки декламаций гр. Толстого противъ науки, Тэрнеръ ограничивается повтореніемъ банальной фразы, что его учитель возстаетъ не противъ науки, а противъ ея ложнаго приложенія. Вѣроятно, только однимъ ученикамъ графа доступенъ истинный смыслъ его откровеній на этотъ счетъ. Но по поводу женскаго образованія Тэрнеръ рѣшительно противъ гр. Толстого. Критикъ много говоритъ о пользѣ женскихъ курсовъ, о безкорыстномъ стремленіи русскихъ женщинъ къ знанью. Здѣсь онъ окончательно долженъ покинуть своихъ излюбленныхъ проповѣдниковъ и искать оправданія своимъ идеямъ у писателей противоположнаго направленія.

Тургеневъ и Бѣлинскій становятся руководителями Тэрнера немедленно, лишь только онъ

заговорилъ о дѣйствительно культурныхъ явленіяхъ русской жизни. Авторъ рассказываетъ о впечатлѣніи произведенномъ на покойнаго императора Александра II *Записками оотника*—Тургенева. На Бѣлинскаго, считающагося, какъ извѣстно, въ лагерѣ западниковъ, Тэрнеръ долженъ указать, какъ на представителя культурныхъ взглядовъ на положеніе русской женщины, у Тургенева научиться видѣть въ этой женщинѣ одинъ изъ существенныхъ элементовъ нашего развитія. Автору приходится даже оправдывать Тургенева за появленіе въ его романѣ *Наканунъ* героя-болгарина, а не русскаго. Вообще, Тэрнеръ самъ себя разбиваетъ и опровергаетъ, лишь только становится на почву здраваго смысла и прогрессивнаго міросозерцанія.

Неужели, послѣ этого, авторъ не почувствовалъ сомнѣнія въ «національномъ» значеніи такого рода писателей, какъ графъ Толстой, и не понялъ, что онъ въ корнѣ подрываетъ такъ называемую философію графа, не находя въ ней основныхъ стремленій всякой цивилизованной націи? Что нибудь изъ двухъ—или русскій народъ долженъ жить европейской культурой, или считать своими руководителями мудрецовъ, перетрачивающихъ преданія буддизма и Домостроя. Мы видимъ къ великому прискорбію, что пылъ отъ этихъ перетрачиваній душилъ не только отечественныхъ «малыхъ сихъ», но прививается къ людямъ, которые, казалось бы, по самой своей природѣ, должны бы почувствовать все разлагающее и противокультурное значеніе праздныхъ и далеко не всегда искреннихъ умствованій.

Въ результатѣ книга Тэрнера не только не въ состояніи выяснить западнымъ читателямъ истинныя стремленія и характеръ русскаго народа и возбудить симпатіи къ Россіи, но даже способна представить этотъ характеръ и эти стремленія въ извращенномъ и совершенно несимпатичномъ видѣ. Таковы печальныя послѣдствія личнаго увлеченія теоріями, заслуживающими не прозелитскаго слѣпнаго поклоненія, а строгой обдуманной критики, способной оцѣнить дѣйствительныя заслуги Россіи предъ цивилизаціей, а не всякія курьезныя *articles de Russie*, которые фабрикуются на досугъ нѣкоторыми любителями изъ личнаго каприза и тщеславія.

Джованни Бонначчьо. Декамеронъ. *Переводъ Александра Веселовскаго. Томъ I.* Произведеніе итальянскаго новеллиста давно извѣстно и русской публикѣ, но болѣе по наслышкѣ. Переводились или пересказывались только отдѣльныя новеллы, и полный русскій переводъ является впервые. Самый процессъ перевода представлялъ нѣкоторую особенность: книга написана въ эпоху Возрожденія, когда всюду—и въ публикѣ, и среди ученыхъ и пи-

сателей—царию увлеченіе классической древностью. Древніе авторы-стилисты казались итальянскимъ писателямъ недосыгаемыми образцами и съ ихъ стороны часто было немалымъ подвигомъ рѣшиться писать на родномъ языкѣ вмѣсто языка цicerоновъ и ливіевъ. Но даже отважившись на это, они старались родной рѣчи придать форму античнаго стиля, и живой, исполненный движенія, итальянскій языкъ заключали въ длинные періоды. Боккаччо поступалъ именно такимъ образомъ и этихъ весьма правился современникамъ. Г. Веселовскій говоритъ про себя, что онъ «задался цѣлью возможно точно передать фразу подлинника, насколько то позволили средства русскаго языка и словарка переводчика—не художника стиля, не избѣгая нѣкоторыхъ шероховатостей, накопленія эпитетовъ, длинно-вьющейся фразы». Сначала, повидимому, чтеніе затрудняется этой своеобразной рѣчью, но читатель быстро привыкаетъ къ своеобразной манерѣ изложенія, и обаяніе книги овладѣваетъ всякимъ, обладающимъ какой-либо долей эстетической впечатлительности. Переводчикъ съ замѣчательнымъ искусствомъ выдержалъ эту манеру и сохранилъ обаяніе на прострaнствѣ всего труда.

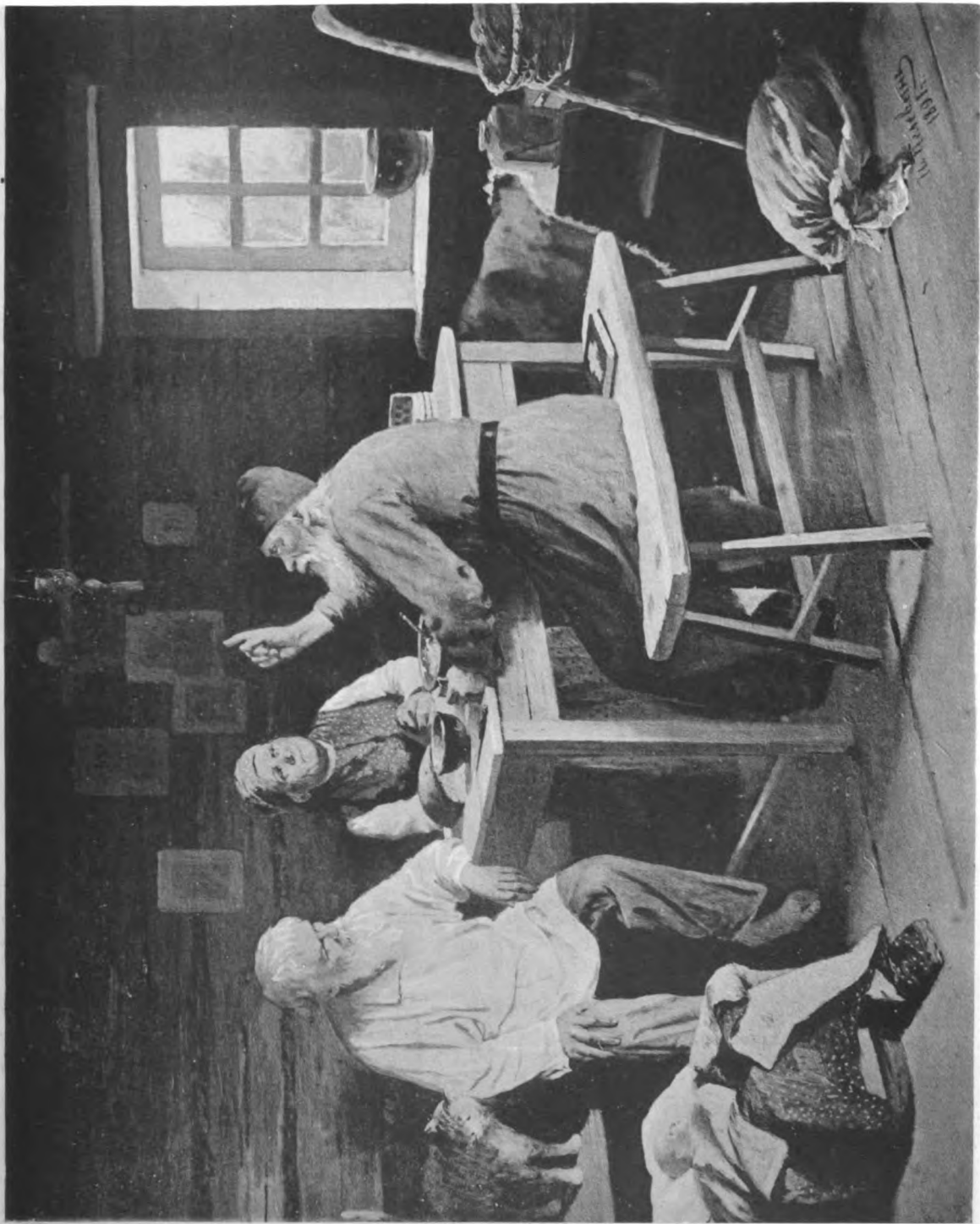
Нечего и говорить, что появленіе Боккаччо въ русскомъ переводѣ—одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ фактовъ нашей переводной литературы. Прежде всего, разсѣется господствующее у нѣкоторыхъ читателей предубѣжденіе относительно нравственнаго значенія *Декамерона*. Читатели увидятъ, что итальянскій новеллистъ вовсе не поэтъ чувственности ради нея самой, не авторъ специально сладострастныхъ сценъ и настроеній: Боккаччо—поэтъ эпохи Возрожденія, исполненной жизненной радости и жаднаго стремленія насладиться всѣмъ счастьемъ нашего міра, гдѣ бы оно ни представлялось здоровьемъ, красотѣ и молодости. Для Боккаччо любовная страсть—не плодъ разнузданной, чувственной фантазіи, а благородное чувство, необходимое проявленіе естественныхъ жизненныхъ силъ. Въ одной новеллѣ Боккаччо слѣдующимъ образомъ описываетъ любовь нѣкоего маэстро Альберто: «Уже старикъ почти семидесяти лѣтъ, онъ обладалъ столь благороднымъ духомъ, что хотя естественный жаръ почти покинулъ его тѣло, онъ не избѣгалъ любовнаго пламени, и увидѣвъ на одномъ празникѣ красавицу вдову, по имени, какъ говорятъ, Мальгерда де'Гизольери, сильно ему понравившуюся, воспринялъ это пламя въ свою матерю грудь, какъ бы то сдѣлалъ юноша». Рассказчики Боккаччо не пропускаютъ случая пожелать себѣ и всѣмъ ближнимъ счастья, которымъ постоянно наслаждаются кавалеры и дамы въ ихъ разсказахъ. Рассказавъ о томъ, какъ одинъ недалекій монахъ сыгралъ роль посредника въ любовныхъ дѣлахъ дамы и кавалера,

рассказчикъ прибавляетъ: «Уладивъ свои дѣла, они устроились такъ, чтобы не возвращаться болѣе къ господину монаху, и провели вѣсѣ въ такомъ же веселіи много другихъ ночей, къ каковымъ и я прошу Господа, чтобы Онъ по своей святой милости привелъ и меня и всѣхъ христіанскія души, того желающія». Житейская мораль Боккаччо, истиннаго сына самой жизнерадостной эпохи въ исторіи человечества, высказана въ новеллѣ его любимаго и наиболѣе искуснаго рассказчика—Діонео. Къ одной старухѣ приходитъ за совѣтомъ дама, восплавленная любовью къ первому красавцу своего города. Старуха изъявила полное согласіе помочь ей и при этомъ прочла такого рода мораль: «Дочь моя, Господь знаетъ, а Онъ вѣдаетъ все, что ты очень хорошо сдѣлаешь; если бы даже ты не совершила того по какой другой причинѣ, тебѣ, какъ и всякой молодой женщинѣ, слѣдовало бы такъ поступить, дабы не потерять время юности, потому что для человѣка съ разумніемъ нѣтъ печали выше сознанія, что онъ упустилъ время. И какому черту мы годны, состарѣвшись, какъ на то развѣ, чтобы сторожить золу въ камелькѣ?..»

Книга Боккаччо, помимо поэтическихъ достоинствъ, важна и въ культурномъ отношеніи. Для своего времени она была своего рода откровеніемъ, разоблачая и безпощадно бичуя лицемеріе и тайный развратъ католическаго духовенства, особенно монаховъ. Сколько, напр., свѣлости и правды звучало для современниковъ Боккаччо въ слѣдующихъ словахъ одной изъ собесѣдницъ: «Я намѣрена разсказать вамъ о продѣлкѣ, въ самомъ дѣлѣ устроенной одной красивой дамой почтенному монаху,— продѣлкѣ, долженствующей тѣмъ болѣе нравиться мірянамъ, что монахи, очень глупые въ большинствѣ случаевъ,—люди странныхъ нравовъ и привычекъ, воображающіе себя и выше другихъ и болѣе свѣдущими во всякомъ дѣлѣ, тогда какъ они много ихъ ниже, и не умѣя по низменности духа пробиваться, какъ другіе люди, стремятся, подобно свиньямъ, туда, гдѣ могутъ чѣмъ-нибудь покормиться. Объ этой продѣлкѣ я и разскажу, милыя дамы, не для того только, чтобы исполнить данный приказъ, а чтобы показать вамъ, что даже и духовныя лица, которыми мы, черезчуръ легковѣрныя, слишкомъ доверяемъ, и могутъ быть и часто бываютъ хитро поддѣты не только мужчинами, но и нѣкоторыми изъ насъ». Боккаччо такой же непримиримый врагъ и святошъ изъ мірянъ: множество новеллъ посвящено имъ обличенію всякаго рода лицемерія и обмана. Достоинство стремленій автора въ этомъ направленіи, конечно, не можетъ быть заподозрѣно наиболѣе строгими моралистами.

Изданъ переводъ безукоризненно, текстъ укра-

Фондация Леонардо да Винчи
Университетски център (2011 г.)
Каблени изследвания II. ПЪРВАТА
СЪВЪННИКА

шенъ иллюстраціями извѣстныхъ французскихъ художниковъ.

А. Шаховъ. Гёте и его время. Книга составлена изъ лекцій, читанныхъ авторомъ на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Лектору не было и двадцати четырехъ лѣтъ во время чтенія этого курса, а черезъ три года смерть увела его въ могилу. Не смотря на короткое время своей ученой дѣятельности и печальную преждевременную кончину, А. Шаховъ остался явленіемъ, достойнымъ всякихъ симпатій и вниманія. Изъ некролога, приложеннаго къ книгѣ и принадлежащаго перу проф. Н. И. Стороженка, видно, какимъ успѣхомъ и искреннимъ сочувствіемъ сопровождалась лекція юнаго преподавателя и въ университетѣ и на женскихъ курсахъ. И теперь, читая только что изданную книгу, проникаешься невольной грустью: какія богатая силы отцвѣли, не успѣвши разцвѣсть!.. Слѣдуетъ надѣяться, что наша интеллигентная публика пойдетъ навстрѣчу ожиданіямъ издателей и встрѣтитъ съ полнымъ вниманіемъ трудъ даровитаго юноши. Это тѣмъ естественнѣе, что самый трудъ посвященъ вопросамъ, менѣе всего разработаннымъ въ русской литературѣ и исполненъ съ такимъ успѣхомъ, что рѣдкая книга съ одинаковой полнотой и основательностью можетъ познакомить читателей съ интереснѣйшей эпохой нѣмецкой литературы.

Шаховъ не ограничился въ своихъ лекціяхъ характеристикой литературной дѣятельности Гёте. Всѣ важнѣйшіе современники знаменитаго поэта нашли въ книгѣ свое мѣсто. Охарактеризованы „бурные гении“, данъ прекрасный очеркъ дѣятельности Канта и Лессинга, разобрано творчество Шиллера, насколько оно связано съ вліяніемъ Гёте. Характеристика самого Гёте безукоризненна. Авторъ совершенно трезво, безъ всякихъ лишнихъ увлеченій, смотритъ на личность „олимпійца“ и съ искусствомъ настоящаго психолога открываетъ въ ней существенныя пятна, наложенныя самодовольнымъ бюргерствомъ и ограниченнымъ бюрократизмомъ. Весьма тонко и остроумно выяснено отчужденіе нѣмецкихъ гениевъ отъ политическихъ и гражданскихъ интересовъ современной, необыкновенно богатой этими интересами, эпохи, съ замѣчательной мѣткостью указаны различныя культурныя роли небольшихъ нѣмецкихъ центровъ и Французской столицы. Вообще мы можемъ указать только на нѣсколько промаховъ и, по нашему мнѣнію, недоразумѣній. Напр., у Шахова оставленъ необъясненнымъ въ высшей степени важный вопросъ, почему именно въ лицѣ еврея Лессингъ воплотилъ величайшія идеи XVIII вѣка? Изъ словъ Шахова можно замѣтить, что здѣсь была едва ли не особенная симпатія Лессинга къ еврейству. Между тѣмъ, ничего по-

добнаго не было: Лессингъ взялъ, въ интересахъ наибольшаго драматическаго и нравственнаго контраста, сына націи, издавна извѣстной своимъ фанатизмомъ, и превратилъ его въ философа гуманнаго „вѣка просвѣщенія“. Вѣроятно, Шаховъ и имѣлъ это въ виду, только не счелъ нужнымъ выяснитъ (стр. 127).

Другое недоразумѣніе гораздо важнѣе и на этотъ разъ не подвергается ни малѣйшему сомнѣнію. Шаховъ находитъ нужнымъ рѣзко напасть на одно изъ главнѣйшихъ теченій XVIII вѣка, на стремленіе его къ индивидуализму, къ освобожденію личности отъ гнета стараго общества и всевозможныхъ предрассудковъ отжившей среды. Это стремленіе, правда, иногда принимало странныя, можетъ быть, комическія формы, но Шаховъ смѣшиваетъ понятіе личности въ средніе вѣка и въ XVIII вѣкѣ, индивидуализмъ послѣдней эпохи считаетъ результатомъ „традиціонной привычки—ставить человѣка на первый планъ въ ряду твореній“. А между тѣмъ, между своеобразіемъ личности въ средніе вѣка и идеей личной свободы и достоинства въ эпоху просвѣщенія—нѣтъ ничего общаго. Въ средніе вѣка личное своеволие—плодъ традицій, сословныхъ, религіозныхъ, полигическихъ, въ XVIII вѣкѣ—личное возмущеніе—врагъ всякихъ традицій. Напрасно, поэтому, авторъ съ своей точки зрѣнія оправдываетъ Гёте въ его враждѣ современному индивидуализму: что-нибудь изъ двухъ или развѣчивать „олимпійство“, т.-е. въ сущности эгоистическое самодовольство и косность, или стоять за самоотверженное стремленіе личности къ свободѣ и личному праву.

Въ книгѣ Шахова есть еще нѣсколько болѣе мелкихъ пунктовъ, возбуждающихъ недоумѣніе: напр. объ извѣстной омерзительной торговлѣ нѣмецкихъ герцоговъ мясомъ своихъ подданныхъ, авторъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Бразды правленія находились въ рукахъ герцога-помѣщика, которому случалось иногда съ истинно-отеческой патриархальной наивностью продавать своихъ солдатиковъ въ чужія страны“. Хороши были наивные патриархи въ лицѣ такихъ „помѣщиковъ“, какъ Карлъ Евгений Виртембергскій, Брауншвейгскій герцогъ Карлъ I, цѣлый рядъ кассельскихъ правителей и пр. и пр.! Почти всѣ эти „патриархи“ продавали солдатъ съ цѣлью поддерживать у себя гармы, оперы, балеты. Шиллеръ въ драмѣ „Коварство и любовь“ показавъ совершенно инныя черты въ этомъ возмутительнѣйшемъ фактѣ европейской исторіи, чѣмъ патриархальность и наивность...

Но несмотря на всѣ эти недоразумѣнія, притомъ, можетъ быть, обусловленныя спѣшностью работы, книга Шахова весьма цѣнное руководство для всѣхъ интересующихся западно-европейской литературой.

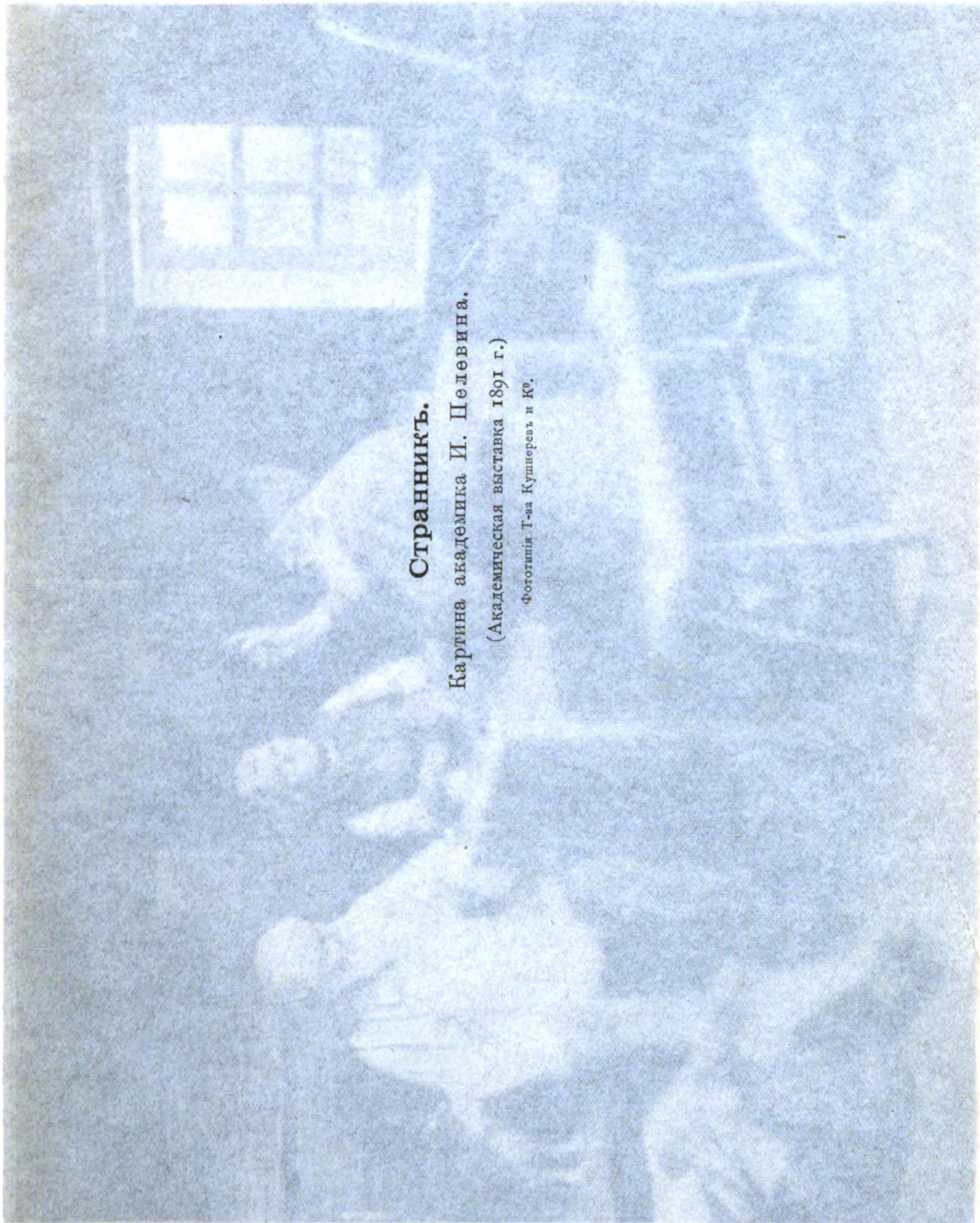
Ив. Ивановъ.

Странникъ.

Картина академика И. Пелевина.

(Академическая выставка 1891 г.)

Фотогипсъ Т-ва Кушнеревъ и Ко.

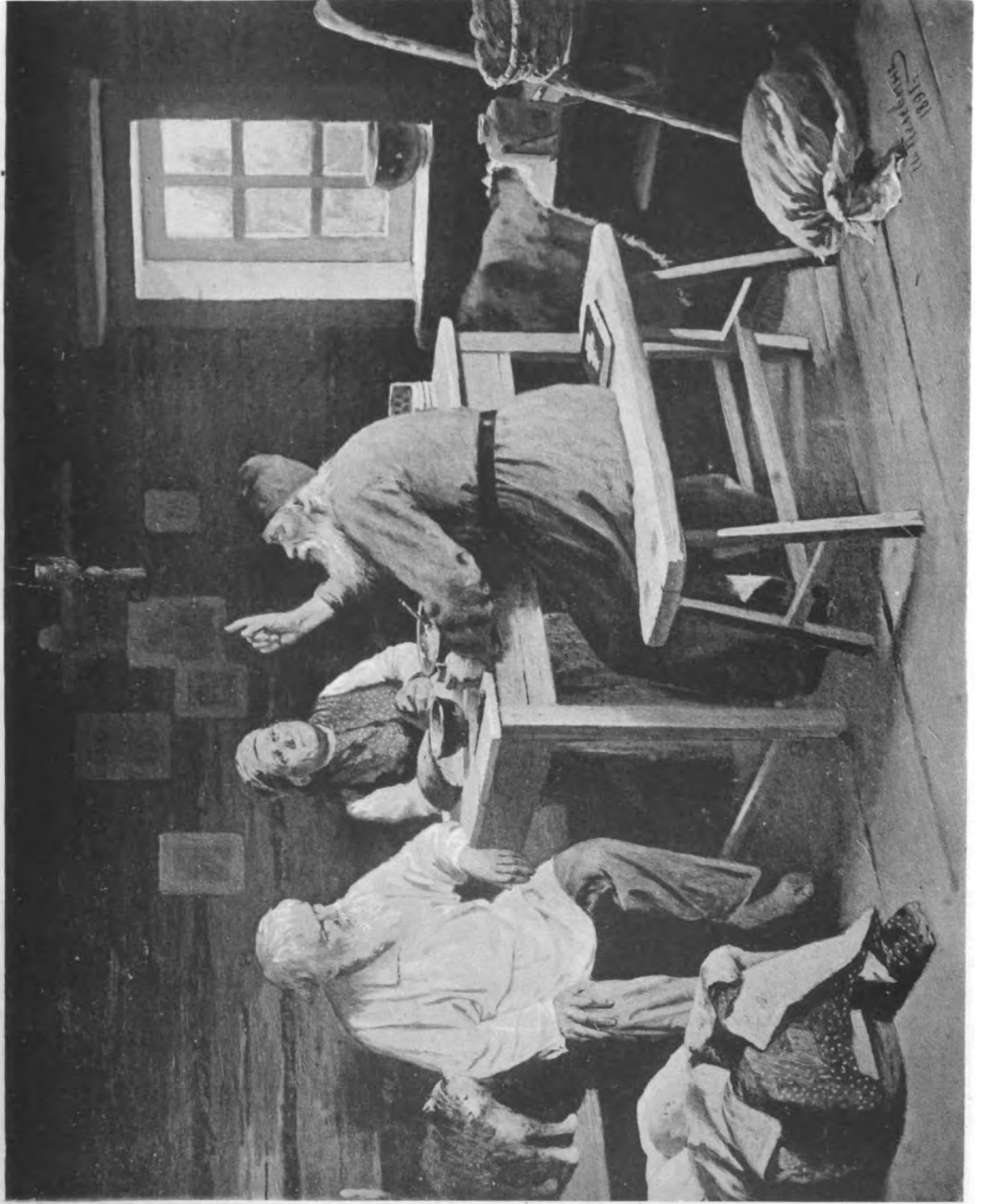

Фондация Леопольда и Ко

УРЕТКАМЪТА СЪЩЕ ПЪТЪТЪ

ВЪЗНИКЪВАЩАТА ПЪТЪТЪ

СЪЩЕ ПЪТЪТЪ

THE NEW
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

Библиографія.

Ж. Моень и В. Менъ. „Скрипка, альтъ, виолончель, контръ-басъ и гитара. Смычки, канцифолъ и струны“. *Новое полное руководство къ устройству струнныхъ музыкальныхъ инструментовъ и къ исполненію смычковъ, канцифолы и струнъ, съ прибавленіемъ особыхъ статей о починкѣ и храненіи смычковыхъ инструментовъ и о скрипкахъ знаменитыхъ итальянскихъ мастеровъ. Въ 4-хъ частяхъ, съ пояснительными чертёжами. Переводъ съ французскаго М. Миньина. Тверь. 1891.* Это небольшой томикъ in 8-во, въ 258 страницъ. Изданіе опрятное; цѣна умѣренная — одинъ рубль. Выпсанное нами, слишкомъ уже разросшееся, заглавіе книги достаточно объясняетъ ее содержаніе, исполненное вообще обстоятельности и дѣловитости. Конечно, никакіе учебники не могутъ быть вполне полезны при изученіи техническаго дѣла, требующаго болѣе всего практическихъ указаній мастера; но, что можетъ здѣсь дать печатное руководство, указываемая книга даетъ. По нашему мнѣнію, ея важнѣйшій отдѣлъ тотъ, гдѣ авторы касаются не столько приготовленія, сколько сохраненія и починки струнныхъ инструментовъ. Переводъ сдѣланъ согласно подлиннику, точно и вѣрно; нѣкоторые примѣчанія переводчика очень умѣстны, а весь трудъ его уже потому почтененъ, что разбираемое сочиненіе Можена и Мена является по избранному вопросу чуть-ли не единственнымъ со стороны качества.

А. М. Додоновъ. „Руководство къ правильной постановкѣ голоса, развитію и укрѣпленію голосовыхъ органовъ и изученію искусства пѣнія“. Часть первая. *Одобрено советомъ профессоровъ С.-Петербургской и Московской консерваторій Императорскаго Музыкальнаго Общества. Москва 1891.* Количество обучающихъ пѣнію по истинѣ громадно; но по тому простому закону, въ силу котораго худшаго всегда на свѣтѣ болше, чѣмъ лучшаго, — хорошихъ учителей пѣнія очень мало. Это однако не мѣшаетъ каждому изъ нихъ имѣть свою собственную методу, не всегда, въ счастію, обнаруживаемую, но иногда издаваемую въ видѣ руководствъ, болѣе или менѣе объемистыхъ и всегда представляющихъ трудъ въ той или другой мѣрѣ компилятивный, уснащенный ссылками на авторитеты и цитатами изъ ихъ сочиненій. Г. Додоновъ, бывшій артистъ московскаго Большаго театра, уже давно занимающійся вокальнымъ преподаваніемъ, отдался ему, съ выходомъ изъ оперной труппы, — всецѣло; и вотъ первая часть его руководства лежитъ передъ нами. Не знаемъ, какіхъ размѣровъ достигнетъ вторая часть; первая — не велика. Это дѣлаетъ честь составителю: онъ не расплывается въ общихъ мѣстахъ, старается наиболѣе сжать путь путемъ зацѣпить свои доводы. Конечно, безъ об-

щихъ имѣть брошюра все-таки не обходится (кому новы, напрямѣръ, всѣ приводимые совѣты по гігіенѣ?), но есть тамъ и стоящее вниманія, рекомендуемое авторомъ не только, какъ пѣвца хорошей школы, но и какъ преподавателя, думающаго правильно. Мы положительно не можемъ пройти молчаніемъ тѣ страницы, гдѣ толкуется о первостепенномъ значеніи *дыханія* при пѣніи, объ *открытомъ* звукѣ при *piano* и легкихъ пассажахъ и *закрытомъ* — при *forte*, о совѣтахъ начинать упражненія голосъ не съ его крайнихъ нотъ, а съ середины и т. д. Здѣсь можно угадать убѣжденнаго послѣдователя такихъ знатоковъ, какъ Ламперти и Гарчіа.

В. П. Гуроръ. „Въ ожиданіи реформы мысли о задачахъ музыкальнаго образованія“. С.-Пб. 1891 г. Таково заглавіе брошюры, на которую слѣдуетъ обратить самое серьезное вниманіе: она затрогиваетъ вопросъ большой важности, давно уже, въ сущности, стоящій на очереди. Дѣйствительно, — многое въ музыкальной педагогикѣ обветшало и отжило, не умѣя почему-то выйти за предѣлы привычки и рутинны; косность разъ на всегда введенныхъ приемовъ, часто нецѣлесообразныхъ и мало разумныхъ въ самомъ своемъ основаніи, — царствуетъ въ нашихъ музыкальныхъ училищахъ. Дѣльное ихъ преобразование необходимо. Конечно, не со всѣми доводами автора брошюры можно согласиться безусловно; кое-что въ нихъ можетъ служить предметомъ длинныхъ споровъ и жаркой полемики. Но г. Гуроръ и не думаетъ одинъ рѣшать этотъ сложный вопросъ. Онъ хочетъ лишь поднять его, дать толчокъ рѣчамъ, изъ которыхъ могли бы выйти не одни слова, но и дѣло. Въ этомъ усматриваемъ большую заслугу со стороны автора.

Періодическая печать о театрѣ и искусствѣ вообще.

(*Истор. Вѣстн., Рус. Архивъ, Рус. Старина, 1-е полугодіе, Москов. Церковн. Вѣдом. № 13, — 1891 г.*). Закончившіяся въ 4-й книгѣ „Историч. Вѣстн.“ воспоминанія артистки Д. М. Леоновой совершенно не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя мы возлагали на нихъ, суля по ихъ началу („Артистъ“, № 13). Общій интересъ, который должны представлять собою воспоминанія подобнаго рода для характеристики отдѣльных лицъ и цѣлой эпохи, чрезвычайно слабъ въ воспоминаніяхъ г-жи Леоновой. Начавшись въ первой книгѣ болѣе или менѣе систематической біографіей артистки, во второй книгѣ воспоминанія почти всецѣло состоятъ изъ описанія мелкихъ интригъ, которыя вели противъ артистки ея недоброжелатели. Подробности, кото-

рия приводить г-жа Леонова, были бы, может быть, вполне уместны въ обширной автобіографіи, но въ настоящихъ воспоминаніяхъ онѣ утомительны и лишены историческаго интереса по недостаточности фактическихъ данныхъ для характеристики дѣйствующихъ лицъ. Сама г-жа Леонова въ началѣ воспоминаній говоритъ, что ей приходилось много видѣть и слышать общенереснаго въ теченіе своей артистической дѣятельности. И это вполне понятно: время этой дѣятельности, 50-ые—70-ые года, очень любопытное время въ исторіи русской оперы, которая только что зародилась и крѣпла. По у г-жи Леоновой сообщено мало дѣйствительно цѣннаго историческаго матеріала. Нѣсколько воспоминаній о Глинкѣ, о нѣкоторыхъ его привычкахъ и сужденіяхъ, и о Мусоргскомъ незамѣтны въ цѣломъ рядѣ воспоминаній, мало связанныхъ съ исторіей нашего театра. Такихъ воспоминаній особенно много въ третьей и четвертой книжкахъ. Здѣсь г-жа Леонова описываетъ свое путешествіе по Сибири, Японіи, Китаю и Америкѣ, предпринятое ею съ цѣлью концертировать. Здѣсь есть все, что угодно, но очень мало касающагося музыки, которой артистка посвятила свою жизнь. Покупка тарантаса, дорожныя приключенія, радушіе сибиряковъ, суммы, „очистившіяся“ отъ концертовъ, выгодный аукціонъ „поблекшихъ туалетовъ“ путешественницъ-концертантокъ и т. под.—все это проходитъ, какъ въ калейдоскопѣ, передъ читателемъ. На этомъ фонѣ выдѣляются постоянныя упоминанія объ ованіяхъ и восторженномъ приѣмѣ, сопровождавшемъ вездѣ появленіе артистки. Г-жа Леонова называетъ свое путешествіе рядомъ триумфовъ. Вполнѣ возможно и это, но намъ хотѣлось бы знать, какое внутреннее значеніе имѣла для музыкальная поездка, какъ относились къ русской музыкѣ за границей, насколько въ этомъ смыслѣ было плодотворно ея путешествіе. Это было бы интереснѣе знать, чѣмъ убѣдиться изъ словъ г-жи Леоновой, что у нея въ Петербургѣ есть китайско-японская комната, приводящая всѣхъ въ удивленіе. Какъ доказываетъ сама г-жа Леонова, триумфы не всегда являлись мѣркой для оцѣнки значенія, которое имѣетъ извѣстное артистическое предпріятіе. Артистка откровенно рассказываетъ, что ей пришлось прибѣгнуть въ Америкѣ къ рекламѣ и заплатить 200 долларовъ журналисту, угрожавшему ей ругательной статьей и за деньги превознесшему ее до небесъ. Мы не касаемся воспоминаній г-жи Леоновой, какъ воспоминаній вообще или какъ описанія путешествія, но снова повторяемъ, что съ точки зрѣнія исторіи театра они имѣютъ очень небольшое значеніе.

Иной разъ небольшой анекдотъ характеризуетъ эпоху лучше, чѣмъ длинныя воспоминанія.

Въ „Московскихъ Церковн. Вѣдом.“ (№ 13) напечатана замѣтка, озаглавленная „Голосъ мірянина“, разсуждающая о сценическихъ представленіяхъ въ великомъ посту, къ которымъ авторъ относится отрицательно. Наше современное духовенство и его печатные органы очень рѣдко высказываютъ свое сужденіе о театральнхъ зрѣлищахъ вообще и въ великомъ посту въ частности. Съ этой стороны и интересна замѣтка „Моск. Церк. Вѣд.“. Авторъ, между прочимъ, приводитъ такое воспоминаніе. „Во время управленія Новороссійскимъ краемъ графомъ А. Г. Строгоновымъ нѣкоторые изъ проживающихъ въ Одессѣ швейцарцевъ обратились къ нему съ ходатайствомъ о дозволеніи въ первые дни великаго поста продолжать представленія итальянской оперы. Дозволеніе было дано; но этотъ истинно православный и просвѣщеннѣйшій русской боярнѣ приказалъ переписать всѣхъ выдающихся личностей православ-

наго вѣроисповѣданія, которые явились на представленія въ дни, запрещенныя православною церковью, и всѣ они были оштрафованы деньгами въ пользу бѣдныхъ, кажется, по 25 руб.“.

Нѣсколько страничекъ воспоминаній покойнаго артиста О. А. Бурдина „Первое представленіе „Свадьбы Кречинскаго“ („Историч. Вѣстн.“ № 5) разсказываютъ о препятствіяхъ, которыми была встрѣчена постановка этой комедіи на петербургской сценѣ. Зимой 1855 года авторъ предложилъ свою пьесу для бенефиса сначала А. М. Максимова, а затѣмъ А. Е. Мартынову. Они наотрѣзъ отказались, находя въ пьесѣ много грязи, а дѣйствующихъ лицъ чуть не каторжниками. Но послѣ того, какъ пьеса имѣла огромный успѣхъ въ Москвѣ, директоръ театровъ, А. М. Геденовъ, рѣшилъ поставить ее въ Петербургѣ и отдалъ Бурдину въ бенефисъ. Но тутъ вмѣшался авторъ, желавшій во чтобы то ни стало выпустить Мартынова въ роли Распулова. Опять недоразумѣнія, остановка. Наконецъ, когда авторъ принужденъ былъ согласиться, тогда за нѣсколько дней до спектакля разнеслись слухи, что В. В. Самойловъ (Кречинскій) хочетъ заболѣть передъ самымъ бенефисомъ. Пришлось Бурдину умолять Максимова сыграть эту роль. Въ концѣ концовъ всѣ интриги и недоразумѣнія кончились, Самойловъ игралъ и комедія была встрѣчена полнымъ успѣхомъ.

Изъ историческихъ матеріаловъ „Рус. Старины“ необходимо обратитъ вниманіе на комедію А. Н. Островскаго „Банкротъ“ („Свои люди сочтемся“), напечатанную съ рукописи, подаренной авторомъ издателю „Рус. Стар.“ еще въ 1855 г. (№ 4 и 6). „Записки ректора и профессора Академіи художествъ Ѳ. П. Юрдана“ начались печататься съ 3-й книги. Они представляютъ большой автобіографическій интересъ; о нихъ мы надѣемся сказать со временемъ.

Биографическій очеркъ другаго художника нашелъ себѣ мѣсто въ „Рус. Архивѣ“ (№ 6). Это—очеркъ жизни и дѣятельности одного изъ нашихъ старинныхъ художниковъ-живописцевъ, В. Л. Боровиковскаго (1757—1825). Очеркъ составленъ на основаніи печатныхъ данныхъ и именемъ Боровиковскаго г. Горленкомъ; въ концѣ очерка приложенъ списокъ работъ Боровиковскаго. Судьба въ предзнаначала Боровиковскому извѣстности. Родившись въ Малороссіи, онъ спокойно жилъ тамъ, занимаясь живописью въ своемъ тихомъ Миргородѣ. Но побѣда Екатерины II въ Крымъ создала въ жизни Боровиковскаго переворотъ. Ему поручили украсить живописью стѣны дворца, въ которомъ останавливалась Императрица. Онъ написалъ двѣ картины. На одной были изображены 7 мудрецовъ Греціи, стоящіе передъ „Наказомъ“, а на другой—Петръ I, вспахивающій землю, за нимъ Екатерина, сѣющая сѣмена, а за нею два генія, въ лицѣ Александра и Константина, которые боронятъ вспаханное поле. Мысль этихъ картинъ (онѣ не сохранились) очень понравилась императрицѣ и она отравила Боровиковскаго въ Петербургъ учиться живописи. Въ это время ему было 30 лѣтъ. Эпизодъ этотъ передаетъ Г. П. Данилевскимъ въ его разсказѣ „Екатерина II на Дибирѣ“, но, по словамъ г. Горленка, передаетъ не сходно съ исторической истиной. Въ 1795 г. Боровиковскій былъ уже академикомъ. Его специальностью была портретная и религіозная живопись. Въ послѣдней онъ напоминалъ монаховъ-художниковъ: вышняя, духовная красота, счастливое, спокойное блаженство—главная идея его картинъ. Въ нашей бѣдной біографической литературѣ, а особенно относительно біографій художниковъ и артистовъ, такіе очерки, какъ очеркъ г. Горленка, очень желательны.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

драматическимъ сочиненіямъ, рассмотрѣннымъ драматическою цензу-
рою и безусловно дозволеннымъ къ представленію.

Съ 1 апрѣля по 1 августа 1891 г. *).

Автора въ театрѣ нѣтъ. Шутка въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Ивана Щеглова. „Театральная Библиотека“, № 3. Июль. 1891. (По печатному изданію. 8 д., 42—47 стр.). Пр. В. 91 г. № 176.

Тоже по литографиров. изданію С. О. Разсохина Пр. В. 91 г. № 59.

Актеръ Яковлевъ. Драма изъ театральной хроники, въ четырехъ дѣйствіяхъ и шести отдѣленіяхъ, съ прологомъ. П. Куликова. (По литогр. изд. С. О. Разсохина). Пр. В. 91 г. № 99.

Ахъ, мужчины, мужчины! Комедія-фарсъ въ четырехъ дѣйствіяхъ. Передѣлано изъ комедіи Казимира Залевского Н. А. Тихановымъ.—„Театральная Библиотека“. Ежемѣсячный журналъ. № 2. Июнь 1891 г. (По печатному изданію. 8 д., 28—59 стр.). Пр. В. 91 г. № 144.

Бабе царство. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Б. И. Бентовина. (По литогр. изд. С. О. Разсохина *) Пр. В. 91 г. № 59.

Балъ-маскарадъ. Опера въ четырехъ актахъ и шести картинахъ. Музыка Дж. Верди. Русскій текстъ Ил. Ив. Калашникова. Москва. 1891 г. Паровая скоропечатня нотъ П. Юргенсона, въ Москвѣ. (По печатному изд., 8 д., 70 стр., цѣна 40 к.). Пр. В. 91 г. № 120.

Вацлва. Оригинальная шутка въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Александра Санина (По печатному изданію. Типографія Ю. Н. Эрлихъ. С.-Петербургъ. 1891 г. 15 стр.). Пр. В. 91 г. № 59.

Вудушая знаменитость. Шутка въ 1 дѣйствіи. А. С. Шустова. (По литогр. изд. С. О. Разсохина. 91 г. 4 д., 29 стр. *) Пр. В. 91 г. № 144.

Вълая лилія. Комедія въ 1 дѣйствіи. А. Додде. Переводъ Б. Ю. Островской. (По литографированному изд. С. О. Разсохина). Пр. В. 91 г. № 99.

Вѣби. Ком. въ 3 д. Н. Северина. (По литогр. изд. С. О. Разсохина *) Пр. В. 91 г. № 99.

Вадимъ или пробужденіе двѣнадцати спящихъ дѣвъ. Фантастическая опера-мелодрама въ двухъ дѣйствіяхъ и трехъ картинахъ. Передѣлка А. П. Морозова. (На музыку Верстовскаго). (По литогр. изд. театр. библ. С. И. Напойкина. 1890 г. 4 д., 24 стр.). Пр. В. 91 г. № 144.

Вамъ такія сцены незнакомы? Сценка въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Дрейфуса. Переводъ

*) Въ 1888 г., по распоряженію Главнаго Управленія по дѣламъ печати, изданъ исправленный и дополненный по 1 января 1888 г. *Полный алфавитный списокъ драматическимъ сочиненіямъ на русскомъ языкѣ, дозволеннымъ къ представленію безусловно; затѣмъ лѣтомъ текущего года былъ изданъ офиціальныи дополнительный списокъ такихъ пьесъ, разрѣшенныхъ съ 1 января 1888 г. по 1 апрѣля 1891 г. Здѣсь мы помѣщаемъ списокъ пьесъ, безусловно разрѣшенныхъ послѣ 1 апрѣля 1891 г. Списки пьесъ, безусловно разрѣшенныхъ къ представленію съ 1 января 1888 г. по 1 апрѣля 1891 г. напечатаны также и въ №№ 8—14 „Артиста“ и №№ 1—4 „Театральной Библиотеки“.*

*) Отзвъ см. ниже.

Н. А. Тиханова. „Театральная Библиотека“. (По печатному изданію. Москва. 1891 г. 4 д., 4 стр.). Пр. В. 91 г. № 144. „Театральная Библиотека“ № 4, августъ 1891 г. (По печатному изданію 8 д. 66—69 стр.) Пр. В. 91 г. № 176.

Вертепъ юродивыхъ. Ком. въ 2 д. О. Карѣева. (По литогр. изд. С. О. Разсохина. Москва. 1891 г. 4 д., 44 стр. *) Пр. В. 91 г. № 144.

Викторъ Павловичъ Пичужкинъ. Сцены изъ провинціальной жизни въ 4 дѣйствіяхъ. (По печ. изд. типо-лит. Д. А. Бончъ-Бруевича. Москва. 1891 г., 92 стр. **) Пр. В. 91 г. № 59.

Вовлѣ золотого пріиска. Бытовая сцена. В. Ч. С.-Петербургъ. Типографія Вл. Киршбаума. 1891 г. (По печатному изданію. 8 д., 76 стр.). Пр. В. 91 г. № 120.

Въ деревнѣ. Народная драма въ пяти дѣйствіяхъ. А. Ф. Ѳедотова. (По печатному экземпляру типо-лит. Д. А. Бончъ-Бруевича. Москва. 1890 г., 98 стр. ***) Пр. В. 91 г. № 59.

Въ мутной водѣ. Сцена въ одномъ актѣ. Сочиненіе И. С. Семенова. „Театральная библиотека“. № 1. Май 1891 г. (По печатному изданію. 8 д., 22—31). Пр. В. 91 г. № 144.

Въ неравной борьбѣ. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ Владимира Александрова. Москва. Типо-литогр. Высочайше утвержд. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. 1891 г. (По печатному изданію. 4 д., 27 стр.). Пр. В. 91 г. № 120.

Въ Шильонскомъ замкѣ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. А. Ф. Ѳедотова. (По печат. изд. типо-лит. Д. А. Бончъ-Бруевича. Москва. 1891 г., 113 стр.). Пр. В. 91 г. № 59.

Вытурналъ. Шутка въ одномъ дѣйствіи и двухъ картинахъ. Сочиненіе Г. Н. Грѣсеевъ и С. В. Чиркова. (Второе исправленное изданіе). (По литогр. изд. С. О. Разсохина. Москва. 1891 г. 4 д., 28 стр. *) Пр. В. 91 г. № 144.

Галька. Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ, музыка Станислава Моюшки. Переводъ текста Н. В. К. Москва. Паровая скоропечатня нотъ П. Юргенсона. 1886 г. (По печатному изданію. 8 д., 48 стр. Цѣна 40 к.). Пр. В. 91 г. № 120.

Гедда Габлеръ. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Генриха Ибсена. Переводъ съ датскаго Петра Ганзена. „Сѣверный Вѣстникъ“. книга 7. Отд. I. 1891 г. (По печатному изданію. 8 д., 129—200 стр.) Пр. В. 91 г. № 176.

Геніальная женщина. (Чепчикъ). Шутка въ одномъ дѣйствіи. А. Р. Г—съ, „Театральная библиотека“. № 1. Май 1891 г. (По печатному изданію. 8 д., 16—21 стр.) Пр. В. 91 г. № 144.

Дачники. Шутка въ 1 д. А. П. Вершинина. Вятка. Типографія Макшеева. (По печатному изданію. 16 д., 1—40 стр.). Пр. В. 91 г. № 176.

Дитя (The child). Драма въ пяти дѣйствіяхъ.

*) Отзвъ см. ниже.

***) Отзвъ см. „Артистъ“, № 5.

****) Тоже, № 9.

Переводъ съ англійскаго С. Райскаго (К. А. Тарновскаго). (По литогр. изд. С. Θ. Разсохина. Москва. 1891 г. 4 д., 109 стр.). Пр. В. 91 г. № 144.

Докторъ Кохъ всѣмъ помогъ. Шутка à propos въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе К. П. Ларина. (По литогр. изд. С. И. Напойкина. Москва. 1891 г. 27 стр.)*. Пр. В. 91 г. № 59.

Докторъ Штокманъ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Генриха Ибсена. Переводъ Н. Миревичъ. Изданіе редакціи журнала „Артистъ“. Москва. Типо-литогр. Высочайше утвержд. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. 1891 г. (По печатному изданію. 130 стр.). Пр. В. 91 г. № 120.

Долгъ чести. Драма въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе П. Гейзе. Переводъ Э. Матерна. „Театральная бібліотека“. Ежемѣсячный журналъ. № 3. Іюль 1891 г. (По печатному изданію. 8 д., 32—41 стр.). Пр. В. 91 г. № 176.

Донъ Фернандо, стойкій принц (El principe constante). Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ и восьми картинахъ. Донъ-Педро Кальдерона дела Барка. Перевелъ и переделалъ для русской сцены Н. Θ. Арбенинъ. Театральный, музыкальный и художественный журналъ „Артистъ“. Москва. 1891 г. (Годъ 2-й). № 12-й. Январь. 1—14 стр. № 13. Февраль. 1—11 стр. № 14. Апрель. 1—9 стр. Типо-литографія Высочайше утвержд. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. Пр. В. 91 г. № 120.

Дядюшка. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Н. И. Перелыгина. Москва. Типографія П. Е. Астафьева. 1891 г. (По печатному изданію. 1—107 стр.). Пр. В. 91 г. № 176.

Жизнь-битва. (Воронье гнѣздо). Пьеса въ четырехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе К. Назарьевой. С.-Петербургъ. 1891 г. Паровая типо-литографія Муллеръ и Богельманъ. (По печатному изданію. 8 д., 62 стр.**) Пр. В. 91 г. № 120.

Жизнь надождю! Шутка въ одномъ дѣйствіи. Виктора Биллибина. „Театральная бібліотека“. № 3. Іюль. 1891 г. (По печатному изданію. 8 д., 56—62 стр.). Пр. В. 91 г. № 176.

Жоржинька. Комедія-фарсъ въ двухъ дѣйствіяхъ. Чека. Театральный, музыкальный и художественный журналъ „Артистъ“. Москва. 1891 г. (годъ 2-й). № 14. Апрель. Типо-литографія И. Н. Кушнеревъ и К^о. (По печатному изданію. 4 д., 76—89 стр.). Пр. В. 91 г. № 120.

Тоже, въ отдѣльномъ изданіи редакціи журнала „Артистъ“. (По печатному экземпляру типо-литографіи И. Н. Кушнеревъ и К^о. Москва. 1891 г., 14 стр.). Пр. В. 91 г. № 59.

Жрица искусства. (Свободная художница). Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. Ев. Карпова. Театральный, музыкальный и художественный журналъ „Артистъ“. Москва. 1891 года (годъ 2-й). № 14-й. Апрель. Типо-литографія Высочайше утвержд. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. (По печатному изданію. 4 д., 1—35 стр.). Пр. В. 91 г. № 120.

Законъ Линча или жертва золотого тельца. Феерическая мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ съ прологомъ, съ пѣніемъ и танцами. А. П. Морозова. (По литогр. изд. С. И. Напойкина. Москва. 1891 г. 4 д., 1—5 стр.). Пр. В. 91 г. № 176.

Закохани. Малороссійскій водевилъ въ одномъ дѣйствіи. „Хоровы песни народни“. Ф. А. Костенко. Новочеркасскъ. Типо-литографія Н. В. Туркина. 1891 г. (По печатному изданію. 16 д., 29—66 стр.). Пр. В. 91 г. № 176.

Заслуженный урокъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи. А. Крюковскаго и К. А. (По литогр. изд. С. Θ. Разсохина)*. Пр. В. 91 г. № 99.

Иванъ да Марья. Шутка въ одномъ дѣйствіи.

*) Отзывъ см. ниже.

***) Отзывъ см. „Артистъ“ № 12.

(Оригинальная). Соч. Г. Н. Грессеръ. (По литогр. изд. С. Θ. Разсохина)*. Пр. В. 91 г. № 59.

Камень при распутьи. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Князя Н. П. Урусова. „Театральная бібліотека“. № 4. Августъ 91 г. (По печатному изданію. 8 д., 27 стр.). Пр. В. 91 г. № 176.

Клубъ холостиковъ. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Передѣлано съ польскаго для русской сцены А. Крюковскимъ и С. Урайскимъ. (По литогр. изд. С. Θ. Разсохина. Москва. 1891 г. 4 д.). Пр. В. 91 г. № 144.

Козырь въ чужой колодъ Оригинальная шутка въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Александра Санина. (По печатному изданію типографія „Листокъ объявленій“. Р. Лаференцъ, С.-Петербургъ. 1888 г. 30 стр.). Пр. В. 91 г. № 59.

Комнатка со всѣми удобствами. Комедія-шутка въ одномъ дѣйствіи. М. В. Карпѣва. (По лит. изд. театр. библ. С. И. Напойкина. Москва. 1891 г., 4 д., 15 стр.)*. Пр. В. 91 г. № 120.

Кражъ. Драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе кн. Д. П. Голицына (Муравина). (По литогр. изд. С. Θ. Разсохина. Москва. 1891 г. 14 стр.**) Пр. В. 91 г. № 59.

Красное Солнышко. Комическая оперетта въ трехъ дѣйствіяхъ. Передѣлана изъ оперетты А. Дюрю и Г. Шиво „La Mascotte“. Музыка Эдмонда Одрана. (По литогр. изд. С. Θ. Разсохина. Москва. 1891 г. 100 стр.). Пр. В. 91 г. № 59.

Ку-ку. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Θ. Карѣва. (По литогр. изд. С. Θ. Разсохина)*. Пр. В. 91 г. № 99.

Къ доктору Коху въ Берлинъ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Афанасьева и Трефилова. (По литогр. изд. С. Θ. Разсохина. Москва. 1891 г. 26 стр.). Пр. В. 91 г. № 59.

Къ чему? Драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Юліи Загулаевой. (По литогр. изд. С. Θ. Разсохина. Москва. 1891 г. 4 д., 15 стр.)*. Пр. В. 91 г. № 144.

Леглинуть сосваталъ. Фарсъ-водевилъ въ 1-мъ д. сочиненіе А. П. Морозова. (По литогр. изд. театр. библ. С. И. Напойкина. Москва. 1891 г. 4 д., 1—20 стр.). Пр. В. 91 г. № 176.

Ложный путь. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Н. Ломакина. Москва. Типо-литографія В. Г. Демпель. 1891 г. (По печатному изд., 8 д., 5 стр. Цѣна 60 к.)*. Пр. В. 91 г. № 120.

Любительскій спектакль. Комедія-шутка въ двухъ дѣйствіяхъ. М. Кирилова-Карпѣва. (Фабрика заимствована). (По литогр. изд. С. Θ. Разсохина)*. Пр. В. 91 г. № 99.

Мамаево намѣстіе. Комедія-шутка въ 3 д. Ивана Щеглова. (По литогр. изд. С. Θ. Разсохина. Москва. 1891 г., 75 стр.***). Пр. В. 91 г. № 59.

Мирмедадовъ. Сцена изъ романа Θ. М. Достоевскаго: „Преступленіе и Наказаніе“. (По печатному изданію С. Θ. Разсохина. Москва. Типо-литографія Высочайше утв. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. 8 д., 14 стр.). Пр. В. 91 г. № 99.

Маруся. Драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе М. В. Карпѣва. (Сюжетъ заимствованъ). (По литогр. изд. С. И. Напойкина. Москва. 1891 г. 4 д., 16 стр.). Пр. В. 91 г. № 120.

Мачиха въ западнѣ. Фарсъ-сцены въ одномъ д. Изъ народнаго быта. Сочиненіе NN. (Е. Залѣсовой). (По литогр. изд. С. Θ. Разсохина. Москва. 1891 г. 4 д., 29 стр.)*. Пр. В. 91 г. № 176.

Меблированная комнаты Королева. Комедія-шутка въ трехъ дѣйствіяхъ. А. Крюковск.

*) Отзывъ см. ниже.

***) Напечатана въ № 9 журн. „Артистъ“.

****) Напечатана въ № 10 журн. „Артистъ“.

го и С. Урайскаго. (По литогр. изд. С. О. Разсохина. Москва. 1891 г. Пр. В. 91 г. № 59.

Молчаніе. Шутка въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Виктора Билибина. (Изданіе второе). (По литогр. изд. С. О. Разсохина. Москва. 1891 г. 4 д., 16 стр.) **). Пр. В. 91 г. № 176.

Мотылекъ. Пустячекъ въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Льва Иванова. (По литогр. изд. С. О. Разсохина. *) Пр. В. 91 г. № 99.

На французскую выставку въ Москву!! Оригинальный фарсъ-водевиль въ одномъ дѣйствіи, изъ купческаго быта, А. П. Морозова. Изданіе В. Базарова. С.-Петербургъ. 1891 года. „Владимірская“ типо-лит. (По печати. изданію. 8 д., 19 стр.) Пр. В. 91 г. № 99.

Наши обыватели въ Москвѣ на выставкѣ. (Другое названіе: „Въ Москву на выставку“). Водевиль въ 1 дѣйствіи. С. Трефилова (Афанасьева). Музыка съ куплетомъ сочин. Кнеховича. (По литогр. изд. С. О. Разсохина. Москва. 1891 года. 4 д., 19 стр.) Пр. В. 91 г. № 144.

Не бывать бы счастью, да несчастье помогло. Оперетка въ 1 д. съ франц. К. Тарновскаго и Лонгинова. Муз. изъ оперъ, балетовъ и романсовъ, аранж. и нѣкоторые номера вновь соч. М. Эрлангеромъ. (По литогр. изд. С. О. Разсохина. Москва. 1891 г. 4 д., 34 стр.) . Пр. В. 91 г. № 176.

Невѣста Верь-Шото. Оперетта въ трехъ дѣйствіяхъ Мориа Орбона. Переводъ съ французскаго Г. А. Арбенина. Музыка Эдмонда Одрана. (По литогр. изд. С. О. Разсохина. Москва. 1891 года. 88 стр.) Пр. В. 91 г. № 59.

Не подь слуду. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Н. К. (Ярославцева). (По литогр. изд. театр. библ. С. Н. Напойкина. Москва. 1891 г. 4 д., 84 стр.) Пр. В. 91 г. № 176.

Не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ. Пословица въ четырехъ дѣйствіяхъ. Передѣлка для русской сцены „Grosstädtisch“ К. А. Нарскаго. (По литогр. изд. С. О. Разсохина. Москва. 1891 г. 4 д., 118 стр.) . Пр. В. 91 г. № 176.

Нера или домашній очагъ куколки. Драма въ 3 д. Ибсена. Переводъ М. П. (По печатному изданію. Типографія М. Г. Волчанинова. Москва. 1891 года. 16 д., 113 стр.) . Пр. В. 91 г. № 144.

Обухъ („Ни съ того ни съ сего“) (Nowy dziennik). Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ Балуцкаго. (Передѣлка для русской сцены Е. М. В—каго). „Театральная Библиотека“, ежемѣсячный журналъ № 4-й, августъ 1891 г. (По печатному изданію 8 д. 36—65 стр.) Пр. В. 91 г. № 176.

Опасные люди (Два полюса). Драма въ четырехъ актахъ К. В. Назаревой. „Театральная библиотека“ № 3-й, июль 1891 г. (По печатному изданію. 8 д. 31 стр.) Пр. В. 91 г. № 176.

Осень. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе В. М. Михѣева. „Театральная библиотека“ ежемѣсячный журналъ, № 2, июнь. (По печатному изданію 8 д., 1—27 стр.) . Пр. В. 91 г. № 144.

Откликнулось сердечко. Драматическая бездѣлка въ одномъ дѣйствіи. (Фабула взята изъ комедіи Мюллера: „Sie hat sein Herz entdeckt“). (По литогр. изд. С. О. Разсохина. Москва. 1891 г. 4 д. 21 стр.) Пр. В. 91 г. № 176.

Отставка. Комедія-шутка въ одномъ дѣйствіи. „Театральная библиотека“, ежемѣсячный журналъ № 4-й, августъ 1891 г. (По печатному изданію 8 д., 28—35 стр.) Пр. В. 91 г. № 176.

Ошибки молодости. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Павла Штеллера. (По литогр. изд. С. О. Разсохина. Москва. 1891 г. 4 д., 95 стр.) Пр. В. 91 г. № 176.

Парія. Трагедія въ 1 д. Михаила Бера. Переводъ Н. Ф. Арбенина. (По литогр. изд. С. О. Разсохина. Москва. 1891 г. 31 стр.) . Пр. В. 91 г. № 59.

Передъ спектаклемъ. Закулисная картинка въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Д. А. Давыдовскаго. (По литогр. изд. С. О. Разсохина. Москва. 1891 года. 20 стр.) *. Пр. В. 91 г. № 59.

Побѣжденный Римъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе Александра Пароди. Переводъ въ стихахъ. А. Ф. Фодотова. (По печатному экземпляру типо-лит. Д. А. Бончъ-Бруевича. Москва. 1890 года, 102 стр.) Пр. В. 91 г. № 59.

Подвижной лагерный сборъ. Картинки изъ военной жизни въ одномъ дѣйствіи. (Сюжетъ заимствованный). Сочиненіе Н. П. Н. „Театральная библиотека“, ежемѣсячный журналъ, № 1-й, май 1891 года. (По печатному изданію 8 д., 32—42 стр.) Пр. В. 91 г. № 144.

Подъ гнетомъ утраты. Драматическій этюдъ въ одномъ дѣйствіи. Г. Д. (В. Крылова). (По литогр. изд. С. О. Разсохина.) . Пр. В. 91 г. № 99.

Помыслились. Малороссійскій водевиль въ одномъ дѣйствіи, съ куплетами. Сочиненіе Ф. А. Костенко. Изданіе Н. В. Туркина. Новочеркасскъ. Типо-литографія Н. В. Туркина. 1891 г. (По печатному изд. 16 д., 27 стр.) . Пр. В. 91 г. № 176.

По памятной книжкѣ. Комедія-шутка въ одномъ дѣйствіи, съ французскаго „Le serment d'Hogase, par H. Murger.“ (По литографированному изданію С. О. Разсохина. Москва. 1891 г. 27 стр.) *. Пр. В. 91 г. № 59.

По ревизіи. Этюдъ въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе М. Л. Кропивницкаго. „Театральн., музыкальный и художественный журналъ“, „Артистъ“, Москва. 1891 г. (годъ 2-й), № 14, апрѣль. Типо-литографія Высочайше утвержд. т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. (По печатному изданію 4 д., 90—98 стр.) Пр. В. 91 г. № 120.

Последнее сокровище. Драматическій этюдъ въ двухъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе В. М. Михеева. „Театральная библиотека“, ежемѣсячный журналъ, № 1, май 1891 г. (По печатному изданію, 8 д., 1—15 стр.) Пр. В. 91 г. № 144.

Послѣ ужина — горчица. Сцены въ двухъ картинахъ. Сочиненіе О. Карѣева. (По литогр. изд. С. О. Разсохина *) Пр. В. 91 г. № 99.

Проказы пажъ. Оперетта въ трехъ дѣйствіяхъ Гуго Витмана, переводъ съ нѣмецкаго Г. А. Арбенина. Музыка Карла Вейнбергера. (По печатному изданію С. О. Разсохина. Москва. 1891 г. 8 д., 62 стр.) Пр. В. 91 г. № 99.

Семейныя расчеты. Драма въ 4 дѣйствіяхъ. Н. Ив. и Н. Н. Куликовыхъ. (По литогр. изд. С. О. Разсохина. Москва. 1891 г.) . Пр. В. 91 г. № 99.

Серезжа. Водевиль въ 1 дѣйствіи. О. Матерна. (По литогр. изд. С. О. Разсохина. Москва. 1891 г.) . 4 д. 31 стр. Пр. В. 91 г. № 176.

Сила гипнотизма. Шутка-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе А. П. Морозова. (По литогр. изд. С. И. Напойкина. Москва. 1890 г. 4 д., 19 стр.) Пр. В. 91 г. № 120.

Скупой. Комедія въ пяти актахъ Мольера. Переводъ В. С. Лихачова. С.-Петербургъ. 1890 г. Изданіе А. С. Суворина. (Дешевая библиотека). (По печатному изданію. 16 д., 91 стр. Цѣна 15 к.) Пр. В. 91 г. № 120.

Слабосильная команда. Сцены изъ жизни глухой улицы, въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе А. Санина. (По печатному изданію типографія товарищества „Общественная Польза“, С.-Петербургъ. 1889 года. 64 стр.) Пр. В. 91 г. № 59.

Слушаю, ваше благородіе! Водевиль-фарсъ въ одномъ дѣйствіи. Н. В. Трофимова и О. О.

*) Отзвѣвъ см. ниже.

**) Напечатано въ № 12 журнала „Артистъ“.

*) Отзвѣвъ см. ниже.

Прейса. (Сюжетъ заимствованъ). Киевъ. Типографія К. Н. Милевскаго. 1891 г. (По печатному изданію 8 д., 31 стр.) . . . Пр. В. 91 г. № 176.

Собака садовника. (El perro del hortelano). Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ. Лопе де Вега. Переводъ А. Б. Маслова. (По литогр. изд. С. О. Разсохина. Москва. 1891 года. 4 д., 73 стр.) Пр. В. 91 г. № 144.

Состязаніе опереточныхъ героев или бенефициантъ спасенъ. Бенефисная шутка-интермедія въ двухъ картинахъ, съ разсказами, пѣніемъ и комическими куплетами. (По литогр. изд. С. О. Разсохина. Москва. 1891 года. 4 д., 12 стр.) Пр. В. 91 г. № 144.

Съ лѣвой руки. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. (Сюжетъ заимствованъ). С. Райскаго (К. А. Тарновскаго). (По литогр. изд. С. О. Разсохина. Москва. 1891 года. 4 д., 92 стр.) . . . Пр. В. 91 г. № 144.

Суворовъ въ деревнѣ, въ Миланѣ и въ обществѣ хорошенекыхъ женщинъ. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Н. Куликова. (По литогр. изд. С. О. Разсохина. Москва. 1891 г. 4 д., 66 стр.) Пр. В. 91 г. № 176.

Суди его Богъ!! Драма въ 5 дѣйствіяхъ. Л. Я. Гость-Кольцова. (Сюжетъ заимствованъ). По литогр. изд. С. И. Напойкина*). Пр. В. 91 г. № 99.

Сутяги. Комедія въ 3 дѣйствіяхъ. Ж. Расина. Переводъ съ французскаго. А. Ф. Осодова. (По печ. экз. типо-литогр. Д. А. Бончъ-Бруевича. Москва. 1890 года. 80 стр.) . . . Пр. В. 91 г. № 59.

Сюжетъ заимствованъ. Фарсъ въ одномъ дѣйствіи Н. В. Каменскаго и В. С. Пичинскаго. „Театральная бібліотека“. Ежемѣсячный журналъ. № 3-й. Июнь 1891 г. (По печатному изданію 8 д., 48—55 стр.) Пр. В. 91 г. № 176.

Тайны Канарскихъ острововъ. Оперетта въ 3 дѣйствіяхъ Лекока. Передѣлка съ франц. М. I. Ярона. (По литогр. изд. С. О. Разсохина. Москва. 1890 г. 4 д., 107 стр.) . . . Пр. В. 91 г. № 176.

Тетеревамъ не летать по деревьямъ. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. (Сюжетъ заимство-

ванъ). (По литогр. изд. С. О. Разсохина. Москва. 1891 г. 4 д., 106 стр.) . . . Пр. В. 91 г. № 176.

Тигренокъ (La Cigale). Комедія въ 3 дѣйствіяхъ, Мельяка и Галеви. Передѣлана Е. Н. А—вой. (По литогр. изд. С. О. Разсохина. Москва. 1891 года. 78 стр.) **. Пр. В. 91 г. № 59.

Три встрѣчи. Монологъ въ стихахъ. М. И. Лаврова. „Театральная бібліотека“. Ежемѣсячный журналъ. № 1-й. Май 1891 года. (По печатному изданію, 8 д., 43—44 стр.) . . . Пр. В. 91 г. № 144.

Фенелла или нѣмая изъ Портичи. Опера въ пяти дѣйствіяхъ. Музыка Д. Ф. Е. Обера. Москва. Паровая скоропечатня нотъ П. Юргенсона въ Москвѣ. (По печатному изданію. 8 д., 56 стр., цѣна 40 коп.) . . . Пр. В. 91 г. № 120.

Фиделіо. Опера въ двухъ дѣйствіяхъ Д. Бетховена. Переводъ П. Кирса. Москва. 1891 г. Паровая скоропечатня нотъ П. Юргенсона въ Москвѣ. (По печатному изданію. 8 д., 62 стр. Цѣна 40 к.) Пр. В. 91 г. № 120.

Хищники. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Вл. Череванскаго. С.-Петербургъ. Типографія В. Киршбаума. 1891 г. (По печатному изданію. 8 д., 196 стр.) Пр. В. 91 г. № 120.

Чайный цвѣтокъ. Оперетта-фарсъ въ двухъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ французскаго В. Крылова. Музыка Лекока. (По литогр. изд. С. О. Разсохина) Пр. В. 91 г. № 99.

Чужое имя (Miss Millton). Комедія въ 3 дѣйствіяхъ. Передѣлка Семена Райскаго (К. А. Тарновскаго). (По литогр. изд. С. О. Разсохина. Москва. 1891 года. 4 д., 66 стр.) . . . Пр. В. 91 г. № 144.

Школьный учитель. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго П. Каратыгина. (По печатному изданію. С.-Петербургъ. 1880 года. 8 д., 351—383 стр.) Пр. В. 91 г. № 144.

Элида. Драма въ пяти актахъ Генрика Ибсена. Переводъ съ норвежскаго В. М. Спасской. Журналъ „Артистъ“. Москва. 1891 г. № 14. Апрельъ. Типо-литографія Высочайше утвержденного товарищества И. И. Кушнеревъ и К^о. (По печатному изданію. 4 д., 36—75 стр.) . . . Пр. В. 91 г. № 120.

НОВЫЯ ПЬЕСЫ.

Баба, драма въ 5 дѣйствіяхъ, передѣл. Старцевымъ изъ романа кн. Д. Голицына (Муравлина).

Романъ кн. Голицына „Баба“, появившійся нѣсколько лѣтъ назадъ, въ свое время былъ замѣченъ и одобренъ какъ публичкой, такъ и критикой. Все содержаніе этого романа сводится къ описанію того, какъ молодой, слабохарактерный человѣкъ изъ „хорошаго круга“ постепенно поддается вліянію дворовой молодой бабы и какъ опутанный этимъ вліяніемъ, онъ постепенно же опускается все ниже и ниже, начинаетъ пить, предаваться разгулу и доходить почти до преступленій. Конечно, можно возразить, что такіе случаи бывають далеко не часто и что тутъ мы имѣемъ дѣло именно только съ случаемъ, а не съ явленіемъ, но и это возраженіе не могло бы особенно повліять на успѣхъ романа. Крайне интересно и красочно написанный романъ подкупалъ читателя своей простотой и жизненностью. Пьеса, заглавіе которой мы выписали, есть передѣлка этого романа. Какъ извѣстно, подобнаго рода драматическія передѣлки рѣдко достигаютъ своей цѣли. Утрачивая обыкновенно тѣ достоинства, которыми можетъ обладать только романъ (описанія, пейзажи, психологическія разсужденія и наблюденія), эти передѣлки въ то же время ничего не

даютъ вещи. Въ результатѣ же получается нѣчто малоопредѣленное. То, что въ романѣ происходитъ въ теченіе двухъ-трехъ-четырёхъ дней, а иногда и недѣли, то, по специфическимъ условіямъ сцены, приходится втискивать въ рамку двухъ-трехъ, а иногда и одного часа. Очевидно, что прежде всего должна пострадать психологическая правда. Далѣе то, что въ романѣ легко и удобно можетъ быть высказано самимъ авторомъ или отъ лица какого-либо эпизодическаго персонажа, то въ пьесѣ должно быть уже введено въ самое дѣйствіе. А, какъ извѣстно, это далеко не такъ легко и рѣдко кому удается. Наконецъ, что касается именно разбираемой передѣлки, то мысль о ней кажется намъ тѣмъ болѣе неудачной, что вся суть передѣланнаго романа заключается въ показаніи того, какъ постепенно вліяніе бабы Алены дѣйствовало разрушительно на молодого Гремухина. А кто знакомъ со сценой, тотъ навѣрное знаетъ, насколько такая постепенность въ развитіи психологическихъ измѣненій въ человѣкѣ мало доступна сценѣ. Необходимо, чтобы талантъ такого драматурга далеко выходилъ за общій уровень.

Впрочемъ, если не считать указанныхъ недостатковъ, коренящихся въ самой трудности пере-

*) Отзывъ см. ниже.

**) Отзывъ см. „Артистъ“ № 13.

дѣлыванія пьесъ изъ романовъ и повѣстей, то передѣлку г. Старцева можно назвать довольно удовлетворительной. Какъ сюжетъ, такъ и характеры дѣйствующихъ лицъ въ главныхъ своихъ чертахъ остались безъ измѣненія. Нѣсколько неприятно поражаетъ вычурность языка въ тѣхъ мѣстахъ, которыя, очевидно, принадлежать не автору романа, такъ какъ въ романѣ такихъ мѣстъ мы не нашли. Это та же вычурность, которой такъ изобилуютъ современные пьесы, наприм. комедіи Вл. Тихонова, и противъ которой такъ ожесточенно борется театральная критика: „мерлихлюндія“ вмѣсто „меланхолія“, „душой пластаться“ вмѣсто „любить“, чувствовать расположеніе“ и т. д. Жаль еще, что пятый актъ нѣсколько растянута. Это значительно вредитъ цѣлности впечатлѣнія.

Бабье царство. Комедія въ 1-мъ дѣйствіи. Б. И. Бентовина.

Бабье царство названной пьесы состоитъ изъ четырехъ членовъ: очень живой и бойкой барышни, ея матери, молодящейся и желающей правиться особы, тетки, отличающейся лаконизмомъ и большимъ пристрастіемъ къ средней исторіи, и, наконецъ, старой ханжи-бабушки. На это царство, или вѣрнѣе на первую его половину, имѣютъ виды два пріятеля: художникъ и профессоръ. Первый старается покорить сердце маменьки, второй, успѣвъ уже у дочери, рѣшается добиться согласія на бракъ съ ней у остальныхъ. Но добиться этого не такъ-то легко—нужно понравиться всѣмъ членамъ царства. Первые шаги на этомъ пути не совсѣмъ удачны у профессора, не обладающаго свѣтскимъ лоскомъ; онъ возстанавливаетъ противъ себя маменьку своими неумѣльными и нетактичными комплиментами. Очень комичны какъ его объясненіе съ маменькой, такъ и старанія понравиться тетюшкѣ съ бабушкой. Въ концѣ концовъ дѣло устранивается къ общему благополучію. Пьеса написана очень живо и весело.

Безумный бракъ. Драма въ 5 д. Автора драмы „Бѣлый Генералъ“.

Почему драма называется именно „безумный“ бракъ, а не бракъ „выгодный“, „благоразумный“ или какъ-нибудь въ этомъ родѣ, вѣроятно, не объяснить и самъ авторъ. Дѣло въ томъ, что въ теченіе всѣхъ 5 дѣйствій пѣтъ ни малѣйшаго намека ни на какое безуміе, хотя бы и въ персонномъ смыслѣ. Нѣкій молодой человѣкъ, спасаясь отъ банкротства, женится на молодой красавицѣ съ полумиллионнымъ приданымъ. Покинутая имъ любовница рѣшается мстить и для этого какимъ-то необъяснимымъ образомъ поселяется въ его домѣ. Задавшись цѣлью разсорить молодыхъ супруговъ, она достигаетъ лишь того, что ее выгоняютъ изъ дому. Но желаніе мести не оставляетъ ее. Она пытается достигнуть своего разными другими способами, но вотъ однажды, разгневшись съ своей горничной она приходитъ къ мысли, что истинная любовь должна все прощать. Собираются всѣ дѣйствующія лица и происходитъ трогательное объясненіе. Въ заключеніе супруги примиряются, а раскаявшаяся мстительница неизвѣстно зачѣмъ и почему умираетъ. Такимъ образомъ, центромъ пьесы является вовсе не бракъ молодого человѣка, а жизнь и терзанія его бывшей любовницы. Интересно поэтому знать, почему же бракъ названъ „безумнымъ“? Гдѣ и въ чемъ тутъ „безуміе“?...

Будущая знаменитость. Шутка въ 1-мъ д. А. С. Шустова.

Авторъ шутки пожелалъ представить публикѣ человѣка, увлекшагося гипнотизмомъ. Вмѣсто этого изъ подъ его пера вышелъ какой-то сумасшедшій, то з дающійся цѣлью обратить человѣ-

ка въ животное, то, наоборотъ, кошку и собаку въ человѣка. Всѣ же остальные дѣйствующія лица являются только аксессуарами къ указанной основной „мысли“ автора. Вообще же, въ „шуткѣ“ нѣтъ ни правды, ни жизни, ни даже той бойкости, которая составляетъ всю соль подобныхъ вещей.

Бѣби. Комедія въ 3 д. П. Северина.

Комедія эта принадлежитъ къ разряду тѣхъ, о которыхъ трудно сказать что-нибудь опредѣленное. Ни интересной мысли, ни интересныхъ характеровъ, ни интересныхъ положеній. Блѣдно, шаблонно, а главное, удивительно скучно. Вѣчно недовольный супругъ донамастъ жену своими капризами и брюжаньемъ до того, что она начинаетъ подумывать объ отъѣздѣ къ матери. Однажды мужъ находитъ у дверей квартіры подкинутаго ребенка. Предполагая, что этотъ ребенокъ подкинутъ ему его любовницей, онъ приходитъ въ большое безпокойство и всѣми силами старается скрыть ребенка отъ жены; въ то же время жена, узнавъ отъ горничной о находкѣ, рѣшается взять ребенка на воспитаніе и хотъ этимъ заполнить свою неказистую жизнь, но она заранѣе увѣрена, что капризный мужъ ни въ какомъ случаѣ на это не согласится. Происходитъ обмѣнъ мыслей, показывающихъ очевидно непониманіе другъ друга. Наконецъ, недоразумѣніе разъясняется и въ семьѣ воцаряется миръ и любовь. Не нарушаетъ міра даже и то, что ребенокъ оказывается принадлежащимъ двоюродной сестрѣ жены. Весь комизмъ пьесы заключается въ разсказахъ выжившаго изъ ума генерала (кстати сказать, совершенно не нужна для пьесы), какъ и у кого изъ врачей онъ лѣчился. Длинные, на нѣсколько страницъ, монологи, пестрящие пьесу, сдѣлаютъ ее, вѣроятно, чрезвычайно утомительной на сценѣ.

Вертепъ юродивыхъ. Комедія въ 2 д. Ѳ. Карѣева.

Задача пьесы—изобразить приживалокъ и отношеній къ нимъ какъ господъ такъ и прислуги, задача едва ли интересная, такъ какъ вопросъ о приживалкахъ много тысячъ разъ и гораздо сильнѣе разрабатывался и раньше. Но авторъ даже и такой своей задачи не выполнятъ. Изображенные имъ люди на столько каррикатурны что перестаютъ быть похожими вообще на людей. Содержаніе комедіи переска звать не стоить. Оно блѣдно и шаблонно. Для примѣра можно указать только на сценку, гдѣ госпожа заставляетъ приживалокъ принимать слабительное, пробы ради. Въ этой сценкѣ, вѣроятно, для большей жизненности, авторъ не затрудняется вывести на сценѣ даже послѣдствія этого слабительнаго. Дальше кажется и идти некуда.

Вытурилъ. Шутка въ 1 д. и 2-хъ карт. Соч. Г. Н. Грессеръ и С. В. Чирикова.

Содержаніе данной шутки состоитъ въ злоключеніяхъ провинціала, попавшаго первый разъ въ Москву и занявшаго на свое несчастье такой номеръ, на который имѣлъ виды одинъ молодой чиновникъ; чиновнику же необходимъ былъ именно этотъ номеръ, такъ какъ окна послѣдняго приходились, какъ разъ напротивъ оконъ возлюбленной чиновника. Чиновникъ сначала предлагаетъ провинциалу добровольно перебраться помѣщеніе, но провинциалъ рѣшительно отказывается. Тогда чиновникъ печатаетъ въ нѣсколькихъ газетахъ разнообразныя объявленія отъ имени мѣшающаго ему провинціала, и на несчастнаго, конечно, посыпались неожиданные визиты массы людей, по поводу публикацій. Въ отчаяніи провинциалъ бѣжитъ не только изъ номера, но даже и изъ Москвы.

Написана вещь очень мило и мѣстами остроумно. Напрасно только регисторъ Радикаловъ

выведенъ какимъ-то человѣкомъ-звѣремъ, въ красной рубашкѣ. И безъ такой неумѣстной шутки пьеса можетъ возбудить веселость въ зрителяхъ.

Докторъ Кохъ всѣмъ помогъ. Шутка въ 1 д. К. П. Ларина.

Вся „прелесть“ этой шутки состоитъ въ нелѣпомъ коверканіи иностранныхъ словъ. Желая изобразить какъ отозвалось открытіе Коха въ нашемъ замоскворѣчьи, авторъ беретъ необразованную купеческую семью съ самодуромъ отцемъ во главѣ и заставляетъ членовъ этой семьи говорить несообразности о Кохѣ, о бациллахъ, о чахоткѣ. Сынъ, чтобы выманить у матери денегъ на попойку, также пользуется открытіемъ Коха и выдумываетъ съ какимъ-то праздничателемъ басню о томъ, что у него чахотка и о способѣ Коха леченія ея ковылякомъ съ золотомъ и проч. Не трудно видѣть, что ни о юморѣ, ни объ остроуміи въ данной шуткѣ не можетъ быть и рѣчи.

Заслуженный урокъ. Комедія въ 1-мъ д. А. Крюковского и К. А.

Содержаніе названной комедіи основано на ошибочной ревности. Жена, по секрету отъ мужа, беретъ уроки музыки у старика музыканта. Кузина, посвященная въ секретъ жены, старается возбудить ревность мужа, чтобы хоть этимъ заставить его относиться болѣе внимательно къ своей скучающей молодой женѣ. Происходитъ рядъ бурныхъ объясненій и комическихъ сценъ, послѣ чего все дѣло разъясняется. Написана вещьца легко и, вѣроятно, такъ же легко будетъ смотрѣться и на сценѣ.

Иванъ да Марья. Шутка въ 1-мъ дѣйствіи Г. Н. Грѣссера.

Сюжетъ шутки г. Грѣссера основанъ на недоразумѣніи, происходящемъ вслѣдствіи неточнаго выраженія мысли. Благодаря недомолкѣ, нѣкая барыня думаетъ, что на ней хочетъ жениться отецъ молодого человѣка, ухаживающаго за ея дочерью. Старикъ же думаетъ, что онъ получилъ отъ барыни разрѣшеніе на бракъ съ ея дочерью; дочь полагаетъ, что ей сдѣлано предложеніе отъ имени молодого человѣка и такъ далѣе, все въ томъ же родѣ. Кончается тѣмъ, что всѣ бранятся и расходятся. Шутка, впрочемъ, довольно сценична.

Комнатка со всѣми удобствами. Комедія-шутка въ 1 д. М. В. Карѣева. Содержаніе комедіи г. Карѣева предрѣшается уже самимъ заглавіемъ. Господинъ нанимаетъ меблированную комнату у нѣмки-хозяйки, увѣряющей, что у нея въ квартирѣ замѣчательная тишина и что жильцы ея — народъ очень приличный. Но только новый жилецъ укладывается спать, какъ начинаются его мученія: канарейка поетъ, за дверью лаетъ собака, мяукаетъ кошка и проч. Не успѣваетъ онъ усмирить этихъ враговъ своихъ, какъ въ комнату врываются обладательницы животныхъ и начинается крикъ. Затѣмъ влѣзаетъ пьяный мужъ барыни, съхавшей накануне изъ этой комнаты, заваливается на кровать и засыпаетъ. Въ концѣ концовъ, наниматель „обѣгаетъ“, не дождавшись даже утра. Вѣрнѣе было бы назвать пьесу не комедіей, а фарсомъ.

Ку-жу. Комедія въ 3 д. О. Карѣева.

Г. Карѣевъ написалъ свою комедію съ единственной цѣлью посмѣшить публику, но и эта „скромная“ цѣль автору удалась не совсѣмъ. Авторъ забылъ, что одного смѣха на самой сценѣ еще недостаточно, чтобы возбудить смѣхъ въ зрителяхъ. Содержанія въ комедіи нѣтъ вовсе. Влюбленный молодой человѣкъ, чтобы вызвать на свиданіе свой „предметъ“, подражаетъ крику кукушки. Но крикъ этотъ сильно обезцвѣчиваетъ отца невесты и отца

приказываетъ старику-слугѣ отыскать „подлую кукушку“ и застрѣлить ее. Слуга рыскаетъ по саду, гоняется, наконецъ, стрѣляетъ, но вмѣсто кукушки къ его ногамъ падаетъ чучело вороны. Затѣмъ молодой человѣкъ дѣлаетъ предложеніе, но получаетъ отказъ. Чтобы вынудить согласіе, онъ пользуется любовными стихами, написанными отцомъ компаніонкѣ его дочери. Въ 3-мъ дѣйствіи, неизвѣстно зачѣмъ, молодой человѣкъ является въ видѣ полотера. Ни веселости, ни остроумія, ни даже здраваго смысла. Просто удивляешься, зачѣмъ люди пишутъ такіа дѣтскія, наивныя вещи.

Къ чему?! Драматическій этюдъ въ 1 д. Юлія Загуляевой.

Содержаніе „драматическаго этюда“ г-жи Загуляевой состоитъ въ томъ, что скучающая барышня приглашаетъ къ себѣ, въ отсутствіе отца, женатаго господина и очень длинно и скучно изъясняется ему въ любви. Возвращается домой отецъ. Барышня скрывается и черезъ минуту появляется вновь, чтобы сказать: „господа, чай готовъ“. То-есть? Съ полнымъ основаніемъ мы можемъ спросить автора этюда: г. авторъ, къ чему?!...

Ложный путь. Драма въ 4 д. Н. Ломакина, если чѣмъ и замѣчательна, то только тѣмъ, что въ ней нѣтъ ровно никакой драмы. Героиня — барышня Надя, невеста нѣкого разочарованнаго себѣлюбца Холоднева (въ сущности прекраснаго человѣка), влюбляется въ новаго управляющаго своего отца, человѣка одареннаго всѣми добродѣтелями. Свадьба разстраивается вслѣдствіе отказа самого жениха, случайно подслушавшаго объясненіе Нади съ управляющимъ. Родители соглашаются на новую комбинацію и уже готовятся пить шампанское за здоровье молодой парочки, какъ вдругъ появляется докторъ съ сообщеніемъ, что первый женихъ застрѣлился. На этомъ пьеса и кончается.

Любительскій спектакль. Комедія-шутка въ 2 д. М. Кириллова-Карѣева. Фабула заимствована.

Сюжетъ „комедіи“ до того избитъ, что о немъ даже говорить не хочется. Маменька устраиваетъ любительскій спектакль, чтобы такимъ путемъ „поймать“ жениха для своей дочери. — Сколько разъ уже это повторялось на нашей сценѣ? Впрочемъ, въ данной комедіи есть маленькая вариация: пойманный женихъ оказывается уже женатымъ. Но развѣ и подобной вариации не было?

Мачиха въ западнѣ. Фарсъ-сцены въ 1 д. изъ народнаго быта NN.

Не передавая даже содержанія этого прямо невозможнаго произведенія изъ „народнаго быта“, мы приведемъ только образчикъ его остроумія и вообще изложенія.

Горошкинъ. Кому тебя, Оедуль, нужно ловить?

Шушкинъ. Кто меня обудь, кто меня будетъ бить.

Ухарь. Видъ твой, твою невесту съ души воротить.

Шушкинъ. Что—что? По какому мѣсту меня колотятъ?

Это не пьеса даже, а просто „разговорная кинитель“, такъ часто практикуемая балаганными „дѣдами“!...

Мотылекъ. Пустичекъ въ 1 д. Сочиненіе Льва Иванова.

Молодая барышка, тайкомъ отъ мужа, ѣдетъ развлечься съ своей подружкой въ маскарадъ. Почти тотчасъ же по приѣздѣ она встрѣчается съ мужемъ и, пользуясь случаемъ, интригуетъ его. Супругъ не прочь поволочиться за хорошенькой незнакомкой и между ними завязывается довольно оживленный разговоръ, пересыпаемый многими блестящими остроуміями, вроде:

„... Ѣдять съ женой въ маскарадъ, все равно,

что въ Тулу съ своимъ самоваромъ "... или „спойте мнѣ ваши очаровательнымъ *бланнымъ матомъ*" или „ты въ настоящемъ любишь неизвѣстное, но если бѣ зналъ недавно прошедшее, то боялся бы за будущее“.

Разговоръ оканчивается снятіемъ маски, замѣшательствомъ мужа и побѣдкой въ Аркадію. Мужъ видимо большой любитель пѣнія, такъ какъ въ пьеску вставлена цѣлая серія „заимствованныхъ“ куплетовъ. Вотъ и все, что можно сказать о произведеніи г. Льва Иванова.

Передъ спектаклемъ. Закулисная картинка въ 1 д. Д. А. Давыдовскаго.

„Картинка“ г. Давыдовскаго очень не замысловата. Черезъ каждыя 2—3 минуты режиссеръ, какъ сумасшедшій, вбѣгаетъ въ уборную актера и объявляетъ о перемѣнѣ назначенной пьесы. Актеръ мѣняетъ парики и читаетъ различные монологи. Вѣроятно, для большей комичности авторъ не даетъ дѣйствующимъ лицамъ именъ, а предлагаетъ называть ихъ именами мѣстныхъ исполнителей. Авторъ также проситъ, чтобы роль портнаго исполнялъ дѣйствительный театральныи портной (!?)

По памятной книжкѣ. Комедія-шутка въ 1 д. съ французскаго. *Le serment d'Hogase* par H. Mürger.

Основа пьесы — водевильное происшествіе, невозможное въ дѣйствительной жизни. Эльскій, скукающій молодой человѣкъ, выходя изъ театра, надѣваетъ по ошибкѣ чужое пальто. Въ карманѣ пальто онъ находитъ памятную книжку, въ которой записано, что долженъ былъ сдѣлать ея владѣлецъ въ теченіе слѣдующаго дня. Шутки ради, Эльскій рѣшаетъ исполнить всю программу дня по памятной книжкѣ и въ томъ числѣ—сдѣлать предложеніе совершенно ему неизвѣстной г-жѣ Тоновой. Шутка заканчивается серьезнымъ предложеніемъ руки и сердца Эльскимъ и помолвкой его съ Тоновой.

Послѣ ужина—горчица. Сцены въ 2 картинахъ О. Карѣева.

И ужинъ, и горчица, конечно аллегорія; ужинъ, это кутежъ горничной во время отсутствія господъ, а горчица—внезапное появленіе хозяевъ. Для разнообразія, горничная пьесы изображаетъ изъ себя свою барыню, а ея гость—лакей, выдаетъ себя за графа. Вся суть пьесы заключается въ подражаніи языку лакейскихъ.

Суди его Богъ!! Драма въ 5 д. Л. Я. Гость-Кольцова. Сюжетъ заимствованъ.

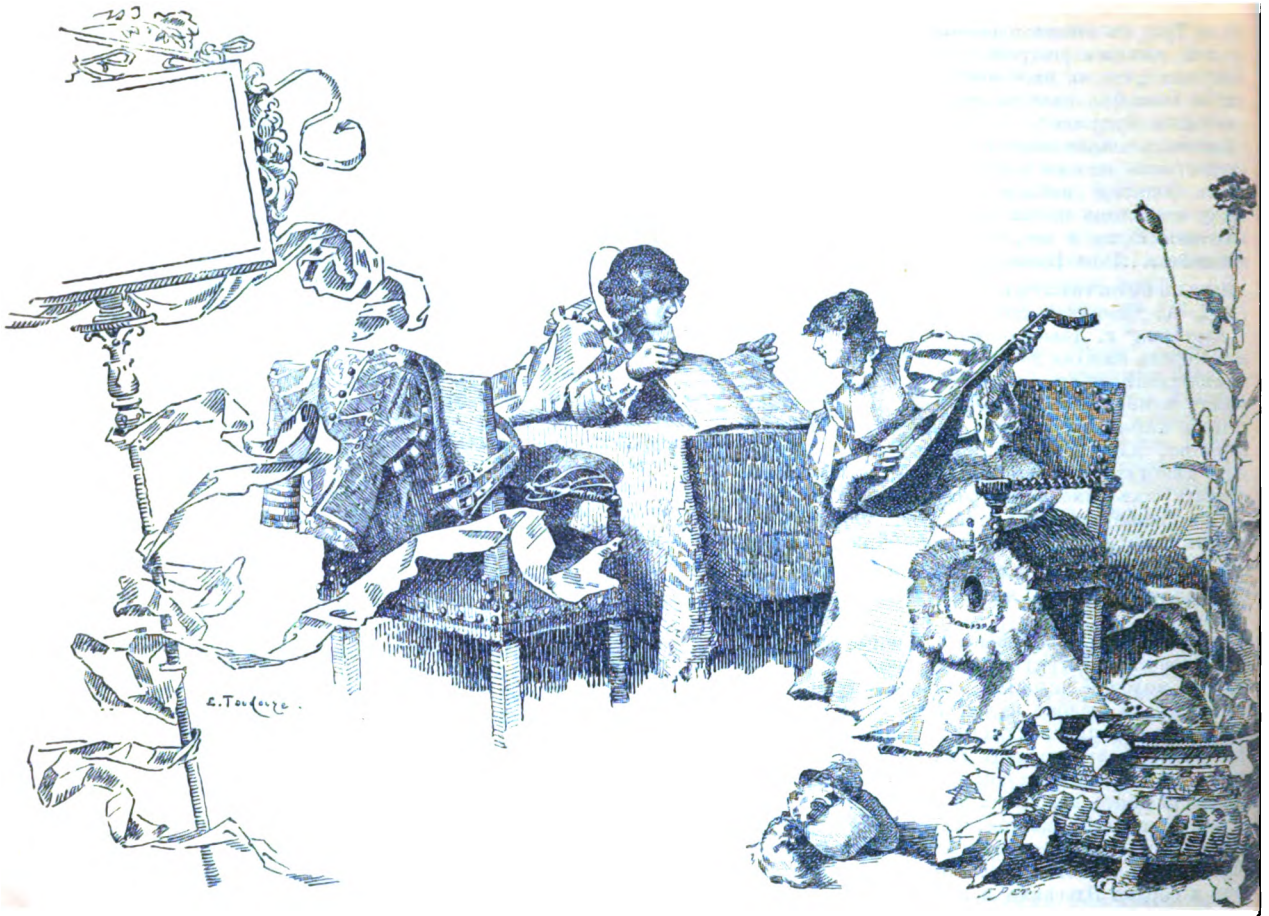
Основная идея драмы заключается въ легкомысленномъ отношеніи родителей при выдачѣ дочерей замужъ. Супруги Мироновы выдаютъ свою дочь за барона Фильбаха, человѣка имѣющаго почти незнакомаго, выдаютъ по добромъ согласію самой дочери, прельстившейся въ баронѣ его любезностью, изысканностью и его подарками. Передъ самымъ вѣнцомъ мать въ разговорѣ съ отцомъ указываетъ ему на то, что дочь совсѣмъ не любитъ барона, а напротивъ, вся душа ея на сторонѣ ея друга дѣтства Костюкова. Этимъ указаніемъ ясно освѣщается весь дальнѣйшій ходъ драмы. Свадьба состоялась, но не удовлетворила никого. Баронъ рассчитывалъ на громадное приданое и не получилъ ничего, барышня только послѣ свадьбы поняла что у нея совсѣмъ нѣтъ любви къ мужу, а было просто невинное увлеченіе блескомъ свѣтскаго человѣка. Барону необходимо поправить свои матеріальныя обстоятельства и онъ старается воспользоваться увлеченіями старика Залѣшина его женой; но наталкивается на энергичный протестъ возмущенной жены, которая послѣ новой его попытки уѣзжаетъ отъ него и начинаетъ искать развода. Теперь начинается самый драматическій моментъ: баронъ убиваетъ на дуэли Костюкова, а жена барона сходитъ съ ума надъ трупомъ любимаго человѣка. Для увеличенія эффекта появляется до сихъ поръ неизвѣстный, дядюшка Костюкова, и вызываетъ барона на дуэль. Все это было бы, можетъ быть, очень хорошо, если бы хоть отчасти напоминало дѣйствительную жизнь и если бы не грѣшило въ каждой почти сценѣ противъ здраваго смысла и логики.

Таинственный убійца или Человѣкъ звѣрь. Драма въ 4-хъ д. съ прологомъ. Переводъ съ французскаго А. Крюковского.

Названная драма оригинальна тѣмъ, что она вся сплошь состоитъ изъ „страшныхъ“ словъ. Не только самая драма, но и прологъ и каждое дѣйствіе въ отдѣльности носятъ такія страшныя названія, какъ: „Повѣщенный или Жизнь послѣ смерти“ „Любовный напитокъ или Конецъ ребенку“ и т. д. Содержаніе пьесы взято, очевидно, изъ какого-нибудь бульварнаго парижскаго романа. Въ теченіе четырехъ небольшихъ актовъ мы имѣемъ дѣло съ тремя убійствами, однимъ воскресеніемъ, помѣшательствомъ, съ увозомъ ребенка и проч., и проч. Герою же пьесы является человѣкъ, надѣленный всѣми отрицательными качествами, человѣкъ, не останавливающийся ни передъ чѣмъ ради задуманной цѣли.

Изъ Händsel's Skizzenbuch.

Современное обозрѣніе.

Элеонора Дуза.

На сценическое искусство существует два противоположных взгляда. Одинъ изъ нихъ до такой степени извращаетъ самое понятие о художественности, дарованіи, искусствѣ, что, по видимому, не имѣетъ никакого права на существованіе. О сценическихъ исполнителяхъ мы употребляемъ выраженія — талантливый, гениальный, очевидно приравнивая способность создавать роли той самой силѣ, которая у одного вызываетъ художественное стихотвореніе или романъ, другаго вдохновляетъ на прекрасную картину или статую. Эта способность проявляется различно, но во всѣхъ случаяхъ остается совершенно своеобразной, оригинальной, по существу отличной отъ всѣхъ другихъ способностей человѣка. Она и носитъ особое названіе, гения, таланта. Никто не станетъ утверждать, что человѣкъ съ большимъ умомъ или сильной памятью способенъ написать художественное произведеніе или музыкальную піесу. Если поэты *рождаются*, а не *дла-*

ются, то это же правило вѣрно и относительно представителей всѣхъ искусствъ. Правда, наравнѣ съ истинно-художественнымъ искусствомъ существуетъ его суррогатъ, напоминающій его только по формѣ и лишенный его творческой силы, безсмертнаго дыханія жизни и красоты. Рядомъ съ художниками слова существуютъ ремесленники способные часто выдумать и написать несравненно большее количество «твореній», чѣмъ настоящій художникъ. Есть такіе же ремесленники въ музыкѣ, въ живописи. Основная разница между ремесломъ и искусствомъ — шаблонность формы и содержанія ремесленническаго произведенія, и обиліе внутренней силы и оригинальности въ истинно-художественномъ созданіи. Во всѣхъ искусствахъ тотъ или иной приговоръ неотразимо постигаетъ все, возникшее въ ихъ области. Если правдивый судъ и не будетъ произнесенъ современниками, потомство исправитъ ихъ недоразумѣнія и ошибки. Художникъ равно или

поздно будетъ выдѣленъ изъ сѣрой толпы, и самозванные представители искусства будутъ низведены до надлежащаго имъ уровня.

Когда будутъ произносить этотъ приговоръ, никому и на умъ не придетъ поговѣвать, что такой-то второстепенный поэтъ не *обучался* поэзіи и не достигъ уровня великаго поэта. Всякому кажется нелѣпостью ждать отъ практики, трудолюбія, привычки—того священнаго огня, который еще древніе приписывали вліянію особыхъ божествъ на избранныхъ смертныхъ. Въ потѣ лица не найти никому животворящаго источника, бьющаго искрами генія и неувядающей красоты. Самъ собою открывается онъ любимацѣ, избранникамъ природы, ея дѣтямъ. И эти избранники часто съ первой минуты сознанія чувствуютъ подъ собою вліяніе этой дивной силы. Она возникаетъ и растетъ въ нихъ вмѣстѣ съ годами, независимо отъ ихъ усилій. Она влечетъ ихъ за собой непреодолимо, страстно, — и всю жизнь имъ не отдѣлаться отъ *сновъ* и *врезъ*, навѣваемыхъ богомъ вдохновенія. Великіе поэты много разъ рассказывали, какъ ихъ томила и мучила эта сила и въ то же время дарила минуты священнаго восторга. Они рассказывали, какъ дыханіе этой силы мгновенно перерождало смертнаго сына земли въ могучаго вѣщателя истинъ, скрытыхъ отъ глазъ другихъ, какъ призывъ Аполлона къ «священной жертвѣ» изъ ничтожнаго члена людской семьи создавалъ ея учителя и пророка.

Эти истины для всѣхъ несомнѣнны, когда дѣло касается художниковъ слова, звука, кисти. Но среди искусствъ есть одно, съ давнихъ поръ занявшее привилегированное положеніе, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ большинства своихъ слушателей и особаго направленія въ критикѣ. Все, что справедливо относительно поэта, композитора, живописца, теряетъ силу, когда дѣло коснется актера, и теряетъ настолько, что основное представленіе о *талантѣ*, о *геніи* совершенно забывается, когда разсыпаютъ эпитеты *талантливей* артистѣ, *геніальной* артисткѣ. Сценическое искусство и тѣмъ уже облагодѣтельствовано судьбой, что эти эпитеты *всегда* остаются на совѣсти современниковъ. Въ другихъ искусствахъ эта совѣсть въ большинствѣ случаевъ совершенно отвергается, а здѣсь она единственный свидѣтель и разъ увѣнчанное ею имя переходитъ такимъ и въ потомство. Для представителей мысли и творчества во всѣхъ его проявленіяхъ судъ современниковъ менѣе всего принимается въ расчетъ и мы часто, скрѣпивъ сердце, ждемъ, пока *дѣти* ниспровергнуть кумировъ, воздвигнутыхъ легкомысленными *отцами*. Весьма часто въ этой надеждѣ для насъ единственная отрада при видѣ торжествующей пошлости, при громѣ уличныхъ завываній и треска въ честь жалкихъ людей, сумѣвшихъ поль-

стить инстинктамъ толпы. И сколько разъ улыбка прииренія освѣщала смерть геніальнаго человека, непризнаннаго мимо идущей толпой, но полнаго надежды на признательность будущихъ поколѣній. Сценической исполнителю самъ, при жизни, упивается до конца одуряющимъ благоуханіемъ славы и поклоненія. И какими подъемомъ, какими изумительными усиліями, часто подвигами своего таланта бываетъ онъ обязанъ исключительно этой славѣ и поклоненію! Ему не надо тяжелаго страдальческаго терпѣнія при жизни, чтобы дожидаться вѣнковъ на могилу. Ему не надо высокаго нравственнаго мужества — только въ идеѣ, и въ своемъ стремленіи находить себѣ утѣшеніе, когда равнодушная толпа проходитъ мимо него, осыпая часто его дорогія думы насмѣшками и презрѣніемъ. А если среди этой толпы и найдутся немногіе, способные понять эти думы, ихъ голосъ потонетъ въ окружающемъ воѣ и предметомъ поклоненія окажется недостойный льстецъ, покорно идущій за стаднымъ влеченіемъ своихъ почитателей.

И сколько разъ въ человечествѣ совершалась эта драма, сколько пятенъ легло на современниковъ великихъ людей, не только не оцѣненныхъ, но часто гонимыхъ, встрѣчавшихъ даже смерть!

Ничего подобнаго не происходило и не можетъ произойти съ артистомъ. Мало того, что ему ежедневно готовы вѣнки и рукоплесканія, — эти награды для него — и только для него — раздаются цѣнителями, менѣе всего требовательными, весьма часто даже не способными отдать отчетъ въ своихъ восторгахъ. Вглядитесь въ бушующую въ театральныхъ залахъ толпу, и вамъ покажется странной, невозможной мысль — отдать на судъ этого сонмища глубоко-художественное произведеніе, исполненное внутренняго содержанія, но лишенное яркихъ цвѣтовъ и наркотическаго запаха. Вамъ невольно припоминается чисто дѣтское безсиліе — понять мысль безъ образа, ее олицетворяющаго, и многіе *лм*, думается вамъ, — среди этихъ теперь крайне оживленныхъ зрителей, — прочли бы и поняли бы въ книгѣ то, чѣмъ они теперь восхищаются въ исполненіи актеровъ? Да правда ли еще, что они понимаютъ все, сказанное авторомъ и проходящее на сценѣ? Развѣ не слышите вы взрыва тѣхъ или иныхъ ощущеній при *отдѣльных* словахъ, большею частью при извѣстныхъ особенно удачныхъ приемахъ актерской игры? Еще вопросъ, смотритъ ли эта толпа *нису* или только *иру*, — и весьма часто, едва-ли не въ большинствѣ случаевъ, вопросъ рѣшается въ послѣднемъ смыслѣ. И актерская игра сосредоточиваетъ вниманіе зрителей вовсе не потому, что она непремѣнно художественнѣе и содержательнѣе самой пьесы, а просто потому что она образна, доступна самому первобытному эстетическому чувству: она даже просто *забавля-*

еть весьма многихъ, не тревожа ихъ сознаниа и чувства.

И вотъ изъ среды такихъ-то цѣнителей гремятъ апплодисменты и сыплются цвѣты. У цѣнителей всякаго другаго искусства потребуютъ отчета въ его умственномъ и образовательномъ уровнѣ, а здѣсь всякій, попавшій въ залу, считаетъ совершенно законнымъ одобрять и порицать. И сила исполнителей именно въ томъ, чтобы побольше навербовать такого рода судей. Въ то время, какъ во всякомъ другомъ искусствѣ одинъ авторитетный голосъ стбитъ сотенъ бессознательныхъ возгласовъ,—въ сценическомъ эти сотни всегда имѣютъ шансы перекричать одного и артистъ въ отвѣтъ на всякій иной судъ съ гордостью, которую его искусство признаетъ совершенно законной, укажетъ на вопли своихъ зрителей. Артисты сѣтуютъ на то, что блескъ ихъ созданий не переходитъ въ потомство: они сторицею вознаграждены за это лишеніе всѣми только-что указанными условіями своей славы. Нигдѣ этотъ путь не представляетъ столько соблазновъ, нигдѣ онъ не усыпанъ столькими цвѣтами, какъ здѣсь. И тотъ стоническій философъ, который свое презрѣніе къ славѣ доказывалъ ссылкой на тотъ фактъ, что она является для истинно достойныхъ людей только послѣ смерти, долженъ былъ сдѣлать исключеніе для дѣятелей сцены.

Но мало того, что слава этимъ артистамъ дается легче, во всемъ сіяніи сопровождаетъ своего любимица при жизни,—она здѣсь достигается иногда даже безъ участія той дивной силы, безъ которой въ области другихъ искусствъ слава, по крайней мѣрѣ, имя генія, художника немислимы. Актеру можно не родиться геніальнымъ артистомъ, чтобы прослыть таковымъ при жизни и, по закону своего искусства, перейти съ такой же славой въ потомство. Для узаконенія этого процесса создана даже особая теорія сценическаго искусства: она признаетъ его результатомъ не генія, какой-то особой внутренней силы, а результатомъ разсудочныхъ соображеній и умѣнья иллюстрировать эти соображенія мимикой, тономъ голоса, гримомъ. Для всякаго опущенія можно заучить соотвѣтствующій жестъ, для всякаго характера подобрать цѣлую гамму этихъ жестовъ и довершить ихъ соотвѣтствующей живописью на физиономіи и подходящимъ костюмомъ. Отъ исполнителя требуется прежде всего способность *анализировать* драматическіе характеры, своего рода актерская анатомія, гдѣ внѣшній анализъ всегда преобладаетъ надъ внутреннимъ. Требуется холодная и неуклонная разсудочность не только во время изученія роли, но и въ каждую минуту ея воспроизведенія на сценѣ. Съ этой цѣлью артистъ «отдѣлываетъ» и «запоминаетъ» для классической драмы—«над-

менные взгляды», «героическіе приемы», «лицо, исполненное энтузіазма», для комедій—соотвѣтствующіе фокусы въ болѣе безобидномъ направленіи. Прочтите, напримѣръ, мемуары Ристори или присмотритесь къ игрѣ Поссарта, и вась поразитъ страшно-утомительная работа мимики и голоса артиста внѣ сцены и памяти его—на сценѣ. Это истинное самоистязаніе человѣка, превращеніе себя въ рядъ одушевленныхъ манекеновъ сообразно съ количествомъ исполняемыхъ ролей. Это дѣйствительно трудъ, часто принимаемый на себя несчастнымъ, ради только криковъ и славы, а не исполненный наслажденія въ самомъ себѣ, какъ это всегда бываетъ въ другихъ областяхъ художественнаго творчества.

Трудъ, направленный на серьезную цѣль, всегда похваленъ, но онъ все-таки и долженъ оставаться только трудомъ, не замѣнять собою другой, совершенно на него не похожей способности. А между тѣмъ критика, довольная холоднымъ, точно выдуманномъ и тщательно заученнымъ воспроизведеніемъ сценическаго образа, смѣшиваетъ въ этомъ случаѣ трудъ и талантъ. Сценическій образъ у истинно-талантливаго артиста возникаетъ такъ же, какъ литературный образъ возникаетъ у истиннаго писателя. Чудною силой увлеченія, порывомъ бессознательнаго творчества охватывается человѣкъ при первой мысли о драматическомъ характерѣ, и всецѣло отдается ему, не *подражаетъ* созданію автора, а перерождается въ него. Какъ это совершается—это тайна извѣстной духовной организаціи человѣка, это именно *творчество*, проявленіе божественной искры. Не артистъ ее вызываетъ у себя и управляетъ ею, а она подчиняетъ его себѣ, владѣетъ имъ. Многіе писатели признавались, какъ ихъ часто мучило какое-то необъяснимое стремленіе—воплотить, наконецъ, въ образахъ взлѣбляяныя мечты, какъ имъ тяжело казалось само существованіе, пока эти образы не являлись на бумагѣ во всей силѣ и красотѣ. То же самое должно происходить и съ артистомъ въ порывѣ увлеченія созданіемъ автора. Платонъ—жесточайшій врагъ драматическаго искусства—свою ненависть оправдывалъ этой способностью артиста перерождаться, преобразовывать свою и—помощью своего генія—чужую природу. Философъ видѣлъ въ этомъ подрывъ нравственныхъ основъ. Онъ, конечно, заблуждался: съ моральной точки зрѣнія принципиальнаго мудреца фактъ являлся совершенно не съ тѣмъ значеніемъ, какое онъ имѣетъ на самомъ дѣлѣ. Артистическое *перерожденіе* совершенно другое, чѣмъ нравственная метаморфоза, измѣна своимъ убѣжденіямъ: творческій геній и нравственность,—двѣ совершенно различныя силы человѣческаго духа...

По нашему мнѣнію, слѣдовательно, можетъ быть только одинъ взглядъ на сценическое ис-

куство, на артистическій талантъ, — тотъ самый, который прииѣняется ко всѣмъ другимъ искусствамъ. Никакая искусственная поддѣлка, заученное, послѣ точнаго анализа, воспроизведеніе страстей и настроеній — не создаетъ артиста въ истинномъ смыслѣ слова, а только добросовѣстнаго ремесленника и онъ будетъ относиться къ артисту такъ же, какъ хорошій тапёръ относится къ виртуозу, рисовальщикъ-техникъ — къ живописцу-художнику, газетный благѣрь — къ писателю.

Вся эта разница бросается въ глаза поразительнымъ свѣтомъ, когда случится увидѣть на сценѣ дѣйствительнаго художника-артиста, вдохновеннаго и вдохновляющаго.

Такимъ художникомъ и явилась для насъ Элеонора Дузэ. Процессъ своего искусства артистка сама объяснила въ немногихъ словахъ, когда отказалась отъ одной роли на томъ основаніи, что «она артистка *не входить* въ эту роль», т.-е. она не можетъ *переродиться* въ данное лицо, на извѣстное время забыть себя, — и мы видѣли результаты этого отношенія къ искусству.

Г-жа Дузэ имѣла въ обѣихъ столицахъ и всюду въ Россіи необычайный успѣхъ, затмившій собою успѣхи даже такого артиста, какъ соотечественникъ артистки г. Росси. Въ восторгѣ предъ игрой артистки сошлись всѣ слои общества, зрители различнаго уровня эстетическаго и литературнаго. И этотъ восторгъ вызывался исполненіемъ далеко не всегда художественныхъ созданій драматическихъ авторовъ: артистка своей дивной отзывчивостью и полнотой воплощенія характеровъ умѣла сгладить авторскіе пробѣлы, скрыть авторское недоразумѣніе, часто легкомысліе. Во всемъ репертуарѣ, исполненномъ артисткой въ Москвѣ, только двѣ пьесы принадлежатъ къ классическимъ, — драмы Шекспира *Антоній и Клеопатра* и *Ромео и Джульетта*. И изъ этихъ драмъ — первая до конца остается весьма благодарной темой для артистки, даетъ ей слишкомъ мало матерьяла, не представляетъ для героини цѣльной, драматической, постепенно развивающейся жизни. Египетская царица, по своей ставшій своей природы, и не могла быть героиней, Шекспиръ остался строго вѣренъ исторіи, и драма Клеопатры въ его пьесѣ превратилась въ рядъ отрывочныхъ сценъ, характеризующихъ каждая отдѣльно легкомысліе, жестокость, распущенность чувства у счастливой побѣдительницы римскихъ полководцевъ...

Большинство пьесъ, исполненныхъ г-жею Дузэ, принадлежатъ къ новѣйшему французскому репертуару: «*Дама съ камеліями*», — драма А. Дюма, «*Фру-Фру*» — Мельяка и Галеви, «*Одетта*» драма Сарду, «*Жена Клавдія*», драма А. Дюма; изъ итальянскихъ пьесъ — артистка появилась въ комедіи Гольдони «*Трактиришца*». Ге-

ронни всѣхъ этихъ драмъ, по замысламъ авторовъ, иллюстрируютъ наиболѣе модную въ настоящее время исторію объ адюльтерѣ. Поэтому драматическая борьба и ея психологическіе мотивы крайне элементарны и неглубоки. На основаніи этихъ мотивовъ создать глубокую драму крайне трудно и предоставлено исключительно таланту исполнительницы. У г-жи Дузэ есть самое вѣрное, могущественное средство возвысить и облагородить всякую пьесу, гдѣ она исполняетъ руководящую роль, — это средство — въ искренней, поэтической воплощеніи *женщины* вообще, въ воспроизведеніи на сценѣ того *вѣчно-женскаго*, которое не умираетъ среди всѣхъ испытаній и паденій. Г-жа Дузэ въ лицѣ своихъ героинь, часто легкомысленныхъ, въ духовномъ отношеніи безсодержательныхъ и во многія минуты своего существованія пошлыхъ, умѣетъ показать истинное благородство женскаго сердца, его отзывчивость на искреннее горячее чувство. Любовь издавна спасала женщину, она спасаетъ ее и на сценѣ въ исполненіи г-жи Дузэ, спасаетъ въ огнѣ страстныхъ порывовъ къ счастью и чистыхъ объятіяхъ любимаго человека. Предъ нами совершенно исчезаютъ *преступницы*, остаются лишь *грѣшницы*, часто невольныя *жертвы* и мы всегда съ истинно-человѣческой радостью привѣтствуемъ минуты ихъ счастья и просвѣтленія.

И именно моментъ просвѣтленія — величайшій въ жизни героинь, олицетворяемыхъ на сценѣ г-жею Дузэ. Эти героини впадаютъ въ заблужденія и губятъ нравственныя силы за недостаткомъ или непониманіемъ самого цѣннаго и жизненнаго для женщины — свѣта любви. *Маргарита* — «дама съ камеліями» не знаетъ настоящей, правдивой любви, и почти перестала понимать ее, *Жильберта* изнываетъ отъ жажды мужественнаго серьезнаго чувства и неудержимо набрасывается на него при первомъ, можетъ быть, незаконно-представившемся случаѣ, *Одетта*, избалованная мужемъ, общимъ поклоненіемъ, легкомысленная свѣтская красавица и эгоистическая жестокая супруга, не умѣетъ цѣнить любви, ищетъ удовлетворенія въ ея извращеніи, въ адюльтерѣ и это заблужденіе, распущенность мысли и чувства она должна будетъ искупить драмой; даже *Клеопатра* — своенравнѣйшей среди властительницъ и женщинъ — суждено, среди потрясающихъ превратностей счастья, познать настоящую любовь и оцѣнить чужія страданія.

Главная цѣль артистки состоитъ въ яркой характеристикѣ этой неумирающей, женской по преимуществу, *совѣсти*, — и по всѣмъ созданіямъ артистки эта «совѣсть» проходитъ вспокрывающимъ, всепрощающимъ свѣтомъ, и своего полного поэтического блеска достигаетъ въ лицѣ шекспировской Джульетты.

Наиболѣе популярной ролью артистки считает-

ся роль Маргариты Готье. Пьеса проникнута симпатичной, гуманной идеей, но героиня ея — самая обыкновенная, можно сказать банальная фигура современной французской сцены. Лицо ея не отмѣчено ни единой оригинальной чертой и только игра артистки цѣлымъ рядомъ художественныхъ штриховъ было въ состояніи придать этому лицу захватывающій *общій* интересъ. Путь артистки и здѣсь тотъ же самый, какъ и вездѣ: особенно яркое, вдохновенное освѣщеніе тѣхъ настроеній героини, тѣхъ сценъ, которыя болѣе всего говорятъ объ ея *женственности*, объ ея жаждѣ любви, преклоненіи предъ ней. Прекрасна была первая встрѣча съ Арманомъ и исполнена поразительнаго драматизма послѣдняя сцена съ нимъ на балу. Первую сцену артистка превращаетъ въ цѣлую исторію духовнаго возрожденія своей героини. Съ какой тонкостью и правдой воплощается въ игрѣ г-жи Дузе — сначала недоувѣріе, даже иронія Маргариты при первыхъ словахъ страстнаго объясненія Армана, и потомъ съ каждымъ словомъ и взглядомъ это недоувѣріе постепенно переходитъ въ захватывающій порывъ счастья... Во второй сценѣ артистка становится на мѣсто автора. Маргарита убѣдилась, что ей не суждено счастье съ Арманомъ, она не хочетъ отъ него никакихъ жертвъ и отказывается идти за нимъ... Тогда Арманъ, въ порывѣ бѣшенства, клеймитъ ее упреками и на виду толпы поносить ея лучшее чувство къ нему. Во время его рѣчи Маргарита стремится всѣми силами остановить его, восклицая съ возрастающей мольбой и отчаяніемъ: *Арманъ! Арманъ!*... — Этого нѣтъ у Дюма, и текстъ у автора не производитъ и малой доли того потрясающаго впечатлѣнія, какимъ оканчивается этотъ актъ на сценѣ.

Фру-фру — въ высшей степени популярная пьеса во всемъ европейскомъ репертуарѣ: она именно такого рода произведеніе, что способно удовлетворить самымъ разнороднымъ вкусамъ при условіи ихъ невысокаго эстетическаго уровня. Легкая комедія въ началѣ и мелодрама въ концѣ. Г-жа Дузе, призывая на помощь обаятельную силу *женственнаго*, превращаетъ Жильберту — *Фру-фру* въ настоящую драматическую героиню. Артистка съ особенной силой оттъняетъ чисто-женскія страданія *Фру-фру*, обиды, нанесенныя ей какъ матери и супругѣ. Мужъ не считаетъ ее довольно серьезной матерью, а вмѣсто жены-хозяйки видитъ въ ней красивую куклу, посланную ему судьбой для забавы. На этихъ мотивахъ построена, какъ извѣстно, одна изъ лучшихъ драмъ Ибсена — *Нора*. У норвежскаго драматурга оскорбленная героиня просто покидаетъ мужа, во французской драмѣ — она ищетъ утѣшенія у любящаго ее человѣка. И эти поиски, въ благородномъ воплощеніи артистки, не выходятъ адюльте-

ромъ отъ скуки, а необходимымъ запросомъ истомленнаго одиночествомъ женскаго сердца.

Но полное торжество *женщины* воплотила артистка въ роляхъ Клеопатры и Джульетты. Никакія недоразумѣнія и ложно-классическія представленія о Клеопатрѣ-царицѣ не сбили г-жу Дузе съ истиннаго пути. Она прониклась всецѣло образомъ Клеопатры, женственнымъ по преимуществу, даже болѣе женственнымъ чѣмъ героини французскихъ драмъ. Капризъ, своеобразие, легкомысленная игра чувствомъ и все это окрашенное въ прихотливый свѣтъ чисто женскаго, далеко не царственнаго, деспотизма воспроизводились артисткой съ неподражаемой граціей и по истинѣ вдохновеннымъ обаяніемъ. Даже второстепенныя сцены говорили намъ, до какой степени эта вѣнценосная повелительница Востока оставалась обыкновенной смертной женщиной — и въ минуты жгучей страсти и во время спокойнаго торжества своего тщеславія. Такова сцена съ вѣстникомъ во время его разсказа о физическихъ недостаткахъ Октавіи, новой супруги Антонія.

Въ высшей степени обильный источникъ вдохновенія представила г-жѣ Дузе драма Джульетты. Артистка именно здѣсь была въ состояніи раскрыть во всей полнотѣ жизнь женскаго сердца, начиная съ перваго пробужденія его стремленій и кончая драмой, зажженной непримиримымъ разногласіемъ дѣйствительности и идеальнаго чувства. У артистки нашлись поэтичскіе отклики на всѣ моменты страданій Джульетты. Какою свѣжестью и дѣвственной чистотой вѣетъ образъ четырнадцатилѣтней героини въ первой сценѣ съ кормилицей! Сколько поэзіи, наивной и въ тоже время неотразимо-страстной, чистой и непреодолимо-маящей какъ синева итальянскаго неба — въ первой встрѣчѣ съ Ромео, въ первомъ поцѣлуѣ Джульетты, вѣжливо, безъ ея вѣдома слетающемъ съ ея устъ! Можетъ быть, вѣшность артистки и не соответствовала вполнѣ возрасту Джульетты, — но лучшая дочь Вероны не могла быть поэтичнѣе и женственнѣе въ дѣйствительности, чѣмъ мы видѣли ее на сценѣ. Сцена свиданія при лунѣ блескомъ поэзіи оставляла позади всевозможные романсы и пѣсни, когда-либо воспѣвавшіе подобныя свиданія. Это было идеальное воплощеніе лирическаго вдохновенія поэта, и вслѣдъ за этимъ съ такой-же силой и по истинѣ роковой стремительностью начала развиваться драма. Драма Джульетты вырастаетъ вмѣстѣ съ духовнымъ развитіемъ героини, перерожденіемъ ея изъ четырнадцатилѣтнаго ребенка въ женщину, исполненную энергіи и инстинктивной мудрости своего сильнѣйшаго чувства — первой любви. Первый симптомъ этой энергіи и мудрости — въ сценѣ Джульетты съ родителями послѣ свиданія съ Ромео. Съ замѣчательной тонкостью артистка умѣетъ выразить

двойной разговор героини съ родителями и съ своимъ сердцемъ. При каждомъ словѣ во взорахъ ея мелькаетъ иной смыслъ, чѣмъ въ словахъ звучитъ для слушателей. Джульетта стала вдругъ какъ-будто чужой въ своей семьѣ, у нея возникла своя жизнь и ее она никому не отдастъ, не доверитъ. Когда она отца умоляетъ на колѣняхъ, мы чувствуемъ, что, при всякомъ отвѣтѣ на эти мольбы, у Джульетты рѣшеніе будетъ одно, какое ей подскажутъ ее сердце и судьба ея милого..

Мы разбираемъ игру артистки въ настоящее время подобно тому, какъ вспоминаютъ, съ «анализомъ холоднаго разсудка», о пережитыхъ раньше впечатлѣніяхъ. Никакой анализъ и никакія

воспоминанія не создадутъ полной картины пережитаго, не возвратятъ перечувствованному былой жизни, былого трепета увлеченія и восторга. Мы и не разсчитывали дать читателямъ очеркъ игры г-жи Дузе, равносильный дѣйствительной силѣ артистки. Наша цѣль была—отмѣтить свойство истиннаго сценическаго гевія и указать наиболѣе яркіе моменты, которыми на нашихъ глазахъ гениальная артистка освѣтила эти свойства.

Г-жа Дузе, говорятъ, вернется къ намъ: мы заранѣе привѣтствуемъ эту вдохновенную посетительницу свѣта и тепла истиннаго благороднаго искусства...

Ив. Ивановъ.

Драматическіе курсы при Императорскомъ московскомъ театральномъ училищѣ.

Издающимся явленіемъ въ художественной жизни Москвы за май мѣсяцъ, явленіемъ, имѣющимъ крупное значеніе

для будущности не только московскихъ, но и вообще всѣхъ русскихъ театровъ, безспорно слѣдуетъ признать экзаменаціонные спектакли драматическихъ курсовъ при Императорскомъ театральномъ училищѣ.

Нѣтъ надобности вновь доказывать здѣсь необходимость существованія серьезно поставленной драматической школы. Упадокъ театра въ Россіи ни для кого не новость. И въ этомъ упадкѣ болѣе всего повинно отсутствіе художественныхъ вкусовъ и сознанія серьезности задачъ и цѣлей искусства у большинства нашихъ артистовъ.

Въ погонѣ за дешевымъ успѣхомъ, за рублемъ, и только за рублемъ, наши актеры давно уже подготовляли то паденіе, до котораго дошло теперь дѣло русскаго театра.

Сперва оперетка, служить которой съ такой готовностью бросились наши актеры, опошшила вкусы русской публики, затѣмъ до-нельзя халатное отношеніе актеровъ къ своимъ обязанностямъ—довершило упадокъ театра. Оперетка надѣла, драма стала скучна, и театръ остался безъ публики, публика безъ театра. Все цѣнилось по мѣркѣ *сборовъ* и ни о чемъ другомъ никто и не думалъ. Наступило наконецъ время, которое и должно было неминуемо наступить.

Тѣ же *сборы*, этотъ единственный идолъ, которому поклонялись, заставили, наконецъ, антрепенеровъ и артистовъ вспомнить о хорошемъ драматическомъ репертуарѣ. Бросились на Гоголя, на Островскаго, но ни Островскій, ни Гоголь *сборовъ* не дѣлали. Причина этому вполне ясна. Для этого репертуара не оказалось уже артистовъ. Оперетка вытѣснила былыя художественныя традиціи. Публика не могла мириться съ такимъ исполненіемъ, когда вчерашній «незамѣнимый» Калхасъ появился въ роли короля Лира, а «несравненная» Елена прекрасная взялась за «Бѣдную невѣсту». Публика предпочла совсѣмъ перестать посѣщать театръ.

Не будемъ бояться правды. Лучше смотрѣть бѣдѣ прямо въ глаза, называть вещи своими именами, чѣмъ боязливо путаться въ полупризнаніяхъ, въ оговоркахъ, оправданіяхъ того, что существуетъ. Познать бѣду,—значитъ на половину ее исправить. Положеніе театра слишкомъ отчаянное, чтобы можно было ждать его скорого возстановленія старыми средствами, съ расчетомъ на время, на «практику» артистическихъ силъ. Тутъ необходимо нужны радикальныя средства, и нельзя терять времени. Вотъ почему учрежденіе драматическихъ курсовъ при Императорскомъ театральномъ училищѣ имѣло такую громадную важность, а первые ихъ результаты—такой захватывающій интересъ. Кому же, какъ не независимой и богатой средствами дирекціи Императорскихъ театровъ осуществить эту задачу съ полной увѣренно-

стью въ достиженіи результатовъ, безусловно соответствующихъ важности задачи! — И заслуга инициаторовъ этого дѣла и всѣхъ, кто содѣйствовалъ его упроченію — беспорочна. Исторія русскаго театра сохранить ихъ имена въ числѣ тѣхъ, которыми она вправѣ гордиться.

Конечно, мы не забудемъ здѣсь и школу Московскаго Филармоническаго Общества, впервые поставившую дѣло преподаванія драматическаго искусства на серьезную почву. Если результатъ, который дала школа въ этомъ году, и былъ неудаченъ, то все же, за прошлое время своего существованія, школа достойно заслужила себѣ почетное имя и дала не мало подготовленныхъ сценическихъ дѣятелей. Будемъ надѣяться, что и въ будущемъ школа поддержитъ свою репутацію. Открытіе драматическихъ курсовъ при училищѣ Императорскихъ театровъ вовсе не исключаетъ возможности дальнѣйшаго процвѣтанія школы Общества. Многие изъ лицъ, чувствующихъ призваніе къ сценѣ, могутъ не удовлетворить строгимъ требованіямъ приѣма на курсы, и для нихъ школа Общества явится единственнымъ въ Москвѣ серьезно поставленнымъ учрежденіемъ. О школѣ при Обществѣ Искусства и Литературы, носившей во время своего существованія какой-то игрушечный характеръ, а тѣмъ менѣе о другихъ школахъ можетъ быть рѣчь тамъ, гдѣ дѣло идетъ о серьезномъ преподаваніи.

Учрежденіе драматическихъ курсовъ въ Москвѣ, приглашеніе преподавателей изъ числа артистовъ Малаго театра, постоянная возможность для учениковъ присутствовать на спектакляхъ этой труппы, — имѣютъ безспорно громадное значеніе. Сколько тяжелыхъ утратъ ни повнесла труппа московскаго Малаго театра, она все же и по ансамблю, и по отдѣльнымъ артистическимъ силамъ, и по сохранившимся традиціямъ стоитъ внѣ всякаго сравненія съ какой бы то ни было другой труппой въ Россіи. Нельзя не порадоваться за учениковъ курсовъ, что они съ первыхъ же шаговъ своихъ имѣютъ возможность находиться подъ такимъ благотворнымъ влияніемъ, слѣды котораго, конечно, они сохраняютъ во все время ихъ будущей дѣятельности.

Читателю понятно съ какимъ громаднымъ интересомъ ждали мы первыхъ результатовъ курсовъ. Эти результаты, какъ мы уже сказали выше, имѣли почти рѣшающее значеніе для будущности русскаго театра. — Мы не могли слѣдить за дѣятельностью школы въ теченіе перваго 3-хъ годичнаго ея курса, а потому насъ интересовалъ не только вопросъ, насколько успѣшно шло преподаваніе, но и какимъ матеріаломъ, въ лицѣ своихъ учениковъ, обладаетъ школа. Мы такъ рѣдко видимъ на русскихъ сценахъ дѣйствительно талантливыя, по-

дающія надежды, молодыя силы, что не безъ боязни ждали первыхъ экзаменаціонныхъ спектаклей. И вотъ теперь, когда они уже состоялись, когда результаты школы выяснились передъ нами, — мы можемъ спокойно смотрѣть на будущее нашего театра.

Отъ такихъ преподавателей, какъ артисты Малаго театра гг. Ленскій и Правдинъ, мы, конечно, и въ правѣ были ожидать серьезныхъ результатовъ преподаванія, но то, что было достигнуто ими, превзошло наши ожиданія. Мы съ радостью поздравляемъ почтенныхъ артистовъ съ такимъ успѣхомъ.

Что же касается до самихъ учениковъ, то мы должны признать, что никогда и ожидать не могли такого числа дѣйствительно призванныхъ къ сценѣ людей, которыхъ мы встрѣтили въ числѣ окончившихъ курсъ. Если школа будетъ выпускать въ годъ только одного-двухъ такихъ учениковъ, то и тогда влияніе ея на русскую сцену будетъ велико.

Тотъ ансамбль, съ которымъ шли спектакли, то чувство ищры, которымъ обладаютъ всѣ, безъ исключенія, ученики, наконецъ то серьезное отношеніе къ своему дѣлу и детальная отдѣлка ролей исполнителями доказали намъ, что труды преподавателей не пропали даромъ, что въ своихъ ученикахъ они нашли добрую почву. Врядъ ли надо говорить, насколько тяжело былъ трудъ преподавателей. Смотра на этихъ учениковъ *теперь*, накануне ихъ выпуска, мы представляли себѣ, *что такое* были они, когда пришли въ школу. Многие изъ нихъ, быть можетъ, не только не имѣли достаточныхъ свѣдѣній объ искусствѣ чтенія, но и не умѣли стоять и ходить на сценѣ. Но вотъ прошло 3 года, — передъ нами готовые артисты.

Если бы на экзаменаціонныхъ спектакляхъ были поставлены только тѣ пьесы, которыя долго разучивались въ школѣ, мы бы еще могли сомнѣваться въ возможности судить объ исполнителяхъ по такимъ „слаженнымъ“ спектаклямъ. Но постановка классомъ г. Ленскаго комедіи „Ошибки молодости“, а также и исполненіе „Грозы“, — только для экзаменаціоннаго спектакля, экспромтомъ, съ нѣсколькихъ репетицій, доказали намъ, что никакія сомнѣнія въ дѣйствительной готовности учениковъ къ сценической дѣятельности не могутъ имѣть мѣста. Мы убѣдились, что главной своей дѣлю г. преподаватели поставили правильное развитіе личной дѣятельности учениковъ, ихъ собственной работы надъ собой, и, конечно, въ этомъ мы признаемъ крупную заслугу преподавателей. Ихъ дѣло помогать художественному развитію ученика, наблюдать за этимъ развитіемъ и направлять его, сохраняя индивидуальность cadaго дарованія.

Слѣдуетъ еще указать на одну важную сторону экзаменаціонныхъ спектаклей. Школа —

не правильно организованная труппа, въ которой иѣются соответствующіе исполнители на каждомъ амплуа; между тѣмъ необходимо дать каждому окончивающему курсъ возможность появиться въ отвѣтственной роли и съ соответствующими ансамблемъ. Поэтому очень многимъ, и не разъ, приходилось выступать въ неподходящихъ къ ихъ амплуа роляхъ въ пьесахъ, гдѣ главныя роли исполнялись другими учениками. Вотъ это-то исполненіе и заслуживаетъ особаго вниманія, какъ по добросовѣстности, такъ и по старанію содѣйствовать ансамблю. Такое отношеніе къ дѣлу мы ставимъ ученикамъ и преподавателямъ въ особую заслугу.

Само собою разумѣется, что окончившимъ курсъ ученикамъ предстоитъ впереди еще много работы надъ ихъ артистическимъ развитіемъ, но главное уже сдѣлано, фундаментъ будущаго заложенъ прочно. Ихъ первые опыты въ самостоятельной работѣ облегчены, знаніе сценической техники до извѣстной степени приобрѣтено, умѣніе вѣрно подойти къ изученію характера роли усвоено. И въ отношеніи начальной самостоятельной сценической дѣятельности ученики, окончившіе курсъ въ этомъ году, поставлены въ исключительно счастливое положеніе. Всѣ они, за небольшими исключеніемъ, приняты на службу въ Императорскій театръ, такъ что первые шаги ихъ на самостоятельной дорогѣ будутъ пройдены ими подъ наблюденіемъ и при участіи артистовъ лучшей русской труппы.

Въ спектакляхъ класса г. Ленскаго шли «Каширская старина», «Ошибки молодости», «Невольницы», «Счастливый день» и водевили «Бѣдовая бабушка» и «Простушка и воспитанная», а въ спектакляхъ класса г. Правдина—«Женитьба Фигаро», «Царская невѣста», «Гроза», «Свѣтитъ, да не грѣетъ» и вод. «Чудовище». Въ каждомъ классѣ окончилъ по 10 учениковъ; по классу г. Ленскаго: г-жи Александрова, Кузина, Любимова, Нечаева, Потаповская, Ртищева и Турчанинова и гг. Корсакъ, Уховъ и Яковлевъ, а по классу г. Правдина: г-жи Берманъ, Ермолова, Караулова, Лютецкая, Полякова, Харитоновъ, и Шерваль и гг. Носовъ, Парамоновъ и Семеновъ.

По классу г. Ленскаго мы съ особымъ вниманіемъ остановимся на г-жахъ Нечаевой и Турчаниновой.

Г-жа Нечаева (Марьида, кн. Рѣцова, Евлалія)—исполнительница безспорно подающая надежды стать со временемъ крупной артисткой.—Искренность, теплота, вдумчивость въ роль, отдѣлка деталей обращаютъ на себя вниманіе.—Мы, съ своей стороны, укажемъ лишь на излишнее скандированіе въ произношеніи и на вѣкторую однообразную пѣвучесть голоса и слащавость тона—недостатки, отъ которыхъ артисткѣ надо отдѣлаться какъ можно скорѣе,

пока еще отъ нихъ избавиться не трудно.—Нѣсколько вредитъ ей также и излишняя манерность жестовъ.

Г-жа Турчанинова представляетъ собою истинное приобрѣтеніе для любой труппы. Въ г-жѣ Турчаниновой мы видимъ артистку съ настоящимъ feu sacré, отличающимъ истинное сценическое призваніе. Совершенно достаточно указать на такія разнообразныя роли, исполненіемъ которыхъ она могла удовлетворить самыми строгими требованіямъ, какъ Глаша («Каширская старина»), старуха Ключкина («Бѣдовая бабушка»), Ульяна («Воевода») Марѳа («Невольницы»), Евгенія («Трудовой хлѣбъ») и Вѣрочка («Шутники»), въ которыхъ намъ удалось видѣть г-жу Турчанинову, чтобы составить настоящее представленіе объ этой исполнительницѣ. Въ особенности мы укажемъ на исполненіе ею ролей старухъ Ключкиной и Марѳы. Каждому понятно, что такія роли представляютъ большую трудность для молодыхъ исполнительницъ. Г-жа Турчанинова отдѣлала до мельчайшихъ подробностей роль Ключкиной и сумѣла придать особую для каждой роли характерность въ обихъ роляхъ Ключкиной и Марѳы.—Роли ingénue comique исполнялись ею живо, искренно, весело. Мы предостерегаемъ артистку отъ нѣкотораго копированія приѣмовъ игры г-жи Никулиной. Всякая копировка можетъ только вредить самостоятельному развитію артиста. Г-жѣ Турчаниновой съ ея дарованіемъ легко найти свою собственную дорогу.

Рѣдкой свѣжестью отличалось исполненіе г-жей Кузиной роли внучки («Бѣдовая бабушка»). Мы такъ давно отвыкли видѣть такое исполненіе ролей «наивностей». Эти роли за послѣднее время,—за неизмѣнимъ лучшимъ, исполняются артистками, по старой памяти считающимися на этомъ амплуа. За послѣдніе года мы не помнимъ на московскихъ сценахъ ни одной новой артистки въ этомъ жанрѣ, сколько-нибудь заслуживающей вниманія Г-жа Кузина дала намъ законченный образъ милого, наивнаго *ребенка*—*двоочки*, а не ту фальсификацію съ опереточными пошибомъ, которую мы такъ часто встречаемъ на нашихъ сценахъ. Нельзя не пожалѣть, что намъ удалось познакомиться съ г-жей Кузиной только въ одной этой роли.

Нѣсколько словъ о г-жѣ Любимовой (Дарница, Недвига, Коблова.) Намъ кажется, что г. Ленскому не удалось правильно опредѣлить ея амплуа. Г-жа Любимова, большею частью, появлялась въ роляхъ старухъ, въ роляхъ, которыя вообще труднѣе для ученицъ. Одинъ разъ она выступила въ молодой, хотя опять таки не подходящей для нея, роли Кобловой. Эти роли были исполнены ею усердно, но не дали ей возможности показать свои способности. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ намъ пришлось ви-

дѣтъ г-жу Любимову въ роли Аксюши («Лѣсъ») на одномъ любительскомъ спектаклѣ; простота, искренность и задушевность ея исполненія обратили на себя тогда вниманіе публики.

Изъ числа учениковъ г. Ленскаго укажемъ на г. Ухова, съ большимъ разнообразіемъ оттѣнковъ передаваемаго такіа роли, какъ Бородавка (въ «Каширской старинѣ») и старый лакей Липатычъ въ «Невольницахъ». Діалоги его въ послѣдней пьесѣ съ г-жею Турчаниновой были проведены мастерски. Въ «Невольницахъ» же съ большимъ тактомъ была исполнена г. Корсакомъ роль Мулина.

По классу г-на Правдина обращаетъ на себя особенное вниманіе г. Парамоновъ (Бридуазонъ, Худобаевъ, Ведеркинъ). Это крупное природное комическое дарованіе, развитое опытнымъ преподавателемъ и общающееся въ будущемъ очень многое. Мы ставимъ исполнителю въ особую заслугу тактъ, съ которымъ онъ ведетъ свои роли, старательно избѣгая всякаго шаржа.

Г-жа Шериваль (Марса, Оля Василькова) обладаетъ хорошимъ голосомъ, прекрасной чѣткой. Въ исполненіе своихъ ролей она вложила много искренности и теплоты.

Въ роли Катерины, въ *Грозѣ*, выступила

съ немалымъ успѣхомъ г-жа Полякова, артистка съ большими способностями, очень правдиво и тепло передавшая характеръ героини.

Г-жа Харитонова (Сусанна, Авдотья Васильевна, Феклуша) артистка подающая надежды. Искренняя веселость, которую она внесла въ роль Сусанны, счастливая виѣшность, пріятный голосъ, бойкое исполненіе, чуждое притомъ всякой утрировки, придаютъ ея игрѣ весьма симпатичный характеръ.

Г. Носовъ очень умно провелъ роль Фигаро. Это, видимо, артистъ много работающій надъ собой и надъ детальнымъ изученіемъ роли.

Дирекція Императорскихъ театровъ вполне сознаетъ то важное значеніе, которое будутъ имѣть курсы не только для сцены Императорскихъ театровъ, но и для частныхъ сценъ, и распространяетъ первоначальныя задачи курсовъ, принявъ почти всѣхъ окончившихъ въ этомъ году на казенную сцену, чтобы дать имъ возможность въ полной мѣрѣ закончить практическую сторону полученнаго артистическаго образованія и создать себѣ репертуаръ, для чего школа не можетъ, конечно, представить достаточныхъ средствъ.

Т.

Картинныя выставки лѣтняго сезона 1891 года.

С.-Петербургское Общество художниковъ образовалось всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и московская выставка—первая по числу выставка этого общества. — Успѣхи товарищества передвижныхъ выставокъ давно волновали кружокъ художниковъ, ютившійся около С.-П. Академіи Художествъ, и поднимали вопросъ объ образованіи новой передвижной выставки изъ картинъ съ выставокъ въ Академіи. Года два тому назадъ даже была сдѣлана попытка къ открытію такой выставки, но безъ особаго успѣха. Пересмотръ академическаго устава, предстоящія перемены въ ея жизни и самая неизвѣстность ея будущаго еще болѣе выдвинули вопросъ о второй передвижной выставкѣ и наконецъ повели къ образованію новаго Общ. С.-Петерб. художниковъ. Новаго чего-либо въ уставѣ этого Общества нѣтъ;— оно въ сущности ставитъ себѣ тѣ же задачи и цѣли, что и Общество передвижниковъ, но оно неизбѣжно будетъ отъ него различаться тѣмъ же, чѣмъ всегда различалась передвижная выставка отъ Академической, потому что въ составъ новаго общества вошла большая часть участниковъ Академической выставки: гг. Мещерскій, Клеверъ, Бившенко, Бурьяръ, Сергѣевъ, Казанцевъ, Писемскій, Липгартъ и пр. Москва должна быть благодарна этому Обществу, за то, что оно познакомило ее съ цѣлою группой мало извѣстныхъ ей художниковъ. Благодаря этой новизнѣ имени, выставка представляется очень интересной и многимъ рецензентамъ даже показалась болѣе богатой, нежели послѣдняя передвижная. На послѣдней передвижной мы видѣли тѣхъ же гг. Шишкина, Сурикова, Волкова, Вл. Маковского и пр., какихъ мы привыкли видѣть каждый годъ и какихъ мы видѣли съ гораздо болѣе удачными и сильными вещами, а здѣсь десятки художниковъ, можетъ быть, съ болѣе слабыми, но совершенно новыми вещами...

К. Ег. Маковский болѣе или менѣе знакомъ всей русской публикѣ. Письмо у него яркое, краски всегда гармоничныя, а въ письмѣ нѣкоторыхъ вещей (наприм. плюша) оно достигаетъ настоящей виртуозности. Посмотримъ на-

примѣръ на херошенькую одалиску: плюшевая сѣровато-голубая драпировка на фонѣ такая, что просто руками взять хочется. Розоватое, молодое тѣло дѣвушки дѣлится на этомъ фонѣ и круглится превосходно. Въ общемъ все изящно и красиво и все-таки вамъ становится жаль, зачѣмъ потрачено такое мастерство на такой безсодержательный вздоръ. Впрочемъ на эту одалиску можно еще взглянуть какъ на простую шалость художника, на желаніе передать именно эту свѣжесть молодаго тѣла на красивомъ голубомъ плюшевомъ фонѣ и на этомъ помириться, но то же самое относится и къ другимъ вещамъ художника. Вотъ передъ вами „лученый“ въ красивомъ свѣтломъ костюмѣ, времянь 30-лѣтней войны. Масса свѣта и красивая картинка и въ то же время отсутствіе выраженія и изученія натуры. Или возьмите „Средневѣковаго воина“. Съ громаднымъ мастерствомъ схваченные переливы лиловатыхъ тоновъ бархата и только. Даже большая картина „цыганскаго табора“, немногимъ лучше этихъ этюдовъ. Въ ней также много красиваго, много хорошо схваченныхъ типовъ, но все такъ поверхностно, такъ небрежно набросано, что становится жаль потраченнаго на нее мастерства. А. Д. Бившенко, обратившій на себя всеобщее вниманіе на послѣдней Академической выставкѣ картиною «Разборка перьевъ» обращаетъ на себя серьезное вниманіе и на этой выставкѣ. Обѣ его жанровыя картинки «Прокладка новыхъ улицъ» и «Тащатъ неводъ» положительно однѣ изъ лучшихъ на выставкѣ. Москва знакома съ художникомъ по его прежнимъ картинамъ (въ родѣ «Свѣта на Филяхъ») и по нѣсколькимъ его охотничьимъ жанрамъ и можно сказать, что знала его съ худшей его стороны. Художнику плохо удаются и лошади, и собаки (что видно и на этой выставкѣ по его маленькому борзятнику), и онъ дѣлаетъ большую ошибку, уклоняясь отъ области обычнаго жанра. — Г. Бившенку можно сдѣлать нѣкоторые упреки: въ «Прокладкѣ улицъ» напримѣръ хочется видѣть больше воздуха на фигурахъ, но эти недостатки—ничто въ сравненіи съ большими достоинствами картинъ, какъ по общему

впечатлѣнію, такъ по рисунку и краскамъ. — Г. Матвѣевъ далъ портретъ въ очень трудномъ освѣщеніи, (противъ свѣта) и прекрасно справился съ своей задачей. Ему можно пожелать только одного — большей сочности и широкаго мазка, и тогда его вещи будутъ занимать еще болѣе видное мѣсто на выставкахъ. Г. Матвѣевъ (въ то же время экспонентъ передвижной выставки) давно обратилъ на себя вниманіе сюжетомъ своей картины «Вѣнчаніе въ тюремной церкви» и на этой выставкѣ далъ большую картину съ сюжетомъ изъ той же области. — Бнягина Волконская пріѣзжаетъ на каторгу къ мужу и встрѣчаетъ его въ рудникѣ («Русскія женщины» Некрасова). — Эта картина — самая интересная изъ всей выставки, и, не смотря на нѣкоторую черноту въ тонѣ и подчеркнутость въ фигурѣ Волконскаго и т. п., во всей картинѣ звучитъ какая-то живая нотка, которой обыкновенно такъ недостаетъ наибольшему числу картинъ на всевозможныхъ выставкахъ. Смотри на картину, вы какъ-то забываете даже замѣтить и черноту и тотъ или другой недостатокъ въ постановкѣ фигуры и уноситесь мыслью отъ картины къ тому самому моменту, который она изображаетъ. Въ этомъ громадное достоинство картины и надо пожелать, чтобы художникъ не покидалъ этой области жанра, въ которой онъ найдетъ еще много совершенно нетронутыхъ сюжетовъ.

Попытку того же г. Матвѣева изъ области русской puditée «Запарилась» далеко нельзя назвать столь же удачной. Передъ вами двери въ передбанникъ и въ дверяхъ, прислонясь къ косяку, нагая фигура «запарившейся» женщины. Прежде всего нельзя согласиться, чтобы самая тема изображенія парившей женщины — была удачна. Самая хорошенькая женщина на свѣтѣ, распарившись въ банѣ, теряетъ двѣ трети своей привлекательности. Красная кожа, опухшее лицо и намокшіе висящіе косичками волосы — что тутъ красиваго? Это скорѣе тема для маленькой юмористической картинки въ духѣ Вл. Е. Маковского и въ родѣ его «чиновниковъ въ банѣ». Повидимому, это почувствовалъ и самъ г. Матвѣевъ, потому что написалъ свою женщину совѣсмъ блѣлой и сухой, и такимъ образомъ вовсе не далъ впечатлѣніе тѣла бывшаго въ банѣ. Но и помимо этого картина слишкомъ велика для сюжета и не интересна, а въ рисунокѣ ногъ есть невѣрность, особенно бросающаяся въ глаза, благодаря громадности фигуры. Нельзя похвалить и другую puditée, присланную г. Алексѣевымъ изъ Парижа. — Современная коротконогая натурщица стоитъ задомъ къ зрителю и блѣдно-розовымъ силуэтомъ рисуется на фонѣ большаго окна мастерской. Для сюжета натурщицъ дано въ руку зеркало — ни дать ни взять одна изъ бессмысленныхъ puditée, загромождающихъ и на-

шу Французскую выставку въ Москвѣ и каждаго изъ парижскихъ Салоновъ. Со времени Неффа у насъ чувствуется пробѣлъ въ этой области и очень желательно было бы видѣть у нашихъ художниковъ большее пониманіе женской красоты, но да сохранить ихъ Богъ отъ такого бессмысленнаго подражанія французамъ. Въ этюдѣ г. Алексѣева нѣтъ ни красоты линий, ни красокъ, ни реальности тѣла, и остается непонятнымъ, зачѣмъ надо было посылать это полотно такъ далеко.

Въ области пейзажа преобладаютъ гг. Мещерскій, Клеверъ, Сергѣевъ, Писемскій и Казанскій. Было время, когда пейзажи г. Мещерскаго съ тѣмъ особымъ духомъ романтизма, которымъ они были пронянуты, очень нравились публикѣ. Это было по большей части не простое воспроизведеніе природы и особыхъ картинныхъ ея моментовъ. Но чѣмъ дальше шло время, чѣмъ меньше въ его вещахъ было самого изученія природы, тѣмъ больше и больше въ нихъ сказывалась вычурность, подчеркнутость эффекта, и тѣмъ меньше было въ нихъ правды. Картины г. Мещерскаго на этой выставкѣ производятъ впечатлѣніе даже не картинъ, а олеографій, такъ мало въ нихъ интереса даже въ самомъ письмѣ.

Профессору Клеверъ выставилъ двѣ вещицы съ своимъ обычнымъ эффектомъ послѣднихъ лучей золотящихся верхушки деревьевъ зимняго пейзажа и обѣ вещи, по обыкновенію, эффектны и красивы, но больше всего обращаетъ на себя вниманіе г. Сергѣевъ, выставившій очень много характерныхъ для него вещей. Г. Сергѣевъ — человекъ съ талантомъ. У него есть наблюдательность и онъ хорошо подмѣчаетъ нѣкоторые мотивы (рыбъ на водѣ, сырой берегъ ручья послѣ дождя и т. п.), но, судя по выставленнымъ картинамъ, онъ копируетъ и повторяетъ самого себя. Онъ точно не ищетъ передачи всѣхъ тонкостей натуры и довольствуется тѣмъ, какъ онъ научился рисовать воду, камни, ветлы и т. п.

Тоже самое еще въ большей степени относится и къ гг. Писемскому и Казанцеву.

Изъ другихъ художниковъ останавливается на себѣ вниманіе г. Аскназіи съ сюжетами изъ еврейскаго быта. Письмо его нѣсколько сухо, но картинки все-таки выразительны и общаются въ немъ хорошаго жанриста съ мелкимъ и тонкимъ письмомъ миниатюриста. Г. Бухгольцъ пишетъ разнообразно, но за то совершенно negliжируетъ рисункомъ, превращая свои фигуры въ какія-то безформенныя массы. Точно также неприятное впечатлѣніе оставляютъ и картины г. Френца. Еще собачки на его этюдахъ выглядятъ недурно, но въ обихъ картинахъ бросается въ глаза какъ будто художникъ даже и не затѣвалъ написать такъ, какъ оно можетъ быть въ натурѣ, а искалъ

только *подходящихъ* тоновъ и болѣе или менѣе красивыхъ сочетаній красокъ...

Другая выставка ютилась въ залогустыя Московскаго Общества Любителей Художествъ и носила названіе «Выставка картинъ русскихъ художниковъ». — Читатели «Артиста» уже знакомы съ ходомъ дѣлъ въ Московскомъ Обществѣ Любителей Художествъ. За послѣднее время оно убѣдилось наконецъ въ необходимости закрыть свою «постоянную» выставку, но вмѣстѣ съ тѣмъ увидала, что по недомолвѣ устава выставка не можетъ быть закрыта безъ надлежащаго разрѣшенія свыше. — Положеніе получилось довольно курьезное. Продолжать выставку, которая по признанію самого Общества благополучно скончалась, значило бы держать мертвеца въ домѣ. А въ виду ожидаемаго наплыва иностранцевъ и провинціальныхъ жителей въ Москву оказывалось совершенно невозможнымъ предстать предъ ними съ такимъ составомъ выставки, который сдѣлался здѣсь за послѣднее время обычнымъ и стоитъ ниже самойнисходительной критики. Общество поняло, что «noblesse oblige», и рѣшило собрать выставку изъ наиболѣе характерныхъ произведеній русскихъ художниковъ, привлекая къ этому дѣлу владѣльцевъ частныхъ коллекцій и галлерей.

Выставка эта привлекла еще менѣе посѣтителей, чѣмъ обычная періодическая выставка и въ итогѣ быть-можетъ дала даже убытокъ, но этимъ не слѣдуетъ смущаться. Цѣль Общества не одна нажива, и если оно даю живую пищу хотя бы небольшому числу дѣйствительныхъ любителей искусства, то цѣль его вполнѣ была достигнута. А эту пищу оно дѣйствительно дало и любитель живописи встрѣтился въ залахъ Общества съ такими старыми друзьями, что искренно будетъ ему благодаренъ. Общество собрало въ своихъ залахъ все лучше, что только могло и если мы примемъ во вниманіе, что доступъ въ галлерей П. М. Третьякова въ настоящее время крайне затруднителенъ, то заслуга Общества становится еще большею. Можно смѣло сказать, что иностранецъ или пріѣзжій изъ дальней провинціи, зайдя на выставку, получилъ довольно опредѣленное представленіе о многихъ изъ нашихъ художниковъ: гг. В. Е. Маковского, Полѣнова, Дюккеръ, Васнецовъ, Леманъ, Боголюбовъ, Крамскомъ, Риццони, Бронниковъ и пр.

На выставкѣ было, между прочимъ, нѣсколько вещей, или совсѣмъ не бывшихъ на выставкахъ или же совершенно забытыхъ публикой. Кто помнитъ, наприимѣръ, прелестный пароходикъ Дюккера, являющійся едва ли не лучшимъ пейзажемъ на выставкѣ. Картина, какъ видно, не цѣнится вполнѣ даже самими ея владѣльцами; на ней довольно старая, совершенно не идущая къ ней рама; картинка такъ не

затѣйлива по композиціи, и проста по письму, а вмѣстѣ съ тѣмъ какая поражающая правдивость тона. Море даетъ такое впечатлѣніе воданой поверхности, уходящей въ перспективу, и такъ свѣтится отраженіемъ заката, что не остается ничего желать, а бѣлый пароходъ до обмана дѣлится на фонѣ моря. Изъ другихъ пейзажей слѣдуетъ отмѣтить «Лягушійный прудъ» и «Мельницу» В. Д. Полѣнова, которыя можно смѣло признать также одними изъ лучшихъ его произведеній. Затѣмъ тутъ же «Сосновый лѣсъ» И. И. Шишкина и, надѣлавшій въ свое время много шуму, «Просвѣтъ въ лѣсу» г. Куинджи. Эта послѣдняя картина много проиграла, стоя на полномъ свѣтѣ на ряду съ другими, но все-таки поражаетъ васъ силою выраженного въ ней свѣта; г. Клевверъ фигурировалъ на выставкѣ съ «Грязной дорогой», а г. Левитанъ съ двумя волжскими видами; на одномъ изъ нихъ была масса нѣжнаго вечерняго свѣта. Гг. Айвазовскій и Лагоріо представлены не особенно характерно, за то пейзажи г. Мясоѣдова положеительно одни изъ лучшихъ его вещей. Тутъ же вы находили и большую картину г. Мясоѣдова, послужившую для художника переходомъ отъ жанра къ пейзажу и также одну изъ лучшихъ его вещей. На картинѣ *онъ* и *она*, но золотое время ихъ любви давно прошло и на душѣ ихъ тѣ же сумерки, какъ и въ окружающей ихъ природѣ, и оба они чувствуютъ, что впереди ихъ ожидаетъ холодная, темная ночь одиночества...

Жанры выставки относятся главнымъ образомъ къ римской жизни. Такъ здѣсь мы находимъ одну изъ лучшихъ вещей г. Семирадскаго «Пляска мечей» и другую его же картину «Пѣсня рабыни», нѣсколько картинъ г. Бакаловича и «Забаву цезаря» В. Д. Полѣнова. Затѣмъ тутъ же одна ли не лучшая по письму вещь г. Бронникова «Въ пріемной мецената» и два характерныхъ жанра г. Кладія Степанова. В. Е. Маковскій былъ представленъ довольно большою картиной — «Передняя въ мировомъ судѣ» превосходнымъ «Осужденнымъ», «Въ четыре руки» и двумя хорошенькими этюдами, г. Архиповъ двумя небольшими картинками «Пересуды» и «Этюдъ дѣвочки», а покойный Перовъ двумя прекрасными его вещами «Похороны» и «Учитель рисованія». Затѣмъ здѣсь же мы видѣли большую картину В. М. Васнецова «Богатырь на распутьѣ». Помимо того, что отъ картины нѣяло міромъ русской сказки, она вся проникнута впечатлѣніемъ глубокаго раздумья. Смотри на нее, вы невольно поддавались тому же настроенію и намъ вспоминались слова поэта!

И стою на распутьѣ съ великой тоской
Какъ тотъ втявъ на бѣломъ конѣ;
То прошедшее грозно встаетъ предо мной,
То грядущее грезится мнѣ.
А вдали и кругомъ степь въ молчаньи нѣмомъ,
Затаивши дыханье лежитъ,

Да съднхъ рядъ камней вѣковѣчнымъ спитъ сномъ
Да махая крыломъ черный воронъ летить и т. д.

Едва-ли можно было избрать что-либо лучшее для характеристики этого чисто русскаго художника эпоса. Охотничій жанръ былъ представленъ двумя картинками А. С. Степанова. — Одна изъ нихъ впервые появляется передъ публикой и озаглавлена «Сороковой медвѣдь». — Въ глухомъ лѣсу одиноко лежитъ «смятый» медвѣдемъ мужичекъ-охотникъ, а подлѣ него отчаянно воетъ вѣрный-товарищъ собаченка. Въ картинкѣ чрезвычайно много драматизма и только жаль, что она написана какъ то наскоро и какъ будто неполнѣе разработана. Батальный жанръ былъ представленъ г. Ковалевскимъ и въ числѣ выставленныхъ имъ вещей «Привалъ кавалерійскаго отряда зимою» отличается такимъ колоритомъ, какого мы давно уже не видали у художника. Наконецъ, въ отдѣлѣ портретовъ и головъ мы находимъ восхитительно написанную «даму съ газетой» г. Лемана, портреты кисти покойнаго г. Перова и два большихъ этюда гг. Рѣпина и Крамскаго. Скульптуры на выставкѣ было мало, всего 2 бронзовыхъ статуетки, но обѣ онѣ принадлежали рѣзцу покойнаго г. Лансере, умѣвшаго схватывать въ своихъ вещахъ чисто русскій духъ и его типы. Въ общемъ эта выставка небольшая, но пол-

ная интереса страничка изъ исторіи современнаго русскаго искусства и спасибо за него Обществу Любителей Художествъ.

Говорять, —отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ и, дѣйствительно, стояло пройти Тверскую и заглянуть въ зданіе Историческаго музея на выставку г. Волошинова, чтобы почувствовать себя уже не въ храмѣ искусства, а просто въ овощной лавочкѣ. Кругомъ безконечные дыни, огурцы, луковичи, арбузы и притомъ не только обыкновенные арбузы, но арбузы всевозможныхъ сортовъ и съ пятнами порчи самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, арбузы въ мѣшкѣ и арбузы въ кулькѣ, арбузы спѣлые и зеленые, арбузы цѣлые и арбузы разломанные, арбузы разрѣзанные и арбузы разбившіеся... Однимъ словомъ, цѣлая арбузная эпопея и все это въ натуральную величину на десяткахъ полотнѣ въ три и четыре аршина. Написано все, какъ пишутъ вывѣски для приличнаго бакалейнаго магазина и, обходя выставку, вы положительно недоумѣваете, что передъ вами. Навѣность ли, дошедшая до геркулесовыхъ столбовъ или же самодовольная смѣлость, мнящая себя непризнанной гениальностью. — Впрочемъ на эту выставку серьезно едва ли кто и смотрѣлъ.

Глаголь

М. К. Заньковецкая.

(нѣсколько мыслей.)

Въ мартѣ этого года, г-жа Заньковецкая выступила передъ московской публикой въ послѣдній разъ. Это былъ ея второй и прощальный бенефисъ. Разставаясь съ своею любимой артисткой, поклонники ея таланта поквали ей, какъ высоко они цѣнятъ ея талантъ и какъ глубоко они благодарны г-жѣ Заньковецкой за массу эстетическихъ наслажденій, которыми она такъ щедро дарила публику при каждомъ своемъ выходѣ на сцену.

Чѣмъ объясняется такой колоссальный успѣхъ артистки? Намъ кажется, что причины этого кроются не въ одной только талантливости, а глав-

ное — въ замѣчательной *оригинальности* таланта артистки. Оригинальность ея заключается прежде всего въ необыкновенной простотѣ и естественности воспроизведенія всевозможныхъ душевныхъ движеній. Въ самомъ дѣлѣ, каждая артистка и каждый артистъ, проникнутые атмосферой театральныхъ традицій, невольно воспринимаютъ изъ окружающей ихъ артистической среды ту обычную черту отношенія къ искусству, которую принято называть «актерствомъ». Это — извѣстная доля условности, искусственности въ воспроизведеніи живыхъ лицъ. Если господствующія направленія въ исполненіи у насъ на сценѣ, — да и не только у насъ, но и на Западѣ, обозначить терминами, взя-

тими изъ области литературной критики, то мы бы назвали ихъ романтизмомъ и ложнымъ классицизмомъ. Реальнаго творчества въ области драмы и трагедіи сценическое искусство почти еще не выработало. До сихъ поръ наши исполнители драмъ придерживаются такъ называемаго «героическаго тона», выражающагося у артистовъ въ излишней крикливости и ходульномъ жанрѣ игры, у артистокъ въ пѣвучей и ноющей декламациі, а у тѣхъ и другихъ—въ крайне аффектированномъ изображеніи сильныхъ и эффектныхъ сценъ: обморока, истерики, неистовыхъ воплей, раздирающихъ душу выкриковъ, картинномъ умираіи, въ фальшивомъ, искусственномъ дрожаніи голоса и т. п.

Необходимость естественности и простоты, правда, съ давнихъ поръ признавалась истинными любителями сцены. О ней не мало говорили и писали, ради приобрѣтенія ея не мало было потрачено усилій со стороны театральнаго дѣятелей. Сколько искусственныхъ, а подчасъ даже и курьезныхъ мѣръ не было принимаемо ради достиженія правды на сценѣ! Такъ, извѣстный въ свое время артистъ Брюне, ставшійся пріучить къ естественной игрѣ актрису, г-жу Флору, придумалъ своеобразный приѣмъ: чтобы заставить ее непринужденно смѣяться, онъ ее щекоталъ, а чтобы научить искренно плакать, онъ ее щипалъ. И при этомъ онъ ей замѣчалъ: «Вотъ видишь, моя душа, вся тайна нашего искусства—естественность» *). Другіе учителя искусства, ради той же цѣли, прибѣгали къ развитію воображенія: они думали, что если артистъ представить себѣ ясно положеніе героя пьесы, если онъ мысленно поставитъ себя на мѣстѣ этого послѣдняго, то секретъ приобрѣтенія естественной игры на сценѣ—найденъ. Однако, при господствѣ ложныхъ традицій, которыя на языкѣ театраловъ называются «школой», даже при самомъ искреннемъ желаніи внести что нибудь новое въ искусство актера, трудно было возстать противъ царящаго направленія и не поддаться рутинѣ.

Такъ, велико было стараніе знаменитой французской актрисы Дюмениль вызвать въ одной дебютанткѣ, игравшей роль похищенной Ариадны, искреннее чувство.

Переиспытавъ всевозможныя мѣры воздѣйствія на свою ученицу, великая артистка вышла изъ терпѣнія и прибѣгнула, наконецъ, къ послѣднему средству, чтобы повліять на воображеніе дебютантки:

— Поставьте себя на мѣсто героини,—воскликнула она.—Что бы вы сдѣлали, если-бъ васъ покинулъ любовникъ?

— Чтобъ я сдѣлала?—отвѣчала дебютантка:—отыскала бы другаго.

— Вы— не трагическая актриса,—съ отчаяніемъ замѣтила г-жа Дюмениль *).

Въ старину, когда и въ литературѣ, и во всѣхъ искусствахъ преобладало ложно-классическое и романтическое направленіе, трудно было, конечно, актеру выбраться на путь истины.

Только такому высокому гению, какъ Тальма, было доступно сознаніе потребности правды въ искусствѣ. Да и онъ пришелъ къ этому выводу совершенно случайно: его біографъ рассказываетъ, что на свою идею естественнаго выраженія страстей Тальма былъ наведенъ встрѣчей съ однимъ нищимъ, который тихимъ и кроткимъ голосомъ рассказывалъ страданія своего семейства,—и толпа вокругъ него плакала **). Казалось бы, что въ наше время все способствуетъ къ переходу нашего сценическаго искусства на новый путь: въ литературѣ, со времени Гоголя и его послѣдователей, у насъ воцарилось реальное творчество; въ искусствѣ живописи—торжествуетъ не мало дѣлъ реализмъ. Однако, театръ стоитъ въ этомъ отношеніи позади и литературы, и живописи. Намъ очень и очень рѣдко приходится уловить со сцены искреннюю, правдивую, прочувствованную ноту. Такова сила установившихся традицій.

Вотъ тутъ-то, при мысли о господствующихъ въ сценическомъ искусствѣ направленіяхъ творчества, и приходитъ въ голову идея, какую серьезную услугу русскому театру могла бы оказать такая артистка, какъ г-жа Заньковецкая, если бы она посвятила себя нашей сценѣ. Мы положительно убѣждены, что она могла бы быть одной изъ первыхъ двигателей сценическаго искусства на путь истины, т.-е. на путь реализма.

Въ самомъ дѣлѣ: счастливыя условія, въ которыхъ воспитался талантъ нашей артистки, спасли ее отъ вліянія ложныхъ традицій искусства. Она, хотя и жила постоянно въ провинціи, но искусству своему, къ счастью, не училась у тамошнихъ артистовъ. И когда она впервые выступила на сцену, она не знала никакихъ особенныхъ правилъ и условій театральнаго искусства. У нея былъ только одинъ учитель, но зато очень надежный для талантливаго ученика: этотъ учитель—природа. Когда она, живя помѣщицей въ деревнѣ, помогала доктору въ уходѣ за больными, ей пришлось близко изучить неподкрашенную дѣйствительность крестьянской жизни: просиживая по цѣлымъ часамъ въ избѣ, возлѣ умирающей больной бабы, она не разъ была свидѣтельницей неспитворныхъ человѣческихъ страданій, горестей, житейскихъ драмъ и т. п. Необыкновенная впечатлительность и специально-артистическая

*) Ib.

**) См. „Великій трагикъ Тальма“, по рассказу Одибера, „Пантеонъ“, Кони, 1848 г., № 3.

*) См. „Записки Флоры“, „Пантеонъ“, 1848 г., № 1.

способность удерживанія въ памяти всевозможнѣйшихъ тонкостей и мелочныхъ подробностей въ выраженіи чувствъ создали изъ нея такую артистку, у которой каждая деталь, каждая мелкая подробность роли имѣютъ свое особое выраженіе.

Для подтвержденія нашей мысли напомнимъ хотя бы ея игру въ роли молодой дѣвушки Александры Михайловны, въ пьесѣ «Світова рѣчь» *). Въ первыхъ сценахъ вы ее видите веселою, беззаботною дѣвушкой, которая добродушно подсмѣивается надъ гостями, пришедшими къ ея матери для того, чтобы высмотрѣть себѣ невѣсту.

Александрѣ Михайловнѣ не до гостей: она вся занята своимъ новымъ чувствомъ. Она любить, и любить пока очень счастливо, генеральскаго сына Тамалия.

Совсѣмъ другою видите вы эту симпатичную дѣвушку, когда мать объявляетъ ей о страшномъ горѣ—о полномъ разореніи, которое грозитъ семьѣ въ случаѣ, если Александра Михайловна не дастъ согласія старому чиновнику—халугѣ, Павлушенку, на его предложеніе руки и сердца.

Вамъ становится нестерпимо жаль, съ какими растеряннымъ видомъ, съ какими недоумѣніемъ и предчувствіемъ какой-то ужасной бѣды эта любящая дочь ласково, умоляющимъ голосомъ проситъ мать, чтобъ та успокоилась, повременила рѣшеніемъ, пока она не соберется съ духомъ, «съ думками» своими.

Тонкая игра артистки сопровождала и ту сцену, гдѣ у Александры Михайловны происходитъ разговоръ съ любимымъ ею молодымъ человѣкомъ, Тамалиемъ.

Искренно, съ теплымъ, навивнымъ довѣріемъ повѣряетъ она свое семейное горе этому юношѣ. Но онъ оказывается фатомъ, наглымъ ужасивателемъ за неопытными дѣвушками, и на всѣ ея рѣчи отвѣчаетъ холодными замѣчаніями о скукѣ житейскихъ дрягъ и о необходимости жить только ради любовныхъ наслажденій.

Трудно передать всѣ переходы въ изображеніи массы разнообразныхъ волненій, изображенныхъ артисткой: сначала нѣжная, страстная любовь, потомъ изумленіе его пошлымъ рѣчамъ, переходящее въ какое-то тупое остоленіе, разрѣшающееся отчаяннымъ воплемъ, въ которомъ слышалось и негодованіе, и презрѣніе, и мучительнѣйшее разочарованіе въ любимомъ человѣкѣ.

Голосомъ оскорбленнаго до глубины души человѣка, эта потрясенная горемъ дѣвушка, съ трудомъ переводя дыханіе и какъ будто мучительно преодолевая спазмы, которыя ду-

*) Пьеса эта представляетъ собою передѣлку, вѣрнѣе сказать—переводъ „Бѣдной невѣсты“ Островскаго.

шатъ ей горло, шопотомъ произнесла ему полную негодованія рѣчь.. Но вдругъ, подъ вліяніемъ экстаза, къ ней прибываютъ силы и она громко, съ величественнымъ презрѣніемъ заявляетъ ему, что онъ—подлый человѣкъ и выгоняетъ его вонъ изъ дому.

Далѣе артистка изображаетъ экзальтированное состояніе Александры Михайловны: лицо ея поминутно мѣняется выраженіе. То она задумается и тогда на лицѣ ея вы читаете безконечную грусть, то вдругъ на нее находитъ усиленное нервное возбужденіе, она вся дрожитъ, въ глазахъ вы видите лихорадочный блескъ, въ лицѣ какія-то конвульсивныя движенія, она то улыбается, то дѣлаетъ страшные глаза, то вдругъ принимается безумно, бѣшено хототать...

Эта сцена по нашему мнѣнію въ исполненіи нашей артистки, достойна была бы сама по себѣ тщательнаго психологическаго анализа.

Непосредственность чувства, съ которою г-жа Заньковецкая умѣетъ быстро войти въ каждую роль, «влѣзть», какъ говорилъ Щепкинъ, «въ шкуру» изображаемаго ею лица, способствуетъ тому, что наша артистка, вопреки принятому у насъ обыкновенію давать отдѣльныя, наиболѣе эффектные моменты пьесы, исполняетъ съ одинаковою правдивостью и удачей всю роль, въ каждой ея подробности, съ начала и до конца. Надо замѣтить, при этомъ, что какъ ни бѣденъ художественными достоинствами репертуаръ малороссовъ, однако едва-ли кто станетъ оспаривать, что онъ не лишенъ законченныхъ характеровъ: таковъ, конечно, типъ «Наймички», а также героини пьесы «Не такъ склалось, якъ жадалось».

А между тѣмъ, мы далеко не привыкли видѣть цѣльную, выдержанную съ начала до конца игру артистовъ. На это явленіе указывалъ еще Бѣлинскій и даже смотрѣлъ на него, какъ на дѣло неизбежное. Онъ совѣтовалъ зрителю не быть въ этомъ отношеніи изыскано-требовательнымъ и, если актеръ не выдерживаетъ цѣльности въ игрѣ, отмѣчая талантливо только отдѣльныя мѣста роли, то вы все-таки должны, по словамъ критика, «ловить эти немногія мѣста и благодарить художника за нѣсколько глубокихъ потрясеній, за нѣсколько сладкихъ минутъ восторга, которыя вы выносите изъ театра, память о которыхъ долго, долго носится въ душѣ вашей» *).

Итакъ, нельзя не назвать рѣдкимъ и высокимъ достоинствомъ эту черту таланта г-жи Заньковецкой, т.-е. выдержанность, цѣльность въ развитіи характера. Другою отличительною чертою г-жи Заньковецкой служить глубокая задушевность и симпатичность тона.

Изобразить честную, забитую, дѣтски-незловую душу и повѣдать міру всѣ страданія и

*) См. Сочиненія Бѣлинскаго, ч. I., стр. 508.

луки, испытываемая ею въ борьбѣ съ жесто-
кимъ злочиномъ и суровою несправедливостію
юдей—это ея особенное призваніе.

Когда она отдается своему горю и вы какъ
бы видите эти «святыя, искреннія слезы», то
вы испытываете непередаваемое, мучительное
состояніе: вамъ становится нестерпимо жаль эту
жертву людской злобы. И долго въ ушахъ ва-
шихъ раздаются ея истинно-горестные вопли.

Избѣгая крикливости и громогласныхъ инто-
націй, г-жа Заньковецкая, тамъ, гдѣ ей нужно
воспроизвести сильный эффектъ,—напримѣръ,
негодование, гнѣвъ,—нерѣдко прибѣгаетъ къ
шопоту, но это—не тотъ условно-театральный
шопотъ, который скорѣе напоминаетъ собою ши-
шнѣе зыби и который только раздражаетъ нер-
вы, а это—душу потрясающій шопотъ: слыша
это, вы испытываете страхъ, предчувствіе ка-
кой-то ужасной грозы, какого-то рокового кон-
ца... Отъ такого шопота, какъ говорится, въ
чужѣ морозъ пробирается по кожѣ...

Бываютъ въ жизни человѣка такіе моменты,
когда онь, пораженный чувствомъ ужаса, или гнѣ-
ва, или отчаянія, и т. д., не въ силахъ не только
закричать, но даже раскрыть ротъ, чтобы хоть
шопотомъ произнести свою рѣчь. Такіе момен-
ты необыкновенно удачно воспроизводятся г-жей
Заньковецкой, которая такъ мастерски умѣетъ
говорить шепотомъ, движеніемъ глазъ и лица.
Вспомните, напримѣръ, въ пьесѣ «Глитая» ту
сцену экзальтированного состоянія жены Андрея,
гдѣ она цѣлуетъ съ Глитаемъ. Какъ только
этотъ гнусный человѣкъ прикоснулся своими
холодными губами къ несчастной женщинѣ, такъ
мгновенно ее охватываетъ непередаваемое от-
вращеніе, которое живо выражается на ея ли-
цѣ: она порывисто отталкиваетъ его отъ се-
бя, и въ ея жестѣ, и въ чертахъ лица вы ви-
дите чувство необычайной гадливости, и непо-
мѣрно-брезгливаго презрѣнія къ этому мерзко-
му человѣку.

Невольно вспоминается намъ и та потряса-
ющая нѣмая сцена въ «Найничкѣ», гдѣ дѣ-
вушка, изображаемая нашей артисткой, нечаян-
но разбила посуду, а злая еврейка, схватив-
ши въ руку палку, гонится за ней. На лицѣ
этой несчастной, забитой дѣвушки вы читаете
такой ужасъ отчаянія, такой испугъ, что вамъ
самимъ становится невыносимо страшно за ея
судьбу.

Не менѣе поразительна шпика стыда и от-
чаянія, которую мы видимъ у артистки въ пьесѣ
«Не такъ складось, якъ жадалось», гдѣ
жестокосердая барыня приказываетъ прислугѣ
избить дѣвушку, осмѣлившуюся полюбить бар-
чука. Передъ вашими глазами на лицѣ арти-
стки, изображающей эту обижаемую дѣвушку,
появляется, быстро сдѣлая одно за другимъ,
цѣлая масса ощущеній: и испугъ, и растерян-
ность, и недоумѣніе, и чувство униженного до-

стоинства, и чувство безпомощности, и нако-
нецъ, при видѣ безсилія любимаго ею человѣ-
ка, защитить ее отъ невыносимыхъ оскорбле-
ній въ ея лицѣ, въ ея глазахъ и жестахъ вы
читаете непреодолимое отчаяніе, которое, въ
концѣ концовъ, и привело ее къ обмороку.

Широта таланта нашей артистки позволя-
етъ ей играть съ одинаковымъ успѣхомъ и въ
роляхъ драматическихъ любовницъ, и въ ро-
ляхъ ingénues. По поводу послѣднихъ мы хоти-
мъ сдѣлать одно замѣчаніе. Дѣло въ томъ,
что роли такъ-называемыхъ наивностей и ingénues—
выработались у насъ въ какой-то услов-
ный и искусственный типъ: обыкновенно это ка-
кія-то несносно-глупыя созданія, вызывающія
въ васъ не умиленіе передъ голубиною чисто-
тою и невинностію ихъ души, а скорѣе смѣхъ
надъ ихъ противной безтолковостію. Рѣдко вы
встрѣтите грацію и простоту въ исполненіи
этихъ ролей. А г-жа Заньковецкая съ такою
симпатичностію изображаетъ намъ простодуш-
ныхъ, искреннихъ, нетронутыхъ грязью житей-
скаго опыта дѣвушекъ, ихъ дѣтскую душу,
честность, вѣру въ людей.

По нашему мнѣнію, большую ошибку дѣла-
етъ тотъ, кто думаетъ, что артистка можетъ
изображать только крестьянокъ. Во-первыхъ,
это опровергается весьма удачнымъ исполнені-
емъ ею роли барышни изъ интеллигентнаго кру-
га, въ пьесѣ «Світова річъ»^{*)}. А во-вторыхъ,
неужели трудно замѣтить, присущую артисткѣ
граціозность, изящность въ исполненіи ею лю-
бой роли? Всюду она выдвигаетъ не столько
внѣшнія бытовныя черты изображаемаго ею ли-
ца, сколько именно—общечеловѣческія. Ея об-
щій тонъ, въ которомъ она ведетъ роль, нас-
са интонацій въ передачѣ общечеловѣческихъ
эмоцій и аффектовъ—характеризуютъ не ма-
лороссійскую бабу исключительно, а прежде все-
го и больше всего—женщину вообще. Вотъ по-
чему намъ кажется, что артисткѣ слѣдовало
бы попытаться свои силы на исполненіи пьесъ рус-
скаго репертуара, а также шедевровъ европей-
ской классической литературы.

Намъ могутъ замѣтить, что служить арти-
сткѣ въ русской труппѣ было бы сопряжено
съ большими затрудненіями. Если она не игра-
ла до сихъ поръ русскихъ пьесъ, то ей при-
дется постепенно составлять себѣ репертуаръ,
на что потратится немало времени. Артисткѣ
нельзя будетъ сразу взять на себя амплу пер-
выхъ ролей, ибо не только въ провинціи, но
и въ столицахъ требуется отъ cadaго уча-
стника труппы почти ежедневно выступать въ
разныхъ роляхъ, а это возможно только для

^{*)} Кстати слѣдуетъ обратить вниманіе на то,
что въ двухъ актахъ этой пьесы артистка ведетъ
роль на русскомъ языкѣ, причѣмъ въ произноше-
ніи ея почти совсѣмъ не замѣтенъ малороссійскій
акцентъ.

тѣхъ артистовъ, которые играютъ уже много лѣтъ и успѣли составить себѣ обширный репертуаръ.

Въ отвѣтъ на такое замѣчаніе можно сказать, что артисткѣ и нѣтъ нужды сразу выступать въ какой-нибудь труппѣ и занять въ ней цѣлое опредѣленное амплуа. Гораздо было бы цѣлесообразнѣе для г-жи Заньковецкой составить себѣ на первое время небольшой репертуаръ и гастролировать съ нимъ въ большихъ городахъ, какъ это дѣлаетъ г. Ивановъ-Козельскій въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ и притомъ съ большимъ успѣхомъ.

Намъ даже представляется теперь тотъ репертуаръ, который могла бы взять на первое время г-жа Заньковецкая и который, какъ мы думаемъ, вполне соответствовалъ бы характеру ея дарованія. Изъ классическаго репертуара къ ней подошли бы роли Дездемоны, Корделии, Офеліи, можетъ быть Агнессы (изъ «Школы женщинъ» Мольера) и др. Изъ Островскаго слѣдовало бы итти въ виду «Вѣдную невѣсту», «Грозу», «На бойкомъ мѣстѣ», (роль Аннушки) и др. Изъ пьесъ другихъ русскихъ авторовъ артисткѣ слѣдовало бы поработать надъ «Горькой судьбиной», «Каширской стариной» (Марьица), «Татьяной Рѣпиной», «Медеей», «Злобой дня», «На порогѣ къ дѣлу» и др. При такомъ репертуарѣ артистка, думается намъ, могла бы впол-

нѣ выказать всѣ свои силы и дать отчетливое понятіе о разбѣрахъ своего таланта.

Выступая въ качествѣ гастролерши въ этихъ роляхъ г-жа Заньковецкая могла бы, думается намъ, во-первыхъ принести большую пользу развитію собственнаго своего дарованія, а во-вторыхъ—оказать серьезную услугу дѣлу прогресса нашего сценическаго искусства. Въ этомъ отвѣщеніи мы отъ души присоединяемся къ словамъ Гете о весьма важномъ значеніи гастролей для поднятія сценическаго искусства на подобающую ему высоту. Онъ въ этомъ видитъ прямо единственное средство для борьбы съ паденіемъ роднаго театра. Привожу его слова цѣликомъ: «Будь я еще директоромъ, я всю зиму занялъ бы спектаклями съ хорошими гастролерами. Черезъ это не только бы снова были поставлены всѣ хорошія пьесы, но интересъ съ пьесъ былъ бы перенесенъ на игру; можно было бы сравнивать и судить, публика стала бы проникательнѣе и въ нашихъ артистахъ, при помощи замѣтной игры какого-нибудь превосходнаго гастролера, было бы возбуждено соревнованіе. Повторяю: гастролеріи, гастролеріи, и вы изумитесь какую пользу онѣ принесутъ и театру, и публикѣ» *).

Итакъ пожелаемъ почтенной артисткѣ расширить рамки своей дѣятельности участіемъ въ русской сценѣ.

Влад. Еремилловъ.

Театръ г. Корша.

оставъ перваго спектакля этого сезона въ театрѣ г. Корша вновь, какъ и въ прошлые сезоны, подавалъ надежду, что дирекція намѣрена обратиться наконецъ къ дѣйствительно хорошему репертуару. Шли пьесы «Вечеръ въ Сорренто» Тургенева и «Тяжелые дни» Островскаго. Но надеждѣ этой, какъ и прежде, не суждено было осуществиться. Вслѣдъ за первымъ спектаклемъ афиши этого театра вновь заблистали пьесами обычнаго *Коршевскаго* репертуара.

Въ этомъ году объ этомъ приходится пожалѣть вдвойнѣ.

Въ послѣдніе два года въ Москвѣ существовало нѣсколько частныхъ театровъ, кромѣ театра г-на Корша, и на ихъ сценахъ, особенно

*) См. «Разговоры Гете, собранные Эккерманомъ» переводъ Д. Аверкіена, ч. I, Спб. изд. Суворина, 1891 г., стр. 246.

же на сценахъ театровъ г-жи Горевой, находил себѣ пріютъ образцовыя произведенія русскихъ и иностранныхъ авторовъ. Съ какими бы недостатками ни исполнялись эти пьесы, все же недостатки эти покрывались достоинствами самихъ пьесъ. Теперь, когда театровъ г-жи Горевой уже болѣе не существуетъ, культурнымъ слою московскаго общества не разъ пожалѣютъ о закрытіи ихъ, гдѣ хотя не всегда, но очень часто они могли наслаждаться присутствіемъ въ представленіяхъ пьесъ лучшаго репертуара.

Предстоящій сезонъ лучше всякихъ предвидѣній покажетъ намъ какія цѣли дѣйствительно преслѣдуются дирекціей театра г-на Корша.

На страницахъ нашего журнала мы не разъ доказывали ошибочность расчета дирекціи на свой репертуаръ, даже и въ матеріальномъ отношеніи. Но, если дирекція этого театра прежде, при существованіи конкурентовъ, могла считаться на необходимость, ради матеріальной стороны дѣла, бороться съ конкурентами, хотя бы жертвуя достоинствами репертуара, то теперь для дирекціи нѣтъ и этого *коммерческаго* оправданія.

Мы вполне увѣрены, что, если дирекція те-

атра г-на Корша сознаетъ дѣйствительно всю свою отвѣтственность передъ обществомъ, служить которому какъ слѣдуетъ, какъ должно, какъ бы *хотѣлось* (?) до сихъ поръ мѣшала ей лишь необходимость удовлетворять *торговой* сторонѣ дѣла, и если дирекція воспользуется такъ счастливо сложившимися для нея обстоятельствами и сразу и радикально измѣнитъ свой репертуаръ, то и въ матеріальномъ отношеніи она *только выигрываетъ*.

Тѣ слои общества, которые теперь совсѣмъ не появляются въ залѣ г-на Корша, начнутъ посѣщать его театръ и сдѣлаютъ поддержать благой поворотъ въ дѣятельности московскаго антрепренера.

Пока же мы должны съ грустью признать, что на исполненіе этихъ желаній, этихъ требованій *служенія* обществу, которыя мы вправѣ предъявлять ко всякому общественному предпріятію—надежды мало. Какъ текущій репертуаръ, такъ и всѣ слухи о *новинкахъ* этого театра скорѣе доказываютъ напѣренія дирекціи держаться *своего* репертуара.—Дай Богъ, чтобы эти слухи не оправдались и чтобы театръ г-на Корша сталъ бы наконецъ на подобающую ему высоту.—Пока отрицателъ обѣщаніе дирекціи давать въ праздничные утренніе спектакли *исключительно* пьесы образцоваго репертуара.—Это обѣщалось и прежде, но иногда и въ эти спектакли прорывались пьесы *измѣннаго* репертуара. Будетъ надѣяться, что въ этомъ году этого не случится.

Исполненіе перваго спектакля, особенно «Тяжелыхъ дней» Островскаго, показало, что труппа въ силахъ справляться не съ одними пьесами *лекаю* (!) репертуара. Избавьте эту труппу отъ этой *легкости* излюбленныхъ пьесъ, дайте ей поработать надъ воплощеніемъ дѣйствительныхъ характеровъ, живыхъ людей, и нѣтъ сомнѣнія она дойдетъ до вполне почтенной высоты.

Въ роли Тита Титыча Брускова, г. Вязовскій далъ прекрасный гримъ и удачную фигуру. Но голосъ артиста не далъ ему возможности воплотить характеръ роли.

Г-жу Семенову мы видѣли до сихъ поръ только въ пьесахъ обычнаго репертуара этого театра. Однообразіе, которое она вносила въ исполненіе своихъ ролей, заставляло насъ причислять ее къ разряду тѣхъ посредственныхъ полезностей. Но вотъ г-жа Семенова появилась въ роли Брусковой и мы впервые увидѣли въ ней артистку, могущую съ честью занять мѣсто въ

труппѣ. Съ большимъ стараніемъ, видимо съ любовью исполнилъ роль Андрея Титыча г. Валентиновъ. Передъ нами былъ живой Андрей Титычъ. Артистъ *жилъ* на сценѣ, что въ театрѣ г-на Корша, случается далеко не часто.

Въ роли Мудрова дебютировалъ г. Сашинъ, извѣстный Москвѣ по театру г-жи Горевой. Этотъ артистъ составляетъ бесспорно большое пріобрѣтеніе для театра г-на Корша. Молодой артистъ дѣйствительно обладаетъ дарованіемъ и будетъ крайне жаль, если и его постигнетъ та же участь, какая постигла на этой сценѣ такихъ талантиливыхъ артистовъ, какъ гг. Киселевскій, Градовъ-Соколовъ и др. У г. Сашина всегда была замѣтна склонность къ шаржу, а на какой же другой сценѣ, какъ не на этой, онъ можетъ найти себѣ достаточно простора въ этомъ смыслѣ. Дарованіе г. Сашина исключаетъ необходимость потворствовать низкимъ вкусамъ толпы и безъ того создастъ ему доброе имя и почетное положеніе въ труппѣ. Будетъ надѣяться, что г. Сашинъ не поддастся соблазнамъ легкаго уснѣха и устоитъ передъ требованіями *лекаю* репертуара.

Мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что и публика весьма ясно показала артисту, что расчеты на шаржъ не всегда удаются, и когда г. Сашинъ, уходя въ 4 явленіи 2-го акта, вздумалъ прибавить мимическую сцену и что называется на актерскомъ жаргонѣ *наддать на ухотъ*, то публика отвѣчала ему молчаніемъ, когда же въ 6 явленіи онъ ушелъ просто, не позволивъ себѣ никакихъ добавленій, то публика наградила его шумными рукоплесканіями. Въ общемъ роль Мудрова артистъ исполнилъ прекрасно, давъ вполне живое лицо.

Г. Людвиговъ не далъ того Досуева, какой написанъ авторомъ. Артистъ вѣроятно мало имѣлъ возможности ближе приглядѣться къ людямъ этого типа, но все же роль была проведена имъ умно, съ чувствомъ мѣры.

Роль Василиска Перцова г. Яковлевъ исполнилъ нѣсколько шаблонно и недостаточно ярко.

Г-жа Мартынова къ роли Александры Петровны отнеслась совсѣмъ небрежно. Она не потрудилась придать ей ни одной черты, которая бы отячала ее отъ другихъ, исполняемыхъ г-жой Мартыновой ролей; на сценѣ была та же г-жа Мартынова, какою мы чуть не ежедневно видимъ ее на сценѣ этого театра въ ея постоянныхъ роляхъ.

Р. С. Т.

Къ вопросу о новомъ уставѣ С.-Петербургской Императорской Академіи Художествъ.

Уже около года прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ Петербургѣ была создана особая коммиссія для выработки новаго устава Императорской Академіи Художествъ, а между тѣмъ въ печати до сихъ поръ царятъ по этому вопросу полнѣйшее молчаніе. Положеніе всего художественнаго образованія въ Россіи тѣсно связано съ жизнью академіи художествъ и такимъ образомъ вопросъ о коренномъ преобразованіи ея устава никомъ образомъ нельзя считать маловажнымъ. Хранить дальнѣйшее молчаніе было бы тѣмъ болѣе странно, что на сей разъ само правительство, повидимому, сознало невозможность обойтись одними своими силами и обратилось къ содѣйствию «свѣдущихъ людей», въ лицѣ большей части нашихъ извѣстныхъ художниковъ. Въ концѣ прошлаго года многіе изъ профессоровъ академіи и членовъ передвижнаго товарищества получили предложеніе высказать свое мнѣніе по этому вопросу. Говорятъ, что этихъ „миѣннѣ“ было весьма много и еще больше было въ нихъ интереснаго, но всѣ они остались кабинетной тайной, хотя и были напечатаны и разосланы всѣмъ членамъ коммиссіи. Кромѣ того крупнѣйшіе изъ русскихъ художниковъ были приглашены въ составъ самой коммиссіи, имъ предоставлено равное съ прочими право рѣшающаго голоса и это, конечно, служить ручательствомъ, что каковы бы ни были результаты трудовъ коммиссіи, но жизнь Академіи во всякомъ случаѣ потечетъ по совершенно новому руслу.

Когда была основана академія художествъ, она была единственною въ Россіи школой живописи, архитектуры и скульптуры, и потому понятно, что все вниманіе правительства было сосредоточено на ней, на нее тратились огромныя суммы и она же явилась представительницею высшаго авторитета во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся художествъ. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло. Замкнутая въ тѣсномъ кругу своихъ интересовъ, академія скоро въ своемъ преподаваніи провела рѣзкія границы, дозволеннаго и недозволеннаго, принятаго и непринятаго, стараясь втиснуть русское искусство въ узкую рамку слѣпаго подражанія узаконеннымъ образцамъ. Выраженіе *академической* стало равносильнымъ условному и рутинному. При этомъ академія не только наложила руку рутинны на технику искусства, но стремилась поставить въ тѣсныя рамки даже самую мысль учащейся молодежи и заставляла своихъ учениковъ писать античныхъ героевъ и святыхъ въ то

время, когда кругомъ нихъ кипѣла жизнь и реализмъ, завоевавшій себѣ мѣсто въ литературѣ, громко стучался и въ двери искусства. Въ результатѣ двери не выдержала. Груши молодежи отказалась писать картины на заданныя программы: Авелей, Моисеевъ въ пустыни и т. п., вышла изъ академіи и положила начало товариществу передвижниковъ.

Кипѣвшая молодая сила вырвалась наружу и академія, точно сознавая неизбѣжную гибель своихъ излюбленныхъ принциповъ, еще тѣмъ замкнулась въ кругу рутинны, закрывая глаза на жизнь и всѣ ея требованія. Но дѣло было уже сдѣлано. То тамъ, то сямъ на Руси возникли новыя школы живописи и всѣ тяготѣнія ихъ учениковъ лежали, конечно, не на сторонѣ академіи, а на сторонѣ свободнаго товарищества передвижниковъ. Въ Россіи явилось два центра, два представителя художественнаго авторитета. Съ одной стороны академія съ ея мѣдалями, пенсіями, посылкой за границу и тысячами ассигновками на покупку ученическихъ картинъ, а съ другой свободное товарищество передвижниковъ, не дающее ни патентовъ, ни субсидій и лишь радушно открывающее двери всѣмъ идущимъ къ нему художникамъ.

Основанная Московскимъ Художественнымъ Обществомъ школа живописи скоро переходитъ въ руки членовъ передвижнаго товарищества, которые дѣлаются преподавателями школы и такимъ образомъ здѣсь въ параллель съ академіей возникаетъ своя школа передвижнаго товарищества. Въ результатѣ все молодое, сильное, надѣющееся на себя или уходитъ изъ академіи или обходитъ ее и всѣ ея прерогативы, устремляясь къ передвижному товариществу, все же посредственное, боязливое, не идущее далѣе рабскаго подражанія, устремляется къ академіи съ ея пенсіями, субсидіями и т. п. Говорю это, я вовсе не хочу сказать, чтобы въ недрахъ академіи не было въ настоящее время художественныхъ силъ и все стояло на уровнѣ самой низкой посредственности. Искра Божья въ человѣкѣ живуча и, если она сильна, то никакой рутинной ея не погасишь. Это мы видимъ хотя бы въ тѣхъ же старѣйшихъ передвижной выставки, выпедшихъ изъ недръ академіи художествъ, но фактъ все-таки остается фактомъ, и если мы спросимъ, гдѣ вся масса стипендіатовъ академіи, ея пенсионеровъ и учениковъ, на которыхъ тратятся десятки тысячъ на каждой выставкѣ, то намъ съ трудомъ укажутъ пять, шесть выдающихся именъ.

А если мы взглянемъ съ другой стороны на молодыхъ членовъ передвижной выставки или экспонентовъ, то увидимъ, что гдѣ-то совершенно въ сторонѣ отъ академіи и ея прерогативъ выросли такіе художники, какъ гг. Архиповъ, Сѣровъ, Левитанъ, Нестеровъ, С. В. Ивановъ, А. Степановъ, Бакшеевъ, Дубовской, Ярцевъ, Остроуховъ и др. Становится яснымъ, что академія не выполняетъ своей функціи созданія русскихъ художниковъ, которые вырастаютъ гдѣ-то совершенно на сторонѣ, а если и выходятъ изъ нѣдръ ея, то все-таки не окупаютъ тѣхъ затратъ, которыя ежегодно въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ дѣлаются на академію художествъ.

Но если бы даже мы предположили, что въ академіи возобновили весь составъ совѣта и преподавателей и все дѣло передано самымъ передовымъ личностямъ, то и тогда въ положеніи ея остается одна крупная несообразность.

Для поясненія возьмемъ примѣръ изъ области общаго образованія. Представимъ себѣ, что петербургскому университету предоставлено исключительное право снабжать своихъ слушателей стипендіями, посылать ихъ для усовершенствованія за-границу и т. п., при чемъ всѣ средства, затрачиваемыя на это правительствомъ, сосредоточены именно въ одномъ петербургскомъ университетѣ. — Нелѣпость получается очевидная и никому не придетъ въ голову, что слушатели петербургскаго университета могутъ стоять на уровнѣ неизмѣримо превышающемъ прочіе университеты и что въ прочіихъ университетахъ нѣтъ и не можетъ быть лицъ, еще болѣе достойныхъ всякаго рода субсидій, стипендій и т. п. А между тѣмъ въ академіи художествъ именно такъ и происходитъ. Академія даетъ въ сущности такое же художественное образованіе, какъ и московская школа живописи, но въ академіи художникъ, получившій большую серебряную медаль, является конкурентомъ на всевозможныя субсидіи для дальнѣйшаго усовершенствованія, а въ московской школѣ живописи онъ выбрасывается въ жизненное море безъ всякой поддержки, предоставленный однимъ своимъ силамъ и понятно, что болшею частью ему представляется только одна перспектива, — мѣсто учителя рисованія въ провинціи или бѣганіе по грошевымъ урокамъ для обученія досужихъ барышень.

Иногда у молодого художника хватаетъ энергіи и средствъ перебраться въ Петербургъ и поступить въ академію художествъ, но здѣсь онъ сразу сталкивается съ совершенно чуждымъ духомъ. Онъ долженъ совсѣмъ отрѣшиться отъ традицій своей школы и переучиваться чуть не съ самаго начала *). Въ ре-

зультатѣ болшею частью сознаніе полнѣйшей невозможности такой коренной ломки и возвращеніе изъ академіи въ волны житейскаго моря безъ всякой надежды на чью-либо поддержку и цѣлые года нищенскаго существованія, пока меценаты не оцѣнятъ произведеній художника и не введутъ его въ моду.

Изъ сказаннаго понятно, что основной ошибкой устава академіи является смѣшеніе академіи, какъ школы, и академіи какъ учрежденія, являющагося высшимъ художественнымъ авторитетомъ, снабженнаго обширными средствами и полномочіями всякаго рода, и въ постановкѣ новаго устава это разграниченіе должно быть прежде всего выдвинуто впередъ. Прежде всего отъ академіи должна быть отдѣлена школа и академія оставлена, какъ совершенно обособленное высшее учрежденіе, вѣдающее на помощь уже не ученикамъ, но молодымъ художникамъ, прошедшимъ школу, (безразлично какою — петербургскую, московскую или кievскую) и подающимъ дальнѣйшія надежды. Что же касается теперешней академической школы, то она должна быть совершенно уравнена въ правахъ со всѣми остальными школами живописи въ Россіи. Такая школа должна обучать своихъ учениковъ рисованію съ оригиналовъ, рисованію съ гипсовъ и натурщиковъ и письму съ *nature morte*, животныхъ *) и натурщиковъ, (голыхъ и въ костюмахъ); однимъ словомъ, она должна дать имъ всю предварительную подготовку, выучить ихъ работать и дать ихъ прирожденному таланту возможность вылиться въ опредѣленную форму. Въ области скульптуры она должна выучить ихъ, помимо рисунка, техники лѣпки съ гипсовъ и съ натуры. Помимо этого, такая школа должна дать своимъ ученикамъ общее образованіе приблизительно въ предѣлахъ сокращеннаго курса реального училища, т. е. познакомиться ихъ съ русской грамматикой, географіей, исторіей, естественной исторіей, ариметикой и исторіей литературы, и дать краткое свѣдѣніе изъ области алгебры и геометріи, къ чему долженъ быть присоединенъ спеціальныя курсы перспективы, исторіи искусствъ и анатоміи. Такая школа должна открыть свободный доступъ каждому желающему и потому уровень требованій отъ поступающихъ долженъ быть по возможности низокъ. Онъ едва ли мо-

жетъ преувеличенія, служить нѣскольکو лучшихъ учениковъ московской школы, учениковъ, которые заняли на передвижной выставкѣ одно изъ видныхъ мѣстъ, а въ академіи при всѣхъ усиліяхъ не могли удовлетворить ея профессоровъ, которые требовали отъ нихъ условнаго рисованія античныхъ формъ съ современныиъ натурщиковъ.

*) Не странно ли, что письмо животныхъ входитъ въ курсъ преподаванія только одного батальнаго класса академіи художествъ.

*) Доказательствомъ того, что въ этихъ словахъ

жетъ превышать уровень знаній, даваемыхъ каждою сельскою школою. Каждая такая школа должна быть снабжена, наравнѣ съ прочими, извѣстными суммами на поддержаніе талантливейшихъ учениковъ и должна выпускать молодыхъ людей, способныхъ самостоятельно работать.

Выдача медалей въ нашихъ рисовальныхъ школахъ и масса градацій въ званіи художниковъ: учитель рисованія, неклассный художникъ, художникъ 1-го и 2-го класса, академикъ и т. д., также едва ли могутъ быть признаны разумными—жизнь требуетъ только одного, чтобы школа, выпуская художника, дала ему право быть учителемъ рисованія. Въ остальномъ всѣ выпущенные школою художники должны быть совершенно равноправны. Медаль есть знакъ отличія, своего рода награда и до сихъ поръ въ публикѣ вы услышите, что про ученика, кончающаго школу живописи говорятъ: онъ *отлично* кончилъ школу и вышелъ съ медалью, при чемъ этому дается такое же значеніе, какъ медали при окончаніи гимназій или университета, тогда какъ на самомъ дѣлѣ полученіе двухъ малыхъ и одной большой серебряныхъ медалей есть неизбежная прерогатива каждаго ученика, безъ которой онъ даже не можетъ считаться окончившимъ школу.

Гораздо разумнѣе было бы оставить медали, какъ знакъ награды отличившимся одному или двумъ выпускнымъ ученикамъ, а остальнымъ предоставить званіе *художника*, связавъ съ нимъ право на занятіе мѣста учителя рисованія.

Вся дальнѣйшая забота о молодомъ художникѣ должна быть снята со школы и ложится уже на долю академіи. Академія должна ему дать *высшее* художественное образованіе и снабдить его всѣмъ необходимымъ для полного выраженія его силы и таланта. Въ чемъ же должна заключаться эта роль и что должна представлять изъ себя такая академія? Для рѣшенія этого вопроса лучше всего обратиться къ самой жизни. Посмотрите на молодежь, выходящую изъ нашихъ школъ живописи, приглядитесь къ тому, чего она ищетъ и что ее больше всего волнуетъ, и рѣшеніе вопроса явится само собою.

Громадное большинство молодежи, выходящей изъ нашихъ школъ живописи, конечно, не можетъ и мечтать ни о просторной мастерской съ хорошимъ свѣтомъ, ни о костюмахъ, ни объ какой-либо обстановкѣ, но съ этимъ все-всѣмъ еще можно мириться. Главное горе всякаго молодого художника—неувѣренность въ себя; онъ безъ усталы работаетъ надъ этюдами и не вѣритъ своимъ этюдамъ, онъ пишетъ эскизы за эскизомъ и не можетъ ни на одномъ остановиться. Завѣтная мечта каждаго

изъ нихъ—идти къ одному изъ тѣхъ, чьи произведенія поражаютъ его своей правдой и силой, нести къ нему свои работы и у него искать разрѣшенія своимъ сомнѣніямъ. Очень часто наши крупные художники радушно встрѣчаютъ такого юношу, ободряютъ его, даютъ ему много хорошихъ совѣтовъ, но въ концѣ концовъ оставляютъ его все-таки одного, потому что физически не могутъ заняться съ каждымъ, кто къ нимъ обращается.

Даже въ самомъ благоприятномъ случаѣ помощь авторитетнаго художника ограничивается нѣсколькими добрыми совѣтами, а о главномъ, о работѣ подъ его руководствомъ юноша даже и мечтать не смѣетъ. Въ этомъ то именно отношеніи и должна придти къ нему на помощь академія художествъ. Она должна имѣть въ своемъ составѣ лучшихъ нашихъ художниковъ по нѣскольку на различные отрасли живописи, должна роскошно оплатить ихъ трудъ, предоставить въ ихъ распоряженіе всѣ средства академіи, всѣ ея мастерскія, музеи, библиотеки и т. п. и открыть доступъ къ этимъ профессорамъ всѣмъ ищущимъ этого молодымъ художникамъ.

Въ дѣлѣ искусства принужденія невозможно и потому поступленіе молодого художника къ тому или другому изъ профессоровъ должно быть съ одной стороны актомъ свободнаго выбора ученика, а съ другой должно быть обусловлено согласіемъ профессора принять молодого человѣка подъ свое руководство. Если профессоръ не видитъ задатковъ таланта въ ученикѣ, онъ не будетъ съ нимъ заниматься, и ученикъ будетъ только мѣшать дружному ходу дѣла, если же ученикъ талантливъ, то нельзя допустить, чтобы профессоръ не взялъ его подъ свое руководство. Право профессора должно быть настолько широко, что ему должно быть разрѣшено принятіе къ себѣ не только учениковъ, кончившихъ курсъ той или другой подготовительной школы, но и лицъ все-всѣмъ не посѣщавшихъ школы, коль скоро они могутъ представить работы, обличающія въ нихъ достаточную подготовку. Необходимость такой постановки прекрасно доказывается тѣмъ, что на любой выставкѣ картинъ мы видимъ художниковъ, не посѣщавшихъ никакой школы и всѣмъ обязанныхъ личному своему труду и частной помощи того или другаго изъ художниковъ.

Ежегодно ученики того или другаго профессора представляютъ совѣту академіи результаты своихъ работъ въ видѣ рисунковъ, этюдовъ и картинъ, изъ которыхъ составляется ежегодная академическая выставка. Обходя выставку, совѣтъ избираетъ лучшія произведенія и выдаетъ за нихъ художникамъ субсидіи на продолженіе занятій у профессора или же на поѣздку за границу и тѣмъ способствуетъ даль-

нѣйшему усовершенствованію художника. Здѣсь же на этой выставкѣ онъ присуждаетъ отличившимся званіе академика и тѣмъ признаетъ его окончившимъ свое высшее художественное образованіе.

При такой постановкѣ дѣла возможно, что многіе изъ желающихъ поступить въ академію не найдутъ профессора, согласнаго на ихъ пріемъ, и останутся за бортомъ. Весьма возможно также, что въ средѣ ихъ будетъ много очень талантливыхъ людей, но это зло возможно и при всякой постановкѣ дѣла. А для того, чтобы эти лица не были закрыты доступъ къ необходимымъ субсидіямъ, послыжѣ за границу и т. п., академическая выставка произведеній на соисканіе всего этого должна носить характеръ анонимнаго конкурса и на нее долженъ быть открытъ доступъ всѣмъ художникамъ, не получившимъ званіе академика. При всемъ этомъ, конечно, самый важный вопросъ: кто будетъ занимать мѣсто профессоровъ и гдѣ гарантія, что въ совѣтъ академіи будутъ дѣйствительно находиться лучшія художественныя силы?

Отвѣтъ на это можетъ быть только одинъ. Президентъ академіи приглашаетъ въ конференцію академіи всѣхъ художниковъ, участвующихъ на русскихъ выставкахъ послѣднихъ 2-хъ лѣтъ, и этой конференціи должно быть предоставлено право, съ утвержденія президента, избирать тѣхъ или другихъ художниковъ въ профессора. Трудно допустить, чтобы при такомъ выборѣ могли быть сдѣланы крупныя ошибки, но даже и въ случаѣ такихъ ошибокъ конференція, созываемая каждыя три или пять лѣтъ, имѣетъ полную возможность ихъ исправить.

Таковы, какъ намъ кажется, основанія, на которыхъ должна покоиться новая академія художествъ. Практика покажетъ, насколько соответствуютъ онѣ требованіямъ жизни, но во всякомъ случаѣ едва ли кто упрекнетъ ихъ въ томъ, чтобы онѣ не давали полного простора зарождающимся талантамъ и не представляли имъ всѣхъ необходимыхъ для дальнѣйшаго развитія средствъ.

Глаголь.

Французская оперная труппа въ саду „Эрмитажъ“.

Характеръ дѣятельности «садовъ», въ какомъ бы государствѣ и городѣ мы къ нимъ ни присматривались, — хорошо извѣстенъ всѣмъ и каждому. Здѣсь могутъ наблюдаться нѣкоторыя разновидности, нѣкоторыя отклоненія отъ наиболѣе часто встрѣчающагося типа; но цѣль всякаго «садоваго» предпринимателя сводится все-таки къ одному: — забавлять, развлекать, не давать задумываться надъ тѣмъ, надъ чѣмъ только зиную разрешается морщить лобъ. Лѣтнія учрежденія, гдѣ серьезничать, — рѣдки. Въ Петербургѣ и близъ него имѣются — Павловскій вокзалъ съ симфоническими вечерами, такіе же серьезные концерты въ «Аква-риумѣ», «Озеркахъ», французская опера въ «Аркадіи». Въ Москвѣ ничего подобнаго нѣтъ. Девизъ лучшаго изъ нашихъ садовъ — «Эрмитажа» — все-таки забава во что бы то ни стало, несмотря на претенціозныя слова — «сатира и мораль», красующіяся надъ занавѣсомъ его театра. Легковѣсность — непремѣнная спутница лѣтней забавы; такъ уже искони установлено. Дѣйствительно, лишь только зной заставитъ насъ измѣнить сукну для шелка и парусины, все моментально теряетъ въ вѣсѣ: опера превращается въ оперетту, симфоническая музыка въ *садовую* (такой даже специальный терминъ существуетъ), сатира въ пошленькій куплетъ, мораль въ канканъ и шансонетку. Легче мож-

но вздохнуть и лѣтописцу музыкальной жизни города. Ему нѣтъ дѣла до того, что тамъ творится лѣтомъ: все стало легче, все удалилось отъ истинныхъ задачъ искусства и, на самый лучшій конецъ, скользятъ только развѣ по его поверхности. Ему нечего дѣлать передъ «открытой» эстрадой сада: всевозможныя «конфетки леденистыя» такъ-называемаго *русскаго* хора и тѣмъ болѣе «неустрашныя полеты» гимнастовъ далеко уходятъ за предѣлы компетенціи музыканта. Ему нечего дѣлать и въ закрытомъ театрѣ, гдѣ полновластно паритъ оперетта, этотъ жалкій и безвкусный родъ вокально-драматическаго письма. Еще, пожалуй, понятная у талантливаго Оффенбаха, лучшія сочиненія котораго — всегда хлесткій, остроумный памфлетъ, шутка-сатира въ непритязательныхъ звукахъ, — оперетта, въ теперешнемъ своемъ видѣ, окончательно лишенная сатирической подкладки, строящаяся на одномъ обнаженномъ, ничѣмъ не оправдываемомъ разжиганіи нечистоплотныхъ инстинктовъ толпы, или, наоборотъ, утонувшая, среди непосильныхъ стремленийъ подняться до уровня комической оперы, въ невняннѣйшую кислосладкость и скуку, — не имѣетъ ничего общаго съ художественнымъ произведеніемъ.

Этимъ лѣтомъ нашлась однако работа для музыкальной критики и нашлась именно въ «Эр-

митажъ». Такъ случилось, что вѣрный другъ оперетты, научившись вѣтренности отъ своей легкомысленной подруги, превзошелъ ее въ легкомыслии, и прежде, чѣмъ оперетта измѣнила «Эрмитажу», «Эрмитажъ» на нѣсколько дней измѣнилъ ей и увлекся серьезной оперой. Та, въ лицѣ французской труппы г. Гюнсбурга изъ петербургской «Аркадіи», семь вечеровъ прогостила на сценѣ закрытаго театра «Эрмитажа».

Что же это за труппа и въ какомъ видѣ, въ какой обстановкѣ показана она была въ Москвѣ? Вотъ вопросы, которымъ главнымъ образомъ посвящены предлагаемыя строки.

Москва дала французскимъ гостямъ декорации, бутафорскія вещи и т. д., дала статистовъ, хоръ, оркестръ; мы бы дополнили—и капельмейстера, если бы точно были увѣрены, что г. Алиньянини (имѣющій, кстати сказать, большое во всѣхъ отношеніяхъ сходство со вторымъ капельмейстеромъ итальянской оперы г. Корша—г. Алиньяни) присоединился къ оперной компаніи уже здѣсь, а не парализовалъ ее дѣйствіемъ еще въ «Аркадіи» такъ же, какъ онъ этии занимался въ «Эрмитажѣ».

На декорации, бутафорию, а также костюмы хора и статистовъ жаловаться нельзя. Конечно, все это было не вновь устроено для гастролей оперной труппы, чего отъ частной антрепризы и требовать невозможно, а тщательно и довольно кстати собрано изъ имѣющихся на лицо заготовокъ для ряда репертуарныхъ опереттъ. Словомъ, грубаго впечатлѣнія для глазъ не получалось, а кое-что такъ даже относительно красиво вышло.

Не такъ слѣдуетъ отнестись къ хору и оркестру. Положимъ, численностью они были достаточны; положимъ, и по составу—недурны: въ оркестрѣ видѣлись нѣкоторые изъ оркестровыхъ музыкантовъ Большаго театра и многіе изъ игравшихъ прошлой зимой въ симфоническихъ собраніяхъ; въ хорѣ много оказалось свѣжихъ и звучныхъ голосовъ и опытныхъ людей изъ русской оперы и обѣихъ великопостныхъ итальянскихъ. Но репетицій, очевидно, сдѣлали такъ мало, а г. Алиньянини при такихъ условіяхъ такъ терялся, что обѣ ему подвѣдомственныя аршіи, какъ вокальная, такъ и инструментальная, то и дѣло путались и производили невозможныя вещи. Фальшь стояла невообразимая; за вѣрную интонацію почиталась та, что не была въ конецъ фальшивой. Выходили верѣдко прямыя курьезы: нуженъ минорный аккордъ, но кларнеты, берущіе его терцію, играютъ полутономъ выше, и получается какой-то чудовищный союзъ мажора съ миноромъ; композиторъ желаетъ у двухъ инструментовъ хода параллельными терціями, но одинъ инструментъ отстаетъ немного, и терціи превращаются въ секунды; въ «Трубадурѣ», въ закулисномъ хорѣ монахинь отличался хормей-

стеръ въ качествѣ солиста; въ послѣднемъ актѣ «Жидовки» хоръ à capella запѣлъ было, но остановился и кардиналъ Броньи допѣлъ хоръ въ тоскливомъ одиночествѣ; иногда недоразумѣнія приобретали массовый характеръ, настолько, что происходили общія остановки секунды на двѣ. Не мѣшаетъ обратить вниманіе и на разношерстный составъ хора, породившій то же нѣсколько интересныхъ эффектовъ. Оперные твердачи текста не боялись: русскіе пѣли по-русски, итальянцы по-итальянски, чудомъ вылетали порою чьимъ-то стараніемъ созданныя фантастическія подобія французскихъ словъ; но опереточные держали строгій нейтралитетъ, избѣжали международной политики, ни къ какой національности не пристали и пѣли «пѣсни безъ словъ». Оптимистамъ оставалось видѣть во всемъ этомъ трогательное единеніе народностей, пессимистамъ—столпотвореніе вавилонское.—Кстати упомянуть объ опереточныхъ хористкахъ вообще и въ частности объ опереточныхъ статисткахъ, изображавшихъ пажей. У этихъ барышень, очевидно, своеобразныя представленія о сценическихъ условіяхъ; жизненность сценическаго изображенія, по ихъ мнѣнію, состоитъ въ вѣчныхъ разговорахъ между собою, необъяснимыхъ смѣшкахъ и даже переглядываньяхъ съ публикой. Можетъ-быть, такіе приемы и составляютъ всю сущность опереточной игривости, но въ оперѣ они неумѣстны: врядъ-ли посмѣли бы пажи кардинала смѣяться въ его присутствіи, врядъ-ли, тѣмъ болѣе, допустима веселость у евреекъ въ моментъ совершенія пасхальныхъ обрядовъ.

Все это объясняется спѣшностью репетицій, ихъ недостаточностью и вообще небрежностью администраціи сада по отношенію къ спектаклямъ петербургскихъ французовъ. Небрежность эта дошла разъ даже до того, что, пока пѣлась одна изъ нѣжныхъ сценъ «Трубадура», открытая эстрада нарушила свое молчаніе, и звуки русскаго хора не разъ врывались въ зрительный залъ театра.

Такой музыкальный антуражъ нашла себѣ въ Москвѣ оперная труппа г. Гюнсбурга. Казалось-бы, при подобныхъ условіяхъ, трудно дать о себѣ вѣрное понятіе, показать себя въ истинномъ свѣтѣ, заставить оцѣнить себя по достоинству. Тѣмъ не менѣе французы сумѣли показать, что они такое. Они прежде всего-то, что по праву можетъ быть названо труппой, артистическимъ товариществомъ. Конечно, иные изъ этого товарищества болѣе ярки, другіе менѣе; мѣются между ними и большія величины, и просто посредственности, полезности; но главная сила этой пѣвческой семьи—въ ансамблѣ, стигранности, непрестанной вдумчивости, неослабляющемъ сознаніи, что они всѣ не только пѣвцы, но и пѣвцы-актеры. Имъ всѣмъ много мѣшали тѣ рамки,

среди которыхъ они очутились въ Москвѣ; но тамъ, гдѣ оркестръ ступеался и не очень уже путалъ, а хоръ не выступалъ на значительный планъ, наши гости успѣли дать прекрасные образцы того, какъ они умѣютъ вести сцену, жить на ней, слушать другъ друга; никогда у нихъ нельзя было поддѣлать приѣмовъ, такъ крѣпко живущихъ у многихъ итальянцевъ: дума пѣвца о сценѣ, пока ему пѣть надо; но кончилъ онъ пѣніе, и сцена позабыта, хотя, по ходу дѣйствія, удалаться за кулисы еще рано,—нужно слушать, что за слова поетъ другой. Настоящій пѣвецъ-актеръ долженъ придавать большое значение слову, и это понимаютъ французы: выговариваютъ они слова безподобно, что одинаково относится и къ выдающимся силамъ труппы, и къ ея второстепеннымъ членамъ. Итакъ слово и сцена для французскаго опернаго пѣвца на очень важномъ планѣ. Но это не значитъ, что самое пѣніе у него отодвинуто куда-то далѣе. Напротивъ всѣ, кого мы слышали въ «Эрмитажѣ» въ эти семь вечеровъ, несомнѣнно въ той или другой степени обладаютъ школою пѣнія сознательной, живущей свои особенности, манеру, чисто французскую индивидуальность; и, благодаря этой школѣ, очевидно, достигаются блестящіе результаты: голоса вырабатываются, приобрѣтаютъ подвижность (даже у басовъ трели), умѣнье украшать пѣніе разнообразными оттѣнками въ переходахъ отъ сильнаго звука къ слабому и наоборотъ. Отдавая впрочемъ должное французской школѣ, мы все-таки не на ея сторонѣ, когда дѣло касается самой постановки голоса. У французовъ онъ нѣсколько сгущенъ, склоненъ къ форсировкѣ; итальянцы ставятъ его свободнѣе, естественнѣе.

Семь вечеровъ распредѣлились между тремя операми: «Гугеноты» заняли четыре вечера, «Жидовка»—два, «Трубадуръ»—одинъ. Особенный интересъ представляли оперы Мейербергера и Галевани, несмотря на то, что въ нихъ много широко раскинутыхъ, массовыхъ ансамблей, а они, изъ-за неудовлетворительности хоровъ и оркестра, или не вышли, или до неузнаваемости изуродовались сокращеніями. Именно въ этихъ операхъ надо было видѣть французскихъ артистовъ; здѣсь, въ этихъ специально для Большой Парижской Оперы написанныхъ произведеніяхъ, они чувствовали себя совсѣмъ, какъ дома; каждая сценка, каждая мелочь ея несомнѣнно съ любовью, съ уваженіемъ изучена, священнодѣйственно и виѣстѣ съ увлеченіемъ исполнена, по строгимъ завѣтамъ давно сложившихся въ Парижѣ традицій. И такъ хорошо при этомъ звучалъ непереводаемый текстъ, какъ мы его слышимъ при представленіяхъ этихъ оперъ у русскихъ и итальянцевъ, а французскій языкъ подлинника, на который собственно и писалась музыка двумя изобличителями

изувѣрскаго ослѣпленія и фанатической злобы. По тѣмъ же самымъ основаніямъ кровный итальянецъ—«Трубадуръ» явился у французовъ во всѣхъ отношеніяхъ неоригинальнымъ; были, впрочемъ и другія причины его неудачи.

Остановившись на исполнителяхъ главнѣйшихъ партій.

Г-жа Тильда—драматическое сопрано; Валентина, Рахиль и Леонора—партіи, какъ нельзя болѣе подходящія къ ея мощнымъ голосовымъ средствамъ, если и не на всемъ протяженіи вполне пріятнаго тембра, то всюду, и особенно на верхахъ, импонирующимъ звучностью и силою; пѣвица съ несомнѣнной школою, опытная, увѣренная; шныя фразы бывають сказаны съ неподдѣльнымъ пафосомъ; актриса нѣсколько холодная и рутинная, но очень знающая свое дѣло; вообще рутинны больше, чѣмъ дарованія.

Г-жа Сантарэлли—вся пока въ будущемъ, теперь имѣемъ мы только право возлагать на нее хорошія надежды: счастливѣйшая внѣшность, милый, теплый, довольно сильный и пріятный голосъ (высокое меццо-сопрано); нѣкоторое присутствіе дарованія, далеко еще не развитого и не отшлифованнаго, какъ и сама вокальная и сценическая техника молодой артистки. Въ партіи пажа Урбана г-жа Сантарэлли доставила удовольствіе, по преимуществу, зрителямъ; Азучена же ея вызвала болѣе или менѣе искренніе аплодисменты и со стороны слушателей.

Г-жа Вальянъ-Кутюръ—очень талантлива. Дѣлаемъ такое заключеніе не по исполненію партіи принцессы Евдокии,—партіи, чуть ли не самой неблагоприятной изъ всѣхъ, какія только существуютъ на свѣтѣ,—а по тому неожиданному впечатлѣнію, которое г-жа Кутюръ производитъ яркой передачей партіи «королевы» въ «Гугенотахъ». Обыкновенно Маргариту Валуа поютъ такъ-называемыя легкія сопрано, специалисты всякихъ хитрыхъ вокальныхъ кружевъ и завитушекъ. Тѣ только о своихъ кренделяхъ и заботятся, выдѣлываютъ ихъ болѣе или менѣе отчетливо и чисто, заслуживаютъ соответствующія рукоплесканія, bis'ируютъ, берутъ для вѣщаго эффекта невозможную высокую ноту, снова приседаютъ и раскланиваются, а затѣмъ холодно удаляются, опираясь на вытянутую руку пажа. Тѣмъ все и кончается, и ничего, кромѣ удивленія къ вокально-акробатическимъ фокусамъ, въ душѣ слушателя не остается. Г-жа Кутюръ—не то. Она прежде всего не легкое сопрано и не исключительная специалистка по фіоритурѣ. Голосъ ея, хотя и сопрано, но того полнаго и содержательнаго, что-то сердцу говорящаго тембра, который не даетъ права пѣвицѣ назваться представительницей легкаго сопрано, но въ то же время и недостаточно еще массивенъ, чтобы открытыя конкуренцію сопрано драматическому. При этомъ вокализація очень хорошая, фигура

стройная и представительная, лицо подвижное и выразительное, фразировка воспитательная по тонкости и элегантно законченности. Вспомним хотя бы ее диалогъ съ Валентиной передъ приходомъ Рауля или дуэтъ съ этимъ послѣднимъ. Сколько правды и мягкой, покровительственной шутливости въ каждой фразѣ речитатива, какъ изящно и задорно произносятся «Ah, si j'étais coquette». Словомъ, г-жа Кутюръ—не только добросовѣстно исправляетъ обязанности неизбѣжной у Мейербергера «фюри-турной» особы, а создаетъ живое лицо изъ этой картонной фигуры: передъ нами—образъ прелестной, очаровательной и величественной женщины, умѣющей и любящей нравиться, способной вскружить голову и не такому влюбчивому кавалеру, какъ молодой герой романа Валентины.

Г. Казивъ; онъ же—принцъ Леопольдъ въ «Жидовкѣ». Мощная, почти атлетическая фигура и тоненькій, фальдетный тенорочекъ нѣсколько опереточнаго характера. Пѣвецъ, впрочемъ, съ умѣньемъ и не безъ вкуса.

Г. Монфоръ—молодой, звучный, красивый баритонъ совсѣмъ еще въ началѣ карьеры, но уже пѣвецъ замѣтный, хотя и не очень тонкій. Графъ Луна лежитъ у него гораздо болѣе въ голосѣ, чѣмъ Неверъ, вообще пока мало отдѣланный симпатичнымъ артистомъ.

Г. Бессонъ—полезность; беретъ за все и не только шикашня не заслуживаетъ, а даже иногда аплодисменты срываетъ. Въ сущности—центральный басъ: въ среднемъ регистрѣ имѣются не сильныя, но и недурныя ноты; верхъ жидокъ и плоскъ; низы дребезжать и хрипятъ, но не даютъ звука. При такихъ условіяхъ Марсель пѣвцу совсѣмъ не дается, а большая часть партіи кардинала—не по силамъ (молитва первого дѣйствія проходитъ однако довольно хорошо и въ смыслѣ звука, и въ смыслѣ пѣнія); пѣвецъ всего болѣе на мѣстѣ въ Фарнандо («Трубадуръ»).

Такимъ образомъ мы подошли къ центру группы къ артисту, для котораго, кажется, и весь сыр-боръ загорѣлся. Дѣйствительно на г. Шевалье обращено было при этихъ спектакляхъ главнѣйшее вниманіе, и онъ его во многихъ случаяхъ вполне заслуживалъ.

Г. Шевалье—пѣвецъ первоклассный, владеющій всѣми таинствами своего искусства; онъ мастеръ въ полномъ смыслѣ слова; врядъ ли для него существуетъ какая-нибудь техническая трудность: гаммы, быстрые пассажи продѣлываетъ онъ легко и чисто, какъ бы шута; хорошая трель, постоянные переходы съ закрытаго звука въ открытый, съ forte на piano, эффекты mezzo-voce—безукоризненны. Онъ особенно любитъ филировать ноты на длинныхъ ферматахъ и даже немного злоупотребляетъ этимъ, всегда ему восхитительно удающимся приемомъ. Фразируетъ артистъ тонко и разнообразно, много

да горячо, иногда холодно, но всегда со смысломъ превосходно выговаривая слова. Артистъ онъ тоже *иногда* горячій; болѣею же частью, разсчитливый, нѣсколько рутинный и даже, какъ будто, худульный. Опытъ и въ пѣніи, и въ веденіи сцены—огромный; онъ сдерживаетъ артиста расходывать его нервныя силы съ самаго начала оперы, учить приберегать ихъ къ ея концу. Вотъ отчего г. Шевалье совсѣмъ увлекаетъ въ кульминаціонныхъ пунктахъ представленія, а до наступленія ихъ, являясь пока только мастеромъ, холодно играющимъ звуковыми узорами и контрастами, кажется неестественнымъ и нѣсколько наивнымъ. Нравится г. Шевалье менѣе въ началѣ, чѣмъ въ концѣ спектакля, и по самому свойству своего голоса, о которомъ мы еще пока ничего не сказали. Это—прекрасный теноръ, стоящій, по характеру, какъ разъ на полу-пути между теноромъ *di grazia* и теноромъ *di forza*; для послѣдняго этотъ сильный, блестящій, очень высоко идущій голосъ не достаточно массивенъ и проченъ, особенно въ среднемъ и нижнемъ регистрахъ, сравнительно слабыхъ у него и отъ природы, теперь же, помимо того, нѣсколько тронутыхъ временемъ и потому ненного сплывъ. И эта-то сипота и нѣкоторая тусклость тембра слышатся особенно замѣтно, пока артистъ не распѣлся, недостаточно разогрѣлъ горло на своихъ дневныхъ верхахъ, гдѣ ему и *do* и *re-be-mol*—совершенно вполнѣ.

Изъ трехъ партій, которыя спѣлъ въ Москвѣ г. Шевалье, безспорно самая неудавшаяся—Маврико. Она ему прямо не по голосу и тамъ только удобна, гдѣ можно нѣжничать и принятать приемы тенора *di grazia* (сцены съ матерью въ тюрьмѣ; извѣстное *adagio*, обращенное къ Леонорѣ, непосредственно передъ «таб-берликовской» кабалеттой); гдѣ же нужны были ноты покрѣпче, пѣвецъ неизбѣжно прибѣгалъ къ некрасивой форсировкѣ и неестественно густилъ звукъ. Кроме того, въ единственномъ московскомъ представленіи «Трубадура» съ г. Шевалье случилось прямо несчастіе, именно въ только что упомянутой кабалеттѣ: артисту почему-то измѣнила память, и онъ перескочилъ черезъ нѣсколько тактовъ; капельмейстеръ, конечно, не сумѣлъ найтись, и вышелъ всѣмъ очень замѣченный скандалъ, только, благодаря конечной страшной нотѣ, нѣсколько заглаженный.

Но если Маврико—худшая партія г. Шевалье, то Елеазаръ—безспорно лучшая. Мало того, въ ней артистъ превосходитъ сначала до конца и уже съ первой сцены входитъ въ роль и ведетъ ее съ возрастающей горячностью, силой и характерностью. И злобная, желчная пролія къ врагамъ вѣры, и корыстолюбивыя инстинкты наживы, и любовь къ Рахили, всего сильнѣе, прочувствованнѣе и ярче выразившаяся (*cantabile* финала первого акта и *aria* въ

предпослѣдней картинѣ)—все это давало право назвать г. Шевалье однимъ изъ крупнѣйшихъ и богато одаренныхъ художниковъ нашего времени. Елеазаръ г. Шевалье—образъ, глубоко, почти неизгладимо врѣзывающійся въ память.

Итакъ, какъ ни легкомысленно обставлены были спектакли французской оперы въ нашешъ „Эрмитажѣ“, они тѣмъ не менѣе дали намъ рядъ впечатлѣній не только пріятныхъ, но даже порою и сильныхъ. Пусть, слѣдовательно, почаще „Эрмитажъ“ измѣняетъ такимъ образомъ опе-

реттѣ. Только на будущее время надо будетъ лучше и дѣльнѣе вести репетиціи, капельмейстера пригласить поопытнѣе, а самихъ гг. французовъ попросить явиться къ намъ не съ заиграннымъ репертуаромъ, а съ чѣмъ-нибудь новымъ. Намъ вѣдь совсѣмъ еще незнакомы многія оперы Сень-Санса, Лало, Массне и т. д., которыя только, разумѣется, въ рукахъ французскихъ исполнителей могли бы найти наиболѣе вѣрное истолкованіе.

Сем. Кругликовъ.

Хроника.

МОСКВА.

Спектакли въ Маломъ театрѣ открылись 16 августа комедіей „Ревизоръ“ при полной залѣ. Въ роли Осипа впервые выступилъ г. Парамоновъ, окончившій въ этомъ году курсъ въ училищѣ при Московскихъ Императорскихъ театрахъ по классу г. Правдина.

Въ драмѣ В. С. Лихачова „Жизнь Илимова“ роль Мышкиной играетъ г-жа Никулина, Людмила — Уманецъ-Райская, Аболтиной — Садовская, Илимовой — Правдина, Юли — Яблочкина 2-я, Фанни — Малиновская, Илимова — г. Горевъ, Багрецова — Ленскій, Аболтина — Садовскій, Приседкова — Охотинъ, Шленка — Багровъ, Лебедева — Лошвицкій, Добронравова — Гаринъ, Рыжикова — Невскій, Пузыревскаго — Славинъ, Воеводина — Лазаревъ 2-й, Мавюкина — Ленскій 2-й, Уточкина — Грессеръ, Пѣвницкаго — Васильевъ, Харченко — Геннертъ, Стефановича — Босковичъ и другіе.

Въ „Гамлетѣ“ роль Офеліи играетъ г-жа Ермолова, Гамлета — г. Южнъ, короля — г. Горевъ, королеву — г-жа Ѳедотова, Полонія — г. Правдинъ, могильщика — г. Макшеевъ.

Первыя представленія новыхъ пьесъ на сценѣ Малаго театра въ предстоящемъ сезонѣ предложены приблизительно на слѣдующіе сроки. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ: 6-го — „Жизнь Илимова“, г. Лихачова; 16-го — „Осколки минувшаго“, г. Ге и 27-го — „Въ неравной борьбѣ“, г. Владимира Александрова. Въ октябрѣ: 14-го — „Гамлетѣ“, Шекспира и 27-го — „Душа-человѣкъ“, г. Шпажннскаго. Въ ноябрѣ: 1-го „Аргунинъ“, г. В. Крылова и 11-го — „Компаньоны“, г. Невѣжина. Комедія графа Л. Толстаго „Плоды просвѣщенія“ предложена къ постановкѣ во второй половинѣ января. Бенефисные спектакли предложены 27-го ноября режиссеру г. Черневскому, 10-го декабря г-жѣ Ермоловой, 8-го января — г-жѣ Ѳедотовой и 4-го февраля — г-жѣ Никулиной.

„Въ неравной борьбѣ“ и „Осколки минувшаго“ будутъ напечатаны въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала.

Бенефисы Г. Н. Ѳедотовой и Н. А. Никулиной совпадаютъ съ празднованіемъ дней 30-лѣтія сценической дѣятельности этихъ артистокъ. Предполагается также прощальный бенефисъ г-жи Рыкаловой. Г-жа Рыкалова, прослужившая на сценѣ Малаго театра 45 лѣтъ, намѣревается, какъ го-

ворять, послѣ бенефиса оставить сценическую дѣятельность.

Артистъ московскаго Малаго театра г. Грековъ, связавшій въ аренду одесскій театръ, покидаетъ, послѣ десятилѣтней службы, Императорскую сцену.

На предстоящій сезонъ въ Московскомъ театральномъ училищѣ оставлено только два преподавателя драматическаго искусства: гг. Ленскій и Правдинъ. Выбывшій преподаватель г. Грековъ замѣщенъ не будетъ.

Право печатанія въ Москвѣ афишъ о спектакляхъ, концертахъ и маскарадахъ Высочайше признано принадлежащимъ дирекціи Императорскихъ театровъ. Контрагентомъ дирекціи въ Москвѣ состоитъ теперь Губернская типографія.

Изъ учащихся, окончившихъ въ нынѣшнемъ году курсъ музыкально-драматическаго училища московскаго Филармоническаго Общества приняты на сцену Императорскаго Большаго театра въ Москвѣ басы г. Стрижевскій; кромѣ того, въ оркестръ приглашенъ скрипачъ г. Яньшиновъ, кончившій курсъ два года назадъ. Затѣмъ, изъ нынѣшняго выпуска г-жа Штюрцваге (сопрано), приглашена г. Прянишниковымъ въ кievскую оперу, а г-жа Непомнящая и теноръ г. Агульничъ отправлены на средства Филармоническаго Общества за-границу для дальнѣйшаго усовершенствованія. Пѣвицею г-жа Полакъ приглашена преподавательницею въ училище общества.

Театръ въ домѣ Шеллапутина, на Театральной площади, законтрактованъ М. Д. Малининнымъ — представителемъ дирекціи „Частной“ итальянской оперы великопостнаго сезона.

Въ театрѣ Парадиза вновь приглашены г-жи Немировичъ, Иванова, Волинская, Овѣгина, Чекалова и гг. Родонъ, Арбенинъ (онъ же режиссеръ), Клементьевъ, Долинъ, Масловъ, Шилинъ и другіе.

Театръ Корша. Въ составъ труппы театра г. Корша входятъ г-жи Глама-Мещерская, Журавлева, Кошева, Красовская, Кудрина, Мартынова, Омутова, Потоцкая, Романовская, Семенова, Александрова, Гусева, Ивановская, Ильина 1,

Ильина 2, Ильинская, Ларина, Отраусъ, Юрьева и друг.; гг. Боуэръ, Валентиновъ, Вязовскій, Ильинскій, Киселевскій, Костюковъ, Лодвиговъ, Сашинъ, Свѣтловъ, Самойловъ, Шмидтоффъ, Яковлевъ, Крогъ, Моисеевъ, Мартиновъ, Чупровъ и Яковлевъ 2. Режиссеръ М. В. Аграмовъ. На сценѣ театра г. Корша готовится къ постановкѣ комедія Мольера „Ученныя барыни“, въ переводѣ покойнаго Минаева.

Эрмитажъ. Г-жа Клара Лардинуа хорошая пѣвица, мастерски, съ легкостью и изяществомъ справляющаяся съ техническими трудностями и щеголяющая своимъ красивымъ, серебристымъ, звучащимъ металломъ голоса. Она, какъ артистка, изящна, весела, хорошо фразируетъ, играетъ оживленно и обладаетъ счастливою вѣжностью.

Гастроли г-жи Эделлини прошли также съ большимъ успѣхомъ.

Въ первыхъ числахъ этого мѣсяца кончился гѣтнй сезонъ въ саду „Эрмитажъ“. Директоромъ его М. В. Лентовскимъ, въ театрѣ оперетокъ за это лѣто поставлены были слѣдующія новинки: „Гондольеры“, Рихарда Жене, „Продавецъ птицъ“ („Der Vogelhändler“), Карла Целлера (молодаго вѣнскаго композитора), „Горбунъ“ („Le bossu“), Шарля Гризара, „Миссъ Элиэттъ“, Охрана и „Волчекъ“. „Гондольеры“, поставленные впервые 6-го июня, продержались довольно долго. Либретто, составленное Жильберомъ и Целлемъ, по содержанию очень не важное. (Владѣтельный итальяскій принцъ, принужденный скрывать свое происхожденіе, выдаетъ себя за гондольера. По минованіи опасности его узнаютъ и влюбленная въ него героиня отдаетъ ему руку и сердце). Въ пользу оперетки говоритъ талантливо написанная, хотя мало оригинальная музыка. Публикѣ особенно нравились теноровая арія во второмъ дѣйствіи (г. Клементьевъ), вальсъ для сопрано (г-жа Волинская) и куплеты (на злобы дня) г. Арбенкина. На много ниже по музыкѣ оперетка Охрана „Миссъ Элиэттъ“, поставленная за недѣлю до закрытія сезона. Оперетка эта впрочемъ имѣетъ болѣе характеръ мелодрамы. Забавный, изобилующій массою комическихъ оценокъ сюжетъ, каррикатурная типичность главныхъ дѣйствующихъ лицъ и умная концепція либретто—вотъ что могли упрочить успѣхъ этой оперетки, при наличности талантливыхъ исполнителей. Въ „Эрмитажѣ“, она шла съ хорошимъ ансамблемъ. Особенно выдѣлялись г-жа Рубанъ въ заглавной роли и г. Родонъ въ комической фигурѣ американскаго пастора, всюду проповѣдующаго по книжнѣ шаблоныя правила о нравственности и женской стыдливости. Очень забавны сцены Элиэттъ, дочери его, съ искателями ея руки. Она отдаетъ руку тому, кто случайно видѣлъ ее въ несовсѣмъ приличномъ видѣ.

Новая оперетка Целлера „Продавецъ птицъ“ изобилуетъ красивой мелодичной музыкой. Жаль только, что эта оперетка шла въ „Эрмитажѣ“ съ сильными пропусками. Много лучшихъ номеровъ было пропущено. Сюжетъ оперетки забавенъ. Гг. Волховской и Леонидовъ очень типично исполнили роли профессоровъ. Г. Тартаковъ прекрасно исполнилъ музыкальные номера, но игра его, по обыкновенію, оставляла желать очень многого. Г. Клементьевъ сильно вредитъ своему успѣху на сценѣ излишнимъ, доходющимъ до неприличія приторности, манерничаньемъ. Сильно заботясь о позированіи, онъ не старается придать хоть какую-нибудь характерность своимъ ролямъ. Тамъ гдѣ онъ держитъ себя проще, какъ напримѣръ въ „Синей борода“, его пріятно видѣть на сценѣ, тѣмъ бо-

лѣе, что поетъ онъ со вкусомъ и недурно фразируетъ. Г. Родонъ въ роли барона Велса снова показалъ себя прекраснымъ актеромъ, сумѣвъ придать характерность своей роли тонкими штрихами. Г-жа Чекалова, къ сожалѣнію, слишкомъ придерживалась разъ усвоенныхъ ею манеръ. Въ роли баронессы Аделанды, придворной дамы, манеры эти были совсѣмъ не у мѣста. Особенно тривиально проведена была ея сцена съ курфирстиной въ тавернѣ, въ 1 актѣ.

13-го августа шла впервые эффектная и мелодическая опера Шарля Гризара, почему-то названная комической. „Горбунъ“ это не болѣе, какъ мелодрама съ музыкой. Сюжетъ изобилуетъ всевозможными ужасами. Такія оперы напоминаютъ представленія добраго стараго времени. Содержаніе извлечено изъ романа Поля Феваля. Къ участію были приглашены оперныя силы и заглавная партія исполнялась г. Тартаковымъ. Оперныхъ пѣвицъ г-жъ Шеръ и Викторову принимали радушно.

Гастролировавшая въ „Эрмитажѣ“ французская опереточная пѣвица г-жа Нико появилась въ Маскоттѣ, Периколтѣ и Вулоттѣ. Это дѣйствительно опытная и хорошая артистка. Чего-либо оригинальнаго и выдающагося она изъ себя не представляетъ, но роли отдѣливаетъ съ извѣстнымъ стараніемъ, поетъ съ присущимъ французамъ вѣю и играетъ весело.

Театръ Скоморохъ. Товарищество провинціальныхъ актеровъ, подъ руководствомъ г. Черепанова, въ воскресенье, 15-го сентября, открываетъ театрѣ „Скоморохъ“ пьесой „Каширская старина“. Какъ сцена, такъ и зрительный залъ „Скомороха“ заново отдѣлываются. Репертуаръ предполагается преимущественно бытовой. Въ теченіе сезона данъ будетъ рядъ пьесъ Островскаго, Потѣхина, Писемскаго и др. Въ составъ труппы товарищества входятъ: г-жи Бронская, Иванова, Вознесенская, Морозова, Орлова, Паратова, Славская, Шумская, Пальмина и др.; гг. Черепановъ, Сафоновъ, Свиронскій, Черногорскій, Арскій, Голубковъ, Пальминъ, Леоновъ, Львовъ, Горскій, Шумскій, Гончаровъ и друг.

Въ теченіе лѣта на Сокольничьемъ кругу съ большимъ успѣхомъ исполнялись концерты съ участіемъ г-жи Немыцкой, гг. Богатырева, Врехова, Правина и оркестра г. Мирскаго, исполнявшаго серьезно и интересно составленныя программы концертныхъ отдѣленій.

Въ с. Богородскомъ шла спектакли съ участіемъ г-жи Рыбчинской и артистовъ труппы театра г-на Корша.

Въ театрѣ г. Пиоша, на французской выставкѣ, изрѣдка давались опереточные спектакли съ участіемъ артистовъ труппы „Эрмитажа“.

Въ Пушкинѣ на общественномъ кругу состоялся 11-го августа, единственный въ этомъ сезонѣ, спектакль любителей. Спектакль привлекъ массу публики, шла 2 водевиль и 2 дѣйствія изъ комедіи Островскаго „Лѣсъ“.

Правленіе Общества Искусства и Литературы перешло изъ дома Казакова, на Поварской, въ д. Спиридоновой, на Волховск. Здѣсь же будетъ помѣщаться оперно-драматическое училище. Спектакли Общества будутъ происходить въ Нѣмецкомъ клубѣ, сцена котораго теперь перестраивается.

Открытую въ маѣ мѣсяцѣ выставку картинъ Общества любителей художествъ, въ помѣщеніи

Общества, на Малой Дмитровкѣ, въ домѣ гр. Васильева-Шиловаго, со дня открытія посѣтано 1,500 человекъ. Всѣхъ картинъ на выставкѣ 89, изъ которыхъ 17 предназначены въ продажу и оценены въ 9,775 рублей; остальные картины, какъ принадлежащія любителямъ не продаются.

Изъ отчета Московской консерваторіи за 1891 г. видно, что въ первомъ полугодіи число учащихся въ консерваторіи достигло цифры 399, во второмъ полугодіи 384 человекъ. Въ теченіе года было 18 ученическихъ вечеровъ. Кроме того, въ Большомъ театрѣ подъ управленіемъ директора консерваторіи дана была опера Бетховена „Фиделио“, въ залѣ консерваторіи 6-го и 16-го декабря былъ дважды исполненъ „Реквиемъ“ Моцарта, а въ помѣщеніи Благороднаго собранія данъ былъ одинъ концертъ, въ которомъ всѣ исполнители состояли изъ учащихся въ консерваторіи. Изъ состава профессоровъ выбыли: А. И. Зилоти, К. В. Бузони и профессоръ по классу кларнета К. Ф. Диммерманъ, скончавшійся лѣтомъ настоящаго года. На открывшіяся вакансіи профессоровъ фортепіанной игры приглашены П. Ю. Шлецеръ и Н. Е. Шишкинъ. Бывшіе ученики консерваторіи Г. Э. Конюсъ и А. Н. Корещенко приглашены преподавателями по классамъ теории музыки. Вакансія же профессора кларнета осталась пока незанятою.

Окончившими курсъ и достойными дипломовъ на званіе свободныхъ художниковъ художественный совѣтъ Консерваторіи призналъ: по классу свободного сочиненія проф. А. С. Аренскаго—Арсенія Корещенко; по классу пѣнія проф. Е. А. Лавровской—Марію Кучину и по тому-же классу проф. Тальябуэ—Ольгу Данильченко и Александра Соколова; по классу арфы проф. И. И. Эйхенвальдъ—Василія Софронова; по классу фортепіано проф. П. А. Пабста—Владимира Вильшау и по тому-же классу проф. В. И. Сафонова—Елизавету Камперову и Матвѣя Прессмана; по классу валторны проф. О. О. Сханцлець—Франца Лиджа; по классу скрипки проф. И. В. Гржимали—Абрама Печникова.

„Аттестатовъ удостоены: по педагогическому отдѣленію фортепіанной игры профес. А. И. Зилоти—Маріаннѣ Андржеевской и Лидіи Архангель-

ская, бывшія ученицы консерваторіи Лидіи Зорин (по мужу Бриллиантова) и Валентина Зографъ (по мужу Пляссина). По классу пѣнія профес. Е. А. Лавровской художественный совѣтъ призналъ окончившею курсъ бывшую ученицу консерваторіи Марію Махарину.

Принимая во вниманіе выдающіяся способности нѣкоторыхъ изъ окончившихъ курсъ, художественный совѣтъ консерваторіи призналъ ихъ достойными наградъ, а именно: Арсенія Корещенко—большой золотой медали; Абрама Печникова—малой золотой медали; Маріанну Андржеевскую, Владимира Вильшау и Матвѣя Прессмана—большой серебряной медали; наконецъ, Елизавету Камперову—малой серебряной медали.

По ученической кассѣ пожертвованію поступило 691 р. 83 к. и изъ кружекъ вынута пожертвованныхъ за программы концертовъ 1,694 р. 42 коп. Пособій учащимся выдано 3,018 р. 30 к.; выдано займообразно 1,978 р.; внесено за ученіе 975 р.; Обществу Трудолюбія на вспомошествованіе по содержанию квартиры для ученицъ консерваторіи выдано 1,000 р.; на содержаніе квартиры для несостоятельныхъ учениковъ консерваторіи выдержано 789 р. 17 к., наконецъ, для ученика консерваторіи В. Софронова куплена была арфа, стоящая 500 рублей.

Малорусская труппа г. Старицкаго давала спектакли съ 18-го іюня, въ теченіе трехъ недѣль въ театрѣ „Аптея“ (садъ „Эрмитажъ“). Репертуаръ состоялъ изъ старыхъ пьесъ: „Наташка Полтавка“, „Чорноморці“, „Запорожець за Дунаємъ“ и т. д.; изъ пьесъ современныхъ драматурговъ давались комедіи и драмы гг. Старицкаго, Манько, Янчука и др. Персональ труппы, много разъ игравшей въ Москвѣ, на этотъ разъ нѣсколько измѣнилась. Изъ состава ея выбыли г-жа Боарская и нѣкоторые другіе артисты. Старые члены труппы: гг. Вірина, Волкова, Грицай, Манько и Ванченко принимались публикой сочувственно. Изъ новыхъ — выдѣлились г-жа Шостаковская, Яворская и Зинина; въ нѣкоторыхъ роляхъ былъ хорошъ г. Подвысоцкій. Хорами, ансамблемъ и народными сценами труппа можетъ похвалиться. Сборы были неудовлетворительные, благодаря отчасти дорогой входной платѣ въ садъ, такъ что дешовыхъ мѣстъ въ театрѣ совершенно не было.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Маринскій театръ. Въ Маринскомъ театрѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ будетъ поставлена опера Н. А. Римскаго-Корсакова „Млада“, а въ январѣ будущаго года предполагается поставить—„Эскалармоду“ Массена.

Драма Островскаго „Василиса Мелентьева“ репетируется въ настоящее время на Михайловской сценѣ. Приготовлены новые декорации. Всѣ костюмы исправляются за-ново. Большая часть ролей распределена въ двойномъ составѣ. Въ одномъ составѣ Грознаго будетъ играть г. Свободинъ, Василису—г-жа Савина, царицу Анну—г-жа Анненкова-Бернаръ, а въ другомъ Грознымъ явится г. Писаревъ, Василисой—г-жа Н. Васильева и царицей Анной—г-жа Мичурина.

Въ возобновляемой комедіи „Бѣшенныя деньги“ главную женскую роль будетъ играть г-жа Савина.

Въ бенефисный спектакль въ пьесѣ графа Л. Н. Толстого „Плоды просвѣщенія“, роль горничной

играетъ г-жа Н. Васильева (бенефициантка), роль барыни—г-жа Абарина, старой дамы—г-жа Жулева, кухарки—г-жа Левкина. Роли крестьянъ исполняютъ: гг. Давыдовъ, Савоновъ, Варламовъ и Шкаринъ; между молодыми людьми въ пьесѣ участвуетъ г. Далматовъ. Въ остальныхъ болѣе или менѣе отвѣтственныхъ роляхъ на первое представленіе будутъ заняты: гг. Писаревъ, Панчинъ, Дмитриевъ, Черновъ, Корвинъ-Кружовскій и г-жа Мичурина. Къ пьесѣ сдѣланы новыя декорации и костюмы.

Постановка шекспировскаго „Гамлета“ назначена на 24 сентября на сценѣ Александринскаго театра и на 14-е октября, —на сценѣ Малаго Московскаго театра. И въ томъ и въ другомъ театрѣ „Гамлетъ“ идетъ въ переводѣ П. П. Гвѣдича и въ совершенно новой обстановкѣ. Декорации для Москвы всѣ безъ исключенія пишутся г. Гельцеромъ, часть ихъ будетъ повторена имъ и для Петербурга.—

Роль Офелии поручена г-жѣ Томсонъ — провинциальной артисткѣ, приглашенной минувшей весной дирекціей въ петербургскую драматическую труппу и дебютировавшей передъ начальствомъ именно въ этой роли. Остальные роли распределены такъ: Гамлетъ — г. Дазматовъ, король — г. Ленскій, королева — г-жа Абаринава, Полоній — г. Свободинъ, могильщикъ — г. Варламовъ, Лазрть — г. Аполлонскій, Юриакъ — г. Савоновъ, Духъ — г. Писаревъ, актеръ — г. Давыдовъ.

Александринскій театръ. Говорятъ, что рѣшено въ предстоящемъ сезонѣ практиковать дублерство въ распределеніи ролей въ русской драматической труппѣ болѣе настоятельно, чѣмъ это было въ прошлогоднемъ сезонѣ. Вслѣдъ за распределеніемъ ролей драмы „Василиса Мелентьева“ въ двойномъ составѣ, посланы роли второму составу исполнителей въ слѣдующихъ пьесахъ: „Гамлетъ“, „Молодость Иоанна IV“, „Волки и овцы“, „Ваалъ“. Даже въ пьесѣ гр. Толстого „Плоды просвѣщенія“, нѣкоторыя роли посланы одновременно двумъ исполнителямъ, хотя въ пьесѣ дѣйствующихъ лицъ 36.

Съ предстоящаго зимняго сезона по Императорской русской драматической труппѣ начнетъ практиковаться вновь введенная система, заключающаяся, по слухамъ въ слѣдующемъ: репертуаръ сезона зимняго и весенняго составляется впередъ и въ конторѣ театровъ и приводится онъ въ исполненіе режиссерскою частію безъ измѣненій. Всякая переѣмка или замѣна возможна только по распоряженію управляющаго петербургскою конторою театровъ. Распределеніе ролей, какъ въ пьесахъ обыденнаго репертуара, такъ и для бенефисныхъ, исходитъ отъ конторы. Прѣжнія права бенефициантовъ занимать въ пьесахъ своего бенефиса артистовъ по своему усмотрѣнію — отменяются. Недовольные вновь полученными ролями имѣютъ объясненіе съ конторой театровъ, а не съ режиссеромъ. Новые приемы артистовъ въ труппу изъ провинціи временно прекращаются совершенно. Труппа будетъ пополняться лучшими учениками и учениками съ драматическихъ классовъ Театрального училища. Исключенія допустятся въ случаѣ появления особо выдающихся талантовъ.

„Донъ Жуанъ“ графа А. Толстого, предположенный къ постановкѣ на казенной драматической сценѣ, по слухамъ, не пойдетъ вовсе.

Бенефисъ Н. В. Васильевой дается артисткѣ за двадцатилѣтнюю службу.

На гастроли въ Петербургъ изъ Москвы въ будущемъ зимнемъ сезонѣ состоится командировка г-жи Медвѣдовой и гг. Южина и Садовскаго.

Въ труппу французскаго Михайловскаго театра приглашена вновь г-жа Паска.

Г-жа Балета ангажирована во французскую труппу на роли *grandes coquettes*.

Говорятъ, что и предстоящимъ сезономъ дѣятельность не закрытаго театральнаго-литературнаго комитета не возобновится, не смотря на назначеніе въ составъ этого комитета новыхъ членовъ.

Кромѣ казеннаго балета, въ которомъ будетъ по прежнему танцовать Карлотта Брианца, въ этомъ сезонѣ будетъ еще балетъ въ Маломъ театрѣ. Антреприза этого театра пригласила трехъ итальянскихъ балеринъ: Ривольто, Стричино и Аделину Росси.

Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ утверждены уставы гвѣческихъ обществъ: литтвенскаго, сиссегальскаго и юморскаго, Лифляндской губерніи.

26 августа открылись приемныя испытанія въ консерваторіи. Записалось 180 кандидатовъ и кандидатокъ.

Въ Петербургѣ, какъ мы въ свое время сообщали, хотѣли организовать частную русскую оперу. Какъ передаютъ теперь, этой антрепризѣ не суждено осуществиться въ этомъ сезонѣ.

Намъ сообщаютъ, что избранная общимъ собраніемъ „Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ“ коммиссія для пересмотра устава общества, съ цѣлью расширенія дѣятельности и увеличенія средствъ Общества, пришла къ сознанию необходимости имѣть, по возможности, подробныя статистическія свѣдѣнія о всѣхъ частныхъ театрахъ, столичныхъ и провинциальныхъ, о наличномъ составѣ дѣйствующихъ въ нихъ труппъ и проч. Свѣдѣнія эти собираются теперь агентами Общества. Главное вниманіе коммиссіи, вырабатывающей новый уставъ Общества, обращено на то, чтобы поддержка сценическихъ дѣятелей въ ихъ трудныя минуты жизни выражалась не только въ матеріальной, но и въ нравственной помощи. По новому уставу, помощь Общества будетъ, между прочимъ, заключаться въ содѣйствіи артистамъ къ полученію ими ангажементовъ на сценѣ, въ принятіи противъ не состоятельныхъ антрепренеровъ мѣръ, обеспечивающихъ положеніе сценическихъ дѣятелей, и проч. Общество намѣрено также образовать при своемъ управленіи бюро для различныхъ справокъ, касающихся театральнаго дѣла.

Панаевскій театръ снятъ на весь предстоящій зимній сезонъ г. Звудиннымъ.

Въ селеніи Императорскаго Фарфороваго завода въ теченіе лѣта по праздникамъ устраивались спектакли для рабочихъ. Спектакли эти, устраиваемые г-жею Муравьевою, привлекаютъ многочисленныхъ посѣтителей-рабочихъ. Программа этихъ спектаклей состоитъ обыкновенно изъ пьесъ, доступной пониманію простаго рабочаго, изъ дивертисмента и гулянья. Плата за входъ по 10 коп. съ взрослыхъ и по 3 коп. съ дѣтей. Афиши продаются по копѣйкѣ.

Въ ноябрѣ предполагается въ Петербургѣ художественная выставка, устраиваемая въ пользу „Краснаго Креста“. На этой выставкѣ, кромѣ произведеній русскихъ художниковъ, будутъ найдены и всѣ лучшія картины, украшающія теперь залы московской выставочной галлерей и имѣющія быть перевезенными въ Петербургъ въ концѣ октября послѣ закрытія московской французской выставки.

Акваріумъ. Музыкальный плебесцитъ, устроенный въ „Акваріумѣ“ для бенефиса Э. Ф. Энгеля (27-го августа), показали, насколько разнообразны вкусы публики. Въ теченіе двухъ дней дирекціи „Акваріума“ было сдѣлано около 1,500 заявленій съ названіемъ пьесъ для исполненія въ этомъ бенефисѣ. Наибольшее число голосовъ выпало на долю А. Г. Рубинштейна (67), изъ нихъ 37 голосовъ за „Тореадора и Андалузку“ и 30 за вальсъ „Капризъ“. Затѣмъ слѣдовали: Сент-Савъ (64 голоса, именно: 43 за „Danse Macarbe“ и 21 за „Danse de la Gipsy“, Сарасате — фантазія на „Фауста“ въ исполненіи І. Смита (58 голосовъ), Чайковскій — Увертюра 1812 г. (42) „Flirtation“ (вальсъ) (40), Глинка — Увертюра изъ „Руслана“ (35), Листъ — „Рапсодія № 2“ (33), Цибулька — „Сонъ послѣ бала“ (32), Гендель — Largo (29), Раффъ — тарантела (23) и Оберъ — увертюра „Фенеллы“ (20). Остальные голоса разбились еще мельче.

Новый каменный театръ въ „Акваріумѣ“ будетъ окончательно отстроенъ въ сентябрѣ, а въ октябрѣ уже въ немъ предполагается давать для публики концерты.

Въ театрѣ г-жи Неметти шла оперетка съ участіемъ г-жъ Славской и Петровой и г. Долина.

Въ театрѣ въ Озеркахъ были между прочимъ поставлены „Гамлетъ“ съ г. Дарскимъ и „Свадьба Кречинскаго“ съ г. Киселевскимъ.

Ораніенбаумскій театрѣ. Въ театрѣ между прочимъ шли „Гамлетъ“ съ г. Дарскимъ и „Ольга Ранцева“ съ г. Киселевскимъ и давала представлѣнія Малороссійская труппа г. Капылова.

Въ Ораніенбаумскомъ театрѣ концерты оркестра подъ управленіемъ г. Мейеръ-Ширко охотно посѣщались публикой.

Павловскій театрѣ. Въ Павловскомъ театрѣ давались спектакли оперной труппою театра „Аркадія“. 14-го іюля шли „Травиата“—Верди. Г-жа Вильомъ, исполнявшая партію Виолетты, была очень хорошо принята публикой. Г. Казневъ (Рудольфъ д'Орбель) и г. Монфоръ (отецъ его) также были вызываемы неоднократно.

Опера Гуно—„Фаустъ“ слушалась съ большимъ удовольствіемъ, особенно благодаря Маргаритѣ, въ лицѣ г-жи Вильомъ, и Валентину, партію котораго исполнялъ г. Монфоръ.

Французская труппа г. Гюнсбурга исполнила въ Павловскомъ театрѣ оперетку Одрана—„L'oncle Célestin“. Всѣ три дѣйствія оперетты слушались съ большимъ удовольствіемъ. Г-жа Никсо съ г. Мажорель и г. Ру имѣли большой успѣхъ „Madame Favart“ съ г-жой Эделини и г. Гюнсбургъ прошла вполнѣ удачно.

Любительскій спектакль, данный 15-го августа, въ Павловскомъ театрѣ съ благотворительною цѣлю, по словамъ „Новаго Времени“ оказался удачнымъ прежде всего въ матеріальномъ отношеніи. Пониженныя цѣны какъ и интересъ спектакля наполнили залу, такъ что, вѣроятно, школа бѣдныхъ дѣвочекъ въ Павловскѣ получитъ порядочную сумму. Самый спектакль вообще прошелъ гладко, что прежде всего свидѣтельствуеетъ о хорошемъ режиссерѣ. Имъ былъ г. Дольскій, принявшій участіе въ обѣихъ пьесахъ спектакля „На Бойкомъ мѣстѣ“ Осгровскаго и „Жоржинька“ г. Чека—и заявившій положительныя сценическія способности, особенно въ комедіи Осгровскаго. Изъ исполнительницъ женскихъ ролей на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить г-жу Михайлову вмѣстѣ съ г. Дольскимъ обезпечившую успѣхъ комедіи Осгровскаго. Вся роль была обдуманна г-жей Михайловой и проведена ею правдиво, тонко и съ чувствомъ. Вѣрнымъ тономъ и бойкостью игры отличалась также г-жа Покровская, игравшая роль Евгеніи.

Лиговскій театрѣ. Въ Лиговскомъ театрѣ подъ антрепризою г-жи Глѣбовой шли драматическіе спектакли съ участіемъ г-жъ Ахматовой и Дарьяль и гг. Алчарова-Эльстонъ, Ратова и Московского.

Малый театрѣ. Открытіе опереточныхъ спектаклей въ Маломъ театрѣ состоится 15-го сентября.

Аркадія. Г-жа Никсо возобновила для своего бенефиса оперетту Оффенбаха „Madame Favart“. 18-го августа представлена была въ 1-й разъ одноактная драма „Moujik“, г-жи Жюльетты Адамъ. Сюжетъ этого новаго произведенія взятъ изъ древне-греческой жизни. Пьеса имѣла успѣхъ. Исполнителями этой драмы явились г-жа Феликсъ и г. Гюнсбургъ.

Г. Монфоръ, для бенефиса возобновилъ оперу „Фаворитка“.

Въ бенефисъ г. Ру поставлена новинка „L'oncle Célestin“ и пришла по вкусу петербургской пу-

бликъ. „L'oncle Célestin“, собственно говоря, не оперетка, а презабавный фарсъ, приправленный оригинальною музыкой Одрана. „Дядя Селестья“ живо разыгрывается г-жами Никсо, Ацѣной, гг. Ру, Мураторомъ, Можорелемъ, Эманюэлемъ и Поувъ.

Послѣдній выходъ г-жи Лардинуа состоялся въ опереткѣ Одрана „Miss Heliet“.

Въ „Аркадія“ шаруская оперетта—„Цыганскія пѣсни“ съ г-жей Зориной и г. Давыдовымъ.

Г. Гюнсбургъ въ свой бенефисъ поставилъ на французскомъ языкѣ „Жизнь за Царя“. Исполнителями были гг. Монфоръ (Сусанинъ) и Шевалье (Сабининъ), г-жа д'Альба Феликсъ (Антоянда) и Сантарелли (Ваня).

Въ заключеніе (?) шелъ второй актъ изъ „La fille de m-me Angot“ на выворотъ (?). Всѣ мужскія роли исполнялись женщинами и всѣ женскія—мужчинами. Театръ былъ совершенно переполненъ.

Крестовскій театрѣ. 17 іюля, въ бенефисъ антрепренера Крестовскаго сада, г. Ялышева, исполнялся „Бѣдный Ионафанъ“ Миллера. Оперетка прошла очень живо. Для г-жи Помме, партіи миссъ Гарриетъ въ „Ионафанъ“, дала поводъ для новыхъ успѣховъ. Большой успѣхъ имѣла и г-жа Террачано, бойко и оживленно проведшая роль Молли. Изъ мужскаго персонала выдѣлились: г. Ленскій, выказавшій хорошія средства въ партіи скучающаго богача Вандергольда; г. Рутковский исполнившій заглавную роль оперетки, и гг. Каврейнъ и Завадскій.

16-го іюля, открылся сезонъ въ Красносельскомъ театрѣ. Спектакль состоялъ изъ трехъ водевилей: „Двѣ тончи по одному слѣду“, „Не бывать бы счастью, да несчастье помогло“, „Съѣхались, перепутались и развѣхались“ и 1-го акта балета „Тщетная предосторожность“. Въ водевилѣ „Не бывать бы счастью, да несчастье помогло“ выступила молодая дебютантка г-жа Бурмистрова 2-я, недавно выпущенная изъ театральнаго училища.

Въ среду, 17-го іюля, въ Красносельскомъ театрѣ г. Славянскій давалъ концертъ. Публики собралось немного. 18-го іюля, спектакль состоялъ изъ фарса „Медлированныя комнаты Королева“ и дивертисмента. Гг. Варламовъ, Ремизовъ, Панчинъ 1-й, Черновъ и г-жи Левкѣва и Стрѣльская были типичны въ своихъ роляхъ. Въ балетномъ дивертисментѣ г-жа Кшесинская съ большимъ успѣхомъ исполнила вмѣстѣ съ г. Кякштомъ pas de deux изъ балета „Калькабрино“.

Спектакль 19-го іюля состоялъ изъ трехъ водевилей: „Она его ждетъ“, „66“ и „А. и Ф.“.

23-го іюля, въ Красносельскомъ театрѣ давали фарсъ „Кто въ лѣсъ, кто по дрова. Въ заключеніе данъ былъ 2-й актъ балета „Пакеретта“ съ г-жей Андерсонъ въ заглавной роли.

5-й спектакль въ Красносельскомъ театрѣ состоялъ изъ комедіи покойнаго Турбина „Свекровь и теща“, водевиля „Дядюшкинъ фракъ и тетюшкинъ капотъ“ и балета „Праздникъ лодочниковъ“. Новый балетикъ г. А. Иванова—граціозная вещь, поставленъ недурно. Масса эффектныхъ характерныхъ танцевъ. Музыка новаго балета мелодична.

2-го августа, спектакль состоялъ изъ комедіи „Каково—вѣтса, таково и мелется“, водевиля „Дочь русскаго актера“ и 2-го акта балета „Пакеретта“. Г-жа Н. Васильева очень хороша въ роли Александры Ильининой; г-жа Стрѣльская и г. Варламовъ типичная чета Курдюковыхъ, а г. Свободинъ хороший докторъ Фришъ. Г-жа Пуаре, выступившая въ водевилѣ „Дочь русскаго актера“, имѣла большой успѣхъ. Пѣсенки цыганки и мальчишки были покрыты дружными аплодисментами.

Въ предпоследній спектакль давали комедию „Собака садовника“ и одноактный балетъ „Праздникъ лодочниковъ“. Театръ былъ полонъ.

Въ послѣдній спектакль 5-го августа, возобновленъ старинный водевилъ Д. Т. Ленскаго: „Левъ Гурычъ Синичкинъ или провинціальная дебютантка“. Г. Варламовъ (Синичкинъ) и г-жа Пуаре (дочь его, Лиза), въ продолженіе всей пьесы были награждаемы дружными аплодисментами.

Излеченіе изъ отчета Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣтелямъ за 1891 годъ.

Къ 1-му января 1890 года состояло въ Обществѣ, вмѣстѣ съ учредителями, 572 члена, въ томъ числѣ: 1 почетный предсѣдатель Общества, 42 пожизненныхъ члена, 434 дѣйствительныхъ и 95 членовъ благотворителей. Затѣмъ въ теченіе 1890 года Совѣтомъ утверждены въ званіи пожизненныхъ членовъ 6 (въ томъ числѣ одинъ изъ дѣйствительныхъ членовъ), въ званіи дѣйствительныхъ членовъ 46 и въ званіи членовъ-благотворителей 4. Такимъ образомъ къ 1-му января 1891 года въ Обществѣ числится всего 628 членовъ, а за исключеніемъ умершихъ членовъ и отказавшихся, въ Обществѣ въ настоящее время состоятъ 617 членовъ. Но изъ означеннаго числа 65 дѣйствительныхъ членовъ и 17 членовъ-благотворителей не доставляли своихъ членскихъ взносовъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ, 74 дѣйствительныхъ, 20 членовъ-благотворителей въ теченіе 3-хъ лѣтъ и 105 дѣйствительныхъ и 15 членовъ-благотворителей въ теченіе 2-хъ лѣтъ. Въ отчетномъ году Совѣтъ состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя Совѣта—А. А. Потѣхина, товарища предсѣдателя—М. И. Писарева, (по 8-е декабря), секретаря—П. М. Свободина, казначея—В. Р. Шемаева; членовъ: Е. Н. Жулевой, В. А. Никитиной, (по 13-е октября), Н. А. Лейкина, И. Ф. Горбунова и Н. С. Васильевой. Согласно § 43-му устава, избраны: Н. С. Аястовъ, Н. П. Марженкій, К. П. Шкаринъ, Н. О. Христофоровъ и И. А. Мельниковъ. Въ теченіе отчетнаго года Совѣтомъ произведены слѣдующія пособія: а) Единовременныя: выдано 57 безвозвратныхъ единовременныхъ пособій на 971 р. Въ числѣ ихъ выдано: а)—85 руб. семи лицамъ артистамъ и артисткамъ, служившимъ при Императорскихъ театрахъ, и б)—886 р.—пятидесяти лицамъ, артистамъ и артисткамъ, служившимъ и служившимъ на провинціальныхъ сценахъ и ихъ семьямъ. Изъ суммы 971 р.—458 р. выданы въ Петербургѣ, а 513 р. посланы по почтѣ въ разныя города. Нѣкоторымъ лицамъ, въ виду крайней бѣдности и болѣзненнаго состоянія, пособія выдавались неоднократно; б) Постоянныя пособія: 1. На содержаніе отставной, нѣкогда очень известной артистки 85 лѣтъ, пенсионерки въ „Домѣ Императрицы Александры Феодоровны для бѣдныхъ“ уплачено за годъ 350 руб. 2. а) За содержаніе одного провинціального артиста, 64 года, въ С.-Петербургской городской богадѣльнѣ 132 р. 3. Въ ежемѣсячное пособие выдано: а) вдовѣ артиста Императорскихъ театровъ, потерявшей зрѣніе и находящейся въ „Исидоровскомъ домѣ убогихъ“, въ отдѣленіи для неизлѣчимыхъ, 50 руб.; б) провинціальному артисту, имѣющему отъ роду 74 года, прослужившему 47 лѣтъ,—60 руб.; в) вдовѣ артиста, страдающей неизлѣчимою болѣзнію,—25 р.; г) дочери известнаго артиста, уволенной за болѣзнію изъ труппы артистовъ Императорскихъ Слѣб. театровъ безъ пенсій,—130 р.; д) провинціальному артисту, имѣющему 71 годъ отъ роду, прослужившему на сценѣ болѣе 50 лѣтъ—100 руб.; е) про-

винціальному-же артисту 65-ти лѣтъ отъ роду, прослужившему болѣе 40 лѣтъ, страдающему поражениемъ спиннаго мозга и обѣихъ ногъ—84 руб.; ж) провинціальному-же артисту, начавшему сценическую дѣятельность съ 1842 года, больному, выдано 130 р.; з) провинціальной артисткѣ, почти столѣтней старухѣ, слѣпой,—15 р. 4. За обученіе 9дѣтей уплачено 519 р. 70 к. Сверхъ того, въ общеобразовательномъ учебномъ заведеніи для дѣвицъ г-жи Г. Ф. Рапогфъ бесплатная вакансія предоставлена въ распоряженіе Совѣта. в) Срочныя пособія. Къ 1-му января 1890 года оставалось въ долгу срочныхъ пособій: за г. Казанцевымъ 60 руб. и за г-жею Александровою-Шникевичъ 50 руб., всего 110 руб. Въ теченіе отчетнаго года срочныхъ пособій выдаваемо не было, а потому къ 1-му января 1891 г. осталась въ долгу та же сумма и за тѣми-же лицами. г) Отказано въ пособіи по 78 просьбамъ.

Суммы поступившія въ кассу Общества въ отчетномъ году: за спектакль, устроенный г-мъ Роджеромъ 88 руб. 64 коп., художественный вечеръ и балъ маскарадъ—603 руб. 47 коп., пожертвованія отъ А. П. Чехова—3 руб. 90 коп. и выроченныя отъ продажи его пьесы—20 руб., А. А. Чарской-Чистяковой—1 руб., А. А. Фадѣева—40 руб., П. М. Свободина, собранныя имъ отъ разныхъ лицъ—35 руб., В. Р. Шемаева—31 руб., Х. Г. Гурова—9 р. 57 к.; отъ Г. А. Потѣхиной—4 руб. и Г. Н. Брусницына—5 руб. за входные билеты на художественный вечеръ 10-го февраля; пожертвованій: отъ А. П. Чехова—7 руб. 5 к., В. А. Никитиной—50 руб., П. М. Свободина, собранныя имъ 17-го октября 51 руб. 40 к., П. А. Мичурина-Самойлова—2 руб., Ф. Г. Багрянова—2 руб. и гг. Градова и Колосова—1 руб. Членъ Совѣта Н. А. Лейкинъ принялъ на себя уплату за напечатаніе годоваго отчета Общества за 1889 годъ и пр.; А. А. Тихоновъ-Луговой, предоставилъ въ распоряженіе Общества авторскій гонораръ, за представленіе пьесы его сочиненія „Озимъ“ на всегда, сколько бы разъ и когда-бы ни была она поставлена на Александринскомъ театрѣ въ Петербургѣ и на Маломъ театрѣ въ Москвѣ, въ размѣрѣ для перваго—одной трети, а для послѣдняго—половины гонорара. Пожизненный членъ Общества Илья Ефимовичъ Рѣпинъ пожертвовалъ въ собственность Общества написанный имъ портретъ знаменитаго артиста Императорскихъ Московскихъ театровъ М. С. Щепкина. Портретъ этотъ, по предложенію Совѣта Общества и благодарнаго благосклонному ходатайству г-на директора Императорскихъ театровъ, съ Высочайшаго разрѣшенія приобрѣтенъ Дирекціею Императорскихъ театровъ за 3,000 руб. съ уплатою ихъ Обществу въ теченіе 3-хъ лѣтъ по 1,000 руб. въ годъ изъ суммъ Московской конторы Императорскихъ театровъ. Съ означеннаго портрета М. С. Щепкина, по распоряженію Совѣта, сняты фотографіи большаго и малаго размѣровъ, для продажи ихъ въ пользу Общества. Герцогскою Мейнингенскою труппою 23-го марта былъ устроенъ въ пользу Общества въ Александринскомъ театрѣ спектакль, отъ котораго получено 215 руб. Г. Розенбергомъ въ Беклешовомъ саду Лѣснаго корпуса были устроены два народныхъ гулянья съ отчисленіемъ въ пользу Общества, съ перваго 10%, а съ послѣдняго 20%, отъ которыхъ поступило въ кассу Общества 61 руб. 24 коп.; въ Павловскомъ вокзалѣ музыкальный вечеръ, подъ видомъ бенефиса г. Ляубе, половина чистой прибыли—157 р. 93 к.; въ залѣ С.-Петербургскаго городского кредитнаго общества, отъ музыкально-литературнаго вечера,—162 руб. Въ Общемъ Собраніи гг. членовъ Общества, состоявшемся 18-го марта 1890 года, по-

становлено: для образования капитала на поддержание могил и памятников известных сценических деятелей—ежегодно отчислять 1% из годового дохода Общества и обратиться къ Обществу драматических писателей съ предложениемъ сдѣлать какое-либо пожертваніе изъ своихъ доходовъ для той же цѣли. Но комитетъ Общества, не найдя возможнымъ дать officialный ходъ означенному предложению въ виду §§ 1, 2 и 60 своего устава. Въ отчетномъ году, по предложению агентовъ Общества, сверхъ поименованныхъ въ дополненіи къ отчету за 1889 годъ, вновь изъявила готовность безплатно лѣчить больныхъ членовъ Общества и отпускать лекарства съ уступкою процентовъ нижеслѣдующія лица. Въ Казани: врачи—И. М. Львовъ, Л. Б. Мандельштамъ и Б. Л. Домбровский; содержатель аптеки—Беннигъ (40%). Въ Самарѣ: врачи—В. О. Португаловъ и М. Л. Карасикъ; содержатель аптеки—Позернъ (30%). Въ Астрахани: доктора—И. М. Автандиловъ, В. М. Ниссальскій, Н. М. Ниссальскій, А. Н. Орловъ, П. В. Васяткина, А. З. Моргузовъ, А. И. Бодявнйскій и И. П. Ильинъ; содержатель аптеки—Пясецкій (40%). Въ Кіевѣ: врачи—П. А. Яншевскій, М. Б. Бернштейнъ и зубной врачъ—г. Лауферъ. Изъявили желаніе содѣйствовать Обществу въ качествѣ агентовъ и получили уполномочія нижеслѣдующія лица: въ Архангельскѣ—Т. И. Рава, во Владикавказѣ—П. А. Лилъевъ, въ Вологдѣ—А. И. Соважъ, въ Козловѣ—М. М. Кашкарова, въ Москвѣ—Ф. А. Куманинъ и В. А. Гиляровскій, въ Одессѣ—Б. А. Пеликанъ, въ Саратовѣ—Б. А. Араповъ и П. Г. Бойческій. Принимая въ расчетъ дѣйствительный доходъ въ сложности за послѣдніе три года—9,746 р. и проценты съ неприкосновеннаго капитала, къ 1-му января 1891 г., предполагается доходъ въ текущемъ году въ средней цифрѣ—5,720 р. Предполагаемые же въ 1891 году, по примѣру прошлаго 1890 года, расходы въ суммѣ 2,485 руб. А такъ какъ изъ всѣхъ доходовъ Общества, кромѣ процентовъ съ неприкосновеннаго капитала, половина (50%) причисляется къ этому капиталу и 1% на образование капитала на поддержаніе памятниковъ и могилъ сценическихъ деятелей, то на одновременныя пособія, сверхъ вышеозначенныхъ постоянныхъ, остается сумма въ 1,090 руб-

лей. Всего же вмѣстѣ расходнаго капитала на 1891 годъ предполагается до 3,575 руб. Затѣмъ увеличеніе неприкосновеннаго капитала въ 1891 г. ожидается въ суммѣ 2,124 руб. Приходъ. Съ 1-го января 1890 г. по 1-е января 1891 г. дохода было 7,991 р. 27 к., въ томъ числѣ годовыхъ членскихъ взносовъ 1,817 р., пожертвованій отъ разныхъ лицъ 218 р. 35 к., процентовъ 1,486 р. 95 к., чистой прибыли отъ вечеровъ, спектаклей, народныхъ гуляній и бала маскарада 1,288 р. 28 к., за проданные фотографическіе портреты М. С. Щепкина 20 р., изъ Общества Русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ на памятникъ Мартынову 24 р., за проданный ящикъ изъ подъ картины „А. С. Пушкинъ“ и за старые отчеты 2 р. 22 к. Итого дѣйствительнаго дохода 4,356 р. 80 к. Расходъ. Съ 1 января 1890 г. по 1-е января 1891 г. дѣйствительнаго расхода 3,079 р. 29 к. Оборотнаго расхода 3,623 р. 52 к. Всего 6,812 р. 81 к. Состояніе средствъ Общества. Къ 1-му января 1891 года въ кассѣ состоитъ: а) неприкосновеннаго капитала 20,920 р. 44 к. изъ нихъ позамышлено въ расходный капиталъ 456 р. 55 к., а за тѣмъ на лицо 20,463 р. 89 к., б) капиталъ А. А. Краевского 10,000 р., в) на памятникъ А. Е. Мартынову 43 р., г) на содержаніе могилъ сценическихъ деятелей 15 р. 7 к. Итого 30,521 р. 96 к. Въ томъ числѣ: 1) въ % бумагахъ, хранящихся въ Государственномъ Банкѣ 28,200 р. 2) На текущемъ счету въ СПб. Учетномъ и Ссудномъ Банкѣ 2,280 р. 79 к. 3) Въ наличной суммѣ 41 р. 17 к. Итого 30,521 р. 96 к. Сверхъ того: въ долгу за разными лицами по срочнымъ пособіямъ 110 р. Всего 30,631 р. 96 к.

Прошенія о пособіи и разнаго рода заявленія Совѣтъ проситъ адресовать или Предсѣдателю Совѣта Алексію Антиповичу Потѣхину (Казанская, № 5, кв. 44) или товарищу Предсѣдателя, Николаю Александровичу Лейкину (Троицкая, № 18, ред. журн. „Осколки“), или Секретарю Совѣта Павлу Матвѣевичу Свободину (М. Итальянская, № 37). Предложения объ избраніи въ члены Общества высылаются, вмѣстѣ съ членскими взносами, на имя г. Казначая Общества, съ точнымъ обозначеніемъ званія, имени, отчества, фамиліи и мѣста жительства предлагаемаго.

Провинціальная хроника.

Астрахань. 14 іюля, „Жизнь за Царя“, дала очень хорошій сборъ 744 р. Прошла опера вполне удовлетворительно.—Спектакль 16 іюля съ участіемъ артиста А. И. Соколовскаго (комедія „Лудушка“) должно причислить къ числу самыхъ удачныхъ спектаклей текущаго сезона. Сборъ былъ прекрасный, и пьеса была разыграна весьма тщательно.—17 іюля шла опера „Аскольдова могила“ (первые три акта) съ участіемъ г-жи Станиславской въ роли Надежды и г. Петрова въ роли Неизвѣстнаго. — „Фаустъ“, данный 25 іюля въ бенефисъ г-жи Люценко, былъ исполненъ гг. Вальеро (Фаустъ), Семеновымъ-Самарскимъ (Валентинъ), г-жей Дмитріевой (Маргарита) и бенефицианткой (студ. Зибель), съ успѣхомъ, но театръ былъ почти пустъ. — Оперетта „Бѣдный Іонаванъ“ 28 іюля имѣла большой успѣхъ какъ по исполненію пьесы, такъ и по сбору.—2 августа въ лѣтнемъ театрѣ данъ былъ концертъ, который привлекъ довольно многочисленную публику. Артистка Император-

скихъ театровъ г-жа Верекина, пѣвшая изъ партіи Вани („Жизнь за Царя“), произвела фуроръ; вызовамъ и аплодисментамъ не было конца. Не мало также выпало аплодисментовъ на долю г-жи Дмитріевой и гг. Вальеро и Петрова. Первая пѣла изъ партіи Антонида, а вторые изъ партій Сабина и Сусанина.—4 августа состоялся концертъ, въ которомъ было исполнено пѣніе изъ „Русалки“ съ г. Петровымъ (мельникъ) г-жей Люценко, (княгиня) г-жей Соколовой (Ольга) и г. Вальеро (князь). Сборъ съ концерта былъ очень незначительный.—11 августа данъ былъ концертъ, въ которомъ исполнено было пѣніе изъ оперетты „Дочь втораго полка“ и изъ водевиля „Ворона въ павлиньихъ перьяхъ“. Сборъ былъ незначительный.—Концертъ, данный 13 августа въ пользу помощника режиссера г. Васильева, далъ такой мизерный сборъ, что его едва-ли хватило на покрытіе вечероваго расхода. Шель „Фаустъ“.

Дирекція Императорскаго русскаго музыкальнаго

Общества уведомила правление Астраханского музыкально-драматического Общества, что оно постановило принять Общество в состав Императорскаго Русскаго музыкальнаго Общества, какъ Астраханское его отдѣленіе.

Баку. Къ 1-му октября въ Баку придутъ оперетка и балетъ, которые г. Форкати сформировалъ въ Москвѣ. Контрактъ съ владѣльцемъ театра, г. Тагеевымъ, возобновленъ г. Форкати на прежнихъ условіяхъ, срокомъ еще на пять лѣтъ. Въ зимнемъ сезонѣ въ Баку будетъ драматическая труппа.

Брянскъ. Труппа драматическихъ артистовъ, подъ управленіемъ П. М. Морозова-Лаврецкаго, 28 іюля дала спектакль съ благотворительною цѣлю; половина сбора поступила въ пользу бѣднѣйшихъ погорѣльцевъ г. Брянска. Поставлена была комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ: „На порогѣ великихъ событій“, сборъ 215 руб.

Варшава. Возобновленнѣй Большой театръ открывается 30 августа, спектакль начнется народнымъ гимномъ „Боже царя, храни!“ Затѣмъ данъ будетъ прологъ, специально написанный для открытія театра г. Гавалевичемъ. Дѣйствующія лица въ прологѣ: гениі искусства, музы, хоры, процессія героевъ трагедій, оперъ и т. д. Кромѣ того, дано будетъ предпоследнее дѣйствіе оперы „Мефистофель“ Бойго и балетный divertissementъ, разучиваемый специально для этого спектакля. Вслѣдъ за открытіемъ театра пойдетъ на его сценѣ, въ первый разъ въ Варшавѣ, „Царица Савская“, опера Гольдмарка, а непосредственно за ней *Savallaria Rusticala*. Первымъ капельмейстеромъ варшавской оперы, на мѣсто г. Ребичка, приглашенъ профессоръ здѣшней консерваторіи г. Тромбиня, вторымъ г. Тухмазовъ. Въ составъ оперы войдутъ вновь приглашенные сопрано г-жа Бузи и теноръ г-нъ Соавельс. Кромѣ того, возвратится баритонъ г. Хожаевскій.

Вильно. Въ роли Саффи въ опереткѣ „Цыганскій баронъ“ съ успѣхомъ выступила г-жа Львова. Заглавную партію исполнилъ г. Добротини; партія Баринка составляетъ одну изъ лучшихъ въ репертуарѣ артиста и исполненіе каждого номера сопровождалось дружными аплодисментами. Г. Блюменталь-Тамаринъ, игравшій Зупана, за куплеты послѣдняго дѣйствія награжденъ былъ шумными аплодисментами. Г-жа Соколова оказалась приличною Арсеною. Хоры были очень хороши. — „Пѣвецъ изъ Палермо“ поставлена была 21 іюля, съ участіемъ гастролерши г-жи Львовай, выступившей въ партіи Маріи. Г. Добротини исполнилъ партію Спавадьо очень удачно. Въ роли регента г. Кручининъ за исполненіе роли награжденъ былъ шумными аплодисментами. Г. Блюменталь-Тамаринъ былъ не дуренъ въ роли Эрико Чинделлона. Перджи, ювелиръ — г. Жилинъ удовлетворительно справился со своей ролью, г-жа Соколова оказалась хорошею Пепиною. Недурно была сыграна 22 іюня оперетка „Мушкетеры“. Хороши гг. Блюменталь-Тамаринъ и Добротини — Гонтравъ, г. Кручининъ — Бриссакъ, — г-жа Смолина — Симона и г-жа Зимина — Оппортуна. Оперетка „Путешествіе въ Китай“ дѣлается въ этомъ году не меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ прошломъ. Поставлена въ бенефисъ г. Блюменталь-Тамарина „Парижская жизнь“ проша прекрасно. Сборъ былъ полный. Оперетка „Синяя Борода“, шедшая въ бенефисъ г-жи Смолиной, съ участіемъ бенефициантки въ партіи Булоты, привлекла въ театръ довольно значительную публику. Въ бенефисъ артиста г. Жилина, 2 августа, испол-

нена была оперетка „Дочь Рынка“. Въ послѣднихъ бенефисныхъ спектакляхъ дебютировала г-жа Блюменталь-Тамарина, имѣвшая немалый успѣхъ. Оперетка „Орфей въ аду“ поставлена 11-го августа, Эвридику играла дебютанка г-жа Калиновская. „Нинишъ“ поставлена была 16 августа въ бенефисъ г-жи Блюменталь-Тамариной.

Воронежъ. Арендаторъ городскаго сада г. Косыревъ выпустилъ объявленіе о продолженіи сезона подъ его управленіемъ. Большая часть членовъ товарищеской труппы перешла на службу къ г. Косыреву. Г-жа Тропкая, прѣхавшая на десять спектаклей, чтобы возмѣстить въ труппѣ недостатокъ каскадной пѣвицы, выступила въ среду, 31-го іюля, въ „Маскоттѣ“. Г-жа Тропкая въ роли Денизы („Лиса Патрикѣвна“) (4-го августа) была встрѣчена весьма радушно. Г-жа Тропкая выступила въ тотъ же вечеръ въ „Цыганскихъ пѣсняхъ въ лицахъ“. Труппа послѣ оперетокъ взялась за оперы. 15-го августа была вторично поставлена „Травиата“. Опера прошла стройно и произвела на слушателей большое впечатлѣніе. *Вioletta* — исполнена съ успѣхомъ г-жей Воинсъ. Большой успѣхъ имѣлъ въ оперѣ также г. Шостацкій, пѣвшій отца Альфреда. — Г-жа Тропкая оказалась хорошею *Карменъ*. Г. Шостацкій прекрасно пропѣлъ пѣсню тореадора. Г-жа Воинсъ симпатично исполнила партію Микаэлы.

Въ *свободѣ Тропкой*, на открытой сценѣ, въ саду Бернгарда любителями драматическаго искусства данъ былъ 28-го іюля спектакль въ пользу пострадавшихъ отъ пожара жителей села Малышева. Были представлены: „На пескахъ“, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, и „Вицъ-мундиръ“, вошедшій въ одно дѣйствіе, Каратыгина. Публика, по словамъ „Дона“, видимо, весьма сочувственно отнеслась къ намѣреніямъ любителей, собравшись въ довольно значительномъ количествѣ. Роли отставного чиновника Таныгина (г. Труновъ), его жены Ѳеодосіи Максимовны (г-жа Оболенская), Якова, сына Таныгина (г. Блюскій), и затѣмъ въ „Вицъ мундирѣ“ роли Разгильдяева (г. Труновъ), вдовы Анны Егоровны Любецкой (г-жа Струйская) и Ѳадѣва, департаментскаго сторожа (г. Незлобинъ), проведены были съ полнымъ знаніемъ и достаточнымъ пониманіемъ принятой на себя задачи. Сборъ получился отъ продажи билетовъ и частныхъ пожертвованій 121 руб. 96 коп., изъ числа конхъ, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ по устройству спектакля, чистаго дохода въ пользу малышевцевъ передано подлежащимъ властямъ 62 р. 21 к.

Выборгское городское общество ходатайствуетъ объ организаціи для Выборга русской драматической труппы для постоянныхъ представленій въ городѣ съ субсидіею отъ казны въ семь тысячъ рублей въ годъ.

Дерптъ. (Отъ нашего корреспондента). Въ лѣтнемъ театрѣ мѣстнаго Ремесленнаго Общества заканчивается своя спектакля ревельская драматическая, оперная и опереточная труппа, подъ дирекціей г. Берента. Труппа состоитъ изъ 25 солистовъ, 2 капельмейстеровъ, 24 человекъ хора и 22 человекъ оркестра. Труппа, какъ оказывается, вполне солидная для убогаго города и тѣмъ болѣе для таковаго какъ Дерптъ, гдѣ лѣтнее отсутствуетъ самая доходная статья всякой мѣстной антрепризы — студенты. Не смотря на это, не смотря на ничтожныя цѣны — первый рядъ 1 р., ложа на 6 человекъ 2 р., — г. Берентъ дѣлаетъ въ Дерптѣ великолѣпныя дѣла. Объясняется это тѣмъ, что публика очень охотно посѣщаетъ такой дешевый театръ, гдѣ за ничтожную плату смотреть

пьесу, если и безъ выдающихся талантовъ, за то уже сретованную безукоризненно. За пять лѣтъ, что мы посѣщаемъ дерптскій театръ, одинъ только разъ, два года тому назадъ, случился фактъ, что статистъ, которому была поручена выходная роль, не сумѣлъ связать своей фразы. Объ этомъ говорили по меньшей мѣрѣ двѣ недѣли и говорили съ негодованіемъ. Съ другой стороны отличныя дѣла директора труппы объясняются крайне маленькимъ жалованьемъ. Нашимъ артистамъ покажется смѣшной даже самая мысль о такомъ жалованьи. Напримѣръ, г-жа Эрнстъ, опереточная субретка съ сильнымъ и отлично выработаннымъ голосомъ, великолѣпная драматическая актриса, принимающая участіе и въ операхъ, и даже, въ балетахъ—(въ послѣднее лѣто шли въ Дерптѣ два балета) Рирренfee (Фея куколъ) и Wiener Walzer (Вѣнскій Вальсъ), любимица публики, *оплачивающая сборы*, получаетъ всего 100 р. въ мѣсяцъ. Хористы получаютъ 25—30 р. въ мѣсяцъ. Вообще же высшій мѣсячный окладъ это 100 р. Но за то всякаго 1-го и 15-го числа выдается жалованье и за 20 лѣтъ антрепризы г. Берента ни разу не случалась задержка жалованья, хотя бы театръ пустовалъ весь мѣсяцъ. Потому-то артисты г. Берента служатъ у него по многу лѣтъ, нѣкоторые по 15—18 лѣтъ. Вообще труппа производитъ впечатлѣніе чрезвычайно солидное. Въ Дерптѣ г. Берентъ вѣдѣлъ всегда на свой рискъ и, какъ мы уже говорили, вѣдѣлъ всегда очень успѣшно. Но нынѣшнее лѣто онъ почему-то захотѣлъ гарантировать себя со стороны мѣстнаго Ремесленнаго Общества, которому и принадлежитъ лѣтній театръ. Гарантию онъ получилъ въ размѣрѣ 17.500 р. за 4½ мѣсяца, при чемъ оркестръ и освѣщеніе театра оплачиваются самимъ Обществомъ. Г. Берентъ получилъ такимъ образомъ 3.000 р. безъ всякихъ заботъ. Но Ремесленное Общество врядъ-ли захочетъ дать ему еще разъ такую же гарантию, такъ какъ г. Берентъ неудачно пригласилъ тенора (г. Райкингъ) и замѣнилъ прошлогднее драматическое сопрано (г-жа Шифмаеръ) г-жей Кюнелъ, не выдерживающей по отношенію къ первой никакого сравненія, въ первые любовники (окладъ 50 р.) онъ пригласилъ г. Малеро, артиста безъ голоса, роли резонеровъ заставлялъ играть опернаго артиста (г. Равенъ) и пѣтъ опереточныя партіи драматическихъ артистовъ (г. Чагель). Словомъ, на этотъ разъ г. Берентъ не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ и въ публикѣ слышится сильное порицаніе, что и сказывается на сборахъ, гораздо меньшихъ, чѣмъ въ прошломъ году. И со всѣмъ тѣмъ, мы повторяемъ, труппа, вообще, очень сносная, пьесы сретовываются великолѣпно и русскимъ антрепренерамъ и товариществамъ не мѣшаетъ поучиться и у г. Берента и у его труппы. Вообще говоря, мы сильно сомнѣваемся, чтобы какая-нибудь труппа любого губернскаго города Россіи—(если исключить такіе центры, какъ Казань, Одесса)—могла сравниться въ общемъ съ труппой Берента. Самыми выдающимися силами труппы г. Берента являются г-жи Эрнстъ и Пэнне—опереточныя субретки и г-жа Ярцебовская, преимущественно комическая старуха, но съ одинаковымъ успѣхомъ исполняющая и роли *grande-dame*; а изъ мужскаго—гг. Бемертъ, дивный проstackъ и г. Грюнбергъ, великолѣпный комикъ. Изъ остальныхъ персонажей слѣдуетъ отмѣтить г-жу Рандовъ—драматическую артистку чрезвычайно талантливую и опытную, но не ровную. Изъ оперныхъ артистовъ никто не заслуживаетъ особаго вниманія.

Изъ оперъ шли едѣсь „Фиделіо“, „Волшебный стрѣлокъ“ (3 раза), „Галсъ Гейлингъ“ (3 раза), „Африканка“ (4 раза), „Аида“ (3 раза), „Палагено“, „Фенелла“, „Лоангрианъ“ (по одному разу) и „Жизнь

за Царя“ (2 раза). Изъ опереточныхъ новинокъ „Бѣдный Ионаанъ“, а изъ драматическихъ: „Пансионъ Шеллеръ“, „Джонъ Вилліамсъ“, „Александръ“, „Хохлатый Жаворонокъ“ (Haubenlerche), „Картина Синьорели“ (Das Bild von Signorelli).

Екатеринославъ. 22 іюля кончились спектакли Харьковскаго драматическаго товарищества гастролями Г. Н. Фехотовой, сыгравшей „Грозу“, „Преступницу“, „Вторую молодость“ и „Безъ вины виноватые“. Сборы съ участіемъ этой гастролерши шли очень неровно. Въ общемъ товарищество сдѣлало по четирыста рублей на кругъ. Въ циркѣ играетъ малорусское товарищество г. Саганскаго; сборы слабые.

Намъ сообщаютъ, что въ Ельцѣ объявлены 5 гастрольныхъ спектаклей малороссійской труппы г. Старицаго. 1 спектакль, при полномъ почти сборѣ, былъ 18 августа, шли „Несчастные Кохане“ и водевилъ „Съ мѣста въ карьеръ“, 2-й назначенъ на 20-е, „Запорожцы за Дунаемъ“. Составъ труппы старый—съ г. г. Вѣриной, Грицаемъ и Коссиенко во главѣ.

Казань. Режиссеръ опереточной труппы Панаевскаго сада г. Ленни былъ привлеченъ полиціей къ отвѣтственности за то, что поставилъ вмѣсто разрѣшенной къ постановкѣ и значившейся по афишамъ оперетки „Орфей въ аду“, другую оперетку „Донну Жуаниту“.—Мировой судья 4 уч. приговорилъ за это г. Ленни къ трехрублево му штрафу или аресту на одинъ день.

„Гугеноты“, представленные товариществомъ оперныхъ артистовъ, прошли въ общемъ довольно не дурно. По исполненію „Волжскій Вѣстникъ“ отмѣчаетъ г-жу Джибеллини-Рядилову, какъ по замѣчательно сильному голосу, такъ и по методѣ пѣнія, а въ особенноти по превосходной игрѣ. Г-жа Дигби въ роли Пажа была очень недурна и производила весьма пріятное впечатлѣніе своимъ сильнымъ и хорошо обработаннымъ голосомъ. Сборъ былъ не великъ.—„Фаустъ“, 4-го августа, прошелъ такъ же недурно, какъ и „Гугеноты“.—Пріѣзжие артисты оперной труппы, вслѣдствіе недовольства арендаторами Панаевскаго сада, колегали было арендовать городской зимній театръ, для чего обратились съ просьбой въ городскую управу, которая, однако, въ просьбѣ ихъ отказала въ виду того, что означенный театръ сданъ съ 15-го числа артисту Перовскому.

Скончался отъ удара бывшій антрепренеръ городскаго театра, объявленный въ послѣднее время несостоятельнымъ должникомъ, Василій Богдановичъ Серебряковъ.

Арендаторы Панаевскаго сада отказались отъ этой аренды, мотивируя свой отказъ крайней убыточностью содержать садъ.

Открытие драматическихъ представленій въ городскомъ театрѣ послѣдуетъ, какъ мы слышали, 1-го сентября. Антрепренеромъ г. Перовскимъ приглашены гг. Чарскій, Лолла, Мерцъ и Стрететова. Всѣ они, по слухамъ, приглашены на весь зимній сезонъ. Въ репертуаръ драмы войдутъ классическія пьесы и новыя, еще нигдѣ неизгаванныя.

Курскъ. 14 іюля, въ театрѣ Лазаретнаго сада любителями драматическаго искусства совмѣстно съ товариществомъ артистовъ была поставлена комедія И. Л. Щеглова „Потѣшные люди“, которая, благодаря оживленной игрѣ г-жи Струйскаго, Бѣльской и Трояновской и гг. Грубина, Лялина и Анииа, прошла живо и весело, вызывая дружные аплодисменты публики. 21 іюля въ лѣтнемъ театрѣ Лазаретнаго сада въ пользу вдовей кассы

взаимно-вспомогательного общества курских купеческих прикащиков, товариществом драматических артистов была поставлена пьеса „Майорша“ И. В. Шпажинского, которая в общем прошла хорошо, вызывая одобрение публики. Въ главной роли Фени (Майорша) выступила г-жа Троянская. Роль Карягина г. Грубинъ исполнилъ добросовѣстно. Роль Архипа нашла себѣ хорошаго исполнителя въ лицѣ г. Бородинскаго. Г. Длинъ (Тереховъ), г. Свѣтловъ (Сладневъ), г-жа Сарматова (Авдотья Карягина), провели свои роли удовлетворительно. Сборъ былъ болѣе 200 р. Театръ Лазаретнаго сада, сообщаетъ мѣстная газета, отданъ въ арендное пользованіе г. Линицкому, актеру изъ труппы закончившаго свои дѣйствія товарищества г. Яковлева.—6-го августа поставленная любителями на сценѣ лѣтняго театра пьеса „На бойкомъ мѣстѣ“ А. Н. Островскаго, благодаря игрѣ г-жъ Любимовой и Островской и гг. Гремина и Лялина, прошла очень живо, вызывая дружные аплодисменты публики.

Каменецъ-Подольскъ (отъ нашего корреспондента). Здѣшній театр, одинъ изъ немногочисленныхъ городскихъ театровъ, получающихъ правительственную субсидію, размѣръ которой для Каменца опредѣленъ въ 3000 р. Не смотря на незначительность этой суммы, она все же является нѣкоторой приманкой въ настоящее время, когда театральные крахи стали обычнымъ явленіемъ всюду. Причины этихъ краховъ въ настоящей замѣткѣ мы касаться не будемъ; ихъ слѣшкомъ много, какъ независимыхъ отъ руководителей дѣла, такъ и, въ особенности, зависящихъ отъ нихъ. Прошлагодній зимній сезонъ въ Каменцѣ былъ загубленъ именно веденіемъ дѣла, о чемъ до сихъ поръ еще не прекратились толки по городу.

Новому антрепренеру придется поэтому положить много труда, выдержки и заботы, чтобы поднять театральное дѣло на подобающую ему высоту; гораздо труднѣе исправлять испорченное, чѣмъ создавать вновь. Нужно много таланта и любви къ дѣлу, чтобы возратить театру приличествующее ему уваженіе и довѣріе публики, въ особенности провинціальной, и безъ того склонной смотрѣть на театръ не очень-то благосклонно.

Антреприза на предстоящій зимній сезонъ перешла въ руки г. Богуславскаго.

Театръ сдѣланъ безплатно, но съ тѣмъ, что антрепренеръ обязанъ его капитально отремонтировать, что потребуетъ не мало затратъ. Нужно однако отдать справедливость г. городскому голове, который, увидя со стороны антрепренера серьезное желаніе привести зданіе театра въ полный порядокъ, поспѣшилъ къ нему съ посильной помощью и часть затратъ принялъ на счетъ города. Въ пользу антрепренера оставлена эксплуатація буфета и вѣшалокъ. Съ своей стороны г. Богуславскій внесъ въ городскую думу залогъ въ размѣрѣ 1000 руб. Къ половинѣ сентября театръ будетъ отремонтированъ заново, снабженъ совершенно новыми декорациями и даже передней занавѣсью (работы декоратора г. Табенскаго). Составъ труппы слѣдующій: г-жи Коврова-Брянская (grande-dame и героиня), Незлобина (ingenue dramatique), Угрюмова-Прозорова (ing. comique), Тенсонъ (водевильная), Пальмъ (драм. старуха), Антропова (2-я старуха), и Маркова (вторыя роли); гг. Угрюмовъ-Прозоровъ (любовникъ и герой), Жуковский (комикъ, онъ же режиссеръ), Фроловъ (простакъ), Рудзинскій (резоверъ), Лебедевъ-Лѣсинъ (2-й любовн.), Григорьевъ (2-й комикъ), Хмѣлевъ (водев.) и Нешумовъ (втор. роли). Суфлеръ—г. Фусъ. Оркестръ подъ управленіемъ г. Богдановича. Репертуаръ предло-

гается изъ салонныхъ и бытовыхъ драмъ и комедій и обстановочныхъ пьесъ.

Труппа товарищества московскихъ артистовъ съ 10 по 17 іюля дала въ Кишиневѣ 5 спектаклей, за которые получила 877 р.

Кіевъ (отъ нашего корреспондента). Лѣтній сезонъ у насъ былъ бѣденъ развлеченіями. Въ половинѣ мая начались спектакли драматической труппы г. Ларионова-Ларина. Труппа г. Ларионова-Ларина была составлена прилично, но успѣха не имѣла и едва дотягиваетъ сезонъ. Неуспѣхъ объясняется тѣмъ, что наша публика лѣтомъ предпочитаетъ посѣщать „Шато-де-Флоръ“ и „Эрмитажъ“, гдѣ липедѣйствуютъ шансонетныя пѣвицы, разсказчики, фокусники и пр. Успѣху вредило также и ненастное лѣто.

Были поставлены: „Мужъ знаменитости“, „Цѣпи“, „Безъ вины виноватые“, „Джекъ“, „Забубенная головушка“, „Вторая молодость“, „Соколы и вороны“, „Урлякъ Акоста“, „Мученики страсти“, „Горе-здосчастіе“, „Водоворотъ“ и др. Эти пьесы, извѣстныя кіевлянамъ въ лучшемъ исполненіи, не привлекли публики.

Но и перемена репертуара не поправила дѣла. Поставленные: „Сорванецъ“, „Общество поощренія скуки“, „Надо разводиться“, „Столичный гость“, „Въ горахъ Кавказа“, „Разрушеніе Помпей“, „Ни минуты покоя“, „Отъ преступленія къ преступленію“, „На хлѣбахъ изъ милости“ сборовъ не дѣлали и г. Ларионова-Ларинъ въ концѣ іюня отказался отъ антрепризы.

Составилось товарищество, изъ котораго вышли лучшія артистки г-жи Строева-Сокольская и Инсарова. Товариществу пришлось пригласить гастролеровъ. Первымъ выступилъ г. Чужбиновъ, но и онъ сборовъ не дѣлалъ, и спектакли съ его участіемъ вскорѣ прекратились. Затѣмъ выступилъ г. Петипа въ 5 спектакляхъ: „Кланъ“, „Ревизоръ“, „Горе отъ ума“, „Донъ-Жуанъ“ и „Губернеръ“.

Послѣднимъ гастролеромъ былъ г. Горевъ, артистъ Императорскаго Малаго театра. Г. Горевъ выступилъ въ 8 спектакляхъ: „Свадьба Кречинскаго“, „Женитьба Вѣдугина“, „Старый баринъ“, „Разбойники“, „Расточитель“, „Старая сказка“, „Въ родственныхъ объятіяхъ“, „Семья“. Гг. Петипа и Горевъ имѣли большой виѣшній успѣхъ, но спектакли съ ихъ участіемъ едва оплачивались товариществомъ.

Товарищество рѣшило оканчивать „мертвый сезонъ“ собственными силами, но едва ли благополучно окончить.

Изъ артистовъ вполне заслуженнымъ успѣхомъ пользуются г-жи Нинина, Свѣтлова, гг. Лелевъ-Вучетичъ и Неждановъ.

Съ 30 августа начнутся въ театрѣ г. Сѣтова спектакли товарищества драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Соловцова. Въ труппу вошли слѣдующія артистки: г-жа Аграмова (grande dame), Анненская (драматическое ingenue), Вѣрова (комическое ingenue), Иamayлова (драмат. старуха), Медвѣдева (комич. старуха), Самойлова (на роли пожилыхъ grandes dames), Ларина (2 драматич. ingenue), Чужбинова (2 комич. ingenue). Въ мужской персоналъ вошли: гг. Самойловъ-Мичуринъ (драмат. любовникъ), Чужбиновъ (комикъ), Нелѣдинъ (фатъ), Перокій (салонный резонеръ), Соловцовъ, Гусевъ (характ. бытовые роли), Шениъ 2, Раковский, (на роли простаковъ), Долиновъ, Черновъ, Осоловскій (на 2 роли), Режиссеръ—г. Соловцовъ. Оркестръ подъ управленіемъ г. Черняховскаго. На гастроли приглашена г-жа Глѣбова. Сезонъ начинается 30 августа „Ревизоромъ“.

Двадцатипятилѣтіе артистической дѣятельности А. Н. Николаева.

6 сентября 1866 года, на сценѣ московскаго Большаго театра, въ оперѣ Даргомыжскаго— «Русалка», выступилъ молодой теноръ, сразу обратившій на себя вниманіе красивымъ голосомъ, а еще болѣе того,—задушевностью, естественностью передачи, отличною фразировкой, яркою декламаціей; партія «князя» оказалась въ рукахъ искуснаго, симпатичнаго и даровитаго пѣвца. Такъ, въ первый разъ на русской сценѣ дебютировалъ Антонъ Николаевичъ Николаевъ. Уроженецъ Карачевскаго уѣзда Орловской губерніи, воспитанникъ второй московской гимназіи и петербургскаго университета; онъ музыкально-вокальное образованіе получилъ въ Италіи, гдѣ и началъ артистическую карьеру. Тамъ въ операхъ чистокровно итальянскаго репертуара, выработался его сценическій опытъ, приѣхавшій къ дѣлу та прекрасная школа, какову ему дала «помощая страна». Послѣ ряда итальянскихъ успѣховъ А. Н. вернулся въ отчизну пѣвцомъ во всеоружіи вокальных и исполнительныхъ средствъ. Но здѣсь встрѣча его съ Даргомыжскимъ, этимъ великимъ знатокомъ выразительнаго пѣнія, поборникомъ музыкальной декламаціи и творцомъ русскаго мелодическаго речитатива, напѣтила для художественнаго развитія артиста новое и плодотворное направленіе. И вотъ партія «князя», пройденная подъ руководствомъ автора «Русалки», доставила московскому дебюту А. Н.—ча рѣшающее значеніе начала его русской оперной карьеры: съ того вечера, послѣ котораго успѣли уже пробѣжать всѣ *двадцать пять* лѣтъ, А. Н. по праву занялъ одно изъ выдающихся мѣстъ въ семьѣ лучшихъ пѣвцовъ нашей родины.

Въ Москвѣ, кромѣ «Русалки», А. Н. выступалъ еще въ «Луcreціи», «Сомнамбулѣ» и «Фаустѣ». Затѣмъ состоялось его приглашеніе въ Петербургъ, гдѣ онъ на Маріинской сценѣ дѣлалъ успѣхъ съ А. Г. Меньшиковой, Д. М. Леоновой и О. А. Петровымъ. Около того-же времени упрочилъ онъ свою добрую славу гастроліями на оперныхъ сценахъ Кіева и Одессы. Въ 1874 году А. Н. съ честью оправдалъ ангажементъ на лѣтній сезонъ въ Лондонъ. Вотъ тѣ оперы, въ которыхъ А. Н. исполнялъ главные теноровыя партіи въ теченіе всей своей карьеры по день, когда болѣзнь заставила его на вѣкъ проститься съ театральными подмостками: «Аскольдова могила», «Жизнь за Царя», «Русалка», «Монтеки и Капулетти», «Сонамбула», «Пуритане», «Марія ди Роганъ», «Донъ Паскале», «Любовный напитокъ», «Лючія», «Фаворитка», «Луcreція», «Велизарій», «Травіата», «Риголетто», «Валь-маскарадъ», «Трубадуръ», «Страделла», «Марта» и «Фаустъ».

Съ прекращеніемъ сценической дѣятельности

А. Н.—ча, продолжалась его очень замѣчательная дѣятельность концертная, которой онъ всегда отдавался съ любовью и серьезностью художественно развитаго служителя искусства. Какъ бы ни было обставлено появленіе А. Н.—ча на концертной эстрадѣ, было-ли то участіе въ московскомъ симфоническомъ собраніи временъ Н. Г. Рубинштейна, или въ какомъ-нибудь благотворительномъ концертѣ (отъ подобныхъ концертовъ А. Н. никогда не уклонялся), былъ ли то собственный концертъ А. Н.—ча и при томъ все равно, въ одной ли изъ столицъ это случилось или въ какомъ-нибудь другомъ русскомъ городѣ (а гдѣ только А. Н. не давалъ концертовъ),—всегда программа А. Н.—ча отличалась интересомъ, тщательнымъ, строгимъ выборомъ исполняемаго и тѣмъ же отпечаткомъ тонкаго вкуса, какой неустанно жилъ въ исполненіи нашего прекраснаго пѣвца. Концерты А. Н.—ча, отдавая конечно должное лучшимъ иностраннымъ композиторамъ, служили главнымъ образомъ отечественной музыкѣ, пропагандѣ произведеній Глинки, Даргомыжскаго, Бородина, г.г. Балакирева, Бларамбаерга, Кюи, Римскаго-Корсакова, Соловьева, Чайковскаго и др. И много было почитателей дарованія А. Н.—ча какъ среди публики, такъ и въ художественномъ мірѣ: ему посвящали свои сочиненія многие наши музыканты, дарили свои произведенія такіе художники, какъ г.г. Айвазовскій, Бодаревскій, Маковский, Мещерскій, Трутовскій и др.

А. Н. не лишень былъ и композиторскаго дара. Наибольшей популярности достигъ его романсъ—«Няня».

Всегдашняя любовь А. Н.—ча къ русскому творчеству вообще выразилась и въ слѣдующемъ фактѣ: А. Н. въ 1862 г. (годъ тысяча-лѣтняго юбилея Россіи) издалъ въ Миланѣ на итальянскомъ языкѣ біографіи русскихъ поетовъ и нѣкоторыя ихъ лучшія произведенія, а кромѣ того сборникъ для фортепіано *сорока* русскихъ народныхъ пѣсень, посвятивъ послѣдній «итальянскому народу».

Послѣдніе годы А. Н. живетъ въ Кіевѣ и весь отдался вокальной педагогикѣ, дѣлу, которымъ онъ съ успѣхомъ занимался и прежде, сперва въ одесскомъ Обществѣ изящныхъ искусствъ, а потомъ въ училищѣ московскаго филармоническаго Общества, откуда вышли его извѣстные ученики—г-жа Гнучева, теперь симпатичная артистка Императорской Московской оперы, и г. Миллеръ, жившій послѣдней весной блестящій успѣхъ въ «Лоэнгринѣ», на сценѣ миланскаго театра «La Scala».

Липецкѣ. 9 августа въ курзалѣ минеральныхъ водъ былъ устроенъ спектакль товарищества русскихъ артистовъ подъ управленіемъ П. А. Соколова-Жамсонъ—въ пользу пострадавшаго отъ неурожая населенія Липецкаго уѣзда и г. Липецка.

Шли двѣ пьесы: „Разрушеніе Помпей“, и „Супружеское счастье“.

Намъ сообщаютъ, что въ Луцкѣ, Волынской губернии, играетъ товарищество артистовъ подъ управленіемъ г. Неймирокъ. Составъ труппы г-жи Леру-Кадмина (*grande dame*). Рѣшимова (*injenue dramatique*), Неймирокъ (комическая старуха), Г-жи Скваронская, Красавина, Грановская и Козничъ (вторыя роли). Гг. Калининъ (драматическій резонеръ и режиссеръ труппы), Горскій (драматическій любовникъ), Немироу и Чагинъ (комики), Князевъ (фатъ), Ланской, Райскій и Хохловъ (вторыя роли). Репертуаръ: „Лакомый кусочекъ“, „Блуждающіе огни“, „Въ горахъ Кавказа“, „Супружеское счастье“, „На ловъ природы“, „На реьсахъ“ (2 раза), „Мамаево нашествіе“, „Медвѣдь“ (2 раза), „Вторая молодость“, „Дармовѣдка“, „Гогемыка-Скиталецъ“, „Ворона въ павлиньихъ перьяхъ“, „Сейчасъ мой выходъ“ (2 раза), „Бабе дѣло“, „Ночное“, „Побѣдителей не судятъ“, „Лебединая пѣсня“, „Золотая рыбка“, „Друзья пріатели“, „Степь матушка“, „На всѣ четыре стороны“, „На паяхъ“, „Оболтусы и вѣтрогоны“, „На порогъ великихъ событій“, „Неутѣшная вдова“, „Соколы и вороны“, „Одного поля ягода“ и „Наташка Полтавка“. Сборы не превышаютъ 104 р. По случаю дождей, спектакли часто отменялись. До сихъ поръ дѣла товарищества въ матеріальномъ положеніи плохи.

Нижній-Новгородъ (*отъ нашего корреспондента*). Нижегородская ярмарка въ нынѣшнемъ году не обѣщаетъ хорошихъ дѣлъ, какъ для торговцевъ, такъ и для театра, который посѣщается очень плохо.

Открытие театра послѣдовало 21 іюля водев. „Левъ Гурьчъ Синичкинъ“, поставленнымъ для перваго выхода артиста Императорскихъ театровъ г. Разказова. Начало оперетныхъ спектаклей затянулось, вслѣдствіе того, что нѣкоторые персонажи не пріѣхали; пришлось приглашать новыхъ. Начали „Цыганскимъ барономъ“ для дебютовъ г-жи Раисовой и г. Владимірова; затѣмъ шелъ „Хаджи-Муратъ“ съ г-жей Онѣгиной. Далѣе были поставлены „Боккачіо“, „Птички пѣвчія“, „Красное солнышко“, „Пѣвецъ изъ Палермо“.

Составъ драматической труппы: г-жи Борисоглѣбская, Гофанъ-Малевская, Диевская, Долинская, Ларина, Павлова, Шеровьева, Шувалова и др.; гг. Ге, Диевскій, Ильковъ, Калиновичъ, Леонтьевъ, Малевскій, Мещерскій, Разказовъ, Тихоновъ, Торцовъ, Шуваловъ и др.

Въ персоналѣ опереточной труппы находятся: г-жи Александровская, Николаева, Никитина, Онѣгина, Раисова, Ренардъ и др.; гг. Владиміровъ, Глуминъ, Каренинъ, Долинскій, Степановъ, Уткинъ и др.

Постановка оперетокъ подъ руководствомъ режиссера г. Чарова довольно тщательная.

На-дняхъ выпущены многообѣщашіе анонсы о постановкѣ фееріи „80 дней вокругъ свѣта“.

Одесса. (*Отъ нашего корреспондента*). Вамъ, вѣроятно, уже извѣстно, что одесскій городской театръ арендовалъ на три года съ субсидіей отъ города въ 25 тысячъ рублей артистъ Императорскихъ московскихъ театровъ И. Н. Грековъ. Вся публика, вся пресса и само самоуправленіе одесское смотрятъ на антреприву почтеннаго артиста, какъ на эру, съ которой должна начаться настоящая историческая эпоха нашего грандіознаго театра, предназначавшагося для высшихъ плѣей ис-

кусства и сдѣлавшагося предметомъ спекуляцій. Говорятъ: „теперь уже не то будетъ, теперь нашъ театръ въ надежныхъ рукахъ, теперь только мы можемъ быть увѣрены, что не эксплуатация, а искусство будутъ царствовать въ нашемъ дорогомъ храмѣ Мельпомены“.

Отъ души желаетъ вся Одесса полнаго успѣха почтенному артисту, послужившему уже русскому искусству и знающему ему цѣну въ ряду облагораживающихъ общественныхъ элементовъ. Антрепренерскій свой дебютъ въ Одессѣ И. Н. Грековъ собирается начать съ драмы, для чего онъ и уѣхалъ, говорятъ, въ Москву, чтобы набрать драматическую труппу. Желательно было бы, чтобы онъ не гнался за именами, а создалъ бы труппу изъ свѣжихъ силъ. Тогда г. Грековъ оказалъ бы услугу не только Одессѣ, но и русскому искусству, выводя его на новую свѣжую дорогу, давая возможность молодежи сказать и свое новое слово въ искусствѣ, и кто знаетъ?—можетъ быть вѣское и значительное слово. А имена, да еще *теперешнія* наши имена внесутъ только рутину. Одесскій театръ былъ когда-то школой и школой весьма серьезной, давшей Россіи много силъ. Онъ можетъ и долженъ сдѣлаться же и теперь тѣмъ же. Теперь даже у него больше, чѣмъ когда-либо шансовъ явиться расадникомъ новыхъ талантовъ, ареной для свѣжихъ силъ.

Съ прекращеніемъ спектаклей въ городскомъ театрѣ московской драматической труппы, управа приступила къ его ремонту и тѣмъ лишила пріѣзжихъ возможности любоваться театромъ и имѣть хотя одно серьезное развлеченіе. Одесса, какъ курортъ, нуждается лѣтомъ въ театрѣ, а между тѣмъ ежегодно почти въ іюнѣ и въ іюлѣ, когда здѣсь большой свѣздъ больныхъ, послѣдніе лишены возможности даже взглянуть на нашъ прославленный роскошный театръ. Что касается развлеченій низшаго порядка, то у насъ не занимать ихъ стать. Извѣстные и *симпатичные* (такъ печатается на афишахъ) артисты и артистки распѣваетъ и ломаются въ нашихъ садахъ и привлекаютъ массу публики. Изъ всѣхъ заѣзжихъ *симпатичныхъ* знаменитостей оказались симпатичными только балабачники подъ управленіемъ г. Андреева, давшіе здѣсь четыре концерта. Теперь же Одессѣ предстоитъ новое удовольствіе, еще невиданное. Это циркачка подъ водомъ: циркъ Манзеля въ Грандъ-Отелѣ и циркъ Труппи въ Александровскомъ паркѣ. Одинъ изъ нихъ обѣщаетъ 30.000 ведеръ воды, другой 36.000. Могу васъ заранѣе увѣрить, что въ обоихъ циркахъ негдѣ будетъ яблоку упасть. Одесса любитъ сенсацию и рекламу и очень часто судить обо всемъ по количеству публики и величинѣ афишъ. Большая афиша, много публики—значитъ хорошо. И такъ толпа здѣсь веселится, пьетъ въ садахъ прохладительные и горячительные напитки, получаетъ нѣкоторое забвеніе отъ житейскихъ тревогъ дня и совершенно довольна. Что касается интеллигенціи и раборчивой на удовольствія публики, то на нее Одесса производитъ лѣтомъ подавляющее впечатлѣніе своею скукою и монотонностью.

Д.

Въ бенефисѣ г-жи Муратовой, шла комическая опера „Правдникъ во Флоренціи“. Бенефициантка съ большимъ успѣхомъ исполнила роль Анджео. Весьма хорошъ былъ и г. Максакъ. Г-жа Иванова провела роль очень изящно и мило. Гг. Синельниковъ и Михайловъ сумѣли придать живость своимъ ролямъ. Комическая опера „Адская любовь“ привлекла много публики. Оперетка „Путешествіе въ Китай“ прошла съ успѣхомъ, благодаря участію въ спектаклѣ лучшихъ силъ труппы. Театръ былъ полонъ. Поставленная во второй разъ оперетта „Ужасы войны“ привлекла

много публики и прошла съ полнымъ успѣхомъ. „Прекрасная Елена“, поставленная въ бенефисъ г-жи Кестлеръ привлекла значительный контингентъ публики. По словамъ „Одесскаго листка“, управляющій Русскимъ театромъ г. Контореди въ настоящее время находится въ Италіи, гдѣ составляетъ итальянскую оперную труппу, которая будетъ подвизаться на сценѣ Русскаго театра съ 1-го сентября по 15-е декабря, а затѣмъ, въ томъ же театрѣ, предполагаются спектакли мажороссійской труппы вплоть до великаго поста. Антрепренеръ городскаго театра г. Грековъ заключилъ уже контрактъ съ артистами оркестра (для драмы 35 чел., а для оперы усиленный составъ—58). Диржеромъ оркестра приглашенъ г. Брамбилло. Г. Грековъ внесъ 26-го іюля остальные 15.000 руб. залогомъ и 29-го іюля подписалъ контрактъ съ городомъ. Кромѣ полученнаго отъ города имущества на 90.000 р., онъ приобрѣлъ все имущество прежняго антрепренера г. Черепеникова. Слухъ относительно того, что г. Грековъ остается въ Москвѣ, — невѣренъ: г. Грековъ будетъ вести въ Одессѣ дѣло самъ.

Орель. Въ лѣтнемъ театрѣ идутъ спектакли мажороссовъ. Изъ послѣднихъ спектаклей особенно, по словамъ „Орлов. Вѣстн.“, интересны были 29 и 30 іюля. Въ эти оба спектакля посѣтившая ихъ публика еще разъ могла убѣдиться въ несомнѣнныхъ достоинствахъ артистовъ. Пьеса Т. Г. Шевченко „Невольникъ“ (передѣлка М. А. Кропивницкаго) прошла съ рѣдкимъ одушевленіемъ. 30 іюля была исполнена пьеса „Несчастіе кохана“. Роль Вари съ большимъ чувствомъ передала г-жа Зинина. Очень хорошо исполнили въ этой пьесѣ свои роли г. Грицай и г. Косиненко. Сбори очень плохи.

Радинъ, Сѣдлецкой губ. (Отъ нашего корреспондента). Въ февральской книжкѣ „Артиста“ за 1891 г. уже было сообщено о попыткѣ противопоставить интеллигентныя развлечения карточной монополи и весельному вину. Этой попыткѣ суждено было развиться. Всю зиму мы имѣли музыкальные вечера въ одномъ частномъ домѣ, гдѣ собиралось мѣстное общество. Нужно быть благодарнымъ устроителю ихъ и остается лишь пожалѣть, что эти вечера не перешли почему-то въ болѣе общественную сферу, на болѣе широкую арену. Начатые въ частномъ семейномъ кругу, имѣющие всѣ шансы на дальнѣйшее развитіе и преуспѣяніе, вечера эти могли бы принести удовольствіе большому кругу лицъ, если бы исполнители рискнули перейти изъ семейной залы на эстраду.

Съ весны стали подумывать о любительскихъ спектакляхъ. Среди Радинъ есть прекрасный паркъ, а въ немъ старинная роскошная и очень обширная оранжерея, изъ которой лѣтомъ всѣ растенія выносятся. Тутъ-то и пріютилась очень мило сдѣланная сцена со всею обстановкой.

29 іюня былъ первый спектакль, пробѣ для многихъ исполнителей, еще публично не выступавшихъ. Веселая пьеса „Бабы дѣло“ прошла не особенно ровно, но весело и добросовѣстно. Послѣ „Бабы дѣла“ былъ вокальный дивертисментъ.

За этимъ спектаклемъ слѣдовалъ литературно-музыкальный вечеръ въ память М. Ю. Лермонтова, который возбудилъ въ себѣ интересъ, снотилъ своею идеею наше общество и опровергъ тѣ пессимистическіе толки, что въ провинціи никакихъ литературныхъ подвиговъ справлять нельзя и не стоитъ. Паркъ и оранжерея были иллюминированы. Залъ внутри былъ красиво убранъ дубовыми вѣнками, хмѣлемъ, елями и тропическими растеніями. На сценѣ среди зелени и канделябръ былъ постав-

ленъ портретъ Лермонтова въ натуральную величину, работы мѣстнаго молодого художника. Началось празднество специально къ этому дню написаннымъ (однимъ изъ устроителей) очеркомъ „Литературное завѣщаніе М. Ю. Лермонтова“; затѣмъ были прочитаны стихотворенія Лермонтова и спѣты solo, дуэтомъ и хоромъ нѣсколько музыкальных произведеній на текстъ Лермонтова. Кромѣ того были исполнены 2 отрывка изъ драмы „Маскарадъ“. Всѣ исполнители добросовѣстно и серьезно отнеслись къ своему дѣлу. Приходъ выражается въ суммѣ 63 р. 70 к., расходъ—30 р. 30 к. Чистый доходъ отправленъ къ попечителю варшавскаго учебнаго округа для снабженія начальныхъ школъ Радинскаго уѣзда сочиненіями Лермонтова.

Въ концѣ іюля былъ второй спектакль, въ составъ котораго вошли: „Лакомый кусочекъ“, ком. Крыловъ и водевилъ съ пѣніемъ „Простушка и воспитаннѣя“.

Нельзя отъ души не пожелать дальнѣйшаго успѣха и развитія благому дѣлу. Наша провинція такъ засасываетъ и усыпляетъ даже молодыхъ и образованныхъ людей, что всякая борьба противъ ея монотоннаго теченія должна быть поставлена въ особую заслугу, а лучшей борьбы какъ занятіе музыкой, литературой и театромъ нельзя и придумать.

Рига. На Яковлевской площади открытъ театръ „Эдентъ“ изъ Праги. Намѣреваясь пробывать въ Ригѣ только три мѣсяца, дирекція театра отстроила, однако, зданіе, мало похожее на временное. Оно имѣетъ снаружи и внутри элегантнѣйшій видъ. Разсчитанный приблизительно на двѣ тысячи зрителей затѣмъ декорированъ коврами, отдѣлка ложъ изящна. Мѣста устроены амфитеатромъ, такъ что съ любого мѣста сцена отлично видна. Что же касается до самой сцены, то она имѣетъ 20 аршинъ глубины, 25 ширины и 14 высоты, другими словами, она пригодна и для обстановочныхъ пьесъ. Освѣщаемо будетъ зданіе газомъ, оно имѣетъ, кромѣ того верхній свѣтъ и снабжено, на случай пожара, массой выходныхъ дверей. Затѣмъ на сценѣ имѣются большіе водяные резервуары для феерій. Репертуаръ театра преимущественно помпезныя пьесы и „специалисты“. Заправляетъ всѣмъ сценическимъ дѣломъ директоръ г. Шенкъ изъ Вѣны.—Концерты Д. А. Агренева-Славянскаго въ Вермонскомъ саду прошли съ большимъ успѣхомъ. Сборъ былъ полный.

Ростовъ на Дону (Отъ нашего корреспондента). Въ теченіе всего лѣтнаго сезона въ сдѣду, доселѣ сохранившемъ за собою названіе „Арлединъ“, въ театрѣ Е. В. Любова, а также и на открытой садовой сценѣ подвизается сформированная этимъ антрепренеромъ довольно большая и умѣло подобранная труппа русскіхъ драматическихъ артистовъ. Первое мѣсто въ труппѣ занимаетъ самъ антрепренеръ г. Любовъ, исполняющій всѣ первыя роли преимущественно героев и любовниковъ; за нимъ слѣдуетъ артистка на первыя драмат. и героическія роли г-жа Токарзвѣ, уже не первый сезонъ пользующаяся прочными симпатіями ростовской публики. Далѣе, изъ женскаго персонала обращаютъ на себя вниманіе г-жи Воронина, Волкова, Варнина и Каряева, а изъ мужскаго: гг. Добровольскій, Виноградскій, Вѣровъ, Сквозниковъ, Бравичъ, Агѣевъ, Жариковъ и кѣкоторые др. Не выдѣляются особенно, всѣ эти артисты много способствуютъ тому вполне приличному ансамблю, съ какимъ обыкновенно проходятъ всѣ спектакли въ театрѣ г. Любова. Благодаря этому, а также своевременному участию гастролеровъ, г. Любовъ все

лѣто дѣлаетъ хотя и не блестяще, но все же весьма удовлетворительные сборы.

Въ субботу, 20 іюля, въ пользу Ростовскаго благотворительнаго Общества поставлена была старая драма „Майорша“, привлекая многочисленную публику.

Въ воскресенье, 21-го іюля, поставленъ былъ „Ревизоръ“ съ участіемъ М. М. Петипа въ роли Хлестакова. Публика была въ восторгѣ. Столь же шумный успѣхъ, какъ и г. Петипа, имѣлъ г. Любовъ, оказавшійся весьма типичнымъ городничимъ и проведшій свою роль безъ малѣйшаго шаржа.

Въ роли Роставскаго весьма хорошъ былъ молодой артистъ г. Жариковъ. Всѣ остальные артисты также отвесились къ своимъ ролямъ съ должнымъ вниманіемъ, и весь спектакль прошелъ гладко, съ хорошимъ ансамблемъ. Обширный театръ г. Любова на этотъ разъ былъ совсѣмъ полонъ, не смотря на то, что въ этотъ же день въ нашемъ театрѣ Асмолова состоялся второй концертъ извѣстной группы балабачниковъ подъ управленіемъ г. Андреева. Р.

— Въ „Гувернерѣ“ г. Петипа имѣлъ большой успѣхъ, также и въ роляхъ Поль-Астье („Борьба за существованіе“) и Прохорова („Мужъ знаменитости“).—Г-жа Петипа выступила всего только два раза въ комедіи „Общество поощренія скуки“ и въ водевилѣ „Школьная пара“ съ большимъ успѣхомъ. Г. Петипа въ роли Кина успѣха не имѣлъ, равно какъ и въ роли Гамлета. Въ драмѣ „Призракъ“ очень хорошъ былъ г. Петипа въ роли барона фонъ Эшенбахъ. Въ драмѣ „Двѣ сиротки“, въ роли Луизы, выступила г-жа Петипа; въ роли Генриеты г-жа Воронина.

Рига. Съ октября устраивается постоянный театръ. Антрепренеромъ является артистъ А. А. Фадѣевъ, Фадѣеву выдается субсидія въ 6.700 рублей ежегодно. Спектакли будутъ даваемы въ первый разъ въ залѣ купеческаго клуба „Улей“. Составъ труппы слѣдующій: г-жи Кони-Стрѣльская (драм. актриса), Равичъ (драм. ingénue), Александрова (ingénue comique), Фадѣева (на роли grandes dames), Сливичъ (амплуа комическихъ старухъ), Петрова, Овѣгина, гг. Эльстонъ (1-й любовникъ), Ленковскій (jeune comique), Зиминъ (характерныя роли), Стрекаловъ и Ратовъ (комикъ), Фадѣевъ (драматическій реверсёръ), Рахмановъ, Владиміровъ, Хворостовъ и др. Въ составъ репертуара войдутъ произведенія: Гоголя, Островскаго, Писемскаго фонъ-Визина, А. Потѣхина, Сухова-Кобылина и лучшія современныя пьесы. Сезонъ предполагается открыть „Ревизоромъ“.

Въ Саратовѣ какъ сообщаетъ „Сарат. Листъ“, играетъ малороссійская труппа (въ театрѣ Очкина), спектакли которой даютъ порядочные сборы. Шла пьеса „Тарасъ Бульба“. Труппа г. Мирова-Бедюха не блещетъ талантами, но все же дѣлаетъ свое дѣло недурно. Въ оперѣ „Запорожецъ за Дунаемъ“, особенно понравились публикѣ, которой собралось довольно много, г. Мирославскій въ роли Ивана запорожца и г-жа Романовская въ роли Одарки.

30-го іюля лѣтній театръ въ городскомъ саду, бывшій Сервье, по словамъ „Саратовск. Дневн.“, опечатанъ со всей обстановкой и декорациями, въ обезпеченіе иска города, предъявленнаго къ арендаторамъ бр. Максимовымъ за неплатежъ аренды. Садъ оставленъ пока въ распоряженіи гг. Максимовыхъ.

Общество любителей изящныхъ искусствъ на будущій сезонъ подняло себѣ болѣе центральное и удобное помѣщеніе, чѣмъ то, въ которомъ оно находилось раньше. Квартиру Общество сняло

на Соборной площади, въ домѣ Феокритова, рядомъ съ государственнымъ банкомъ. Въ новомъ помѣщеніи зрительный залъ значительно шире прежняго, комната подъ студіей также гораздо удобнѣе и въ ней возможно будетъ организовать не только вечернія, но и дневныя занятія. Кроме зрительнаго зала Общество будетъ располагать въ новомъ помѣщеніи вторымъ обширнымъ заломъ, гдѣ съ удобствомъ могутъ происходить засѣданія литературной секціи. Кроме того, въ новомъ помѣщеніи имѣются еще 4 небольшія комнаты, могуція идти подъ бібліотеку, читальню и т. под.

На спектаклѣ, данномъ небольшимъ кружкомъ любителей саратовскаго общедоступнаго театра, весь театръ былъ переполненъ сверху до низу. Поставлена была комедія Островскаго „Поздняя любовь“ и водевилъ А. П. Чехова „Предложеніе“. Не смотря на краткость времени, имѣвшася у любителей для постановки спектакля и для репетицій, комедія Островскаго сошла очень дружно. Г-жѣ Московской удалась роль Лебядкиной. Всѣ сцены ея съ Николаемъ Шабловымъ вышли весьма удачно, чему не мало способствовала умная, строго продуманная игра г. Ястребова. В. В. Васильевъ 1-й удачно справился съ благодарной ролью Дормедонта, А. В. Васильевъ 2-й довольно удовлетворительно справился съ ролью Маргаритова, С. П. Зайцева была очень хороша въ роли Шабловой, роль купца Дороднова была весьма удачно выражена г. Степашкинымъ. Водевилъ А. П. Чехова сошелъ очень живо и весело. Г-жа Зайцева и гг. Лошкаревъ и Степашкинъ весьма дружно вели всѣ сцены. Сборъ былъ полный, причемъ нѣкоторыя лица платили за свой билетъ дороже. Расходы были сведены на минимумъ и ограничились 23 р. 40 к. Весь сборъ равняется 348 р. 20 к., расходъ 23 р. 40 к., чистый доходъ 324 р. 80 к. поступить въ пользу голодающихъ, для покупки муки жителями какой-нибудь бѣдной деревни, согласно желанія, выраженнаго участниками спектакля и многими посѣтителями театра.

Зимній театральный сезонъ открывается въ первый числахъ сентября (въроютно 6-го). Оперная труппа усилена приглашеніемъ тенора г. Ряднова (вмѣсто г. Мадатова), баса г. Градцова и драматич. сопрано г-жи Джубелини. Вмѣсто г-жи Алмазовой приглашена г-жа Дигби.— Будутъ поставлены нѣкоторыя новыя оперы, не шедшія еще въ Саратовѣ. Оперные спектакли предполагается давать 4 раза въ недѣлю и только два раза драматическіе. Драматическая труппа остальные дни недѣли будетъ играть въ театрѣ г. Очкина, снятомъ на предстоящій сезонъ товариществомъ. Этотъ послѣдній театръ, по контракту съ владѣльцемъ его, долженъ быть къ началу сезона отремонтированъ и улучшенъ. Въ контрактѣ, между прочимъ, обусловлены и извѣстные градусы тепла въ театрѣ зимою. Изъ драматической труппы была г-жа Ларина (ingénue dramatique). Вмѣсто нея будетъ приглашена г-жа Велизарій.

Саратовская опера въ полномъ своемъ составѣ (за исключеніемъ вышедшихъ г-жи Алмазовой и г. Мадатова), послѣ 4 недѣльнаго отдыха, вновь начала свои представленія, на этотъ разъ въ Казани, гдѣ труппа будетъ играть весь августъ мѣсяцъ. Къ 3-му сентября, покончивъ всѣ свои лѣтнія экскурсіи, оперная труппа вновь явится въ Саратовъ для зимняго сезона.

Радищевскій музей.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ по Волгѣ).

Если вы посвятили часть своего лѣтняго отдыха путешествію по Волгѣ и если вы любите рус-

ское искусство, зайдите непременно в Саратов и посмотрите Радищевский музей. Ручаюсь, что вы будете приятно удивлены, как был удивлен и пишущий эти строки. Я ожидал найти залу или две в большом казарменной архитектуры домъ и въ этихъ залахъ, пропитанных запахомъ архивной затхлости и пыли, беспорядочно сваленные никому ненужныя древности и десятокъ, другой картинъ изъ Боголюбовской коллекціи. Я зналъ, что въ числѣ этихъ картинъ есть очень интересныя вещи и заранѣе скорбѣлъ за нихъ и за то забвенье, которому онѣ здѣсь преданы. Съ первыхъ же шаговъ я былъ приятно изумленъ. На чистой театральной площади, которой смѣло можно дать мѣсто въ любой столицѣ, два небольшихъ дома; дома новые, каменные красивой и вполне современной архитектуры, съ большими окнами, асфальтовыми тротуарами вокругъ и широкимъ привѣтливымъ входомъ. Одно зданіе—мѣстная биржа, другое—музей. У входа вмѣсто традиціоннаго дремлющаго „ундера“ николаевскихъ временъ, бравый швейцаръ въ приличной дивреѣ, съ широкимъ позументомъ на фуражкѣ. Въ сѣняхъ свѣтло, чисто и просторно. Широкая лѣстница, съ свѣжимъ сукомъ, красиво задрапирована коврами. Сверху смотритъ каминъ съ старинными часами и канделябрами, а противъ нѣхъ большое окно съ стеклами, росписанными извѣстнымъ Вл. Сверчковымъ. Вамъ даже не кажется, что вы попали въ музей, вы точно въ чьемъ-то жиломъ домѣ, изъ котораго только что уѣхали хозяева. Чѣмъ дальше, тѣмъ впечатлѣніе лучше. По обѣ стороны лѣстницы входъ въ залы нижняго этажа. Налѣво—коллекція собранныхъ А. П. Боголюбовымъ вещей и предметы его семейныхъ воспоминаній, направо три залы съ картинами и копіями старыхъ мастеровъ (даръ Эрмитажа), а сверху одна громадная зала, четырехугольной галлерей окружающая пролетъ лѣстницы и наполненная поистинѣ драгоценнѣйшимъ собраніемъ картинъ русскихъ и нѣкоторыхъ иностранныхъ художниковъ.

Всюду прекрасный воздухъ, порядокъ, масса свѣта, нигдѣ ни пылинки и вообще такая чистота, что ей смѣло можетъ позавидовать любой изъ столичныхъ музеевъ. На всемъ видна заботливая рука хозяйина, для котораго музей дорогое, любимое дѣтище*).

Музей, какъ извѣстно, обязанъ своимъ возникновеніемъ нашему извѣстному маринисту А. П. Боголюбову, который задумалъ этой музей и сумѣлъ заинтересовать имъ свой родной городъ. Со стороны города для этого потребовались крупныя затраты (до 100.000 р.) и тѣмъ больше, конечно, заслуга инициатора этого дѣла, который сумѣлъ поддержать въ представителяхъ города должную энергію. По желанію А. П. Боголюбова музей названъ именемъ дѣда его (по матери) Радищева, но мало чѣмъ напоминаетъ эту знаменитую въ свое время личность и долженъ былъ бы скорѣе называться Боголюбовскимъ, такъ все полно здѣсь этимъ художникомъ и такъ все носитъ на себѣ слѣды его заботливой руки. При этомъ не обходится, конечно, и безъ курьезовъ. Такъ въ музейѣ есть вещи, представляющія чисто семейный интересъ и совершенно неумѣстныя въ музей. Кому, наприм., можетъ понадобиться портретъ г-жи Боголюбовой въ маскарадномъ костюмѣ турчанки или въ инстингтутской пелеринкѣ при выходѣ ея изъ учебнаго заведенія? Но эти мелочи пропадаютъ въ массѣ

интересныхъ коллекцій. Вотъ, напримѣръ, цѣлая группа портретовъ И. С. Тургенева, маска снятая съ него послѣ смерти, столь со ступомъ, на которомъ писались когда-то „Записки охотника“. Тутъ же нѣсколько набросковъ и даже каррикатуръ, сдѣланныхъ съ Ивана Сергѣевича разными художниками, и видъ села Спасскаго — Лутовинова, написанный г-мъ Бодаревскимъ. Рядомъ автографы рисунковъ Жуковскаго, маска снятая съ умершаго Шевченко и т. п.

Не буду останавливаться на массѣ китайскихъ и вообще восточныхъ вещей, на коллекціи минераловъ и старинной мебели и перехожу къ самой интересной части музея—къ его собранію картинъ. А. П. Боголюбовъ передалъ въ музей болѣе сотни своихъ этюдовъ и эскизовъ и между ними вы находите массу такихъ, которые не уступятъ многимъ изъ его извѣстнѣйшихъ картинъ. Пересматривая эти этюды и наброски, вы видите воочию всю любовь художника къ своему дѣлу и ту массу труда, которую онъ долженъ былъ затратить для того, чтобы достигнуть своего совершенства. Сюжеты этихъ этюдовъ и эскизовъ по большей части, конечно, море, то покойное, то бурное, то вздымающее сивія волны, то покрытое бликами отраженной зарю; но тутъ же масса и сухопутныхъ замѣтокъ, сдѣланныхъ то въ Россіи, то у береговъ Трелора и т. п. Примѣру А. П. Боголюбова послѣдовалъ и другой саратовскій уроженецъ—художникъ Бронниковъ, пожертвовавшій ему свои этюды и эскизы. Работами этого художника покрыта также почти цѣлая стѣна и между ними масса такихъ прекрасныхъ головокъ и фигуръ, что они далеко оставляютъ за собою, все, что присылаетъ художникъ на выставки послѣднихъ лѣтъ.

Работы этихъ двухъ художниковъ представляютъ особенный интересъ, тѣмъ, что они вводятъ насъ въ интимный кругъ той работы, которая предшествовала созданію ихъ картинъ и рисуютъ самое отношеніе художника къ природѣ и избѣ янымъ имъ темамъ. Всѣ эти работы, помимо своего художественнаго значенія, крайне интересны для характеристики самихъ художниковъ, и нельзя не пожалеть музею успѣха именно въ этомъ своеобразномъ направленіи. Обыкновенно отъ нашихъ художниковъ у насъ не остается ничего, кромѣ картинъ, купленныхъ Эрмитажемъ, академіей и крупными коллекционерами и вся масса ихъ этюдовъ, рисунковъ и набросковъ безслѣдно исчезаетъ въ частныхъ рукахъ. Если музей откроетъ двери для такихъ работъ, не только уроженцевъ Саратова, но и вообще русскихъ художниковъ, его можно будетъ поздравить съ собраніемъ, которому скоро будутъ завидовать всѣ столичные галлерей.

За работами г. Боголюбова и Бронникова слѣдуетъ цѣлая масса художниковъ, какъ русскихъ такъ и иностранцевъ. Собирая картины и этюды своихъ товарищей и друзей, А. П. Боголюбовъ, конечно, умѣлъ и зналъ, что выбрать и, передавъ свою коллекцію въ музей, далъ ему положительнаго *chef d'oeuvre* нѣкоторыхъ художниковъ. Такъ здѣсь мы находимъ характерную для художника картинку г. Прянишникова (парижскаго) „Аттака“ и три превосходныхъ этюда лошадей г. Ковалевскаго. Говорятъ, что знаменитый Мейссонъ, увидавъ одинъ изъ этихъ этюдовъ (нормандская бѣлая лошадь), воскликнулъ: „я никогда не видалъ лучше написанной лошади“. Здѣсь же работа мало извѣстнаго въ Россіи г. Пахитонова и хорошенькій „Зуавъ“ г. Грузинскаго. Съ большимъ удовольствіемъ въ останавливаетесь также передъ акварелью безвременной погибшаго Васильева (Ялтинскій видъ) и его этюдами „Прибой волнъ“ и „Чатыръ-Дагъ“ и т. д. Вы пробудете 2—3 часа въ музейѣ и едва успеете внимательно осмотрѣть его

* Даже старинныя драгоценныя часы изъ Боголюбовской коллекціи заведены и вѣрно показываютъ время, оглашая залы музея своимъ звучнымъ боемъ.

галерею. Изъ больших картинъ въ музей: историческая рѣдкость, даръ художественной артели (будущих передвижниковъ) „Распятие“, „Воскрешеніе дочери Іаира“ В. Д. Полънова, „Убіеніе царевича Дмитрія“ Плѣшанова, „Телеграмма о взятіи Карса“ г. Васнецова, „Лжедмитрій влчущійся Сигизмунду ввести католицизмъ въ Россіи“ г. Неврева, большой картонъ мало извѣстной ученицы г. Зичи, Мари Этлингеръ: „Ангель Смерти“ и нѣсколько другихъ. Большая часть наиболѣе извѣстныхъ художниковъ представлена болѣе или менѣе характерными картинами и тутъ же въ перемежку съ ними прекрасный „Вечеръ“ Дюккера, Добиньи, Осв. Ахенбахъ, Коро съ этюдомъ картинки, находящейся въ собраніи С. М. Третьякова, картинки Кнауса, Зима, эскизъ Ватто и т. п.

Скульптуры въ музей мало, но за то есть превосходная восковая модель (въ 2 челов. роста вышиною) памятника императору Николаю Павловичу знаменитаго барона Клодта.

Вы уходите изъ музея вполне удовлетвореннымъ. Вы видѣли хорошую старательно собранную галерею и видѣли ее въ такихъ рукахъ, что не остается желать ничего лучшаго. Въ ней только недостаетъ кое-кого изъ нашихъ солидныхъ художниковъ и кромѣ г. Нестерова нѣтъ никого изъ художественной молодежи, завоевывающей себѣ извѣстность за послѣдніе года. На стѣнахъ музея хотѣлось бы также видѣть болѣе интересные вещи нашихъ могиканъ г.г. Шишкина и Савицкаго и др. Недостаетъ музею также г. Киселева, Мясоедова, Кившенко, Левитана, Степанова, Остроухова, Сярова, Сергѣева и др. Зовемъ ихъ въ Радищевскій музей *). Они будутъ тамъ въ хорошемъ обществѣ и не будутъ забыты публикой, потому что музей хорошо посѣщается. По свѣдѣніямъ официального отчета, (которыя, кстати сказать, вывѣшены тутъ же при входѣ въ музей) среднее число посѣтителей за годъ достигаетъ громадной цифры пятидесяти съ лишкомъ тысячъ за годъ **). Правда, болѣе 90% этого числа падаетъ на долю бесплатныхъ праздничныхъ посѣтителей, но это-то самое, быть можетъ, и представляется наиболѣе утѣшительнымъ явленіемъ въ жизни музея.

Обходя музей, невольно вспоминалось мнѣ несчастное Московское Общество Любителей Художествъ съ своимъ мертвымъ домомъ, дремлющими николаевскими ундерами и пустыми залами. Если въ глухомъ Саратовѣ можно было устроить галерею, привлекающую по 50 и болѣе тысячъ посѣтителей, то въ Москвѣ это во сто кратъ возможно, тѣмъ болѣе, что въ Саратовѣ составъ галереи постоянный, а здѣсь можетъ мѣняться по нѣскольку разъ въ годъ. Не мѣшало бы членамъ Общества задуматься надъ этимъ вопросомъ.

Въ Рыбинскѣ, во время ярмарки, съ грѣхомъ пополамъ тянется вотъ уже нѣсколько лѣтъ антреприза г-жи Лебедевой, въ общемъ замѣчается печальный упадокъ, а за этотъ сезонъ даже дефицитъ въ 500 руб.

Севастополь. Г-жа Голева выступила 18-го іюля въ драмѣ „Медя“, а затѣмъ въ „Адриенъ Лекуверрѣ“, „Маріи Стюартъ“, королевъ въ „Сумашествіи отъ любви“ и Маргаритѣ Готье.

*) Музею слѣдовало бы отъ времени до времени напоминать самому о себѣ русскому обществу, печатая въ столичныхъ газетахъ свои отчеты и разсылая приглашенія художественнымъ обществамъ и т. п.

**) 51.614 чел. за 1891 г. и 27.511 за первую половину текущаго года.

Симферополь. Первый спектакль съ участіемъ г-жи Горевой, состоявшійся 24 іюля, привлекъ въ залу симферопольскаго клуба очень мало публики,—сборъ не превышалъ 140 руб. Шла драма „Сумашествіе отъ любви“. Второй и послѣдній спектакль съ участіемъ г-жи Горевой привлекъ въ залу симферопольскаго клуба очень ограниченное количество публики. Шла „Марія Стюартъ“.—Симферопольскій дворянскій театръ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, снятъ на предстоящій сезонъ двумя лицами: бывшимъ студентомъ харьковскаго университета г. Валикомъ и алуштинскимъ помѣщикомъ г. Малыгинымъ. Новые театральные антрепренеры предполагаютъ сформировать опереточно-драматическую труппу, составъ которой еще не намѣченъ. Въ симферопольскомъ театрѣ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, ставились оперетки: „Прекрасная Елена“, „Хаджи-Муратъ“, „Цыганскія пѣсни въ лицахъ“, „Нищій студентъ“ и „Боккаччо“. Успѣхъ этихъ оперетокъ далеко былъ не одинаковъ, такъ напримѣръ, „Прекрасная Елена“ и „Цыганскія пѣсни“ исполнены очень слабо, болѣе удовлетворительнымъ исполненіемъ отличалась оперетка „Боккаччо“, но лучше всѣхъ сравнительно сошли „Хаджи-Муратъ“ и „Нищій студентъ“. На долю г-жи Фриде, въ роли Брониславы досталась восторженная овація. Г. Лукинъ, исполнявшій роль Яна, повидимому еще начинающій артистъ, не вполне освоившійся со сценой, но въ его пользу располагаетъ крайне добросовѣстное отношеніе къ своимъ обязанностямъ; къ тому же голосъ г. Лукина, несомнѣнно лучшей во всей труппѣ; у него пріятный, мягкій и въ то же время звучный баритонъ съ обширнымъ регистромъ. Хорошъ былъ и г-нъ Ліановъ, въ роли Симона, но только мѣстами. Много оживилъ пьесу своимъ участіемъ г. Новиковъ, выступившій въ роли Оллендорфа. Г. Молдавцевъ, даровитый комикъ. Оркестръ замѣтно исправился, благодаря новому дирижеру г. Шмидту. Опереточная труппа переѣзжаетъ въ Яту. Передъ отъѣздомъ составъ труппы пополненъ примдонной, молодой пѣвицей г-жей Марченко Шильганъ. Артистка дебютировала въ опереттѣ „Вице-Адмиралъ“ и имѣла успѣхъ. Г-жа Марченко, обладая симпатичнымъ и хорошо обработаннымъ soprano, въ то же время хорошая актриса.—15-го августа малороссійская труппа М. Л. Кропивницкаго начала въ симферопольскомъ лѣтнемъ театрѣ свои представленія; для перваго спектакля была поставлена малорос. опера „Запорожець за Дунаемъ“.

Таганрогъ. На предстоящій зимній сезонъ городской театръ сдавъ артисткѣ М. В. Гагаринной. По заключенному съ городскою управою договору г-жа Гагарина обязана начать представленія не позже 1 октября наст. года и давать въ недѣлю не менѣе трехъ спектаклей, состоящихъ изъ драмъ, комедій и водевилей, при струнномъ оркестрѣ въ 16 чел. съ дирижеромъ.

Ташкентъ. Лѣтній театръ городского сада снятъ товариществомъ мѣстныхъ драматическихъ артистовъ любителей, распорядителемъ и режиссеромъ котораго состоитъ г. Алексѣевъ-Мескиевъ. Въ товарищество входятъ: г-жи Гаднитова (ingeni); Леханова (драматическія роли); Дьяконова (ком. стар.); Макарова, Волгина, Невлобина и Старкова (вторыя роли); г. Алексѣевъ-Мескиевъ (драматическій герой); Макаровъ (первый комикъ); Неводинъ - Календаревъ (второй любовникъ въ драмахъ и протакъ-любовникъ въ комедіяхъ и водевиляхъ); г. Дольскій (резонеръ); г. Миловидовъ (любовникъ); г. Раскольниковъ и Горинъ

(комики-резонеры); Гринеръ (вторья); Косяковский (выходные).

Тверь. Въ теченіе наступающаго сезона будетъ постоянная драматическая труппа. Антрепризу труппы беретъ на себя И. Н. Лодыженскій, авторъ драмъ „Подъ властью сердца“, „Ларскій“ и др.

Тифлисъ. (Отъ нашего корреспондента.) Группа армянскихъ театраловъ, въ память покойнаго артиста Адамьяна, въ Константинополь составило „театральное Общество имени Адамьяна“. Цѣлью этого общества способствовать процвѣтанію театрального дѣла среди армянъ.

А. Г. Рубинштейнъ проводитъ лѣто въ окрестностяхъ города, на Коджорской дачѣ Ис. Ег. Питова. А. Г. трудится надъ своей „Всемирной исторіей музыки“. Изъ Тифлиса Рубинштейнъ отправляется въ Берлинъ, гдѣ будетъ дирижировать первымъ представленіемъ своей оперы „Маккавей“, а оттуда въ Парижъ, гдѣ проведетъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Сформированіе драматической труппы для нашего казеннаго театра, порученное „Артистическимъ Обществомъ“ г. Форкатти, уже почти закончено, хотя составъ ея еще не сообщенъ. Говорятъ, что въ персоналіи есть имена, пользующіяся нѣкоторой извѣстностью въ театральномъ мірѣ, какъ напр. А. А. Нильскій и др.

Судьба другаго нашего театра (банковскаго), еще не опредѣлилась, хотя въ числѣ претендентовъ на него называютъ Ф. И. Надлера, М. Л. Кропивницкаго и Е. Н. Гореву. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что театръ этотъ пустовать не будетъ.

Будутъ, наконецъ, въ Тифлисъ и правильно организованная туземная труппа: армянская и грузинская, составлявшаяся доселѣ изъ любителей и едва влачившая свое существованіе. Для приглашенія первой командированъ въ Константинополь г. Петросьянъ, назначенный и режиссеромъ труппы.

Лѣтній сезонъ въ „Пушкинскомъ театрѣ“ закончился вполне удачно, благодаря главнымъ образомъ г-жѣ Лассаль и г. Эспе и Фатѣву, имѣвшимъ большой и вполне заслуженный у нашей публики успѣхъ. Репертуаръ велся разнообразный, новый и интересный и антреприза театра, въ лицѣ г. Самарина-Выховецъ, завоевала здѣсь столь прочныя симпатіи.

В. П.

Томскъ. Четвертый оперный спектакль, данный И. В. Матчинскимъ и его товарищами 2 июля, привлекъ, по словамъ „Сибирск. Вѣст.“, большую по численности публику, чѣмъ можно было ожидать по лѣтнему, несезонному времени, и доказалъ, что интересъ томичей къ оперѣ скорѣе возрастаетъ, чѣмъ ослабѣваетъ, и это при неблагоприятныхъ, сравнительно, условіяхъ, такъ какъ безъ оркестра, съ однимъ ролевымъ, опера все-таки теряетъ значительную часть своей прелесть, не говоря уже о томъ, что отсутствіе хоровъ и полнаго комплекта солистовъ не позволяетъ ставить цѣльныхъ оперъ, а заставляетъ ограничиться лишь нѣкоторыми актами и сценами. Явленіе во всякомъ случаѣ отрадное и его нельзя пройти молчаніемъ въ нашей музыкальной лѣтописи. Шли 2-я и 4-я картины перваго акта, сцены изъ 3-й и 4-й картины втораго акта и весь третій актъ оперы А. Г. Рубинштейна „Демонъ“. Сравнительно съ предшествовавшимъ спектаклемъ, спектакль 2 июля произвелъ на публику болѣе благоприятное впечатлѣніе и вызвалъ дружныя аплодисменты. И. В. Матчинскій прекрасно провѣлъ свою роль и въ музыкальномъ и въ драма-

тическомъ отношеніи. Обладающій богатымъ по силѣ и густотѣ теноромъ г. Соколовъ въ роли князя Синодала былъ хорошъ и игралъ лучше чѣмъ въ другихъ роляхъ, исполненныхъ имъ въ трехъ первыхъ спектакляхъ, а потому и впечатлѣніе, произведенное имъ на публику въ „Демонѣ“, было сильнѣе. Контральто г-жи Давыдовой звучало прекрасно въ небольшой партіи Добраго генія. Г-жа Рубинская (Тамара) въ первыхъ сценахъ была недурна и хорошо исполнила арію „Ночь тиха“, но въ дуэтѣ съ Демономъ была слаба. Гастролировавшіе пѣвцы и пѣвицы гг. Матчинскій, Соколовъ, Рубинская и Давыдова уѣхали обратно въ Россію. Завѣзшіе гости едва ли остались довольными нашей публикой, такъ какъ сборы ихъ въ большинствѣ случаевъ не превышали средняго, а были и такіе спектакли, которые по сбору были и ниже. Нельзя, правда, винить и публику, потому что оперы, поставленныя безъ оркестра, безъ хоровъ и вообще безъ должной обстановки, не могли и привлекать массы, а посѣщались только любителями и знатоками, но послѣднихъ, къ сожалѣнію, у насъ не особенно много. На будущую зиму г. Ярославцевъ-Сибирякъ съялъ театръ въ Енисейскѣ, гдѣ пойдетъ у него драма и оперетка.

Харьковъ. Выходъ г-жи Заньковецкой состоялся въ драмѣ Карпенко-Караго „Наймычка“, — роль Харитыны въ этой пьесѣ, по всей справедливости, должна считаться коронной въ обширномъ репертуарѣ мажорусской артистки. По пріѣздѣ въ труппу г. Садовскаго М. К. Заньковецкой сборы въ театрѣ сада „Тиволи“ поднялись значительно: по праздникамъ и даже въ обыкновенные спектакли сборы превышаютъ тысячу рублей.

Въ настоящее время составъ оперной труппы, сформированной для Харькова А. Ф. Картавовымъ опредѣлился вполне. Г-жи Соловьева-Мадудевичъ и Соколова — драматич. сопрано, г-жи Тамарова и Лисенко — лирич. колоратура. сопрано, г-жи Смирнова, Давидова и Карри — меццо-сопрано и контральто, г-жи Мирская и Захаренко — вторья партія; гг. Медвѣдевъ (съ 15-го сентября по 15-е октября) и съ 15-го ноября по 15-е декабря), Зажжевскій, Ошустовичъ и Граціани — тенора, гг. Виноградовъ, Соколовъ и Загоскинъ — баритоны, гг. Молчановскій, Левицкій и Фюреръ — басы, гг. Сукъ и Дудышкинъ — капельмейстеры, г. Оскверъ — хормейстеръ, г. Гельротъ — режиссеръ. Балетъ изъ 4-хъ паръ подъ управленіемъ балетмейстера г. Менабеки. Хоръ изъ 50 чело-вѣкъ. Оркестръ состоитъ изъ 37 музыкантовъ, въ числѣ исполнителей находится большая часть преподавателей мѣстнаго музыкальнаго училища. Репертуаръ оперы слѣдующій: „Жизнь за Царя“, „Русалка“, „Рогвѣда“, „Евгеній Онѣгинъ“, „Демонъ“, „Мазепа“, „Маккавей“, „Шиковая дама“ (впервые пойдетъ здѣсь подъ управленіемъ самаго композитора П. И. Чайковскаго, до сихъ поръ не бывавшаго еще въ Харьковѣ), „Отелло“, „Тангейзеръ“, „Гугеноты“, „Жидовка“, „Вильгельмъ Телль“, „Сельская честь“ (новая допера Масканьи), „Джюкконда“, „Фаустъ“, „Трубаауръ“, „Риголетто“, „Галька“ — итого пойдетъ двадцать оперъ. Открытіе новаго театра и вмѣстѣ съ тѣмъ опернаго сезона состоится 15-го сентября.

9-го августа, въ закрытомъ театрѣ Коммерческаго клуба возобновились спектакли товарищества комической оперы, режиссируемой Н. К. Сяньниковымъ. Публики собралось довольно много. Въ этотъ вечеръ поставлена была комическая опера „Пѣвецъ изъ Палермо“. Г-жѣ Ивановой и г. Сяньникову публика сдѣлала овацію. Г. Зайцевъ былъ очень недуренъ въ роли Сиональдо; г. Дмитріевъ типично передалъ роль еврей-ювелира; хо-

рошо сыгралъ роль регента и г. Михайловъ. Въ „Цыганскомъ баронѣ“ очень мила была въ роли Ципры г-жа Розанова. Роль Арсены вполне успешно исполнила г-жа Ротенбергъ. Дебютъ г-жи Муратовой состоялся въ театрѣ Коммерческаго клуба, въ заглавной партіи оперетки Зуппе „Боккаччо“. Дебютантка произвела наилучшее впечатлѣніе.

— 15 августа открывается мѣстный драматическій театръ. Зимній сезонъ начинается, такимъ образомъ, за три недѣли слишкомъ до принятаго за послѣдніе четыре — пять лѣтъ срока. Харьковское драматическое товарищество, оставившее за собою театръ на текущій сезонъ, — поставлено въ необходимость начать свои представленія много раньше, чѣмъ оно того желало. Предстоящее открытіе новаго театра и заманчивые спектакли оперной труппы г. Картавова побуждаютъ товарищество зайти нѣсколько впередъ, чтобы заблаговременно, такъ сказать, засвидѣтельствовать передъ публикой свою полную *художественную состоятельность*. Товарищество не безъ основанія, конечно, видитъ въ оперѣ своего конкуррента, но, по мнѣнію „Южного края“, несомнѣнно преувеличиваетъ значеніе новаго харьковского театральнаго предпріятія. Не обращаясь даже къ прошлому, когда въ Харьковѣ въ теченіе зимы работало два и три театра (драматическій, оперный и народный), о предстоящемъ сезонѣ можно навѣрное сказать, говорить та же газета, что интересъ нашей публики къ драматическимъ спектаклямъ товарищества не ослабѣетъ. За послѣднія нѣсколько лѣтъ драматическій театръ создалъ постоянный многочисленный контингентъ публики, который, конечно, остался вѣрнымъ своимъ симпатіямъ и привычкамъ, а тѣмъ болѣе, если труппа товарищества будетъ стоять на высотѣ тѣхъ художественныхъ требованій, которыя поддерживало въ нашей публикѣ оно же само, своей предшествующей дѣятельностью. Это, собственно говоря, и есть лучшій шитъ товарищества и подъ прикрытіемъ его никакая конкуренція не можетъ быть опасной. Что *случайные* сборы драматическаго театра не будутъ такими, какъ прежде, — это можно сказать навѣрное, но въ общемъ товарищество должно выработать въ сезонъ сумму почти равную той, которая нужна для покрытія расходовъ по веденію дѣла; потеряетъ же оно по поступленію возвратныхъ доходовъ, — за аренду театра постомъ и весной, — ибо, при наличности двухъ театровъ, монопольное преимущество его уничтожится, а стало быть придется значительно понизить плату за спектакли, если, конечно, найдутся желающіе пользоваться драматическимъ театромъ, имѣя блестящій оперный. Расходъ товарищества въ этомъ сезонѣ долженъ быть ниже предшествующихъ лѣтъ, хотя арендная плата и повышена г-жею Дюковой съ 13,000 руб. до 14,500 руб. Вполнѣ цѣлесообразныя нововведенія, сдѣланныя товариществомъ, — каковы, напримѣръ, улучшеніе дешевыхъ мѣстъ и общее пониженіе цѣнъ на мѣста, должны привлечь еще большій контингентъ частныхъ посѣтителей. Въ составъ труппы товарищества входятъ: г-жи Александрова-Дубровина, Соловьева, Свободина-Барышева, Вронская и Петина, г.г. Петина, Соловьевъ 1-й и Шенинъ, г-жи Шенина, Некрасова, Лебедева и Тарская и г.г. Ильковъ, Трубецкой, Тинскій, Гаринъ, Ляминъ, Полевой, Константиновъ, Чинаровъ, Чернышевъ и Соловьевъ. Временно приглашенъ г. Рощинъ-Исаровъ; участіе его ограничится десятью — не болѣе спектаклями.

Открытіе зимняго сезона въ драматическомъ театрѣ, состоявшееся 15-го августа, не сопровождалось большимъ сборомъ, вѣроятно, вслѣдствіе довольно еще теплой погоды, но носило на себѣ сдѣвъ сердечнаго приѣма со стороны публики по

отношенію ко всѣмъ членамъ харьковского товарищества драматическихъ артистовъ. Драма Островскаго разыграна была не безъ ансамбля: г-жа Свободина-Барышева въ роли Катерины имѣла успѣхъ, очень понравился г. Шенинъ въ роли Тихона Кабанова, хорошъ былъ въ роли Бориса г. Тинскій, были очень типичны г-жа и г. Соловьевы — первая въ роли Кабанихи, а второй — въ роли Дикого. Роль Кудряша была поручена г. Гарину, а роль Вари г-жѣ Тарской, впервые появляющейся на харьковской сценѣ. Оба эти исполнители имѣли успѣхъ. Очень недурны были въ роляхъ Кудигина и странницы г. Чернышевъ и г-жа Лебедева. Въ старинномъ водевилѣ „Ревнивый мужъ и храбрый любовникъ“, данномъ въ заключеніе спектакля, выступили: г. Чинаровъ, г-жа Тарская и г. Чернышевъ.

Въ Царицынѣ (на Волгѣ) въ началѣ сезона образовалось товарищество съ г. Добротини и Долинскимъ во главѣ, но черезъ мѣсяцъ, вслѣдствіе недоборовъ и долговъ, дѣло распалось и перешло въ руки антрепренерши г-жи Киселевой, которая предложила артистамъ товарищества служить у нея на половинномъ жалованьи. Почти всѣ на это согласились, но дѣло мало поправилось, хотя несогласія были устранены.

Артистическая поѣздка М. Г. Савиной.

Въ нынѣшнемъ году состоялась пятая поѣздка г-жи Савиной. На этотъ разъ для гастролей былъ намѣченъ западный край: Вильно, Варшава, Люблинъ, Радомъ, Лодзь, Ковно, Гродно и Минскъ — въ этихъ городахъ предполагалось дать въ теченіе двухъ мѣсяцевъ до 40—45 спектаклей.

Въ составъ товарищества вошли: г-жи Измайлова, Велизарій, Соколовская, Минская, Волицева, Бижаева и Васильева; г.г. Дальскій, Стрѣльскій, Максимовъ, Ильковъ, Мартыновъ, Рюминъ, Стрелетовъ, Тихоновъ, Кручанинъ и суфлеръ Новицкій.

Начали въ Вильно съ 24-го апрѣля, т.-е. съ четвертаго дня Пасхи и сыграли пять спектаклей. Публика горячо отнеслась къ гастролямъ талантливой артистки и билеты расхватывались съ бою. Вторымъ городомъ была Варшава. Въ лѣтнемъ Императорскомъ театрѣ Саксонскаго сада, не смотря на то, что тамъ постомъ играла коршевская труппа, товарищество г-жи Савиной имѣло тысячные сборы. Дирекція разрѣшила дать только пять спектаклей и хотя, потомъ, послѣ поѣздки въ Люблинъ, товарищество дало здѣсь еще два спектакля, но ажитация публики уже прошла и сборы были сравнительно хуже. Серьезная варшавская публика отнеслась съ полнымъ вниманіемъ къ русскимъ спектаклямъ и никакихъ демонстрацій вродѣ тѣхъ, что происходили во время спектаклей труппы г. Корша, не было.

Въ Люблинѣ дали два спектакля. Въ остальные намѣченные города, за исключеніемъ Минска, по наведеннымъ справкамъ, ѣхать не было никакого расчета, такъ какъ мѣстные театры по своей вмѣстимости давали слишкомъ ничтожную цифру сбора сравнительно съ вечеровыми и дорожными расходами товарищества. Маршрутъ измѣнили и направились черезъ Минскъ и Орель въ Астрахань. Въ Минскѣ дали 6 спектаклей, въ Орлѣ — два.

Въ Астрахани сначала играли въ зимнемъ театрѣ г. Плотникова, но вслѣдствіи страшной жары (45°), публика неохотно посѣщала спектакли. Послѣдніе два спектакля рѣшили сыграть

въ лѣтнемъ театрѣ съ платою антрепренеру играющей тамъ труппы г. Перовскому по 300 руб. отъ спектакля. Было взято за эти два дня 2400 р.

Затѣмъ, поднимаясь по Волгѣ, посѣтили Царицынъ, Саратовъ, Самару и Казань. Въ Царицынѣ (три спектакля) т-во получило около 600 руб. на кругъ, въ Саратовѣ за два спектакля—1003 руб., въ Самарѣ (два спектакля)—856 рублей и наконецъ въ Казани за пять спектаклей товарищество заработало 2805 рублей. Всего было дано около 40 спектаклей. Съ участіемъ г-жи Савиной были поставлены слѣдующія пьесы: „Ольга Ранцева“, „Татьяна Рѣпина“, „Симфонія“, „Чародѣйка“, „Собака садовника“, „Дама съ камедями“, „Дикарка“, „Маіорша“ и „Женя“. Всѣ артисты получали извѣстныя доли; всѣхъ долей было 97, цѣнностью въ 25 р. каждая; самый крупный окладъ (16 долей) получалъ артистъ Императорскихъ театровъ г. Дальскій.

На каждую долю за два съ половиною мѣсяца

поѣздки (съ 24 апрѣля до 9 іюля) пришлось по 53 рубля, т.-е. немного менѣе нормы. Кромѣ того, каждый членъ товарищества получалъ по рублю суточныхъ и дорогу на общественный счетъ. Г-жа Измайлова и суфлеръ Новицкій были на жалованіи.

Г-жа Савина получала разовыя по 300 руб. и менѣе отъ каждого спектакля, смотря по сборамъ.

Заработокъ артистовъ по сравненію съ прежними поѣздками г-жи Савиной (на югъ и по Волгѣ) былъ хуже, главнымъ образомъ, вслѣдствіе громадныхъ затратъ на переѣзды (изъ Варшавы въ Минскъ, изъ Минска въ Орелъ и Астрахань), отчасти также и потому, что благодаря такимъ переѣздамъ теряли не мало дней, въ которые можно было бы играть и получать хорошіе сборы.

Наконецъ, поѣздка по Западному краю слишкомъ затянулась, такъ что въ волжскихъ городахъ пришлось быть въ самую жаркую пору, когда большинство публики разъѣзжается на дачи.

Изъ Händschel's Skizzenbuch.

Заграничная Хроника.

Намъ не разъ уже приходилось отмѣчать необычайное увлеченіе драматическимъ искусствомъ, все больше и больше охватывающее представителей французской литературы во всѣхъ ея областяхъ. Романисты давно передѣлываютъ свои произведенія въ драмы, Золя дѣлаетъ это систематически, романы Гонкура также довольно часто превращаются въ драмы: нельзя сказать, чтобы путь обоихъ писателей въ этомъ направленіи былъ усѣянъ лаврами, ихъ драматизированные повѣсти и романы имѣютъ почти исключительно лишь succès d'estime. Говорили мы также и о томъ, что французскіе критики начинаютъ писать для сцены, и извѣстный сотрудникъ газеты *Journal des Débats*—Жюль Лемэтръ, пишущій о театрѣ, прошлую весну поставилъ собственную пьесу на одной изъ парижскихъ сценъ. Теперь мы должны отмѣтить новое увлеченіе драмой, едва ли не самое интересное. Гюи Мопассанъ, одинъ изъ самыхъ популярныхъ рассказчиковъ, передѣлалъ въ сотрудничествѣ съ другимъ, менѣе извѣстнымъ писателемъ, Жакомъ Норманомъ, одинъ изъ своихъ старыхъ рассказовъ *L'enfant* въ трехъ-актную драму подъ названіемъ *Musotte*. Драма имѣла гораздо большій успѣхъ, чѣмъ обыкновенно выпадаетъ на долю подобныхъ передѣлокъ.

Содержаніе пьесы весьма просто, но драматизировано оно въ рядѣ въ высшей степени трогательныхъ сценъ.

Дѣло идетъ о молодомъ, талантливомъ, во всѣхъ отношеніяхъ достойномъ художникѣ—Жакѣ Мартинелѣ и натурщицѣ, носящей въ кругу художниковъ прозвище *Musotte*. Исторія, происшедшая между молодыми людьми, весьма обыкновенна и какъ нельзя болѣе въ нравахъ французскаго общества. Здѣсь вошла въ обычай любовь молодыхъ людей изъ зажиточныхъ семей къ бѣднымъ дѣвушкамъ изъ низшихъ сословій, любовь, длящаяся только до того времени, пока молодой человѣкъ не окончитъ своего образованія, не вступитъ на путь карьеры и не найдетъ богатой невѣсты. Тогда прѣжнее увлеченіе забывается безъ всякихъ угрызений совѣсти, хотя бѣдная дѣвушка отдала этому увлеченію лучшіе годы и лучшее чувство.

Мюзотта такая именно жертва буржуазнаго комфорта. Жакъ Мартинель, во всѣхъ отношеніяхъ честный и благородный, совершенно спокойно бросаетъ подругу своей первой молодости

и отдаетъ руку и сердце дѣвушкѣ изъ своей среды, сестрѣ своего пріятеля, Жильбертѣ. Отецъ невѣсты, старый членъ суда, не менѣе хладнокровно, чѣмъ и самъ женихъ, смотритъ на этотъ разрывъ. Именно потому, что этотъ, разрывъ устроенъ женихомъ его дочери, повидимому, совершенно искренно, отецъ рѣшается выдать за молодого человѣка свою дочь.

Въ первомъ актѣ происходитъ свадебное торжество. Вечеръ на исходѣ, наступаетъ минута остаться новобрачнымъ наединѣ, вдругъ получается письмо отъ Мюзотты къ Мартинелю, гдѣ она извѣщаетъ своего бывшего друга, что стала матерью, находится наканунѣ смерти и умоляетъ Жака принять на себя заботу о ребенкѣ. Письмо сначала попадаетъ въ руки дяди Мартинеля, тотъ пораженъ и обращается за совѣтомъ къ брату новобрачной; послѣ продолжительныхъ сомнѣній они рѣшаются, наконецъ, показать письмо Жаку. У того мгновенно просыпается уснувшее было чувство юнаго увлеченія, и онъ бросается къ умирающей, прося дядю объяснить какъ ему угодно его отсутствіе молодой супругѣ и ея отцу.

Во второмъ актѣ происходитъ наиболѣе трогательная сцена во всей драмѣ. Предъ зрителями умирающая Мюзотта, она стораветъ отъ нетерпѣнія увидѣть Жака. Наконецъ онъ является, въ груди умирающей загорается послѣдняя искра жизни и силъ, она бросается на грудь милаго, забываетъ о грозящей ей близкой смерти, начинаетъ мечтать о радостномъ будущемъ, о воспитаніи ребенка. Но мечты разсѣваются, сознанье настоящаго положенія охватываетъ страшной тоской несчастную,—и она начинаетъ умолять Жака не оставлять ихъ сына, беретъ съ него клятву исполнить ея предсмертную просьбу, и—умираетъ.

Вся сцена исполнена необыкновеннаго изящества и эстетична отъ начала до конца. Ни одинаго эффекта, ни слѣда авторскихъ усилій искусственно подѣйствовать на нервы зрителей.

Жакъ, возвратившись въ домъ своей жены, проситъ дядю рассказать ей и тестю всю правду, объявить имъ, что у него есть сынъ и что онъ скорѣе готовъ развестись съ своей молодой супругой, чѣмъ отказать отъ своего ребенка и нарушить просьбу Мюзотты. Происходитъ совѣщаніе семьи Жильберты, потомъ слѣдуетъ объясненіе мужа и жены,—и въ результатѣ Жильберта убѣждается, что ея мужъ находится подѣ

вліаніємъ исключительно чувства состраданія къ своему ребенку и вѣрности честному слову, данному умирающей; любви къ Мюзоттѣ, — той любви, которая могла бы стать на пути новому семейному счастью, у Жака нѣтъ. Жильберта соглашается на усыновленіе ребенка...

Пьеса, какъ мы уже замѣтили, произвела крайне благопріятное впечатлѣніе на парижскую публику. Къ популярности Мопассана, какъ рассказчика, новая драма, повидимому, прибавитъ еще славу драматурга и, можетъ быть, побудитъ писателя продолжать такъ удачно начатый путь, тѣмъ болѣе, что сотрудничество другаго писателя въ новой драмѣ весьма не существенно.

Второй интересной новостью мы должны назвать пьесу, написанную въ жанрѣ, стяжавшемъ популярность въ послѣднее время. Жанръ весьма оригинальный, можетъ быть, даже странный, и трудно объяснить, чѣмъ обусловливается его популярность, — можетъ быть его крайней противоположностью обычному современному направлению литературы и сцены. Намъ уже не разъ приходилось упоминать о появленіи на французской сценѣ полу-драматическихъ полу-эпическихъ произведеній, напоминающихъ средневѣковыя мистеріи. Появленіе это сопровождается иногда въ полномъ смыслѣ странной обстановкой, пьеса исполняется въ современныхъ костюмахъ, это совершается на лучшихъ сценахъ Парижа. До такой степени иногда становится эстетически-неразборчивымъ пресыщенный вкусъ.

Нѣчто въ родѣ мистеріи поставила у себя и *Comédie Française*. Новое произведеніе принадлежитъ фантазіи двухъ авторовъ — А. Сильвестра и Е. Морана и называется *Grisélide*. Главныя роли въ пьесѣ принадлежатъ молодой дамѣ-маркизѣ и чорту, всѣми силами увлекающему примѣрную жену въ грѣхъ прелюбодѣнія. До замужства Гриселидисъ была простою пастушкой, тогда въ нее былъ влюбленъ юный поэтъ. Но судьба сулила ей быть супругой маркиза. Женихъ, съ первой же встрѣчи съ прекрасной пастушкой въ лѣсу, влюбился въ нее и немедленно сдѣлалъ своей женой. Съ тѣхъ поръ онъ еще ни разу не отлучался изъ своего замка. Но вотъ пришло повелѣніе короля — отправляться на войну, и маркизъ долженъ оставить свою молодую супругу. Духовникъ маркиза сильно опасается за прочность его семейнаго счастья и совѣтуетъ маркизу — помолиться усерднѣе передъ статуей св. Агнесы, покровительницы супружеской вѣрности, а кромѣ того, по итѣнію духовника, не жѣшаетъ принять и другія мѣры предосторожности на случай слабости молодой маркизы. Маркизъ возмущенъ самою мыслью о возможности измѣны со стороны жены, и въ порывѣ негодованія произноситъ имя чорта. Изъ-подъ божницы выскакиваетъ немедленно

чортъ и принимаетъ на себя защиту опасеній духовника. Дѣло въ томъ, что и самъ чортъ весьма несчастливъ въ супружеской жизни: его жена въ одно и то же время и ревнива и крайне легкомысленна. Чортъ, на основаніи личнаго опыта, убѣждаетъ и маркиза, что его жена такая же ненадежная въ смыслѣ супружеской вѣрности, какъ вообще всѣ жены и не устоитъ въ разлукѣ съ мужемъ предъ искушеніемъ — измѣнить ему. Рыцарь и на этотъ разъ не хочетъ усомниться въ маркизѣ и вручаетъ даже чорту свое обручальное кольцо, чтобы дать возможность искusstелю пользоваться всевозможными способами искушенія. Затѣмъ происходитъ сцена прощанья маркиза съ женой. «Есть три клада у меня, говоритъ маркизъ, жизнь, любовь, честь. Жизнь свою я отдаю волѣ Божіей, любовь уношу съ собою въ своемъ сердцѣ, а честь свою доверяю жевѣ своей!...»

Въ послѣднемъ случаѣ рыцарь, повидимому, не ошибался. Проходитъ полгода — всѣ ухищренія чорта ввести въ грѣхъ маркизу остаются тщетными. Тогда онъ рѣшается поразить одновременно и самолюбіе женщины и оскорбить чувство жены.

Чортъ является въ маркизѣ переодѣтымъ туркомъ виѣстѣ съ своей женой, переодѣтой невольницей и объявляетъ маркизѣ, что ея мужъ купилъ эту невольницу, прислалъ ее въ свой замокъ — съ намѣреніемъ впоследствии жениться на ней — по возвращеніи. Чортъ ожидаетъ, что жена послушается приказа мужа, но та убѣдившись, что приказъ, дѣйствительно, идетъ отъ маркиза, безпрекословно исполняетъ его, и жена чорта входитъ въ роль хозяйки замка. Чортъ, слѣдовательно, и здѣсь терпитъ фіаско. Тогда онъ рѣшается прибѣгнуть къ насилью. Онъ уготавливаетъ одного корсара похитить жену маркиза. Корсаръ виѣсто настоящей маркизы похищаетъ жену чорта, успѣвшую уже надѣть и корону маркизы. Тогда чортъ обращается къ послѣдному средству, — призываетъ на помощь противъ маркизы пастушескій романъ ея молодости и заклинаетъ луну, неизмѣнную покровительницу любовныхъ увлеченій, помочь ему.

Чортъ привлекаетъ въ садъ маркизы того самаго поэта, который былъ влюбленъ въ Гриселидисъ — пастушку. На сценѣ лунная упительная ночь, маркиза не можетъ заснуть, движимая непреодолимой таинственной силой она выходитъ въ садъ и почти безсознательно бросается въ объятія поэта. Но въ самую критическую минуту въ садъ выбѣгаетъ маленький сынъ маркизы и спасаетъ ее... Взбѣшенный чортъ похищаетъ мальчика и общаетъ возвращеніе сына матери лишь въ томъ случаѣ, когда она удовлетворитъ желанія похитителя. Маркиза, съ страшною мукою сердца, рѣшается на это условіе. Но чудо снова спасаетъ ее. Корабль, гдѣ должно было произойти па-

ченіе маркизы, внезапно налетѣвшей бурей срывается съ якоря и уносится въ открытое море. Въ это время возвращается маркизь. Чортъ клеветаетъ предъ нимъ на жену его, увѣряя, что она измѣнила маркизу въ его отсутствіе... Но св. Агнеса, внезапно явившаяся на своемъ мѣстѣ (она исчезала, пока маркиза ходила въ садъ къ поэту) и ребенокъ, очутившійся здѣсь же, въ божницѣ окончательно посрамляютъ чорта...

Пьеса, за исключеніемъ сцены въ саду, не обладаетъ ни поэтическими, ни драматическими достоинствами, и интересна только, какъ отраженіе одного изъ странныхъ направленій современнаго вкуса наиболѣе культурной въ мірѣ театральнoй публики.

Въ заключеніе мы должны упомянуть объ очень важномъ фактѣ въ развитіи нѣмецкой сцены. Мы не разъ говорили о берлинской *Freie Bühne*, ея цѣляхъ и значеніи. Съ нынѣшняго сезона эта сцена вступаетъ въ третій годъ своего существованія. Общество, основавшее сцену, остается довольно ея результатами. Обѣ главнѣйшія дѣла, по словамъ отчета Общества, успѣшно достигаются: во-первыхъ обыкновенныя сцены стали охотнѣе принимать у себя произведенія писателей новѣйшей реальной школы, во вторыхъ *Freie Bühne* успѣла сильно поощрить и до нѣкоторой степени уровнять путь новымъ драматическимъ талантамъ. Общество въ числѣ своихъ заслугъ считаетъ также оживленіе нѣмецкаго драматическаго искусства путемъ ознакомленія публики съ лучшими иностранными представителями этого искусства. Это ознакомленіе со стороны *Freie Bühne* велось упорно и энергично, не смотря на нападки и упреки отечественныхъ шовинистовъ. Предъ нѣмецкой публикой появились такія образцы: Ибсенъ, Бернсонъ, Золя, Толстой. Въ заключеніе Общество предлагаетъ свою помощь всякому дѣятелю драматическаго искусства, который надумалъ бы какое-либо новое и смѣлое дѣло въ своей области и не нашелъ бы для себя поддержки въ антрепренерахъ обыкновенныхъ театровъ.

Въ Мюнхенѣ возникла своя *Freie Bühne*. Предсѣдателемъ тамошняго Общества состоитъ Иосенъ.

За текущій годъ, въ № 14 одного изъ лучшихъ нѣмецкихъ музыкальныхъ журналовъ — «*Neue Zeitschrift für Musik*», появилась 8 апрѣля статья, подписанная Т. W. Dwelshauvers-Dery и озаглавленная — «Новое русское направленіе въ музыкѣ». Въ статьѣ столько интересныхъ взглядовъ на нашу музыку, столько сочувствія къ ней, что мы находимъ справедливымъ нѣсколько подробнѣе остановиться на этомъ образчикѣ новѣйшей германской критики, въ области которой очевидно начинается проявляться поворотъ въ нашу пользу.

Авторъ начинаетъ издадека. Онъ говоритъ, что, когда зарождалась музыка въ западной Европѣ, то въ развитіи этого искусства славяне не принимали никакого участія и знали только свою церковную музыку и народную пѣсню. Появленіе въ 1835 г., въ Петербургѣ, итальянской оперы не имѣло никакого вліянія на народный духъ: «народная пѣсня развивалась по прежнему подъ сѣнью церковной музыки, заимствовавъ отъ нея древніе лады». «Происхожденіе народныхъ пѣсенъ, которыя и до сихъ поръ можно слышать въ большинствѣ русскихъ деревень, очевидно очень древнее. По природѣ весьма музыкально одаренные русскіе развили и народную поэзію, и народную музыку и довели ихъ до большаго совершенства, соответствующаго богатству ихъ языка; ихъ поэзія и музыка выполняютъ законъ искусства: ритмъ долженъ безусловно слѣдовать за естественнымъ удареніемъ (*Betonung*), какъ бы оно ни было многообразно: поющая мелодія должна представлять отпечатокъ рѣчи. Всѣ эти качества, запечатлѣлись въ русской народной пѣснѣ. Не слѣдуетъ останавливаться на разныхъ ходячихъ поддѣлкахъ подъ народность, которыми насъ угощаютъ иные виртуозы, на всѣхъ этихъ «*Souvenirs de Russie*» и т. п.; но надо обратиться къ настоящимъ народнымъ пѣснямъ, со тщаніемъ записаннымъ. Авторъ рекомендуетъ сборники — *Пратча* (149 пѣсенъ. Прага 1790 г.; второе изданіе 1815 г.), г. *Балакирева* (40 пѣсенъ. С.-Петербургъ 1866 г.), г. *Римскаго-Корсакова* (100 пѣсенъ. С.-Петербургъ; недавнее изданіе г. Бесселя); или слушать ихъ на берегахъ Волги, вообще подальше отъ городовъ; — и изъ-за мелодій, способной нерѣдко поразить своею странностью, передъ вами легко откроется живой міръ, который дастъ вѣрное пониманіе народной русской музыки».

Говоря далѣе, что Глинка «Жизнью за Царя» сдѣлалъ первую попытку создать истинно національную русскую оперу, авторъ проводитъ параллель между Глинкой и Веберомъ. «Оба они ввели въ свои оперы *народную тѣсню* въ видѣ оперной мелодіи, такъ что, по замѣчанію Вагнера, исторія этого рода оперъ есть съ тѣхъ поръ ничто иное, какъ исторія оперной мелодіи. Но дѣло въ томъ, что нѣмецкая народная пѣсня вскорѣ совсѣмъ затерялась и замѣнилась даже среди народа безсодержательными итальянскими оперными аріями; словомъ, источникъ, изъ котораго черпалъ Веберъ, совершенно иссякъ для его послѣдователей. Въ Россіи-же получилось не то: въ ея отдаленныхъ и мало посѣщаемыхъ частяхъ народная поэзія продолжала существовать, существуетъ и до сихъ поръ, все еще развиваясь, какъ нѣсколько столѣтій тому назадъ. Такимъ образомъ русскіе композиторы владѣютъ въ лицѣ постоянно развива-

ющейся еще народной пѣсни неизсякающимъ источникомъ богатыхъ мыслей, имѣють возможность черпать изъ этого чистаго ключа силу и побужденіе для новыхъ твореній. Этотъ фактъ опредѣляетъ будущность русской музыки. «Въ оперныхъ тенденціяхъ послѣдователей Глинки совершилась пережѣна: они пришли къ ясному убѣжденію, что въ оперѣ важнѣйшій элементъ не лирика, а драма; драматическій - же элементъ можетъ проявляться или речитативными или декламационными фразами т. е. не лирическимъ описаніемъ душевнаго состоянія (арію), но тѣми естественными средствами выраженія, которыя сопровождаютъ душевныя (драматическія) движенія. Это открытіе, что драма должна естественно двигаться, а не слагаться изъ остановокъ (Ruhepunkte), могли бы повести къ уничтоженію народной поэзіи въ оперѣ, потому что народныя пѣсни прежде всего лирическаго качества и, если, въ видѣ исключенія, въ нихъ порою и излагается нѣсколько болѣе продолжительное событіе, то, во всякомъ случаѣ, нѣтъ въ нихъ личнаго т. е. драматическаго элемента. Заслуга Даргомыжскаго и представителей новой русской школы заключается именно въ томъ, что они для выраженія драматическихъ положеній стали употреблять составныя части народной пѣсни; взглянули на нее не какъ на неприкосновенное, недѣлимое цѣлое, а какъ на музыкальный *переводъ* поющихъ словъ; признали, что, по примѣру пѣсни, могутъ быть изобрѣтаемы не только новыя, подобныя ей мелодіи, но, если мысль, выражаемая словомъ, выливается въ драму, то могутъ быть сочинены и большія предложенія (Sätze), въ родѣ речитативовъ осмысленныхъ, значительныхъ». «Русскіе композиторы вплетаютъ и вплетаютъ русскую народную пѣсню и въ абсолютную музыку. Здѣсь наблюдается только одинъ способъ: общая форма сочиненія та-же, что у классиковъ, или у новѣйшихъ нѣмцевъ; темы-же, гармонія, ритмъ почерпнулись изъ чисто русскаго источника». «Возвращаясь къ русской музыкальной драмѣ и присматриваясь ближе къ ея особенностямъ, замѣчаемъ слѣдующее. На ненужную колоратуру, мѣшающую ясности декламации, объявлено гоненіе. Признанъ принципъ, въ силу котораго музыка оперная, какъ и всякая другая, должна имѣть цѣнность сама по себѣ, независимо отъ исполненія, т. е. исполненіе есть только средство, а не цѣль, какъ это было въ итальянской школѣ: логика понадобилась въ драмѣ. Преобразование музыкальнаго предложенія (Satz), обращеніе простой мелодіи въ речитативъ — только часть предпринятой работы; вмѣсто собранія романсовъ, чѣмъ была прежде опера, родилась драма. Не умаляя роли музыки, русскіе стремятся къ тому, чтобы опера была средствомъ для выраженія высшихъ идей, подобно тому, какъ яраски упо-

требляются для осуществленія картины, ожилая рисунокъ, выражая внутреннюю мысль художника, освѣщая представляемый живописцемъ міръ. И дѣйствительно, въ русскихъ операхъ музыка нерѣдко играетъ роль настоящаго красокъ. Русскіе, обладающіе вообще очень живымъ чувствомъ колорита, которое явственно замѣчается и въ ихъ живописи, охотно видятъ и слушаютъ восточныя, налороссійскія и т. д. пляски, вводятъ ихъ тамъ, гдѣ ихъ удобно ввести и гдѣ онѣ, если, можетъ быть, и задерживаютъ нѣсколько ходъ сценическаго дѣйствія, то значительно способствуютъ характеристикѣ мѣста, лица, положенія. Созданіе музыкальной драмы въ Россіи можетъ быть названо критическою реформою оперы. Вагнеръ создалъ такую драму, которая безъ всѣхъ своихъ составныхъ частей—немыслима: этой драмѣ подчинены всѣ искусства; это такое цѣлое, въ которомъ каждый элементъ, самъ по себѣ необходимый, нуждается во всѣхъ остальныхъ. Русскіе же признають, что въ ихъ оперѣ, возникшей изъ народной пѣсни, музыка есть главная составная часть для выраженія и что она помогаетъ драмѣ, которая существуетъ сама по себѣ. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, они не впади въ заблужденіе настолько, чтобы изъ средства выраженія (музыки) сдѣлать цѣль, а изъ цѣли выраженія (драмы) сдѣлать средство, — нѣтъ, присоединяя музыку къ драмѣ, они стараются довершить драму. Не создавая новаго рода художественныхъ произведеній, они освободили оперу отъ многихъ заблужденій и довели ее до такой степени процвѣтанія, на какой она еще не находилась. Да продолжится это движеніе и да приведетъ оно къ дальнѣйшимъ еще шагамъ впередъ! Теоретическія сочиненія Вагнера извѣстны и понимаются въ Россіи гораздо менѣе того, чѣмъ было бы желательно; такъ что все развитіе, которое мы изучали, должно быть разсматриваемо, какъ совершенно самостоятельное. Оно и понятно: очень художественно одаренный народъ, приобщаясь къ ходу просвѣщенія, хотя всѣми силами и старается усвоить себѣ всѣ завоеванія цивилизаціи и развитія, не принимаетъ ихъ безъ нѣкоторыхъ измѣненій; необходимое усвоеніе въ настоящемъ случаѣ имѣло результатомъ возвращеніе къ логикѣ драмы и оживленіе стараго тѣла оперы свѣжею кровью народной поэзіи. Исслѣдователю, изучающему Россію, подобныя факты будутъ часто попадаться, когда усвоеніе нашей цивилизаціи приведетъ славянскій народъ, свободный отъ предрасудковъ и уважающій усовершенствованія, къ плодотворнымъ путямъ, ведущимъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Сохраненіе себя въ этомъ зеркалѣ можетъ быть только поучительно и вышшаетъ того, кто занимается изученіемъ».

Такова статья современнаго германскаго критика, которую мы здѣсь привели въ значитель-

въ извлеченіяхъ. Она—явленіе знаменательнаго, новое доказательство того, что русская музыка все болѣе и болѣе расширяетъ террицію своихъ завоеваній. Мы въ этомъ еще не убѣдились, если упомянемъ, что въ началѣ только что прошедшаго лѣта г. Чайковскій, ижируя рядомъ концертовъ изъ собственныхъ инвенцій, во-очію могъ убѣдиться, какъ блестящій успѣхъ, встрѣтившій его въ Парижѣ, орно сопровождалъ его и по Америкѣ.

За промежутокъ времени, начиная апрѣлемъ кончая августомъ, важнѣйшими музыкальными событіями должны быть названы юбилейное жество Моцарта въ Зальцбургѣ (100 лѣтъ со дня кончины композитора) и ижиющія всегда неабывающій успѣхъ и интересъ представленія ерѣ Вагнера въ Байрейтѣ. Праздновалъ свой олтвнй юбилей и театръ въ Веймарѣ. Нѣолько дней, начиная съ 4 мая тянулись торества. Они открылись «Лоэнгриномъ» Вагнера, ставленнымъ впервые на этой сценѣ въ 1852 ду; затѣмъ дали трехъактную оперу «Gunloed», ова и музыка которой принадлежатъ Петру орнеліусу, автору интересной комической оперы «Der Barbier von Bagdad». Корнеліусъ кончался въ 1874 году, не окончивъ «Gunloed»; на дописана Лассеномъ. Оба эти имени ручатся за достоинства произведенія, ижиющаго о сюжету большое сходство съ «Нибелунгами». орошъ этой оперы даны были по разнымъ годамъ Германіи и другія новыя. Мѣстныя газеты отиѣчаютъ большой успѣхъ, выпавшій на олю оперы «Krimhild», данной на сценѣ театра въ Аугсбургѣ и принадлежащей перу Гримма, капельмейстера этого театра. Въ Готѣ дали при такихъ же счастливыхъ условіяхъ оперу Отто Дорнса (Otto Dorns) — «Afraja», которая уже перенесена въ репертуаръ придворнаго театра въ Кобургѣ. Въ оперѣ особенно хвалить выдержанный въ народномъ духѣ хоръ перваго акта и его широко планированный финаль; во второмъ актѣ — легко ритмованный женскій хорикъ и свадебную пѣсню съ драматическимъ заключеніемъ; въ третьемъ — любовный дуэтъ и захватывающій послѣдній финаль. Хвалятъ также оперу Л. Германа — «Vineta», выдержанную въ стилѣ современныхъ большихъ оперъ, съ эффектной музыкой балета, которой пророчатъ концертную популярность, сильными ансамблями, мастерскимъ оркестромъ, и вообще пѣвучую. Ее дали съ блестящимъ успѣхомъ въ Касселѣ 20 іюня.

Въ Италіи нѣтъ тоже недостатка въ новыхъ операхъ; не всѣмъ только однако посчастливилось: насколько Платанія могъ радоваться успѣху своего «Spartaco» на сценѣ неаполитанскаго S. Carlo, гдѣ это откровенно-драматическое и не мудрствующее лукаво музыкальное воспроизведеніе эпизода изъ исторіи римскихъ гладиаторовъ доставило автору и исполнителямъ

30-кратный вызовъ и требованія повторенія пяти своихъ нумеровъ, — настолько Спиро-Самара долженъ былъ печалиться судьбой своей «Lionella», которая потерпѣла заслуженное фіаско на сценѣ La Scala въ Миланѣ, благодаря своей мелодической бѣдности и полнѣйшему отсутствію оригинальности.

Если вѣрить португальскимъ отзывамъ, то въ лицѣ Франческо де Фрейтасъ Газуль Лиссабонъ ииѣетъ прекраснаго композитора. Его опера „Frei Luiz de Souza“ вызвала горячій восторгъ, явясь, какъ говорятъ, счастливымъ соединеніемъ пылкаго вдохновенія съ большимъ совершенствомъ техники.

Въ Парижѣ репертуаръ *Opera comique* увеличился 18 іюня лирической драмой въ четырехъ дѣйствіяхъ и семи картинахъ; музыка Брюно, либретто Луи Галла, по роману Зола — „Le Rêve“. То обстоятельство, что произведеніе знаменитаго представителя реализма въ современной французской литературѣ стало достояніемъ музыки и что сама музыка этой оперы написана на либретто, изложенное не стихами, а прозой, много заставило говорить печатъ. Самый стиль произведенія Брюно заслуживаетъ вниманія: въ немъ много аналогій съ новѣйшимъ типомъ русской оперы, созданнымъ Даргомыжскимъ; мелодическій речитативъ на первомъ планѣ. Ансамблей въ оперѣ почти нѣтъ; единственное исключеніе въ пользу полифоніи среди этого постоянно тянущагося музыкальнаго діалога, та сцена, гдѣ голосъ Анжелики примѣшивается къ дѣтскому хору. Все это смѣло и довольно ново, но было бы конечно интереснѣе, если бы талантъ Брюно оказался болѣе сильнымъ. Его „Rêve“ не столько оригиналенъ по музыкѣ, сколько хочетъ быть оригиналенъ. Это музыка приличная, но не достаточно даровитая, не достаточно выразительная и яркая; она только мѣстами трогаетъ, не на всемъ протяженіи вѣрно, прочувствованно передаетъ текстъ; порою хочется большей тонкости и гибкости, болѣе разнообразной ритмической жизни, меньшей гармонической вычурности.

Въ Миланѣ 4 мая скончался на 73 году жизни *Антоніо Буцци*, одинъ изъ старѣйшихъ и извѣстнѣйшихъ учителей пѣнія и композиторъ для своего времени весьма значительный. Имя почившаго маэстро многимъ хорошо извѣстно въ Россіи, гдѣ также, какъ и въ другихъ странахъ, не мало жило и живетъ его учениковъ, пользовавшихся и пользующихся въ той или другой мѣрѣ извѣстностью. Назовемъ первыя приходящія на память въ данную минуту имена. Мазини одно время учился у Буцци; у него же занимались видные московскіе дѣятели: М. Н. Коровина, къ сожалѣнію, уже не поющая въ нашемъ Большемъ театрѣ, С. М. Виженецъ, уважаемый профессоръ пѣнія въ училищѣ Филар-

монического Общества, покойный Бутенко, который, пока не приобрѣлъ впоследствии нѣкоторыхъ дурныхъ привычекъ, такъ отлично владѣлъ своимъ мощнымъ голосомъ. Приводитъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія объ этомъ даровитомъ, глубоко изучившемъ свое искусство дѣятелѣ и вѣстѣ скромнѣйшемъ труженикѣ, какимъ, за всю свою незнающую покоя жизнь рекомендовалъ себя Антонио Буцци.—Онъ родился въ Римѣ въ 1818 году. Его отецъ, архитекторъ, желалъ доставить сыну классическое образованіе и готовилъ его къ профессіи адвоката. Музыкой ребенокъ тоже занимался, но не специально, хотя съ самаго ранняго возраста питалъ къ ней страсть: отецъ не хотѣлъ видѣть Антонио музыкантомъ. Природное влеченіе однако взяло свое. Послѣ смерти отца, юриспруденція была брошена и музыка выступила на первый планъ. Юноша отдался ей съ энтузіазмомъ. Его учителями были—по фортепіано, Джузеппе Сирлетти, по гармоніи Фіораванти, по контрапункту Луиджи Гамбале. Овладевъ, съ помощью такихъ руководителей, искусствомъ, Антонио Буцци началъ давать уроки пѣнія. Вскорѣ затѣмъ онъ получилъ мѣсто капельмейстера въ театрѣ Apollo въ Римѣ. Онъ былъ тогда еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Композиціей занялся онъ тоже очень рано. Его первый крупный трудъ, опера «Vianca Capello», съ блестящимъ успѣхомъ прошла въ театрѣ Valle въ Римѣ. Но лучшей его вещей и особенно нравящаяся была опера на библейскій сюжетъ — «Saul», исполненная впервые на сценѣ театра Comunale въ Феррарѣ, въ годъ, когда Верди давалъ своего Nabusso въ La Scala (Миланъ). Буцци написалъ еще слѣдующія оперы: «Guzmano di Medina», «La Lega Lombarda», «Il Convito di Baldassarre», «L' Editto di Kent», «L' Ermengarda», «Il Sordello» и «La Sposa del Crociato». Всѣ эти оперы, кромѣ послѣдней, давались въ первѣйшихъ театрахъ Италіи, пользовались большимъ успѣхомъ въ лучшие сезоны и почти каждая изъ нихъ была такъ называемой оперой *d'obbligo*, т. е. становилась во главѣ репертуара, прежде другихъ оперъ для него выговоренныхъ. Въ послѣдніе годы жизни Буцци былъ однако неслуженно забытъ: оперы его почему-то не возобновлялись, а «La Sposa del Crociato» такъ даже ни разу еще не исполнялась на сценѣ. Ни въ комъ никогда не заискивающій, непрacticalный, скромный Буцци не умѣлъ и не хотѣлъ о себѣ напоминать и тихо доживалъ среди семьи и кружка обожавшихъ его учениковъ. Вдали отъ митригъ и шума, въ этой мирной обстановкѣ неустанныго труда, онъ любилъ иногда рассказывать о быломъ, давно прошедшемъ времени, когда любилъ часто исполнять его произведенія, далеко не всегда ограничивающіяся музыкой для театра: онъ писалъ много и церковной музыки. Къ этому послѣднему роду письма принадлежитъ между прочимъ грандіоз-

ная кантата въ честь амнистіи, дарованной папой Піемъ IX политическимъ осужденнымъ. Она была исполнена въ Римѣ, въ театрѣ Apollo во семью солистами-пѣвцами, хоромъ въ 400 человѣкъ, оркестромъ въ 140 музыкантовъ, среди котораго были четыре арфы.—Изъ почетныхъ приглашеній, отъ которыхъ Буцци за послѣдніе годы жизни всегда уклонялся, назовемъ одно отъ Петербургской Консерваторіи, куда звали на-ститаго маэстро въ профессора пѣнія. Хотя умеръ Буцци и въ преклонныхъ годахъ, но не старость была причиной смерти; если бы не болѣзнь, въ полномъ смыслѣ неизлѣчимая (ракъ), то могъ бы еще долго прожить этотъ бодрый духомъ человѣкъ, такъ горячо любившій свое искусство, такъ честно ему послужившій.

Послѣ Антонио Буцци осталось двое сыновей. Старшій, Артуръ, тоже музыкантъ, даетъ уроки пѣнія и успѣлъ уже рекомендовать себя въ Италіи, какъ композиторъ не безъ дарованія. Онъ пишетъ для симфоническаго оркестра и для фортепіано. Фортепіанныя его вещи изданы. Мы постараемся познакомить съ его музыкой нашихъ читателей.

Генрихъ Литольфъ—ровесникъ Буцци. Онъ въ томъ-же 1818 году родился въ Лондонѣ; а 25 Іюля (6 Августа) смерть отняла его у искусства. Онъ скончался въ Colombes (Франція). Имя Литольфа извѣстно всему міру. Кто не знаетъ его знаменитыхъ фортепіанныхъ концертовъ, гдѣ такъ всегда выдѣляются части быстрого движенія, воздушныя пикантныя *скерцо*; его эффектнѣйшихъ симфоническихъ увертюръ «Робеспьеръ» и «Жирондисты»? Кто не нѣлъ въ рукахъ *дешевскихъ* нотныхъ изданій его имени? Въ Россіи Литольфъ почти совсѣмъ не знакомъ, какъ композиторъ для театра. А между тѣмъ онъ для него написалъ много. Перечисляемъ: «Nahel», «L' Escadron volant de la Reine», «La Boite de Pandore», «Heloïse et Abelard», «La Fiancée du roi de Garbe», «La Belle au bois dormant», «La Mandragore» и «Le Templier», котораго недавно дали въ Брюсселѣ. «Элонзу и Абельяра» играла не безъ успѣха французская труппа въ Петербургѣ въ семидесятыхъ годахъ.

Джакомо Мейерберъ. 24 августа исполнилось столѣтіе со дня рожденія Мейербера. Оперы знаменитаго композитора досихъ поръ продолжаютъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ на сценахъ всего міра, и теперь еще публика восхищается «Гугенотами». «Пророкъ» и теперь не утратилъ своей притягательной силы.

Яковъ Либманъ Беръ, извѣстный затѣмъ под именемъ Джакомо Мейербера, родился въ Берлинѣ 24-го августа (5-го сентября) 1791 г. Онъ былъ старшимъ изъ трехъ сыновей въ богатомъ еврейскомъ семействѣ Беръ, въ которомъ не щадили средствъ на образованіе дѣтей. Оба его брата были также выдающимися

люди: Вильгельм Беръ, хотя и занимался коммерческими дѣлами, но устроилъ у себя небольшую домашнюю обсерваторію и за нѣкоторыя работы по астрономіи получилъ имя въ наукѣ; младшій, Михайлъ Беръ, авторъ «Паріи» и «Струэнзе», возбуждалъ большія надежды въ литературѣ, но умеръ очень рано, 32 лѣтъ. Богатый родственникъ и единовѣрецъ семейства Беръ, Мейеръ, завѣщалъ все свое состояніе старшему изъ братьевъ съ тѣмъ, чтобы онъ присоединилъ его фамилію къ своей, вслѣдствіе чего и получила фамилія Мейерберъ.

Мейерберъ, уже девятилѣтнимъ мальчикомъ выступилъ въ концертѣ съ блестящимъ успѣхомъ. Склонность къ сочиненію музыки явилась также въ дѣтствѣ. Въ 1810 году онъ отправился въ Дармштадтъ къ аббату Фоглеру, у котораго два года прилежно изучалъ контрапунктъ; здѣсь же онъ подружился съ Веберомъ. Въ эти и слѣдующіе два года Мейерберъ написалъ двѣ оперы, нѣсколько кантатъ и т. п. Знатки хвалили ихъ, но публика оставалась равнодушной. Въ 1814 году онъ выступилъ въ Вѣнѣ какъ пианистъ съ блестящимъ успѣхомъ; въ то же время тамъ же его двухъактная опера «Абмелекъ» встрѣтила совершенно холодный пріемъ.

Затѣмъ Мейерберъ отправился въ Италію, гдѣ увлеченный Россини и новымъ стилемъ съ настоячивостію началъ работать надъ усвоеніемъ этой манеры письма. Плодомъ былъ рядъ итальянскихъ оперъ, въ настоящее время совершенно забытыхъ, но въ то время имѣвшихъ крупныя успѣхи и прославившихъ его имя во всей Италіи, а отчасти и въ остальной Европѣ, гдѣ были поставлены его оперы «Emma di Resburgo», а въ особенности «Il Crociato». Мейерберъ вполне усвоилъ себѣ всѣ наиболѣе выдающіяся качества итальянскихъ композицій, ихъ мелодичность и умѣнье писать для голоса.

Въ Германіи между тѣмъ прогрессъ колоссальный успѣхъ «Фрейшюца», Вебера, поставленного на сцену въ 1821 году. Это побудило Мейербера оставить поприще итальянскаго композитора. Въ 1825 году умеръ отецъ Мейербера и онъ поселился въ Парижѣ, гдѣ его имя было уже извѣстно и гдѣ готовилась къ постановкѣ его «Il Crociato».

Двери театра Большой оперы были для него открыты. Получивъ либретто «Роберта Дявола», написанное Скрибомъ и Делавинемъ, Мейерберъ принялся за работу весною 1830 года, «Робертъ» былъ оконченъ. Июльская революція помѣшала немедленной постановкѣ оперы и она состоялась въ ноябрѣ 1831 года. Успѣхъ «Робертъ» имѣлъ громадный, и Мейерберъ сразу занялъ первое мѣсто въ ряду оперныхъ композиторовъ того времени.

«Гугеноты» появились въ 1836 году, и встрѣ-

тили сначала менѣе восторженный пріемъ, хотя успѣхъ былъ все-таки весьма большой.

Послѣ «Гугенотовъ» Мейерберъ принялся за «Африканку». Въ 1842 году онъ покинулъ Парижъ и переселился въ Берлинъ по приглашенію короля Фридриха-Вильгельма IV. Оперу «Лагерь въ Силезіи», написанную въ Берлинѣ, онъ передѣлалъ впоследствии совершенно и поставилъ въ 1854 году въ Парижѣ подъ названіемъ «Сѣверная звѣздъ». Опера «Пророкъ» была поставлена въ Парижѣ весною 1849 года, гдѣ имѣла огромный успѣхъ, но на остальныхъ сценахъ Европы она была принята сравнительно холодно. Въ 1859 году была имъ написана для сцены комической оперы въ Парижѣ «Динора» («Pardon de Ploergmel») у него была еще неоконченная опера «Юдифъ», сцены изъ «Геро и Леандра». Мейерберъ скончался въ Парижѣ 21-го апрѣля (2 мая) 1864 года, среди приготовленій къ постановкѣ «Африканки», появившейся на сценѣ годъ спустя послѣ его смерти.

Парижъ. (Отъ нашего корреспондента).—Лѣтній театральный сезонъ въ Парижѣ.—Опера: постановка „Лоангрива“ и новая дирекція.—Комическая опера „Le Rêve“.—Французская комедія: „Эрвани“ и „Тартюфъ“.—Одеонъ: новинки будущаго года.—Остальные театры).—Свою бесѣду о парижскихъ сценахъ съ читателями „Артиста“ я долженъ начать въ такое время, когда большинство театровъ закрыто. То, что называютъ „tout Paris“, т. е. тѣ нѣсколько тысячъ человѣкъ: художниковъ, литераторовъ, вліятельныхъ критиковъ и журналистовъ, представителей дипломатіи, аристократіи С. Жерменскаго предмѣстья, представительницъ полу-свѣта изъ „quartier Brede“ и представителей денежной аристократіи, которые бѣгаютъ на всѣхъ первыхъ представленіяхъ, посѣщаютъ оба салона въ 1-й день ихъ открытія и катаются въ роскошныхъ экипажахъ, около каскадовъ и по аллеѣ акацій въ Булонскомъ лѣсу, этотъ „tout Paris“ на лѣто покидаетъ Парижъ и мѣняетъ его душную атмосферу на свѣжій приморскій воздухъ Трувилля, Діенпа, или на парк и воды Виши, Спа, Аи-ле-Ванъ etc. Настоящій Парижъ, т. е. Парижъ среднихъ и мелкихъ буржуа-рантье и рабочихъ тоже не съ особенной охотой ходитъ лѣтомъ въ театръ. Для нихъ существуютъ другія удовольствія—это пойти на скачки или же со всѣмъ семействомъ сдѣлать то, что парижане называютъ „un tour de champagne“. Это значитъ проѣхать на пароходѣ Шарантона, Auteuil'я, Suresnes'а, прогуляться въ Булонскомъ лѣсу или въ паркѣ С. Клу, пообѣдать на свѣжемъ воздухѣ, а затѣмъ съ спокойной душой отправиться домой. А если и ходятъ парижане лѣтомъ куда-нибудь, чтобы послушать пѣніе, то только въ кафе-шантаны Champs-Élysées, гдѣ за франкъ невзыскательный буржуа выпиваетъ стаканъ пива, дышетъ свѣжимъ воздухомъ и слушаетъ пѣніе бывшаго барда буланжизма, нынѣ же барда правительства Paulus'а, пѣвшаго 2—3 года тому назадъ съ большимъ азартомъ: „En revenant de la revue“, а теперь съ такимъ же азартомъ поющаго „Amis, je viens'а voir cent ans“. И приведенный пивомъ и свѣжимъ воздухомъ въ благодушное настроеніе парижанинъ неистово хлопаетъ тому, что очень можетъ быть опикалъ бы явной, а въ театръ терпѣть жару и духоту рѣдко кто идетъ, а потому всѣ большіе и бульварные театры,

за исключеніем оперы и французской комедіи, да нѣсколькихъ мелкихъ театровъ, запирають до осенни свои двери.

Опера перешла теперь въ руки новаго директора.—Этотъ, принимая оперу, обѣщаетъ, во-первыхъ: начать ставить классическія оперы Глюка, Моцарта и Бетховена, поставить двѣ оперы Вагнера, во-вторыхъ—увеличить хоръ и въ третьихъ пригласить наилучшихъ пѣвцовъ. Пока ни одно изъ этихъ обѣщаній не было еще исполнено. Все лѣто продолжали давать въ оперѣ новинку прошлаго сезона „Магъ“ Массне и старыя оперы Верди, Мейербергера, etc. Что касается пѣвцовъ, то на лѣтній сезонъ опера лишилась четырехъ звѣздъ своихъ: двухъ Решеке, Лассаль и Мельба, которые поютъ теперь въ Ковентъ-Гарденъ въ Лондонѣ. Мельба и Лассаль будутъ по всей вѣроятности пѣть зимой въ Парижѣ, но братья Решеке приглашены въ Америку на 40 спектаклей съ огромной платой въ 350.000 фр.

Обѣщаніе же поставить оперы Вагнера дирекція исполняетъ. 7-го сентября пойдетъ въ первый разъ „Лоэнгринъ“ безъ купюръ. Для заглавной роли приглашенъ извѣстный теноръ Van Dyck, а дирижировать оперой будетъ извѣстный знатокъ Вагнера во Франціи Lamourent. Будетъ ли опера имѣть успѣхъ или нѣтъ—это трудно сказать, такъ какъ очень можетъ быть, что она будетъ освястана какъ произведение *нѣмецкаго* композитора. По крайней мѣрѣ, „Journal des Débats“ говоритъ, что противъ Лоэнгринна готовятся заговоръ. Будетъ, конечно, очень жаль, если благодаря скандаламъ, дирекція оперы принуждена будетъ снять „Лоэнгринна“ съ репертуара, но здѣсь надѣются, что публика съумѣетъ отдѣлать политику отъ искусства и изъ ненависти ко всему нѣмецкому не станетъ освястивать одно изъ лучшихъ произведеній современной музыки.

Въ сентябрѣ же въ оперѣ хотять торжественно отпраздновать столѣтіе рожденія Мейербергера.

Вторая оперная сцена „Opéra comique“ ставитъ для открытія сезона 1-го сентября „Le Rêve“ Брюно, а на другой день „Лакме“ Лео-Делиба.

Первая французская драматическая сцена „Comédie française“ продолжаетъ теперь давать новинки прошлаго сезона и классическія пьесы. Изъ послѣднихъ часто идутъ „Hernani“ и „Tartuffe“.

Роль Эрнани исполняетъ Mounet-Sully, считающійся въ настоящее время первымъ артистомъ Франціи для трагическихъ ролей и составляющій одно изъ лучшихъ украшеній французской комедіи. Эрнани въ исполненіи Муна является дѣйствительно великодушнымъ львомъ, какъ называетъ его въ экстазѣ любви донна Соль. Что касается другихъ исполнителей, то безукоризненно хорошъ во всѣхъ мѣстахъ драмы изъ нихъ не былъ ни одинъ. Leitner (Лейтнеръ), игравшій донъ-Карлоса, былъ замѣчательно хорошъ только въ монологѣ третьяго дѣйствія у гроба Карла Великаго и въ слѣдующей затѣмъ сценѣ съ Эрнани. Paul Mounet-Sully въ роли донъ Рюи Гомеца де Сильва былъ хорошъ опять-таки мѣстами только. Что касается г-жи Морено (Moreno), игравшей донну Соль, то она хорошо провела сцены съ Эрнани, всѣ безъ исключенія и сцену смерти.

Что касается „Тартюфа“, то намъ пришлось видѣть въ этой роли г. Давыдова и мы попробуемъ провести маленькую паралель между его игрой и игрой Го (Got) въ этой же роли. Тартюфъ г. Давыдовъ лицемѣренъ только въ тѣхъ сценахъ, когда ему приходится говорить съ Оргономъ, Клеантомъ или вообще, когда онъ чувствуетъ, что маска должна быть одѣта. Въ сценахъ же съ Эльмирой, когда въ Тартюфѣ просыпается звѣрь, когда въ немъ разговариваетъ человекъ и

когда у него просыпается страстное желаніе овладѣть Эльмирой, Тартюфъ, г. Давыдовъ, сбрасываетъ сейчасъ же съ первыхъ словъ маску и начинаетъ говорить своимъ настоящимъ интимнымъ языкомъ, вполне открываетъ свои карты. Тартюфъ же Го остается лицемѣромъ и въ первой сценѣ съ Эльмирой. Ему не вѣрится, чтобы женщина могла полюбить его и онъ оставляетъ себя лаяйку. „Pour être devot je ne suis pas moins homme“, эти слова онъ произноситъ тономъ величайшаго омерзенія, какъ будто считаетъ то, что онъ человекъ наказаніемъ за грѣхи свои. Даже въ началѣ второй сцены съ Эльмирой, онъ относитъ къ ней недовѣрчиво и открываетъ свое интимное я, свои сокровенныя мысли только тогда, когда считаетъ себя вполне увѣреннымъ въ искренности Эльмиры. Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ исполненіе Го ближе къ истинѣ, чѣмъ исполненіе г. Давыдова. Въ сценѣ 4-го дѣйствія, когда Тартюфъ вѣбшенный и обезкураженный устроеннымъ ему афронтомъ, приказываетъ Оргону убираться, такъ какъ домъ въ силу дарственной записи его, Тартюфа, а не Оргона, г. Давыдовъ повышаетъ голосъ, тогда какъ Го ведетъ сцену ровнымъ голосомъ и опускаетъ смиренно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глаза. Наконецъ, въ заключительной сценѣ, когда Тартюфа ведутъ въ тюрьму, г. Давыдовъ стоитъ, опустивъ глаза и закрывши лицо руками и когда приставъ говоритъ Оргону, что король простилъ его, то онъ дѣлаетъ движеніе впередъ, какъ будто желая сказать, что если король простилъ Оргона, то онъ проститъ и его. Got же не закрываетъ лицо руками, а отворотившись и склонивъ голову стоитъ въ раздумьи. Ему не вѣрится, чтобы е, Тартюфа, могли обмануть и раскрыть его игру. Въ тюрьму же и Тартюфъ-г. Давыдовъ и Тартюфъ-Го идутъ твердымъ шагомъ, надѣясь, что еще не все пропало. Тартюфъ увѣренъ въ своихъ силахъ. Оба артиста прекрасно поняли, что чаще Тартюфы остаются побѣдителями, чѣмъ побѣжденными и прекрасно выразили это. Понималъ это и Мольеръ и свою комедію хотѣлъ кончить именно торжествомъ Тартюфа, но боясь осужденія и для ослабленія впечатлѣнія Мольеръ долженъ былъ вставить совсѣмъ не гармонирующій съ остальной пьесой дифирамбъ Людовику XIV, предоставивъ при этомъ, конечно, артисту возможность показать зрителю эту сцену совсѣмъ въ другомъ освѣщеніи.

Что касается другихъ исполнителей, то изъ нихъ мы отмѣтимъ г-жу Марси (Marxy), великолепно исполнившую роль Эльмиры.

Второй французскій театр—Одеонъ находится теперь подъ дирекціей Пореля, который ставитъ тѣ классическія пьесы, которыя не ставятъ „Комедія“. Онъ поставилъ „Шейлока“, „Эжмонта“ Гёте и въ этомъ году собирается ставить „Отелло“, „Макбета“ и „Цимбеллина“ Шекспира, „Фауста“ Гёте (12 картинъ), „La dévotie ou à la croix“ Кальдерона, „Соперниковъ“ Шеридана, „Донъ-Карлоса“ Шиллера и „Maison de Roupie“ Ибсена. Изъ новыхъ пьесъ готовятся къ постановкѣ: „Чужія деньги“, комедія Энника (Henrique), „Эвонъ“, комедія Теодора де Банвиля; „Лулу“, комедія Блюма (для г-жи Режанъ (Rejane)); „Море“, Жюль Жюльена; „Манонъ Леско“, Жоржа де Портримо (Режанъ). Для перваго выхода артиста Михайловскаго театра Гитри поставятъ „Кина“. Какъ лирическая драма готовится къ постановкѣ въ томъ же Одеонѣ „Струэнзе“ Жюль Барбье съ партитурой Мейербергера, которую исполнитъ оркестръ Ламуера.

Что касается другихъ театровъ, то „Port St. Martin“ откроется только въ октябрѣ.

Palais Royal откроетъ сезонъ 1-го сентября старой пьесой „La boule“. Въ наступающемъ сезонѣ будутъ поставлены одна пьеса Бушера и Реймона и пьеса Мельяка и Сентъ-Альбена.

Въ „Водевилъ“ съ 31-го августа будетъ играть англійская труппа Laurence'a Daly.—„Variétés“ откроетъ сезонъ старой пьесой „Le faste 117“. Въ Амбигю, пристанищѣ плаксивой мелодрамы и патриотической драмы, собираются поставить мелодраму Монтепена и Дорнея „Le medecin des folles“, отъ которой, какъ удачно выразилась одна газета, заплачутъ всѣ Жозефины четвертой галлерей. Въ Bouffes Parisiennes послѣ „Miss Helyett“ Одрана поставятъ „Egos“, старую оперетту, а въ Nouveautés то же старый фарсъ „Narah la Domptreuse“.

Л. И.

Въ Берлинѣ въ началѣ юля мѣсяца умеръ профессоръ Академіи искусства Альбертъ Кречмеръ (Kretschmer) специально изучавшій одѣянія, наряды и костюмы всѣхъ возможныхъ народностей и временъ. Его сочиненіями и личными указаніями пользовались за границей лучшіе театры при инсценировкѣ оперъ, балетовъ и историко-бытовыхъ драмъ. Кречмеръ служилъ при берлинскихъ королевскихъ театрахъ, а по выходѣ въ отставку основалъ въ Берлинѣ музей для нѣмецкихъ народныхъ одѣяній. Изъ его сочиненій отмѣтимъ великолѣпное изданіе (въ раскрашенныхъ картинахъ) костюмовъ и націй всѣхъ культурныхъ народовъ „Die Trachten der Völker, а другое подобное произведеніе, посвященное однимъ нѣмецкимъ народнымъ одѣяніямъ: „Die deutschen Volkstrachten“.

Въ Баденъ-Баденѣ въ послѣднихъ числахъ августа мѣсяца умеръ композиторъ и писатель Ильяш Николай Юсуповъ. Онъ родился въ 1827 г., въ Петербургѣ, изучалъ скрипичную игру у Вьетана и долгое время содержалъ свой домашній оркестръ. Его композиціи, отличаясь дилетантскимъ характеромъ и нѣкоторою эксцентричностью, не пользовались большою извѣстностью. Большое значеніе имѣли его: монографія „Luthomonographie historique et raisonnée (исторія струнныхъ инструментовъ, напечатанная въ 1856 году) и „Исторія музыки въ Россіи“. Любители духовной музыки найдутъ въ послѣднемъ сочиненіи нѣсколько превосходныхъ церковныхъ пѣсней.

Близъ Познани скончался 16 юня польскій драматургъ, графъ Фредро, одинъ изъ лучшихъ авторовъ современной комедіи. Къ числу его наиболѣе извѣстныхъ комедій относятся: „Dziedzka rana Proszerega“, „Consilium facultatis“, „Мениторъ“, „Бѣдность или богатство“, „Единственная дочь“ и др. Графъ Іоаннъ Александръ Фредро, родился въ 1829 году въ Львовѣ. Отецъ его, въ свое время тоже славный авторъ комедій, далъ сыну прекрасное образованіе. 19 лѣтъ онъ поступилъ въ родной университетъ, но потомъ увлекся революціоннымъ движеніемъ и поступилъ въ польско-венгерскій легіонъ. Вслѣдствіе неудачи венгерскаго возстанія (въ 1849 г.) удалился онъ въ Турцію, а потомъ въ Парижъ и вернулся въ Галицію только послѣ всеобщей амнистіи въ 1857 году. Последнее время Фредро проживалъ въ Познани. Тѣло его погребено въ семейномъ склепѣ его предковъ въ Галиціи, въ мѣстечкѣ Рутки.

Предстоящій театральнй сезонъ въ Парижѣ обѣщаетъ быть интереснымъ. Ожидается постановка въ „Théâtre français“ новой драмы Александра Дюма. Названіе ея—„La route de Thèbes“. Тутъ идетъ рѣчь о стовратныхъ Оивахъ въ Египтѣ съ участіемъ сфинкса-женщины, которой, говорятъ будетъ отведена видная роль въ пьесѣ.

Сарду также готовитъ новую пьесу. Франсуа Коппе давно уже работаетъ надъ драмой „Pour la Soupe“ для сцены „Comédie Française“. Сообщается и о новыхъ комедіяхъ Валабрега, Ордона, Марса, Карре, Блюма, Томэ, Мельяка и др.

„Théâtre d'Art“ въ Парижѣ предполагаетъ поставить на сцену въ будущемъ сезонѣ: первыя пѣсни „Илиады“, „Энеиды“, „Сакунтулу“, „Адъ Данта, „Потерянный Рай“ Мильтона и пр. Въ числѣ новыхъ пьесъ, написанныхъ для этого театра, „Les Précieuses“ Леонара Ривьера сочинена въ 9 картинахъ по Достоевскому.

„Figuaro“ дѣлаетъ любопытное сопоставленіе пьесъ, которыя въ послѣднее двадцатилѣтіе пережили на парижскихъ сценахъ болѣе ста представлений. Такихъ пьесъ оказывается 152. Изъ нихъ „Корневильскіе колокола“ давались 600 разъ; три пьесы болѣе 400 разъ: „Mascotte“, „Путешествіе вокругъ свѣта“ и „La fille de m-me Angot“; пять болѣе 300 разъ: „Курьеръ царя“, „Femmes collantes“, „Miss Helyett“, „Maitre de forge“ и „Le petit duc“; 32 болѣе 200 разъ и 111 болѣе сотни разъ. По количеству сборовъ больше всего дала пьеса „Курьеръ царя“, именно 3 милліона франковъ; за ней слѣдуетъ „Вокругъ свѣта“ съ 2.400.000 фр., „M-me Angot“ 2 мил., „Тысяча и одна ночь“ 1.800,000, „Орфей въ аду“ 1.784,000, „Theodora“ 1.650,000 „Корневильскіе колокола“ 1.640,000, „Niniche“ 1.400,000, „Mascotte“ 1.370,000, „Maitre de forge“ 1.300,000, „Le petit duc“ 1.250,000, „Divorçons“ 1.200,000, „Nitouche“ 1.160,000, „Lili“ 1.150,000, „Путешествіе Сюзеты“ 1.060,000 и „Miss Helyett“ миліонъ франковъ.

Одранъ написалъ оперу подъ названіемъ „Photis“. Съ будущаго года въ Берлинѣ на средства компаніи капиталистовъ откроется частный оперный театръ, предполагающій ставить пьесы преимущественно молодыхъ композиторовъ всѣхъ странъ. „Молчаніе“ Виктора Билибина, комедія въ одномъ дѣйствіи, напечатанная въ № 12 нашего журнала, переведена и передѣлана для нѣмецкой сцены Алекс. Марковымъ и г. Кляге. Кромѣ того, г-номъ Марковымъ переведены: „Мертвая Петля“ Потѣхина и „Цѣпи“ князя Сумбатова.

Въ Байретѣ происходили представленія Вагнеровскихъ оперъ. 10-го юля шелъ въ первый разъ „Тангейзеръ“; Постановка оперы великолѣпна. Изъ солистовъ выдѣлился г-жа Зухеръ (Венера) и гг. Ванзельманъ и Рейманъ (Тангейзеръ и Вольфрамъ). Вторыя роли были слабѣе обставлены. Гротъ Венеры въ первомъ актѣ съ превращеніями и танцами, долина Вартбурга, залъ этого замка представляютъ собою, по словамъ „N. W. Tageblatt“, блестящія произведенія декоративнаго искусства; точно также великолѣпны костюмы во второмъ дѣйствіи.

Въ Вѣнѣ скончалась 58 лѣтъ бывшая прима-балерина берлинской придворной оперы, Марія Тальони, съ 1866 г. княгиня Виндигтрауцъ.

Пражская полиція запретила представленіе оперы „Евгеній Онѣгинъ“, а также исполненіе рускаго народнаго гимна и марсельезы въ послѣдней картинѣ билета „Excelsior“.

Изъ Флоренціи пишутъ, что тамъ образовался комитетъ для устройства торжественнаго празднованія въ февралѣ 1892 г. столѣтія дня рожденія Россіи. Задуманы большія музыкальныя чествованія.

Болѣзнъ горла совершенно лишила голоса знаменитаго англійскаго трагика Генри Ирвинга. Его лѣчить все тотъ же знаменитый Моррель Мекензи, который пользовалъ покойнаго германскаго императора Фридриха III.

Изданія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о

и

книжнаго магазина П. К. ПРЯНИШНИКОВА.

Даніель де Фо. ЖИЗНЬ И УДИВИТЕЛЬНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ РОБИНСОНА КРУЗО, ЮРИСНАГО МОРЯКА, РАЗСКАЗАННЫЯ ИМЪ САМИМЪ. Новый полный переводъ съ англійскаго П. Канчаловскаго, одобренный Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для библиотекъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній М. Н. П. Съ портретомъ автора и 100 прекрасными иллюстраціями въ текстѣ. Клише исполнены въ Лондонѣ. М., 1889 г. Цѣна за 2 тома 4 руб., пересылка по разстоянію за 3 фунта, въ роскошномъ переплетѣ 4 руб. 75 коп.

Тысяча одна ночь. АРАБСІЯ СКАЗНИ. 3 тома. Новый полный переводъ Ю. Дюппельмайеръ, съ 450 рисунками въ текстѣ. М. 1890 г. Цѣна I-го тома 3 р. 15 к., на велен. бумагѣ 3 р. 50 к. Цѣна II тома 2 р. 75 к., на велен. бумагѣ 3 р. Цѣна III т. 2 р. 75 к., на велен. бумагѣ 3 р. За роскошный переплетъ каждаго тома прибавл. 75 к. Пересылка каждаго тома за 3 ф. по разстоянію. При второмъ томѣ помѣщена статья академика профессора А. Н. Веселовскаго, написанная для этого изданія.

Джонатанъ Свифтъ. ПУТЕШЕСТВІЯ ЛЕМЪЮЗЛЯ ГУЛИВЕРА. Новый полный переводъ П. Канчаловскаго и В. Яновико, съ біографіей Свифта и примѣчаніями Вальтеръ Скота, Шеридана, Куна Тейлора, Теккерея и др. Томъ I: Путешествіе въ Лмалупу и путешествіе въ Бробдиньягъ. Томъ II: Путешествіе въ Лапуту и къ Гумгигнамъ. Съ 164 рисунками, рѣзанными въ Лондонѣ. Цѣна за 2 тома 4 р. 40 к. Пересылка по разстоянію за 3 фун. Роскошный переплетъ 75 коп.

Издатели просятъ не смѣшивать трехъ предыдущихъ изданій съ безчисленными переделками, не имѣющими, кромѣ фабулы, ничего общаго съ оригиналами этихъ классическихъ произведеній, появляющихся въ полномъ переводѣ въ первый разъ.

Монгомери. СИНЯЯ ВУАЛЬ. Повесть для дѣтей старшаго возраста. Переводъ съ англійскаго. С. Л. Федоровичъ, съ 12 рисунками. Цѣна въ папкѣ 1 руб. 75 коп. Перес. за 2 ф. по разстоянію.

Вольтеръ. ДЖОНА МОРЛЕЯ. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей профес. А. Киршичкова. М. 1889 г. Цѣна 2 руб. Пересылка за 2 ф. по разстоянію.

Джонъ Гиндаль. ТЕПЛОТА, разсматриваемая какъ особый родъ движенія. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей проф. А. Шимкова, съ 120 рис. въ текстѣ. Изданіе 2-е. М. 1889 г. Цѣна 3 руб. 75 коп., съ перес. 4 руб. Книга рекомендована Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученыхъ библиотекъ, мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ семинарій, а также для библиотекъ учительск. институтовъ и городскихъ училищъ.

Джіованни Боккаччіо. Декамеронъ. Полный переводъ академика профессора А. Н. Веселовскаго. Роскошное иллюстрированное изданіе. М. 1891 г. Т. I. Цѣна съ билетомъ на 2-й томъ 10 руб. Пересылка за 5 фун. оба тома. Второй томъ выйдетъ въ сентябрѣ 1891 г.

Печатаются и въ сентябрѣ поступятъ въ продажу:

Жанъ-Жакъ Руссо. Юлія или Новая Элоиза, или Письма двухъ любовниковъ, живущихъ у подножья Альпъ. Т. I.

Жоржъ-Зандъ. Сочиненія. Т. I. Замокъ Вильпра.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

ВЪ ДВУХЪ БОЛЬШИХЪ ТОМАХЪ

съ 40 фототипіями и 120 рисунками въ текстѣ.

Рисунки исполнены исключительно для этого изданія художниками: И. К. Айвазовскимъ, В. М. Васнецовымъ, А. М. Васнецовымъ, М. А. Врубелемъ, Е. Е. Волковымъ, Н. Н. Дубовскимъ, С. В. Ивановымъ, К. А. Коровичемъ, В. К. Менкѣ, В. Е. Маковскимъ, В. Д. Полновымъ, Л. О. Пастернакомъ, И. Е. Рѣпиннымъ, К. А. Савицкимъ, В. А. Спрывымъ, В. И. Суриковымъ, К. А. Трутовскимъ, И. И. Шишкинымъ.

Текстъ вновь пересмотрѣнъ и исправленъ по рукописямъ поэта, согласно указаніямъ нашего извѣстнаго бібліографа П. А. Ефремова. Біографія поэта и критическая статья объ его произведеніяхъ написаны И. И. Ивановымъ.

Цѣна 5 руб. за оба тома (пересылка по разстоянію за 5 фун.).

Съ требованіями обращаться въ книжный магазинъ П. К. Прянишниковъ (Москва, Петровскія линіи, № 15) и магазинъ книгъ и книжныхъ принадлежностей Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о. (Москва, Никольская ул., д. Чижовыхъ).

Орловскою (въ Орлѣ) Городскою Управою

на предстоящій зимній сезонъ 18⁹¹/₉₂ г. сдается въ аренду заново отремонтированный городской театръ съ мебелью и многими театральными принадлежностями, какъ-то: декораціями, бутафорскими вещами и проч., а также съ буфетомъ и вѣшалкою за арендную плату 1.500 руб. Подробныя свѣдѣнія объ условіяхъ аренды можно получать ежедневно, кромѣ дней не присутственныхъ, въ канцеляріи Управы отъ 10 до 3 часовъ дня.

Орловскій Городской Голова *Волковъ*.

Желающіе узнать адресъ артиста

ИВАНОВА-КОЗЕЛЬСКАГО

благоволятъ обращаться въ театральныя бібліотеки гг. Разсохиной и Напойкина.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛЪ

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ.

ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

(съ 1-го ноября 1891 года).

Журналъ выходитъ 5 разъ въ годъ (1-го ноября, января, марта, мая и сентября) книгами въ 15—16 листовъ. Подписная цѣна: на годъ (съ 1-го ноября 1891 г. по 1-е ноября 1892 г., или съ 1-го января 1892 г. по 1-е января 1893 г.) безъ доставки 6 руб., съ доставкой 6 руб. 50 коп., за границу 7 руб. 50 коп.; на годъ и два мѣсяца (съ 1-го ноября 1891 г. по 1-е января 1893 г.) безъ доставки 7 руб. 50 коп., съ доставкой 8 руб., за границу 9 руб. 50 коп., Лица, желающія подписаться съ 1-го ноября 1891 г. по 1-е января 1893 г., могутъ пользоваться разсрочкой: при подпискѣ вносится 4 руб. 50 коп. (безъ дост.), 5 руб. (съ пересылкой), или 6 руб. 50 коп. (за границу) и не позже 1-го марта остальные 3 руб. Учащіяся, сельскіе учителя и священники пользуются скидкой въ 2 руб.

Подписка принимается въ редакціи „Русской Мысли“, въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, Карбасникова, Вольфа и др. и въ конторѣ журнала: Москва, Чистые пруды, д. Мейнгардъ.

Подписка на льготныхъ условіяхъ (съ уступкой и разсрочкой) принимается исключительно въ конторѣ журнала.

Издатель А. А. Абрикосовъ.

Редакторъ Ш. Я. Гротъ.

НОВАЯ КНИГА

А. ШАХОВЪ.

ГЕТЕ и ЕГО ВРЕМЯ.

Цѣна 1 р. 75 к.

Учащіеся могутъ приобрести книгу въ редакціи журн. „Артистъ“ по 1 руб.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Карбасникова, Вольфа, Попова, Цинзерлинга, Мартынова и др., а также на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ продаются

НОВЫЯ КНИГИ

Валеріана Свѣтлова.

- 1) **НОВЕЛЛЫ.** Около 500 стр. Ц. 1 р. 50 к.
- 2) **КРЫМСКІЕ ОЧЕРКИ.** Около 300 стр. Ц. 1 р. 25 к.

На пересылку 25 коп.

Изящное изданіе съ виньетками и заставками.

Вышла (восьмая) августовская книга ежемѣсячнаго и литературно-политическаго изданія

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

I. Изъ переписки недавнихъ дѣателей. (Материалы для исторіи русскаго общества). Окончаніе. II. Смѣна. (Романъ). Часть II гл. I и II. Продолженіе. А. М. Эртеля. III. При дворѣ Медичи Историческій романъ Карла Беркова. Окончаніе. Переводъ В. М. Р. IV. Стихотвореніе. Ф. Е. Корша. V Цвѣты. (Фантазія). Ам. Болкомскаго. VI. Сивифъ. Картины деревенской жизни Клеменса Юбши. Окончаніе. Переводъ съ польскаго В. М. Л. VII. Дневникъ Ласала. VIII. Стихотвореніе. Л. М. Медвѣдева. IX. Государственнымъ идеямъ Штейна. Р. Ю. Виппера. X. Изъ исторіи волнень въ оренбургскомъ краѣ. Материалы для исторіи послѣдняго киргизскаго возстанія. Продолженіе. Н. А. Середы. XI. Эволюція литературы. („Brunetiere: Evolution des genres dans l'histoire de la littérature“). Окончаніе. А. В. П—вой. XII. Столѣтіе „Писемъ русскаго путешественника“. Окончаніе. Д. Н. Анучина. XIII. Земство и переселенческій вопросъ. Гл. И. Успенскаго. XIV. Эскурсы въ область русскаго эпоса. Продолженіе. В. Ф. Миллера. XV. Психологическій вопросъ. (По поводу послѣдней повѣсти Л. Толстого „Крейцеровъ соната“). М. А. Протопопова. XVI. Адамъ Мицкевичъ. (Его жизнь и произведенія до выѣзда за-границу). А. Уманскаго. XVII. Внутреннее обозрѣніе. XVIII. Иностранное обозрѣніе. В. А. Гольцова. XIX. Научный обзоръ: Изъ новой литературы по воздѣлыванію хлѣбовъ. А. Ф. XX. Французская выставка въ Москвѣ. XXI. Библиографическій отдѣлъ. Объявленія.

Продолжается подписка на второе полугодіе 1891 года (двѣнадцатый годъ изданія).

	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Цѣна: съ дост. и перес. 6 р.	3 р.	1 р.
За-границу 7 „	3 „	50 к. 1 „ 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ и въ 1 октября по 3 рубля. Книгопродавцамъ уступка 50 коп. съ годоваго экземпляра; кредита и разсрочекъ не допускается.

Изъ книгъ перваго полугодія можно получать только: январскую, февральскую, мартовскую и іюньскую.

Москва: контора журнала:—Леонтьевскій, 21.

С.-Петербургъ: книжный магазинъ Н. Фену и К^о, Невскій.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

LE JOURNAL DE SAINT-PÉTERSBOURG

EST LE SEUL ORGANE RUSSE PUBLIÉ EN LANGUE FRANÇAISE.

Ses informations sont puisées aux meilleures sources. Elles embrassent toutes les communications officielles, les traités et conventions conclues par le gouvernement impérial, toutes les nominations diplomatiques et administratives de quelque importance, les faits courants. Une rubrique spéciale est consacrée à la *revue des journaux russes*. Le budget de l'empire, le rapport du Contrôleur Général sur l'exercice écoulé y sont publiés in extenso. Ajoutez-y un tableau mensuel de recettes et des dépenses publiques et un compte-rendu raisonné du mouvement des importations et exportations, un tableau hebdomadaire du mouvement des ports de Saint-Petersbourg et de Cronstadt et un autre exposant le prix de céréales par semaine, enfin un bulletin quotidien de la Bourse de Saint-Petersbourg et des dépêches sur celles de Moscou, Riga, Odessa—voilà pour les nouvelles concernant la Russie—sans parler de la partie littéraire, consacrée aux *Revue russes*, aux Sociétés savantes etc.—Ses feuilletons de théâtre et sa chronique musicale sont fort goûtés dans le monde artistique et littéraire. Il en est de même de ses comptes-rendus des expositions etc. etc.

Une large partie du journal est réservée aux nouvelles de l'étranger. Sa rubrique bibliographique est très appréciée des connaisseurs. Ajoutons que le *Journal de Saint-Petersbourg* ne s'est jamais départi des exigences auxquelles doit répondre un organe destiné à la bonne société.

Prix d'abonnement:

	en roubles.			
	1 mois	3 mois	6 mois	1 an
Saint-Petersbourg	2.—	5.50	10.—	18.—
Russie	2.50	6.75	12.25	22.—
Etats de l'Union postale	2.50	7.—	12.50	24.—

On peut s'abonner à *Saint-Petersbourg*, à l'administration du *Journal*. Maximilianovsky pereulok, et au bureau spécial du *Journal*, librairie ancienne Mellier pont de Police, m. de l'église hollandaise; à *Paris*, à l'Agence Havas, place de la Bourse, 8; à *Londres*, chez MM. Delizy, Davies & Co., 1, Cecil street, Strandt W.-C; à *Berlin*, M. Rudolf Mosse, Jerusalemstrasse, 48; à *Vienne*, et à *Hambourg*, chez MM. Haasenstein et Vogler; à *Strasbourg*, chez M. Aug. Ammel, rue Brûlée, 5.

„РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

(девятый годъ изданія Л. Е. Оболенскаго).

Въ 1891 году журналъ „РУССКОЕ БОГАТСТВО“ выходитъ ежемѣсячно въ размѣрѣ до 15 печатныхъ листовъ по слѣдующей программѣ.

Беллетристическій отдѣлъ: романы, повѣсти, рассказы, очерки, стихотворенія оригинальныя и переводныя.

Научно-философскій отдѣлъ: 1) Статьи по социологii, этикѣ, философи и естественнымъ наукамъ 2) Краткіе рефераты по новѣйшимъ научнымъ открытіямъ. 3) Обширныя научныя и философскія сочиненія въ формѣ приложений съ особой нумераціей страницъ.

Въ предъидущихъ годахъ въ этомъ отдѣлѣ печатались: „Основанія науки о нравственности“ Герберта Спенсера. „Развитіе политическихъ учреждений“ его же. „Физиологія ума“ Карпентера. „О гипнотизмѣ“ проф. физиологii Бони. „Психологія“ Джемса Селли. „Этика“ (ислѣдованіе фактовъ и законовъ нравственной жизни) В. Вундта. „Умъ животныхъ Джоржа Роменса. „Элементарная политика“ Ралея. „Эволюція собственности“ Летурно. „Школьные тиш“ проф. П. Ф. Лесгафта. „Происхожденіе міра“ соч. Н. Фауе и т. п.

Критическій отдѣлъ. Разборъ текущихъ журналовъ русскихъ и иностранныхъ. Статьи по теорii искусства; разборы художественныхъ и научныхъ произведеній; обзоръ новыхъ книгъ по беллетристикѣ, философи и наукѣ. Обзоръ внутренней русской жизни. Обзоръ заграничной жизни.

Цѣна въ годъ: съ пересылкою и доставкою 9 руб. Безъ доставки и перес. 8 руб. За границу 10 руб.

Допускается рассрочка: при подпискѣ—3 руб. въ апрѣлѣ—3 руб. и остальные не позже сентября.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, въ редакцію „РУССКОЕ БОГАТСТВО“ Слоновая ул., д. № 52.

Петербургскіе подписчики могутъ обращаться въ книжный магазинъ Цинзерлинга бывшій Мелье, (Невскій, д. № 46). Издатель Л. Е. Оболенскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 2-е ПОЛУГОДИЕ

на ежедневную газету

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“.

Разсрочка допускается со взносомъ не менѣе одного рубля ежемѣсячно впередъ.

Подписная цѣна съ пересылкою: на годъ 9 р., полгода 5 р., 3 мѣсяца 3 руб., 1 мѣсяць 1 руб.

Адресъ: Контора и редакція С.-Петербургъ, Невскій проспектъ домъ № 65.

Отдѣленіе въ Москвѣ противъ Храма Спасителя, домъ кн. Голицына.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

гг. артистовъ, ищущихъ ангажемента:

Апушинъ, С. С. Комикъ-резонеръ, простакъ ищетъ ангажемента на зимній сезонъ 91—92 года. Москва, Пречистенка, Штатный пер., соб. домъ.

Виноградскій, Иннокентій Николаевичъ, комикъ и характерныя роли. Царицынъ, домъ Полянскій.

Виноградская, Людмила Дмитриевна. *Ingenuе dramatique* и *grande coquette*. Царицынъ, д. Полянскій.

Гурская, Елена Алексѣевна, желаетъ получить ангажемента на зимній сезонъ на 2-ыя роли. Жалованье по 40 р. въ мѣс. Г. Тула, Почтовая ул., д. Соколова.

Горинъ, Я. М. Пѣвучій простакъ и комикъ въ комедіяхъ, опереткахъ и водевиляхъ. Г. Умань, Кіевск. губ. Театръ.

Денисовъ, Павелъ Александровичъ. Трагическія и сильно драматическія роли. Желаетъ ангажемента, мѣста режиссера или преподавателя драматическаго искусства (8-лѣтняя практика). Москва, Неглинный проѣздъ, номера Ечкиной, № 70.

Дольскій, Мих. Мих. Любownikъ, фатъ и простакъ въ опереткѣ. Г. Павловскъ, Петерб. губ., 3-я Матросская, д. № 323. г. Вакуловскому-Дощинскому.

Кельсъ, Е. В. Вторыя роли. Кіевъ, Рейтгарская ул., № 19.

Карнѣва, Александра Карниловна *grande-dame* и комическая старуха. Г. Ростовъ н. Д. Николаевскій пер. В. П. Грабовской, соб. домъ.

Осипова, З. Н. На драматическія роли свободна на зимній сезонъ 91—92 г. Зарайскъ (Рязанской губ.).

Бывшая ученица драматическаго училища ищетъ мѣсто, амплуа *ingenuе dramatique*, согласна на 2 роли. Кіевъ, до востребованія, А. Б.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ въ 19 день Мая 1889 года ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ соизволилъ на открытіе при Комитетѣ Общества Русскихъ Драматическихъ Писателей и Оперныхъ Композиторовъ повсемѣстнаго по Имперіи сбора пожертвованій на сооруженіе въ городѣ Москвѣ памятника покойному драматическому писателю

А. Н. Островскому.

О такомъ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕМЪ соизволеніи Комитетъ Общества Русскихъ Драматическихъ Писателей и Оперныхъ Композиторовъ поставяя въ общую извѣстность, покорнѣйше проситъ адресовать денежные пожертвованія въ Москву казначею Общества д. с. с. Апполону Александровичу Майкову.

Контора редакціи покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ, пользующихся разсрочкой, высылать слѣдующіе взносы своевременно — согласно объявленнымъ условіямъ разсрочки во избѣжаніе задержки въ высылкѣ книгъ.

СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ ИЗДАННЫХЪ П. ЮРГЕНСОНОМЪ

ВЪ 1890 ГОДУ.

Теоретическія сочиненія. Ouvrages théoriques.

	Р. К.		Р. К.
<i>Аренский, А.</i> Сборникъ задачъ (1000) для практическаго изученія гармоніи.	2 —	<i>Гевартъ, Ф. А.</i> Новый полный курсъ инструментовки. Выпускъ I. <i>Струнные инструменты.</i>	3 —
— Руководство къ практическому изученію гармоніи.	1 50	<i>Кирилловъ, Н.</i> Скрипачи XVII, XVIII и XIX столѣтій, 2-е изд.	—75

Для оркестра. Pour orchestre.

<i>Арс, N.</i> Au village. Tableau musical. <i>Parties.</i>	2 50	<i>Шубертъ, В.</i> Молодецъ-удалецъ. Кадриль.	Голоса. 2 —
<i>Рубинштейнъ, А.</i> Танцы и Свадебное шествіе изъ оперы Фераморъ.		<i>Simon, A.</i> Op. 36. La Revue de nuit. Poëme Symphonique. <i>Parties.</i>	9 —
<i>Rubinstein, A.</i> Airs de ballet et Cortège de pose de l'opéra <i>Feramors.</i>		<i>Tschaikowsky, P.</i> Op. 37 ^{bis} № 6 <i>Barcelona.</i> arr. par R. Nováček. <i>Partition.</i>	—75
— № 1. Танецъ балдерожъ I. <i>Parties.</i>	1 50	— <i>Hamlet.</i> Ouverture-Fantaisie. Гамлетъ. Увертюра-фантазія. <i>Parties.</i>	8 —
— " 2. Танецъ Камеширскихъ невѣстъ. <i>Parties.</i>	" 1 50	— <i>Eugène Onéguine.</i> Valse. arr. par Büchner Violon conducteur. <i>Parties.</i>	—75
— " 3. Танецъ балдерожъ II. <i>Parties.</i>	" 1 50	— <i>Elégie, à la mémoire de J. Samarin.</i> Элегія. Памяти И. В. Самарина. <i>Partition.</i>	—50
— " 4. Свадебное шествіе. <i>Parties.</i>	" 1 50		—60

Оперы и балеты въ партитурѣ. Opéras et ballets en Partitions

(по условнымъ цѣнамъ).

<i>Аренский, А.</i> Сомъ на Волгѣ. Оп. въ 4 дѣйст. —	<i>Чайковский, П.</i> Спящая красавица. Балетъ въ 3-хъ дѣйствіяхъ. —
--	--

Для инструментовъ соло съ оркестромъ. Pour instruments solo avec orchestre.

<i>Rubinstein, A.</i> Op. 113. Concertstück, pour le piano avec accompagnement d'Orchestre. <i>Nouvelle version.</i> <i>Partition.</i>	<i>Simon, A.</i> Op. 28. Berceuse, pour Violon solo avec orchestre à cordes. <i>Partition.</i> —50
--	--

Для военнаго оркестра. Pour Orchestre militaire.

<i>Направинъ, Э.</i> Op. 38. Маршъ 8-го Драгунскаго Астраханскаго Его И. В. Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго полка. <i>Партитура.</i>	<i>№ 65.</i> Страусъ, Эд. Прелестъ любви. Польша-Мазурка. —50
Военно-музыкальный сборникъ для мѣднаго хора.	
№ 62. Стасни. Веселый Маршъ. 1 —	" 66. Циммерманъ, А. Фантазія на славянскія народныя нѣсни. 1 50
" 63. Циммерманъ, А. Бѣглый Маршъ изъ русскихъ романсовъ. —50	" 67. Оберъ. Попурри изъ оперы Коронные брилліанты. 1 50
" 64. Видеманъ. Анна-Польша. —50	" 68. Решъ. Кри-Кри. Кадриль. 1 —
	" 69. Strauss, J. Тис-Тас. Галопъ изъ оперетки Летучая мышь. —50

	P. K.		P. K.
№ 70. Галеви. Попурри изъ оперы Жидовна.	1 —	№ 85. Францъ. Стрѣлокъ-Кадриль.	1 —
„ 71. Нагель, Ю. Николай-Маршъ.	—75	„ 86. Вагнеръ, Ф. Концертъ-Полька (Соло для Корнета).	1 —
„ 72. Страусъ, М. Въ нашихъ краяхъ. Вальсъ.	1 50	„ 87. Решъ Баадерка-Вальсъ.	1 50
„ 73. Миниусъ. Попурри изъ балета Бачочка.	1 50	„ 88. Лангенбахъ, Ю. Торпедо-Маршъ.	1 —
„ 74. Оффенбахъ. Попурри изъ опер. Madame l'Archiduc.	1 50	„ 89. Циммерманъ, А. Попурри изъ оп. Балъ маскарадъ.	2 —
„ 75. Страусъ, Э. Военный салютъ-Полька.	—50	„ 90. Гейне, Б. Скорый-Маршъ.	—50
„ 76. Циммерманъ, А. Парадъ-Маршъ.	—50	„ 91. Тивольскій. Воспоминаніе о Неаполѣ. Мазурка.	—50
„ 77. Капри, Ю. Къ оружію. Военная пѣсня.	—50	„ 92. Гуно. Попурри изъ оперы Ромео и Джульета.	2 —
„ 78. Франкъ. Вѣнскій галопадъ.	—50	„ 93. Циммерманъ, А. Скорый Маршъ.	—75
„ 79. Литольфъ. Бѣглый Маршъ.	—50	„ 94. Донизетти. Романсъ изъ оп. Донъ-Паскуале (Соло для баритона).	—75
„ 80. Стаси. Походный Маршъ.	—50	„ 95. Гиммельманъ. Пѣсня взята. Маршъ.	—75
„ 81. Тюрнеръ. Попурри-Увертюра.	1 50	„ 96. Фаустъ. Весельчакъ-Полька.	—75
„ 82. Морозовъ, М. Счастливыя минуты. Вальсъ.	1 50	„ 97. Гуно. Попурри изъ оп. Фаустъ.	2 —
„ 83. Бернардъ, М. Мои пѣсни. Романсъ.	—50	„ 98. Фесна. Дѣвушка у окна. Романсъ.	—50
„ 84. Донизетти. Баватина изъ оперы Maria di Rogamъ.	1 50	„ 99. Гауптманъ. Заря.	1 —
		„ 100. Шмидтъ. Софія-Вальсъ.	—75

Trio. Trios.

Simon, A. Op. 20. 2-me Trio pour Piano, Violon et Violoncelle. . 4 Rb.

Для одной скрипки. Pour Violon seul.

<i>Discotini, G.</i> Op. 109. L'inséparable-Valse. —20	Стрѣлокъ-полька. 6. Frank, Wiener-Galop. —60
<i>Frantz, Ch.</i> Op. 8. Les cuirassiers. Quadrille —20	Тетр. II. Kretschmer, Cleo-Valse. 2. Францъ, Здорово ребята, маршъ. 3. Тивольскій, Славянская полька. 4. Дисоттин, Monstre-Mazurka. 5. Смирновой, Маруся-полька. —60
<i>Тивольскій, Н.</i> Op. 70. Первое поурри изъ русскихъ пѣсень. —50	Тетр. III. 1. Францъ, Скобелевъ-маршъ. 2. Тивольскій, Бсего попомножку, кадрили. 3. Брючковъ, Озерки-полька. 4. Дюкомень, Гусельки-кадриль. 5. Францъ, Эхо-вальсъ. —70
— Op. 84. Второе поурри изъ русскихъ пѣсень. —50	
— Бальный курьеръ. Собраніе любимыхъ танцевъ.	
Тетр. I. <i>Discotini, G.</i> L'inséparable Valse. 2. Дюкомень, Стрѣлокъ-полька. 3. Дюкомень, Шалунья-полька. 4. Францъ Кирасиръ-полька. 5. Балабановъ,	

Для виолончели. Pour violoncelle.

Альбрехтъ, Е. Практическая элементарная школа. Томъ 75. . . 1 р.

Для одной флейты. Pour Flûte seule.

<i>Тивольскій, Н.</i> Op. 70. Первое поурри изъ русскихъ пѣсень. —40	<i>Тивольскій, Н.</i> Op. 84. Второе поурри изъ русскихъ пѣсень. —50
	<i>Waterstraat, F.</i> 40 Etudes pour la Flûte. 2 —

Для 6-ти струнной гитары. Pour Guitare à 6 cordes.

<i>Климентъ, Н.</i> Op. 19. Любимыя сочиненія:	Гурилевъ, Дасточка. 3. Schubert, Adieu.
Тетр. I. № 1. Mertz. Pianto dell'amante.	4. Gordigiani, Prière à la Madone.
2. Souvenir de Schulhoff, Mazurka.	5. Еврейская (свадебная). 6. Огнискій, Полонезъ. 7. Моляшко, Вечеръ. 8. Chopin, Valse. Op. 69. —80
3. Le romantique. 4. Les adieux. 1 —	
Тетр. II. № 1. Moszkowski. Serenata. 2.	

Для 7-ми струнной гитары. Pour Guitare à 7 cordes.

	Р. К.		Р. К.
<i>Куликовъ, И.</i> Невозвратное время. Вальсъ соч. Арса, для одной или двухъ гитарь. —20		другъ нашъ. 9. Ноченька. 10. Я любила его. 11. Любовь цыганки. 12. Я плакалъ во снѣ. 13. Не тверди. 14. Береза. 15. Я помню блаженныя встрѣчи. —50	
— <i>Моя царица</i> Вальсъ соч. Кута, для одной гитары. —30		Тетр. II №№ 1. Тройка, Лазарева. 2. Шитри онъ. 3. Успокой меня. 4. О, если-бъ могъ выразить, Малашкина. 5. Тройка мчится. 6. Зацѣлуй меня до смерти. 7. Сгубили меня твои очи. 8. Ахъ, не зналъ я. 9. Червоная ягодка. 10. Люблю тебя. 11. Вотъ жизнь цыганки. 12. Ивушка. 13. Не искушай меня безъ вужды. 14. Какъ ты прекрасна. 15. Кубокъ. —50	
— <i>Моя царица</i> Вальсъ соч. Кута, для двухъ гитарь. —60		Тетр. III. №№ 1. Я васъ любилъ. 2. Дують витры. 3. Ты-ль одинокая. 4. Чаруй меня. 5. Полюби ты меня. 6. Настасья. 7. Ножка. 8. Ты не повѣришь. 9. Вѣтка. 10. Антипка балабайку. 11. Вьется ласточка. 12. Друзья, я недовѣрчивъ сталъ. 13. Мы съ тобою на вѣки. 14. Я васъ люблю. 15. Сарафанчикъ. —50	
— <i>Осенние напѣвы</i> . Вальсъ соч. Вальдтейфеля, для одной гитары. —30		Тетр. IV. №№ 1. Все слушалъ бы, слушалъ. 2. Вчера я видѣлъ васъ во снѣ. 3. Обойми, поцѣлуй. 4. Не шуми ты рожь. 5. На зарѣ туманной юности. 6. Я васъ любилъ. 7. Дружокъ нѣжное волнение. 8. Отчего такъ задумчива. 9. Для меня ты все. 10. Гаданіе. 11. Нѣтъ, нѣтъ онъ меня не любить. 12. Улане, улане. 13. Погубили меня твои глаза. 14. Обманула, провела. 15. Лѣтъ пятнадцать. —50	
— <i>Всегда или никогда</i> Вальсъ соч. Вальдтейфеля, для одной гитары. —30		— Паулина-маршъ. Кречмера. —20	
— <i>Эстудіантина</i> . Вальсъ соч. Вальдтейфеля, для одной гитары. —30		— Береза-кадриль. Ф. Лобри. —30	
— <i>Эстудіантина</i> . Вальсъ соч. Вальдтейфеля, для двухъ гитарь. —60		— Маршъ петербургской пожарной команды. Мюллера. —20	
— <i>Любимые романсы и цыганскія пѣсни для одного голоса съ акк. гитары. Въ 3-хъ тетрадахъ:</i>		— Венгерская пѣсня. „О ты Венгрія родная“. —20	
Тетр. I. №№ 1. Ты еще не умѣешь любить, Шиткина. 2. Матушка, голубушка, Гурилева. 3. Вьется ласточка, Гурилева. 4. Я помню все, Тарновской. 5. Что такъ задумчива. 6. Не брани меня, родная. 7. Сгубили меня. 8. О, если-бъ могъ выразить Малашкина. —50		— Скобелевъ-маршъ. К. Франца. —20	
Тетр. II. №№ 1. Забыли вы, Оппеля. 2. Троечка, Шиткина. 3. Выхожу одинъ я на дорогу, Шашиной. 4. Когда-бъ онъ зналъ, Кочубей. 5. Я плакалъ во снѣ, Пауфлера. 6. Для меня ты все. 7. Прости, Пауфлера. —50		<i>Соловьиное, В.</i> Тебя-ль забыть Гавотъ, арр. Экенбергъ. —30	
Тетр. III. №№ 1. Пѣснь ямщика, Лазарева. 2. Я очи зналъ, Кочубей. 3. Тяжело, не стало сыно, Варламова. 4. Какъ ты прескрасна, Балабанова. 5. Люблю тебя, Донаурова. 6. Я васъ люблю, цыганская пѣсня. 7. Не искушай меня, цыганская пѣсня. —50			
— <i>Ночь у Яра. Собрание цыганскихъ пѣсенъ въ 4-хъ тетрадахъ:</i>			
Тетр. I. №№ 1. Она поетъ. 2. Ты еще не умѣешь любить. 3. Сгубили меня твои очи. 4. Жизнь цыганки. 5. Ты почувствуй, дорогая. 6. Что эта жизнь. 7. Укорь, соч. Оппеля. 8. Гдѣ ты,			

Для гармоніума. Pour Harmonium seul.

<i>Nemerowski, A.</i> Op. 20. Sérénade. —30	stein: № 1. Вступленіе къ 2-му дѣйствію оперы Дѣти стѣней. № 2. Ангель. Дуэтъ. № 3. Ты прости. Романсъ. № 4. Какъ увижу твои ножки. № 5. Клубится волною. № 6. Mélodie op. 3. № 1. № 7. Дуэтъ изъ 1-го дѣйствія оперы Маннаген. № 8. Хоръ изъ см. Мупецъ Илашкинскъ. —70
— Chopin. Prélude. Mazurka. —40	
— Liszt, Consolation. —20	
— Tschalkowsky, op. 40 № 6. Chant sans paroles. —30	
<i>Rubinstein, A.</i> Op. 3 № 1. Mélodie. Arr. par A. Sokol. —20	
<i>Sokol, A.</i> Mélodies favorites de A. Rubin-	

Для скрипки съ фортепиано. Pour Violon avec Piano.

<i>Ars, N.</i> Polonaise. 1 —	ская пѣсня. № 4. Нѣмецкая мелодія. № 5. Матушка голубушка. А. Гурилева. № 6. Итальянская мелодія. № 7. Вотъ мчится тройка. № 8. Тирольская. № 9. Каватина, соч. Донипетти. № 10. Не брани меня, родная.
<i>Bernard, M.</i> Frère et soeur. Recueil de Duos faciles. <i>Бернардъ, М.</i> Братъ и сестра. Собрание легкихъ дуэтовъ. № 1. Боже, Царя храни. № 2. Кто могъ любить страстно. № 3. Тироль-	

	P. K.		P. K.
№ 11. Крошка. № 12. Скажите ей. Е. Кочубей. № 13. Разлука. А. Гурилева. № 14. Изъ оп. Вильгельмъ Тель. № 15. Выхожу одинъ я на дорогу. Е. Шашиной. № 16. Изъ оп. Робертъ. № 17. Онъ меня разлюбилъ. В. Имберда. № 18. У него-ли русы кудри. А. Даргомыжскаго. Томъ 28.	1 50	<i>Rubinsteynъ, A.</i> Горюша. Поуурри arr. В. Ружицкимъ.	1 25
<i>Discontin, L.</i> Op. 109. L'inséparable-Valse.	— 70	<i>Simon, A.</i> Op. 17. № 3. Valse. Edition de concert.	— 80
<i>Frantz, C.</i> Op. 8. Les cuirassiers. Quadrille.	— 60	<i>Taborowsky, S.</i> Six Rhapsodies nationales. <i>Таборовскій, С.</i> 6 національныхъ рапсодій: № 1. Русская рапсодія. № 2. Итальянская рапсодія. № 3. Русская рапсодія. № 4. Чешская рапсодія. № 5. Нѣмецкая рапсодія. № 6. Еврейская рапсодія. Томъ 30.	1 50
<i>Nemerowski, A.</i> Op. 8. Méditation.	— 50	<i>Villebois, C.</i> 150 airs nationaux russes. <i>Вильбоа, С.</i> 150 русскихъ народныхъ пѣсень. Томъ 368.	1 50
<i>Rubinstein, A.</i> L'Infortunée. Potpourri arr. par Roujytsky.	1 25		

Для Виолончели съ фортепiano. Pour Violoncelle avec Piano.

<i>Albrecht, C.</i> 4 Menuets tirés des Quatuors de J. Haydn.	— 80	<i>Bernard, A.</i> Op. 32. Rêverie.	— 50
<i>Albrecht, L.</i> Epiсedion. (Надъ гробомъ).	— 40	<i>Tschatkovsky, P.</i> Op. 40. № 2. Chanson triste, arr. par A. Wierzbilowicz.	— 40

Для флейты съ фортепiano. Pour Flûte avec Piano.

<i>Bernard, M.</i> Op. 32. Rêverie.	— 60	<i>Rubinstein, A.</i> Op. 3. № 1. Mélodie. <i>Fa-majeur</i> arr. par G. Popp.	— 60
<i>Popp, W.</i> Potpourri de l'op. L'Infortunée de Rubinstein. <i>Поппъ, В.</i> Поуурри изъ оп. Горюша, А. Рубинштейна.	1 25		

Для гармоніума съ аккомп. фортепiano и другихъ инструментовъ.

<i>Nemerowski, A.</i> Beethoven, op. 58. Andante, du concerto.	—	<i>Rubinstein, A.</i> Op. 3. № 1. Mélodie. <i>Fa-majeur</i> Pour Harmonium et Piano.	— 60
— Chopin, op. 64. № 2. Valse.	—	— „ Pour Harmonium, Piano et Violon.	— 70

Для 2-хъ фортепiano. Pour 2 Pianos.

<i>Glinka, M.</i> Ouvertures espagnoles, arr. à 8 mains par E. Langer:		<i>Glinka, M.</i> № 2. Ночь въ Мадридѣ.	1 50
— № 1. La jota arragonesa.	2 50	<i>Rubinstein, A.</i> Op. 113. Concertstück pour 2 pianos à 4 mains.	2 —
— „ 2. Souvenir d'une nuit d'été à Madrid.	1 50	(Pour exécuter il faut 2 Exempl.)	
<i>Glinka, M.</i> Испанскія Увертюры, аранж. для 8 рукъ Э. Лангеромъ:		— Op. 113. Concertstück, pour 2 pianos à 4 mains. Nouvelle version.	2 —
— № 1. Арагонская хота.	2 50	(Pour exécuter il faut 2 Exempl.)	

Для фортепiano въ 4 руки. Pour le Piano à 4 mains.

<i>Alberti, H.</i> Op. 23. № 7. Lombardi. Petite fantaisie.	— 25	<i>Diabelli, A.</i> Op. 149. 28 leçons mélodiques. <i>Диабелли, А.</i> Op. 149. 28 мелодическихъ упражненій. Томъ 276.	1 —
<i>Балабановъ, А.</i> Op. 43. Дружно, ребята. Маршъ.	— 40	<i>Дюбуа, А.</i> Соловей. Романсъ А. Алябьева.	— 60
<i>Behr, F.</i> Op. 500. Fanfare militaire.	— 30	— Торжественный маршъ на коронацію Императора Александра III.	— 50
<i>Berens, H.</i> Op. 62. Melodische Uebungstücker. <i>Беренсъ, Г.</i> Мелодическія упражненія. Томъ. 570.	— 75	<i>Discontin, L.</i> Op. 109. L'inséparable-Valse.	— 80
<i>Beyer, F.</i> Op. 112. № 8. Guillaume Tell. Fantaisie instructive.	— 45	— Op. 130. Шалувыя. Польша.	— 30
<i>Christander, N.</i> Méthode progressive de lecture musicale. Sur 5 notes Cah. 1-4 à 1 50		<i>Faust, C.</i> Op. 96. Märchen aus schöner Zeit. Walzer.	— 50
— Complet.	4 —	<i>Frantz, C.</i> Op. 8. Cuirassiers. Quadrille.	— 75
<i>Кристандери, Н.</i> Школа „прогрессивнаго чтенія нотъ. Сборникъ пьесъ въ 4 руки въ объемъ 5 нотъ, какъ дополненіе къ каждой школѣ. Тетр. 1—4.	по 1 50	— Скобелевъ-маршъ.	— 30
— Всѣ 4 части въ одномъ томѣ.	4 —	<i>Ganz, W.</i> Op. 12. Qui vive. Grand galop de concert.	— 60
		<i>Michaëls, Th.</i> Op. 83. Türkische Schaarwache	— 30
		<i>Naprawnik, E.</i> Op. 38. Marche. <i>Направникъ, Э.</i> Op. 38. Маршъ 8-го Драгунскаго Астраханскаго полка.	— 40

	Р. К.		Р. К.
<i>Rubinstein, A.</i> Op. 44. № 1. Soirée à St-Petersbourg. Romance.	—40	<i>Симонъ А.</i> Op. 36. La Revue de nuit. Poème Symphonique. Ночной смотръ. Симфоническая поэма.	2 —
— Op. 103. Bal costumé. Костюмированный балъ. № 1. Introduction. Введение.	—50	<i>Тисольскій, Н.</i> Op. 70. Первое попури изъ русскихъ пьесъ.	1 60
— № 2. Astrologue et Bohémienne. Астрологъ и Цыганка.	—30	— Другъ дѣтей. Собрание легкихъ пьесъ на мотивы русскихъ пьесъ и романсовъ:	
— " 3. Berger et Bergère. Пастухъ и Пастушка.	—50	<i>Тетр.</i> 1-я. Боже, царя храни. Соловей. Братцы, дружно.	—40
— " 4. Marquis et Marquise. Маркизъ и Маркиза.	—50	" 2-я. Изъ подъ дуба. Выйду-ль я на рѣченьку. Пожалуйте сударыня.	—40
— " 5. Pêcheur napolitain et Napolitaine. Неаполитанскій рыбакъ и Неаполитанка.	—60	" 3-я. Не бѣлы снѣги. Тройка. Черный цвѣтъ.	—40
— " 6. Chevalier et châtelaine, Рыцарь и его дама.	—60	" 4-я. Скучно мнѣ. Не будите меня молодцу. Мы двѣ цыганки.	—40
— " 7. Toréador et Andalouse. Торедоръ и Испанка.	—60	" 5-я. Взвѣйся, выпе понесися. Возлѣ рѣчки. Я по цѣлымъ часамъ. Гандзя.	—40
— " 8. Pèlerin et Fantaisie. Странникъ и вечерняя звѣзда.	—50	" 6-я. Я очи зналъ. Во полѣ береза. Дѣвки на лугу гуляш. Что ты жадно.	—40
— " 9. Polonais et Polonaise. Полякъ и Полька.	—85	" 7-я. Ужъ какъ звали молодца. Натальюшки, Марьюшки. Скучно, матушка. Ненаглядный ты мой.	—40
— " 10. Boyar et Boyarine. Бояринъ и Боярыня.	—40	" 8-я. Побѣду млада. Занька поскачи. Не брани меня, родная. Стрѣлокъ.	—40
— " 11. Cosaque et Petite-Russienne. Козакъ и Малороссiянка.	1 —	<i>Tschalkowsky, P.</i> La belle au bois dormant. № 13b Farandole.	—30
— " 12. Racha et Almée. Паша и Альмея.	—70	— № 22. Valse & Polka.	—30
— " 13. Seigneur et Dame de la cour Henri III. Вельможа и дама двора Генриха III.	—60	— <i>Потр. агг. пар. Е. Лангер.</i> Попури, перелож. Э. Лангеромъ.	1 50
— " 14. Sauvage et Indienne. Дикій и Индианка.	—50	— Op. 67. Hamlet. Ouverture-Fantaisie, агг. пар Н Pасхулски. Гамлетъ. Увертюра-фантазия, перелож. Г. Пахульскимъ.	2 —
— " 15. Patricien allemand et Demoiselle. Нѣмецкiй патриций и Дѣвица.	—50	— La dame de pique. Potpourri, агг. пар Е. Лангер. Пиковая дама. Попури, переложенное Э. Лангеромъ.	1 50
— " 16. Chevalier et Soubrette. Шезалье и Субретка.	—60	<i>Vilbac, R.</i> Beautés d'opéras. Любимыя мелодiи изъ оперъ: № 1. Barbier de Séville. № 2. Elisire d'amore. № 3. Les Huguenots. № 4. Zampa. Т. 167.	1 50
— " 17. Corsaire et Femme grecque. Корсаръ и Гречанка.	—70	<i>Voss, Ch.</i> Recueil de fantaisies d'opéras. Оперныя фантази: № 1. Les Huguenots, op. 66. № 2. Lucrezia, op. 86. № 3. Martha, op. 100. № 4. La Juive, op. 115. Томъ 218.	1 50
— " 18. Royal Tambour et Vivandière. Барабанщикъ и Маркитанка.	—80	<i>Вюрстъ, И.</i> Бубенчики. Полька.	—40
— " 19. Troubadour et Damesouveraine. Трубадуръ и Воспѣтая дама.	—70		
— " 20. Finales. Финаль.	1 80		
— Bal costumé Vol. I. № 1—10. Vol. II. № 11—20. Костюмиров. балъ. Томъ I. Т. II.	но 3 —		
— Op. 116. Ouverture de la tragédie: Antonius et Cléopatre. Увертюра къ трагедiи Антонiй и Клеопатра.	1 50		
— Marche des Ruines d'Athènes, de Beethoven.	—30		
— Danses de l'opéra Faramors. А. Танцы изъ оперы Ферморсъ. Томъ 301.	1 50		

Для фортепиано въ 2 руки. Pour le piano à 2 mains.

<i>Abt, F.</i> Op. 126. Polka-Mazurka brillante.	—30	<i>Alberti, H.</i> Op. 32. La moisson d'or. № 12.	
" 242. Doux souvenir. Tyrolienne.	—30	— Zampa.	—15
<i>Adam</i> Ouverture. Si j'étais roi.	—40	— " 16. Barbier de Séville.	—15
<i>Alberti, H.</i> Op. 28. La moisson d'or.		<i>Аренинъ, А.</i> Сонъ на Волгѣ. Вступленiе.	—60
№ 1. La Traviata.	—15	— " Оп. въ 4 дѣйств. 3 —	
— " 2. Rigoletto.	—15	<i>Bach, E.</i> 7 Lieder ohne Worte № 1—7.	
— " 3. La fille du régiment.	—15	Complet.	1 70
— " 6. Norma.	—15	— № 1. Frühlings-Erwachen. Пробужденiе весны.	—30
— " 8. Ernani.	—15	— " 2. Sehnsucht. Желанiе.	—40
— " 9. Lucrezia.	—15	— " 3. Das Abendglöckchen. Вечерний звонъ.	—30
— " 14. I Vesperi Stellanii.	—15		
— " 16. Huguenots.	—15		

EDITION JURGENSON.

	P. K.		P. K.
Bach, E. № 4. Frühlingsliedchen. Весенняя пѣснька. —40	—40	Bolck, O. Op. 30. № 6. Sonatine. —30	—30
— № 5. Verlorenes Glück. Потерянное счастье. —30	—30	Burgmüller, Fr. Op. 89. № 2. Tyrolienne variée. —40	—40
— „ 6. Hoffnung. Надежда. —40	—40	— Op. 89. № 5. La Clochette. Galop brillant. —40	—40
— „ 7. Ein Blümchen der Einsamkeit. Уединенный цвѣточекъ. —40	—40	— „ 95. № 1. Fantaisie sur Benedetta de L. Paget —40	—40
Bach, I. S. Bourrée de la sonate arg. par H. Rupp —25	—25	— „ 100. Une Soirée à Varsovie. Maz. —30	—30
— Passacaglia pour Orgue. Transcription de Concert par G. Catoire. 1 —	1 —	Conradt, A. Op. 112. Конгрессъ мелодій. Понурри. —50	—50
Radarzewska, Th. Souvenir à ma Châmière. —20	—20	Cramer, H. Op. 65. № 3. Sérénade de l'opéra Don-Pasquale. —30	—30
Валабаноъ, А. Op. 43. Дружно ребята. Маршъ. —30	—30	— Op. 67. № 6. Le cor des Alpes, Fantaisie. —40	—40
Behr, F. Op. 10. № 1. Rêverie du soir. Mélodie. —15	—15	— „ 87. „ 3. Trio et Marche de Bellario. —30	—30
— Op. 29. Feuillet d'album. —15	—15	— „ 106. „ 1. Träume auf dem Ocean. Valse de Gungl. —25	—25
— „ 81. Fête bohémienne. —25	—25	— „ 105. „ 6. Боже, Царя храни. Variations. —25	—25
— „ 96. Accent du coeur. Romance sans paroles. —30	—30	— „ 107. Les Adieux. Pensée expressive. —30	—30
— „ 114. Les adieux à la Styrie. Mélodie. —30	—30	— „ 144. № 1. Loreley. Air allemand. —25	—25
— „ 129. Aux sons des cloches. —30	—30	— „ 159. Trovatore. —25	—25
— „ 217. Les beaux yeux. Polka de salon. —25	—25	— „ 160. Zampa. Petite fantaisie. —30	—30
— „ 265. Peine d'amour. Chanson russe. —30	—30	Czerny, Ch. Op. 359. Les premières leçons du jeune pianiste. Cah. I. —40	—40
— „ 288. № 1. Les Aveux. Mélodie expressive. —25	—25	Дамъ, Ф. Не горюй, не тоскуй. Фантазія. —30	—30
— „ 498. La Fée gracieuse. Polka-Maz. —20	—20	Delibes, L. Pizzicato du ballet Sylvia. —25	—25
Bernardъ, А. Op. 41. Ты тронула меня. —30	—30	Dorn, A. Op. 34. № 1. Chant arabe. —25	—25
— Должно быть дивно чувство то. Романсъ Ф. Листа. —20	—20	— Gavotte. —30	—30
Bernard, M. Collection d'airs favoris des opéras italiens.		Dubouque, A. Berceuse. Mélodie. —30	—30
— № 6. Bellini. Cavatine de la Sonnambula. —20	—20	— Rémiscences d'opéras: —50	—50
— „ 7. „ Duo de la Sonnambula. —30	—30	№ 7. Marche de Tannhäuser. —50	—50
— „ 8. Donizetti. Cavatine de l'opéra Maria di Rohan. —20	—20	— „ 8. Barbier de Séville. —60	—60
— „ 9. Beriot. Air favori chanté dans l'Elisir d'amore. —40	—40	— „ 9. Othello (Rossini). —40	—40
— „ 10. Balfe Air favori chanté par M-me Viardot Garcia. —40	—40	— Русскія пѣсни съ вариациями: —30	—30
— „ 11. Donizetti. Nocturne de l'opéra Don Pasquale. —20	—20	№ 1. Вдоль по улицѣ мятежца. —30	—30
— „ 12. „ Quatuor de l'opéra Don Pasquale. —20	—20	№ 5. Лучинюшка и Волга въ березинка. —30	—30
— „ 18. Rossini. Trio du Barbier de Séville. —30	—30	— „ 16. Внизъ по матушкѣ по Волгѣ и За долами, за горами. —30	—30
— „ 25. Donizetti. Air de l'opéra La fille du Régiment. —40	—40	— Тройка: Заложу я тройку борзыхъ. Лазарева. —30	—30
— „ 26. Ricci. Air chanté dans l'Elisir d'amore. —40	—40	— Rémiscences d'opéra № 2. La Traviata —40	—40
— „ 27. Verdi, Final du 3-me acte de l'opéra Ernani. —30	—30	— Ты Настасья, ты Настасья. Capriccio burlesco. —30	—30
— „ 28. Mercadante. Air favori chanté dans le Barbier de Séville. —50	—50	— Торжественный маршъ на коронацію Императора Александра III. —40	—40
— „ 29. Pacini. Air de l'opéra Amazilia. —40	—40	Duvernoy, J. B. Op. 97. № 3. Thème de Donizetti varié. —30	—30
— „ 30. Meyerbeer, Rondo du page de l'opéra Huguenots. —30	—30	— Op. 218. № 1. Fantaisie sur l'opéra Ringhetto. —30	—30
— „ 32. Verdi. Romance de l'opéra Luisa Miller. —20	—20	— „ 218. „ 3. Fantaisie sur l'opéra Il Trovatore. —30	—30
— Rémiscences de la Russie. 36 любимыхъ русскихъ пѣсень. Новое просмотрѣнное и исправленное издание. 1 —	1 —	— „ 296. Boléro. —15	—15
— Souvenir de la Petite-Russie. —50	—50	— „ 302. Au village. Croquis musical. —30	—30
Bertini, H. Op. 134. 25 Etudes. Liv. 1. 2. à 1 —	1 —	Egghard, J. Op. 221. La Tristesse. —30	—30
— Complet. 1 50	1 50	Ellenberger, E. Op. 33. Bonheur perdu. —25	—25
Beyer, F. Op. 132. Rose des Alpes. Air tyrolien. —30	—30	— Op. 44. Птичка. —30	—30
Boccherini, L. Menuett. —25	—25	Фельдманъ, Б. В. Незабудка-Вальсъ —40	—40
		Фильде, I. Exercices. Элементарн. Новое издание. (А. Дюбюкъ). —60	—60
		Field, J. Andante inédit. —30	—30
		Францъ, Е. Скобелевъ маршъ. —30	—30
		Gebeles, V. Что ты вѣтка бѣдная. Impromptu. —40	—40
		Gilbert, O. Op. 38. La noce bretonne. —30	—30
		Godard, B. Les patineurs. Revu et doigté par P. Pabst. —60	—60

	P. K.		P. K.
<i>Goria, A.</i> Op. 41. Grande mazurka originale.	—30	<i>Kirchner, Th.</i> №7. Chaperon rouge et le loup.	—30
— Op. 60. La chanteuse voilée. Morceau de salon.	—45	— № 8. Mazurka.	—60
— „ 66. Allegrezza. Caprice-étude de concert.	—60	— „ 9. Métamorphose du jardin des roses.	—60
— „ 70. Chef d'oeuvre de Rossini, transcrit et varié.	—60	<i>Kleinmichel, R.</i> Op. 23. № 3. Rhapsodie slave.	—30
— „ 90. Martha. Fantaise-caprice.	—45	— Op. 46. № 10. Amarante.	—25
— „ 95. Chant d'adieu.	—30	<i>Kröna, L.</i> Op. 16. Valse mélancolique.	—30
— Réverie.	—25	— Op. 85. Moment mélancolique.	—30
<i>Graben-Poffmann.</i> 500,000 Teufel. Polonaise.	—30	<i>Köhler, L.</i> Op. 91. № 1. Сердце. Romance de Gourileff.	—50
<i>Grossmann, L.</i> Czardas. Danse hongroise.	—25	— Op. 91. № 2. Крощка. Romance de Boulakhoff.	—60
<i>Halevy, Fr.</i> La Juive. Opera. Мадонна. Полная опера. Томъ 342.	1 50	— Op. 92. № 1. Можетъ быть. Romance de Derwies.	—60
<i>Harthan, H.</i> Op. 21. Albumblätter, 10 Klavierstücke.	1 —	— Op. 190. Die allerleichtesten Uebungsstücke.	—60
<i>Hause, C.</i> Op. 47. Idylle.	—25	<i>Kontské, Ant.</i> Op. 90. Scherzo (tiré de la 2-de Symphonie).	—80
<i>Haydn, Jos.</i> Sérénade.	—20	— Op. 146. Souvenir de Berlin. Grande valse.	—60
<i>Heller, St.</i> Op. 45. Cah. 3. Etudes Mélodiques (Кашкиль).	—75	— „ 174. Les ruines de Hapsal. Méditation	—30
— Op. 86. № 3. Dans le bois. Réverie.	—30	— „ 181. Romance de Donizetti.	—40
— „ 89. „ 4. Réveries d'un solitaire.	—40	— „ 203. Souvenir de Petrowski. Duo sans paroles.	—40
<i>Henselt, A.</i> Op. 2 № 4. Repos d'amour. (Duo.)	—20	— „ 210. La bavarde. Etude-caprice.	—40
— Op. 3. Poème d'amour.	—60	— „ 211. Pas de roses. Polka.	—40
— „ 4. Rhapsodie.	—30	— „ 212. Le départ. Méditation.	—40
— „ 5. № 11. Liebeslied.	—30	— „ 213. L'absence.	—40
— „ 6. „ 1. La Fontaine. Nocturne.	—30	— „ 214. Le retour.	—50
— „ 6. „ 2. Schmerz im Glück. Nocturne.	—30	— „ 220. Troisième sérénade.	—40
— „ 7. Impromptu. Nouvelle édition.	—20	— „ 231. № 1. Les trois soupirs.	—30
— „ 8. Pensée fugitive.	—25	— „ 231. Les trois soupirs № 2.	—40
— „ 45. Wiegenlied. (Berceuse).	—30	— „ 232. Douces confidences et inquiétudes.	—60
<i>Herz, H.</i> Op. 176. Sonnambula. Transcription-fantaisie.	—50	— „ 236. Mes adieux à Athènes.	—40
— Op. 181. Camélia. Valse brillante.	—30	— „ 277. Souvenir de Milan. Valse mélancolique.	—60
— Air de Stabat Mater, de Rossini.	—30	— Souvenir de Helsingfors. Polka.	—20
<i>Hess, Ch.</i> Op. 20. La tige brisée. Romance d'Arnaud.	—25	— Souvenir de Cronstadt. Polka.	—30
<i>Hüller, F.</i> Op. 130. № 1. Ballade.	—30	<i>Kontské, Ap.</i> Op. 3. La Cascade. Caprice.	—45
<i>Hime, E.</i> Murka-Valse. Transcription brillante.	—40	— Op. 4. Sielankowy mazur.	—40
— Sérénade d'amour.	—30	— „ 6. Le rêve d'une jeune Chatelaine.	—40
— Adieu. Romance sans paroles.	—25	— „ 9. Le diable. Mazurka.	—40
— Chant du troubadour. Sérénade.	—30	— „ 10. Wanda-Mazurka.	—30
<i>Hlavac, V.</i> Deuxième Gavotte.	—30	<i>Kretschmer, H.</i> Paulinen-Marsch.	—30
— Quatrième Gavotte.	—20	<i>Krug, D.</i> Op. 102. № 3. Fantaisie sur un air allemand.	—30
— Элегия памяти О. М. Достоевскаго.	—30	— Op. 180. Le mal du pays. Romance.	—35
<i>Губерны, А.</i> Op. 221. Французскіе цвѣточек. Попурри.	1 —	— „ 196. № 108. Weihnachtslied.	—20
<i>Hünter, F.</i> Op. 201. № 2. En avant. Rondo militaire.	—30	— „ 197. № 3. Echo des Alpes. Mélodie.	—20
<i>Jungmann, A.</i> Op. 43. Im Walde.	—30	— „ 219. Départ pour la chasse.	—30
<i>Kafka, J.</i> Op. 135. Fatime.	—30	— „ 309. Mélodie du Nord.	—30
<i>Kettner, J.</i> Op. 221. Le Triomphe. Grande valse brillante.	—45	— Fantaisies d'opéras, Album I. Оперныя фантазія. 1-й сборникъ. La Traviata, op. 114 № 1. Les Huguenots, op. 114 № 2. Robert le diable. op. 114 № 3. Martha, op. 114 № 4. Barbier, op. 114 № 5. Tannhäuser, op. 114 № 6. Nabuchodonosor, op. 114 № 7. Freischütz, op. 114 № 11. Choeur et Marche de l'op. Tannhäuser op. 196 № 4. Томъ 251.	—75
<i>Kitel, Fr.</i> Op. 28. № 8. Scherzo.	—30	— Fantaisies d'opéras. Album II. Оперныя мелодія. 2-й сборникъ. Marche de l'op. Faust, op. 196 № 3. Ernani, op. 63 № 2. La Favorite, op. 63 № 3. Robert, op. 63 № 10. Le Prophète, op. 63 № 11. Pardon de Ploërmel,	—
<i>Kirchner, Th.</i> Op. 2. № 2. Chansons sans paroles	—25		
— Op. 12. Adagio quasi fantasia.	—30		
— „ 79. № 1. Tarantella.	—30		
— „ 79. „ 2. Canzonetta.	—30		
— La belle au bois dormant. Ballet de P. Tschalkowsky. 9 Transcriptions:			
— № 1. Valse.	—70		
— „ 2. Les dons des fées Scène dansante.	—60		
— „ 3. Danse de la fée des Lilas.	—40		
— „ 4. Tableau mouvant.	—40		
— „ 5. Le chat botté et la chatte blanche.	—30		
— „ 6. Cendrillon et le chevalier.	—40		

	P. К.		P. К.
op. 63 № 16. Lucrezia Borgia, op. 63		<i>Mayer, Ch.</i> Op. 310. Bouten de rose. Valse-	
№ 18. Don Juan, op. 63 № 21. Томъ 288.	—75	impromptu.	—40
<i>Kruger, W.</i> Op. 35. Le chant de l'agonisant.	—30	— " 333. Polka militaire.	—30
— Op. 40. Chanson du gondolier. Barcarolle.	—25	— " 345. L'étoile du soir. Romance.	—40
— Op. 75. Romance et choeur de l'opéra Lombardi.	—45	— La gracieuse. Valse sentimentale.	—40
<i>Kuhlau, F.</i> 9 Sonatinen op. 20 и 55.		<i>Meltzer, J. E.</i> Op. 15. Соловей. Морсеау de salon.	—40
<i>Кулау.</i> 9 Сонатинъ. Томъ 384.	—50	<i>Messer, J.</i> Le carillon. (Das Glockenspiel).	—30
<i>Kullak, Th.</i> Op. 2. № 1. Perce-neige. Pièce de salon.	—30	<i>Meyer, L.</i> Op. 103. Боже, Царя храни. Grande fantaisie.	—60
— Op. 6. Grâce. Cavatine de Robert le Diable.	—30	— Вдоль по улицъ. Air bohémien russe.	—50
— Le même facilité par Wagner.	—30	<i>Meyerbeer, G.</i> L'Africaine. Opéra complet. <i>Мейерберъ, Дж.</i> Африканка. Полная опера. Томъ 841.	1 50
— Op. 71. № 1. Les yeux noirs.	—30	<i>Мирский, Н. А.</i> „Зара“ Ляпсе.	—40
— " 103. " 2. Vergissmeinnicht.	—45	<i>Moscheles, I.</i> Op. 70. Etudes célèbres. <i>Мошелесъ, И.</i> Op. 70. Знаменитые этюды. Томъ 211.	2 50
— " 111. " 6. Die Zufriedenheit. Air de Mozart.	—25	— Op. 70. Studien, mit Fingersatz von Willborg. Heft I. Op. 70. Знаменитые этюды, изд. подъ редак. Вильборга.	Часть 1-я. 2 40 Часть 2-я. 2 —
— " 113. " 1. Le lac Altersee. Idylle.	—30	— Heft II. Часть 2-я. 2 —	
— 118. " 1. Mignonne. Impromptu.	—30	<i>Moszkowski, M.</i> Op. 31. № 1. Monologue.	—25
— Chanson du meunier.	—30	<i>Направникъ, Э.</i> Op. 46. Мелочи. № 1.	
— Sérénade italienne.	—25	Колыбельная пѣсня. Berceuse.	—20
<i>Lewy, Ch.</i> Op. 33. Le revoir. Morceau caractéristique.	—30	— " " " № 2. Полька. Polka.	—30
<i>Leybach, I.</i> Album I. Compositions célèbres. <i>Лейбахъ, I.</i> 1-й сборникъ любимыхъ пьесъ. № 1. Faust, op. 35.		— " " " № 3. Элегія. Elégie.	—40
№ 2. Alla stella confidente, op. 175.		— " " " № 4. Маршъ. Marche.	—40
№ 3. Les adieux, op. 123. № 4. Aida, op. 158. Томъ 558.	1 —	— " 47. № 1. Вальсъ. <i>B-dur.</i>	—50
— Album II. Compositions célèbres. 2-й сборникъ любимыхъ пьесъ. № 1. Requiem, op. 184. № 2. Zampa, op. 118.		— " " 2. " <i>E-dur.</i>	—60
№ 3. Mandolinata, op. 130. № 4. Son-nambula, op. 27. Томъ 559.	1 —	— " " Complet.	1 10
— Album III. Compositions célèbres. 3-й сборникъ любимыхъ пьесъ. № 1. La Juive, op. 129. № 2. Moïse, op. 117.		— " 48. № 1. Ноктюрнъ. Nocturne.	
№ 3. Lohengrin, op. 125. № 4. Ay-chiquita, op. 182. Томъ 569.	1 —	— " " " Réminiscence à Chopin.	—40
<i>Lichner, H.</i> Op. 154. Le postillon d'amour.	—35	— " " 2. Скерцо. Scherzo.	—50
<i>Liszt, Fr.</i> Aida. Transcription. Nouvelle édition. <i>Новое удешевленное издание</i>	1 —	— " " 3. Меланхолия. Mélancolie.	—30
<i>Lbw. J.</i> Op. 3. Dans la solitude, Réverie.	—30	— " " 4. Польскія. Polonaise.	—50
— Op. 12. Le réveil des oiseaux. Méditation.	—25	<i>Nemerowski, A.</i> Gammes et arpèges.	—30
— " 206. № 5. Nuit de printemps.	—30	<i>Offenbach, I.</i> Dernier souvenir. Valse.	—25
— " 329. " 1. Réverie du soir.	—15	<i>Osborne, G. A.</i> Op. 90. La rosée du soir. Pensée musicale.	—40
— " 443. Ma chère patrie. Méditation.	—25	<i>Pachulski, H.</i> Op. 5. Polonaise.	—60
— " 444. Petite romance.	—25	— Op. 6. Valse-Caprice.	—60
<i>Lumbue, H.</i> Traumbilder. Fantaisie.	—45	— " 7. Deux études de concert.	—70
<i>Львова, Н.</i> Тучки небесныя. Романсъ А. Даргомыжскаго.	—30	<i>Петровъ, Л.</i> Op. 120. Хуторокъ. Fantaisie.	—40
— Не долго намъ гулять. Романсъ II. Чайковскаго.	—20	— Op. 129. Не усталъ, голубчикъ мой.	—30
<i>Манаровъ, П.</i> Три русскія пѣсни.	—40	— " 175. Кокетка. Fantaisie.	—60
<i>Marks, G. W.</i> Potpourri. № 51. La belle Hélène.	—60	— " 207. Няня. Романсъ Николаева.	—30
<i>Mayer, Ch.</i> Op. 70. Seconde valse-étude.	—30	— " 269. Попурри изъ русск. пѣсень.	—40
— Op. 81. Nocturne.	—40	— " 273. Нѣтъ, не къ добру. Rom. de Pugnî.	—30
— " 85 ^{bis} . 4-me Valse-étude.	—30	— " 276. Привѣтъ. Маршъ.	—30
— " 121. № 24. Боже, Царя храни.	—30	— " 281. Прощу васъ, птички. Mélodie de Gumbert.	—30
— " 126. Second galop militaire.	—40	— " 282. Ты мое сердце и душа. Fantaisie.	—40
— " 170. Flora-Polka.	—30	— Я васъ любилъ. Ром. Купелева-Безбородко.	—30
— " 185. 9-me Valse-étude.	—30	<i>Петровъ, П.</i> Ахъ скажите вы ей, изъ оперы Фаустъ.	—40
— " 224. Mazurka gracieuse.	—30	— Гаадза. Air favorit petit-russien.	—40
— " 240. Ballade sentimentale.	—30	— Забава для дѣтей. Собрание легкихъ оперныхъ мотивовъ.	—80
— " 260. Mélodie sentimentale.	—30	<i>Plachy, W.</i> Op. 100. № 4. Vaga luna. Bellini, transcription.	—15
		<i>Ponchielli, Gioconda</i> Fantaisie.	—40
		<i>Raff, J.</i> Op. 187. № 2. Am Rialto.	—40
		<i>Ravina, H.</i> Op. 14. № 3. Etude.	—20
		— Op. 14. № 7. Mélodie sentimentale.	—25

	P. K.		P. K.
<i>Ravina, H.</i> Op. 30. Mélodie sentimentale.	—25	<i>Rubinstein, A.</i> Op. 103. № 19. Troubadour	
— Op. 42. Tristesse. Mélodie.	—30	et Dame souveraine. Трубадуръ и	
— " 46. Idylle.	—40	Воспитанная дама.	—60
<i>Reinecke, C.</i> Du bist wie eine Blume. Rom.		— Op. 103. № 20. Finale. Финаль.	1 20
von Schumann.	—15	— " " Bal costumé. En deux volumes.	
— Chant d'amour. Rom. von Schumann.	—25	Костюмированный балъ. Т. I. № 1—10. Т. II.	
— Два гренадера. " " "	—30	№ 11—20.	à 2 —
— Ich grolle nicht. " " "	—15	— Op. 104. Six Morceaux № 1. Elégie.	—50
<i>Rheinberger, J.</i> Op. 5. № 1. La chasse.	—25	— Op. 113. Concertstück. Nouvelle version.	2 —
— Op. 5. № 2. Toccata.	—25	— Op. 114. Deuxième Acrostichon:	
— " 28. " 1. Humoresque.	—30	№ 1. Andante con moto F-moll.	—40
— " 45. " 2. Capriccio.	—40	" 2. Allegretto. Des-dur.	—40
<i>Richard, E.</i> Op. 32. № 9. Marche guerrière.	—30	" 3. Tempo di Mazurka. As-dur.	—50
<i>Richte, J.</i> Op. 19. Тройка.	—50	" 4. Adagio. C-moll.	—30
— Op. 26. Ты не повѣришь.	—40	" 5. Allegro non troppo. F-dur.	—50
<i>Rosellen, H.</i> Op. 102. № 1. Robert le Diable.		№ 1.—5. Complet.	1 70
Grande fantaisie.	—75	— Danses du ballet „La Vigne“ Танцы	
— Op. 103. Réverie.	—40	изъ балета „Виноградная лоза“:	
— " 117. № 16. Air de Warlamoff.	—25	— № 1. Pas de dégustation des vins.	
— " 123. " 1. Mathéline. Fantaisie		Проба винъ.	—40
élégante.	—40	— " 2. Vins d'Italie. Итальянскія.	—40
<i>Roth, L.</i> Valse de l'opérette Marquis Rivoll.	—30	— " 3. " de Hongrie. Венгерскія.	—50
— Pompadour-Gavotte " " "	—25	— " 4. " d'Espagne. Испанскія.	—30
<i>Roubier, H.</i> Suavita. Mazurka de salon.	—25	— " 5. " d'Orient. Восточныя.	—50
<i>Rubinstein, A.</i> Op. 3. Deux mélodies.		— " 6. " d'Allemagne. Нѣмецкія.	—30
2-me Version.	—50	— " 7. " de Champagne. Шампан-	
— Op. 103. Bal costumé. Костюмированный балъ.		скія.	—60
№ 1. Introduction. Введение.	—40	— Романсъ Вани изъ оперы Дѣти степей.	—40
— " " " 2. Astrologue et Bohémienne.	—30	<i>Rummel, L.</i> La Traviata. Récréation.	—25
Астрологъ и Цыганка.	—30	<i>Русскія пляски.</i> Тетр. 1. Барыня. Во саду	
— " " " 3. Berger et Bergère. Пастухъ и Пастушка.	—40	ли. Ахъ по мосту. Камаринская.	
— " " " 4. Marquis et Marquise. Маркизь и Маркиза.	—50	По улицѣ мостовой. Цыганка. Казацкій вальсъ. Барыня.	—60
— " " " 5. Pêcheur napolitain et Napolitaine. Неаполитанскій рыбакъ и Неаполитанка.	—60	— Тетр. 2. Трещавъ. Журавль. Гречаники. Какъ у нашихъ у воротъ. Горлица. Староцыганская пляска. Ай жги, говори.	—60
— " " " 6. Chevalier et Châtelaine. Рыцарь и его дама.	—60	<i>Schäfer, A.</i> Chanson russe.	—30
— " " " 7. Toréador et Andalouse. Торедоръ и Испанка.	—50	<i>Шель, Б.</i> Пѣсня безъ словъ.	—30
— " " " 8. Pèlerin et Fantaisie. Странникъ и вечерняя звезда.	—40	— Ты рождена воспламенять.	—20
— " " " 9. Polonais et Polonaise. Полякъ и Поляка.	—60	— Въ стройныхъ звукахъ.	—30
— " " " 10. Boyar et Boyaraine. Болгаринъ и Болгаринка.	—40	— Признаніе.	—40
— " " " 11. Cosaque et Petite-Russienne. Казакъ и Малороссійанка.	—70	<i>Schiller, F.</i> L'écho du passé. Réverie.	—40
— " " " 12. Pacha et Almée. Паша и Альмея.	—50	<i>Schmitt, I.</i> Sonatinen—Album, op. 248. und 249. Шмимтъ, Я. 8 Сонатинъ	
— " " " 13. Seigneur et Dame de la cour Henri III. Вельможа и дама двора Генриха III.	—60	op. 248 и 249. Томъ 284.	—75
— " " " 14. Sauvage et Indienne. Дикій и Индианка.	—40	<i>Schulhoff, J.</i> Op. 2 № 2. La Nayade. Etude.	—15
— " " " 15. Patricien allemand et Demoiselle. Нѣмецкій Патрицій и Дѣвица.	—40	— Op. 4. № 1. Polka fantastique.	—20
— " " " 16. Chevalier et Soubrette. Шевалье и Субретка.	—40	— " 16. Deux pensées fugitives.	—30
— " " " 17. Corsaire et Femme grecque. Корсаръ и Гречанка.	—40	— " 18. № 3. Mazurka.	—30
— " " " 18. Royal Tambour et Vivandière. Барабанщикъ и Маркитантка.	—50	— " 25. Chanson des paysans bohêmes.	—30
		— " 27. № 1. Près de la fontaine. Idylle.	—35
		— Dialogue d'amour.	—25
		<i>Schumann, R.</i> Im Traume sah ich dich.	—15
		<i>Simon, A.</i> Op. 10. № 8. Souvenir de bal.	
		Valse, tirée des croquis musicaux.	—20
		— Op. 37. Miniatures. 18 Petits morceaux faciles à l'usage de la jeunesse.	
		Миніатюры. 10 Легкихъ фортепианныхъ пьесокъ для юности.	
		№ 1. Aveu en valsant. № 2. Chant plaintif.	
		№ 3. En forme de prélude. № 4. Marche.	
		№ 5. Le soir aux champs. № 6. Au Monastère. № 7. En Espagne.	
		№ 8. Imité de Mendelssohn. № 9. Réverie au village. № 10. Contentement intime.	
		№ 11. Chant d'Orient. № 12. Ombres chinoises. № 13. Rêve passionné. № 14. Fugato. № 15. Joyeux	

	P. Б.		P. Б.
matin. № 16. Quintes de suite. № 17.		<i>Foss, Ch.</i> Op. 86. Lucrezia Borgia. Fantaisie brillante.	— 60
Espoir deçu. № 18. Humoresque.	1 25	— „ 88. Toujours à toi. Rêverie à la valse.	— 30
<i>Simon, A.</i> Op. 38. № 1. Plainte élégiaque à la mémoire de G. Fitzenhagen.	— 40	— „ 103. Chant varié.	— 30
<i>Соколовъ, В.</i> Она придетъ. Романсъ А. Даргомыжскаго.	— 30	— „ 104. № 2. Regrets d'amour.	— 25
— Привѣтъ. Романсъ А. Даргомыжскаго.	— 30	— „ 107. „ 2. Cavatine de Gitana, de Balfe.	— 40
<i>Шнейнъ.</i> Маршъ Черногорцевъ.	— 30	— „ 114. „ 1. Le sourire de Louise. Réverie.	— 25
<i>Stenglin, V.</i> Op. 103. Idylle.	— 30	— „ 126. La gracieuse. Impromptu mélodique.	— 30
<i>Strauss, Joh.</i> Trot de cavalerie.	— 20	— „ 132. Macbeth. Fantaisie brillante.	— 60
<i>Свенске, Н.</i> Маршъ новобранцевъ.	— 30	— „ 134. Barcarolle d'Oberon variée.	— 40
<i>Széchenyi.</i> Czárdas. Danse hongroise.	— 40	— „ 154. Air italien.	— 30
<i>Talexu, A.</i> Op. 87. Les clochettes d'or. Mazurka de salon.	— 30	— „ 155. La sylphide parisienne. Morceau brillant.	— 45
<i>Taubert, F.</i> Sons harmoniques du printemps.	— 25	— „ 199. La fleur de préférence. Fantaisie romance.	— 40
<i>Taubert, W.</i> Chanson d'amour.	— 15	— „ 223. Tremolo d'après une mélodie de Donizetti.	— 30
<i>Тивольскій, Н.</i> Op. 69. Ея ужъ нѣтъ. Романсъ Булахова.	— 50	— „ 229. № 1. Les Noces de Figaro. Morceau dramatique.	— 50
— Op. 70. Первое поурри изъ русскихъ пѣсенъ.	1 —	— „ 242. № 1. Hail Columbia. Air américain.	— 30
— „ 84. Второе поурри изъ русскихъ пѣсенъ.	1 —	— „ 251. Réveil militaire.	— 40
— „ 86. Julie. Polka brillante.	— 20	— „ 280. Course hongroise. Czicósgalop.	— 40
— „ 87. Виновата ли я. Романсъ Черлицкаго.	— 50	— „ 287. Chansonnette de l'opéra Un ballo in Maschera.	— 30
— „ 96. Няня. Романсъ Николаева.	— 40	— „ 331. Rêve joyeux. Mélodie.	— 25
— „ 104. Я по цѣлымъ часамъ. Фантазія.	— 40	— Mélodie de Mendelssohn-Bartholdy.	— 30
— Италиямамія. Поурри изъ итальянскихъ оперъ.	— 70	<i>Wachtmann, Ch.</i> Op. 13. № 1. L'hirondelle. Valse.	— 25
<i>Trester, H.</i> Op. 34. Départ pour l'armée. Impromptu.	— 30	— Op. 13. № 2. Rose d'hiver. Mazurka.	— 25
— Un ange de plus. Elégie.	— 40	— „ 15. Impromptu styrien.	— 25
<i>Tschaikowsky, P.</i> La belle au bois dormant. Чайковскій, П. Спящая красавица. Валерь. Potpourri arr. par W. Roujtsky. 1	25	— Marche célèbre de Fr. Lachner.	— 30
— Valse, 2-de édit. corr.	— 70	<i>Wagner, R.</i> Tannhäuser. Romantische Oper. Вагнеръ, Р. Тангейзеръ. Полная опера. Томъ 339.	1 50
— Op. 66 № 6. La belle au bois dormant. Valse arr. par Th. Kirchner.	— 70	— Grosser Festmarsch. Arr. par I. Rubinstein. Большой торжественный маршъ. Arr. Рубинштейномъ.	— 90
<i>Vide Th. Kirchner 9 Transcriptions.</i>		<i>Warlamoff, A.</i> Варламовъ, А. Соловьемъ залетнымъ. Chanson favorite variée par Henselt, Schiller, Rubinstein, Frackmann, Lewy, Tschelitzky, Bernard, et Damcke.	1 —
— La dame de pique. Opéra en 3 actes, par E. Langer. Пиковая дама. Опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ, перелож. Э. Лангеромъ.	4 —	<i>Weber, Ch. M.</i> Op. 24. Sonata.	1 —
— de Potpourri, par E. Langer. Поурри, перелож. Э. Лангеромъ.	1 25	<i>Weiss, J.</i> Op. 51. Carnaval de Venise.	— 20
— „ Introduction. Интродукція.	— 30	<i>Werner, A.</i> Op. 22. Mignonnette.	— 25
— „ № 14 ^b . Танцы пастуховъ и пастушекъ.	— 20	— Op. 23. Gavotte Pompadour.	— 25
<i>Tschelitzky, J.</i> Polka mélancolique.	— 30	<i>Верстовскій, А.</i> Громовой. Лезгинка arr. Любимомъ.	— 30
<i>Vogt, J.</i> Op. 48. Valse des ondes. Pièce de salon.	— 40	<i>Wilmers, R.</i> Op. 8. Sehnsucht am Meere. Réverie.	— 45
— Nachtgesang.	— 20	— Op. 104. № 3. Illusion. Nocturne.	— 30
<i>Vollweiler, Ch.</i> Любила я. Романсъ Вильгорскаго.	— 40	<i>Вунтерлингъ.</i> Пѣвучьи птички. Гавотъ.	— 30
<i>Voss, Ch.</i> Op. 41. Choeur de la Norma. Improvisation.	— 40	<i>Wolff, E.</i> Op. 11. Gondole.	— 30
— Op. 60. № 2. Polka élégante.	— 25	— Op. 126. Соловей. Air russe varié.	— 25
— „ 60. „ 3. Mazurka élégante.	— 30	<i>Wüerst, J.</i> Scherzoso.	— 30
— „ 60. „ 4. La Muette de Portici. Petite fantaisie.	— 40	— Op. 13. Valse brillante.	— 60
— „ 65. „ 2. Olga. Mélodie russe.	— 45		

Оперы для фортепиано въ 2 руки. Opéras pour le piano à 2 mains.

<i>Аренскій.</i> Сомъ на волгѣ.	3 —	<i>Tschaikowsky, P.</i> La dame de pique. (arrangement par E. Langer).	4 —
<i>Halevy, F.</i> La Juive. Жидовка. Томъ 842.	1 50	<i>Wagner, R.</i> Tannhäuser. Томъ 339.	1 50
<i>Meyerbeer, G.</i> L'Africaine. Томъ 841.	1 50		

Увертюры для фортепиано въ 2 руки. Ouvertures pour le piano à 2 mains.

<i>Adam</i> , 31 <i>Réals rol.</i>	Р. К.		
<i>Аренский</i> , А. Сонъ на Волгѣ. Интродукція.	—40	<i>Чайковский</i> , Пиковая дама. Введение.	Р. К. —30
	—50		

Увертюры для фортепиано въ 4 руки. Ouvertures pour le piano à 4 mains.

<i>Рубинштейн</i> , А. Op. 116. Автопій и Клеопатра.	1 50	<i>Чайковский</i> , II. Op. 67. Гамлетъ. Увертюра-фантазія перел. Пахульскій.	2 —
--	------	---	-----

Танцы для фортепиано. Danses pour piano.

<i>Alary</i> , G. Célébre-Polka.	—25	<i>Discomtin</i> , L. Op. 122. Schippschirlipp.	
<i>Артемиевъ</i> , Н. Op. 250 ^а Въ минуту ве-		Lancier.	—40
селья. Кадриль.	—40	Op. 123. Cathérine. Polka-Mazurka.	—20
— Въ ночной тиши. Вальсъ.	—40	— " 124. Schrum. Polka.	—30
— Обзорніе Петербурга. Кадриль.	—40	— " 125. Ченуха. Кадриль.	—40
— Струны сердца. Вальсъ.	—30	— " 126. Exrompt-Polka.	—20
— Съ огонькомъ. Мазурка.	—20	— " 127. Mäsenaten-Polka.	—30
— Троечка. Вальсъ.	—40	— " 128. Grand Rond. Galop.	—30
<i>Балабановъ</i> , А. Op. 1. Стрѣлокъ. Полька.	—20	— " 129. Попочка-Полька.	—20
— Op. 2. Хочу быть русскимъ. Кадриль.	—40	— " 130. Шалунья-Полька.	—20
— " 18. Bébé. Quadrille.	—40	— " 131. Муха пьяна. Полька.	—20
— " 21. Огай-Кадриль.	—40	— " 132. Кисынька. Полька-Мазурка.	—20
— " 25. Бонерь-Кадриль.	—40	— " 133. Чертамъ тошно. Полька.	—20
— " 35. Nicolas. Quadrille.	—40	— " 134. En vogue. Polka.	—20
— " 38. Фопанъ. Полька.	—20	— " 135. Гусельки. Кадриль изъ рус-	
— " 40. Не увлекай. Мазурка.	—20	скихъ пѣсень.	—40
— " 42. Сара Бернаръ. Полька.	—20	— " 139. Плутовка. Полька.	—20
— " 44. Ничій-Студентъ. Кадриль изъ оперетки Миллекера.	—40	— " 140. Cri-Cri. Polka.	—20
<i>Cooté</i> , C. Bric-à-brac. Polka.	—15	— " 141. Стрѣлокъ. Кадриль.	—40
<i>Dellinger</i> , R. Maritana-Walzer, nach Motiven der Operette Don César.	—45	— " 142. Precipitation. Valse.	—50
— Dernières valse d'un fou.	—15	— " 143. Coupou. Polka.	—20
<i>Discomtin</i> , L. Op. 6. Träume der Luft Walzer.	—60	— " 144. Grand tapage. Quadrille.	—40
— Op. 50. Волынка. Полька.	—20	— " 145. Чья брики. Полька.	—20
— " 84. Ай Настасья! Кадриль изъ русскихъ пѣсень.	—40	— " 146. Пустомеля. Полька.	—30
— " 89. Davenport. Полька.	—30	— " 147. Невѣста. Полька-Мазурка.	—20
— " 94. Marie-Louise. Polka.	—20	— " 148. Привѣтъ. Маршъ.	—20
— " 96. Cancan. Polka.	—20	— " 151. Quadrille artistique.	—40
— " 101. Scandal-Polka.	—20	— " 155. Колокольчики. Полька.	—30
— " 102. № 1. Lirum-Larum. Polka-Mazurka.	—20	— " 156. Medium. Valse.	—50
— " 102. № 2. Souvenir de Narva. Valse.	—50	— " 157. Бонбонка. Полька.	—20
— " 104. " 1. Душерѣйка-Полька.	—20	— " 158. Mandoline. Polka-Mazurka.	—20
— " 104. " 2. Monstre-Mazurka.	—30	— " 159. Non-nou. Quadrille.	—40
— " 105. Extra-Polka.	—20	— " 160. Самопляска. Полька.	—30
— " 107. Малороссіанка. Кадриль изъ малороссійскихъ пѣсень.	—40	— " 161. Совѣтъ напрасно. Полька.	—20
— " 108. Zic-Zac. Polka.	—20	— " 162. Arion-Ball. Lancier.	—40
— " 109. L'inséparable. Valse.	—50	— " 163. Champagner-Wein. Walzer.	—50
— " 110. Будильникъ. Полька.	—20	— " 164. Послѣ ужина. Мазурка.	—30
— " 111. Gogel-Mogel. Quadrille.	—40	— " 165. Мой милый Саша. Полька.	—30
— " 112. Кувыркомъ. Полька-Мазурка.	—20	— " 166. Ванька, не шали. Кадриль.	—40
— " 113. Schimpanse. Galop.	—30	— " 171. Triomphe. Polonaise.	—20
— " 114. Живчикъ. Полька.	—30	— " 172. La sauteuse. Valse.	—50
— " 115. Roule-Boule. (Катись шарикъ) Polka.	—20	— " 173. Ксенія. Полька.	—20
— " 116. Голубчикъ. Вальсъ.	—40	— " 174. Piquante. Quadrille.	—40
— " 117. A la bonne heure. Polka.	—20	— " 175. Concertino. Polka-Mazurka.	—20
— " 118. Петербургскіе когти. Кадриль.	—40	— " 176. Лакомый кусочекъ. Полька.	—30
— " 119. Illusion. Valse.	—40	— " 177. Новелла. Вальсъ.	—40
— " 120. Pour tout le monde. Quadrille.	—40	— " 178. Воспитанная. Полька.	—20
— " 121. Гаванская. Полька.	—20	— " 179. Простушка. Полька.	—20
		— " 180. Костюмированный балъ. Кадриль.	—40
		— " 181. Sagambol. Polka-Mazurka.	—20
		— " 182. Дѣтскій балъ. Полька.	—30
		— " 183. Машенька. Кадриль.	—40
		— " 184. Poésie. Valse.	—50
		— " 185. Въ Коломагскомъ саду. Полька.	—20

	P. K.		P. K.
<i>Discontin, L.</i> Op. 186. Гигантскіе шаги.	—20	<i>Gungl, Jos.</i> Op. Op. 162. Marie. Polka-Mazurka.	—25
Полька-Мазурка	—20	<i>Himmelmann, N.</i> Op. 60. Ахъ, улань.	—30
Op. 187. Открытое письмо.	—20	Полька.	—30
— " 188. Милліонъ. Мазурка.	—30	<i>Höfle, P.</i> Op. 15. Ça m'fait tic-tac. Polka.	—30
— " 189. Электрикъ-Полька.	—40	<i>Губертъ, А.</i> Всѣ мы жаждемъ любви.	—40
— " 198. Prisma. Quadrille.	—20	Кадриль.	—20
— " 199. Поздравляемъ-Полька.	—40	<i>Капаринская.</i> Русская народная пляска.	—30
— " 200. Progress-Walzer.	—20	<i>Kretschmer, H.</i> Paulinen-Marsch.	—30
— " 201. Etrennes-Polka.	—20	<i>Майеръ, Е.</i> Съ увлеченіемъ. Мазурка.	—40
— " 202. Веселая пѣвунья. Полька.	—40	<i>Мирскій, Н.</i> Пикникъ. Кадриль.	—20
— " 203. Die Welt ist so schön. Walzer.	—30	— Отрадные звуки. Мазурка.	—40
— " 204. Бутончикъ-Полька.	—20	— Заря. Лясъе.	—15
— " 205. Raout-Mazurka.	—40	<i>Montalto.</i> Canada Papoul. Polka.	—40
— Cascade. Polka-Mazurka.	—30	<i>Oppel, A.</i> Les Inséparables. Valse.	—30
— La fille de M ^{me} Angot. Quadrille.	—20	— XX Вѣкъ. Полька.	—40
— Souvenir. Polka-Mazurka.	—40	— Птички. Вальсъ.	—40
— Стуколка. Кадриль.	—40	— Русскій курьеръ. Кадриль.	—40
— Quadrille-Monstre.	1 —	— Цыганка. Вальсъ.	—40
<i>Fahrbach, Ph.</i> Op. 24. Wiener-Lieder. Walzer.	—30	<i>Пригожій, Я.</i> У Яра, у цыганъ. Кадриль.	—30
— Op. 50. Bonjour. Polka.	—40	<i>Rosenberg, A.</i> Op. 4. Дикарка. Полька.	—40
— " 105. Am Plattensee. Walzer.	—25	— Op. 15. Эй ухнемъ-Кадриль.	—40
— " 137. Diaboline. Galop.	—25	— Моя царца. Кадриль.	—60
— Соловей-Полька.	—30	<i>Русскія пляски.</i> Тетр. 1. 2. по	—20
— Nicolas. Polka.	—40	<i>Смирновой, М.</i> Маруся. Магороссійская полька.	—25
<i>Фельдманъ, К.</i> Незабудка. Вальсъ.	—30	<i>Strauss, Ed.</i> Op. 16. Paragraphen. Polka.	—30
<i>Fliege, H.</i> Op. 261. Marie. Polka.	—30	— Op. 49. Sardanapal. Quadrille.	—30
— Op. 262. Безъ названія. Полька.	—30	— " 55. Fleur d'hiver. Polka-Mazurka.	—40
<i>Францъ, К.</i> Скобелевъ-Маршъ.	—40	— " 116. Die Abonenten. Walzer.	—45
<i>Frantz, C.</i> Les Cuirassiers. Quadrille.	—45	— " 167. Bal-Chronik. Walzer.	—45
<i>Genée, R.</i> Anpen-Walzer, изъ оперетты Нанонъ.	—45	— " 189. Original-Polka.	—30
<i>Гершенъ, Ю.</i> Капризница. Полька.	—30	<i>Strauss, Joh.</i> Op. 215. Nachtigall-Polka.	—25
		— La tourterelle. Polka-Mazurka.	—25

Этюды и упражненія для фортепiano. Etudes et exercices pour le piano.

<i>Bertini, H.</i> Op. 134. 25 Etudes. Liv 1. 2. à 1 —	<i>Мошелевъ, И.</i> Op. 70. Знаменитые этюды. Томъ 211.	2 50
— Complet.	— Op. 70. Знаменитые этюды подъ редак. Вильборга. Часть I. 2 p. 40 к. Часть II. 2 —	—
<i>Czerony, C.</i> Op. 359. Les premières leçons du jeune pianiste. Cah. I.	<i>Moscheles, J.</i> Op. 70. Studien, mit Fingersatz von Willborg. Heft. I.	2 40
<i>Фильде, Г.</i> Экзерцици. Нов. изд. (А. Дюбуа).	— Heft. II.	2 —
<i>Heller, H.</i> Op. 45. Etudes mélodiques. (Кашкинъ). Cah. 3.	<i>Nemerowsky, A.</i> Gammes et arpèges.	—30
<i>Köhler, L.</i> Op. 190. Die allerleichtesten Uebungsstücke.		

Для пѣнія съ фортепiano. Chant avec Piano.

<i>Александръ, Л.</i> Рѣзвухка хохотушка. Полька.	—30	<i>Аренскій, А.</i> № 8. Речитативъ-Ариозо. „Какъ зепрь лаской, я прячусь“.	—30
<i>Алябьевъ, А.</i> Забыли вы.	—20	— № 9. Трепакъ и хоръ. „Ужъ и полно намъ, робята“.	—40
<i>Ардити, Л.</i> Восторгъ-Вальсъ. L'extase. Valse (p. и.)	—50	— " 10. Арія Воеводы съ хоромъ. „Я жалую васъ милостью боярской“.	—40
<i>Аренскій, А.</i> Снѣгъ на Волгѣ. Опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ.	6 —	— " 11. Ариозо Олбни. „Куда бѣжать-то? подумай!“	—30
Отдѣльно:		— " 12. Сцена. „Бояринъ, Миширъ пригнали“.	—50
— № 1. Сцена и хоръ. „На моръ утушка купалася“.	—80	— " 13. Заглавнiе Мизгиря, „На моръ, на окіанъ“.	—50
— " 1 ^a . Ариозо Марья Власьевны.	—30	— " 14. Шествіе богомольцевъ и хоръ нищихъ.	— 8
— " 2. Пѣсня Бастрюкова. „Доиграй на небѣ“.	—30	— " 15. Каватина пустынника. „Года блытутъ“.	—30
— " 3. Дуэтъ (Марья Власьевна. Бастрюковъ) „Вотъ диво-то“.	—70	— " 16. Сцена. „Тыбани! Я вытѣт!“.	—30
— " 4. Сцена. „Постой! какія очи“.	—40	— " 17. Арія Дубровина. „Великъ мой зръкъ“.	—60
— " 5. Финаль. „Ты слышалъ, Рязей!“	—40		
— " 6. Арія Бастрюкова. „Душа горитъ“	—30		
— " 7. Сцена и хоръ. „Бояринъ ты вытѣт“.	—30		

	Р. К.		Р. К.
Аренский, А. № 18. Финаль. „Сходилась правда съ кривдою“.	—30	Бернардъ, М. Народныя пѣсни:	
— № 19. Пляска и хоръ дѣвушекъ. „У меня-ль во садочкѣ“.	—40	— № 29. Не бѣлы свѣги во чистомъ полѣ.	
— „ 20. Речитативъ и пѣсня Марьи Власьевны. „Соловушка въ дубровушкѣ громко свищетъ“.	—30	— „ 30. Не кукушечка во сыромъ бору куковала.	—15
— „ 21. Сцена. „Государыня боярышня“.	—30	— „ 31. Не одна во полѣ дороженька.	
— „ 22. Дуэтъ. „Тихо луна взойдетъ“.	—40	— „ 32. Помнишь ли меня, мой свѣтъ.	—15
— „ 23. Сцена. „Тыше, идутъ“.	—30	— „ 33. По улицѣ мостовой.	
— „ 23 ^a Сказка Недвига. „Не рассказать-ли сказку“.	—30	— „ 34. Скучно, матушка, весною жить одной.	—15
— „ 24. Арія. (Домовой). „Что вечерняя красная зорюшка“.	—50	— „ 35. Ужъ какъ палъ туманъ.	
— „ 26. Сны воеводы. „Сдадимъ всю трудъ“.	1 60	— „ 36. Ужъ какъ слава Тебѣ, Боже, на небеси.	—15
— „ 27. Квартетъ. „Темная ночь“.	—40	— „ 37. Цвѣли, цвѣли цвѣтники.	
— „ 28. Сцена. „Взвѣлимъ скорый“.	—60	— „ 38. Чѣмъ тебя я огорчила.	
— „ 29. Финаль. Хоръ. „Слава“.	—60	— „ 39. Ъхалъ казакъ за Дунай.	—15
Арнольдъ, Ю. Пѣснь оборотня.	—30	— „ 40. Я не знала ни о чемъ.	
— Не шуми, ты розь.	—30	Гиллибинъ, Н. Скажите мнѣ.	—30
Аскоченский. Гимнъ Россіи.	—30	Брага, Г. Серенада. Для меццо-сопрано съ акк. скрипки или виолончели (и. р.).	—45
Балабановъ, А. Полюби ты меня.	—20	Буальдье, А. Бѣлая дама. Опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ. (ф. р.).	4 —
— Какъ ты прекрасна.	—20	Буласовъ, М. Мнѣ что за бѣда.	—20
Балабановъ, Е. Емеля. Ком. купл.	—30	— Ты коса ли моя темпорусал.	—20
— Иванъ Кузьмичъ. Ком. купл.	—30	Визнеръ, Р. Каватина изъ оперы <i>Моранъ</i> сикталець. Souv. de l'opéra № 115.	—25
— Красотка Лиза. Die schöne Dorothee. Ком. купл.	—30	Волгинъ, В. С. Психопаты.	—20
— Совѣтъ напрасно. Ganz ohne Grund. Ком. купл.	—30	Воропниновъ, М. 80 русскихъ народныхъ пѣсень. Ч. 1. Свадебныя хороводцы.	1 —
Вахметовъ, Н. Незабудочка. „Я вечеръ въ лугахъ гуляю“.	—20	— „ 2. Скорыя плясовыя.	2 —
Бернардъ, М. Каватина изъ оп. Ольга, дочь изгнанника, для баса.	—40	— „ 3. Протяжныя и полупротяжныя.	1 —
— Народныя пѣсни:		— Всѣ три части въ одномъ томѣ.	3 —
— № 1. Ахъ, сѣни мои, сѣни.		Г-ой. Пусть онъ невѣрепъ.	—20
— „ 2. Ахъ, ты, Дуся черноброва.	—15	Гастальдонъ, С. Когда все стихнетъ. Musica prohibita.	—35
— „ 3. Ахъ, ты душечка, красна дѣвица.	—15	Гуно, Ж. Сборникъ любимыхъ романсовъ, для <i>Сопрано</i> . № 1. Къ соловью. Au Rossignol. № 2. Баркаролла. Barcarolle. № 3. Меджэ. Medjé. № 4. Мольба. Prière. № 5. Вечеръ. Le Soir. № 6. Весною. Au Printemps. № 7. Серенада. Sérénade. № 8. Я уповать не могу. Je ne puis espérer. № 9. Вотъ что ты для меня. Ce que je suis sans toi. № 10. Маргарита. Marguerite. № 11. Вечерняя молитва. Prière du soir. (р. ф.) Томъ 879.	150
— „ 4. Ахъ, поле мое, поле чистое.		— Сборникъ любимыхъ романсовъ, для <i>Меццо-Сопрано</i> . № 1. Къ соловью. Au Rossignol. № 2. Баркаролла. Barcarolle. № 3. Долина. Le Vallon. № 4. Меджэ. Medjé. № 5. Мольба. Prière. № 6. Вечеръ. Le Soir. № 7. Весною. Au Printemps. № 8. Серенада. Sérénade. № 9. Я уповать не могу. Je ne puis espérer. № 10. Вотъ что ты для меня. Ce que je suis sans toi. № 11. Вечерняя молитва. Prière du soir. (р. ф.) Томъ 878.	150
— „ 5. Ахъ, ты слышишь ли, мой сердечный другъ.	—15	— Сборникъ любимыхъ романсовъ, для <i>Контральто</i> . № 1. Молитва. Ave Maria. № 2. Къ соловью. Au Rossignol. № 3. Долина. Le Vallon. № 4. Меджэ. Medjé. № 5. Весною. Au Printemps. № 6. Серенада. Sérénade. № 7. Маргарита. Marguerite. № 8. Вечерняя молитва. Prière du soir (р. ф.) Томъ 880.	1 —
— „ 6. Ахъ, степь моя.			
— „ 7. Ахъ, что это за сердце.			
— „ 8. Ахъ, чтожъ ты, голубчикъ не веселъ сидишь.	—15		
— „ 9. Ахти, матушка, голова болить.			
— „ 10. Биду соби купыла.	—15		
— „ 11. Вечеръ я у милаго при милости была.	—15		
— „ 12. Внизъ по камушкамъ.	—15		
— „ 13. Внизъ по матушкѣ по Волгѣ.	—15		
— „ 14. Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту.	—15		
— „ 15. Во полѣ береза стояла.	—15		
— „ 16. Во саду ли, въ огородѣ.	—15		
— „ 17. Во слезахъ я засыпала.			
— „ 18. Вспомни, мой любимый.	—15		
— „ 19. Выйду-ль я на рѣченьку.			
— „ 20. Вылетала голубица.	—15		
— „ 21. Ивушка, ивушка.	—15		
— „ 22. Какъ за рѣченькой слободушка стоятъ.	—15		
— „ 23. Какъ на дубчикѣ.			
— „ 24. Какъ у нашихъ у воротъ.	—15		
— „ 25. Лучина, лучинушка.	—15		
— „ 26. Мнѣ моркотно молоденькѣ.	—15		
— „ 27. Молодка, молодка молодая.	—15		
— „ 28. Не будите молоду.	—15		

	Р. К.		Р. К.
<i>Гуго, К.</i> Фаустъ. № 7 ^a . Разскажите вы ей. Для контральта или баритона. (р. ф.)	— 30	<i>Женя.</i> Пѣснь Анны изъ оперетки „Минель“ (Minnelied).	— 30
— <i>Арія</i> Маргариты съ жемчугомъ. Air des bijoux, для Меццо-Сопрано. Souv. de l'op. № 39.	— 50	<i>Жоржъ, Г.</i> Мой милый Саша. Mein Ale- xander.	— 30
<i>Гурьма, А.</i> Не любилъ онъ. Non m'amava. Для Меццо-Сопрано. Albumitalien № 130 ^b .	— 30	— <i>Нана.</i>	— 30
<i>Давыдовъ, А.</i> Еврей музыкантъ.	— 30	<i>Зиновьевъ, Н.</i> Мамлютка. Пѣсенка.	— 30
<i>Делье</i> Никогда и всегда. Ноктюрнъ, для двухъ голосовъ.	— 25	— <i>Ритчи</i> Путчи.	— 30
<i>Джулиани, М.</i> Поймешь ли ты.	— 30	— <i>Все на видъ</i> шико.	— 30
<i>Мюиски, Е.</i> Mignon. Connais tu le pays. R. maise.	— 50	— <i>Каскадная звѣздочка.</i>	— 30
<i>Дмитриевъ, Н.</i> Въ минуту жизни трудную — Воспоминаніе, на два голоса.	— 20 — 30	<i>Ивановичъ, И.</i> Мои мечты. Романсъ.	— 30
<i>Дочкастій, И.</i> Два великана.	— 30	<i>Ивановъ, Л.</i> Гаснетъ за рѣкою. Баркаролла.	— 30
<i>Дюбюкъ, А.</i> № 23. Не обмани.	— 20	— <i>Ахъ, зачѣмъ я не котъ.</i> Ком. кул.	— 30
— № 27. Миѣ скучно безъ тебя.	— 30	— <i>Контракты.</i>	— 30
— № 35. Не весна тогда жизнью вѣяла	— 20	— <i>Любить смородинку.</i>	— 50
<i>Дюръ, И.</i> Пѣснь Вероники изъ драмы „Уголино“.	— 30	— <i>Если-бъ.</i>	— 50
<i>Едличка, А.</i> Собраніе малорос. пѣсенъ:		— <i>Карты.</i>	— 30
— № 27. Була соби Маруся. Выдно шляхи Полтавскій.	— 20	— <i>Обратныя рифмы.</i>	— 30
— „ 28. Въ концѣ гребли шумлять вер- бы. <i>Дѣт. мелодіи.</i>	— 20	— <i>Странности.</i>	— 30
— „ 29. Гей же! Ты журба мене зсу- шила.	— 20	— <i>Примѣты.</i>	— 30
— „ 30. Добрый вечеръ, дивчынo.	— 20	— <i>У всякаго барона фан- тазія своя.</i>	— 30
— „ 31. Задумала вража баба.	— 20	— <i>Уважительныя причины.</i>	— 30
— „ 32. Ишовъ милый горонькою. Ище сонце не заходило.	— 20	— <i>Многоточіе.</i>	— 30
— „ 33. Кошавъ же я крыныченку.	— 20	— <i>Чертовщина.</i>	— 30
— „ 34. Не буду я женытися. Нихтожь не выненѣ, только я,	— 20	— <i>Машинально.</i>	— 20
— „ 35. Одна гора высокая.	— 20	— <i>Можно-нельзя.</i>	— 30
— „ 36. Оженыла маты.	— 20	— <i>Не ждите отъ быка ника- кого молока.</i>	— 30
— „ 37. Ой бѣда, бѣда.	— 20	— <i>Оптичскій обманъ.</i>	— 20
— „ 38. Ой Боже мій, Боже.	— 20	— <i>Житейскіе сюрпризы.</i>	— 20
— „ 39. Ой оре Семень оре.	— 20	— <i>Капутъ.</i>	— 20
— „ 40. Ой за гаемъ, гаемъ. <i>Дѣт. мелодіи.</i>	— 20	— <i>Мнѣны.</i>	— 30
— „ 41. Ой зъ загоры за крутой.	— 20	— <i>Первый и второй.</i>	— 21
— „ 42. Ой ишовъ козакъ зъ Дону.	— 20	<i>Кавосъ.</i> Братцы, дружно веселю.	— 30
— „ 43. Ой на гори да женцы жнуть. <i>2-я мелодія.</i>	— 20	<i>Капри, Ю Р.</i> № 60. Стрекозочка. La demoiselle.	— 40
— „ 44. Ой на двори метелыдя.	— 20	— <i>Поздравительный гимнъ. На 3 голоса.</i>	— 40
— „ 45. Ой пиду я до гаю. Посіяла руту мяту.	— 20	<i>Кашинъ, Д.</i> Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту.	— 50
— „ 46. Ой сама жъ я сама.	— 20	— <i>Слава на небѣ солнцу. Для одного голоса съ хоромъ.</i>	— 50
— „ 47. Ой у саду соловой щebetавъ. (<i>хорова</i>). Ой у садочку та пидъ пуль- кою (<i>дуетъ</i>).	— 20	<i>Кириановъ, А.</i> Щекoю къ щекѣ ты моей.	— 30
— „ 48. Ой хмелю мій, хмелю.	— 20	<i>Климковский, Е.</i> Съ радости веселья.	— 30
— „ 49. Ой ходывъ чумакъ.	— 20	<i>Колачевскій, М.</i> Вырыта заступомъ яма глубокая. <i>Нов. изд. для Меццо-Сопрано.</i>	— 40
— „ 50. Ой чумаче, чумаче.	— 20	— „ <i>для Сопрано.</i>	— 40
— „ 51. Ой я несчастній.	— 20	— „ <i>для Контральто.</i>	— 40
— „ 52. Ой я чумакъ несчастливый Съ того часу якъ женылся.	— 20	<i>Божественные пуплеты.</i> № 40. Францъ, К. Венцель. Der Wenzel kommt.	— 30
— „ 53. Сыдытъ голубъ на берези. <i>Дѣт. мелодіи.</i>	— 20	№ 41. Балабановъ, Е. Емеля.	— 30
— „ 54. Та вже третій вечеръ.	— 20	„ 42. Францъ, К. Служанка.	— 30
— „ 55. Та кохавъ мене батько.	— 20	„ 43. Балабановъ, Е. Красотка Лиза. Die schöne Dorothee.	— 30
— „ 56. Туманъ аромъ котытися.	— 20	„ 44. Францъ, К. Ахъ ты телатина! Oh! du Rhinoseros.	— 30
— „ 57. Хусточка моя шовковая. Чомъ, чомъ не прійшовъ.	— 20	„ 45. Балабановъ, Е. Иванъ Кузьмичъ.	— 30
— „ 58. Чы се-жъ тий чоботы. Чы ты мене моя маты.	— 20	„ 46. Францъ, К. Венгерская пѣсня.	— 30
— „ 59. Шумытъ, гуде дубровонька.	— 20	„ 47. Балабановъ, Е. Совсѣмъ напрасно. Ganz ohne Grund.	— 30
		„ 48. Францъ, К. Милый Ванюшенька. Der sanfte Heinrich.	— 40
		„ 49. Мострасъ, Ж. Свѣтопреставленіе.	— 30
		„ 50. Порошинъ, М. Машенька (Maschenka).	— 40
		„ 51. Францъ, К. Стрѣлюкъ.	— 20
		„ 52. Порошинъ, П. Гусарскій маршъ.	— 40
		„ 53. Петеръ. Веселый кузнецъ. Маршъ съ пѣніемъ.	— 40
		„ 54. Шульцъ, Ю. Пора.	— 20

	Р. К.	Р. К.
<i>Комические пьесы.</i> № 55. Францъ, М. Кираспръ. —30		<i>Миллеръ, К.</i> Виргинія. Вальсъ изъ оперетки Бельвилльская Дѣтственница. Die Jungfrau von Belleville. —40
№ 56. Ивановъ, Л. Многоточіе. —30		— Вальсъ изъ оперетки Нищій Студентъ. (Laura Walzer). —30
№ 57. Мушинскій. Графинчикъ. —30		<i>Михаленъ, В.</i> Et cetera. Ком. купл. —30
№ 58. Ивановъ, Л. Чертовщина —30		<i>Мострасъ, Ж.</i> Свѣтопреставленіе. " " —30
№ 59. Мушинскій. Паулина. —30		<i>Мушинскій.</i> Графинчикъ. " " —30
№ 60. Ивановъ, Л. Машинально. —20		— Паулина. —30
№ 61. Жоржъ, Г. Нана. —30		<i>Николаи, О.</i> Слово (Un mot). транскр. Для Меццо-Сопрано и Баритона. —30
№ 62. Ивановъ, Л. Капутъ. —20		<i>Оберъ, Д. Е. Ф.</i> Фелелла или Нѣмая изъ Португи. Опера въ 5 дѣйствіяхъ. 4 —
№ 63. Жоржъ, Г. Мой милый Саша. Mein Alexander. —30		<i>Перголезе, Дж. Б.</i> Мать скорбящая. Переводъ А. Фета. Гимнъ на 2 женскихъ голоса. (р. 1) 1 —
№ 64. Ивановъ, Л. Первый и второй. —20		<i>Петеръ.</i> Веселый кузнецъ. Маршъ. —40
№ 65. Смирновъ, А. Томъ Пустъ. —30		<i>Порошинъ, П.</i> Гусарскій маршъ Ком. купл. —40
№ 66. Резенбергъ, А. Въ Афганістанъ. Nach Afrika, nach Kamerun. —30		— Машенька. —40
№ 67. Ивановъ, Л. Ахъ, зачѣмъ я не котъ. —30		— Скобелевъ маршъ. К. Франца. —30
№ 68. Волгитъ, В. С. Пенхонаты. —20		— Неразлучные. (L'inséparable.) Вальсъ. Л. Дюкомена. —50
№ 69. Ивановъ, Л. Контрасты. —30		<i>Прейсъ, В.</i> Лилеа. „Изъ водъ подымаемая головку“. —30
№ 70. — Контракты. —30		<i>Пучи, Г.</i> Нѣтъ, не къ добру, для Сопрано. —30
№ 71. — Любимъ смороднику. —30		— " " " " Контральто. —30
№ 72. — Если-бъ. —20		— " " " " на 2 голоса. —30
№ 73. — Карты. —30		<i>Размадзе, А. Р.</i> № 12. Свиданіе. Дуэтъ. —30
№ 74. Давыдовъ, А. Еврей музыкантъ. —30		<i>Робанди, В.</i> Звѣзда любви. Для контральто съ акк. виолончели или гармоніума. Robaudi, V. Alla stella confidente. Pour Contralto avec acc. de violoncelle ou Harmonium. —75
№ 75. Трауготъ, Ф. Юлій. Die Julia. —20		<i>Розенбергъ, А.</i> Въ Афганістанъ. Nach Afrika, nach Kamerun. Ком. купл. —30
№ 76. Зиньковъ, Н. Ритчи Путчи. —30		<i>Рубецъ, А.</i> 100 украинскихъ пѣсень. Выпускъ V-й № 81—100. —75
№ 77. — Все на видъ шико. —30		— 100 украинскихъ народныхъ пѣсень:
№ 78. — Каскадная звѣздочка. —30		1. Ой не пугай пугаченьку. 2. Веснянка.
№ 80. Ивановъ, Л. Можно-нельзя. —30		3. Ишли корови изъ дѣброви. 4. Живодька пісня. 5. Ой не шуми, луже. 6. Летіла стріла. 7. Коли любишь, люби дуже. 8. Ой морозе морозенку. 9. Голівонько моя. 10. Ой колись була роскшъ, воля. 11. Сокиль зъ орломъ купаецця. 12. Колпваецця не білая блиночка. 13. Ой по горі, на горі. 14. Якъ пішовъ я до дівчини. 15. Веснянка. 16. Туманъ зъ моря котитця. 17. За горою, за крутою. 18. Ой славъ пучачъ на могилі. 19. Веснянка. 20. Изза гори вітеръ повивае. 21. Да туманъ полемъ. 22. Веснянка. 23. Ой, у поли могила. 24. Добри вечеръ, дівчино. 25. Чи ти чула, ненько моя. 26. За горою камьяною. 27. Про печая. 28. Веснянка. 29. Ще сонечко не виходило. 30. Зелене жито зелене. 31. Ой тамъ за яромъ брала дівки лень. 32. Ой не гораздъ Запорозці. 33. Павочка хода ширьечко роня. 34. Вітеръ повивае, Лози роскиляе. 35. Веснянка. 36. Калкала невістка. 37. Троицкая. 38. Ой, не шуми, луже, осокю дуже. 39. Веснянка. 40. Ой выйду я на шилечокъ. 41. Колыбельная. 42. Свадебная. 43. Козацкая. 44. Соловечку рання пташечко. 45. Ой у поли могила зъ вітромъ говорила. 46. Посіяла руту мату. 47. Щедривка. 48. Весенняя игра. 49. Ой ходила дівчина
№ 81. — Не ждите отъ быка никакого молока. —30		
№ 82. Алексѣвъ, Л. Рѣзвухка хохотушка. Польша. —30		
№ 83. Лерхе, М. И разъ и два. —20		
№ 84. Ивановъ, Л. Оптический обманъ. —20		
№ 85. — Житейскіе сюрпризы. —20		
№ 86. Конфетта. Цыганская пѣсня. —20		
№ 87. Зиньковъ, Н. Малютка. Пѣсенка. —30		
№ 88. Ивановъ, Л. Мномъ. —30		
№ 90. Михаленъ, В. Et cetera. —30		
№ 91. Ивановъ, Л. Обратныя рюмы. —30		
№ 92. — Странности. —30		
№ 93. — Примѣты. —30		
№ 95. — У всякаго барона фантазія своя. —30		
№ 97. — Уважительныя причины —30		
<i>Куликовъ, И.</i> Любимые русскіе романсы и цыганскія пѣсни, въ 3-хъ тетрадахъ, для одного голоса съ акком. гитары. по —50		
<i>Конфетта.</i> Ныганская пѣсня. —20		
<i>Коргановъ, Г.</i> Op. 23. Три романса. № 1. Я тебѣ ничего не скажу. № 2. Спустилась ночь. № 3. Въ вечернемъ сумракѣ. —60		
— Op. 24. Три романса. № 1. Серенада. № 2. Она поетъ. № 3. Гдѣ ты. —60		
<i>Корзунъ, Б.</i> За Ниманъ иду я. —30		
<i>Кушелевъ - Безбородко.</i> Не горюй, не тоскуй. —30		
— Я васъ любилъ, для Сопрано. —30		
— " " " " для Контральто. —30		
<i>Ладугина, Н.</i> Что въ имени тебѣ моемъ. —30		
<i>Лерхе, М.</i> И разъ и два. Ком. купл. —20		
<i>Лобри, Ф. Р.</i> № 5. Идеаль. „Не идеаль ты красоты“. —20		
<i>Масиничъ, П.</i> Деревенская честь. Мелодрама въ 1-мъ дѣйствіи. 1 50		
<i>Мендельсоны-Бартольдъ.</i> Венеціанская ночь. Баркаролла. —30		
<i>Мернадитте, С.</i> Сердце тебѣ дарю я. Ариетта. T'amo bell idol mio. I. Igra № 15. —15		

Р. К.	Р. К.
Бережкомъ. 50. Чумацкая. 51. Козацкая. 52. Бурацкая. 53. Свадебная. 54. Козацкая. 55. Побратався сокиль. 56. Гей гуць, мати, гуць. 57. Хата моя рубленая. 58. По малу малу. 59. Ой колнсь були. 60. Ой тамъ на моріжку. 61. Вилитали орли. 62. Веснянка. 63. Ходить сорока около потока. 64. Ой ишовъ козакъ зъ Дону. 65. Зажиная. 66. Вийди, вийди козлику. 67. Щедривка. 68. Ой погубила горлиця дитей. 69. Ой чумаче, чумаче. 70. Ой зза гори вперть віе. 71. Та женці жнуть. 72. Перепелочка. 73. Король. 74. Сонце вишенью. 75. Го, го, го коза. 76. Та вже третій вечиръ. 77. Свадебная. 78. Та оравъ мужикъ край дороги. 79. Ой, чи я въ лузі не калипа була. 80. Ой за гаємъ, гаємъ. 81. Щедрилка. 82. Свадебная. 83. Про швачку. 84. Прихавъ милий. 85. Гей же тай журжа мене зсумила. 86. Ой у поли пивка. 87. Засвистали козаченьки. 88. Развивайся сухій дубе. 89. Про Савву чалаго. 90. Ой продала дівчина юбку. 91. Ой хмилю мій хмилю. 92. Ой подь вишенькою. 93. Ой кроче, кроче. 94. Ой пумо, пумо плетяного шума. 95. У Києва на ривку. 96. Посіяла руту мятю. 97. Ой полыви утко. 98. На двори мотелиця. 99. Пичка тсина. 100. Ой гаю, мій гаю. б випусковъ въ одпомъ томъ. томъ изд. 907. 3 —	
<i>Русинштейнъ, А.</i> Ор. 3. Мелодія. Тихая ночь. (Слова и перел. А. Размадзе). — 30	
— Ор. 115. Десять романсовъ. Zehn Lieder. Complet. 1 50	
— № 1. Сѣнокосъ и передъ жатвой. Das erste Sommergrass. — 30	
— „ 2. Что въ томъ? Was thut's. — 30	
— „ 3. На берегу. Am Strande. — 30	
— „ 4. На лодкѣ. Seefahrt. — 30	
— „ 5. Къ соловью. An die Vögel. — 30	
— „ 6. Къ неѣ. Liebeslied. — 30	
— „ 7. Уединенное озеро. Der einsame See. — 30	
— „ 8. Глазокъ милихъ. Lass mich deine Augen fragen. — 30	
— „ 9. Молива. Gebet. — 30	
— „ 10. Поэтъ. Der Dichter. — 30	
— Музыкальные вечера:	
— № 19. Ночь. Дуэтъ. Die Nacht. Duett. — 50	
— „ 20. Горныя вершины. Дуэтъ. Wanderers Nachtlied. Duett — 40	
— „ 23. Ангелъ. Дуэтъ. Der Engel. Duett. — 40	
— Возвращеніе. Retour. — 30	
— Горюша: Арія Князя. Веселись, веселись, старикъ. — 30	
— „ Хоръ. Во святой, во часъ. — 40	
— „ Аріозо Дашутки. — 70	
— „ Дуэтъ. (Иванъ, Княгиня). 1 — 60	
— „ Терцетъ и финаль. — 60	
— „ Арія Ивана. Для кого ты въ жизни. — 30	
— „ Арія Князя. Иль лукавый демонъ. — 30	
— Вавилонское столпотвореніе. Три хора. Партитура 60 к. Голоса 60 к. 1 20	
<i>Самсонъ, Л.</i> 4 Дуэта.	
— № 1. Тучи. Die Wolken. — 40	
— № 2. Баркаролла. Auf dem Wasser. — 40	
<i>Самсонъ, Л.</i> 4 Дуэта.	
— № 3. Вечерь на морѣ. Meeresabende. — 40	
— № 4. Разсвѣтъ. Morgenroth. — 40	
<i>Симонъ, А.</i> № 36. Часть любви. Дуэтъ, для сопрано и тенора. — 40	
<i>Смирновъ, А.</i> Томъ Пусъ. Ком. купл. — 30	
<i>Старцевъ, К.</i> Дѣтямъ на одну! 10 русскіхъ пѣсенъ. — 60	
<i>Тивоольскій, Н.</i> Я по цѣлымъ часамъ, для тенора. — 30	
— „ контральто. — 30	
— на два голоса. — 30	
<i>Толстой, О.</i> Русалка. — 20	
— Пѣснь воина. — 40	
<i>Толма, А.</i> Миньона. Операвъ 3-хъ дѣйств. (р. ф.) 5 — Отдѣльно:	
— № 1. Интродукція. Introduction. 1 80	
— „ 2. Арія Вильгельма. Я люблю на свободу. Oui, je veux par le monde. — 50	
— „ 3. Тріо. (Philine, Wilhelm, Laërte). — 60	
— „ 4. Речитативъ и романсъ. Далеко чудный край. Connais tu le pays. — 50	
— „ 5. Дуэтъ. Вы ласточки, касатки. Légères hirondelles. — 70	
— „ 6. Тріо и финаль. Тріо et Final. 1 65	
— „ 8. Мадригалъ. Дива чудная моя. Belle, avez pitié de nous. — 40	
— „ 9. Тріо. Ты не грусти, Миньона. Plus de soucis, Mignon. — 90	
— „ 10. Стирійская пѣснь. Жилъ былъ бѣдный сирота. Styrienne. — 70	
— „ 11. Мелодія. Судьба велитъ разстаться. Adieu, Mignon. — 25	
— „ 12 ^a . Дуэтъ. Ты самъ страдалъ. As-tu souffert. — 30	
— „ 12 ^b . Хоръ. Choeur. — 25	
— „ 12 ^c . Речитативъ, Полонезъ и Финаль. Recit. Polonaise et Final. 1 25	
— „ 13. Интродукція, хоръ и колыб. пѣсня. Introduction et choeur. — 45	
— „ 14. Романсъ Вильгельма. Не видала она. Elle ne croyait pas. — 30	
— „ 15. Насталъ день счастья. Je suis heureux. — 80	
— „ 16. Терцетъ. Terzetto. — 80	
<i>Трауготъ, Ф.</i> Юлія. Julia. Ком. куплетъ. — 20	
<i>Усатовъ, Д. Р.</i> Романсы и пѣсни:	
— № 1. Ахъ, ты долюшка. — 30	
— „ 2. Одинока я на свѣтѣ. — 30	
— „ 3. Король Ричардъ. — 30	
— „ 4. Бѣдность. — 20	
— „ 5. Нѣтъ, не могу я ее позабыть. — 40	
— „ 6. Всѣ я глазки проглядѣла. — 30	
— „ 7. Слушая повѣсть твою. — 30	
— „ 8. Слышу ли голосъ твой. — 20	
— „ 9. Серенада: „Звѣзды ночи насъ манятъ“. — 30	
— „ 10. Въ рядкахъ обиженнаго люда. — 30	
— „ 11. Еврейская пѣсня. — 30	
— „ 12. Колыбельная пѣсенка. — 20	
— „ 13. Пѣсня „Дуютъ вѣтры“. — 20	
— „ 14. Ты какъ угро весны. — 30	
— „ 15. Русская пѣсня. „Сяду-ль я за столъ“. — 30	
— „ 18 ⁶ . Ещетомясьтоской. Для тенора. — 20	
— „ 43. Милую я потерялъ. — 30	
— „ 59 ^a . Что мнѣ она. Для баритона. — 30	
— „ 59 ^b . „ „ „ „ баса. — 30	

	Р. К.		Р. К.
Ферстеръ, А. Обольщеніе. —30		Чайковский, П. Пиковая дама:	
Францъ, Б. Ахъ ты телятина! Oh! du Rhinoceros. Ком. Купл. —30		— № 18. Антрактъ и сцена. Бѣдная ка!	
— Венгерская пѣсня. " " —30		Въ какую пропасть я завлекъ ее. —70	
— Кирасирь. " " —30		— " 19. Сцена. Мнѣ страшно! Страшно! —50	
— Венцель. Der Wenzel kommt " " —30		— " 20. Сцена и ариозо Лизы. Ужъ полночь близится. —40	
— Милый Ванюшенька. Der gute Heinrich. " " —40		— " 21. Сцена и дуэтъ. А если мнѣ въ отвѣтъ часы пробьютъ. 1 —	
— Служанка. " " —30		— " 22. Хоръ и сцена. Будемъ пить и веселиться. —70	
— Стрѣлокъ. " " —20		— " 23. Пѣснь Томскаго и хоръ игроковъ Если-бы милая дѣвица. —50	
Цыганскій таборъ:		— " 24. Заключительная сцена. За дѣло, господа, за карты! 1 30	
— № 213. Обоими, подѣлуй. —30		— " 24а. Арія Германа. „Что наша жизнь“, для тенора. —40	
— " 279. Папѣвъ волшебный. На 2 голоса —30		— " 24б. " " " " А-диу —40	
— " 280. Успокой меня. —20		Черницкій. Виновата-ли я. —30	
— " 296. Папѣвъ волшебный. Для меццо-сопрано. —30		— Ты не моя. —20	
Чайковский, П. № 3. И больно, и сладко. Новое изданіе для сопрано. —40		Черный цѣпъ, мрачный дѣвѣтъ. —20	
— № 4. Слеза дрожитъ. Новое изданіе для меццо-сопрано. —30		Шеферъ, А. Среди шумнаго бала. —30	
— Пиковая дама. Опера въ 3 дѣйствіяхъ. 8 — Отдѣльно:		— То было раннею весной. —30	
— № 1. Хоръ дѣтей, нянекъ и проч. —(0		Шулцъ, А. Звѣздочка. „Море воетъ“ —40	
— " 2. Сцена и ариозо Германа. Чѣмъ кончилась вчера игра. —60		Шулцъ, Ю. Пора. Ком. Купл. —20	
— " 3. Хоръ гуляющихъ и сцена. Наконецъ то Богъ послалъ. —80		Щировскій, П. № 1. Въ верху одна горитъ звѣзда. —20	
— " 4. Квинтетъ и сцена. Мнѣ страшно! —40		— № 2. Рѣчная лилія. Duettino. —20	
— " 5. Сцена и баллада Томскаго. Какъ вѣдьма эта графиня. —50		— " 3. Подъ вліаніемъ Шумана. Экспромтъ. —30	
— " 6. Заключительная сцена (Гроза) —60		— " 4. Сирота. „Не прельщайте, не маните“. —30	
— " 7. Дуэтъ. (Лиза и Полина). Ужъ вечеръ, облаковъ померкнули края. —20		— " 5. Признаніе „Я васъ любилъ.“ —20	
— " 8. Сцена, романсъ Полины и русская пѣснь съ хоромъ. —60		— " 6. Послѣ грома, послѣ бури. —20	
— " 9. Сцена и ариозо гуввернантки. Mesdemoiselle, что здѣсь у васъ за шумъ? —30		— " 7. Серенада. О, приди ко мнѣ скорѣе. —30	
— " 10. Заключительная сцена. Пора ужъ расходиться. 1 50		— " 8. Воронъ. „Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной“. —40	
— " 11. Антрактъ и хоръ. Радостно, весело. —70		— " 9. Совѣтъ дѣвушкаѣ. —20	
— " 12. Сцена и арія Князя. Хозяинъ проситъ дорогихъ гостей. —50		— " 10. Еврейская мелодія. —30	
— " 13. Сцена. Скорѣ бы увидѣть и броситъ эту мысль. —30		— " 11. Мать въ сердцахъ меня журила, Для Контраalto. —30	
— " 14. Хоръ пастушковъ и пастушекъ. Подъ тѣнью густою. —40		— " 12. Чу, раздался кличъ призывный —30	
— " 14а. Дуэтъ Прилѣпы и Миловзора. Мой миленькій дружокъ. —30		— " 13. Мать въ сердцахъ меня журила, Для Сопрано. —30	
— " 14б. Финалъ. Какъ ты мила, пригожа —90		— " 14. Только до слуха коснется. —30	
— " 15. Заключительная сцена. Кто пылко и страстно любя. —70		— " 15. Матушка милая. —20	
— " 16. Сцена и хоръ. Все такъ, какъ мнѣ она сказала. 1 20		— " 16. Споръ. Ду-тъ. —40	
— " 17. Финальная сцена. Не пугайтесь! Ради Бога не пугайтесь. —80		— " 17. О пойми, что любовь обладаетъ —20	
		— " 18. Вальсъ Шопена. „Видишь ночная мгла“. —40	
		— " 19. Дуэтъ Солохи съ бѣсомъ изъ оп. Кузнецъ Вакула —30	
		— " 20. Le coeur perdu. Потерянное сердце. Новое изданіе. —30	
		— " 21. Кручина молодца. —30	
		— " 22. Не ошиблась ты. —20	
		Экзерта, Б. Въ гѣсу. —20	

На 2 голоса. Pour deux voix.

Аренскій, А. Сонъ на Волгѣ:		Перголезе. Мать скорбящая. Гимнъ на 2 женск. голоса. Переводъ А. Фета. 1 —	
— № 3. Дуэтъ. Вотъ диво-то. —70		Пути, Г. Нѣтъ не къ добру. —30	
— № 22. " Тихо луна взойдетъ. —40		Размадзе, А. № 12. Свиданье. —30	
Дельо. Никогда и всегда. Ноктюрнъ. —25			
Дмитріевъ, Н. Воспоминаніе. —30			

	Р. К.		Р. К.
<i>Рубинштейна, А.</i> Музыкальные вечера:		<i>Тома, А.</i> Миньона: № 5. Вы ласточки ка-	
№ 19. Ночь. Die Nacht.	—50	саточки.	—70
№ 20. Горныя вершины Wanderers		— № 12 ^a . Ты самъ страдаешь.	—30
Nachtlied.	—40	— „ 15. Насталъ день счастья.	—80
№ 23. Ангелъ. Der Engel.	—40	<i>Цыган. таборъ.</i> № 279 Нагѣвъ волшебный	—30
<i>Симонъ, Л.</i> № 1. Тучи.	—40	<i>Чайковский, П.</i> Пиковая дама:	
№ 2. Баркаролла.	—40	№ 7. Лиза и Полина „Ужъ вечеръ“.	—30
№ 3. Вечеръ на морѣ	—40	№ 14 ^a . Прилѣпа и Миловзоръ. „Мой	
№ 4. Разсвѣтъ.	—40	миленькій дружокъ“.	—30
<i>Симонъ, А.</i> № 36. Часть любви. (для соп-		№ 21. Дуэтъ.	1—
рано и тенора).	—40	<i>Щуровскій, П.</i> № 2. Рѣчная лѣля.	—20
<i>Тивольскій, Н.</i> Я по цѣлымъ часамъ.	—30	№ 16. Споръ.	—40
		№ 19. Дуэтъ Солохи съ Бѣсомъ.	—30

Полныя оперы для пѣнія. Opéras pour chant.

<i>Аренскій, А.</i> Сонъ на Волгѣ. Опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ.	6 —	<i>Оберъ, Д.</i> Фенелла или нѣмая изъ Португи. Опера въ 5-ти дѣйствіяхъ.	4 —
<i>Буальдье, А.</i> Бѣлая дама. Опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ.	4 —	<i>Pergolesi, Stabat Mater.</i> Мать скорбящая.	1 —
<i>Маскани, П.</i> Деревенская честь. Мелодрама въ одномъ дѣйствіи.	1 50	<i>Чайковский, П.</i> Пиковая дама. Опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ.	8 —

Сочиненія на 3 и 4 голоса и для хора.

<i>Аренскій, А.</i> Сонъ на Волгѣ:		<i>Рубинштейна, А.</i> Горюша:	
№ 1. Сцена и хоръ. „На морѣ утушка купалася“.	—80	Хоръ. Во святой во часть.	—40
№ 7. Сцена и хоръ. „Боярини! ты выпей“.	—30	Терцетъ и финалъ.	—60
№ 9. Трепакъ и хоръ. „Ужъ и полно“.	—40	— Вавилонское столпотвореніе:	
№ 14. Хоръ нищихъ.	—30	Три хора. <i>Партитура.</i>	—60
№ 19. „дѣвушекъ. „У меня-ль во садочкѣ“.	—40	<i>Голоса.</i>	—60
№ 27. Квартетъ. „Темная ночь“.	—40	<i>Тома, Миньона:</i> № 3. Тріо.	—60
№ 29. Фивалъ. Хоръ. „Слава“.	—60	№ 6. Тріо и финалъ.	1 65
<i>Воротниковъ, П.</i> Не билъ барабанъ. Для мужскаго хора. <i>Партитура.</i>	—40	№ 9. Тріо. Ты не грусти	—90
— <i>Голоса.</i>	—40	№ 12 ^a . Хоръ.	—25
— Боевая пѣсня русскаго воина. Для мужскаго хора. <i>Партитура.</i>	—70	№ 13. Интродукція, хоръ	—45
— Какъ чудно прекрасенъ. Для смѣшаннаго хора. <i>Партитура.</i>	—50	№ 16. Терцетъ.	—80
— Ахъ, на что-бы огородъ городить. Для смѣшаннаго хора. <i>Партитура.</i>	—50	<i>Чайковский, П.</i> Ор. 54. Легенда, для женскаго хора безъ фортепіано. <i>Партитура.</i>	—30
— Вдоль по улицѣ. <i>Партитура.</i>	—30	<i>Голоса.</i>	—40
<i>Едличка, А.</i> № 47. Ой у саду соловей шепетавъ.	—20	— Пиковая дама:	
<i>Капри, Ю.</i> Поздравительный гимнъ. На 3 голоса.	—40	№ 1. Хоръ дѣтей, нянекъ и проч.	—60
<i>Кашинъ, Д.</i> Слава на небѣ. Для одного голоса съ хоромъ.	—50	№ 3. „гуляющихъ.“	—80
		№ 4. Квинтетъ и сцена.	—40
		№ 8. Сцена. Романсъ и русская пѣсня съ хоромъ.	—60
		№ 11. Антрактъ и хоръ. „Радостно, весело.“	—70
		№ 14 ^a . Хоръ плетущковъ и пастушекъ.	—40
		№ 16. Сцена и хоръ.	1 20
		№ 22. Хоръ и сцена. „Будемъ пить“	—70
		№ 23. Хоръ игроковъ.	—50

Духовно-музыкальныя сочиненія.

<i>Березовскій, М.</i> Не отвержи мене. Концертъ. <i>Партитура.</i>	—60	ская пѣсня. № 5. Отца и сына. № 6. Символь вѣры. № 7. Милость мира. № 8. Тебе поемъ. <i>Партитура.</i>	1 —	
— <i>Голоса.</i>	—60	<i>Воротниковъ, П.</i> № 11. Хвалите Господа.	} для мессы, х. ра. <i>Партитура.</i>	
<i>Вишляевъ, Н. Е.</i> Духовныя сочиненія для 4-хъ голоснаго смѣшаннаго хора:		— № 12. Творяи ангелы своя духи		—50
№ 1. Слава Единородный. № 2. Приидите поклонимся. № 3. Господи, спаси благочестивыя. № 4. Херувим		— № 13. Приидите, поклонимся.		—15

	Парт.	Р. К. Гол.		Парт.	Р. К. Гол.
<i>Галуппи, Б.</i> Готово сердце.	—	—	<i>Давыдовъ, Ст.</i> № 7. Вознесу тя,		
— Суди, Господи, обидящія мя.	—	—	Боже мой.	—	—
— Услышать тя Господь.	—	—	— " 8. Воспойте Господеву.	—	—
<i>Гейне, С.</i> Тебе Бога хвалимъ.	—	—	— " 9. Высшую небесъ.	—	—
<i>Грибовичъ, П.</i> Плотю уснувъ.	—	—	— " 10. Предстательство христіанъ.	—	—
<i>Григорьевъ, П.</i> № 1. Блаженъ мужъ.	—	—	— Концерты двухорные:		
— № 2. Хвали душе моя Господа.	—	—	№ 11. Слава вышнихъ Богу.	—	—
— " 3. На рѣкахъ Вавилонскихъ.	—	—	— " 12. Господь, кто обитаетъ.	—	—
— " 7. Канонъ молебный, ко Пресвятой Богородицѣ.	1	80	— " 13. Господь на небеси уготова.	—	—
— " 8. Покаянія отверзи мидвери.	—	—	— " 14. Ис полза в ти деспота. Трио съ хоромъ.	—	—
— " 11. О всецѣлая Мати.	—	—	<i>Макаровъ.</i> Ангель вопіаше. Трио съ хоромъ.	—	—
— " 23. Не имамы инья помощи.	—	—	<i>Марковъ, И.</i> Вкусите и видите. Трио съ хоромъ.	—	—
— " 25. Взбранной воеводѣ.	—	—	— Да возрадуется душа твоя.	—	—
— " 27. Нынѣ отпускаеши.	—	—	<i>Сарти, Г.</i> Отче нашъ (на два хора).	—	—
— " 29. Часы во св. Недѣлю Пасхи.	—	—	— Нынѣ силы (на 6 голосовъ).	—	—
<i>Давыдовъ, Ст.</i> Полное собраніе сочиненій подъ редакцію К. Альбрехта, въ одномъ томѣ.	4	4	<i>Собраніе духовныхъ пѣсенъ</i> , разныхъ сочинителей для полнаго хора:		
— Концерты 4-хъ голосные:			№ 1. Галуппи. Слава и нынѣ. № 2. Симоновская керувимская пѣснь. № 3. Березовскаго. Вѣрую. № 4. Макарова. Ангель вопіаше. № 5. Галуппи. Плотю уснувъ. № 6. Галуппи. Благобразный Іосифъ. № 7. Грибовича. Плотю уснувъ.		
— № 1. Тебе Бога хвалимъ.	—	—	<i>Партитюра.</i> —	—	—
— " 2. Хвалите Господа съ небесъ.	—	—	<i>Голоса</i> —	—	—
— " 3. Се нынѣ благословите Господа.	—	—	Каталогъ Духовно-музыкальныхъ сочиненій.	—	—
— " 4. Слава въ вышнихъ Богу (на Р. Х.).	—	—			
— " 5. Обновляйся, новый Іерусалиме.	—	—			
— " 6. Исповѣмся Тебѣ, Господи.	—	—			

Упражнения для пѣнія.

<i>Ладужинъ, Н.</i> Сольфеджіо, изъ сочиненій разныхъ авторовъ, для одного, двухъ и трехъ голосовъ. Часть I.....	1 р. 20 к.
" " Часть II.....	1 р. 20 к.
" " Двѣ части въ одномъ томѣ.....	2 р. — к.

Школы для разныхъ инструментовъ.

T. 75 <i>Альбрехтъ, Е.</i> Практическая элементарная школа для виолончели.	1 р.
<i>Булиновъ, И.</i> Школа для мандолины.	1 р. 50

ЛИБРЕТТО.

<i>Арсенскій, А.</i> Сонъ на Волгѣ.	—	50	<i>Оберъ.</i> Фенелла или Нѣмая изъ Портучи.	—	40
<i>Ипполитовъ-Ивановъ.</i> Руецъ.	—	40	<i>Чайковскій, П.</i> Пиковая дама.	—	50
<i>Масляновъ, П.</i> Деревенская честь. На 2-хъ языкахъ, рус. и итал.	—	30			

<i>Потная бумага № 3-й:</i> Двѣнадцать строкъ, равныя промежутки, 1-й сортъ высокаго формата □ (оркестровая) Ц. за стопу 20 р. — к.	
" " " " Десть.....	1 " — "
" " " " 6 листовъ.....	— " 25 "

Въ Январѣ 1891 г. вышли изъ печати:

	Р. к.		Р. к.
Альбрехтъ, К. Сборникъ 50 духовно-музыкальныхъ сочиненій для концертино. 1 —	1	Личинъ, Г. Баллада „Она хохотала“. Новое изданіе для Меццо-Сопрано. —50	—50
— 1-й сборникъ пьесъ. „ „ —75	—75	Масканьи, П. Деревенская честь. Мелодрама. Для фортепіано. Томъ 843. 1 50	1 50
— 2-й „ „ „ „ 1 20	1 20	— Тоже. Либретто. —30	—30
Аренскій, А. Сонъ на „Волгѣ“:		Направникъ, Е. Op. 48. № 3 Mélancolie, à 4 mains. —30	—30
— Пошурри въ 4 руки. 1 50	1 50	Nemerowsky, A. Andante du concerto de Beethoven, op. 58 pour Harmon. av. Piano à 4 mains. —60	—60
— „ въ 2 руки. 1 25	1 25	— Valse de Chopin. Op. 64. № 2. „ „ 1 —	1 —
— № 9. Трепакъ и хоръ въ 2 руки. —30	—30	Rubinstein, A. Trot de cavalerie, pour Piano à 4 mains. —80	—80
— Краткое руководство къ изученію гармоніи. 1 50	1 50	— Op. 75. Album de Peterhof. 12 morceaux. Vol. 385. 3 —	3 —
Геренсъ, Г. Op. 70. 50 маленькихъ пьесъ, въ 2 руки. Томъ 571. —50	—50	Swett-Tschaikowsky, Transcription pour Violon et Piano. Vol. 29. 1 —	1 —
— Op. 88. Школа гаммъ, аккордовъ и украшеній, въ 2 руки. Томъ 572. 1 —	1 —	Чайковский, П. Евгений Онегинъ, для фортепіано въ 2 руки. Новое изданіе. in 4°. 4 —	4 —
Бернардъ, М. Развлеченіе. 24 маленькія пьесы, въ 4 руки. Томъ 58. 1 50	1 50	— Пиковая дама: № 14. Интермедія. „Искренность па-стухи“. Для пѣнія. 1 50	1 50
Геллеръ, С. Op. 125. 24 этюда для фортепіано. Томъ 183. 1 —	1 —	— „ 14. Тоже для форт. въ 2 руки. —80	—80
Кесслеръ, Г. Op. 100. 25 этюдовъ для фортепіано. Томъ 573. 2 —	2 —	— „ 10. Сцена и ариозо Германа д. п. —70	—70
Ладулинъ. Пѣвнившіе розой соловей. Романсъ. —30	—30	— „ 16 ^a . Арія Графини. Ну, времена. д. п. —40	—40
Лаубъ, В. Грѣзы. Романсъ. Нов. изд. для Меццо-Сопрано. —40	—40		
Лемуанъ, Г. Op. 37. Дѣтскіе этюды. Томъ 265. 1 —	1 —		

Духовно-музыкальныя сочиненія разныхъ авторовъ.

	Парт.	Гол.			Парт.	Гол.
Богдановъ, И. Кондакъ. Душе моя. Д. А. Т. Б. —20 —20	—20	—20		Вифляевъ, П. Духовныя сочиненія 8 №№. Д. А. Т. Б. 1 — —	1 —	—
— Милость мира. „ „ —25 —40	—25	—40		Глуховскій, Г. Херувимская I. „ —25 —40	—25	—40
— Да исправится молитва моя. Тріо. —25 —40	—25	—40		— Херувимская II. „ —25 —40	—25	—40
— Кондакъ на Св. Пасху „ —20 —20	—20	—20		— Ис полла ѿ ти деспота I. „ —15 —20	—15	—20
— Припѣвы на акафистъ Успенію. Тріо. —15 —20	—15	—20		— Ис полла ѿ ти деспота II. „ —15 —20	—15	—20
— Прокимень на вѣнчаніе. Д. А. Т. Б. —15 —20	—15	—20		— Да возрадуется 2 Т. 2 Б. —20 —40	—20	—40
Виноградовъ, М. Нынѣ вся исполни- шася. Д. А. Т. Б. —50 —50	—50	—50		— Херувимская III. „ —20 —40	—20	—40
— Богородиченъ въ день Успенія. Д. А. Т. Б. —50 —50	—50	—50		— Милость мира. Достояно и пра- ведно 2 Т. 2 Б. —25 —40	—25	—40
— Стихира. Да радуется днесь „ —50 —40	—50	—40		— Тебѣ поемъ. „ —15 —20	—15	—20
— Христось воскресе „ —15 —20	—15	—20		— Достойно есть. „ —20 —40	—20	—40
— Съ нами Богъ. „ —15 —20	—15	—20		Металловъ, В. Херувимская I E-dur. Д. А. Т. Б. —25 —40	—25	—40
— Псаломъ 41-й. „ —50 —50	—50	—50		— Херувимская II. D-dur. „ —25 —40	—25	—40
— Богородиченъ гласъ 6-й. „ —30 —40	—30	—40		— Милость мира I. F-dur. „ —25 —40	—25	—40
— Богородиченъ гласъ 7-й. „ —30 —40	—30	—40		— Милость мира II. C-dur. „ —25 —40	—25	—40
— Богородиченъ гласъ 8-й. „ —30 —40	—30	—40		Павловъ, В. Свѣте тихій. „ —25 —40	—25	—40

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ,

напечатанныя въ №№ 1—14 журнала „Артистъ“ и
№№ 1—5 журнала „Театральная Библиотека“.

	№№ кн. Артиста.	№№ кн. Т. Библ.		№№ кн. Артиста.	№№ кн. Т. Библ.
„Автора въ театрѣ нѣтъ“, ш. въ 1 д. И. Л. Щеглова. (Къ представленію разрѣшено безусловно см. „Правит. Вѣстн.“ 91 г. № 176)	—	3	„Донъ Карлосъ инфантъ испанскій“, гр. въ 5 д. Шиллера. Приспособленный для сцены переводъ И. Н. Грелова. Съ рисунками костюмовъ гр. Ф. Л. Солягоуба . . .	1—4	—
„Ахъ мужчины, мужчины!“ ком.-ф. въ 4 д. перед. изъ ком. Залевскаго Н. А. Тихановымъ (Пр. В. 91 г. № 144)	—	2	„Донъ Фернандо, стойкій принцъ“, траг. въ 5 д. Кальдерона, перев. Н. Ф. Арбеннина	12—14	—
„Бабье дѣло“, ш. въ 2 д. А. Н. Нанаева (90 г. № 202)	7	—	„Душа потемки“, сцены въ 3 д. М. П. Садовскаго	—	5
„Безъ кинжала“, ш. въ 1 д. В. Р. Щиглева (Тожо 90 г. № 202)	7	—	„Жить надоѣло“, ш. въ 1 д. В. В. Библибина. (91 г. № 176)	—	3
„Божья коровка“, ком. въ 4 д. П. Д. Боборыкина. (90 г. № 12)	4	—	„Жоржинья“, комедія-фарсъ въ 2 д. Чена. (91 г. № 94)	14	—
„Борьба за существованіе“, пьеса въ 5 д. А. Додэ, пер. Э. Э. Матерня. (90 г. № 12)	4	—	„Жрица искусства“, ком. въ 4 д. Е. П. Карпова. (91 г. № 59)	14	—
„Вамъ такія сцены не знакомы?“ Сценка въ 1 д. Соч. Н. А. Дрейфуса. Перев. Н. А. Тиханова. (91 г. №№ 144 и 176)	—	4	„Золотая рыбка“, ком. И. А. Салова и И. Н. Го. (90 г. № 12)	3	—
„Василекъ“, ком. въ 4 д. В. А. Крылова. (90 г. № 283)	11	—	„Искорна“, ком. въ 1 д. Пальерона, перевод. для русск. сцены А. Н. Плещеевымъ.	—	5
„Водоворотъ“, др. въ 5 д. И. В. Шпанинскаго. (90 г. № 12)	3	—	„Камень при распутии“, ком. въ 3 д. кн. Н. П. Урусова. (91 г. № 176)	—	4
„Вольная волюшка“, др. въ 5 д. И. В. Шпанинскаго. (91 г. № 31)	12	—	„Крама“, драматическій этюдъ въ 1 дѣйствіи, Ии. Д. П. Голицына (Муравлина). (90 г. № 228)	9	—
„Всякому свое“, ком. въ 4 д. Н. В. Назанцева. (90 г. № 202)	5	—	„Лебединая пѣсня“ „Калхасъ“, др. эт. въ 1 д. А. П. Чехова. (89 г. № 274)	2	—
„Въ мутной водѣ“, ш. въ 1 д. Н. С. Семенова (91 г. № 144)	—	1	„Мамаево нашествіе“, ком.-шут. въ 3 д. Ивана Щеглова. (90 г. № 283)	10	—
„Въ слѣдующій разъ“, сценка-монологъ въ 1 актѣ Грене-Данкура, перев. съ французск. Ф. А. Нуманна. (90 г. № 202). (Въ отдѣльн. изд. нашего журнала—91 г. № 31)	8	—	„Матап“, ком. въ 2 д. С. Н. Терпигорева (Сергѣя Атавы). (90 г. № 12)	3	—
„Въ сонномъ царствѣ“, ком. въ 4 д. И. Я. Гурлянда. (90 г. № 202)	8	—	„Медвѣдь“, ш. въ 1 д. А. П. Чехова (90 г. № 202)	6	—
„Въ старые годы“, др. въ 5 д. И. В. Шпанинскаго. (89 г. № 258)	1	—	„Мельхіоръ“, ком. въ 1 д. С. Меллера, перев. Н. Г.	—	5
„Гастролерша“, шутка въ 1 дѣйствіи Ивана Щеглова. (90 г. № 228)	9	—	„Молчаніе“, шутка въ 1 д. В. В. Библибина. (91 г. № 31)	12	—
„Геніальная женщина“, шутка въ 1 д. А. Р. Г. (91 г. № 144)	—	1	„Мышеловна“, ш. въ 1 д. И. Л. Щеглова (89 г. № 258)	1	—
„Гусь лапчатый“, др. въ 5 д. И. А. Салова. (90 г. № 283)	11	—	„Не всякому какъ Якову“, картина сельской жизни въ 1 д. Е. П. Гославскаго. (91 г. № 59)	13	—
„Дармоѣдка“, комедія въ пяти дѣйствіяхъ И. А. Салова. (90 г. № 202)	8	—	„Не въ добрый часъ“, ш. въ 1 д. И. Л. Щеглова	—	5
„Долгъ чести“, драма въ 1 д. П. Гайзе, перев. Э. Э. Матерня. (91 г. № 176)	—	3	„Нежданннй гость“ (Жакъ Дамуръ), др. въ 1 д. Эниина (передѣлано изъ романа Эмиля Золя), переводъ съ франц. И. Л. Щеглова. (90 г. № 202)	5	—
			„Незадачный денекъ“, ш. въ 1 д. Наменскаго	—	5

	№№ кн. Артиста.	№№ кн. Т. Выб.		№№ кн. Артиста.	№№ кн. Т. Выб.
„Ненастье“, ком. въ 1 д. П. П. Гитдича. (91 г. № 59)	11	—	„Ранняя осень“, драма въ 4 д. Е. П. Карпова. (91 г. № 59). (Въ отдѣл. изд. нашего журнала—91 г. № 31)	13	—
„Новое дѣло“, ком. въ 4 д. Влад. Ив. Немировича-Данченко. (90 г. № 283). (Въ отд. изд. нашего журнала—91 г. № 31)	10	—	„Ревнивый актеръ“, монологъ въ стихахъ гр. Ф. Л. Соллогуба. (89 г. № 258)	1	—
„Обухъ“ („Ни съ того, ни съ сего“) („Nowy dziennik“), ком. въ 3 д. Балудкаго. Передѣлка для русской сцены Е. М. Б—аго. (91 г. № 176)	—	4	„Револьверъ“, ком. въ 1 д. В. В. Библина. (90 г. № 283)	10	—
„Озимь“, др. въ 4 д. А. А. Луговаго (90 г. № 202).	7	—	„Сардапаль“, трагедія Байрона, переводъ О. Н. Чюминой (90 г. № 283)	9—11	—
„Опасные люди“ („Два полюса“), драма въ 4 д. Н. В. Назаревой. (91 г. № 176).	—	3	„Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ“, шутка въ 1 д. Хеля, перев. Н. Ф. Арбенина. (90 г. № 202)	6	—
„Осень“, ком. въ 3 д. В. М. Михеева (91 г. № 144)	—	2	„Симфонія“, комедія въ 5 дѣйств. Модеста И. Чайковскаго. (90 г. № 228)	9	—
„Отставка“, шутка въ 1 дѣйств. (91 г. № 144 и 176)	—	4	„Скитальцы“, сценка въ 5 д. Н. С. Генина. (90 г. № 202)	6	—
„Перенати поле“, ком. въ 4 д. П. П. Гитдича. (90 г. № 12). (Въ отд. издаваніи нашего журнала—90 г. № 228)	4	—	„Старая погудка на новый ладъ“, к. въ 1 д. въ стихахъ О. Н. Чюминой (90 г. № 202)	6	—
„Плагіать“, ком. въ 1 д. Н. С. Баранцевича. (90 г. № 202)	6	—	„Стоячія воды“, картинки соврем. жизни въ 3 дѣйств. П. П. Гитдича. (90 г. № 228)	9	—
„Подвизной лагерный сборъ“, карт. въ 1 д. Н. П. Неймана (91 г. № 144)	—	1	„Съ бою“, ком. въ 4 д. П. Д. Боборыкина. (91 г. № 59)	13	—
„Подъ властью сердца“, др. въ 5 д. И. Н. Ладименскаго (89 г. № 274)	2	—	„Сюжетъ заммствованъ“, фарсъ въ 1 д. Н. В. Наменскаго и В. С. Пичинскаго (91 г. № 176)	—	3
„По провазымъ слѣдамъ“, фарсъ въ 1 дѣйств. Г. Н. Грессера. (90 г. № 283)	10	—	„Трагикъ по неволѣ“, ш. въ 1 д. А. П. Чехова. (90 г. № 202)	7	—
„По ревизіи“, эт. въ 1 д. Ш. Л. Кропивницкаго. (91 г. № 94)	14	—	„Три встрѣчи“, монологъ въ стихахъ М. И. Лаврова (91 г. № 144)	—	1
„Порывъ“, др. въ 4 д. Н. О. Ракшанина (91 г. № 31)	12	—	„Гурусы на колесахъ“, ш. въ 1 д. И. Л. Щеглова. (90 г. № 202)	7	—
„Последнее сокровище“, др. эт. въ 2 д. В. Ш. Михеева (91 г. № 144)	—	1	„Убѣднѣй Шекспиръ“, ком. въ 1 д. И. Я. Гурлянда. (90 г. № 202)	6	—
„Похищеніе Сильфиды“, ком. въ 1 д. В. Библина	—	5	„Федра“, траг. Ж. Расина, перев. М. П. С—го. (90 г. № 202)	5—7	—
„Предложеніе“, ш. въ 1 д. А. П. Чехова (90 г. № 12)	3	—	„Фотографъ любитель“, ш. въ 1 д. Э. З. Матерна. (90 г. № 202)	6	—
„Привѣтствіе искусствъ“, лирическая сценка Шиллера, перев. Н. Ф. Арбенина.	2	—	„Цѣпи“, др. въ 4 д. кн. А. И. Сумбатова. (89 г. № 258)	1	—
„Пристипюль“, сценка въ 2 д. И. В. Шпакискаго. (90 г. № 202)	5	—	„Элида“, др. въ 5 д. Г. Ибсена, перев. В. М. Спасской.	14	—
„Разладъ“, др. въ 4 д. В. А. Крылова (89 г. № 274)	2	—			

Отдѣльные №№ журнала „Артистъ“ продаются по 2 рубля.—
„Театральной Библиотеки“ по 1 рублю. (Цѣна тома „Театральной Библиотеки“ (4 книги) — 3 руб.).

Выписывающіе изъ конторы редакціи за пересылку не платятъ.

Экземпляры № 4 всѣ разпроданы, („Черекати поле“, ком. въ 4 д. П. П. Гитдича напечатана отдѣльнымъ изданіемъ. Цѣна 1 р. 50 к.).

Вышепоименованныя піесы разрѣшены къ представленію безусловно—
соотвѣтствующіе №№ „Правительственнаго Вѣстника“ указаны въ скобкахъ.

Докторъ Штокманъ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ

Генрика Ибсена.

Переводъ Н. Мировичъ.

Къ представленію дозволено безусловно, см. „Правительст. Вѣстн.“ 1891 г. № 120.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Докторъ Томасъ Штокманъ, главный врачъ при морскихъ купаньяхъ.

Г-жа Штокманъ—его жена.

Пэтра—дочь ихъ, учительница.

Эйлифъ }
Мортэнъ } сыновья ихъ, мальчики 13-ти лѣтъ.

Пэтеръ Штокманъ, старшій братъ доктора Штокмана, бургомистръ, предсѣдатель комитета морскихъ купаній и проч.

Мортэнъ Киль, хозяинъ кожевеннаго завода, пріемный отецъ г-жи Штокманъ.

Говстадъ, издатель «Народнаго Вѣстника».

Биллингъ, сотрудникъ «Народнаго Вѣстника».

Горстеръ, капитанъ корабля.

Аслаксэнъ, типографщикъ.

Горожане, участвующіе въ собраніи, мужчины разныхъ сословій, нѣсколько женщинъ, школьники. Драма происходитъ въ городѣ, на южномъ берегу Норвегіи.

А К Т Ъ П Е Р В Ы Й.

Вечеръ. Гостиная въ домѣ доктора Штокманъ, просто, но чисто и уютно убранная. Направо двѣ двери; одна ведетъ въ кабинетъ доктора, другая въ переднюю. Съ противоположной стороны, противъ двери въ переднюю—дверь, которая ведетъ въ другія комнаты. Съ этой же стороны—каминъ; ближе къ авансценѣ диванъ; надъ нимъ виситъ зеркало, передъ нимъ столъ, накрытый скатертью. На столъ зажжена лампа съ абажуромъ. Со стороны задней стѣны, отворенная дверь ведетъ въ столовую, гдѣ виднѣется столъ, накрытый къ ужину и освѣщенный лампой.

За столомъ сидитъ Биллингъ. Г-жа Штокманъ стоитъ у стола и падаетъ ему тарелку съ большимъ ломтемъ ростбифа.

Остальныя мѣста вокругъ стола не заняты. На столѣ безпорядокъ.

Г-жа Штокманъ. Ну, вотъ, — вы опоздали

на цѣлый часъ, Биллингъ, — и приходится вамъ помириться съ холоднымъ ужиномъ.

Биллингъ (проглатывая кусокъ ростбифа). Ростбифъ превосходный.

Г-жа Шток. Вы знаете, — Штокманъ требуетъ, чтобы все подавалось въ опредѣленные часы.

Бил. Да право же мнѣ это все равно. Аппетитъ какъ будто бы еще прибавляется, когда сидишь одинъ и ѣшь себя въ власть.

Г-жа Штон. Тѣмъ лучше, если такъ... (*Прислушиваясь въ сторону передней.*) А это какъ будто идетъ Гофстадъ.

Бил. Весьма возможно.

(*Бургомистръ Штокманъ входитъ въ палату, въ форменной фуражкѣ съ золотымъ шнуромъ и съ тростью въ рукѣ.*)

Бургомистръ. Добраго вечера, невѣстка.

Г-жа Штон. (*входя въ гостиную.*) Ахъ, это вы? Добраго вечера. Какъ хорошо, что вы вздумали зайти къ намъ.

Бург. Я проходилъ мимо и... (*взглядывая по направленію къ столовой.*) Ва! Да у васъ, кажется, гости.

Г-жа Штон. (*слезка смущенная.*) О нѣтъ! Это случайно зашелъ одинъ знакомый. (*Постыжно.*) Не хотите ли закусить чего-нибудь?

Бург. Ну, нѣтъ. Благодарю покорно. Боже мой,—жаркое вечеромъ! Это мнѣ совсѣмъ не по желудку.

Г-жа Штон. Ну, вѣдь одинъ разъ не въ счетъ...

Бург. Нѣтъ, нѣтъ, очень вамъ благодаренъ. Я придерживаюсь чая и хлѣба съ масломъ. Оно много полезнѣе и, въ общемъ, нѣсколько экономнѣе.

Г-жа Штон. (*улыбаясь.*) Ужъ не подумайте, что мы съ Томасомъ склонны къ мотовству.

Бург. Вы,—нѣтъ, невѣстка; васъ я и не думаю упрекать. (*Указывая на кабинетъ доктора.*) А его нѣтъ дома?

Г-жа Штон. Нѣтъ, онъ вышелъ пройтись послѣ ужина,—съ мальчиками.

Бург. Неужели онъ находитъ это полезнымъ? (*Прислушиваясь.*) А, вотъ и онъ самъ.

Г-жа Штон. Нѣтъ, это не онъ. (*Стучать въ дверь.*) Войдите. (*Гофстадъ входитъ изъ передней.*) А! Г-нъ Гофстадъ!...

Гофстадъ. Прошу извиненія; меня задержали въ типографіи. Здравствуйте, г-нъ Штокманъ.

Бург. (*кланяясь довольно сухо.*) Мое почтеніе, г-нъ Гофстадъ. Вы, вѣроятно, по дѣлу?

Гофс. Да, отчасти. По поводу газеты.

Бург. Я такъ и полагалъ. Кажется, братъ мой весьма усердный сотрудникъ «Народнаго Вѣстника»?

Гофс. Да, онъ охотно обращается къ «Вѣстнику», когда желаетъ высказать и по поводу какого-нибудь спеціальнаго вопроса.

Г-жа Штон. (*обращаясь къ Гофстаду.*) Не угодно ли вамъ?... (*Указываетъ на столовую.*)

Бург. Боже меня сохрани порицать его за то, что онъ пишетъ для того разряда читателей, которому онъ болѣе всего сочувствуетъ. Да, лично, г-нъ Гофстадъ, я не имѣю причи-

ны относиться недоброжелательно къ вашей газетѣ.

Гофс. Полагаю, что нѣтъ.

Бург. Въ общемъ, городъ нашъ отличается взаимной терпимостью,—прекрасный общественный духъ. Дѣло въ томъ, что насъ соединяетъ великій общій интересъ,—интересъ, который равно затрогиваетъ всѣхъ благонамѣренныхъ гражданъ.

Гофс. Это вы говорите о морскихъ купаньяхъ?

Бург. Да, о нашихъ великолѣпныхъ новыхъ купаньяхъ. Вы увидите, г-нъ Гофстадъ! Вся городская жизнь сосредоточится около этихъ купаній,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія!

Г-жа Штон. Тоже говорить и Томасъ.

Бург. Какъ изумительно поднялся городъ, даже за послѣднія нѣсколько лѣтъ! Деньги, постоянно обращающіяся, внесли съ собой движеніе и жизнь. Съ каждымъ днемъ поднимается цѣнность домовъ и поземельныхъ доходовъ.

Гофс. И заработокъ дѣлается все менѣе и менѣе недоступнымъ.

Бург. Правда. Подати состоятельныхъ сословій уже значительно облегчились; и снѣ еще болѣе понизятся, если лѣто будетъ удачное, если много будетъ посѣтителей,—больныхъ, которые поднимутъ славу нашихъ купаній.

Гофс. Кажется, на это есть большія надежды.

Бург. Да. Дѣло принимаетъ благоприятный оборотъ. Ежедневно прибываютъ запросы относительно помѣщеній и т. п.

Гофс. Въ такомъ случаѣ, статья доктора явится весьма кстати.

Бург. А онъ еще написалъ?

Гофс. Это статья, написанная еще зимою; статья, гдѣ восхваляются купанья и описываются прекрасныя санитарныя условія города. Но въ то время я попридержалъ еѣ.

Бург. А, а! Вѣроятно была маленькая загроздка?

Гофс. О нѣтъ! Но я предпочелъ оставить статью до весны, когда всѣ начинаютъ подумывать о лѣтнихъ дачахъ.

Бург. И вы были правы, вполнѣ правы, г-нъ Гофстадъ.

Г-жа Штон. Да, Томасъ неутомимъ, когда дѣло идетъ о нашихъ купаньяхъ.

Бург. Что-жъ, оно понятно; вѣдь онъ одинъ изъ пайщиковъ.

Гофс. И къ тому же, ему принадлежитъ честь созданія ихъ.

Бург. Вы думаете? Я знаю, есть лица, раздѣляющія это мнѣніе. Между тѣмъ, казалось бы, и мнѣ принадлежитъ нѣкоторое участіе въ этомъ предпріятіи.

Г-жа Штон. Конечно. То же говорить всегда и Томасъ.

Гофс. Да кто же отрицаетъ это, г. Штокманъ? Вы направили дѣло и дали ему прак-

тическое обоснованіе; это извѣстно всѣмъ. Я хотѣлъ только сказать, что первоначальная идея его принадлежит доктору.

Бург. Да, у брата моего не мало было идей въ свое время,—къ сожалѣнію! Но когда наступаетъ время осуществить ихъ, г-нъ Гофстадъ, тогда требуются люди иного закала. Я не ожидалъ, что и здѣсь...

Г-жа Штон. Но, дорогой мой зять...

Гофс. Увѣрю васъ, г-нъ Штокманъ...

Г-жа Штон. Вы бы закусили чего-нибудь, г-нъ Гофстадъ; мужъ сейчасъ возвратится.

Гофс. Благодарю; развѣ немного. (*Уходитъ въ столовую.*)

Бург. (*вполголоса*). Удивительно, какъ люди, происходящіе изъ низшаго сословія, всегда отличаются отсутствіемъ такта.

Г-жа Штон. Но зачѣмъ же вамъ принимать это къ сердцу? Неужели вы съ Томасомъ не можете братски подѣлится между собой честь этого дѣла?

Бург. Да, казалось бы такъ; но, повидному, не всѣ желаютъ дѣлиться этой честью.

Г-жа Штон. Что за мысль! Вы оба такъ ладите другъ съ другомъ. (*Прислушивается.*) Но вотъ, кажется, и овъ.

(*Идетъ и открываетъ дверь въ переднюю.*)

Док. Штон. (*за дверью, смѣется и громко говоритъ*). Вотъ тебѣ новый гость, Катерина. Ты рада, а? Милости просимъ, капитанъ Горстеръ. Повѣсьте ваше пальто на гвоздь. Что? Вы пришли безъ верхняго платья? Представь, Катерина, я поймалъ его на улицѣ, и едва убѣдилъ войти къ намъ. (*Капитанъ Горстеръ входитъ, кланяясь и-жеъ Штокманъ. Докторъ останавливается у порога двери*). Входите же, дѣти. Они опять проголодались! Милости просимъ, капитанъ; вы должны отвѣдать нашего ростбифа... (*Увлекаетъ Горстера въ столовую. Эйлифъ и Мортэнъ смѣются за ними.*)

Г-жа Штон. Томасъ, развѣ ты не видишь...

Док. Штон. (*обертываясь на порогъ двери*). Ва! это ты, Пэтеръ? (*Подходитъ къ нему и протягиваетъ руку*). Спасибо, что вспомнилъ о насъ.

Бург. Къ сожалѣнію, я долженъ сейчасъ уйти.

Док. Штон. Пустое! Сейчасъ подадутъ грогъ. Ты вѣдь не позабыла о немъ, Катерина?

Г-жа Штон. Конечно нѣтъ; вода уже кипитъ. (*Идетъ въ столовую.*)

Бург. Какъ я грогъ...?

Док. Штон. Да, да; присаживайся, давай выпьемъ за компанію...

Бург. Благодарю; я никогда не участвую въ попойкахъ.

Док. Штон. Да какая же это попойка?

Бург. Казалось бы... (*Взглядываетъ въ сторону столовой.*) Изумительно, какъ они могутъ поглащать всѣ эти яства.

Док. Штон. (*потирая руки*). Да, неправда ли,—весело смотрѣть какъ ѣсть эта молодежь! Вѣчно голодные! Такъ оно и должно быть! Имъ надо побольше ѣсть,—набраться побольше силъ! Кому же, какъ не имъ, хранить закуску будущихъ временъ, Пэтеръ.

Бург. Позволь спросить, что значитъ «хранить закуску будущихъ временъ», какъ ты выражаешься?

Док. Штон. Спроси у молодого поколѣнія,—когда настанетъ минута. Намъ съ тобой конечно не увидѣть то время. Два старухъ колпака, какъ ты, да я...

Бург. Какія странныя выраженія...

Док. Штон. О, не обращай вниманія на мое вранье, Пэтеръ. Видишь ли,—я въ такомъ великолѣпномъ настроеніи! Я такъ невыразимо счастливъ среди всей этой новой, зарождающейся жизни! Въ сущности, вѣдь мы живемъ въ чудное время! Словно цѣлый новый міръ вырастаетъ вокругъ насъ.

Бург. Ты думаешь?

Док. Штон. Конечно, ты не можешь видѣть это также ясно, какъ я. Ты всю жизнь провелъ въ суетѣ мірской; а это притупляетъ впечатлѣнія. Но меня, прозябшаго всѣ эти годы въ глуши, на сѣверѣ, не видя почти ни одного живого человѣка, не слыша живого слова,—меня все это поражаетъ такъ, какъ еслибы я попалъ въ самый центръ великой столицы...

Бург. Гм.—столицы...

Док. Штон. О, я прекрасно знаю, что здѣсь глушь, сравнительно съ другими мѣстами. Но есть задатки для будущаго,—масса вещей, для которыхъ стоитъ работать и трудиться; а это самое главное. (*Зоветъ*). Катерина,—а что не было писемъ?

Г-жа Штон. (*изъ столовой*). Нѣтъ, ни одного.

Док. Штон. А потомъ, много значать и обезпеченныя средства, Пэтеръ! Нельзя не оцѣнить этого, когда цѣлые годы прожилъ на голодное жалованье.

Бург. Боже, какъ ты выражаешься!..

Док. Штон. О я не преувеличиваю! Не легко жилось намъ тамъ. За то, теперь мы можемъ жить по царски! Сегодня, напримѣръ, у насъ былъ за обѣдомъ ростбифъ, и отъ него еще осталось къ ужину. Не хочешь ли попробовать? Пойдемъ,—ты хоть полюбуйся имъ!

Бург. Нѣтъ, нѣтъ; благодарю...

Док. Штон. Ну такъ посмотри сюда. Видишь,—мы купили скатерть на столъ...

Бург. Да, а это замѣтилъ.

Док. Штон. И абажуръ также. Видишь? Катерина откладывала для этого деньги. Скатерть и абажуръ придаютъ уютный видъ комнатѣ, не правда-ли? Вотъ подойди сюда. Нѣтъ, нѣтъ, не такъ! Вотъ взгляни отсюда,—какое яркое, веселое освѣщеніе! Правда, какъ славно стало у насъ?

Бург. Конечно, когда можешь позволять себѣ подобную роскошь...

Док. Шток. О, да, теперь я могу позволять это себѣ. Катерина говоритъ, что я зарабатываю почти столько же, сколько мы тратимъ...

Бург. Да, почти!

Док. Шток. При томъ, человекъ науки можетъ позволить себѣ порядочную обстановку. Я думаю, какой-нибудь шерифъ тратитъ ежегодно гораздо болѣе чѣмъ я.

Бург. Еще бы! Членъ высшей администраціи!

Док. Шток. Ну, возьми хоть любого купца! И онъ тратитъ куда больше...

Бург. Это понятно, при различіи въ вашихъ положеніяхъ...

Док. Шток. Да вѣдь на самомъ то дѣлѣ, я ничего не трачу зря, Петерь. Но я не могу отказать себѣ въ удовольствіи жить въ обществѣ. Общество необходимо мнѣ. Проживши такъ долго въ полномъ одиночествѣ, я чувствую жизненную потребность видѣть вокругъ себя веселую, бодрую, свободолюбивую и трудящуюся молодежь: таковы всѣ эти молодые люди, которыхъ ты видишь здѣсь. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ ты поближе узналъ Гофстада.

Бург. Ахъ, кстати о Гофстадѣ. Онъ говорилъ, что собирается напечатать еще одну твою статью.

Док. Шток. Мою статью?

Бург. Да, по поводу купаній. Это статья, которую ты написалъ прошлой зимой...

Док. Шток. А, эта-то! Но я не желаю, чтобы она была напечатана теперь.

Бург. Почему же? Мнѣ кажется, теперь то самое время.

Док. Шток. Весьма возможно, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ. (*Ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ.*)

Бург. (*слѣдитъ за нимъ взглядомъ*). А что же есть особеннаго въ настоящихъ обстоятельствахъ?

Док. Шток. (*останавливаясь*). Петерь, я не могу сказать это тебѣ теперь; во всякомъ случаѣ, не сегодня вечеромъ. Многое, въ настоящихъ обстоятельствахъ, можетъ оказаться необычайнымъ. Съ другой стороны, быть можетъ ничего и нѣтъ. Весьма вѣроятно, все это—лишь одна моя фантазія.

Бург. Ты говоришь загадками. Развѣ есть что новое? Что-нибудь, что должно быть скрыто отъ меня? Я полагаю, что, какъ председатель комитета Купаній...

Док. Шток. А я полагаю, что я, какъ... Но прекратимъ этотъ разговоръ, не будемъ хорохориться, Петерь.

Бург. Боже сохрани! Я не имѣю привычки «хорохориться», какъ ты выражаешься. Но я долженъ блюсти, чтобы все велось законнымъ порядкомъ, черезъ посредство административныхъ властей. Я не могу принимать участія въ скрытномъ и непрямомъ образѣ дѣйствій.

Док. Шток. Какъ,—это я то прибѣгаю къ скрытному и непрямому образу дѣйствій?

Бург. Во всякомъ случаѣ, у тебя врожденная склонность къ своевольному образу дѣйствій. А допускать это въ правильно-организованной общинѣ,—невозможно. Индивидуальная личность должна подчиняться обществу или, точнѣе выражаясь,—авторитетамъ, на которыхъ лежитъ обязанность слѣдить за благосостояніемъ общества.

Док. Шток. Допустимъ, что такъ. Но, чортъ побери,—какое отношеніе имѣетъ это ко мнѣ?

Бург. Въ томъ то и дѣло, милѣйшія Томасъ, что ты никогда этого не поймешь. Но берегись; рано или поздно, тебѣ придется за это заплатить. Мое дѣло — предостеречь тебя. Прощай.

Док. Шток. Да, что ты, совсѣмъ съума спятилъ? Ты жестоко заблуждаешься...

Бург. Я, вообще, рѣдко заблуждаюсь. Къ тому же, я попрошу тебя прекратить... (*Кланяясь по направленію столовой.*) Прощайте, невѣстка; прощайте, господа. (*Уходитъ.*)

Г-жа Шток. (*входя въ столовую*). Ушелъ?

Док. Шток. Да, и въ очень желчномъ настроеніи.

Г-жа Шток. Что это значитъ, милый Томасъ, что еще наговорилъ ты ему?

Док. Шток. Ровно ничего. Не можетъ же онъ требовать, чтобы я во всемъ отдавалъ ему отчетъ... прежде времени.

Г-жа Шток. О какомъ отчетѣ говоришь ты?

Док. Шток. Гм! Не распрашивай объ этомъ, Катерина. Какъ странно, что нѣтъ писемъ.

(*Гофстадъ, Биллингъ и Горстеръ встали изъ-за стола и выходятъ въ гостиную, въ сопровожденіи Эйлифа и Мортэна.*)

Биллингъ (*потягиваясь*). Уфъ! провалился я на мѣстѣ, чувствуешь себя словно новымъ человѣкомъ послѣ такого пира.

Гофс. А бургомистръ сегодня не въ особенномъ веселомъ настроеніи духа.

Док. Шток. Это все его желудокъ. Онъ плохо перевариваетъ.

Гофс. Всего труднѣе переварить ему строки «Народнаго Вѣстника».

Г-жа Шток. А нѣтъ показалось, вы говорили съ нимъ довольно дружелюбно.

Гофс. О да, конечно! Но между нами это лишь перемиріе.

Бил. Вотъ именно. Слово это прекрасно опредѣляетъ взаимныя отношенія.

Док. Шток. Не слѣдуетъ забывать, что Петерь—холостякъ, бѣдняга! У него нѣтъ утѣшительной семьи; только служба, одна служба. И потому, этотъ чай, который онъ глотаетъ дню денской! Ну, разставляйте-ка стулья кругомъ стола, дѣти! Катерина, что жъ готовъ грогъ?

Г-жа Шток. (*направляясь къ столовой*). Сейчасъ несу.

Док. Шток. А вы, капитанъ Горстеръ, садитесь около меня, на диванъ. Вы такой рѣдкій гость... Садитесь, господа.

(*Мужчины садятся вокругъ стола. Г-жа Штокманъ приноситъ подносъ съ чайникомъ, стаканами, графинами и т. п.*)

Г-жа Шток. Вотъ, все и готово! Вотъ ромъ, вотъ коньякъ и водка. Кушайте на здоровье.

Док. Шток. (*беретъ стаканъ*). Приступимъ. (*Въ то время какъ г-жа Штокманъ размѣшиваетъ грогъ*.) А теперь пора приняться и за сигары. Эйлифъ, ты, вѣрно, знаешь гдѣ мой ящикъ съ сигарами. А ты, Мортанъ, принеси мнѣ трубку. (*Мальчики уходятъ въ комнату направо*.) Я подозреваю, что Эйлифъ, отъ времени до времени, курить украдкой сигару, но я дѣлаю видъ, что ничего не замѣчаю. (*Зоветъ*.) А гдѣ же чубукъ, Мортанъ? Катерина, не покажешь ли ему, гдѣ я его оставилъ. А! онъ самъ нашелъ. (*Мальчики приносятъ трубку и сигары*.) Ну, друзья мои, наливайте себѣ. Вы знаете, я придерживаюсь моею трубкой; не въ одномъ бурномъ путешествіи была она мнѣ товарищемъ, тамъ на сѣверѣ. (*Чокается*.) За ваше здоровье! Да, признаться сказать, много пріятнѣе сидѣть въ этомъ уютномъ уголкѣ, укрытомъ отъ вѣтра и непогоды.

Г-жа Шток. (*сидитъ и вяжетъ чулокъ*). А что, вы скоро отплываете, капитанъ Горстеръ?

Горс. Да, предполагаю на будущей недѣлѣ.

Г-жа Шток. Въ Америку?

Горс. Да.

Бил. Но, въ такомъ случаѣ, вы пропустите выборы въ новомъ городскомъ совѣтѣ.

Горс. Развѣ опять будутъ выборы?

Бил. Неужели вы этого не знаете?

Горс. Нѣтъ, я не занимаюсь этими вопросами.

Бил. Неужели вы не интересуетесь общественными дѣлами?

Горс. Нѣтъ, я не понимаю въ нихъ толку.

Бил. Все же, всякій долженъ пользоваться своимъ правомъ голоса.

Горс. Даже тотъ, кто ничего въ этомъ не понимаетъ?

Бил. Ничего не понимаетъ? Что вы хотите сказать? Общество подобно кораблю: каждый долженъ управлять рулемъ.

Горс. Быть можетъ, оно и такъ на сушѣ; но на морѣ это невозможно.

Гофс. Удивительно, какъ большинство моряковъ, въ общемъ, мало интересуется общественными дѣлами.

Бил. Да, это фактъ изумительный.

Док. Шток. Моряки, какъ перелетныя птицы: они дома и на югѣ, и на сѣверѣ. Тѣмъ болѣе энергіи должны прилагать остальные изъ насъ, Гофстадъ.—А что,—будетъ что-нибудь особенно интересное въ завтрашнемъ номерѣ «Народнаго Вѣстника»?

Гофс. Пѣтъ, ничего касающагося мѣстныхъ интересовъ. Но послѣ завтра я намѣренъ пустить вашу статью.

Док. Шток. Статью мою? Нѣтъ, нѣтъ, вамъ придется съ ней повременить.

Гофс. Въ самомъ дѣлѣ? А у насъ теперь много свободного мѣста, и теперь какъ разъ самое удобное время.

Док. Шток. Да, да, быть можетъ оно и такъ, тѣмъ не менѣе, вамъ придется повременить...

(*Пэтра, въ шляпѣ и пальто, съ кипой учебныхъ тетрадей, входитъ изъ передней*.)

Пэтра. Здравствуйте.

Док. Шток. А, это ты, Пэтра? Здравствуй. (*Всѣ здороваются. Пэтра снимаетъ шляпу и пальто и бросается на стулъ у двери*.)

Пэт. Вотъ вы всѣ собрались здѣсь веселиться обществомъ, а я все по урокамъ бѣгала.

Док. Шток. Что-жъ, присаживайся и ты къ намъ.

Бил. Позвольте налить вамъ грога.

Пэт. (*подходя къ столу*). Благодарю, я возьму сама, вы всегда наливаете слишкомъ крѣпко. А, кстати, папа, есть письмо къ тебѣ. (*Идетъ къ стулу, гдѣ лежатъ ея вещи*.)

Док. Шток. Письмо? Отъ кого же?

Пэт. (*ищетъ въ карманъ пальто*). Я взяла его у почтальона, когда уходила утромъ...

Док. Шток. (*встаетъ и идетъ къ ней*). Какъ, и ты до сихъ поръ не отдала мнѣ его?

Пэт. Право же мнѣ некогда было возвращаться. Вотъ оно.

Док. Шток. (*схватывая письмо*). Покажи-ка, покажи, милочка. (*Читаетъ адресъ*.) Да, да, оно самое.

Г-жа Шток. Это то, которое ты такъ давно ждешь, Томасъ?

Док. Шток. Да, да. Надо поскорѣе... Гдѣ я найду огня, Катерина? Что у меня опять не зажжена лампа?

Г-жа Шток. Да нѣтъ, она зажжена, на письменномъ столѣ.

Док. Шток. Хорошо. Извините, господа, если я оставлю васъ на нѣсколько минутъ... (*Уходитъ въ комнату направо*.)

Пэт. Что это за письмо, мама?

Г-жа Шток. Не знаю. Последніе дни онъ все поглядывалъ, не идетъ ли почтальонъ.

Бил. Вѣроятно, какой-нибудь больной изъ деревни...

Пэт. Бѣдный папа! Скоро онъ не будетъ имѣть покою отъ работы. (*Мышлетъ грогъ*.) Какой вкусный грогъ!

Гофс. А вы и сегодня давали уроки въ вечерней школѣ?

Пэт. (*отпивая изъ стакана*). Два часа.

Бил. И четыре часа утромъ, въ институтѣ?

Пэт. (*садясь къ столу*). Пять часовъ.

Г-жа Шток. Да еще у тебя, я вижу, нѣсколько тетрадей, которыя ты должна поправить вечеромъ.

Пэт. Да, цѣлая кипа.

Горс. Какъ видно, недостатка въ работѣ у васъ нѣтъ.

Пэт. Да, но эта работа не въ тягость мнѣ. Какъ устаешь къ концу дня.

Бил. Какъ, — вамъ это нравится?

Пэт. Да, такъ славно спится послѣ такого дня.

Морт. А вѣдь ты, должно быть, большая грѣшница, Пэтра.

Пэт. Большая грѣшница?

Мор. Да, если ты такъ много трудишься.

Г-нъ Рерлунгъ говорить, что трудъ посылается въ наказаніе за наши грѣхи.

Эйл. (*съ презрѣніемъ*). Вотъ чепуха! Какъ ты глупъ, что вѣришь такіе нелѣпости!

Г-жа Шток. Ну, ну, Эйлифъ.

Бил. (*смѣясь*). Bravo, bravo!

Гофс. Развѣ тебѣ не хочется трудиться, Мортэнъ?

Морт. Конечно, нѣтъ.

Гофс. Такъ чѣмъ же бы тебѣ хотѣлось быть?

Морт. Больше всего мнѣ бы хотѣлось быть викингомъ.

Эйл. Такъ вѣдь тогда ты былъ бы язычникомъ.

Морт. Ну, такъ что-жъ.

Бил. Въ этомъ я съ тобой согласенъ, Мортэнъ. То же самое говорю и я.

Г-жа Шток. (*для ея знака*). Нѣтъ, нѣтъ, г-нъ Биллингъ, вѣдь вы шутите.

Бил. Провались я на мѣстѣ, если говорю это шутя.

Г-жа Шток. Пора вамъ идти къ себѣ, дѣти; у васъ навѣрное есть уроки къ завтраму.

Эйл. Позволь остаться еще немного, мама.

Г-жа Шток. Нѣтъ, нѣтъ, пора. Отправляйтесь оба.

(*Малышки прощаются и уходятъ въ комнату мамы*).

Гофс. Неужели вы думаете, имъ не годится слушать такія вещи?

Г-жа Шток. Право, не знаю; но мнѣ это не нравится.

Пэт. А я такъ думаю, мама, что ты ошибаешься.

Г-жа Шток. Возможно; но все же мнѣ не нравятся такія рѣчи здѣсь... дома.

Пэт. Вездѣ-то одно лицемеріе, и дома, и въ школѣ.

Бил. Да, разумѣется.

Пэт. Еслибъ я имѣла возможность, я бы сама завела школу, школу, — гдѣ бы все было поставлено иначе.

Бил. О, еслибъ вы имѣли возможность!

Горс. Если вы не на шутку подумываете объ

этомъ, я съ радостью предоставлю вамъ комнату. Старый домъ моего отца почти пустъ; въ нижнемъ этажѣ есть большая зала.

Пэт. (*смѣясь*). О, нѣтъ, благодарю васъ... Ничего бы изъ этого не вышло.

Гофс. Разумѣется, ничего! У васъ скорѣе пошло бы журнальное дѣло. Кстати, вы не успѣли еще просмотрѣть англійскій романъ, который вы намъ обѣщали перевести?

Пэт. Нѣтъ еще. Но вы получите его въ срокъ.

(*Докторъ Штокманъ входитъ изъ своей комнаты, съ письмомъ въ рукѣ*).

Док. Шток. (*махая письмомъ*). Новости, господа, новости, отъ которыхъ встрепенется весь городъ!

Бил. Новости?

Г-жа Шток. Какія новости?

Док. Шток. Великое открытіе, Катерина.

Гофс. Что-о?

Г-жа Шток. Открытіе сдѣланное тобой?

Док. Шток. Да, мною! (*Ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ*). Пусть же они теперь опять обвиняютъ меня въ сумасбродныхъ и дикихъ фантазіяхъ. Но они не посмѣютъ. Ха-ха! Я знаю, что не посмѣютъ.

Пэт. Папа, расскажи же намъ въ чемъ дѣло.

Док. Шток. Хорошо, хорошо, дайте время, и вы все услышите. Еслибъ только Пэтеръ былъ здѣсь въ настоящую минуту!... Вотъ доказательство, какъ люди составляютъ сужденія; они слѣпы, какъ кроты.

Гофс. Что вы хотите сказать, докторъ?

Док. Шток. (*останавливаясь у стола*). Неправда-ли, вѣдь всѣ предполагаютъ, что городъ нашъ въ здоровой мѣстности?

Гофс. Да, конечно.

Док. Шток. Да, исключительно здоровая мѣстность, мѣстность, которая смѣло предписывается какъ больнымъ, такъ и здоровымъ.

Г-жа Шток. Милый Томасъ...

Док. Шток. Да, и мы, конечно, рекомендовали ее и хвалили. Я самъ не разъ писалъ, и въ «Народномъ Вѣстникѣ», и въ брошюрахъ...

Гофс. Ну, и что же?

Док. Шток. Эти купанья, которыя мы называли «сердцемъ города», его «центральнымъ нервомъ» и... и чортъ знаетъ еще чѣмъ...

Бил. «Трепещущимъ сердцемъ города», такъ называлъ я ихъ однажды въ собраніи...

Док. Шток. Ну да, разумѣется. Но знаете ли вы, что, въ дѣйствительности, представляютъ собой эти великолѣпныя, хваленныя, цѣлебныя купанья, стоявшія такъ дорого, — знаете ли, что они собой представляютъ?

Гофс. Что же?

Г-жа Шток. Скажи же намъ.

Док. Шток. Ни болѣе, ни менѣе какъ заразную яму.

Пэт. Купанья, папа?

Г-жа Штон. Наши купанья!

Гофс. Можеть ли это быть, докторъ!

Бил. Это невѣроятно!

Док. Штон. Говорю вамъ, вся эта мѣстность—заразное кладбище, зловерное до послѣдней степени! Всѣ эти нечистоты близъ Миль-Дэля отравляютъ воду въ трубахъ; и та же самая проклятая, отравленная вода просачивается у берега...

Гофс. Гдѣ устроены купанья?

Док. Штон. Именно.

Гофс. Но почему же вы такъ увѣрены въ этомъ, докторъ?

Док. Штон. Я изслѣдовалъ все дѣло такъ добросовѣстно, какъ только возможно. Я уже давно подозрѣвалъ это. Въ прошломъ году, между нашими паціентами появились необыкновенные случаи болѣзни, тифъ и желудочный катарръ...

Г-жа Штон. Да, помню.

Док. Штон. Мы думали тогда, что посѣтителѣ занесли съ собой заразу; но впоследствии, прошлой зимой, на меня напало сомнѣніе. И я попробовалъ подвергнуть воду химическому анализу.

Г-жа Штон. Такъ вотъ надъ чѣмъ ты такъ усердно работалъ.

Док. Штон. Да, правда, поработалъ я немало. Но здѣсь, какъ вамъ извѣстно, у меня нѣтъ всѣхъ необходимыхъ научныхъ приспособлений; поэтому, для провѣрки, я послалъ образцы, какъ прѣсной, такъ и морской нашей воды къ химику, въ университетъ.

Гофс. И вы получили его отзывъ?

Док. Штон. (показывая письмо). Вотъ онъ. Отзывъ этотъ, самымъ несомнѣннымъ образомъ, доказываетъ присутствіе въ водѣ гнойной органической матеріи, миллионъ инфузорій. А такая вода абсолютно вредна для здоровья, будетъ ли она употребляться внутрь, или снаружи.

Г-жа Штон. Какое счастье, что ты во время открылъ это!

Док. Штон. Да, безъ сомнѣнія, это великое счастье.

Гофс. Что же вы намерены дѣлать теперь, докторъ?

Док. Штон. Что дѣлать? Да поправить все дѣло, разумеется.

Гофс. И вы думаете, это возможно?

Док. Штон. Это необходимо. Иначе купанья погибли. Но я этого не боюсь. Для меня вполне ясно, какія нужны поправки.

Г-жа Штон. Но, другъ мой, зачѣмъ же ты дѣлалъ изъ всего этого такую тайну?

Док. Штон. Какъ, а ты бы хотѣла, чтобъ я бросился болтать объ этомъ по всему городу, прежде чѣмъ удостовѣрится въ дѣлѣ? Нѣтъ, спасибо! Я съума еще не спятилъ.

Пэт. Но намъ, дома...

Док. Штон. Я ни слова не могъ сказать,

ни единой живой душѣ. Но завтра ты можешь зайти къ старому барсуку...

Г-жа Штон. О, Томасъ!

Док. Штон. Ну, ну, хорошо, къ твоему дѣдушкѣ. Вотъ удивится-то старина! Онъ думать, у меня голова не въ порядкѣ, да и многіе другіе думаютъ то же самое, я замѣтилъ. Но теперь всѣ эти добрые люди увидятъ, да они увидятъ теперь. (Ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, потирая руки.) Какъ встрепенутся всѣ въ городѣ, Катерина! Только подумай!—вѣдь всѣ трубы должны быть переложены.

Гофс. (вставая). Какъ, всѣ трубы?

Док. Штон. Разумеется. Онѣ проведены слишкомъ низко; надо поднять ихъ.

Пэт. Такъ значить—ты былъ правъ, папа?

Док. Штон. Да, помнишь, Пэтра? Я объ этомъ писалъ, когда они только начинали работы. Но тогда никто не хотѣлъ послушаться меня. Теперь же, я разобью ихъ по всѣмъ статьямъ,—разумеется, я уже приготовилъ отчетъ директорамъ; онъ уже готовъ у меня цѣлую недѣлю, я выжидалъ лишь отвѣта. (Указывая на письмо.) Но теперь они прочтутъ его. (Идетъ въ кабинетъ и возвращается съ пачкой бумагъ.) Вотъ, смотрите! Четыре листа, мелко написанныхъ. И я вклучу сюда же и отзывъ. Давай-ка листъ газетной бумаги, Катерина, я заверну все виѣстѣ. Ну вотъ. Отдайте это... (Топнуть ногой.) Да какъ же ее зовутъ, чортъ поberi! Отдайте это, говорю я, горничной, и велите ей сейчасъ же отнести бургомистру. (Г-жа Штокманъ беретъ свертокъ и уходитъ черезъ столовую.)

Пэт. А какъ ты думаешь, папа, что скажетъ на это дядя Пэтеръ?

Док. Штон. Что онъ скажетъ? Онъ, конечно, долженъ порадоваться открытію такого важнаго факта.

Гофс. Надѣюсь, вы позволите мнѣ помѣстить въ «Народномъ Вѣстникѣ» краткую записку о вашемъ открытіи?

Док. Штон. Да, я буду этому очень радъ.

Гофс. Весьма желательна, чтобы общество поскорѣ узнало объ этомъ.

Док. Штон. Разумеется.

Г-жа Штон. (возвращаясь). Я послала ее.

Бил. Провались я на мѣстѣ, если вы не сдѣлаетесь 1-мъ лицомъ въ городѣ, докторъ.

Док. Штон. (весело ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ). Ну вотъ, вздоръ! Собственно говоря, вѣдь я исполнилъ только свой долгъ. Мнѣ только посчастливилось открыть это. Но все-же...

Бил. Какъ вы думаете, Гофстадъ, не слѣдуетъ ли городу почтить доктора Штокмана факельной процессіей?

Гофс. Я это непременно предложу.

Бил. А я переговорю объ этомъ съ Аславсеномъ.

Док. Штон. Нѣтъ, друзья мои; не затѣвайте всѣхъ этихъ исторій. Я и слышать объ этомъ не хочу. И еслибъ директора вздумали увеличить мнѣ жалованье, я прямо откажусь. Да, Катерина,—я этого ни за что не хочу.

Г-жа Штокманъ. И ты вполне правъ, Томась.

Пэт. (поднимая свой стаканъ). За твое здоровье, папа.

Гофс. и Бил. За ваше здоровье, за ваше здоровье, докторъ!

Гофс. (чокаясь съ докторомъ). Желаю, чтобъ открытіе ваше было вамъ на радость.

Док. Штон. Благодарю васъ, благодарю, дорогие друзья. Не могу вамъ высказать какъ я счастливъ!... О, какое блаженство чувствовать, что заслужилъ расположеніе своихъ согражданъ. Ура, Катерина! (Обхватываетъ ее обѣими руками за шею и кружится съ ней. Г-жа Штокманъ кричитъ и пытается вырваться отъ него. Общій взрывъ хохота, въ апплодируютъ доктору. Мальчики высовываютъ головы въ дверь.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Гостиная въ домъ доктора Штокмана. Дверь въ столовую притворена. Утро).

Г-жа Штон. (выходитъ изъ столовой съ запечатаннымъ письмомъ въ руку, идетъ къ первой двери направо и заглядываетъ въ нее).—Ты здѣсь, Томась?

Док. Штон. (оттуда). Да, я только что возвратился. (Входитъ.) Что это?

Г-жа Штон. Письмо отъ твоего брата. (Передаетъ ему письмо.)

Док. Штон. А! Покажи-ка. (Распечатываетъ конвертъ и читаетъ.) «При семъ прилагаю присланную мнѣ рукопись»... (Читаетъ вполголоса.) Гм!...

Г-жа Штон. Ну, что же онъ пишетъ?

Док. Штон. (кладя письмо въ карманъ). Ничего; онъ говоритъ, что самъ зайдетъ около полудня.

Г-жа Штон. Такъ не позабудь же быть дома въ назначенный часъ.

Док. Штон. О, это легко устроить. Я уже кончилъ свою утреннюю работу.

Г-жа Штон. Интересно знать, какъ онъ къ этому отнесется.

Док. Штон. Ну вотъ увидишь, онъ не очень-то обрадуется, что я сдѣлалъ это открытіе, а не онъ.

Г-жа Штон. Вотъ этого-то я и боюсь.

Док. Штон. Разумѣется,—въ глубинѣ души онъ будетъ радъ. Но все же, — Пэтеръ дьявольски не любить, чтобы кто-либо, кромѣ него, трудился на пользу города.

Г-жа Штон. Знаешь, Томась, мнѣ думается,—ты могъ бы сдѣлать нѣкоторую уступку и раздѣлить съ нимъ эту честь. Развѣ ты не могъ бы намекнуть, что онъ навелъ тебя на мысль...

Док. Штон. Разумѣется,—нѣ то это все равно. Лишь бы только удалось поправить дѣло...

(Старикъ Мортэнъ Киль заглядываетъ въ дверь изъ передней, вопросительно смотритъ и спрашиваетъ съ лукавымъ видомъ.)

М. Киль. Такъ это... все правда?

Г-жа Штон. (идетъ къ нему навстрѣчу). Это вы, папа?

Док. Штон. А! Съ добрымъ утромъ, тещъ, съ добрымъ утромъ.

Г-жа Штон. Да взойдите же.

М. Киль. Хорошо,—если только это правда; если-жъ нѣтъ,—я уйду.

Док. Штон. Если что—правда?

М. Киль. Да вся эта исторія о трубахъ. Скажите-жъ,—это въ самомъ дѣлѣ правда?

Док. Штон. Да, разумѣется. Но какъ же вы узнали объ этомъ?

М. Киль (входя). Пэтра зашла ко мнѣ по дорогѣ въ школу.

Док. Штон. А--такъ!

М. Киль. Ну, да,—и она все рассказала мнѣ. Я подумалъ сначала, что она шутитъ; но это было бы не похоже на Пэтру.

Док. Штон. Конечно, нѣтъ; какъ это вамъ пришло въ голову?

М. Киль. О, вѣдь никому нельзя вполне вѣрить. Какъ ничто одурачать,—прежде чѣмъ спохватиться. Такъ это въ самомъ дѣлѣ правда?

Док. Штон. Да, разумѣется. Присядьте же (усаживаетъ его на диванъ). Неправда-ли, какое счастье для города?...

М. Киль (сдерживая смѣхъ). Счастье для города?

Док. Штон. Да,—что я во время все это открылъ.

М. Киль (какъ прежде). Да, да, да,—конечно.—Ну могъ ли я заподозрить, что вы такъ ловко съумѣете подвести вашего братца!

Док. Штон. Какъ?... Подвести!

Г-жа Штон. Что вы, папа...?

М. Киль (опершись подбородкомъ на свою трость и хитро подмигивая доктору). Въ чемъ же бишь дѣло? — Какія-то насѣконныя залѣзли въ трубы?

Док. Штон. Да, инфузориі.

М. Киль. И кажется, ихъ очень много, говорила Пэтра; цѣлыя мнрады.

Док. Штон. Да, сотни тысячъ.

М. Киль. Но никто не можетъ разглядѣть ихъ, неправда-ли?

Док. Штон. Да, никто не можетъ ихъ видѣть.

М. Киль (*тихонько хихикая*). Чортъ меня побери, если это не самая забавная вещь, которую мнѣ когда-либо приходилось слышать.

Док. Штон. Что вы хотите сказать?

М. Киль. Неужели вы серьезно воображаете, что бургомистръ будетъ съ вами за одно въ этомъ дѣлѣ?

Док. Штон. А вотъ посмотримъ.

М. Киль. И вы полагаете, — онъ способенъ на такое безуміе?

Док. Штон. Я надѣюсь, весь городъ окажется на это способнымъ.

М. Киль. Весь городъ! Ну, ужъ не знаю. Во всякомъ случаѣ, — по дѣломъ имъ; хорошій имъ урокъ. Они вообразили себя умнѣ насъ, стариковъ; они вытравили меня изъ городского совѣта, — да, — выгнали, какъ собаку. Теперь же, — на нашей улицѣ праздничекъ. Смотрите, Штокманъ, не уступайте имъ.

Док. Штон. Да, но...

М. Киль. Не уступайте, говорю я. (*Вставая*.) Если только вы одолѣете бургомистра и друзей его, — я жертвую сто талеровъ въ пользу бѣдныхъ.

Док. Штон. Что-жъ, — доброе дѣло.

М. Киль. Конечно, у меня слишкомъ мало, чтобы зря бросать деньги; но если вамъ это удастся, я жертвую бѣднымъ въ Рождество 50 талеровъ.

(*Гофстадъ входитъ изъ передней*.)

Гофстадъ. Здравствуйте. (*Остановившись*.) Ахъ, прошу извиненія...

Док. Штон. Милости просимъ. Входите, входите...

М. Киль (*хихикая*). Хе-хе! И онъ туда же?

Гофс. Что вы хотите сказать?

Док. Штон. Да, разумѣется.

М. Киль. Ну, конечно! Дѣло пойдетъ въ газету. Молодецъ же вы, Штокманъ! Не позабудьте, что я вамъ говорилъ. А теперь, — пора и домой.

Док. Штон. Да, нѣтъ, — куда же вы торопитесь! Посидите съ нами.

М. Киль. Нѣтъ, пора. Хорошенько ихъ. Чортъ побери, — вы навѣрное отъ этого не проиграете.

(*Уходитъ. Г-жа Штокманъ провожаетъ его*.)

Док. Штон. (*смѣясь*.) Что бы вы думали?... А вѣдь старина ни слова не вѣрять о всей этой исторіи!

Гофс. Такъ это онъ объ этомъ?...

Док. Штон. Да; мы говорили объ этомъ. И вы, вѣроятно, зашли на счетъ того же?

Гофс. Да. У васъ есть свободная минутка, докторъ?

Док. Штон. Къ вашимъ услугамъ, другъ мой.

Гофс. Что, вы уже говорили съ бургомистромъ?

Док. Штон. Нѣтъ еще. Онъ долженъ вскорѣ зайти.

Гофс. Вамъ, какъ доктору и человѣку науки, вся эта исторія о водопроводахъ представляется фактомъ единичнымъ. Врядъ ли приходило вамъ въ голову, что съ этимъ вопросомъ связано много другихъ?

Док. Штон. То есть, какъ же? Присядьте, другъ мой. Нѣтъ, — вотъ сюда, на диванъ.

(*Гофстадъ садится на диванъ; докторъ — въ кресло, по другую сторону стола*.)

Док. Штон. И такъ, вы говорите?...

Гофс. Вы сказали вчера, что вода заражена нечистотами...

Док. Штон. Да, безъ сомнѣнія; вся бѣда происходитъ отъ этого гнилаго болота около Миль-Дэля...

Гофс. Извините, докторъ; я такъ полагаю, — главная бѣда исходитъ совсѣмъ изъ другаго болота.

Док. Штон. Какое же еще болото?

Гофс. То болото, въ которомъ гниетъ вся наша муниципальная жизнь.

Док. Штон. Чортъ побери, Гофстадъ! Что это у васъ за мысль?

Гофс. Всѣ дѣла города постепенно захватила въ руки эта шайка...

Док. Штон. Ну, ужъ будто всѣ?

Гофс. Нѣтъ, не всѣ; но остальные — друзья ихъ и приверженцы. Всѣми нами управляетъ кружокъ зажиточныхъ лицъ, — лицъ съ вѣсомъ и положеніемъ въ городѣ.

Док. Штон. Да, но вѣдь, въ то же время, они — люди способные и знающіе.

Гофс. Что же, — развѣ они выказали много способностей и знанія, когда строили этотъ водопроводъ?

Док. Штон. Нѣтъ; разумѣется, это было очень нелѣпо. Но все дѣло можно поправить.

Гофс. Вы думаете, — это такъ легко?

Док. Штон. Ну, легко-ли, нѣтъ-ли, — придется это сдѣлать.

Гофс. Да, если печать произведетъ давленіе.

Док. Штон. Это совершенно лишнее, другъ мой; я увѣренъ, что брать...

Гофс. Извините меня, докторъ, но прежде вамъ, — я намѣренъ поднять это дѣло.

Док. Штон. Въ газетѣ?

Гофс. Да. Предпринявши изданіе «Народнаго Вѣстника», я твердо рѣшился подорвать этотъ кружокъ упрямыхъ болвановъ, захватившихъ все въ свои руки.

Док. Шток. Но вѣдь сами же вы рассказывали мнѣ, что изъ этого вышло. Вы едва не погубили газету.

Гофс. Да, правда; въ то время, мы принуждены были сократить. Весь проектъ организаціи купаній могъ провалиться, еслибъ люди эти были устранены. Но теперь купанья,—уже фактъ совершившійся, и мы можемъ легко обойтись безъ этихъ распорядителей.

Док. Шток. Да, правда, мы можемъ обойтись безъ нихъ; но все же, мы такъ многимъ обязаны имъ.

Гофс. Долгъ нашъ будетъ уплаченъ съ процентами. Но публицистъ съ своимъ демократическимъ направленіемъ не можетъ пропустить подобнаго случая. Мнѣ неприятно подрывать авторитетъ бургомистра, который приходится вамъ братомъ. Но я знаю,—вы думаете также какъ я,—истина прежде всякихъ другихъ соображеній.

Док. Шток. Ну, разумѣется. *(Съ жаромъ.)* Но если такъ!... если такъ!...

Гофс. Вы не должны принимать это въ дурную сторону. У меня не болѣе эгоистичныхъ и честолюбивыхъ мотивовъ, чѣмъ у всѣхъ прочихъ.

Док. Шток. Богъ съ вами, другъ мой,—развѣ я говорилъ что-либо подобное?

Гофс. Какъ вамъ извѣстно,—по происхожденію, я принадлежу къ простому народу,—и я нѣмалъ случай видѣть, что, дѣйствительно, требуется низшимъ сословіямъ.

Док. Шток. Да, это такъ.

Гофс. Я знаю, олигархія будетъ обличать меня, какъ агитатора и т. п.; но что мнѣ до того? Если совѣсть моя чиста...

Док. Шток. Вы вполне правы, другъ мой. Но все же... чортъ побери!... *(Стучатъ въ дверь.)* Войдите!

(У порога двери появляется типографщикъ Аслаксэнъ. На немъ скромный, но опрятный черный сюртукъ, бѣлый галстукъ, слегка помятый; перчатки и шляпа въ рукѣ.)

Асл. *(кланяясь.)* Извините, докторъ, если я осмѣливаюсь...

Док. Шток. *(вставая.)* А! Да это, кажется, Аслаксэнъ?

Асл. Да, это я, докторъ.

Гофс. *(вставая.)* Вы ко мнѣ по дѣлу, Аслаксэнъ?

Асл. Нѣтъ, не къ вамъ. Я и не зналъ, что вы здѣсь. Нѣтъ, я лично къ доктору.

Док. Шток. Къ вашимъ услугамъ.

Асл. Правда ли, что я слышалъ отъ Биллинга, что вы хотите устроить намъ новую, усовершенствованную систему трубъ?

Док. Шток. Да, для купаній.

Асл. Разумѣется, разумѣется. Такъ вотъ я и зашелъ предупредить, что, съ своей стороны, я готовъ всячески содѣйствовать движенію.

Гофс. *(доктору.)* Вотъ видите!

Док. Шток. Я искренно благодаренъ вамъ; но...

Асл. Вамъ не повредить, если на вашей сторонѣ будемъ мы—представители средняго сословія. Мы составляемъ теперь, такъ сказать, сплоченное большинство въ городѣ, т. е. когда это нужно для дѣла. А вы знаете, докторъ, всегда хорошо дѣйствовать за одно съ большинствомъ.

Док. Шток. Безъ сомнѣнія, само собой разумѣется; но я не предполагаю, чтобы потребовались какія-нибудь особенныя мѣропріятія. Казалось бы, дѣло такъ ясно и просто...

Аслак. Да, но все же, это не лишнее; я хорошо знаю мѣстныя власти. Онѣ не особенно расположены слѣдовать мнѣніямъ постороннихъ лицъ. Такъ что, я полагаю, было бы не лишнее, еслибъ мы устроили нѣчто вродѣ демонстраціи.

Гофс. И я того же мнѣнія.

Асл. Конечно, демонстрацію въ духѣ умѣренности, докторъ. Я всегда склоняюсь къ умѣренности; это 1-я гражданская добродѣтель, по крайней мѣрѣ, таковъ мой образъ мыслей.

Док. Шток. Мы всѣ это знаемъ, Аслаксэнъ.

Асл. Да, полагаю, моя умѣренность признана всѣми. А это дѣло о системѣ трубъ—весьма важно для насъ, представителей средняго сословія. Купанья обѣщаютъ стать, со временемъ, золотымъ приискомъ для города, жизненной поддержкой для всѣхъ жителей, особенно для насъ, домовладѣльцевъ...

Док. Шток. Ну?

Асл. И въ качествѣ дѣятельнаго члена Общества Трезвости... вамъ, конечно, извѣстно, докторъ, что я принадлежу къ этому обществу?

Док. Шток. Ну, конечно, конечно.

Асл. Вы, слѣдовательно, знаете, что я сталкиваюсь съ массой людей. И такъ какъ я пользуюсь репутаціей гражданина осторожнаго, уважающаго законъ,—вы это сами признаете, докторъ,—и такъ какъ я имѣю нѣкоторое вліяніе въ городѣ и нѣкоторую власть, быть можетъ, и незаслуженно...

Док. Шток. Все это я знаю, Аслаксэнъ.

Асл. Такъ слѣдовательно, вы понимаете, мнѣ не трудно было бы составить адресъ, еслибъ дѣло дошло до столкновенія.

Док. Шток. Адресъ?

Асл. Да, нѣчто вродѣ благодарственнаго адреса вамъ отъ согражданъ за вашъ образъ дѣйствія въ такомъ важномъ вопросѣ. Конечно, адресъ этотъ долженъ быть составленъ въ духѣ умѣренности, чтобы никого не оскорбить. Но если мы будемъ осторожны, никто, думается мнѣ, не можетъ быть оскорбленъ.

Гофс. Ну, еслибы даже это и пришлось имъ не совсѣмъ по вкусу...

Аслак. Нѣтъ, нѣтъ; никого не слѣдуетъ оскорблять, Гофстадъ; не слѣдуетъ дѣйствовать противъ лицъ, которыя легко могутъ взять верхъ надъ нами. Довольно навидался я этого въ свое время; къ добру это никогда не приводило. Но никто не можетъ быть противъ свободнаго, но умѣреннаго выраженія взглядовъ гражданина.

Дон. Штон. (*пожимая ему руку*). Я не могу высказать вамъ, милый Аслаксэнъ, какъ мнѣ отрадно найти такую поддержку въ средѣ моихъ согражданъ. Я такъ счастливъ, такъ счастливъ! Не зайдете ли вынуть рюмку шерри. А?

Асл. Нѣтъ благодарю; я не пью вина.

Дон. Штон. Ну такъ стаканъ пива,—вы не откажетесь?

Асл. Благодарю, докторъ, я ничего не пью въ такой ранній часъ. А теперь я отправлюсь потолковать кое съ кѣмъ изъ домовладѣльцевъ и подготовить общественное мнѣніе.

Дон. Штон. Вы очень добры, Аслаксэнъ; но право же, я не вижу необходимости во всѣхъ этихъ подготовленіяхъ; дѣло, думается мнѣ, такъ просто...

Асл. Власти всегда дѣйствуютъ медленно, докторъ... Боже сохрани, чтобы я порицалъ ихъ за это...

Гофс. Мы ихъ встряхнемъ завтра въ газетѣ, Аслаксэнъ.

Асл. Только безъ рѣзкихъ выходокъ, Гофстадъ. Дѣйствуйте въ духѣ умѣренности, или вы ничего не подѣлаете съ ними. Слѣдуйте моему совѣту; я набрался опытности въ школѣ жизни. А теперь я прощусь съ вами, докторъ. Теперь вы знаете, что, по крайней мѣрѣ, мы, представители средняго сословія,—стоимъ за васъ, твердо какъ скала. Сплоченное большинство на вашей сторонѣ, докторъ.

Дон. Штон. Спасибо вамъ, другъ мой. (*Протягивая ему руку*.) Прощайте, до свиданія.

Асл. И вы идете въ контору, Гофстадъ?

Гофс. Я сейчасъ приду. Мнѣ нужно покончить только кое-какія дѣла.

Асл. Такъ до свиданія.

(*Кланяется и уходитъ. Докторъ Штокманъ провожаетъ его въ переднюю.*)

Гофс. (*доктору, который возвращается*). Ну, что вы скажете на это, докторъ? Не правда ли, давно пора намъ покончить со всѣми этими недостойными колебаніями и дѣйствовать смѣло?

Дон. Штон. Вы говорите объ Аслаксэнѣ?

Гофс. Да, о немъ. Онъ довольно порядочный человѣкъ, но это одинъ изъ тѣхъ, которыхъ втянуло болото. И почти всѣ здѣсь походятъ на него; люди эти вѣчно колеблются изъ стороны въ сторону, какъ флюгера; и, съ своими страхами и сомнѣніями, они ни на шагъ не смѣютъ двинуться впередъ.

Дон. Штон. Да, но Аслаксэнъ кажется мнѣ вполне благонашѣреннымъ.

Гофс. Есть нѣчто, гораздо болѣе достойное, въ моихъ глазахъ, чѣмъ всякія благія нашенія; а именно, мужественный, независимый образъ дѣйствія.

Дон. Штон. Я вполне согласенъ съ вами.

Гофс. Поэтому то, я хочу воспользоваться случаемъ. Эта нелѣпая, непростительная ошибка съ водопроводомъ должна открыть глаза каждому избирателю.

Дон. Штон. Хорошо! Если вы полагаете, что это послужитъ на пользу общинѣ, пусть будетъ такъ; но только послѣ того, какъ я переговорю съ братомъ.

Гофс. Во всякомъ случаѣ, я теперь же примусь за передовую статью. И если бургомистръ откажется взяться самъ за это дѣло...

Дон. Штон. Неужели вы считаете это возможнымъ?

Гофс. О, невозможнаго въ этомъ ничего нѣтъ. И тогда...

Дон. Штон. Тогда, я общаю вамъ... Вотъ моя статья; вы можете тогда напечатать ее безъ измѣненій.

Гофс. Да? Вы общаете?

Дон. Штон. (*передавая ему рукопись*). Вотъ, возьмите. Во всякомъ случаѣ, вы можете ее прочесть, съ тѣмъ, чтобы возвратитъ мнѣ впоследствии...

Гофс. Хорошо; пусть будетъ по вашему. А теперь прощайте, докторъ.

Дон. Штон. Прощайте, до свиданія. Вотъ увидите, Гофстадъ, все дѣло уладится отлично, безъ всякихъ затрудненій.

Гофс. Гм. Посмотримъ.

(*Кланяется и уходитъ черезъ переднюю*).

Дон. Штон. (*идетъ къ столовой и заглядываетъ въ дверь*). Катерина! А! Ты уже вернулась, Пэтра?

Пэтра (*входя*). Да, я сейчасъ только изъ школы.

Г-жа Штон. (*входя*). Развѣ онъ еще не заходилъ?

Дон. Штон. Пэтеръ? Нѣтъ еще; но у меня былъ длинный разговоръ съ Гофстадомъ. Онъ съ увлеченіемъ отнесся къ моему открытію. Вотъ видишь, дѣло гораздо важнѣе, чѣмъ я полагалъ вначалѣ. И, еслибы оказалась надобность, онъ предоставляетъ въ мое распоряженіе свою газету.

Г-жа Штон. Какъ, ты хочешь...

Дон. Штон. О нѣтъ! Но все же отрадно знать, что имѣешь на своей сторонѣ независимую, просвѣщенную печать. И знаешь, что еще? Меня посетилъ также предсѣдатель «Ассоціаціи домовладѣльцевъ».

Г-жа Штон. Въ самомъ дѣлѣ? Что же ему нужно отъ тебя?

Док. Штон. Онъ предлагаетъ мнѣ свое содѣйствіе. Въ случаѣ столкновения, они поддержать меня. И знаешь, Катерина, какая сила на моей сторонѣ?

Г-жа Штон. На твоей сторонѣ? Кто же еще?

Док. Штон. Сплоченное большинство!

Г-жа Штон. А! Да хорошо ли это для тебя, Томасъ?

Док. Штон. Хорошо ли? Разумѣется! (*Ходитъ взадъ и впередъ, потирая руки.*) Боже мой! Какое счастье чувствовать себя въ такомъ братскомъ единеніи съ своими согражданами!

Пэт. И быть въ состояніи приносить пользу, папа!

Док. Штон. И своему родному городу!

Г-жа Штон. Кто-то позвонилъ.

Док. Штон. Это, должно быть, онъ. (*Стучать въ дверь*). Войдите.

(*Бурюмистръ Штокманъ входитъ изъ передней.*)

Бург. Здравствуйте.

Док. Штон. Какъ я радъ видѣть тебя, Петеръ.

Г-жа Штон. Съ добрымъ утромъ; какъ поживаете?

Бург. О, благодарю васъ; понемножку. (*Къ доктору.*) Я получилъ вчера вечеромъ твою статью о системѣ трубъ и купаньяхъ.

Док. Штон. Да,—ты прочелъ ея?

Бург. Прочелъ.

Док. Штон. Что же ты думаешь объ этомъ вопросѣ?

Бург. Гм... (*Поглядываетъ на дамъ.*)

Г-жа Штон. Пойдемъ, Пэтра.

(*Уходятъ въ дверь направо.*)

Бург. (*послѣ паузы*). Тебѣ необходимо было производить всѣ эти изслѣдованія у меня за спиной?

Док. Штон. Да, пока я не удостовѣрился вполне...

Бург. Такъ теперь ты вполне удостовѣрился?

Док. Штон. Да, кажется, статья моя достаточно это доказываетъ.

Бург. И ты намѣренъ представить это изслѣдованіе комиссіи директоровъ, какъ нѣчто вродѣ официального документа?

Док. Штон. Разумѣется. Что-нибудь должно же быть предпринято, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Бург. По своему обыкновению, ты употребляешь въ своемъ отчетѣ весьма сильныя выраженія. Между прочимъ, ты говоришь, что мы предлагаемъ нашимъ посѣтителямъ ничто иное, какъ медленный ядъ.

Док. Штон. Да какъ же иначе назвать это, Петеръ? Подумай только, отравленная вода, употребляемая внутрь и снаружи! И это мы даемъ несчастнымъ больнымъ, которые съ

полнымъ довѣріемъ обращаются къ намъ, и такъ дорого платятъ намъ за лѣченіе!

Бург. Потому, ты объявляешь, въ видѣ заключенія, что намъ необходимо построить сточную трубу, чтобы очищать Миль-Дэль отъ всѣхъ вышеупомянутыхъ нечистотъ,— и переложить всѣ трубы.

Док. Штон. Да. Какое же другое средство могъ бы ты предложить? Я такъ не знаю.

Бург. Сегодня утромъ, подъ вымышленнымъ предлогомъ, я зашелъ къ городскому инженеру и, полу-шута, упоминалъ объ этихъ поправкахъ, какъ о предпріятіи, которое мы можемъ имѣть въ виду, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Док. Штон. Въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ!

Бург. Конечно, онъ только улыбнулся на мои слова, принявши ихъ за сумасбродную фантазію. Потрудился ли ты обдумать, чего могутъ стоить предлагаемыя тобой поправки? Изъ того, что сказалъ инженеръ, я понялъ, что затраты достигли бы суммы нѣсколькихъ сотъ тысячъ талеровъ.

Док. Штон. Неужели такъ много?

Бург. Да, не менѣе. Но это еще не главное. Поправки эти потребовали бы не менѣе 2-хъ лѣтъ.

Док. Штон. Какъ? Не менѣе 2-хъ лѣтъ?

Бург. Да, по крайней мѣрѣ. И что же случилось бы, въ этотъ промежутокъ времени, съ нашими купаньями? Вѣдь, безъ сомнѣнія, пришлось бы закрыть ихъ. Кто же поѣдетъ къ намъ, если распространятся слухи, что вода заражена?

Док. Штон. Но вѣдь это же правда, Петеръ, она дѣйствительно заражена.

Бург. И все это теперь,—теперь, когда купанья въ такомъ цѣлѣннѣе положеніи! Вѣдь и сосѣдніе города имѣютъ притязаніе считаться цѣлебными мѣстами. Или ты думаешь, они тотчасъ не воспользуются этимъ, чтобъ переманить къ себѣ всѣхъ нашихъ посѣтителей? Безъ сомнѣнія, они это сдѣлаютъ; и мы сидѣмъ на мели. Намъ пришлось бы, по всей вѣроятности, отказаться отъ всего предпріятія, такъ дорого стоявшаго намъ; и ты былъ бы виновникомъ разоренія родного города!

Док. Штон. Я—виновникомъ разоренія?

Бург. Только благодаря купаньямъ, городъ имѣетъ нѣкоторую будущность. Ты это, конечно, знаешь также хорошо, какъ и я.

Док. Штон. Но какъ же, по твоему, слѣдуетъ поступать?

Бург. Я еще далеко не убѣдился, что вода въ купаньяхъ такъ дурна, какъ ты увѣряешь въ своемъ отчетѣ.

Док. Штон. Да говорю же тебѣ, я не преувеличивалъ, а лѣтомъ, въ жаркую погоду, будетъ еще хуже.

Бург. Повторяю, я убѣжденъ, что ты сильно преувеличиваешь. Опытному медьку слѣдовало бы уметь отвращать вредныя условія и противодействовать имъ, въ случаѣ, еслибъ они проявились слишкомъ явно.

Док. Штон. Въ самомъ дѣлѣ? Что же далѣе?

Бург. Существующая система трубъ—фактъ, съ которымъ необходимо считаться. Но, съ теченіемъ времени, директора, вѣроятно, согласятся рассмотреть вопросъ, пельзя ли предпринять нѣкоторыя поправки, конечно, безъ неблагоприятныхъ матеріальныхъ жертвъ.

Док. Штон. И ты воображаешь, я согласусь быть причастнымъ подобной низости?

Бург. Низости?

Док. Штон. Да, это была бы низость, обманъ, ложь, преступленіе противъ всего общества!

Бург. Повторяю, я далеко не убѣжденъ въ существованіи такой настоятельной опасности.

Док. Штон. Неправда, ты въ этомъ вполне убѣжденъ. Доводы мои слишкомъ ясны и убѣдительны. И, въ глубинѣ души, ты это признаешь, Петеръ, но не хочешь въ томъ признаться. Не ты ли настаивалъ, чтобы и купанья и системы трубъ были построены на такой низкой мѣстности; и эту-то проклятую ошибку ты не хочешь признать. Чортъ побери!—или ты воображаешь, что я не вижу тебя насквозь?

Бург. А еслибы и такъ? Не для блага ли роднаго города я ревниво охраняю свою репутацію? Безъ нравственнаго авторитета мнѣ невозможно руководить дѣлами въ томъ направленіи, которое, по моему убѣжденію, наиболѣе можетъ способствовать общему благосостоянію. По этой причинѣ, также какъ и по многимъ другимъ, для меня весьма важно, чтобы твой отчетъ не былъ представленъ комиссіи директоровъ. Впослѣдствіи, я самъ подниму этотъ вопросъ, и мы, безъ шума, сдѣлаемъ все, что будетъ возможно; но ни единое слово объ этомъ несчастномъ дѣлѣ не должно достигнуть до общества.

Док. Штон. Но, милѣйшій другъ, скрыть это дѣло теперь уже невозможно.

Бург. Оно должно быть скрыто, и будетъ скрыто.

Док. Штон. Повторяю, это невозможно; слишкомъ многие уже знаютъ о немъ.

Бург. Какъ! Кто же? Неужели и вся эта компанія сотрудниковъ «Народнаго Вѣстника»?

Док. Штон. О да, имъ все извѣстно. Либеральная, независимая пресса будетъ слѣдить за тѣмъ, чтобы ты исполнилъ твой долгъ.

Бург. (*посль короткой паузы*). Ты поразительно неосмотрительный человѣкъ, Томасъ. Подумалъ ли ты, какія послѣдствія можетъ имѣть для тебя подобный образъ дѣйствія?

Док. Штон. Послѣдствія?—для меня?

Бург. Да, для тебя и для твоей семьи.

Док. Штон. Чортъ побери, что ты хочешь сказать?

Бург. Кажется, я всегда доказывалъ готовность протянуть тебѣ руку помощи.

Док. Штон. Да, правда; и я тебѣ очень благодаренъ за участіе.

Бург. Въ благодарности твоей я не нуждаюсь. До извѣстной степени я принужденъ былъ дѣйствовать такимъ образомъ изъ личнаго интереса. Помогая тебѣ улучшить твое матеріальное положеніе, я надѣялся, что буду въ состояніи удержать тебя въ извѣстныхъ границахъ.

Док. Штон. Какъ! Ты дѣйствовалъ только изъ личнаго интереса?

Бург. Повторяю—до извѣстной степени. Для человѣка въ официальномъ положеніи тяжело, когда ближайшій его родственникъ компрометируетъ себя.

Док. Штон. Это я-то компрометирую себя?

Бург. Да, къ несчастью. Духъ у тебя спокойный, задорный, мятежный. Да еще, на бѣду,—эта несчастная склонность бросаться въ печатъ при всякомъ удобномъ случаѣ, встать и нестать. Какъ только у тебя является какая-либо мысль, ты спѣшишь оглашать ее черезъ посредство газетной статьи.

Док. Штон. Да развѣ гражданинъ не обязанъ сообщать обществу всякую свою новую мысль?

Бург. Пустое! Общество не нуждается въ новыхъ мысляхъ. Обществу лучше живется съ хорошими, давно признанными идеями.

Док. Штон. Однако, надо признаться, ты откровененъ!

Бург. Да, разъ навсегда, я долженъ объясниться съ тобой откровенно. До сихъ поръ, я этого избѣгалъ, зная какъ ты раздражителенъ; но теперь, Томасъ, я долженъ сказать тебѣ всю правду. Ты понятія не имѣешь, какъ вредишь себѣ своей опрометчивостью. Ты жалуешься на мѣстныя власти, и даже на само правительство, ты бранишь ихъ и считаешь себя жертвой преслѣдованій. Но при твоёмъ невозможномъ характерѣ, чего еще можешь ты ожидать?!

Док. Штон. Вотъ какъ! Такъ я—человѣкъ невозможный, по твоему мнѣнію?

Бург. Да, Томасъ, и работать съ тобой за одно—вполнѣ невозможно; я знаю это по опыту. Ты относишься ко мнѣ безъ всякаго уваженія, какъ бы забывая, что обязанъ мнѣ своимъ мѣстомъ главнаго врача при купаньяхъ...

Док. Штон. Мѣсто это, по праву, принадлежало мнѣ, никому другому, какъ мнѣ! Я первый открылъ цѣлебныя свойства мѣстной воды,—въ то время никто этого и не подозрѣвалъ. Цѣлые годы я одинъ боролся за свою идею, одинъ писалъ въ защиту ея...

Бург. Везъ сомнѣнія; но въ то время еще не наступила минута для практическаго при-мѣненія этой идеи. Конечно, ты не могъ понять это въ глуши захолустья, гдѣ ты прожилъ въ то время. И какъ только наступила благоприятная минута, я, съ помощью другихъ, взялъ все дѣло въ свои руки...

Док. Шток. Да, и ты испортилъ весь мой прекрасный проектъ. О, теперь мы видимъ, какихъ мнимыхъ мудрецовъ всѣ вы разыграли изъ себя!

Бург. А я вижу одно, что ты опять стремишься найти исходъ для своего непокорнаго духа. Ты хочешь задѣть лица, стоящія выше тебя, — замашка давно мнѣ известная. Ты не выносишь какого-либо авторитета надъ собой. Ты косо смотришь на того, кто занимаетъ болѣе высокое положеніе, чѣмъ ты; ты относишься къ нему какъ къ личному врагу, но разбѣгая какого рода орудіе ты употребляешь противъ него. Но теперь я пояснилъ тебѣ, какъ многое зависитъ отъ этого для города и, слѣдовательно, для меня. И предупреждаю тебя, Томасъ, я буду непреклоненъ въ требованіи, съ которыми намѣренъ обратиться къ тебѣ.

Док. Шток. Какое требованіе?

Бург. Такъ какъ ты былъ настолько неблагоразуменъ, что разболталъ постороннимъ лицамъ объ этомъ щекотливомъ дѣлѣ, которое слѣдовало хранить, какъ официальную тайну, скрыть его теперь, разумѣется, невозможно. Повсемѣстно распространятся разные слухи, слухи преувеличенные, благодаря сплетнямъ. Поэтому тебѣ необходимо публично опровергнуть эти слухи.

Док. Шток. Мнѣ, — опровергнуть ихъ? Я тебя не понимаю.

Бург. Мы желаемъ, чтобы, послѣ дальнѣйшихъ изслѣдованій, ты пришелъ къ заключенію, что дѣло далеко не такъ серьезно и спѣшно, какъ ты вообразилъ сначала.

Док. Шток. А-а! Такъ вотъ что вы желаете?

Бург. Далѣе, мы желаемъ, чтобы ты высказалъ увѣренность, что коммиссія директоровъ добросовѣстно предприметъ всѣ мѣры для исправленія какихъ-либо недостатковъ.

Док. Шток. Да, но это не можетъ быть сдѣлано, пока вы тормозите дѣло. Повторяю, Пэтеръ, мое глубокое, искреннее убѣжденіе...

Бург. Какъ лицо официальное, ты не имѣешь права держаться какого-либо индивидуальнаго убѣжденія.

Док. Шток. (вспыхнувъ). Не имѣю права?

Бург. Да, какъ официальное лицо, ты не имѣешь права. Какъ частное лицо, конечно, другое дѣло. Но какъ подчиненное, официальное лицо, ты не имѣешь права выражать убѣжденіе, расходящееся со взглядами твоего начальства.

Док. Шток. Это ужъ слишкомъ! Какъ я, врачъ, человѣкъ науки, я не имѣю права...

Бург. Дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, касается не одной науки; это дѣло сложное, имѣющее техническую и экономическую стороны...

Док. Шток. Чортъ побери! Мнѣ-то что до того? Какое мнѣ до этого дѣло, чортъ возьми! Я имѣю право выражать свое мнѣніе о всякомъ предметѣ въ мірѣ!

Бург. Сколько угодно, пока это не касается купаній. Въ это же дѣло мы запрещаемъ тебѣ путаться.

Док. Шток. (громовымъ голосомъ). Вы запрещаете!... Вы!...

Бург. Да, я запрещаю, — я твой начальникъ, и ты долженъ мнѣ повиноваться.

Док. Шток. (съ трудомъ сдерживаясь). Честное слово, Пэтеръ, еслибы ты не былъ мнѣ братомъ...

Пэт. (порывисто отворяя дверь). Ты не унизился до этого, папа!

Г-жа Шток. (слѣдуя за ней). Пэтра, Пэтра!

Бург. А-а! такъ вы подслушивали...

Г-жа Шток. Перегородка такая тонкая, что мы повеболѣ...

Пэт. Я стояла у двери и слушала нагѣренно.

Бург. Въ сущности, мнѣ все равно...

Док. Шток. (подходя къ нему). Ты говорилъ мнѣ о запрещеніи и повиновеніи...

Бург. Ты самъ заставилъ меня такъ говорить съ тобой.

Док. Шток. Что-жъ, по вашему, я долженъ публично покаяться во лжи?

Бург. Мы считаемъ необходимымъ, чтобы ты напечаталъ статью въ указанномъ смыслѣ.

Док. Шток. А если я откажусь повиноваться?

Бург. Тогда мы сами напечатаетъ статью для успокоенія публики.

Док. Шток. Прекрасно; въ такомъ случаѣ, я стану печатно опровергать васъ. Я добьюсь своей цѣли и докажу, что правъ я, а вы не правы. И что вы тогда сдѣлаете?

Бург. Тогда мнѣ придется удалить тебя.

Док. Шток. Что!?!...

Пэт.

Г-жа Шток. } Удалить!...

Бург. Да, удалить тебя отъ должности врача при купаньяхъ. Я принужденъ буду сказать, чтобы тебѣ велѣли подать въ отставку.

Док. Шток. Ты не посмѣешь это сдѣлать!

Бург. Не ты ли самъ затѣялъ смѣлую игру.

Пэт. Дядя, и вамъ не стыдно поступать подобнымъ образомъ съ такимъ человѣкомъ, какъ отецъ?

Г-жа Шток. Успокойся, Пэтра.

Бург. (взглядывая на Пэтру). А-а! У насъ же свои собственные убѣжденія. Ну, разумѣется! (Обращаясь къ в-жъ Штокманъ.) Невѣстка, изъ всей вашей семьи, вы, кажется,

самая разумная. Постарайтесь повліять на вашего мужа; постарайтесь наглядно представить ему, какія послѣдствія повлечетъ за собой его образъ дѣйствій, какъ для его семьи, такъ...

Док. Штон. Моя семья касается лишь одного меня.

Бург. Какъ для его семьи, говорю я, такъ и для блага его родного города.

Док. Штон. Благо родного города гораздо ближе моему сердцу, чѣмъ вамъ. Я хочу обнаружить то зло, которое, рано или поздно, неизбежно проявится на свѣтъ Божій. Да, я на дѣлѣ докажу свою любовь къ родному городу.

Бург. Какъ, ты, который, въ своемъ слѣпомъ упрямствѣ, хочешь лишитъ городъ главного источника его благосостоянія!..

Док. Штон. Да, говорятъ же тебѣ,—источникъ этотъ отравленъ! Или ты съума спятилъ? Благосостояніе наше основано на безнравственныхъ, преступныхъ сдѣлкахъ. Вся наша цвѣтущая общественная жизнь построена на обманѣ!

Бург. Все это пустыя бредни, если не хуже. Человѣкъ, способный такъ оскорбительно отзываться о родной мѣстности, человѣкъ этотъ — врагъ общества.

Док. Штон. Какъ, ты смѣешь...

Г-жа Штон. (*бросаясь между ними*). Томасть!..

Пэт. (*схватывая отца за руку*). Успокойся, папа.

Бург. Я не намѣренъ подвергать себя насилію. Я тебя предупредилъ,—этого достаточно. Подумай о томъ, что предписываетъ тебѣ долгъ,—относительно тебя самого и твоей семьи.

(*Уходитъ.*)

Док. Штон. (*ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ*). Выслушивать такія рѣчи! И у себя въ дождѣ! Какъ тебѣ это кажется, Катерина?

Г-жа Штон. Это возмутительно, Томась...

Пэт. Какъ бы хотѣлось отплатить за это дядѣ!..

Док. Штон. Я самъ виноватъ. Мнѣ уже давно слѣдовало осадить ихъ! И онъ назвалъ меня врагомъ общества! Это меня-то! Я не потерплю этого, честное слово, не потерплю!

Г-жа Штон. Но, Томась, вѣдь все таки сила на сторонѣ твоего брата...

Док. Штон. Да, но на моей сторонѣ право!

Г-жа Штон. Да,—право! Къ чему оно, когда не имѣешь на своей сторонѣ силы?

Пэт. Мама, какъ ты можешь такъ говорить?

Док. Штон. Какъ! Къ чему имѣть на своей сторонѣ право, живя въ свободномъ обществѣ? Опомнись, Катерина! Къ тому же, развѣ не на моей сторонѣ пресса и слоченное большинство?

Г-жа Штон. Какъ, Томась, неужели ты думаешь...

Док. Штон. Что же?

Г-жа Штон. Я хочу сказать,—неужели ты думаешь вступить въ борьбу съ твоимъ братомъ?

Док. Штон. А что же остается дѣлать,—если держаться истины и справедливости?

Пэт. Да,—что же остается дѣлать?

Г-жа Штон. Но это ни къ чему не приведетъ. Они все таки поставятъ на своемъ.

Док. Штон. Ха-ха, посмотришь! Я докажу тебѣ, что умѣю постоять за то, что считаю истинной.

Г-жа Штон. Да, ты будешь стоять на своемъ, пока тебя не отставятъ отъ должности; и этимъ, конечно, кончится дѣло.

Док. Штон. Ну, такъ чтожъ,—по крайней мѣрѣ, я исполню свой долгъ по отношенію къ согражданами, по отношенію къ обществу; я исполню его,—я, котораго называютъ врагомъ общества.

Г-жа Штон. Но твой долгъ къ твоей семьѣ, Томась, ко всѣмъ намъ? Развѣ ты считаешь себя вправѣ такъ поступать относительно тѣхъ, которые зависятъ отъ тебя?

Пэт. О, мама,—не думай всегда прежде всего о насъ.

Г-жа Штон. Да, хорошо тебѣ такъ говорить; ты сама за себя постоишь въ случаѣ нужды. Но подумай о мальчишкахъ, Томась; подумай немного о себѣ, также и обо мнѣ...

Док. Штон. Ты не въ своемъ умѣ, Катерина. Какъ, ты хочешь чтобы я поступилъ какъ презрѣнный трусъ, и повиновался бы Пэтеру со всей его проклятой кликой? И ты думаешь, я могу быть хоть на минуту счастливъ послѣ подобнаго поступка?

Г-жа Штон. Не знаю; но Боже сохрани отъ того счастья, которое ожидаетъ насъ, еслибъ ты затѣялъ эту борьбу. Ты опять остался бы не при чемъ, безъ всякой твердой матеріальной опоры. Кажется, мы ужъ достаточно потерпѣлись въ былое время. Вспомни о немъ, Томась; подумай о всѣхъ послѣдствіяхъ, ожидающихъ насъ.

Док. Штон. (*съ трудомъ сдерживаясь и сжимая кулаки*). И эти болваны способны навлечь такія невзгоды на свободного, честнаго человѣка! Не возмутительно ли это, Катерина?

Г-жа Штон. Да, поведение ихъ относительно тебя возмутительно. Но кто же не знаетъ, что въ мірѣ много несправедливостей, съ которыми приходится считаться. Вотъ наши мальчики, Томась; взгляни на нихъ. Что же будетъ съ ними? О гнѣтъ! Ты никогда не рѣшишься...

(*Эмили и Мартэнъ вошли въ это время, съ школьными тетрадами въ рукахъ.*)

Док. Штон. Наши мальчики!.. (*Рычитъ*...)

тельно и твердо.) Никогда, — никогда, хотя бы провалилась вся земля, — не согну я шею подъ ярмомъ. (*Идетъ къ своей комнатѣ.*)

Г-жа Шток. (*идетъ за нимъ*). Что же ты хочешь дѣлать, Томасъ?..

Док. Шток. (*у порога двери*). Я долженъ имѣть право смотрѣть прямо въ лицо моннѣ

сыновьямъ, когда они выростутъ большими. (*Уходитъ въ свою комнату.*)

Г-жа Шток. (*рыдая*). Господи! Помогни намъ всѣмъ!

Пэт. Отецъ правъ! И онъ никогда не пойдетъ на сдѣлки.

(*Мальчики, въ изумленіи спрашиваютъ, что значитъ все это; Пэтра дѣлаетъ имъ знаки, чтобы они молчали.*)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната редактора въ конторѣ „Народнаго Вѣстника“. На заднемъ планѣ, направо,—дверь; направо—стеклянная дверь, черезъ которую виднѣется типографія. Въ серединѣ комнаты большой столъ, заваленный бумагами, газетами и книгами. Направо окно, около окна—конторка съ высокимъ стуломъ около нея. У стола два кресла; нѣсколько стульевъ вдоль стѣны. Комната имѣетъ видъ безпріютный и невзрачный; мебель старая, кресла грязная и ободранная. Въ типографіи сидятъ нѣсколько наборщиковъ за работой, въ отдаленіи—печатный станокъ.

Гофстадъ сидитъ за конторкой и пишетъ. Съ правой стороны входитъ Биллингъ, съ рукописью доктора Штокмана въ рукѣ.

Бил. Да, нечего сказать...

Гофс. (*продолжая писать*). Вы прочли всю рукопись?

Бил. (*кладя рукопись на конторку*). Да всю,—съ начала и до конца.

Гофс. Неправда ли,—какая сильная вещь?

Бил. Сильная! Чортъ побери, — это статья паразитическая! Каждое слово падаетъ, какъ ударъ молота.

Гофс. Да, но всѣ эти господа не сдадутся съ перваго же раза.

Бил. Да, правда; но мы будемъ наносить ударъ за ударомъ. Въ то время какъ я читалъ эту статью, мнѣ какъ бы слышались вдали отдаленные раскаты приближающейся грозы.

Гофс. Т-с! Не слышалъ бы Аслаксэнъ.

Бил. (*покидая юлосъ*). Аслаксэнъ—презрѣнный трусъ, лишенный всякаго мужества. Но на этотъ разъ,—вы поставите на своемъ, неправда-ли? Вы напечатаете статью доктора Штокмана?

Гофс. Да, если не воспротивится бургомистръ...

Бил. Это было бы ужасно досадно.

Гофс. Ну, какъ бы тамъ ни было,—мы можемъ воспользоваться даннымъ положеніемъ дѣла. Если бургомистръ не согласится съ предложеніемъ доктора, противъ него возстанетъ все низшее, среднее сословіе,—вся «Ассоціація Домовладѣльцевъ», и проч. Если же онъ согласится, отъ него отпадетъ вся клика акционе-

ровъ Купаній, — которые всегда были главной его поддержкой...

Бил. Да, разумѣется; вѣдь имъ, безъ сомнѣнія, пришлось бы выложить не мало денегъ...

Гофс. Еще бы! А потомъ, когда разъединится ихъ партія, мы будемъ изо дня въ день внушать публикѣ, что бургомистръ несостоятеленъ во всѣхъ отношеніяхъ, и что всѣ главные административныя мѣста, — словомъ, все муниципальное правительство должно быть передано въ руки людей съ либеральнымъ образомъ мыслей.

Бил. Провались я на мѣстѣ, если это не истинная правда. Да, да, я это вижу: мы наканунѣ революціи!

(*Стучатъ въ дверь.*)

Гофс. Т-с! (*Громко*). Войдите!

(*Докторъ Штокманъ входитъ изъ двери направо.*)

Гофс. (*идетъ къ нему на встрѣчу*). А! вотъ и самъ докторъ! Что скажете?

Док. Шток. Печатайте статью, Гофстадъ!

Гофс. А! Такъ дѣло дошло до этого?

Бил. Ура!

Док. Шток. Печатайте, говорю вамъ. Разумѣется, дошло до этого. И разъ они этого желаютъ, пусть будетъ такъ! Война объявлена, Биллингъ!

Бил. Да, да, докторъ.—война на жизнь и на смерть!

Док. Шток. Статья эта—лишь начало войны. У меня въ головѣ уже намѣченъ планъ 4-хъ, 5-ти другихъ статей. Но куда же запрятали вы Аслаксэна?

Бил. (*подходитъ къ типографіи и зоветъ*). Аслаксэнъ! Войдите къ намъ на минутку.

Гофс. Вы говорите,—у васъ уже намѣченъ

планъ 4-хъ, 5-ти другихъ статей. И все о томъ же предметѣ?

Дом. Штон. О, нѣтъ, другъ мой. Нѣтъ, онѣ касаются совсѣмъ другихъ предметовъ. Но всѣ онѣ имѣютъ отношеніе къ вопросу о системѣ трубъ. Одинъ вопросъ ведетъ къ другому.

Бил. Провались я на мѣстѣ, если вы не правы! Сознаешь, что нельзя оставить дѣло...

Асл. (*входя изъ типографіи*). Ужъ не думаете ли вы, докторъ, снести всѣ зданія Купаній?

Гофс. О, нѣтъ! Не пугайтесь.

Дом. Штон. Нѣтъ, мы говорили совсѣмъ о другомъ. Что же вы думаете о моей статьѣ, Гофстадъ?

Гофс. Что я думаю? Я нахожу, что это, въ своемъ родѣ—*chef d'oeuvre*.

Дом. Штон. Да, неправда ли? Какъ я радъ, что вы такъ думаете.

Гофс. Она такъ ясна и такъ мѣтко попадаетъ въ цѣль. Не надо быть специалистомъ, чтобы понять суть дѣла. Я не сомнѣваюсь,—всякій интеллигентный человѣкъ будетъ на вашей сторонѣ.

Асл. И также люди осторожные, надѣюсь.

Бил. И осторожные, и неосторожные, словомъ—почти весь городъ.

Асл. Въ такомъ случаѣ, я полагаю—мы можемъ напечатать ее.

Дом. Штон. Надѣюсь!

Гофс. Она пойдетъ въ завтрашнемъ №-рѣ.

Дом. Штон. Да, чортъ побери, не слѣдуетъ терять ни минуты. Слушайте, Аслаксэнъ, что я хотѣлъ спросить васъ: не возьметесь ли вы печатать статью подъ вашимъ личнымъ надзоромъ?

Асл. Конечно, возьмусь.

Дом. Штон. Берегите ее какъ сокровище, чтобы не было опечатокъ. Каждое слово имѣетъ важное значеніе. Я загляну къ вамъ опять въ скоромъ времени; быть можетъ, уже будетъ готовъ первый оттискъ. О, еслибъ вы знали, какъ я жажду видѣть статью напечатанной...

Бил. Да, она явится громовымъ ударомъ!

Дом. Штон... И представленной на сужденіе каждаго здравомыслящаго гражданина. Да, вы не знаете всего, что мнѣ пришлось вынести сегодня. Какія только угрозы ни сыпались на меня! Меня хотѣли лишить моихъ законныхъ правъ...

Бил. Какъ! Неужели!

Дом. Штон... Отъ меня требовали, чтобы я унился и сѣмшася съ грязью, чтобы я предпочелъ личные интересы самымъ глубокимъ, святымъ моимъ убѣжденіямъ...

Бил. Провались я на мѣстѣ, это слишкомъ возмутительно!

Гофс. Чего же еще и ждать отъ этихъ господъ?

Дом. Штон. Но, клянусь вамъ, ниъ отъ этого не поздоровится. Я буду вести съ ними ежедневную войну въ «Народномъ Вѣстникѣ», я стану бомбардировать ихъ смѣлыми статьями...

Асл. Да, но подумайте..

Бил. Ура! Война! Война!

Дом. Штон. Я покараю и раздавлю ихъ, я уничтожу ихъ въ глазахъ всѣхъ благомыслящихъ гражданъ! Да, я это сдѣлаю!

Асл. Но, главное, будьте умѣренны, докторъ; дѣйствуйте осторожно...

Бил. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Не щадите.

Дом. Штон. (*невозмутимо*). Потому что теперь рѣчь идетъ уже не объ однихъ сточныхъ трубахъ. Всѣ старые кропатели должны быть удалены, понимаете. Какія чудныя перспективы открылись сегодня передъ моимъ мысленнымъ взглядомъ! Еще не все вполнѣ ясно для меня, но скоро туманъ окончательно разсѣется!

Бил. Слушайте, слушайте!

Дом. Штон. И если только мы будемъ дѣйствовать дружно, все такъ прекрасно устроится!

Гофс. Съ своей стороны, я полагаю, мы имѣемъ теперь всѣ шансы передать муниципальныя дѣла въ достойныя руки.

Асл. И если только мы будемъ дѣйствовать умѣренно, врядъ ли намъ грозитъ какая-либо опасность.

Дом. Штон. Да какое намъ дѣло, чортъ возьми, есть ли опасность, или нѣтъ? То, что я дѣлаю, я дѣлаю во имя истины и по совѣсти.

Гофс. Да, докторъ, вы человѣкъ—съ которымъ можно идти рука объ руку.

Асл. Да, безъ сомнѣнія, докторъ—истинный гражданинъ и другъ общества, если можно такъ выразиться.

Бил. Не только общества, чортъ возьми, но и народа.

Асл. Безъ сомнѣнія, «Ассоціація домовладѣльцевъ» скоро усвоитъ это выраженіе.

Дом. Штон. (*глубоко растроганный, пожимаетъ имъ руки*). Благодарю васъ, благодарю, дорогіе, вѣрные друзья мои; какъ отрадно мнѣ ваше сочувствіе. Уважаемый братъ мой называлъ меня иначе. Но терпѣніе. Я оплачу ему съ процентами. Однако, надо поспѣшить къ одному бѣднягѣ, моему пациенту. Я загляну къ вамъ опять вскорѣ. Такъ позаботьтесь же о статьѣ, Аслаксэнъ; и, Бога ради, не выпускайте ни одного восклицательнаго знака! Скорѣе прибавьте еще. Ну, а теперь пока прощайте, до свиданія. (*Взаимные поклонны, всѣ провожаютъ его до двери. Докторъ Штокманъ уходитъ.*)

Гофс. Онъ для насъ неоцѣненное приобретение.

Асл. Да, пока онъ будетъ ограничиваться вопросомъ о купаньяхъ. Но если онъ пойдетъ далѣе, было бы неразумно слѣдовать за нимъ.

Гофс. Гм! Судя по тому...

Бил. Вы уже черезчуръ робкій человекъ, Аслаксэнъ.

Асл. Робкій? Да, г-нъ Биллингъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы нападать на мѣстныхъ власти, я робокъ, правда; скажу прямо, я научился осторожности въ школѣ опыта. Дѣло въ томъ, что я ясно сознаю свою отвѣтственность... Мѣстныхъ власти; устранить ихъ возможно но, въ такомъ случаѣ, власть можетъ перейти къ лицамъ не компетентнымъ, во вредъ какъ домовладѣльцевъ, такъ и всѣхъ прочихъ.

Гофс. Но что думаете вы о воспитаніи гражданъ посредствомъ самоуправленія?

Асл. Когда человекъ въ зависимости отъ многихъ практическихъ интересовъ, онъ не можетъ думать обо всемъ, Гофстадъ.

Гофс. Въ такомъ случаѣ, надѣюсь, я никогда не буду въ зависимости отъ практическихъ интересовъ.

Бил. Слушайте, слушайте!

Асл. (*умблается*). Гм! (*Указывая на конторку*.) Стенгардъ *) раньше васъ возсѣдалъ на редакторскомъ креслѣ.

Бил. (*плонувъ въ сторону*). Тьфу! Отступникъ!

Гофс. Что касается меня, я не флюгеръ и никогда не уподоблюсь ему.

Асл. Публицистъ ни за что не долженъ ругаться, Гофстадъ. Что же касается васъ, Биллингъ, вашъ такая заносчивость совсѣмъ ужъ не пристала; развѣ вы не добиваетесь мѣста секретаря при городскомъ совѣтѣ?

Бил. Я!...

Гофс. Правда ли это, Биллингъ?

Бил. Если бы и такъ... вѣдь я, чортъ побери, дѣлаю это только чтобы досадить этимъ болванамъ.

Асл. Ну, положимъ, это меня не касается. Но если меня обвиняютъ въ трусости и неполнотѣ слѣдовательности, я скажу лишь одно: мой политическій образъ мыслей ни для кого не тайна. Я ни въ чемъ не измѣнился, только, быть можетъ, сталъ нѣсколько умѣреннѣе. Сердце мое, попрежнему, принадлежитъ народу; но, я этого не стану отрицать, разумъ мой склоняется на сторону властей, мѣстныхъ властей, по крайней мѣрѣ. (*Уходитъ въ типографію*.)

Бил. Какъ вы думаете, Гофстадъ, не слѣдовало ли бы намъ избавиться отъ него?

Гофс. А вы знаете кого-либо другого, кто бы поддержалъ насъ въ матеріальномъ отношеніи?

Бил. Чортъ побери! Какъ связываетъ отсутствие капитала!

Гофс. (*садясь за конторку*). Да, если бы только были у насъ деньги...

Бил. А что если бы вы обратились къ доктору Штокману?

Гофс. (*перелистывая бумаги*). Что толку? У него нѣтъ ни гроша.

Бил. Да, правда; но съ нимъ въ родствѣ человекъ состоятельный, старый Мортэнъ Киль, по прозвищу барсукъ.

Гофс. (*пишетъ*). А развѣ вы такъ увѣрены что у него есть деньги?

Бил. Да, безъ сомнѣнія, провалился я на мѣстѣ! И часть его состоянія, конечно, перейдетъ къ семьѣ Штокмана. Долженъ же онъ обезпечить ихъ, хотя бы ради дѣтей.

Гофс. (*говоритъ въ полу-оборотъ*). Такъ вы на это-то рассчитываете?

Бил. Рассчитываю? Какъ же могу я рассчитывать?

Гофс. И лучше не рассчитывайте, также какъ и на то мѣсто секретаря; могу васъ увѣрить, вы не получите его.

Бил. А вы думаете я это не знаю? Я только и желаю получить отказъ. Подобный отпоръ возбуждаетъ духъ оппозиціи, доставляетъ новый запасъ желчи; что и требуется въ проклятой мѣстности, гдѣ такъ мало живыхъ интересовъ.

Гофс. (*пишетъ*). Да, да, конечно.

Бил. Хорошо же, они скоро услышатъ обо мнѣ! А теперь, я пойду писать воззваніе къ «Ассоціаціи домовладѣльцевъ». (*Идетъ въ комнату направо*.)

Гофс. (*сидитъ за конторкой, чрызетъ перо и бормочетъ*). Гм! вотъ оно какъ... (*Стучатъ въ дверь*.) Войдите. (*Петра входитъ изъ двери направо*.) (*Вставая*). Какъ вы! Здѣсь!

Петр. Да, извините, если я беспокою васъ...

Гофс. (*пододвигая ей кресло*). Не угодно ли сѣсть?

Пет. Нѣтъ, благодарю; я на одну минутку.

Гофс. Вѣроятно, по порученію вашего отца?

Пет. Нѣтъ, я зашла по собственному дѣлу. (*Вынимая книгу изъ кармана своего пальто*.) Вотъ англійское сочиненіе, которое вы дали мнѣ.

Гофс. Зачѣмъ же вы возвращаете его?

Пет. Потому что я не хочу его переводить.

Гофс. Но вѣдь вы обѣщали...

Пет. Да, но тогда я не прочла его. Вѣроятно, и вы тоже не читали?

Гофс. Нѣтъ; я вѣдь не знаю англійскій языкъ...

Пет. Вотъ именно; поэтому-то я и хотѣла сказать вамъ, что надо выбрать что-нибудь

*) Стенгардъ—начальникъ края, главное дѣйствующее лицо въ „Союзѣ Юношества“, гдѣ фигурируетъ и Аслаксэнъ.

другое. (*Кладетъ книгу на столъ*). Это не можетъ быть напечатано въ «Народномъ Вѣстникѣ».

Гофс. Почему же?

Пэт. Потому что сочиненіе это противорѣчить всѣмъ вашимъ убѣжденіямъ.

Гофс. Ну, что касается до этого...

Пэт. Вы не поняли меня...

Гофс. ...Издатель не можетъ поступать всегда такъ, какъ желалъ бы. Въ мелочахъ нерѣдко приходится дѣлать уступки вкусу публики. Да въ концѣ концовъ, самую важную роль въ общественной жизни играетъ политика, по крайней мѣрѣ, для газеты; и, если я хочу, чтобы общество слѣдовало за мной по пути эманципации и прогресса, я не долженъ отпугивать его. Читая въ фельетонѣ моральную сказку, оно почувствуетъ себя въ безопасности и благоклоннѣе отнесется къ тому, что напечатано сверху страницы.

Пэт. Какъ вамъ не стыдно! Вы не лицемеръ, чтобы подставлять ловушку вашимъ читателямъ. Вѣдь вы не паукъ.

Гофс. (*улыбаясь*). Благодарю за лестное мнѣніе. Правда, мысль эта принадлежитъ не мнѣ, а Биллингу.

Пэт. Биллингу!

Гофс. Да, по крайней мѣрѣ, онъ на дняхъ толковалъ въ этомъ духѣ. Это ему такъ хотѣлось помѣстить этотъ переводъ въ газетѣ; а мнѣ даже неизвѣстно это сочиненіе.

Пэт. Но какъ же Биллингъ, съ его передовыми взглядами...

Гофс. Гм., Биллингъ — человѣкъ многосторонній. Я слышалъ, онъ добивается мѣста секретаря при городскомъ совѣтѣ.

Пэт. Мнѣ трудно этому повѣрить, Гофстадъ. Какъ могъ онъ унизиться до этого?

Гофс. Объ этомъ спросите его самого.

Пэт. Я никогда не ожидала этого отъ Биллинга.

Гофс. (*пристально глядя на нее*). Въ самомъ дѣлѣ? Это такое откровеніе для васъ?

Пэт. Да. А впрочемъ, — не знаю. Право, не знаю.

Гофс. Сказать по правдѣ, мы, журналисты, не многого стоимъ.

Пэт. Вы говорите серьезно?

Гофс. Да, мнѣ не рѣдко такъ кажется.

Пэт. Конечно, въ ежедневныхъ мелочныхъ дрязгахъ... положимъ. Но теперь, когда вы взяли на себя защиту такого великаго дѣла...

Гофс. Вы говорите о дѣлѣ вашего отца?

Пэт. Да, конечно. Я думаю, теперь вы должны сознавать себя повыше заурядной толпы.

Гофс. Да, правда, сегодня я сознаю нѣчто такое.

Пэт. Не правда-ли? О, какое славное поприще вы избрали! Быть пионеромъ непризнанныхъ истинъ, новаго, благороднаго образа мы-

слей! Безстрашно поддерживать угнетемаго человѣка...

Гофс. Особенно, когда человѣкъ этотъ... гм! Я не знаю, какъ выразить это словами...

Пэт. Вы хотите сказать, когда онъ такой правдивый и прямой.

Гофс. (*вспоминаетъ*). Я хочу сказать, когда человѣкъ этотъ — вашъ отецъ...

Пэт. (*вздвинувъ*). Такъ вотъ что?

Гофс. Да, Пэтра... дорогая Пэтра.

Пэт. Такъ вотъ что для васъ всего важнѣе? А не самое дѣло, не истина, не великое, благородное сердце моего отца?

Гофс. О, и это тоже, разумѣется.

Пэт. Довольно; вы уже достаточно высказались, господинъ Гофстадъ. Теперь, я уже никогда ни въ чемъ не могу вамъ болѣе вѣрить.

Гофс. И вы такъ жестоки ко мнѣ за то, что я, ради васъ?...

Пэт. Я за то порипаю васъ, что вы не прямо дѣйствовали относительно моего отца. Вы высказывались передъ нимъ, какъ будто бы мечтали лишь объ истинѣ и благѣ общества. Вы обманули насъ обоихъ, — и моего отца, и меня... Вы не тотъ человѣкъ, за котораго давали себя. И я никогда не прощу вамъ, — никогда!

Гофс. Вамъ не слѣдовало бы говорить такъ рѣзко, — и теперь менѣе, чѣмъ когда-либо.

Пэт. Почему же такъ?

Гофс. Потому что отецъ вашъ не можетъ обойтись безъ моей поддержки.

Пэт. (*смотритъ на него съ презрѣніемъ*). Такъ вотъ что вы за человѣкъ! О позоръ!

Гофс. Нѣтъ, нѣтъ. Это необдуманная слова. Не вѣрьте имъ.

Пэт. Я знаю теперь чему вѣрить. Прощайте.

(*Аслаксэнъ, съ таинственнымъ видомъ, постыпно входитъ изъ типографіи.*)

Асл. Чортъ побери, Гофстадъ! (*Замытливши Пэтру.*) Ахъ!..

Пэт. Вотъ ваша книга. Отдайте перевести ее кому-нибудь другому. (*Направляется къ главному выходу.*)

Гофс. (*сидя за ней*). Одно слово...

Пэт. Прощайте. (*Уходитъ.*)

Асл. Послушайте же, Гофстадъ!...

Гофс. Ну, — въ чемъ дѣло?

Асл. Бургомистръ здѣсь, въ типографіи.

Гофс. Бургомистръ?

Асл. Да. — Онъ хочетъ говорить съ вами; онъ пришелъ заднимъ ходомъ, не желая чтобы его видѣли, — понимаете?

Гофс. Что бы это могло значить? Подождите, я пойду самъ... (*Идетъ къ типографіи, открываетъ дверь, кланяется и прилаиваетъ бургомистра войти*). Посмотрите, Аслаксэнъ, чтобы никто...

Асл. Понимаю. (*Уходитъ въ типографію.*)

Бург. Вы не ожидали видѣть меня здѣсь, г-нъ Гофстадъ?

Гофс. Да, правда, — я этого не ожидалъ.

Бург. (*осматриваясь кругомъ*). Какъ у васъ уютно здѣсь; очаровательно.

Гофс. О, пошулите...

Бург. Я зашелъ къ вамъ, не спросивши вашего позволенія, и теперь отнимаю у васъ драгоценное время...

Гофс. Милости просимъ, я къ вашимъ услугамъ. Позвольте мнѣ вашу фуражку и трость. (*Беретъ и кладетъ ихъ на стулъ.*) Не угодно ли присѣсть?

Бург. (*сидя у стола*). Благодарю. (*Гофстадъ тоже садится у стола.*) Вы видите меня совсѣмъ измученнымъ сегодня, г-нъ Гофстадъ.

Гофс. Въ самоѣ дѣлѣ? Естественно, при вашихъ многочисленныхъ обязанностяхъ...

Бург. Не онѣ измучили меня сегодня, а братъ мой, докторъ Штокманъ.

Гофс. Въ самоѣ дѣлѣ! Докторъ Штокманъ?

Бург. Онъ написалъ нѣчто вродѣ меморандума къ директорамъ, по поводу какихъ-то предполагаемыхъ недосмотровъ въ Купаньяхъ!

Гофс. Неужели?

Бург. Да, развѣ онъ не говорилъ вамъ? А я полагаю, вы это знаете...

Гофс. Ахъ, да,—помнится, онъ что-то говорилъ...

Асл. (*изъ типографіи*). Гофстадъ, дайте же мнѣ рукопись...

Гофс. (*съ досадою*). Гм.; она тамъ, на конторкѣ.

Асл. (*отыскавши ее*). Вотъ она, нашель.

Бург. А, да вѣдь это та самая...

Асл. Да, г-нъ бургомистръ, это статья доктора.

Гофс. А! такъ вы о ней-то сейчасъ говорили?

Бург. Да, конечно. Какое ваше мнѣніе объ этой статьѣ?

Гофс. Я—не специалистъ, и успѣлъ лишь мелькомъ заглянуть въ нее.

Бург. И между тѣмъ, вы хотѣли ее печатать?

Гофс. Не могу же я отказаться напечатать подписанное сообщеніе...

Асл. Что касается меня, я не имѣю ничего общаго съ изданіемъ газеты, г-нъ бургомистръ.

Бург. Конечно, я это знаю.

Асл. Я печатаю то, что передаютъ мнѣ.

Бург. Конечно, конечно.

Асл. Поэтому, я долженъ... (*Направляетъ къ типографіи.*)

Бург. Одну минуту, г-нъ Аслаксенъ. Если позволите, г-нъ Гофстадъ....

Гофс. Сдѣлайте одолженіе, г-нъ бургомистръ.

Бург. Вы,—человѣкъ разсудительный и благо-разумный, г-нъ Аслаксенъ.

Асл. Благодарю за хорошее мнѣніе, г-нъ бургомистръ.

Бург. И человѣкъ съ большимъ вліяніемъ.

Асл. Главнымъ образомъ—въ низшихъ слояхъ общества.

Бург. Мелкіе плательщики и здѣсь, какъ и вездѣ,—составляютъ большинство.

Асл. Да, правда.

Бург. И я не сомнѣваюсь, что вамъ извѣстно общее настроеніе среди нихъ. Не такъ ли?

Асл. Да, я не могу это отрицать, г-нъ бургомистръ.

Бург. И такъ, если среди бѣднѣйшихъ гражданъ господствуетъ такой похвальный духъ самопожертвованія...

Асл. Что вы хотите сказать?

Гофс. Самопожертвованія?

Бург. Это прекрасная черта общественнаго настроенія,—черта, достойная удивленія. При-знаюсь, это даже болѣе, чѣмъ я ожидалъ. Но, разумѣется, вамъ лучше знать общественное настроеніе.

Асл. Да... но... г-нъ бургомистръ...

Бург. И безъ сомнѣнія, жертва, которую придется принести городу, весьма значительна.

Гофс. Какъ,—городу?

Асл. Но, сколько я понимаю, дѣло идетъ о Купаньяхъ...

Бург. Судя по предварительной общей оцѣнкѣ, измѣненія, которыя докторъ считаетъ желательными, будутъ стоить отъ 2-хъ до 3-хъ сотъ тысячъ талеровъ.

Асл. Цифра весьма значительная; но...

Бург. Конечно, — придется прибѣгнуть къ муниципальному займу.

Гофс. (*вставая*). Какъ, вы думаете, городъ?..

Асл. Неужели вы хотите возвысить налоги? Уменьшить скудные сбереженія низшаго средняго сословія?

Бург. Но, любезный Аслаксенъ, откуда же еще достать необходимые фонды?

Асл. Объ этомъ слѣдуетъ позаботиться акціонерамъ Купаній.

Бург. Акціонеры не въ состояніи принять на себя дальнѣйшія затраты.

Асл. Вы въ этомъ вполне увѣрены, г-нъ бургомистръ?

Бург. Свѣдѣнія мои вполне достовѣрны. Поэтому, если пожелаютъ сдѣлать всѣ эти обширныя измѣненія, расходы придется принять на себя городу.

Асл. О, чортъ бы побралъ!.. Прошу извиненія! но вѣдь это совершенно мѣняетъ все дѣло, Гофстадъ!

Гофс. Да, разумѣется.

Бург. Всего хуже то, что намъ придется закрыть заведеніе года на два.

Гофс. Какъ? Совсѣмъ закрыть?

Асл. На цѣлыхъ два года!

Бург. Да, работы потребуютъ, по крайней мѣрѣ, два года.

Асл. Но, чортъ побори! Мы не можемъ согласиться на это, г-нъ бургомистръ. Какъ же мы, домовладѣльцы, будемъ существовать это время?

Бург. Трудно сказать, г-нъ Аслаксэнъ. Но что подѣлаешь? Неужели вы полагаете, — у насъ будетъ хотя бы одинъ посѣтитель, если мы станемъ распространять слухи, будто бы вода отравлена, вся мѣстность заражена, весь городъ...

Асл. И вы думаете, все это одна фантазія?

Бург. При всемъ желаніи, я не вижу доводовъ, которые убѣдили бы меня въ противномъ.

Асл. Если такъ, это совершенно непростительно со стороны доктора Штокмана... извините меня, г-нъ бургомистръ, но...

Бург. Нельзя не признаться, вы говорите только правду, г-нъ Аслаксэнъ. Къ несчастью, братъ мой всегда отличался опрометчивостью.

Асл. А вы то собирались поддерживать его, Гофстадъ!

Гофс. Но кто же могъ подумать!...

Бург. Я составилъ краткое сообщеніе объ этомъ дѣлѣ, какъ оно представляется съ разумной точки зрѣнія; и я намекнулъ, что, безъ сомнѣнія, всѣ недостатки могутъ быть исправлены мѣрами, согласованными съ финансовымъ положеніемъ купаній.

Гофс. Статья эта при васъ, г-нъ бургомистръ?

Бург. (*ищетъ въ карманахъ*). Да, я захватилъ ее на случай, если вы...

Асл. (*постынно*). Чортъ побори, — вотъ и онъ самъ!

Бург. Кто? Братъ мой?

Гофс. Гдѣ? гдѣ?

Асл. Онъ входитъ чрезъ типографію.

Бург. Вотъ досада! Я не хочу встрѣчаться съ нимъ здѣсь и, въ то же время, мнѣ нужно кой о чемъ переговорить съ вами.

Гофс. (*указывая на дверь направо*). Пройдите туда на минуту.

Бург. Но... какъ же?

Гофс. Вы застанете тамъ одного Биллинга.

Асл. Поспѣшите, г-нъ бургомистръ, онъ сейчасъ войдетъ.

Бург. Ну, хорошо. Постарайтесь избавиться отъ него поскорѣй. (*Уходитъ въ дверь направо, которую Аслаксэнъ отворяетъ и затворяетъ за нимъ.*)

Гофс. Притворитесь, что вы очень заняты, Аслаксэнъ. (*Садится и пишетъ. Аслаксэнъ перебираетъ кучу газетъ на стулѣ направо.*)

Док. Штон. (*входя изъ типографіи*). Вотъ я и опять зашелъ къ вамъ. (*Кладетъ на стулъ шляпу и трость.*)

Гофс. (*не переставая писать*). Такъ скоро, докторъ? Поторопитесь, Аслаксэнъ, съ тѣмъ дѣломъ, о которомъ мы съ вами говорили. Сегодня мы не должны терять времени.

Док. Штон. (*обращаясь къ Аслаксэну*). А отгискъ, кажется, еще не готовъ?

Асл. (*не оборачиваясь*). Нѣтъ; неужели вы ожидали такъ скоро?

Док. Штон. Разумѣется, нѣтъ; но вы понимаете мое нетерпѣніе. Я не буду ни минуты покоя, пока не увижу мою статью въ печати.

Гофс. Гм.; а ждать вамъ придется еще долго. Неправда ли, Аслаксэнъ?

Асл. Да, боюсь такъ такъ.

Док. Штон. Хорошо, хорошо, друзья мои; я найду еще разъ, — и два раза, если понадобится. Когда столько поставлено на карту, — благосостояніе всего города, — тогда зѣвать не время. (*Собирается уходить, но останавливается и возвращается.*) Ахъ, да, — я хотѣлъ поговорить съ вами еще о другомъ предметѣ.

Гофс. Извините меня, нельзя ли отложить до другого раза?

Док. Штон. Я изложу вамъ все въ двухъ словахъ. Вотъ въ чемъ дѣло: когда мои сограждане прочтутъ завтра сообщеніе мое въ газетѣ и узнаютъ, что я провелъ всю прошлую зиму, работая для благосостоянія города...

Гофс. Да, но докторъ...

Док. Штон. Я знаю, что вы хотите сказать. Вы думаете, что я исполнилъ лишь свой долгъ, — долгъ гражданина. Конечно, я это знаю, также какъ и вы. Но видите ли, мои сограждане — Богъ съ ними, — такого высокаго мнѣнія обо мнѣ...

Асл. Да, правда, докторъ, — до настоящаго времени о васъ были очень высокаго мнѣнія.

Док. Штон. Вотъ именно почему я боюсь... я боюсь, что когда они все это узнаютъ, — особенно обѣдѣвшее словословіе, — и должны будутъ взять въ свои руки дѣла города....

Гофс. (*вставая*). Гм., докторъ, я не скрою отъ васъ, что...

Док. Штон. Ага! Я такъ и думалъ, что что-то затѣвается! Но я и слышать объ этомъ не хочу. Если они что-либо замышляютъ...

Гофс. Т.-е. — что же?

Док. Штон. Ну, что-нибудь такое, — процессію съ знаменами, или публичный обѣдъ, или адресъ, словомъ — что бы то ни было, — общайте мнѣ, что вы этого не допустите. И вы также, Аслаксэнъ; слышите?

Гофс. Извините меня, докторъ; но ужъ лучше сказать вамъ всю правду, сначала до конца...

(*Входитъ 1-жа Штокманъ.*)

Г-жа Штон. (*При видѣ доктора*). А! я такъ и думала!

Гофс. (*идетъ къ ней на встрѣчу*). И г-жа Штокманъ!...

Док. Шток. На кой чортъ пришла ты сюда, Катерина?

Г-жа Шток. Ты прекрасно знаешь зачѣмъ я пришла.

Гофс. Не угодно ли сѣсть? Или, быть можетъ?.

Г-жа Шток. Благодарю васъ; не беспокойтесь. И не браните меня, что я пришла сюда за мужемъ,—вспомните, что у меня трое человѣкъ дѣтей.

Док. Шток. Что за чепуха! Мы всё это прекрасно знаемъ!

Г-жа Шток. Не похоже, чтобы, въ эту минуту, ты заботился о своей женѣ и дѣтяхъ,—ты бы не рѣшился тогда всѣхъ насъ дѣлать несчастными.

Док. Шток. Да ты съума сошла, Катерина! Или человѣкъ, у котораго жена и дѣти,—не можетъ открыто исповѣдывать истину, не можетъ быть дѣятельнымъ и полезнымъ гражданиномъ, исполнять свой долгъ по отношенію къ городу, гдѣ онъ живетъ?

Г-жа Шток. Да, но въ духѣ умѣренности, Томасъ.

Асл. Вотъ именно, что я всегда говорю. Умѣренность—во всемъ.

Г-жа Шток. Вы дѣлаете намъ великое зло, г-нъ Гофстадъ, отвлекая мужа моего отъ семьи и дома, и одурачивая его такимъ образомъ...
Гофс. Я никоимъ образомъ не одурачивалъ.

Док. Шток. Это меня то! И ты думаешь, я позволилъ бы себя одурачить?

Г-жа Шток. Да, ты позволилъ. Я знаю, Томасъ, что ты самый умный человѣкъ во всемъ городѣ; но тебя такъ легко обойти! (*Обращаясь къ Гофстаду.*) Вспомните, что онъ потеряетъ свое мѣсто врача при купаньяхъ, если вы напечатаете его статью...

Асл. Какъ!

Гофс. Но, въ самомъ дѣлѣ, докторъ...

Док. Шток. (*смѣясь*). Ха, ха! пусть попробуютъ! Нѣтъ, милая, они дважды подумаютъ прежде чѣмъ рѣшиться на это! Видишь ли, вѣдь за меня стоитъ сплоченное большинство.

Г-жа Шток. Въ томъ то и горе, что ты связался со всѣмъ этимъ.

Док. Шток. Пустое, Катерина; ступай домой и занимайся домашними дѣлами, а меня оставь заниматься дѣлами общественными. Какъ можешь ты такъ пугаться, видя меня спокойнымъ и счастливымъ? (*Потирая руки и прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ.*) Настанетъ день, когда побѣда будетъ на сторонѣ истины и народа; сомнѣнія въ этомъ нѣтъ. Да! Я вижу яснымъ взоромъ торжествующую демократію!.. (*Остановившись около стула.*) Что же это, чортъ побори?

Асл. (*посылавши за нимъ взглядомъ*). О, Боже мой!

Гофс. (*одновременно*). Гм!

Док. Шток. Да вѣдь это голова административной власти! (*Осторожно беретъ фуражку бургомистра кончиками пальцевъ и поднимаетъ ее.*)

Г-жа Шток. Фуражка бургомистра!

Док. Шток. А вотъ и официальный жезлъ! Но какъ-же попало это сюда, чортъ побори?..

Гофс. Такъ я ужъ скажу вамъ...

Док. Шток. А! Понимаю. Онъ приходилъ побесѣдовать съ вами. Ха, ха! Попалъ не совсемъ то удачно! И когда увидаль меня въ типографіи... (*Разражается хохотомъ.*) Онъ обратился въ бѣгство!—не такъ-ли Аслаксенъ?

Асл. (*посыливъ*). Да, да, именно такъ; онъ обратился въ бѣгство, докторъ.

Док. Шток. И въ попыткахъ забыть свою трость и... Вздоръ! Пѣтеръ никогда ничего не оставлялъ у себя за спиной. Но куда же, чортъ побори, вы запрятали его? А!—онъ, конечно, тамъ. Вотъ увидишь правъ ли я, Катерина!

Г-жа Шток. Томасъ!.. Умоляю тебя!..

Асл. Осторожнѣе, докторъ!

(*Докторъ Штокманъ надѣваетъ фуражку бургомистра и беретъ въ руку его трость; затѣмъ идетъ къ двери, открываетъ ее настежь и отдаетъ честь по-военному. Бургомистръ взходитъ, красный отъ злости. За нимъ слѣдомъ идетъ Биллингъ.*)

Бург. Что означаетъ все это сумасбродство?

Док. Шток. Честь и мѣсто мнѣ, милѣйшій Пѣтеръ! Теперь, первая власть въ городѣ—я!

(*Важно маршируетъ взадъ и впередъ по комнатѣ.*)

Г-жа Шток. (*почти плача*). О, Томасъ!..

Бург. (*идя за нимъ слѣдомъ*). Отдай мнѣ мою фуражку и трость!

Док. Шток. (*также какъ прежде*). Я—бургомистръ! Говорю тебѣ, я—повелитель всего города!

Бург. Сними сейчасъ-же мою фуражку. Не забывай, что это фуражка официальная, предписанная закономъ.

Док. Шток. Пустое! Или ты воображаешь, твоя официальная фуражка испугаетъ! Такъ знай,—завтра же совершится переворотъ. Ты грозилъ отставить меня отъ должности; но теперь я отставляю тебя,—отъ всѣхъ твоихъ должностей. А, ты полагаешь,—я не могу этого сдѣлать? Ошибаешься! Гофстадъ и Биллингъ будутъ громить въ «Народномъ Вѣстникѣ», Аслаксенъ вступитъ въ борьбу во главѣ всей ассоціаціи домовладѣльцевъ...

Асл. Не я, докторъ.

Док. Шток. Неужели,—вы...

Бург. А-га! Быть можетъ, г-нъ Гофстадъ, въ концѣ концовъ, пожелаетъ присоединиться къ агитаціи?

Гофс. Конечно нѣтъ, г-нъ бургомистръ.

Асл. Нѣтъ, Гофстадъ не такъ безразсуденъ, чтобы губить и себя, и газету, ради какой-то пустой фантазій.

Док. Шток. (*озираясь кругомъ*). Что-же все это значить?

Гофс. Вы представили ваше дѣло въ ложномъ свѣтѣ, докторъ; поэтому, я не могу оказать вамъ поддержки.

Бил. И послѣ всего что г-нъ бургомистръ потрудился объяснить мнѣ, я...

Док. Шток. Въ ложномъ свѣтѣ!? Но вѣдь я отвѣтствененъ за это. Напечатайте только мою статью, и я докажу все, до послѣдняго слова.

Гофс. Я не напечатая ея. Я не могу и не смѣю печатать ее.

Док. Шток. Вы не смѣете? Что за вздоръ! Вы—редакторъ; надо полагать, редакторъ даетъ направленіе своей газетѣ.

Асл. Нѣтъ, не редакторъ, докторъ, а читатель.

Бил. Да, къ счастью, это такъ.

Асл. Общественное мнѣніе, интеллигентное большинство, домовладѣльцы и т. под.,—вотъ кто направляетъ газету.

Док. Шток. И всѣ эти силы—противъ меня?

Асл. Да, безъ сомнѣнія. Напечатать статью вашу—значило бы разорить городъ.

Док. Шток. Въ самомъ дѣлѣ!

Бург. Отдай же мнѣ мою фуражку и трость!
(*Докторъ Штокманъ снимаетъ фуражку и кладетъ ее на столъ вмѣстѣ съ тростью.*

Бургомистръ беретъ то и другое.)

Бург. Какъ видишь, угроза твоя довольно несвоевременна.

Док. Шток. Посмотришь. (*Обращаясь къ Гофстаду.*) И такъ, напечатать мою статью въ «Народномъ Вѣстникѣ»—невозможно?

Гофс. Вполнѣ невозможно; если не по другимъ причинамъ, то хотя бы въ интересахъ вашей семьи.

Г-жа Шток. О, прошу васъ, г-нъ Гофстадъ, не принимайте въ соображеніе его семью.

Бург. (*вынимаетъ рукопись изъ своего кармана*). Когда это появится въ печати, публика получить всѣ нужныя свѣдѣнія; это—достовѣрное изложеніе фактовъ. Вотъ возьмите.

Гофс. (*беретъ рукопись*). Хорошо-съ! Статья ваша, конечно, будетъ напечатана.

Док. Шток. Какъ, а мнѣ вы отказываете!? И вы думаете этимъ разговоромъ молчанія задушить и меня, и истину! Но это не такъ-то легко. Г-нъ Аслаксенъ, не потрудитесь-ли напечатать мою статью отдѣльной брошюрой? Я заплачу вамъ, и буду собственнымъ издателемъ. Мнѣ нужно 500, нѣтъ 600 экземпляровъ.

Асл. Ну, нѣтъ-съ; еслибы вы заплатили мнѣ на вѣсъ золота, я бы не осмѣлился оказать содѣйствіе подобной цѣли, докторъ. Я не могу идти противъ общественнаго мнѣнія. И никто, во всемъ городѣ, не согласится напечатать вашу статью.

Док. Шток. Такъ возвратите мнѣ ее.

Гофс. (*подавая ему рукопись*). Извольте.

Док. Шток. (*беретъ свою шляпу и трость*). Все равно, она будетъ известна публикѣ. Я прочту ее на публичномъ собраніи; всѣ мои сограждане услышатъ голосъ правды!

Бург. Ни одно общество во всемъ городѣ не согласится дать тебѣ залы для подобной цѣли.

Асл. Конечно, ни одно не согласится.

Бил. Разузнется, нѣтъ, провались я на мѣстѣ!

Г-жа Шток. Это было бы слишкомъ возмутительно! И почему всѣ такъ вооружены противъ тебя?

Док. Шток. (*замалчивая*). Почему? Я скажу тебѣ почему. Потому что въ этомъ городѣ всѣ мужчины—старья бабы вродѣ тебя. Всѣ они думаютъ лишь о своихъ семьяхъ, а не объ общественномъ благѣ.

Г-жа Шток. (*беретъ его подъ руку*). Такъ я покажу мнѣ, что и старая баба можетъ быть иногда мужичной, потому что те перь я стою за тебя, Томасъ.

Док. Шток. Хорошо сказано, Катерина! Клянусь, правда одержитъ верхъ. Если мнѣ не дадутъ залы, я возьму на прокатъ барабанъ и пойду съ нимъ черезъ весь городъ,—и буду читать мою статью на каждомъ перекресткѣ улицы.

Бург. Надѣюсь,—ты не рехнулся до такой степени.

Док. Шток. Напрасная надежда.

Асл. Никто во всемъ городѣ не согласится идти съ вами.

Бил. Конечно нѣтъ,—провались я на мѣстѣ!

Г-жа Шток. Не унывай, Томасъ. Я пошла съ тобой нашихъ мальчиковъ.

Док. Шток. Вотъ прекрасная мысль!

Г-жа Шток. Мортэнъ пойдетъ съ восторгомъ, и Эйлифъ, конечно, тоже.

Док. Шток. Конечно,—и Пѣтра тоже. Да и ты сама, Катерина!

Г-жа Шток. Нѣтъ, мое мѣсто не тамъ. Я останусь дома и буду слѣдить за вами изъ окна.

Док. Шток. (*обнимая и цѣлуя ее*). Спасибо тебѣ, спасибо! Теперь, милостивые государи, мы готовы для борьбы! Теперь посмотримъ, можетъ-ли ваша трусость зажать ротъ патриоту, который стремится ко благу общества. (*Онъ и жена его уходятъ въ дверь на лѣво.*)

Бург. (*сомнительно покачивая головою*). Онъ и ее свелъ теперь съ ума.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Старомодная зала въ домъ капитана Горстера. Створчатая дверь въ глубинѣ сцены ведетъ въ переднюю. Съ противоположной стороны, около середины, — подмостки; на нихъ стоитъ небольшой столъ, на немъ 2 свѣчи, графинъ, стаканъ и колокольчикъ. Остальная часть зала освѣщена канделябрами, висящими между окнами. Напротивъ, слева, — столъ, на немъ свѣча, около стола — стулъ. Справа — дверь, около нея — нѣсколько стульевъ. Многочисленное собраніе горожанъ разныхъ сословій. Въ толпѣ — нѣсколько женщинъ и школьникозъ. Зала постепенно напоминаетъ входящимъ народомъ.

1-й горожанинъ (обращаясь къ другому, стоящему возлѣ него). И вы здѣсь тоже, Ламстедъ?

2-й гор. Я всегда бываю на всѣхъ собраніяхъ.

3-й гор. Вѣроятно, — захватили свистокъ?

2-й гор. Разумѣется; а вы?

3-й гор. Тоже. А Скиперъ Ивенсенъ хотѣлъ принести большой рогъ.

2-й гор. Вотъ такъ молодецъ Ивенсенъ! (Смѣхъ въ группѣ.)

4-й гор. (присоединяясь къ нимъ). А не знаете-ли, — зачѣмъ всѣ собрались? О чемъ будетъ толкъ?

2-й гор. Да какъ же, — докторъ Штокманъ будетъ говорить противъ бургомистра.

4-й гор. Да вѣдь бургомистръ — его братъ?

1-й гор. Это ничего не значить. Докторъ Штокманъ не боится его.

3-й гор. Но вѣдь онъ не правъ; такъ говорить „Народный Вѣстникъ“.

2-й гор. Да, на этотъ разъ онъ, видно, неправъ; ни ассоціація домовладѣльцевъ, ни городской клубъ не согласились дать ему залу.

1-й гор. Ему даже отказали въ залѣ Купаній.

2-й гор. Да, я это слышалъ тоже.

5-й гор. (изъ другой группѣ). Такъ за кого же подавать голосъ въ этотъ дѣлъ, — кто знаетъ?

6-й гор. (изъ той же группѣ). Слушайте, что будетъ говорить Аслаксенъ и вторые ему.

Бил. (съ бумагами въ рукѣ, проталкиваясь чрезъ толпу). Извините, господа. Позвольте пройти. Я здѣсь въ качествѣ репортера „Народнаго Вѣстника“. — Благодарю васъ. (Садится за столъ нальво.)

Рабочій. Кто же это?

Другой раб. Развѣ жъ ты его не знаешь? Это тотъ Биллингъ, что пишетъ для газеты Аслаксена.

(Капитанъ Горстеръ входитъ въ дверь направо, сопровождая съ-собою Штокманъ и Петру. За ними слѣдуютъ Эйлифъ и Мортенъ.)

Горс. Вамъ здѣсь будетъ всего удобнѣе;

отсюда легко уйти незаметными — въ случаѣ чего.

Г-жа Штон. А вы думаете, — что — нибудь можетъ случиться?

Горс. Трудно заранѣе предвидѣть, — при такой толпѣ. Но вамъ нѣтъ причины безповѣнться.

Г-жа Штон. Какъ вы добры, что дали ему вашу залу!

Горс. Такъ какъ всѣ отказывались, я...

Пэт. И какъ это смѣло съ вашей стороны!

Горс. Ну смѣлости на это надо немного.

(Въ эту минуту входятъ Гофстадъ и Аслаксенъ, проталкиваясь чрезъ толпу, каждый отдѣльно.)

Асл. (подходя къ Горстеру). Развѣ доктора еще нѣтъ?

Горс. Онъ здѣсь, въ сосѣдней комнатѣ.

(Движеніе около входной двери.)

Гофс. (обращаясь къ Биллингу). Смотрите, вотъ и бургомистръ!

(Бургомистръ, съ любезной улыбкой, проходитъ среди толпы, въясливо кланяясь на обѣ стороны, и становится у стѣны нальво. Чрезъ минуту, изъ двери направо входитъ докторъ Штокманъ. На немъ черннй сюртукъ и бѣлый галстукъ. Слабья рукоплесканія, среди которыхъ раздается шиканье. Молчаніе.)

Док. Штон. (споломаса). Какъ ты чувствуешь себя, Катерина?

Г-жа Штон. О, — отлично. (Тихо.) Будь подержаннѣ, Томаъ.

Док. Штон. Будь покойна, я съужью сдержаться. (Смотритъ на часы, входитъ на подмостки и кланяется.) Уже $\frac{1}{4}$ часа поздне назначеннаго часа, поэтому я начинаю... (Внимаетъ рукописи.)

Асл. Но, я полагаю, надо прежде избрать предсѣдателя.

Док. Штон. Это совершенно лишнее.

Нѣсколько голосовъ (кричатъ). Предсѣдателя, предсѣдателя!

Бург. Я тоже полагаю, — слѣдуетъ избрать предсѣдателя.

Док. Штон. Но, Петеръ, — я созвалъ это собраніе для публичной лекціи!

Бург. Лекція доктора Штокмана можетъ вызвать разногласіе въ мнѣніяхъ.

Нѣск. гол. въ толпѣ. Предсѣдателя! Предсѣдателя!

Гофс. Большинство собранія—за избраніе предсѣдателя.

Док. Штон. (*сдерживаясь*). Хорошо; пусть будетъ такъ.

Асл. Не угодно ли г-ну бургомистру занять предсѣдательское кресло?

Трое члов. изъ толпы (*аплодируя*). Bravo! bravo!

Бург. По причинамъ, которыя понять легко, я долженъ отказаться отъ этой чести. Но, къ счастью, между нами есть лицо, на которомъ, думаю, мы можемъ всё сойтись. Я говорю о предсѣдателѣ Ассоціаціи домовладѣльцевъ—г-нѣ Аслаксенѣ.

Много голосовъ. Да, да! Да здравствуетъ Аслаксенъ! Ура!

(*Докторъ Штокманъ беретъ свою рукопись и сподитъ съ подмостковъ.*)

Асл. Если сограждане мои призываютъ меня, я не могу отказаться...

(*Аплодисменты и рукоплесканія, Аслаксенъ входить на подмостки.*)

Бил. (*пишетъ*). Отвѣтимъ... „Г-нъ Аслаксенъ былъ избранъ единогласно“.

Асл. Такъ какъ меня избрали предсѣдателемъ, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ почтенному собранію. Я—человѣкъ спокойный, миролюбивый; я стою за разумную умѣренность... и за умѣренное благоразуміе. Всякій, кто меня знаетъ, подтвердитъ это.

Много голосовъ. Да, да!

Асл. Въ школѣ жизни и опыта я узналъ, что умѣренность—та добродѣтель, которая всего полезнѣе каждому индивидуальному гражданину...

Бург. Слушайте, слушайте!

Асл. И тѣ же благоразуміе и умѣренность служатъ интересамъ общины. Поэтому я прошу нашихъ уважаемыхъ согражданъ, собравшихся здѣсь, не выходить изъ предѣловъ умѣренности.

Голось. (*у двери*). Да здравствуетъ Общество трезвости!

Голоса въ толпѣ. Убирайся къ чорту!

Голоса. Тише! тише!

Асл. Прошу васъ не прерывать, господа!—Не угодно ли кому-нибудь сдѣлать замѣчанія?

Бург. Г-нъ предсѣдатель!

Асл. Г-нъ бургомистръ желаетъ говорить.

Бург. Вслѣдствіе моего близкаго родства,—вѣроятно извѣстнаго вамъ,—къ главному врачу при купаньяхъ, я предпочелъ бы не говорить сегодня. Но положеніе мое по отношенію къ купаньямъ и забота о важнѣйшихъ интересахъ города—побуждаютъ меня сдѣлать заявленіе. Я могу утвердительно сказать, что

ни одинъ изъ присутствующихъ здѣсь гражданъ не считаетъ желательнымъ, чтобы распространялись невѣрныя и преувеличенныя свѣдѣнія о санитарномъ положеніи нашихъ купавъ.

Много голосовъ. Нѣтъ, нѣтъ! Разумѣется! Мы протестуемъ!

Бург. Поэтому, я прошу сдѣлать заявленіе, что собраніе отказывается выслушать лекцію или рѣчь объ этомъ предметѣ главнаго врача при купаньяхъ.

Док. Штон. (*Запальчиво*). Отказывается выслушать! Что вы хотите сказать?

Г-жа Штон. (*покашливаетъ*). Гм! гм!

Док. Штон. (*сдерживаясь*). Такъ меня не желаютъ выслушать?

Бург. Въ моей статьѣ въ „Народномъ Вѣстникѣ“ я сообщаю публикѣ главные факты, такъ что всѣ благомыслящіе граждане легко могутъ вывести свои собственныя заключенія. Изъ этого сообщенія вы увидите, что предложеніе главнаго врача,—не говоря уже о критикѣ, направленной противъ первыхъ властей въ городѣ,—въ сущности, сводится лишь къ тому, чтобы обременить плательщиковъ ненужной затратой по крайней мѣрѣ въ 100000 талеровъ.

(*Ропотъ и шиканье*).

Асл. (*звонитъ въ колокольчикъ*). Тише господа! Я позволю себѣ поддержать резолюцію г-на бургомистра. Я вполне согласенъ съ нимъ; что подъ агитаціей доктора скрывается нѣчто другое. Говоря о преобразованіи купаний, въ дѣйствительности,—онъ стремится къ перевороту—къ новому распредѣленію административной власти. Никто не сомнѣвается въ благонамѣренности стремленій доктора,—объ этомъ, конечно, не можетъ быть двухъ мнѣній. Я тоже склоняюсь къ народному самоуправленію, если это не слишкомъ дорого обойдется плательщикамъ. Но, въ данномъ случаѣ, послѣднее неизбежно; и слѣдовательно я, чортъ побери,—извините меня,—въ данномъ случаѣ, я не могу идти за одно съ докторомъ Штокманомъ. Даже золото можетъ быть приобрѣтено слишкомъ дорогой цѣной. Таково мое мнѣніе.

(*Громкія рукоплесканія со всѣхъ сторонъ.*)

Гофс. Я тоже чувствую себя обязаннымъ пояснить свой образъ дѣйствій. Вначалѣ агитація доктора Штокмана, казалось, была встрѣчена многими благопріятно, и я старался поддерживать ее, по возможности, безпристрастно. Но затѣмъ оказалось, насъ ввели въ заблужденіе ложнымъ сообщеніемъ...

Док. Штон. Ложнымъ сообщеніемъ!..

Гофс. Или, если хотите,—недостовѣрнымъ сообщеніемъ. Это доказала статья г-на бургомистра. Надѣюсь, никто изъ присутствующихъ не сомнѣвается въ либеральности моихъ взглядовъ; всѣмъ вамъ хорошо извѣстно отношеніе

„Народнаго Вѣстника“ ко всѣмъ великимъ политическимъ вопросамъ. Но я знаю отъ людей опытныхъ и осматрительныхъ, что въ вопросахъ мѣстнаго интереса печатный органъ долженъ соблюдать известную осторожность.

Асл. Я вполне согласенъ съ высказаннымъ мнѣніемъ.

Гофс. Въ вопросѣ же, подлежащемъ обсужденію, общественное мнѣніе, очевидно,—противъ доктора Штокмана. Но, господа, въ чемъ же заключается 1-я и главная обязанность редактора? Не въ томъ ли, чтобы идти рука объ руку съ своими читателями? Не получаетъ ли онъ какъ бы полномочіе ревностно и неустанно заботиться объ интересахъ своихъ довѣрителей? Или я ошибаюсь?

Много голосовъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Гофстадъ правъ!

Гофс. Не легко было мнѣ рѣшиться разорвать съ человѣкомъ, въ домѣ котораго, послѣднее время, я былъ частымъ гостемъ,—съ человѣкомъ, который, до этого дня, пользовался всеобщимъ расположеніемъ своихъ согражданъ,—съ человѣкомъ, котораго единственный или, по крайней мѣрѣ, главный недостатокъ въ томъ, что онъ болѣе слѣдуетъ внушеніямъ своего сердца, чѣмъ разума.

Нѣсколько голосовъ. Правда! Даздравствуетъ докторъ Штокманъ!

Гофс. Но обязанности мои относительно обиды заставили меня разорвать съ нимъ. Притомъ, есть и другое соображеніе, побуждающее меня противодѣйствовать ему и, по возможности, отвлечь его отъ гибельнаго пути, на который онъ вступаетъ: состраданіе къ его семьѣ...

Док. Шток. Говорите только о сточныхъ трубахъ!

Гофс. ...Состраданіе къ его женѣ и необезпеченнымъ дѣтямъ.

Морт. Это онъ о насъ, мама?

Г-жа Шток. Т-с!

Асл. Я предложу теперь на голосованіе мнѣніе г-на бургомистра.

Док. Шток. Совѣтъ лишнее. Я ни слова не скажу сегодня вечеромъ объ этихъ зараженныхъ купаньяхъ. Нѣтъ! вы услышите нѣчто другое.

Бург. (вполголоса). Что же еще!

Пьяный человѣкъ (у главнаго входа). Я—плательщикъ и имѣю потому право голоса. Мое твердое, нерушимое мнѣніе, что...

Нѣск. гол. Тише тамъ!

Друг. гол. Онъ пьянъ! Вывести его!

(Пьянаго челоѣтка выводятъ.)

Док. Шток. Могу я говорить?

Асл. (звонитъ въ колокольчикъ). Докторъ Штокманъ желаетъ говорить.

Док. Шток. Попробовали бы зажать мнѣ ротъ нѣсколько дней тому назадъ! Я боролся

бы, какъ левъ, за свои священные права. Но теперь мнѣ все равно, теперь я долженъ говорить о болѣе важныхъ предметахъ. (Толпа собирается вокругъ него. Въ переднихъ рядахъ стоитъ Мортанъ Киль. Докторъ Штокманъ продолжаетъ.) Послѣдніе дни я думалъ и передумалъ о столькихъ предметахъ, что голова у меня пошла кругомъ...

Бург. (многозначительно покашливая). Гм!

Док. Шток.... Но теперь мысли мои прояснились, и я уразумѣлъ суть всего дѣла. Вотъ почему вы видите меня здѣсь сегодня вечеромъ. Сограждане! Я долженъ сообщить вамъ открытіе несравненно болѣе важное, чѣмъ тотъ мелкій фактъ, что наши трубы отравлены и наши цѣлебныя мѣста построены на зараженной почвѣ.

Много гол. (кричатъ). Не говорите о купаньяхъ! Мы не хотимъ слушать! Довольно объ этомъ!

Док. Шток. Я уже сказалъ, что буду говорить о великомъ открытіи, которое сдѣлалъ на дняхъ,—что все наше общество заражено ложью.

Нѣск. гол. (удивленные, вполголоса). Что онъ говоритъ?

Бург. Такая инсинуація...

Асл. (протягивая руку къ колокольчику).

Я прошу оратора умирять свои выраженія.

Док. Шток. Я любилъ свой родной городъ, какъ только человѣкъ можетъ любить мѣсто своего рожденія. Я былъ молодъ, когда покинулъ нашъ городъ; отдаленность, тоска по родинѣ, воспоминанія—все освѣщало, въ моихъ глазахъ, радужнымъ цвѣтомъ и самую мѣстность и ея обитателей. (Аплодисменты и одобрительныя возгласы.) Затѣмъ я, на цѣлые годы, былъ изгнанъ въ ужасный край, далеко на сѣверѣ. И когда мнѣ приходилось сталкиваться съ народомъ, разсѣяннымъ по каменистой пустынѣ, мнѣ казалось не разъ, что этимъ несчастнымъ, униженнымъ созданіямъ нуженъ ветеринаръ, а не человѣкъ, какъ я.

(Ротъ въ толпѣ.)

Бил. (откладывая перо). Провалюсь я на мѣстѣ, если слышалъ когда что-либо подобное!

Гофс. Такъ оскорблять достойное сельское населеніе!

Док. Шток. Постойте! Врядъ ли кто можетъ упрекнуть меня, что я позабылъ тамъ о своемъ родномъ городѣ. Я думалъ долгія думы, и результатомъ этихъ думъ явился проектъ купаній. (Его прерываютъ аплодисментами.) И когда, наконецъ, судьба такъ счастливо повернулась для меня, что я могъ возвратиться на родину,—тогда, сограждане, мнѣ казалось, у меня уже нѣтъ другаго желанія въ мірѣ. Нѣтъ, одно желаніе я имѣлъ: постоянное пламенное стремленіе принести пользу моей родинѣ и моимъ соотечественникамъ.

Бург. *(глядя въ пространство)*. Странный способ избралъ онъ для этого, —ги!

Док. Штон. И я блаженствовалъ въ своихъ счастливыхъ иллюзіяхъ. Но вчера вечеромъ, —нѣтъ, уже два дня тому назадъ, —мой умственный взоръ прояснился, и первое, что я увидѣлъ, —это тупоуміе иѣстныхъ властей... *(Шумъ, крики и смѣхъ. Г-жа Штокманъ многозначительно покашливаетъ)*.

Бург. Г-нъ предсѣдатель!

Асл. *(звонитъ въ колокольчикъ)*. Въ силу моего званія...

Док. Штон. Какая мелочность ловить меня на словѣ, г-нъ Аслаксенъ. Я хочу сказать, что ясно понималъ неблаговидный образъ дѣйствій руководящихъ властей по отношенію къ купаньямъ. Я ненавижу всѣ предрержація власти, — не мало насмотрѣлся я на нихъ въ свое время. Онѣ подобны козамъ, пущеннымъ въ молодую рощу: онѣ вездѣ приносятъ вредъ; вездѣ преграждаютъ путь свободному человѣку... Какъ хорошо, еслибъ можно было искоренить ихъ подобно другимъ зловреднымъ животнымъ. *(Страшный шумъ въ толпѣ)*.

Бург. Г-нъ предсѣдатель, позволительны ли подобныя выраженія?

Асл. *(протягивая руку къ колокольчику)*. Докторъ Штокманъ!...

Док. Штон. Не понимаю, какъ я только теперь раскусилъ этихъ господъ; вѣдь у меня, передъ глазами ежедневно былъ такой великолѣпный экземпляръ, —братъ мой Петеръ, — тупоумный, упорный въ предразсудкахъ... *(Хохотъ, шумъ, свистки. Г-жа Штокманъ покашливаетъ. Аслаксенъ шумно звонитъ)*.

Пьяный чел. *(возвратившійся въ залу)*. Это вы обо мнѣ-то? Правда меня зовутъ Петерсенъ; но чортъ меня побори, если...

Сердитые гол. Вонъ пьянаго человѣка! Вывести его!

(Пьянаго человека опять уводятъ).

Бург. Что это за личность?

Одинъ изъ толпы. Я не знаю его, г-нъ бургомистръ.

Другой. Онъ не изъ горожанъ.

3-й. Кажется, это лѣсопромышленникъ изъ... *(Остальное не слышно)*.

Асл. Человѣкъ этотъ, очевидно, пьянъ. Продолжайте, докторъ Штокманъ; но будьте умѣреннѣе въ своихъ выраженіяхъ.

Док. Штон. И такъ, сограждане, я не стану болѣе говорить о нашихъ властяхъ. Если кто-нибудь вообразить изъ сказаннаго мною, что я хочу раздѣлаться съ этими господами сегоднѣ вечеромъ, то ошибется, вполнѣ ошибется. Ибо я питаю угѣшительную мысль, что сволочь эта, — эти останки отживающаго образа мыслей, сами идутъ, быстрыми шагами, къ собственной гибели. И для ускоренія конца ихъ не требуется врача. Къ тому же, не они пред-

ставляютъ главную опасность для общества: не они всего дѣятельнѣе отравляютъ нашу духовную жизнь, заражаютъ почву подъ нашими ногами; не они —самые опасные враги истины и свободы въ нашемъ обществѣ.

Крими со всѣхъ сторонъ. Такъ кто же? Кто? Назовите ихъ.

Док. Штон. Да, я конечно назову ихъ! Потому что это и есть то великое открытіе, которое я сдѣлалъ вчера. *(Возвышая голоса)*. Самый опасный врагъ истины и свободы въ нашей средѣ, — это сплоченное, свободное большинство! Теперь я все сказалъ.

(Страшное смятеніе въ залѣ. Крики, топанье ногами, шиканье. Нѣсколько пожилыхъ мужчинъ украдкой обмѣниваются взглядами, какъ бы радуясь этой сценѣ. Г-жа Штокманъ встаетъ взволнованная. Эйлифъ и Мортенъ съ угрожающимъ видомъ подступаютъ къ школьникамъ, которые шумятъ. Аслаксенъ звонитъ въ колокольчикъ и призываетъ къ порядку. Гофстадъ и Биллингъ говорятъ въ два голоса, но слова ихъ пропадаютъ въ шумъ. Мало-по-малу устанавливается порядокъ).

Асл. Я попрошу доктора Штокмана взять назадъ свои оскорбительныя выраженія.

Док. Штон. Никогда, г-нъ Аслаксенъ. Этого большинство и лишаетъ меня свободы, и хочетъ запретить мнѣ говорить правду.

Гофс. Право всегда на сторонѣ большинства.

Бил. Да, чортъ побори, —и истина тоже!

Док. Штон. Большинство никогда не право. Да, никогда! Это общепринятая ложь, противъ которой обязанъ вставать каждый свободный, разумный человѣкъ. Кто составляетъ большинство въ каждой странѣ? Просвѣщенные ли люди, или глупцы? Я полагаю, всѣ должны признать, что глупцы составляютъ страшное, подавляющее большинство, на всемъ пространствѣ міра. Но справедливо ли, чортъ побори, чтобы глупцы управляли людьми просвѣщенными? *(Шумъ и крики)* Да, да, —вы можете перекричать меня, но опровергнуть мои доводы, — не въ вашей власти. Большинство имѣетъ силу, —къ несчастью, —но не право. Правы —я и немногія другія индивидуальныя личности. Право всегда на сторонѣ меньшинства.

(Воменіе въ толпѣ).

Гофс. А-га! И такъ, докторъ Штокманъ сдѣлался аристократомъ за послѣдніе два дня.

Док. Штон. Я сказалъ, что не буду тратить словъ, говоря о той желкой, ограниченной кликѣ, которая правитъ нами. Животрепещущей жизни нѣтъ дѣла до этихъ господъ. Я предпочитаю говорить о тѣхъ немногихъ индивидуальныхъ личностяхъ, которые восприняли всѣ повныя, пробуждающіяся истины. Люди эти стоятъ какъ бы на аванпостѣ общества, такъ далеко впередъ его, что сплю-

енное большинство не достигло еще до них; и тамъ-то, одинокіе, они борятся за тѣ истины, которыя еще слишкомъ недавно возродились въ мировомъ сознаниі, чтобы одержать верхъ надъ толпой.

Гофс. И такъ, теперь докторъ-революціонеръ.

Док. Шток. Да, клянусь вамъ, г-нъ Гофстадъ, я—революціонеръ! Я вступаю противъ ложнаго взгляда, что истина—на сторонѣ большинства. Какія истины собираетъ вокругъ себя большинство? Истины, обветшавшія въ теченіе вѣковъ,—обветшавшія настолько, что уже скоро обратятся въ ложь. (*Пересмѣиваются въ толпѣ.*) Да, да,—хотите вѣрить мнѣ или нѣтъ,—какъ вамъ угодно; но истины не походятъ на долговѣчныхъ Мафусаиловъ, какъ многіе полагаютъ. При нормальныхъ условіяхъ, истина, въ большинствѣ случаевъ, можетъ просуществовать лѣтъ 17—18; въ крайнемъ случаѣ—20, рѣдко долѣе. И въ такомъ почтенномъ возрастѣ, истины всегда поразительно худосочны; между тѣмъ, лишь тогда большинство воспринимаетъ ихъ и предписываетъ обществу въ качествѣ здоровой пищи. Какъ врачъ, могу васъ удостовѣрить, что такая пища лишена питательности. Всѣ истины большинства подобны прошлогодней копченой ветчинѣ: это ветчина прогоркшая, заплеснѣвшая, производящая тотъ правственный скорбутъ, который разрушаетъ общество.

Асл. Кажется, почтенный ораторъ слишкомъ удалился отъ своего предмета.

Бург. Прошу отгнать замѣчаніе г-на предсѣдателя.

Док. Шток. Ты, кажется, съ ума спятилъ, Петеръ! Я придерживаюсь моего положенія настолько возможно, потому что положеніе мое,—что большинство,—проклятое, сплоченное большинство,—что оно то и отравляетъ нашу духовную жизнь въ самомъ источникѣ, и заражаетъ самую почву подъ нашими ногами.

Гофс. И вы вводите это обвиненіе противъ великаго, независимаго большинства, именно потому, что оно настолько разумно, что принимаетъ лишь извѣстныя, признанныя истины?

Док. Шток. Милѣйшій г-нъ Гофстадъ, не говорите объ извѣстныхъ истинахъ! Истины, признанныя массой, толпой,—тѣ извѣстныя истины, которыя восприняли лучшіе представители общества при нашихъ праотцахъ. Мы, современные передовые люди, уже не признаемъ ихъ болѣе; и не думаю, чтобы существовала другая положительная истина, кромѣ той,—что ни одно общество не можетъ жить здоровой жизнью на основаніи такихъ устарѣвшихъ, безжизненныхъ истинъ.

Гофс. Но что еслибы, вмѣсто туманныхъ рѣчей, вы бы назвали намъ нѣкоторыя изъ этихъ безжизненныхъ истинъ, воспринятыхъ нашимъ обществомъ?

(*Одобрение въ толпѣ.*)

Док. Шток. О, не могу же я перебирать весь этотъ мусоръ; въ данную минуту я назову лишь одну общепризнанную истину, въ дѣйствительности,—безобразную ложь,—которой придерживается г-нъ Гофстадъ и „Народный Вѣстникъ“, и всѣ его послѣдователи...

Гофс. А именно...

Док. Шток. Я говорю объ ученіи, которое вы унаслѣдовали отъ нашихъ праотцевъ, которое вы всегда и вездѣ такъ неосторожно проповѣдуете,—о томъ ученіи, что грубая масса, чернь заключаетъ въ себѣ жизненный нервъ народа,—что она то и составляетъ народъ; что престолюдинъ,—невѣжественный, неразвитый членъ общества,—имѣетъ такое же право осуждать и санкціонировать, совѣтывать и управлять,—какъ немногіе представители интеллигентнаго меньшинства.

Бил. Ну, провались я на мѣстѣ...

Гофс. (*кричитъ*). Граждане, обратите вниманіе на слова его!

Злобный гол. О-го! Развѣ мы не народъ? Развѣ только богатые имѣютъ право управлять страной!

Рабочій. Вонъ того, кто это говорить!

Другіе. Вонъ его!

Граждане (*кричатъ*). Скорѣй, бери рогъ, Ивенсенъ!

(*Раздаются звуки рога; свистки и страшный шумъ.*)

Док. Шток. (*когда шумъ нѣсколько стихнулъ.*) Будьте же благодарны! Неужели вы, хоть разъ въ жизни, не можете выслушать правду? Я не прошу всѣхъ тотчасъ со мной согласиться. Но я, конечно, полагалъ, что г-нъ Гофстадъ, успокоившись немного, будетъ одного мнѣнія со мной. Г-нъ Гофстадъ называетъ себя свободомыслителемъ...

Нѣск. гол. (*съ удивленіемъ, вполголоса*). Свободомыслителемъ,—говоритъ онъ? Какъ, г-нъ Гофстадъ—свободомыслитель?!...

Гофс. (*кричитъ*). Докажите это, докторъ Штокманъ! Когда высказывалъ я это печатно?

Док. Шток. (*раздумчиво*). Нѣтъ, честное слово,—вы правы, на этотъ разъ; вы этого никогда открыто и прямо не высказывали. Я не хочу вводить васъ въ затруднительное положеніе. Пусть же одинъ я буду свободомыслителемъ. И теперь я всѣмъ вамъ докажу, на научномъ основаніи, что „Народный Вѣстникъ“ постыдно водитъ васъ за носъ, увѣряя васъ, что вы масса, толпа,—составляете жизненный нервъ народа. Все это—газетная ложь и только. Масса—не болѣе, какъ сырой матеріалъ, который долженъ быть превращенъ въ народъ. (*Ропотъ, смѣхъ и волненіе въ толпѣ.*) Да развѣ не то же видимъ мы и въ остальномъ животномъ мірѣ? Какая разница между домашними и дикими породами животныхъ! Возьмите

хоть дикую курицу, — много ли мяса даетъ ея худощавый остѣвъ? И какія несетъ она яйца? Почти такія же, какъ всякая порядочная ворона. Съ другой стороны, возьмите домашнюю испанскую или японскую курицу, хорошаго фазана или индюка, — и вы увидите какая разница между ними. Или возьмите собаку — близкое намъ животное. Вспомните, что представляетъ собой обыкновенная — простая, оборванная дворняга, что пресмыкается по лѣжбнамъ, пачкая тропинки по сторонамъ большой дороги. Сравните такую дворнягу съ пуделемъ, черезъ многія поколѣнія произошедшимъ отъ аристократическаго рода, питающимся отборной пищей, слушающимъ гармоничные голоса и музыку. Вы думаете, мозгъ пуделя не получилъ развитіе совершенно отличное отъ дворняги? Безъ сомнѣнія — да! Такихъ благовоспитанныхъ пуделей — щенятъ фокусники приучаютъ къ самымъ необыкновеннымъ штукамъ. Простой мужицкій песь никогда бы не научился ничему такому, — хотя бы учился до скончанія вѣка.

(Шумъ и смѣхъ кругомъ).

Горюж. *(кричитъ).* Что жъ, — вы хотите теперь сравнить насъ съ собаками?

Другой. Мы вѣдь не звѣри, г-нъ докторъ.

Док. Штон. Ошибаетесь, сударь мой, мы именно — звѣри! Всѣ мы, отъ перваго до послѣдняго — звѣри, какъ это ни оскорбительно для нашего самолюбія. И притомъ, немного встрѣчается среди насъ аристократическихъ звѣрей. Посмотрите, какая громадная разница между людьми-пуделями и людьми — дворнягами. И что всего нелѣпѣе, — г-нъ Гофстадъ соглашается со мной пока рѣчь идетъ о четвероногихъ животныхъ...

Гофс. О, — оставиши ихъ въ покоѣ.

Док. Штон. Согласенъ, — но какъ скоро я примѣню законъ къ двуногимъ животнымъ, г-нъ Гофстадъ тотчасъ на пятый; онъ уже не смѣетъ имѣть собственные взгляды, собственные мнѣнія; всѣ свои знанія онъ перевертываетъ верхъ дномъ, и провозглашаетъ въ «Народномъ Вѣстникѣ», что дикая курица и дворняга — самые прекрасные представители домашнихъ животныхъ. Но такъ всегда случается, пока вы слѣдуете общепринятому мировоззрѣнію и пока, путемъ борьбы, вы не обособились въ духовномъ отношеніи.

Гофс. Я не стремлюсь ни къ какому обособленію. Я происхожу изъ крестьянской семьи и горжусь своей связью съ простымъ народомъ, къ которому вы относитесь съ насмѣшливымъ пренебреженіемъ.

Нѣси. рабочикъ. Ура, Гофстадъ! Ура! ура!

Док. Штон. Представители простонародья, о которомъ я говорю, встрѣчаются не только среди низшихъ сословій; они пресмыкаются и кишатъ вокругъ насъ, — вплоть до самыхъ вершинъ общества. Возьмите для примѣра хотя

бы вашего собственнаго уважаемаго, почтеннаго бургомистра! Вѣдь братъ мой Пѣтеръ несомнѣнно и безспорно принадлежитъ къ простонародью...

(Смѣхъ и свистки.)

Бург. Я протестую противъ такихъ личныхъ инсинуаций.

Док. Штон. *(невозмутимо).*... И не потому, что онъ, также какъ и я, происходитъ отъ негоднаго стараго пошеранскаго пирата, — потому что вѣдь таковы наши предки...

Бург. Это нелѣзное преданіе, ни на чемъ не основанное.

Док. Штон.... Нѣтъ, онъ таковъ, потому что держится образа мыслей и взглядовъ своего офиціальнаго начальства. Люди, такъ поступающіе, принадлежатъ, въ интеллигентномъ отношеніи, къ толпѣ; и вотъ почему мой добропорядочный братъ Пѣтеръ, въ дѣйствительности, такъ непорядоченъ и, слѣдовательно, такъ нелибераленъ.

Бург. Г-нъ предсѣдатель...

Гофс. И такъ, порядочные люди въ этой странѣ — либералы? Это совершенно новый взглядъ. *(Смѣхъ.)*

Док. Штон. Да, это — часть моего послѣдняго открытія. И изъ этого же слѣдуетъ, что свобода мысли — почти тоже, что нравственность. Поэтому, говорю я, непростительно «Народному Вѣстнику» изо дня въ день проповѣдывать ложную доктрину, что масса, толпа, сплоченное большинство — монополизируетъ либерализмъ и нравственность, — и что порокъ, развратъ и всякаго рода духовная нечистота вытекаетъ изъ просвѣщенія, — подобно тѣмъ нечистотамъ, что просачиваются отъ кожевеннаго завода Миль Дэля къ купаньямъ. *(Шумъ и крики. Докторъ Штокманъ продолжаетъ невозмутимо, улыбаясь.)* — И между тѣмъ, этотъ самый «Народный Вѣстникъ» проповѣдуетъ о поднятіи массы, толпы — на высшую ступень развитія! Но, чортъ побери, — если доктрина «Народнаго Вѣстника» вѣрна самой себѣ, — поднятіе массъ означаетъ ихъ погибель! Но, къ счастью, это лишь устарѣлая, традиціонная ложь, будто бы просвѣщеніе деморализуетъ. Нѣтъ, — деморализуетъ тупость, бѣдность, все безобразіе жизни. Въ домѣ, который не провѣтривается и не выметается ежедневно... *(Жена моя утверждаетъ, что слѣдуетъ постоянно мыть также и полы, но мы не можемъ обсуждать теперь этотъ вопросъ).* Въ такомъ домѣ, говорю я, обитатели его, черезъ 2—3 года, утрачиваютъ способность думать и дѣйствовать согласно нравственности. Недостатокъ кислорода притупляетъ совѣсть. И, надо сознаться, недостатокъ этотъ ощущается во многихъ и многихъ домахъ этого города, гдѣ сплоченное большинство настолько беспо-

вѣстно, что хотеть основать свою будущность на трясины лжи и обмана.

Асл. Я не могу допустить такого оскорбленія, направленаго противъ всей гражданской общины.

Голосъ. Я предлагаю чтобъ г-нъ председатель приказалъ ему замолчать.

Голоса. Да! Садитесь! Садитесь!

Док. Штон. *(встываетъ)*. Такъ я буду провозглашать истину на каждомъ перекресткѣ улицы! Я буду писать въ другихъ газетахъ! Вся страна узнаетъ, что здѣсь творится!

Гофс. Докторъ желаетъ, повидному, разорить городъ.

Док. Штон. Да, я такъ люблю свой родной городъ, что предпочелъ бы разорить его, чѣмъ видѣть, какъ онъ процвѣтаетъ на лжи.

Асл. Сильно сказано.

(Шумъ и свистки. Г-жа Штокманъ покашливаетъ, но докторъ уже не обращаетъ на нее вниманія.)

Док. Штон. *(все болѣе горячась)*. Что за бѣда, если разорится живая община! Повторяю,—ее бы слѣдовало стереть съ лица земли! Всѣ люди, питающіеся ложью, должны быть уничтожены, какъ гады! Съ теченіемъ времени, вы отравите остальную страну; вы доведете ее до того, что вся страна заслужитъ погибели. И если когда-либо настанетъ такая минута, я скажу отъ всего сердца: да погибнетъ страна! да погибнетъ весь народъ ея!

Голосъ *(въ толпѣ)*. Да онъ говоритъ, какъ истый врагъ народа!

Бил. Провались я на мѣстѣ, если въ словахъ этихъ не прозвучалъ гласъ народа!

Все собраніе *(кричатъ)*. Да! да! да! Онъ—врагъ народа! Онъ ненавидитъ свое отечество! Онъ ненавидитъ народъ!

Асл. Какъ гражданинъ этого города и какъ человекъ, я глубоко оскорбленъ всѣмъ тѣмъ, что пришлось мнѣ услышать здѣсь. Докторъ Штокманъ выказалъ въ такомъ свѣтѣ, какъ я никогда не могъ бы ожидать. Я, съ глубокимъ прискорбіемъ, долженъ присоединиться къ мнѣнію, сейчасъ высказанному нѣсколькими достойными гражданами; и, я полагаю, мы должны формулировать мнѣніе это въ исцановленіи. Поэтому, я прошу сдѣлать заявленіе, что «настоящее собраніе объявляетъ главнаго врача при Купаньяхъ, доктора Штокмана—«врагомъ народа».

(Громъ рукоплесканій. Многіе окружаютъ доктора и освистываютъ его. Г-жа Штокманъ и Петра встали съ своихъ мѣстъ. Мортэнъ и Эйлифъ дерутся съ другими школьниками. Нѣкоторые изъ взрослыхъ разнимаютъ ихъ.)

Док. Штон. *(обращаясь къ народу, который освистываетъ его)*. О, безумцы!... Говорю вамъ...

Асл. *(звонитъ)*. Докторъ Штокманъ лишенъ

права голоса. Надо постановить это формальнымъ голосованіемъ; но, изъ уваженія къ личнымъ чувствамъ, голосованіе произойдетъ по запискамъ, безъ подписей. Есть ли у васъ бѣлая бумага, г-нъ Виллингъ?

Бил. Вотъ синяя и бѣлая бумага...

Асл. Хорошо-съ, такъ скорѣе. Разорвите бумагу на мелкіе листки. Вотъ такъ. *(Обращаясь къ собранію.)* Синяя бумага означаетъ нѣтъ, бѣлая-да. Я самъ обойду собраніе и соберу голоса.

(Бурюмистръ выходитъ изъ замъ. Аслаксэнъ и нѣсколько другихъ обходятъ собраніе съ листками бумаги въ шляпахъ.)

Горожанинъ *(обращаясь къ Гофстаду)*. Что случилось съ докторомъ? Что означаетъ все это?

Гофс. Да вѣдь вы знаете какой онъ неукротимый.

Другой *(обращаясь къ Биллину)*. А вѣдь вы, кажется, часто бываете у него. Не замѣтили ли вы чтобы онъ запивалъ?

Бил. Провались я на мѣстѣ,—не знаю какъ сказать. Бутылка съ грогомъ всегда на столѣ у него,—когда ни заглянешь.

3-й А мнѣ такъ кажется,—не подверженъ ли онъ припадкамъ умопомѣшательства?

1-й Ужъ не въ роду ли у него помѣшательство?

Бил. Весьма возможно.

4-й Нѣтъ, во всемъ этомъ говорить одна злоба. Онъ мститъ за что нибудь.

Бил. Правда, онъ говорилъ на дняхъ объ увеличеніи его жалованья; но ему отказали.

Всѣ *(вмѣстѣ)*. О! такъ это все объясняетъ!

Пьяный чел. *(въ толпѣ)*. Давайте и мнѣ синій листокъ! И бѣлый также!

Нѣск. голосовъ. Опять этотъ пьяный! Вывести его!

М. Киль *(подходя къ доктору)*. Ну, Штокманъ, вы видите теперь къ чему ведутъ всѣ эти глупости?

Док. Штон. Я исполнилъ свой долгъ.

М. Киль. Что это вы говорили о кожевенныхъ заводахъ въ Миль-Дэлъ?

Док. Штон. Развѣ вы не слышали, что я сказалъ,—что оттуда протекаютъ всѣ нечистоты.

М. Киль. Такъ, слѣдовательно, и отъ моего завода также?

Док. Штон. Къ несчастью, вашъ заводъ хуже всѣхъ прочихъ.

М. Киль. И это тоже вы хотите пропечатать въ газетахъ?

Док. Штон. Я ни о чемъ не имѣю права умолчать.

М. Киль. Это можетъ дорого обойтись вамъ, Штокманъ! *(Уходитъ.)*

Толстый господинъ *(подходитъ къ капитану Горстеру, не кланяясь дамамъ.)* И такъ, капитанъ, вы пускаете въ домъ вашъ враговъ народа?

Горст. Полагаю, милостивый государь, что я могу располагать своей собственностью, какъ мнѣ угодно.

Толст. госп. Въ такомъ случаѣ, разумѣется, вы ничего не имѣете противъ того, чтобы я послѣдовалъ вашему призыву?

Горст. Что вы хотите сказать?

Толст. госп. Вы узнаете это завтра. *(Повертывается и выходитъ изъ залы.)*

Пэт. Кажется, это былъ владѣлецъ вашего корабля?

Горст. Да, это господинъ Викъ.

Асл. *(съ бумагами въ рукахъ, входитъ на подмостки и звонитъ)*. Господа! Я долженъ объявить вамъ о результатахъ голосованія. Всѣ, за однимъ исключеніемъ...

Молодой чел. Это тотъ пьяный!

Асл. За исключеніемъ одного невѣняемаго лица, настоящее собраніе объявляетъ главнаго врача при купаньяхъ, доктора Штокмана — врагомъ народа! *(Рукоплесканія и одобрительныя возгласы.)* Трижды да здравствуетъ наше достойное городское правленіе! *(Рукоплесканія.)* Трижды да здравствуетъ нашъ способный, дѣятельный бургомистръ, такъ благородно отстранившій отъ себя всякія родственныя соображенія! *(Рукоплесканія.)* Собраніе объявляется закрытымъ. *(Сходитъ съ подмостковъ.)*

Бил. Да здравствуетъ предсѣдатель!

Всѣ. Да здравствуетъ Аслаксенъ!

Док. Штон. Мою шляпу и пальто, Пэтра! Капитанъ, есть ли у васъ мѣсто для пассажировъ въ Новый Свѣтъ?

Горст. Для васъ и вашей семьи, докторъ, всегда найдется мѣсто.

Док. Штон. *(между тѣмъ какъ Пэтра помогаетъ ему надѣть пальто)*. Хорошо! Пойдемъ, Катерина! Пойдите, дѣти! *(Беретъ жену подъ руку.)*

Г-жа Штон. *(споломаса)*. Томасъ, милый, выйдемъ заднихъ ходомъ!

Док. Штон. Не надо заднихъ ходовъ, Катерина! *(Громко.)* Вы услышите о врагѣ народа, прежде чѣмъ онъ отрясетъ прахъ отъ ногъ своихъ!

Асл. *(кричитъ)*. Докторъ Штокманъ.

Бил. Провались я... Это болѣе чѣмъ можетъ вынести порядочный человекъ!

Грубый голосъ. И вдобавокъ, онъ еще грозитъ намъ!

Злобные крики. Разнесемъ его окна! Бросимъ его въ волны фюрда!

Голосъ *(изъ толпы)*. Труби въ рогъ, Ивенсэнъ! Труби громче!

(Звуки рога, свистъ, дикіе крики. Докторъ съ своей семьей направляется къ двери. Горстерь очищаетъ для нихъ проходъ.)

Всѣ *(кричатъ имъ вслѣдъ)*. Врагъ народа! Врагъ народа! Врагъ народа!

Бил. Провались я на мѣстѣ, чтобы я согласился пить грогъ у Штокмана сегодня вечеромъ. *(Народъ толпой направляется къ выходной двери; шумъ и крики постепенно стихаютъ въ отдаленіи; съ улицы доносятся крики: «Врагъ народа! Врагъ народа!».)*

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Кабинетъ доктора Штокмана. Вдоль стѣны — полки съ книгами и стеклянные шкафы съ разными коллекціями. На заднемъ планѣ — дверь, которая ведетъ въ переднюю; на авансценѣ, слева — дверь въ гостиную. Два окна справа, стекла которыхъ выбиты. Среди комнаты письменный столъ доктора, заваленный книгами и бумагами. Вся комната въ беспорядкѣ. Утро. Докторъ Штокманъ въ халатъ, туфляхъ и фескѣ на голову, наклоняется и шаритъ зонтикомъ подъ однимъ изъ шкафовъ; наконецъ вытаскиваетъ камень.

Док. Штон. *(обертываясь къ двери въ переднюю)*. Катерина, я нашелъ еще одинъ!

Г-жа Штон. *(изъ гостиной)*. О, ты найдешь еще не мало!

Док. Штон. *(кладя камень на груду другихъ камней на столѣ)*. Я сохраню эти камни, какъ драгоценность. Эйлифъ и Мортэнъ будутъ ежедневно видѣть ихъ, и когда я умру, это будетъ ихъ наслѣдство. *(Ищетъ подъ полкой съ книгами.)* А, что же эта... какъ ее зовутъ, чортъ побери, горничная... не ходила еще за стекольщикомъ?

Г-жа Штон. Да, но онъ сказалъ, что не

знаетъ, можно ли ему будетъ придти сегодня.

Док. Штон. Ты увидишь, онъ не посѣтитъ придти.

Г-жа Штон. Правда, Рандинъ показалось, что онъ боится придти изъ-за сосѣдей. *(Обертываясь къ двери въ гостиную.)* Что это, Рандина? Хорошо, сейчасъ. *(Выходитъ и тотчасъ возвращается.)* Это письмо къ тебѣ, Томасъ.

Док. Штон. Посмотримъ. *(Распечатываетъ письмо и читаетъ.)* А-га!

Г-жа Штон. Отъ кого это?

Док. Штон. Отъ нашего хозяина. Онъ проситъ насъ очистить квартиру.

Г-жа Шток. Неужели? Онъ смотрѣлъ такими порадочными...

Док. Шток. (*пробтвая письмо*). Онъ пишетъ, что не смѣетъ поступить иначе. Ему это очень прискорбно; но онъ не смѣетъ дѣйствовать иначе, изъ - за своихъ согражданъ, изъ уваженія къ общественному мнѣнью... онъ въ зависимомъ положеніи... не осмѣлится оскорбить нѣкоторые вліятельныя лица...

Г-жа Шток. Вотъ видишь, Томасъ.

Док. Шток. Да, да, я прекрасно все вижу; они всѣ трусы въ этомъ городѣ, отъ перваго до послѣдняго; никто не смѣетъ дѣйствовать самостоятельно изъ страха къ остальнымъ. (*Бросаетъ письмо на столъ*.) Но намъ это все равно, Катерина. Мы скоро отправляемся въ Новый Свѣтъ, и тогда...

Г-жа Шток. Но увѣренъ ли ты, Томасъ, что этотъ проектъ переселенія за границу, въ общемъ—благоразуменъ?

Док. Шток. А что - жъ, ты хочешь, чтобы я остался здѣсь, гдѣ меня выставили къ позорному столбу, какъ врага народа, гдѣ меня заклеили, гдѣ разнесли стекла въ моей квартирѣ! И посмотри-ка, Катерина, они порвали мою черную пару.

Г-жа Шток. Ахъ, Боже мой! И это еще лучшая твоя пара!

Док. Шток. Никогда не слѣдуетъ надѣвать лучшую пару, когда идешь сражаться за свободу и правду. Конечно, я не особенно сокрушаюсь о панталонахъ; ты всегда можешь зачинить ихъ. Но, чтобы чернъ смѣла нападать на меня какъ бы на своего равнаго, *этого* я не могу переварить, не могу!

Г-жа Шток. Да, они возмутительно поступили относительно тебя, Томасъ; но развѣ это причина, чтобы совсѣмъ покинуть страну?

Док. Шток. А ты думаешь, плебеи не такъ же дерзки и во всякомъ другомъ городѣ? Ошибаешься, милая; они болѣе или менѣе тѣ же—вездѣ. Но это не бѣда, пусть собаки лаютъ; это еще не самое худшее; самое худшее-то, что каждый, въ этой странѣ,—рабъ своей партіи. Конечно, весьма возможно, что дѣло обстоит не лучше и въ свободномъ Западѣ; сплоченное большинство, просвѣщенное общественное мнѣніе, и вся эта дьявольщина—и тамъ господствуетъ все также. Но видишь ли, условія жизни тамъ шире; человекъ тамъ, быть можетъ, убьютъ, но не станутъ подвергать его медленной пыткѣ; не наложатъ ярма на свободную душу, какъ здѣсь, въ нашемъ отечествѣ. И притомъ, въ случаѣ нужды, можно держаться такъ вдали отъ всѣхъ. (*Ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ*.) Еслибъ найти какой-нибудь дѣвственный дѣсь, или маленькій остро-

вокъ въ южномъ океанѣ, который можно бы купить за дешевую цѣну...

Г-жа Шток. Да, но какже наши мальчики, Томасъ?

Док. Шток. (*останавливаясь*). Какая ты удивительная женщина, Катерина! Что-жъ, ты предпочла бы чтобы мальчики выросли въ такомъ обществѣ, какъ здѣсь? Развѣ, вчера вечеромъ, ты не видѣла сама, что половина мѣстнаго населенія—помѣшанные, и если остальные не потеряли еще разумъ, такъ потому только, что они—псы, лишенные всякаго разума.

Г-жа Шток. Но право, другъ мой, ты говоришь такія неосторожныя вещи!

Док. Шток. Такъ что же, развѣ не правда все, что я говорю имъ? Развѣ они не перевертываютъ всѣ идеи верхъ дномъ? Развѣ не смѣшиваютъ во-едино добро и зло?—не называютъ правду—ложью? Но поразительнѣе всего, это видѣть толпы взрослыхъ людей, называющихъ себя либералами и убѣждающихъ себя и другихъ, что они—друзья свободы! Слышала ли ты что подобное, Катерина?

Г-жа Шток. Да, да, безъ сомнѣнія, они вполне неправы. Но... (*Петра входитъ изъ гостиной*.) Какъ, ты уже возвратилась изъ школы?

Пет. Да, мнѣ отказали отъ мѣста.

Г-жа Шток. Отказали?

Док. Шток. И тебѣ тоже!

Пет. Г-жа Бэскъ намекнула мнѣ объ этомъ, и я предпочла теперь же оставить школу.

Док. Шток. И хорошо сдѣлала, моя дѣвочка!

Г-жа Шток. Кто бы подумалъ, что г-жа Бэскъ—такая дурная женщина!

Пет. О, мама, да она совсѣмъ не дурная женщина; я видѣла ясно, какъ она была огорчена; но она не посмѣла поступить иначе, по собственнымъ ея словамъ; и вотъ почему я лишилась мѣста.

Док. Шток. (*смѣясь и потирая руки*). Она не посмѣла поступить иначе! Точь въ точь какъ всѣ прочіе! О, великолѣпно, восхитительно!

Г-жа Шток. Ну, да вѣдь послѣ ужаснаго скандала вчера вечеромъ...

Пет. И не потому только. Какъ бы ты думала, папа, почему еще?

Док. Шток. Ну?

Пет. Г-жа Бэскъ показала мнѣ не менѣе какъ письма три, полученныя ею сегодня утромъ...

Док. Шток. Конечно, анонимныя?

Пет. Да.

Док. Шток. Они не имѣютъ даже настолько мужества, чтобы подписаться, Катерина!

Пет. И въ двухъ изъ нихъ говорится, что господинъ, часто у насъ бывающій, заявилъ, вчера вечеромъ въ клубѣ, что я придерживаюсь весьма передовыхъ взглядовъ на многіе вопросы...

Док. Шток. Конечно, ты этого не отрицала.

Пет. Конечно, нѣтъ. Ты знаешь, г-жа Бэскъ сама держится либеральныхъ взглядовъ, когда мы разговариваемъ съ нею съ глазу на глазъ; но теперь, когда пошли всѣ эти толки обо мнѣ, она не посмѣла удержать меня.

Г-жа Шток. И это еще говорилъ кто-то, кто часто бываетъ у насъ въ домѣ! Вотъ видишь, Томасъ, каковы послѣдствія твоего гостеприимства.

Док. Шток. Мы не останемся долѣе въ этомъ свиномъ хлѣбѣ! Укладывай все какъ можно скорѣе, Катерина; уѣдемъ подальше, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Г-жа Шток. Тише! Какъ будто шаги въ коридорѣ. Посмотри ка, Петра.

Пет. (*отворяя дверь*). А, это вы, капитанъ Горстеръ. Войдите, пожалуйста.

Горст. (*изъ передней*). Съ добрымъ утромъ. Я хотѣлъ зайти посмотрѣть, какъ вы всѣживаете.

Док. Шток. (*пожимая ему руку*). Благодарю васъ; вы очень добры.

Г-жа Шток. Мы вамъ очень признательны, что вы проводили насъ вчера вечеромъ, капитанъ Горстеръ.

Пет. Какъ же вы пробились назадъ черезъ толпу?

Горст. О, какъ нельзя лучше. Я вѣдь довольно таки силенъ, а всѣ эти господа больше даютъ, чѣмъ кусаютъ.

Док. Шток. Неправда ли, какіе удивительные трусы? Подите ка сюда, я вамъ хочу показать нѣчто! Взгляните, вотъ всѣ камни, которые они бросали намъ въ окна. Только взгляните на нихъ! Честное слово, во всей грудѣ не болѣе какъ камня два приличной величины; остальные — небольшіе булыжники, почти песокъ. Они стояли здѣсь подъ окнами и ревѣли, и клялись, что что-то сдѣлаютъ со мной; но, чтобы они въ самомъ дѣлѣ исполнили свою угрозу, — нечего опасаться въ этомъ городѣ!

Горст. На этотъ разъ, докторъ, вы можете поблагодарить за это свою счастливую звѣзду.

Док. Шток. Разумѣется; но все же это на-

водитъ уныніе; потому что еслибъ дѣло, когда-либо, дошло до серьезной національной борьбы, вы увидите, капитанъ Горстеръ, общественное мнѣніе струсить, и сплоченное большинство обратится въ бѣгство, какъ стадо барановъ. Вотъ, что всего прискорбиѣе; и меня это огорчаетъ до глубины души. Но, чертъ побери, глупо съ моей стороны, принимать это близко къ сердцу! Они называли меня врагомъ народа: такъ хорошо же, я буду врагомъ народа!

Г-жа Шток. Ты не способенъ на это, Томасъ.

Док. Шток. Напрасно думаешь ты такъ, Катерина. Оскорбительный эпитетъ дѣйствуетъ, какъ небольшая царапина на легкіе. И это проклятое слово, я не могу отъ него отдѣлаться; оно глубоко врѣзалось въ мое сердце, оно грызетъ и сосетъ меня, какъ кислота. И никакая магнезія не исцѣлитъ меня.

Пет. Пустое! Тебѣ бы слѣдовало только смѣяться надъ ними, папа!

Горст. Мнѣніе общества еще измѣнится, докторъ.

Г-жа Шток. О да, Томасъ, это также вѣрно, какъ то, что ты стоишь на этомъ мѣстѣ.

Док. Шток. Да, быть можетъ, когда уже будетъ слишкомъ поздно. Ну, что-жъ, какъ посѣлать, такъ и пожнешь! Пусть коснѣютъ они здѣсь въ тинѣ, и научаются раскаиваться, что изгнали истиннаго патріота. Когда вы отплываете, капитанъ Горстеръ?

Горст. Гм... объ этомъ то, главнымъ образомъ, я и пришелъ поговорить съ вами...

Док. Шток. А что, развѣ случилось что-нибудь съ кораблемъ?

Горст. Нѣтъ, но дѣло въ томъ, что я не вѣду съ нимъ.

Пет. Неужели вамъ отказали отъ мѣста?

Горст. (*улыбаясь*). Да, отказали.

Пет. И вамъ также!

Г-жа Шток. Вотъ видишь, Томасъ.

Док. Шток. И во имя правды! О, еслибъ только я могъ ожидать...

Горст. Не принимайте это къ сердцу; я скоро найду мѣсто въ какой-нибудь другой компаніи.

Док. Шток. И это сдѣлалъ г-нъ Викъ! Человѣкъ съ состояніемъ, ни отъ кого не зависящій! О, Боже правый!...

Горст. О, что касается этого, онъ очень благонамѣренный человѣкъ; онъ самъ говоритъ, что охотно бы оставилъ меня, еслибъ только смѣлъ.

Док. Шток. Но онъ не смѣетъ, конечно нѣтъ!

Горст. Это не легко, говорить онъ, когда принадлежишь къ известной партіи...

Док. Шток. Вотъ именно,—онъ высказалъ всю суть дѣла! Партія подобна машинкѣ для разрѣзанія колбасы; она смалываетъ всё мозги въ одну общую массу; и вотъ почему мы видимъ кругомъ лишь пустыя головы, или головы, набитыя разнымъ соромъ.

Г-жа Шток. Ну, будетъ тебѣ, Томасъ!

Пэт. (*обращаясь къ Горстеру*). Еслибъ вы не заходили къ намъ, ничего бы этого, вѣроятно, не случилось.

Горст. Я не раскаиваюсь.

Пэт. (*протягивая ему руку*). Благодарю васъ!

Горст. (*къ доктору Штокману*). Вотъ что я хотѣлъ сказать вамъ: если вы дѣйствительно рѣшили ѣхать за границу, я придумалъ другой способъ...

Д. Шток. Отлично... лишь бы только намъ убраться отсюда...

Г-жа Шток. Тс! Какъ будто стучать?

Пэт. Это навѣрное дядя.

Док. Шток А-га! (*Зоветь*). Войдите.

Г-жа Шток. Другъ мой, обѣщай же мнѣ...

(*Бюромистръ входитъ изъ передней.*)

Бург. (*съ дверяхъ*). О! Вы заняты. Такъ я лучше въ другой разъ...

Док. Шток. Нѣтъ, нѣтъ; войди.

Бург. Но я хотѣлъ поговорить съ тобой наединѣ.

Г-жа Шток. Мы уйдемъ въ гостиную.

Горст. А я зайду къ вамъ въ скоромъ времени.

Док. Шток. Нѣтъ, нѣтъ; идите съ дамами, капитанъ Горстеръ; мнѣ нужны дальнѣйшія свѣдѣнія...

Горст. Хорошо, такъ я подожду.

(*Уходитъ вслѣдъ за 1-жею Штокманъ и Пэтрой въ гостиную. Бюромистръ ничего не говоритъ, но поглядываетъ на окна.*)

Док. Шток. Кажется тебѣ непріятенъ сквозной вѣтеръ? Надѣнь шляпу.

Бург. Благодарю, если позволишь. (*Надѣваетъ шляпу*). Кажется, я простудился вчера вечеромъ. Я такъ прозябъ тамъ...

Док. Шток. Въ самоѣ дѣлѣ? А мнѣ такъ, право, было совсѣмъ тепло.

Бург. Я сожалѣю, что не могъ предупредить всѣ эти безпорядки.

Док. Шток. Тебѣ нечего еще сказать мнѣ?

Бург. (*вынимаетъ большой пакетъ*). Я долженъ передать тебѣ этотъ документъ отъ директоровъ морскихъ Купаній.

Док. Шток. Я уволенъ отъ должности?

Бург. Да, съ сегодняшняго дня. (*Кладетъ пакетъ на столъ*). Мы очень сожалѣемъ, но, откровенно говоря, мы не смѣли поступить иначе изъ уваженія къ общественному мнѣнію.

Док. Шток. (*улыбаясь*). Не смѣли? Я уже не разъ слышалъ эту фразу сегодня.

Бург. Прошу тебя дать себѣ ясный отчетъ въ твоемъ положеніи. Отнынѣ, ты уже не можешь разсчитывать на какую-либо практику въ городѣ.

Док. Шток. Чортъ побери практику! Но почему ты въ этомъ такъ увѣренъ?

Бург. Ассоціація домовладѣльцевъ разсылаетъ изъ дому въ домъ циркуляръ, въ коемъ всѣмъ благонамѣреннымъ гражданамъ внушается не обращаться къ тебѣ; и я ручаюсь, ни одинъ отецъ семьи не рѣшится отказать въ своей подписи; никто не посмѣетъ это сдѣлать.

Док. Шток. Ну, ну, хорошо; я въ этомъ не сомнѣваюсь. Такъ что же?

Бург. Я посовѣтывалъ бы тебѣ уѣхать на время изъ города.

Док. Шток. Да, я объ этомъ самъ думалъ.

Бург. Вотъ и прекрасно. А если, по истеченіи, скажемъ, мѣсяцевъ шести, ты рѣшишься, по зрѣломъ размысленіи, признать свое заблужденіе, и выразить, въ нѣсколькихъ словахъ, сожалѣніе...

Док. Шток. Я могъ бы вновь быть возстановленъ въ должности?

Бург. Быть можетъ, невозможнаго въ этомъ нѣтъ ничего.

Док. Шток. Да, но какже общественное-то мнѣніе? Вы же не смѣете, изъ уваженія къ нему.

Бург. Общественное мнѣніе подвержено большимъ колебаніемъ. И, откровенно говоря, намъ весьма важно получить такое призваніе непосредственно отъ тебя самого.

Док. Шток. Ну такъ, пиши пропало! Ты вѣрно помнишь, что я тебѣ говорилъ о такихъ лисьихъ продѣлкахъ!

Бург. Въ то время положеніе твое было несравненно благоприятѣе; въ то время ты думалъ, что за тебя весь городъ...

Док. Шток. Да, а теперь весь городъ противъ меня... (*Занальчиво*). Но нѣтъ, пѣтъ, еслибъ противъ меня былъ самъ дьяволъ со всей его командой... никогда, говорю тебѣ... ни за что!

Бург. Отецъ семьи не имѣетъ права такъ поступать; ты не имѣешь права, Томасъ.

Док. Штон. Я не имѣю права! Есть лишь одна вещь въ мірѣ, которую свободный человѣкъ не имѣетъ права сдѣлать; и знаешь ли что?

Бург. Нѣтъ.

Док. Штон. Разумѣется, нѣтъ; но я скажу тебѣ. Свободный человѣкъ не имѣетъ права валяться въ грязи, какъ собака; онъ не имѣетъ права такъ поступать, что долженъ самъ себѣ плюнуть въ лицо.

Бург. Все это прекрасно; и еслибъ не было другой причины для твоего упорства... но намъ извѣстно, что главная причина не та...

Док. Штон. Что ты хочешь сказать?

Бург. Ты прекрасно понимаешь меня. Но, какъ твой братъ и какъ человѣкъ разсудительный, предупреждаю, чтобы ты не слишкомъ полагался на ожиданія и надежды, которыя могутъ ни къ чему не привести.

Док. Штон. Да на что же ты намекаешь, чортъ побери?

Бург. Ты хочешь меня увѣрить, что тебѣ неизвѣстно завѣщаніе стараго Мортэна Килья?

Док. Штон. Я знаю, что немного, что онъ имѣетъ, должно пойти на пріютъ для престарѣлыхъ бѣдныхъ ремесленниковъ. Но чѣмъ же это касается меня?

Бург. Начать съ того, что «немного, что онъ имѣетъ», далеко не бездѣлица. Мортэнъ Киль,—человѣкъ съ хорошимъ состояніемъ.

Док. Штон. Я это никогда и не подозрѣвалъ...

Бург. Гм! Въ самомъ дѣлѣ? Такъ, вѣроятно, ты не подозрѣвалъ, что не малая часть состоянія его должна перейти къ твоимъ дѣтямъ, и что ты и твоя жена будете получать пожизненные проценты съ капитала. Развѣ онъ не говорилъ тебѣ объ этомъ?

Док. Штон. Нѣтъ, честное слово! Напротивъ, онъ постоянно ворчитъ на чрезмѣрные налоги, которые ему приходится платить. Но увѣренъ ли ты въ этомъ, Пэтеръ?

Бург. Я знаю это изъ источника вполне достовѣрнаго.

Док. Штон. О, Боже мой, такъ жена обезпечена! и дѣти тоже!—О! надо сказать ей... (Зоветъ.) Катерина, Катерина!

Бург. (удерживая ея). Т-с! Подожди еще говорить объ этомъ.

Г-жа Штон. (отворяя дверь). Что такое?

Док. Штон. Ничего, дорогая; оставь насъ пока. (Г-жа Штокманъ затворяетъ дверь. Докторъ Штокманъ ходитъ назадъ и впередъ по комнатѣ.) Обезпечены! И дѣти, и

жена! И на всю жизнь! Да, всетаки, ужасно отрадно быть обезпеченнымъ отъ нищеты!

Бург. Да, но все это еще не вѣрно. Мортэнъ Киль можетъ уничтожить свое завѣщаніе, когда ему только вздумается.

Док. Штон. Да, но онъ этого не сдѣлаетъ, милѣйшій Пэтеръ. Барсукъ очень радъ моимъ нападкамаъ на тебя и твоимъ нелѣпымъ друзей.

Бург. (встрепенувшись, глядитъ на него подозрительно). А - га! Это бросаетъ новый свѣтъ на многія вещи.

Док. Штон. Какія вещи?

Бург. Такъ вся эта исторія была — хитро подведенная интрига. Твоя безумно рѣзкая выходка—во имя правды, противъ административныхъ властей...

Док. Штон. Ну?

Бург. Все это—была выходка обдуманная—ради завѣщанія истительнаго стараго Мортэна.

Док. Штон. (пораженный). Пэтеръ, ты самый подлый плебей, котораго я когда-либо встрѣчалъ въ жизни.

Бург. Все кончено между нами. Твоя отставка безвозвратна, теперь у насъ есть орудіе противъ тебя. (Уходитъ.)

Док. Штон. О, позоръ! позоръ! (Зоветъ.) Катерина! Вымыть полъ послѣ него! Скажи чтобы она шла сюда съ ведромъ... эта, какъ бишь ее? чортъ побери—дѣвица съ запачканнымъ носомъ...

Г-жа Штон. (у порога двери въ истинную). Тише, успокойся, Томасъ!

Пэт. (также у порога двери). Папа, пришелъ дѣдушка; спрашиваетъ, можетъ ли онъ поговорить съ тобой наединѣ.

Док. Штон. Да, разумѣется. (У двери.) Войдите. (Входитъ Мортэнъ Киль. Докторъ Штокманъ затворяетъ за нимъ дверь.) Ну, въ чемъ дѣло? Садитесь.

М. Киль. Я не сяду. (Омльдываясь.) Очень мило у васъ и весело сегодня, Штокманъ.

Док. Штон. Да, неправда ли?

М. Киль. Очень мило; и какой притокъ свѣжаго воздуха! Навѣрное, у васъ теперь достаточный запасъ кислорода, о которомъ вы толковали вчера. Надо полагать, совѣсть ваша въ превосходномъ состояніи сегодня.

Док. Штон. Вы не ошибаетесь.

М. Киль. Ну, разумѣется. (Похлопывая себя по груди.) Но знаете ли что у меня здѣсь?

Док. Штон. Тоже хорошая совѣсть, на дѣвѣсь.

М. Киль. Хе-хе! Нѣтъ; нѣчто болѣе цѣнное.

(Вынимаетъ большой бумажникъ и показываетъ пачку бумагъ.)

Док. Штон. *(млядя на него съ удивленіемъ.)* Акціи морскихъ купаній!

М. Киль. Не трудно было достать ихъ сегодня.

Док. Штон. И вы купили ихъ?

М. Киль. На всѣ деньги, которыя имѣлъ въ рукахъ.

Док. Штон. Но какъ же такъ, какъ разъ когда купанья въ такомъ отчаянномъ положеніи...

М. Киль. Если вы поступите какъ человѣкъ разумный, дѣла купаній скоро опять поправятся.

Док. Штон. Вы сами видите, я дѣлаю все, что могу. Но здѣшніе жители съума снятели!

М. Киль. Вы сказали вчера, что всего болѣе нечистотъ проходить отъ моего кожевеннаго завода. Если такъ, то — и дѣдъ мой, и отецъ, ранѣе меня, и я самъ, впродолженіи многихъ лѣтъ, мы отравляли здѣшній городъ. И вы полагаете, — я стерплю подобное обвиненіе?

Док. Штон. Къ несчастью, вы не можете устранить его отъ себя.

М. Киль. Нѣтъ-съ, благодарю покорно. Я желаю сохранить свое доброе имя незапятнаннымъ. Я знаю, меня зовутъ «барсукомъ»; а барсукъ, я знаю, — нѣчто вродѣ свиньи. Но я хочу доказать, что они ошибаются. Я проживу и умру человѣкомъ добропорядочнымъ.

Док. Штон. Но что же вы сдѣлаете, чтобы оправдаться?

М. Киль. Вы оправдаете меня, Штокманъ.

Док. Штон. Я!

М. Киль. Знаете ли на какія деньги я купилъ эти акціи? Нѣтъ, конечно, — вы не знаете; но я вамъ скажу. На деньги, которые должны получить, по смерти моей, Катерина и ваши дѣти. Потому что, видите ли, — я кое-что и скопилъ.

Док. Штон. *(встываетъ.)* И вы купили эти акціи на деньги Катерины?

М. Киль. Да; весь капиталъ пожѣненъ теперь въ акціяхъ. И теперь посмотримъ, совѣмъ ли вы снятели съума, Штокманъ. Если вы будете попрежнему утверждать, что всѣ эти насѣкомые и разныя нечистоты протекаютъ съ моего завода, вы сами погубите жену вашу и дѣтей. Ни одинъ порядочный отецъ не сдѣлаетъ этого, — если только онъ не безумецъ.

Док. Штон. *(ходитъ въ волненіи по комнатѣ.)* Да, но я именно такой безумецъ; да, — я безумецъ!

М. Киль. Не можетъ быть, чтобы вы были такъ безумны въ дѣлѣ, близко затрогивающемъ вашу жену и дѣтей.

Док. Штон. *(останавливаясь передъ нимъ.)* Почему вы не переговорили со мной ранѣе чѣмъ купили всю эту дрянь?

М. Киль. Что сдѣлано, того ужъ не воротить.

Док. Штон. *(ходитъ по комнатѣ въ волненіи.)* Еслибъ я не былъ такъ увѣренъ!... Но я вполне убѣжденъ, что не ошибаюсь!

М. Киль. *(беретъ бумажникъ.)* Если вы упорствуете въ своемъ безуміи, бумаги эти ничего не стоятъ.

(Кладетъ бумажникъ въ карманъ.)

Док. Штон. Но, чертъ побери! Должна же наука найти какое-нибудь противоядіе, какое-нибудь предохранительное средство....

М. Киль. Вы думаете, — уничтожить этихъ насѣкомыхъ?

Док. Штон. Да, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать ихъ безвредными.

М. Киль. Нельзя-ли попробовать какой-нибудь отравы?...

Док. Штон. О, чепуха все это, чепуха!... Но если всѣ говорятъ, что это лишь одна моя фантазія, — пусть будетъ такъ! Пусть будетъ по ихъ желанію! Вѣдь эти невѣжественныя, безсердечныя твари поносили меня какъ врага народа! Вѣдь они готовы были разорвать на клочки мою одежду!

М. Киль. И они перебили вамъ всѣ окна!

Док. Штон. Нельзя не подумать и о семьѣ! — Я переговорю съ Катериной; у нея такое здравое сужденіе въ этихъ дѣлахъ.

М. Киль. Вотъ и прекрасно! Послѣдуйте совѣту благоразумной женщины.

Док. Штон. *(Гмъно.)* Но какъ могли вы поступить такъ безразсудно! Ставить на карту деньги Катерины и подвергать меня такой ужасной дилеммѣ! И какъ погляжу я на васъ, мнѣ представляется, — я вижу самого дьявола искусителя!...

М. Киль. Если такъ, — прощайте. Но мнѣ нужно знать ваше рѣшеніе — да или нѣтъ, — въ два часа пополудни. Если нѣтъ, всѣ акціи пойдутъ на благотворительныя дѣла и не поздне, какъ сегодня же.

Док. Штон. А что же получить тогда Катерина?

М. Киль. Ни единого гроша. *(Отворяется дверь передней; входятъ Гобстадъ и Аксманъ.)* А-а! Посмотрите-ка на эту парочку.

Док. Шток. (*смотритъ на нихъ съ изумленіи*). Какъ! Они посѣли придти сюда!

Гофс. Да почему же нѣтъ?

Асл. Видите-ли, намъ нужно переговорить съ вами.

М. Киль (*шепотомъ*). Да или нѣтъ, — въ два часа.

Асл. (*переглянувшись съ Гофстадомъ*). А-га!

(*Мортэнъ Киль выходитъ.*)

Док. Шток. Ну что же вамъ нужно отъ меня? Объяснитесь въ двухъ словахъ.

Гофс. Я понимаю, что вы недовольны нашимъ поведеніемъ на вчерашнемъ собраніи...

Док. Шток. Вашимъ поведеніемъ, говорите вы? Да, это было прекрасное поведеніе! Трусость, достойная старой бабы. И вамъ не стыдно!

Гофс. Называйте это какъ хотите; но мы не могли дѣйствовать иначе.

Док. Шток. Вы не смѣли, конечно? Не такъ-ли?

Гофс. Да, если хотите.

Асл. Но зачѣмъ же вы заранѣе не ввели насъ въ секретъ? Хотя бы вы словомъ намекнули Гофстаду или мнѣ!

Док. Шток. Намекнулъ бы? О чемъ же?

Асл. О томъ, въ чемъ вся суть дѣла.

Докт. Шток. Я васъ совсѣмъ не понимаю.

Асл. (*подмигивая, съ хитрымъ видомъ*). — О, вы отлично понимаете насъ, докторъ Штокманъ.

Гофс. И къ чему же еще дѣлать изъ этого тайну?

Док. Шток. (*смотритъ то на того, то на другою*). — Да что же значить все это, чортъ побери!...

Асл. Позвольте спросить васъ, — не скупаетъ ли тесть вашъ по всему городу акціи купавій?

Док. Шток. Да, онъ купилъ сегодня акціи купавій; но...

Асл. Было бы осторожнѣе сдѣлать это черезъ кого-нибудь другого, — черезъ лицо, не состоящее въ такомъ близкомъ родствѣ съ вами.

Гофс. И кромѣ того, — вамъ не слѣдовало отказываться въ этомъ дѣлѣ подъ своимъ собственнымъ именемъ. Никому не слѣдовало знать, что нападеніе на морскія купанья исходило отъ васъ. Вамъ надо было посоветоваться со мной, докторъ Штокманъ.

Док. Шток. (*съ изумленіи, глядитъ прямо передъ собой; какъ будто свѣтъ озаряетъ его, и онъ смотритъ какъ пораженный громомъ*). Возможно-ли это?

Асл. (*умбальсь*). Да, разумѣется, возможно. Только такія дѣла слѣдуетъ обдѣлывать осторожно, — понимаете?

Гофс. И надо обращаться къ содѣйствію другихъ; потому что отвѣтственность падаетъ всегда легче, когда раздѣляется нѣсколькими лицами.

Док. Шток. (*спокойно*). Въ двухъ словахъ, господа, — что вамъ нужно?

Асл. Гофстадъ съужьетъ лучше...

Гофс. Нѣтъ, объясните вы, Аслаксэнъ.

Асл. Такъ вотъ въ чемъ дѣло: теперь, когда мы знаемъ подкладку всего этого, мы полагаемъ, что можемъ рискнуть предложить въ ваше распоряженіе «Народный Вѣстникъ».

Док. Шток. Вы можете рискнуть, — да? Но какъ же общественное то мнѣніе? Развѣ вы не боитесь бури, которая можетъ воспослѣдовать?

Гофс. Такъ или иначе, мы выстоимъ бурю.

Асл. А вамъ слѣдуетъ сохранить все ваше присутствіе духа. Какъ скоро нападеніе произведетъ свое дѣйствіе...

Док. Шток. Какъ скоро тесть мой и я скупимъ за безцѣнокъ всѣ акціи, — вы хотите сзаять?...

Гофс. Конечно, вѣдь вы, главнымъ образомъ, — на научномъ основаніи хотите взять въ свои руки управленіе морскими купаньями.

Док. Шток. Разумѣется; на научныхъ основаніяхъ я и засадилъ стараго барсука за дѣло. А затѣмъ, — мы подправимъ немножко трубы, подправимъ кое-какъ берегъ, — безъ того, чтобы это стоило единый грошъ городу. Вѣдь этого будетъ достаточно, — не такъ-ли?

Гофс. Я полагаю такъ, — если васъ будетъ поддерживать «Народный Вѣстникъ».

Док. Шток. А вы, г-нъ Аслаксэнъ, — вѣроятно отвѣчаете за Ассоціацію домовладѣльцевъ?

Асл. Да, — за Ассоціацію домовладѣльцевъ и за «Общество Трезвости». Вы можете на нихъ рассчитывать.

Док. Шток. Но, господа... мнѣ, право, совѣстно упоминать о такомъ предметѣ... но... какое-же вознагражденіе?..

Гофс. Конечно, мы предпочли бы оказать вамъ поддержку безвозмездно. Но «Народный Вѣстникъ» стоитъ не очень твердо; онъ не идетъ такъ, какъ было бы желательнѣе; а мнѣ было бы весьма прискорбно прекратить издаваніе именно теперь, когда такъ многое можетъ быть сдѣлано въ области политики.

Док. Шток. Разумѣется; это было бы очень тяжело для друзей народа, какъ вы. (*Гм-*

но.) Но я — я врагъ народа! (*Шагая по комнатѣ.*) Гдѣ моя палка? Да гдѣ-же она, чортъ поберит!

Гофс. Что вы?..

Асл. Надѣюсь, вы не хотите...

Док. Шток. (*останавливаясь передъ нимъ*).

А что если я не дамъ вамъ ни единого гроша изъ моихъ акцій? Не забывайте, что мы, богачи, не любимъ разставаться съ нашими деньгами.

Гофс. А вы не забывайте, что это дѣло съ акціями можетъ быть истолковано двоякимъ образомъ.

Док. Шток. Да, вы на это способны; если я не приду на помощь «Народному Вѣстнику», вы представите все дѣло въ гнусномъ свѣтѣ; вы станете преслѣдовать, — травить меня, какъ собака травитъ зайца.

Гофс. Это законъ природы, — каждый звѣрь долженъ отстаивать свое существованіе.

Асл. И братъ пишу гдѣ онъ находитъ ее.

Док. Шток. Такъ ступайте же искать эту пишу гдѣ-нибудь по канавамъ. (*Ходитъ назадъ и впередъ по комнатѣ.*) Потому что теперь, кланусь всѣмъ святымъ! — мы посмотримъ — кто самый сильный звѣрь изъ насъ троицъ. (*Отыскиваетъ свой дождевой зонтикъ и потрясаетъ имъ.*) Вотъ, я васъ!..

Гофс. Что-же это — нападеніе!

Асл. Осторожнѣе!

Док. Шток. Вольъ сейчасъ въ окно, г-нъ Гофстадъ!

Гофс. (*бросаясь къ двери передней*). Да вы сума сошли!

Док. Шток. Вольъ — въ окно, г-нъ Аслаксэнъ! Прыгайте, говорю вамъ! Да поживѣе!

Асл. (*бѣгая вокругъ письменнаго стола*). Успокойтесь, докторъ; я человекъ слабый; я не могу много вынести. (*Кричитъ.*) Помогите, помогите!

(*Г-жа Штокманъ, Пэтра, Горстеръ входятъ изъ гостиной.*)

Г-жа Шток. Боже мой, Томась! что случилось?

Док. Шток. (*потрясая зонтомъ*). Прыгайте, говорю вамъ! Вольъ!

Гофс. Это ничѣмъ не вызванное нападеніе! Призываю васъ въ свидѣтели, капитанъ Горстеръ. (*Бросается въ переднюю.*)

Асл. (*обезумивши отъ страха*). Еслибъ хотѣ знать здѣшніе ходы!.. (*Проскальзываетъ въ дверь гостиной.*)

Г-жа Шток. (*удерживая доктора*). Опомнись, Томась!

Док. Шток. (*бросая зонтикъ*). Наковецъ — то убрались!

Г-жа Шток. Но что-же имъ нужно отъ тебя?

Док. Шток. Я скажу тебѣ послѣ; теперь надо подумать о другомъ. (*Идетъ къ столу и пишетъ на визитной карточкѣ.*) Посмотри-ка, Катерина, что тутъ написано?

Г-жа Шток. Три «нѣтъ» огромными буквами; что это значитъ?

Док. Шток. И это я скажу тебѣ впоследствии. (*Протягивая карточку.*) Вотъ, Пэтра; скажи горничной, чтобы добѣжала съ этимъ къ Барсуку какъ можно скорѣе. Живо!

(*Пэтра беретъ карточку и выходитъ черезъ переднюю.*)

Док. Шток. Ну, кажется, у меня перебывали сегодня всѣ согладатые дьявола. Но теперь, я отточу мое перо противъ нихъ пока оно обратится въ бодило; я обмакну его въ желчь и ядъ; я швырну чернильницей прямо въ ихъ башки.

Г-жа Шток. Да, но вѣдь мы же уѣзжаемъ, Томась?

(*Пэтра возвращается.*)

Док. Шток. Ну?

Пэт. Я послала.

Док. Шток. Хорошо. — Мы уѣзжаемъ, говоришь ты? Нѣтъ, — будь я проклятъ; мы остаемся на мѣстѣ, Катерина.

Пэт. Какъ, — остаемся!

Г-жа Шток. Здѣсь, въ этомъ городѣ?

Док. Шток. Да, здѣсь; здѣсь — поле битвы; здѣсь — мы сразимся; здѣсь — я одержу побѣду! Какъ скоро моя пара будетъ приведена въ порядокъ, я пойду по городу отыскивать квартиру; надо же имѣть пристанище на зиму.

Горст. Это вы можете имѣть у меня.

Док. Шток. Въ самомъ дѣлѣ?

Горст. Да, разумѣется. Мѣста у меня достаточно; при томъ, я рѣдко бываю дома.

Г-жа Шток. О, какъ вы добры, Горстеръ!

Пэт. Благодарю васъ.

Док. Шток. (*пожимая ему руку*). Благодарю васъ, благодарю! Одной заботой меньше. И сегодня же я засяду за работу. О, здѣсь ужасно много дѣла, Катерина! Хорошо, что въ моемъ распоряженіи все мое время; потому что вѣдь я уволенъ отъ должности...

Г-жа Шток. (*вздыхая*). Да, — я это ожидала.

Док. Штон... И теперь они хотятъ отнять у меня и практику также. Но пусть ихъ! Бѣдныя останутся при мнѣ, — тѣ, что не могутъ платить; и Боже мой! Имъ то всего болѣе и нужна моя помощь. Но клянусь! Они еще услышатъ обо мнѣ; я буду читать имъ проповѣди во всякій часъ дня и ночи...

Г-жа Штон. Другъ мой, ты, кажется, видѣлъ къ чему приводятъ эти проповѣди.

Док. Штон. Ты удивительная, въ самомъ дѣлѣ, Катерина. Что-жъ мнѣ, — уступить поле битвы общественному мнѣнію и сплоченному большинству, и всей этой сволочи? Нѣтъ, благодарю покорно. При томъ, цѣль моя такъ пряма, такъ проста и ясна. Я хочу только внушить этимъ тварямъ, что либералы — самые опасные враги свободныхъ людей; что партійныя программы убиваютъ всѣ юныя, жизненныя истины; что соображенія цѣлесообразности перевортываютъ верхъ дномъ справедливости и нравственности, пока жизнь не сдѣлается омерзительной. Какъ вы полагаете, капитанъ Горстеръ, — неужели мнѣ не удастся выяснитъ это обществу?

Горст. Быть можетъ и удастся; самъ я не понимаю много толку въ этихъ вещахъ.

Док. Штон. Такъ выслушайте меня! Надо, прежде всего, освободиться отъ вожаконъ партій. Потому что, видите ли, вожакъ партіи — все равно что волкъ, голодный волкъ; чтобы поддержать свое существованіе, ему необходимо ежедневно поглощать извѣстное количество мелкихъ животныхъ. Взгляните на Гофстада и Аслаксэна! Какую массу мелкихъ животныхъ они отполировываютъ по своему; или же калѣчатъ и уродуютъ ихъ, пока они сдѣлаются годными лишь на то, чтобы быть домовладѣльцами или подписчиками «Народнаго Вѣстника». (*Садится на край стола.*) Подойди ка сюда, Катерина; посмотри, какъ славно свѣтитъ сегодня солнце! И какой чудный свѣжій весенній воздухъ врывается въ окно!

Г-жа Штон. Да, Томасъ, еслибъ только мы могли прожить однимъ солнечнымъ свѣтомъ, да весеннимъ воздухомъ!

Док. Штон. Ну, что жъ, — придется тебѣ стѣсниться, да урѣзываться въ чемъ можно, — и все уладится. Это послѣднее — моя забота. Но что беспокоитъ меня, такъ это что я не вижу человѣка достаточно независимаго и благороднаго, чтобы послѣ меня взять въ руки дѣло.

Пэт. О, не заботься объ этомъ, папа; у тебя много времени впереди. — А, да вотъ и мальчики уже возвратились.

(*Эйлифъ и Мортэнъ входятъ изъ юстиной.*)

Г-жа Штон. Развѣ у васъ сегодня праздникъ?

Морт. Нѣтъ, но мы подрались съ другими школьниками во время рекреаци.

Эйл. Неправда; они сами напали на васъ.

Морт. Да, и г-нъ Рерлунгъ сказалъ, что лучше намъ остаться нѣсколько дней дома.

Док. Штон. (*соскакивая со стола*). Теперь, я знаю что дѣлать, — право, знаю! Никогда ноги вашей не будетъ больше въ школѣ!

Мальчики. Какъ, — мы не пойдемъ больше въ школу!

Г-жа Штон. Но какже, Томасъ...

Док. Штон. Никогда, говорю я. Я буду учить васъ самъ, — т. е. конечно, я не стану учить васъ всякой ерундѣ...

Морт. Ура!..

Док. Штон. Но я постараюсь сдѣлать изъ васъ свободныхъ, благородномыслящихъ людей. Слушай, Пэтра, — ты должна будешь помочь мнѣ.

Пэт. Да, папа, я, конечно, помогу тебѣ.

Док. Штон. И мы устроимъ школу въ той самой комнатѣ, гдѣ они поносили меня, какъ врага народа. Но надо достать еще нѣсколько учениковъ. Мнѣ нужно, для начала, по крайней мѣрѣ, мальчиковъ 12.

Г-жа Штон. Ты никогда не найдешь себѣ учениковъ въ этомъ городѣ.

Док. Штон. Посмотримъ. (*Обращаясь къ мальчикамъ.*) Не знаете ли вы какихъ-нибудь уличныхъ мальчишекъ... настоящихъ простыхъ оборванцевъ!..

Морт. Да, папа, я знаю очень многихъ.

Док. Штон. Вотъ и прекрасно; приведи-ка мнѣ нѣсколькихъ. Я хочу начать свои опыты съ уличныхъ дворняшекъ; между ними попадаются иногда очень способныя.

Морт. Но что же мы будемъ дѣлать, когда станемъ взрослыми — свободными людьми?

Док. Штон. Вы прогоните волковъ далеко къ западу, дѣти мои.

(*Эйлифъ смотритъ съ недоумѣніемъ; Мортэнъ скачетъ по комнатѣ и кричитъ „ура“!*)

Г-жа Шток. Если только волки не прогонятъ тебя самого, Томась.

Док. Шток. Ты съума сошла, Катерина! Прогнать меня! М е н я, когда теперь самый сильный человекъ во всемъ городѣ я!

Г-жа Шток. (вполголоса). Самый сильный теперь то?

Док. Шток. Да, я могу смѣло сказать: теперь—я одинъ изъ сильнѣйшихъ людей на землѣ.

Морт. Въ самомъ дѣлѣ, папа?

Док. Шток. (вполголоса). Т-с! Не говори-

те еще пока объ этомъ; но я сдѣлалъ великое открытіе.

Г-жа Шток. Какъ, — еще новое открытіе?

Док. Шток. Да, безъ сомнѣнія. (Собираетъ встѣхъ вокругъ себя и говоритъ конфиденціально.)—Вотъ видите ли, что я открылъ: самый сильный человекъ въ этомъ мірѣ тотъ, кто остается одинокимъ.

Г-жа Шток. (покачиваетъ головою, улыбается). Ахъ, Томась!..

Пэт. (сочувственно схватываетъ отца за руки). О, да, папа!

Жизнь Илимова.

Будничная драма въ 5 картинахъ.

В. С. Лихачова.

ПЕРВАЯ КАРТИНА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Илимовъ Семень Петровичъ — помощникъ бухгалтера въ управленіи. (Лѣтъ двадцати семивосьми. Нервная, болѣзненно-впечатлительная натура).

Багрецовъ Яковъ Савельичъ — шелъ по медицинѣ, но курса не окончилъ. (Ровесникъ Илимова. Внѣшность нѣбѣтъ мрачную и даже нѣсколько дикую, но лишенную впрочемъ — съ женской точки зрѣнія — извѣстной привлекательности).

Аболтинъ Кузьма Ефимычъ — сослуживецъ Илимова, изъ мелкихъ. (Грязноватъ и грубоватъ).

Платонида Марковна — мать Аболтина, содержательница буфета. (Закоснѣлая шѣщавка благороднаго происхожденія).

Людмила — сестра Аболтина, дѣвушка. (Лѣтъ двадцати. Особа вѣтрена, но себѣ-на-ушѣ. Обращенія развязнаго, одобреннаго вульгарной кокетливостью).

Шленкъ Федоръ Федорычъ — изъ начинающихъ по службѣ. (Очень еще молодой человѣкъ, съ розовымъ личикомъ и коленными усяками. Къ служебной дѣятельности относится младенчески-строго, видимо тѣшась и рисуясь ею).

Лебедевъ

Пузыревскій

Воеводинъ

Харченко

Манюкинъ

Бутиновъ

Курьеръ.

Сторожъ.

Первый и второй писцы.

служащіе. (Первые четверо — люди болѣе или менѣе пожилые и степенные; послѣдніе двое — безукоризненно-изящные и уже въ достаточной степени изможденные юноши).

Дѣйствіе происходитъ въ буфетѣ при управленіи.

Небольшая темноватая комната. Направо окно, въ глубинѣ дверь. Посрединѣ длинный столъ, покрытый довольно уже ветхою и не особенно свѣжею скатертью; на столѣ корзинки съ бѣлымъ и чернымъ хлѣбомъ, тарелки съ бутербродами, двѣ солонки, юрчичница, перчикница, маленькія тарелки для пѣды, ножи, вилки, чайныя ложки, одна — тоже не первой свѣжести — салфетка, двѣ пепельницы, коробка спичекъ, записная книжка съ карандашомъ; вокругъ стола стулья одинаковаго образца — съ кожаными, просижеными и продырявленными, сидѣньями. Налѣво, по стѣнѣ, рядъ навѣшанныхъ на гвоздики театральныхъ афишъ.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Воеводинъ, Манюкинъ, Бутиковъ.

(Всѣ сидятъ за столомъ: одни пьютъ, друіе — уже потыши — ждутъ чаю и кофею. Вновь входящіе здороваются со всѣми или съ нѣкоторыми; уходящіе дѣлаютъ запись въ книгу. Общій говоръ).

Воеводинъ *(громоко и брюзлииво)*. Что-жъ яйца, скоро?

(Голосъ Платонида Марковны за дверью: «Сейчасъ! сейчасъ!»)

Пузыревскій *(Лебедеву)*. Отличился паренекъ!

Лебедевъ. Да какъ же! У меня трюфль иѣтъ — дѣло ясное. Куда-жъ онъ лѣзетъ?

Пузыревскій. Хотя, съ другой стороны... чортъ его знаетъ!... Сколько у него бубенъ-то было?

Лебедевъ. Семь, король-дама.

Пузыревскій. Могъ назначить.

Лебедевъ. Ну, вотъ еще!

Пузыревскій. Могъ назначить.

Лебедевъ. Да не могъ. Никакъ не могъ. Поймите одно... *(Входитъ Платонида Марковна; въ рукахъ двѣ тарелки съ яйцами)*.

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Воеводинъ, Манюкинъ, Бутиковъ, Платонида Марковна.

Плат. Марк. *(ставитъ тарелки на столъ)*. Вотъ вамъ и яйца. Эти въ смятку, а эти въ мѣшочекъ.

Воеводинъ. Нельзя-ли салфетку?

Плат. Марк. Салфетка подана. Вѣтъ.

Воеводинъ. Какая-жъ это салфетка? Это тряпка.

Плат. Марк. Не напасешься. Извините ужъ. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Воеводинъ, Манюкинъ, Бутиковъ.

Манюкинъ *(разсматривая платье Бутикова)*. Это недурно... и недорого... Я бы своего давно перемѣнилъ, да жалко: такъ шьетъ брюки, какъ никто. Восхитительно шьетъ.

Бутиковъ. Я брюками тоже доволенъ. Взгляните.

Манюкинъ. Да... но все не то. У моего какъ лютя. А я нахожу, что брюки въ костюмъ важнѣе всего. Разъ они плохи — весь костюмъ никуда не годится. Не правда-ли?

Бутиковъ. О, конечно. *(Людмила приноситъ стаканы съ чаемъ и кофеемъ)*.

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Воеводинъ, Манюкинъ, Бутиковъ, Людмила.

Пузыревскій. А-а-а... Барышнѣ наше почтеніе.

Лебедевъ. Доброе утро, Людмила Ефиловна.

Людмила. Здравствуйте! здравствуйте!

Манюкинъ *(выбирая стаканъ)*. Мнѣ, пожалуйста, вотъ этотъ, послабѣе.

Людмила. Чтобъ сердце не билось? *(Воеводину)*. Вамъ чаю или кофею?

Воеводинъ. Я всегда кофею пью.

Людмила. Обо всѣхъ не упомянешь.

Пузыревскій. Вы, барышня, съ каждымъ днемъ хорошеете. Не стыдно это вамъ?

Людмила. Ничуть не стыдно! *(Смѣется. Входитъ Шленкъ, съ папкой подъ мышкой)*.

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Воеводинъ, Манюкинъ, Бутиковъ, Людмила, Шленкъ.

Шленкъ. Позвольте мнѣ чаю... *(осматриваетъ корзинку съ хлебомъ и калачъ)*.

Людмила. Порумяните?

Шленкъ. Да, пожалуйста. *(Развертываетъ папку и углубляется въ бумагу)*.

Пузыревскій *(Людмилѣ)*. Вродѣ васъ?

Людмила *(довольная)*. Ну, ужъ! *(Со смѣхомъ бѣжитъ къ двери и натыкается на входящаго Харченко)*. Ахъ, извините! *(Убѣгаетъ)*.

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Воеводинъ, Манюкинъ, Бутиковъ, Шленкъ, Харченко.

(Пузыревскій, взглянувъ на Лебедева, ириво подмигиваетъ вслѣдъ Людмилѣ).

Лебедевъ. Нда-а-а.

Бутиковъ. Преппикантная дѣвочка.

Харченко *(съ озабоченнымъ видомъ подсаживается къ Воеводину)*. А я васъ побезпокою. Кажется, вамъ передано дѣльце о ревизіи восемьдесятъ третьяго года?

Воеводинъ. Мнѣ.

Харченко. Очень хорошо-сь. Такъ мнѣ-бы вотъ нѣкоторыя свѣдѣнія... *(Продолжаютъ разговаривать. Людмила приноситъ Шленку стаканъ чаю съ калачомъ и, повертываясь, уходитъ. Шленкъ прихлебываетъ чай, не отрываясь отъ бумагъ)*.

Пузыревскій *(Лебедеву)*. Что вы не пришли вчера на собраніе?

Лебедевъ. На какое собраніе?

Пузыревскій. По кассъ.

Лебедевъ. Ну его! Есть мнѣ когда...

Пузыревскій. Любопытно было. Помощникъ вашъ отличился.

Лебедевъ. Илимовъ?

Пузыревскій. Да. Проекты все, проекты! реформы!

Лебедевъ. Въ чемъ-же дѣло?

Пузыревскій. Тамъ на счетъ счетоводства да отвѣтственности поручителей—ухищренія разныя. Это провалили. А одна штука прошла. И серьезная штука. (*Отвѣчая на вопросительный взглядъ Лебедева*). Проценты по ссудѣ сбавили.

Лебедевъ (*съ безпокойствомъ*). Это какъ?

Пузыревскій. Такъ. Докладъ представилъ Илюмовъ, что вотъ-де цѣль нашей кассы помогать немущимъ, а выходятъ, будто она существуетъ для имущихъ, которые имѣютъ вклады и проценты на нихъ хорошіе получаютъ,—вродѣ ростовщиковъ насъ представилъ. Слѣдуетъ-де ограничить вклады известной суммой и уменьшить проценты по ссудѣ.

Лебедевъ. Такъ неужто-же это прошло?

Пузыревскій. На половину. Вклады-то не ограничили—потому, того и гляди, безъ денегъ останутся,—а проценты уменьшили, до шести.

Лебедевъ. Какъ-же такъ допустили?

Пузыревскій. Очень просто. Большинство-то вѣдь голъ—въ кассѣ у нихъ гроши, а долговъ за ними сотни. Ну, большинствомъ сорока съ чѣмъ-то голосовъ противъ семнадцати и постановили.

Лебедевъ. Ужъ это... я не знаю... Послѣ этого хоть изъ кассы уходи. Какой мнѣ расчетъ изъ-за шести процентовъ деньги тутъ держать? Я и на бумагахъ столько-же получу.

Пузыревскій. Лука Лукичъ ужъ вышелъ (*киваетъ головой на Воеводина*).

Лебедевъ. Да еще-бы!

Харченко (*Воеводину*). Вотъ мы имъ такое отношеньице и заготовимъ: шалите, молъ, не на тѣхъ напали. Пусть-ка отписываются!... Такъ я дѣльце возьму?

Воеводинъ. Возьмите. Скажите, что я приказалъ. (*Харченко уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Воеводинъ, Манюкинъ, Бутиковъ, Шленкъ.

Лебедевъ. Лука Лукичъ! Каково это—вчера-то, на собраніи?

Воеводинъ (*злобно*). Да, ужъ, господи Илюмовъ показалъ себя. Ему-то съ другими терять нечего. А кто сберегъ кое-что про черный день...

Пузыревскій (*смѣясь*). Кое-что! Знаемъ мы ваше кое-что. Главные-то капиталы въ оборотѣ.

Воеводинъ. Какіе капиталы? Почему вы мои капиталы знаете?

Пузыревскій. Кто-же ихъ не знаетъ!

Воеводинъ. Въ чужомъ карманѣ считать трудно-съ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Манюкинъ, Бутиковъ, Шленкъ.

Лебедевъ. Разсердили старика.

Пузыревскій. Не любить! (*Манюкину и Бутикову*). Вотъ, молодые люди, имѣйте въ виду: коли понадобятся деньги—къ нему право. Всего три процента въ мѣсяцъ беретъ.

Манюкинъ. Будемъ имѣть въ виду. (*Входитъ курьеръ*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Манюкинъ, Бутиковъ, Шленкъ, курьеръ.

Курьеръ (*почтительно наклонившись къ Шленку*). Господинъ управляющій васъ проситъ. (*Шленкъ дѣловито хмурится и, не допивъ чая, уходитъ въ сопровожденіи курьера*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Манюкинъ, Бутиковъ.

Пузыревскій (*Лебедеву, съ насмѣшкой*). И чайку-то, бѣдняжкѣ, попить не дадутъ. Труженникъ!

Лебедевъ. Карьеру дѣлаешь.

Пузыревскій. Да и сдѣлаешь. Того и гляди, очутимся мы съ вами у него подъ началомъ.

Лебедевъ. Очень просто.

Бутиковъ (*Манюкину*). Хорошо идетъ Шленкъ. **Манюкинъ.** Да вѣдь онъ и въ училищѣ хорошо шелъ. Первымъ кончилъ.

Бутиковъ. Какъ онъ съ вами? любезенъ?

Манюкинъ. Да, очень милъ. Онъ человекъ воспитанный. Педантъ немножко... Это, впрочемъ, на службѣ необходимо. (*Встаютъ, обзрываютъ афиши и вскорѣй уходятъ. Тѣмъ временемъ входитъ Платонида Марковна.*)

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Платонида Марковна.

Лебедевъ. Какъ дѣла, Платонида Марковна?

Плат. Марк. Что ужъ наши дѣла! Жаловаться—Бога гнѣвить... а и хвастаться тоже нечѣмъ. (*Присаживается*.) Нѣтъ-ли, господа, у кого папирочки?

Пузыревскій. Какъ не быть! (*Подаетъ ей портсигаръ*.) Собственной фабрикаціи.

Плат. Марк. Оно и лучше. Не люблю я покупныхъ. Ни вкусу, ни запаху—а горло дерутъ. (*Закуриваетъ. Въ дверь выльцовываетъ Аболтинъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Платонида Марковна, Аболтинъ.

Аболтинъ. Мамаша, пожалуйста-ка сюда!

Плат. Марк. Ну, что еще? Посядѣть не дадутъ.

Аболтинъ. Пожалуйте! дѣло есть. (*Когда Платонида Марковна подошла, вполголоса.*) Вы съ Гаврилова получили?

Плат. Марк. Получила. Удрать - было хотѣлъ, да я подстерегла.

Аболтинъ. Такъ больше ему на книгу не давайте. Его на дняхъ—тю-тю!

Плат. Марк. Что ты?!

Аболтинъ. Ужь это вѣрно.

Плат. Марк. За что-жь это его?

Аболтинъ. За отлично-усердную службу. По трудамъ и заслугамъ. Смотрите-жь! (*Исчезаетъ. Платонида Марковна снова садится къ столу.*)

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Платонида Марковна.

Пузыревскій. Семейные секреты?

Плат. Марк. Да. (*Шомочавъ, Лебедеву.*)

А что, Алексѣй Николаевичъ... хочу я у васъ спросить... Помощникомъ своимъ вы довольны?

Лебедевъ. Которымъ? У меня ихъ два.

Плат. Марк. Илимовымъ.

Лебедевъ. Какъ вамъ сказать... Да что онъ васъ интересуетъ? вы не въ родствѣ съ нимъ?

Плат. Марк. Нѣтъ, какое родство! Такъ, знакомы—бываетъ у насъ. Не любить его здѣсь, кажись... Такъ мнѣ и хотѣлось узнать—что такое? Служака-ли плохой, либо другое что...

Лебедевъ (*уклончиво*). За что его не любить?... Есть немножко, правда. Фантазеръ.

Плат. Марк. Фан-та-зеръ? Стало быть что-жь? о себѣ, что-ль, много думаетъ?

Лебедевъ. Не то, что о себѣ, а такъ... фантазія много.

Плат. Марк. Это, пожалуй, что. Хоть бы вотъ вчера, на собраніи на этомъ,—какъ вѣдь намутилъ-то!

Пузыревскій. Намутилъ! Что и говорить.

Плат. Марк. И къ чему, спрашивается? Враговъ только себѣ наживать.

Пузыревскій. Не однихъ враговъ. Мелкота вся теперь на его сторонѣ—обожаютъ.

Плат. Марк. Ну, честь-то не велика. Да и корысти мало. Мелкота обожаетъ, а кто посидишь—тѣ недовольны. Что хорошаго?

Лебедевъ (*съ усмѣшкой*). На всѣхъ не угодишь.

Плат. Марк. О томъ-то и надо подумать—кому угождать. Служишь, такъ угождай тѣмъ, кто постарше, кто тебя въ люди вывести можетъ. Тѣмъ и угождай.

Лебедевъ. Было, да прошло, Платонида Марковна. Другія времена настали.

Плат. Марк. Да, ужъ времена! на что хуже! (*Входитъ писецъ, осторожно выбираетъ бумагу и уходитъ*). Вы мнѣ только вотъ что скажите, Алексѣй Николаевичъ: хорошо-

ли онъ служить, Илимовъ - то? Вѣдь вы его прямой начальникъ—онъ у васъ на глазахъ.

Лебедевъ. Ничего себѣ служить. Малый способный и не лѣнивъ. Фантазія вотъ—одно.

Плат. Марк. Да въ чемъ фантазія - то? Не пойму я.

Лебедевъ. А въ томъ фантазія, что по-своему все хочеть. Не такъ, какъ изстари заведено, а какъ ему лучше кажется.

Плат. Марк. Скажите на-милость! Чѣмъ бы учиться, примѣръ брать... Вѣдь вотъ!

Лебедевъ. Дашь ему бумажку написать и образецъ укажешь—собственныя имена только да цифры другія вставить, — и бумажку - то вздорную—вродѣ того, что на полторы копѣйки балансъ не сходится: нѣтъ, непремѣнно по-своему напишетъ,—такъ, говоритъ, и короче и яснѣе. Да не хочу я ни краткости твоей, ни ясности! У меня входящая бумага—и я ее разрѣшить долженъ, по закону и въ срокъ. А коли я стану за краткостью да за ясностью гоняться—такъ что бумагъ-то накопится!

Плат. Марк. Вѣрно, вѣрно, Алексѣй Николаичъ. Ужь такъ вѣрно!

Пузыревскій. Реформы! (*Входитъ Илимовъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Платонида Марковна, Илимовъ.

Пузыревскій. Вотъ онъ, революціонеръ нашъ!

Лебедевъ. Вы что-жь это, батенька? За что па насъ ополчились?

Илимовъ (*благодарно*). Я не на васъ ополчился, а на ваши капиталы. (*Сидится къ столу*).

Лебедевъ. Всю одно.

Илимовъ. Не согласенъ.

Лебедевъ. Вотъ какъ всѣ мы, крупные участники, выйдемъ изъ кассы—тогда и согласитесь. Тогда и заплачетесь.

Илимовъ. Зачѣмъ же намъ плакаться? Напротивъ. Тогда только и пойдетъ все, какъ слѣдуетъ. Касса достояніе общее, а не нѣсколькихъ лицъ.

Пузыревскій. Это въ нашъ огорождъ.

Илимовъ. Да, въ вашъ. Воеводинъ ужъ вышелъ—и скатертью дорога.

Пузыревскій. Рѣшительно!.. Платонида Марковна, каково?

Плат. Марк. Что ужъ! И не понять даже. Мудрятъ, мудрятъ...

Пузыревскій. Да и перемудрятъ. (*Смѣется.*)

Плат. Марк. Ужь, конечно... (*Входитъ курьеръ.*)

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Платонида Марковна, Илимовъ, курьеръ.

Курьеръ. Платонида Марковна, чаю управляющему.

Плат. Марк. Вотъ вамъ. Насидѣлась. (*Уходитъ съ курьеромъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 16-е.

Лебедевъ, Пузыревскій, Илимовъ.

Лебедевъ (*Пузыревскому*). Что-жъ, потянемъ и мы? (*Встаетъ.*)

Пузыревскій (*тоже*). Потянемъ. Служнуть надо. Къ управляющему насъ не позовутъ...

Лебедевъ. Гдѣ ужъ намъ! Охъ-охъ-охъ... (*Уходитъ. Черезъ нѣсколько времени входитъ Людмила со стаканомъ чая.*)

ЯВЛЕНИЕ 17-е.

Илимовъ, Людмила.

(*Людмила, не глядя на Илимова, ставитъ передъ нимъ стаканъ и начинаетъ убирать на столъ; онъ не сводитъ съ нея глазъ, но она какъ будто не замѣчаетъ этого. Весь послѣдующій разговоръ ведется вполголоса, причемъ Людмила безпрестанно поворачиваетъ голову къ двери.*)

Илимовъ. Что-жъ это, и взглянуть на меня не хочешь? (*Людмила, сдерживая улыбку, хмурится и продолжаетъ свое дѣло*). Люсенька!... (*Молчаніе*). Милюся!... (*У Людмилы вырывается нетерпливое движеніе*). Да что съ тобою, цыпка моя? (*Встаетъ и направляется къ ней*).

Людмила (*испуванно пятится, озирается и машетъ руками*). Сс... сс... сс...

Илимовъ (*пораженный*). Что такое? Что такое?

Людмила (*таинственно*). А то, что мнѣ вчера досталось... вотъ что!

Илимовъ. За что досталось? отъ кого?

Людмила. За васъ, отъ матери. Ужъ такъ ругала, такъ ругала... Не подвернись братъ—прибила-бы.

Илимовъ. Ну, ужъ... прибила-бы!

Людмила. А то нѣтъ? Сдѣлайте одолженіе—въ лучшемъ видѣ. Рассказывала вѣдь я, какъ жется...

Илимовъ (*брезливо*). За молчи, пожалуйста, слышать я этого не могу... За что-жъ она ругала? Я все-таки не понимаю.

Людмила (*значительно*). Не пони-шаете?!

Илимовъ (*смутившись*). Странно однако...

Людмила. Ничего нѣтъ страннаго! рѣшительно ничего! Напротивъ, очень даже обыкновенно. И чѣмъ дальше—тѣмъ хуже будетъ. Вчера не прибила—завтра прибьетъ, это ужъ будьте благонадежны. (*Илимовъ дѣлаетъ нѣсколько порывистыхъ движеній по комнатѣ. Людмила хочетъ идти*).

Илимовъ. Постой.

Людмила. Ну-да, постой! Того гляди, войдетъ.

Илимовъ. Постой-же!... Ты стало-быть призналась ей?

Людмила. Ничего не призналась. Да развѣ и безъ того не видно?

Илимовъ (*смотритъ на нее въ упоръ, явно думая о чемъ-то иномъ*). Да... съ этикъ надо покончить...

Людмила (*тревожно съ угрозой*). То-есть какъ это покончить?

Илимовъ (*не сразу выходя изъ раздумья*). А?... Какъ покончить?... Объявить ей наше намѣреніе...

Людмила (*съ облегченіемъ*). Давно пора.

Илимовъ. Да... пора... Такъ ты ей скажи.

Людмила. Ну-да! я-то съ какой стати? Мое это развѣ дѣло?

Илимовъ. Я думаю, что одинаково, Люся... и мое, и твое...

Людмила. Гдѣ одинаково, а гдѣ и разница. Огромная разница...

Илимовъ. Люся! Опять?

Людмила. Что еще?

Илимовъ. Огромная! Кто-жъ такъ говорить?

Людмила. Ахъ, оставь ужъ! Сурьезный разговоръ, а онъ съ пустяками... Я говорить ничего не стану—такъ и знайте.

Илимовъ. Не понимаю—почему. Ты къ ней ближе...

Людмила. Потому, что не желаю. Достаточно? Да и ни къ чему-бы это. Я, положимъ, скажу—а она все-таки спроситъ: онъ-то что-жъ? отчего не самъ? языка у него, что-ли, нѣтъ? или боится?

Илимовъ. Ну, я тогда и скажу. Тогда мнѣ легче будетъ.

Людмила (*обидчиво*). А теперь тяжело стало-быть? Очень пріятно слышать.

Илимовъ. Полно, не дуйся. (*Привлскаетъ ее къ себѣ*). Придешь сегодня?

Людмила. И не подумаю.

Илимовъ (*цѣлуетъ ее*). Приди, цыпка!

Людмила. Пока не скажете матери—не дождетесь. И то ужъ дура была.

Илимовъ. Какъ тебѣ не стыдно!... Ну, хорошо, я скажу.

Людмила (*сразу повеселѣла*). Когда?

Илимовъ. Завтра.

Людмила. Все-таки завтра! Хотя одинъ денекъ оттянуть!

Илимовъ. Завтра воскресенье. Платониды Марковна утромъ будетъ дома. Вообще свободнѣе.

Людмила. Не обманешь? Честное слово?

Илимовъ (*съ усміемъ*). Честное слово. А ты придешь?

Людмила. Приду. (*Наскоро обнимаетъ и цѣлуетъ его. Онъ хочетъ ее удержать, но она съ тихимъ смѣхомъ вырывается. Входитъ сторожъ. Людмила, украдкой погрозила Илимову, уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 18-е.

Илимовъ, сторожъ.

Сторожъ. Господинъ васъ спрашиваетъ, ва-
ше благородіе.

Илимовъ. Какой господинъ?

Сторожъ. Не могу знать. Видѣтъ васъ же-
ають. (*Пропустивъ Илимова въ дверь, ухо-
итъ за нимъ. Черезъ минуту Илимовъ воз-
ращается съ Багрецовымъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 19-е.

Илимовъ, Багрецовъ.

Илимовъ. Иди, иди. Никого нѣтъ.

Багрецовъ (*недовѣрчиво*). Хорошо-ли... чу-
кому-то человѣку? Мѣсто служебное. Вонъ кто-
о чай не допьялъ—допивать придетъ. Не хо-
юшо.

Илимовъ. Ничего тутъ нехорошаго нѣтъ.
е привелъ-бы я тебя. Садись.

Багрецовъ. Погоди садиться-то. Поцѣлуемся
ще разъ. (*Цѣлуются*).

Илимовъ. Тебѣ чего—чаю или кофею?

Багрецовъ (*садится*). Водочки-бы. Уста-
алъ—подбодриться. Хорошо-бы водочки. Вонъ
ветчинка. Отлично ветчинкой закусить. Не-
юсь, нѣтъ у васъ?

Илимовъ. Водки нѣтъ. Чего захотѣлъ!

Багрецовъ. Вотъ видишь! Я и говорю—въ
рактирѣ-бы лучше. Музыку-бы послушали,
ыпили. Подъ музыку пьется.

Илимовъ. Нельзя нѣтъ уйти никуда.

Багрецовъ. Ну, нельзя—такъ нельзя. А подъ
музыку-бы славно.

Илимовъ. Что-жъ, чаю тебѣ, или кофею?

Багрецовъ. Чайку, чайку. Не пью вѣдь я
кофею.

Илимовъ. Я и забылъ.

Багрецовъ. Не пью. Отродясь не пивалъ.

Илимовъ (*въ дверь*). Позвольте намъ чаю—
два стакана. (*Багрецову*). Съ молокомъ, или
съ лимономъ?

Багрецовъ. Съ молочкомъ, пожалуй. Съ мо-
лочкомъ хорошо—жажду утоляетъ.

Илимовъ (*въ дверь*). Съ молокомъ. (*При-
саживается*.) Опять стало-быть въ Питерѣ?

Багрецовъ. Опять въ Питерѣ. Курить-то
можно у васъ?

Илимовъ. Можно, конечно. (*Привдвигаетъ
къ нему спички и пепельницу*).

Багрецовъ. Кто васъ знаетъ! Мѣсто слу-
жебное, нельзя не спросить. А безъ курева я
не могу. Не могу. (*Достаетъ табакъ, сверты-
ваетъ толстую папиросу, вставляетъ ее
въ мундштукъ и закуриваетъ*.) Ты все не
куришь?

Илимовъ. Нѣтъ.

Багрецовъ. Напрасно не куришь. Оттого у
тебя и нервы. И нервы оттого. Куреніе успо-

каиваетъ. Я самъ нервный, по себѣ знаю.
Успокаиваетъ куреніе. Нервамъ-то не лучше
твоимъ?

Илимовъ. Какое лучше! хуже.

Багрецовъ. Не куришь—оттого. (*Возвра-
щаясь къ прерванному разговору*.) Опять въ
Питерѣ. Опять. Не минешь его, Питера. Гдѣ ни
путаешься—въ Питерѣ очутишься. Не минешь.

Илимовъ. Что-жъ ты думаешь дѣлать?

Багрецовъ. Ничего пока не думаю. Что мнѣ
думать! Одинъ вѣдь—не пропаду. Одинъ. А
тебя вотъ какъ на службу угораздило? Любо-
пытно это. Какъ тебя угораздило?

Илимовъ. Угораздило, братъ. Ты мою обста-
новку знаешь—помощи мнѣ никакой. Двѣсти
рублей въ годъ маминой пенсіи—и все тутъ.
Думалъ уроками перебиться, пока диссертацию
напишу... нашелъ и уроки... да что! Уроки
хороши, когда ихъ много, когда на нихъ все
время уходитъ... а такъ, чтобъ и нашимъ и
вашимъ,—не стоитъ: гроши. Ну, вотъ и под-
вернулся родственникъ. Самое, говорить, луч-
шее—на службу: и существованіе обезпечено,
и досуга много. Взялся хлопотать—выхлопота-
л. На первое время дали немного—но вольно-
ному найму. Потомъ скоро вакансія откры-
лась—помощникомъ бухгалтера сдѣлали...

Багрецовъ. Диссертацию стало-быть пишешь?

Илимовъ. Нѣтъ. Невозможно. Цѣлое вѣдь
утро здѣсь—самое дорогое время... Придешь
домой... не то что усталый—уставать-то не
отъ чего... а точно какъ въ угарѣ: думать ни
о чемъ не можешь, все тебя раздражаетъ...

Багрецовъ. Не по тебѣ дѣло-то, выходитъ.
Это ужъ на что хуже. Это не дай Богъ. Не
по тебѣ дѣло. Подождаль-бы, перебился-бы
какъ-нибудь. Я по себѣ знаю. Отъ своего от-
станешь, къ чужому не пристанешь—бѣда!
По себѣ знаю.

Илимовъ. И я, братъ, теперь по себѣ знаю...
да что-жъ, когда такъ пришлось, что выбора
нѣтъ!

Багрецовъ. Перебился-бы какъ-нибудь...

(*Входитъ другой писецъ, беретъ со стола
юрчицину и уходитъ, съ любопытствомъ
поглядывая на Багрецова*).

Илимовъ. Ахъ, ахъ, ахъ! (*Вскакиваетъ,
дѣлаетъ нѣсколько шаговъ въ одну и другую
сторону и снова садится*).

Багрецовъ (*проводитъ писца глазами*).
Перебился-бы какъ-нибудь, говорю.

Илимовъ. Перебился-бы! Какъ я перебьюсь?
Ну, какъ? Знаешь вѣдь...

Багрецовъ. Знаю, знаю... Старушка-то не
поправилась?

Илимовъ. Не можетъ она поправиться. На-
противъ, съ каждымъ днемъ хуже. Теперь ужъ
совсѣмъ ничего не помнить.

Багрецовъ. А сестра? Не работаетъ? не по-
могаетъ? (*Илимовъ раздраженно усмѣхаетъ*

ся и передергивает плечами). Внушить слѣдуетъ. Нельзя такъ. Внушить непременно. Должна понять, не маленькая.

Илимовъ. Да, да... поди-ка, внуши!

Багрецовъ. И внушу. Что-жь!

Илимовъ. Внуши, внуши!

Багрецовъ. Внушу. По совѣсти внушу. Голы не сниметь. Обижать не стану—правду скажу только.

Илимовъ. Правдой-то и обидишь. Нѣтъ для насъ худшей обиды, какъ правда. Нѣтъ ужъ, братъ, лучше и не пытайся!

Багрецовъ. Отчего не попытаться? Попытаться всегда надо. А за правду обижаться нельзя. Кто за правду обижается?

Илимовъ. Что-жь это намъ чаю... (*Хочетъ встать, но въ это время входитъ Людмила съ двумя стаканами.*)

ЯВЛЕНИЕ 20-е.

Илимовъ, Багрецовъ, Людмила.

(*Подаетъ чай, Людмила съ вызывающимъ видомъ останавливается передъ столомъ. Багрецовъ удивленно смотритъ на нее.*)

Илимовъ (*въ смущеніи*). Вотъ, кстати... позвольте васъ познакомить... Людмила Ефимовна Аболтина—Яковъ Савельичъ Багрецовъ...

Багрецовъ (*привставъ*). Друзья дѣтства.

Людмила (*протягиваетъ Багрецову руку*). Очень пріятно познакомиться. (*Илимову*). Ты никогда ничего не говорилъ мнѣ о нихъ.

(*Багрецовъ удивляется еще больше, Илимовъ приходитъ въ совершенное смущеніе, — и только одна Людмила держится вполне самоутверненно.*)

Илимовъ. Между нами говоря... эта дѣвица и я... не совсѣмъ-то простые знакомые, какъ ты и могъ догадаться... Затѣяли мы одну штуку...

Людмила. Ну, что это, право, — какъ онъ говоритъ! Они еще Богъ знаетъ что подумаютъ. (*Багрецову*). Никакой штуки, а дѣло самое обыкновенное. Семенъ Петровичъ — мой женихъ, а я его невѣста, — съ чѣмъ васъ и имѣю честь поздравить... то есть не васъ, а... ужъ не знаю — кого! (*Заливается смѣхомъ*.)

Багрецовъ. (*Илимову*). Поздравлять, что-ли?

Илимовъ (*не совсѣмъ свободно улыбаясь*). Поздравляй, если хочешь.

Багрецовъ. Ну, дай Богъ тебѣ. (*Обнимаетъ и целуетъ Илимова*.) Дай Богъ. Дѣло хорошее. Святое дѣло. (*Людмилѣ*.) И васъ также позвольте поздравить. (*Жметъ ей руки*.) Мы съ Сеней — старые друзья. Росли вмѣстѣ, учились, горе мыкали: старые друзья. (*Илимову*.) Что-жь, это секретъ еще?

Людмила. И секрета никакого. Такъ ему вздумалось. (*Слегка тербитъ Илимова за волосы*.)

Багрецовъ. Извѣстное дѣло, секретничать нечего. Не худое что задумали. (*Людмилѣ съ улыбкой*.) Не худое вѣдь, а?

Людмила (*смѣясь*). Кажется, что нѣтъ. А впрочемъ, не знаю... (*Голосъ Платона Марковна за дверью: „Людмила!“*) Иду. Мамаша зоветъ, прошу извинить. Пардонъ мусье! (*Шаловливо присвѣзъ, убѣгаетъ. Илимовъ болзненно морщится.*)

ЯВЛЕНИЕ 21-е.

Илимовъ, Багрецовъ.

Багрецовъ. Что-жь ты это скрывать-каешь? А еще другъ!

Илимовъ. Я не скрывать-каю. Не успѣлъ сказать.

Багрецовъ. Какъ не успѣть! Первымъ деломъ сказать надо было — а ты молчишь. Первымъ дѣломъ. (*Шомолчавъ*.) Давно это у насъ сладилось-то? Знакомы-то давно?

Илимовъ. Сладилось — такъ, мѣсяца два или три назадъ... а знакомы съ тѣхъ поръ, какъ служу. Здѣсь и познакомились.

Багрецовъ. Скоро-же вы! Хорошо-ли узнала ее? Кто она такая? изъ какихъ?

Илимовъ. Ея мать — вдова, буфетъ у насъ содержать... отецъ здѣсь-же служилъ — а теперь и братъ служить.

Багрецовъ. Во какъ! въ настоящіе служки записаться хочешь. Смотри! Болото вѣдь. Втигиваетъ — болото. Не торопись-бы. Любить — не убѣжить. А поторопишься, да ошибешься — что хорошаго. Не торопись, погоди... Чемъ нахмурился? Сердишься?

Илимовъ. Нѣтъ, не сержусь. (*Значительно смотритъ на него*.) Нельзя, братъ, годить — вотъ что.

Багрецовъ (*испытываетъ его долгимъ взглядомъ*). Вишь ты! Правду сказалъ, что штука затѣяли. Штука настоящая. Ужъ такая штука... (*Ласково поштываясь*.) Какъ же ты это, а? Вотъ они, нервы-то. Все они, все нервы.

Илимовъ. Ужъ тамъ нервы-ли, нѣтъ-ли... отъ этого не легче.

Багрецовъ. Да ты любишь ее?.. Смотри, Семенъ! Это вѣдь... что это! Тутъ надо... у-у-у, какъ! Любишь, что-ли?

Илимовъ. Конечно, люблю. Что ты спрашиваешь! Кажется знаешь меня... не шелопаю же я какой-нибудь, въ самомъ дѣлѣ...

Багрецовъ. А коли любишь...

Илимовъ. По-твоему, это и все? больше ничего не надо?

Багрецовъ. Чего-жь еще? денегъ развѣ?

Илимовъ. Не понимаешь ты! (*Порывисто встаетъ, подходитъ къ окну и смотритъ въ него, барабани пальцами по стеклу; молчавъ и не оборачиваясь, съ видимымъ усиліемъ*.) Уваженія, братъ! уваженія! вотъ

го еще надо. (*Вдвунь оборачивается*). А? го ты на это скажешь?

Багрецовъ (*озадаченный*). Уваженія?.. Да, то... конечно... Безъ уваженія трудно... Безъ уваженія нельзя... Эхъ, Семень, Семень!

Илимовъ. Чаю хочешь?

Багрецовъ (*съ досадой*). Не хо-чу! (*Скруиваетъ и закуриваетъ вторую папиросу; въ раздумьи*). Такъ-то!.. Что-жъ тебѣ собственно... Ты вотъ говоришь: тяжело служить... Дѣла, что-ли, много? или народъ тяжелый? Чего тяжело-то?

Илимовъ. И дѣла немного, и народъ—какъ народъ: есть порядочные люди, есть и дрянные... А вообще... вообще холодно все какъ-то, безучастно. Точно на барщину сходятся—отбыли и скорѣй вонъ. Не могу я такъ работать. Какая-бъ ни была работа—я долженъ проникнуться ею, иначе она у меня изъ рукъ валиться будетъ. Да и валится уже. За что ни возьмешься—противно такъ. Иногда занересуешься, захочешь сдѣлать получше—сейчасъ же тебя холодной водой обольютъ: къ чему это все? ничего не надо! дѣлай, какъ другіе дѣлаютъ, не мудрствуй!.. И отношенія какія-то... деревянныя—слова ласкового не услышишь... Есть у насъ касса—наша, собственная. Кажется, ужъ дѣло близкое, живое,—такъ и тутъ... Ни почина, ни товарищества. Одни наживаются,—другіе только о томъ и думаютъ, чтобъ ссуду побольше сорвать... Скверно! все скверно!

Багрецовъ. Уходи, коли такъ. Чего сидишь? Уходи.

Илимовъ. Куда я уйду? куда?

Багрецовъ. На волю уходи. Голова на плечахъ есть—не пропадешь. Уходи, пока можно. А то поздно будетъ.

Илимовъ. Да и такъ ужъ поздно.

Багрецовъ. Не падай духомъ! не падай! не годится. Упадешь духомъ—кончено. Будь твердъ. И не горячись, не волнуяся—вредно тебѣ. Сердце-то у тебя съ изъязномъ. (*Посмѣиваясь, какъ раньше*.) Хорошее сердце, а съ изъязномъ. Такъ и не тронь его, не раздражай. Не совался-бы на службу—лучше было-бы. Какой ты служака? Не въ прокъ тебѣ служба пойдетъ—я ужъ вижу, что не въ прокъ. Не служака ты... Ну, будь здоровъ. Пора. Да и тебя, небось, задерживаю. (*Встаетъ*) Будь здоровъ. (*Цѣлуются*.)

Илимовъ. Заходи-же, не откладывай.

Багрецовъ. Зайду, зайду. Какъ не зайти! Зайду. (*Входитъ Людмила*).

ЯВЛЕНИЕ 22-е.

Илимовъ, Багрецовъ, Людмила.

Людмила (*Багрецову*). Уходите?

Багрецовъ. Ухожу. Дѣла. Увидимся еще. Будьте здоровы. (*Держитъ Людмилу за ру-*

ку.) Выйдете за него—пожалѣйте, поберегите. Человѣкъ хорошій. Помягче съ нимъ будьте, поласковѣй. Сердца больше слушайте. Сердце не обманетъ. Разсудокъ обмануть можетъ, а сердце—нѣтъ. Слушайте сердца.

Людмила (*прижимаясь къ Илимову*). Я слушаюсь. Потому и замужъ за него иду.

Багрецовъ. Слушайте, слушайте. (*Илимову*.) Ты мнѣ дорогу-то укажи, а то заблудишься еще тутъ у васъ, не дай Богъ. Мѣсто служебное. За чай-то какъ? платить?

Илимовъ. Я запишу.

Багрецовъ. Ну, пиши. Спасибо на угощеніи. (*Идетъ къ двери въ сопровожденіи Илимова, котораго Людмила, когда онъ проходитъ мимо нея, украдкой щиплетъ за руку. Тотъ слегка вскрикиваетъ, Багрецовъ оборачивается, Людмила хохочетъ*.)

Багрецовъ (*съ улыбкой*). Не обижайте мнѣ его! не обижайте!

Людмила. Это я отъ избытка чувствъ.

Багрецовъ. Все равно, обижать не годится. Любите—приласкайте. А обижать—Боже сохрани. (*Илимовъ и Багрецовъ уходятъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 23-е.

Людмила. Вотъ чудакъ-то! А ничего-себѣ: причесать, дапріодѣтъ—кавалеръ во всей формѣ. Поинтереснѣ моего, пожалуй.. (*Задумчиво*.) И за что я его полюбила? (*Входитъ Шленкъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 24-е.

Людмила, Шленкъ.

Людмила. Вашъ чай совсѣмъ простылъ. (*Собираетъ опорожнившуюся посуду и хочетъ идти*.)

Шленкъ. Ничего. Я люблю холодный... (*Ослабляясь*.) Куда-же вы? Побесѣдуемте. Мнѣ одному скучно.

Людмила (*видимо польщенная*). А со мною будто весело будетъ?

Шленкъ. Конечно. Съ хорошенькими всегда весело.

Людмила. Что это вы!

Шленкъ. Да вѣдь вы сами знаете, что вы хорошенькая. Не можетъ быть, чтобъ не знали. Сядьте, мнѣ такъ неудобно разговаривать съ вами. Сядьте-же! (*Сажаетъ ее рядомъ съ собой*.) Вы даже очень хорошенькая, право. Можно васъ поцѣловать?

Людмила (*смѣясь*). Нѣтъ, нельзя.

Шленкъ. Отчего? А если я все-таки поцѣлую?

Людмила. Я разсержусь.

Шленкъ. Это будетъ очень мило. Я люблю, когда хорошенькія сердятся.

Людмила (*приподнимаясь*). Мнѣ некогда, право.

Шленкъ (*удерживая ее*). Посидите минутку. (*Цѣлуетъ*.)

Людмила (*слабо сопротивляясь, шопотомъ*).
Послушайте! что вы! не надо!

Шленкъ (*продолжая цѣловать*). Отчего не надо?

Людмила. Нехорошо. Войти могутъ. Довольно ужъ... пустите!

Шленкъ. Поцѣлуйте меня—тогда пушу.

Людмила. Ну, ужъ вѣтъ! этого не дожидеться! (*Вырывается и бѣжитъ къ двери. Шленкъ настаиваетъ ее и снова цѣлуетъ. Входитъ Илимовъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 25-е.

Людмила, Шленкъ, Илимовъ.

Людмила (*сразу мнѣя тонъ*). Оставьте! какъ вы смѣете! что за охальство такое!

Илимовъ (*схвативъ Шленка за шиворотъ, вѣт себя*). Мальчишка! дрянъ! уши надеру!

Шленкъ (*не то возмущенный, не то перепуганный*). Что вы... съума вы сошли...

Людмила (*растерявшись*). Сеня! Семень Петровичъ! оставьте! я васъ прошу!

Илимовъ (*освобождая Шленка и тяжело дыша*). Смотрите, въ другой разъ не попадайтесь мнѣ! задшу! (*Входитъ Платонида Марковна. Шленкъ, совершенно уничтоженный, схватываетъ папку и почти убѣгаетъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 26-е.

Людмила, Илимовъ, Платонида Марковна.

Плат. Марк. (*подозрительно поглядывая на обокъ*). Что здѣсь такое?.. Людмила!

Людмила (*избѣгая ея взгляда*). Не знаю... они тутъ съ Семень-Петровичемъ...

Илимовъ. Этотъ негодяй насильно поцѣловалъ ее... ну, и получилъ.

Плат. Марк. А-а-а... (*Въ мнѣтъ наступать на дочь*). Ты это что-жь? Всѣмъ ужъ безъ разбора на шею вѣшаться?

Людмила (*отодвигаясь и защищая лицо руками*). Мамаша! я не виновата! честное слово! Онъ самъ...

Плат. Марк. Не виновата? онъ самъ? да еще честное слово? Ахъ, ты... (*Съ силой держитъ ее.*)

Илимовъ. Не смѣйте ее трогать!

Плат. Марк. Вы тутъ что еще? вамъ какое дѣло? Защитникъ тоже выискался! Я вотъ еще разговоръ должна имѣть съ вами...

(*Людмила украдкой дѣлаетъ Илимову поощрительные знаки.*)

Илимовъ (*волнуясь и не замѣчая этого*). Очень хорошо... Я тоже... завтра... (*Взглянувъ на Людмилу*). Даже сегодня, если хотите... сейчасъ...

Плат. Марк. Зачѣмъ сейчасъ? Здѣсь не мѣсто. Да правду сказать... и разговаривать намъ съ вами не о чемъ: такъ, съ языка со-

рвалось. А прошу васъ извинить мой долгъ отъ вашихъ посѣщеній—вотъ и все. Эдакъ лучше будетъ. Ужъ не взыщите. Вы человекъ образованный—сами должны понять...

Илимовъ. Позвольте. Совѣсть не то. Я прощу у васъ руки вашей дочери.

(*Людмила мгновенно приободряется.*)

Плат. Марк. (*совѣсть ужъ иначе, но еще недоверчиво*). Вотъ какъ!

Илимовъ. Да. (*Не глядя на Людмилу, беретъ ее за руку.*) Мы любимъ другъ друга—если вы ничего противъ меня не имѣете...

Плат. Марк. Это иное дѣло. И разговоръ теперь особый будетъ—только опять-таки и здѣсь. Завтра милости просимъ къ намъ и пирогъ—тогда и поговоримъ. (*Ласково прозвываетъ дочери.*) Ну, счастье твое, что защитница нашла, а то-бы...

(*Людмила кидается къ ней на шею. Входитъ Аболтинъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 27-е.

Людмила, Илимовъ, Платонида Марковна, Аболтинъ.

Аболтинъ. Что за нѣжности при нашей бѣдности?

Плат. Марк. Поздравь. Невѣста.

Аболтинъ (*удивленный*). Ну, да?

Плат. Марк. Вѣрно.

Аболтинъ. Чья-же? кто?

Плат. Марк. (*указывая на Илимова*). Вотъ. (*Людмила прижимается къ Илимову.*)

Аболтинъ. Вотъ такъ штука! Ай-да Милка! молодецъ!.. Ну, Семень Петровичъ, ежели намъ теперь изъ управленія да не зайти—такъ ужъ я и не знаю!

Илимовъ. Я съ удовольствіемъ... только вѣдь я ничего не пью.

Аболтинъ. Такъ я пью, Господи Боже мой! А вы хоть немножко—нельзя!

Людмила. Не надо, не надо! баловство. Теперь онъ долженъ деньги беречь.

Плат. Марк. Конечно, баловство.

Аболтинъ. Цыцъ, бабы! Не вашего ума дѣло. Маршъ!

Плат. Марк. (*шутливо*). Какъ ты смѣешь съ матерью такъ обращаться?

Аболтинъ. А мать не суйся! Маршъ, маршъ! **Людмила** (*матери*). Можно мнѣ его поцѣловать?

Плат. Марк. Поцѣлуй, что-жь!

(*Людмила обнимаетъ и цѣлуетъ Илимова.*)

Аболтинъ. Важно!

Плат. Марк. Ой, что-то ужъ... Видно, въ первый разъ.

Людмила (*смѣясь*). Не въ первый!

Плат. Марк. То-то! Пойдемъ. (*Платонида Марковна и Людмила уходятъ. Аболтинъ многозначительно подмигиваетъ Илимову.*)

щелкает себя по галстуку и, посмываясь, тоже уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 28-е.

Илимовъ (одинъ). Сказалъ. Кончено. Говорятъ, когда рѣшишься на что-нибудь, такъ

легче становится... А мнѣ вотъ не легче. Тяжелѣе даже... И грустно какъ-то. Точно вотъ обронилъ что-нибудь—любимое, дорогое... обронилъ, потерялъ — и не найти ужъ... (Съ усмѣшкой.) Хорошо, что я въ предчувствія не вѣрю!..

В Т О Р А Я К А Р Т И Н А.

Барвара Михайловна—мать Илимова, забывчивая. (Сухенькая, тихенькая старушка, съ доброй улыбкой и растеряннымъ взглядомъ)

Юлія—сестра Илимова, дѣвушка. (Находясь въ переходномъ возрастѣ, сохраняетъ еще восторженность наивной институтки, но въѣсть съ тѣмъ обнаруживаетъ уже и сварливость безнадёжной дѣвственницы.)

Мышкина Глафира Осиповна—дальняя родственница Илимовыхъ, вдова. (Пожилая особа—рыхлая, простодушная и безтолково-суетливая.)

Дѣйствіе происходитъ въ общей квартирѣ Илимовыхъ и Аболтинныхъ, черезъ нѣсколько лѣтъ.

Небгато, но съ мѣщанскими притязаніями, обставленная гостиная. Направо два окна, выходящія на улицу; налево дверь, ведущія на половину Аболтинныхъ; въ глубинѣ двѣ двери: правѣ—на половину Илимовыхъ, лѣвѣ—въ переднюю. У перваго окна небольшой рабочей столѣ; за нимъ стулъ, а сбоку кресло. Налево диванъ.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Юлія, Мышкина.

(Юлія—за рабочимъ столикомъ, на стулѣ, съ книгой; Мышкина—тутъ-же, на креслѣ, съ вязаньемъ.)

Юлія *(читаетъ вслухъ, съ увлеченіемъ и необыкновенною выразительностью)*. «Вся дрожь отъ страха, Генриетта уже не шла, а бѣжала, и рѣшилась передохнуть лишь тогда, когда среди низкихъ, полуразрушенныхъ лагучъ выдѣлилась передъ ней темная масса шестизатяжнаго дома. Ни одно окно не свѣтилось: можно было подумать, что дождь необитаемъ; а между тѣмъ, если Генриетту не обманули, здѣсь въ настоящую минуту совершалось дѣяніе, которому она не нашла-бы имени. — Слѣдующаго указанія письма...»

Мышкина. Погоди, моя душечка. Я не поняла, отъ кого это она получила письмо?

Юлія. Ахъ, тетя, какъ вы слушаете! Невѣстно отъ кого, въ томъ-то и дѣло.

Мышкина. А я знаю. Отъ графа.

Юлія. Что вы! что вы! вотъ выдумали! съ какой стати графъ будетъ такія письма писать?

Мышкина. А съ такой, что этотъ бракъ разрушилъ его намѣренія.

Юлія. Ну, такъ что-жъ?

Мышкина. Ну, онъ и мститъ, вооружаетъ.

Юлія *(горячо)*. Никогда онъ этого не сдѣлаетъ! никогда! Не такой онъ совсѣмъ человекъ. Хотя и холодный, но честный. Никогда не сдѣлаетъ!

Мышкина. Да вѣдь ты навѣрное не знаешь, моя душечка?

Юлія. И вы навѣрное не знаете. Вамъ-бы только поспорить.

Мышкина. Ну читай, читай, моя душечка!

Юлія. Перебываете только.

Мышкина. Молчу, молчу.

Юлія *(читаетъ)*. «Слѣдующаго указанія письма, несчастная женщина вошла въ полутворенную дверь и поднялась во второй этажъ. Вдругъ ее схватили за руку. Она не успѣла вскрикнуть, какъ услышала отвратительный старушечій голосъ, шептавшій ей:—«Тссс... ни звука! идите за мной и не бойтесь». Генриетта повиновалась. Черезъ минуту... *(Взглянувъ въ окно.)* Ахъ, тройка!» *(Вскакиваетъ съ мѣста и припадаетъ къ стеклу.)* Повеслись! Счастливыцы.

Мышкина. Читай, читай, моя душечка! ужасно интересно.

Юлія *(со вздохомъ)*. Счастливыцы... *(Садится и читаетъ.)* «Черезъ минуту они остановились. Послышался шорохъ, и передъ Генриеттой блеснула свѣтлая точка; приглядѣвшись, она поняла, что это—отверстіе, продѣланное въ стѣнѣ, или въ двери.—«Смотрите!»—прошептала старуха. Чувствуя, что послѣднія силы покидаютъ ее, Генриетта прильнула къ отверстию... и увидала Жозефину въ объятіяхъ своего мужа!» *(Говоритъ.)* Это ужасно!

Мышкина. Я въ этомъ была увѣрена. Съ самаго начала было видно.

Юлія. Совсѣмъ этого не было видно! Вы теперь говорите, когда знаете. Удивительно, что онъ могъ въ ней найти!

Мышкина. Нечему тутъ удивляться, моя душечка. Еслибъ ты не была дѣвушкой, ты

бы не удивлялась. Очень жаль, что я не могу объяснить тебѣ.

(Съ половины Иминовихъ входитъ Варвара Михайловна—непричесанная, въ спальной кофть и въ юбку отъ платья, надътой на изнанку.)

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Юлія, Мышкина, Варвара Михайловна.

Варвара Мих. А что, гроза ужъ прошла? Мышкина *(съ удивленіемъ)*. Какая гроза, моя душечка?

Варвара Мих. Гроза, обыкновенная: молнія, громъ... Какъ ты этого не понимаешь?

Мышкина. Никакой грозы не было, моя душечка, и не могло быть.

Варвара Мих. Отчего же окна затворены? *(Садится въ любинъ.)*

Юлія. Ахъ, мама! вѣдь теперь-же зима.

Мышкина. Зима теперь, моя душечка, и никакой грозы быть не можетъ.

Варвара Мих. Скоро-ли мы къ себѣ переѣдемъ? Здѣсь такъ неудобно.

Юлія. Что это вы мама! Мы у себя.

Варвара Мих. Ну, вотъ еще! у себя! точно я не вижу... Вы ужъ въ самоѣ дѣлѣ меня за какую-то дуру считаете. Я очень хорошо вижу, что и комнаты совсѣмъ не тѣ, и какіе-то посторонніе люди...

Мышкина. Какіе посторонніе люди, моя душечка? Никакихъ постороннихъ людей здѣсь нѣтъ.

Варвара Мих. И ты туда-же? Впрочемъ, ты известная спорщица. Какъ ты говоришь: нѣтъ постороннихъ людей,—когда я только что видѣла въ корридорѣ мужчину и даму!

Мышкина *(всполошившись)*. Душечка моя! Ужъ не воры-ли это? Шуба моя! шуба!

Юлія. Ахъ, тетя! будто вы не знаете! Это мама видѣла Кузьму Ефимыча и Платониду Марковну. Который ужъ разъ это.

Мышкина *(успокоиваясь)*. То-то, моя душечка. А я ужъ испугалась. Я такъ боюсь за свою шубу.

(Слѣва входитъ Аболтинъ, съ папирсой.)

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Юлія, Мышкина, Варвара Михайловна, Аболтинъ.

Аболтинъ. Кончили чтеніе? Слава те, Господи!

Юлія *(вспыхнувъ)*. Мы вамъ, кажется, не мѣшали.

Аболтинъ. Какъ же не мѣшали! Ни войти, ни слова ни сказать... *(Усаживается на диванъ и выпускаетъ цѣлый клубъ дыма.)* Читали бы въ своей комнатѣ.

Юлія. Я думаю, это комната общая?

Аболтинъ. Къ тому-то я и говорю.

Мышкина *(отмахиваясь вполголоса)*. Опять этотъ ужасный табакъ!

Юлія *(также)*. Да, ужъ...

Варвара Мих. Угарь! угарь!

Мышкина *(значительно)*. Это не угарь, моя душечка. Это здѣсь курать.

Аболтинъ *(фыркнувъ)*. Похоже!

Юлія *(раздраженно)*. Въ самоѣ дѣлѣ, Кузьма Ефимычъ: вашъ табакъ—это ужасъ, что такое! У меня отъ него всегда голова болитъ.

Аболтинъ. А у меня не болитъ.

Юлія. Надо и о другихъ подумать, которымъ нюхать приходится.

Аболтинъ. Не нюхайте.

Юлія. Съ вами невозможно говорить. Кроуѣ грубостей, ничего отъ васъ не услышишь.

Аболтинъ. Не говорите.

Мышкина *(тихо)*. Оставь, моя душечка!

(Варвара Михайловна встаетъ и хочетъ идти.)

Аболтинъ *(взглянувъ на нее и прыснувъ отъ смѣха)*. Глядите-ка! юпка-то, юпка!

Мышкина. Ахъ, моя душечка! опять!

Юлія *(вскакиваетъ, съ сердцемъ)*. Это невозможно, просто! Пойдите, мама.

Варвара Мих. Куда?

Юлія. Вамъ переодѣться нужно. И голова у васъ...

Варвара Мих. Зачѣмъ переодѣться? что такое голова?

Юлія *(едва сдерживаясь)*. Пойдите ужъ!

Варвара Мих. Вотъ фантазія! *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Мышкина, Аболтинъ.

Аболтинъ. Живутъ же этакіе!

Мышкина. Какъ вамъ не стыдно, моя душечка, это говорить! Женщина старая, больная... Чте она вамъ сдѣлала?

Аболтинъ. Ничуть не стыдно, мой ангелочекъ. Потому—какая отъ нея кому польза, либо радость? Ни себѣ, ни другимъ. Памяти нѣтъ, дѣлать ничего не можетъ,—а вѣдь накормить—напоить ее надо, одѣть—обуть надо, уголь дать надо—да еще смотри за ней, какъ за маленькой! Одна тягость.

Мышкина. Я не понимаю, Кузьма... Кузьма Епифанычъ...

Аболтинъ. Ефимычъ.

Мышкина. Кузьма Ефимычъ... Я не понимаю, Кузьма Ефимычъ... Я, кажется, не даю вамъ повода... Ангелочекъ! Странно...

Аболтинъ. Что-жъ такое! Вы меня душечкой, а я васъ ангелочкомъ,—очень просто.

Мышкина. У меня такая привычка. Наконецъ, моя годы...

Аболтинъ. Годы у васъ еще не Богъ вѣсть

какіе. Вы еще хотъ куда. (*Помолчавъ.*) Давно вдовѣете?

Мышкина (*недообрчиво*). Зачѣмъ вамъ это знать?

Аболтинъ. Секретъ, что-ли?

Мышкина (*послѣ нѣкоторою колебанія*). Восьмой годъ.

Аболтинъ. Вона! Женщина можно сказать въ самомъ еще соку — и столько лѣтъ безъ мужа! Легко-ли это? Вамъ-бы опять замужь выйти?

Мышкина. Что вы, что вы, моя ду... (*Спохватившись умолкаетъ*).

Аболтинъ. Право. И себѣ утѣшеніе доставить, и какому-нибудь бѣдному человѣку добро сдѣлать. Деньжонки-то у васъ есть, я знаю.

Мышкина (*испуланно*). Вотъ ужъ нѣтъ! вотъ ужъ...

Аболтинъ (*не слушая ея*). Хотъ бы меня, наприѣбрь, взять. Чѣмъ не женихъ? (*Молчаніе. Пересаживается поближе.*) Какъ вы объ этомъ предметѣ полагаете?

Мышкина (*съ сильнымъ волненіем*). Оставьте, моя душечка! уходите! какъ можно!

Аболтинъ. Очень даже можно. Это ничего, что вы старше меня. И не такіе вѣнчаются. Мы еще съ вами пожали бы. А? (*Хочетъ обнять ея.*)

Мышкина (*срывается съ мѣста*). Это... я не знаю... Это ни на что не похоже! Я Сенячкѣ пожалуюсь! Нога моя здѣсь больше не будетъ! (*Заливается слезами и поспѣшно собираетъ свое вязанье. Юлія возвращается.*)

ЯВЛЕНИЕ 5.

Мышкина, Аболтинъ, Юлія.

Юлія. Тетя, что это вы?

Мышкина. Нога моя здѣсь больше не будетъ, моя душечка! нога не будетъ!

Юлія. Да что такое? (*Аболтину, съ пренебреженіемъ.*) Это ужъ вы вѣрно, что-нибудь? Аболтинъ. А хотъ-бы и я!

Юлія. Охота вамъ, тетя, обращать вниманіе!

Аболтинъ. Пфф... скажи-ите!

Мышкина. Нельзя не обращать вниманія, моя душечка. Не будешь обращать вниманія, такъ Богъ знаетъ до чего дойдетъ. Я не буду обращать вниманія, ты не будешь обращать вниманія...

Аболтинъ. Онь, она, оно не будетъ обращать вниманія... Грамматику-то еще не забыли!

Мышкина. Слышишь, моя душечка? Слышишь? Какъ же я могу...

Юлія. Надо Сенѣ сказать—больше ничего. Онь положить этому конецъ.

Мышкина. Я скажу, моя душечка. Я непремѣнно скажу. И не одно это, а многое. У меня есть что сказать.

Аболтинъ. Ахъ, страсти какія! Что вы сказать-то можете? дозволейте полюбопытствовать.

Юлія. Съ вами не разговариваютъ... (*Прислушивается.*) Да вотъ и Сеня, встаети. Отлично! отлично!

Аболтинъ (*паясничая*). Ну, пропала моя головушка! Охъ, батюшки! охъ, матушки! Что-жъ мнѣ дѣлать, горемычному?

(*Юлія презрительно усмѣхается. Изъ передней входитъ Илимовъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Мышкина, Аболтинъ, Юлія, Илимовъ.

Илимовъ. Здравствуйте, тетюшка. (*Здоровается съ Мышкиной за руку и садится на оставленное ею кресло.*) Усталъ.

Мышкина. Здравствуй, моя душечка.

Юлія. Зачѣмъ ты такъ много ходишь, Сеня? Тебѣ не хорошо вѣдь.

Илимовъ. Гдѣ газета? (*Юлія подаетъ ему газету съ другого стола.*) Спасибо.

Мышкина. Здравствуй и прощай, моя душечка.

Илимовъ. Куда же вы? Не пообѣдаете развѣ съ нами?

Мышкина. Я такъ и рассчитывала, моя душечка, и дома ничего не готовила. Да вотъ...

Юлія. Тетя очень обижена. Кузьма Ефимычъ что-то такое... Пусть она сама скажетъ—я не знаю. (*Садится къ столу и перелистываетъ книгу.*)

Илимовъ (*истерпяиво*). А-ахъ!

Мышкина. Не тревожься, моя душечка! не тревожься! я не стану... я ничего не скажу.

Аболтинъ. Сказать-то нечего.

Мышкина (*всплинувъ*). Нечего? Нѣтъ, есть что! много даже есть!

Аболтинъ. Воображаю!

Мышкина. Много, много, много! Ахъ, еслибъ я только могла сказать...

Аболтинъ Э, ну васъ! (*Хочетъ идти.*)

Мышкина. Ага! струсили, моя душечка? струсили?

Аболтинъ (*останавливается*). Кто, я струсилъ?

Мышкина. Вы, вы, моя душечка! вы! Ужъ нечего.

Аболтинъ Обалдѣли!

Илимовъ (*строго*). Кузьма Ефимычъ!

Аболтинъ. Да что Кузьма Ефимычъ! что она, въ самомъ дѣлѣ, привязалась! Обидѣли, обидѣли—а сама ко мнѣ лѣзетъ.

Илимовъ (*Мышкиной*). Уйдите отсюда. Самое лучшее.

Мышкина (*волнуясь*). Я уйду, моя душечка. Я уйду. И ужъ, конечно — нога моя больше здѣсь не будетъ.

Илимовъ. Это совершенно напрасно. Вы здѣсь у меня — и никто не имѣетъ права оскорблять васъ.

Юлія. Разумѣется, тетя, онъ здѣсь хозяинъ.
Мышкина. Нѣтъ, нѣтъ, моя душечка. Я не могу у васъ бывать. И не потому, что Кузьма... Кузьма Епифанчычъ...

Аболтинъ. Ефимычъ.

Мышкина. Все равно, моя душечка. Не потому, что Кузьма Ефимычъ обидѣлъ меня — Богъ съ нимъ, я не злопамятна, — а потому что многого не могу видѣть. Ты мнѣ не чужой, моя душечка, и я не могу, не могу...

Аболтинъ Тпфу! (*Закуриваетъ папиросу.*)

Илимовъ. Успокойтесь, тетушка.

Мышкина. Я спокойна, моя душечка. Я совершенно спокойна. Но когда тебя обманываютъ, обсытываютъ...

Аболтинъ (*снова собирающийся уйти, оставивается*). Что?! Что?!

Юлія (*истуанно вполголоса*). Те-тя!

Илимовъ (*брезливо*). Оставьте это, тетушка.

Аболтинъ. Нѣтъ, не оставьте. Теперь ужъ я не оставлю. Пусть она скажетъ.

Мышкина. И скажу, моя душечка. Все скажу. Вы думаете — струшу, какъ вы? Напрасно думаете! Сейчасъ скажу.

Аболтинъ (*возвышая голосъ*). Да вы не страдайте, а говорите толкомъ! Хвостомъ-то нечего вилать.

Мышкина (*тоже*). У меня нѣтъ хвоста, моя душечка! я не вѣдьма!

Аболтинъ. Кто васъ знаетъ!

Илимовъ (*изо всей силы стукнувъ кулакомъ по столу*). Довольно! (*Всѣ вздрагиваютъ. Илимовъ, овладѣвъ собой, снова принимается за газету; руки у него дрожатъ и газета пляшетъ.*)

Юлія (*вскакиваетъ и отъ испуга не знаетъ куда кинуться*). Тетя! Кузьма Ефимычъ! перестаньте! вы убьете его!... Сеня! голубчикъ! успокойся! Это все вы, Кузьма Ефимычъ!

Аболтинъ (*съ сердцемъ*). Ужъ вы-то не суйтесь, ради Бога! вы-то не суйтесь! Сидите у брата на шеѣ — и не суйтесь.

Юлія (*оторопѣвъ*). Какъ вы смѣете...

Мышкина (*наступая на Аболтина*). А вы не сидите у него на шеѣ? Вы не сидите?

Аболтинъ. Нѣтъ, я не сижу. Я на службѣ нахожусь, а она... (*Умолкаетъ.*)

Мышкина. Ну, что она? что она?

Аболтинъ. Дармоѣдка, вотъ что!

Юлія (*чуть не плачетъ*). Какъ вы смѣете? Сеня! какъ онъ смѣетъ?

Мышкина. А вы... воръ!

Аболтинъ. Что-о-о?!

Мышкина. Воръ, воръ, моя душечка! воръ!

Илимовъ (*сжомкалъ газету, швырнулъ ее на полъ, вскочилъ, пошатнулся и снова спалъ*). Уф!

Аболтинъ (*разсвирпѣвъ*). Ну-ка, скажи еще!! скажи, чортова тужба!!

Мышкина (*Илимову, захлебываясь*). Ты

знаешь, моя душечка... Ты даешь Платоницѣ Марковнѣ деньги на рынокъ, а она ему изъ этихъ денегъ на табакъ да на пиво...

Илимовъ (*умоляя*). Пощадите меня!

Аболтинъ (*растерявшись*). Э-э-э... вотъ оно что! Хорошо. Превосходно. Это мы сейчасъ... (*Кричитъ въ дверь нальво.*) Манаша!

Мышкина. Зовите, зовите, моя душечка!

Аболтинъ. Манаша! (*Голосъ Платоницы Марковны вдали: «Ну, что? Некогда мнѣ».*) Идите сюда! (*Голосъ Платоницы Марковны: «Некогда, говорю».*) Идите. Нужно. Необходимо. (*Отходитъ отъ двери.*) Это мы сейчасъ. Это мы такъ не оставимъ.

Илимовъ (*Юлію*). Людмила дома?

Юлія. Да, дома. (*Илимовъ хочетъ идти.*)

Аболтинъ. Нѣтъ, ты не уходи. Такъ нельзя. Ты не уходи.

Мышкина. Не уходи, моя душечка! Я безъ тебя боюсь.

Илимовъ (*съ изнеможениемъ*). О, Боже мой! (*Юлія поднимаетъ газету и расправляетъ ее.*) Дай сюда. (*Входитъ Платоница Марковна.*)

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Мышкина, Аболтинъ, Юлія, Илимовъ, Платоница Марковна.

Плат. Марк. (*сыну*). Ну, какая тамъ надобность? У меня кофей жарится — спорить.

Аболтинъ. Тутъ поважнѣе вашего кофey. Пожалуйста-ка. (*Указываетъ на Мышкину.*) Эта вотъ... (*съ ударениемъ*) госпожа... сейчасъ меня воромъ обзовала — да и васъ ужъ за одно. (*Мышкиной, которая хочетъ говорить.*) Потерпите маленько. (*Матери, указывая на Илимова.*) Будто вы изъ его денегъ, что вамъ на хозяйство отпускаются, потихоньку мнѣ даете на табакъ да на... (*Мышкиной.*) На что еще?.. Да, на пиво. На табакъ и на пиво. Извольте видѣть? Какъ вамъ это... Какъ вы скажете?

Плат. Марк. (*окинувъ Мышкину презрительнымъ взглядомъ*). Вы это видѣли?

Мышкина. Какъ будто непремѣнно нужно видѣть, моя душечка.

Плат. Марк. Да нѣтъ, вы отвѣчайте: видѣли вы?

Мышкина. Не видала, а слышала.

Плат. Марк. Отъ кого слышали?

(*Юлія устремляетъ на Мышкину умоляющий взоръ.*)

Мышкина. Это мое дѣло.

Аболтинъ. Нѣтъ, вы должны сказать!

Плат. Марк. Отъ кого слышали? (*Замѣтивъ, что Мышкина съ нерпшности смотритъ на Юлію, обнаруживающую безпокойство.*) А-а! понятно. (*Юлію.*) Такъ это вы изволили?

Юлія (*заносчиво*). Мало-ли мы о чемъ между собой говоримъ.

Илимовъ (*снова выходя из себя*). Слишком много говорите! Слишком много! И ты особенности! ты целый день говоришь!

Юлія (*вспыхнув*). Вотъ это странно! Не лгать же мнѣ. Всѣ говорятъ.

Илимовъ. Всѣ говорятъ, но и дѣло дѣлать! А ты что дѣлаешь? романы глупые читаешь?

Мышкина. Почему же глупые, моя душечка?
Юлія (*со слезами*). Скажи ужъ прямо, что у тебя на шеѣ сижу, что я тебѣ въ тягость! ни то же самое говорятъ.

Плат. Марк. Что-жъ, это неправда развѣ?
Юлія (*взвизывая*). Не ваше дѣло!

Плат. Марк. А въ чужія дѣла соваться вамъ дѣло? Видѣли вы то, что говорите? видѣли?
Илимовъ (*Юлію строго*). Ну?!

Юлія (*присмирѣвъ*). Нѣтъ... я не видала.

Плат. Марк. И вы не видали! Ни та, ни другая. Такъ и запишемъ. Слышали стало-быть?

Юлія. Слышала.

Плат. Марк. Отъ кого?

Юлія (*почти шопотомъ*). Отъ Прасковьи.

Плат. Марк. Отъ Пра-ско-вьи?! (*Съ насильственнымъ смѣхомъ*.) Вотъ такъ чудесно! (*Стану*.) Кузя! Каково это? (*Аболтинъ машетъ рукой*.) Спросишь Прасковью, коли на то пошло. (*Хочетъ идти*.)

Илимовъ (*решительно*). Нѣтъ, ужъ я этого не позволю!

Юлія (*прибодрившись*). Вотъ тоже еще! ку-тарку спрашивать!

Илимовъ (*строго*). Молчи!

Плат. Марк. (*Юлію*). Отчего-жъ и не спросить? Вы же съ ней разговаривали, оказывается, о чемъ бы и не слѣдъ барышнѣ съ кухаркой разговаривать.

Аболтинъ. Зовите, мамаша! зовите!

Илимовъ. Не позволю я этого! Кончено! ни слова!

Аболтинъ. Я тоже не позволю, чтобъ меня воровжъ называли! Воръ я по твоему? воръ?

Илимовъ (*Юлію*). Все ты! все ты! (*Юлія плачетъ*.)

Мышкина. Душечка моя, она не виновата.

Илимовъ. А я виноватъ? а я виноватъ? За что-жъ вы меня мучаете?

(*Съ половины Илимовыхъ входитъ Людмила, весело напѣвая «Конфетку»*.)

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Мышкина, Аболтинъ, Юлія, Илимовъ, Платонида Марковна, Людмила.

Людмила. Что за шумъ, а драки нѣтъ?

Плат. Марк. Погоди еще, матушка, будетъ и драка. Все будетъ. Когда ужъ ворами обзываютъ, такъ до драки не далеко.

Людмила (*равнодушно*). Опять что-нибудь вышло? И какъ это вамъ не надоѣсть!

Плат. Марк. Да ужъ такое вышло, что лучше и не надо. И надоѣло-таки, правду сказать. Такъ надоѣло, такъ надоѣло... Глафира Осиповна и Юлія Нетровна изволили мужу твоему на насъ съ Кузьмой пожаловаться, что мы его обкрадываемъ, видишь-ли...

Людмила. Глафира Осиповна чего не выдумаетъ. (*Напѣваетъ*.)

Мышкина. Я не выдумала, моя душечка. Я отъ Юлиньки слышала, а ей Прасковья сказала.

Людмила. Вонъ куда поѣхало! Удивительно даже. (*Юлію*.) Пойдемъ на катокъ поглядимъ. Тамъ музыка нынче.

Юлія. Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! Погода такая чудная...

Людмила. Одѣвайся! (*Юлія убѣгаетъ къ себѣ въ припрыжку*.)

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Мышкина, Аболтинъ, Илимовъ, Платонида Марковна, Людмила.

Аболтинъ (*съ негодующимъ видомъ*). Мамаша, что-жъ это?

Плат. Марк. Я ужъ и не знаю... Людмила, ты съ ума сошла никакъ? Какъ у тебя духоту хватается?

Людмила. На катокъ-то идти? Дурного тутъ, кажется, ничего нѣтъ.

Аболтинъ. Что ты комедію строишь? Говорятъ тебѣ: меня и мамашу ворами обзвали! Что жъ намъ такъ при этомъ званіи и оставаться?

Людмила. Мало ли что кому въ голову взбрететъ! Да меня какъ хочешь обзывай—я вниманія не возьму.

Аболтинъ. Ну, я на это не согласенъ.

Плат. Марк. Я тоже не согласна.

Аболтинъ. Дѣло-то видно къ чему клонится. Я ни одной минуты здѣсь больше не останусь, а вамъ какъ угодно.

Плат. Марк. И я не останусь! Я безъ тебя ни за что не останусь! Ты уйдешь—и я уйду.

Людмила. Что пустяки-то говорить! Никуда вы не уйдете. А вотъ я такъ уйду сейчасъ. (*Напѣваетъ*.)

Плат. Марк. (*заступая ей дорогу*.) Не уйду? не уйду?

Людмила. Конечно, не уйдете. Не въ первый разъ. Что вы меня не пускаете то?

Плат. Марк. (*вынимаетъ изъ кармана ключи и бросаетъ ихъ на полъ*). Такъ вотъ же вамъ! Хозяинчайте сами, какъ знаете!

(*Илимовъ поднимаетъ ключи и подаетъ ихъ женѣ*.)

Людмила Я не возьму. Съ какой стати?

Илимовъ. Кому же взять, какъ не тебѣ?

Людмила. Кто швырнулъ, тотъ и возьметъ. (*Илимовъ бросаетъ ключи на столъ*.)

Плат. Марн. Ну ужъ нѣтъ-сь! Ну ужъ нѣтъ-сь!

Аболтинъ. Это вы, ахъ, оставьте. Что-жъ, мамаша? Кажется, нечего намъ больше...

Плат. Марн. (*кланяясь съ насмѣшливою почитательностью*). Прощайте, Людмила Ефимовна. Не поминайте лихомъ...

Людмила. Ахъ, мамаша! охота вамъ... Ну, онъ извиняется передъ вами—и Юлія, и Глафира Осиповна...

(*При послѣднихъ словахъ входитъ Юлія, одѣтая для выхода по зимнему.*)

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Мышкина, Аболтинъ, Илимовъ, Платонида Марковна, Людмила, Юлія.

Юлія (*снова вспыхивая*). Я извиняться не намѣрена. Въ чемъ я буду извиняться?

Мышкина. И я тоже, моя душечка. Меня первую обидѣли.

Людмила (*матери*). Ну, такъ я за нихъ. Извините, пожалуйста. (*Брату.*) И ты извини.

Юлія. Да не хочу я совсѣмъ! что это такое?

Мышкина. Не хочу, не хочу, не хочу!

Людмила (*вспыливъ*). А не хотите, такъ и плевать на васъ!

Илимовъ. Людмила!

Людмила (*не обращаетъ на него вниманія*). Фигуряютъ еще тоже! приживалки!

Мышкина. Ахъ! ахъ!

Юлія (*со слезами*). Сеня! слышишь?

Илимовъ. Людмила!

Людмила. Оставь! не твое дѣло.

Илимовъ (*пораженный*). Какъ не мое дѣло? какъ не мое дѣло?!

Людмила. Не твое, понятно. Знай свою службу.

Илимовъ. Это еще что за новости?

Людмила. Новости, да. Не все же по старому, пора и по новому. Довольно ужъ ты покомандовалъ, надо и честь знать. Которые мужья дѣйствительно для семьи, для дома стараются—службой не манкируютъ, начальству угождаютъ, тѣ и покомандовать могутъ, глава такъ глава и есть. А тебѣ это слово не пристало.

Илимовъ. Опомнись, Людмила! опомнись!

Людмила (*не слушая его*). Сколько ужъ лѣтъ ты служишь, а что выслужилъ-то? Все на семистахъ рубляхъ сидишь—да и то еле терпятъ. Очень ужъ много друзей нажилъ—никто добраго слова не скажетъ.

Илимовъ. Опомнись, прошу тебя!

Людмила. Опомнилась я! Оттого-то и говорю такъ, что опомнилась. Дурь-то прошла—все какъ на ладони и стало. Хоть-бы о томъ подумалъ, что ты не одинъ. У тебя жена, ребенокъ... наконецъ—сестра, мать старуха несчастная...

Илимовъ. Не поминай про мать! Не лги!

Людмила. Что я лгу такое? что я лгу?

Илимовъ. Сама знаешь что! У тебя къ ней не только любви или уваженія—у тебя ни капли жалости къ ней нѣтъ... и у тебя, и у всѣхъ васъ. Вы всѣ только смѣяться способны надъ ней.

Людмила. И посмѣешься иной разъ—не стерпишь.

Илимовъ. Стыдно!

Людмила. Ну, пожалуйста!

Илимовъ. Стыдно, стыдно!

Аболтинъ. Охъ-охъ-охъ! (*Платонида Марковна, чего-то спохватившись, постыжно идетъ на свою половину.*) Куда же вы?

Плат. Марн. Кофей! забыла совсѣмъ. (*Уходитъ. Изъ передней входитъ Барвара Михайловна причесанная и одѣтая.*)

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Мышкина, Аболтинъ, Илимовъ, Людмила, Юлія, Барвара Михайловна.

Барвара Мих. Я рѣшительно не знаю, какъ попасть въ свою комнату.

(*Аболтинъ крикаетъ отъ смѣха.*)

Юлія. Пойдите, я васъ провожу, мана.

Барвара Мих. Нѣтъ, ужъ я останусь. У васъ тутъ весело, я вижу.

Аболтинъ (*вполголоса*). Страсть весело!

Барвара Мих. (*Людмилъ*). Какая вы сегодня интересная, душа моя! Щечки розовыя, глазки блестятъ... Дайте я васъ поцѣлую, мой ангель! (*Тянется къ ней.*)

Людмила (*рѣзко отстраняясь*). Вотъ еще! Очень нужно!

Барвара Мих. Конфузится! Сеня, погляди—она конфузится! Милая! А я все-таки хочу васъ поцѣловать.

Людмила. Отстаньте! Не до васъ.

Барвара Мих. (*удивленная*). Что это? что это? Я не понимаю...

Людмила. Гдѣ вамъ понять-то, коли Богъ убилъ! Отвяжитесь вы! И безъ васъ тошно хонько.

Барвара Мих. Извините меня... я никакъ не хотѣла васъ обидѣть... Извините пожалуйста... (*Плачетъ.*)

Мышкина. Ахъ, моя душечка!

Юлія. Это ужасно!

Илимовъ (*схвативъ жену за руку и задыхаясь*). Проси у нея прощенія!

Людмила (*струсивъ*). Да ты ошалѣлъ!

Илимовъ. Сейчасъ-же проси у нея прощенія!...

Людмила (*вырывается*). Ошалѣлъ! Ей-ей, ошалѣлъ!

Илимовъ (*въ припадкѣ изступленія стискиваетъ зубы, сжимаетъ кулаки и топаетъ ногами*). А-а-а...

(*Изъ передней входитъ Барцецовъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Мышкина, Аболтинъ, Илимовъ, Людмила, Юлія, Варвара Михайловна и Багрецовъ.

Багрецовъ (сначала останаививается въ недоумѣніи, потомъ, смекнувъ въ чемъ дѣло, быстро подходитъ къ Илимову). Семень! Семень!

Мышкина. Ахъ, моя душечка, какъ вы кстаті пришли! Что тутъ было! что тутъ было! Юлія. Да, да, да!

Багрецовъ. Кто его разсердилъ? разсердилъ-то кто?

Людмила. Никто его не сердилъ. Самъ взбѣленился Богъ вѣсть изъ-за чего.

Илимовъ (держась за сердце и съ трудомъ переводя дыханіе). Не лги... не лги...

Багрецовъ. Эхъ, народъ! побережъ не могутъ. Больного человѣка побережъ не могутъ. Уйдите вы всѣ! уйдите!

Аболтинъ (вполголоса). Еще командиръ явился.

Багрецовъ. Ну, что такое! ну, командиръ! Иной разъ и безъ команды не обойдешься. Напутаютъ люди, бродятъ какъ во тѣмъ—надо-же разобратъся кому-нибудь. Не обойдешься безъ команды. Уйдите, говорю!

Илимовъ. Пусть она... прощенія сначала попросить.

Багрецовъ. И прощенія попросить. Уйдутъ и попросить.

Илимовъ. Не у меня, а у матери... у моей матери...

Багрецовъ. И ее стало быть обидѣли? Божью старушку обидѣли? Диковинное дѣло! Что-жъ, Людмила Ефимовна? надо бы уважить, а? (Беретъ ее за руки.) Уважьте! Человѣкъ-то жалкій, всякій ее обидѣть можетъ. Жалкій человѣкъ. Уважьте, барыня хорошая!

Людмила (смягчась). Да я что-жъ... я ничего...

Багрецовъ. То-то, что ничего. А ей дорого. Ишь смотрять-то какъ! Вся душа тутъ. Вся душа. Дорого ей.

Людмила (подойдя къ Варварѣ Михайловнѣ, сквозь зубы). Простите меня, ежели я васъ чѣмъ обидѣла. (Хочетъ поцѣловать.)

Варвара Мих. Развѣ ужъ спать пора? Ну, спокойной ночи, мой ангелъ. (Цѣлуетъ Людмилу. Аболтинъ опять прыскаетъ отъ смѣха, Людмила за нимъ.)

Илимовъ (волнуется). Ну, вотъ... ну, вотъ...

Багрецовъ. Ничего, ничего. Успокойся. Ничего. А теперь уйдите. Всѣ уйдите.

Аболтинъ. Комедія! (Мышкиной.) У насъ разговоръ еще не конченъ. Мы еще поговоримъ.

Мышкина. Напрасно, моя душечка...

Багрецовъ (выпроясвивая Мышкину,

Юлію и Варвару Михайловну въ одну сторону, Аболтина въ другую). Поговоримъ, поговоримъ. Всѣ поговоримъ. Не теперь только. Поговоримъ.

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Илимовъ, Людмила и Багрецовъ.

Багрецовъ (Людмилѣ). Ну, поглядите вы на него! На что похожъ! Поглядите! Хорошо развѣ?

Людмила (совсѣмъ притихнувъ). Я рѣшительно ничего такого...

Багрецовъ. Вѣрю, что ничего такого. Вѣрю. Такъ и приласкайте его. Я вотъ тоже уйду—а вы приласкайте. Сердце-то у него и отойдетъ. И отойдетъ сердце. Приласкайте. (Илимову.) Попридержи нервы-то! попридержи! (Уходитъ на половину Аболтиныхъ.)

ЯВЛЕНИЕ 14-е.

Илимовъ и Людмила.

(Молчаніе.)

Людмила (медленно, какъ бы не по своей охотѣ, подходитъ къ мужу). Ну, полно дуться-то! (Обнимаетъ его.) Успокойся... Ну! (Заглядываетъ ему въ глаза.)

Илимовъ. Ахъ, Людмила, Людмила! зачѣмъ это все?

Людмила. Ну, да ладно ужъ! Кто старое помянетъ... Миръ! (Присаживается къ нему на кресло.)

Илимовъ (цѣлуя ея руку). Ты меня прости. Я, можетъ быть, и лишнее что сказалъ. Въ такія минуты—ты знаешь—я себя не помню.

Людмила. И ты меня прости. Я тоже порячилась. И на тѣхъ не сердись.

Илимовъ. На кого?

Людмила. На мамашу и на брата.

Илимовъ. Богъ съ ними.

Людмила. Они добрые и любятъ тебя. И я тебя люблю. (Ласкается.) Хоть ты и не вѣришь этому...

Илимовъ. Любишь?

Людмила. Люблю. Не вѣришь?

Илимовъ (со вздохомъ). Вѣрю.

Людмила (цѣлуетъ его). Не слѣй не вѣрить! А зачѣмъ вздохнулъ?

Илимовъ. Въ который ужъ это разъ мы съ тобой ссоримся и миримся, Людмила? Я не упрекать тебя кочу, вѣтъ: помирились—и кончено. А просто поговорить—не сердясь, не волнуясь. Можетъ-быть и договоримся до чего-нибудь. Вѣдь намъ цѣлый вѣкъ вмѣстѣ жить—нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ... Отчего это у насъ постоянно случается? Не понимаешь мы другъ друга, что-ли?

Людмила (видимо скучая). Ужъ не знаю, право. Я кажется, стараюсь всѣми силами...

Характеръ у тебя, Сеня... прямо—надо сказать—тяжелый характеръ. Каждый пустякъ тебя раздражаетъ. Я понимаю, что это отъ болѣзни, а все-таки... иной разъ и не удержишься, сама вспылешь.

Илимовъ. Нѣтъ, Людмила, не то. Совсѣмъ не то. Дѣйствительно, я легко раздражаюсь... но вѣдь не такъ-же, чтобы ни съ того, ни съ сего,—всегда что-нибудь есть. Ты вотъ говоришь: каждый пустякъ. Да изъ чего же вся жизнь наша слагается, какъ не изъ пустяковъ? Отъ пустяковъ мы бываемъ счастливы, отъ пустяковъ мы и страдаемъ. Что такое семейныя драмы? кто ихъ знаетъ? кто ихъ видитъ? Жена отравилась, мужъ убилъ жену и любовника—ну и кричать: драма! драма! А драмы-то ужъ нѣтъ, драма кончена... можетъ быть ее даже и вовсе не было. Настоящія семейныя драмы втихомолку разыгрываются, изо дня въ день—медленно, по каплямъ: постороннему человѣку и невдомекъ. Эти-то вотъ драмы и разрушаютъ семью. Ихъ-то лучше всего и надо бояться, и надо устранять. И это очень легко; быть какъ можно внимательнѣе другъ къ другу, не пренебрегать никакими мелочами или пустяками, какъ ты говоришь,—и все. Больше ничего. Трудно это развѣ?

Людмила (*скрывава звонкъ*). Трудно, Сеня. Все только и думать—какъ сказать, какъ взглянуть...

Илимовъ. Да, не думать! Думать не возможно—тутъ и ошибаться постоянно станешь. А чувствовать! понимаешь? чувствовать! чтобы это само собой выходило—естественно, безъ малѣйшаго принужденія: такъ же вотъ, какъ ты ходишь, ѣшь, пьешь...

Людмила. Ну, это мудрено что-то.

Илимовъ. Нѣтъ, не мудрено, Людмила. Совсѣмъ не мудрено. Ну, да что объ этомъ толковать! Будетъ такъ—хорошо, а не будетъ...

Людмила (*приникала къ нему*). Будетъ будетъ! Я ужъ постараюсь. Я вѣдь сказала что люблю тебя,—чего-жъ тебѣ еще! Поцѣлуй меня хорошенько... вотъ такъ... (*Съ игривою улыбкой что-то шепчетъ ему на ухо, потомъ громко.*) Да?

Илимовъ (*тоже улыбаясь*). Да.

Людмила (*вкрадчиво*). А что я хотѣла сказать тебѣ...

Илимовъ. Что?

Людмила. Нѣтъ, не скажу.

Илимовъ. Говори ужъ.

Людмила. Сказать?.. Нѣтъ, нѣтъ!

Илимовъ. Какъ угодно.

Людмила. Или ужъ сказать? Скажу, такъ и быть. Была я вчера у Фанни, показываешь она мнѣ обновку—шапочку мѣховую. Какъ приѣрля я! Фанни даже ахнула и руками всплеснула: до чего, говорить, къ тебѣ идетъ! (*Стыдливымъ шепотомъ.*) А стоитъ она пять съ полтиной...

Илимовъ. Ну, и купи.

Людмила (*въ восторгѣ*). Что?

Илимовъ. Купи.

Людмила. Да нѣтъ, ты шутишь?

Илимовъ. Не шучу.

Людмила. Сенючикъ! милурчикъ! Муженекъ мой возлюбленный! Сокровище неоцѣненное! (*Душитъ его объятіями и поцѣлуями. Дверь съ половины Аболтинахъ осторожно пріотворяется и въ ней показывается Багренюгъ: увидавъ эту сцену, онъ успокоительно машетъ руками и на ципочкахъ прокрадывается на половину Илимовыхъ.*)

Т Р Е Т Ъ Я К А Р Т И Н А .

Фанни, пріятельница Людмилы. (Только о томъ и думаетъ, чтобы всѣхъ очаровать, и потому ломается нестерпимо.)

Вася, ея братъ. (Мальчикъ десяти лѣтъ, корчить большого).

Уточнинъ. } пріятели Аболтина. (Кавалеры дурного тона: первый выѣзжаетъ на игри-
Пѣвницій. } востя, второй—на чувствительноты).

Гости обоего пола и разныхъ возрастовъ.

Дѣйствіе происходитъ въ той же квартирѣ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Спальня, превращенная для вечеринки въ закусочную. Три двери: одна на право, ближе къ задней стѣнѣ, и двѣ на лѣво—всѣ настежь. На право раскрытый, застланный скатертью, лабберный столъ и рядомъ съ нимъ комодъ; на столѣ закуска, на комодѣ—водка и прочіе напитки, а также зажженная лампа. На лѣво—диванъ. Въ глубинѣ, правѣе, кровать за плетеными ширмами; лѣвѣе—большой сундукъ, на которомъ сложено прикрытое одеяломъ домашнее платье. Нѣсколько простыхъ стульевъ.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Уточкинъ, Фанни, Аболтинъ, Вася, Пѣвницкій, Юлія, Багрецовъ, Людмила и другія танцующія пары.

(Въ комнату на право играютъ на разбитомъ фортепіано шестую фигуру кадрили. Уточкинъ и прочіе появляются оттуда цѣпью въ указанномъ порядкѣ, хлопотливо, проходятъ въ первую дверь на лѣво и черезъ минуту возвращаются во вторую дверь.)

Уточкинъ (красный, осипшій и запыхавшійся). Гранронъ!.. Адрюа!.. Агошъ!.. Шень!.. Не туда! не туда!.. Эхъ, опять спутал!.. Гранронъ!.. Дандеронъ... тифу! рондедажъ!.. Рондекавалье!.. кругомъ! кругомъ!

Аболтинъ. Гришка! дьяволъ! гдѣ ты это насобачился, скажи на милость?

Уточкинъ. Ледажъ задруа!.. Лекавалье загошъ!... Аводамъ!... Баянсе!... Лекавалье важну!

Аболтинъ. Это что жъ такое? (Увидавъ, что дѣлаютъ другіе.) А-а-а! Придумаетъ же, анафена! (Крестя становится на колѣни.)

Уточкинъ. Мерси во дамъ!.. Стой, стой! не вставай! Безе ле менъ!

Аболтинъ. Безе—это мы понимаемъ. (Вася.) Только ты, братъ, отъ меня этой чести не дождешься.

Вася. Не велика и честь-то.

Аболтинъ (замахиваясь). Ахъ, ты, пострѣленокъ!

(Вася отбѣгаетъ).

Пѣвницкій (Юліи, которая вырвала у нею руку, не давъ поцѣловать). Что-же такъ-съ? За что я лишень?

Юлія (зволнованная и смущенная). Мерси!.. не надо...

(Уточкинъ хлопаетъ въ ладоши; музыка умолкаетъ. Аболтинъ съ хлопотливостью видождъ уходитъ на право).

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Уточкинъ, Фанни, Вася, Пѣвницкій, Юлія, Багрецовъ и Людмила.

Людмила (Багрецову, явно заминая съ нимъ). А вы и ручки цѣловать умѣете?

Багрецовъ. Поцѣлуешь, коли нужно. По командѣ.

Людмила. По командѣ! Медвѣдъ. А ужъ какъ мнѣ васъ разшевелить хочется!

Багрецовъ. Мудрено меня разшевелить. Мудрено.

Людмила. Ой-ли? Попробовать развѣ?

Багрецовъ. Пробуйте. Кто вамъ мѣшаетъ. Пробуйте. Ничего только изъ этой пробы не выйдетъ. Ничего.

Людмила. Давайте объ закладъ биться, что выйдетъ!

Багрецовъ. Не выйдетъ. Пройграете. Не выйдетъ.

Людмила. Пройграю, не ваша забота. Давайте!

Багрецовъ. Нѣтъ, зачѣмъ же! Незачѣмъ. (Съ любопытствомъ и не безъ тревоги вглядывается въ нее.) Странная вы нынче.

Людмила. А нравлюсь я вамъ такая?

Багрецовъ. Ну, вотъ еще! Что такое!

Людмила. Нравлюсь?

Багрецовъ. Что я вамъ? Не мужъ вѣдь. Не мужъ я вамъ.

Людмила. Потому-то я и спрашиваю, что не мужъ. Мужу нравиться какой антиресь?

(Аболтинъ также хлопотливо проходитъ черезъ комнату справа на лѣво).

Багрецовъ (ирозя Людмилъ пальцемъ). Ба-ры-ня! ой!

Людмила (мучиво). Что такое?

Багрецовъ. Ой! ой!

Людмила. Глупости.

Багрецовъ. Нѣтъ, не глупости. Не глупости, нѣтъ.

Людмила. Глупости! глупости! глупости!.. Фанни! правда, глупости?

Фанни (разговаривая съ Уточкинѣмъ). Конечно! Все на свѣтѣ пустяки! Ха, ха, ха!

Людмила. Такъ, такъ. Умница.

Фанни. Какая ты душка сегодня, Людмила! Я въ тебя влюблена. (Страстно цѣлуетъ ее.)

Уточкинъ. У-ухъ! Со мной даже аффектъ приключился. Хоть бы меня также!

Фанни. Ха, ха, ха! Заслужите.

Уточкинъ. Аveckъ гранлезиръ! Чѣмъ прикажете? (Утираетъ платкомъ лобъ.)

Фанни. Вы плачете? Вы страдаете?

Уточкинъ. Вспотѣлъ.

Фанни. О, какая проза! Ха, ха, ха!

Людмила. Кель выражанъ!

(Аболтинъ возвращается. Съ разныхъ сторонъ входятъ: Платонида Марковна, Мышкина и остальные гости; постъ всѣхъ Илимовъ).

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Уточкинъ, Фанни, Вася, Пѣвницкій, Юлія, Багрецовъ, Людмила, Аболтинъ, Платонида Марковна, Мышкина, Илимовъ, гости.

Аболтинъ. Выпить! выпить! Господа, къ столу! Наливай, Гриша!

(Несмолкаемый говоръ).

Уточкинъ. Тутсютъ. (Наливаетъ.)

Фанни. А дамъ не приглашаете? Ха, ха, ха!

Аболтинъ. И дамъ, и дѣвиць—всѣхъ.

Уточкинъ. Какъ можно безъ дамъ пить! Безъ дамъ одна меланхолія. Готово!

Аболтинъ. Господа! прошу... Мамаша, угощайте дамъ и дѣвиць. Дѣйствуй, Гриша!

Уточкинъ. Пожалуйста! пожалуйста! Семенъ Петровичъ! Господинъ Багрецовъ!

Багрецовъ. Выпить можно. Отчего не выпить!

Илимовъ. А меня увольте. Я и то ужъ выпилъ больше, чѣмъ слѣдуетъ.

Уточкинъ. Нельзя, Семенъ Петровичъ. Помните, такой инцидентъ! Именинника обидите.

Багрецовъ. Выпей! ничего. Водка успокаиваетъ.

Уточкинъ. Естественно успокаиваетъ. Господинъ Багрецовъ,—докторъ, они ужъ знаютъ.

Багрецовъ. Какой я докторъ! Далеко до доктора!

Уточкинъ. Все-жъ таки... Э, Платонида Марковна! что-жъ это у васъ, дефицитъ какъ будто?

Плат. Марк. Да не хотять, упрямятся. Я ужъ прошу, прошу...

Уточкинъ. Медамъ! сетемпосибль! Фанни Антоновна, вотъ ваша рюмочка.

Фанни. Вы меня напоить хотите? Ха-ха-ха! У меня и такъ ужъ Морфей въ глазахъ мелькаетъ.

Уточкинъ. Зачѣмъ напоить, помните! Мы тоже свою функцію понимаемъ. Глафира Осиповна! Юлія Петровна!

Мышкина. Что вы, что вы, моя душечка! Я вотъ эдакой капли не могу.

Юлія. Я тоже не пью... благодарю васъ.

Уточкинъ. Ну, вотъ и разстройство у насъ! никакого аккорда... Э-бьенъ, медамъ земесье! *(Поднимаетъ рюмку.)* За здоровье именинника, ура-а-а!

(Троекратное ура. Въ, за исключеніемъ Юліи, Мышкиной и Васи, чокаются съ Аболтинъмъ, пьютъ и закусываютъ.)

Аболтинъ *(замѣтивъ Васю, который все время терся между пьющими)*. А мальчишку-то и забыли! Пьешь водку?

Вася Пью.

Аболтинъ. Молодецъ! *(Намиваетъ.)*

Фанни. Ахъ, не давайте ему!

Илимовъ. Не надо! не надо!

Аболтинъ. Ничего! пусть привыкаетъ. Лучи!

Илимовъ. Не надо же, говорю я! *(Вырываетъ у Васи рюмку и ставитъ ее на коммодъ. Вася плачетъ.)*

Фанни *(передразнивая его)*. У-у-у...

Вася. Пошла вонъ!

Уточкинъ. Теперь бы для фантазіи полечку. Людмила. Отлично, давайте полечку!

(Фанни напѣваетъ полечку, покачивая въ тактъ головой и станомъ.)

Уточкинъ *(въ дверь направо)*. Будьте столь великодушны, полечку намъ, пофорскѣе.

(Играютъ полечку. Уточкинъ приглашаетъ Людмилу, Пьяницкій—Юлію, Аболтинъ—Фанни, и всѣ три пары, танцуя, уходятъ направо. Прочіе разбредаются въ разныя стороны, остаются только Платонида Марковна и Мышкина.)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Платонида Марковна, Мышкина.

(Платонида Марковна возстановляетъ порядокъ на столѣ и на коммодѣ: закрываетъ пробками бутылки, уравниваетъ разрытую закуску и т. п.)

Мышкина. Кто этотъ молодой человекъ, моя душечка, что съ Юлинькой танцуетъ?

Плат. Марк. Который? *(Заглядываетъ въ дверь.)* Ахъ! Это... Какъ бишь его... Пьяницкій.

Мышкина. Тоже изъ управленія?

Плат. Марк. *(возвращаясь къ своему занятію)*. Изъ управленія.

Мышкина. Кажется, приличный молодой человекъ, моя душечка?

Плат. Марк. Очень даже приличный. Вѣжливый такой, скромный. Уаживаетъ!

Мышкина. За кѣмъ уаживаетъ, моя душечка?

Плат. Марк. За Юліей Петровной. Цѣлый вечеръ отъ нея не отходить. *(Садится.)* Давъ бы Господь! И ей партія хорошая, и брату облегчение.

Мышкина. Она, моя душечка, безъ любви замужъ не выйдетъ

Плат. Марк. Ну, Глафира Осиповна, не про насъ это кушанье любовь-то. Подвернулся путный человекъ такъ и лови его. А ужъ кака тутъ любовь, коли, можно сказать, жевать нечего.

Мышкина. Юлинька, слава Богу, не голодаетъ, моя душечка.

Плат. Марк. Не голодаетъ, пока братъ живъ. А, храни Богъ, съ Семенъ Петровичемъ что приключится, куда она дѣнется?

Мышкина. Вы опять за старое, моя душечка. Смотрите, поссорился!

Плат. Марк. Поссорился и помирился, не въ первой. Да я и не стану ссориться, не такой день нынче. Такъ, къ слову сказалось. Людмила вѣдь мнѣ дочь, Глафира Осиповна, она мнѣ и ближе, чѣмъ кто другой.

(Входитъ Аболтинъ.)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Платонида Марковна, Мышкина, Аболтинъ.

Аболтинъ. Мамаша! пора бы на счетъ ужина. Одинадцатый часъ.

Плат. Марк. *(вскакиваетъ)*. Да что ты! Вотъ не думала. Скорѣй надо. Вѣда хозяйничать, коли никакой тебѣ помощи нѣтъ! *(Уходитъ нальво.)*

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Мышкина, Аболтинъ.

Мышкина. Устала, моя душечка?

Аболтинъ. Усталъ. Съ утра вѣдь толкусь. Цѣлъ сколько.

Мышкира. Отдохните, моя душечка.

Аболтинъ. Отдыхать-то некогда. (*Все таки стѣлъ.*) Не схватись вотъ я, безъ ужина бы остались, пожалуй.

Мышкина. Не остались бы, моя душечка. Платонида Марковна вспомнила бы, она ужъ такая хояйка! А если-бъ и остались даже, не бѣда. И безъ того всѣ сыты.

Аболтинъ. Нельзя. Не порядокъ. Позваль, такъ и угости, какъ надо. Завтра хоть зубы на полку, никому дѣла нѣтъ.

Мышкина. Почему же, моя душечка, зубы на полку?

Аболтинъ. Потому. Вы думаете, нынѣшній день дешево мнѣ обошелся? Три, четыре красненькихъ вѣрныхъ ужъ кладите... А я и половины въ мѣсяцъ не получаю, за вычетами всякими.

Мышкина. За какими вычетами, моя душечка?

Аболтинъ. На уплату долговъ.

Мышкина. Ахъ, моя душечка! Зачѣмъ же вы это?

Аболтинъ. Зачѣмъ? Приходится. На одно жалованье развѣ проживешь?

Мышкина. Ай, ай, ай, моя душечка, какъ мнѣ васъ жалко!

Аболтинъ. Будто?

Мышкина. Еще бы! Долги это не дай Богъ. Хуже всего. Мнѣ васъ очень жалко, моя душечка.

Аболтинъ. И на томъ спасибо. Только жалость эта ни къ чему. Мнѣ помощь нужна.

Мышкина. Какая помощь, моя душечка?

Аболтинъ. А вотъ какая. Долженъ я, будьте такъ говорить... (*Считаетъ скороговоркой, какъ бы про себя.*) Пятьдесятъ да пятьдесятъ—сто, да двадцать пять—сто двадцать пять, да сорокъ—сто шестьдесятъ пять, да пятнадцать—сто восемьдесятъ, да шестьдесятъ четыре—двѣсти... двѣсти сорокъ четыре... да еще рублей тридцать, да по мелочамъ... (*Громко.*) Три сотни ужъ надо считать. Вотъ я и оборачиваюсь: тамъ займу,—здѣсь отдамъ, здѣсь займу,—тамъ отдамъ, да все съ процентами... какъ тутъ выпутаться? А нашлась бы добрая душа, дала бы мнѣ эти три сотни, какъ другу—не то что безъ процентовъ, я не говорю, а по божески, не такъ, какъ эти благодѣтели наши... Расплатился бы я вездѣ, былъ бы долженъ въ одни руки, да и отдавалъ бы потихоньку, незаметно: черезъ годъ, другой, глядишь, и чистъ. Да гдѣ найти! нѣтъ теперь такихъ. И остается одно—пить! (*Встаетъ и выпиваетъ большую рюмку водки.*)

Мышкина. Зачѣмъ же пить, моя душечка? Это вредно.

Аболтинъ. И слава Богу, что вредно. Скорѣй конецъ.

Мышкина. Не хорошо отчаиваться, моя душечка.

Аболтинъ. Какъ мнѣ не отчаиваться, Гла-

фира Осиповна! Какъ мнѣ не отчаиваться, когда... Э, да что! Вотъ вы пожалѣли меня... Вы думаете, я не цѣню этого? Еще какъ цѣню-то! Иной дѣйствительно пожалѣетъ, такъ мнѣ плевать на его жалость: ты не жалѣй, а помоги! А коли я вижу, что и рады бы помочь, да нечѣмъ, сами нуждаются, какъ же я могу не цѣнить? Да что я, истуканъ развѣ, бревно безчувственное?.. Позвольте мнѣ ручку поцѣловать, вотъ какъ я цѣню! (*Цѣлуетъ у нея руку.*)

Мышкина (*растроганная и смущенная*). За что же, моя душечка? за что-же?

Аболтинъ. За доброту вашу... за то, что пожалѣли меня, безпутнаго. Я вѣдь знаю, будь у васъ деньги, вы безъ разговору: возьми, Кузьма, заткни всѣ глотки и будь спокоенъ! Знаю я это и больше мнѣ ничего не надо. Такъ вѣдь, Глафира Осиповна?

Мышкина. Что это, моя душечка? О чемъ вы?

Аболтинъ. Я говорю: будь у васъ триста рублей, вы бы, жалѣючи меня, сами дали.. подъ росписку, понятно, и за проценты божескіе... сейчасъ бы дали. Да нѣтъ ихъ, трехсотъ то рублей! Сердце-то у васъ доброе, жалости ко мнѣ много, а денегъ-то и нѣтъ. Ну, что-жъ! на нѣтъ и суда нѣтъ... Эхъ! пропадай моя телега! (*Снова бросается къ водкѣ.*)

Мышкина (*срывается съ мѣста и схватываетъ его за руку*). Не пейте, моя душечка! ради Бога, не пейте!

Аболтинъ. Дайте забыться! Мнѣ вонъ послѣ завтра пятьдесятъ рублей платить надо, хоть лопни. А тамъ еще.. а тамъ еще... (*Вырывается.*) Пустите! Все равно, одна дорога! (*Пьетъ.*)

Мышкина (*въ сильномъ волненіи, съ огоркомъ*). Не могу видѣть! не могу видѣть!

Аболтинъ (*мрачно*). Аль ужъ порѣшить съ собой?

Мышкина. Душечка моя!

Аболтинъ. Порѣшу!

Мышкина. Душечка моя! Погодите! Можетъ быть... какъ-нибудь...

Аболтинъ. Ника-акъ! Порѣшу!

Мышкина. Нѣтъ, нѣтъ, моя душечка! Вотъ что... я навѣрно не могу сказать... я должна справиться... Придите ко мнѣ завтра пораньше...

Аболтинъ (*какъ бы не понимая*). Зачѣмъ?

Мышкина. Я погляжу, моя душечка... можетъ быть у меня найдется...

Аболтинъ. Пистолеть?

Мышкина. Что вы, что вы, моя душечка! какой пистолеть! Стапу я держать у себя... Деньги, моя душечка.

Аболтинъ. Де-еньги?

Мышкина. Ну, да. Вы сказали: триста рублей, моя душечка?

Аболтинъ. Глафира Осиповна, матушка! благодѣтельница! Ты хочешь... (*Падаетъ на колѣни.*) Родная моя! да я тебя... да я тебѣ...

Мышкина (*въ испугъ*). Встаньте, моя душечка! встаньте! Взойдетъ кто-нибудь... я не хочу, чтобъ знали...

Аболтинъ. Ни одна душа! (*Колотитъ себя въ грудь*.) Умретъ!

Мышкина. Да, да. Завтра пораньше, моя душечка. Я поглажу.

Аболтинъ (*ползая на коленяхъ*). Ручку! ручку!

Мышкина. Не надо, не надо, моя душечка! не надо! (*Постынно уходитъ нальво*.)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Аболтинъ (*одинъ*).

Аболтинъ (*встаетъ и отдувается*). Уфъ!.. Даже въ потъ шибануло — и хмѣль, кажись, вылетѣлъ... Своротилъ-таки тумбу, а подъ тумбой кладъ оказался. Теперь только не плошай! (*Уходитъ нальво. Изъ другой двери оттуда же входитъ Илимовъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Илимовъ (*одинъ*).

Илимовъ. Приткнуться негдѣ — вездѣ эта оргія. Голова какъ свинцомъ налита, сердце вотъ вотъ лопнетъ... Зачѣмъ я пилъ?... Скрыться бы куда-нибудь... Уйти? Обидатся, надутся, житья не будетъ. Прилечь бы. (*Направляется къ кровати*.) Вотъ здѣсь, хоть на полчаса. Никто не увидитъ... Прилягу. (*Заходитъ за ширмы. Справа вбѣгаетъ Фанни, преследуемая Уточкиннѣмъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Илимовъ (*за ширмами*), Фанни, Уточкинъ.

Фанни. Ха-ха-ха! Не смѣйте! не смѣйте!

Уточкинъ. Ну, ужъ нѣтъ-съ! атанде-съ! (*Загоняетъ ее въ уголъ, обнимаетъ и цѣлуетъ*.) Вотъ вамъ! ультимаутъ!

Фанни (*вырвавшись и оправляясь*). Свинство какое! Ха-ха-ха!.. Фу, какъ пить хочется! Дайте пива.

Уточкинъ (*наливаетъ два стакана, изъ которыхъ одинъ подаетъ ей*). А ля вотръ! (*Чокается и залпомъ осушаетъ стаканъ. Фанни пьетъ жадными глотками, остатокъ влѣпскиваетъ Уточкину въ лицо и съ хохотомъ убѣгаетъ нальво, тотъ за ней. Справа входитъ Юлія и Пѣвницкій*.)

ЯВЛЕНИЕ 10.

Илимовъ (*за ширмами*), Юлія, Пѣвницкій.
(*Оба взволнованы и смущены*.)

Юлія. Сердцу приказывать нельзя.

Пѣвницкій. Да-съ... это вѣрно-съ... Но можетъ-быть оно и безъ приказанія, само по-себѣ...

Юлія. Я еще такъ мало знаю васъ.

Пѣвницкій. Узвать челоуѣка не трудно-съ...

Юлія. Вы какое мѣсто теперь занимаете?

Пѣвницкій. Я-съ... Конечно, мѣсто у меня теперь маленькое... я еще недавно служу-съ... Только у васъ вакансіи часто открываются и кто на хорошеѣ счету у начальства...

Юлія. А жалованья сколько вы получаете?

Пѣвницкій. Жалованье тоже пока небольшое-съ... (*Чуть слышно, какъ бы поперхнувшись*.) Двадцать пять рублей, собственно...

Юлія. Сколько?

Пѣвницкій (*громче*). Двадцать пять... (*Постынно*.) Я у маменьки живу на всеѣ готовъ...

Юлія (*сразу мнѣя тонъ*). Какъ здѣсь душно! И накурено... (*Идетъ нальво*.)

Пѣвницкій (*устремляясь за нею*). Юлія Петровна... что же-съ... (*На встрѣчу входитъ Аболтинъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Илимовъ (*за ширмами*), Пѣвницкій, Аболтинъ.

Аболтинъ (*дѣлая видъ, что хочетъ съхватить Юлію*). Перепе-е-дочка! (*Юлія, извернувшись, уходитъ*.) Фррр... (*Пѣвницкому*.)

Что, Иванушка, не веселъ?

Пѣвницкій. Ахъ, Кузьма!

Аболтинъ. Ну?

Пѣвницкій. Влюбленъ!

Аболтинъ. Плю-юнь! Выпьемъ.

Пѣвницкій. Нѣтъ, не могу.

Аболтинъ. Какъ хочешь. (*Уходитъ направо. Пѣвницкій, убѣдившись, что онъ одинъ, выпиваетъ водки и, торопливо закусивая, уходитъ нальво. Музыка умолкаетъ. Черезъ нѣкоторое время справа входятъ Людмила и Багрецовъ*.)

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Илимовъ (*за ширмами*), Людмила, Багрецовъ.

Людмила. Ну, вотъ здѣсь никого нѣтъ. Сядете.

Багрецовъ. Сядете, пожалуй. Можно и сѣсть. (*Садятся на диванъ. Людмила во время послѣдующей сцены безпрестанно оглядывается на двери, какъ въ первой картинѣ*.)

Людмила. Давайте-ка выпьемъ чего-нибудь. Чего только?

Багрецовъ. Да я ужъ водочки. Одного держаться надо. Мѣнять не годится. Водочки выпью. (*Хочетъ встать*.)

Людмила. Сидите, сидите, я подамъ. (*Идетъ къ комоду и наливаетъ рюмку водки*.) Закусить чѣмъ?

Багрецовъ. Все равно. Колбаски, что ли. Либо другого чего. Все равно.

Людмила. Ну, вотъ вамъ колбаски. А я на-

тивки. (*Возвращается на мѣсто съ двумя рюмками и закуской.*) Выпейте—какъ это называется? чтобы «ты» говорить! Бур... бур...

Багрецовъ. Брудершафтъ. Брудершафтъ называется.

Людмила. Вотъ, вотъ! Выпейте!

Багрецовъ. Нѣтъ, ужъ зачѣмъ же! Будете здоровы да и все и тутъ. Зачѣмъ брудершафтъ! (*Чокается.*)

Людмила. Не хотите?

Багрецовъ. Незачѣмъ. (*Пьетъ.*)

Людмила. Такъ, я и пить не стану.

Багрецовъ (*прожевывая закуску*). Ваша воля. Какъ угодно. Ваша воля.

Людмила. Нѣтъ, впрочемъ, выпью (*пьетъ*).

Багрецовъ. А гдѣ-то нашъ Сеня?

Людмила. Гдѣ nibудь. Не пропадетъ, не маленькій. Хотите, я васъ поцѣлую?

Багрецовъ. Чего еще! Воля! Чего не выдуваете!

Людмила. Неужто и этого не хотите?

Багрецовъ. Да съ чего вамъ цѣловать-то меня? Цѣловать-то съ чего?

Людмила. Такъ. Нравитесь вы мнѣ.

Багрецовъ (*приподнимаясь*). Уйти отъ васъ. Уйти.

Людмила (*удерживая его*). Сидите, сидите! Не буду.

Багрецовъ (*безпокойно*). Что это, какая вы нынче!

Людмила (*долго смотритъ на него, потомъ вдругъ цѣлуетъ*). Не ожидали? (*Смѣется.*)

Багрецовъ (*строю*). Пойдите! Пойдите отсюда! Пойдите!

Людмила (*склонясь къ нему на плечо*). Не пушу.

Багрецовъ (*теряя самообладаніе*). Людмила Ефимовна! Не хорошо вѣдь. Не хорошо.

Людмила. Скажите: Люся!

Багрецовъ. Ахъ, ты, Господи! Ахъ, ты, Боже мой!

Людмила (*шляя ей волосами*). Какіе у васъ волосы славные!

Багрецовъ. Волосы, какъ волосы. Обыкновенные волосы.

Людмила. У мужа не такіе. Я люблю густые волосы.

Багрецовъ. Людмила Ефимовна!

Людмила (*невинно*). Что?

Багрецовъ. Невозможно вѣдь это! Рѣшительно невозможно.

Людмила. Что такое?

Багрецовъ. Что такое! Не дубина я! Живая тварь. Не дубина.

Людмила. Ссс... слушайте!

Багрецовъ. Что еще!

Людмила. Слышите, какъ сердце у меня бьется?

Багрецовъ (*грубо*). Нѣтъ, не слышу. Въ головѣ вотъ у меня стучить, это я знаю. А сердца вашего не слышу.

Людмила. Такъ дайте руку!... Дайте же!
Багрецовъ (*вскакиваетъ, внѣ себя*). Оставьте! Убирайтесь! Оставьте, говорю!

Людмила (*встаетъ передъ нимъ и кладетъ ему руки на плечи*). Куда убираться? Зачѣмъ?
Багрецовъ. Куда хотите—отъ меня только! Куда хотите!

Людмила. Никуда я не хочу.

Багрецовъ. Къ мужу, вотъ куда! Къ мужу! Тамъ ваше мѣсто!

Людмила (*прикикая къ нему, страстнымъ шопотомъ*). Гонишь?... Яша!...

Багрецовъ. Что-жъ это! Силъ нѣтъ... никакихъ силъ нѣтъ...

Людмила. Яша...

Багрецовъ. Ну, Яша... ну... И у Яши не вода въ жилахъ... кровь тоже, не вода... Чего глядишь? Русалка ты, что-ли? Сибѣтся!... вишь, сибѣтся!... У-у-у! (*Неистово сжимаетъ ее въ объятіяхъ*.) Ну, вотъ тебѣ! Добилась своего? Добилась? (*Илимовъ выходитъ изъ-за ширмъ мертвенно блѣдный и едва стоящій на ногахъ*).

Людмила (*мѣя*). Добилась... Поцѣлуй меня, Яша... (*Илимовъ схватывается за ширмъ и роняетъ ихъ. Людмила слабо вскрикиваетъ и замираетъ въ испугъ*.)

Багрецовъ (*оттолкнувъ Людмилу со злобой*). Ну вотъ!... Ну и что-жъ теперь?... Чортъ знаетъ... гадость какая! (*Уходитъ въ сильномъ волненіи*.)

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Илимовъ и Людмила.

(*Людмила, робко и покорно прижавшись къ стѣнѣ, не спускаетъ глазъ съ мужа. Тотъ, шатаясь, направляется къ комоду, дрожащей рукой, расплескивая вино, наливаетъ до верху большой стаканъ и медленно опоражниваетъ его. Людмила нерышительно, шагъ за шагомъ, приближается къ нему и осторожно до него дотрогивается. Онъ, не оборачиваясь, отстраняетъ ея руку.*)

Людмила. Сеня!... (*Молчаніе*). Сеня!

Илимовъ (*сдавленнымъ голосомъ*). Поди прочь!

Людмила. Ты не подумай, Сеня... Я вѣдь шутила. Сеня! Милый! (*Снова дотрогивается до него*.)

Илимовъ. Поди прочь!! (*Толкаетъ ее. Она невольно падаетъ на коѣнни и, защищая лицо руками, со страхомъ глядитъ на мужа. Тотъ продолжаетъ стоять къ ней спиной, потомъ оборачивается и протягиваетъ руку*). Прости меня... если можешь... (*Страхъ Людмилы смѣняется недовѣрчивымъ изумленіемъ*.) Прости меня, Людмила...

Людмила (*встаетъ съ видомъ оскорбленнаго достоинства*). Не все простить можно.
Илимовъ (*пораженный*). Что?!

Людмила Я прощаю тебя только потому, что ты пьянъ.

Илимовъ (*приближаясь къ ней*). Только потому?... Только потому?... (*Нервно хохочетъ.*)

Людмила (*опять въ страхъ*). Сенья! Что съ тобой?

Илимовъ (*хохочетъ все сильнѣе*). Она меня прощаетъ только потому, что я пьянъ. О,

Боже мой!... Что-жь, мнѣ благодарить тебя? Благодарить?... Нѣтъ, я подожду еще... я еще думаю... (*Схватывается за голову и, будучи уже не въ силахъ удержаться отъ хохота, уходитъ. Людмила провожаетъ его испуганно-растерянными взлядомъ. Вдали веселая хоровая пѣсня.*)

ЧЕТВЕРТАЯ КАРТИНА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Управляющій. (Сухая, безкровная фигура съ непроницаемой физиономіей. Безъ рѣчей.)
Шленнъ—начальникъ отдѣленія. (Также розовъ лицомъ, но видомъ значительно солиднѣе, носитъ окладистую бородку, которую тщательно подстригаетъ.)

Илимовъ }
Стефановичъ } бухгалтеры у Шленка. (Илимовъ замѣтно осунулся и посядѣлъ; въ движеніяхъ — то вялыхъ, то порывистыхъ — и въ беспокойно-разсѣянномъ взглядѣ сказывается постоянный душевный гнетъ. Стефановичъ — молодой человѣкъ изъ тѣхъ, отъ которыхъ другимъ ни тепло, ни холодно; со всѣми ладитъ, но и себя не забываетъ.)

Приселковъ, помощникъ Илимова. (Легкомысленный, но добрый малый.)

Добронравовъ, помощникъ Стефановича. (Тупое, усердное существо, въ представленіи котораго служба и подслуживаніе слились въ одно нераздѣльное понятіе.)

Фоминъ }
Рыжиновъ } писцы. (Первый изъ забытыхъ, второй изъ неунывающихъ, третій изъ мрачныхъ.)
Быховецъ }
Харченко.
Пузыревскій.

Проситель. (Темноватая личность, въ потертой фракной парѣ и не совсѣмъ свѣжешь бѣль.)

Курьеръ.

Сторожъ.

Служащіе, курьеры, сторожа.

Дѣйствіе происходитъ въ управленіи, черезъ нѣсколько мѣтъ.

Просторная комната, оклеенная дешевыми, но примечными обоями. Направо два открытыя окна съ широкими подоконниками, налѣво и въ глубинѣ—двери, тоже открытыя. Пять столовъ: на право, у перваго окна—Шленка (передъ нимъ кресло, сбоку стулъ), у втораго—Стефановича, посерединѣ—Приселкова; налѣво, по сю сторону двери—Илимова (передъ послѣдними тремя столами по стулу), по ту сторону—общій, значительно большіхъ размѣровъ (вокругъ него четыре стула). Въ простѣнкахъ шкапы съ незапертыми, наверху стеклянными, дверцами; въ шкапахъ связки и кипы дѣлъ. Въ углу запыленная куча канцелярскагохлама—негодныхъ бланковъ, старыхъ дѣлъ и проч. Въ глубинѣ анфилада такихъ-же комнатъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Илимовъ, Стефановичъ, Добронравовъ, Фоминъ, Рыжиновъ, Быховецъ, другіе служащіе и писцы.

(Илимовъ и Стефановичъ сидятъ за своими столами, Добронравовъ, Фоминъ, Рыжиновъ и Быховецъ за общимъ; другіе служащіе и писцы — въ анфиладѣ. Илимовъ съ видимымъ напряженіемъ вчитывается въ толстое дѣло; Стефановичъ пишетъ; Добронравовъ—за счетами; Фоминъ подши-

ваетъ бумаги; Рыжиновъ и Быховецъ переписываютъ. Нѣкоторые курятъ. Черезъ комнату, слѣва въ глубину и обратно, безпрестанно проходятъ служащіе, курьеры и сторожа. Изъ смежныхъ комнатъ доносится смутный говоръ, щелканіе счетами и т. п.)

Стефановичъ (Фомину, сидящему ближе друиухъ къ средней двери). Не видать еще Антонъ Ивановичъ?

Фоминъ (осторожно заглянувъ въ глубину). Нѣтъ-съ еще, не видать.

Стефановичъ. И чего онъ ходитъ! Мѣшаетъ олько.

Добронравовъ (*кладя на счетахъ, вполмолса*). Триста сорокъ четыре тысячи сто эмьдесятъ восемь, сорокъ двѣ... Двѣсти девяосто пять тысячъ шестьдесятъ четыре, шесть-есять...

(*Слѣва вбѣгаетъ Харченко, съ бумагой въ рукахъ*)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Илимовъ, Стефановичъ, Добронравовъ, Фо-минъ, Рыжиновъ, Быховецъ, Харченко.

Харченко (*суетливо*). Гдѣ управляющій?
Фоминъ (*привставъ и показывая въ му-бину*). Туда прошли-съ.

Харченко. Навѣрно?

Фоминъ. Навѣрно-съ.

(*Харченко убѣгаетъ въ глубину*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Илимовъ, Стефановичъ, Добронравовъ, Фо-минъ, Рыжиновъ, Быховецъ.

Стефановичъ (*Быховцу*). Дмитрій Леон-тъичъ, вы что пишете?

Быховецъ (*не отрываясь*). Записку.

Стефановичъ. Какую записку? Неужто все ту-же?

Быховецъ. Все ту-же.

Стефановичъ. Перемаралъ опять?

Быховецъ. Перемаралъ. (*Перестаетъ пи-сать*). Вы бы сказали ему, Николай Петро-вичъ! Въ третій разъ, вѣдь. До одури.

Стефановичъ. Ну, ужъ это вы сами говорите.

Быховецъ. Скажешь ему! (*Снова пишетъ*.)

Добронравовъ. Милліонъ семьдесятъ двѣ тысячи двадцать пять, четырнадцать... Шесть-сотъ сорокъ одна тысяча шестьдесятъ три, восемь...

Фоминъ (*заглянувъ въ глубину*) Идутъ-съ! Идутъ-съ!

(*Наступаетъ тишина. Изъ глубины воз-одитъ управляющій, въ сопровожденіи Хар-ченко. Всѣ встаютъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Илимовъ, Стефановичъ, Добронравовъ, Фо-минъ, Рыжиновъ, Быховецъ, управляющій, Харченко.

Харченко (*старается не отстать отъ управляющаго и вмѣстѣ съ тѣмъ боится опередить или толкнуть его; но такъ какъ на пути встрѣчаются столы и другія пре-пятствія, то онъ все время либо спменитъ ножками, либо пускается въ крипрыжку*). На наше представленіе съ ихъ стороны послѣ-довадо увѣдомленіе, что ходатайство наше ос-

тавлено безъ удовлетворенія за неизбѣнїемъ въ законѣ точныхъ на этотъ предметъ указаній. Тогда мы вошли съ новымъ представленіемъ... (*на секунду отсталъ*)... съ новымъ предста-вленіемъ, въ которомъ изъяснили, что неизбѣ-ніе въ законѣ точныхъ указаній... (*Достиг-нувъ двери на мѣсто, пропускаетъ управляю-щаго впередъ и умолкаетъ. Управляющій проходитъ въ дверь, отвѣчая на поклонъ встрѣтившагося ему и также посторонившагося Приселкова.*)

Харченко (*догоняя управляющаго*) ...что неизбѣнїе въ законѣ точныхъ указаній въ на-стоящемъ случаѣ не можетъ служить препят-ствіемъ...

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Илимовъ, Стефановичъ, Добронравовъ, Фо-минъ, Рыжиновъ, Быховецъ, Приселковъ.

(*Приселковъ входитъ съ гримасой школь-ническаго испуга.*)

Стефановичъ (*смѣясь*). Ага! налетѣлъ! Бу-дешь являться во второмъ часу?

Приселковъ (*здороваясь со вѣтми за руку, причемъ Добронравовъ и писцы привстаютъ*). Это ужъ мое счастье такое. (*Кивая головой на столъ Шленка*). Купидона-то нѣтъ еще?

Стефановичъ. Нѣтъ. У него вѣдь по втор-никамъ засѣданія.

Приселковъ. Такъ чего-жъ ты! Не опоздалъ, значить.

Стефановичъ. Погоди, тебѣ еще за вчераш-нее попадетъ.

Приселковъ. Что вчера на службѣ-то не былъ? За то мы съ нимъ вечеромъ въ «Ар-кадія» встрѣтились.

Стефановичъ. Ну?! И что-же?

Приселковъ. Испугался. (*Присаживается на столъ къ Стефановичу.*)

Стефановичъ. Ты?

Приселковъ. Вона! Когда-жъ это было? Ку-пидонъ испугался. Я на него смотрю, чтобъ раскланяться, а онъ какъ увидалъ меня— скорѣй глаза въ сторону.

Илимовъ (*писцамъ*). Нѣтъ у насъ... этого... сборника циркуляровъ за прошлый годъ?

Рыжиновъ. Нѣтъ, Семенъ Петровичъ. Я сей-часъ достану.

Илимовъ. Пишите, пишите. Я самъ. (*Ухо-дитъ въ глубину.*)

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Фоминъ, Рыжи-новъ, Быховецъ, Приселковъ.

Приселковъ (*Стефановичу, вполмолса, кивая головой вѣтъ Илимову*). Что это съ нимъ? Ты не замѣчаешь?

Стефановичъ. Какъ не замѣчать!

Приселковъ. Не намѣреть-ли онъ... того?
(*Вертитъ пальцемъ у лба.*)

Стефановичъ. Кто его знаетъ! Въ семьѣ у него, кажется, неладно. Мать недавно умерла. Потомъ жена...

Приселковъ. Умерла развѣ?

Стефановичъ. Нѣ-этъ. Напротивъ, слишкомъ ужъ — говорятъ — наслаждается жизнью. Да и тутъ: постоянныя вѣдь стычки. Давно ужъ у нихъ какая-то исторія вышла, нѣсколько лѣтъ не клаялись. Одно къ одному.

Приселковъ. Вотъ и женись послѣ этого! То-ли дѣло на холостомъ положеніи: «хочешь — любишь, хочешь — вѣтъ, ни копейки денегъ вѣтъ!»

(*Слѣва быстрыми и мелкими шажками, съ усиленіемъ таща огромный, туго набитый портфель, вродъ чемодана, — входитъ курьеръ.*)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Фоминъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Приселковъ, Курьеръ.

Приселковъ. У-у-у... Не надорвался?

Курьеръ (*сваливъ портфель на столъ Шленка и отдуваясь*). Да-съ... трудновато-съ...

Приселковъ. И для чего ты это таскаешь? Вѣдь онъ дома и не заглядываетъ туда.

Курьеръ (*застѣнчиво*). Ужъ этого я не могу знать-съ.

Приселковъ. Миѣ Модестъ Феопемптовичъ говорилъ.

Добронравовъ (*съ испугъ*). Евгений Васильевичъ! Что вы-съ! Какъ можно-съ! Когда-же я...

(*Писцы втихомолку перешептываются. Курьеръ, сдержанно улыбаясь, уходитъ обратно.*)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Фоминъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Приселковъ.

Добронравовъ. Что это вы, право, Евгений Васильевичъ! Можно-ли такъ — да еще при курьерѣ! Я васъ убѣдительно прошу-съ...

Приселковъ. Познакомьте меня съ вашей квартирной хозяйкой — тогда не буду.

Добронравовъ. Ну, вотъ съ... опять!

Приселковъ. Да отчего вы не хотите познакомиться?

Добронравовъ. Я ужъ вамъ говорилъ-съ. Я и самъ съ ней почти незнакомъ. Отдамъ деньги двадцатаго числа — вотъ и все-съ.

Приселковъ. Разска-азывайте! А по театрамъ съ ней кто ѣздитъ? Да если-бъ еще только по театрамъ!

Добронравовъ. Ни разу не былъ, какъ честный человекъ-съ!

Приселковъ. Такъ зачѣмъ-же вы ее прячете?

Добронравовъ. Какъ, прячу-съ? Никуда я ее не прячу-съ. Развѣ я могу ее прятать? Она не вещь.

Приселковъ. Ну, ладно. Ужъ накрою я васъ какъ-нибудь. Вамъ-бы, по вашимъ наклонностямъ, не Добронравовымъ, а Злонравовымъ называться слѣдовало. (*Закуривъ папиросу съ шутовской важностью.*) Пойти осмотрѣть управленіе — все-ли въ порядкѣ. (*Уходитъ въ глубину.*)

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Фоминъ, Рыжиковъ, Быховецъ.

Добронравовъ. Николай Петровичъ! Вы-бы сказали Евгению Васильчу... что они, въ самомъ дѣлѣ! То одно на меня, то другое.

Стефановичъ. Да вѣдь онъ шутитъ. Неужто вы не понимаете?

Добронравовъ. Богъ съ ними и съ ихъ шутками! Если они не перестанутъ, я Федоръ-Федоричу жаловаться буду.

Стефановичъ. Этого еще недоставало!

Добронравовъ. Что-же миѣ дѣлать-съ? Вы отказываетесь...

(*Илимовъ возвращается съ толстой книгой. Въ то-же время слѣва, стѣпно и дѣловито, входитъ Шленкъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Фоминъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Илимовъ, Шленкъ.

(*При появленіи Шленка, Добронравовъ и писцы встаютъ и раскланиваются. Онъ отвѣчаетъ имъ кивкомъ головы, подаетъ руку Илимову и Стефановичу, садится за свой столъ и разгружаетъ портфель. Молчаніе.*)

Шленкъ (*ни къ кому не обращаясь*). Господинъ управляющій но спрашивалъ меня?

Добронравовъ (*привставъ*). Нѣтъ-съ, не спрашивали.

(*Молчаніе.*)

Шленкъ. Евгения Васильча и сегодня нѣтъ?

Стефановичъ. Нѣтъ, онъ здѣсь.

(*Молчаніе.*)

Шленкъ. Кому я далъ записку въ совѣтъ?

Быховецъ. Миѣ.

Шленкъ. Гдѣ-жъ она?

Быховецъ. У меня. Кончаю.

Шленкъ. Отчего-жъ только теперь кончаете, когда я предупреждалъ васъ, что она должна быть готова къ двѣнадцати часамъ?

Быховецъ. Не успѣлъ. Много очень.

Шленкъ. Надо было успѣть. Я сегодня долженъ представить ее господину управляющему.

Быховецъ. Черезъ четверть часа будетъ готова.

(*Молчаніе.*)

Шленкъ (*пожимаясь*). Фоминъ! закройте окно. (*Фоминъ перебѣгаетъ черезъ комнату, осторожно пробирается за спиной Шленка къ окну и закрываетъ его.*) Возьмите бумаги. Это къ перепискѣ. Сегодня должны быть готовы всѣ. (*Роняетъ нѣсколько бумагъ; Фоминъ подбираетъ ихъ и возвращается на мѣсто.*) Рыжиковъ! Отчего вы вчера на службѣ не были?

Рыжиковъ (*привставъ*). Боленъ былъ.

Шленкъ. Отчего-жъ вы не дали знать?

Рыжиковъ. Да я только одинъ день и проболѣлъ. Письмо только нынче дошло-бы.

Шленкъ. Это не отговорка. (*Улыбляется въ бумаги. Тишина. Изъ глубины входитъ Приселковъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Фоминъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Илимовъ, Шленкъ, Приселковъ.

Приселковъ (*громко*). Несчастье, господи! (*Общее вниманіе; Шленкъ озабоченно поднимаетъ голову.*) Харченко залилъ чернилами докладную бумагу! Волосы на себѣ рветъ. (*Стефановичъ улыбается; писцы сдержанно смѣются; Шленкъ хмурится и снова принимается за работу.*) Здравствуйте, Федоръ Федорычъ. (*Фамильярно здоровается съ Шленкомъ и идетъ къ своему столу.*)

Шленкъ (*значительно*). Я видѣлъ васъ вчера въ «Аркадіи».

Приселковъ (*просто*). И я васъ видѣлъ. (*Внимаетъ изъ стола и раскладываетъ бумаги.*)

Шленкъ (*послѣ неловкаго молчанія, со вздохомъ уже другимъ тономъ*). Очень мило прошло, не правда-ли?

Приселковъ. Ничего себѣ. (*Молчаніе.*)

Шленкъ. Семенъ Петровичъ, прошу васъ. (*Илимовъ съ видимой неохотой, плохо скрывая неприязненное чувство подходитъ къ нему.*) Я просмотрѣлъ вашу вѣдомость... Садитесь, пожалуйста.. Все-таки не то, что нужно... (*Илимовъ молчитъ. Шленкъ нѣсколько теряется.*) Какъ это у насъ, право, не выходитъ... Во-первыхъ не обозначены мѣста жительства недонщиковъ—а это необходимо... (*Илимовъ молчитъ, Шленкъ теряется еще болѣе.*) Вѣдь вы согласны, что это необходимо?

Илимовъ. Я-бы сдѣлалъ, если-бы считалъ необходимымъ.

Шленкъ. Ну, отчего же! Можно просто упустить изъ виду... Дальше. Свѣдѣнія о льготахъ имѣются только за четыре года, а нужно по крайней мѣрѣ за десять...

Илимовъ. Этихъ свѣдѣній у насъ нѣтъ.

Шленкъ. Вотъ я и говорю, что нѣтъ. Но если ихъ нѣтъ у насъ, это еще не значитъ, что ихъ нѣтъ нигдѣ. Согласитесь, что это такъ... (*Илимовъ молчитъ. Шленкъ окончательно теряется и начинаетъ съезить.*) Гдѣ-нибудь они есть, эти свѣдѣнія, и мы знаемъ, гдѣ они есть: слѣдовательно, мы ихъ должны истребовать. Такъ вѣдь?.. Вотъ-съ. Наконецъ... что такое?.. (*Перемѣстываетъ вѣдомость назадъ и впередъ.*) Тоже очень существенное... (*Справившись по другимъ бумагамъ.*) Да! Вы совершенно измѣнили порядокъ. У васъ цифры расположены не по начальнымъ срокамъ, а по роду недонмокъ... (*Внушительно.*) Не по начальнымъ срокамъ, а по роду недонмокъ...

Илимовъ (*мало-по-малу раздражаясь*). Что-жъ вы мнѣ говорите, когда я самъ это дѣлалъ!

Шленкъ. Тогда какъ нужно было расположить не по роду недонмокъ, а по начальнымъ срокамъ, то-есть наоборотъ...

Илимовъ. Почему?

Шленкъ. Какъ, почему? Во-первыхъ такъ формулированъ запросъ, а во вторыхъ—резюлюція господина управляющаго: «исполнить». Очевидно мы должны исполнить согласно съ запросомъ... Вы какъ будто меня не понимаете... я, кажется, ясно выражаюсь...

Илимовъ. Я васъ не понимаю.

Шленкъ. Да вѣдь это очень просто. Представьте, наприимѣръ, что васъ спрашиваютъ: сколько и какихъ именно—по должностямъ—служащихъ находится у насъ въ каждомъ отдѣленіи,—и вы даете отвѣтъ: въ управленіи—понимаете?—въ цѣломъ управленіи, а не въ каждомъ его отдѣленіи,—въ управленіи находится столько-то начальниковъ отдѣленій, столько-то дѣлопроизводителей и бухгалтеровъ, столько-то ихъ помощниковъ...

Илимовъ. Это что-жъ такое? Къ чему?

Шленкъ. Я хотѣлъ пояснить вамъ при-мѣромъ...

Илимовъ. Совершенно напрасно.

Шленкъ. Да вѣдь—если я не ошибся—вы сами сказали, что не понимаете...

Илимовъ. Я васъ не понимаю. Не понимаю, чего вы хотите. А то, о чемъ насъ спрашиваютъ, и что приказалъ управляющій,—это я понимаю и не могу не понимать... не могу...

Шленкъ. Вамъ угодно играть словами?

Илимовъ (*едва влидѣя собой*). Нѣтъ, мнѣ не угодно играть словами—а вотъ вамъ.. Вы кончили?

Шленкъ (*сразу отълъ себя въ начальственную броню*). Да-съ, я кончилъ. Такъ, пожалуйста, потрудитесь исправить по тѣмъ указаніямъ, какія я далъ вамъ. И я просилъ

бы васъ сегодня-же — господинъ управляющій ждать...

Илимовъ (*береть бумаги, подходит къ своему столу, на секунду остается недвижимо, какъ бы замираетъ, и вдругъ хлопаетъ бумагами по столу съ такой силой, что всь вздрагиваютъ*). Чортъ знаетъ, что такое!.. (*Напряженная тишина.*) Нужно... я не знаю... ангельское терпѣніе нужно... (*Шумно садится.*) Никакого уваженія къ чужой личности, къ чужому труду... ни малѣйшей деликатности... (*Неожиданно вскакиваетъ и рпшительно направляется къ Шленку вмѣстѣ съ бумагами, которыя почти швыряетъ передъ нимъ.*) Я не ставу ничего исправлять. Я сдѣлалъ, какъ считалъ нужнымъ, и больше не намѣренъ.. Я не мальчишка, не школьникъ... (*Возвращается на мѣсто, съ трудомъ переводя дыханіе.*)

Шленкъ. Какъ вамъ угодно-съ.

(*Опять напряженная тишина. Шленкъ наполняетъ бумагами папку и хочетъ идти. Изъ глубины входитъ Пузыревскій.*)

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Фоминъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Илимовъ, Шленкъ, Приселковъ, Пузыревскій.

Пузыревскій. А я къ вамъ, Федоръ Федорычъ...

Шленкъ. Черезъ нѣсколько минутъ къ вашимъ услугамъ. Теперь мнѣ къ господину управляющему необходимо.

Пузыревскій. Два слова только. Помните вы...

Шленкъ. Простите, не могу. Черезъ нѣсколько минутъ. (*Уходитъ съ папкой на льво.*)

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Фоминъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Илимовъ, Приселковъ, Пузыревскій.

Пузыревскій (*пораженный*). Экой онъ у васъ! Къ господину управляющему — подумаешь, страсти какія! Могъ бы минуточку подождать — хоть изъ вѣжливости.

Приселковъ. Этого съ насъ не спрашиваютъ.

Пузыревскій. У-ди-вительно! (*Уходитъ обратнo.*) Фоминъ встаетъ и уходитъ на льво.)

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Илимовъ, Приселковъ.

Приселковъ. Семень Петровичъ! Тутъ есть бумага по дѣлу Коромыслова: что отвѣчать?

Илимовъ. А? По дѣлу Коромыслова? Что хотите.

Приселковъ. Да я, пожалуй, отвѣтилъ бы — остались бы довольны. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ? Илимовъ. Ахъ, да что хотите!

Приселковъ (*съ комическимъ вздохомъ*). Будешь отвѣчать! (*Пишетъ. Голосъ сторожа въ комнату на льво: „Докторъ пріѣхалъ!“*.) Слышите, Модестъ Феопемптовичъ?

Добронравовъ. Семьсотъ девятнадцать тысячъ триста восемь, шестнадцать... (*Входитъ сторожъ*).

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Илимовъ, Приселковъ, сторожъ.

Сторожъ (*на ходу*). Докторъ пріѣхалъ! Приселковъ. Модестъ Феопемптовичъ, слышите?

Добронравовъ. Мнѣ не надо доктора. (*Сторожъ уходитъ дальше.*)

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Илимовъ, Приселковъ.

Приселковъ. Ой-ли? вы въ этомъ увѣрены? (*Голосъ сторожа въ глубинѣ: «Докторъ пріѣхалъ!»*)

Добронравовъ. Четыреста двадцать тысячъ шестьсотъ шестьдесятъ семь, десять...

Рыжиковъ (*Быховцу*). Митя, дай ножичка. (*Тотъ продолжаетъ писать.*) Митя!

Быховецъ. Отстань! Видишь — занятъ.

Рыжиковъ. На минутку. Да-ай!

Быховецъ. Убирайся!

Рыжиковъ. Эко чудело! Жалко ему. (*Добронравову.*) Модестъ Феопемптовичъ, одолжите ножичка.

Добронравовъ (*съ неудовольствіемъ*). Возмите, только сейчасъ отдайте.

Рыжиковъ. Сію минуту. Мнѣ всего одну запяту выскоблить — не тамъ поставилъ. (*Быховцу.*) Безъ васъ обошлесь. (*Слѣва входитъ проситель, съ портфелемъ. Появленіе его возбуждаетъ общее любопытство.*)

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Илимовъ, Приселковъ, проситель.

Проситель (*развязно подходитъ къ Приселкову, талантливо раскланивается, кладетъ на столъ портфель, домо роется въ немъ, вытаскиваетъ бумагу — и говоритъ однимъ духомъ*). Въ качествѣ повѣреннаго наследника генераль-маіора Хлодницкаго я получилъ отъ васъ объявленіе, что прошеніе мое отъ семнадцатаго іюня оставлено безъ послѣдствій за непредставленіемъ необходимыхъ документовъ. Здѣсь очевидное недоразумѣніе...

Приселковъ (*все время удивленно взираетъ*).

идти на него). Да, здѣсь очевидное недоразумѣніе. Я никакихъ наслѣдниковъ генералъ-майора Хлодницкаго не знаю.

Проситель. Пардонъ! Вѣдь это—если я не ошибаюсь—второе дѣлопроизводство?

Приселковъ. Нѣтъ, это бухгалтерія. А второе дѣлопроизводство—черезъ комнату направо.

Проситель. Скажи-ите! А меня направили сюда... Вы изволите говорить: черезъ комнату направо?

Приселковъ. Да.

Проситель. Милъ пардонъ! *(Уходитъ въ глубину. Шленкъ возвращается и молча садится за работу. Въ, кроме Илимова, из-подтишка поглядываютъ на него.)*

ЯВЛЕНИЕ 18-е.

Стефановичъ, Доброправовъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Илимовъ, Приселковъ, Шленкъ.

Шленкъ. Что-жъ записка? Готова?

Быховецъ. Сейчасъ будетъ готова.

Шленкъ. Господинъ управляющій спрашиваетъ уже. *(Молчаніе.)* Фомины!

Рыжиковъ. Фомина нѣтъ. *(Фомины входятъ.)* Вотъ, пришелъ.

ЯВЛЕНИЕ 19-е.

Стефановичъ, Доброправовъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Илимовъ, Приселковъ, Шленкъ, Фомины.

Шленкъ. Куда вы бѣгаете? Когда работы много, надо на мѣстѣ сидѣть.

Фомины. Я-съ... мнѣ было нужно-съ...

Шленкъ. Сходите къ господину Пузыревскому и скажите, что я свободенъ, если ему угодно.

(Фомины уходятъ въ глубину. Сторожъ, возмущавшійся о пріѣздѣ доктора, проходитъ обратно.)

ЯВЛЕНИЕ 20-е.

Стефановичъ, Доброправовъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Илимовъ, Приселковъ, Шленкъ.

Приселковъ *(опомолоса)*. Такъ онъ къ тебѣ и пришелъ, какъ же!

Шленкъ. Что-съ?

Приселковъ. Ничего-съ.

Шленкъ *(смутившись)*. Мнѣ показалось, что вы нѣтъ...

Приселковъ. Нѣтъ-съ. *(Входитъ курьеръ.)*

ЯВЛЕНИЕ 21-е.

Стефановичъ, Доброправовъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Илимовъ, Приселковъ, Шленкъ, курьеръ.

Курьеръ *(Илимову)*. Васъ господинъ управляющій проситъ.

(Илимовъ, какъ-бы ожидавшій этого, встаетъ и уходитъ налево, въ сопровожденіи курьера. Общее движеніе. Възоры устремляются на Шленка, который дѣлаетъ видъ, что поглощенъ работой. Приселковъ громко и глубоко вздыхаетъ. Опять молчаніе. Фомины возвращаются.)

ЯВЛЕНИЕ 22-е.

Стефановичъ, Доброправовъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Приселковъ, Шленкъ, Фомины.

Фомины *(Шленку)*. Господинъ Пузыревскій сказали, что вы теперь некогда. *(Садится на мѣсто. Приселковъ многозначительно откашливается. Стефановичъ, скрывая улыбку, наклоняется надъ бумагами.)*

Шленкъ *(поморщившись, съ усмѣшкой)*. Значитъ, не особенно нужно. *(Молчаніе.)* Модестъ Феопемитовичъ, позвольте мнѣ входящій за прошлый годъ. *(Доброправовъ бросается къ шкапу, достаетъ журналъ, подаетъ его Шленку и выжидаетъ.)* Больше ничего. Благодарю васъ. *(Доброправовъ поворачивается, чтобъ идти.)* Позвольте! позвольте! Здѣсь у васъ маленькая неисправность...

Доброправовъ *(устремляясь къ журналу, трепетнымъ голосомъ)*. Гдѣ-съ?

Шленкъ *(показывая)*. Вотъ. Нѣтъ отиѣтки объ исполненіи.

Доброправовъ *(смотря въ журналъ и какъ-бы не вѣря собственнымъ глазамъ)*. Объ исполненіи... да-съ...

Шленкъ. Это я случайно увидалъ. Можетъ быть еще гдѣ-нибудь...

Доброправовъ *(горячо)*. Нѣтъ-съ! Не можетъ быть-съ! И это, ужъ я не знаю... какъ такъ...

Шленкъ. Больше пока ничего. *(Доброправовъ возвращается на мѣсто, совершенно убитый. Молчаніе.)* Фомины, дайте мнѣ новое перо. *(Фомины подаетъ два коробки съ перьями.)* Лучше нѣтъ?

Фомины. Нѣтъ-съ. Я ужъ говорилъ экзектору—не даетъ.

Шленкъ. Напомните мнѣ когда-нибудь—я самъ скажу. *(Выбравъ перо.)* Вставьте вотъ это. *(Фомины пальцемъ вынимаетъ изъ ручки негодное перо.)* Что-жъ вы такъ? Надо было взять бумажку.

Фомины *(обтираетъ пальцы о собственные волосы)*. Ничего-съ. *(Вставляетъ новое перо, подаетъ его Шленку и возвращается на мѣсто.)*

Приселковъ *(закуриваетъ папиросу, встаетъ, потягивается и подходитъ къ заднему окну)*. Модестъ Феопемитовичъ! скорѣй, скорѣй,—хорошенькая идетъ! *(Ложится на подоконникъ.)*

Доброправовъ. Мнѣ не интересно.

Приселковъ. Будто? А хозяйка ваша—хорошенькая, или нѣтъ?

Добронравовъ. Не мѣшайте мнѣ пожалуйста.

Шленкъ. Въ самомъ дѣлѣ, Евгений Васильичъ... Если вамъ нечего дѣлать...

Приселковъ. Нѣтъ, мнѣ есть что дѣлать.

Шленкъ. Тѣмъ хуже.

Приселковъ. Какъ на чей вкусъ. (*Продолжаетъ смотрѣть въ окно. Слѣва входитъ Илимовъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 23-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Приселковъ, Шленкъ, Фоминъ, Илимовъ.

Илимовъ (*блѣдный и взволнованный, направляется къ своему столу, трясетъ бумаги, потираетъ лобъ и медленно направляется къ Шленку; говоритъ очень сдержанно*). Что вы наговорили обо мнѣ управляющему?

Шленкъ (*свежившись*). Господинъ управляющій, вѣроятно, сообщилъ вамъ...

Илимовъ. Нѣтъ, онъ не сообщилъ мнѣ... иначе-бы я васъ не спрашивалъ. Онъ только сказалъ, что вы вообще недовольны моею службой, и предложилъ подать въ отставку. Такъ вотъ я и хотѣлъ-бы знать.

Шленкъ. Вы должны знать и безъ того. Я говорилъ только то, что было.

Илимовъ. Что-же именно?.. (*Молчаніе.*) Вы, пожалуйста, не подумайте, что я хочу защищаться, оправдываться. Не изъ чего было-бы хлопотать. Вамъ нипочемъ заставить человѣка въ третій разъ переписывать огромную бумагу, потому что вы сначала не потрудились исправить ее, какъ слѣдуетъ. Вамъ нипочемъ заставить человѣка бѣжать черезъ всю комнату, чтобы закрыть окно, у котораго вы сидите. Вамъ многое нипочемъ. Но вѣдь вы не одни здѣсь. Другихъ это можетъ и коробить... даже очень коробить. А ужъ какъ меня коробило, какъхъ мнѣ усилій стоило сдерживать себя—вы и понять не въ состояніи. Такъ стану-ли я еще защищаться и оправдываться? Зачѣмъ? Чтобы опять все это видѣть и слышать? Нѣтъ, съ меня довольно. У меня теперь одно желаніе—вывести васъ на свѣжую воду...

Шленкъ (*нѣсколько разъ порывавшійся говорить*). Послушайте, наконецъ, господинъ Илимовъ!

Илимовъ. Да, вывести васъ на свѣжую воду. Дѣло ясное: у васъ хорошая память. Не забыли этого, а? (*Показываетъ, какъ встряхиваютъ за шиворотъ.*)

Шленкъ. Прекратите этотъ разговоръ. Здѣсь и не мѣсто къ тому-же.

Илимовъ. Управляющій, впрочемъ, заявилъ мнѣ, что если вы найдете возможнымъ—то ест другими словами, если я попрошу васъ,—я могу продолжать службу...

Шленкъ. Я не вставалъ на вашемъ удовольніи.

Илимовъ (*все еще сдерживаясь*). Но, конечно, я этого не сдѣлаю. Слишкомъ много было-бы чести... (*Внезапно приходитъ въ изступленіе, стучитъ кулакомъ по столу Шленка и кричитъ*). Слишкомъ много чести слышите? Слишкомъ много чести для васъ!

Шленкъ (*совсѣмъ растерявшійся*). Успокойтесь, пожалуйста! Я и не требую... (*Обращаясь ко всемъ*). Господа! что-жъ это? скандалъ! Надо сказать экзекутору...

(*Никто не трогается съ мѣста. Въ дверяхъ появляются любопытные.*)

Илимовъ (*неистово*). Экзекуторъ! сюда! на помощь къ господину Шленку!

Приселковъ (*подбѣгаетъ къ нему*). Семенъ Петровичъ! голубчикъ! плюньте! Пойдите отсюда... (*Увидавъ, что Добронравовъ встанетъ и хочетъ идти.*) Вы куда?

Добронравовъ (*нервничательно*). Федоръ Федорычъ сказали... за экзекуторомъ...

Приселковъ (*строго*). Сядьте! (*Добронравовъ поглядываетъ то на него, то на Шленка, и не знаетъ, что дѣлать.*) Сядьте, говорятъ вамъ! (*Добронравовъ садится.*) Стыдился-бы! (*Илимову.*) Пойдите, голубчикъ. Нечего вамъ тутъ...

Илимовъ (*сразу обезсилѣвъ, покорно даетъ вести себя*). Пойдите... Спасибо вамъ...

Приселковъ (*обернувшись къ Добронравову*). Халуй! (*Уходятъ нальво.*)

ЯВЛЕНИЕ 23-е.

Стефановичъ, Добронравовъ, Рыжиковъ, Быховецъ, Шленкъ, Фоминъ.

(*Долгое и тягостное молчаніе.*)

Шленкъ. Что-жъ, наконецъ, записка? Будетъ-ли готова сегодня?

Быховецъ. Готова.

Шленкъ. Такъ давайте-же!.. Николай Петровичъ, потрудитесь считать съ Модестомъ Феопемптовичемъ.

(*Быховецъ подаетъ Стефановичу записку вмѣстѣ съ черновой. Добронравовъ со своимъ стуломъ пересаживается туда-же.*)

Добронравовъ (*медленно и раздѣльно, слово за словомъ, читаетъ по черновой*). «Въ тысяча восемьсотъ семьдесятъ второмъ году впервые возбужденъ былъ, какъ требовавшій востоятельнаго разрѣшенія, вопросъ»...

(*Занавѣсъ.*)

П Я Т А Я К А Р Т И Н А .

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Илимовъ. Людмила. Багрецовъ. Аболтинъ. Платонида Марковна. Юлія. Мышкина. (*Багрецовъ и Аболтинъ замѣтно возмужали; Платонида Марковна и Мышкина постарѣли; Юлія еще болѣе увяла, но прежней восторженности ни мало не утратила.*)

Варя—дочь Илимовыхъ. (Шести лѣтъ. Изъ скороспѣлокъ, видимо выросла безъ надлежашаго надзора и воспиталась на дурныхъ привычкахъ).

Дѣйствіе происходитъ на дачѣ Илимовыхъ и Аболтиныхъ, близъ станціи желѣзной дороги, чрезъ нѣсколько дней.

Закрѣтый стеклянный балконъ, съ лѣвой стороны примыкающій къ стѣнѣ дома, въ которой два окна и между ними стеклянная же дверь; направо, съ нѣсколькими ступеньками внизъ, дверь въ садъ и на улицу (двери, окна и балконныя рамы отворены). Мебель сборная, какъ обыкновенно бываетъ на небогатыхъ дачахъ: обѣденный столъ, два разныхъ кресла, нѣсколько стульевъ. Постройка ветхая. Деревья въ саду и часть балкона освѣщены заходящимъ солнцемъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Аболтинъ, Мышкина.

(*Аболтинъ, преслѣдуемый Мышкиной, быстро выходитъ изъ комнаты.*)

Аболтинъ (съ сердцемъ). Отстаньте вы отъ меня!

Мышкина (сильно возбужденная). Не отстану, моя душечка! Ни за что не отстану!

Аболтинъ (обернувшись къ ней съ угрожающимъ видомъ). Такъ вы чего-же хотите? Чтобъ я...

Мышкина. Я хочу, моя душечка, свои деньги получить—больше ничего.

Аболтинъ. А я вамъ русскимъ языкомъ говорю, что вы ихъ не получите, потому что у меня никакихъ денегъ нѣтъ,—вотъ и все!

Мышкина. Какъ, не получу, моя душечка? Я непремѣнно получу. Должна получить. Вы брали у меня только на годъ, а теперь сколько времени прошло!

Аболтинъ. Я вамъ часть отдавъ.

Мышкина. Какая-жъ это часть, моя душечка,—сорокъ рублей изъ трехсотъ!

Аболтинъ. И будетъ съ васъ. Я удивляюсь, право: Семень Петровичу вы родственница, увѣряете, что любите его, знаете, что человекъ мѣста лишился—не сегодня, завтра по-міру съ семьей поидетъ,—а вы денегъ требуете! Какъ у васъ духу-то хватаетъ?

Мышкина. Душечка моя! Я не съ него требую, а съ васъ. Вы при мѣстѣ остались.

Аболтинъ. Тпфу!... Да вѣдь пить-ѣсть надо не мнѣ одному, а всѣмъ,—какъ вы полагаете? За дачу вонъ только половина заплачена, въ лавкахъ должны — все вѣдь это я теперь раскошеливайся! Чѣмъ-бы роднымъ помочь въ бѣдѣ—вы ихъ мѣсто того докопать хотите!

Мышкина. Я ничѣмъ не могу помочь, моя душечка.. Я послѣднее отдала.

Аболтинъ. Разска-азывайте!

Мышкина. Послѣднее, моя душечка, послѣднее. На пенсію только и живу. (*Аболтинъ машетъ рукой. Молчаніе.*) Такъ какъ-же, моя душечка?

Аболтинъ. Что еще?

Мышкина. Насчетъ денегъ-то?..

Аболтинъ (свирѣпѣя). Опять?! Опять?!

Мышкина. Да вы не кричите, моя душечка! Я и сама кричать умѣю. (*Кричитъ.*) Деньги мои отдайте! Ничего знать не хочу!

Аболтинъ (понижая голосъ). Что вы орете-то? Вѣдь кругомъ слышно. За что вы племянника-то своего срамите?

Мышкина (тоже). Вы сами начали кричать, моя душечка.

Аболтинъ. Не въ крикъ дѣло. Выведутъ изъ терпѣнія — какъ не крикнуть! А вы прямо о деньгахъ во все горло. Не дай Богъ разнесется, что Семень безъ мѣста:дохнуть не дадутъ, всѣ кинутся.

Мышкина. Ужъ навѣрное всѣ знаютъ, моя душечка. Этого не скроешь.

Аболтинъ. Можетъ и знаютъ, да молчать пока. А стоять одному крикнуть—всѣ загалдятъ. (*Молчаніе.*)

Мышкина (мяко). Вы, моя душечка, хоть обнадежьте меня: когда...

Аболтинъ. Отдамъ, не пронадутъ. Я ужъ давно предлагаю вамъ: выйдите за меня замужъ. Тогда и сквитается.

Мышкина. Ахъ, моя душечка, мнѣ теперь не до шутокъ!

Аболтинъ. Да и мнѣ не до шутокъ. А то развѣ сталъ-бы я... Я въ сурьезъ говорю.

Мышкина. Какая-же мы пара, моя душечка? Я вамъ въ матери гожусь.

Аболтинъ. Да вамъ сколько лѣтъ?

Мышкина. Сорокъ первый годъ, моя душечка.

Аболтинъ. А мнѣ тридцать пять скоро. Чѣмъ не пара? Разница самая пустячная. Не нравлюсь я вамъ, что-ли?

Мышкина. Нѣтъ, моя душечка, отчего же... Да нѣтъ, нѣтъ! Что вы это! Мнѣ и думать объ этомъ грѣхъ!

Аболтинъ. Почему грѣхъ? Удивляюсь!... Вѣдь вы Сеничку своего любите?

Мышкина. Еще-бы не любить, моя душечка! Дѣвчонкой няньчила его—на моихъ рукахъ выросъ.

Аболтинъ. Пойдите, пойдите! Вы какъ ему приходите-то?

Мышкина. Двоюродной теткой, моя душечка. Варенька покойница—двоюродная сестра моя.

Аболтинъ. Ну, такъ ничего. Я думалъ—близкая родня: тогда не повѣнчали-бы. Любите, стало-быть?

Мышкина. Кого, моя душечка?

Аболтинъ. Племянника своего, Семена.

Мышкина. Люблю, моя душечка. Я же говорю, что люблю. Какъ мнѣ его не любить, когда...

Аболтинъ. Ну, такъ вѣдь какъ хорошо было-бы: поженились бы мы съ вами, зажили бы всѣ вѣстѣ—тихо, скромно...

Мышкина. Вѣстѣ-то я боюсь, моя душечка. Платонида Марковна... Ахъ, у нея такой характеръ неуживчивый!

Аболтинъ. Пустяки! Несъ характеромъ жить—съ добрыми людьми.

Мышкина. Такъ-то такъ, моя душечка, а все-жъ... Мы и теперь съ ней ссоримся постоянно—что-жъ тогдабудетъ? (*Спохватившись.*) Ахъ, моя душечка! Что я говорю! Точно въ самомъ дѣлѣ...

Аболтинъ. Да въ самомъ дѣлѣ и есть. Чего тутъ? Ударили-бы сейчасъ по рукамъ...

Мышкина. Нѣтъ, нѣтъ, моя душечка! Что вы! Можно-ли такъ... сразу?... Нѣтъ, нѣтъ!... (*Пытливо смотритъ на него.*) Ужъ если вы серьезно... Серьезно, моя душечка?

Аболтинъ. Господи Боже мой! Сколько же мнѣ разъ говорить?

Мышкина. Не сердитесь, моя душечка. Я вѣдь спросила потому, что... какъ не спросить?.. Вотъ у васъ тоже дурной характеръ, моя душечка: все сердитесь. Я и боюсь.

Аболтинъ. Бояться нечего. Не кусаюсь. А разсердиться всякій можетъ. Не сердите, такъ и не буду сердиться.

Мышкина. Да ужъ я-то, моя душечка, сердить васъ не буду. Спросите, какъ я съ покойнымъ мужемъ жила: душа въ душу. Такъ и съ вами, моя душечка... Ой, да что это я все! Гляжу на васъ, моя душечка, лицо у васъ такое серьезное—мнѣ и кажется, что ужъ кончено...

Аболтинъ. И пусть кончено. Чего тавутъ-то, не понимаю! Дѣло чистое.

Мышкина. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! нѣтъ, въ душечка, нѣтъ! Я ужъ сказала. Я должна подумать. Я непремѣнно должна подумать. Подумать и посовѣтоваться.

Аболтинъ. Съ кѣмъ еще совѣтоваться-то?

Мышкина. Съ Сеничкой.

Аболтинъ. До васъ ему теперь, какже! И къ чему совѣтоваться? Не молоденькая, слава Богу, свой умъ есть. И думать нечего... Ой-ко, мнѣ сбѣгать нужно. До пріятнаго. (*Притмижаетъ ей руку.*) Задаточекъ-бы!

Мышкина. Какой задаточекъ?

Аболтинъ. Извѣстно, какой. (*Чмокаетъ въ баму.*)

Мышкина (*въ ужасѣ*). Что это?! Поцѣловать?! Нѣ-э-э-э, нѣтъ! Боже сохрани! Уходите, уходите, моя душечка!

Аболтинъ. Да чего вы испугались-то? Придется же, все равно.

Мышкина. Тамъ когда еще придется, моя душечка! Уходите, уходите!

Аболтинъ. Ну, ручку, по крайности.

Мышкина. Ручку можете, моя душечка, если хотите. (*Даетъ ему руку и намъреваетъ поцѣловать его въ лобъ; но онъ быстро понимаетъ голову и цѣлуетъ ее прямо въ губы.*) Ай! (*Аболтинъ смѣется.*) Фу, моя душечка, какъ отъ васъ табакомъ пахнетъ! Я и забыла, что вы такой скверный табакъ курите... Нѣтъ, нѣтъ, моя душечка! Ни за что! Еслибъ вы еще не курили...

Аболтинъ. Теперь ужъ конецъ! Задатокъ—по формѣ. Теперь ужъ назадъ—ни-ни! (*Выразительнымъ шепотомъ.*) Прощай, Глаша! скоро увидимся. (*Надѣваетъ фуражку и уходитъ черезъ садъ направо.*)

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Мышкина, Платонида Марковна.

(*Мышкина садится и въ задумчивости закрываетъ лицо руками; на лицѣ ея появляется довольная улыбка. Отнявъ руки отъ глазъ, которые остаются у нея полузакрытыми, она начинаетъ жестикულიровать, шевелить губами, пошмыгивается—какъ будто ей представляется, что она ведетъ съ кѣмъ-то интересный разговоръ. Изъ комнаты входитъ Платонида Марковна. Увидавъ Мышкину, она смотритъ на нее сперва съ удивленіемъ, потомъ съ безпокойствомъ; но та долго не замѣчаетъ ее.*)

Платонида Марк. Глафира Осиповна! Что это съ вами?

Мышкина (*вскочивъ, какъ уличенная въ шалости*). Ахъ!.. Душечка моя, не спраши-

вайте! ради Бога не спрашивайте! И не ходите ко мнѣ! Послѣ, послѣ!

Платонида Марк. Да что такое? Еще неприятность какая-нибудь?

Мышкина. Не знаю, моя душечка! ничего не знаю!.. Ахъ! ахъ! ахъ! *(Въ сильномъ смѣтеніи уходитъ въ комнаты.)*

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Платонида Марк. Шальная баба! Непугала только. Такъ и ждешь чего-нибудь, за одно ужъ... Охъ грѣхи, грѣхи наши тяжкіе! И что это съ нами будетъ—подумать даже страшно. *(Справа, едва волоча ноги отъ изнеможения, входитъ Илимовъ—въ шляпѣ и съ палкой. Платонида Марковна тотчасъ-же принимаетъ видъ покорной судьбы жертвы.)*

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Платонида Марковна и Илимовъ.

Илимовъ *(садится, тяжело и прерывисто дыша).* Что Людмила дѣлаетъ?

Платонида Марк. *(грустнымъ тономъ).* Её дома нѣтъ.

Илимовъ. Гдѣ-жъ она?

Платонида Марк. Въ городѣ.

Илимовъ *(встрепенувшись).* Зачѣмъ?

Платонида Марк. Не знаю. Мало-ли какая надобность. Она часто въ городъ ѣздитъ—извѣстно вамъ, кажется.

Илимовъ. Сегодня она не собиралась.

Платонида Марк. Стало быть собиралась, коли поѣхала. Не спрашиваться же ей у васъ. А можетъ и сразу надумала. Своя воля.

Илимовъ. Такъ вы не знаете—зачѣмъ?

Платонида Марк. Говорю: не знаю. *(Помолчавъ и не глядя на него.)* Дворникъ приходилъ, васъ хотѣлъ видѣть. За деньгами, должно быть. *(Помолчавъ.)* И въ лавкѣ тоже спрашивали: скоро-ли отдадутъ, молъ? *(Помолчавъ.)* Слышите, Сеженъ Петровичъ?

Илимовъ. Слышу.

Платонида Марк. То-то. Пора позаботиться.

Илимовъ. Это ужъ мое дѣло.

Платонида Марк. Ваше, ваше. Я напоминаю только. *(Садится на ступеньки и смотритъ черезъ садъ на улицу; дальнѣйшій разговоръ ведетъ не оборачиваясь.)*

Илимовъ. Напрасно. Я помню.

Платонида Марк. Эхъ, кабы вы все помнили, что надо! Не было-бы того, что теперь. Не оставили бы семью безъ куска хлѣба... *(Кричитъ кому-то.)* Ты что-жъ это, дрянъ эдакая, каменьями швыряешься? Вотъ попади мнѣ только! Пошелъ прочь!.. *(Презрительнымъ тономъ.)* Кабы помнили, что надо, не такъ бы всѣ жили. Которые и помоложе васъ, и тѣ по службѣ впередъ ушли. Не далеко ходить—того же Шленка взять. Давно-ли безъ

жалованья служилъ? А того и гляди, помощникомъ управляющаго сдѣлають. Старикъ-то годъ-другой еще протянетъ да и въ могилу. Кабы помнили...

Илимовъ. Перестаньте! Довольно ужъ.

Платонида Марк. Да чего довольно! Оно, пожалуй, и довольно—потому больше ужъ нечего, до послѣдняго дошли. А перестать, либо пѣтъ—это ужъ какъ мнѣ желательно будетъ. Я не о васъ забочусь... *(Отвѣчаетъ на чей-то поклонъ.)* Здравствуйте, батюшка Стопанъ Парамоничъ.. *(Презрительнымъ тономъ.)* Не о васъ я забочусь, а о дочери своей съ ребенкомъ, да о сынѣ.

Илимовъ. Сынъ-то вашъ, кажется, здѣсь не причемъ.

Платонида Марк. Какъ, не причемъ? Очень даже причемъ. На его шеѣ всѣ останемся. *(Илимовъ громко усмѣхается.)* Смѣяться нечего. Смѣшного тутъ ничего нѣтъ. Напротивъ, очень грустно. *(Вздыхаетъ.)* Очень, очень грустно.

(Голосъ Юліи въ саду: „Мерси. Некогда.“ Звѣтъ она входитъ сама—печальная и хмурая.)

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Платонида Марковна, Илимовъ и Юлія.

Юлія *(проходя мимо Платониды Марковны, задѣваетъ ее платьемъ; сухо).* Извините.

Илимовъ *(разстѣянно).* Что это тебѣ некогда? Съ кѣмъ ты разговаривала?

Юлія. Съ сосѣдкой. Приглашала меня въ паркъ, на музыку.

Илимовъ. Отчего-жъ ты не пошла?

Юлія *(дрогнувшимъ голосомъ).* Въ чемъ я пойду? У меня нѣтъ ни платья, ни шляпки, ни перчатокъ...

Илимовъ. Какъ, нѣтъ?

Юлія. Такъ, нѣтъ. Это вотъ лучшее мое платье... Шляпка прошлогодняя... *(Плечетъ.)* Не могу я въ такомъ видѣ въ люди показываться! не могу!

Илимовъ. Не понимаю. *(Задумывается.)*

Платонида Марк. *(обернувшись).* Чѣмъ-же вашъ видъ дурень, желала-бы я знать! Вы такъ одѣты, какъ дай Богъ всякой. И шляпка у васъ прехорошенькая, и перчатокъ сколько паръ валяется. Которыя, можетъ, заштопать нужно, либо почистить—такъ это не бѣда. Новыхъ не напасешься.

Юлія. Однако, Людмила Ефимовна каждый годъ покупаетъ себѣ новую шляпку и въ штопаныхъ перчаткахъ не ходитъ.

Платонида Марк. То—Людмила Ефимовна, а то—Юлія Петровна.

Юлія *(вспыхнувъ).* Что это значить? Мнѣ

кажется, разницы никакой между нами не может быть.

Платонида Марк. Напрасно кажется. Знай сверчекъ свой шестокъ — слышали, небось? (*Взглянувъ въ глубину сада и засуетишись.*) Кш... кш... Ахъ, проклятыя! (*Сходитъ въ садъ, откуда слышенъ ея крикъ*). «Кш... кш... Послушайте! опять ваши куры въ саду! Что-жъ это такое? Смотрѣть надо! Сегодня куры, завтра корова... Я вотъ ловить ихъ стану! Кш... кш...

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Илимовъ, Юлія

Илимовъ. Куда Людмила уѣхала?

Юлія. Почему я знаю! (*Помолчавъ.*) Я, право, удивляюсь — какъ ты позволяешь въ своемъ присутствіи...

Илимовъ. Что такое? Я ничего не слышалъ.

Юлія (*раздраженно*). Ты никогда ничего не слышишь и не видишь! Мнѣ Богъ знаетъ что говорятъ, со мной Богъ знаетъ какъ обращаются — попрекаютъ, оскорбляютъ, — а тебѣ все равно, какъ будто я не сестра твоя. И съ мамой-покойницей тоже самое было. (*Переходя въ сентиментальный тонъ.*) Ты, видно, забылъ послѣднія слова папы: «береги мать и сестру!» Бѣдный папа! могъ-ли онъ ожидать...

Илимовъ. Съ какими поѣздами она уѣхала?

Юлія (*опышенная, злобно*). Не знаю, не знаю! И знать не хочу! И никогда меня про нее ничего не спрашивай! (*Порывисто уходитъ въ комнату.*)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Илимовъ (*одинъ*)

Илимовъ. Что ей понадобилось въ городѣ? Поспѣшно такъ, таинственно... Мучить меня что-то, успокоиться не могу. Нервы это, что-ли? Все еще та исторія? (*Смотритъ на часы.*) Скоро поѣздъ. Съ этимъ должна пріѣхать. (*Горько усмѣхнувшись.*) Жду, точно влюбленный. Минуты считаю... Что-жъ! и влюбленъ былъ, и минуты считалъ... Все проходитъ, всему свой чередъ... и каждому изъ насъ свой чередъ: былъ — и нѣтъ. Чего проще? А все за что-то цѣпляешься, все куда то карабкаешься. Точно Божья коровка по стеблю. Подулъ вѣтеръ, качнулъ стебель — и пропала Божья коровка, въ траву свалилась: ница ее тамъ!.. Глупо это все. Ахъ, какъ глупо... (*На ступенькахъ появляется Багрецовъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Илимовъ, Багрецовъ.

Илимовъ (*радостно-удивленный*). Яковъ!? (*Идетъ къ нему на встрѣчу*)

Багрецовъ (*въ урюмомъ смущеніи*). Пришелъ... Ну, что-жъ... пришелъ... Пустишь

Якова-то? (*Съ вопросительнымъ видомъ протягиваетъ Илимову руку.*) Ну? (*Илимовъ бросается къ нему на шею и плачетъ.*) Чего? чего? Экой ты! Чего? Хуже еще сталъ. Хуже. (*Самъ едва удерживается, чтобы не заплакать.*) Давай поцѣлуйся. (*Троескратно цѣлуются.*) Эдакъ-то лучше. Утри слезы. Утри. Мужчина. Будь твердъ.

Илимовъ (*безъ нужды суетясь*). Садись же, садись. Вотъ здѣсь, поудобнѣе.

Багрецовъ. Саду гдѣ-нибудь. Не хлопочи. Сяду. (*Садятся.*)

Илимовъ. Ты съ какими-же это поѣздами пріѣхалъ?

Багрецовъ. Пѣшкомъ я. Опоздалъ на поѣздъ. Пѣшкомъ. Недалеко вѣдь. (*Свертываетъ и закуриваетъ папиросу.*)

Илимовъ. Водочки не хочешь-ли? чайку?

Багрецовъ. Погоди. Успѣемъ еще. Погоди. Ты вотъ мнѣ про свою бѣду расскажи. Про бѣду. Слыхалъ вѣдь я. Сослуживецъ твой встрѣтился — какъ звать-то, забылъ: чернышій такой. Отъ него и слышалъ. Онъ и поѣздаль. Ну, и рѣшилъ я: побывать надо. Тамъ ужъ какъ будетъ — пустить меня къ себѣ, либо нѣтъ — а побывать я долженъ. Рѣшилъ.

Илимовъ. Какъ тебѣ не стыдно! Какъ ты могъ думать...

Багрецовъ. Поживешь — всего передумаешь. На то и живешь. Всего передумаешь... Такъ что-жъ у тебя вышло-то, а? что вышло-то?

Илимовъ (*насмѣшленно улыбаясь*). Съ начальствомъ поругался.

Багрецовъ. Поругался-таки! Я всегда ожидалъ. Я зналъ, что добромъ не кончится. Уходилъ-бы раньше, не ругавшись. Я зналъ. Уходилъ бы. Чтожъ? какъ теперь?

Илимовъ. Пока еще ничего.

Багрецовъ. Поискать надо. Поищешь — найдешь. Какъ не найти! Ты духомъ-то не падай. Будь твердъ. Найдешь. (*Помолчавъ.*) Старушка-то отошла отъ насъ! отошла старушка! Тоже не зналъ. Этотъ же самый сослуживецъ повѣдалъ. Не зналъ, не зналъ. Ну, а самъ-то? Здоровье какъ?

Илимовъ. Плохо, братъ, мое здоровье. Со всѣмъ плохо. Ходить не могу — одышка, ноги дрожать.

Багрецовъ (*съ тревогой смотря на него*). Поправисься. Успокойсь — и поправисься.

Илимовъ. Нѣтъ, ужъ нѣтъ не поправиться. Сердце очень болитъ.

Багрецовъ. Поправисься. (*Изъ комнаты вбѣгаетъ Варя.*)

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Илимовъ, Багрецовъ, Варя.

Багрецовъ. Здравствуй, Варюша? Не узяешь, небось?

Варя (*кривляясь*). Нѣтъ, не узнаю. Кто вы такой?

Багрецовъ. Яковъ Багрецовъ, твоего отца другъ и пріятель. Яковъ Багрецовъ. Забыла?

Варя. Забыла. Я васъ въ первый разъ вижу. Багрецовъ. Положимъ, не въ первый...

Илимовъ. Иди въ садъ, Варя.

Варя. Нѣтъ, не пойду. Я къ тебѣ пришла.

Багрецовъ. Любишь папу-то?

Илимовъ. Иди въ садъ.

Варя. Не пойду я въ садъ! Что ты меня гонишь? Ты нѣтъ бѣлыя туфли купи.

Илимовъ. Какія бѣлыя туфли? Вздоръ говоришь.

Варя. Совсѣмъ не вздоръ. У всѣхъ дѣвочекъ бѣлыя туфли, а у меня нѣтъ. Мнѣ стыдно. Мама говоритъ, что у тебя денегъ нѣтъ, оттого что ты на службу не ходишь. Такъ ты опять пойди на службу и принеси денегъ. Слышишь?

Багрецовъ. Поцѣлуй папу-то. Поцѣлуй.

Варя. Вотъ еще! Когда принесетъ деньги, тогда и поцѣлю.

Илимовъ (*возвышая голосъ*). Иди въ садъ, говорятъ тебѣ!

Варя. Что ты кричишь-то! Я къ бабушкѣ пойду. (*Убѣгаетъ обратно, напяливъ «Конфетку»*.)

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Илимовъ, Багрецовъ.

(*Багрецовъ омрачается и старается не глядеть на Илимова.*)

Илимовъ. Видѣлъ? слышал? Ни жены, ни ребенка... Одинъ!

Багрецовъ. Что-жъ жена-то? Развѣ... было что развѣ?

Илимовъ. Нѣтъ. Нѣтъ, нѣтъ! Я ничего не смѣю сказать про нее. Но могу-ли я быть спокоенъ, могу-ли я вѣрить ей послѣ того... какъ вотъ тогда, на именинахъ...

Багрецовъ (*опять приходя въ смущеніе*). Не поминалъ-бы ужъ! Что помянуть-то!

Илимовъ. Да тебѣ-то что? Не ты началъ. Я вѣдь тутъ-же былъ, знаю. Но ты понимаешь... (*Слышенъ отдаленный свистокъ приближающаго поѣзда и первый звонокъ на станціи.*) Вотъ поѣздъ! (*Встрепенулся.*)

Багрецовъ. Изъ города, что-ли?

Илимовъ. Да. Съ этимъ жева должна пріѣхать.

Багрецовъ. Ну, и пріѣдетъ, значить. Что волноваться-то! Пріѣдетъ. (*Заглянувъ въ комнату.*) Здравствуйте, барышня.

(*Входитъ Юлія.*)

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Илимовъ, Багрецовъ, Юлія.

Юлія. Здравствуйте, Яковъ Савельичъ. Какъ вы давно у насъ не были!

Багрецовъ. Да, давненько-таки. Давненько. Что дѣлать! Человѣкъ предполагаетъ... Работаете?

Юлія (*не охотно*). Да... понемножку.

(*Короткій свистокъ вблизи и второй звонокъ. Илимовъ, спустившись на одну ступеньку, напряженно смотритъ вдаль.*)

Багрецовъ. И то хорошо. И понемножку хорошо. Сначала понемножку, потомъ и больше. Теперь надо работать—брату помогать. Надо работать. Попривыкнете—настоящей работы поощеръ. Такой, за которую деньги платятъ, настоящей.

Илимовъ (*взволнованный, возвращается на балконъ*). Пріѣхала. Идетъ.

Багрецовъ. Ну, вотъ видишь. Цѣла и невредима. А ты беспокоился. Цѣла и невредима.

Юлія (*удивленная*). А онъ развѣ беспокоился?

Багрецовъ. Да. Говорилъ тутъ. Нервы!

(*Изъ комнаты входитъ Платонида Марковна.*)

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Илимовъ, Багрецовъ, Юлія, Платонида Марковна.

Багрецовъ. Здравствуйте, Платонида Марковна.

Платонида Марк. (*не очень радушно*). Здравствуйте, батюшка. Вотъ ужъ, можно сказать, не чаяли—не гадали.

(*Третій звонокъ, свистки оберъ-кондуктора и паровоза и шумъ удаляющагося поѣзда. Справа входитъ Людмила, нарядная и оживленная.*)

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Илимовъ, Багрецовъ, Юлія, Платонида Марковна, Людмила.

Людмила. Вотъ и я! (*При видѣ Багрецова смущается, но тотчасъ же овладѣваетъ собой.*) Боже мой! кого я вижу! Наконецъ-то вспомнили о насъ!

Багрецовъ. Я и не забывалъ. Здравствуйте. Не забывалъ.

Людмила. Очень рада васъ видѣть.

Илимовъ. Зачѣмъ ты ѣздила въ городъ?

Людмила (*садится, какъ бы не слыша вопроса*). Народу что пріѣхало—страсть! Мѣстовъ не хватало.

Платонида Марк. Праздникъ. (*Въ нетерпѣннѣе отъ любопытства.*) Что-то у тебя лицо довольное. Хорошо должно-быть съѣздила?

Людмила (*значительно*). Недурно.

Платонида Марк. Расскажи! Расскажи!

Илимовъ. Зачѣмъ ты ѣздила? (*Съ улицы входитъ Аболтинъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Илимовъ, Багрецовъ, Юлія, Платонида Марковна, Людмила, Аболтинъ.

Аболтинъ (*увидавъ Багрецова, тоже большіе удивленный, чѣмъ обрадованный*). Какими судьбами? Живы ли, здоровы ли? Гдѣ пропадать изволили?

Платонида Марк. Пстой ты! Тутъ у Милочки новость интересная.

Аболтинъ. Что еще?

Илимовъ. Гдѣ ты была?

Людмила (*торжественно*). Садитесь и слушайте. (*Платонида Марковна, Юлія, Аболтинъ садятся; Илимовъ и Багрецовъ остаются на ногахъ.*) Я была у Шленка.

Илимовъ (*вздвинувъ*). Что?!

Людмила (*растягивая каждое слово*). Я была у Шленка.

Илимовъ (*зидыхаясь*). Какъ же ты... кто-жъ тебѣ позволялъ?

Платонида Марк. Вотъ еще!

Багрецовъ (*Илимову, самъ волнуясь*). Успокойся, успокойся!

Людмила (*мужу*). Имѣйте терпѣніе. (*Снова обращаясь ко встѣ*). Думала я, думала эти дни: что дѣлать, какъ быть? И ничего другого не надумала, какъ ѣхать къ Шленку.

Платонида Марк. И очень хорошо надумала.

Аболтинъ. Не перебивайте, мамаша!

Людмила. Онъ меня когда-то зналъ, ухаживалъ даже за мной. Я, слава Богу, еще не состарилась, не подурнѣла. (*Движеніе со стороны Илимова; Багрецовъ его удерживаетъ.*) Отчего, думаю, не попытаться? Взяла да и поѣхала. Пріѣзжаю. — Дома? — Дома. Какъ доложить прикажете? — Илимова, говорю. Пошли докладывать...

Платонида Марк. Лакей, или горничная?

Аболтинъ. Да не перебивайте же, мамаша!

Людмила. Горничная. И прехорошенькая, каналья. Мило такъ одѣта, сережки, браслетъ серебряный, туфельки, чулочки бѣленькіе... (*Подмигиваетъ.*) Вѣрно, ужъ! Холостой вѣдь онъ... Возвращается: — пожалуйста. Вхожу въ кабинетъ. Онъ за письменнымъ столомъ сидитъ. Сконфузился какъ будто, всталъ. — Чѣмъ могу служить?

Платонида Марк. А хорошо живетъ?

Аболтинъ. Мамаша! И языкъ же у васъ, право.

Людмила. Ничего. Квартирка маленькая — но хорошенькая, уютненькая. — Чѣмъ, говорить, могу служить? — И старается эдакую строгость напустить на себя. Э, думаю, такъ вотъ ты какъ! Не будетъ же по твоему. Засмѣялась я, подхожу, протягиваю руку: очень, говорю, рада возобновить съ вами знакомство, — и прямо сажусь...

Платонида Марк. Вре-ешь?!

Людмила. Честное слово. Съѣла и смотрю на него, улыбаюсь. Растерялся самъ — съѣлъ. Ну, говорю, теперь давайте бесѣдовать. Когда-то, говорю, мы съ вами пріатели были, а теперь вы такъ не по-пріятельски поступаете.

Багрецовъ (*удерживая Илимова отъ новаго движенія*). Уйди ты отсюда! уйди!

Илимовъ (*весь дрожа*). Оставь... я послушаю... (*Безпомощно опускается на стулъ*).

Багрецовъ. Уморять человѣка. (*Въ сильномъ волненіи отходитъ въ сторону и оттуда съ тревогой наблюдаетъ за Илимовымъ*).

Платонида Марк. Ну? ну?

Людмила. Не по-пріятельски, говорю, поступаете. Какъ такъ? — спрашиваешь. Ну, тутъ я и пошла. Все это ему выложила, расписала, въ какомъ мы положеніи, что насъ ожидаетъ, — и наконецъ говорю: какъ хотите, а вы насъ должны выручить. — Чѣмъ-же я могу выручить? — Чѣмъ угодно, говорю. — Ничего не могу. — А я увѣрена, говорю, что можете и что для меня вы это сдѣлаете. Потолковали мы еще немного...

Платонида Марк. О чемъ-же? о чемъ?

Людмила (*съ ужимкой*). Такъ, все объ этомъ больше. Задумался онъ. Развѣ, говорить, вотъ что: я, говорить, могу попросить господина управляющаго. Какъ сказалъ мнѣ въ чемъ дѣло, — я и виду не подала, что обрадовалась... а сама думала: чего-жъ еще? славу Богу!..

Платонида Марк. Да что сказалъ-то?

Людмила. А вотъ что. Есть у нихъ въ архивѣ вакансія. Помощникъ, не помощникъ — а такъ, кто его знаетъ. Для старичка одного придумали: старичка-то давно въ живыхъ нѣтъ, а вакансія осталась. Мѣсто покойное, ответственности никакой, жалованье тоже, что и бухгалтеру.

Платонида Марк. Да вѣрно-ли это?

Людмила. Вѣрно, вѣрно. Завтра-же общалъ управляющему доложить. (*Самодовольно смѣется*).

Платонида Марк. Ну, слава Богу!

Аболтинъ. Ай-да Людмила! Молодецъ! Теперь, коли что со мной приключится, тебя посылаю. Нашъ тоже до вашей сестры падохъ.

Платонида Марк. Молодецъ, молодецъ! Расцѣловать тебя за это стоить. (*Цѣлуетъ ее*).

Юлія (*восторженно*). Позволь и мнѣ поцѣловать тебя, Милочка! Какая ты умница у насъ! (*Тожѣ иплуетъ*).

Платонида Марк. (*Илимову*). Благодарите жену-то! Цѣлуйте ручку! Безъ нея что бы вы дѣлали?

Людмила (*развязно подходя къ мужу*). Да, ужъ кажется я заслужила. Что жъ не благодарить-то?

Илимовъ (*вскакиваетъ въ изступленіи*). Вонъ! Вонъ, подлая женщина!.. А тому... я ска-

Залъ, что задушу его... и задушу... заду...
(Ловитъ руками воздухъ, издаетъ нѣсколь-
ко хриплыхъ звуковъ и падаетъ. Баирецовъ
жидается къ нему, щупаетъ пульсъ и слу-
шаетъ сердце.)

Юлія (въ смятеніи). Доктора! скорѣе!

Людмила (отъ страха не трогаясь съ
мѣста). Что съ нимъ?.. что съ нимъ?

(Баирецовъ медленно поднимается, ни на
кого не смотря, отходитъ въ сторону и ры-
даетъ.)

Юлія (прерывающимся голосомъ). Яковъ
Савельичъ... что такое?

(Баирецовъ не отвѣчаетъ, Людмила робко
приближается къ мужу, заглядываетъ ему
въ лицо, неистово вскрикиваетъ и въ ужа-
съ прижимается къ матери.)

Платонида Марк. Померъ?!

Людмила. Глаза! глаза!

Юлія (съ воплемъ убѣгая въ комнату).
Тетя! голубушка!

Аболтинъ (растерянно). Вотъ те и въ
архивъ... Въ архивъ и есть—на вѣчное хра-
неніе.

Общее число ролей. Роль дѣтских и выходящих.	Число дѣйствій. Названія пьесъ. Декораций.	Число ролей.			
		Старыхъ.		Молодыхъ.	
		Мужскихъ.	Женскихъ.	Мужскихъ.	Женскихъ.
3) ТРАГЕДИИ И ДРАМЫ.					
8 м., 5 ж. Выход. 4 м.	5 д. Арказановы, др. кн. А. Сумбатовъ.—Садъ съ бесѣдкой, въ глубинѣ терраса. 3 разныхъ комнаты.	2 др.	1 гр. д. др., 2 ком.	2 др., 2 пр., 2.	1 ing. др., 1 ком.
11 м., 5 ж.	5 д. А счастье было такъ возможно, др. К. Нарскаго.—Садъ и въ немъ господскій домъ. 4 разн. комн.	2 ком., 2.	1 гр. д.	1 л., 1 пр., 5.	1 ком., 1 др., 1 ком., 1.
5 м., 3 ж. Выход. 4 м.	4 д. Безприданница, др. А. Н. Островскаго.—Городской бульваръ на берегу Волги, съ рестораномъ и 2 разными комнатами.	1 рез.	1 гр. д. 1 ком.	2 ф. 2 ком.	1 ing. др.
11 м., 3 ж. Дѣт. 2 м. 14 л. Выход. 4.	5 д. и 6 карт. Безъ вины виноватая, народн. др. сц. П. Фелонова.—5 разныхъ комнатъ. <i>Примѣчаніе.</i> Эта же пьеса шла въ театрѣ „Скоморохъ“ подъ названіемъ „Убіиство купеческой дочери Осиповой“.	2 рез. (куп.)	1.	1 л., 1 ком., 7.	1 ing. др., 1 ing. ком.
6 м., 4 ж.	5 д. Безъ воли и безъ разума, др. перев. съ франц. П. Кичеева и С. Приклонскаго.—5 разн. комнатъ.	1 ком.	1.	1 л. др., 1 пр. др., 1 л. 1 рез., 1.	1 др., 2 ing.
4 м., 4 ж. Дѣт. 1 м. 3 л.	4 д. Блестящая партія, др. Дьяченко.—3 разныхъ комнаты.	1 ком., 1 рез.	2.	1 др., 1 пр.	1 ing. др., 1 гр. д. ком.
7 м., 3 ж.	5 д. 6 карт. Блуждающіе огни, др. Антропова.—Поисадникъ на дачѣ. 3 разныхъ комнаты.	1 ком., 1 рез.	1 ком.	1 др., 4.	1 гр. д. др., 1 ing. др.
5 м., 3 ж.	4 д. Богатырь въка, др. Н. Потѣхина.—Садъ, въ немъ домъ и бесѣдка. 3 разныхъ комнаты.	1 рез.	1 гр. д. ком.	1 рез., 1 ф., 2.	1 гр. д., 1 ing. др.
8 м., 3 ж.	4 д. Ваалъ, др. А. Писемскаго.—3 разн. комн. и внутренность избы.	1 др. рез., 1 рез.	1.	1 др. л., 1 пр., 1 рез., 1 ком., 2.	1 гр. д. др., 1 гр. д. ком.
9 м., 6 ж. Выход. 10 об. п.	4 д. Ванька-Ключникъ, др. эскизъ Л. Антропова.—Садъ. Изба. Дворъ. Комната.	1 др., 1 рез. др., 1 рез., 1 ком.	2.	1 др., 1 ком. пѣв., 3.	2 др., 1 ком., 1.
12 м., 4 ж. Выход. 15 м.	5 д. и 7 карт. Василиса Мелентьева, др. А. Н. Островскаго и Г***.—Дворцовое крыльцо. Грановитая палата. Садъ. Дворцовыя сѣни. Комната. Покой въ теремѣ царицы. Сѣни во дворцѣ.	5 рез., 1 ком.	1.	1 др., 5.	2 др., 1.
8 м., 7 ж.	5 д. Владниръ Заревскій, драма.—Садъ. 4 разныхъ комнаты.	1 рез. др.	1 гр. д. др., 1.	1 л. др., 3 рез., 2 ком., 1.	1 ing. др., 1 гр. д. др., 1 др., 2.
5 м., 9 ж. Вых. около 5 об. п.	5 д. Водоворотъ, др. И. Шпажнинскаго.—2 разн. комнаты. Паркъ. („Артистъ“ № 3).	—	2 гр. д., 1 ком.	2 рез. др., 1 л., 2.	2 гр. д. др., 1 гр. д. ком., 2 ing., 1.
7 м., 7 ж. Выход. 2 муж.	4 д. Вторая молодость, драма П. Невѣжина.—Дача—домъ съ террасой. 3 разныхъ комнаты.	1 рез., 1 ком.	1 др., 1 ком.	1 л. др., 1 рез. др. 1 л., 2.	1 гр. д. др., 1 ing. др., 1 ing. ком., 1 гр. д. ком., 1 гр. д. ком.
10 м., 5 ж.	5 д. Въ забытой усадьбѣ, драма И. Шпажнинскаго.—Комната. Лѣсъ, въ немъ оврагъ съ мостикомъ. Садъ съ домомъ и бесѣдкой. Другой садъ съ павильономъ.	1 рез., 1 рез. к., 1 рез. др., 1.	1 ком.	1 рез. др., 2 рез. ком., 1 др. л., 2 ком.	1 ing. др., 1 ing. ком., 2 ком.
6 м., 8 ж.	5 д. и 6 карт. Въ старые годы, др. И. Шпажнинскаго.—4 разн. комн. Внутренность избы. („Артистъ“ № 1).	1 рез. др., 1 рез. ком.	3.	1 л. др., 3.	2 ing. др., 1 ing., 2.
11 м., 3 ж.	4 д. и 5 карт. Въ туманѣ, драма О. Королева.—5 разныхъ комнатъ.	1 рез., 1 ком.	—	1 л., 8.	1 др., 1 др. ing. 1.

ролей. Роли дѣтскія и выходящія.	Число дѣйствій. Названія пьесъ. Денораціи.	Число ролей.			
		Старыхъ.		Молодыхъ.	
		Мужскихъ.	Женскихъ.	Мужскихъ.	Женскихъ.
м., 4 ж. Дѣт. м. 5 л.	5 д. Вѣтерокъ, др. передъ съ фр. Н. Вильде.—3 разн. комнаты. <i>Примѣчаніе.</i> Эта пьеса въ переводѣ г-жи Солодовниковой называется „Фру-фру“.	1 ком., 1 рез. ком.	1.	1 л., 1 л. др., 1 пр., 4.	2 ing. др., 1 gr. d. кок.
м., 3 ж. ж. 2 м.	5 д. Гдѣ любовь, тамъ и ненасть, др. И. Шпажнскаго.—Дворъ и садъ передъ домою. Другой садъ и домъ. Комната.	1 ком. 2.	1 ком.	1 др., 1 лѣб., 2.	1 ing. др., 1 др.
м., 3 ж. ж. 15.	5 д. и 8 карт. Горбушь, др. И. Лажечникова.—Подвалъ. Садъ. Дворъ господскаго дома. 5 разныхъ комнатъ.	1 др., 9.	—	3 др., 5.	1 др. 2.
м., 5 ж.	4 д. и 5 карт. Горнозаводчикъ, др. Ж. Опа, пер. Э. Матерна и С. Милова.—Лѣсъ. 4 разн. комнаты.	1 ком. 3.	1 gr. d.	1 л. др., 2 рез., 1 л., 6.	1 ing. др., 2 ing. 1 gr. d.
м., 3 ж. ж. 4.	4 л. Горькая судьбина, народн. др. А. Писемскаго. — Внутренность избы. 2 комнаты.	5 ком.	1 др., 1.	2 др., 9.	1 ing. др.
ж., 11 ж. ж. 2 м.	4 д. Графиня де Клермонъ, (Одетта) др. В. Сарду, перев. А. Дмитриева и К. Нотгафтъ.—4 разн. комнаты.	1 др., 1.	2 gr. d., 1.	1 рез., 3 л., 1 ком., 12.	1 gr. d. др., 1 ing. др., 1 gr. d., 1 кок., 1 ing. ком., 1 ing. 2.
0 м., 4 ж. Выход. 10 об. п.	5 д. Графиня Клара д'Обервиль, др. перев. съ франц — 4 разн. комн. Пристань.	5.	1.	3 др., 2.	1 ing. др., 2.
0 м., 6 ж. Выход. 8 об. п.	5 д. Гроза, др. А. Островскаго. — Общественный садъ. Улица. Мѣсто открытое кустарникомъ, сады заборъ. Сводъ стараго зданія. Комната.	2 ком.	2 ком., 1 gr. d. ком.	1 др. л., 1 др. пр., 1 ком. пѣв. 5.	1 ing. др., 1 ing. ком., 1.
м., 3 ж. ж. 2 м.	4 д. Громоотводъ, ком. кн. А. Сумбатова.—Садъ. 3 комнаты.	1 рез. др., 1 ком.	—	1 л. др., 1 ф., 1 пр., 1 рез. 2.	1 gr. d., 2 ing.
м., 4 ж.	4 д. и 7 карт. Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ, др. А. Островскаго.—Улица. Берегъ. 2 разн. комнаты.	1 др. рез., 1 ком.	3 ком.	1 др., 1 л., 2 ком., 1 пр.	1 др.
3 м., 4 ж. Выход. 15 об. п.	4 д. и прологъ. Грѣшница, драма А. Пальма.—Часть парка передъ галлерей. Аллея. 2 комнаты.	2 рез.	1 gr. d.	1 л., 1 ком., 4.	1 gr. d., др. 1 ing. ком., 1.
5 м., 5 ж.	5 д. Гуся лапчатый др. И. А. Салова.—Паркъ съ домою. Подвалъ. 2 комнаты. („Артистъ“ № 11).	1 рез.	1 gr. d. 1 др., 1 ком.	3 рез., 1 ф.	1 ing. др. 1 ing. ком.
5 м., 6 ж.	3 д. и 6 карт. Далила, д. О. Фелье, перев. кн. Н. Долгорукова и Н. Худокова.— Дорога на берегу моря. 4 разныхъ комнаты.	1 др.	—	2 др. 2.	1 gr. d. кок., 1 ing. др., 4.
14 м., 7 ж. Вых. около 15 об. п.	5 д. Джекъ, др. А. Доде, перев. И. Ге.—2 разн. богат. комнаты. 1 комната бѣдная, Внутренность госпиталя. Садъ, въ немъ домъ.	1 рез. др., 1.	1.	4 рез., 1 др., 1 пр.	1 gr. d., кок., 1 ing. др.
1 м., 2 ж.	Два полюса—см. Опасные люди. 1 д. Двѣ скорби, др. сц. Ф. Коппе, перев. П. Вейнберга, Комната.	1 др.	—	—	2 др.
11 м., 5 ж. Выход. 15 об. п.	5 д. Дитя, др. перев. съ англійскаго К. Тарновскаго.—Садъ передъ мызой. Дикое гористое мѣстоположеніе. Внутренность фермы. 2 разн. комнаты.	3.	1.	1 др. 7.	2 др., 2.
4 м.	1. д. Долгъ чести, др. П. Гейзе, перев. Э. Э. Матернъ.—Комната. („Театральная Библіотека“ № 3).	2 рез.	—	1 рез., 1 др.	—
6 м., 4 ж. Вых. 15 м.	5 д. и 6 карт. Дочь вѣка, др. кн. А. Сумбатова.—6 комнатъ.	1 др., 1 ком.	1 gr. d. др., 1 gr. d. ком.	1 др., 3 рез.	2 др.
7 м., 4 ж.	4 д. и 7 карт. Дочь ростовщика, др. И. Шпажнскаго.— 4 разн. комнаты. Лѣсъ. Полисадникъ между двумя домами.	1 др., 1 рез. (куп.), 1 рез., 1 ком.	1 gr. d., 1.	1 л., 1 рез., 1.	1 ing. др. 1 gr. d.

(Продолженіе съ слѣдующемъ №.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВЫХЪ ЧЕТЫРНАДЦАТИ КНИЖЕКЪ

ЖУРНАЛА

„АРТИСТЪ.“

(Года 1-й и 2-й).

	№№ книжекъ.		№№ книжекъ.
О цѣляхъ и задачахъ нашего журнала, ст.		Бутафорская любовь, пов. К. В. Назарьевой.	8—9
С. А. Юрьева и В. А. Гольцева	1	Вальсъ, этюдъ им. Д. П. Голицына (Муравлина)	11
Аемскій театр, ст. И. И. Иванова	8	Веревка, разск. Ж. Кларти, пер. А. А. В—сой.	12 и 13
Деревенскій театр, ст. С. А. Юрьева	3	Вдова, разск. кн. Д. П. Голицына (Муравлина).	19
Деревенскія размышленія, ст. проф. А. Н. Веселовскаго	9	Высокое призваніе, разск. М. П. Садовскаго.	12—14
Замѣтка о современномъ театрѣ, ст. В. А. Гольцева	10	Дилій человекъ, разсказъ М. П. Садовскаго.	5
Искусство антера, ст. Коляна, (съ рис.) перев. А. А. В—сой	8—10	Добрая Христина Максимовна, разсказъ И. А. Салова	11
„Новарство и любовь“, траг. Шиллера, ст. И. И. Иванова	3	Изъ воспоминаній театральнаго сторожика, П. П. Глѣдича	14
Коляна въ Москвѣ, ст. проф. А. Н. Веселовскаго	4	Корделія, повѣсть И. Л. Щеглова	2—4
Культурные типы, ст. И. И. Иванова	10 и 11	Курочникъ, этюдъ П. П. Глѣдича	6
Литературный театр, ст. Баллетриста	12 и 13	Лицедѣи, театральн. очерки, П. М. Свободина	12—13
„Макбетъ“, ст. проф. Н. И. Стороженко	2—4	Неудачникъ, разсказъ Ж. Кларти, перев. А. А. В—сой	11
„Марія Стюартъ“, тр. Шиллера, ст. И. И. Иванова	4	Она любима, разсказъ И. Я. Гурлянда	12
„Мизантропъ“ и „Д. Карлосъ“, ст. И. И. Иванова	2	Пари, разсказъ Евгенія Кабищанца	3
Мимика и физиономика, О. Пидерита	13	Парижскіе очерки, Л. Галеви: 1) Мад. Кардиналь, 2) Мосье Кардиналь	10
„Мольеръ и Шекспиръ“, ст. Коляна перев. А. Вес—кой	4	3) Антуанета и 4) Нинишь	12
Нѣсколько мыслей о сценическомъ искусствѣ, Т. Сальвини, перев. А. А. В—сой	14	5) Последняя глава Ланглада	13
Объ искусствѣ, публичныя лекціи, В. А. Гольцева	12 и 14	Перголези, новелла Рокко ди Зерби, перев. А. Н. Медьниковой	2
Основаніе русскаго театра (Ө. Г. Волковъ и А. П. Сумароковъ), ст. Е. С. Некрасовой	8	По желанію публики, очеркъ Д. Сибиряка	4
Патріархъ русскихъ актеровъ (И. А. Дмитревскій), ст. А. Н. Сиротинина	9 и 11	Последняя вспышка, разсказъ И. Я. Гурлянда	9
Первый русскій журналъ посвященный театру, ст. Е. С. Некрасовой	6	Проятная слава, этюдъ И. Н. Потапенко	7
Первый театральный журналъ въ Россіи, ст. А. Н. Сиротинина	7	Старый комикъ, разсказъ И. А. Салова	1
По дорогѣ изъ театра, ст. проф. А. Н. Веселовскаго	1	Съ воображеніемъ, этюдъ С—на	5 и 6
Рассинъ и его трагедіи, ст. И. И. Иванова	5	Тепломъ повѣяло, разсказъ А. А. Луговаго	14
Современное русское искусство: 1) Живопись, ст. Restus	8	У лазурныхъ волнъ, разск. А. К. Энгельмайера	14
„Сонъ въ лѣтнюю ночь“ Шекспира, ст. И. И. Иванова	1	У могильнаго креста, разсказъ Вл. И. Нешировича-Данченко	10
Театръ въ память Гоголя	14		
Щепкинъ и Гоголь, ст. проф. Н. С. Тихонравова, (съ 3 снимками съ рукописей Гоголя).	5		
„Гроза“ др. Островскаго, ст. И. И. Иванова	1		
По поводу замѣтки И. И. Иванова,—ст. В. А. Гольцева	2		
ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ:			
Антриса, разсказъ Н. В. Казанцева	7		
Буянка, повѣсть Д. Н. Мамина (Сибиряка)	8—11		
СТИХОТВОРЕНІЯ:			
		„Вдали“, стих. М. И. Лаврова	2
		„Гимнъ красотѣ“, стих. Д. С. Мережковскаго	7
		„Изъ пѣснь о вояхъ“, стих. О. Н. Чюминой	7
		„Кіотъ“, стих. В. В. Коншина	6
		„Къ природѣ“, стих. Е. Богдановой	6
		Памяти С. А. Юрьева, стих. Н. П. Аксакова	1
		Памяти С. А. Юрьева, стих. М. И. Лаврова	1
		„Пѣсня“, стих. Н. Н. Вильде	10
		XXIX Сонетъ Шекспира, пер. В. А. Шуфа	14
		Становъ, О. Н. Чюминой	12
		** Стих. Д. С. Мережковскаго	11
		** Стих. графа Ө. Л. Соллогуба	11
		** Стих. А. М. Давидовой	6 и 9
		** Стих. Н. А. Грена	8
		** Стих. А. А. Фета	13
		** (На мотивъ Роберта Гамеаинга), стих. И. М. Познера	4
		„Просьба“ (изъ Сюлли Прюдома), стих. Л. Богдановой	13

„Разсвѣтъ“, стих. М. И. Лаврова 6
 „Ревнивый актеръ“ монологъ въ стихахъ гр. Л. Соллогуба 1
 „Соловей“, О. Н. Чюминой 3
 „Три поры“, стих. О. Н. Чюминой 14
 „Умирающей художницѣ“ (памяти Башкирцевъ) — О. Н. Чюминой 5
 „Фантазія на сонату (В.-Мол) Шумана“ стих. Богдановой 8
 „Чѣмъ люди живы?“ стих. гр. Ѳ. Л. Соллогуба 7

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ:

„Бабье дѣло“ шутка въ 2 д. А. Н. Канаева. 7
 „Безъ миннала“, шут. въ 1 д. В. Р. Щиглева. 7
 „Божья коровка“, ком. въ 4 д. П. Д. Бобовина 4
 „Борьба за существованіе“, пьеса въ 5 д. А. Годэ, пер. З. З. Матерна 4
 „Василекъ“, ком. въ 4 д. Витора Крылова. 11
 „Водоворотъ“, др. въ 5 д. И. В. Шпагинскаго. 3
 „Вольная волюшка“, др. въ 5 д. И. В. Шпагинскаго 12
 „Постановка ея на сценѣ Моск. Малаго театра съ рисунками и нотами 13
 „Всякому свое“, ком. въ 4 д. Н. В. Казанцева 5
 „Въ слѣдующій разъ“ сценка-монологъ въ 1 д. Грени-Даниура, перев. съ французскаго Ѳ. А. Чуманина 8
 „Въ сонномъ царствѣ“, ком. въ 4 д. И. Я. Гурлянда. 8
 „Въ старые годы“, др. въ 5 д. И. В. Шпагинскаго 1
 „Гастролерша“, фарсъ въ 1 д. И. Л. Щеглова. 9
 „Гусь лапчатый“, драма въ 5 д. И. А. Салова. 11
 „Дармоѣдка“, ком. въ 5 д. И. А. Салова. 8
 „Донъ Карлосъ инфантъ испанскій“, тр. въ 5 д. Шиллера, приспособленный для сцены переводъ И. Н. Грекова. Съ рисунками костюмовъ гр. Ѳ. Л. Соллогуба 1—4
 „Донъ-Фернандо—стойкій принцъ“, тр. Кальдерона, перев. Н. Ѳ. Арбенина 12—14
 „Жориньяна“, ком. фарсъ въ 2 д. Чена 14
 „Жрица искусства“, ком. въ 4 д. Е. П. Карпова. 14
 „Золотая рыбка“, ком. И. А. Салова и И. Н. Ге. 3
 „Крана“, драм. этюдъ въ 1 д. кн. Д. П. Голицына (Муравлина) 9
 „Лебединая пѣсня“ („Налхасъ“), др. эт. въ 1 д. А. П. Чехова. 2
 „Мамаево нашествіе“, ком. ш. въ 3 д. И. Л. Щеглова. 10
 „Матап“, ком. въ 2 д., С. Н. Терпигорова. (Сергѣя Атавы) 3
 „Медвѣдь“, ш. въ 1 д. А. П. Чехова 6
 „Молчаніе“, шутка въ 1 д. В. В. Библина 12
 „Мышеловна“, шутка въ 1 д. И. Л. Щеглова. 1
 „Не всякому намъ Якову“, карт. сельск. жизни въ 1 д. Е. П. Гославскаго 13
 „Нежданный гость“, (Жакъ Дамуръ) др. въ 1 д. Эника (передѣлано изъ романа Эмиля Золя), перев. съ франц. И. Л. Щеглова 5
 „Ненастье“, ком. въ 1 д. П. П. Гнѣдича 11
 „Новое дѣло“, ком. въ 4 д. Вя. И. Немировича-Данченко 10
 „Постановка ея (съ рис.) 12
 „Озимъ“, др. въ 4 д. А. Луговаго 7
 „Перекати поле“, ком. въ 4 д. П. П. Гнѣдича. 4
 „Плагиатъ“, к. въ 1 д. М. С. Баранцевича. 6
 „Подъ властью сердца“, др. въ 5 д. И. Н. Лодыженскаго 2
 „По кровавымъ слѣдамъ“, фарсъ въ 1 д. Г. Н. Грессера 10

„По ревизіи“, этюдъ въ 1 д. М. Л. Кропивницкаго. 14
 „Порывъ“, др. въ 4 д. Н. О. Раишанина 12
 „Предложеніе“, шутка въ 1 д. А. П. Чехова. 3
 „Привѣтствіе искусствъ“, лирическая сцена Шиллера, перев. Н. Ѳ. Арбенина. 2
 „Приступомъ“, сцена въ 2 д. И. В. Шпагинскаго 5
 „Разладъ“, др. въ 4 д. В. А. Крылова 2
 „Ранняя осень“, др. въ 4 д. Е. П. Карпова. 13
 „Постановка ея на сценѣ Моск. Малаго театра. 13
 „Ревнивый актеръ“, монологъ въ стихахъ гр. Ѳ. Л. Соллогуба. 1
 „Револьверъ“, к. въ 1 д. В. В. Библина 10
 „Сарданпалъ“, траг. въ 5 д. Байрона, перев. О. Н. Чюминой 9—11
 „Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ“, ш. въ 1 д. Хеля, перев. Н. Ѳ. Арбенина 6
 „Симфонія“, к. въ 5 д. М. И. Чайковскаго 9
 „Постановка ея на Маломъ театрѣ съ рис. 10
 „Снитальцы“, сц. въ 5 д. Н. С. Геннина 6
 „Старая погудна на новый ладъ“, к. въ 1 д. въ стих. О. Н. Чюминой 6
 „Стоячія воды“, карт. соврем. жизни въ 3 д. П. П. Гнѣдича 9
 „Съ бою“, ком. въ 4 д. П. Д. Боборыкина 13
 „Трагикъ по неволѣ“, ш. въ 1 д. А. П. Чехова. 7
 „Турсы на колесахъ“, ш. въ 1 д. И. Л. Щеглова. 7
 „Уѣздный Шенспиръ“, к. въ 1 д. И. Я. Гурлянда. 6
 „Федра“, траг. Ж. Расина, перев. М. П. С—го 5—7
 „Фотографъ любитель“, ш. въ 1 д. Э. Э. Матерна. 6
 „Цѣпи“, др. въ 4 д. кн. А. Сумбатова 1
 „Элида“, драма въ 5 д. Г. Ибсена. 14

ИСТОРИЧЕСКІЯ СТАТЬИ:

Воспоминанія и Біографіи.

Александрова-Кочетова, А. Д. (къ портрету). 13
 Барцаль А. И. 10
 Вагнеръ Г., воспом. В. С. Стровой 12
 Основаніе русскаго театра. Ѳ. Г. Волковъ и А. П. Сумароковъ, ст. Е. С. Некрасовой 8
 Горбуновъ И. Ѳ. (къ портрету) 12
 И. А. Дмитревскій, (Патріархъ русск. актеровъ) ст. А. Н. Сиротинина (съ портр.) 9 и 11
 Додоновъ А. М. 4
 Ермолова М. Н. 5
 Заньковецкая М. К. (къ портрету) 12
 Короовъ Б. Б. 3 и 13
 Гр. Де Керси д'Аржанто (къ портрету) 14
 Актеръ Мочаловъ, къ картинѣ Н. В. Неврова. 10
 Музиль Н. И. 10
 Альфредъ де Мюссе и Рашель, ст. Н. Ѳ. Арбенина 10 и 11
 „Наша первая поѣздка за границу“, воспом. В. С. Стровой 13
 Никулина Н. А. 11
 Первый выходъ въ свѣтъ оперы Строва „Вражья оила“ В. С. Стровой 14
 Потанчиковъ Ѳ. С.—воспом. М. П. Садовскаго. 3
 Правдинъ О. А. 4
 Римскій-Корсаковъ Н. А., ст. С. Н. Кругликова. 11
 Ристори Мемуары 5—7
 Автобіографическія письма Эрнесто Росси къ Анджело Губернатусу. 3—4
 Рубинштейнъ А. Г., ст. О. Я. Левенсонъ. 3
 Рябовъ С. Я. 6
 Савина М. Г. 9
 Садовскій М. П. 3
 Соллогубъ Ѳ. Л. гр. (къ портр.) 14
 Три любимицы, (Ф. А. Снѣткова, А. К. Брошевъ, Е. П. Струйская), ст. П. Д. Боборыкина 11
 Памяти Н. Хмѣльницкаго, ст. А. Н. Сиротинина. 3
 Хохловъ П. А. (къ портрету) 13

Чайковскій П. И., ст. Н. Д. Кашкина	8
Южинъ А. И., кн. Сумбатовъ (къ портрету)	12
Юрьевъ С. А. (къ портрету), ст. В.	4
Яковлевъ А. С., ст. Е. С. Непрасовой	12—13
Ведотова Г. Н. (къ портрету)	2

НЕКРОЛОГИ.

Бутенко И. Ф.	13
Гензельтъ А. Л.	2
Гейльбутъ	4
Градовъ-Соколовъ Л. И.	12
Григорьевъ А. А.	2
Делибъ Л.	13
Новиковъ Н. И.	9
Ожье Э.	4
Потѣхина Р. А.	9
Пукиревъ В. В., Шмельковъ П. М. и Литов- ченко А. Д.	13
Рютчи А. А.	3
Соллогубъ Ф. Л. гр.	10

РЕЖИССЕРСКОЙ ОТДѢЛЪ.

Опытъ курса театральнаго грима (съ рисунками въ краскахъ и политипажамъ) И. С. Шилловскаго— Лешинскаго. Введение. Общій гримъ. Гримъ молодого лица. Гримъ болѣзни	1
Гримъ зрѣлаго возраста. Гримъ старости	4
Гримъ темпераментовъ	14
Замѣтки о мимикѣ и гримѣ—А. П. Ленскаго По поводу замѣтки А. П. Ленскаго.—И. С. Ши- ловскаго-Лешинскаго	6
Гримъ А. П. Ленскаго въ роли Пропорьева („Цѣ- ли“ др. кн. А. И. Сумбатова)—рис. А. П. Лен- скаго	3
Тоже въ роли Д. Гомеца де Сильва („Эрнани“)	6
Тоже въ роли Столцова („Новое Дѣло“)	12
Тоже въ роли Христіанна („Смерть Агриппины“)	14
Н. И. Музиль въ роли юродиваго („Борисъ Го- дуновъ“)	10
Э. Поссартъ (группа портретовъ)	14
Э. Росси (группа портретовъ)	7
Искусство актера, ст. Коляна (съ портрет. и рисунк.)	8, 9 и 10
Постановка „Симфоніи“ на сценѣ Малаго теа- тра (съ рис.)	10
Декорации въ оперѣ „Князь Игорь“ на сценѣ Маринскаго театра	11
Постановка „Пиковой дамы“ на сценѣ Марин- скаго театра (съ рисунк.)	12
Постановка ком. „Новое Дѣло“ на сценѣ Ма- лаго театра (съ рисунк.)	12
Декорации къ драмѣ И. А. Салова „Гусь лап- чатый“	12
Постановка драмы И. В. Шпагинскаго „Воль- ная волюшка“ на сценѣ Москов. Малаго театра (съ рисунками и нотами)	13
Постановка др. Е. П. Карпова „Ранняя осень“ на сценѣ Малаго театра	13
Пѣсни Офелии и могильщика въ „Гамлетѣ“	4
Костюмы къ „Д.-Карлосу“ рис. гр. Ф. Л. Со- логуба	1—4
Театръ на Берлинской выставкѣ предметовъ, служащихъ для предохраненія отъ несчастныхъ случаевъ.—Зданіе театра.—Кресла для зри- телей.—Помѣщеніе оркестра.—Занавѣсъ.— Декорации.—Переѣзныя и подъемы декора- цій и занавѣса.—Подъемы и полеты.—Мол- нія.—Пожаръ и разрушеніе моста.—Освѣ- щеніе.—Свѣтовые эффекты.—Плавающие дельфины.—Дождь.—Градъ.—Громовые рас- каты.—Громовый ударъ.—Вѣтеръ.—Дымъ.— Гуманъ.—Пламя пожара.—Подземный огонь.—Ст. Ф. К.	2
Устройство сцены для клубныхъ и домашнихъ спектаклей (съ чертежами), ст. С. Ф. Ведотова	3

Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей:	
1) комедіи	9 и 11—13
1) Серьезныя комедіи	9 и 11—13
2) Легкія комедіи	11—13

МУЗЫКАЛЬНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Вальсъ шутка, для ф.-п. П. И. Чайковскаго	1
Вальсъ, для ф.-п. Э. Ф. Направнина	1
Вальсъ изъ оперы „Асканіо“ Сень-Санса	1
„Восточная мелодія“, для пѣнія и ф.-п. Г. Форе	1
„Двѣ розы“, дуэтъ муз. А. Арендса слова А. И. Плещеева	1
Романсъ изъ оп. „Асканіо“ Сень-Санса	1
Романсъ изъ оп. Бизе, „Искатели жемчуга“	1
„Cavalleria rusticana“, опера Маскани: 1) Романсъ Санты, 2) Прощальная сцена Ту- риду	1
„Кольцевальная“, для пѣнія Ж. Фольель	1
„Коснулась я цвѣтка“, романсъ для голоса и ф.-п. Ц. А. Кюм	1
„Красавица“, романсъ для пѣнія и фортеп. А. Н. Глазунова	1
„Ласточки“, романсъ Делиба	1
„Магъ“ опера Массне: 1) отрывокъ изъ спе- ны обряды въ храмѣ богини любви, 2) ариозо Зарастры	1
Мазурка для ф.-п. Н. А. Римскаго-Корсакова	1
„Meditation“ для ф.-п. А. Н. Глазунова	1
„Наши первыя встрѣчи“, романсъ для пѣнія и ф.-п. А. Ю. Симона	1
Пастораль, изъ оперы Эсслармонда, для ф.-п. Массне	1
„Petit prélude“, Ц. А. Кюм для ф.-п. № 1	1
Тоже № 2	1
„Petite valse“, А. И. Ильинскаго	1
„Пророкъ“ для пѣнія и ф.-п. Ц. А. Кюм	1
„Пѣсенка безъ словъ“, для ф.-п. П. И. Бла- рамберга	1
„Rêverie“, для ф.-п. А. С. Аренскаго	1
Серенада для ф.-п. А. А. Ильинскаго	1
„Смерть крошки“, романсъ для пѣнія и ф.-п. Габриэля Пьернэ	1
„Сновидѣніе“, романсъ А. С. Аренскаго	1
3-е Impromptu, Op. 34 для ф.-п. Г. Форе	1
„Сцена любви“ изъ оперы „Эсслармонда“ Массне	1
„Berceuse“, для ф.-п. В. И. Ребникова	1

СТАТЬИ МУЗЫКАЛЬНАГО ОТДѢЛА.

Гармонія и мелодія, ст. Сень Санса	9
Два русскихъ концерта на парижской выстав- кѣ, ст. С. Н. Кругликова	1
„Евгеній Онѣгинъ“, опера П. И. Чайковскаго, ст. С. Н. Кругликова	1
„Князь Игорь“ оп. А. П. Бородина, ст. С. Н. Кругликова	11
Музыка и публика въ провинціи, ст. В. А. Че- чотта	1
Мусоргскій и его „Борисъ Годуновъ“, ст. С. Н. Кругликова	5
Новый итальянскій композиторъ Маскани и его опера, ст. С. Н. Кругликова	4
Нѣсколько словъ о современныхъ оперныхъ фор- махъ, ст. Ц. А. Кюм	4
Одна изъ реакціонныхъ доктринъ въ области эстетики, ст. З.	6—7
„Пиковая дама“, опера П. И. Чайковскаго, ст. Н. Д. Кашкина	12
Русскій романсъ, ст. А. А. Филонова	1
Русскіе симфоніоты, ст. С. Н. Кругликова	5
Введение	10
— М. И. Глинка	10
„Юдифь“, оп. Сѣрова, ст. А. А. Филонова	3

Р И С У Н К И.

„Адажо“, карт. Гертерихъ	6
„Актеръ Мочаловъ“, картина Н. В. Неврева (фототипія К. А. Фишеръ въ Москвѣ)	10
„Афишеръ“ рис. Л. О. Пастернака	3 и 11
„Бабушка и внучка“, сепія К. А. Трутовскаго. (Фототипографюра Гупиль и К ^о въ Парижѣ).	1
„Бастада“, рис. В. Е. Маковского (фототипія Шерреръ, Наболицъ и К ^о)	13
„Бой перепеловъ“, Рошгросса	12
Бугеро „Амуры“	1, 4
„Весенній разливъ“, рис. Э. Н. Бурхардта	13
„Водопоп верблюдовъ“, Жерома	12
„Вѣдма“ (Макбать), рис. бар. М. П. Клодта	10
„Вѣнокъ“, рис. Л. О. Пастернака	14
„Въ лѣсу“, рисунокъ бар. Н. А. Клодта	8
„Въ уборной“, рис. Баардъ	13
„Въ уборной“, рис. Л. О. Пастернака	7
„Геническъ“, рис. худ. Зарѣцкаго	7
„Глазуновъ А. К.“, рис. И. Е. Рѣпина (фототипія Шерреръ, Наболицъ и К ^о въ Москвѣ).	12
Гримъ А. П. Ленскаго въ роли Проперьева („Цѣпи“ др. кн. А. И. Сумбатова), рис. А. П. Ленскаго	3
Тоже въ роли Д. Гомецъ де Сильва („Эрнани“).	6
Тоже въ роли Столцова („Новое дѣло“).	12
Тоже въ роли Христіанина, въ траг. „Смерть Агриппины“	14
„Двойная звѣзда“, карт. Фалеро	7
„Женская головка“ Перро	11
„За роляемъ“, рис. Руссо	12
„Калхасъ“, къ др. эт. А. П. Чехова, рис. Л. О. Пастернака	2
„Калельдинеръ“, рис. Л. О. Пастернака	11
Бенжаменъ Констанъ (Мастерская и портретъ, „Жены гарема“, „Магометъ II“, „Повѣсть побѣды“, „Юстиньянъ великій“).	13
„Коршунъ“, сепія Н. А. Трутовскаго (фототипографюра Гупиль и К ^о , въ Парижѣ)	5
„Лизета“, Куртуа	12
„Лола“, картина Зихеля	8
„Леди Годива Ковентри“, карт. Лефевра	12
„Леди Макбать“ карт. Стивенсъ	12
„Магдалина“ картина Манса	7
„Графиня де Мероис Аржанто, портр. И. Е. Рѣпина (фототипія)	14
„Милостыня“, карт. Фриана, (фототипографюра Гупиль и К ^о , въ Парижѣ).	2
„Миньона“, карт. Шлезигера	7
„На берегу канала“ Жофруа	12
„Наканунъ дебюта“, картина, П. Каррьеръ-Белеза	5
„На колокольнѣ“, рис. Н. А. Богатова	14
„На Саймокомъ озерѣ“, рис. бар. Н. А. Клодта	7
„Нерѣшительность“, картина Кумансъ	2
Н. А. Никулина и К. Н. Рыбаковъ въ роляхъ Варвары и Кудряша („Гроза“).	6
„Отецъ и сынъ“, картина А. С. Степанова (фототипія Бернардъ въ Парижѣ)	3
„Офелія“, картина Вагге	5
„Ошикали“, рис. Л. О. Пастернака	4
„Первый выходъ“, рис. его же	4
„Первая модель“, карт. Дефрегера	13
„Послѣ ванны“ Пеля	12
„Прачка“, кар. Бретонъ	12
„Птичій рынокъ“, рис. Г. Э. Рыбанова	8
„Репетиція“, карт. Жанре	9
„Сказка о золотомъ пѣтушкѣ“, акварель гр. Э. Л. Солмогуба. Листъ I	6
Листъ II-й	9
Листъ III-й	11
Листъ IV	14
„Совершаніе“, съ картины Гвидо-Рени, рис. перомъ г. Щечкова	10

„Сонъ“ карт. Ренара	12
„Старое вино и молодая любовь“ карт. Андроетти	11
„Старые оловья“, рис. Л. О. Пастернака. (фототипографюра Гупиль и К ^о , въ Парижѣ).	1
„Суфлеръ“ рис. Л. О. Пастернака	5
„Тeatральная служанка“, картина Э. Смитцера	8
„Три котенка“, карт. Кларна	6
„У кассы“ рис. Л. О. Пастернака	6, 11
„У пруда“, рис. А. А. Киселева	8
„Художникъ и его модель“, карт. Баргъ	7
„Художница“, картина Кампенридера	8
„Художница и ея модель“, карт. Кнауца	4
„Швейцаръ“, рис. Л. О. Пастернака	9
С. А. Юрьевъ, набросокъ съ натуры Н. А. Трутовскаго	1
Изъ альбомовъ художника Аллерса:	
„Первый любовникъ и герой“	8
„Первый любовникъ въ комедіи“	8
„Костюмеръ“	8
„За рецензіей“	9
„Ингеніе“	9
„Послѣ бенефиса“	9
„Комикъ“	10
„Первая роль“	10
„Новая роль“	10
„Дамская уборная“	10
„Ужить послѣ представленія“	11
„На гастроліи“	11
„Проводы гастролерши“	11
„Антрактъ въ „Мнимомъ больномъ“. (Мейнингенцы)	14
„Пажъ“ (Пиколомини)	13

ДЕКОРАТИВНЫЕ МОТИВЫ:

(См. также „Режиссерскій отдѣлъ“).

	№ № кн.	стр.
„Амуры“, Бугеро	2	47
„Сонъ въ лѣтнюю ночь“, эскизъ Ганса Макарта для занавѣса Бургъ-театра.	3	94
Плафоны, его же № 4, стр. 106, № 5, стр. 123	6	112
„Садъ съ гротомъ“, „Водоворотъ“, актъ 4-й.	3	—
Сказка, Боденгаузена	6	137
Амуры, Бугеро	4	49
„Пѣсня“, статуя Шарпантье	6	44
Терраса, садъ и комната („Перекаки поле“)	4	—
„Изба и пчельникъ“ („Дармовѣдка“)	8	—
„Дворъ и роцца“ („Озимъ“)	7	—
„Амуры“, панно Перро	7	99
Плафонъ, рис. худ. В. Н. Бакшеева	5	83
„Сцена средневѣковыхъ мистерій“, плафонъ на лѣстницѣ вѣнскаго Бургъ-театра.	6	33
„Муза и фавнъ“ (Бургъ театр) № 5 стр. 123	6	112
„Изобиліе“, карт. Ф. Вагнера	8	37
Женская фигура на оерпѣ луны	9	118
Замокъ, рис. Рошгросса	12	85
Средневѣковые музыканты, Габриель Феррье	12	133

ВИНЬЕТКИ И ЗАСТАВКИ

работы художниковъ: В. Н. Бакшеева, Ф. К. Бурхардтъ, Н. Н. Егорьева, Н. К. Гранковскаго, Л. О. Пастернака, Д. П. Полякова, С. С. Сергѣевича, В. А. Симова, гр. Э. Л. Солмогуба, С. И. Ягужинскаго и др. Климше гг. Баше въ Парижѣ, Э. Гоппе, П. О. Яблонскаго г. Демчинскаго, г. Крауса въ Петербургѣ и др.

В И Д Ы.

Театръ на Берлинской выставкѣ 1889 г. предметовъ служащихъ для предохраненія отъ несчастныхъ случаевъ	2	59
Московскій Большой театръ	2—119	и 13—134
Домъ близъ Лейпцига, гдѣ жьлъ Шиллеръ	4	15

Театръ въ д. г. Бронникова въ Моск- вѣ	4—127 и 12—145
Александринскій театр	4 144
Маринскій театр	5 173 и 8—109
Новый Бургъ-театръ въ Вѣнѣ	6 192
Берлинскій драматическій театр	6 197
Вѣнскій народный театр — наружный видъ	7 —
— зрительный залъ	7 —

ПОРТРЕТЫ.

Александровой-Ночетовой З. Д.	13
Берлюза	9
Борги А.	14
Брессанъ (стр. 52).	8
Брошель А. Н.	11
Вагнеръ	6 и 12
Ванъ-Зандтъ	14
Волкова Ф. Г.	8
Глазунова А. Н. рис. И. Е. Рѣпина (фототипія Шерреръ, Набогльцъ и К ^о)	12
Глинки М. И.	10
Горбунова И. Ф.	12
Дмитревскаго И. А.	9
Ермоловой, М. Н. (фототипія Альберта въ Мюнхенѣ).	5
Жулевой Е. Н.	14
Жюдишъ А.	14
Заньковецкой М. К. (фототипія Шерреръ, Набогльцъ и К ^о)	13
Зембрихъ	14
Конлэнъ	8, 9, 10
Констанъ Б.	13
Корсова Б. Б. (фототипія)	13
Леметръ Ф.	9
Листа	13
Де Мерси Арманто, И. Е. Рѣпина (фототипія).	14
Г-жи Меден Мей—Фигнеръ	7
Монье Г.	9
Муне Сюлли	8
Музила Н. И.	10
Нюссе А.	10
Никулайной Н. А., (фототипія Шерреръ, Набо- гльцъ и К ^о въ Москвѣ).	11
Никулайной Н. А. и И. Н. Рыбанова въ „Грозѣ“.	6
Поссартъ Э.	14
Пуширева В. В.	13
Рашель	10
Реньо	9
Римскаго-Корсакова Н. А.	11
Ристори	5
Росси Э.	3 и 7
Рубинштейна А. Г., (фототипія Евг. Гоф- феръ въ Петербургѣ).	3
Савиной М. Г. (фототипія К. А. Фишеръ въ Москвѣ)	9
Самсонъ	8
Снѣтковой Ф. А.	11
Гр. Соллогуба Ф. Л., рис. А. П. Ленскаго	14
Струйской Е. П.	11
Таманъ Ф.	14
Фигнеръ Н. Н.	7
Хохлова П. А. (фототипія)	13
Чайковскаго П. И. (фототипія К. А. Фишера въ Москвѣ)	8
Шекспира В. (стр. 152)	12
Шмелькова П. М.	13
Эрвингъ	8
Южина А. И. (кн. Сумбатова), (фототипія Шерреръ, Набогльцъ и К ^о)	12
Юрѣва С. А., (фототипія Бернардь въ Па- рижѣ).	4
Юрѣвъ С. А., набросокъ К. А. Трутовскаго съ натуры	1
Яковлева А. С.	13

Федотовой Г. Н. (фототипія Альберта въ
Мюнхенѣ) 2

РЕЦЕНЗИИ:

Москва.

Большой театр.

Верди и его „Трубадуръ“ на московск. сценѣ, ст. С. Н. Кругликова	4
„Робертъ Дьяволъ“ Мейербера, ст. С. Н. Кругликова	4
Дебюты на сценѣ Большого театра, ст. Н. К—ина	2
„Евгений Онѣгинъ“, опера П. И. Чайков- скаго, ст. С. Н. Кругликова	2
„Лоэнгринь“, ст. Н. К—ина	3
„Мусоргскій и его „Борисъ Годуновъ“, ст. С. Н. Кругликова	5
„Сонъ въ лѣтнюю ночь“, ст. И. М. Иванова и С. Н. Кругликова	1, 3
„Чародѣйка“, оп. П. И. Чайковскаго, ст. Н. Д. Кашкина	6
„Африканка“.—Дебюты г-жи Фостремъ, ст. С. Н. Кругликова	6
Балетъ „Индя“, ст. В. Р.	6
„Нижегородцы“.—„Кордвиль“.—Итоги сезона.— Гастроли г-г. Фигнеръ, ст. С. Н. Кругликова	7
Возобновленіе „Руслана и Людмилы“, ст. Н. Д. Кашкина	10
Дебютанты, ст. С. Н. Кругликова	9
Г-жи Литвинъ, Жукова, г. Соколовъ ст. С. Н. Кругликова	10
„Пророкъ“, ст. С. Н. Кругликова	11
„Со з на Волгѣ“, оп. А. С. Аренскаго, ст. Н. Д. Кашкина. Возобновленіе „Юдифи“. Г-жа Крутикова въ „Пророкъ“. Г. Донской, ст. С. И. „Отелло“, ст. С. Н. Кругликова. Новые испол- нители въ „Лоэнгринь“, ст. —скаго. „Кипрская статуя“, ст. У.	12
„Балъ маскарадъ“. Итоги сезона. Двѣ частныя оперы	13

Наша сцена съ точки зрѣнія художника, ст.
Глаголя 11, 12 и 13

Малый театр.

„Въ свѣтъ Знаменкомъ“, ст. М.	2
„Разладъ“.	3
„Борисъ Годуновъ“, тр. Пушкина, ст. И. И. Иванова.—„Водоворотъ“, др. Н. В. Шпажнн- скаго.—„Гернани“, др. В. Гюго.—„За наслед- ство“ др. въ 3 д. Л. Кано-і-Мазась перед. Е. Астальцевой, ст. М.	4
„Федра“ ст. И. И. Иванова.—„Викторъ Пав- ловичъ Пичужкинъ“, сц. въ 4 д. г. Федотова.— „Не надо“, др. эт. въ 1 д. г. Гарина ст. Ам—ла	5
„Макбетъ“.—„Федра“, ст. И. И. Иванова	6
„Божья коровка“, ст. Ам	6
„Сивильскій обольстителъ“.—„Озимъ“.	7
„Сестры Саморуковы“.—„Продѣлки Скалена“.	7
„Старая оазка“, ст. И. И. Иванова	9
„Орлеанская дѣва“,—„Симфонія“.—„Смерть Аг- риппины“, ст. И. И. Иванова	10
„Новое дѣло“, ст. В.—„Дѣвичій переполохъ“, ст. И. И. Иванова	11
Бенефисъ Н. И. Музила. „Картина семейнаго очастья“.—„Святки“, ст. У.—„Винзорскія проказ- ницы“.—„Причудницы“.—„Вольная волошка“.— „Царь Іоаннъ IV“, ст. И. И. Иванова	12
„Горь отъ ума“.—„Хоть ты тресни, а женись“.— „Ранняя осень“.—„Дѣти отцовъ своихъ“, ст. И. И. Иванова. Гастроли г-жи Савиной, ст. А. „Труд- ная доля“, ст. Смоленскаго	13
„Рюи Блазь“, ст. И. И. Иванова	14

Театръ г-жи Горевой.

„Гроза“. 1

„Донъ Карлосъ“ и „Мизантропъ“. ст. И. И. Иванова. — „Нума Руместанъ“. — „Подруга жизни“.	2
„Коварство и любовь“ ст. И. И. Иванова. „Два полюса“.	3
„Благочестивая Марта“. — „Американка“. — „Марія Стюартъ“ ст. И. И. Иванова. „Перекасти голое“.	4
„Горнозаводчикъ“. — „Ледяной домъ“.	4
„Шутники“. — „Ксенія и Лжедмитрій“.	5
„Борьба за существованіе“.	5
„Въ чемъ сила“.	6
„Сидоркино дѣло“.	6
„Скупой рыцарь“.	6
„Безъ вины виноватыя“, „Марго“, „Титулованный зять“, „Полночный левъ“, „Дочь-Жуанъ“, ст. И. И. Иванова.	9
„Маріонъ де Лормъ“, ст. И. И. Иванова.	10
„Свадьба Фигаро“. — „Мать богини“. — „Годуновы“, ст. И. И. Иванова. „Въ сонномъ царствѣ“ ст. И. И. Иванова.	11
„Отелло“ и „Гамлетъ“, ст. И. И. Иванова.	12

Драматическій театръ г-жи Горезовъ.

„Чародѣйка“ и открытіе сезона 1890—1 г.	8
Репертуаръ и исполненіе	9, 10, 11, 12
Малорусская труппа	12, 13
„Не помогутъ и чары, якъ кто кому не до пары“	13

Театръ Схожорохъ.

Репертуаръ и исполненіе	10, 11, 12
-------------------------	------------

Театръ XIX столѣтія.

„Снѣгурочка“, ст. У.	13
----------------------	----

Театръ г-жа Корша.

Замѣтки и впечатлѣнія. — „Ивановъ“. — „Кто въ лѣсъ, кто по дрова“. — „Лілія“. — „Насѣдка“. — „Горь отъ ума“. — „Наши вѣдьмы“. — „Супружеское счастье“.	2
„Правые и виноватыя“. — „Балканская царица“. — „Я васъ люблю“. — „Отъ борьбы къ борьбѣ“. — „Соломенная шляпка“. — „Лучи и тучи“.	3
„Пріемышь“. — „Вѣтрогоны“. — „Раздѣлъ“. — „Левъ Гурьчъ Синичкинъ“.	4
„Разбойники“. — „Какъ куръ-во щи“. — „Тѣе à тѣе“. — „Въ старомъ гнѣдышкѣ“. — „Завоеванное счастье“. — „Виновна, но заслуживаетъ омихожденія“. — „Борьба за существованіе“.	5
„А счастье было такъ возможно“. — „Въ строю и за фронтомъ“. — „Свѣтлѣйшая жучекъ“. — „Приступомъ“.	6
Открытіе сезона 1890—1 г.	8
„Парижанка“. — „Утро и полдень“. — „Нежданнѣй гость“. — „Изъ новенькихъ“. — „Нина“. — „Нѣсколько словъ по поводу „авторовъ“ — переводъ вѣстемей иностраннѣхъ пѣснь“.	9
„Защитницы Капитолія“. — „Теща“. — „На хлѣбахъ изъ милости“. — „Свѣтъ погасъ“. — „Сельская школа“. — „Графъ Говорилъ“.	10
„Двадцатая ночь“. — „Ни съ того, ни съ сега“. — „Баркаралла“. — „Красавецъ“. — „При пиковомъ интересѣ“.	11
„Василекъ“. — „Горикъ“. — „Жизнь — битва“. — „Ни минуты покоя“. — „Либераль“. — „Бабы-вояки“.	12
„Тигренокъ“. — „Ежъ по виду не хорошъ“. — „Военою“. — „А discreetion“. — „Наслѣдство Тупинелля“. — „Сердце не камень“.	13
„Горь отъ ума“. — „Въ чужомъ пиру похмѣлье“. — „Завтракъ у предводителя“. — „Испорченная жизнь“. — „Елизавета Николаевна“. — „На лонѣ природы“.	14

Театръ г-жи Абрамовой.

„Итоги прошлаго“. — „На вотьрчу счастье“.	2
„Мечты и жизнь“. — „Грѣшница“.	3

Сафо. — „Золотая рыбка“. — „Невольный врагъ“.	
Ларокій. — „Баловницы“.	4
„Сумерки“. — „Ревизоръ“.	5
„Лѣшій“. — „Свѣтскія затѣи“.	6

Гастроли Э. Поссарта, ст. проф. А. Н. Веселовскаго	14
„Колень въ Москвѣ“, ст. проф. А. Н. Веселовскаго.	4
„Представленія Мейнмигенской труппы“, ст. проф. А. Н. Веселовскаго.	7
„Представленія Эрнесто Росси“, ст. проф. Н. М. Стороженна и И. И. Иванова.	7

Театральный сезонъ въ Москвѣ 1899—90 г.	7
---	---

Московский лѣтній сезонъ 1890 г.	8
Петербургскій лѣтній сезонъ 1890 г.	8

Театръ г. Парадиза.

Спектакли Коклена	4
Французская оперетка.	3
Русская оперетка.	5, 9 и 10
Спектакли г-жи Жюдикъ	12

Общество Искусства и Литературы.

„Самоуправцы“, ст. И. И. Иванова	4
„Не такъ живи какъ хочется“. — „Когда-бъ онъ зналъ“	5
„Скупой рыцарь“	6
„Оперн. классъ“	6 и 7
„Безприданница“ — Спектакль г. Михеева	7
„Плоды просвѣщенія“ гр. Л. Н. Толстого	13

Частная опера.

„Отелло“, ст. Н. Д. Кашкина	6
-----------------------------	---

Императорское Русское музыкальное общество.

1 и 2 симфоническія собранія, ст. С. Н. Кругликова	3
„Лейпцигскій квартетъ“. — 3-е симфоническое собраніе. — Концертъ по поводу юбилея А. Г. Рубинштейна. — Концертъ въ пользу фонда вдовъ и сиротъ артистовъ, ст. Н. Н. — ина	4
4, 5 и 6 симфоническія собранія, ст. Н. Д. Кашкина	5
Симфон. ообр.	6 и 7
Общедоступные концерты	6 и 7
Квартетныя собранія	7
1-е симфоническ. ообр. 1890—1 г., ст. С. Н. Кругликова	10
2 симфоническое собраніе. Концертъ въ пользу фонда	11
3 и 4 симфоническія собранія 1-я орпія квартетн. собраній	12
5 и 6 симфоническія собранія. — Общедоступные концерты. — Квартетныя собранія	13
7 и 12 симфонич. собранія. Общій выводъ. Ст. С. Н. Кругликова. Концертъ въ пользу недостаточныхъ учениковъ	14

Моск. филармоническое общество.

Три первыя концерта.	4
4-й концертъ.	5
5, 6, 7 и экстренный концерты	6
8, 9 и 10 концерты. — Оперный спектакль училища.	7
1, 2 и 3 концерты 1890—1 г.	11
4 концертъ	12
5, 6, 7 и 8 концерты	13
9 и 10 концерты. Оперные и драматическія экзотическія спектакли	14

Московский Драматическій школы и ихъ результаты	7 и 14
---	--------

Общество любителей художествъ.

Общество и его выставки	6
Первая выставка этюдовъ и рисунковъ	4
Периодическая выставка	6
Выставка картинъ отаринныхъ мастеровъ	7
Мечты и размышленія по поводу общаго собранія 1890 г.	7
Вторая выставка этюдовъ	11
Конкурсъ.—Экстренное общее собраніе и X периодическая выставка	12

12-я ученическая выставка въ училищѣ живописи. 13-я	5
Выставка "передвижниковъ" въ 1890 г.	7
Выставки академическая и передвижниковъ въ 1891 г., ст. Rectus	14
Выставка картинъ г. Семирадскаго	7
Школа г. Гунсть и выставка работъ ея учениковъ	7
Парижскій салонъ 1890 г. (съ рисунк.)	12
"Милостыня" карт. Фриана	2

Галерея иностранныхъ художниковъ.

1) Бенжаменъ Констанъ (съ рисунк.)	13
--	----

Концерты.

Г-на Бижача.—Г-жи Лавровской.—Общ. для поощр. нуждъ сибирякамъ	6
А. Г. Рубинштейна	5
Г. Шостаковскаго	3
Г. Сливинскаго	7
Учениковъ г-жъ Александровой, Леоновой, Махиной и г. Кадрина	7
Г-на Брандукова, поля управленіемъ г. Колоннъ. Дѣтскій оркестръ г. Зрарскаго	13
Г. Зилотти.—"Народный".—Г-жи Миллеръ и г. Крейнъ	12
Г-жи Познанской.—Г-жи Каррено.—Концертъ итальянцевъ съ г-жей Ванъ-Зандтъ и г. Кашманомъ.—Концертъ "Сибиряковъ".—Концерты: фармацевтовъ.—г. Пахульскаго.—Ученицы и учениковъ г-жи Леоновой	14

Спектакли труппы диллюпутовъ	7
--	---

Общество для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ	7
---	---

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ *).

Петербургъ.

Сезонъ 1889—90 г.

Императорская русская опера. Искатели жемчуга Бизе, на сценѣ части русск. оперы г. Картавова.—Новости.—Ст. А. А. Филонова. Петербургъ и Москва въ театральномъ дѣлѣ.—Слухи и толки о новыхъ переимѣнахъ.—Александринскій театръ "Въ старые годы".—"Подъ властью сердца". Французская и нѣмецкая сцены.—Балетъ.—Частные и клубные театры.—ст. П. Б.—"Юдифь" Сѣрова на сценѣ русской оперы.—Два первыхъ квартетныхъ собранія.—Первое симфоническое собраніе, ст. А. А. Филонова	3
Александринскій театръ, новые и старые порядки.—Піесы гг. Тихонова и Буренна. Французская сцена Les menpouges и "La ravizienne".—Г. Бекъ, какъ новаторъ реальной комедіи.—Новый успѣхъ г-жи Лего ст. П. Б.—Первый и второй руск. симфонич. концерты,	

2 симфонич. собр. Р. Музк. Общ.—1, 2 и 3 общедоступные концерты.—Симфонич. собраніе и концерты въ честь А. Г. Рубинштейна ст. А. А. Филонова	4
50-лѣтній юбилей А. Г. Рубинштейна	4
Тревожное состояніе драматурговъ.—О драматическомъ репертуарѣ.—"Хрущевскіе помѣшники" г. Фодотова.—"Кому весело живется?" г. Крылова.—Французскій актеръ на русской сценѣ.—Французскій театръ въ декабрѣ, ст. Г.—Новая опера А. Г. Рубинштейна "Горюша", ст. А. А. Филонова	5
Упраздненіе нѣмецкой труппы.—Бенефисы г-жи Савиной и г. Свободина—"Мышенокъ".—Любительскіе спектакли въ высшемъ обществѣ.—Моск. труппа г-жи Горевой.—Французскіе и нѣмецк. театры въ январѣ.—Что мы ожидаемъ отъ поста.—Ст. Г.—Симфоническія собранія.—Концерты.—"Африканка", ст. А. А. Филонова	6
Отставка А. А. Потѣхина.—Итоги минувшаго сезона.—Пріѣздъ мейнингенской труппы и значеніе этого пріѣзда.—Что понравилось петербуржцамъ въ Мейнингенахъ.—Эриесто Росси въ семидесятыхъ годахъ и теперь.—Михайловскій театръ въ посту, ст. Г.—Симфоническія собранія.—Концерты—"Гибель Фауста" Берліоза и "Реквиемъ" Верди.—Итоги концертнаго и опернаго сезоновъ, ст. А. А. Филонова.—Академическая выставка 1890 г., ст. Rectus	7
Сезонъ 1890—1 г. Новая дирекція.—"Благородный театръ" Загоскина.—"Въ деревнѣ", ст. Г.	9
Возобновленіе "Горь отъ ума".—Текущій репертуаръ.—Публика Михайловскаго театра.—"Ученныя женщины" Мольера.—"Перекачи поле" П. П. Гнѣдича, ст. Г.—"Князь Игорь" опера Бородина, ст. С. Н. Кругликова	10
Возобновленіе "Актера Яковлева".—"Симфонія" М. И. Чайковскаго.—"Божья Коровка" П. Д. Боборыкина.—Абонементъ русской драмы.—Возобновленіе "Горькой Судьбины".—Французскій театръ, ст. Г.—Музыкальное обозрѣніе Петербурца	11
"Пиковая дама", опера П. И. Чайковскаго, ст. Н. Д. Кашинна.—"Цѣпля".—"Дѣвичій переполохъ".—"Дума-человѣкъ".—"Озимъ".—"Сестры Саморуковы", ст. Г. 3, 4 и 5 симфонич. собр.—1, 2 и 3 русск. частные симфонич. концерты.—Оперы русская и итальянская.—Квартетныя собранія.—Собранія О-ва Камерной музыки.—Разные концерты, ст. Петербуржца.—2-я декабрьская выставка общ. поощренія художествъ.—Выставка рисунковъ (Blanc et Noir).—Выставка Общ. вспомоществованія русск. художниковъ, ст. *	12
"Московскія гости".—"Облава" г. Далматова.—"Жрица искусства" г. Карпова.—"Въ неравной борьбѣ" г. Александра, ст. Г.—6, 7 и 8 симфоническія собранія Русскаго Музыкальнаго общества.—4 и 5 русск. части симфонич. концерты.—Юбилей Н. А. Римскаго-Корсакова.—Концертъ М. А. Балакирева.—Квартетныя собранія.—Собранія общ. камерной музыки.—Опера русская.—Опера итальянская.—Разные концерты, ст. Н. И. И. "Похмелье".—"Собака садовника".—Несколько словъ о Варламовѣ.—Гастроль г-жи Фодотовой.—Репертуаръ будущаго года.—Недостатки минувшаго сезона.—Французскій театръ.—Г. Гятри въ "Гамлетѣ" и "Тартюфѣ".—Пріѣздъ г-жи Дузе ст. Г.—Итоги сезона русской и итальянской оперы ст. Н. И. И. 9 и 10 симфон. собр.—6 русск. общедост.	

*) Корреспонденція за лѣтній сезонъ 1891 г., см. №№ 1—4 "Театральной Библіотеки".

концертъ. — Исполненіе музыки Берліоза ст.

Петербургъ 14

Астрахань 8, 10—14

Баку 10

Вильно 11

Владиміръ 7, 10, 14

Владикавказъ 7, 12, 13, 14

Воронежъ 5, 7, 8 10, 11, 12, 13

Дерптъ 7

Екатеринбургъ 10, 13

Елецъ 11, 13

Житомиръ 14

Зарайскъ 8

Иркутскъ 9, 12

Казань 4, 6, 8—12

Керчь 14

Кіевъ. Музыкальное Обзорѣніе, ст. В. А. Че-
чотта 1, 2, 4, 5, 6, 7, 9—14

Коломна 7

Кострома 10, 12—14

Купянкъ 6, 13

Курганъ 9

Кынъ 9

Либава 7, 14

Мстиславль 13

Нижній-Новгородъ 12—14

Немировъ 11, 13

Николаевъ 13

Новгородъ 4, 7, 9, 10, 14

Новочеркасскъ 10, 11, 12, 14

Обоянь 4

Одесса 3, 4 11, 13, 14

Орель 6 и 10

Оренбургъ 9, 10, 11, 12, 14

Очерскій заводъ 7

Пенза 12, 13, 14

Псковъ 10, 13

Полтава 10

Радинъ 13

Рига 13, 14

Ростовъ-на-Дону 7

Рязань 8

Самара 5, 14

Саратовъ 12—14

Севастополь 7

Симбирскъ 4, 5, 6, 8, 10 и 11

Симферополь 6

Скопинъ 6

Тифлисъ 3, 5, 8, 9, 11, 12, 13, 14

Томскъ 10, 13

Тюмень 9

Харьковъ 9, 10, 11, 13, 14

Ярославль 5, 6, 10, 13, 14

Ялта 6, 14

Любительство въ провинціи 4

О товариществахъ драматическихъ артистовъ 4, 8

Малороссійскія труппы 4, 8

Славянскія художественныя извѣстія 2, 4, 8

Парижскія театры, П. Д. Боборыкина 1

Кор. изъ Италіи бар. А. Биберштейнъ 4

Театральныя впечатлѣнія на Неаполитанскомъ заливѣ, (наброски туриста) В. М. Михеева 8

Изъ чешской Праги, Н. Ш. 8, 9, 11, 12, 14

БИБЛИОГРАФІА.

Литературное обзорѣніе И. И. Иванова („Брусикъ“ Щедрина, „Поумнѣль“ П. Д. Боборыкина, „На дѣйствительной службѣ“ Н. Н. Потапенко) 12

Бородинъ А. П., его жизнь, переписка и статьи 2

Булгаковъ. Альбомъ русской живописи 1

Булгаковъ. Исторія книгопечатанія и типографскаго искусства 8

Булгаковъ О. Н. Альбомъ русской живописи. — Васильевъ С. Драматическіе характеры: 1 Молча-

линь, 2 Софья, 3 Лиза. — Воспоминанія А. Я. Головачевой-Панаевой. — Уваровъ А. С. гр. Византійскій альбомъ. — *Ruysdaet. Les Paysagistes de Harlem.* — Полонскій Я. П. Вечерній звонъ 11

Вишняковъ. Фотографія съ натуры 1 и 7

Гольцевъ В. А. Обь искусствѣ 8

И. Н. Кушнеревъ и К^о. Альбомъ копій съ картинъ русскихъ художниковъ Вып. 1 1

Вып. 2 4

С. Либровичъ Пушкинъ въ портретахъ 4

Г. Moreau et son oeuvre. — Д. Т. Ленскій, воспомин. А. Н. Андреева 7

Reinach. Esquises archeologiques. — Schreiber. Kulturhistorischer Bilderatlas. — Müntz E. Histoire de l'art pendant la Renaissance. Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ. „Русскія древности въ памятникахъ искусства“ 1, 2

Мотивы орнаментовъ изд. Строгановскаго училища 8

Новицкій А. Худож. галлерей Моск. Публичн. и Румянцевскаго музея 4

Равинскій. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ 1

Кнакфусъ. Рембрандтъ. — Нинбургъ. „Русалка“ Пушкина въ иллюстраціяхъ. — „Современная Россія“. — А. Dányot. Un Siecle d'art. — Figuli. *Fantidori e Scultori in relazione con la corte di Mantova* 7

Petres P. Esquisse d'une histoire de la peinture au Musée du Louvre 8

Письма О. А. Васильева къ И. Н. Крамскому 2

Ставовъ П., Листъ, Шуманъ и Берлиозъ въ Россіи. Поповъ В. В. Цвѣта и ихъ красивыя сочетанія. Юшковъ Н. О. Къ исторіи русской оперы (Е. Б. Пиунова Шмитгофъ) 7

С. А. Юрьевъ. Нѣсколько мыслей о сценическомъ искусствѣ 1

Le theatre en Russie depuis ses origines jusqu'a nos jours, — К—нь. Письма объ искусствѣ. Нѣчто о русскомъ театрѣ. — Schlumberger G. *Un empereur bisentin au X siecle. Nicéphore Phocas. — Rupin E. L'oeuvre de Limoges.* 9

Периодическая печать о театрѣ и искусствѣ вообще 9—13

А. С. Фаминцынъ, Гусли. Русскій народный музыкальный инструментъ. — Дамъ Г. Школа для ф.-п. и собраніе пѣснь для юношества. — Полное собраніе гравюръ Рембрандта. — Покровский Н. Стѣнныя росписи въ древнихъ храмахъ греческихъ и русскихъ. — E. Gâbröl. *Yogage en Grèce. — Giraudon. Bibliothèque photographique. — Havard. Dictionnaire de l'Ameublement et de la Décoration.* 10

Гнѣдичъ П. П. Новые рассказы 11

Въ память С. А. Юрьева. Сборникъ, изданный друзьями покойнаго. — Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическ. бібліотека Ф. Павленкова. — Учебный атласъ античнаго ваянія, И. Цвѣтаева 12

Въ память С. А. Юрьева. Сборникъ, изданный друзьями покойнаго. — Н. А. Римскій-Корсаковъ. Практическій учебникъ гармоніи. — E. Grebaut. *Le Musée Egyptien.* — Новый журналъ г. Авсѣенко „Художникъ“ 13

O. Neitzel. *Der Führer durch die Oper des Teaters der Gegenwart.* — M. Hesse's. *Illustrirte Katchismen.* — A. Poorten. *Testament d'un musicien.* — Потапенка И. Н. Повѣсти и рассказы. — Эврипидъ. „Альцеста“ перев. Е. О. Шнейдеръ. — Карскій М. Б. Стихотворенія. — Щуровскій. Сборникъ національныхъ гимновъ всѣхъ государствъ 14

НОВЫЯ ПІЕСЫ: В. С. Лихачевъ: „Проучила“, „Торжество побѣдителя“, „Для мужа“, — Левъ

Ивановъ: „Солдаты мадагаскарской королевы“, „Клеопатра Египетская“, „Отдается комната“.—С. Аванасьева: „Вольныя птицы“, „Шутка“, „Супружеское счастье“.—В. Хлоостовъ: „Добродѣтельный чортъ“, „Танцующій кавалеръ“, „Интересная больная“. Бяло „Преступленіе и наказаніе“ др. въ 5 д., Д. Манюфельдъ: „Винувать актеръ“. В. Форкатти: „Мнимый Росси“, О. Ильина: „Свѣтъ погасъ“, П. Ленскій: „Изъ жизни“ 9
Вл. Тихоновъ. Комедіи. В. Сидоровъ драм. сочиненія 10
Ханеневъ Н. А. Собраніе драматическихъ сочиненій.—Булацель И. М. „Громоотводъ“ . . . 11
Глазуновъ Н. Л. 5 комич. пьесъ для дѣтскаго театра. „Мнѣ показалось“.—Дюрю и Шива „Уловки Артура“—Аврамовъ А. М. „Невѣсту собираются смотрѣть“.—Крюковский и Урайскій „Спасительный якорь“ „Замѣститель“ или Подставной мужъ“.—Уманецъ-Райская Н. П. „Что ни домъ то садомъ“.—Щегловъ И. „Не въ добрый часъ“.—Соколовичъ В. А. „Капризница жена“.—Мердеръ Н. П. „Дѣти гетмана и батько запорожцевъ“ 14

Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей.

- 1) Серьезныя комедіи 4, 9 и 10
- 2) Легкія комедіи 4, 11—14

Алфавитный списокъ пьесъ безусловно дозволенныхъ къ представленію.

Съ 1 января 1888 г. по 1 июля 1889 г. 1
Въ июль и августъ 1889 г. 2
Въ сентябрь и октябрь 1889 г. 4
Въ ноябрь и декабрь 1889 г. 5
Въ январь и февраль 1890 г. 7
Съ 1 января 1888 г. по 1 августа 1890 г. . . . 8
Въ августъ 1890 г. 9
Въ сентябрь 1890 г. 11
Въ октябрь, ноябрь и декабрь 1890 г. и январь и февраль 1891 г. 14

Уставъ Общества для пособія нуждающимся сценическимъ дѣтелямъ 2
Извлеченіе изъ отчета за 1889 г. 8
Уставъ Общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ 14
Отчетъ за 1890 г. 14
Правила о поступленіи и программа курсовъ училища при Императорскихъ Московск. театрахъ . 14
Тоже училища Московскаго Филармоническаго общества 14
Положеніе о Варшавскомъ музыкальномъ институтѣ 2
Правила о преміи А. Кирѣевскаго 9
Конкурсъ на преміи А. Рубинштейна 4
Конкурсъ на преміи г-жи Горевой 7

Открыта подписка на сезонъ 189¹/₂ г. (годъ 3-й)

и продолжается годовая на 1891 г.

на Театральный, Музыкальный и Художественный иллюстрированный журналъ

„АРТИСТЪ”.

ПРОГРАММА:

1. **Правительственныя распоряженія**, касающіяся театра и музыки. Списки пьесъ дозволенныхъ драматическою цензурою. — 2. **Драматическія произведенія**, оригинальныя и переводныя, преимущественно тѣ, которыя исполняются на столичныхъ сценахъ, съ снимками съ декораций, планами сценъ, портретами артистовъ въ гримировкѣ и костюмахъ и проч. — 3. **Либретто** оперъ и балетовъ. — 4. **Режиссерскій отдѣлъ**, постановка пьесъ, указанія авторовъ, виды и планы декораций, монтировки, костюмы (съ рисунками), статьи по гриму (съ рисунками), снимки съ извѣстныхъ артистовъ въ гримировкѣ и костюмахъ, снимки съ картинъ и портретовъ историческихъ лицъ. Виды и планы театровъ. Устройство театровъ съ чертежами и смѣтами. — 5. **Критическія статьи** по всеѣмъ вопросамъ искусства. — 6. **Историческія статьи** и очерки эпохъ, изъ коихъ взяты сюжеты для историческихъ драматическихъ произведеній, статьи по исторіи театра и друг. искусствъ, біографіи артистовъ, ихъ воспоминанія, записки, дневники, автобіографіи и проч. съ приложеніемъ портретовъ, видовъ и проч. — 7. **Хроника**, корреспонденціи, свѣдѣнія о произведеніяхъ искусства въ Россіи и на западѣ Европы, статистическія свѣдѣнія, отчеты разныхъ артистическихъ и художественныхъ обществъ и проч. — 8. **Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и пр.** — 9. Библиографія. — 10. Смѣсь. **ПРИЛОЖЕНІЯ:** а) оригинальные рисунки, снимки съ картинъ, портреты артистовъ и писателей и т. п., исполненные фототипографіею, фототипіею, автотипіею, хромолитографіею, фотохемиграфіею и фотоцинкографіею и б) **музыкальныя произведенія** для пѣнія и игры на инструментахъ: отрывки изъ оперъ, романсы и проч.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Влад. Александровъ, Н. О. Арбенинъ, А. С. Аренскій, К. С. Баранцевичъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, проф. А. Н. Веселовскій, А. А. Веселовская, проф. П. Г. Виноградовъ, Н. С. Генкинъ, А. К. Глазуновъ, П. П. Гнѣдичъ, кн. Д. П. Голицынъ, (Муравлинъ), В. А. Гольцевъ, И. Н. Грековъ, И. Я. Гурляндъ, В. Е. Ермиловъ, И. И. Ивановъ, А. А. Ильинскій, Н. В. Казанцевъ, А. Н. Канаевъ, Н. Д. Кашкинъ, В. Г. Короленко, Н. А. Котляревскій, С. Н. Кругликовъ, В. А. Крыловъ (Александровъ), А. О. Крюковской, О. А. Куманинъ, А. С. Кушнеревъ, Ц. А. Кюи. М. И. Лавровъ, И. Н. Ладыженскій, О. Я. Левенсонъ, И. Л. Леонтьевъ (Щегловъ), проф. И. А. Линниченко, А. П. Лукинъ, Н. С. Лѣсковъ, А. К. Лядовъ, Д. Н. Маминъ (Сибирякъ), Э. Э. Маттернъ, Г. А. Мачтетъ, Д. С. Мережковскій, В. М. Михеевъ, К. В. Назарьева, Э. Ф. Направникъ, П. М. Невѣжинъ, Е. С. Некрасова, Влад. И. Немировичъ-Данченко, Ф. Д. Нефедовъ, А. П. Новицкій, проф. Н. А. Осокинъ, В. П. Острогорскій, А. Н. Плещеевъ, И. Н. Потапенко, Г. А. Рачинскій, Н. А. Римскій-Корсаковъ, М. Н. Розановъ, М. П. Садовскій, И. А. Саловъ, А. А. Симонъ, А. Н. Сиротининъ, проф. Н. И. Стороженко, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), С. Н. Терпигоревъ (Атава), А. А. Тихоновъ (Луговой), проф. Н. С. Тихонравовъ, кн. А. И. Урусовъ, А. А. Филоновъ, П. И. Чайковскій, М. И. Чайковскій, А. П. Чеховъ, В. А. Чечоттъ, О. Н. Чюмина, К. С. Шиловскій, И. В. Шпажинскій, В. Р. Щиглевъ, С. Ф. и А. А. Оелотовы и друг. **Художники:** А. Е. Архиповъ, В. Н. Бакшеевъ, О. А. Бронниковъ, С. А. Виноградовъ, С. С. Голоушевъ, С. В. Ивановъ, А. А. Киселевъ, бар. М. П. и Н. А. Клодтъ, К. А. Коровинъ, А. П. Ленскій, В. Е. Маковскій, Н. В. Невревъ, М. В. Нестеровъ, В. В. Переплетчиковъ, Л. О. Пастернакъ, В. Д. Полѣновъ, Д. П. Поляковъ, И. Е. Рачковъ, И. Е. Рѣпинъ, Г. О. Рыбаковъ, А. С. Степановъ, К. А. Трутовскій, И. И. Шишкинъ, С. И. Ягужинскій, Г. О. Ярцевъ и друг.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно въ теченіе зимняго сезона (7 разъ въ годъ съ сентября по апрѣль) книжками большаго формата.

Подписная цѣна за годъ 9 руб., съ пересылкою и доставкою 10 руб., за границу 12 руб.

Для лицъ, подписавшихся въ редакціи, допускается РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 4 руб., послѣ полученія каждой изъ первыхъ 2 книжекъ по 2 руб. и послѣ 3-й—остальныя деньги.

Подписка принимается на 7 книгъ съ января на годъ или съ сентября на сезонъ.

Отдѣльные номера по 2 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются съ платою за каждый разъ 25 руб. за цѣлую страницу; 15 руб за половину; 10 р. за $\frac{1}{4}$ и 5 р. за $\frac{1}{8}$ страницы.

Подписка принимается и отдѣльные номера продаются въ конторѣ редакціи (Москва, Кудринская Садовая, д. Бартельсъ), въ отдѣленіяхъ конторы: въ кн. маг. „Новога Времени“, г. Прянишникова и Т-ва Вольфъ и въ конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи) и кромѣ того въ книжной лавкѣ Московскаго Большаго театра, въ театральной библиотекѣ Е. Н. Разсохиной и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ, музыкальныхъ и эстампныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ; въ Кіевѣ у г. Оглоблина; въ Казани у г. Дубровина; въ Костромѣ у г. Бекенева; въ Варшавѣ у г. Карбасникова; въ Орлѣ и Курскѣ у г. Кашкина.

Кромѣ того отдѣльные ММ продаются въ кіоскахъ на станціяхъ жел. дор.: въ С.-Петербургѣ (на Николаев., Варшав. и Балтійск.); въ Москвѣ (на Николаев., Нижегород. и Рязанск.); въ Варшавѣ (на Петерб.); Вологое, Владиміръ, Витебскъ, Вильно, Владикавказъ, Динабургъ, Екатеринославъ, Елисаветградъ, Ессентуки, Екатеринодаръ, Желѣзноводскъ, Златоустъ, Калуга, Кременчугъ, Кисловодскъ, Минеральныя воды, Нижн.-Новгородъ, Пенза, Пятигорскъ, Полтава, Псковъ, Рига, Рязань, Ростовъ-на-Дону, Сызрань, Смоленскъ, Тула, Тверь, Уфа и Чудово.

Иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.

Отъ редакціи.

Редакція и контора (Москва, Кудринская Садовая, домъ Бартельсъ) открыта ежедневно, отъ 11 до 3-хъ часовъ дня, а по воскресеньямъ отъ 12 до 1 часу.—Личныя объясненія съ редакторомъ по четвергамъ отъ 12 до 1 дня.—Редакція отвѣчаетъ только на тѣ письма, къ которымъ приложены почтовые марки.

За перемѣну адреса уплачивается 25 коп. Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ иногороднимъ подписчикамъ, которые присылкаютъ при высылкѣ подписки—19 коп. почтовыми марками.

Жалобы на неполученіе какой-либо книги журнала обращаются исключительно въ редакцію, съ указаніемъ номера, напечатаннаго на адресѣ подписчика и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала не была получена.—Жалобы должны быть сообщаемы въ редакцію не позже полученія слѣдующей книги.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка по 50 коп. съ годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставленнымъ ими подпискамъ не допускается.

Доставленныя въ редакцію статьи должны быть подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ.—Статьи, присланныя въ редакцію безъ обозначенія условій гонорара, считаются безплатными.—Гонораръ уплачивается только за статьи уже напечатанныя въ журналѣ и уплачивается по истеченіи двухъ недѣль со дня выхода книжки. Авансы не выдаются.—Сочиненія, принятые для напечатанія въ журналѣ, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію.—Сочиненія, признанныя редакціей неудобными къ помѣщенію въ журналѣ, возвращаются авторамъ безъ объясненія причинъ.—Обратная пересылка такихъ произведеній ихъ авторамъ производится на счетъ авторовъ.—Сочиненія признанныя редакціей неудобными для напечатанія въ журналѣ, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ и затѣмъ уничтожаются; мелкія же статьи, объемомъ менѣ печатнаго полулиста нашего журнала, храненію не подлежатъ.

Правомъ безплатнаго полученія журнала пользуются только постоянные сотрудники

Гг. артисты, ищущіе ангажемента, благоволятъ прислать въ редакцію свои заявленія, которыя будутъ безплатно печататься въ нашемъ журналѣ.

Издатель **В. А. Куманинъ.**

Отвѣтственный редакторъ **И. И. Петровъ.**